СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ВЪ ЧЕСТЬ

Матвѣя Кузьмича Любавскаго.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ВЪ ЧЕСТЬ

Матвѣя Кузьмича Любавскаго

ПРИ УЧАСТІИ:

Д. Багалѣя, Е. Барсова, С. Бахрушина, М. Богословскаго, С. Богоявленскаго, И. Бороздина, В. Бочкарева, Р. Брандта, С. Бѣлокурова, С. Веселовскаго, А. Гнѣвушева, Ю. Готье, А. Грушка, Д. Егорова, А. Кабанова, М. Клочкова, Д. Кончаловскаго, С. Котляревскаго, И. Лаппо, В. Мальмберга, А. Орлова, В. Пичеты, С. Платонова, В. Покровскаго, В. Протопопова, С. Рождественскаго, И. Рябинина, В. Саввы, Л. Савелова, А. Савина, А. Соболевскаго, С. Соболевскаго, К. Стратонитскаго, Л. Сухотина, Б. Тураева, К. Успенскаго, А. Филиппова, Н. Чечулина, С. Шамбинаго, Н. Щербакова, В. Эйнгорна, А. Яковлева.

Съ портретомъ М. К. Любавскаго
и 2 таблицами.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

54550

Дозволено военною цензурою. Птгр., 25 февраля 1917 г.
Тип. Б. Д. Брукера, (Екатерин. кан., 94).

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ

ВЪ ЧЕСТЬ

Матвѣя Кузьмича Любавскаго

ПРИ УЧАСТІИ:

Д. Багалѣя, Е. Барсова, С. Бахрушина, М. Богословскаго, С. Богоявленскаго, И. Бороздина, В. Бочкарева, Р. Брандта, С. Бѣлокурова, С. Веселовскаго, А. Гнѣвушева, Ю. Готье, А. Грушка, Д. Егорова, А. Кабанова, М. Клочкова, Д. Кончаловскаго, С. Котляревскаго, И. Лаппо, В. Мальмберга, А. Орлова, В. Пичеты, С. Платонова, В. Покровскаго, В. Протопопова, С. Рождественскаго, И. Рябинина, В. Саввы, Л. Савелова, А. Савина, А. Соболевскаго, С. Соболевскаго, К. Стратонитскаго, Л. Сухотина, Б. Тураева, К. Успенскаго, А. Филиппова, Н. Чечулина, С. Шамбинаго, Н. Щербакова, В. Эйнгорна, А. Яковлева.

Съ портретомъ М. К. Любавскаго
и 2 таблицами.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

М. Любавскій.

Фот. П. Павло

Глубокоуважаемый и дорогой

Матвей Кузьмичъ!

Передъ наступленіемъ въ 1914 г. тридцатилѣтія Вашей ученой и педагогической дѣятельности, среды Вашихъ друзей возникла мысль поднести Вамъ въ этотъ знаменательный для Васъ день сборникъ своихъ произведеній. Къ сожалѣнію, техническія затрудненія, вызванныя начавшеюся войною, помѣшали окончить задуманное предпріятіе и поднести Вамъ книгу, посвященную Вашему имени, въ предназначенный срокъ.

Въ Вашемъ лицѣ мы чтимъ крупнаго русскаго ученаго, своими трудами въ наукѣ русской исторіи создавшаго новую область, открывшаго для научнаго изслѣдованія богатые источники исторіи Западной Руси и ставшаго главой школы изслѣдователей въ этой области. Мы чтимъ въ Васъ профессора, строго берегущаго и дѣятельно умножающаго великое научное и нравственное наслѣдіе издавна славной каѳедры русской исторіи въ Московскомъ университетѣ. Мы цѣнимъ въ Васъ добраго товарища по работѣ, всегда отзывчиваго, всегда готоваго оказать поддержку и помощь и дать добрый совѣтъ.

Какъ данъ нашего искренняго и глубокаго уваженія къ Вамъ и Вашей ученой дѣятельности, дорогой Матвѣй Кузьмичъ, мы просимъ Васъ принять этотъ Сборникъ съ горячимъ пожеланіемъ продолженія на многіе годы неутомимой и плодотворной работы для русской науки.

Списокъ трудовъ Матѣя Кузьмича Любавскаго.

1890 г.

Учебные планы и программы французскихъ классическихъ школъ. („Русскія Вѣдомости“, №№ 182, 186 и 193).

1892 г.

Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго Статута. Историческіе очерки. Очерки I и II. („Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“, кн. III и IV, стр. VIII+296).

1893 г.

То-же. Очерки III и IV. (Тамъ-же, кн. III и IV, стр. 297—884+C+VI).

То-же въ отдѣльномъ изданіи. Москва. Стр. VIII+884+C+VI. (Сочиненіе удостоено премій—Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ имени Г. Ѳ. Карпова и Императорской Академіи Наукъ имени графа Уварова).

1894 г.

Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ. („Журн. Мин. Нар. Просв.“, 8, стр. 348—394, и отдѣльно СПБ., стр. 49).

1895 г.

Начальная исторія малорусскаго казачества. („Журн. Мин. Нар. Просв.,“ 7, стр. 217—244).

О распредѣленіи владѣній и объ отношеніяхъ между великими и другими князьями Гедиминова рода въ XIV и XV вв. („Изданія Историческаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. Рефераты, читанные въ 1895 году“, М., стр. 68—98, и отд. стр. 31).

1898 г.

Новый трудъ по внутренней исторіи Литовской Руси: „А. Ярушевичъ—Ревнитель православія князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (1460—1530 гг.) и православная Литовская Русь въ его время. Смоленскъ, 1897 г.“ („Журн. Мин. Нар. Просв.“, 7, стр. 174—215).

1899 г.

Нѣмецкая колонизація и новое сельское и городское устройство въ Польшѣ. („Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ", подъ редакціею проф. П. Г. Виноградова. М., вып. III, стр. 427—447).

Польскій король Казимиръ Великій. (Тамъ-же, стр. 448—470).

Нешавскіе статуты Казимира Ягеллончика и значеніе ихъ въ исторіи государственнаго развитія Польши. (Тамъ же, стр. 471—497).

М. С. Корелинъ, какъ преподаватель средней школы. „Русская Мысль", 10, стр. 124—136).

Еще о книгѣ г. Ярушевича „Князь Константинъ Ивановичъ Острожскій". („Журн. Мин. Нар. Просв." 11, стр. 158—172).

1900 г.

Литовско-Русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. Главы I—V. („Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Др. Рос.", кн. I, стр. 1—508).

1901 г.

То-же Главы VI—VII. (Тамъ-же, кн. I и III, стр. 509—850+232+LXXII).

То же въ отдѣльномъ изданіи. М. Стр. 850+232+LXXII.

Литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга о событіяхъ Смутнаго времени. („Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Др. Рос.", кн. I, и отд. М., стр. IV+16).

Учебная часть въ Маріинскомъ Училищѣ за послѣдніе двадцать пять лѣтъ. (Въ книгѣ „Пятидесятилѣтіе Маріинскаго Женскаго Училища". М. стр. 29—43).

1902 г.

Рецензія на сочиненіе И. И. Лаппо: „Великое княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской уніи до смерти Стефана Баторія (1569—1586 гг.)". („Журн. Мин. Нар. Просв.", 3, стр. 486—502).

Феодализмъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ. („Энцикл. Слов. Брокгауза-Ефрона", т. XXXV, стр. 550—552).

1903 г.

Новые труды по исторіи Литовско-Русскаго сейма. („Журн. Мин. Нар. Просв.", 2, стр. 379—393, и 3, стр. 121—167).

1904 г.

Отзывъ о сочиненіи М. В. Довнаръ Запольскаго: „Государственное хозяйство великаго княжества Литовскаго при Ягеллонахъ", составленный

по порученію Императорской Академіи Наукъ. (Изъ „Отчета о присужденіи преміи П. Н. Батюшкова“, отд. оттискъ, СПб. стр. 59).

Рецензія на книгу І. Малиновскаго „Рада великаго княжества Литовскаго въ связи съ боярской думой древней Руси“. („Научное Слово“, 7, стр. 135—137).

1907 г.

Отзывъ о сочиненіи М. В. Довнаръ-Запольскаго: „Очерки по организаціи западно-русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ“, составл. по порученію Акад. Наукъ. (Изъ „Отчета о присужденіи преміи П. Н. Батюшкова“, отд. оттискъ, СПб., стр. 50).

1908 г.

Отзывъ о сочиненіи А. В. Стороженко: „Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе казаки“, составл. по порученію Акад. Наукъ. (Изъ „Отчета о сорокъ восьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова“, отд. от., СПб., стр. 41).

1909 г.

Рецензія на сочиненіе: А. Е. Преснякова: „Княжое право въ древней Руси“. („Критическое Обозрѣніе“, вып. III, стр. 60—66).

Возвышеніе Москвы. (Въ изданіи т-ва „Образованіе“ — „Москва въ ея прошломъ и настоящемъ“, вып. I. М., стр. 66—74).

Александръ Сергѣевичъ Бѣлкинъ († 17 іюля 1909 г.). „Вопросы философіи и психологіи“, октябрь, стр. I—X).

Къ вопросу о политическихъ правахъ православныхъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ до Люблинской уніи. (Сборникъ въ честь В. О. Ключевскаго. М., стр. 1—17).

1910 г.

Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно. Съ приложеніемъ текста хартій, выданныхъ великому княжеству Литовскому и его областямъ. Изд. Импер. Общ. Ист. и Др. Рос. М. Стр. 376 + II.

Рецензія на сочиненіе М. М. Богословскаго: „Земское самоуправленіе на русскомъ Сѣверѣ въ XVII вѣкѣ“. („Журн. Мин. Нар. Просв.“ 4, стр. 395—419).

Программы по предмету исторіи и объяснительныя къ нимъ записки. (Совмѣстно съ И. Н. Бороздинымъ). (Въ книгѣ „Учебные планы, примѣрныя программы и объяснительныя къ нимъ записки Московской гимназіи имени И. и А. Медвѣдниковыхъ“. М., стр., 104—141).

1911 г.

Начало закрѣпощенія крестьянъ. (Въ сборникѣ „Великая реформа“. Изд. Сытина, М., т. I, стр. 1—13).

Великій князь Константинъ Николаевичъ. (Въ сборникѣ: „Освобожденіе крестьянъ, Дѣятели реформы". Изд. „Научное Слово". М., стр. 89—114).

Посѣдные бояре въ Жмудской землѣ въ XVI вѣкѣ. (Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову. СПб., стр. 439—449).

1912 г.

В. О. Ключевскій. Некрологъ. („Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Императорскаго Московскаго Университета за 1911 годъ". М., стр. 1—47).

В. О. Ключевскій, Некрологъ. (Въ книгѣ „В. О. Ключевскій, Характеристики и воспоминанія". Изд. „Научное Слово". М., стр. 5—25).

Соловьевъ и Ключевскій. (Тамъ же, стр. 45—58).

XVIII вѣкъ и Ломоносовъ. (Въ книгѣ „Празднованіе двухсотлѣтней годовщины рожденія М. В. Ломоносова Императорскимъ Московскимъ Университетомъ". М., стр. 1—16).

Александръ I и Польша. (Въ сборникѣ: „Отечественная война и русское общество". Изд. Сытина. М. Т. VII, стр. 88—104).

Царство Польское и его конституція („Книга для чтенія по исторіи новаго времени", т. III, стр. 687—710).

Московскій университетъ въ 1812 году. („Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Др. Рос.", кн. IV, стр. 1—68, и отд. М., стр. 68).

1913 г.

Accession of the Romanows, 1613. („The Russian Review», February, p. 11—31).

Царствованіе Павла I. (Въ сборникѣ „Три вѣка". Изд. Сытина. М., т. V, стр. 77—93).

Отзывъ о сочиненіи И. И. Лаппо: „Великое княжество Литовское во 2-й половинѣ XVI столѣтія. Литовско-русскій повѣтъ и его сеймикъ". („Чтенія въ Импер. Общ. Ист. и Др. Рос.", кн. IV, стр. 1—17).

Вступительное слово при открытіи торжественнаго засѣданія въ память 300-лѣтія царствованія Дома Романовыхъ. (Тамъ-же, стр. 5—7).

1914 г.

В. О. Ключевскій († 12 мая 1911 г.). Біографическій очеркъ. („Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос.", кн. I., стр. 1—34).

С. М. Соловьевъ и В. О. Ключевскій. (Тамъ-же, стр. 41—52).

Leo Sapieha on the Time of Troubles («The Russian Review», May, p. 47—59).

Историческія судьбы славянства. („Экскурсіонный Вѣстникъ", кн. 3, стр. 5—19).

Наступленіе на степь. (Въ книгѣ „Комиссія по устройству чтеній для учащихся выпускныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Московскаго Учебнаго Округа. Лекціи, читанныя въ 1913-1914 году". М., стр. 65—94).

1915 г.

Лекціи по древней русской исторіи до конца XVI в. М., стр. IV+306—VI.

Отзывъ о сочиненіи И. И. Лаппо: „Великое княжество Литовское во второй половинѣ XVI столѣтія“, составл. по порученію Акад. Наукъ („Отчетъ о пятьдесятъ четвертомъ присужденіи наградъ гр. Уварова“. Петроградъ. Стр. 67—83).

О значеніи переживаемаго нынѣ историческаго момента. („Хожденіе по Руси и за рубежъ“. „Экскурсіонный Вѣстникъ“, кн. 3. стр. 3—9).

Имѣются студенческія литографированныя изданія слѣдующихъ курсовъ, читанныхъ М. К. Любавскимъ въ Университетѣ и на Высшихъ Женскихъ Курсахъ: „Древняя русская исторія“, „Исторія Россіи въ XVII и первой четверти XVIII в.“, „Русская исторія XVIII в.“. „Историческая географія Россіи въ связи съ исторіей русской колонизаціи“, „Исторія западныхъ славянъ.“ За исключеніемъ курсовъ по исторической географіи Россіи и исторіи западныхъ славянъ, составленныхъ по запискамъ лектора, остальные курсы представляютъ студенческія записи, не редактированныя профессоромъ.

Подъ наблюденіемъ М. К. Любавскаго вышло въ изданіи Историко-Филологическаго Факультета Московскаго Университета „Соборное Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича“ (М. 1907), спеціально пріуроченное къ практическимъ занятіямъ по русской исторіи.

И. Бороздинъ.

М. Клочковъ.

Наказъ Императрицы Екатерины II въ судебной практикѣ.

Наказъ Императрицы Екатерины II съ давняго времени вызывалъ къ себѣ особый интересъ со стороны изслѣдователей, благодаря чему литература по изученію Наказа въ настоящее время весьма значительна [1]). Но въ своей главной части она преимущественно, если не исключительно, вращается въ области содержанія Наказа, касаясь тѣхъ философскихъ, правовыхъ и нравственныхъ идей, которыя заключаются въ 22 главахъ Наказа, а также въ области изученія источниковъ, тѣхъ богатыхъ сокровищницъ западно-европейской мысли, изъ которыхъ Императрица щедрою рукою брала отдѣльныя жемчужины, нанизывая ихъ на свои собственныя нити [2]). Несмотря на многочисленныя работы по Наказу, еще оставалась область, куда въ слабой степени проникалъ взоръ изслѣдователей. Таковы вопросы о вліяніи Наказа на послѣдующее русское законодательство и о значеніи его въ судебной практикѣ.

Что касается вопроса о вліяніи Наказа на судебную практику, то слѣдуетъ отмѣтить, что изслѣдователи обычно обходили его молчаніемъ, какъ будто Наказъ, озаривъ своимъ яркимъ свѣтомъ идейную сферу, въ практикѣ жизни прошелъ безслѣдно. Лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ проф. Г. С. Фельдштейнъ коснулся его въ своей книгѣ: „Главныя теченія въ исторіи науки уголовнаго права въ Россіи“ [3]), но, къ сожалѣнію, кромѣ нѣсколь-

---

[1]) См. Фельдштейнъ, Г. С. Главныя теченія въ исторіи науки уголовнаго права въ Россіи. Ярославль, 1909 г., стр. 102—108.

[2]) Тарановскій, Ѳ. В. Политическая доктрина въ Наказѣ Имп. Екатерины II (Сборникъ статей, посвящен. М. Ф. Владимірскому-Буданову. Кіевъ, 1904, стр. 86).

[3]) Здѣсь читаемъ: „Наказъ оказалъ въ высшей степени благотворное дѣйствіе на уголовную практику въ Россіи. Своими гуманными идеалами они оказался цѣннымъ источникомъ струи милосердія, въ которой такъ сильно

кихъ общихъ фразъ, ничего фактическаго и опредѣленнаго не далъ по этому вопросу, тогда какъ приговоры судебныхъ мѣстъ конца XVIII и начала XIX вѣка даютъ для этого весьма обширный матеріалъ.

Въ настоящее время вопросъ этотъ, видимо, стоитъ на очереди. Показателемъ можетъ служить, напр., то обстоятельство, что рецензентъ недавно вышедшей работы о Наказѣ Fr. Andreae— г. Флоровскій ставитъ автору книги въ вину „одинъ существенный пробѣлъ", именно то, что Fr. Andreae не разобралъ вопроса о вліяніи Наказа на законодательство и судебную практику [1]). Самъ г. Флоровскій даетъ нѣсколько архивныхъ ссылокъ на матеріалы, частично освѣщающіе затронутую тему [2]).

Не ставя широкихъ задачъ по изученію роли Наказа въ судебной практикѣ, я, пользуясь нѣкоторыми дѣлами, хранящимися въ Сенатскомъ архивѣ, хотѣлъ бы лишь указать на нѣсколько частныхъ случаевъ конца XVIII и начала XIX вѣка, въ которыхъ Наказъ служилъ основаніемъ судебнаго приговора, и тѣмъ предполагалъ бы обратить вниманіе нашихъ историковъ-юристовъ на эту область, достойную тщательнаго изученія.

Казалось, что Наказъ Императрицы Екатерины II не долженъ былъ отразиться на судебной практикѣ, такъ какъ онъ не былъ закономъ, опубликованнымъ въ качествѣ обязательной нормы.

нуждалась жестокая дѣйствительность. То обстоятельство, что истины, высказанныя въ немъ, прошли, по крайней мѣрѣ формально, черезъ горнило оцѣнки свыше, обезпечивало имъ признаніе цѣлесообразности ихъ для примѣненія къ отдѣльнымъ практическимъ случаямъ. Сослаться на Наказъ, такимъ образомъ, было не только безопасно, но и практически необходимо для умѣренія жестокости, которая царила въ области уголовной практики и къ ограниченію которой всегда стремилась чуткая совѣсть судьи" (Главныя теченія въ исторіи науки уголовнаго права. Ярославль, 1909 г., стр. 100; ср. „Уголовно-правовыя идеи Наказа Екатерины II и ихъ источники". Ярославль, 1909, стр. 3).

[1]) Рецензія г. Флоровскаго на книгу: „Friedrich Andreae, Beiträge zur Geschichte Katharinas II. Die Instruction vom Jahre 1767 für die Kommission zur Abfassung eines neuen Gesetzbuches." Berlin. 1912 г. (Ж. М. Н. П., 1914, мартъ, критика и библіографія, 188—196).

[2]) Нѣкоторыми ссылками г. Флоровскаго я воспользовался въ данной статьѣ. Впрочемъ, долженъ отмѣтить, что изъ пяти ссылокъ г. Флоровскаго на книги именныхъ указовъ Сенатскаго архива двѣ представляются излишними, такъ какъ онѣ указываютъ на тексты, уже извѣстные въ печати: въ кн. 125 на л. 56 помѣщенъ указъ отъ 15 янв. 1768 г., напечатанный въ П. С. З. (№ 13054) и приведенный въ извлеченіи Н. Д. Чечулинымъ (см. предисловіе къ Наказу, въ изд. Академіи Наукъ, стр. CXLVIII); въ кн. 132, на л. 208 помѣщенъ указъ 26 марта 1772 г. по поводу ареста Ѳедора Сукина, напечатанный въ Сборн. Рус. Ист. Общ., т. XIII, 228—229, и приведенный въ своей главной части въ нижеуказанной статьѣ проф. В. С. Иконникова.

Какъ сама Екатерина смотрѣла на свой Наказъ, ясно видно изъ ея „Записокъ", въ которыхъ сообщается, что она „запретила" на Наказъ „инако смотрѣть, какъ единственно онъ есть: т. е. правила, на которыхъ основать можно мнѣніе, но не яко законъ, и для того по дѣламъ не выписывать, яко законъ" [1]). Въ указѣ (24 сент. 1769 года), изданномъ по поводу разсылки Наказа по правительственнымъ учрежденіямъ, прямо говорилось, чтобы экземпляры Наказа въ учрежденіяхъ „содержаны были единственно для свѣдѣнія однихъ тѣхъ мѣстъ присутствующихъ" [2]).

Однако, въ виду того, что Наказъ шелъ съ высоты престола, предлагался въ качествѣ руководства при составленіи проекта новаго уложенія, и сама вѣнценосная составительница этого памятника гордилась имъ, а иногда украшала цитатами изъ Наказа свои указы, рескрипты и резолюціи, естественно было и то, что какъ учрежденія, такъ и должностныя лица въ удобныхъ случаяхъ стали ссылаться на правила Наказа, какъ въ чисто административныхъ дѣлахъ, такъ и въ судебныхъ.

Вліяніе Наказа на судебную практику Екатерининскаго царствованія началось съ первыхъ же лѣтъ послѣ опубликованія Наказа и направлялось прежде всего на смягченіе суровыхъ формъ процесса по уголовнымъ и важнѣйшимъ политическимъ дѣламъ, по которымъ слѣдствіе обычно сопровождалось пытками и тѣлесными истязаніями. Статья 123 Наказа рѣшительно вооружается противъ пытокъ; въ ней читаемъ: „Употребленіе пытки противно здравому естественному разсужденію: само человѣчество (l'humanité) вопіетъ противъ оныя, и требуетъ, чтобы она была вовсе уничтожена" (ср. статью 124). Противъ пытки направлены и другія статьи Наказа (X главы статьи 192 — 197), которыя говорятъ о несправедливости мученій при производствѣ слѣдствій и разсматриваютъ пытку, какъ „надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго".

Уже въ 1767 году (ноября 13-го) Императрица Екатерина II повелѣла послать изъ Сената секретныя предписанія о томъ, чтобы „губернаторы впредь до указа въ дѣлахъ, доходящихъ до пытки, основывали свои резолюціи о изысканіи доказательства и облики на правилахъ X главы Наказа", разосланнаго губернаторамъ при томъ же указѣ по одному экземпляру [3]). Но такъ какъ,

[1]) „Записки Императрицы Екатерины Второй". Изданіе А. С. Суворина. Спб., 1907 г., стр. 545.

[2]) П. С. З., т. XVIII, № 12977.

[3]) Объ этомъ узнаемъ изъ указа военной коллегіи отъ 1-го янв. 1782 г. (П. С. З., № 15313).

несмотря на предписанія, пытки, батоги, плети и другія тѣлесныя истязанія въ отдѣльныхъ случаяхъ при судѣ и слѣдствіи продолжались, то въ 1774 году (8-го ноября) состоялось новое Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы въ губернскихъ судахъ „ни подъ какимъ видомъ при допросахъ никакихъ тѣлесныхъ истязаній никому дѣлано не было“, но въ изысканіи истины поступали „по правиламъ X главы Комисскаго Наказа“ [1]). А 1-го янв. 1782 года предписано было и военнымъ судамъ (кригсрехтамъ) не употреблять при производствѣ дѣлъ ни пытокъ, ни „пристрастныхъ разспросовъ“, „не сходствующихъ ни мало съ человѣколюбіемъ“ Императрицы. Подробный разборъ правительственныхъ распоряженій за вторую половину XVIII вѣка въ связи съ судебной практикой, относящейся къ разнымъ мѣстностямъ Россійской Имперіи, привелъ изслѣдователя этого вопроса, проф. Иконникова, къ тому несомнѣнному выводу, что въ царствованіе Екатерины II правительственною властью пытки были отмѣнены и эта отмѣна коснулась также и вновь присоединенныхъ отъ Польши губерній, гдѣ онѣ имѣли мѣсто въ силу Литовскаго статута [2]). Въ этомъ слѣдуетъ видѣть торжество идей Екатерининскаго Наказа.

Но не только общія распоряженія относительно производства суда давались на основаніи Наказа, случалось, что правила Наказа примѣнялись при разсмотрѣніи частныхъ дѣлъ. Въ сохранившейся запискѣ, подъ заголовкомъ: „Какія дѣла въ Прав. Сенатѣ по Наказу, данному Комиссіи сочиненія проекта новаго уложенія, рѣшены были“, на первомъ мѣстѣ поставлено разсмотрѣнное 2-го іюня 1768 г. въ первомъ департаментѣ, „дѣло о доносителяхъ, канцеляристѣ Бѣлецкомъ и дворцовомъ крестьянинѣ Поповѣ, на раскольниковъ въ чинимыхъ ими развратахъ“. По этому дѣлу доносители, не указывая точно ни преступниковъ противъ святой церкви, ни свидѣтелей, требовали лишь команды „для заарестованія домовъ тѣхъ, на кого они показывать станутъ“. Сенатъ же, разсмотрѣвъ это дѣло, не счелъ нужнымъ признать показанія доносителей „вѣроятія достойными“, такъ какъ подобные доносчики „иногда по невѣжеству своему, а иногда и по какой-либо злобѣ или же изъ корысти могутъ причинить безчестіе честнымъ и неподозрительнымъ людямъ“, тогда какъ генеральный регламентъ въ XIX главѣ предписываетъ „слѣдовать общенарод-

[1]) Тамъ-же

[2]) В. Иконниковъ, Страница изъ исторіи Екатерининскаго Наказа (Объ отмѣнѣ пытки въ Россіи)—Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца, Кн. V. Кіевъ, 1891 г., стр. 11—35.

ному праву“ (приводить въ подтвержденіе доноса „свидѣтелей и новые доводы крѣпкіе“), „да и въ Наказѣ, данномъ о сочиненіи проекта новаго уложенія, повелѣно—крѣпкую въ томъ имѣть предосторожность по изображенію 102, 103, 161, 162 и 163 статей“. Въ виду этого Сенатъ, „не утверждаясь“ на показаніи доносителей, рѣшилъ поступить съ ними по точному генеральнаго регламента XIX гл. предписанію (т. е. возвратить имъ ихъ доносъ) и дать дѣлу законный ходъ только тогда, когда доносители „о именахъ преступниковъ покажутъ“ [1]), съ подтвержденіемъ, очевидно, своего доноса свидѣтельскими показаніями и другими доводами.

Въ этомъ дѣлѣ Сенатъ, при рѣшеніи вопроса, имѣлъ въ виду генеральный регламентъ и Наказъ, которымъ, по словамъ выписки изъ сенатскаго опредѣленія, „повелѣно“ крѣпкую имѣть предосторожность при доносахъ, но, поставивъ регламентъ и Наказъ въ одинъ рядъ, Сенатъ тѣмъ не менѣе въ послѣдней резолютивной части своего опредѣленія въ качествѣ формальнаго обоснованія приводилъ лишь XIX главу генеральнаго регламента, опуская ссылку на статьи Наказа. Здѣсь еще проводится грань между закономъ въ видѣ регламента и Наказомъ, какъ „правилами“, на которыхъ, по словамъ Екатерины II, основать можно мнѣніе; хотя слово „повелѣно“ приближаетъ эти „правила“ къ понятію закона.

Если же обратиться отъ формальной стороны къ вопросу по существу, то слѣдуетъ отмѣтить, что Сенатъ въ данномъ случаѣ слѣдовалъ гуманнымъ принципамъ, проводимымъ въ Наказѣ: не вѣрить случайнымъ доносамъ, требовать при отправленіи правосудія „многотрудныхъ (scrupuleuses) испытаній“ (ст. 102), не посягать на свободу человѣка, не брать подъ стражу по одному подозрѣнію, а лишь въ томъ только случаѣ, „когда вѣроятно, что гражданинъ въ преступленіе впалъ“, и на лицо имѣются опредѣленные „знаки преступленія“ (ст. 161—163 Наказа).

Укажу еще на частное дѣло, разсмотрѣнное 2-мъ департаментомъ Сената, повидимому, въ 1772 году, о тяжбѣ князей Бориса и Василія Голицыныхъ съ княгиней Натальей Хованской изъ-за недвижимаго имѣнія. Въ этомъ процессѣ сенаторъ гр. М. К. Скавронскій подалъ особое мнѣніе, въ которомъ заявлялъ, что въ Наказѣ Императрицы „въ статьѣ 129 точно предписано“, чтобы приговоры судебные были „сколь возможно, ясны и тверды“ [2]).

---

[1]) Императорская Публичная Библіотека, Эрмитаж. рукописи, № 35 (а въ ней № 1).

[2]) Скавронскимъ сдѣлана выписка всего текста 129 статьи Наказа.

Здѣсь любопытно то, что сенаторъ Скавронскій полагалъ, что разъ такой-то статьей Наказа что-либо „предписано", то это слѣдуетъ непремѣнно исполнять.

Разсмотрѣніе частныхъ дѣлъ, къ которымъ стали примѣняться статьи Наказа, приводило иногда къ изданію общаго узаконенія. Въ этомъ смыслѣ любопытно слѣдующее дѣло. Въ Бѣлогородской Губернской Канцеляріи въ началѣ 70-хъ годовъ оказалось много такихъ колодниковъ, которые обвинялись „въ маловажныхъ кражахъ", напр., въ увозѣ съ поля двухъ копенъ, въ уносѣ двухъ или трехъ мѣшковъ хлѣба съ гумна, изъ клѣти или съ воза и въ прочихъ подобныхъ кражахъ, цѣна которыхъ не только 25, но даже и двухъ рублей не превосходила, тогда какъ по уложенью (гл. XI, ст. 9, 10 и 89) установлено такихъ „татей" „бить кнутомъ". Такое наказаніе Губернская Канцелярія, видимо, считала чрезмѣрнымъ и неудобнымъ въ особенности въ виду того, что подобныя кражи часто совершались умышленно молодыми людьми изъ однодворцевъ, съ цѣлью избѣжать ландмилицкой службы. Губернская Канцелярія предлагала такихъ преступниковъ кнутомъ не наказывать, а сѣчь плетьми и писать въ солдаты.

Этотъ вопросъ разсматривала и Юстицъ-коллегія, и согласилась съ мнѣніемъ Губернской Канцеляріи. Затѣмъ онъ перешелъ на обсужденіе Сената, который въ общемъ собраніи Спб. департаментовъ, „обще съ коллежскими президенты и члены", имѣлъ „довольное разсужденіе", и въ противовѣсъ уложенію привелъ въ обоснованіе своего мнѣнія статьи Наказа Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія изъ X гл. 205 и 240 (статьи приводятся въ указѣ полностью дословно).

По обсужденіи, собраніе, „принявъ означенное Ея И. В-ва изображенное въ Большомъ Наказѣ благоволеніе за правило, согласно положило свое мнѣніе": въ отмѣну уложенія установить новыя смягченныя наказанія за малую кражу однодворцамъ, крестьянамъ, а также и купцамъ [1]).

Въ приведенномъ случаѣ вопросъ, поднятый по поводу судебныхъ дѣлъ, привелъ, въ отмѣну устарѣвшихъ статей уложенія, къ установленію новаго закона. Въ связи съ судебной практикой, на которую оказывалъ вліяніе Наказъ Императрицы, можно отмѣ-

---

[1]) См. П. С. З., указъ сенатскій 25 февр. 1773 г. т. XIX, № 13.951. Въ Щербатовской выпискѣ отмѣчено о томъ же вопросѣ, что „всходствіе оныхъ (205 и 240 пунктовъ Наказа) и мнѣніе въ семъ дѣлѣ положено и докладъ поднесенъ". Однако, въ П. С. З. это узаконеніе опубликовано въ видѣ сенатскаго указа, а не въ видѣ Высоч. утв. доклада, такъ что точно неизвѣстно, былъ ли поднесенъ такой докладъ Императрицѣ.

тить и то обстоятельство, что вліяніе Наказа замѣтно сказывалось и въ области административныхъ дѣлъ. Въ этомъ направленіи дѣйствовала сама составительница Наказа, высшія учрежденія и высшіе представители власти [1]). Подъ покровъ и защиту Наказа иногда становились и частныя лица, когда они обращались къ Императрицѣ съ какимъ-либо ходатайствомъ [2]). Въ

---

[1]) Кромѣ примѣровъ, приведенныхъ Н. Д. Чечулинымъ (въ предисловіи къ тексту Наказа), укажу еще (въ хронологическомъ порядкѣ) такіе случаи.

а) Въ 1769 году Сенатъ, „примѣняясь предписанному отъ Ея И. В-ва въ Большомъ Наказѣ милосердію и человѣколюбію, учинилъ каторжнымъ (находившимся въ Балтійскомъ портѣ) разборъ на шесть классовъ"; по разбору въ виду разной тяжести преступленій одни колодники назначены были къ отсылкѣ въ Нерчинскъ въ работу, другіе въ Сибирь для производства болѣе легкихъ работъ, третьи въ Сибирь на поселеніе около Нерчинска и т. д. (Изъ Высоч. конфирмованнаго 30 іюля 1769 г. доклада Сената.—Сен. Арх., Книги имен. указовъ, № 128, л. 467—468; ср. 472).

б) Извѣстно, что губернаторъ Кашнинъ—Самаринъ, основываясь на 494, 495 и 496 статьяхъ Наказа, дозволилъ въ Казани строить каменныя мечети (П. С. З., указъ 17 іюня 1773 г. № 13.996). Подобная же ссылка на ст. 494—496 Наказа приведена въ опредѣленіи 1-го деп. Сената отъ 29 іюня 1773 г., по поводу лжеучителей въ Тобольской губ. и построенныхъ тамъ мечетей (Имп. Публ. Библіотека, Эрмитаж. рукопись, № 35).

в) На докладѣ Сената (отъ 28 сент. 1773 г.) объ отпускѣ средствъ на починку С.-Петербургскаго острога и о необходимости постройки новаго зданія подъ острогъ Императрицей положена (4-го окт. 1773 г.) слѣдующая резолюція: „Быть по сему. Но притомъ за нужное находимъ, чтобы при строеніи новаго острога наблюдаемы были правила, предписанныя въ Большомъ Нашемъ Наказѣ, главы десятой въ статьяхъ 166, 167, 168 и прочихъ по 174-ую" (Сен. Арх., Книги имен. указовъ, № 135, л. 464).

[2]) Такъ въ выпискѣ изъ челобитной купца Ремберта читаемъ: „Удивляясь премудрымъ правиламъ и узаконеніямъ, содержащимся въ Наказѣ, Высоч. данномъ ..епутатской коммисіи, (онъ, Ремберть) приноситъ жалобу на несправедливость и нападенія, послѣдовавшія ему съ апрѣля мѣсяца, какъ то въ противность 115 ст. помянутаго Наказа, избрано для ограбленія дома его такое время, въ кое присутственныя мѣста, могущія подать ему противъ наглости помощь, были затворены; также въ противность 116 ст. безъ всякаго изслѣдованія и судебнаго порядка объявлено всенародно въ продажу имѣніе его и противъ ст. 146 наказанъ онъ присылкою позорною многихъ офицеровъ и полицейскихъ солдатъ, захваченіемъ торговыхъ его книгъ, похищеніемъ съѣстныхъ припасовъ, заключеніемъ въ тюрьму двухъ его приказчиковъ и, наконецъ, къ истребленію кредита его прописаніемъ въ вѣдомостяхъ о продажѣ имущества его. Проситель, почитая содержащіеся въ Наказѣ законы истинными и нынѣ такъ, какъ они впредь будутъ, при крайнемъ несчастіи проситъ всенижайше В. И. В., дабы повелѣно было окончить разсмотрѣніе дѣла его"...

На этой выпискѣ такая резолюція (отъ 5 ноября 1769 г.): „Отослать въ Сенатъ съ тѣмъ, чтобы скорѣе по сему дѣлу учинено было разсмотрѣніе" (Сен. Арх., Книги имен. указовъ, № 128, л. 736).

этомъ случаѣ любопытна челобитная купца Ремберта, въ которой онъ статьи Наказа называлъ „премудрыми правилами и узаконеніями“ и „содержащіеся въ Наказѣ законы“ считалъ „истинными“ и непреложными.

Изъ видныхъ представителей власти нельзя не отмѣтить Г. Р. Державина, который, будучи въ 80-хъ годахъ губернаторомъ, сначала Олонецкимъ, а потомъ Тамбовскимъ, въ дѣловыхъ бумагахъ любилъ ссылаться на Наказъ, подкрѣпляя его статьями свои собственныя распоряженія [1]).

Думается, изъ приведенныхъ выше примѣровъ ясно видно, что, съ момента опубликованія, Наказъ Императрицы Екатерины II, не будучи закономъ и обязательно введенный въ качествѣ руководства лишь въ нѣкоторой небольшой своей части, касающейся пытокъ и пристрастныхъ допросовъ, тѣмъ не менѣе съ первыхъ же лѣтъ начинаетъ оказывать свое смягчающее вліяніе на судебную практику. Нѣтъ никакого основанія полагать, что только въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, которые указаны въ этой статьѣ, исчерпывалось вліяніе Наказа; скорѣе можно допускать, что воздѣйствіе этого памятника было болѣе широкимъ, въ особенности если принять во вниманіе модное тогда увлеченіе „философическими“ идеями и интересъ къ Наказу, какъ къ произведенію самой Императрицы.

Чтобы освѣтить отношеніе къ Наказу въ ближайшее къ Екатеринѣ Павловское царствованіе, укажу на одинъ характерный

По другой выпискѣ „челобитчикъ Яковъ Шубскій, сообразуя Высоч. Ея И. В-ва Наказъ, данный Комиссіи о сочиненіи проекта нов. улож., усматриваетъ, что усыновленіе посторонняго въ угасающе. з родѣ съ человѣколюбивыми намѣреніями Ея В-ва сходно“, а потому онъ, избравши себѣ въ наслѣдники тит. сов. коллегіи ин. дѣлъ Луку Татищева, просилъ о разрѣшеніи усыновить его. На это ходатайство 25 авг. 1770 г. послѣдовало разрѣшеніе Императрицы въ такой формѣ: „Позволяемъ просителю здѣлать оного Татищева по себѣ наслѣдникомъ“ (Книги имен. указовъ, № 130, л. 466).

[1]) а) Въ предложеніи Олонецкому Намѣстническому Правленію 10-го авг. 1785 г. Державинъ писалъ: „Едва ли командировка онаго (стряпчаго Будберга на слѣдствіе по дѣлу о взяткахъ въ Каргополѣ) можетъ почесться противною Высоч. Наказа 489 статьѣ“ (Сочиненія, т. VII, стр. 62). б) Въ „Замѣчаніяхъ на обрядъ Тутолмина“ 1785 г.—ссылка на 440 ст. Наказа, но по существу передается содержаніе 440—443 ст. о раздѣленіи всѣхъ правъ на законы, учрежденія и указы (т. VII, стр. 108); в) нѣсколько ниже указаніе на ст. 520: „должны монархи, вольно передаетъ мысль Екатерины II Державинъ, угождать подданнымъ, а не подданные раболѣпствовать своенравію монарховъ“ (стр. 109). г) Въ „Возраженіяхъ“ Державина ссылка на 588 ст. о „названіяхъ сборовъ“ (стр. 113). д) Въ „Объясненіяхъ о дѣлахъ Тамбовской губ.“—ст. 199 X-ой гл., которой позволено „виноватому давать время и способы себя оправдать“ (т. VII, стр. 204; ср. „Записки“, т. VI, стр. 545).

случай судебной практики, въ которомъ Екатерининскій Наказъ былъ положенъ въ основаніе судебнаго приговора. Существо этого дѣла таково.

Въ 1798 году при 2-мъ Чугуевскомъ казачьемъ полку происходилъ кригсрехтъ надъ рядовымъ гусарскаго полка (Шевича) Адинцовымъ, изъ дворянъ, за составленіе фальшиваго приказа, самоуправство, побѣгъ изъ-подъ караула и незаконную женитьбу [1]).

Военный судъ, по выясненіи дѣла, своей „сентенціей“ приговорилъ лишить Адинцова дворянства и опредѣлить на службу рядовымъ безъ выслуги „по силѣ Наказа къ сочиненію проекта новаго уложенія XV главы 369, 370, 371 и 372 [2]) и жалованной дворянству грамоты 5 и 6 статей“. Такимъ образомъ, статьи Наказа выступили въ роли юридическаго основанія судебнаго приговора.

Съ такой „сентенціей“ согласился и генералъ-отъ-кавалеріи П. И. Михельсонъ, которому мнѣніе военнаго суда было представлено на разсмотрѣніе, а отъ Михельсона дѣло было отослано въ генералъ-аудиторіатъ.

Здѣсь генералъ-аудиторъ кн. Шаховской съ мѣрой наказанія, присужденной Адинцову, согласился, но въ основаніе привелъ не статьи Наказа и жалованной грамоты, а 95 и 201 артикулы воинскаго (сухопутнаго) устава. Кромѣ того кн. Шаховской полагалъ, чтобы комиссіи, производившей это судное дѣло, „за то, что она приговоръ свой сдѣлала не по воинскимъ артикуламъ, а по Наказу о сочиненіи проекта новаго уложенія, сдѣлать строгій выговоръ и подтвердить, чтобы она впредь приговоры свои основывала на ближайшихъ къ винамъ подсудимыхъ воинскихъ артикулахъ и прочихъ законахъ, а не на томъ, что еще служитъ лишь къ сочиненію закона“. Это мнѣніе генералъ-аудитора получило Высочайшее утвержденіе [3]).

Надо полагать, послѣ этого генералъ-аудиторъ сдѣлалъ подобающее внушеніе, какъ воинской комиссіи, производившей дѣло Адинцова, такъ и всѣмъ тѣмъ чинамъ, на обязанности которыхъ

---

[1]) Сен. Арх., Книги копій имен. указовъ. № 258, л. 256.

[2]) Въ этихъ статьяхъ развивается мысль о томъ, что „лишить дворянства никого не можно, кромѣ того, который самъ себя лишилъ онаго своими основанію его достоинства противными поступками, и сдѣлался чрезъ то званія своего недостойнымъ“ (ст. 396), а также перечисляются „проступки, противные дворянскому званію“ (ст. 371 и 372). Статьи 5 и 6 жалованной грамоты 1785 г. являются сокращеннымъ изложеніемъ статей Наказа.

[3]) На докладѣ генералъ-аудитора — рукою Павла „Согласенъ“. 24 сент. 1798 г. (Сен. Арх., Книги копій имен. указовъ, № 258, л. 256 об.).

лежало наблюденіе надъ военными судами. Неудивительно, что въ послѣдующее время во всѣхъ многочисленныхъ дѣлахъ, которыя черезъ генералъ-аудитора восходили на Высочайшее усмотрѣніе, нѣтъ ни одного случая, когда бы воинская комиссія въ основу своего приговора положила статьи Екатерининскаго Наказа. Точно также нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно, ни одного доклада Сената по судебнымъ дѣламъ, гдѣ бы среди узаконеній выступала какая либо ссылка на Наказъ [1]).

Отношеніе правительства къ Наказу съ самаго начала царствованія Императора Александра I, въ манифестѣ котораго о восшествіи на престолъ возвѣщалось, что онъ будетъ царствовать „по законамъ и сердцу“ бабки своей Императрицы „Екатерины Великой“, существенно измѣняется. Уже въ именномъ указѣ 5-го іюня 1801 года, данномъ на имя гр. Завадовскаго по поводу Комиссіи составленія законовъ, говорилось, что „предположенія въ Наказѣ... Императрицы Екатерины II помѣщенныя, содержатъ въ себѣ избраннѣйшія въ семъ родѣ истины и могутъ пролить великій свѣтъ на упражненія Комиссіи“ [2]).

Въ другомъ указѣ, опубликованномъ по поводу преобразованія той же Комиссіи (28 февраля 1804 года), о Наказѣ прямо заявлялось, что Императрица Екатерина II, „обдумавъ многія къ законоположенію относящіяся истины, открытыя и доказанныя наблюденіями великихъ государственныхъ людей, изложила оныя въ семъ превосходномъ твореніи“, благодаря чему въ Наказѣ „основанія права большею частью означены“, и онъ является „безцѣннымъ плодомъ ея глубокихъ размышленій и познаній въ законодательствѣ“ [3]). Комиссіи предлагалось руководствоваться при выработкѣ законовъ какъ собственными намѣреніями Государя Императора Александра I, такъ и указаніями Екатерининскаго Наказа.

При такой высокой оцѣнкѣ Наказа со стороны Верховной власти, не должно казаться необычнымъ и удивительнымъ то обстоятельство, что правительственныя учрежденія, идя навстрѣчу власти, а также отдавая дань гуманнымъ чувствамъ общества, пользовались статьями Наказа при рѣшеніи всѣхъ тѣхъ судебныхъ дѣлъ, къ которымъ хотѣлось примѣнять, съ формальнымъ обоснованіемъ, болѣе мягкія мѣры наказанія, тогда какъ такое обоснованіе трудно

---

[1]) Книги Высоч. указовъ за Павловское время, въ количествѣ 69 (52 подлинныхъ, 17 книгъ копій), мною просмотрѣны, правда, по другому поводу, полностью, листъ за листомъ, и я, насколько помню, ни разу не встрѣтилъ въ нихъ, кромѣ указаннаго случая, ссылокъ на Екатерининскій Наказъ.

[2]) П. С. З., т. XXVI, № 19904, п. 8.

[3]) П. С. З., т. XXVIII, № 21177.

было подыскать въ устарѣвшихъ законахъ суроваго уголовнаго законодательства, или при рѣшеніи такихъ дѣлъ, которыя вызывали сомнѣніе въ виновности подсудимыхъ, въ виду недостаточной силы доказательствъ.

Изъ числа дѣлъ, въ которыхъ выступалъ на сцену Екатерининскій Наказъ, можно указать на процессъ, производившійся въ 1805 году и позднѣе надъ вице-губернаторомъ Чемесовымъ и другими чиновниками, которыхъ обвиняли въ „лихоимствѣ“ во время рекрутскаго набора въ Устюгѣ, происходившаго въ 1804 г. Вологодская Палата уголовнаго суда, производя слѣдствіе и судъ (въ 1805 г.), свой приговоръ основывала на разныхъ узаконеніяхъ, причемъ среди выписокъ изъ уложенія царя Алексѣя Михайловича, воинскаго устава, воинскихъ процессовъ, морского устава, учрежденія о губерніяхъ 1775 года и другихъ узаконеній, помѣстила дословныя выписки изъ „Наказа, даннаго о сочиненіи проекта новаго уложенія“, именно текстъ слѣдующихъ 14-ти статей [1]): 119, 120, 121, 162, 163, 164, 185, 189, 194, 201, 202, 216, 220 и 225.

Въ своемъ приговорѣ Палата одинъ разъ, для обоснованія своего мнѣнія, привела статьи Наказа, именно когда она приходила къ выводу, что всѣ показанія противъ Чемесова и прочихъ чиновниковъ „не заключаютъ въ себѣ совершеннаго доказательства“. Это мнѣніе Палата, кромѣ другихъ соображеній, основывала главнымъ образомъ на томъ, что „изъ отдатчиковъ (рекрутскихъ, которые обвиняли вице-губернатора и прочихъ во взяткахъ) у нѣкоторыхъ вовсе нѣтъ свидѣтелей, а другіе представили во свидѣтельство изъ своихъ же одноволчинниковъ крестьянъ по одному человѣку“, тогда какъ по постановленіямъ воинскихъ процессовъ 2-й части VI главы 2-го пункта и Наказа Комиссіи 1767 года по „пунктамъ 119, 120, 121, 189 и 190“, „по самой малой мѣрѣ надлежитъ быть двумъ свидѣтелямъ, которые бы происшедшее видѣли“ [2]).

Вологодскій гражданскій губернаторъ Линеманъ, которому приговоръ Палаты взнесенъ былъ на утвержденіе, среди другихъ соображеній писалъ: „Всѣ показанія отдатчиковъ, яко никакими крѣпкими и честными доводами и свидѣтелями не доказанныя и, сверхъ того, нѣкоторыя самимъ себѣ разнорѣчащія, суть недѣйствительны и ни малѣйшаго имовѣрія не заслуживаютъ; о томъ въ приговорѣ Палаты обстоятельно изъяснено и всѣми изданными на таковые случаи узаконеніями явственно утверждено; слѣдовательно, подсудимые чиновники всѣ, по содержанію генеральнаго регла-

[1]) Сен. Арх., Дѣла 2-го отдѣленія V департамента Сената, 1809 г., № 5, л. 335—339.

[2]) Тамъ-же. л. 474 об.—475.

мента XIX гл. 2-го пункта и Наказа, даннаго Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія 169 и 177 статей, совершенно признаются невинны, и для того онъ, губернаторъ, въ отношеніи освобожденія ихъ отъ суда согласенъ во всемъ съ положеніемъ Уголовной Палаты" [1]).

Дѣло перешло въ Сенатъ, сначала въ шестой, а потомъ въ пятый департаментъ. По разногласію сенаторовъ, министръ юстиціи кн. Лопухинъ 9-го мая 1809 года внесъ въ пятый департаментъ свое согласительное предложеніе. Въ предложеніи онъ повторилъ приговоръ Палаты и ея ссылку на статьи Наказа безъ какихъ бы то ни было оговорокъ, а затѣмъ высказалъ свое мнѣніе, впрочемъ уже не ссылаясь на Наказъ, а подкрѣпляя его статьями воинскихъ процессовъ и ссылкой на указъ 30-го іюля 1799 года [2]). Вскорѣ отъ Сената былъ поданъ Государю докладъ, и дѣло разрѣшилось указомъ (22-го іюня 1809 г.), по которому было велѣно—чиновниковъ, „навлекшихъ на себя подозрѣніе", за исключеніемъ одного, „оставить отрѣшенными отъ должности", предоставивъ имъ право, если они пожелаютъ, принести очистительную присягу въ Вологдѣ, дабы „тѣмъ окончательно изгладить подозрѣніе, на нихъ лежащее" [3]).

Въ этомъ процессѣ неоднократная ссылка на статьи Наказа любопытна и важна, во-первыхъ, тѣмъ, что здѣсь Наказъ выступаетъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ уложеніемъ, генеральнымъ регламентомъ, воинскимъ уставомъ и прочими узаконеніями и цитируется на равномъ основаніи съ общепризнанными статьями закона, во-вторыхъ, тѣмъ, что, благодаря такой ссылкѣ, не вѣрили доносу, не подтвержденному „никакими крѣпкими и честными доводами и свидѣтелями", а требовали болѣе ясныхъ и совершенныхъ доказательствъ, которыя исключали бы сомнѣніе въ виновности подсудимыхъ. Результатомъ было то, что Чемесовъ и чиновники, обвиняемые въ лихоимствѣ и взяточничествѣ, можетъ быть, и несправедливо,—были только отрѣшены отъ должностей, но остались свободными отъ тяжкаго наказанія, которымъ грозило имъ обвиненіе доносителей [4]).

---

[1]) Тамъ-же, л. 481—482.

[2]) Тамъ же, л. 511—526.

[3]) Тамъ же, л. 575.

[4]) Можно указать на другой подобный же случай въ дѣлѣ о С.-Петербургскомъ губернскомъ прокурорѣ Львовѣ, „сужденномъ за разные законопротивные поступки". Въ запискѣ по дѣлу, слушанному въ іюлѣ мѣсяцѣ 1813 года во 2-мъ отдѣленіи V департамента Сената, среди законовъ помѣщены выписки изъ X главы Наказа статей: 163, 164, 169, 177, 189 и 190 (о заключеній подъ стражу, о несовершенныхъ доказательствахъ и свидѣтеляхъ).

Требованіе судами строгихъ формальныхъ доказательствъ, въ интересахъ правосудія, опиралось на статьи Наказа даже тогда, когда, казалось, преступленіе было естественно и требовало возмездія. Такъ, напр., около 1820 года у шляхтича Пенчковскаго, который былъ управителемъ имѣнія въ селеніи Семеренкахъ, Волынской губерніи, началось дѣло съ вольной женщиной Ульяной Левчанко, служившей у него въ дому въ качествѣ прислуги. Левчанко, поссорившись съ господами, ушла отъ нихъ и жаловалась на причиненіе ей побоевъ. Староконстантиновскій повѣтовый судъ, основываясь на показаніи одного свидѣтеля, постановилъ взыскать съ Пенчковскаго за нанесеніе побоевъ 50 статутовыхъ грошей въ пользу Ульяны Левчанко. Дѣло перешло въ первый департаментъ Волынскаго главнаго суда, гдѣ рѣшеніемъ 27-го апрѣля 1820 года было опредѣлено: „мнѣніе повѣтоваго суда отставить“: а) въ виду того, что Пенчковскій объяснялъ, что „хотя Левченкова и была наказываема, но яко служанка за чинимыя ею погрѣшности“, б) а главнымъ образомъ потому, что „о семъ обстоятельствѣ (о побояхъ) только она говоритъ и одинъ свидѣтель“, а „на основаніи Наказа“ (ст. 189-ой) „одного свидѣтеля недовольно“ [1]). Такимъ рѣшеніемъ Пенчковскій освобожденъ былъ отъ денежнаго штрафа.

Въ этомъ дѣлѣ любопытно то, что въ основаніе отмѣны постановленія повѣтоваго суда формально приводится лишь одна ссылка на статью Екатерининскаго Наказа, и она рѣшаетъ дѣло.

Наказъ выступаетъ и тамъ, гдѣ оправдать виновныхъ нельзя, но смягчить наказаніе возможно. Въ 1808—1811 годахъ въ судахъ разныхъ инстанцій производилось дѣло „о возмутившихся крестьянахъ Кошелевскаго староства (Могилевской губ.) и о Могилевскомъ губернскомъ стряпчемъ Бакѣ“. Въ этомъ дѣлѣ въ запискѣ перваго департамента Могилевскаго главнаго суда среди узаконеній помѣщенъ текстъ двухъ статей „Комисскаго Наказа“, 201 и 202-ой [2]). Примѣненіе ихъ въ приговорѣ суда было таково.

Окончательный приговоръ былъ таковъ: „Львовъ въ учиненныхъ на него доносахъ не уличенъ, не доказанъ и не признался, а потому ни къ какому наказанію присужденъ быть не можетъ“, но такъ какъ онъ „подвергъ себя сомнѣнію“ въ поступкахъ, весьма предосудительныхъ, то и оставить Львова „навсегда отъ службы въ удаленіи“ (Сен. Арх., Дѣла 2-го отд. V деп., 1816 года, № 22, лл. 537—538, 586 и др.).

Надо полагать, что и въ этомъ дѣлѣ статьи Наказа, требуя многихъ доказательствъ и нѣсколькихъ сторонникъ свидѣтельствъ, сыграли роль при освобожденіи Львова отъ какого-бы то ни было наказанія.

[1]) Сен. Арх., Дѣла 3-го отдѣленія V деп. Сената, 1824 г., № 19, л. 399—400.

[2]) Сен. Арх., Дѣло 2-го отд. V деп. Сената, 1811 года, № 13 л. 230—231; ср. 334. Статьи Наказа 201 и 202 говорятъ объ уменьшенномъ наказаніи за покушеніе къ преступленію и за сообщничество.

25-го сентября 1808 года 1-й департаментъ Могилевскаго главнаго суда постановилъ: за отказъ въ исполненіи работъ и прочихъ повинностей, а также за буйства и непокорности признать виновными крестьянъ 14 человѣкъ, изъ которыхъ трехъ: старосту Ивана Прокофьева, помощника его Гаврiила Осипова и выборнаго Михаила Леонова, какъ „первыхъ и главнѣйшихъ возмутителей неповиновенія“, наказать кнутомъ (старосту 25-ю ударами, другихъ—20-ю) и, поставивъ на лбу и щекахъ знаки, сослать на каторгу.

О слѣдующихъ двухъ виновникахъ въ приговорѣ суда сказано: „Хотя по дѣлу видно, что также были главными возмутителями и крестьяне Данило Максимовъ и Кирай Степановъ, ибо и они съ дерзновеніемъ даже въ лицѣ комиссіи (слѣдственной) собравшихся крестьянъ волновали къ неповиновенію, но какъ они слѣдовали къ таковой дерзости съ примѣру“ трехъ первыхъ возмутителей, „къ тому же изъ нихъ Д. Максимовъ имѣетъ нынѣ, какъ удостовѣряетъ ревизія, немолодыя лѣта, т. е. 54 года, слѣдственно, по силѣ Комисскаго Наказа 202 статьи, и не должно ихъ наказывать равномѣрно со старостою Прокофьевымъ, помощникомъ Осиповымъ и выборнымъ М. Леоновымъ, для того наказать кнутомъ и, давъ ударовъ К. Степанову—20, а Д. Максимову, въ уваженіе немолодыхъ лѣтъ—10, оставить на прежнихъ ихъ жилищахъ“ [1]).

На такомъ же точно основаніи было понижено наказаніе и остальнымъ крестьянамъ, сообщникамъ неповиновенія и возмущенія. Дѣло перешло въ Сенатъ, и здѣсь въ опредѣленіи (22—25 февр. 1809 г.) была повторена [2]) та же мотивировка, которая имѣлась въ приговорѣ перваго департамента Могилевскаго главнаго суда.

Въ данномъ процессѣ судъ, опираясь на суровые законы о возмущеніи крестьянъ, могъ бы всѣхъ главныхъ виновниковъ присудить къ жестокому тѣлесному наказанію и ссылкѣ въ Сибирь, хотя бы на разные сроки, однако онъ, выдвигая психологическую сторону въ процессѣ (большую или меньшую степень сознательности и активности) и опираясь на Наказъ, значительно смягчаетъ крестьянамъ наказаніе, уменьшая количество ударовъ и не примѣняя ссылки въ Сибирь.

Укажу еще на одинъ громкій процессъ, производившійся въ 20-хъ годахъ, по обвиненію Динабургскихъ евреевъ въ совращеніи нѣмца Іоганна въ еврейскую вѣру и въ убійствѣ его, при попыткѣ бѣжать и намѣреніи перейти снова въ христіанскую вѣру.

[1]) Тамъ же л. 310—311.

[2]) Тамъ же, л. 453.

Въ запискѣ по дѣлу приведены [1]) въ основаніе приговора слѣдующія статьи Наказа: 120, 176, 177,, 189 и 191. Примѣненіе Наказа выступаетъ въ процессѣ въ слѣдующихъ случаяхъ.

Дѣло началось по доносу еврея Берки Башевича, который, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ озлобившись на своихъ единовѣрцевъ и оговаривавъ многихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто оказывался и самъ причастнымъ къ тому же преступленію. Тогда Динабургскій магистратъ, озабочиваясь тѣмъ, чтобы привести дѣло къ скорѣйшему окончанію, 4-го декабря 1823 года постановилъ: „Примѣняясь Наказа Комиссіи о составленіи россійскихъ законовъ къ 160 и 172 статьямъ, мѣщанина Берку Башевича, яко подсудимаго по сему дѣлу, препроводить къ Динабургскому городничему для содержанія до окончанія дѣла подъ стражею". Когда потомъ Башевичъ жаловался на магистратъ за „притѣсненія" въ виду содержанія подъ стражей, то магистратъ отвѣчалъ, что Башевичъ содержался „по обстоятельствамъ, изобличающимъ его преступленіе на основаніи Наказа Комиссіи 160 и 172 статей" [2]).

Когда же Башевичъ, вмѣстѣ съ другимъ подсудимымъ Лейбой Цвикомъ, сталъ оговаривать въ участіи въ совращеніи нѣмца и въ убійствѣ его многихъ Динабургскихъ евреевъ, то повѣтовый земскій судъ (Динабургскій), разбиравшій это дѣло въ 1824 году, въ виду голословности доноса и разнорѣчивыхъ показаній Цвика, евреевъ не хваталъ и подъ стражу ихъ не заключалъ, какъ „не изобличенныхъ въ взводимыхъ подозрѣніяхъ", „по сходству Наказа Комиссіи 170 статьи" [3]). Въ данномъ случаѣ Наказъ спасалъ евреевъ „въ немаломъ числѣ" отъ огульнаго обвиненія въ тяжкомъ преступленіи, отъ привлеченія къ суду и заключенія подъ стражу по однимъ „голословнымъ доносамъ" и „бездоказательнымъ" заявленіямъ и показаніямъ.

Правда, нужно сказать, что это постановленіе повѣтоваго

---

[1]) Дѣла 2-го отд. V деп., 1829г., № 46, л. 461—462.

[2]) Тамъ же, л. 444 об., 449 об.

Аналогичную ссылку на Наказъ при заключеніи подсудимаго въ тюрьму можно встрѣтить въ Сенатскомъ опредѣленіи 22-го февр. 1815 г. по дѣлу объ отставномъ подпоруч. Тимофѣевѣ, судимомъ по жалобѣ капитанши Толстой за причиненіе ей обидъ и составленіе отъ ея имени фальшивыхъ писемъ и документовъ. Здѣсь приведено указаніе, что подсудимый, по приговору СП-бургской уголовной палаты, отосланъ въ тюрьму, „тюрьма же—какъ разъясняется далѣе,—по словамъ Наказа Комиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія (см. 170 ст.) есть слѣдствіемъ рѣшительнаго судей опредѣленія и служитъ вмѣсто наказанія" (Книги опредѣленій 2-го отд. V деп., 1815 г., № 78, л. 226).

[3]) Сен. Арх., Дѣла 2-го отд. V деп. 1829 г., № 46, л. 443 и сл.

суда только на время освободило Динабургскихъ евреевъ отъ привлеченія къ отвѣтственности и суду, но тѣмъ не менѣе по тѣмъ же основнымъ мотивамъ, которые были высказаны повѣтовымъ судомъ, дѣло, восходившее въ Сенатъ и Государственный Совѣтъ, въ 1829 году окончилось благополучно для многихъ Динабургскихъ евреевъ, такъ какъ было постановлено: дѣло „предать волѣ Божіей, доколѣ само откроется, а привлеченныхъ къ отвѣтственности динабургскихъ евреевъ—отъ суда и слѣдствія освободить“ [1]).

Въ томъ же процессѣ статьи Наказа были примѣнены и по другому поводу. Дѣло въ томъ, что первый департаментъ Витебскаго главнаго суда, гдѣ дѣло объ убійствѣ нѣмца Іоганна разбиралось, постановилъ Динабургскаго повѣтоваго стряпчаго Лакціонка отрѣшить отъ должности и впредь никуда не опредѣлять за бездѣйствіе по службѣ, „нерадѣніе“ и „безпечность“, выразившуюся въ томъ, что онъ не принималъ никакихъ мѣръ къ розыску виновныхъ и три важныя секретныя бумаги, переданныя ему въ началѣ розыска, продержалъ у себя нѣсколько дней безъ всякаго исполненія, а затѣмъ отдалъ городничему, какъ бы ничего незначущія и частныя бумаги.

Но Витебскій гражданскій губернаторъ Сорокунскій, на разсмотрѣнія котораго поступило все дѣло, съ такимъ постановленіемъ не согласился и въ рапортѣ Сенату (отъ 28 янв. 1827 года) писалъ, что такое рѣшеніе суда онъ, губернаторъ, нашелъ „для стряпчаго Лакціонка весьма отяготительнымъ и превосходящимъ мѣру содѣяннаго имъ преступленія“. Мотивами къ этому были, во-первыхъ, то, что нѣтъ „никакихъ уликъ“, чтобы подозрѣвать, будто Лакціонокъ не употребилъ по дѣлу должной заботливости „изъ пристрастія и послабленія виновнымъ“, съ „своекорыстными видами“; во-вторыхъ, то, что Лакціонокъ, „состоя по должности въ другихъ безпрестанныхъ занятіяхъ, могъ неумышленно сдѣлать упущеніе“ въ такомъ обширномъ и сложномъ дѣлѣ, которое не было подъ его исключительнымъ присмотромъ, а находилось въ вѣдѣніи особыхъ лицъ, производившихъ слѣдствіе.

„По симъ обстоятельствамъ, писалъ дальше губернаторъ, примѣняясь силѣ Наказа Комиссіи составленія законовъ, X главы 176, 179, 202 и 207 пунктамъ, мнѣніемъ полагаю“ „за обнаруженную департаментомъ виновность“ стряпчаго Лакціонка, вмѣсто присужденнаго наказанія, подвергнуть денежному штрафу въ 50 руб., „съ оставленіемъ его, Лакціонка, при настоящей долж-

---

[1]) Тамъ же, л. 631—632.

ности“ [1]), или же совсѣмъ освободить отъ какого бы то ни было взысканія въ силу манифеста 22 авг. 1826 года.

Всѣ эти соображенія Сенатомъ и Государственнымъ Совѣтомъ, куда направилось все дѣло, были приняты во вниманіе, и стряпчій Лакціонокъ, наряду съ другими чиновниками, примѣнительно къ манифесту 1826 года, былъ освобожденъ отъ какого бы то ни было наказанія и взысканія за свое нерадѣніе и безпечность по службѣ, и такимъ путемъ кара, наложенная на Лакціонка департаментомъ Витебскаго главнаго суда, его благополучно миновала [2]).

Въ разсмотрѣнныхъ мною дѣлахъ выступаютъ 41 статья Наказа: изъ главы IX „о производствѣ суда вообще“, X-ой „о обрядѣ криминальнаго суда“ и XV-ой „о дворянствѣ“ [3]). Въ этихъ статьяхъ проводились высокія истины, которыя должны были быть примѣнены къ судебной практикѣ: въ нихъ говорилось о драгоцѣнномъ правѣ человѣка, его „свободѣ“ и „личной безопасности“ и внушалось поступать осторожно при привлеченіи къ суду и заключеніи подъ стражу, чтобы тѣмъ не отнять свободы „подъ видомъ маловажнымъ“ (ст. 160, 162 и 164); или требовалось особо тщательное и строгое отношеніе къ необоснованнымъ доносамъ, свидѣтельскимъ показаніямъ и судебнымъ доказательствамъ, которыя въ ихъ совокупности должны исключать сомнѣнія въ виновности подсудимаго (ст. 102, 119, 177, 185 и др.), и всякое сомнѣніе слѣдовало толковать въ пользу обвиняемаго; иначе говоря, въ подобныхъ статьяхъ чувствовалось дѣяніе высоко-гуманнаго принципа: лучше 10 виновныхъ оправдать, нежели одного невиннаго осудить; при производствѣ суда во имя человѣчности запрещалось прибѣгать къ какимъ бы то ни было „тѣлеснымъ истязаніямъ“ (ст. 123, 192—197); наконецъ, въ статьяхъ говорилось о наказаніи преступника въ строгомъ соотвѣтствіи съ самимъ преступленіемъ и со степенью вины каждаго и объ уменьшеніи кары тѣмъ, кто лишь покушается на преступленіе или дѣйствуетъ по внушенію

---

[1]) Къ прежнимъ соображеніямъ, въ качествѣ мотивовъ, прибавлено: (оставить при настоящей должности) „по уваженію еще при томъ долговременной службы, немолодыхъ лѣтъ и семейственнаго положенія“ (тамъ же, л. 241 – 242).

[2]) Тамъ же, л. 631.

[3]) Именно слѣдующія статьи: 102, 108, 119, 120, 121, 123, 124, 129, 160, 161, 162, 163, 164, 169, 170, 172, 176, 177, 179, 185, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 201, 202, 205, 207, 216, 220, 225, 240, 369, 370, 371, 372.

Если же имѣть въ виду административныя дѣла, челобитныя и переписку, то въ нихъ найдемъ, сверхъ того, еще упоминаніе и ссылку на 20 другихъ статей Наказа: 115, 116, 146, 166, 167, 168, 171, 173, 174, 199, 440, 441, 442, 443, 489, 494, 495, 496, 520 и 588.

другого лица (ст. 201, 202, 205, 220, 225 и 240); значитъ, кромѣ объективныхъ признаковъ преступленія, принимались во вниманіе и субъективные, и карающій мечъ правосудія могъ съ меньшей силой обрушиваться на тѣхъ, кто являлся лишь сообщникомъ, а не вдохновителемъ и исполнителемъ преступнаго дѣянія.

Таково главнѣйшее содержаніе статей Наказа, приводимыхъ въ указанныхъ выше процессахъ. Нѣтъ никакого основанія думать, что именно перечисленными статьями и исчерпывается все, извлеченное судами изъ этого богатаго своимъ идейнымъ содержаніемъ памятника. Разумѣется, нельзя также дѣлать и того вывода, что этими немногими случаями и ограничивается примѣненіе Наказа въ судебной практикѣ. Если Сенатъ, Вологодская уголовная палата, Волынскій и Могилевскій главные суды, Динабургскіе повѣтовый судъ и магистратъ и три губернатора проводятъ въ основаніе своихъ приговоровъ и мнѣній, наряду съ узаконеніями, а иногда и безъ такого сосѣдства, статьи Наказа и на нихъ утверждаются, то можно съ увѣренностью допускать, что Наказъ, какъ памятникъ юридической мудрости Императрицы Екатерины II, высоко оцѣненный Императоромъ Александромъ I, разсматриваемый въ нѣкоторой своей части въ видѣ дѣйствующаго права, имѣлъ и въ другихъ мѣстахъ довольно широкое примѣненіе при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ.

Ю. Готье.

Отзывы губернаторовъ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка объ областномъ управленіи.

Дѣятельность Екатерины II по внутреннему управленію имперіей и, въ частности, по преобразованію областныхъ учрежденій можно раздѣлить на два періода, раздѣленныхъ временемъ засѣданій знаменитой Уложенной комиссіи. Мѣропріятіямъ 70-хъ и 80-хъ годовъ, вытекшимъ въ значительной степени изъ матеріаловъ, накопленныхъ комиссіей, предшествовали указы 1762—1764 г., которые можно поставить въ связь съ первыми впечатлѣніями, испытанными императрицей въ ея новомъ санѣ. Она давно наблюдала русскую жизнь, приглядываясь къ ней издали; получивъ власть, она въ первый же мѣсяцъ своего царствованія издала громовой манифестъ 18 іюля 1762 года противъ лихоимцевъ и взяточниковъ. Не довольствуясь словами, Екатерина попыталась сейчасъ же устранить нѣкоторыя изъ язвъ областного управленія. Штаты 15 декабря 1763 г., внесшіе много измѣненій и въ центральное управленіе, имѣли, можетъ быть, еще больше значенія для управленія областного. Штаты областныхъ учрежденій вводили новые повышенные оклады для всѣхъ служащихъ. Устанавливая штатное число приказныхъ людей, они, казалось, должны были навсегда покончить съ тѣмъ временемъ, когда подъячіе жили только „акциденціями“. Установлены были и новые опредѣленные источники суммъ для уплаты жалованья чиновникамъ. Измѣненія въ высшемъ областномъ управленіи были направлены къ приданію ему болѣе стройнаго и однообразнаго характера. Неопредѣленное до тѣхъ поръ число губернаторскихъ товарищей и воеводскихъ товарищей въ провинціяхъ было разъ навсегда установлено: два губернаторскихъ товарища стали постоянными помощниками губернатора; имъ соотвѣтствовалъ одинъ штатный товарищъ провинціальнаго воеводы; такой же воеводскій товарищъ появился и въ

уѣздномъ городѣ, гдѣ онъ замѣнилъ прежняго оберъ-офицера при подушномъ сборѣ. Въ сложномъ дѣлѣ собиранія подушной подати хаотическое двоевластіе губернаторовъ и воеводъ, съ одной стороны, офицеровъ при подушномъ сборѣ, съ другой, было замѣнено новымъ порядкомъ, при которомъ сборы были сосредоточены въ отвѣтственныхъ рукахъ общихъ областныхъ властей. Прокурорскій надзоръ, до тѣхъ поръ слабо представленный одними губернскими прокурорами, былъ введенъ и въ провинціяхъ, что не замедлило отразиться оживленіемъ прокурорской дѣятельности. За штатами 1763 г. послѣдовало наставленіе губернаторамъ, изданное 21 апрѣля 1764 года; оно выдѣлило губернаторовъ изъ другихъ органовъ областного управленія и изъ администратора, судьи и собирателя податей старомосковскаго типа превратило его въ хозяина-опекуна ввѣренной ему губерніи; вскорѣ оно дополнено было особымъ наставленіемъ для начальниковъ двухъ столичныхъ губерній. Рядъ преобразовательныхъ распоряженій въ сферѣ областного управленія завершился указомъ 11 октября 1764 года, внесшимъ нѣкоторыя измѣненія въ областное управленіе имперіи и преднамѣтившимъ принципы, которые были положены въ основу новаго дѣленія, введеннаго вмѣстѣ съ учрежденіями 1775 года [1]).

Съ конца 1764 года преобразовательные опыты новой государыни прекратились на довольно долгій срокъ созданіемъ особаго положенія для власти губернатора, приданіемъ большаго единообразія составу областныхъ учрежденій и указаніемъ на необходимость пересмотрѣть и измѣнить областное дѣленіе страны, были намѣчены главнѣйшія основанія будущей большой областной реформы, но съ осуществленіемъ ея не спѣшили: на первый чередъ поставлено было созваніе комиссіи для составленія новаго Уложенія. Комиссія въ своихъ трудахъ не разъ подходила къ вопросу о реформѣ областного управленія: въ депутатскихъ наказахъ были изложены просьбы и пожеланія всѣхъ сословій имперіи, относившіяся къ будущему обновленному областному строю, и, конечно, матеріалы, оставшіеся послѣ комиссіи, были использованы позднѣе самой Екатериной и ея сотрудниками по составленію Учрежденія для управленія губерніями. Однако, въ рукахъ творцовъ учрежденія 1775 года былъ и другой матеріалъ; критика существующаго областного управленія, даже исправленнаго указами 1762—1764 годовъ, раздавалась въ запискахъ и донесеніяхъ, подаваемыхъ государынѣ въ 60-хъ годахъ самими высшими представителями мѣстной администраціи—губернаторами. Какъ для оцѣнки

[1]) Упомянутые сейчасъ указы см. въ Полн. Собр. Зак., т. XVI, №№ 11630, 11988, 11991, 12137, 12259; т. XVII, № 12306.

областныхъ учрежденій 1727 года въ послѣдній періодъ ихъ дѣятельности, такъ и для выясненія генезиса реформы 1775 года небезполезно привести въ извѣстность эти критическія замѣчанія.

Очень естественно, что губернаторовъ прежде всего интересовало ихъ собственное положеніе, характеръ и предѣлы ихъ власти. Въ февралѣ 1768 года, въ разгаръ работъ Уложенной комиссіи, четыре губернатора: Воронежскій—ген.-майоръ Масловъ, Астраханскій — ген.-майоръ Бекетовъ, Слободско-Украинскій — бригадиръ Щербининъ и Казанскій—церемоніймейстеръ Квашнинъ-Самаринъ, собравшись въ Москвѣ, „трактовали пункты", которые и были представлены императрицѣ въ видѣ отдѣльной записки, подписанной всѣми четырьмя ея составителями [1]).

Въ запискѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе недовольство губернаторовъ слишкомъ узкими предѣлами ихъ власти, несовмѣстимыми съ положеніемъ „хозяина и опекуна", въ которое поставило губернаторовъ постановленіе 1764 года. „Во время объѣзда губернатора по своей губерніи бываютъ къ нему тѣхъ мѣстъ отъ обывателей просьбы въ разныхъ наглостяхъ и обидахъ другъ на друга". Несмотря на то, что дѣла по такимъ жалобамъ могли бы быть „разобраны въ то самое время, по кратчайшему разбирательству", губернаторы принуждены ихъ оставлять „безъ точнаго рѣшенія, понеже во всѣхъ таковыхъ дѣлахъ узаконено производить судъ по формѣ"; кромѣ того, губернаторъ связанъ „канцелярскимъ порядкомъ", т. е. извѣстными административными формальностями, безъ соблюденія которыхъ онъ „не властенъ такихъ нахальныхъ обидъ тогда же прекращать". Результаты такого положенія дѣла сказываются, по словамъ авторовъ, очень скоро: губернаторъ „безплодно изъ того мѣста въ другое отъѣзжаетъ", а „нахальники остаются безъ всякаго отъ губернаторскаго объѣзда страха". Желая, „чтобы прямо могъ назваться губернаторъ хозяиномъ своей губерніи и объѣздъ его всѣмъ нахальнымъ обидчикамъ устрашеніемъ былъ", составители записки мечтаютъ о такомъ порядкѣ вещей, при которомъ губернаторъ во время объѣзда губерніи пользовался бы диктаторскими полномочіями и могъ бы обходиться безъ всякихъ судебныхъ формальностей, а съ другой стороны, произвольно распоряжался бы судьбою всѣхъ подчиненныхъ ему чиновниковъ. Записка требуетъ, чтобы, вмѣсто судебнаго разбирательства, губернатору дана была „власть въ проѣздъ его разбирать и рѣшить всякаго званія людей просьбы

[1]) Государственный Архивъ, разр. XVI, д. 374.

кратчайшимъ средствомъ, какимъ онъ самъ по состоянію тогдашняго случая за благо обрящетъ"; все дѣлопроизводство при этомъ должно ограничиться „журнальною запискою", т. е. протоколомъ, излагающимъ распоряженіе губернатора. Это даже не смѣшеніе суда съ администраціей, а полная отмѣна перваго подъ предлогомъ неудобствъ непопулярнаго суда по формѣ. Такой же упрощенный способъ дѣйствій примѣняется губернаторомъ и въ томъ случаѣ, если онъ, при посѣщеніи губерніи, убѣдится въ нерадивости кого-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ или въ томъ, что кто-нибудь „коснулся ко взяткамъ".

Такая же тенденція къ усиленію и безъ того обширной губернаторской власти видна и въ другомъ пожеланіи составителей разбираемой записки. Право производства въ чины всегда оставалось прерогативой центральнаго правительства, даже производство какого-нибудь подъячаго въ низшій классный чинъ было дѣломъ Сената и герольдмейстерской конторы, потому что это было дорогой, открывавшей доступъ къ дворянству. Составители записки 1768 г. стараются расширить право губернаторовъ въ этой сферѣ; исходя изъ статьи 14 наставленія 1764 года, дававшей губернатору право штрафовать порочныхъ служащихъ и отрѣшать и даже смѣщать ихъ съ должности, авторы разбираемаго документа требуютъ, чтобы губернаторамъ было предоставлено также и соотвѣтственное право награждать достойныхъ, до производства ихъ въ чины включительно; при этомъ губернаторы должны получить право, которымъ уже располагали начальники дивизій, производившіе въ оберъ-офицерскіе чины до капитана включительно своею властью, лишь донося объ этомъ военной коллегіи. Допуская, однако, что такое домогательство могло быть сочтено чрезмѣрнымъ, авторы записки готовы были сдѣлать нѣкоторую уступку и удовольствоваться тѣмъ, чтобы правительствующему сенату повелѣно было „по крайней мѣрѣ по представленіямъ нашимъ (о производствѣ въ чины) чинить неотмѣнное исполненіе, пріемля въ уваженіе то, что все управленіе губерніи положено на насъ и во всѣхъ неисправностяхъ единственно мы отвѣтствуемъ". Независимо отъ правъ по производству въ чины, мы находимъ въ запискѣ настоятельное пожеланіе, чтобы Сенатъ не вмѣшивался, какъ это бывало довольно часто, въ дѣло замѣщенія низшихъ должностей по областному управленію и чтобы назначеніе на должности до секретарей включительно зависѣло единственно отъ губернаторовъ. Наконецъ, въ запискѣ есть и еще одно пожеланіе, имѣющее въ виду расширеніе губернаторской власти: ея соста-

вители желали бы, чтобы начальнику губерніи было предоставлено привлекать отставныхъ дворянъ, живущихъ въ своихъ деревняхъ, къ исполненію столь распространенныхъ въ XVIII столѣтіи особыхъ порученій административнаго и слѣдственнаго характера, съ правомъ производства въ слѣдующій чинъ распоряженіемъ губернатора или по его представленію и съ уплатой ему жалованья изъ казенныхъ суммъ.

Такъ разсуждали о своемъ положеніи губернаторы первыхъ лѣтъ Екатерининскаго царствованія. Громадный объемъ власти губернатора, какъ онъ преемственно опредѣлился еще съ Петровскаго времени, казался имъ недостаточнымъ; опираясь на наставленіе 1764 года, сообщившее этой должности болѣе почета и какъ бы поставившее ее ближе къ верховной власти, они ищутъ дѣйствительнаго расширенія своихъ правъ и стремятся стать полноправными замѣстителями государя на мѣстахъ. Стремленіе расширить свои права не препятствуетъ, однако, носителямъ губернаторской власти стараться избавиться отъ такихъ обязанностей, которыя кажутся имъ неудобоисполнимыми или непріятными; такъ, составители записки 1768 года жалуются, что они не въ состояніи удовлетворительно исполнять пунктъ 15 новаго постановленія, обязывающій губернатора слѣдить за исправнымъ состояніемъ дорогъ, а Архангелогородскій губернаторъ, генералъ Головцынъ, въ одномъ изъ своихъ донесеній, поданномъ за три года до записки четырехъ губернаторовъ, и вовсе проситъ освободить его отъ далекихъ разъѣздовъ: „въ Архангелогородской провинціи приписные города Пустозерскъ и Кола по тысячѣ верстъ не на одномъ пути обстоятъ..... въ Колу на оленяхъ и то зимнимъ путемъ проѣздъ бываетъ, да сверхъ того Великоустюжской провинціи городъ Яренскъ отъ прочихъ городовъ удаленъ, къ которому путь лѣтомъ только самыми малыми судами есть .... Того ради, В. И. В. не соизволите ли всемилостивѣйше указать за показанными обстоятельствы отъ ѣзды въ помянутые города губернатора уволить“ [1]). Недовольство губернатора своимъ собственнымъ положеніемъ могло выражаться почти только въ формѣ почтительныхъ представленій и просьбъ; какъ ни какъ, губернаторъ стоялъ очень высоко, а послѣдній актъ, направлявшій его дѣятельность,—наставленіе 1764 года—не могъ самъ по себѣ вызывать критики по существу. Совсѣмъ иное отношеніе возбуждали въ нихъ штаты провинціальныхъ учрежденій, изданные 15 декабря 1763 года. Въ штатахъ были,

[1]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 594, донесеніе отъ 22 февраля 1765 г., п. 16.

дѣйствительно, нѣкоторыя слабыя стороны, которыя могли подать поводъ къ справедливой и основательной критикѣ. Штаты 1763 года упразднили офицеровъ при подушномъ сборѣ и передали ихъ обязанности губернаторскимъ и воеводскимъ товарищамъ, учрежденнымъ для этой цѣли и при городовыхъ воеводахъ. Естественно, что обѣ эти мѣры, стоящія въ связи одна съ другой, вызвали нѣкоторыя замѣчанія. Прошелъ едва годъ послѣ введенія новыхъ штатовъ, какъ уже Московскій губернаторъ И. И. Юшковъ жалуется на то, что одинъ изъ двухъ товарищей долженъ исключительно заниматься подушнымъ сборомъ [1]).

Такія же жалобы можно найти и въ интересныхъ, на изящномъ французскомъ языкѣ написанныхъ, донесеніяхъ вновь назначеннаго Новгородскаго губернатора Я. Е. Сиверса [2]). Съ другой стороны, должность воеводскихъ товарищей въ уѣздныхъ городахъ, какъ она была обставлена по штатамъ 1763 года, нѣкоторымъ администраторамъ того времени кажется вовсе безполезной: „по моему всеподданнѣйшему рабскому мнѣнію“, доноситъ Архангелогородскій губернаторъ Головцынъ, „признавается, и одинъ воевода въ тѣхъ приписныхъ городахъ безъ товарища дѣла въ силу закона рѣшить можетъ“; взамѣнъ безполезнаго товарища было бы гораздо цѣлесообразнѣе учредить рентмейстеровъ и кассировъ, которые могли бы сосредоточить въ своихъ рукахъ завѣдываніе всей денежной частью въ уѣздѣ [3]).

Еще болѣе, чѣмъ офицеры при подушномъ сборѣ и воеводскіе товарищи въ уѣздныхъ городахъ, занималъ администраторовъ 60-хъ годовъ вопросъ объ общей удовлетворительности новыхъ штатовъ областныхъ учрежденій. Еще въ царствованіе Елизаветы мѣстныя учрежденія разрабатывали проекты своихъ будущихъ штатовъ, и если сравнить нѣкоторые изъ подобныхъ проектовъ съ тѣмъ, что правительство нашло возможнымъ дать въ 1763 году, то не трудно будетъ признать, что мѣстныя власти могли быть недовольными новыми условіями своей дѣятельности [4]).

Недовольство это довольно ярко сквозитъ въ уже упомянутыхъ донесеніяхъ Московскаго губернатора Юшкова. Юшковъ ука-

---

[1]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 564, донесеніе отъ 27 янв. и 19 апр. 1765 г.

[2]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 785.

[3]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 894. Донесеніе 25 февраля 1765 г., п. 8.

[4]) Въ этомъ убѣждаетъ, напр., сравненіе проекта штатовъ Астраханской губерніи, разработаннаго на мѣстѣ въ 1750 году, съ общими штатами 1763 г. (см. въ моей книгѣ „Исторія областного управленія отъ Петра I до Екатерины II“; т. I, стр. 126—135, 185—188, 277, 297—301).

зываетъ, что уже въ росписномъ спискѣ, по которому онъ получилъ губернію отъ своего предшественника Жеребцова, значится болѣе 1000 нерѣшенныхъ дѣлъ; недоимокъ за разными „невозможностями“ накопилось на нѣсколько милліоновъ рублей; текущихъ дѣлъ множество; въ вѣдѣніи губернской канцеляріи состоитъ болѣе пятидесяти городовъ, а между тѣмъ для исполненія всѣхъ этихъ дѣлъ „положено при губернаторѣ товарищей два, секретарей трое, служителей 31, а на канцелярскіе расходы всего 400 рублей“. Изъ этихъ чиновъ одинъ губернаторскій товарищъ „опредѣленъ къ смотрѣнію подушнаго сбору“, который ранѣе, по множеству собираемой суммы, вѣдали въ Московской губернской канцеляріи 3 штабъ-офицера; такимъ образомъ, дѣйствительнымъ помощникомъ губернатора остается одинъ только товарищъ, тогда какъ до 1763 года ихъ было 4; вздыхаетъ губернаторъ и о прежнихъ приказныхъ порядкахъ, когда было 8 секретарей и 85 подъячихъ. Недостаточность штатовъ 1763 года заставляетъ Юшкова просить о немедленномъ увеличеніи числа его подчиненныхъ; онъ проситъ, во-первыхъ, объ учрежденіи особаго департамента для разбора всѣхъ дѣлъ, накопившихся отъ прежняго времени, „на такомъ основаніи, какъ нынѣ при камеръ-коллегіи состоитъ“; во-вторыхъ, для безостановочнаго теченія новыхъ дѣлъ Юшковъ проситъ „прибавить въ губернію надворнаго совѣтника да секретаря одного, канцелярскихъ служителей десять человѣкъ“; на канцелярскіе расходы губернаторъ проситъ еще 300 рублей. Три мѣсяца спустя, Юшковъ вновь повторяетъ свою просьбу о назначеніи третьяго губернаторскаго товарища и о прибавкѣ суммы на расходъ [1]). Почти одинаковыя просьбы и желанія встрѣчаются и въ донесеніяхъ Сиверса. „Въ виду того“, доноситъ онъ императрицѣ еще въ 1764 году, „что подушный сборъ, корчемныя конторы и экономическіе крестьяне находятся въ настоящее время подъ вѣдѣніемъ губернской канцеляріи, послѣдняя совершенно лишена возможности удовлетворительно справляться со своими обязанностями, если только ея составъ не будетъ увеличенъ одинъ ассессоромъ, (т. е. товарищемъ) и нѣсколькими канцелярскими служителями“, и еще, кромѣ того, особымъ личнымъ секретаремъ губернатора; ту же просьбу настойчиво повторяетъ Сиверсъ и 4 года спустя. Въ первомъ донесеніи Сиверса встрѣчается и еще одна интересная фраза: „съ тѣхъ поръ какъ дворянство освобождено отъ всякой обязательной службы“, пишетъ онъ, „губернское началь-

[1]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 564, донесенія 27 янв. и 19 апр. 1765 г.

ство очень затрудняется найти людей для нескончаемаго числа порученій, которыя приходится давать безпрестанно; а давать ихъ, не вознаграждая за исполненіе, значитъ мириться съ лихоимствомъ“ [1]); такъ и лучшіе администраторы сожалѣли иногда о томъ времени, когда въ ихъ распоряженіи было достаточное число обязанныхъ службою дворянъ, которыхъ можно было посылать куда угодно и наказывать за совершенные на службѣ проступки.

Многіе областные правители 60-хъ годовъ мечтали объ учрежденіи мелкаго выборнаго органа изъ мѣстныхъ дворянъ, который бы помогалъ въ управленіи воеводамъ слишкомъ большихъ уѣздовъ. Особенно этимъ озабоченъ былъ Сиверсъ, который такъ долго хлопоталъ о расчлененіи громаднаго Новгородскаго уѣзда, включавшаго всѣ 5 пятинъ, и такъ настойчиво добивался учрежденія въ немъ новыхъ городовъ. Въ донесеніи отъ 13 декабря 1769 года онъ пишетъ: „я воспользовался присутствіемъ здѣсь большого числа дворянъ, чтобы сдѣлать имъ нѣкоторыя предложенія касательно лучшаго устройства управленія этимъ огромнымъ Новгородскимъ уѣздомъ, который въ иныхъ мѣстахъ достигаетъ до 400 верстъ въ діаметрѣ. Прежде всего я предложилъ имъ раздѣлить весь уѣздъ „въ комиссарствы“, по пяти погостовъ въ каждомъ, избрать комиссаровъ изъ своей среды и содержать ихъ на свой счетъ, чтобы имѣлось наблюденіе за порядкомъ. Всѣ единогласно приняли мое предложеніе и согласились уплачивать комиссарамъ по копѣйкѣ съ души, что составитъ приблизительно отъ 60 до 80 рублей въ годъ въ пользу каждаго“ [2]). Немного ранѣе Воронежскій губернаторъ Масловъ, одинъ изъ авторовъ приведенной выше записки, жалуясь на анархію, царившую среди однодворцевъ его губерніи, предлагалъ для смотрѣнія за ними учредить особыхъ комиссаровъ по одному на 5000 душъ по примѣру сосѣдней Слободско-Украинской губерніи; на содержаніе комиссаровъ предлагалось собирать въ годъ по 2 копѣйки съ каждой однодворческой души и по 30 четвертей хлѣба съ 5000 душъ. На обязанности комиссаровъ, которые должны быть назначаемы изъ достойныхъ и честныхъ людей изъ офицеровъ, кромѣ общаго полицейскаго надзора возлагалось принуждать однодворцевъ къ земледѣлію, искоренять между ними корчемство, судить по мелкимъ дѣламъ, разрѣшать земельные споры и смотрѣть за дорогами [3]).

[1]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 785, лл. 14—15, 68—74.

[2]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 785, л. 165.

[3]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 650; по существу проектъ Маслова сводился

Мысль о комиссарахъ изъ дворянъ, выборныхъ или назначаемыхъ, смотря по мѣстности, была, видимо, въ умахъ очень многихъ дѣятелей того времени. Кромѣ донесеній губернаторовъ, эту мысль мы находимъ и въ проектахъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ, возникавшихъ въ то время; сюда относится, напримѣръ, проектъ нѣкоего Вонлярлярскаго, изложенный въ письмѣ къ какому-то высокопоставленному лицу, написанномъ въ 1762 году. По мнѣнію автора, выборнымъ сельскимъ властямъ предоставлено слишкомъ много власти: „для поправленія сего великаго недостатку, мнѣ кажется, должно бы было во всякомъ стану или въ такой окрестности, которая съ званіемъ стана соотвѣтствуетъ, учредить изъ дворянъ, выборомъ дворянскимъ, по два комиссара—для того по два, что когда одинъ куда отлучится, то-бъ другой всегда былъ неотлученъ изъ своего уѣзду... Во оные-жъ комиссары выбирать не изъ бѣдныхъ, но изъ лучшихъ дворянъ. Дѣла у нихъ будутъ толикой важности, что кто бы ни былъ какого чина, то исполнять оные было бы ему непостыдно и оная бы могла назваться самая знатнѣйшая домовая дворянская служба“ [1]). Приведенныя слова убѣждаютъ въ томъ, что мысль о выборномъ комиссарѣ изъ дворянъ существовала уже въ началѣ 60-хъ годовъ. Еще ярче она выразилась въ дворянскихъ наказахъ, поданныхъ въ комиссію 1767 года, рѣдкій изъ которыхъ не ставитъ будущаго благополучія русской провинціи въ зависимость отъ комиссара, прокурора, предводителя или опекуна изъ дворянъ. Мысли губернаторовъ были, слѣдовательно, только отраженіемъ мыслей дворянскаго общества.

Я уже приводилъ выше жалобы Московскаго губернатора Юшкова на недостаточность суммъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе; Юшковъ проситъ о прибавкѣ денегъ на канцелярію; Архангелогородскій губернаторъ Головцынъ жалуется, что губернскихъ суммъ не хватаетъ на уплату прогонныхъ. Еще недавно, доноситъ онъ въ февралѣ 1765 года, пришлось посылать нарочныхъ офицеровъ по порученію коллегіи экономіи, „коимъ болѣе сорока рублевъ прогонныхъ денегъ и выдано было“; а между тѣмъ коллегія на требованіе возмѣстить эти деньги „отозвалась неимѣніемъ указа“ [2]). Дорого стоятъ и губернаторскіе разъѣзды; отсутствіе возможности получить за нихъ приличные прогоны не оста-

---

къ возобновленію „однодворческихъ управителей“, учрежденныхъ въ концѣ 50-хъ годовъ и уничтоженныхъ при Петрѣ III (см. мою книгу „Исторія областного управленія отъ Петра I до Екатерины II“, т. I, стр. 202—203).

[1]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 190.

[2]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 594, донесеніе 22 февраля 1765 г., п. 15.

лось, кажется, безъ вліянія на желаніе самого Головцына избавиться отъ ненавистныхъ путешествій по своей безграничной губерніи.

Мнѣ уже пришлось въ другомъ мѣстѣ касаться замѣчаній, какія начальники губерній дѣлали по поводу указа 11 октября 1764 года объ измѣненіяхъ въ составѣ уѣздныхъ городовъ имперіи; особенностью этого указа было то, что онъ заключалъ предписаніе губернаторамъ представить свои возраженія или даже составить свой собственный проектъ новаго расписанія городовъ, если составленное Сенатомъ расписаніе покажется имъ непріемлемымъ. Особенно энергично реагировали на указъ Воронежскій губернаторъ Масловъ, у котораго было слишкомъ много пришедшихъ въ упадокъ и ненужныхъ городовъ, и Новгородскій—Сиверсъ, у котораго ихъ, наоборотъ, было слишкомъ мало [1]). Добавлю здѣсь, что и нѣкоторые другіе губернаторы входили около этого времени съ представленіями объ измѣненіяхъ въ уѣздномъ дѣленіи, хотя такія представленія и не всегда, можетъ быть, стоятъ въ связи съ указомъ 1764 года. Такъ, тотъ же Головцынъ ходатайствовалъ въ 1765 году объ упраздненіи дворцовыхъ управителей въ Важскомъ уѣздѣ и о соединеніи двухъ самостоятельныхъ частей этого обширнаго края подъ управленіемъ одного воеводы, подчиненнаго на общемъ основаніи губернатору.

Таковы отзывы, представлявшіеся начальниками губерній верховной власти относительно тѣхъ сторонъ областного управленія, которыя были видоизмѣнены или затронуты мѣропріятіями 1762—1764 годовъ. Но областное управленіе имѣло и другія застарѣлыя язвы, которыхъ императрица Екатерина не пыталась врачевать въ свою первую попытку областной реформы. Самой тяжелой, можетъ быть, язвой областной жизни былъ судъ, тѣсно слитый съ общимъ управленіемъ, подчиненный административной власти и ею подавленный. Ко времени воцаренія Екатерины II уже раздавались въ обществѣ голоса, указывавшіе на неудовлетворительное состояніе суда и на необходимость его преобразованія. Помянутое уже письмо Лярскаго имѣло главною цѣлью именно обратить вниманіе на судъ и представить соображенія о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ судебномъ дѣлѣ. И въ губернаторскихъ донесеніяхъ можно встрѣтить мысли, касающіяся мѣстнаго суда.

Было бы, впрочемъ, ошибочно думать, что администраторы

---

[1]) См. мою книгу „Исторія областного управленія отъ Петра I до Екатерины II, т. I, стр. 115—118.

XVIII вѣка хоть сколько-нибудь стремились къ отдѣленію суда отъ администраціи; то, что намъ кажется непремѣннымъ условіемъ удовлетворительной дѣятельности суда, слишкомъ противорѣчило вѣками сложившейся близости русскаго суда и управленія; въ первые годы царствованія Екатерины не думали даже о возстановленіи Петровскихъ надворныхъ судовъ, и заботы губернаторовъ не простирались далѣе нѣкоторыхъ измѣненій въ судопроизводствѣ и просьбы о скорѣйшемъ изданіи новаго Уложенія. „Въ Архангелогородской и Устюжской провинціи“, доноситъ губернаторъ Головцынъ, „состоятъ черносошные крестьяне подъ управленіемъ губернской, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій, а въ волостяхъ никакихъ надъ ними начальниковъ, кромѣ однихъ сотскихъ, нѣтъ, и у тѣхъ крестьянъ между собою происходятъ ссоры и другъ къ другу обиды“; для разрѣшенія возникающихъ дѣлъ приходится обращаться въ губернскую канцелярію или къ воеводамъ и пользоваться судомъ по формѣ; при этомъ оказывается, что обиженные—по большей части бѣдные и невѣжественные люди, „а паче вдовы и сироты“, не имѣющіе денегъ даже для того, чтобы заплатить за написаніе челобитной; „а соперники ихъ обыкновенно бываютъ богатые и, полагаясь на нищету своихъ челобитчиковъ, добровольно съ ними не мирятся, требуя суда по формѣ, а принудить ихъ къ примиренію инымъ образомъ невозможно“. Во избѣжаніе необходимости примѣнять дорого стоящій и могущій надолго затянуться судъ по формѣ, губернаторъ предлагаетъ: „не соизволите-ль всемилостивѣйше указать между помянутыми черносошными крестьянами въ обидахъ и ссорахъ и въ прочихъ ихъ дѣлахъ имѣть въ канцеляріяхъ словесный судъ съ запискою ихъ просьбы, послѣ котораго суда, дабы подлежащія пошлины не пропадали, съ виноватыхъ взыскивать по указамъ, чѣмъ обидчиковъ наглость и мнимая надежда о судѣ по формѣ вовсе уничтожена быть можетъ“ [1]). Если вдуматься въ губернаторское предложеніе о введеніи особаго упрощеннаго суда для крестьянъ, то мы найдемъ въ немъ не одну только заботу о маленькихъ людяхъ, вдовахъ и сиротахъ и не одно недовѣріе къ суду по формѣ: подъ видомъ упрощеннаго и патріархальнаго суда губернатора или воеводы проявляется стремленіе къ дальнѣйшему увеличенію власти административной, уже отмѣченному нами при разборѣ записки четырехъ губернаторовъ, поданной 3 года спустя послѣ Головцынскаго донесенія; при такомъ усиленіи судъ долженъ былъ сдѣ-

[1]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 594, то же донесеніе, п. 13.

латься еще менѣе самостоятельнымъ, и на немъ сильнѣе стало бы чувствоваться давленіе администраціи, или, вѣрнѣе сказать, крутой нравъ самого правителя да аппетиты подъячихъ его канцеляріи.

Впрочемъ, добросовѣстные областные правители, вѣроятно, дѣйствительно испытывали затрудненія въ своей судебной дѣятельности: въ этомъ признавался императрицѣ Сиверсъ, писавшій ей, что проволочка въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ происходитъ помимо его воли, или же что онъ, наоборотъ, разбираетъ дѣла слишкомъ поспѣшно, потому что у него нѣтъ времени, чтобы въ нихъ вдуматься и углубиться. Выходомъ изъ положенія было бы, по мнѣнію Сиверса, скорѣйшее, по возможности, изданіе новаго, болѣе полнаго и отвѣчающаго современнымъ требованіямъ Уложенія; объ этомъ онъ пишетъ еще задолго до того, какъ собрана была комиссія 1767 года. „Новгородская область по справедливости носитъ прозваніе Нормандіи; она болѣе, чѣмъ какая-либо другая, нуждается въ новомъ уложеніи, при помощи котораго было бы возможно сократить процессы. Крючкотворство настолько развито здѣсь, что нѣтъ возможности добиться окончанія судебнаго дѣла. Осмѣливаюсь броситься къ ногамъ Вашего Величества, умоляя объ ускореніи работъ надъ новымъ Уложеніемъ“ [1]). И здѣсь—на первомъ планѣ стараніе облегчить дѣятельность губернатора, а не забота о переустройствѣ самаго суда на новыхъ и болѣе совершенныхъ основаніяхъ.

Отмѣтимъ еще нѣкоторыя соображенія Сиверса объ устройствѣ полицейской части; какъ извѣстно, эта отрасль управленія оставалась въ колеблющемся и хаотическомъ состояніи вплоть до областной реформы 70-хъ годовъ,—признаетъ это и Сиверсъ. Городская полиція, по его словамъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ губернскихъ, провинціальныхъ и уѣздныхъ городахъ, находится въ совсѣмъ неопредѣленномъ состояніи, такъ какъ неизвѣстно, въ чьемъ вѣдѣніи она должна находиться. Но не въ этомъ усматриваетъ Новгородскій губернаторъ самое большое зло; это послѣднее заключается въ томъ, что полицейскіе служащіе не получаютъ жалованья. „Новгородская полиція уже находится подъ судомъ за взяточничество; того же приходится опасаться и въ другихъ городахъ, если только не обезпечить пропитаніе полицейскихъ служащихъ“.

Въ концѣ 60-хъ годовъ критическія замѣчанія губернаторовъ по поводу областного строя прекращаются; въ донесеніяхъ 1770—

---

[1]) Гос. Арх., разр. XVI, д. 785, лл. 17—18, 58—74.

1775 гг. такихъ замѣчаній какъ будто нѣтъ совсѣмъ. Эта перемѣна совпадаетъ съ прекращеніемъ занятій Уложенной комиссіи; въ тѣсномъ правительственномъ кругу началась разработка проекта новаго Учрежденія для управленія губерніей въ его окончательномъ видѣ; повторять сказанное уже не разъ едва ли представлялось необходимымъ; было основаніе полагать, что критическіе отзывы губернаторовъ объ областномъ управленіи будутъ приняты во вниманіе творцами новаго строя наряду съ матеріалами, оставшимися въ наслѣдіе отъ Уложенной комиссіи, и думавшіе такъ, кажется, не ошибались.

Н. Чечулинъ.

Нѣсколько словъ о „старыхъ службъ служилыхъ людяхъ“ въ XVIII в.

Манифестомъ 14 декабря 1766 г. призваны были къ участію въ Комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія и „разныхъ службъ служилые люди“, которые должны были прислать депутатовъ „по одному отъ каждой провинціи“. Эти группы населенія охотно воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ сообщить правительству о своихъ нуждахъ: депутаты отъ нихъ явились въ комиссію и привезли съ собою свыше ста наказовъ, данныхъ имъ ихъ избирателями (Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т.т. 115, 144); кромѣ того, отъ имени этихъ служилыхъ людей были сдѣланы особыя дополненія къ нѣкоторымъ городскимъ наказамъ (Сборникъ, т. 93, наказъ отъ г. Серпухова и нѣкоторые другіе). Оказалось. такимъ образомъ, что эти группы населенія, упоминанія о которыхъ въ напечатанныхъ документахъ по исторіи XVIII в. сравнительно весьма немногочисленны и небогаты содержаніемъ, сохранили еще очень немалую жизненность и представляли собою довольно замѣтный элементъ въ областномъ населеніи Россіи. И намъ кажется, что небезынтересными представляются нѣкоторыя, хотя бы и довольно бѣглыя замѣчанія объ этихъ группахъ населенія, которыя можно сдѣлать на основаніи привезенныхъ ими наказовъ; кромѣ того, тотъ фактъ, что къ концу вѣка совершенно исчезаетъ изъ законодательства самый терминъ „старыхъ службъ служилые люди“, хотя еще въ серединѣ вѣка онъ далеко не былъ пустымъ звукомъ, выдвигаетъ, естественно, вопросъ о томъ, когда же и въ силу какихъ условій это состояніе совершенно исчезло. Свою попытку отвѣтить на этотъ вопросъ мы и представляемъ здѣсь.

Въ числѣ „старыхъ службъ служилыхъ людей“, выступающихъ предъ нами въ матеріалахъ Екатерининской комиссіи, мы видимъ: казаковъ, стрѣльцовъ, затинщиковъ, пушкарей, воротниковъ, зелейныхъ мастеровъ, казенныхъ плотниковъ и кузнецовъ,

засѣчныхъ сторожей, ямщиковъ и т. д.; всѣ они являются преемниками и потомками прежнихъ служилыхъ людей по прибору. Слободы такихъ служилыхъ людей начали возникать въ разныхъ городахъ Московскаго государства въ XVI в.; правительство пользовалось службою этихъ людей для снабженія городовъ разными необходимыми припасами тамъ, гдѣ не было вольныхъ ремесленниковъ, и, затѣмъ, какъ однимъ изъ средствъ для военной охраны городовъ. Возникали такія слободы и въ XVII и даже въ XVIII в.; въ Серпуховѣ, напримѣръ, была артиллерійская слобода; „дѣды и отцы“ ея жителей были „серпуховскими купцами и всякія государственныя подати платили обще, съ серпуховскими купцами на ряду, а въ прошломъ 1709 году, по грамотѣ великаго государя, царя и великаго князя Петра Алексѣевича, отъ того серпуховскаго купечества отбыли, понеже оные дѣды и отцы ихъ работывали въ Москвѣ на государевомъ артиллерійскомъ пушечномъ дворѣ кузнечныя дѣла, и были въ Смоленскѣ, въ Кіевѣ и въ прочихъ городахъ для той же государевой кузнечной работы, и тою государевой грамотою не велѣно со оныхъ дѣдовъ и отцовъ ихъ за тѣ работы серпуховскимъ земскимъ бургомистрамъ тягла, и всякія подати и подмоги брать и ни къ какимъ дѣламъ, опричь приказу артиллеріи, ихъ посылать, и имъ, бургомистрамъ, оныхъ дѣдовъ и отцовъ ихъ никакими дѣлами не вѣдать“ (Сборникъ, т. 93, стр. 204). До середины еще XVIII в. земли, занятыя этими служилыми людьми, находились на особомъ положеніи; такъ, въ Москвѣ со стрѣлецкихъ земель ежегодно платился въ казну оброкъ, но городского тягла онѣ не несли, и въ наказѣ, данномъ депутату отъ города Москвы въ комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія, предлагалось „для лучшаго порядка и уравненія... за платежныя земли единовременную съ владѣльцевъ взять сумму, и какъ оныя, такъ и слободскія тяглыя отдать въ вѣчное и потомственное владѣніе и состоять имъ подъ общею опекою и тягостію мѣщанства, и называться впрочемъ однимъ названіемъ городской земли“ (Сборникъ, т. 93, стр. 126). Память о томъ, что предки этихъ людей когда-то добровольно вступили въ своего рода союзъ и приняли сообща нѣкоторыя обязанности, сохранялась довольно живо; еще въ межевой инструкціи 25 мая 1766 г. предписывалось: „всѣ состоящія за однодворцами и прежнихъ службъ служилыми людьми... слободы, села, деревни и пустоши и прочія угодья утверждать по писцовымъ и межевымъ книгамъ по всякимъ дачамъ и крѣпостямъ, не каждому порознь, но вообще всѣмъ одной слободы, села или деревни, съ принадлежащими къ нимъ пустошами ко всякому селенію особо“; и притомъ, „отмежевать въ одну

общую округу, а не порознь“ (П. С. З., т. XVII, стр. 765). Земельныя владѣнія этихъ людей бывали иногда очень обширны. Въ Каширѣ, напримѣръ, по третьей ревизіи считалось пушкарей, стрѣльцовъ и ямщиковъ 341 душа, а земли они имѣли свыше 2000 десятинъ, въ то время какъ городскіе жители, которыхъ числилось по той же ревизіи 500 душъ, имѣли всего 154 десятины (Сборникъ, т. 93, стр. 450); не разъ встрѣчаются жалобы городскихъ жителей, что старыхъ службъ служилые люди, пользуясь своимъ многолюдствомъ, причиняютъ разныя стѣсненія другимъ жителямъ, особенно относительно пользованія земельными участками. Эти люди сохранили право быть судимыми въ особыхъ опредѣленныхъ учрежденіяхъ, и даже дворяне жаловались на „великое отягощеніе“ отъ того, что на дворянъ всякіе люди „во всякомъ судебномъ мѣстѣ свою сатисфакцію сыскать могутъ“, а дворянамъ приходится просить на нѣкоторыя грушы лицъ въ опредѣленныхъ приказахъ, напримѣръ, на „селитряныхъ уговорщиковъ“ (уготовщиковъ?)—въ канцеляріи главной артиллеріи и фортификаціи, на ямщиковъ—въ ямскомъ приказѣ (Сборникъ, т. 68, стр. 613). Съ другой стороны, наоборотъ, читаемъ жалобы серпуховскихъ казенныхъ кузнецовъ, что они разныхъ сборовъ платятъ въ годъ съ души по 1 р. 70 к., тогда какъ кущы всего по 1 р. 20 к., и въ то-же время кущы не только не допускаютъ ихъ вести какую-либо самостоятельную торговлю, но даже „ихъ мастерства, дѣланныя самими ими, желѣзныя и для всего общества необходимыя вещи, т. е. топоры, серпы, косы, сошники и прочее сему подобное, повольно продавать на торгу запрещаютъ, и завсегда съ тѣмъ съ торгу съ немалыми побоями назадъ ссылаютъ“ (Сборникъ, т. 93, стр. 209).

Вообще, ближайшее изученіе быта разныхъ службъ служилыхъ людей въ XVIII в., несомнѣнно, внесетъ любопытныя черточки въ исторію русской жизни того времени; на основаніи того немногаго, что извѣстно теперь, надо заключить, что, такъ сказать, пестрота тогдашнихъ внутреннихъ отношеній и процессовъ въ массѣ населенія была значительно разнообразнѣе и сохранялась значительно дольше, чѣмъ кажется на первый взглядъ.—Обращаемся теперь къ вопросу: когда и какъ исчезло у насъ состояніе разныхъ службъ служилыхъ людей.

Общаго указа, прямо уничтожающаго и отмѣняющаго это состояніе, неизвѣстно; думаемъ, что такого указа и впредь не найдется: состояніе разныхъ службъ служилыхъ людей исчезло, повидимому, постепенно, въ связи съ нѣкоторыми другими государственными установленіями, которыя были введены безъ прямой связи съ этимъ институтомъ.

Упоминанія о прежнихъ службъ служилыхъ людяхъ въ XVIII в. вообще немногочисленны и довольно случайны; изъ распоряженій общаго характера, касающихся ихъ, наиболѣе важными являются постановленія о нижней расправѣ, имѣющіяся въ Учрежденіи для управленія губерній Всероссійской Имперіи, особенно въ ст. 335. Статья эта гласитъ слѣдующее: „Въ тѣхъ городахъ и округахъ, гдѣ жительство имѣютъ однодворцы, или всякихъ прежнихъ службъ служилые люди, или черносошные или государственные крестьяне, приписные къ какимъ ни есть мѣстамъ или заводамъ, то для таковыхъ, какъ въ статьѣ 75 написано, дозволяется въ губерніи учредить, по усмотрѣнію генералъ-губернатора, смотря на пользу и нужды и соображаясь съ обширностью намѣстничества и обстоятельствами разнообразныхъ уѣздовъ, у десяти до тридцати тысячъ душъ по одному суду подъ названіемъ— нижняя расправа; ямщики же, экономическіе и дворцовые крестьяне и прочіе, временно въ коронномъ управленіи состоящіе, вѣдомы да будутъ судомъ и расправою на такомъ же основаніи въ нижней расправѣ“.

Нѣсколько статей далѣе (напр. 337, 359) говорятъ о „подсудныхъ нижней расправѣ селеніяхъ и людяхъ“; соотвѣтственно съ учрежденіемъ губернскихъ магистратовъ надъ городовыми и верхнихъ земскихъ судовъ надъ нижними, и надъ нижнею расправою учреждалась верхняя расправа (ст. 350 и слѣд.).

Установленіе для разныхъ службъ служилыхъ людей такихъ же спеціальныхъ судовъ, какіе создавались для дворянъ и для городскихъ жителей, могло бы съ теченіемъ времени имѣть своимъ результатомъ закрѣпленіе и юридической, и общественной обособленности этихъ группъ населенія. Но организація и дѣятельность расправъ не получили той точности и опредѣленности, какія были необходимы для того, чтобы могъ явиться такой результатъ. Прежде всего, самое возникновеніе ихъ поставлено было въ зависимость отъ усмотрѣнія генералъ-губернатора; въ то время какъ всѣ другія опредѣленныя Учрежденіемъ судебныя и административныя мѣста должны были быть вводимы по самому этому Учрежденію, введеніе расправъ предоставлялось усмотрѣнію генералъ-губернатора. Затѣмъ чрезвычайно неясно опредѣленъ былъ способъ ихъ образованія.

Приведенная выше статья 335 ссылается на ст. 75: расправы должны быть образуемы на основаніи этой 75 статьи. Статья 75 говоритъ слѣдующее (опускаемъ только конецъ ея, совершенно не имѣющій значенія для разсматриваемаго вопроса): „Верхней расправы засѣдатели, да 8 засѣдателей нижней расправы, изъ

коихъ двое отсылаются для засѣданія въ нижнемъ земскомъ судѣ, да двое въ совѣстномъ судѣ по дѣламъ, до ихъ селеній касающимся, выбираются тѣми селеніями, кои составляютъ подсудное вѣдомство той верхней расправы". Какъ мы видѣли, по ст. 350 верхняя расправа учреждалась на цѣлую губернію, и только „буде обширность намѣстничества того требуетъ", дозволялось учредить въ намѣстничествѣ „болѣе одной верхней расправы"; въ дѣйствительности, кажется, нигдѣ болѣе одной верхней расправы учреждено не было — во всякомъ случаѣ, въ губерніи могла быть и одна верхняя расправа; ей, слѣдовательно, подсудны были всѣ селенія той губерніи; какъ же должны они были выбирать восемь засѣдателей нижней расправы? Очевидно, что это вовсе не совсѣмъ простое дѣло, далеко не само собою ясное; между тѣмъ, никакихъ указаній на этотъ счетъ въ законѣ не дано; сверхъ того, ст. 75 говоритъ о выборахъ засѣдателей нижней расправы селеніями, а ст. 335, на нее якобы опирающаяся, говоритъ уже о нижнихъ расправахъ въ городахъ и селеніяхъ; какъ осуществить и въ городахъ порядокъ, установленный—да и то весьма неясно—для селеній,—объ этомъ тоже не сдѣлано никакихъ указаній. Совершенно естественно, что при такихъ условіяхъ дѣятельность нижнихъ расправъ не получила сколько-нибудь замѣтнаго значенія, и положеніе тѣхъ старыхъ службъ служилыхъ людей, нѣкоторому обособленію которыхъ основаніе расправъ могло содѣйствовать, совершенно не закрѣплялось; къ тому же—черезъ 10 лѣтъ по изданіи Учрежденія о губерніяхъ, прежде еще, чѣмъ оно было введено на всемъ пространствѣ Имперіи, издано было новое узаконеніе, которое совершенно разрушило всякую обособленность жившихъ по городамъ старыхъ службъ служилыхъ людей и привело къ тому, что они вошли безъ всякихъ отличій въ общую массу городскихъ обывателей. Узаконеніе это—Грамота на права и выгоды городамъ Россійской имперіи, 21 апрѣля 1785 г. (П. С. З. № 16188).

Грамота эта постановляла (ст. 6), что „кто поселится въ городѣ, тотъ имѣетъ учинить росписку вмѣсто присяги, что право гражданское принимаетъ и обязуется по мѣщанству нести тягости"; тому, „кто въ городѣ въ мѣщанство не записанъ", запрещалось „мѣщанскимъ промысломъ промышлять" подъ страхомъ отвѣтственности (ст. 11); „кто не вписанъ въ городскую обывательскую книгу города, тотъ не только не принадлежитъ къ гражданству того города, но и не пользуется мѣщанскою выгодою" (ст. 56). Такого рода постановленія не могли не побуждать жившихъ по городамъ людей старыхъ службъ вступать

въ число мѣщанъ: вѣдь, безъ этого они теряли право заниматься и торговлею, и ремеслами, такъ какъ занятія эти предоставлялись только записаннымъ въ городскія книги, вступленіе же въ число гражданъ города было чрезвычайно легко, доступно едва ли не всякому желающему, такъ какъ для того, чтобы быть записаннымъ въ городскую книгу какого-либо города, достаточно было „въ томъ городѣ домъ, или иное строеніе, или мѣсто, или землю имѣть“ (ст. 63); въ городскую книгу вписывались „посадскіе“, а посадскіе, по опредѣленію Грамоты, „суть въ томъ городѣ старожилы, или поселившіеся, или родившіеся, кои въ другихъ частяхъ городовой обывательской книги не внесены, (и) промысломъ, рукодѣліемъ или работою кормятся въ томъ городѣ“ (ст. 68 и ст. 77) — подъ такое опредѣленіе, очевидно, подходилъ всякій житель города. Ст. 120 предписываетъ въ цехи записывать „всякаго, кто въ городѣ ремесло или рукодѣліе производить желаетъ“; наконецъ, ст. 138 прямо гласитъ: „не запрещается никому записаться въ посадъ города“. Также вполнѣ свободенъ былъ и доступъ въ число купцовъ: „дозволяется всякому,—гласитъ ст. 92,—какого бы онъ ни былъ пола или лѣтъ, или рода, или поколѣнія, или семьи, или состоянія, или торга, или промысла, или рукодѣлія, или ремесла, кто за собою объявитъ капиталъ отъ 1.000 р. до 50.000 р., записаться въ гильдіи“ (то же ср. ст. 64), причемъ ст. 97 прямо запрещаетъ какую-либо провѣрку, вѣрно ли объявленъ капиталъ: это оставлялось на совѣсти каждаго и, что важнѣе, было связано съ уплатою одного процента съ объявленнаго капитала. Эти постановленія открывали свободный доступъ въ число городскихъ обывателей тѣмъ старыхъ службъ служилымъ людямъ, которые пожелали бы перейти въ мѣщане или купцы, а въ силу другихъ статей грамоты такой переходъ дѣлался для нихъ несравненно болѣе удобнымъ, чѣмъ пребываніе въ прежнемъ состояніи.

По Грамотѣ городовые магистраты въ нѣкоторыхъ случаяхъ получали права по отношенію ко всѣмъ жителямъ города; имъ подлежали, напр., „всѣ дѣла по спорнымъ владѣніямъ въ городѣ“, по опекѣ надъ вдовами и сиротами всякаго званія жителей (ст. 45, 48); что касается дворянъ, то, поскольку эти статьи могли касаться ихъ, ихъ права были ограждены одновременно изданною жалованною грамотою дворянству, старыхъ же службъ служилые люди подобнаго, равносильнаго жалованнымъ грамотамъ дворянству и городамъ, опредѣленія своихъ правъ не получили, и, слѣд., имъ предстояло подчиниться въ такихъ случаяхъ рѣшеніямъ и дѣйствіямъ учрежденій, которыя пополнялись выборами, производимыми городскими жителями. А такъ какъ участіе въ

выборѣ шестигласной думы предоставлялось представителямъ и купцовъ, и мѣщанъ, и цеховыхъ (ст. 156 и слѣд.), то естественно, что старыхъ службъ служилые люди, при полной свободѣ поступленія въ число гражданъ города и при томъ условіи, что въ извѣстныхъ случаяхъ имъ все равно предстояло подчиниться рѣшеніямъ городской думы,—и переходили въ составъ городскихъ обывателей, т. е., сообразно капиталу, или въ число купцовъ или въ число мѣщанъ. И есть полное основаніе думать, что и Сенатъ именно такъ представлялъ себѣ дальнѣйшую судьбу старыхъ службъ служилыхъ людей. Уфимскій и Симбирскій генералъ-губернаторъ запросилъ Сенатъ: „полагать ли прежнихъ службъ служилыхъ людей наряду съ прочими однодворцами въ подушный окладъ, или предоставить дѣтей ихъ на укомплектованіе находящихся въ Уфимскомъ намѣстничествѣ воинскихъ командъ?“. Сенатъ, въ декабрѣ 1786 г., далъ свой отвѣтъ: относительно однодворцевъ онъ далъ особыя указанія, примѣняясь къ прежнимъ о нихъ узаконеніямъ, а прежнихъ службъ служилыхъ людей предписалъ: „удовольствовавъ землями, положить въ равный со всѣми государственными поселянами окладъ, а жительствующихъ по городамъ причислить въ мѣщане и цехи, кто въ какое состояніе самъ пожелаетъ“ (П. С. З. № 16467).

Итакъ, Сенатъ предписалъ живущихъ по городамъ прежнихъ службъ служилыхъ людей—а такихъ было значительное большинство—прямо зачислить въ сословіе городскихъ обывателей, а жившихъ въ Уфимскомъ намѣстничествѣ по уѣздамъ приказалъ вписать въ такое состояніе, изъ котораго оставался совершенно свободный переходъ въ состояніе городскихъ жителей. Такимъ образомъ, надо придти къ выводу, что исчезновеніе разныхъ разрядовъ старыхъ службъ служилыхъ людей стоитъ въ прямой связи съ изданіемъ жалованной грамоты городамъ: она открыла имъ свободный доступъ въ состоянія купцовъ или мѣщанъ и создала при этомъ такія условія, въ силу коихъ такой переходъ становился совершенно естественнымъ. Самый терминъ старыхъ службъ служилыхъ людей къ концу XVIII в. почти уже не встрѣчается въ правительственныхъ актахъ. Онъ исчезъ и окончательно, послѣ того какъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ были уничтожены и нижнія и верхнія расправы, при самомъ учрежденіи которыхъ эти разряды имѣлись спеціально въ виду; 28 и 30 ноября 1796 г. нижнія и верхнія расправы были уничтожены въ Лифляндіи, Эстляндіи и Малороссіи, а 31 декабря 1796 г.—и повсемѣстно: онѣ не были включены въ число штатныхъ правительственныхъ учрежденій губерній (П. С. З. №№ 17584, 17594, 17702).

Едва ли можно сомнѣваться, что во многихъ случаяхъ вступленіе въ составъ горожанъ разныхъ старыхъ службъ служилыхъ людей сопровождалось довольно сложными расчетами, какъ слить въ одну городскую землю тѣ владѣнія, которыя прежде принадлежали городу, съ тѣми, которыя принадлежали воротникамъ, пушкарямъ или др. подобнаго положенія людямъ. Но изученіе этихъ процессовъ уже не входитъ въ задачу этой замѣтки.

С. Котляревскій.

Историзмъ и юридическое образованіе.

Съ именемъ юридическаго метода обыкновенно связывается представленіе о нѣкоторыхъ пріемахъ научной работы, которые очень далеки, въ извѣстномъ смыслѣ противоположны, навыкамъ историческаго изученія. Чистая догматика есть система понятій, связанныхъ другъ съ другомъ исключительно логической послѣдовательностью; она не заботится о томъ, укладываются ли соотвѣтствующія имъ реальности въ рамки этихъ понятій. Здѣсь всюду рѣзкія грани, опредѣленные переходы. Какой контрастъ съ міромъ соціальной дѣйствительности, гдѣ всюду мы встрѣчаемъ постепенности и оттѣнки, все находится въ вѣчномъ движеніи, все переливаетъ за грани установленныхъ и всегда искусственныхъ понятій.

Этимъ, конечно, еще отнюдь не отрицается цѣнность формально-юридическаго метода. Извѣстная стилизація присуща всякой обработкѣ матеріала нашего знанія. Итальянскій юристъ Бартоломеи доказывалъ, что въ этомъ смыслѣ соціологія не имѣетъ преимуществъ передъ юриспруденціей; она также пользуется стилизаціей. Юридическія конструкціи можно сравнить со служебными гипотезами: и онѣ имѣютъ лишь вспомогательную, служебную цѣль; не нужно только ужъ приписывать имъ какого-то объективнаго существованія. Когда спрашивается, есть ли государство субъектъ или правоотношеніе,—самый вопросъ въ корнѣ неправиленъ. Рѣчь идетъ не объ истинности, а о цѣлесообразности: подъ какой категоріей намъ удобнѣе мыслить государство. Въ еще большей степени это относится къ вопросамъ цивилистики. Методологическая искусственность не опасна, пока она явственно нами сознается.

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы область формальной юриспруденціи была самодовлѣющей. Абсолютный дуализмъ быта и нормы, факта и права, абсолютная независимость права отъ его

осуществленія, каковую, напримѣръ, такъ энергически отстаиваетъ Кельсонъ въ Hauptprobleme der Staatswissenschaftslehre, грозитъ превратить самое право въ какой-то призракъ, безплотный и безплодный. Юридическій анализъ и юридическая конструкція имѣютъ смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если они примѣняются къ матеріалу соціальной дѣйствительности или, по крайней мѣрѣ, возможности. Юристъ-догматикъ никогда не долженъ забывать, что право есть не только совокупность нормъ, но и жизненная функція, развитіе которой никакъ нельзя свести къ логической игрѣ нашего ума. Величайшая заслуга Іеринга заключается въ категорическомъ утвержденіи этого элемента жизненной цѣлесообразности.

Отсюда ясны и предѣлы правоваго догматизма. Онъ никогда не можетъ создать абсолютно законченной, не имѣющей пробѣловъ системы. Нечего и говорить, что ея нельзя встрѣтить въ публичномъ правѣ. Іеллинекъ въ полемикѣ съ Лабандомъ относительно возможности безбюджетнаго состоянія ясно показалъ наличность существенныхъ пробѣловъ въ нормахъ, регулирующихъ государственное устройство,—въ конституціонномъ правѣ. Но то же самое относится и къ области гражданскаго права, которое по справедливости признается наиболѣе совершенной сферой примѣненія формально-юридическаго метода. Наличность подобныхъ пробѣловъ лучше всего подтверждается современнымъ движеніемъ въ пользу „freie Rechtsfindung“ — свободнаго правонахожденія у судьи,—какъ бы мы къ нему ни относились. Эта наличность признается и современными законодательными памятниками гражданскаго права (I ст. Швейцарскаго Уложенія). Думать иначе—значитъ забывать о тѣхъ жизненныхъ силахъ, подъ вліяніемъ которыхъ постоянно измѣняется и обновляется дѣйствующее право. При этомъ послѣднее можетъ состоять изъ качественно весьма разнородныхъ элементовъ. Достаточно вспомнить о преторскомъ правѣ въ Римѣ наряду съ ius civile, объ equity канцлерскаго суда въ въ Англіи наравнѣ съ common law.

Ясны выводы, которые отсюда вытекаютъ для правильной постановки юридическаго образованія. Историзмъ есть совершенно необходимый его моментъ. Мы говоримъ объ историзмѣ, а не объ изученіи лишь извѣстныхъ отдѣловъ исторіи права, которые представляются почему-либо практически важными. Можетъ быть, предубѣжденіе сторонниковъ естественнаго права передъ т. н. „элегантными юристами“, пускающими пыль въ глаза своими антикварными знаніями, и имѣло нѣкоторый смыслъ. Произвольность и односторонность раціоналистическаго міровоззрѣнія не могли быть вскрыты при помощи простыхъ собраній фактовъ изъ области

исторіи права. Требовалось нѣчто большее, что дано было общимъ поворотомъ европейской мысли, устремленіемъ ея вниманія къ ирраціональному и безсознательному, къ традиціи и народности, къ органическому росту въ его противоположности механическому устроительству. Требовалось то пониманіе права, которое нашло такого блестящаго выразителя въ лицѣ Савиньи. Замѣчательно, что у него, какъ и у Пухты, мы видимъ глубокое стремленіе освободиться отъ путъ судебнаго практицизма и удовлетворить въ этой области прежде всего чисто теоретическимъ интересамъ.

Новѣйшее развитіе права во многомъ подтверждаетъ это пониманіе. Оно протекаетъ подъ знакомъ верховенства закона, установленнаго во французской революціи. Но мысль сдѣлать законъ единственнымъ источникомъ права оказывается и теперь неосуществимой. Столѣтіе дѣйствія Code civil показало, какъ существенно измѣняется его истолкованіе,—напомнимъ хотя бы вопросъ о recherches de paternité. Текстъ закона наполняется новымъ содержаніемъ. Въ еще большей степени это относится къ различнымъ отраслямъ публичнаго права—прежде всего къ тому отдѣлу, который такъ характеренъ для XIX вѣка—къ праву административному. И опять-таки самый разительный примѣръ даетъ здѣсь французская административная юстиція, которая составляетъ предметъ справедливой гордости французскихъ юристовъ. Не въ законодательномъ порядкѣ созданныя общія нормы, а отдѣльныя рѣшенія государственнаго совѣта проложили здѣсь новые пути, въ чрезвычайной степени расширили средства противъ злоупотребленій властью, создали возможность административнаго иска тамъ, гдѣ еще недавно признавалось возможнымъ лишь обращеніе съ просьбой. И, наконецъ, даже въ области конституціоннаго права обнаружилось правообразующее значеніе обычая и практики. Германскій союзный совѣтъ сдѣлался постояннымъ учрежденіемъ, неподлежащимъ роспуску, хотя текстъ имперской конституціи нисколько не измѣнился. Эта конституція не знаетъ у рейхстага правъ интерпелляціи, и тѣмъ не менѣе они совершенно вошли въ обиходъ. А дерогирующая сила практики проявилась хотя бы въ исторіи права роспуска французской нижней палаты, права, которое по конституціи формально принадлежитъ президенту. Но, быть можетъ, наиболѣе замѣчательны перемѣны, происшедшія въ смыслѣ перехода къ режиму политической отвѣтственности въ странахъ первоначально дуалистическихъ. Побѣда датскаго фолькетинга надъ министерствомъ Эструпа была важнѣйшимъ событіемъ въ конституціонной исторіи Даніи, событіемъ, съ котораго начинается новый ея періодъ. И развѣ при неизмѣнности конституціонныхъ

текстовъ не получаютъ новый смыслъ такія отношенія, какъ отношенія избирателей и представителей, такіе институты, какъ роспускъ парламента и общіе выборы, превращающіеся въ своеобразный скрытый референдумъ.

Но еще важнѣе то мѣсто, которое занимаетъ историзмъ въ міровоззрѣніи современнаго человѣка. Вопреки Шопенгауэру и Ницше, это міровоззрѣніе глубоко имъ проникнуто. Мы научились въ относительномъ усматривать только относительное, а въ этомъ и заключается основная заповѣдь историзма. Поразительно, что гегельянская философія, превращающая какъ бы весь міръ въ абсолютныя логическія категоріи, дала чрезвычайно сильный толчокъ историческому пониманію культуры. И это нисколько не устраняется тѣмъ фактомъ, что новѣйшее поступательное движеніе въ различныхъ отрасляхъ исторической науки совершалось въ значительной степени путемъ освобожденія отъ гегельянскихъ схемъ, выражались ли онѣ въ терминахъ философскаго идеализма или матеріализма. Нечего говорить, насколько вмѣстѣ съ этимъ безмѣрно возросли требованія точности историческаго анализа. Здѣсь сохраняетъ полную силу предостерегающій завѣтъ Фюстель де Куланжа: на нѣсколько лѣтъ анализа нѣсколько строчекъ синтеза.

Это усовершенствованіе въ смыслѣ большей тщательности и детальности методологическихъ пріемовъ, однако, отнюдь не устраняетъ широкихъ историческихъ перспективъ, которыя открываются и въ области права. Достаточно здѣсь напомнить объ изученіи роли эллинизма въ созданіи римскаго права. Современный романистъ принужденъ въ самой большой степени считаться съ вліяніями Востока. И, несомнѣнно, даже въ Германіи будущее принадлежитъ именно такому историческому изученію римскаго права, ибо чистая догма права пандектнаго съ введеніемъ bürgerliches Gesetzbuch теряетъ свое практическое значеніе. Точка зрѣнія узкаго практицизма и здѣсь оказывается несостоятельной.

Двѣ великія идеи ограничиваютъ въ современной юриспруденціи господство чистаго догматизма: идеи естественнаго права и историческаго развитія. Возрожденіе интереса къ естественному праву есть фактъ въ настоящее время совершенно неоспоримый,— но оно возрождается не въ старой формѣ единаго разумнаго права всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Утверждая идеальные принципы, оно не отрицаетъ разнообразія тѣхъ историческихъ обстановокъ, въ которыхъ они воплощаются. И если мысль о естественномъ правѣ освѣщаетъ работу современной юриспруденціи, вноситъ въ нее здоровый идеализмъ, то сознаніе исторической по-

слѣдовательности и перспективъ одно способно превратить этотъ идеализмъ въ подлинную правотворческую силу, предохраняя отъ опасностей исключительнаго господства отвлеченной мысли и оторваннаго чувства. Лишь сочетаясь съ историзмомъ, примѣненіе къ жизни естественнаго права способно выполнить функцію не только разрушительную, но и созидательную.

Все это, быть можетъ, еще въ большей степени приложимо къ юридическому образованію въ Россіи.

Способность сильной и послѣдовательной юридической мысли встрѣчается у насъ сравнительно рѣдко, и эта отрасль знанія не развилась у насъ въ уровень съ другими. Можетъ быть, въ этомъ сказались нѣкоторыя національныя умственныя черты, нѣкоторое отсутствіе вкуса къ отвлеченной логикѣ, которая составляетъ основу формальной юриспруденціи. Но, несомнѣнно, здѣсь проявились и историческія условія, неблагопріятныя для развитія юридической рефлексіи. Это обнаруживается и въ сферѣ частнаго права и, разумѣется, въ еще большей степени въ сферѣ права публичнаго.

Мы имѣемъ здѣсь въ виду не только тотъ совершенно обычный фактъ, что отдѣленныя отъ насъ нѣсколькими вѣками учрежденія въ ихъ устройствѣ и дѣятельности весьма трудно поддаются истолкованію при помощи современныхъ юридическихъ категорій. Мы не можемъ прилагать къ исторіи сословныхъ штатовъ тѣхъ понятій, которыми мы пользуемся, изслѣдуя современные парламенты. Нельзя, напримѣръ, говорить здѣсь о совѣщательномъ или рѣшающемъ голосѣ. Учрежденія долгое время основываются на обычаѣ и бытѣ, прежде чѣмъ явится потребность регулировать ихъ точными нормами закона. Смыслъ словъ, который мы находимъ въ памятникахъ прошлыхъ учрежденій, существенно различенъ отъ современнаго. Фюстель де Куланжъ доказывалъ, что eligere каролингскихъ источниковъ далеко не всегда можно переводить черезъ слово élire. Liber homo англійской великой хартіи вольностей далеко не есть современный „свободный человѣкъ“. Въ этой безформенности и шаткости очертаній лежитъ одна изъ главныхъ трудностей, съ которой сталкивается историкъ учрежденій. Но именно въ прошломъ Россіи, гдѣ такъ много опредѣлялось „бытомъ“ и такъ мало юридической рефлексіей, оказываются особенно затруднительными сколько-нибудь точныя юридическія характеристики.

Вся искусственность подобнаго формально-юридическаго истолкованія особенно видна на примѣрѣ В. И. Сергѣевича. Никто, конечно, не можетъ отрицать его огромныхъ заслугъ въ разработкѣ

исторіи русскаго права. Но въ то же время въ его трудахъ поражаетъ основная психологическая ошибка: авторъ постоянно переноситъ въ эпохи, о которыхъ говорятъ его „Русскія юридическія древности“, стремленіе къ юридической точности, присущей современному государству и обществу. Отъ него какъ-то ускользаетъ постепенность въ наростаніи обычныхъ нормъ. Нѣтъ въ этомъ смыслѣ ничего болѣе характернаго, чѣмъ тщетные поиски Сергѣевича отыскать потерянный актъ, устанавливающій закрѣпощеніе крестьянъ. Въ нѣкоторой степени это приходится сказать и о Б. Н. Чичеринѣ, несмотря на то, что послѣдній такъ подчеркивалъ неустойчивость правовыхъ элементовъ въ древней Россіи. Достаточно напомнить классическія, можно сказать, страницы его изслѣдованія о духовныхъ и договорныхъ грамотахъ великихъ князей, гдѣ изображается долговременное господство чисто патримоніальныхъ началъ въ старо-русской государственной жизни. И все-таки суровая оцѣнка, произнесенная Б. Н. Чичеринымъ по поводу роли земскихъ соборовъ, истекала въ значительной мѣрѣ изъ слишкомъ формальнаго къ нимъ отношенія. Только при таковомъ можно было, напримѣръ, приводить азовскій соборъ для доказательства безсилія земскихъ соборовъ XVII вѣка. Нельзя предъявлять къ политическому мышленію эпохи требованій, ей чуждыхъ.

Но есть и другая сторона дѣла: слабость юридическихъ элементовъ особенно выразительно проявлялась въ положеніи личности. Въ обиходѣ Московскаго государства нѣтъ мѣста даже для зародышей того, что на позднѣйшемъ юридическомъ языкѣ получило наименованіе субъективныхъ публичныхъ правъ. Эта личность прикрѣплена къ государственной службѣ, къ государственному тяглу. Отчасти это связано и съ крайне слабымъ развитіемъ въ Московской Руси политическихъ притязаній и домогательствъ у общественныхъ классовъ. Кто не помнитъ мастерской характеристики, которую далъ В. О. Ключевскій въ „Боярской думѣ“, характеристики нашей боярской среды XVI вѣка, этой своеобразной аристократіи „безъ вкуса къ власти, безъ умѣнья или охоты вліять на общество, знати, которую больше занимали взаимные счеты и ссоры ея членовъ, чѣмъ отношенія къ государству и народу“,—не было, слѣдовательно, одного изъ главныхъ стимуловъ проводить опредѣленныя публично-правовыя границы. Самое искусство юридической конструкціи здѣсь оказывается малоплодотворнымъ, и историкъ древне-русскаго государственнаго права и учрежденій неизбѣжно оказывается въ гораздо большей степени историкомъ, чѣмъ юристомъ.

Мнѣ хотѣлось бы остановиться нѣсколько подробнѣе на томъ, что

для исторіи русскаго государственнаго права даютъ труды М. К. Любавскаго. Его труды главнымъ образомъ были посвящены исторіи учрежденій Литовско-русскаго государства. Онъ началъ съ мѣстнаго управленія,—послѣднему посвящена его магистерская диссертація, трактующая объ организаціи послѣдняго въ связи съ областнымъ дѣленіемъ государства въ эпоху изданія перваго Литовскаго статута. Ея естественнымъ продолженіемъ является монографія о Литовско-русскомъ сеймѣ, доведенная до времени Люблинскаго сейма. Оба эти труда основаны на использованіи огромнаго архивнаго матеріала и вмѣстѣ съ рядомъ замѣтокъ и статей, написанныхъ по даннымъ вопросамъ М. К. Любавскимъ, доставили автору признаніе не только въ русской, но и въ польской исторической литературѣ. И, наконецъ, „Очеркъ исторіи Литовско-русскаго государства до Люблинской уніи включительно“ есть популяризація предшествующихъ работъ и въ то же время суммарная характеристика государственныхъ и общественныхъ отношеній въ Западной Руси.

Главный предметъ изслѣдованія здѣсь, какъ мы говорили, лежитъ въ исторіи учрежденія. Не то, чтобы при этомъ игнорировались соціальныя условія и обстановка. Авторъ не забываетъ, что „экономическіе факторы берутъ обыкновенно свое вопреки юридическимъ ограниченіямъ“ (Литовско-русскій сеймъ, с. 848). Они передѣлали и тѣ правовыя грани, которыя установили статуты. Введеніе волочной помѣры и уставы при Сигизмундѣ Августѣ, создавая новыя отношенія между классами, связываются существенно и съ исторіей центральнаго и мѣстнаго управленія, но въ то же время эта исторія сохраняетъ свою самостоятельность; она не растворяется въ соціально-экономической обстановкѣ. Законодательство можетъ опережать естественное экономическое развитіе. М. К. Любавскій отказывается, напримѣръ, видѣть въ широкой раздачѣ привилегій на магдебургское право слѣдствіе роста денежнаго хозяйства на Литвѣ. По его словамъ, замѣна натуральныхъ повинностей денежными опережала это развитіе. Во всякомъ случаѣ, вопросъ о взаимоотношеніи хозяйства и учрежденій не можетъ рѣшаться отвлеченно для историка, изучающаго конкретныя отношенія; важно лишь не подходить къ нимъ съ предвзятой точкой зрѣнія.

Въ чемъ заключается цѣнность работъ М. К. Любавскаго для исторіи русскаго государственнаго права? Намъ кажется, прежде всего здѣсь открывается знаменательный контрастъ Западной и Восточной Руси, который въ свою очередь помогаетъ намъ уяснить контрастъ въ развитіи западно-европейскихъ и рус-

скихъ государственныхъ формъ. Въ этомъ смыслѣ Литовско-русское государство представляетъ переходную форму. Изученіе его, напримѣръ, существенно помогаетъ намъ отвѣтить на вопросъ, столь выдвинутый въ новѣйшей русской исторіографіи, былъ ли въ Московской Руси феодализмъ. Замѣчательно, что онъ особенно былъ выдвинутъ Павловымъ-Сильванскимъ въ эпоху, когда въ западной литературѣ почувствовалась реакція противъ преувеличеннаго представленія о безусловномъ господствѣ феодальнаго строя и права. Самъ Павловъ-Сильванскій впослѣдствіи внесъ существенныя ограниченія въ свою теорію русскаго феодализма, но, несомнѣнно, она представляла извѣстную привлекательность уже тѣмъ, что находила общія черты въ явленіяхъ русской и западной жизни. Но сознаніе сходствъ не должно затушевывать сознанія различій. И здѣсь чрезвычайно существенными являются данныя изъ исторіи Литовско-русскаго государства. М. К. Любавскій показываетъ, напримѣръ, какъ положеніе мѣстныхъ властей, воеводъ и старостъ, отнюдь не исчерпывалось ихъ связью съ центральной властью, какъ онѣ становились политическими представителями своихъ мѣстностей и главами земскаго самоуправленія (Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства, очеркъ IV). Какъ поучительно съ этимъ сопоставить исторію областного управленія и торжества въ немъ приказнаго начала въ Московскомъ государствѣ. Рядомъ съ этимъ можно сопоставить политическое господство пановъ-рады, вызвавшее подобное домогательство и въ рядахъ рыцарскаго шляхетства (Литовско-русскій сеймъ, главы IV и V). Въ Западной Руси землевладѣніе становится источникомъ политической и административной власти; всюду чувствуется вліяніе польскаго образца, и, чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе контрастъ этой земельной аристократіи и служилаго землевладѣнія Московской Руси. И если мы возьмемъ старое, нѣсколько одностороннее, но все же весьма мѣткое, опредѣленіе феодализма у Мэна, по коему здѣсь территоріальныя отношенія окрашены политически, а политическія—территоріально, то мы увидимъ, насколько въ большей степени удовлетворяетъ ему строй Литовско-русскаго государства, чѣмъ Москва.

Это отличіе вытекаетъ изъ другого, болѣе основного, которое М. К. Любавскій указываетъ на послѣднихъ страницахъ своего „Очерка исторіи Литовско-русскаго государства“: „Литовско-русское государство создалось и держалось на болѣе устойчивомъ и опредѣлившемся общественномъ матеріалѣ, чѣмъ государство Московское“. Сильные и самостоятельные общественные классы отнюдь не

допускали такого прикрѣпленія къ государственной службѣ и государственному тяглу, какъ въ Москвѣ. Сказывалось здѣсь и большее распространеніе городовъ, которымъ съ такой щедростью раздавалось магдебургское право. Вообще здѣсь юридическая рефлексія пробуждается раньше и выражается гораздо явственнѣе. Эта рефлексія создаетъ извѣстный правовой индивидуализмъ, чуждый Восточной Руси. И не сказывается ли одинъ изъ великихъ парадоксовъ исторіи въ томъ, что относительно высокое общественное развитіе и правовое сознаніе Литовско-русскаго государства, повидимому, въ международной борьбѣ оказалось для него источникомъ слабости, и успѣхъ въ ней достался на долю болѣе грубой, основанной на бытѣ и почти лишенной сознательно установленныхъ юридическихъ опредѣленій московской государственности.

Мы бы хотѣли еще нѣсколько остановиться на другомъ вопросѣ, чрезвычайно интересномъ съ точки зрѣнія государственно-правовой морфологіи. Извѣстно, съ какими трудностями связаны конструкціи всякаго рода государственныхъ соединеній и государствъ сложныхъ, какъ здѣсь сказывается ихъ неизбѣжная условность и искусственность. Она вскрывается даже при работѣ надъ современнымъ матеріаломъ, но особенно наглядно выступаетъ, когда мы обращаемся къ историческимъ образцамъ. Съ этой стороны выдающійся интересъ представляютъ различные этапы польско-литовскихъ соединеній: договоръ Ягайло съ польскими панами, неосуществленный благодаря сопротивленію Литвы; виленскій актъ 1401 г. о сліяніи Литвы и Польши въ единое государство; договоръ на Городельскомъ общемъ сеймѣ 1413 г., обезпечивающій Литвѣ обособленное государственное существованіе подъ верховенствомъ (скорѣе, мы бы сказали, международно-правового, чѣмъ государственно-правового характера) польской короны; колебанія при Казимірѣ и его сыновьяхъ; возстановленіе личной уніи съ избраніемъ Сигизмунда въ 1506 г.; и, наконецъ, Люблинскій сеймъ и созданіе единой Рѣчи Посполитой. Мы видимъ движеніе отъ личной уніи къ „втѣленью“ въ корону польскую. Развѣ мы не имѣемъ передъ собой ряда постепенностей, которымъ крайне трудно найти юридическое выраженіе? А между тѣмъ и здѣсь сказывается извѣстная наклонность искать подобныя выраженія, особенно, если мы сопоставимъ эти литовско-польскія отношенія съ отношеніями, возникшими между Москвой и Малороссіей послѣ Переяславской рады. Тамъ просто осталась полная неопредѣленность, которая позволяетъ говорить то о вассальной зависимости гетмана, то о реальной, то даже о личной уніи. Здѣсь юристъ далеко не въ такой степени почувствуетъ себя безпомощ-

нымъ; вѣдь оттѣнки и постепенность между отношеніями государственно-правовыми и международно-правовыми онъ найдетъ и въ современномъ ему политическомъ мірѣ. Поэтому М. К. Любавскій оказалъ цѣнную услугу ученію о сложномъ государствѣ, остановившись на разныхъ формахъ связи между Польшей и Литвой въ своемъ „Очеркѣ исторіи Литовско-русскаго государства".

Въ своей рецензіи на книгу Н. А. Максимейко „Сеймы Литовско-русскаго государства до Люблинской уніи 1567 г." М. К. Любавскій писалъ: „Г. Максимейку оставалось только провѣрить и дополнить меня, гдѣ было нужно, главныя же усилія своей мысли онъ могъ сосредоточить на общемъ выясненіи развитія и характера литовско-русскаго сейма, какъ представительнаго учрежденія. Раскрывая эту книгу, мы ожидали встрѣтить по этой части компетентное слово историка съ юридическимъ образованіемъ и мышленіемъ". Но это компетентное слово должно исходить прежде всего отъ историка какъ такового, а конечный изъ него выводъ можетъ уже сдѣлать—мы предпочли бы сказать—не историкъ съ юридическимъ образованіемъ, а юристъ съ историческимъ образованіемъ, юристъ, міровоззрѣніе котораго глубоко проникнуто научнымъ историзмомъ. Разработка у насъ русской исторіи представляетъ одну изъ самыхъ цѣнныхъ главъ въ исторіи научной русской мысли вообще, но юристъ имѣетъ особые мотивы признать ея исключительное значеніе и съ чувствомъ благодарности отнестись къ ея выдающимся представителямъ. Безъ историзма въ Россіи не можетъ быть подлиннаго юридическаго образованія, а есть только техническая выучка, иногда разбавленная псевдофилософскимъ диллетантизмомъ.

Понять наше прошлое, конечно, не значитъ его идеализировать. Славянофильскія иллюзіи были разрушены именно болѣе углубленнымъ историческимъ изученіемъ. Современное правотворчество не можетъ развиваться въ нездоровой атмосферѣ рабской привязанности къ старымъ формамъ правоваго быта, но не можетъ осуществляться и въ безвоздушномъ пространствѣ отвлеченныхъ формулъ. Пожелаемъ нашей высшей юридической школѣ никогда не забывать этихъ правилъ и всегда чувствовать живую связь съ преподаваніемъ и разработкой историческихъ дисциплинъ, связь, которая является лишь однимъ изъ проявленій единства науки.

Кожк. Стратожитскій.

„Избныя“ пошлины царскаго судебника.

Опытъ комментарія къ ст. 11.

Ст. 11 Судебника Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича во второй половинѣ читается такъ:

„а не станетъ кто у поля, или отъ поля сбѣжитъ, ино окольничему и діяку и недѣльщику имати на томъ какъ и съ мирового дѣла, а *избные* пошлины съ рубля по гривнѣ, а больше имъ того не имати; а возьметъ кто лишекъ и на томъ взяти втрое; а обыщется то, что жалобщикъ солгалъ, и того жалобщика казнити торговою казнію да вкинути въ тюрьму“.

Въ общемъ статья не представляетъ затрудненій для толкованія. Недоумѣнія вызываетъ лишь слово „избные“. Въ Карамзинскомъ спискѣ Судебника, относимомъ издателями „Актовъ историческихъ“ къ началу XVII вѣка, вмѣсто „избные“ стоитъ „избойные“. Современные издатели и задумываются надъ этими реченіями.

М. Ф. Владимірскій-Будановъ принимаетъ чтеніе Карамзинскаго списка. Въ своемъ комментированномъ изданіи Судебниковъ, онъ говоритъ: „Избойные“ въ Карамзинскомъ спискѣ, что, кажется, вѣрнѣе. Это, можетъ быть, пошлина съ побѣдителя на поединкѣ, древнее „помочное“. Пошлина „помочное“ есть пошлина Русской Правды: „Аже сверженъ виру, то гривна кунъ сметная отроку; а кто исклепалъ тому дати дроугая гривна, а отъ виры помочнаго 9 коунъ“. Кар. 16. Въ примѣчаніи къ этой статьѣ тотъ же комментаторъ отсылаетъ къ статьѣ 118 того же списка Русской Правды и затѣмъ поясняетъ: „Помочное“ (чешское pomoc̆ne) платилось оправдавшимся подсудимымъ“. Кар. 118 читается такъ: „А се оуроци судебный: отъ виры 9 коунъ, а металнику 9 вѣкошь, а отъ бортной земли 30 коунъ; а металнику 12 вѣкошь, а отъ ролейной земли такожь; а отъ свободивше че-

ляди на 9 коунъ, а металнику 9 вѣкошь, а отъ иныхъ отъ всѣхъ тожь, кому помогутъ, по 4 коуны, а металнику по 6 вѣкошь". Такимъ образомъ, помочное платилось въ томъ случаѣ, когда „кому помогутъ".

Самыя оговорки, которыми обставлено толкованіе: „кажется", „можетъ быть", указываютъ, что комментаторъ не увѣренъ въ его достаточной обоснованности. Это съ одной стороны. Съ другой— если принять, что „избойные" пошлины суть „помочное", то трудно, во-первыхъ, понять, за какую помощь и кому долженъ былъ платить оправдавшійся подсудимый, если онъ оправдывался въ силу простого факта бѣгства съ поединка противной стороны, т. е. при условіяхъ, исключавшихъ какую-бы то ни было нужду въ какой бы то ни было помощи. Во-вторыхъ, изъ текста статьи Судебника ясно видно, что „избные" пошлины взимались на томъ, кто не станетъ у поля, или отъ поля сбѣжитъ, т. е. на виноватомъ, а не на оправдавшемся подсудимомъ.

Думется, дѣло обстоитъ проще.

Разбираемая 11 статья Царскаго Судебника является одной изъ тѣхъ, которыя говорятъ о пошлинахъ, взимавшихся въ томъ случаѣ, когда спорное дѣло рѣшалось поединкомъ, когда стороны „досуживались до поля". Этимъ пошлинамъ въ Царскомъ Судебникѣ посвящено пять статей: 9, 10, 11, 12 и 16. Предшествующая этимъ статьямъ статья 8—первая въ этомъ Судебникѣ, посвященная пошлинамъ. Она опредѣляетъ, сколько долженъ былъ виноватый заплатить пошлинъ съ каждаго рубля цѣны иска въ пользу суда, и замыкаетъ собою изложеніе постановленій, опредѣляющихъ именно судъ. „А имати боярину, и дворецкому, и казначею, и діяку въ судѣ отъ рублеваго дѣла на виноватомъ пошлинъ: кто будетъ виноватъ, ищея ли, или отвѣтчикъ, и боярину, или дворецкому, или казначею на виноватомъ одиннадцать денегъ, и діяку семь денегъ, а подъячему двѣ деньги, а будетъ дѣло выше рубля или ниже рубля, и имъ имати пошлины по розчету"... Пошлины съ суда идутъ такимъ образомъ или боярину, или дворецкому, или казначею и діяку, а эти лица, какъ извѣстно, и были тѣми, кому поручался судъ Княземъ: ино сужу язъ князь великій или мой бояринъ введеный... или мой дворецкій... или мой казначей, говорится въ жалованныхъ грамотахъ [1]). Къ этимъ лицамъ, первоначально судившимъ единолично, потомъ, какъ видно изъ Великокняжескаго Судебника были приданы діяки, и такимъ образомъ были образованы какъ бы судебныя мѣста съ опредѣленнымъ

[1]) Характерно, что окольничему такого суда обыкновенно не поручается.

составомъ, называвшіяся избами, приказами. Этимъ лицамъ, засѣдавшимъ въ избѣ и образовывавшимъ судебное присутствіе, и шли судебныя пошлины, составлявшія въ своей совокупности гривну съ рубля—20 денегъ. Полевыя пошлины идутъ совершенно другимъ лицамъ: „а окольничему имати полевыхъ пошлинъ четверть рубля, а діяку четыре алтына, а подъячему денга, а недѣльщику имати четверть рубля, да недѣльщику имати четверть рубля, да недѣльщику жъ имати вязчего два алтына“... (ст. 10 ср. ст. 9). Очевидно, эти лица составляли особое полевое присутствіе, особый полевой судъ, который приготовлялъ мѣсто для поля, и передъ которымъ тяжущіеся и рѣшали свой споръ поединкомъ.

Такимъ образомъ, существовали два присутствія, одно судебное, составлявшееся изъ боярина, или изъ дворецкаго, или изъ казначея, діяка и подъячаго (ст. 8), другое полевое, состоявшее изъ окольничаго, діяка, подъячаго и недѣльщика (ст. 10). Статьи Судебника, говорящія о пошлинахъ съ поля, почти всегда рядомъ съ ними ставятъ пошлины въ пользу суда (ст. 9, 10 и 16). Очевидно, всякое дѣло, доходившее до поля, проходило черезъ эти два присутствія: судебное и полевое. Каждое изъ этихъ присутствій получаетъ свои пошлины, при чемъ пошлины судебныя всегда однѣ и тѣ же, опредѣленныя статьей 8: 1 гривна съ рубля. Пошлины же, шедшія въ пользу полевого присутствія, не одинаковы: величина ихъ опредѣляется количествомъ затраченнаго членами присутствія труда на устройство поля: они получаютъ полныя пошлины, если поле состоялось (ст. 11), они получаютъ ихъ въ половинномъ размѣрѣ, если польщики, явившись на поединокъ и, слѣдовательно, заставивъ полевое присутствіе приготовить поле, не приняли его, помирились (ст. 10), наконецъ полевое присутствіе *не получало пошлинъ*, если польщики совсѣмъ не являлись къ полю, *или одинъ изъ нихъ убѣгалъ съ поля* (ст. 9 и 11). Изъ статьи 16 видно, что пошлины, шедшія въ пользу суда, назывались судными, пошлины же, шедшія въ пользу полевого присутствія,—полевыми. „А кого послухъ опослушествуетъ въ бою, или въ грабежѣ, или въ займѣхъ, ино судъ на отвѣтчикову волю: хочетъ съ послухомъ на поле лезетъ, или ставъ у поля у креста на цѣлованье ему или безъ цѣлованья дастъ, а вины въ томъ отвѣтчику и пошлинъ полевыхъ убитыхъ нѣтъ. А побіются наполѣ и пошлины судныя и полевыя взяти, по указу, на убитомъ“.

Итакъ, дѣла во время Судебниковъ рѣшались прежде всего судомъ, въ приказѣ, въ избѣ, а потомъ поединкомъ—на полѣ. Каждое изъ этихъ присутствій получало свои особыя пошлины:

судныя и полевыя. Первыя пошлины были величиной постоянной, вторыя—измѣнялись по количеству затраченнаго присутствіемъ труда.

Примѣняя сказанное къ толкуемому мѣсту, нельзя не видѣть, что 1) „избные“ пошлины идутъ не тѣмъ лицамъ, которыя участвуютъ въ полевомъ присутствіи, 2) онѣ противополагаются пошлинамъ полевымъ, 3) онѣ выражены въ той же величинѣ, какъ и пошлины судныя. Отсюда очевидно: „избныя“ пошлины суть пошлины судныя, шедшія судному присутствію, засѣдавшему въ избѣ, въ приказѣ, т. е. боярину, или дворецкому, или казначею и діяку и подъячему, всѣмъ въ раздѣлъ съ рубля по гривнѣ, въ противоположность присутствію полевому, засѣдавшему при поединкѣ въ полѣ и получавшему полевыя пошлины. Прилагательное „избный“ означаетъ принадлежность къ избѣ, т. е. къ приказу; оно не является только здѣсь. С. М. Соловьевъ такъ описываетъ пріемъ Иваномъ Грознымъ литовскаго посланника Быковскаго, происходившій въ 1566 г., время, близкое къ Судебнику: „Царь велѣлъ дворянамъ изъ шатра повыступить, и оставилъ у себя бояръ и *дьяковъ избныхъ* и дворянъ большихъ, которымъ быть пригоже“... [1]). Если существовали дьяки дворцовые, площадные, земскіе, наконецъ введенные, то, очевидно, дьяки избные суть дьяки, засѣдавшіе въ избѣ, въ приказѣ, и терминъ избный былъ въ то время равнозначущимъ термину судный, приказный, ибо въ избѣ, въ приказѣ засѣдали судьи, слѣдовательно, и избный дьякъ былъ приказнымъ суднымъ дьякомъ.

Итакъ, слово „избный“ равнозначуще слову: „судный“, приказный. Очевидно, повторяю, и избные пошлины ст. 11 суть пошлины судныя, шедшія судьямъ приказа; онѣ и взимаются съ рубля по гривнѣ или по 20 денегъ, т. е. въ той суммѣ, въ какой взимались пошлины судному присутствію по ст. 8.

Принятіе такого пониманія „избныхъ“ пошлинъ избавитъ насъ отъ необходимости объяснять мудреное слово „избойный“. Въ нашей древней письменности по Срезневскому, есть слово „избои“ въ соединеніи съ прилагательнымъ „челюстный“ въ смыслѣ греческаго *ἀναίρεσις*, латинскаго elevatio maxillae (Матеріалы). Въ „Толковомъ словарѣ живого великорусскаго словаря“ В. И. Даля показано слово „избойный—къ избою, избитію относящійся. Избойный человѣкъ, буянъ, драчунъ, нахалъ“. Отсюда избойныя пошлины можно было бы объяснить, какъ пошлины, относящіяся къ избою тію. Но объясняемыя, бизи пошлины плати-

[1]) Соловьевъ. Исторія, кн. II, стр. 349.

лись безъ всякаго избоя и притомъ человѣкомъ, убѣжавшимъ съ поля, т. е. во всякомъ случаѣ не драчуномъ, это во-первыхъ, а во-вторыхъ, поединокъ, полеванье никогда и нигдѣ не называется избоемъ, избитіемъ, и, конечно, не это понятіе имѣлъ въ виду переписчикъ, ставя реченіе „избойный“. Очевидно, это его домыселъ для объясненія непонятаго имъ выраженія „избныя пошлины“. А можетъ быть, это просто его описка?

В. Савва.

Замѣтки о Боярской думѣ въ XVI в.

I

С. Б. Веселовскій въ своей статьѣ „Двѣ замѣтки о Боярской думѣ“ [1]) впервые, кажется, обратилъ вниманіе на выраженіе бояре поговорили, которое онъ нашелъ въ одномъ изъ подлинныхъ докладовъ Помѣстнаго приказа времени царя Михаила Ѳеодоровича. Въ этомъ жѣ докладѣ, при нѣкоторыхъ статьяхъ его, находится извѣстная формула бояре приговорили. Вдумываясь въ выраженіе бояре поговорили, С. Б. Веселовскій пришелъ къ заключенію, что лучше не смѣшивать формулы бояре поговорили и бояре приговорили.

Наблюденіе надъ обѣими этими формулами, встрѣчающимися въ приговорахъ Боярской думы, внесенныхъ въ Посольскія книги за XVI в., подтверждаетъ мнѣніе С. Б. Веселовскаго и можетъ привести къ заключенію, что въ боярскихъ приговорахъ формула бояре поговорили означала, что Боярская дума къ опредѣленному рѣшенію не пришла. Можно думать, что формулой бояре поговорили государю, когда онъ въ засѣданіи Боярской думы не присутствовалъ, представлялось, въ какихъ вопросахъ дума не вынесла опредѣленное рѣшеніе.

Разсмотримъ нѣсколько боярскихъ приговоровъ съ обѣими формулами.

11 декабря 1567 г., записано въ крымской Посольской книгѣ, государь слушалъ грамоты крымскаго хана и велѣлъ прочесть ихъ боярамъ; бояре, выслушавъ грамоты, „говорили“, что въ нихъ „къ доброй здѣлкѣ дѣла нѣтъ“; послѣ этого государь „съ бояры приговорилъ“ отвѣтъ хану. Но еще надлежало рѣшить: посылать ли поминки въ Крымъ. Объ этомъ 20 декабря того же года бояре кн. И. Д. Бѣльскій, кн. И. Ѳ. Мстиславскій и всѣ

[1]) „Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову“ стр. 299 и слѣд. СПб. 1911 г.

бояре „говорили“: ханъ писалъ государю, что въ мирѣ съ нимъ не будетъ, если онъ не снесетъ поставленный городъ у рѣки Терека и не пошлетъ такіе поминки, какіе посланы были съ Аппакомъ Азѣемъ; и бывшій у хана посолъ государевъ Афанасій Нагой извѣщалъ государя, что царевичи и князья крымскіе говорили хану не мириться съ государемъ, потому что государь „взялъ два юрта бусурманскихъ, да нѣмцы взялъ, ино де царю поминки даетъ, хотя короля извоевати, и какъ извоюетъ, и крымскому юрту отъ нево не пробыти: казанцомъ, де, шубы давалъ, и тѣмъ бы шубамъ крымцы не радовались, послѣ, де, того Казань взялъ“. Обсудивъ данныя для рѣшенія вопроса, бояре „поговорили, что поминковъ ко царю зъ гонцомъ не посылати, каковы посланы съ прежними гонцы..., потому что самъ царь то Ѳеанасью (Нагому) изъявилъ, что съ царемъ и в. кн. безъ Магметъ-Киреевскихъ поминковъ и для города Терки миритись не хочетъ, да и того дляб поминковъ не послати, что царь прислалъ гонцовъ своихъ Алѣя съ товарыщи, а за ними прислалъ воинскихъ людей на сѣверскіе мѣста, да то положили на государьскую волю, а поговорили, чтобы послати поминокъ ко царю противъ его поминковъ, что прислалъ ко царю и в. кн. аргумакъ; да писалъ царь ко царю и в. кн. о запросѣ—о дву кречатехъ, и бояре поговорили кречатъ послати, а о другомъ, какъ государь произволитъ, а отъ царевича Ивана ко царю о поминкѣ положили на государеву волю“ [1]).

Изъ этого приговора Боярской думы видно, что бояре сначала „говорили“—обсуждали матеріалъ для рѣшенія вопроса: ханскую грамоту къ государю съ условіями мира и донесеніе государева посла въ Крыму. За обсужденіемъ послѣдовало рѣшеніе; оно выражено не обычною формулою приговорили, но словомъ поговорили: не посылать хану такихъ поминковъ, какіе прежде посылались государемъ, потому что ханъ требуетъ большихъ поминковъ и снесенія города Терека; помимо этого, ханъ поступилъ вѣроломно, прославъ гонцовъ и въ тоже время учинивъ набѣгъ на сѣверскую украйну. Это сужденіе, мотивированное, бояре „положили на государьскую волю“, словно подчеркнувъ такими словами нерѣшительность его.

Въ этихъ словахъ, кажется, объясненіе, почему результатъ обсужденія вопроса боярами выраженъ словомъ поговорили: бояре потолковали, но вопроса не рѣшили; одни опасались раздра-

---

[1]) Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ, крымская Посольская книга № 13, лл. 82—85.

жать хана, другіе были противъ принятія условій, предложенныхъ ханомъ. Не рѣшивъ вопроса: исполнить требованія хана, или отказать ему, бояре послѣдовательно не рѣшили, какіе поминки послать хану: бояре опять поговорили, а не приговорили, о посылкѣ хану отъ государя поминка, равноцѣннаго ханскому. Далѣе, бояре обсуждали просьбу хана о присылкѣ ему двухъ кречетовъ. Опять послѣдовательно, не пришедши къ опредѣленному заключенію въ вопросѣ объ исполненіи ханскаго ультиматума, бояре пришли къ половинчатому заключенію: одного кречета послать, а о другомъ—какъ государю угодно. Также послѣдовательно, не рѣшивъ болѣе важныхъ вопросовъ, бояре предоставили на рѣшеніе государя сравнительно маловажный вопросъ, посылать ли въ Крымъ поминки отъ царевича Ивана.

То, что говорилось въ засѣданіи Боярской думы, записанное, слѣдуетъ думать, Посольскимъ дьякомъ, представлено было государю. Запись эта—не приговоръ только; она давала государю представленіе о томъ, что произошло въ думѣ: изложено было, какія данныя бояре имѣли въ виду, когда обсуждали предложенный имъ вопросъ, какія сужденія высказывались и почему. Выраженіе поговорили указывало, что къ опредѣленному рѣшенію бояре не пришли, и это подчеркивалось словами „положили на государьскую волю“, „какъ государь произволитъ“. Государю представлено было мнѣніе, къ которому, можно думать, склонялось большинство въ думѣ. Непосредственно за этою записью въ Посольской книгѣ слѣдуетъ: „И царь и в. кн. боярскаго приговору слушалъ и приказалъ послати въ Крымъ съ гонцемъ на 300 рублевъ царю и калгѣ и царевичемъ болшимъ и царицамъ и княземъ немногимъ, которымъ пригоже, имяннымъ, чтобы съ царемъ дѣла не порвати, а въ запросъ отъ государя послати ко царю кречатъ, а отъ царевича ко царю въ запросъ послати чегликъ“ [1]).

Преобладавшее, повидимому, мнѣніе въ Боярской думѣ, названное приговоромъ, принято было государемъ: требованія хана не были исполнены, а въ Крымъ отправлены были небольшіе поминки; согласно мнѣнію Боярской думы отъ государя посланъ былъ хану одинъ кречетъ.

Обозначеніе выраженіемъ поговорили, что дума не пришла къ опредѣленному рѣшенію, можно видѣть въ приговорѣ 1570 г., отправленномъ съ Москвы въ Новгородъ В., гдѣ тогда находился государь. Боярской думѣ надлежало назначить пристава къ литовскимъ посламъ, пріѣздъ которыхъ ожидался въ Москвѣ, и бояре „по-

[1]) Тамъ же, л. 85.

говорили къ литовскимъ посломъ въ приставы... въ большіе Петръ Ивановъ сынъ Волынской или Борисъ Сукинъ, а съ нимъ товарыщи Ондрей Мясной или Ондрей Тишинин сынъ Михайлова или Илья Дубенской да Ондрей Клобуковъ, а изъ діаковъ Григорей Шапкинъ или Семейка Ивановъ, и о томъ, какъ государь ц. и в. кн. укажетъ" [1]). Дума намѣтила кандидатовъ, но ни на одномъ изъ нихъ не остановилась, что выражено словомъ поговорили, а фразою въ концѣ приговора—„какъ государь укажетъ"—подтверждено, что бояре не приговорили, а только поговорили, т. е. къ опредѣленному рѣшенію не пришли. То же самое въ приговорѣ 12 іюня 1570 г., записанномъ въ шведской Посольской книгѣ: „бояре свейскіе грамоты и наказного списка и государевы грамоты слушали и поговорили"... За изложеніемъ того, что бояре поговорили, въ Посольской книгѣ слѣдуетъ:.. „и о томъ какъ государь ц. и в. кн. укажетъ" [2]). Въ ноябрѣ 1581 г. „бояре поговорили, а какъ о томъ государь указъ учинитъ, послати гонца наскоро и съ нимъ отписати"... [3]).

Иною формулою—бояре приговорили—обозначалось рѣшеніе Боярской думы, когда дума эта приходила къ опредѣленному рѣшенію. Изъ такихъ рѣшеній въ Посольскихъ книгахъ обращаетъ на себя вниманіе боярскій приговоръ, одна статья котораго отмѣнила распоряженіе государя. Приговоръ этотъ состоялся 15 октября 1580 г. Бояре, по государеву приказу, поговорили, чтобы отправить къ ногайскимъ князю и мирзамъ дѣтей боярскихъ съ жалованьемъ и отписать къ нимъ съ вычетомъ; въ приговорѣ изложено, что должно было, по мнѣнію бояръ, отписать князю и мирзамъ, послѣ чего слѣдуетъ: „а напередъ пословъ черезъ поле приговорили послати сеѣ осени станицу служилыхъ татаръ" къ ногайскимъ князю и мирзамъ съ извѣщеніемъ объ отправленіи къ нимъ государевыхъ пословъ и съ требованіемъ прислать къ государю для войны воинскихъ людей числомъ до 3000, „а что Урусъ князь писалъ къ государю преже сего съ посломъ своимъ съ Янбахтою, что человѣкъ его, родомъ иргызъ, а зовутъ его Алмагмедомъ, нѣсколько лѣтъ у государя живетъ, и государь пожаловалъ его, къ нему отпустилъ, а бояре приговорили Алмагмедя нынѣ въ Нагаи къ Урусу князю не отпускати, а отпустити его тогды, какъ Урусъ князь и мирзы къ государю воинскихъ людей пришлютъ"... [4]).

---

[1]) Гл. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ въ Москвѣ, Дѣла польскія 1462—1573 г., св. 1.
[2]) „Сб. И. Р. И. Об." т. 129, стр. 190.
[3]) „Лѣтопись зан. Археограф. ком." XI, отд. III, стр. 89.
[4]) Гл. А. М. И. Д., ногайская Пос. книга № 9, лл. 169 и слѣд.

По записи этого приговора бояре въ одномъ случаѣ поговорили, въ другихъ — приговорили. Бояре приговорили отпущеннаго государемъ къ ногайскому князю Алмагмеда задержать. Въ Посольской книгѣ не отмѣчено, утвердилъ ли Иванъ IV этотъ боярскій приговоръ и, слѣдовательно, отмѣну боярами его распоряженія относительно Алмагмеда, но въ ногайской же Посольской книгѣ подъ 28 апрѣля слѣдующаго 1581 г. записано, что послы отъ ногайскаго князя Уруса были у государя на аудіенціи и подали ему грамоту, въ которой Урусъ писалъ: „печалуюся о Олмагметѣ, чтобъ еси его нынѣ ко мнѣ отпустилъ“ [1]). Князь Урусъ не просилъ бы царя въ грамотѣ, полученной царемъ 28 апрѣля 1581 г., объ отпускѣ Алмагмеда, если бы царь по боярскому приговору 15 октября 1580 г. не задержалъ отпущеннаго было Алмагмеда.

Приведенные приговоры представляютъ данныя для сужденія о значеніи выраженія бояре поговорили. Это выраженіе, кромѣ приговоровъ: 1570 г. о приставахъ къ литовскимъ посламъ и 1581 г. о посылкѣ гонца съ грамотою, встрѣчается въ приговорахъ Боярской думы, вписанныхъ въ Посольскія книги. Врядъ ли могутъ быть основанія къ предположенію, что выраженіе поговорили принадлежитъ лицамъ, вписывавшимъ боярскіе приговоры въ Посольскія книги. Выраженіе это, повидимому, принадлежало присутствовавшему въ засѣданіяхъ Боярской думы и записывавшему приговоры ея по Посольскимъ дѣламъ. Въ 1567 г., когда писанъ былъ первый изъ приведенныхъ боярскихъ приговоровъ, Посольскимъ дьякомъ состоялъ Андрей Васильевъ (съ сентября 1562 г. по 28 августа 1570 г. [2]); къ его же времени относятся боярскіе приговоры первой половины 1570 г. о приставахъ къ литовскимъ посламъ и по шведскимъ дѣламъ. Приговоры 1580 г. и 1591 г. писаны были въ бытность Посольскимъ дьякомъ А. Я. Щелкалова (съ ноября 1570 г. почти до самой средины 1594 г. [3]). Что выраженіе бояре поговорили не описка и что оно не смѣшивалось съ формулой бояре приговорили, видно и изъ того, что статьи боярскихъ приговоровъ, начинающіяся выраженіемъ бояре поговорили, обыкновенно заключаются словами: „да то положили на государьскую волю“, „и о томъ, какъ государь произволитъ“, „а какъ о томъ государь указъ учинитъ“. Такими словами не заканчиваются статьи приговоровъ, которыя слѣдуютъ послѣ формулы бояре приговорили.

[1]) Тамъ же, № 10, л. 8.

[2]) С. А. Бѣлокурова „О Посольскомъ приказѣ“, стр. 106, М. 1906 г.

[3]) Тамъ же.

Естественно полагать, что члены Боярской думы не всегда приходили къ единогласному или опредѣленному рѣшенію. Для указанія государю на такіе случаи была, повидимому, формула бояре поговорили. Кажется, что формула бояре приговорили въ приговорахъ Боярской думы, представлявшихся государю, показывала рѣшеніе этой думы, формула же бояре поговорили означала, что дума къ опредѣленному рѣшенію не пришла.

II

Въ Посольскихъ книгахъ иногда встрѣчаются приговоры Боярской думы по вопросамъ иностранной политики съ перечнемъ лицъ, бывшихъ у приговора. Такихъ приговоровъ немного. На эти приговоры, съ цѣлью выяснить составъ Боярской думы, обратилъ вниманіе Н. П. Лихачевъ въ своей статьѣ „Думное дворянство въ Боярской думѣ XVI ст.“ [1]). Въ этомъ отношеніи авторъ статьи пришелъ къ важнымъ выводамъ: думные дворяне были у приговора Боярской думы въ 1564 г., думные дьяки— у приговора 1568 г., и думныхъ дьяковъ, судя по перечню членовъ Боярской думы, принимавшей литовскаго посла въ 1586 г., было въ то время пять, думныхъ же дворянъ при Иванѣ IV было не 8, но 16. Разсматривая перечни членовъ Боярской думы, Н. П. Лихачевъ замѣтилъ, что члены думы записывались не въ порядкѣ мѣстъ и не по времени производства [2]). И это заключеніе подтверждается при сличеніи разновременныхъ поименныхъ записей членовъ думы, бывшихъ у приговоровъ. Перечни эти, раскрывая составъ Боярской думы, даютъ отвѣтъ на вопросъ, при какомъ числѣ членовъ ея рѣшались въ ней дѣла.

Въ 1566 г. въ Москву пріѣхали литовскіе послы для переговоровъ о заключеніи мира. Отвѣтная комиссія—„бояре“, ведшая переговоры съ послами въ набережной палатѣ, доложила государю, сидѣвшему въ столовой избѣ съ боярами и отсюда руководившему переговорами, объ условіяхъ мира, предложенныхъ послами; государь, выслушавъ докладъ комиссіи, „зъ бояры о томъ говорилъ: на докончанье ли съ королемъ дѣлати, или на перемирье? И бояре приговорили, что съ королемъ на докончаніе не дѣлати..., а говорити бы съ послы о перемирьѣ. А бояре были на приговорѣ: кн. И. Д. Бѣлской, кн. И. Ѳ. Мстиславской, И. П.

[1]) „Сборникъ Археологическаго Института“, кн. VI, стр. 3 и слѣд. СПб. 1898 г. Н. П. Лихачевъ выписалъ всѣ приговоры съ перечнями участниковъ ихъ, кромѣ одного—приговора 12 іюня 1570 г. по шведскому дѣлу.

[2]) Тамъ же, стр. 11.

Ѳедорова, Микита Романовичъ, кн. П. П. Пронской, П. Меньшой В. Шереметевъ, кн. В. С. Серебряной, кн. М. И. Воротынскій, И. Болшой В. Шереметевъ, М. Я. Морозовъ, П. П. Яковля, П. М. Воронцовъ. И приговорилъ государь зъ бояры Василью Михайловичю съ товарыщи итти въ полату и съ послы говорити о перемирьѣ“ [1]).

Въ этомъ приговорѣ, слѣдуетъ думать, принимала участіе отвѣтная комиссія—„бояре“, которую составляли: бояринъ В. М. Юрьевъ, сказанный посламъ намѣстникомъ ржевскимъ, оружейничій кн. А. И. Вяземскій, сказанный посламъ окольничимъ, оружейничимъ и намѣстникомъ вологодскимъ, П. В. Зайцовъ, сказанный посламъ ближнимъ думнымъ дворяниномъ и намѣстникомъ козельскимъ, печатникъ И. М. Висковатый и дьяки: Посольскій Андрей Васильевъ и Дружина Владиміровъ [2]). Безъ членовъ отвѣтной комиссіи въ приговорѣ участвовало 12 лицъ, названныхъ въ Посольской книгѣ боярами [3]). Кромѣ нихъ, въ приговорѣ, слѣдуетъ, какъ было замѣчено, думать, принимала участіе отвѣтная комиссія, состоявшая изъ 6 лицъ, въ томъ числѣ 2 дьяковъ [4]). Съ отвѣтною комиссіею у приговора было 18 лицъ, а въ 1566 г., когда состоялся этотъ приговоръ Боярской думы, членовъ ея считалось, кромѣ думныхъ дьяковъ, 59 [5]).

---

[1]) „С. И. Р. И. Об.“ т. 71 стр. 380. Въ названной статьѣ Н. П. Лихачева стр. 11.

[2]) „С. И. Р И. Об.“ т. 71 стр. 353—354.

[3]) Приговоръ состоялся 17 іюня 7074 г., боярство же по Шереметевской книгѣ (показанія ея, какъ неоднократно отмѣчалось изслѣдователями, не отличаются ни точностью, ни полнотою) сказано было, кромѣ кн. И. Д. Бѣльскаго и кн. И. Ѳ. Мстиславскаго: И. П. Ѳедорову въ 7052 г. („Др. Рос. Вивл.“ т. XX стр. 32 изд. 2), Н. Р. Юрьеву въ 7071 г. (тамъ же, стр. 45), кн. И. И. Пронскому въ 7057 г. (тамъ же, стр. 36), И. Меньшому В. Шереметеву въ 7067 г. (тамъ же, стр. 43), кн. В. С. Серебряному въ 7058 г. (тамъ же, стр. 37), И. Большому В. Шереметеву въ 7058 г. (тамъ же, стр. 37), М. Я. Морозову въ 7057 г. (тамъ же, стр. 36), И. П. Яковля въ 7066 г. (тамъ же, стр. 42), И. М. Воронцову въ 7062 г. (тамъ же, стр. 39); бояринъ кн. М. И. Воротынскій показанъ подъ 7081 г. (1571—72) выбывшимъ (тамъ же, стр. 52), по „Древнѣйшей разр. книгѣ“ кн. М И. Воротынскій въ сентябрѣ 7074 г.—бояринъ (Изд. „Моск. Об. Ист. и Др. Р.“ 1901 г. стр. 265—266; тоже по разрядн. кн. въ „Др. Рос. Вивл“. т. XIII стр. 379 изд. 2 и въ „Синбирск. сборникѣ“ стр. 16. М. 1845 г.).

[4]) Извѣстны приговоры Боярской думы съ перечнемъ и дьяковъ, бывшихъ у приговора, что свидѣтельствуетъ не о пассивной ихъ роли. В. О. Ключевскій основательно полагалъ, что значеніе думныхъ дьяковъ въ Боярской думѣ не ограничивалось тѣмъ, что они имѣли только совѣщательный голосъ („Боярская дума“ стр. 269 изд. 3).

[5]) В. О. Ключевскаго „Боярская дума“ стр. 404 изд. 3.

Еще меньшее число членовъ Боярской думы было у приговора, состоявшагося годомъ ранѣе. Въ 1565 г. (въ маѣ 7073 г.) Боярская дума, выслушавъ проекты наказовъ государевымъ посламъ, отправленнымъ къ ногайскимъ князю и мирзамъ, внесла поправки въ эти проекты. Въ ногайской Посольской книгѣ, послѣ записи поправокъ, перечислены бывшіе „на приговорѣ у государя бояре: кн. П. Д. Бѣлской, кн. П. Ѳ. Мстиславской, кн. П. И. Пронской, П. В. Шереметевъ Большой, И. П. Ѳедоровъ, Н. Р. Юрьевъ, а В. М. Юрьевъ въ то время былъ боленъ, казначей Н. Фуниковъ, печатникъ П. М. Висковатый“ [1]). У приговора было 6 бояръ, казначей и печатникъ; состоявшій въ то время Посольскимъ дьякомъ Андрей Васильевъ подъ приговоромъ не записанъ; съ нимъ у приговора было 9. Помѣтка въ Посольской книгѣ о болѣзни В. М. Юрьева объясняетъ его отсутствіе [2]). У приговора 1566 г. не всѣ бояре записаны въ томъ порядкѣ, какъ подъ приговоромъ 1565 г.: у приговора 1566 г. подъ кн. Мстиславскимъ: Ѳедоровъ, Юрьевъ, кн. Пронскій и Шереметевъ Б., у приговора 1565 г. подъ кн. Мстиславскимъ: кн. Пронскій, Шереметевъ Б., Ѳедоровъ, и Юрьевъ; кн. Пронскій и Шереметевъ Б. у приговора 1566 г. подъ Ѳедоровымъ и Юрьевымъ, у приговора 1565 г. они же выше Ѳедорова и Юрьева.

Бо́льшее число членовъ Боярской думы было у приговора 1564 г. Подъ 29 февраля этого года въ крымской Посольской книгѣ записанъ приговоръ думы, состоявшійся въ присутствіи государя, съ перечнемъ участниковъ приговора: „а бояре были у государя: кн. П. Д. Бѣлской, кн. И. Ѳ. Мстиславской, кн. В. М. Глинской, кн. В. да кн. П. Семеновичи Серебреные, И. П. Ѳедорова, В. М. Юрьевъ, И. П. Яковля, А. Д. Басмановъ, Ѳ. И. Умной, Л. А. Салтыковъ, казначей Н. А. Фуниковъ да дворяне, которые въ думѣ у государя зъ бояры: кн. А. П. Телятевской, кн. П. И. Горенской, П. В. Зайцовъ, И. Черемисиновъ, Ширяй-Кобяковъ“ [3]). Этотъ приговоръ—первый по времени изъ замѣченныхъ мною въ Посольскихъ книгахъ приговоровъ Боярской думы

[1]) Гл. А. М. И. Д., ногайская Пос. книга № 7 л. 70 и об. Въ названной статьѣ Н. П. Лихачева стр. 10—11.

[2]) В. М. Юрьеву боярство было сказано, по Шереметевской книгѣ, въ 7057 г. („Др. Рос. Вивл.“ т. XX стр. 36 изд. 2), и въ Шереметевской же книгѣ В. М. Юрьевъ записанъ умершимъ въ 7067 г. (тамъ же, стр. 42), что не соотвѣтствуетъ показанію ногайской Посольской книги подъ 7073 г. о болѣзни его.

[3]) Гл. А. М. И. Д., крымская Пос. кн. № 10 лл. 369 об.—370. Въ названной статьѣ Н. П. Лихачева стр. 10; Н. П. Лихачевъ обращаетъ вниманіе на показаніе этого приговора о 5 думныхъ дворянахъ въ 1564 г.

съ поименнымъ перечнемъ бывшихъ у приговора. У этого приговора кн. В. С. Серебряный записанъ выше И. И. Ѳедорова, а у приговора 1566 г. онъ записанъ на четвертомъ мѣстѣ подъ И. П. Ѳедоровымъ; князья В. М. Глинскій и П. С. Серебряный, В. М. Юрьевъ, А. Д. Басмановъ, Л. А. Салтыковъ въ перечняхъ у приговоровъ 1565 и 1566 гг. не встрѣчаются [1]). У приговора 1564 г. было 11 бояръ, казначей и 5 думныхъ дворянъ; Посольскій дьякъ Андрей Васильевъ у приговора этого не записанъ; съ нимъ было 18 лицъ. Столько можно насчитать участниковъ приговора 1566 г.

Въ 1568 г. государь, находившійся въ Александровской слободѣ, писалъ въ Москву „къ боярамъ ко кн. П. Д. Бѣлскому да ко кн. П. Ѳ. Мстиславскому и ко всѣмъ боярамъ, а велѣлъ о литовскомъ же дѣлѣ говорити, миритись съ литовскимъ или не миритись, и на чемъ миритись". Боярскій приговоръ, по приказу государя, посланъ былъ къ нему въ Александровскую слободу. Въ Посольской книгѣ записанъ этотъ приговоръ, и непосредственно за нимъ: „а у приговору были бояре кн. П. Д. Бѣлской, кн. И. Ѳ. Мстиславской, Микита Романовичъ, М. Я Морозовъ, П. В. Шереметевъ Большой, П. П. Яковль, казначей Н. А. Фуниковъ, печатникъ П. М. Висковатой, дьякъ Путило Михайловъ, Андрей Васильевъ, А. да В. Щелкаловы" [2]). У приговора было 12 лицъ. Сравненіе этого перечня съ перечнемъ участниковъ приговора 1566 г. показываетъ, что, во 1-хъ, въ 1568 г. не были изъ участниковъ приговора 1566 г.: П. П. Ѳедоровъ, кн. П. И. Пронскій, И. В. Шереметевъ Меньшой, кн. В. С. Серебряный, кн. М. П. Воротынскій, И. М. Воронцовъ; во 2-хъ, порядокъ записи бояръ въ обоихъ приговорахъ одинаковъ, кромѣ М. Я. Морозова и И. В. Шереметева Большого: въ приговорѣ 1566 г. Морозовъ записанъ подъ Шереметевымъ, въ приговорѣ 1568 г.—наоборотъ. Въ приговорѣ 1565 г., кромѣ кн. Бѣльскаго и кн. Мстиславскаго, участвовали изъ бывшихъ у приговора 1568 г. Шереметевъ Большой и Н. Р. Юрьевъ; у приговора 1565 г. Н. Р. Юрьевъ записанъ ниже Шереметева Б., у приговора 1568 г.—наоборотъ.

Въ 1570 г., когда съ литовскими послами въ Москвѣ велись

---

[1]) Приговоръ состоялся 29 февраля 7072 г.; по Шереметевской книгѣ кн. Р. М. Глинскому сказано было бояротво въ 7070 г. („Др. Р. В." XX стр. 45 изд. 2), кн. П. С. Серебряному въ 7059 г. (тамъ же, стр. 37), А. Д. Басманову въ 7064 г. (тамъ же, стр. 40), Ѳ. И. Умному въ 7071 г. (тамъ же, стр. 45) Л. А. Салтыкову въ 7071 г. (тамъ же).

[2]) С. И. Р. И. Об. т. 71 стр. 564—565. Въ названной статьѣ Н. П. Лихачева стр. 11—12.

переговоры о заключеніи перемирія, государь, записано въ Посольской книгѣ, 27 мая „зъ бояры рубежа слушалъ и чертежи смотрѣлъ на казенномъ дворѣ“ и „говорилъ зъ бояры“ о рубежѣ, послѣ чего отправился на панихиду по матери своей, приказавъ „о рубежѣхъ говорити всѣмъ бояромъ земскимъ и изъ опришнины“. Бояре новые рубежи опредѣлили ко времени возвращенія государя на казенный дворъ, и „государь... о томъ же дѣлѣ зъ бояры говорилъ, и бояре свой приговоръ государю сказывали, и государь ц. и в. кн. зъ бояры приговорилъ“. Непосредственно за приговоромъ въ Посольской книгѣ записано: „У сего дѣла бояре были: кн. И. Д. Бѣлской, кн. И. Ѳ. Мстиславской, И. В. Шереметевъ Болшой, М. Я. Морозовъ, Микита Романовичъ, казначей Н. Фуниковъ, печатникъ И. М. Висковатой, діаки А. да В. Щелкаловы; изъ опришнины: кн. М. Т. Черкаской, бояре кн. В. И. Темкинъ-Ростовской, П. Я. Чеботовъ, Ѳ. П. Умного, околничей В. П. Умного, да дворяне, которые живутъ у государя зъ бояры: П. Ѳ. Воронцовъ, П. В. Зайцовъ, Иванъ Семеновичъ [1]), В. Г. Грязной, Малюта Лукьяновичъ Бѣлской“ [2]). У приговора изъ земщины было: 5 бояръ, казначей, печатникъ и 2 дьяка; изъ опричнины: кн. Черкасскій и 3 бояръ, одинъ окольничій и 5 думныхъ дворянъ; земскихъ и изъ опричнины было всего у приговора 19 [3]). Бояре изъ земщины записаны не въ томъ порядкѣ, какъ у приговора 1568 г.: тогда подъ кн. Мстиславскимъ записаны были: Никита Романовичъ, Морозовъ и Шереметевъ Б., у приговора 1570 г.— въ обратномъ порядкѣ: Шереметевъ Б., Морозовъ и Никита Романовичъ.

У приговора 1570 г. перечислены „дворяне, которые живутъ у государя зъ бояры“. Въ польской Посольской книгѣ записано подъ 13 февраля 1549 г., что государь, предъ цѣлованіемъ креста на перемирныхъ грамотахъ въ присутствіи литовскихъ пословъ, велѣлъ *„княжатамъ и дворянамъ всѣмъ, которые въ думѣ не живутъ,* и протопопу выти вонъ“ [4]). Эту замѣтку въ Посольской книгѣ о кня-

---

[1]) Иванъ Семеновичъ—слѣдуетъ думать — Черемисиновъ. Иванъ Семеновъ сынъ Черемисиновъ записанъ въ разрядныхъ книгахъ въ числѣ „въ стану у государя дворянъ“ И. Ѳ. Воронцова, В. Г. Грязнова, Малюты Скуратова сына Бѣльскаго и др. подъ сентябремъ 7079 г. (1570) („Др. Р. В.“ т. XIII стр. 404 изд. 2. „Синбирскій Сборн.“ стр. 25. М. 1845 г.).

[2]) С. И. Р. И. Об. т. 71 стр. 655—666. Въ названной статьѣ Н. П. Лихачева стр. 12.

[3]) О приговорахъ „обоихъ бояръ“ въ „Боярской думѣ“ В. О. Ключевскаго стр. 335 изд. 3 и въ „Очеркахъ по исторіи смуты“ С. Ѳ. Платонова стр. 156. СПб. 1899.

[4]) С. И. Р. И. Об. т. 59 стр. 301.

жатахъ и дворянахъ правильнѣе, кажется, понимать въ томъ смыслѣ, что при государѣ остались дворяне, въ думѣ жившіе— присутствовавшіе, членами думы состоявшіе, но не въ томъ смыслѣ, что дворяне, всѣ членами думы не бывшіе, вслѣдствіе этого высланы были государемъ. Уже отмѣчено было, что дѣти боярскіе *жили въ думѣ* при Василіѣ III [1]). В. О. Ключевскій полагалъ, что извѣстный А. Адашевъ съ 1550 г. сталъ „*жить въ думѣ*— сдѣлался думнымъ дворяниномъ“ [2]). По Шереметевской книгѣ думные дворяне появляются впервые въ 7080 г. (1571—1572) [3]). Приведенная запись изъ польской Посольской книги даетъ основаніе знать думныхъ дворянъ въ 1549 г.

Въ томъ же 1570 г., 10 іюня, государь велѣлъ находившимся въ Москвѣ шведскимъ посламъ „быти на своемъ государевомъ дворѣ у бояръ у кн. И. Д. Бѣлского да у кн. И. Ѳ. Мстиславского да у кн. М. И. Воротынского и у всѣхъ бояръ и челобитья велѣлъ выслушати и... себѣ сказати“. На другой день Боярская дума приняла шведскихъ пословъ въ набережной палатѣ въ комнатѣ; послы сказали боярамъ свое челобитье, имъ отвѣтилъ первоприсутствовавшій бояринъ, кн. И. Д. Бѣльскій, „и отпустили бояре пословъ на подворье, а бояре были кн. И. Д. Бѣлской, кн. И. Ѳ. Мстиславской, кн. М. И. Воротынской, М. Я. Морозовъ, И. П. Яковля, Н. Р. Юрьевъ, И. Большой В. Шереметевъ, казначей Н. А. Фуниковъ, печатникъ И. М. Висковатаго, діякъ Ондрей Васильевъ“. На другой же день, 12 іюня, бояре, въ отсутствіе государя, приговорили о свейскомъ дѣлѣ; у приговора были „бояре кн. И. Д. Бѣлской, кн. И. Ѳ. Мстиславской, кн. М. И. Воротынскій, Н. Р. Юрьевъ, И. В. Шереметевъ Большой, М. Я. Морозовъ, казначей Н. А. Фуниковъ, печатникъ И. М. Висковатаго“ [4]). Безъ Посольскаго дьяка у приговора было 8 лицъ. Бояре, принимавшіе шведскихъ пословъ, не всѣ записаны въ томъ порядкѣ, какъ у боярскаго приговора въ маѣ 1570 г.; у майскаго приговора подъ Шереметевымъ записаны Морозовъ, Юрьевъ, въ перечнѣ же принимавшихъ шведскихъ пословъ подъ Морозовымъ записанъ Юрьевъ, а подъ нимъ Шереметевъ. У боярскаго приговора 12 іюня записаны бояре, исключая князей, не въ томъ порядкѣ, какъ въ перечнѣ наканунѣ принимавшихъ шведскихъ по-

---

[1]) В. И. Сергѣевича „Рус. Юрид. Др.“ I стр. 432 и слѣд. СПб. 1890 г.

[2]) „Боярская дума“ стр. 262 и 261. Изд. 3.

[3]) „Др. Рос. Вивл.“ т. XX, стр. 52. Изд. 2. См. Н. П. Загоскина „Исторія права Моск. госуд.“ II стр. 35, Казань 1879 г., В. И. Сергѣевича „Рус. Юрид. Др.“ II., стр. 352, СПб. 1893 г. и назв. статью Н. П. Лихачева стр. 4 и слѣд.

[4]) „С. И. Р. И. Об.“ т. 129 стр. 187—190.

словъ; въ перечнѣ принимавшихъ пословъ: Морозовъ, Юрьевъ, Шереметевъ, а у приговора: Юрьевъ, Шереметевъ, Морозовъ; изъ членовъ думы, принимавшихъ 11 іюня 1570 г. шведскихъ пословъ, у приговора, состоявшагося на другой день, не было П. П. Яковля.

Приговоръ Боярской думы 12 іюня 1570 г. послѣдній изъ замѣченныхъ мною въ Посольскихъ книгахъ приговоровъ съ поименнымъ перечнемъ приговаривавшихъ. Первый по времени изъ такихъ приговоровъ состоялся въ мартѣ 1564 г. Такіе приговоры въ Посольскихъ книгахъ относятся ко времени, когда Посольскимъ дьякомъ былъ Андрей Васильевъ.

Съ какою цѣлью записывались иногда члены Боярской думы, бывавшіе у приговоровъ [1])? Были ли такіе приговоры случайностью, или Посольскій дьякъ иногда находилъ надобнымъ для памяти записывать тѣхъ, кто былъ у приговора? Наблюденіе надъ приговорами, внесенными въ Посольскія книги, показываетъ, что, во 1-хъ, въ цѣломъ рядѣ приговоровъ Боярской думы только подъ нѣкоторыми находятся перечни приговаривавшихъ, и приговоры эти относятся ко времени, когда Посольскимъ дьякомъ былъ Андрей Васильевъ; во 2-хъ, приговоры съ перечнями приговаривавшихъ не являются исключительно важными; цѣлый рядъ приговоровъ Боярской думы по вопросамъ иностранной политики внесенъ въ Посольскія книги безъ перечня участвовавшихъ въ приговорахъ, тогда какъ приговоры эти рѣшали вопросы не менѣе важные, чѣмъ приговоры съ перечнемъ бывшихъ у нихъ; въ 3-хъ, перечни приговаривавшихъ находятся у приговоровъ, состоявшихся и въ присутствіи государя; въ 4-хъ, какъ замѣтилъ Н. П. Лихачевъ, бояре у приговоровъ записывались не въ порядкѣ мѣстъ и не по времени производства [2]).

То обстоятельство, что до насъ дошло въ Посольскихъ книгахъ только нѣсколько приговоровъ съ перечнемъ участниковъ ихъ, не даетъ основаній къ заключенію, что перечни приговаривавшихъ имѣлись только у этихъ приговоровъ, намъ извѣстныхъ изъ Посольскихъ книгъ. Возможно, что перечни приговаривавшихъ имѣлись и у другихъ приговоровъ, но эти приговоры внесены были въ Посольскія книги безъ такихъ перечней.

Зная изъ Посольскихъ книгъ XVI в. только нѣсколько при-

---

[1]) Перечни приговаривавшихъ—не подписи ихъ. Вопросу о подписяхъ думныхъ людей на постановленіяхъ Боярской думы недавно посвятилъ статью Н. П. Лихачевъ, нашедшій интересный фрагментъ акта съ подписями членовъ Боярской думы времени правленія царевны Софіи („Лѣтопись зан. Археогр. Ком." XVII стр. 49 и слѣд.).

[2]) „Сборникъ Арх. Ин." книга VI, назв. ст. стр. 11.

говоровъ съ перечнемъ приговаривавшихъ, осторожнѣе ограничиться двумя заключеніями: одно изъ нихъ, о составѣ Боярской думы въ разныхъ случаяхъ, сдѣлано было Н. П. Лихачевымъ въ его статьѣ „Думное дворянство въ Боярской думѣ XVI в.“; другое пока возможное—о числѣ членовъ думы, приговаривавшихъ въ разныхъ случаяхъ. Знакомство съ боярскими приговорами по дѣламъ кромѣ иноземной политики, можетъ привести и къ другимъ заключеніямъ. Слѣдуетъ думать, какъ полагалъ В. О. Ключевскій, что на многое темное въ исторіи Боярской думы прольетъ свѣтъ изученіе огромнаго матеріала, сохранившагося отъ старинныхъ московскихъ приказовъ [1]).

Наблюдая въ Посольскихъ книгахъ приговоры Боярской думы съ перечнями приговаривавшихъ, Н. П. Лихачевъ обратилъ вниманіе на находящуюся въ этихъ книгахъ запись членовъ думы, присутствовавшихъ при пріемѣ государемъ англійскаго посла въ 1583 г., и на перечни членовъ думы, принимавшихъ въ 1572 г. шведскихъ пословъ и въ 1586 г. литовскаго посла [2]). Въ цесарской Посольской книгѣ, при описаніи пріема государемъ цесарскаго посла въ маѣ мѣсяцѣ 1597 г., также записаны члены Боярской думы, присутствовавшіе при пріемѣ [3]). Въ этомъ перечнѣ упомянуто только двое „дворянъ въ думѣ“: Татищевъ, Игнатій Петровичъ и Ржевскій, Елизарій Леонтьевичъ: первый изъ нихъ сказанъ думнымъ дворяниномъ, по показанію Шереметевской книги, еще при Грозномъ [4]), второй—при Ѳедорѣ Ивановичѣ въ 7098 г. [5]). По Шереметевской же книгѣ при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ думное дворянство сказано было, кромѣ Ржевскаго, Клешнину, Андрею Петровичу, въ 7093 г. [6]) и Писемскому, Ѳедору Андреевичу, въ 7095 г. [7]); изъ нихъ трехъ Клешнину сказано было окольничество въ 7095 г. [8]) а Писемскій умеръ въ 7100 г. [9]).

Если вѣрить показанію Шереметевской книги, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ сказано было думными дворянами только трое, получилъ же царь Ѳедоръ Ивановичъ отъ отца своего, судя по Шереметевской книгѣ, 8 думныхъ дворянъ [10]), но къ этимъ 8 надо

[1]) „Боярская дума“ стр. 406, изд. 3.
[2]) Назван. статья стр. 13—15.
[3]) „П. Д. Сн. др. Р.“ II, ст. 486 и слѣд. СПб. 1852.
[4]) „Др. Рос. В.“ т. XX стр. 58, изд. 2.
[5]) Тамъ же, стр. 64.
[6]) Тамъ же, стр. 61.
[7]) Тамъ же, стр. 63.
[8]) Тамъ же, стр. 62.
[9]) Тамъ же, стр. 64.
[10]) Тамъ же, стр. 60.

прибавить еще 8, имена которыхъ найдены Н. П. Лихачевымъ въ записяхъ, открывающихъ составъ Боярской думы при Грозномъ [1]). Такія данныя могутъ привести къ заключенію, что при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ была тенденція къ уменьшенію числа дворянъ въ думѣ.

III.

Въ Посольскихъ книгахъ разсѣяны указанія на мѣста засѣданій государя съ боярами. Эти указанія въ XVI в. представляютъ большой интересъ, такъ какъ источники болѣе говорятъ о мѣстахъ засѣданій Боярской думы въ XVII в. [2])

Въ 1553 г. въ Москву пріѣхали литовскіе послы для заключенія перемирія. Государь нѣсколько разъ принималъ пословъ и, затѣмъ, отправлялъ ихъ въ набережную палату для переговоровъ съ назначенной для того боярской комиссіей. Принималъ государь пословъ въ столовой избѣ. Послѣ пріема 9 сентября государь велѣлъ посламъ итти въ набережную палату; какъ только послы вошли въ эту комнату, Посольскій дьякъ сдѣлалъ докладъ государю, и государь по этому докладу „говорилъ со всѣми боляры“ и „приговорилъ“. [3]) Приговоръ, слѣдуетъ думать, состоялся въ столовой избѣ, гдѣ царь принималъ пословъ.

Въ 1566 г., 11 іюня, когда боярская комиссія вела переговоры съ литовскими послами о заключеніи перемирія, государь сидѣлъ въ столовой избѣ; сюда къ нему комиссія приходила съ докладами о ходѣ переговоровъ съ послами, и государь, приговаривая съ боярами, давалъ комиссіи наказы [4]). На 13 іюня государемъ назначено было продолженіе переговоровъ комиссіи съ послами; въ этотъ день государь, принявъ въ столовой палатѣ пословъ, отослалъ ихъ въ набережную палату для переговоровъ съ боярской комиссіей, а самъ отправился въ Благовѣщенскій соборъ къ обѣднѣ. Сюда, въ соборъ, явилась комиссія, чтобы доложить государю рѣчи пословъ, и здѣсь государь приговорилъ съ боярами отвѣтъ посламъ: „а государь былъ у Благовѣщенія у обѣдни и приговорилъ зъ бояры“... [5]).

Столовая изба была мѣстомъ, гдѣ государь обыкновенно сидѣлъ съ боярами, когда боярскія комиссіи вели переговоры съ иноземными послами въ набережной палатѣ; сюда, въ столовую

[1]) Назван. статья стр. 16.

[2]) Проф. Н. П. Загоскина „Исторія права Моск. госуд.“ II стр. 99 и слѣд. В. О. Ключевскаго „Боярская дума“ стр. 408 изд. 3.

[3]) С. И. Р. И. Об. т. 59 стр. 404.

[4]) С. И. Р. И. Об. т. 71 стр. 370 и слѣд.

[5]) Тамъ же, стр. 372 и 376.

избу, къ государю являлись комиссіи съ докладами о ходѣ переговоровъ съ послами, и здѣсь государь приговаривалъ съ боярами наказы комиссіямъ, руководя, такимъ образомъ, переговорами [1]).

Если государь, принявъ пословъ и отославъ ихъ съ боярской комиссіей для переговоровъ въ набережную палату, самъ отправлялся въ церковь, туда къ нему являлась комиссія съ докладами о ходѣ переговоровъ съ послами и за наказами. 19 іюня 1566 г. комиссія докладывала рѣчи пословъ государю, „а государь (былъ) въ тѣ поры у Благовѣщенія у обѣдни и говорилъ государь зъ бояры... и приговорилъ государь зъ бояры“ [2]). То же было 21 іюня того же года: боярская комиссія рѣчи пословъ „сказали государю, а государь былъ у Благовѣщенія у Пречистые у обѣдни и говорилъ государь зъ бояры... и приговорилъ государь зъ бояры“... [3]). 27 мая 1570 г. боярская комиссія, ведшая переговоры съ литовскими послами о заключеніи перемирія, представленный послами проектъ литовско-русскаго рубежа „носили ко государю и рѣчи ихъ (пословъ) сказывали, а государь въ то время былъ у Пречистые въ соборѣ... и государь, память рубежомъ вычетчи, и говорилъ зъ бояры... [4]) 13 іюня того же года боярская комиссія рѣчи пословъ докладывала государю, а государь былъ „у Благовѣщенія у обѣдни“ [5]) и послѣ обѣдни „сидѣлъ въ полатѣ въ золотой“ [6]); здѣсь государь, уже выслушавъ докладъ боярской комиссіи, „зъ бояры говорилъ“ [7]). То же было 18 іюня того же 1570 г.: государь, принявъ пословъ, отославъ ихъ для переговоровъ съ отвѣтной комиссіей въ набережную палату, а самъ отправился въ Благовѣщенскій соборъ; сюда, въ соборъ, пришла къ государю комиссія и сказала ему рѣчи пословъ [8]); послѣ обѣдни государь „сидѣлъ въ полатѣ въ золотой“, куда къ нему приходила комиссія, ведшая переговоры съ послами, за наказами [9]). Въ 1570 г., 1 іюня, государь велѣлъ

[1]) Тамъ же, стр. 379, 380, 383, 388—389, 669. Въ 1570 г. государь и „бояре обои, земскіе и изъ опришнины“ приговорили на казенномъ дворѣ (тамъ же стр. 665).

[2]) Тамъ же, стр. 386.

[3]) Тамъ же, стр. 391.

[4]) Тамъ же, стр. 658.

[5]) Тамъ же, стр. 694.

[6]) Тамъ же, стр. 695.

[7]) Тамъ же, стр. 704.

[8]) Тамъ же, стр. 709.

[9]) Тамъ же, стр. 711—712. О докладахъ думными людьми государямъ въ храмахъ во время богослуженій въ „Домашнемъ бытѣ русскихъ царей“ И. Е. Забѣлина, стр. 370 (Изд. 3).

находившимся въ Москвѣ шведскимъ посламъ явиться въ Посольскую палату, „а самъ царь и в. кн. въ то время былъ въ столовой въ брусяной избѣ, а бояромъ и приказнымъ людемъ велѣлъ государь быти въ чистомъ платьѣ, а къ свейскимъ посломъ въ посолную полату велѣлъ государь итти печатнику И. М. Висковатому да дьяку Ондрею Васильеву, а велѣлъ имъ свейскимъ посломъ молвити“... Висковатый и Посольскій дьякъ, выслушавъ отвѣты пословъ, „рѣчи ихъ сказали царю и в. кн., и царь и в. кн. свейскимъ посломъ ходити къ себѣ на дворъ не велѣлъ, а велѣлъ ихъ отпустити на подворье..., а поговорилъ ц. и в. кн. съ бояры“... Государь, очевидно, поговорилъ съ боярами о свейскомъ дѣлѣ въ столовой избѣ, гдѣ сидѣлъ съ боярами, пока Висковатый и Посольскій дьякъ говорили съ послами [1]). Государь, въ намѣреніи принять пословъ, приказалъ боярамъ и приказнымъ людямъ быть въ чистомъ платьѣ, но доложенныя ему Висковатымъ и Посольскимъ дьякомъ рѣчи пословъ измѣнили его намѣреніе.

Посольскія книги открываютъ, что въ XVI в. иноземнымъ посламъ государемъ обыкновенно давались аудіенціи въ столовой избѣ; изъ нея государемъ послы отсылались для переговоровъ съ боярскими комиссіями въ набережную палату, откуда комиссіи съ докладами о ходѣ переговоровъ и за наказами ходили къ государю, и государь съ боярами приговаривалъ, давая комиссіи новыя инструкціи. Иногда въ Посольскихъ книгахъ за время Ивана IV отмѣчалось, что боярскія комиссіи приходили къ государю съ докладами въ столовую избу, и государь съ боярами по докладу приговаривалъ, руководя, такимъ образомъ, переговорами, но часто, послѣ записи о пріемѣ государемъ иноземныхъ пословъ въ столовой избѣ и отсылкѣ ихъ съ боярской комиссіей въ набережную палату для переговоровъ, въ Посольскихъ книгахъ отмѣчалось только, что комиссіи приходили къ государю за наказами, и Государь съ боярами приговаривалъ, но гдѣ находился государь, сидѣвшій съ боярами близъ набережной палаты, въ книгахъ не помѣчалось. Можно думать, что государь обыкновенно сидѣлъ съ боярами, слѣдя за переговорами, тамъ же, гдѣ обычно принималъ пословъ, т. е. въ столовой избѣ, которая иногда въ Посольскихъ книгахъ отмѣчалась, какъ мѣсто, куда къ государю приходили боярскія комиссіи за наказами. Столовая изба при Иванѣ IV была мѣстомъ, гдѣ, судя по помѣтамъ въ Посольскихъ книгахъ, государь обыкновенно приговаривалъ съ боярами по вопросамъ иностранной политики.

---

[1]) С. И. Р. И. Об. т. 129 стр. 183—185.

Прямыя указанія на мѣста засѣданій Боярской думы безъ государя, когда дума обсуждала вопросы иностранной политики, въ Посольскихъ книгахъ за XVI в. не встрѣчаются, но пересмотръ этихъ книгъ можетъ навѣять вопросъ: не была ли мѣстомъ такихъ засѣданій набережная палата? В. О. Ключевскій рѣшилъ этотъ вопросъ положительно: „около половины XVI в. въ кремлевскихъ дворцовыхъ хоромахъ была одна палата, служившая постояннымъ мѣстомъ засѣданій думы. Въ 1542 г., когда у государя былъ столъ для польскихъ пословъ, посольскую свиту, не усѣвшуюся за столомъ вмѣстѣ съ другими, угощали особо въ палатѣ, гдѣ бояре судятъ“ [1]). Въ Посольскихъ книгахъ XVI в. встрѣчается болѣе точное указаніе мѣстонахожденія этой палаты. Въ шведской Посольной книгѣ записано, что 11 іюня 1570 г. шведскіе послы, пріѣхавшіе съ предложеніемъ о подтвержденіи вѣчнаго союза, приняты были въ Москвѣ, по приказу государя, боярами, и „бояре кн. И. Д. Бѣлской, да кн. И. Ѳ. Мстиславской, да кн. М. И. Воротынской и всѣ бояре велѣли свейскимъ посломъ быти у себя на государевѣ дворѣ, а были бояре въ набережной полатѣ въ комнатѣ“... Предварительно шведскіе послы приняты были печатникомъ И. М. Висковатымъ и Посольскимъ дьякомъ Андреемъ Васильевымъ въ Посольской палатѣ; выслушавъ здѣсь пословъ, печатникъ и Посольскій дьякъ „рѣчи свейскихъ пословъ бояромъ шедши вверхъ сказали..., и бояре свейскимъ посломъ велѣли къ себѣ итти въ набережную комнату“... Здѣсь шведскіе послы сказали боярамъ рѣчь, первоприсутствовавшій кн. И. Д. Бѣльскій отвѣтилъ имъ отъ имени бояръ [2]). На другой день 12 іюня „бояре свейскіе грамоты и наказного списка и государевы грамоты слушали и поговорили“... Въ Посольской книгѣ записанъ боярскій приговоръ и перечислены бывшіе у приговора [3]). Гдѣ имѣло мѣсто сидѣніе бояръ 12 іюня, въ Посольской книгѣ не записано. Не тамъ ли засѣдали бояре 12 іюня, гдѣ наканунѣ принимали шведскихъ пословъ? Набережная палата, въ которой обыкновенно за-

[1]) „Боярская дума“ стр. 408 изд. 3. О дѣятельности Боярской думы въ XVI в., какъ высшей судебной инстанціи, тамъ же, стр. 473 и слѣд., съ ссылкою на „Исторію судебныхъ инстанцій“ Дмитріева (стр. 140 и слѣд., 341 и слѣд. М. 1859 г.). О томъ же въ названномъ изслѣдованіи проф. Н. П. Загоскина стр. 146 и слѣд.

[2]) Въ Посольской книгѣ записаны бояре, принимавшіе пословъ: кн. И. Д. Бѣльскій, кн. И. Ѳ. Мстиславскій, кн. М. И. Воротынскій, М. Я. Морозовъ, И. П. Яковля, Н. Р. Юрьевъ, И. В. Шереметевъ Большой, казначей Н. А. Фуниковъ, печатникъ И. М. Висковатый и Посольскій дьякъ Андрей Васильевъ.

[3]) „С. И. Р. И. Об.“ т. 129 стр. 188—190.

сѣдали боярскія комиссіи съ иноземными послами, въ Посольскихъ книгахъ иногда упоминается съ добавленіемъ „гдѣ бояре судятъ“. Въ 1542 г. литовскимъ посламъ данъ былъ государемъ обѣдъ въ золотой палатѣ, но свита пословъ не вся помѣстилась въ этой палатѣ; непомѣстившіеся были посажены „въ полатѣ, гдѣ бояре судятъ“ [1]). Палата эта—набережная: „въ набережной полатѣ, гдѣ бояре судятъ“ въ 1549 г. обѣдала свита литовскихъ пословъ, не вмѣстившаяся въ средней палатѣ, гдѣ обѣдали послы [2]). Въ томъ же году съ литовскими послами боярская комиссія вела переговоры „въ полатѣ, гдѣ бояре судятъ“ [3]); въ другой разъ въ томъ же году съ литовскими послами боярская комиссія вела переговоры „въ полатѣ въ комнатѣ, гдѣ бояре судятъ“ [4]). Въ 1553 г. боярская комиссія засѣдала съ литовскими послами „въ набережной полатѣ въ комнатѣ, гдѣ бояре судятъ“ [5]). Въ 1557 г. боярская комиссія вела переговоры съ шведскими послами „въ полатѣ въ набережной въ малой въ комнатѣ, гдѣ бояре судятъ“ [6]). Названіе „малою“ комнаты, „гдѣ бояре судятъ“, показываетъ, что въ набережной палатѣ была и большая комната. Эта послѣдняя упоминается въ шведской Посольской книгѣ въ 1561 г.; тогда боярская комиссія засѣдала съ шведскими послами „въ набережной полатѣ въ болшой того для, что меншие полаты были не порожни“ [7]).

Набережная палата заключала въ себѣ малую комнату, гдѣ засѣдали боярскія комиссіи съ иноземными послами и гдѣ „бояре судятъ“ и, кромѣ малой комнаты, большую [8]).

---

[1]) „С. И. Р. И. Об.“ т. 59, стр. 149.

[2]) Тамъ же, стр. 266.

[3]) Тамъ же, стр. 289.

[4]) Тамъ же, стр. 294.

[5]) Тамъ же, стр. 390.

[6]) „С. И. Р. И. Об. т. 129 стр. 32; „въ палатѣ, гдѣ бояре судятъ“ (тамъ же стр. 40).

[7]) Тамъ же, стр. 89.

[8]) Набережная палата, стоявшая противъ западныхъ дверей Благовѣщенскаго собора, соединялась съ столовою избою крыльцомъ, бывшимъ передъ этою избою (И. Е. Забѣлина „Домашній бытъ русскихъ царей“ стр. 46—47. Изд. 3).

А. Орловъ.

Повѣсть кн. Катырева Ростовскаго и Троянская Исторія Гвидо де Колумна.

Повѣсть о Смутномъ времени князя Ивана Михайловича Катырева Ростовскаго, составленная въ 1626 году, весьма привлекательна по своему стилю. С. Ѳ. Платоновъ (1888 г.) считаетъ ее самостоятельнымъ и цѣльнымъ литературнымъ произведеніемъ, слогъ ея называетъ оригинальнымъ. „Повѣсть Катырева, говоритъ С. Ѳ. Платоновъ, выдѣляясь изъ ряда современныхъ ей историческихъ повѣствованій своими литературными достоинствами, заставляетъ видѣть въ ея авторѣ талантливаго и образованнаго человѣка. Съ литературной стороны его трудъ стоитъ выше чуть ли не всѣхъ прочихъ произведеній о смутѣ... Слогъ Катырева можетъ увлечь своимъ оригинальнымъ и красивымъ эпическимъ складомъ. Обиліе троповъ дѣлаетъ языкъ его Повѣсти изобразительнымъ, но не вычурнымъ и не запутаннымъ; рѣчи, вложенныя въ уста дѣйствующихъ лицъ, оживляютъ изложеніе; въ разсказъ иногда удачно вводится картина природы, набросанная немногими, но яркими штрихами... Не можемъ... не обратить вниманія читателя на любопытное описаніе весны, которое можетъ служить образцомъ поэтической рѣчи Катырева..., чувство мѣры не позволяетъ автору кстати и не кстати пестрить свое изложеніе библейскими выписками: онѣ являются у него всегда у мѣста и не нарушаютъ общаго характера рѣчи. Эти выписки свидѣтельствуютъ о томъ, что князь Иванъ былъ человѣкомъ книжнымъ, а вирши, которыми онъ заканчиваетъ свой трудъ, намекаютъ на то, что Катыревъ не ограничивалъ своего чтенія одними богословскими книгами... Изложеніе нашего автора... уже давно заслужило названіе поэмы“ (ст. Руссова... 1833 г.) [1])

[1]) С. Ѳ. Платоновъ. Древнерусскія сказанія и повѣсти о Смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ. Изданіе второе. Сочиненія томъ II, Спб. 1913, стр. 259, 272, 273.

Повѣсть П. М. Катырева была охарактеризована мною со стороны стиля въ университетской лекціи 1906 года, которая напечатана подъ заглавіемъ „О нѣкоторыхъ особенностяхъ стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII в." въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ, т. XIII (1908 г.), кн. 4, стр. 344—379. Въ этой статьѣ я, между прочимъ, указывалъ, что князь П. М. Катыревъ внесъ въ повѣствовательное изложеніе новую струю, обновилъ его риторику, измѣнилъ языкъ. Въ числѣ его источниковъ я упомянулъ Повѣсть Искандера о взятіи Царьграда 1453 г., именно въ картинѣ окончанія боевъ, которая привела мнѣ на память подобную-же картину изъ Гомера, въ переработкѣ В. А. Жуковскаго. Описанія же временъ года у Катырева я считалъ заимствованными изъ какого-либо календарнаго памятника, можетъ быть, западнаго происхожденія.

Послѣдующее изученіе Повѣсти князя Катырева подтвердило предчувствія источниковъ ея, неясно и неточно выраженныя въ статьѣ 1908 года. Дѣло въ томъ, что Повѣсть Искандера о взятіи Царьграда находилась подъ вліяніемъ какой-то Повѣсти о взятіи Трои, можетъ быть, даже подъ вліяніемъ Троянской исторіи Гвидо де Колумна[1]), что видно, напримѣръ, изъ сходства произведеній Гвидо и Искандера въ повтореніяхъ картиннаго окончанія боевъ къ ночи[2]). Эта картина окончанія боевъ попала и въ Повѣсть кн. Катырева, но не изъ Искандеровой Повѣсти, а прямо изъ русскаго перевода латинскаго текста Троянской исторіи Гвидо де Колумна. Тѣмъ же путемъ проникли въ Повѣсть Катырева и описанія временъ года. Вотъ почему описанія ночныхъ концовъ боя и временъ года, созданныя Катыревымъ по образцу

[1]) См. повѣсть Искандера: „Онъ же болма прилежааше мыслію на Трояду, идѣже и всемірная побѣда бысть Грекомъ на Фряги"... „потреби потребившихъ Троію предивну и семьюдесятми и четырма крали обороняему". Пам. др. письменности и искусства. Повѣсть о Царьградѣ... Нестора-Искандера XV вѣка. Сообщилъ архим. Леонидъ. Спб. 1886 г., стр. 2, 40.

[2]) Концы боевъ въ повѣсти Искандера см. по изданію архим. Леонида стр. 10, 12, 14, 20, 23, 30 дважды. Ко вліянію Исторіи Гвидо на повѣсть Искандера можно отнести еще описанія единоборствъ (архим. Леонида стр. 20, 22, 29, 32, 34) и, пожалуй, уговариваніе цесаря (25), тучу-знаменіе (33) и нѣкоторую часть плана Повѣсти. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ повѣсти Искандера (38), какъ и въ переводѣ Исторіи Гвидо, встрѣчается слово „израда". Возможно, что Искандеръ пользовался не однимъ повѣствованіемъ о взятіи Трои: ср. заглавіе находящейся въ лѣтописи Манассіи „Повѣсти о извѣстованныхъ вещеи, еже о кралехъ причя"... (или у А. Н. Веселовскаго—Изъ исторіи романа и повѣсти, в. II, Сб. т. XLIV, № 3, 1888 г., стр. 100—въ текстѣ Н.-Соф Библ.) съ цитатою Искандера объ оборонѣ Трои 74 „крали".

Исторіи Гвидо де Колумна, я прежде считалъ возможнымъ сближать: первыя—съ Повѣстью Искандера и переработкой Гомера, вторыя—съ западными календарными изображеніями; въ ту пору мнѣ еще не приходилось изучать риторики и лексики русскаго перевода Троянской исторіи Гвидо, и я могъ только предчувствовать нѣкоторые элементы, оказавшіеся въ Исторіи.

Дальнѣйшее изслѣдованіе привело меня къ несомнѣнному убѣжденію, что Повѣсть князя И. М. Катырева Ростовскаго создалась почти наполовину изъ того риторическаго и лексическаго матеріала, который даетъ русскій переводъ Троянской исторіи Гвидо де Колумна. Это подтверждается съ наибольшей точностью многочисленными примѣрами, заключающими настоящую статью.

С. Ѳ. Платоновъ говоритъ, что всѣ тексты Повѣсти князя И. М. Катырева раздѣляются на два извода, первоначальный и позднѣйшій, видоизмѣненный [1]). Въ стилистическомъ отношеніи эти оба извода почти совершенно совпадаютъ, почему для многочисленныхъ параллелей Повѣсти князя И. М. Катырева и Троянской исторіи Гвидо де Колумна я пользуюсь однимъ изводомъ, именно первоначальнымъ (сп. Имп. Публ. Библіотеки Q. IV. 154, XVII в.). Дѣлаю это однако условно, потому что, повидимому, надо пересмотрѣть вопросъ, какой изъ этихъ двухъ изводовъ лучше сохранилъ текстъ протографа Повѣсти. Высказываю это на томъ основаніи, что именно въ позднѣйшемъ, по терминологіи Платонова, изводѣ находится единственная ссылка на Троянскую исторію, которой въ первоначальномъ изводѣ нѣтъ:

„Якоже древле прельстивый соннымъ зрѣніемъ Парида, сына Пріяма царя Троянскаго, и обѣща ему жену нѣкую прекрасну, отъ Грекъ плѣнену, ввести во свое отечество, отъ сея же вины плѣнена и разрушенна бысть до конца превысокая Троя и самъ той царь Пріямъ съ прекрасными и храбрыми чады своими сладкаго и любезнаго свѣта сего гонзоша“ [2]).

По мнѣнію князя П. И. Вяземскаго, записанному въ рукописи Общества Любителей Древней Письменности № 3160—CXXXII, русскій переводъ Троянской исторіи Гвидо де Колумна сдѣланъ буквально по одному изъ печатныхъ изданій латинскаго текста Исторіи, вышедшихъ въ свѣтъ впервые въ концѣ XV в. Сверхъ многихъ не опредѣленныхъ изданій для латинскаго текста Исторіи указываютъ первое датированное изданіе 1477 года Colonie, второе

---

[1]) О. с., стр. 260.

[2]) Рус. Историческая Библіотека, изд. Археографическою Коммиссіею, т. XIII, Спб. 1891, стр. 639.

1486 года Argentorati [1]) и третье 1489 года, in civitate Argentina [1]) impressa novissime. Но возможно, что переводъ сдѣланъ и съ болѣе ранняго рукописнаго латинскаго текста Исторіи, если онъ точно соотвѣтствовалъ печатному. Надо имѣть въ виду весьма вѣроятное предположеніе, что русскій переводъ Исторіи Гвидо де Колумна вліялъ уже на Повѣсть Искандера о взятіи Царьграда, которую нѣтъ основанія относить ко времени послѣ 1477 года: эта Повѣсть создалась не такъ долго послѣ событія 1453 года.

Переводъ Троянской Исторіи Гвидо де Колумна несомнѣнно былъ выполненъ русскимъ, о чемъ кромѣ языка свидѣтельствуютъ и слѣдующія глоссы [2]):

Л. 35 здравымъ плаваніемъ во островъ Делфосъ спасено доидоша. Бѣ же предреченный островъ Делѳосъ море отовсюду облитъ, иже извѣство вѣруется, яже бѣ островъ Делосъ, иже писарей нѣчто оскудѣніемъ бѣ прибавленъ. Кой островъ поср(еди) острововъ Сисладкихъ положенъ въ море, си рѣчь Елеспонитъскомъ. Сего ради отъ предреченныхъ острововъ посреди Сикладскыхъ началный есть единъ всемъ островъ, яко сказуетъ история, Латона роди Аполлона и Діяну, и сего ради въ семъ создану (об.) храму въ чюдно стѣнъ собраніе чествовашеся Аполло, и нарече Дѣлосъ сего ради, зане, приставшу потопу, прежъ всѣхъ земель лучами солнечными первое освѣтися и луна ту увѣдена, глаголется бо дѣло се аки явленіе, зане дѣлонъ Греческіи явно глаголетъ Рускіи.

29[2]—[3] celerrimo felici navigatione potiti in insulam delphos salubriter pervenerunt. Erat autem praedicta insula delphos mari undique circumfusa quae pro certo creditur ut fuerit insula delos quae scriptorum forte vicio fuit adiuncta. quae insula in medio insularum cicladum sita est in mari s. elespontico constituta. Quare de praedictis insulis in medio cicladum principalis est una. In hac enim insula ut narrat historia. latona enixa est apollinem et dyanam. et immo in ea edificato templo in mirabilem murorum congeriem colebatur appollo. et dicta est delos pro eo ut sedato diluvio ante omnes terras radiis solis primum illuminata est et luna ibi visa. Dicitur enim delos quasi manifestatio. Nam delon grece manifestum dicitur latine.

Л. 38 об. Сей бѣ онъ Левіатанъ, о немъ рече Іевъ. Но за вездѣ существо не ново, сего ради въ кратцѣ о немъ рещи умысли-

[1]) A. Potthast, Wegweiser, I[2], 1896, 550. Argentoratum и civitas Argentina—Страсбургъ, Graesse, Orbis latinus[2], 1909, 25.

[2]) Цитирую переводъ по рукописи О. Л. Д. II. № 3160—CXXXII, XVI—XVII в., а латинскій текстъ по Страсбургскому изданію 1489 г.

хомъ въ семъ мѣсте. Написано бо Исидоръ етимологіярумъ, яко Еврѣи Еврѣйскимъ гласомъ нарицаютъ его веемотъ, еже рускимъ языкомъ сказуется животна безсловесное.

30[2] Hic fuit ille leviathan de quo dicit Iob... sed quod plerisque materia non est nova ideo sub compendio de eo dicere decrevimus in hoc loco. Scripsit enim Isidorus ethimologiarum ut hebrei hebrea voce vocant illum beemoth quod latina lingua sonat animal brutum.

Что русскій переводъ сдѣланъ съ латинскаго полнаго текста Троянской исторіи Гвидо де Колумна, доказано уже В. Н. Щепкинымъ въ статьѣ „Лицевой сборникъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея“, помѣщенной въ Извѣстіяхъ Отдѣленія рус. яз. и слов. Имп. Академіи Наукъ, т. IV (1899 г.), кн. 4, стр. 1345—1385. Это доказано на основаніи сличенія перевода Троянской исторіи, находящагося въ знаменитомъ лицевомъ сборникѣ XVI в. Историческаго Музея, съ латинскимъ текстомъ Исторіи въ изданіи 1489 г.; которымъ пользуется и настоящая статья.

Добавлю, что этотъ переводъ какъ въ сборникѣ Историческаго Музея, такъ и въ рукописи Общества Любителей Древней Письменности № 3160—CXXXII—совершенно тождественъ.

В. Н. Щепкинъ между прочимъ говоритъ, что особенность русскаго языка этого перевода составляетъ слово „шкота“, которымъ послѣдовательно передается латинское damnum, и произведенный отъ него глаголъ „изшкотити“, „ишкотити“—damno (или damnis) afficere. Могу сюда прибавить цитацію по рукописи О. Л. Д. П. № 3160—CXXXII: лл. 82, 92, 182 об., 202 об., 203, 18 шкоты, 35[3], 37[4], 64[1], 68[2] damna, 68[2] damnis, 23[3] damnificare; л. 202 об. шкоту, 68[2] damnum; л. 42 шкотитъ, 31[3] nocuerit. Можно привести и еще нѣсколько образцовъ лексики однороднаго типа, но ихъ очень мало, напримѣръ: л. 103 об. изратца, 128 об., 182 об. израдца, 45[3], 51[3], 64[1] proditor; л. 123 изрядцу, 50[3] proditorem; л. 124 об., 157 об. валки, 50[4] gerra, 58[4] gerrae; л. 93 треба, 37[4] necesse; л. 96 волятъ, 38[3] malunt; л. 173 много дякуютъ, 62[1] multas assurgunt ad grates. Немногочисленность подобныхъ словъ производитъ впечатлѣніе, будто бы великорусскій переводчикъ затруднялся передачею нѣкоторыхъ латинскихъ словъ и справлялся о нихъ у жителя ю.-з. Россіи, или будто онъ слѣдовалъ извѣстной литературной модѣ, которая вовсе не свидѣтельствуетъ о его собственной лексикѣ.

В. Н. Щепкинъ считаетъ текстъ Историческаго Музея древнѣйшимъ русскимъ спискомъ Троянской Исторіи Гвидо де Колумна, но въ то же время говоритъ, что Музейскій текстъ списанъ съ

болѣе древняго, такъ какъ въ немъ есть уже ошибки. Судя по водянымъ знакамъ, Музейскій списокъ (XVI в.) старше списка О. Л. Д. П. № 3160—CXXXII (XVI—XVII в.). Свободное употребленіе въ переводѣ нѣкоторыхъ книжныхъ словъ юго-славянскаго происхожденія: „снабдѣти“, „нещевати“, „гобзаніе“, „даже“ („даиже“), по мнѣнію В. Н. Щепкина, указываетъ на книжный языкъ XV вѣка, вновь наполнившійся юго-славянскими элементами [1]).

Вѣроятно, русскій переводъ Троянской Исторіи Гвидо де Колумна, появившійся, по моему, не позднѣе первой четверти XV вѣка, быстро сталъ популярнымъ, что явствуетъ изъ воздѣйствія его на Повѣсть о взятіи Царьграда 1453 г. Нестора-Искандера. Причинъ этой популярности нѣсколько: риторика, литературность и понятность перевода, и, кромѣ общаго содержанія, нѣкоторые эпизоды, напримѣръ,—разсужденіе о славномъ и великомъ Августѣ Кесарѣ, который отъ корени Енея „въ велицѣ благочестіи изыде“ и отъ котораго „кесари прочіи нарекошася“ (л. 57), пересказъ чуда Афродитіана Персянина (л. 36), разсужденія о невѣрности и измѣнчивости женщинъ, описанія ихъ красоты и единоборства героевъ въ духѣ народной поэзіи [2]) и т. д.

Но особенно популярность Троянской исторіи Гвидо де Колумна возросла въ XVI в. Исторію роскошно иллюстрировали и включили въ первый томъ колоссальной „энциклопедіи“, долженствовавшей представлять собою лѣтопись человѣчества вплоть до дней счастливаго царствованія Ивана Васильевича Грознаго (первый томъ—Музейскій сборникъ). Боярскій сынъ Василій Михайловичъ Тучковъ, помянулъ Исторію въ житіи Михаила Клопскаго: „слышахъ бо нѣкогда книгу прочитаему Тройскаго плѣненія, въ ней же многія похвалы плетены Еллиномъ, отъ Омира же и Овидія“ [3]) и т. д.

Самъ Иванъ Васильевичъ Грозный упрекалъ князя А. М. Курбскаго сходствомъ съ предателями Трои („а не яко же ты, подобно Антенору съ Энеемъ, предателемъ Троянскимъ, много соткавъ, лжеши“), пользуясь при этомъ и лексикою русскаго пере-

---

[1]) Съ своей стороны я предложилъ бы обратить вниманіе на одну ошибку русскаго перевода съ намѣреніемъ возбудить вопросъ, не можетъ ли эта ошибка послужить датированію русскаго перевода: л. 82 об. „полкъ сокрушаетъ и расторгаетъ спицы“, 35[1] frangit et disrumpsit acies. Такое чтеніе не единственно въ переводныхъ русскихъ памятникахъ.

[2]) Ср. А. Н. Веселовскаго о. с., стр. 4.

[3]) Ѳ. Буслаевъ, Историческіе очерки русской народной словесности и искусства, т. II, СПБ. 1861, стр. 241, 61—62.

вода Исторіи Гвидо („облыганіе же ихъ израды всѣмъ явлено есть во всей вселеннѣй“) [1].

Въ первой четверти XVII в. Троянскую Исторію цитировалъ авторъ знаменитаго Временника дьякъ Иванъ Тимоѳеевъ, а князь И. М. Катыревъ сдѣлалъ изъ нея образецъ новаго повѣствовательнаго стиля.

Перейдемъ къ сличенію Повѣсти кн. И. М. Катырева Ростовскаго съ русскимъ переводомъ Троянской исторіи Гвидо де Колумна и съ латинскимъ оригиналомъ послѣдней.

Для сличенія я пользовался:

1. Повѣстью князя Ивана Михайловича Катырева Ростовскаго (сп. Имп. Публичной Библіотеки Q. IV. № 154, XVII в.), изданною Археографическою Коммиссіею въ Русской Исторической Библіотекѣ, т. XIII, СПБ. 1891 г. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ этотъ текстъ обозначается—К.

2. Спискомъ русскаго перевода Троянской исторіи Гвидо де Колумна въ рукописи Общества Любителей Древней Письменности изъ собранія князя П. П. Вяземскаго № 3160—CXXXII, 4°. Рукопись писана полууставомъ разныхъ почерковъ XVI—XVII вв.; на л. 108 об.—111 внизу запись: „продалъ сию книгу Трою боярина князя Михаила Петровича Пронсково человѣкъ ево Андрѣй Борисовъ сынъ Бык (Быковъ?) Василью Никитину Корбачеву, а подписалъ я Андрѣй своею рукою 158-го (т. е. 1649) сентября въ 23 день“. Бумага имѣетъ филигрань—крупный двуглавый орелъ съ знакомъ лиліи на щитовидномъ туловѣ. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ обозначается—Т.

При рукописи имѣется тщательное описаніе ея, составленное княземъ П. П. Вяземскимъ. Изъ этого описанія явствуетъ слѣдующее.

Листовъ въ рукописи 218, заключающихъ въ себѣ одну Троянскую Исторію, безъ начала, конца и частію средины; недостаетъ, напримѣръ, пролога, I—XVIII и LVII—LXIV главъ цѣлыхъ; утеряно двѣ пятыхъ части полнаго текста, т. е. 144 листа, принимая во вниманіе, что каждый листъ рукописи равняется одной изъ четырехъ листовыхъ колонокъ текста печатныхъ латинскихъ изданій Троянской Исторіи 1489 и 1493 годовъ.

Рукопись списана съ оригинала, листы котораго были перебиты. Мѣстами не совсѣмъ тщательна, напримѣръ: л. 27 об. „приходящи но и се ни“ (т. е. „приходящи нощнои сѣни“), л. 59

[1] Сказанія князя Курбскаго, изд. 3-е Н. Устрялова, СПб. 1868, стр. 169.

„воста ношную часто“ (40[1] sub noctis superstitis portione), л. 70 „по има навести“ (т. е. „поимана вести“, 42[4] captivum ducere).

3. Латинскимъ текстомъ Троянской исторіи Гвидо де Колумна, въ готическомъ печатномъ изданіи, Страсбургъ 1489 г. На титульномъ листѣ заглавіе: Historia Troiana Guidonis (*этотъ листъ* не входитъ при моихъ цифирныхъ цитатахъ въ счетъ). На предпослѣднемъ листѣ: Historia destructionis Troiae composita per iudicem Guidonem de Columna. Messanensis. finit feliciter In civitate Argentina impressa novissime Anno domini M.cccc.lxxxix (т. е. 1489). circa festum sancti urbani (1 кол.); Factum est praesens opus a iudice Guidone de Messana Anno dominicae incarnationis Millesimo ducentesimo octuagesimo septimo (т. е. 1287) eiusdem primae indictionis.

Подготовка боя:

К. 585 Царь же Василей повелѣ воеводамъ и воинству препоясатися на брань;

К. 586 Той же прозванный царевичь повелѣ войску своему препоясатися на брань;

К. 589, 590. повелѣ воинству препоясатися на брань; К. 594 повели войску препоясатися на брань.

Т. 131 Трояне препоясуются на брань, 52[2] troiani accinguntur ad bellum; Т. 173 на ополченіе препоясуетъ ся, 62[1] ad prelium accingit; Т. 173 на брань препоясуются, 62[2] ad prelium accinguntur.

Ср. К. 592 повелѣваютъ... препоясатися на путь.

Т. 92 об. препояшемся на путь, 37[2] nos accingamus ad iter; Т. 155 об. на путь препоясуется, 58[3] accinxit ad iter.

К. 585 началницы Московскаго воинства по повеленію цареву на кони своя восходятъ;

К. 607 скоро оружіе препоясуютъ и на кони восходятъ; К. 609 на кони своя восходятъ.

Ср. К. 600 на конь восходитъ и путное шествіе радостно воспріемлетъ.

Т. 70 об. въ велицѣ силнѣ брани на конь восходитъ, 42[4]—43[1] in maxima virtute bellandi equum ascendit; Т. 93 об. во оружьи на оружныя кони въсходятъ, 38[1] armati armatos equos ascendunt; Т. 121 Ахиллесъ на конь свой первый восходитъ, 49[4] Achilles equum suum primo celer ascendit; Т. 139 на конь въсходитъ, 54[2] equum (suum) ascendit (дважды); ср. Т. 19 об.—20 на храбрыя кони вшедше, царицу Елену провожаютъ, 25[1] equos strenuos ascendentes reginam helenam commearunt.

К. 594 мнози славніи полковницы и ротмистры во множествѣ бранныхъ пріидоша къ намъ въ пособіе; К. 586 и тамо облегоша во множествѣ бранныхъ.

Т. 70 об. и пришедшимъ грекомъ на помощь его во множествѣ бранныхъ веліемъ, 43[1] et supervenientibus grecis in succursum ipsius multitudine pugnantium copiosa; 71 об. пріиде Полидамъ Антеѳнаровъ сынъ въ велицѣ множествѣ бранныхъ, 43[1] supervenit Polidamas anthenoris filius in maxima multitudine pugnatorum.

Разряженіе полковъ:

К. 590. И раздѣли воинство на три полкы: первому полку воеводу постави единокровнаго своего болярина князя Михаила Васильевича Шуйского, другому же полку воеводу постави князя Ивана Борисовича Воротынсково, третьему полку воеводу постави князя Ивана Борисовича Черкаскаго; и иные начальники и воеводы постави надъ воинствомъ и наказалъ ихъ доволно, отпусти съ миромъ.

К. 600. Первый полкъ приходитъ на брань Свицкій воевода Ивелгоръ, а подъ нимъ 3000 воинъ; другій началный воевода и волный Велегардъ Яковъ Цунтусовъ съ своимъ полкомъ приходитъ на брань; третей воевода князь Андрѣй Голицынъ со множествомъ воинъ Московскихъ приходитъ на брань.

Т. 59 об.—60 и раздѣливъ ихъ браннымъ провидѣніемъ на полки... И призвавъ къ собѣ два сродника своихъ, Клаукона, сирѣчь сына царя Лисіискаго, и Снисибора, брата своего родимаго, воженіе перваго полка поручи и предасть имъ, въ коемъ первомъ полку 1000 воинъ остави бранныхъ мужей, на брани силныхъ и во браняхъ искусныхъ..., имъ во имя боговъ Екторъ давъ отпущеніе... И предреченному и первому полку реченный Екторъ иныхъ тысящу воинъ разумныхъ приложи, ихъ же подъ воеводство Ѳтезея царя Трасійскаго і Архила, сына царя оного, мужей безъ великія храбрости поручи и дастъ имъ во имя боговъ блазѣ отпущеніе, да первому полку соединятся. Вторый же полкъ устави, въ немъ же 3000 воинъ крѣпкихъ и бранныхъ устрои, его же воеводство поручи ратнаго царя Ѳригійскаго, царя Ксантипа и царя Алкама, мужей веліей силы. И, по повелѣнію Ектора, во знамя побѣды, предреченными враты исходятъ града, ко Греческому войску остроумнѣ приходяще и т. д.

40[2] et distributis eis bellicosa provisione per turmas... Et convocatis ad se duobus de consanguineis suis claucone scilicet filio regis liciae cincinabore fratri suo naturali ductum primae aciei concessit et delegavit eisdem. In qua prima acie mille milites statuit

bellatores. viros bellis utique fortes et bellorum expertos... et eis in nomine deorum ab ipso hectore data licentia... Predictaeque primae aciei predictus hector alios mille milites prudentes adiecit quos sub ductu thesei regis traciae et archilei filii regis ipsius virorum non sine magna strennuitate commisit et eis dedit in nomine deorum benigne licentiam ut primae aciei pariter iungerentur. Secundam vero aciem statuit in qua tria milia militum fortium et pugnantium deputavit quam sub ductu commisit bellicosi regis frigiae regis xantipi et regis alcami virorum magnae virtutis et ad mandatum hectoris sub victoriae signo per predictam portam exeunt civitatis ad grecorum exercitum sagaciter procedentes.

Бой:

К. 609 вдаютца на брань.

Т. 112 об. вдасться на брань, 49[4] ingerit se ad bellum; Т. 118 на брань вдаются, 49[1] in bello se ingerunt; Т. 96 на брань жесточае вдаются, 38[3] in bellum durius se presentant; ср. Т. 75 об. вдаются на ополченіе, 44[1] se ingerunt in certamen; Т. 101 об. вѣдашеся на ополченіе, 39[4] exeuntes in pugnam.

К. 572. И брань плитъ жесточайшая, на обѣ страны падаютъ трупіе мертвыхъ сѣмо и овамо;

К. 591. И тако плитъ брань жесточайшая... и со обою страну бысть паденіе много, и падаютъ трупіе мертвыхъ сѣмо и овамо.

Т. 67 об. въ то время брань плитъ жестока, 42[2] Interea bellum fervet asperrimum; Т. 103 сего ради брань въ то время плитъ жесточайша, 45[3] Quare bellum interim fervet asperrimum.

Т. 170 и брань жестока спускается въ нихъ и многіе падутъ сѣмо и овамо трупы мертвыхъ, 61[3] et bellum asperum committentur inter eos et multa cadunt hinc inde cadavera mortuorum.

Параллельно съ „плитъ брань жесточайшая“ въ К говорится:

К. 612 и тако кипитъ брань жесточайшая;

Т. 82 брань кипитъ острѣйшая промежъ обоихъ, сѣмо и овамо падаютъ отъ грековъ; 35[2] Bellum fervet asperrimum inter utrosque hinc inde cadunt ca(35[2])daveri gladio trucidata. multi cadunt ex grecis.

К. 600, 612, 614 брань смертную спущаютъ (или—спускаютъ), К. 610 смертную брань спущаютъ. Такъ всего чаще выражается Т:

Т. 69 об. смертна брань спускается промежь ихъ, 42[4] letale bellum committitur inter eos; Т. 139 об. брань же въ то время смертна спускается, 54[3] Bellum autem interim letale committitur.

Смертный исходъ боя выражается въ К еще такъ:

К. 589 много паденіе бысть и убійство веліе Московскому

воинству; К. 614 и такъ брань смертную спускаютъ. Тамо убиство веліе, тамо веліе низлаганіе.

Т. 132 брань смертна спускается, отъ неяже послѣдуетъ веліе убійство, 52[3] bellum letale committitur. ex quo sequitur magna strages; Т. 165 сего ради брань спускается межь ихъ. отъ неяже мертвыхъ послѣдуетъ веліе убійство, 60[1] propter quod bellum durum committitur inter eos ex quo mortuorum sequitur magna cedes; 179 об. Т. двѣма войскомъ съшедъшимъся и межь собя бьющимся, отъ обою страну бываетъ веліе убійство, 63[2] duobus exercitibus simul iunctis et mutuo dimicantibus inter se ex utraque parte committitur magna cedes.

Въ самомъ столкновеніи сторонъ выражается неравенство ихъ успѣха.

1) Нападающіе, побѣдители:

К. 572 Поляцы же усты меча гонятъ;

К. 589 Поляцы же поля обрѣтаютъ и усты меча гонятъ;

К. 591 Помалу же Москвичи поля обрѣтаютъ и усты меча гонятъ.

Т. 134 об. усты меча гонятъ, 53[1] in ore gladii persequuntur; Т. 45 об. зане ихъ и въ усту меча гонятъ, 32[1] Nam et eos in ore gladii persequuntur.

Т. 121, 134 об., 175, 180 греки поле приобрѣтаютъ, 49[4], 53[1], 62[1], 63[4] greci campum recuperant.

К. 579 Московстіи же народи поля обрѣтаютъ и усты меча гонятъ, овыхъ же убиваютъ, овыхъ уязвляютъ, овыхъ низлагаютъ;

К. 572 князя Федора Ивановича Мстиславскаго поранивше зѣло, и съ коня его низвергоша.

К. 585 спустиша брань велію, и во ополченіи своемъ мужески побораша, овыхъ убивая, овыхъ уязвляя, овыхъ связанныхъ во градъ отсылая.

Т. 74 и многихъ отъ нихъ убиваетъ, смертнѣ уязвляетъ и низлагаетъ, 43[2] et multos ex ipsis interficit letaliter et vulnerat et prosternit; 75 об. зане многихъ отъ нихъ уби, и нынѣ овыхъ уязвляетъ, (76) овыхъ низлагаетъ съ коней, 38[2] Nam multos interfecit ex eis et nunc alios vulnerat nunc alios prosternit ab equis.

К. 612 съ полки своими исходятъ на брань, и брань смертную спускаютъ. Москвичи же силу воспріяша надъ Поляки, творяше жестоко устремленіе мужески ихъ поборютъ.

Т. 97 и прiиде на брань, спускается убо брань жесточайшаа, воспрiемлютъ греки силы въ пришествiи Уликса, творяще устремленiе на Троянъ, мужски (и)хъ побораютъ, 38[4] et venit ad bellum. Committitur ergo bellum durissimum, resumunt greci vires in Ulixis adventu et facientes impetum in Troianos viriliter ipsos expugnant; Т. 141 мощнѣ тѣхъ побарaютъ, 54[4] potenter ipsos expugnans.

К. 601 нападоша на полки Нѣмецкiе, крѣпцѣ сихъ поражаху.

Т. 81 нападе на Менестея, толь крѣпцѣ его порази, 45[2] irruit in Menestеum sic potenter ipsum impellens.

К. 609. Московскiе же воини мужественно сихъ воспрiемлютъ, и ополченiе дивное противъ враговъ сотворяютъ, и рыстанiемъ конскимъ смѣло на Поляцы наскакаютъ, и въ силѣ крѣпости своея мощнѣ ихъ погнѣтаютъ, и шеломы ихъ разсѣкаютъ и трупы ихъ на двѣ части раздѣляютъ.

Вотъ параллели къ нѣкоторымъ выраженiямъ этой цитаты:

Т. 135 егоже Троилъ въ своей силѣ восприятъ и мужественнѣе нападе на Ахилла, 53[2] quem Troilus in sua virtute suscepit et virilius irruit in Achillem.

Т. 113 и всѣхъ (sic) Екторъ наступи на Ахилла дивнѣ того отягчаетъ, уже шеломъ его сокруши... и, воздвигъ мечь въ крѣпости своихъ мышцъ, удари его, 47[4] Ad haec Hector invadit Achillem eum mirabiliter gravat. Iam cassidem eius sibi confregetat... et elevato ense in suorum fortitudine brachiorum percussit illum.

Т. 109 наскочи скоро единъ на другаго въ крѣпости коней(sic)... спротивнии мнозѣ на Ектора наскакаху, 46[4] Insiliit igitur statim alter in alterum in fortitudine lancearum... contradictores (47[1]) multi contra Hectorem insultarent.

Т. 119 и въ сильномъ ихъ тогда смѣлствѣ толь тяжцѣ Троянъ погнеташа, 49[2] et in eorum tunc virtutis audacia sic Troianos graviter oppressunt; Т. 174 об. дивно бо Греки Троянъ погнѣтаютъ, 62[3] Mirabiliter ergo Greci Troianos opprimunt.

Т. 80 на негоже Екторъ скоро извлекъ мечь толь тяжцѣ его порази во главу, да главу на двѣ части раздѣли, 45[1] Contra quem Hector statim irruit et nudato ense ipsum graviter percussit in capite ut caput eius duas divisit in partes.

Т. 110 об. и толь жестоко своихъ силъ мощию порази, яко тѣло (111) его на двѣ раздѣли части, 47[2] et tam dire in suarum virium virtute percussit ut corpus eius duas dimidiavit in partes.

К. 605 сей же князь Петръ о своемъ дѣлѣ непрестанно попеченiе имѣя и желательнѣ сего подобна часа искаше, и видѣвъ,

яко угодно бѣ время то, и воздвигши мышцу свою, яко неистовственъ на него нападаетъ, и мечемъ голымъ сего доставаетъ, и разъ къ разу прилагаетъ, и тако раздѣляетъ тѣло его на двѣ части. И, падъ, издше сей проклятый мятежникъ.

Т. 48 об.—49 Агамемнонъ царь о своемъ управленіи попеченіе прилежно творя, 32[4] Agamemnon rex circa suum regimen curam studiosam exercens.

Т. 100 и об. и тако нанъ нападъ мечемъ голымъ, зане о греки прежъ копіе сокруши, воздвигъ мышцу во своей мощной силѣ, Протилага порази сице, да яко отъ верху главы его разсѣче его на полы, даже до пупа, незащищающу оружію его. Падетъ убо славный, храбрый царь, 39[3] sic quam in eum irruens ense nudo cum in grecos ante lanceam confregissam elevato brachio in suae virtutis potentia Prothilagum percutit sic ut a summo vertice ipsum scindit per medium usque ad adiacentias umbilici non obstantibus armis eius. Cadit ergo nobilis et strenuus rex.

Т. 109 об. нападе на Ахилла и доставая его во мнозѣ силѣ мечемъ своимъ трема разы, разъ разомъ прилагая, по шелому удари Ахилла, 47[1] irruit in achillem et ipsum impetens in multa potentia ense suo tribus ictibus cumulando supra cassidem percussit achillem.

Т. 110 и об. но Екторъ толь тяжцѣ его порази въ главу, да яко отъ верху даже до пупа на двѣ части раздѣли, иже скоро мертвъ издыше, 47[7] Tum Hector tam graviter percussit ipsum in capite ut ipsum a vertice usque ad umbilicum duas divisit in partes qui statim mortuus expiravit.

К. 597 копейнымъ пораженіемъ и острыми стрѣлами смертнѣ уязвляютъ и смерти предаютъ;

К. 601 пищальнымъ стрѣляніемъ смертнѣ Поляковъ уязвляютъ и смерти предаютъ.

Т. 35 частыми пораженіи стрѣлъ Троянъ отгоняютъ отъ брега, отъ ихъ же смертоносныхъ пораженій мертвы мнози падутъ, 38[2] in crebris ictibus sagittarum Troianos arcent a litore, ex quorum letiferis ictibus mortui multi cadunt;

Т. 151 об. иже изъ луковъ смертнѣ Грековъ погнѣтаютъ, ранятъ и многихъ смерти предаютъ, 56[2] qui cum arcubus et sagittis letaliter Grecos pressunt, vulnerant et plurimos morti tradunt;

Т. 189 об. Парисъ убо своимъ (sic) отъ языка Перьскаго со ихъ луки и стрелами многихъ Грековъ у(я)зьвляютъ и многихъ убиваютъ, 65[3] Paris vero cum acie sua de gente Persarum cum eorum arcubus et sagittis multos Grecorum vulnerant et multos occidunt.

Иногда въ К при „смерть“ есть эпитетъ „горькая“:

К. 611 въ скоромъ часѣ смерти горкой предаютъ; 617 да не предадутъ ихъ горкія смерти.

Т. 96 горкимъ убійствомъ скоро изгибли быша, 38[3] amara nece subito periissent; Т. 138 сынове твои сіи горкою смертію погибнутъ, 54[2] filii tui ipsi amara morte depereant.

К. 614. Москвичи же вслѣдъ женуша немало, даже и до шатровъ; нашедши нощи преста брань;

К. 592. Москвичи же женуша вослѣдъ ихъ даже и до шатровъ, и тако преста брань.

Т. 111 превозмогающимъ бо во мнозѣ силѣ Трояномъ, Греки нужею дати хребетъ понудишася, они же ихъ бѣжащихъ даждь ихъ до шатровъ женутъ убивая и смертнѣ уязвляя, дню тогда къ нощной тмѣ уклоняющуся; сего ради, нашедши нощной сѣни, брань преста, 47[1] Invalescentibus enim in multa virtute Troianis, Greci necessario sunt dare terga coacti, quos Troiani precipitem coegerunt in fugam. Ipsi eos fugientes usque ad eorum tentoria persequuntur occidendo eos et ipsos letaliter vulnerando die tunc ad (47[2]) noctis tenebras iam vergente quare superveniente noctis umbraculo proelium est dimissum;

Т. 170. об. Греки бежатъ предъ нимъ, хребетъ дати понудишася, ихъ же Трояне даже до шатровъ ихъ во усту меча женутъ, нощь убо найде, и брань разлучается, 67[3] Greci fugiunt ante eum dare terga coacti quos Troiani usque ad eorum tentoria in ore gladii persequuntur. sed nox supervenit et proelium separatur.

К. 591. Поляцы же... людей Московскихъ безчисленно побиваютъ, и въ шатрѣхъ богатство веліе грабятъ.

Т. 104 сего ради Троянское войско, въ велицѣй силѣ ходя, бѣжащихъ Грековъ до шатровъ ихъ гнаша, ихъже шатры Трояне аки побѣдници наступаютъ мужескіи и грабятъ, восхитивъ изъ нихъ оружия, много злата і сребра зѣло немало, егоже въ ларцѣхъ обрѣтоша, и весь ихъ запасъ отнесше къ своему прибѣжищу принесоша, 45[4] Quare Troianorum exercitus in magna virtute procedens fugientes Grecos usque ad eorum tentoria sunt secuti. quorum tentoria Troiani quasi victores invadunt viriliter et predantur arreptis ab eis armis multis auri et argenti copia magna nimium. quam in scrineis invenerunt eorum. et omnem eorum suppellectilem asportantes ad eorum presidia detulerunt.

Т. 162 жестоко тогда противу Грековъ начаша ополчение,... мужескіи пѣши противъ ихъ стояще, да яко нападши имъ на ихъ шатры, шатры отъ нихъ пограбляютъ и многая у нихъ сребре-

ная сосуды вземлютъ и множество злата и сребра, яже влагалищахъ ихъ обрѣтоша, 59[4] durum tunc contra Grecos iniere certamen. Sic pedites contra eos viriliter resistentes ut irruentibus eis in eorum tentoriis tentoria ipsa exponunt ad predam. Multa ex eis argentea vasa diripiunt et multam auri et argenti copiam que in repositoriis invenerunt eorum.

Неистовство героевъ, разжегшихся яростью:

К. 604 скоро разжегся яростію: К. 607 разжегся гнѣвомъ веліимъ и разъярився зѣло;

К. 596 Сей же князь Михайло Шуйской никако о сей бывшей побѣдѣ ужасеся, и много подвижеся на гнѣвъ, и разъярися зѣло о убійствѣ своихъ, отомщеніе уповая наслѣдити.

Т. 98 об. — 99 много отъ того подвижеся на гнѣвъ... о убійствѣ своихъ отмщенія уповаа наслѣдити; 39[1] multum exinde commotus ad iram... sperans de suorum necem vindictam consequi;

Т. 113 Екторъ же пораженію язвъ никако ужасеся, восприимъ мечъ во многояростномъ неистовствѣ; 47[4] Hector autem ad ictum vulneris nulla tenus stupefactus accepto ense in multa furoris rabie.

Т. 72 об. многою болѣзнью ярости разжегся, 43[3] in multo dolore furoris accensus;

Т. 125 об. Ахиллесъ... весь гнѣвомъ разжегся, 50[4] Achilles... ira totus incaluit;

Т. 70 царь Алканій возгорѣся весь на гнѣвъ, 42[4] rex Alcanius excandescens totus in iram.

К. 605 яко неистовственъ на него нападаетъ.

Т. 160 Деиѳебъ весь подвижеся въ ярости и на Теламония тогда нападе неистовственъ, 59[3] deiphebus totus motus est in furore et in thelamonium tunc irruit furibunde;

Т. 71 скачетъ по полькомъ, аки неистовъственъ, 43[2] discurrit per acies veluti furibundus.

К. 591 Поляцы же... нападоша на полкы царевы, яко неистовственно дыхая на пролитіе крови... скачютъ по полкомъ сѣмо и овамо;

К. 606 Поляцы же, яко неистовственно дыхая на пролитіе крови.

Т. 66 екторъ... мощный конь свой пострекаетъ... аки неистовственъ дыша; 41[4] hector... potentem equum suum coegit... quasi furibundus anhelans;

Т. 110 екторъ же аки неистовственъ дыша всѣхъ противу ему текущихъ уби, 47[1] Hector autem in bellum quasi furibundus anhelans quoscunque sibi occurrantes interfecit.

Т. 124 на убиство мое всячески дышати, 50^{2} in necem meam totaliter aspirare;

Т. 151 на греки яростнѣ дышетъ, 56^{1} in grecos furibundus anhelat.

Т. 101 и уязвляетъ во много пролитіе крови, 39^{3} et vulnerat in multa effusione cruoris.

К. 609 Той же бодренный и разсмотрительный воевода... скачетъ по полкомъ всюду, акы левъ рыкая, направляющи воинство;

К. 614 скачетъ по полкомъ всюду, аки левъ рыкая на своихъ, повелѣваетъ крѣпцѣ напрязати оружіе на враги своя.

К. 615 Московстіи же воини, яко львы рыкая, скорятъ ко вратомъ градцкимъ.

Т. 97 Уликсесъ же, аки левъ рыкая, посреди полковъ въ нарочитыхъ оружьяхъ и копиемъ въ руцѣ носимомъ многихъ уби троянъ, 38^{4} Ulixes autem velut leo rugiens in medio acierum insignis armis et lancea quam gestabat in manu multos interfecit troianis; Т. 82 об. ко царю убо Теутру, аки левъ рыкая, прилепляется, 35^{3} ad regem ergo theutran velut leo rugiens applicat.

К. 601 Посемъ же Поляцы силу восхищаютъ, усты меча гонятъ, скачютъ по полкомъ всюду;

К. 591 скачютъ по полкамъ сѣмо и овамо и людей Московскихъ безчисленно побиваютъ.

См. выше: Т. 71 = 43^{1}, Т. 97 = 38^{4}; Т. 120 убивая грековъ, по полкомъ скакаше, 49^{3} interficiendo grecos per turmas discurreret; Т. 103 егда Екторъ чрезъ полки скакаше и воюя, 45^{3} interea hector dum per turmas bellando discurreret; Т. 105 егда чрезъ полки скакаше, гоня враги своя, 46^{1} dum per acies discurreret persequendo hostes suos; Т. 109 толь долго чрезъ полки скачя и уязвляя, 46^{4} tam diu per turmas vulnerando discurrit; Т. 110 тогда, скача чрезъ полки, пріиде Менелай, 47^{1} Tunc discurrendo per acies supervenit Menelaus.

2) Побѣжденные:

К. 573 Ростригино же войско помалу оскудѣваше и вдашася бѣгству.

Т. 68 об.. л. отъ нихъ лютѣ уби мертвіи оскудѣша, 42^{4} triginta ex eis crudeliter interfecti mortui defecerunt; Т. 96 об. о оскудѣвающихъ въ паденіи, 38^{3} deficientibus ad ruinas; Т. 100 Греки оскудѣваютъ, 39^{3} Greci deficiunt; Т. 132 сего ради мнози отъ нихъ оскудеваютъ, 52^{3} quare multi ex eis deficiunt; Т. 165 и въ частыхъ

разѣхъ мечныхъ мнози оскудеваютъ, 60[1] Et in crebris ictibus ensium multi deficiunt.

Въ Т „вдашася бѣгству“, кажется, нѣтъ, но ср. Т. 160 въ бѣгъ... дашася, 59[2] in fugam... se dederunt, Т. 162 въ бѣгъ даются, 59[4] fugae... se committunt.

К. 651 Поляцы же хотятъ ли, не хотятъ ли, хребетъ даютъ и давшеся бѣгству;

К. 601 Московское же воинство даша хребетъ пособіемъ бѣгства.

Т. 76 хотятъ ли, не хотятъ, греки помагаютъ, 44[2] velint nolint greci succurrunt; Т. 96 хотятъ ли, не хотятъ, врази ихъ сходятъ съ кораблей, 38[1] velint nolint hostes eorum descendunt a navibus.

Т. 100 бѣша уже пособиемъ бѣгъства Трояне хребетъ дати тесняются, 39[2] etiam iam perfugae subsidium Troiani dare terga coacti; Т. 101 об. Ахиллу тѣхъ смертнѣ погнѣтающу, хребетъ даша и пособіемъ бѣгства Троянскій градъ воспріяти ся нудятъ, 39[4] Achille ipsos letaliter opprimente terga sunt dare coacti et fugae subsidio se in Troianam urbem recipere moliuntur.

К. 595 Нѣмцы же не возмогоша подняти острея меча ихъ.

К. 612 Московскаго устремленія понести не могутъ.

Т. 101 об. иже силы трояне подняти множества ради не могуще, 39[4] Quorum Troiani potentiam sustinere pro multitudine non valentes;

Т. 100 зане Трояне подняти Паламидова устремленія не могуще, 39[2] Troiani sustinere Palamidis impetum non valentes; Т. 189 об. Діомедъ и Греки устремленныя ихъ подняти не могуще, 65[3] Diomedes et Greci eorum impetus sustinere non valentes.

К. 589 помалу же войско Московское оскудѣваше, понеже пораженій смертоносныхъ понесть не возмогоша, и вдашася бѣгству;

К. 609 Поляцы же хребетъ даютъ, (610) и пораженій смертоносныхъ подняти не могутъ;

К. 610 Поляцы пораженія ихъ смертоносныхъ подъяти не могутъ и хребетъ даютъ.

Т. 100 об. Греки бѣжатъ пораженій его смертоносныхъ понести не могуще, 39[3] Greci fugiunt eius ictus tolerare letiferos non valentes.

К. 595 Нѣмцы же... поля оставляютъ; К. 610 Поляцы же... поля оставляютъ;

К. 614 Москвичи же поля оставляютъ и вспять итти понуждаютца;

К. 610 воспять итти понужаютца.

Т. 76 об. яко да греки поля оставятъ, 44[2] ut grecі campum deserant; Т. 142 Трояне-жъ, аки побѣжені, поле оставляютъ, 55[1] troiani vero quasi devicti campum deserunt; Т. 162 абие поле оставляютъ, 59[4] illico campum deserunt; Т. 74 об. поле, аки неволею, оставити понужаются, 43[1] campum quasi necessario deserere compelluntur.

Т. 100 въспять ити понужаются, 39[2] retro cedere compelluntur;

Т. 75 об. Греки въспять ити понужени, 44[2] Grecі sunt dare terga coacti;

Т. 73 грековъ вспять итти неволею понуди, 43[3] grecos retro cedere de necessitate coegit.

К. 595 и тако мечемъ погибнуша, жестокою смертію живота гонзнуша;

К. 607 предъ отцы сынове, убиваеми, живота гонзнуша.

Т. 101 об. и предъ отцы сыновѣ убіини живота гонзнутъ, 39[4] et ante ora patrum filii trucidati vitam exalant.

К. 610 Поляцы же болѣзнуютъ и плачутся своихъ паденій;

К. 615 Плачютца во градѣ Поляцы всѣхъ своихъ паденій;

К. 616 плачемся своихъ паденій.

Т. 221 об. всѣхъ своихъ паденія тяжцѣ плачется, 72[4] suorum omnium excidium graviter lamentatur.

Подробности боевыхъ описаній:

К. 612 посемъ людей свѣжихъ преновляютъ, а преже бывшихъ ту воинъ изводятъ. И тако преновившуся людемъ брани велія и безчисленныя спускаютъ;

К. 614 Московстіи же воини пришествіемъ ихъ преновляютца и аки свѣжи быша;

К. 601 Поляцы же помалу гинутъ, но паче свѣжими людми премѣняютца;

К. 614 и тако преновляетца брань.

Т. 80 об. бранныхъ свѣжихъ, 45[1] pugnatorum recentium; Т. 99 свѣжи быша въ силахъ, 39[2] facti recentes in viribus.

Т. 99 во пришествіе Ѳеиоплянъ ополченіемъ жесточае преновляется. Толико убо Трояне въ ихъ пришествіи воспріяше сильное смѣльство, да аки свѣжи быша, 38[2] in adventu ethiopum prelium durius instauratur. Tantam igitur troiani in eorum adventu sumpsere virtutis audaciam ut quasi facti recentes;

Т. 75, 76 об. брань жесточае(тъ) преновляется, 44[1], bellum durius instauratur; Т. 134 об. преновляется убо брань жесточайша въ нихъ, 53[1] Instauratur ergo bellum durissimum inter eos; Т. 96 преновляютъ сего ради брань, 38[3] instaurant ergo bellum; 96 об. преновленѣ же брани, 38[3] Instauratoque bello; Т. 99 об. смертно воинство преновляетъ, 38[2] letale certamen instaurat.

К. 614 свищутъ стрѣлы по аеру, сокрушаютца копія; К. 591 летаютъ стрѣлы по аеру.

Т. 96 сокрушаются копія, свищутъ по аеру многие стрѣлы, 38[3] Franguntur lanceae. sibilant per aera multae sagittae.

К. 589 возмутися воздухъ отъ конскаго ристанія;

К. 596 отъ стрѣлянія же пищальнаго смутися воздухъ и отемнѣ облакъ.

Т. 96 об. и воздухъ воплемъ многимъ смущается, 38[3] et aer clamore multo confunditur; Т. 165 об. мрачный и темный облакъ, 60[1] nubilosus et obscurus aer; ср. Т. 117 об. аиръ обличеся многымъ темнымъ, 49[1] aer obductus multa caligine tenebrarum.

К. 601 на полки нападаютъ и спицы желѣзныя ломаютъ.

Т. 82 об. полкъ сокрушаетъ и расторгаетъ спицы, 35[3] frangit et disrumpsit acies.

К. 591 взыде вопль велій до града вопимыхъ.

Т. 100 тогда... Екторъ аки къ гласу вопимыхъ воста, отъ града Трояньскаго во множествѣ исходитъ, 39[3] Tunc... Hector qui ad voces clamantium excitatus ab urbe Troiana in comitiva multorum egreditur; Т. 28 вопль убо велій отъ крычанія плѣнныхъ воста въ нощномъ молчаніи, 24[1] Clamor itaque maximus ex vociferatione captorum rumpit noctis silentia; Т. 100 сего ради вопль бываетъ велій отъ смерти убиваемыхъ, 39[3] Clamor igitur fit maximus in occisorum excidio; Т. 101 об. тамо велій вопль избыточествоваше, 39[4] Illic magnus clamor exuberat.

К. 597 Людіе же къ городку восходятъ и хоругви простираютъ; К. 597 повелѣ хоругви простирати;

К. 599 Москвичи же вослѣдъ же ихъ женуша даже и до городка того, и на стѣны грацкіе восходятъ, и хоругви ихъ простираютъ, и елико въ немъ обрѣтаютъ людей и тако мечемъ всѣхъ погубляютъ.

Т. 76 об. хоруговемъ простренымъ на ополченіе скорити, 44[3] vexillis extensis ad prelium festinare; Т. 48 по лѣствицамъ на городокъ восходятъ..., и на стѣнахъ ихъ хоругви выложивъ, во отмщеніе своихъ убитыхъ отъ нихъ, елико отъ тѣхъ обрѣтаютъ,

или мечемъ погубляютъ, $32^{3}-^{4}$ per scalas ipsas castrum ascendunt... et eorum per muros vexillis appositis in recompensatione suorum interfectorum ab eis...

Выше приведены примѣры преслѣдованія до шатровъ, кончающіеся словами „нашедши нощи преста брань“ или „и тако преста брань“. Но есть и болѣе сложныя заключенія боевъ, съ болѣе развитыми образами конца дня и наступленія ночи:

К. 572—573 уже солнцу уклоншуся на западъ, и покрыся земля нощною тмою, и тако преста брань. Рострига съ воинствомъ поиде на свои станы, а воеводы царя Бориса, отшедъ отъ городка яко-бы едину 10 верстъ, и тамо шатры поставиша и почиша сномъ.

К. 578 уже солнце преклонися на западъ и земля нощію покрыся, и тако преста ополченіе. Поляцы же поидоша во своя станы, а Москвичи поидоша во своя остроги и почиша сномъ, токмо стражіе стрежаху.

К. 590—591 уже солнцу уклоншуся на западъ и нощнѣй тмѣ пришедши, и тако брань преста. Царевы же воеводы поидоша во градъ, а Поляцы начаша шатры ставити и почиша сномъ, токмо стражіе не спятъ.

Т. 164 об. —165 но за день уже обращашеся на западъ солнце, брань преставаетъ, а Троилъ и Парисъ съ ихъ Трояны отшедъше въ градъ возвратишася, 60^{2} tum cum dies iam vergeret ad solis occasum bellum dirimitur et troilus et paris cum troianis eorum a prelio discedentes ad civitatem propriam redierunt.

Т. 115 об. — 116 но уклоняющуся дню на западъ солнца, брань разлучается и обою страну полки межъ себѣ раздѣляются. Трояномъ же въходящимъ во градъ и вратомъ въ требнѣ крѣпости заключеннымъ, доволнымъ стражбамъ учиненнымъ, иже на бою утомишася, нощному покою пригоднѣ вдашася, 48^{3} Tum vergente die ad solis occasum bellum dirimitur et utriusque partis acies mutuo separantur. Troianis igitur intrantibus civitatem et portis in necessaria firmitate conclusis sufficientibus excubiis ordinatis qui fuerunt bello lassati nocturnae quieti commode dederunt.

Нѣкоторые изъ боевъ оканчиваются уходомъ въ городъ, за крѣпкія ворота (см. выше Т. 115 об.—116).

К. 609—610 Поляцы же... поля оставляютъ и во градъ входятъ и врата граду затворяютъ;

К. 592 Царь же Василей... повелѣ внити во градъ воеводамъ и врата граду затворити;

К. 610 Поляцы же до внутренняго града бѣгутъ и врата утверяютъ крѣпкими запоры.

Т. 102 Трояне убо градские врата жестоко утверяютъ запоры, 39⁴ Troiani ergo civitatis portas duris firmant repagulis; Т. 201 въ градъ приемлются и жесточайшими запоры врата во мнозѣ заключеніи утверяютъ, 67⁴ in civitatem se recipiunt et durissimis repagulis portas in multa clausura confirmant; Т. 191 и въ бедѣ лицъ въ градъ въходятъ і замки врата градъцкие утверяютъ, 65⁴ et cum discrimine personarum intrant in urbem et in firmis clausuris et seris portas corroborant civitatis; Т. 106 врата градцкіе опасными замки и запоры, пришедше нощи, утверьдивше, 46² Portis igitur civitatis securis seris et repagulis veniente nocte firmatis.

К. 586—587 во градъ входятъ и врата граду затворяютъ; и тако отъ нихъ мнози на празѣ вратъ градныхъ умираху.

Т. 101 об. иже внитти вонь (т. е. въ городъ) не можаху, умирающа падаютъ на празѣ, 39² qui in eam intrare non poterant morientes cadunt in limine.

К. 610 и посемъ тово дни преста бранное ополченіе. Воеводы же Московского воинства, розъѣздивъ и оглядавъ подобно мѣсто, и повелѣ воинству шатры ставити и лачюги и конемъ стаи: и тако уставишася вся воинства близъ стѣны градцкіе и почиша отъ трудовъ своихъ, токмо стражіе стрежаху.

Т. 102 Тогда Агамемнонъ царь, подсмотривъ мѣсто подобное, повелѣ въ немъ ставити шатры...; кровы и шатры поставивъ, всѣ вмѣстишась пригоднымъ, имъ же можаху, стояніемъ; а неимущие шатровъ, лачюги новые съоруживъ, себѣ новые уготовляютъ домы и приятия пребываніи, 39⁴—40¹ Tunc Agamemnon rex explorato loco decenti mandavit in eo figi tentoria... tentoriis et papilionibus elevatis universi collocaverunt se commoda qua poterant statione et qui tentoria non habebant tuguriis novis instructis sibi nova parant hospitia et receptacula mansionum.

Выше были приведены опредѣленія конца боевъ по явленіямъ вечерней природы. Есть и картины утра:

К. 597 Уже просіявшу солнцу, свитающу дневи, просвѣтися облакъ свѣтлымъ блистаніемъ;

К. 606 Свитающу дневи, восходящу солнцу, юже повсюду свѣту изліянну бывшу;

К. 610 Наутріе же, свитающу дневи и изліянну повсюду свѣту.

Т. 59 донеле приходящаго дневи свѣтлая явится заря... Прошедши убо нощной тмѣ, юже заутра прогна заря востающія солнцу

со своими лучи земли лице просвѣти, 40[1–2] donec advenientis diei serena pandatur aurora... Exclusis igitur tenebris noctis illius, quas manefacto fugavit aurora consurgens sole suis radiis terrae faciem illustrante.

Т. 117 об. но послѣди, нощи прогнанѣ, отбѣгоша тмы... егда приходящаго дни свѣтлость явися, иже всея земли лице просвѣти, 49[1] Tum demum nocte fugata fugerunt tenebrae... cum advenientis diei splendor serenus apparuit, qui totam terrae faciem illustravit; Т. 229 об. егда же день онъ пройде, пришедши его нощи и послѣдующаго дни зари востающи, ею же день послѣдующи излія миру заутра рано свѣтъ свой, 74[4] Postquam vero dies illa transivit. veniente eius nocte sequenti. et diei proximi aurora surgente per quam dies sequens effudit orbi summo dilaculo lucem suam.

Описаніе временъ года:

К. 588—589. Юже зимѣ прошедши, время же бѣ приходитъ, яко солнце творяше подъ кругомъ зодѣйнымъ теченіе свое, въ зодѣю же входитъ Овенъ, въ нейже нощь со днемъ уровняется и весна празнуется, время начинается веселити смертныхъ, въ воздусѣ свѣтлостію блистаяся. Растаявшу снѣгу и тихо вѣющу вѣтру, и во пространные потоки источницы протекаютъ, тогда ратай раломъ погружаетъ и сладкую брозду прочертаетъ и плододателя Бога на помощь призываетъ; растутъ желды, и зеленѣютца поля, и новымъ листвіемъ облачаютца древеса, и отовсюду украшаютца плоды земля, поютъ птицы сладкимъ воспѣваніемъ, иже по смотрѣнію Божію и по Ево человѣколюбію всякое упокоеніе человѣкомъ спѣетъ на услажденіе.

К. 593. Помалу же, видѣвъ войско собранно, и зимная уже година проиде, время бысть веснѣ, студень уже совлечеся своихъ иньевъ, и мразу отъ своей жестости ослабѣвшу и ростаявшу снѣгу, и солнце уже на концы зодѣи Рыбъ текуще,—егда послѣдніе дни февраля мѣсяца преходятъ и наставаше мѣсяцъ мартъ, въ то же время подвижеся воевода Московскаго воинства.

Т. 188 об. въремя же бѣ, яко солнце уже възыде ячномъ гугрѣ свершити течение свое. и уже вьніде во здѣю рака, въ ней же по божію строенію звѣздъ празднуетъ ся. возвратъ солнцу лѣтней, тогда убо суть большіе дни. въ 16 день мѣсеца июня. егда большие дни въ году, яко речено есть, да въ десятую смертну брань трояне и греки поставъляютъ, 65[2] Tempus erat ut iam sol sub zodiaci circulo maturaverat cursum suum ut iam in eo intraverat signum cancri in quo secundum divinam dispositionem astrorum celebratur solsticium estivale tunc enim sunt dies maiores

in anno. Sexto decimo igitur die mensis iunii tunc cum dies sunt maiores in anno ut dictum est vicesimum et letale bellum troiani et greci simul instituunt [1]).

Рѣчи на воинскихъ собраніяхъ:

К. 593—594 Той же гетманъ повелѣ въ трубу трубити и повелѣ снитися всѣмъ людемъ на уреченное мѣсто. И сошедшу же ся всему воинству въ сонмъ единъ, самъ же гетманъ стояше посреди ихъ, и помаавъ рукою, и повелѣ имъ молчати, и излія словеса своя предъ ними:

О друзи и братія, полковницы и ротмистры славнаго рыцарства и вси велможи въ кругѣ настоящаго сего собранія! Повѣдаю и совѣтъ даю вамъ... Вы же вѣсте и о семъ, яко и нашего собранія не мала часть предлежитъ: мнози славніи полковницы и ротмистры во множествѣ бранныхъ пріидоша къ намъ въ пособіе на отомщеніе обидъ нашихъ.

К. 616 И тако снидошася вкупѣ на уреченное мѣсто на площади все воинство; посреди же ихъ стоитъ началный воевода и властель, панъ Струсъ, мужъ великіе храбрости и многово разсуженія. Сей же Струсъ помаавъ рукою, и повелѣ имъ молчати, и отверзъ уста своя, глаголаше:

Мужіе Полсково народу, полковницы и ротмистры славново рыцерства въ кругѣ настоящаго сего собранія! Вѣсте сами настоящую сію бѣду нашу... яко враги наша у вратъ градцкихъ предстоятъ и уповая отомстити вскорѣ наносимыя отъ насъ тяжкія имъ бѣды.

Т. 49 об. дни же послѣдующаго утру бывшу, цари греческіе, князи и началники и велможи войска ихъ на реченое мѣсто велми

---

[1]) Мнѣ не пришлось отыскать всѣ подходящія къ Повѣсти Катырева картины Гвидо, такъ какъ доступный мнѣ списокъ русскаго перевода дефектенъ и въ данномъ случаѣ не могъ служить указателемъ для латинскаго изданія 1489 г. Въ виду этого привожу еще одну цитату по латинскому недатированному изданію Гвидо: Tunc cum incipit tempus blandiri mortalibus in aëris serenitate intentis, tunc cum dissolutis nivibus mollitur flante zephiro crispas aquas, tunc cum fontes in ampullulas tenues scaturisant, tunc cum ad sommitates arborum et ramorum humiditates ex terrae gremio exalantes excoluntur in eis, quare infuscant semina, crescunt segetes, virent prata, variorum florum coloribus illustrata, tunc cum induuntur renovatis frondibus arbores circumquaque, tunc cum ornatur terra graminibus, cantant volucres et in dulcis armoniae modulamine citarisant, tunc quasi medium mensis aprilis effluxerat, cum mare cervicosa fluctuatione laxata iam undas aequaverat factum aequor: tunc praedicti reges Iason et Hercules etc. (Cholevius. Geschichte der deutschen Poesie, I Th., Leipzig 1854, 121—122).

весело снидошася. и на подобная сѣдалищи сѣдшимъ, реченный Агаменонъ, своею десницею и повелѣніемъ устъ тихо молчаніе учинивъ промежь ими, изнесе сицѣваго слова глаголъ:

Друзи царие князи и началники и всѣ велможи иже въ кругъ настоящаго собранія сънидохомся... (50) бѣсте бо намъ въ велицѣ части силы нашея ко отмщенію им.нному о обидахъ намъ нанесенныхъ..., (51 об.) ниже мы иже за пріобрѣтеніе ея и нанесеныя намъ обиды желаемъ отмщенія...

33[1] Diei sequentis igitur manefacto omnes reges grecorum duces et principes et maiores exercitus eorundem in predicta planicie satis hilariter convenerunt et eis comodis sessionibus collocatis predictus agamemnon rex sua dextra et oris iussu taciturnitatis silentio dictato inter eos talis prorupit in verba sermonis.

Amici reges duces et principes et quicunque maiores qui in praesentis congregationis circulo convenimus... Nostis enim nos in magna parte nostrae potentiae ad (33[2]) obstinendam vindictam de iniuriis nobis illatis... (33[3]) Nec nos qui per recuperatione eius et illatis nobis iniuriis appetimus ultionem.

Какъ мы видѣли, первое изъ воинскихъ собраній К. начинается словами: „Той же гетманъ повелѣ въ трубу трубити“; но есть и такой варіантъ: „князь Михайло Шуйской повелѣ въ рогъ трубити“ (К. 597), „повелѣваютъ въ рогъ трубити“ (К. 615).

Т. 105 об. сего ради въ той часъ испусти трубити и гласъ, 46[1] quare in continenti emisso tubae sonitu;

Т. 81 об. и трубящу Париду въ рогъ, противу Грековъ мужески вдается, 45[3] et pulsante paride quoddam cornu contra grecos viriliter se immittit.

Параллели отдѣльныхъ выраженій:

К. 607 не въ завѣщательномъ союзѣ законнаго брака.

Т. 18 об. съ тобою во вѣки жити. въ завѣте священнаго брака, 24[4] tecum perpetuo vivere in sacrarum federe nuptiarum.

К. 607 явныхъ израдцевъ.

Т. 103 лукавый изратца, 45[3] Nequam proditor (см. выше).

К. 608 ускорилъ мечь сей острый.

К. 609 скорятъ подъ царствующій градъ.

Т. 125 об. агаменонъ... шатромъ ахилловымъ ускори, 51[1] agamemnon... ad Achillis tentoria properavit; Т. 80 ко царю пріяму отцу скорить, 45[1] ad regem priamum patrem properat.

К. 616 отъ посѣкаемаго меча.

Т. 99 об. свое разсѣкаемое копие, 39[2] sua secabili lancea;

Т. 100 разсѣкаемое копия, 39[3] in cisoria lancea: ср. Т. 135 копия вонзимаго, 53[2] lanceae ferientis.

К. 592 веселымъ лицемъ воспріемлетъ; К. 622 веселымъ лицомъ воспріимаше.

К. 610 — 611 Москвичи же веселымъ лицемъ сихъ воспріемлютъ.

Т. 20 и цѣловавъ своихъ веселымъ лицемъ воспріявъ, 25[1] et salutatis suis et hilari vultu receptis.

Въ заключеніи Повѣсти кн. П. М. Катырева помѣщается „Написаніе вкратцѣ о царѣхъ Московскихъ, о образѣхъ ихъ, и о возрастѣ, и о нравѣхъ“. Это написаніе естественно сравнить съ двумя отдѣлами Троянской исторіи: „De forma et statura grecorum hominum“ (25[4] — 26[2]) и „De forma et statura troianorum“ (26[2]—27[1]), а также съ нѣкоторыми описаніями другихъ отдѣловъ. Къ сожалѣнію, доступная мнѣ рукопись русскаго перевода дефектна, и потому приходится ограничиться неполными параллелями.

К. 620 (Царь Иванъ) возрастомъ великъ бяше,... плещи имѣя высоки, груди широкы, мышцы толсты;

К. 621 (Рострига) груди имѣя широкы, мышцы толсты.

Т. 24 об. (Полидамъ сынъ Антенора) высокъ тѣломъ... (Мемнонъ) великъ, широкъ плечима, толъстъ мышцами, грудію жестокъ, 26[4] corpore longus... grandis latis scapulis grossis brachiis. pectore durus.

К. 620 (Царь Иванъ) воинство велми любяше и требующая ими отъ сокровища своего неоскудно подаваше;

К. 622 (Рострига) воинство же велми любляше.

Т. 23 (Пріамъ) ниже бѣ инъ царь, иже болшею честію своихъ воинъ любивъ и болшихъ дарованій изобильствомъ обогатилъ, 26[3] nec fuit rex alius qui maiori honore suos commilitones amasset et maiorum donorum affluentia ditasset.

К. 621 (Царевичъ Ѳедоръ Борисовичъ) очи имѣя великы черны, лице же ему бѣло, млечною бѣлостію блистаяся... пустошное же и гнило слово никогда же изо устъ его исхождаше.

Т. 24 об. (Царь Мемнонъ) очима чернъ свѣтелъ, 26[4] oculorum vero eius orbes nigro fuerant colore perlucidi.

Т. 23 (Гекторъ) никогда слово... илно, или неподобно ото устъ его изыде, 26[3] nunquam verbum iniuriosum aut indecens ab ore eius exivit.

К. 621 (Царевна Ксенія) отроковица чюднаго домышленія, зѣлною красотою лѣпа, бѣла велми... червлена губами, очи имѣя черны великы, свѣтлостію блистаяся; когда же въ жалобѣ слезы изо очію испущаше, тогда наипаче свѣтлостію блистаху зѣлною..., млечною бѣлостію обліянна... Во всѣхъ женахъ благочиннѣйша... воистинну во всѣхъ своихъ дѣлѣхъ чредима.

Т. 25 (Гекуба) жена бѣ чюднаго промысла, 27[1] mulier fuit mirabilis sagacitatis.

Т. 25 (Андромаха) зелною красотою лѣпа... млечною бѣлостію блистая, очи имѣ многимъ блистаніемъ свѣтлымъ, красна лицемъ, черлена губами... во всѣхъ благочиннѣйша. и воистину во всѣхъ своихъ дѣлехъ чредима, 27[1] nimia fuit speciositate decora... lacteo candore refulgens oculos habuit multo fulgore luciferos, rubicunda maxilis roseis labiis... inter omnes mulieres honestissima. et vere fuit omnibus suis actibus moderata.

Т. 25 об. (Поликсена) многою бѣ красотою лѣпа, 27[1] multa fuit speciositate decora.

Т. 15 об. (Елена) млековидною бѣлостію влиянна, 23[1] lacteo candore perfusam.

Т. 153. (Поликсена) или нѣчто слезы рѣчные отъ очей ея текущие блистанія очи ея омрачиша; поистинѣ сице убо видящеся зрящимъ, да ея текущіе слезы по лицу по подобию ту сущее видящеся имѣти, аки аще хотдису свѣжие слоновые кости во своемъ млечномъ свѣте блистающу отъ слезъ воды свѣтлые и чистые обросяше..., 57[4] vel forte lacrimae fluviales ab eius oculis decurrentes splendorem suorum obfuscaverunt oculorum. Sane sic revera videbatur intuentibus ut eius defluentes lacrimae per maxillas instar illud proprium videretur habere, veluti si quis tabulam recentis eboris in suo lacteo candore nitentem ex guttis aquae lucidae et preclarae desuper irrosaret.

Повѣсть кн. И. М. Катырева оканчивается подобно Троянской Исторіи стихами, но сходства по содержанію и образамъ въ нихъ нѣтъ.

С. Соболевскій.

Русскій въ Голландіи въ 1605 году.

Случайно мнѣ попался голландскій документъ 1605 г., касающійся Россіи, быть можетъ, не безынтересный для историковъ: это—письмо профессора Лейденскаго университета Dominicus Baudius (Baude), жившаго въ 1561—1613 г., къ его знакомому въ Дордрехтѣ Joannes Rutgersius (Rutgers). Оно напечатано въ собраніи писемъ Бауде: Dominici Baudii Epistolarum centuriae tres. Lipsiae. MDCXXXV, стр. 199. Centur. I, epist. LXXXV. Привожу его цѣликомъ, лишь съ пропускомъ мѣста, не имѣющаго историческаго значенія. Какой „московитъ“ тутъ упоминается, не берусь судить. Повидимому, онъ упоминался въ одномъ изъ прежнихъ писемъ Бауде къ Рутгерсу, потому что Бауде говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ, извѣстномъ Рутгерсу; но это письмо, очевидно, не сохранилось: по крайней мѣрѣ, въ названномъ мною изданіи его нѣтъ.

Joanni Rutgersio Dom. Baudius S. P. D.

Dordrechtum.

Iterum te alloquor, ut certior fieres, Moscovitae interdictum esse domo nostra, ob impudentissimam vultus et sermonis arrogantiam, qua me praesente responsavit uxori. Prorsus est in eo mala mens, malus animus, nec unquam evadet ad bonam frugem, nisi naturam expellat furca, et alios mores sibi adoptet. Non Apollinis, sed divinae vo-

Въ Дордрехтъ.

Дом. Бауде желаетъ здоровья Іоанну Рутгерсу.

Я опять обращаюсь къ тебѣ, чтобъ увѣдомить тебя, что Московиту отказано отъ нашего дома за безстыднѣйшую надменность во взорѣ и въ разговорѣ, съ которой онъ въ моемъ присутствіи отвѣчалъ моей женѣ. Совсѣмъ дурной у него умъ, дурное сердце; никогда изъ него не выйдетъ порядочнаго человѣка, если онъ не „выгонитъ природу вилой“ [1]) и

[1]) Реминисценція изъ Горація (Посланія I, 10, 24): naturam expellas furca.

cis et veritatis ipsius effatum est, in malignam animam non ingredi sapientiam...

Nunquam mihi placuit hominis istius

Obstipum caput et dejecto lumina vultu.

Corporis gestus habitusque plerumque non vana sunt mentis indicia. Sed nimis multa verba perdo de homine minimi pretii; quem etiam audio tantum sibi confidentiae sumere, ut fatorum limites et vitae terminum definire audeat, sacrilega prorsus temeritate... Cave putes, quidquam dici posse flagitiosius tali gente, qui, quae ante pedes sunt, nesciunt, coeli scrutantur plagas; nec minimum peccant qui istius modi praestigiatoribus auscultant. Abeat igitur in Morboniam, meas certe aedes non ultra inficiet. Tu autem cum tuis omnibus vale καὶ εὖ πράττε. Datum Lugduni Batavorum XXVI Augusti MDCV.

не усвоить себѣ другого нрава. Не Аполлоново это изреченіе, но Божественнаго гласа и самой истины, что въ злую душу не входитъ мудрость (и т. д. на эту тему).

Никогда не нравились мнѣ у этого человѣка

„Наклоненная впередъ голова и глаза съ устремленнымъ внизъ взоромъ“ [1]).

Способъ держать себя бываетъ по б. ч. вѣрнымъ показателемъ ума. Однако, я трачу слишкомъ много словъ на этого ничего не стоящаго человѣка. Я слышалъ, что онъ беретъ на себя даже такое безстыдство, что осмѣливается опредѣлять „границы рока“ [2]) и предѣлъ жизни, съ кощунственной совсѣмъ дерзостью... Будь увѣренъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего заслуживающаго бо̀льшаго позора, чѣмъ подобнаго рода люди, которые не знаютъ, что̀ у нихъ дѣлается подъ ногами, а небесныя сферы изслѣдуютъ; очень грѣшатъ также и тѣ, кто слушаетъ такихъ шарлатановъ. Такъ пусть онъ убирается въ Морбонію [3]); во всякомъ случаѣ моего дома болѣе осквернять онъ не будетъ. А ты со всѣми твоими будь здоровъ καὶ εὖ πράττε (и благополученъ). Лейденъ. 26 Августа 1605 г.

[1]) Стихъ самого Бауде; начало взято изъ стиха Цицерона (О природѣ боговъ 2, 42): obstipum caput et tereti cervice reflexum.

[2]) Реминисценція изъ Лукана (Фарсалія II, 10): fatorum immoto divisit limite mundum.

[3]) Реминисценція изъ Светонія (Біографія Веспасіана, гл. 14): Morbonia есть шутливое названіе, произведенное отъ morbus „болѣзнь“ (какъ бы «страна болѣзни»), такъ что abeat in Morboniam значитъ приблизительно: „пусть онъ убирается къ чорту“.

В. Протопоповъ.

Къ вопросу о времени происхожденія Большихъ Лоршскихъ анналовъ.

Большіе Лоршскіе анналы, являющіеся главнымъ источникомъ для исторіи раннихъ Каролинговъ, вызывали со времени извѣстной статьи Ранке [1]) постоянныя критическія изслѣдованія, незаконченныя и до настоящаго времени.

Лѣтопись эта начинается 741-ымъ годомъ и кончается 829-ымъ, т. е. обнимаетъ періодъ въ 89 лѣтъ. Уже a priori приходится предполагать, что врядъ ли одно и то же лицо могло вести погодную запись въ теченіе столь продолжительнаго времени. Поэтому въ исторіографіи возникъ вопросъ, дѣйствительно ли эта лѣтопись является правильной погодной записью современныхъ событій на всемъ своемъ протяженіи...

Еще Пертцъ въ своемъ изданіи [2]) отвѣтилъ на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что правильная погодная запись начинается только съ 768-го года. Доводы Пертца слѣдующіе [3]): 1) Пипинъ Короткій никогда не называется въ лѣтописи magnus или gloriosissimus, какъ его сынъ Карлъ Великій; 2) при разсказѣ о событіяхъ 773-го года Бонифацій названъ novissimus martyr; и, наконецъ, 3) при разсказѣ о чудѣ, которое въ 776-омъ году помогло осажденнымъ въ Сигибургѣ Франкамъ, говорится: videntibus multis tam aforis quam etiam et deintus, ex quibus multi manent usque adhuc. Всѣ три довода Пертца являются несостоятельными. Относительно перваго довода еще Лудвигъ Гизебрехтъ замѣтилъ, что наименованіе Карла gloriosus domnus Carolus rex уже въ первый годъ его правленія (768) является скорѣе доказательствомъ болѣе поздняго происхожденія лѣтописи. Второй доводъ Пертца тоже совершенно неубѣдителенъ. Бонифацій умеръ во всякомъ случаѣ

---

[1]) Zur Kritik fränkisch-deutscher Reichsannalisten. 1854.

[2]) Monumenta Germaniae historica. Scriptores, tomus I, 1826.

[3]) Стр. 124.

не позже 755-го года, и если о немъ можно въ 773-емъ году сказать novissimus martyr, то нѣтъ основанія, почему это выраженіе не могло бы быть употребленнымъ примѣнительно къ Бонифацію и нѣсколько лѣтъ спустя. Наконецъ, третій доводъ Пертца, на мой взглядъ [1]), прямо говоритъ противъ правильной погодной записи событій, начиная съ 768-го года. Вѣдь если бы событіе было записано въ томъ году, въ которомъ произошло, то врядъ ли лѣтописецъ счелъ бы нужнымъ сказать: ex quibus multi manent usque adhuc. Наконецъ, надо отмѣтить, что весь эпизодъ съ чудомъ пропущенъ, какъ въ обработкѣ нашей лѣтописи, обычно называемой анналами Эйнгарда, такъ и въ такъ называемыхъ Annales Tiliani, которые, по довольно распространенному мнѣнію, основаны какъ разъ на нашей лѣтописи [2]). Конечно, пропускъ этотъ можно пояснить тѣмъ, что такъ называемые анналы Эйнгарда относятся скептически къ чудесамъ, а Annales Tiliani очень кратки. Впрочемъ, весь разсказъ о чудѣ есть позднѣйшая вставка, находящаяся не во всѣхъ дошедшихъ до насъ рукописяхъ [3]).

Мнѣніе Пертца о возникновеніи нашей лѣтописи въ 768-мъ году опровергается наблюденіемъ надъ нѣсколькими мѣстами лѣтописи. При изложеніи 772-го года лѣтописецъ, между прочимъ, говоритъ: Et inde perrexit partibus Saxoniae prima vice [4]). Послѣднія слова, какъ отмѣтилъ Эбрардъ [5]), показываютъ, что лѣтопись составлена лицомъ, которому извѣстно, что за саксонскимъ походомъ 772-го года послѣдовали другіе походы въ Саксонію. Изложеніе 777-го года начинается словами: Tunc domnus Carolus rex synodum publicum habuit ad Padorbrunnen prima vice [6]). Вильгельмъ Гизебрехтъ [7]) указалъ, что послѣднія слова могло написать только лицо, которое знало, что въ 785-омъ году Sinodum vero publicum tenuit (Карлъ) ad Poderbrunnen [8]). Наконецъ отмѣченное еще Лудвигомъ

---

[1]) Эбрардъ, Die fränkischen Reichsannalen von 741 bis 829 und ihre Umarbeitung (Forschungen zur Deutschen Geschichte XIII, 432) находитъ только, что этотъ доводъ Пертца не имѣетъ достаточной убѣдительности.

[2]) Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. 6-oe изд. I, 141.

[3]) См. Annales regni Francorum inde ab a. 741 usque ad a. 829. Qui dicuntur Annales Laurissenses majores et Einhardi. Recognovit Kurze 1895. Стр. 44 Въ дальнѣйшемъ всѣ ссылки на лѣтопись дѣлаются по этому изданію.

[4]) Стр. 32.

[5]) Стр. 433.

[6]) Стр. 48.

[7]) W. Giesebrecht. Die fränkischen Königsannalen und ihr Ursprung (Münchener Historisches Jahrbuch 1864). Стр. 194.

[8]) Стр. 68.

Гизебрехтомъ подъ 781-ымъ годомъ сообщеніе о баварскомъ герцогѣ Тассилонѣ: Sed non diu praefatus dux Tassilo promissiones, quas fecerat, conservavit [1]), очевидно, могло было быть записано въ такой формѣ лишь послѣ того, какъ Тассилонъ попытался нарушить обѣщанія. Недоразумѣнія же между Тассилономъ и Карломъ, приведшія къ подчиненію баварскаго герцогства Франкамъ, начались, какъ извѣстно, въ 787-мъ году. Слѣдовательно, приведенная цитата не могла возникнуть раньше этого года.

Вслѣдствіе только что приведенныхъ наблюденій мнѣніе Пертца о возникновеніи нашей лѣтописи въ 768-мъ году было оставлено, и возникновеніе лѣтописи датируется болѣе позднимъ годомъ, обыкновенно 788-мъ или 789-мъ годомъ. Эбрардъ даетъ довольно произвольную дату: послѣ 785-го года [2]). Мнѣ представляется, что къ приведеннымъ наблюденіямъ, говорящимъ противъ правильной погодной записи уже съ 768-го года можно прибавить еще одно и при томъ по времени очень близкое къ 788-му году. Именно, изложеніе 786-го года кончается слѣдующимъ образомъ: Tunc domnus rex Carolus praespiciens, se ex omni parte Deo largiente pacem habere, sumpsit consilium orationis causae ad limina beatorum apostolorum iter peragendi et causas Italicas disponendi, et cum missis imperatoris placitum habendi de conventiis eorum; quod ita factum est. Tunc suprascriptus domnus rex natalem Domini celebravit in Florentia civitate [3]). Очевидно, въ приведенномъ отрывкѣ лѣтописецъ сообщаетъ, что удалось то, ради чего въ 786-мъ году Карлъ задумалъ отправиться въ Италію. Именно, Карлъ имѣлъ въ виду: 1) поклониться римскимъ святынямъ; въ Римъ Карлъ прибылъ только въ 787 г.; 2) causas Italicas disponendi; что именно подразумѣваетъ подъ этими словами лѣтописецъ, сказать трудно. По его словоупотребленію Italia = Лангобардская Италія и часто = Ломбардія, поэтому полагаю, что лѣтописецъ говоритъ здѣсь объ административныхъ распоряженіяхъ Карла въ сѣверной Италіи. Хотя мы имѣемъ нѣсколько памятниковъ административнаго характера, относящихся къ 786-му году, но гораздо большее число ихъ относится къ 787-му году [4]). Но, можетъ быть, слово Италія употреблено здѣсь

---

[1]) Стр. 58.

[2]) Стр. 434.

[3]) Стр. 72.

[4]) См. Abel Jahrbücher des fränkischen Reichs unter Karl dem Grossen. Band I. Zweite Auflage von Simson подъ 786 и 787 гг. Цитируется дальше Абель-Симсонъ.

въ значеніи Италіи [1]). Примѣры такого словоупотребленія мы находимъ въ другихъ памятникахъ того времени [2]). Если такъ, то слова causas Italicas disponendi означаютъ не только то, что Карлъ намѣревался принять нѣсколько административныхъ мѣръ въ части Италіи, ему подвластной, но и то, что король хотѣлъ урегулировать свои отношенія къ герцогу беневентскому Арихизу, съ которымъ договоръ былъ заключенъ только въ 787-мъ году. Впрочемъ, какъ ни толковать слова causas Italicas disponendi, послѣднее (3) намѣреніе короля cum missis imperatoris (византійскаго) placitum habendi de conventiis eorum исполнилось только въ 787-мъ году [3]). Предыдущее показываетъ, что изложеніе 786-го года не могло быть составлено раньше 787-го года. Итакъ, наша лѣтопись возникла послѣ 772-го года, послѣ 777-го года, послѣ 781-го года и, наконецъ, послѣ 786-го года. Годъ, не позже котораго возникла наша лѣтопись, установленъ очень хорошо Вильгельмомъ Гизебрехтомъ [4]). При 785-мъ годѣ мы читаемъ: tunc tota Saxonia subjugata est [5]). Гизебрехтъ замѣчаетъ, что такъ авторъ, знающій о возстаніи саксовъ въ 793-мъ году, выразиться не могъ. И дѣйствительно, такъ называемые анналы Эйнгарда, являющіеся обработкой нашей лѣтописи, говорятъ въ соотвѣтственномъ мѣстѣ: quievitque illa Saxonicae perfidiae pervicacitas per annos aliquot [6]).

Большіе Лоршскіе анналы вызываютъ, какъ извѣстно, очень много критическихъ вопросовъ о томъ, гдѣ именно они возникли, кто былъ ихъ составителемъ, сколькими лицами доведены они до конца, когда начинаетъ становиться замѣтной другая рука и т. п. Всѣхъ этихъ вопросовъ я совершенно касаться не буду, а замѣчу только, что всѣ эти вопросы до сихъ поръ не получили еще общепринятаго рѣшенія. Цѣлью моей замѣтки было на основаніи данныхъ самой лѣтописи сблизить terminus ante quem (793 годъ) и terminus post quem (781 годъ) ея возникновенія.

---

[1]) Таково мнѣніе Абель-Симсона, стр. 541—546. См. особенно стр. 541 прим. 3 и стр. 543 прим. 3.

[2]) См. Annales Einhardi, стр. 73: partem Italiae, quae nunc Beneventus vocatur; стр. 77: omnia, quae in Italia gessit. Стр. 105 и часто. Употребленіе слова Italia въ нашей лѣтописи и ея обработкѣ установить очень легко по указателю Kurze подъ словомъ Italia (стр. 190).

[3]) Абель-Симсонъ, стр. 568.

[4]) Стр. 194.

[5]) Стр. 70.

[6]) Стр. 71.

1.

4.

2.

1. 2. Лицевая сторона двухъ пеликъ изъ южной Россіи (Музей Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ).

3.

3. Лицевая сторона мюнхенскаго стамноса въ развернутомъ видѣ (Мюнхенъ, глиптотека).

4. Обратная сторона того же стамноса.

5.

6.

5. 6. Лицевая сторона петроградскаго стамноса въ двухъ снимкахъ (Императорскій Эрмитажъ).

Н. Щербаковъ.

Къ вопросу объ одинаковыхъ рисункахъ на древне-греческихъ расписныхъ сосудахъ [1]).

„Помнится", читаемъ мы у Михаэлиса [2]), „въ шестидесятыхъ годахъ мои собратья по наукѣ неодобрительно качали головой, когда я въ своихъ лекціяхъ по исторіи искусства отводилъ самымъ значительнымъ или наиболѣе характернымъ изъ вазовыхъ живописцевъ опредѣленное мѣсто въ развитіи искусства".

Эти замѣчательныя слова выдающагося, нынѣ уже покойнаго нѣмецкаго археолога (ум. 1910 г.) достойны полнаго вниманія и крайне интересны тѣмъ, что въ нихъ, правда въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ рамкахъ, признается роль и вазовой живописи, въ своихъ лучшихъ представителяхъ внесшей посильную долю въ развитіе античнаго искусства. Но не только выдающіеся образцы вазовой промышленности составляютъ одно изъ привлекательнѣйшихъ явленій исторіи античнаго искусства,—все вазовое производство, всѣ дошедшіе до нашего времени античные сосуды служатъ неоцѣнимымъ подспорьемъ для составленія болѣе полной и правильной картины развитія и хода искусства античнаго. „Пусть мастера краснофигурныхъ вазъ были ремесленники, но вѣдь оттого эстетическая цѣнность ихъ произведеній не уменьшается. Обыкновенно на греческую вазовую живопись смотрятъ какъ на жалкое отображеніе

---

[1]) Считаю своимъ пріятнымъ нравственнымъ долгомъ выразить глубокую сердечную благодарность и искреннюю признательность г. Директору Музея Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ з. о. профессору Вл. К. Мальмбергу, не только любезно позволившему мнѣ описать двѣ вазы изъ собранія древне-греческихъ сосудовъ Музея и предложившему самую тему этой замѣтки, но и намѣтившему основные пункты и давшему матеріалъ.

[2]) А. Михаэлисъ. Художественно-археологическія открытія за сто лѣтъ. Пер. съ нѣм. подъ ред. проф. Вл. К. Мальмберга. Москва, 1913 г., стр. 358.

не сохранившейся до насъ монументальной живописи грековъ. Цѣлая область, цѣлая ступень вычеркивается такимъ образомъ изъ исторіи развитія эстетическихъ цѣнностей. Обычный посѣтитель музея пройдетъ, не замѣтивъ, или съ намѣреніемъ избѣгнетъ цѣлый рядъ залъ керамическаго отдѣленія, предоставивъ археологу копаться въ скучныхъ и ненужныхъ, какъ ему кажется, мелочахъ. Между тѣмъ стоитъ только отрѣшиться отъ грустныхъ сѣтованій объ утратѣ сокровищъ греческой монументальной живописи и поближе приглядѣться къ существующимъ на-лицо ремесленнымъ ея воспроизведеніямъ, чтобы увидѣть, какой тонкій художникъ заключался въ этомъ греческомъ ремесленникѣ и съ какимъ развитымъ эстетическимъ чутьемъ приступалъ онъ къ своей сложной и трудной работѣ“ [1]).

Вазы явно свидѣтельствуютъ о многогранности греческаго генія, умѣвшаго одинаково величаво творить и въ области скульптуры, и въ зодчествѣ, и въ вазовой промышленности. Отпечатокъ, духъ греческаго генія равно чувствуется и въ Парѳенонѣ, и въ Гермесѣ Олимпійскомъ, и въ маленькомъ киликѣ, привлекающемъ какъ чистотою, благородствомъ линій, богатствомъ замысла, такъ и своею формою, ясными контурами, очертаніями, умѣлымъ сочетаніемъ красоты формы съ цѣлесообразностью, съ назначеніемъ даннаго глинянаго сосуда. Вмѣстѣ съ вазами, носящими имена мастера или живописца, дошло несравнимо подавляющее количество вазъ просто ремесленныхъ, менѣе художественныхъ, часто прямо кустарныхъ.

Вазы были продуктами промышленности ремесленной, расчитанными не только, или даже—не столько на внутренній, мѣстный, довольно узкій, ограниченный рынокъ и сбытъ,—вазы, главнымъ образомъ, служили предметомъ оживленнаго вывоза уже въ крито-микенскій періодъ [2]). Вазовое производство сосредоточивалось во многихъ промышленныхъ центрахъ [3]), пока, наконецъ, Аѳины постепенно, но неуклонно не выступили на первый планъ [4]), оттѣснивъ сосуды коринѳскіе, халкидскіе и др. Было бы, конечно, грубѣйшею

---

[1]) Б. Р. Виппер. Техника вазоваго производства въ Греціи. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1909 г., Апрѣль, Отдѣлъ классической филологіи, стр. 156.

[2]) Führer durch die königliche Vasensammlung in der alten Pinakothek zu München, 2. Aufl., 1912, стр. 4 и 19 («der Riesenexport nach Italien»).

[3]) Lübker. Reallexikon des klassischen Altertums, 8. Aufl., 1914, стр. 1093.

[4]) Springer-Michaelis. Handbuch der Kunstgeschichte, 1. Bd. Altertum, 9. Aufl., стр. 192; Lübker. Reallexikon..., стр. 1093; Г. Павлуцкій. Древнегреческія расписныя вазы. Кіевъ, 1889, стр. 57; проф. Вл. К. Мальм-

ошибкою считать, что дошедшіе до насъ античные сосуды представляютъ собою все, что сработала и имѣла античность; сохранилось до нашего времени очень много, но, безъ сомнѣнія, эта дошедшая наличность является лишь малымъ остаткомъ, а бо́льшая часть вазъ, хрупкихъ, ломкихъ, погибла въ теченіе вѣковъ. Вѣдь не только съ вазами, но даже, напр., со статуями и въ ихъ числѣ съ бронзовыми время поступало не менѣе безжалостно. „Изъ сохранившихся остатковъ древнихъ описаній города Рима, восходящихъ ко времени императора Константина, мы узнаемъ, что въ началѣ IV в., еще до того, какъ Римъ былъ ограбленъ въ пользу Константинополя и неоднократно подвергался опустошеніямъ въ смутную пору великаго переселенія народовъ, въ городѣ находилась почти неимовѣрная масса открыто стоявшихъ статуй. Въ описаніяхъ насчитывается два колосса необычайной величины (высота одного изъ нихъ равнялась 34-мъ метрамъ) и 22 большія конныя статуи, далѣе 80 позолоченныхъ и 73 хризоэлефантинныхъ идола, сверхъ того 3785 бронзовыхъ статуй (о мраморныхъ и не упоминается). Что въ сравненіи съ этимъ наши Siegesalleen и всѣ наши изобилующіе памятниками города!“ [1]).

О томъ, насколько картина, даваемая намъ сохранившимися бронзовыми статуями, отличается отъ античныхъ литературныхъ свидѣтельствъ о бронзахъ, краснорѣчиво говорятъ слѣдующія интересныя строки проф. Вл. К. Мальмберга [2]): „Кто имѣлъ возможность посѣтить собраніе античныхъ скульптуръ въ западноевропейскихъ музеяхъ или въ нашемъ Императорскомъ Эрмитажѣ, тотъ, навѣрное, вспомнитъ, какъ мало ему пришлось видѣть бронзовыхъ изваяній, если не считать мелкихъ статуэтокъ. Только одинъ музей представляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе, это—Неаполитанскій музей. Между тѣмъ античные литературные источники свидѣтельствуютъ о массѣ бронзовыхъ скульптуръ. Называются мастера, которые ваяли почти исключительно изъ бронзы, какъ, напр., Ми́ронъ и Поликлетъ. Является вопросъ, почему же мы видимъ теперь въ своихъ музеяхъ такую противорѣчащую литературнымъ свидѣтельствамъ картину? Это объясняется совершенно просто. Во времена паденія культуры металлъ пред-

---

бергъ. Вазы и вазовая живопись (Брокгаузъ-Ефронъ, „Новый Энциклопедическій словарь“, т. IX, стр. 282); Führer durch d. Vasens. in d. alt. Pinak. zu München. 2. Aufl., 1912, стр. 4.

[1]) А. Михаэлисъ. Худож.-археол. открытія..., стр. 2.

[2]) Музей Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ. Краткій иллюстрированный Путеводитель. Часть I, изд. 10-е, стр. 55.

ставлялъ особенно цѣнную добычу. Извѣстно, что разворачивались даже стѣны, чтобы добыть металлическія скрѣпы и свинецъ, которымъ онѣ были залиты. Мы знаемъ, что турецкіе солдаты, приставленные для охраненія раскопокъ въ Пріэнѣ, разобрали развалины, чтобы добыть свинецъ, когда у нихъ не хватило пуль".

Сюжеты на дошедшихъ вазахъ отличаются безконечнымъ разнообразіемъ, и потому крайне поучительно встрѣтить столь рѣдкое, по словамъ Фуртвенглера [1]), явленіе, какъ примѣры почти одинаковыхъ вазовыхъ рисунковъ, кажущихся точными повтореніями. Если сохранившійся запасъ вазъ позволяетъ найти такіе примѣры, то, конечно, и въ этомъ случаѣ мы въ правѣ предположить, что такія явленія были болѣе частыми въ эпоху античную, когда налицо имѣлось большее количество глиняныхъ расписныхъ сосудовъ.

Сходные вазовые рисунки наводятъ на мысль заняться вопросомъ о шаблонѣ, объ образцахъ для рисунковъ, о принадлежности одинаковыхъ рисунковъ одному и тому же художнику или нѣсколькимъ, копировавшимъ одинъ и тотъ же прототипъ, и т. д. На нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ и постараемся дать отвѣтъ послѣ того, какъ разберемъ нѣсколько примѣровъ одинаковости вазовыхъ рисунковъ.

Остановимся вначалѣ на двухъ стамносахъ, хранящихся— одинъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ [2]) (рис. 5 и 6), другой въ Мюнхенѣ [3]) (рис. 3 и 4). Кромѣ этихъ сосудовъ Фуртвенглеръ упо-

[1]) Furtwängler-Reichhold. Griechische Vasenmalerei, 1-ая серія, текстъ, стр. 190.

[2]) Тамъ же, рис. на стр. 189. Помѣщаемые на прилагаемой къ нашей замѣткѣ таблицѣ рисунки 5 и 6 выполнены по фотографіямъ Императорскаго Эрмитажа, любезно предоставленнымъ хранителями Эрмитажа Е. М. Придикомъ и прив.-доц. О. Ф. Вальдгауэромъ, которымъ позволяю себѣ принести глубокую признательность и благодарность. Стамносъ, по Stephani, Vasens... d. Ermitage, № 1428.

[3]) Тамъ же, табл. 35. У Отто Яна (O. Jahn. Beschreibung der Vasensammlung König Ludwigs in der Pinakothek zu München, 1854, № 382, стр. 126) стамносъ описывается такъ: „A. Ein Mann mit langem weissem Haar und Bart im Mantel, mit der R. auf einen Knotenstock gestützt, steht hinter einer Frau im dorischen Chiton, mit einer Kopfbinde, welche in der gesenkten R. eine Kanne hält und mit der L. einen Zipfel ihres Gewandes aufhebt, indem sie verschämt den Kopf senkt. Vor ihr steht ein Jüngling mit Helm, Schild (Sz.: ein Auge) und Schwert, der über dem kurzen feinen Chiton einen Schurz um die Hüften trägt; er hält in der erhobenen R. eine Schale und sieht das Mädchen aufmerksam an. Hinter ihm steht eine Frau im dorischen Chiton, mit einer Haube und erhebt die R. Darüber ΚΑΛΟΣ ΚΑΛΕ.

B. Ein Jüngling im Mantel, den er über den Hinterkopf gezogen hat, steht vor einem andern im Mantel mit gesenkter R., hinter ihm steht ein dritter, der sich auf seinen Stab stützt". См. также Führer durch die königliche

минаетъ [1]) о двухъ вазахъ эпохи Перикла, находящихся въ музеѣ Карлсруэ, росписи оборотныхъ сторонъ которыхъ съ изображеніемъ бородатаго мужчины между двумя спѣшащими дѣвушками полностью сходны между собою (vollständig übereinstimmen).

Мюнхенскій стамносъ, а слѣдовательно, какъ увидимъ ниже, и эрмитажный, относится къ эпохѣ Перикла [2]): все несущественное, индивидуальное, рѣзко отличающееся отринуто, и все вниманіе обращено на то, чтобы выразить вообще человѣческую красоту [3]). Живописецъ, давшій на стамносѣ изумительно проникновенную картину разставанія, сосредоточилъ всѣ свои силы на одной главной цѣли—представить благородную женскую красоту и мощную юношескую силу. Во всей древности только время Перикла было способно съ такими малыми средствами, при помощи такихъ немногочисленныхъ линій воспроизвести дивную картину красоты, величія и силы.

Лицевая сторона мюнхенскаго стамноса помѣщена въ краскахъ также у Куна [4]) и въ книгѣ Бушора [5]), изъ которой мы приведемъ яркую

Vasensammlung in der alten Pinakothek zu München. 2. Aufl., 1912, стр. 52 № 2415: „Eine Abschiedsszene in vornehmster und edelster Ausführung, frühphidiasisch. Interessant ist, dass die Ermitage zu St. Petersburg eine genaue Peplik dieses Gefässes besitzt".

[1]) Тамъ же, стр. 190. Здѣсь же Фуртвенглеръ на стр. 190, прим. 2, говоритъ, что цитируемый Стефани примѣръ почти точнаго повторенія одного рисунка, приведеный О. Яномъ (O. Jahn. Vasen mit Goldschmuck, Taf. II 3. 4) не долженъ быть принятъ во вниманіе, ибо одинъ изъ арибалловъ (дрезденскій) является поддѣлкою, и, такимъ дбразомъ, рисунокъ другого (лондонскаго) арибалла остается безъ повторенія. Фуртвенглеръ пишетъ (Archäologische Zeitung. Jahrang XXXVIII, 1880, viertes Heft, стр. 191): „Aus der Reihe der Vasen, die völlig übereinstimmende Wiederholungen anderer sind, ist ein Beispiel, das bisher unter die wichtigsten gezählt werden dürfte, zu streichen. Die ehemals Wittgenstein'sche, jetzt in Dresden befindliche Replik eines herrlichen Aryballos des Britischen Museums, die von O. Jahn (Vasen mit Goldschmuck, Taf. II, 3. 4) zuerst bekannt gemacht und ausführlich besprochen wurde, ist gefälscht..." Сработанъ дрезденскій арибаллъ, по словамъ Фуртвенглера, въ ателье неаполитанскаго торговца древностями; фальсификаторъ хорошо знакомъ съ нижне-италійскими вазами. Не только форма и орнаментика поддѣльнаго арибалла лишены всей аттической тонкости оригинала, но даже въ фигурныя композиціи внесены апулійскіе элементы, не говоря уже о такихъ тонкостяхъ, что, напр., волосы написаны не въ видѣ отдѣльныхъ волнистыхъ штриховъ, но сплошною массою и т. д.

[2]) Тамъ же, стр. 188.

[3]) Ср. Springer-Michaelis. Handbuch der Kunstgeschichte, 1⁹ стр. 254, гдѣ рѣчь идетъ о фронтонахъ Парѳенона.

[4]) P. A. Kuhn. Allgemeine Kunstgeschichte. Geschichte der Plastik. 1. Halbband. 1909, цвѣтная табл. при стр. 278, рис. 4.

[5]) E. Buschor. Griechische Vasenmalerei. München. 1913, рис. 135 на стр. 191.

характеристику эпохи созданія этой вазы и самой вазы [1]): „Diese harmonische Verbindung eines monumentalen Typus mit ganz intimer „Naturalistik“ steht am Beginn der griechischsten Epoche der griechischen Kunstgeschichte, der menschlichsten Epoche der Menschheitsgeschichte, der Zeit des Phidias... Als ob Musik sie gebändigt hätte, wandeln die Vasenbilder der perikleischen Zeit ihren Charakter. Alle Härten sind gewichen; die allzu kühnen Verkürzungen, die aus der grossen Malerei entnommenen realistischen Details treten wieder zurück; nichts stört den freien Schwung der Linien. Die Auffassung des Menschen hebt sich auf die höchste Höhe. Die Figuren auf dem Münchener Stamnos sind nicht bloss Meisterstücke der voll entwickelten Zeichenkunst, sondern auch ideale Typen reiner freier Menschlichkeit. Die Bewegungen sind oft reine Schönheitsmotive; der Faltenstil vereinigt grösste Natürlichkeit mit monumentalster Wirkung“.

Живописецъ мюнхенскаго стамноса остался, по словамъ Фуртвенглера, такъ доволенъ удачнымъ выполненіемъ своей картины, что повторилъ ее еще разъ (а, можетъ быть, повторялъ, говоритъ Фуртвенглеръ, и не однажды [2]). Такое повтореніе рисунка Фурт-

[1]) Тамъ же, стр. 186, 187 и сл., см. также стр. 192.

[2]) См. также Furtwängler-Reichhold. Griechische Vasenmalerei, 3-ья серія, текстъ, стр. 42, гдѣ Гаузеръ въ примѣчаніи 8-омъ поддерживаетъ мнѣніе Фуртвенглера, что живописецъ мюнхенскаго стамноса много разъ повторялъ удавшуюся ему композицію: „Furtwänglers Vermutung..., dass der Maler diese Komposition vielleicht noch mehrere Male wiederholte, kann ich bestätigen. Denn mit ganz leichten Modifikationen kehren die Figuren wieder und zwar diesmal auf einem Kelchkrater, aber sicher von der gleichen Hand bemalt“. Передъ этими словами Гаузеръ замѣчаетъ, что въ „Griechische Vasenmalerei“ были опубликованы уже два случая повторенія одного и того же рисунка, а именно: двѣ остродонныя амфоры съ изображеніемъ Борея, похищающаго Ориейю (табл. 94, 95 и въ текстѣ ко 2-ой серіи табл. при стр. 186) и приведенные эрмитажный и мюнхенскій стамносы.

Не имѣя пока возможности подробнѣе остановиться на этихъ амфорахъ (мюнхенской и берлинской), какъ на примѣрѣ сходности рисунковъ, ограничусь пока замѣчаніемъ, что не могу согласиться съ мнѣніемъ Фуртвенглера (тамъ же, стр. 186), что „die beiden Vasen sind zweiffelos von derselben Hand ausgeführt“ и что въ данномъ случаѣ образцы придуманы самимъ вазописцемъ. Вѣроятнѣе, что обѣ амфоры расписаны двумя художниками; въ основѣ рисунковъ лежитъ одинъ образецъ. Что касается вопроса, который изъ сосудовъ расписанъ раньше, то можно думать, что едва ли они раздѣлены значительнымъ промежуткомъ времени и, быть можетъ, расписаны одновременно въ одной мастерской. Рис. лицевой стороны мюнхенской амфоры см. также у Springer-Michaelis. Handbuch der Kunstgeschichte, I⁹, рис. 383 на стр. 205; по O. Jahn'y, Beschr. d. Vasens., № 376; въ Führer durch d. königl. Vasens. in d. alt. Pinak. zu München, 2. Aufl., № 2345.

венглеръ усматриваетъ въ эрмитажной вазѣ, форма и декорировка которой, не говоря уже о росписи, почти точно совпадаютъ, по его мнѣнію, съ мюнхенскимъ стамносомъ. Фуртвенглеръ говоритъ [1]), что рисунокъ эрмитажнаго стамноса есть точное повтореніе мюнхенскаго, могъ быть написанъ только тѣмъ же самымъ живописцемъ и въ одинъ день съ нимъ, что рисунокъ фигуръ тотъ же, сходный вплоть до отдѣльныхъ линій и складокъ. Различія, по мнѣнію Фуртвенглера, крайне незначительны и несущественны. Отмѣчаются Фуртвенглеромъ слѣдующія несходства: у правой женской фигуры (мать воина) мюнхенской вазы [2]) на головѣ надѣтъ родъ чепчика, на вазѣ эрмитажной волосы матери ничѣмъ не покрыты; на щитѣ юноши вазы *М* рисунокъ глаза законченъ, на сосудѣ же *Э* мы видимъ только бѣглый намекъ на то, что намѣчается, но этотъ рисунокъ, какъ полагаетъ Фуртвенглеръ, въ своемъ законченномъ видѣ долженъ былъ изобразить глазъ. Лѣвая мужская фигура (отецъ юноши) на *Э* поставлена къ дѣвушкѣ ближечѣмъ на *М*; большее разстояніе между этими фигурами на *М* производитъ, по совершенно вѣрному замѣчанію Фуртвенглера, болѣе благопріятное впечатлѣніе. Нащечники шлема у юноши на *Э*, какъ въ свое время показалъ академикъ Стефани, первоначально тоже были написаны, только рисунокъ отъ времени стерся и не сохранился.

Но, какъ увидимъ ниже, нельзя не только говорить о точномъ повтореніи рисунка съ почти одинаковою передачею даже мельчайшихъ складокъ одежды, но даже вполнѣ естественно возникаетъ самъ собою вопросъ и является сомнѣніе, дѣйствительно ли оба рисунка принадлежатъ кисти одного и того же художника.

Нельзя отрицать, что въ рисункахъ лицевыхъ сторонъ обоихъ стамносовъ чертъ сходства много, но не мало и различій, мелкихъ и крупныхъ, существенныхъ настолько, что въ правѣ видѣть въ томъ и другомъ рисункѣ довольно ясно выраженныя и, такъ сказать, отчеканенныя индивидуальныя черты (рис. 3, 5 и 6).

Постараемся, насколько возможно, сгруппировать наиболѣе бросающіяся въ глаза несходства; начнемъ съ правой женской фигуры. Если на стамносѣ *М* лѣвая мужская фигура поставлена по отношенію къ фигурѣ дѣвушки дальше, что, какъ мы видѣли выше, Фуртвенглеръ признаетъ превосходствомъ этого сосуда, то правая женская фигура той же вазы стоитъ къ фигурѣ воина

[1]) Тамъ же, 1-ая серія, текстъ, стр. 190.

[2]) Въ дальнѣйшемъ описаніи будемъ обозначать для краткости стамносъ эрмитажный буквою *Э*, стамносъ мюнхенскій буквою *М*.

ближе, чѣмъ на стамносѣ *Э*; такимъ образомъ, въ смыслѣ разстоянія боковыя крайнія фигуры на обѣихъ вазахъ какъ бы уравновѣшены, и слова Фуртвенглера могутъ быть примѣнены къ правой женской фигурѣ стамноса *Э*. Правая поднятая рука правой женской фигуры на стамносѣ *М* больше закрыта щитомъ юноши, и, кромѣ того, кисть этой руки написана такъ, что мы видимъ ея ладонь, въ то время какъ на вазѣ *Э* кисть этой руки показана своею тыльною стороною. Значительное различіе замѣтно въ трактовкѣ складокъ, характеръ которыхъ говоритъ объ индивидуальномъ пониманіи какъ мотива складокъ, такъ и ихъ передачи; на стамносѣ *Э* складки носятъ характеръ замкнутости, законченный, опредѣленно свидѣтельствующій о томъ, что живописецъ выработалъ свою манеру рисованія. Складки на стамносѣ *М* существенно разнятся отъ первыхъ, въ свою очередь подчеркивая о своеобразномъ пониманіи складокъ и ихъ расположенія; типичнымъ для складокъ на *М* является ихъ прерванность, оборванность. Отмѣтимъ еще, что на поясѣ правой женской фигуры вазы *Э* данъ орнаментъ, чего нѣтъ на стамносѣ *М*.

Меньше различій въ фигурахъ юношей. Различно положеніе копій: на вазѣ *Э* копье опиралось бы своимъ наконечникомъ передъ правою ногою воина,—на вазѣ *М* копье воткнуто въ землю почти по серединѣ между ногами, такъ что оно пересѣкаетъ только лѣвую ногу воина, а не обѣ, какъ на стамносѣ *Э*. Поставлено копье, какъ видимъ, на стамносѣ *Э* болѣе наклонно. Щитъ на *М* болѣе крутъ, онъ написанъ болѣе въ профиль, почему фигура юноши менѣе закрыта, и, напр., болѣе видна верхняя часть ноженъ. Подъ рукояткою меча на вазѣ *М* мы видимъ три гвоздика, на *Э* ихъ не замѣтно. Различны и складки хитона. Что касается чаши, то на стамносѣ *М* юноша придерживаетъ ее сверху большимъ пальцемъ правой руки такъ, что конецъ его виденъ надъ чашею; на вазѣ *Э* конецъ большого пальца правой руки скрывается за чашею. На вазѣ *М* у правой руки юноши по эту сторону чаши видны три пальца, на стамносѣ *Э*—четыре. Не одинаково показаны и волосы.

Чувствуется различіе и въ фигурахъ дѣвушекъ. Прическа дѣвушки на вазѣ *М* сзади болѣе высока, чѣмъ на *Э*, почему и повязка сзади проходитъ нѣсколько выше. Энохоя, которую дѣвушка держитъ въ правой рукѣ, на вазѣ *М* длиннѣе, на стамносѣ *Э* короче и шире. Складки одежды яснѣе на стамносѣ *М*, гдѣ хорошо чувствуется линія правой отставленной ноги дѣвушки, чего нѣтъ у дѣвушки вазы *Э*, гдѣ въ складкахъ замѣтна легкая путаница.

Но самое сильное отклоненіе рисунковъ на обѣихъ вазахъ прямо бросается въ глаза, когда мы вглядываемся въ фигуры старцевъ. Если на трехъ разобранныхъ выше фигурахъ черты различія нельзя было назвать коренными, то, напротивъ, рисунки лѣвыхъ мужскихъ фигуръ рѣзко расходятся между собою. Сразу видно различіе въ положеніи ногъ. На стамносѣ *Э* на переднемъ планѣ помѣщена выставленная впередъ правая нога, отчетливо показанная всѣми своими очертаніями и красиво облегаемая слегка натянувшимся плащемъ; ясно чувствуется глубина. На вазѣ *М* живописецъ на первый планъ поставилъ правую же ногу, опорную, служащую опорною и на эрмитажномъ рисункѣ, но являющуюся тамъ на второмъ планѣ и къ тому же лѣвою. Живописецъ стамноса *М* измѣнилъ положеніе ногъ и, чтобы показать, какая нога находится на переднемъ планѣ и какая позади, прибѣгнулъ къ прямой линіи, проведя ее около правой ноги старца. Другого выхода изъ создавшагося положенія, что теперь на переднемъ планѣ нога опорная, не было,—своею прямою линіею живописецъ мюнхенскаго стамноса избѣгнулъ рѣзкой неясности въ положеніи ногъ. придалъ глубину, но этотъ выходъ кажется очень ужъ искусственнымъ и неизящнымъ. Если на эту спасительную прямую линію, играющую въ вазѣ *М* главную исправляющую и уясняющую роль, не обратить должнаго вниманія, то ногою перваго плана легко счесть выставленную впередъ и натягивающую плащъ. Не одинаковы посохи въ рукахъ старцевъ: на стамносѣ *Э* посохъ прямой и снабженъ изгибомъ лишь наверху, гдѣ этотъ изгибъ образуетъ рукоятку; на вазѣ *М* посохъ кверху изгибистъ и сучковатъ. Различна трактовка волосъ головы и бороды старцевъ; на вазѣ *М* волосы бѣлые, что характеризуетъ глубокаго старца, на сосудѣ *Э* они имѣютъ сѣроватый оттѣнокъ.

Крайне интересно, что пріемъ примѣненія уясняющей прямой линіи мы находимъ и на рисункѣ оборотной стороны стамноса *М*, на которой изображены три такъ наз. фигуры въ плащахъ (рис. 4). Рисунокъ оборотныхъ сторонъ обоихъ стамносовъ почти тождественъ, почему ограничиваемся только однимъ рисункомъ оборотной стороны мюнхенскаго стамноса. На стамносѣ *Э* у средней фигуры оборотной стороны на первомъ планѣ находится лѣвая нога (т. е. ближайшая къ намъ, такъ какъ фигура показана влѣво, подобно тому, какъ на лицевой сторонѣ, гдѣ старецъ смотритъ вправо, ближайшею ногою оказывается правая), на вазѣ *М*—правая; во избѣжаніе новой путаницы живописецъ мюнхенскаго сосуда опять прибѣгнулъ къ своему пріему, а именно онъ провелъ такую же выясняющую линію, какую видѣли мы около правой ноги старца

на лицевой сторонѣ вазы *M*. И около правой ноги лѣвой фигуры на оборотной сторонѣ *M* замѣтна, правда не такая характерная, уясняющая линія; въ этомъ послѣднемъ случаѣ особой необходимости въ такой линіи не было, а если же мы ее находимъ, то это опять говоритъ за то, что у живописца мюнхенскаго стамноса былъ свой, ему прочно свойственный пріемъ въ передачѣ положенія фигуръ.

Перейдемъ теперь къ двумъ расписаннымъ, какъ увидимъ ниже, художникомъ Аристофаномъ сосудамъ въ формѣ киликовъ, хранящимся въ Бостонѣ [1]); воспроизведена вазопись не по рисункамъ Рейхгольда, а Андерсона. Найдены чаши въ одной гробницѣ; размѣръ не одинаковъ: діаметръ подписного килика (обозначаемаго Гаузеромъ буквою *A*) 0,348, не подписного (по Гаузеру киликъ *Б*) 0,355.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что сюжетъ внутренней стороны киликовъ имѣетъ близкую связь съ росписью наружной стороны, изображающей кентавромахію; но болѣе внимательное разсмотрѣніе, не говоря уже о надписяхъ, доказываетъ, что внутри киликовъ представлена сцена съ Геракломъ, Нессомъ и Деянирою. Это—тема, въ теченіе долгаго времени разрабатывавшаяся античнымъ искусствомъ. Крайне интересно, что схема, выработанная для эпизода съ Нессомъ, примѣняется къ другому кентавру, и, напр., одинъ вазовый рисунокъ (около 460 г. до Р. Хр.) даетъ именно этотъ послѣдній эпизодъ, на что указываютъ самыя надписи. Во время отсутствія Геракла кентавръ Дексаменъ похищаетъ Деяниру у ея отца Динея, но Гераклъ настигаетъ насильника и отбиваетъ дѣвушку.

На стамносѣ Полигнота, не только носящаго одно имя съ великимъ живописцемъ, но бывшаго его современникомъ, мы видимъ именно эпизодъ съ Дексаменомъ [2]); этотъ рисунокъ, надо думать, не остался безъ вліянія на композицію рисунка Аристофана, хотя у Полигнота представленъ моментъ, когда кентавръ уже выпустилъ Деяниру и послѣдняя бѣжитъ отъ него. Если Аристофанъ компонуетъ свою группу такъ, что у него кентавръ держитъ дѣвушку, почему вся группа пріобрѣтаетъ болѣе сплочен-

---

[1]) Furtwängler-Reichhold. Griechische Vasenmalerei, табл. 128 и 129; Fowler, Wheeler and Stevens. A Handbook of Greek Archaeology, рис. 396 на стр. 502. Оба килика подробно разобраны Гаузеромъ въ текстѣ къ третьей серіи „Griechische Vasenmalerei". F.-R., откуда мы и беремъ свое описаніе.

[2]) Furtw.-Reich. Griech. Vasenmal., серія III, текстъ, рис. 19 на стр. 43.

ный характеръ, то все-таки можно допустить зависимость Аристофана отъ Полигнота, установить связь между ними, какъ ученикомъ и учителемъ. Къ такому допущенію приводятъ наблюденія надъ частностями: и у Полигнота, и у Аристофана, вопреки традиціи, Гераклъ показанъ безъ львиной шкуры; двойная линія, идущая отъ ключицъ къ животу, видна на рисункахъ обоихъ мастеровъ.

На другой сторонѣ киликовъ, какъ сказано выше, дана кентавромахія; судя по тому, что оружіемъ служатъ остродонныя амфоры (γάστραι) и свѣтильники, надо думать, что битва происходитъ на свадьбѣ Пиріѳоя,—за это говоритъ присутствіе и его, и Ѳесея, а также, напр., мотивъ похищенія кентавромъ Антибатомъ=Эѳономъ (αντιβατες=αιθων) красиваго мальчика—лапиѳа Еврипила=Поліэна (ευρυπ.λος=πολυαινος).

Уже изъ приведенныхъ именъ видно, что надписи на обоихъ киликахъ не сходны; тѣмъ не менѣе, сходства между киликами много и первоначальный взглядъ можетъ привести къ заключенію, что рисунокъ съ одной чаши просто перенесенъ на другую при помощи шаблона. „Davon kann nun freilich", говоритъ Гауэръ, „keine Rede sein; sobald der Vergleich ins einzelne geht, wird klar, dass es sich um freihändiges Kopieren handelt". Гауэръ отмѣчаетъ слѣдующія различія: на чашѣ *A* кентавръ Скиртъ (σκιρ.ος) наклонилъ голову, на чашѣ *B* соотвѣтствующій кентавръ Еврибатъ (υ.υ.οτος, по чтенію Робинсона ευρυβατος) поднялъ голову; правая рука Скирта согнута больше, чѣмъ у Еврибата; противникъ Скирта Эолъ (αιολ.ς) на чашѣ *A* показанъ меньшаго роста, чѣмъ на чашѣ *B* занимающій соотвѣтствующее Эолу мѣсто сынъ Эола Креѳей (χρε. ευς по чтенію Робинсона); Эолъ вонзаетъ свой мечъ подъ правою переднею ногою кентавра, Креѳей—надъ этою ногою. Вообще чертъ различія много.

Вопросъ о томъ, кѣмъ расписанъ киликъ *B*, Гауэръ рѣшаетъ въ пользу Аристофана. Крайне вѣскимъ является доказательство Гауэра, что этотъ киликъ по стилю стоитъ къ аристофанову килику съ гигантомахіею въ Берлинѣ [1]) ближе, чѣмъ подписной *A*: напр., мотивъ капель на одеждѣ Геры берлинскаго килика повторяется только на чашѣ *B* на одеждѣ Деяниры, и т. д. Далѣе, Гауэръ совершенно основательно считаетъ киликъ *B* болѣе позднимъ и лучшимъ, чѣмъ *A*; въ чашѣ *B* Аристофанъ могъ исправить и дѣйствительно исправилъ погрѣшности килика *A*, внесъ больше жизненности, естественности, движенія, художествен-

[1]) Furtwängler-Reichhold. Griechische Vasenmalerei, табл. 127.

ности. Многіе мотивы стали на чашѣ *B* выразительнѣе, драматичнѣе, чувствуется, что борьба идетъ и нѣтъ спасенія слабому, упавшему. На киликѣ *B* лапиѳъ Креѳей отстраняетъ голову отъ руки кентавра, замахнувшагося остродоннымъ сосудомъ; этого мотива, глубоко правдиваго, инстинктивнаго, придающаго битвѣ дѣйственный, жуткій характеръ близости крови, не дано на чашѣ *A*. На киликѣ *A* кентавръ Гипсипилъ (υψιπυλος), котораго Пириѳой готовъ поразить вертеломъ [1]), слишкомъ кокетливо перебираетъ своими задними ногами, словно онъ проходитъ въ какомъ-нибудь торжественномъ шествіи, напр., въ Великихъ Панаѳинеяхъ, гдѣ на него обращены тысячи глазъ; а между тѣмъ и здѣсь чувствуется кровавый исходъ. Аристофанъ на киликѣ *B* передалъ въ группѣ Пириѳоя и кентавра два мотива, два совершенно противоположныхъ стремленія и намѣренія: Пириѳой цѣпко ухватилъ кентавра за волосы, чтобы задержать его бѣгъ и поразить его,—кентавръ же вырывается, стремится впередъ, спасаясь отъ грозящей смерти. На киликѣ *B* Аристофанъ изумительно хорошо даетъ понять смертельный страхъ кентавра, испугъ смерти, желаніе избѣжать ея: кентавръ представленъ готовящимся къ отчаянному прыжку, могущему вынести его изъ округа смерти.

Далѣе, на чашѣ *B* великолѣпно чувствуется обезсиленіе кентавра Никтея (νυκτευς), сжимаемаго Ѳесеемъ: переднія ноги Никтея подогнулись, какъ у лошади, готовой упасть, и здѣсь мы получаемъ ясное впечатлѣніе, прямо предвидимъ, что, какъ только Ѳесей разомкнетъ свои желѣзныя объятія, кентавръ рухнется оземь. Рисунокъ килика *A* не производитъ такого впечатлѣнія.

У кентавра Егрета (εγρετος) на киликѣ *A* не нарисована лѣвая передняя нога, хорошо показанная у кентавра Антинома (αντινομος) килика *B*.

На киликѣ *B* у кентавра Эѳона Аристофанъ исправилъ свою индивидуальную слабость [2]) у поднятой вооруженной правой руки

---

[1]) Для доказательства, что у Пириѳоя въ правой рукѣ не копье, а вертелъ (Bratspiess), Гауэръ ссылается на рисунокъ нью-іоркской амфоры, изображенной у F.-R., на табл. 116.

[2]) Невольно напрашивается сравненіе съ подобнымъ же явленіемъ, наблюдаемымъ въ египетскихъ рельефахъ; см. Памятники Музея Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ. Выпускъ I—II, табл. I; текстъ, стр. 13, гдѣ В. С. Голенищевъ пишетъ: „...древній артистъ не стѣсняясь изобразилъ у протянутой впередъ руки покойнаго [Хунена] большой палецъ помѣщеннымъ внизу, т. е. онъ просто насадилъ лѣвую кисть руки на правую руку, и фигура покойнаго получилась съ двумя лѣвыми руками“.

рисовать кисть лѣвой,—и правая рука Эѳона изображена съ правильно данной соотвѣтствующей кистью.

То обстоятельство, что не подписной киликъ *B* оказывается болѣе удачнымъ, чѣмъ *A* съ сигнатурою „εργινος επο..σεν αρ.στοφα..ς εγρα...“, говоритъ, по мнѣнію Гаузера, въ значительной степени противъ признанія за подписной чашею превосходства, безспорнаго, общепринятаго въ силу одной только сигнатуры. Гаузеръ по поводу того, что киликъ *B* лучше и позднѣе, чѣмъ *A*, пишетъ: „... als junger Bursche bildet er [Аристофанъ] sich auf sein Können etwas ein und signiert; später, als er mehr gelernt hat, zieht er vor in anonymer Verborgenheit zu bleiben“. Но, быть можетъ, не одна скромность заставляла Аристофана на поздней вазѣ, лучшей, не писать своего имени,—сказался духъ времени, извѣстное направленіе, когда выходитъ изъ употребленія подписываніе вазъ; уже и раньше Аристофана все рѣже и рѣже встрѣчаются имена мастеровъ и художниковъ [1]).

Даже въ такой небольшой коллекціи античныхъ расписныхъ сосудовъ, какъ собраніе Музея Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, находятся двѣ амфоры-пелики, рисунки лицевой и оборотной сторонъ которыхъ представляютъ столь разительное сходство, что сначала росписи кажутся выполненными по шаблону. Рисунокъ лицевыхъ сторонъ, какъ увидимъ ниже, показываетъ коннаго аримаспа или амазонку, сражающихся съ грифомъ. Оба сосуда найдены въ Керчи, и изображеніе грифовъ составляло „любимый предметъ Пантикапейцевъ“ [2]).

Разберемъ изображенія грифовъ. Грифъ, сказочное существо, частью левъ, частью орелъ, рано проникъ въ своихъ существенныхъ элементахъ къ грекамъ съ Востока [3]), но, такъ сказать, переселилась только форма, только изображеніе грифа безъ внутренняго содержанія. На Востокѣ и надо искать мѣсто возникновенія изображенія этого фантастическаго существа, нашедшаго такое богатое примѣненіе въ греческомъ искусствѣ, въ началѣ, правда, какъ, напр., въ микенскомъ искусствѣ на клинкахъ [4]), имѣвшаго только чисто орнаментальное значеніе [5]).

---

[1]) Springer-Michaelis. Handbuch der Kunstgeschichte, I⁷, стр. 241.

[2]) Древности Босфора Киммерійскаго, текстъ, т. II, стр. 46.

[3]) W. Roscher. Ausführliches Lexikon der griechichen und römischen Mythologie, I, 2, статья „Gryps (γρύψ)“ A. Furtwängler'a, стр. 1742, 1746 сл., 1758, 1762.

[4]) Тамъ же, стр. 1745.

[5]) Тамъ же, стр. 1746.

На интересующихъ насъ музейскихъ вазахъ передъ нами типъ грифа, уже испытавшаго нѣкоторыя видоизмѣненія по сравненію съ типами послѣ-микенскаго искусства въ сторону большей жизненности, движенія и хищности [1]), приблизившись въ этомъ отношеніи къ тѣмъ грифамъ, какими показываетъ ихъ намъ египетское и микенское искусство [2]), а именно мы видимъ быстрыхъ, страшныхъ, хищныхъ животныхъ, смѣло нападающихъ на другихъ животныхъ [3]) и растерзывающихъ ихъ; грифы не боятся даже людей и вступаютъ съ ними въ битву [4]).

Что касается значенія и примѣненія грифа въ архаическомъ греческомъ искусствѣ, то въ эту эпоху онъ, какъ и на сирійскихъ памятникахъ [5]), является только вообще символомъ божественной силы и какъ мощный охранитель божества [6]).

Изъ божествъ болѣе близко грифъ стоитъ къ Аполлону; можно допустить, что эта близость въ архаическомъ греческомъ искусствѣ еще находится въ начальной стадіи [7]), хотя есть основаніе предполагать, что около древняго храмового идола Аполлона на о. Делосѣ стояло два грифа,—многозначащее свидѣтельство за все-таки раннюю принадлежность и связь грифа съ солнечнымъ бо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 1771.

[2]) Тамъ же, стр. 1742 сл., 1771.

[3]) Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1865 г., табл. VI, 4, гдѣ на фрагментѣ деревяннаго саркофага грифъ, нападающій на лошадь; Др. Босф. Ким., атласъ, табл. XIII, 2 (запястье царицы изъ Куль-Обскаго кургана съ изображеніемъ грифовъ, терзающихъ оленей); тамъ же, табл. XXVI, 2 (царскій налучъ съ тѣмъ же сюжетомъ). На чертомлыцкихъ ножнахъ, какъ извѣстно, показанъ грифъ, терзающій голову оленя; эта голова очень неудачно вставлена въ отведенное и оставшееся свободнымъ пространство и по своему неумѣлому заполненію напоминаетъ такую же искусственную вставку головы Тиресія на кратерѣ ранняго нижне-италійскаго стиля въ Парижѣ (Furtw.—Reichhold. Griechische Vasenmalerei, табл. 60, рис. 1; Reinach. Répertoire des vases peints grecs et étrusques, т. I, стр. 126, нижн. рис.; А. М. Мироновъ. Картины загробной жизни въ греческой живописи на вазахъ. Москва. 1895, рис. 1 на стр. 41), благодаря чему вазовый рисунокъ, предназначенный для изображенія сцены раскаянія Аякса, передѣланъ былъ въ сцену Одиссея, вопрошающаго Тиресія (см. проф. Вл. К. Мальмбергъ. Этюды по древне-греческой вазовой живописи, въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1907 г., апрѣль, отд. класс. филол., стр. 243—248.

[4]) Кромѣ разбираемыхъ музейскихъ вазъ см., напр., Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1865 г., табл. 1, 2 и 3; Др. Босф. Ким., табл. LVIII, 6 (лекиѳъ).

[5]) Roscher, стр. 1752, 1759.

[6]) Тамъ же, стр. 1759, 1762.

[7]) Тамъ же, стр. 1759.

гомъ [1]), ежегодно отправлявшимся въ отдаленныя земли,—въ страну гипербореевъ, лежащую, по свидѣтельству Аристея, на сѣверѣ, гдѣ у скиѳовъ и искалъ Аристей родину гипербореевъ. Грифы, по словамъ Аристея, живутъ на сѣверѣ, стерегутъ золото отъ находящихся по сосѣдству одноглазыхъ аримасповъ [2]). Въ основѣ этого сказанія лежитъ, повидимому, распространенное у скиѳовъ представленіе о чудовищахъ, стерегущихъ золото и сокровища, и о кобольдахъ,—чудовища стали пониматься въ образѣ грифовъ, а кобольды, стремящіеся овладѣть драгоцѣнностями, стали аримаспами [3]).

Кромѣ Аполлона грифъ, не теряя своего общаго значенія стража божества, ставится теперь въ болѣе близкое отношеніе къ отдѣльнымъ божествамъ, напр., къ Діонису, Артемидѣ и Немесидѣ.

Въ поздне-греческую и римскую эпохи грифъ дѣлается постояннымъ, всѣмъ хорошо извѣстнымъ аттрибутомъ Аполлона; изображенія грифовъ, большею частью по-двое другъ противъ друга, обыкновенны на римскихъ панцыряхъ, и, напр., на богато украшенномъ панцырѣ ватиканской статуи императора Августа (изъ Prima Porta) мы видимъ также и Аполлона на грифѣ [4]).

Разсмотримъ же теперь амфоры-пелики Музея имени Императора Александра III. Одна изъ нихъ принадлежитъ къ той коллекціи расписныхъ греческихъ вазъ и различныхъ предметовъ греческой древности, найденныхъ близъ города Керчи и въ разныхъ мѣстахъ сѣвернаго побережья Чернаго моря, которая была

---

[1]) Тамъ же, стр. 1761. 1767. Аполлона на грифѣ мы видимъ, напр., на амфорѣ-пеликѣ изъ числа античныхъ сосудовъ, Всемилостивѣйше пожалованныхъ Государемъ Императоромъ Музею Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ (по ярлычку на ручкѣ № 2), и на тоже керченской амфорѣ Императорскаго Эрмитажа (Древн. Босф. Ким., табл. LVIII, 3, 4, 5, 8). И въ томъ, и въ другомъ случаѣ представленъ на лицевой сторонѣ Аполлонъ верхомъ на грифѣ и ѳіады, манящая бога на вершины Парнасса, гдѣ въ опредѣленныя времена года ѳіады праздновали оргіи въ честь Аполлона и Діониса. См. Lübker. Reallexikon des klassischen Altertums[8], стр. 298 (Dionysos). О ѳіадахъ мы читаемъ у Павсанія (X, 32, 5) слѣдующее: „Ἀπὸ δὲ τοῦ Κωρυκίου χαλεπὸν ἤδη καὶ ἀνδρὶ εὐζώνῳ πρὸς τὰ ἄκρα ἀφικέσθαι τοῦ Παρνασσοῦ· τὰ δὲ ναφῶν τέ ἐστιν ἀνωτέρω τὰ ἄκρα καὶ αἱ Θυιάδες ἐπὶ τούτοις τῷ Διονύσῳ καὶ τῷ Ἀπόλλωνι μαίνονται“.

[2]) Lübker. Reallexikon d. klas. Altert.[8], стр. 104.

[3]) Roscher. Ausführliches Lexikon..., I, 2, стр. 1768.

[4]) Brunn—Bruckmann. Denkmäler griechischer und römischer Sculptur, табл. 225; Furtwängler—Urlichs. Denkmäler griechischer und römischer Sculptur. Handausgabe[3], табл. 58 и рис. 73 на стр. 207 (отдѣльно панцырь въ развернутомъ видѣ).

поднесена въ даръ Государю Императору жителемъ села Преображенскаго г-номъ Синицинымъ; Государю Императору въ бытность въ Москвѣ благоугодно было 7-го Апрѣля 1900 года Всемилостивѣйше пожаловать эту коллекцію Музею [1]).

Вторая амфора въ числѣ другихъ античныхъ расписныхъ глиняныхъ и бронзовыхъ сосудовъ пожертвована Р. П. Поляковой [2]).

Ваза—даръ Государя Императора—значится по прикрѣпленному къ ручкѣ ярлыку подъ № 1; въ дальнѣйшемъ описаніи мы будемъ обозначать ее вазою № 1, пожертвованную же г-жею Поляковой назовемъ вазою № 2.

Амфора-пелика № 1 (см. рис. 1). Высота 21 сант.; верхній діаметръ 13 сант..

Дошла ваза въ почти безукоризненномъ видѣ, только на верхнемъ краѣ отбиты два небольшіе кусочка, приклеенные затѣмъ на свое мѣсто, и на оборотной сторонѣ позади лѣвой фигуры выбитъ небольшой кусочекъ, также вставленный и отчасти закрашенный, повидимому, реставраторомъ.

Амфора-пелика № 2 (см. рис. 2). Высота $22^1/_2$ сант., верхній діаметръ 13 сант..

Сохранилась ваза нѣсколько хуже первой: на верхнемъ краѣ отбито было и потомъ приклеено пять кусковъ, повреждена часть губы вазы.

Оба сосуда выполнены въ красно-фигурной техникѣ съ примѣненіемъ бѣлой краски (грифы, за исключеніемъ крыльевъ, покрыты на обѣихъ вазахъ бѣлою краскою). Нависающій край вазъ украшенъ овами; изображенія той и другой стороны обѣихъ амфоръ сверху и снизу обрамлены полосою овъ. На вазѣ № 1 нижняя полоса орнамента тянется непрерывною лентою, огибая всю окружность сосуда, верхняя же прерывается подъ ручками; на вазѣ № 2 и верхняя и нижняя полосы одинаково прерываются по линіямъ прикрѣпленія ручекъ. Мѣста перехода корпуса вазы къ ножкѣ на обѣихъ вазахъ не покрыты лакомъ (на вазѣ № 2 края профилей

---

[1]) Отчетъ о состояніи Императорскаго Московскаго Университета за 1900 г., стр. 2 и 120; проф. И. В. Цвѣтаевъ. Рѣчь, произнесенная въ годичномъ засѣданіи Комитета Музея 16-го Декабря 1900 г., Москва 1900, стр. 4. Поступленію въ Музей Всемилостивѣйшаго пожалованія много способствовалъ покойный первый Директоръ Музея, з. о. профессоръ И. В. Цвѣтаевъ.

[2]) Отчетъ о состояніи Императорскаго Московскаго Университета за 1912 г., стр. 25.

ножки оставлены безъ лака). На вазѣ № 1 нижній конецъ ручекъ и мѣста вплоть до нижняго ряда овъ украшены пальметками: на амфорѣ № 1 пальметокъ нѣтъ, и эти мѣста закрыты чернымъ лакомъ.

На лицевой сторонѣ амфоръ налѣво конный аримаспъ [1]) поражаетъ копьемъ нападающаго грифа. Костюмъ у аримаспа обычный варваро-скиѳскій: длинные, украшенные вышитыми полосками штаны (анаксириды), мягкая кожаная обувь безъ каблуковъ, короткій кафтанъ, поверхъ котораго, повидимому, надѣтъ легкій панцырь; голова не покрыта. Сдерживая лѣвою рукою коня за поводья, аримаспъ правою пронзаетъ копьемъ грудь чудовища. Конь всталъ на дыбы. Внизу подъ конемъ и грифомъ щитъ съ выемкою на одной сторонѣ, покрытый орнаментомъ; щиты такой формы мы видимъ вообще у варваровъ, напр., у персовъ на такъ называемомъ саркофагѣ Александра Македонскаго [2]).

На оборотной сторонѣ обѣихъ вазъ двѣ такъ наз. фигуры въ плащахъ (Mantelfiguren) [3]), изъ которыхъ лѣвая держитъ въ правой рукѣ бубенъ [4]), между фигурами какой-то неровной круглой формы предметъ.

Какъ сказано выше, сходство рисунковъ обѣихъ сторонъ той и другой вазы поразительное, но о полномъ сходствѣ и совпаденіи рисунка нельзя говорить. Разберемъ детальнѣе изображенія на обѣихъ амфорахъ.

---

[1]) Въ Др. Босф. Ким., текстъ, т. II, стр. 46 про тожественную сцену сказано: „...изображена молодая амазонка (или Аримаспъ) на конѣ, уронившая щитъ свой и сражающаяся съ грифомъ“. Едва ли можно согласиться съ опредѣленіемъ, что на конѣ изображена амазонка: нѣтъ никакихъ данныхъ для признанія амазонки, въ то время какъ все говоритъ, что съ грифомъ сражается аримаспъ.

[2]) O. Hamdy—Bey et Th. Reinach. Une nécropole royale a Sidon. Paris, 1892, табл. XXV, 1; XXVI, 2; XXVII, 2; XXX; XXXIV—XXXV, 2; XXXVI,1; Furtwängler—Urlichs. Denkmäler griechischer und römischer Sculptur[3], табл. 37, рис. 41 на стр. 122; проф. Вл. К. Мальмбергъ. Древнегреческія фронтонныя композиціи. Изслѣдованіе въ области декоративной скульптуры. СПБ., 1904, рис. 83 на стр. 337; S. Reinach. Répertoire de Reliefs Grecs et Romains. Paris, 1909, t. I, стр. 414 (2) и 415 (3 и 4). Такой формы щитъ держитъ одинъ изъ варваровъ на знаменитомъ золотомъ гребнѣ изъ кургана Солоха (Старые Годы, 1914, Февраль, рис. при стр. 40 и 41).

[3]) Памятники Музея Изящныхъ Искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ. Вып. IV, текстъ, стр. 148, гдѣ пр. Вл. К. Мальмбергъ пишетъ: „... подобныя фигуры нѣмецкими археологами называются просто Mantelfiguren“.

[4]) Ср. Др. Босф. Ким., табл. LIII, 2; Furtw.—Reich. Griech. Vasenm., табл. 30.

Начнемъ съ сосуда № 1. Лицевая сторона. Нѣтъ сходства въ нарядѣ аримаспа, а именно въ панцырѣ: на вазѣ № 1 панцырь украшенъ двумя спиралями, красиво заполняющими отведенное и опредѣленное имъ мѣсто; панцырь всадника амфоры № 2 показываетъ совершенно другой мотивъ—онъ покрытъ точками и полосками, образующими какъ бы лучи, исходящіе изъ срединной точки. Складки напуска кафтана аримаспа вазы № 1 идутъ горизонтально, у аримаспа сосуда № 2 онѣ показаны вертикально; анаксириды всадника амфоры № 1 охвачены около ступни двумя ремешками, у аримаспа на вазѣ № 2—однимъ.

Голова коня вазы № 1 меньше, шея тоньше и длиннѣе, чѣмъ на вазѣ № 2. Нижняя челюсть коня на вазѣ № 1 оттянута внизъ, что, конечно, вполнѣ естественно, ибо всадникъ лѣвою рукою натянулъ поводья; хотя и на амфорѣ № 2 у коня тоже натянуты поводья, однако челюсти его плотно сжаты. Хвостъ коня на вазѣ № 1 менѣе поднимается кверху, чѣмъ на вазѣ № 2. Наконецъ, пропорціи коней рѣзко расходятся между собою: насколько конь на вазѣ № 1 производитъ впечатлѣніе болѣе легкаго, стройнаго, съ длинною шеею и маленькою (къ сожалѣнію, не пропорціонально) головою, настолько конь аримаспа на вазѣ № 2—тяжеловатъ, коротокъ, съ толстою шеею, но съ болѣе красивою головою.

Перейдемъ къ грифамъ. У грифа на вазѣ № 1 шея усѣяна двѣнадцатью шипами и согнута такъ, что клювъ обращенъ книзу; на вазѣ № 2 шея грифа покрыта десятью шипами и клювъ направленъ прямо. Строго говоря, у грифа вазы № 2 нѣтъ настоящаго клюва съ характерно выгнутою и загибающеюся книзу верхнею частью,—у этого грифа верхняя часть слишкомъ мала, зѣвъ черезчуръ длиненъ, чего нѣтъ у грифа на вазѣ № 1, сохранившаго красивый изогнутый клювъ орла; вообще голова грифа этой вазы болѣе живописна, хотя направленіе головы грифа № 2 прямо на голову лошади противника—болѣе естественно и цѣлесообразно. На амфорѣ № 1 мы видимъ обѣ переднія лапы грифа по сю сторону коня, словно грифъ скользитъ вдоль корпуса коня, не задѣвая его когтями переднихъ своихъ конечностей,—мотивъ красивый и позволяющій разсмотрѣть весь обликъ грифа, но нѣсколько наивный, если говорить о нападеніи грифа на всадника; у грифа вазы № 2 половина правой передней лапы скрыта за конемъ, и, слѣдовательно, здѣсь грифъ сталкивается съ конемъ грудь съ грудью.

Лѣвая передняя лапа грифа на сосудѣ № 1 длиннѣе соотвѣтствующей лапы грифа на № 2. Заднія лапы грифа на вазѣ № 1 болѣе раздвинуты, чувствуется еще движеніе впередъ, стремитель-

ный бѣгъ нападенія, въ то время какъ грифъ на вазѣ № 2 уже достигъ врага, уже остановленъ въ своемъ бѣгѣ встрѣчнымъ напоромъ коня и выше поднялся на заднія лапы, болѣе сдвинутыя.

Щитъ на вазѣ № 1 меньше, чѣмъ на № 2, и покрытъ меньшимъ числомъ лучей; орнаментъ его похожъ на рисунокъ панцыря аримаспа на сосудѣ № 2.

Оборотная сторона. Кромѣ различія орнамента предмета между фигурами въ плащахъ, отмѣтимъ, что у правой фигуры вазы № 1 только лѣвая рука закрыта плащомъ, въ то время какъ правая слегка опущена внизъ. Есть и другія различія, напр., лѣвая нога лѣвой фигуры вазы № 1 согнута меньше, чѣмъ у той же фигуры на амфорѣ № 2. Подъ ручками вазы № 2 нѣтъ, какъ уже было упомянуто, орнамента, и нижняя полоса овъ шире.

Если сравнить исполненіе рисунковъ на вазахъ, то по тщательности и законченности амфора № 1 лучше, въ ней самое расположеніе фигуръ и рисунокъ не теряютъ и орнаментальнаго характера (напр., видны обѣ переднія лапы грифа). Роспись вазы № 2 крайне небрежна, незакончена, есть мѣста только намѣченныя, но не покрытыя какъ слѣдуетъ лакомъ, напр., копье; плохо показаны копыта заднихъ ногъ коня, профиль лица всадника сливается съ конскою гривою, ибо живописецъ-кустарь не провелъ на этомъ мѣстѣ раздѣлительную черно-лаковую линію. Криво нарисованъ на обѣихъ сторонахъ рядъ овъ надъ изображенными сценами, правая передняя лапа грифа не сразу скрывается за грудью коня и бѣлая краска слегка задѣваетъ ее, производя впечатлѣніе, что лапа отрублена.

Керченскія вазы прежде относили къ III и даже II ст. до Р. Хр. [1]); Фуртвенглеръ [2]) считаетъ ихъ аттическаго происхожденія, думаетъ, что онѣ изготовлялись спеціально для южной Россіи, и датируетъ ихъ IV ст. до Р. Хр.. Проф. Вл. К. Мальмбергъ [3]) также полагаетъ, что керченскія вазы относятся къ IV ст.; датировку IV ст. находимъ и у Бушора [4]).

Какъ носящія ярко выраженный, несомнѣнный кустарный отпечатокъ, музейскія амфоры-пелики кажутся намъ сработанными въ томъ мѣстѣ, гдѣ вообще въ значительной степени было развито гончарное производство, расчитанное на массовый вывозъ;

---

[1]) Древн. Босф. Ким., текстъ, т. II, стр. 46.

[2]) Roscher. Ausführliches Lexikon..., I, 2, стр. 1773.

[3]) Проф. Вл. К. Мальмбергъ. Ваза и вазовая живопись (Брокгаузъ-Ефронъ, „Новый Энциклопедическій Словарь“, т. IX, стр. 284).

[4]) Buschor. Griechische Vasenmalerei, стр. 204.

такимъ мѣстомъ была Аттика, въ частности Аѳины, умѣвшія приспособляться ко вкусамъ спроса [1]). Относительно времени происхожденія вазъ мы позволимъ себѣ присоединиться къ мнѣніямъ Фуртвенглера, проф. Мальмберга и Бушора, высказавъ только предположеніе, что, быть можетъ, середина или даже вторая половина IV ст. до Р. Хр. явится болѣе подходящею, чѣмъ первая половина IV ст., датировкою привозныхъ аттическихъ амфоръ-пеликъ, разсмотрѣнныхъ выше.

Амфоры-пелики, покрытыя на лицевой и оборотной сторонахъ росписью, почти сходною съ вышеописанными, представляютъ обычное и часто встрѣчаемое явленіе среди керченскихъ сосудовъ. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ хранятся пять почти одинаковыхъ по виду и по величинѣ амфоръ-пеликъ, про которыя сказано [2]), „...что нѣтъ сомнѣнія, что всѣ пять вышли изъ одной и той же мастерской“; тамъ же хранится еще шестая, отличающаяся отъ первыхъ пяти только величиною, и еще одна, разнящаяся формою [3]).

Нѣсколько аналогичныхъ амфоръ-пеликъ находится въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ имени Императора Александра III въ Москвѣ.

Въ 1912 году Императорская Археологическая Коммиссія принесла въ даръ Херсонскому Городскому Музею Древностей коллекцію античныхъ вазъ и другихъ предметовъ древности, найденныхъ при раскопкахъ въ Керчи въ 1908 г.; среди вазъ находится одна амфора-пелика съ изображеніемъ сраженія амазонки съ грифомъ [4]).

Въ мартѣ текущаго года мнѣ удалось видѣть въ частномъ собраніи Е. Р. Запорожскаго одну керченскую амфору-пелику нѣсколько бо́льшаго размѣра, но съ такою же вазописью на обѣихъ сторонахъ, какъ на вазахъ музейскихъ (только у Mantelfiguren правыя руки не скрыты подъ плащомъ, а также нѣтъ бубна).

Постараемся теперь на основаніи матеріала, даннаго и полу

---

[1]) Springer—Michaelis. Handbuch der Kunstgeschichte, I[9], стр. 241

[2]) Древн. Босф. Киммер., текстъ, т. II, стр. 46; табл. LVIII, 1 и 2 [Ни въ коемъ случаѣ въ этой замѣткѣ не преслѣдуется цѣль дать болѣе или менѣе подробный перечень всѣхъ вазъ съ изображеніемъ сраженія аримаспа съ грифомъ].

[3]) Тамъ же, стр. 46.

[4]) В. И. Гошкевичъ. Херсонскій Городской Музей Древностей. Выпускъ 4-й. Лѣтопись Музея за 1912 г., стр. 27, рис. 13 (правый) на стр. 28 (конь написанъ *бѣлою* краской).

У Рейнака въ «Répertoire des vases peints grecs et étrusques», т. II, стр. 319 (1) мы видимъ италійскаго конника сражающимся съ грифомъ.

ченнаго отъ разсмотрѣнія разобранныхъ выше всѣхъ вазъ, дать посильный отвѣтъ на слѣдующіе вопросы:

1. Можно ли предположить шаблонъ?

2. Какіе образцы лежатъ въ основѣ нашихъ композицій?

3. Представляютъ ли приведенные примѣры рисунки одного мастера или разныхъ мастеровъ съ одного оригинала?

По вопросу о шаблонѣ мнѣнія сильно расходятся; приведемъ два взгляда—проф. Вл. К. Мальмберга и Б. Р. Виппера, высказывающихъ діаметрально противоположныя сужденія. „Въ какой степени проявлялось", читаемъ у проф. Вл. К. Мальмберга [1]), „въ живописной орнаментаціи В. личное творчество ея исполнителей—опредѣлить трудно. Копировали ли они извѣстные орнаменты, или сами изобрѣтали и обрабатывали свои композиціи? Вопросъ этотъ остается недостаточно разъясненнымъ, но можно сказать положительно, что эти художники не прибѣгали ни къ калькированію, ни къ припорошкѣ чужихъ или даже своихъ рисунковъ. По многимъ экземплярамъ В. видно, что художникъ проводилъ черты не сразу, но видоизмѣнялъ и улучшалъ первоначальный эскизъ. Вазовая живопись порою воспроизводила тѣ или другія картины знаменитыхъ мастеровъ; весьма вѣроятно также, что для нѣкоторыхъ, часто повторяющихся сюжетовъ имѣлись образцовые рисунки, которыхъ орнаментисты придерживались болѣе или менѣе, выпуская, однако, или прибавляя фигуры сообразно пространству, имѣвшемуся въ ихъ распоряженіи; но это подражаніе было далеко не рабское и всегда оставляло нѣкоторый просторъ собственной фантазіи орнаментиста, позволяя ему сочинять и импровизировать... Всѣ рисунки [въ краснофигурномъ стилѣ], какъ и раньше [въ чернофигурной росписи], дѣлаются отъ руки безъ помощи какихъ-либо шаблоновъ. Если нѣтъ совершенно одинаковыхъ рисунковъ, то весьма много похожихъ, явно свидѣтельствующихъ о существующей между ними связи; но эта связь врядъ ли непосредственная—вѣроятнѣе, что они свободно повторяютъ одинъ оригиналъ. Этотъ оригиналъ можетъ быть или образецъ, ходившій по мастерскимъ, или картина какого-либо крупнаго художника, доступная всеобщему обозрѣнію. На это указываетъ одновременное появленіе цѣлаго цикла рисунковъ на расписныхъ сосудахъ разныхъ мастеровъ. Въ годы, предшествовавшіе персидскимъ войнамъ, въ различныхъ мастерскихъ появляется изображеніе подвиговъ Θесея. Связь между рисунками здѣсь очевидна; въ то же

[1]) Проф. Вл. К. Мальмбергъ. Ваза и вазовая живопись (Брокгаузъ—Ефронъ, „Новый Энциклопедическій Словарь", т. IX, стр. 273, 282 сл.).

время они не копируютъ точно оригинала, такъ какъ въ подробностяхъ всѣ расходятся. Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя этотъ же циклъ снова всплываетъ, но въ совершенно иныхъ композиціяхъ. Есть основаніе думать, что причиною появленія послужили произведенія монументальной или станковой живописи".

Совершенно вѣрно и основательно проф. Вл. К. Мальмбергъ отрицаетъ шаблонъ. У г. Виппера мы находимъ другое воззрѣніе [1]): „...въ мастерскихъ вазописцевъ изготовлялась заразъ цѣлая партія одинаково расписанныхъ сосудовъ. Но допустить такую точную стереотипную работу можно только въ томъ случаѣ, если признать, что рисунки на вазахъ буквально сводились съ какого-нибудь предварительнаго эскиза, набросаннаго, напримѣръ, на папирусѣ или на холстѣ. Посмотримъ на одну вазу халкидскаго производства (изъ Парижской Національной библіотеки), изображающую борьбу Геракла съ Геріономъ. Лѣвый планъ заполняютъ пять быковъ, тѣсно сдвинувшихся въ одну группу; въ этой путаницѣ ногъ и хвостовъ такъ трудно разобраться, такъ трудно опредѣлить, какая нога какому быку принадлежитъ, что невольно приходитъ мысль о буквальномъ копированіи съ предварительнаго, можетъ быть раскрашеннаго эскиза. Въ этой мысли утверждаетъ насъ и то обстоятельство, что на греческихъ вазовыхъ рисункахъ часто встрѣчаются фигуры или предметы съ невѣрно поставленной вертикальной осью изображенія, тогда какъ всѣ детали выполнены совершенно вѣрно и выдержаны въ томъ же направленіи. Это могло случиться, вѣроятнѣе всего, оттого, что во время сведенія рисунка оригиналъ сдвинулся нѣсколько въ сторону, да такъ и остался въ невѣрномъ положеніи".

Б. Р. Випперъ различаетъ далѣе два пріема копированія въ зависимости отъ стилей; „...въ двѣ эпохи, черно-фигурнаго и красно-фигурнаго стилей", пишетъ г. Випперъ [2]), „существовали и два разные способа копированія. Художникъ черно-фигурнаго стиля вырѣзывалъ изъ своего эскиза на холстѣ или папирусѣ силуэты фигуръ, накладывалъ эскизъ на вазу и затѣмъ прокрывалъ пустые контуры фигуръ черною глазурью, сначала, быть можетъ, только легкимъ силуэтомъ, только намѣчая главное пятно фигуры, а потомъ, выяснивъ контуры штифтомъ, смѣло заполнялъ всю фигуру слоемъ краски. Ко времени красно-фигурнаго стиля, думается намъ, привился другой методъ копированія. Художникъ тоже накладывалъ эскизъ на вазу, вѣроятно, уже заранѣе отмѣ-

[1]) Б. Р. Випперъ. Техника вазоваго производства въ Греціи. Журн Мин. Нар. Просв. 1909 г., апрѣль, стр. 172 сл..

[2]) Тамъ же, стр. 173 сл..

тивъ себѣ циркулемъ основной скелетъ композиціи; затѣмъ онъ слегка прорѣзывалъ острымъ штифтомъ по контурамъ фигуры на эскизѣ и такимъ образомъ получалъ на глиняной поверхности легкій отпечатокъ перваго наброска".

Анализъ приведенныхъ выше вазъ вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе проф. Вл. К. Мальмберга, что художники не пользовались ни калькированіемъ, ни припорошкою, и ничто не говоритъ за то, что, по крайней мѣрѣ въ данныхъ случаяхъ, можно установить шаблонъ. Мы видѣли много чертъ сходства, много одинаковыхъ мотивовъ, но нигдѣ не удалось подмѣтить полнаго совпаденія, стереотипности. Если встрѣчались сходственныя позы и др., то это можно объяснить тѣмъ, что художнику не одинъ разъ выдавался случай изображать на слѣдующихъ вазахъ многое изъ того, что онъ нарисовалъ на первыхъ вазахъ. У г. Виппера мы находимъ слѣдующія строки, поясняющія наше положеніе: „много въ этой работѣ было механическаго, заученнаго, многое было приспособлено для однообразнаго воспроизведенія десятки разъ однихъ и тѣхъ же деталей, однихъ и тѣхъ же мотивовъ" [1]).

Противъ шаблона говоритъ различная величина сосудовъ и, слѣдовательно, неодинаковое пространство, отведенное для росписи; это обстоятельство особенно выразительно и ярко сказывается на бостонскихъ киликахъ, гдѣ бо́льшая высота и бо́льшая длина фриза на вазѣ въ довольно значительной степени видоизмѣнили положеніе фигуръ. Все говоритъ только за рисунокъ отъ руки, опытной, выученной, напрактиковавшейся въ повтореніяхъ мотивовъ и деталей.

Противъ шаблона свидѣтельствуютъ и предварительные рисунки, такъ часто замѣтные на вазописи. Если бы живописецъ рабски переносилъ на вазу шаблонъ, то къ чему тогда вся эта сѣть линій, одна другую поправляющихъ и замѣняющихъ? Копированіе было свободное, отступающее отъ образца въ деталяхъ [2]). Рейхгольдъ даже полагаетъ [3]), что образцы давались на выпуклой поверхности, и это обстоятельство, конечно, значительно облегчало работу вазописцевъ, потому что давало возможность примѣнять свой трудъ просто добросовѣстнымъ и наметавшимъ руку, а не хорошимъ вазописцамъ, которые сами бы справились съ задачею перенесенія рисунка съ плоскости на выпуклость вазы.

Относительно бостонскихъ киликовъ Гаузеръ предполагаетъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 171.

[2]) Furtw.—Reich. Griech. Vasenm., 2-ая серія, текстъ, стр. 199.

[3]) Тамъ же, 191 и 199.

что отдѣльныя группы на нихъ примыкаютъ, въ конечномъ счетѣ, къ твореніямъ полигнотова круга. Гауэръ отмѣчаетъ сходство внутренняго рисунка этихъ чашъ съ группою кентавра, похищающаго женщину, на одномъ рельефѣ изъ Гёльбаши-Тризы [1]) и близость киликовой группы Ѳесея и кентавра Никтея съ группою лапиѳа, душащаго кентавра, на рельефѣ оттуда же [2]). Эта близость къ гёльбаши-тризскимъ рельефамъ, носящимъ отпечатокъ стѣнной живописи Полигнота или іонійской живописи [3]), позволяетъ думать, что связь вазописи бостонскихъ чашъ съ цикломъ Полигнота не была непосредственна. Заимствованные полигнотовскіе типы, сдѣлавшіеся къ самому концу V ст. до Р. Хр.,—времени созданія бостонскихъ киликовъ,—нѣсколько устарѣвшими, не модными, переработаны были соотвѣтственно и сообразно измѣнившимся вкусамъ и новымъ требованіямъ публики.

Робинсонъ склоненъ усматривать въ вазописи бостонскихъ киликовъ зависимость отъ метопъ Парѳенона, но Гауэръ не видитъ въ этомъ сопоставленіи убѣдительности, хотя, съ другой стороны, не отрицаетъ отголоска этихъ метопъ.

Монументальность, строгое величіе и благородная простота фигуръ на эрмитажномъ и мюнхенскомъ стамносѣ производятъ впечатлѣніе, что здѣсь тоже надо видѣть вліяніе большой живописи. Хотѣлось бы думать, что заимствованныя четыре фигуры скомпонованы затѣмъ для воспроизведенія на вазахъ и послужили образцомъ для росписи двухъ стамносовъ, гдѣ образецъ переданъ съ нѣкоторыми отступленіями. Если принять заранѣе, что достоинства композиціи и росписи каждаго стамноса, отмѣченныя выше, взяты съ образца и близко передаютъ его, не искажая, то тогда на эрмитажной вазѣ заимствованнымъ будетъ слѣдующее: разстояніе старицы отъ воина и вся фигура старца; на мюнхенскомъ стамносѣ взято съ образца: разстояніе старца отъ дѣвушки, фигура и рисунокъ дѣвушки, положеніе копья юноши, чепчикъ и жестъ правой руки старицы (ладонью къ зрителю).

Для музейскихъ амфоръ-пеликъ былъ, вѣроятно, нарочно выработанъ образецъ, удавшійся и удовлетворявшій вкусамъ покупателей; всадникъ, пронзающій копьемъ противника, можетъ

---

[1]) Benndorf und Niemann. Das Heroon von Gjölbaschi-Trysa, 1889, табл. XXIII, B, 2.

[2]) Тамъ же, табл. XXIII, B, 3.

[3]) Springer—Michaelis. Handbuch der Kunstgeschichte, 1⁹, стр. 288; Верманъ. Исторія искусства всѣхъ временъ и народовъ, т. I, стр. 428; Lübker. Reallexikon des klassischen Altertums⁸, стр. 831 (Polygnotos).

быть также заимствованъ изъ живописнаго круга. Сюжетъ битвы аримаспа съ грифономъ такъ часто встрѣчается на вазахъ, что эту сцену въ одной и той же мастерской могли рисовать уже на память, какъ и фигуры въ плащахъ на оборотной сторонѣ, столь простыя, обычныя и часто лишенныя всякой художественности.

Обратимся къ третьему вопросу.

Нельзя согласиться съ мнѣніемъ Фуртвенглера и Гаузера, что стамносы эрмитажный и мюнхенскій принадлежатъ одному и тому же художнику. Возможно, что они расписаны въ одной мастерской, съ одного образца, но, безъ сомнѣнія, двумя художниками, изъ которыхъ расписавшій эрмитажный стамносъ отступилъ отъ оригинала больше въ мелочахъ, въ то время какъ авторъ росписи вазы мюнхенской рискнулъ на измѣненіе мотива положенія ногъ старца.

Чаши съ кентавромахіею обѣ расписаны Аристофаномъ, какъ это вѣско и убѣдительно доказалъ Гаузеръ; чаша *B* расписана позднѣе и носитъ характеръ большей тщательности и вдумчивости, чѣмъ киликъ *A*.

Амфоры-пелики изъ собранія Музея имени Императора Александра III расписаны двумя вазописцами-кустарями, не обращавшими особеннаго вниманія на то, какъ нарисовать; можетъ быть, амфора № 1 нѣсколько старше амфоры № 2.

Итакъ, мы видимъ случаи, когда одинъ и тотъ же сюжетъ принадлежитъ кисти то одного, то двухъ вазописцевъ; когда два сходныхъ вазовыхъ рисунка написаны однимъ художникомъ, то лучшимъ является второй по времени; если вазописи исполнены двумя живописцами, то они вносятъ и не могутъ не внести несомнѣнныхъ чертъ своего индивидуальнаго творчества, чертъ навыка, вкуса, сказывающихся какъ въ измѣненіи композиціи, такъ и въ рисункѣ, въ передачѣ характера складокъ и т. д.

Москва.
1914 г.

К. Лаппо.

Къ вопросу объ утвержденіи Литовскаго Статута 1588 года.

I.

Изученіе Литовскаго Статута 1588 года, хотя далеко еще не законченное, уже имѣетъ свою исторію. Ея начало идетъ отъ очень извѣстнаго и выдающагося для своего времени труда Т. Чацкаго „O Litewskich i Polskich prawach“, вышедшаго въ свѣтъ въ 1800—1801 годахъ [1]). Въ этомъ трудѣ Чацкій коснулся и III-го Статута, давъ его сличеніе (какъ и II-го) съ I-мъ Литовскимъ Статутомъ. Чацкій, такимъ образомъ, уже подходилъ близко къ постановкѣ вопроса объ источникахъ Статута 1588 года, т. е. того вопроса, который и въ настоящее время является кардинальнымъ въ изученіи не только самого III-го Статута, но и отношеній Великаго Княжества Литовскаго къ Польшѣ послѣ Уніи 1569 года, ибо Княжество имѣло въ этомъ кодексѣ собраніе своего права, дѣйствовавшаго вплоть до конца существованія соединенной Польско-Литовской Рѣчи Посполитой.

Однако путь, на который вступилъ Чацкій въ названномъ выше трудѣ, былъ затѣмъ покинутъ. Едва ли было и подъ силу идти имъ въ то время научнымъ изслѣдователямъ, взявшимся за изученіе Литовско-Русскаго права. Въ самомъ дѣлѣ, исторія Великаго Княжества Литовскаго была еще совершенно не затронута тогда научнымъ изслѣдованіемъ [2]); законодательство Литовско-Русскихъ сеймовъ не было собрано и изучено; наконецъ, преувеличи-

[1]) Второе изданіе этого труда было выпущено въ Познани въ 1843 году (Рачинскимъ), третье—въ Краковѣ въ 1861 году (Wydanie Kazimierza Józefa Turowskiego, Nakładem Drukarni „Czasu“).

[2]) Главные этапы научной разработки историческаго прошлаго Великаго Княжества Литовскаго авторъ настоящей статьи старался опредѣлить въ своей рецензіи изслѣдованія М. К. Любавскаго „Литовско-Русскій сеймъ“ (Отчетъ о девятомъ присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова, стр. 3—9).

валось значеніе Ягайловой уніи Княжества съ Польшею, съ полною неизвѣстностью въ области государственнаго строя перваго и его отношеній къ Польскому королевству какъ до, такъ и послѣ Уніи 1569 года. Отъ детальнаго изученія хода и развитія Литовско-Русскаго законодательства при такихъ условіяхъ научное изслѣдованіе, естественно, отказалось и обратилось къ опредѣленію общаго характера права Великаго Княжества Литовскаго. Самъ Чацкій уже поставилъ вопросъ о роли римскаго права въ Польшѣ и Литвѣ [1]). Для Литвы этотъ вопросъ былъ тѣмъ умѣстнѣе, что легенды о происхожденіи литовскаго народа выводили его изъ Италіи [2]). Общія наблюденія надъ правомъ Великаго Княжества Литовскаго однимъ ученымъ внушали выводы объ исключительномъ вліяніи на него польскаго [3]) или русскаго [4]) права, другимъ оно представлялось смѣшеніемъ права русскаго, польскаго и готскаго или скандинавскаго, съ признаніемъ, однако, въ немъ и слѣдовъ права литовскаго [5]). Разсужденія болѣе или менѣе общаго характера не могли дать прочной основы для научнаго ихъ признанія. Путь, который должно пройти изученіе Литовско-Русскаго права

---

[1]) „Czy prawo rzymskie było zasadą praw polskich i litewskich?“ (Wilno, 1809). Указанія на работы другихъ ученыхъ въ томъ же направленіи см.— Dr. Ludwik Finkel, Bibliografia Historyi Polskiej, Część II, Zeszyt II (W Krakowie 1896), str. 792.

[2]) См. Литовско-Русскія лѣтописи (Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, XVII) и сочиненіе Михалона Литвина (Michalonis Lituani, De moribus Tartarorum, Litvanorum et Moschorum, Fragmina X multiplici Historia referta. Отрывки сочиненія Михалона Литвина переведены на русскій языкъ дважды: 1) С. Шестаковымъ—во второй книгѣ Архива историко-юридическихъ свѣдѣній, изд. Н. В. Калачовымъ, и 2) К. Мельникъ—въ первомъ выпускѣ Мемуаровъ, отн. къ исторіи Южной Руси).

[3]) Примѣръ изъ старой литературы—Jędrzej Moraczewski, Polska w złotym wieku przedstawiona wyimkami z dziejów Rzeczypospolitej Polskiej (Poznań, 1851), str. 161. Примѣръ изъ новой литературы—Franciszek Piekosiński, Statut Litewski (Rozprawy Akademii Umiętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny. Serya II. Tom XIV), str. 129.

[4]) Нпр., Ѳ. И. Леонтовичъ, Русская Правда и Литовскій Статутъ въ видахъ настоятельной необходимости включить литовское законодательство въ кругъ исторіи русскаго права (Кіевскія Университ. Извѣстія 1865 г., №№ 2, 3. 4). Ср. Исторію Литовскаго Статута съ объясненіемъ особенностей трехъ его редакцій и предварительнымъ обозрѣніемъ законодательныхъ памятниковъ, дѣйствовавшихъ въ Западной Россіи до изданія Статута (сочиненіе студента Чарнецкаго, написанное на заданную юридическимъ факультетомъ тему и удостоенное золотой медали—Кіевскія Университ. Извѣстія 1867 г., №№ 1, 5 и сл.).

[5]) Wacław Aleksander Maciejowski, Pierwotne Dzieje Polski i Litwy zewnętrzne i wewnętrzne, z uwagą na ościenne kraje a mianowicie na Ruś, Węgry, Czechy i Niemcy (W Warszawie 1846).

для научнаго разрѣшенія вопросовъ о вліяніяхъ на него, это пристальное и детальное изученіе текстовъ законодательства Великаго Княжества Литовскаго, а такое изученіе ихъ было недоступно уже за неприведеніемъ въ извѣстность очень большого числа ихъ, особенно сеймовыхъ „ухвалъ“ Литовско-Русскаго государства.

Однако изученіе III-го Литовскаго Статута уже въ началѣ XIX столѣтія стало переноситься изъ области общихъ взглядовъ и наблюденій въ область позитивнаго фактическаго изученія по отношенію къ „библіографіи“ этого кодекса. Какъ дѣйствующій кодексъ въ губерніяхъ Россіи, образованныхъ изъ Великаго Княжества Литовскаго, онъ имѣлъ практическое значеніе, а работа надъ кодификаціей мѣстнаго права западныхъ губерній Россіи, предпринятая русскимъ правительствомъ въ началѣ XIX столѣтія, съ одной стороны привлекла къ изученію вопросовъ о III-мъ Литовскомъ Статутѣ спеціалистовъ, а съ другой оживила вообще интересъ къ этому кодексу. Работы надъ Статутомъ 1588 года Адама Повстанскаго и Игнатія Данловича получили свое начало именно благодаря коммиссіи 1804 года и учрежденному вмѣсто нея въ 1826 году II-му Отдѣленію Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи [1]). Но еще до выхода въ свѣтъ работъ Повстанскаго и Даниловича, въ 1816 году вышелъ въ свѣтъ трудъ Самуила Богумила Линде „O Statucie Litewskim“ [2]), съ котораго и начинается изученіе „библіографіи“ III-го Литовскаго Статута въ опубликованныхъ трудахъ. Линде установилъ, что текстъ Статута 1588 года, утвержденный Сигизмундомъ Вазою, былъ написанъ на русскомъ языкѣ, и началъ приведеніе въ извѣстность сохранившихся экземпляровъ старопечатныхъ изданій III-го Литовскаго Статута. Приведеніе въ извѣстность и описаніе экземпляровъ Статута 1588 года (какъ и рукописныхъ экземпляровъ двухъ первыхъ Статутовъ) явилось содержаніемъ и не подписанной статьи, напечатанной въ журналѣ „Dziennik Wileński“ за 1823 годъ, написанной И. Н. Даниловичемъ [3]). Въ 1829 году въ Вильнѣ вышла въ

[1]) См. Баронъ А. Э. Нольде, Очерки по исторіи кодификаціи мѣстныхъ гражданскихъ законовъ при графѣ Сперанскомъ, выпускъ I (СПБ. 1906), стр. 49 и сл.

[2]) O Statucie Litewskim, Ruskim językiem i drukiem wydanym, wiadomość, przez M. Samuela Bogumiła Linde. W Warszawie 1816.

[3]) „Opisanie bibliograficzne dotąd znanych exemplarzy Statutu Litewskiego, rękopismiennych i edycyi drukowanych, tak w ruskim oryginalnym, jako też polskim i łacińskim języku“. Dziennik Wileński, Rok 1823, Tom I (стр. 377—398, введеніе и I Статутъ), Tom II (стр. 1—18; II Статутъ; стр. 162—177 и 261—293, III Статутъ). Самъ Даниловичъ называетъ эту статью своею (Dorpater Jahrbücher, Zweiter Band, s. 296).

свѣтъ и книжка Адама Повстанскаго „Uwagi, odnoszące się do bibliografii Statutu Litewskiego“ [1]), безъ имени автора на заглавномъ листѣ, но съ подписью буквами „А. Р.“ внутри книги [2]). Въ то же время Игнатій Николаевичъ Даниловичъ продолжалъ свои занятія Литовскимъ Статутомъ, работалъ вообще въ области изученія Литовско-Русскаго права, курсъ исторіи котораго онъ читалъ въ Виленскомъ Университетѣ [3]), а затѣмъ и будучи привлеченъ къ участію въ работахъ Второго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи [4]). Въ 1834 году Даниловичъ опубликовалъ свой „Historischer Blick auf die Litthauische Gesetzgebung“ [5]), въ которомъ далъ свѣдѣнія о древнѣйшемъ правѣ Литвы, первомъ и второмъ Статутахъ [6]), и наконецъ о Статутѣ 1588 года, его происхожденіи, изданіяхъ на русскомъ языкѣ, польскихъ его изданіяхъ, а также о литературѣ, относящейся къ Статуту [7]). Въ томъ же 1834 году журналъ „Tygodnik Petersburski“ обстоятельно реферировалъ содержаніе этой статьи Даниловича на своихъ страницахъ [8]). Въ 1837 году въ Петроградѣ всего въ пятидесяти экземплярахъ было издано „Обозрѣніе историческихъ свѣ-

---

[1]) Nakładem i drukiem A. Marcinowskiego.

[2]) На стр. 206 и 227. Подпись „A. Powstański“ имѣется на книгѣ какъ подпись цензора. Баронъ А. Э. Нольде отмѣчаетъ, что „нѣкоторыя свѣдѣнія, которыя приведены въ книгѣ (см. особенно стр. 38 и 41), не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что она написана лицомъ, близко стоявшимъ къ коммиссіи составленія законовъ“ (op. cit., стр. 50), а таковымъ и былъ Адамъ Повстанскій. Библіографическіе труды также признаютъ по отношенію къ этой книгѣ авторство Повстанскаго (кромѣ цитируемаго барономъ А. Э. Нольде Эстрейхера см. Finkel, op. cit. I, str. 48). Инициалы „А. Р.“ признаются вообще употреблявшимися Адамомъ Повстанскимъ вмѣсто полной подписи—см. Edward Minkowiecki, Spis kryptonymów używanych przez autorów polskich—Przegląd Biblijograficzno-Archeologiczny, Tom I (Warszawa. 1881), str. 547.

[3]) Рукопись читаннаго имъ курса хранится въ Виленской Публичной Библіотекѣ—„Prawo Polskie i Litewskie“ (Рукописное Отдѣленіе Виленской Публ. Библ., В. 4. 82).

[4]) См. баронъ А. Э. Нольде, op. cit., стр. 62 и сл.

[5]) Dorpater Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Zweiter Band. Riga und Dorpat, 1834.

[6]) § 1. Der älteste Rechtszustand Litthauens. § 2. Abfassung des alten Litthauischen Statuts vom Jahre 1529. § 3. Abfassung des zweiten Litthauischen Statuts durch Sigismund August im Jahre 1566.

[7]) § 4. Das Litthauische Statut Sigismunds III vom Jahre 1588. § 5. Ausgaben des Statuts in Russischer Sprache. § 6. Polnische Ausgaben des Litthauischen Statuts. § 7. Schriften über das Litthauische Statut.

[8]) Redakcije, rękopisy, przekłady i wydania w druku Statutu Litewskiego. Podług rosprawy P. Ign. Danilowicza. Tygodnik Petersburski 1834, str. 289—290.

дѣній о составленіи свода мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній", извлеченное „изъ актовъ, хранящихся во II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи" [1]), составленное на основаніи матеріала, доставленнаго Даниловичемъ. Въ 1841 году тотъ же Даниловичъ напечаталъ свою работу „Взглядъ на Литовское законодательство и Литовскіе Статуты" [2]), въ которой вновь занимался и III-мъ Статутомъ.

Такимъ образомъ выяснялись постепенно, сколько это было возможно въ то время по состоянію знанія источниковъ, развитіе законодательства Великаго Княжества Литовскаго и изданія Литовскаго Статута 1588 года. Въ концѣ XIX столѣтія вопросъ о послѣднихъ вновь привлекъ къ себѣ вниманіе ученой литературы. Въ 1881 году вышла статья Вл. Побугъ-Гурскаго [3]), въ которой авторъ ея, бѣгло коснувшись русскаго изданія Статута 1588 года и опровергнувъ попутно предположеніе о современномъ ему изданіи того же кодекса на польскомъ языкѣ, далъ цѣнныя свѣдѣнія объ изданіяхъ Статута съ 1614 года по 1819-й, а также и объ изданіяхъ Трибунала Княжества [4]) за тотъ же періодъ времени. Дополненіемъ къ статьѣ Вл. Побугъ-Гурскаго является замѣтка князя Вл. Четвертинскаго, вышедшая въ свѣтъ въ томъ же 1881 году, представляющая собою краткое добавленіе о польскихъ изданіяхъ Статута [5]).

Отмѣченныя сейчасъ работы польскихъ авторовъ мало интересуются русскими, т. е. первыми изданіями Статута 1588 года. Онѣ даже грѣшатъ забвеніемъ указанія Даниловича на то, что этихъ изданій было нѣсколько, а не одно, говоря объ единственномъ русскомъ изданіи этого кодекса въ Мамоничской типогра-

---

[1]) Переиздано въ Петроградѣ въ 1910 году М. Я. Пергаментомъ и барономъ А. Э. Нольде по порученію Юридическаго Факультета Императорскаго Петроградскаго Университета (вмѣстѣ съ проектомъ „Свода мѣстныхъ законовъ западныхъ губерній").

[2]) Юридическія записки, издаваемыя Петромъ Рѣдкинымъ. Томъ первый (М. 1841), стр. 1—47.

[3]) Dodatek do biblijografii Statutu Litewskiego, przez Władysława Pobóg Górskiego. Przegląd Biblijograficzno-Archeologiczny, Rok I, № 18 i 19 (Warszawa, 1881).

[4]) Русское изданіе его, вышедшее въ друкарнѣ Мамоничей, въ Вильнѣ въ 1586 году, имѣетъ такое заглавіе: „Трибуналъ обывателямъ Великого Княжества Литовского на сойме Варшавскомъ даны року 1581".

[5]) Włodzimierz ks. Czetwertyński. Jeszcze jedno słowo o Statucie Litewskim. Przegląd Biblijograficzno-Archeologiczny. № 22 i 23 (Warszawa, 1881), str. 457.

фіи [1]). Что касается вопросовъ о цѣляхъ составленія III-го Литовскаго Статута и о способѣ его утвержденія, то въ польской исторической литературѣ уже давно утвердилась въ отвѣтѣ на нихъ традиція, сохраняемая и въ настоящее время. Эта традиція представляетъ утвержденіе III-го Статута дѣломъ коронаціоннаго сейма 1588 года, а цѣли его составленія опредѣляетъ постановленіемъ Люблинскаго сейма въ 1569 году о сліяніи Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею въ единую Рѣчь Посполитую, съ соотвѣтствующимъ согласованіемъ артикуловъ Литовскаго Статута 1566 года съ Польскими законами [2]).

Въ послѣдней четверти XIX столѣтія вопросъ о Литовскомъ Статутѣ 1588 года въ связи со значеніемъ для Великаго Княжества Литовскаго сеймовыхъ конституцій послѣ Люблинской Уніи горячо обсуждался въ русской исторической литературѣ. Толчкомъ послужило судебное дѣло о наслѣдствѣ, оставшемся послѣ смерти графа Станислава Манузи и его жены, и примѣненіи къ разрѣшенію споровъ о немъ Литовскаго Статута и конституціи 1588 года о кадукахъ. Кромѣ присяжнаго повѣреннаго Б. Г. Ольшамовскаго, ведшаго это дѣло въ Сенатѣ отъ имени далекихъ родственниковъ гр. Манузи противъ Виленско-Ковенскаго Управленія Государственными Имуществами, доказывавшаго выморочность этого наслѣдства [3]),

[1]) Вл. Побугъ-Гурскій пишетъ: „Statut W. X. Litewskiego, pierwszy raz został ogłoszony drukiem w języku ruskim u Mamonicza w Wilnie 1588 r.— Rzadka ta edycyja, w mniej lub więcej kompletnych egzemplarzach, znajdująca się w znaczniejszych rosyjskich i polskich biblijotekach została szczegółowie opisana tak przez Lindego, jako przez Sopikowa i innych biblijografów rosyjskich, tu więc nad nią zastanawiać się nie będziemy“ (op. cit., str. 270). Князь Вл. Четвертинскій упоминаетъ о „pierwszej edycyi w języku ruskim u Mamonicza, w Wilnie w roku 1588 wydanej“.

[2]) Изъ новѣйшей литературы см. особенно Franciszek Piekosiński, Statut Litewski (Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno-Filozoficzny, Serya II, Tom XIV), str. 124; Stanisław Kutrzeba, Historya Ustroju Polski w zarysie, Litwa (Lwów, 1914), str. 219. Однако, еще Бандтке-Стенжинскій въ первыхъ десятилѣтіяхъ XIX столѣтія отмѣтилъ, что Статутъ 1588 года вступилъ въ силу безъ сеймоваго утвержденія—см. Historya prawa Polskiego, napisana i wykładana przed rokiem 1830 w b. Warszawskim Aleksandryjskim Uniwersytecie przez Jana Wincentego Bandtkie Stężyńskiego (Warszawa, 1850), str. 706 („Wygotowano na koniec tak długo oczekiwaną i zalecaną poprawę, lecz roku 1588 dnia 30 Stycznia podaną została do zachowania za przywilejem samego tylko Zygmunta III, bez uchwały sejmowej“).

[3]) Б. Г. Ольшамовскій. Обязательность для Великаго Княжества Литовскаго Конституцій Вальныхъ Сеймовъ бывшей Польской Рѣчи Посполитой въ связи съ вопросомъ о выморочности (Кадукахъ) по Польско-Литовскому Законодательству (СПБ. 1897) и Права по землевладѣнію въ Западномъ Краѣ (СПБ. 1899).

выступили въ литературѣ ученые спеціалисты въ области Литовско-Русскаго права или цивилистики вообще, а именно С. А. Бершадскій, А. Х. Гольмстенъ, Ѳ. И. Леонтовичъ и С. Л. Пташицкій [1]). По вопросу объ утвержденіи III-го Литовскаго Статута тогда были высказаны два противоположныхъ мнѣнія: 1) онъ былъ утвержденъ коронаціоннымъ сеймомъ 1588 года и 2) онъ вступилъ въ силу безъ сеймовой санкціи. Первое изъ этихъ мнѣній въ наиболѣе категорической формѣ было высказано Ѳ. И. Леонтовичемъ, второе—С. Л. Пташицкимъ. Ѳ. И. Леонтовичъ пишетъ: „...и самое утвержденіе Статута не было актомъ одного короля; оно состоялось путемъ соглашенія („намовы“) или, что то же, разсмотрѣніе Статута королемъ на сеймѣ сообща съ панами-радами и избой посольской. Съ ихъ „позволенья“ (см. привилей 1-го февраля 1588 г.) король, какъ представитель верховной власти въ государствѣ, утвердилъ Статутъ своимъ привилеемъ... Сомнѣній въ законодательномъ происхожденіи Статута никогда и никто не заявлялъ, да иначе и не могло быть при томъ ходѣ редакціонныхъ работъ, какой имѣлъ мѣсто при изданіи Статута“ [2]). Наоборотъ, С. Л. Пташицкій говоритъ: „третій Статутъ былъ утвержденъ не въ законодательномъ порядкѣ [3]), какъ утверждались конституціи (король, сенатъ и сеймъ), а единолично королемъ [4]) послѣ переговоровъ его съ чинами обоихъ народовъ“ [5]). Примиреніе этихъ мнѣній невозможно. Одно изъ нихъ должно быть отвергнуто. Но которое?

---

[1]) С. А. Бершадскій, О наслѣдованіи въ выморочныхъ имуществахъ по Литовскому праву (СПБ. 1892—раньше въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1892, XI) и Литовскій Статутъ и польскія конституціи (СПБ. 1893); С. Л. Пташицкій, Къ исторіи Литовскаго права послѣ Третьяго Статута (Журн. Мин. Нар. Пр. 1893, X и отдѣльно—СПБ. 1893) и Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута (СПБ. 1893); Ѳ. И. Леонтовичъ, Спорные вопросы по исторіи Русско-Литовскаго права (СПБ. 1893); А. Х. Гольмстенъ, Три вопроса изъ Литовскаго гражданскаго права (Журналъ Юридич. Общества при Имп. С.-Петерб. Университетѣ 1896, II). Рецензія этихъ работъ С. А. Бершадскаго, Ѳ. И. Леонтовича и С. Л. Пташицкаго сдѣлана проф. М. Грушевскимъ—Записки Наукового Товариства Імени Шевченка, том IV, стр. 172—176. Указанія на второстепенную литературу о Третьемъ Литовскомъ Статутѣ см.—Михайло Грушевський, Історія України-Руси, том V (У Львові, 1905), стр. 625.

[2]) Ѳ. И. Леонтовичъ, op. cit., стр. 20. Къ этому мнѣнію присоединился и М. К. Любавскій (Журн. Мин. Нар. Пр. 1902, IV, стр. 495—496).

[3]) Курсивъ С. Л. Пташицкаго.

[4]) Также.

[5]) С. Л. Пташицкій, Къ вопросу . . . . , стр. 13.

Пишущій настоящія строки уже не разъ высказывался по данному вопросу [1]). Однако, высказываясь объ утвержденіи Статута 1588 года лишь попутно, въ связи съ другими темами, затронутыми въ его предшествующихъ работахъ, авторъ настоящей статьи не имѣлъ возможности разсмотрѣть этотъ вопросъ съ достаточною полнотою и изложить исторію утвержденія III-го Литовскаго Статута, которая можетъ быть возстановлена по дошедшимъ до насъ источникамъ. Настоящая статья и ставитъ это своею задачею.

Мы постараемся представить свой опытъ разрѣшенія вопроса объ утвержденіи Литовскаго Статута 1588 года, давъ отвѣтъ на три вопроса, на которые онъ распадается: 1) какія указанія на сеймовое утвержденіе III-го Статута мы имѣемъ въ немъ самомъ, въ документахъ, присоединенныхъ къ его тексту, а также въ конституціи коронаціоннаго сейма 1588 года, 2) могъ ли быть утвержденъ III-ій Статутъ Короннымъ сеймомъ съ тѣмъ содержаніемъ этого кодекса, которое онъ въ дѣйствительности имѣетъ, и 3) какъ совершилось его утвержденіе.

II.

Что является доказательствомъ сеймовой санкціи постановленій, утверждавшихся сеймомъ для Великаго Княжества Литовскаго? Во-первыхъ—внесеніе ихъ въ соотвѣтствующую сеймовую конституцію и, во-вторыхъ—соотвѣтствующее обозначеніе способа ихъ утвержденія въ самомъ текстѣ. Оба эти требованія формальнаго характера соблюдались еще до Уніи 1569 года. Такъ, утвержденіе II-го Литовскаго Статута было внесено въ „отказы" великаго князя Сигизмунда Августа, данные имъ на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ [2]), а въ приложенномъ къ тексту Статута привилеѣ отъ 1 іюля 1566 года читаемъ: „артыкулы поправы статутовое, которые за волею [и] вѣдомостью короля его милости..., за зволеньемъ пановъ радъ ихъ милости того панства духовныхъ и свѣцкихъ, такжо князей и пановъ, врядниковъ его королевское милости, пановъ пословъ земскихъ и всѣхъ становъ, сейму належачихъ, на соймѣ валномъ Берестейскомъ поправленые, которые ихъ милость панове рада и вси станы, на соймѣ въ Берестью

[1]) И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія, томъ I (СПБ. 1901), стр. 218; Великое Княжество Литовское во второй половинѣ XVI столѣтія Литовско-Русскій повѣтъ и его сеймикъ (Юрьевъ, 1911), стр. 259, прим. 1.

[2]) Русск. Ист. Библ. XXX, ст. 366.

поправивши, черезъ старосту Жомоитского, маршалка земского Великого Князства Литовского, державцу Плотельского и Тельшовского, пана Яна Ходкевича ку его королевское милости до Люблина прислати были рачили; гдѣ господаръ его милость, тыхъ артыкуловъ огледавши и ихъ уфаливши моцъю сойму Берестейского, до статуту правъ новыхъ вписати росказать рачилъ“ [1]). Въ самомъ началѣ текста Статута 1566 года находится также указаніе на то, что онъ выданъ „пры бытности и зъ уфалою и позволеньемъ радъ“ господарскихъ „и всихъ становъ, сойму належачыхъ“ [2]).

Тѣ же самыя внѣшнія указанія на сеймовую санкцію имѣемъ и для двухъ дополненій Литовскаго кодекса, выданныхъ въ царствованіе Стефана Баторія, а именно для „Поправъ Статутовыхъ“ 1578 года и для „Трибунала“ 1581 года. И сеймъ 1578 года, и сеймъ 1581 года, оба внесли въ свои конституціи записи содержанія утверждаемыхъ ими законоположеній [3]). Другой изъ формальныхъ признаковъ сеймовой санкціи также имѣется налицо какъ въ „Поправахъ“, такъ и въ „Трибуналѣ“. Въ текстѣ ихъ обоихъ обозначено, что они утверждены „моцю того сейму“ [4]) или „мочью сего сойму“ [5]). Въ „Статутовыя Поправы“ 1578 года внесенъ и артикулъ „на соймѣ коронаціи короля Гендрика, потверженый конституціею сеймовою“. Онъ также утвержденъ „моцю теперешнего сейму, за дозволенемъ [6]) всихъ пановъ радъ нашыхъ и пословъ земскихъ Великого Князьства Литовского“ [7]). Такимъ образомъ, для законовъ Великаго Княжества Литовскаго, проходившихъ въ эпоху послѣ Уніи черезъ Польско-Литовскій сеймъ и получавшихъ его утвержденіе, мы имѣемъ совершенно опредѣленные формальные признаки, доказывающіе послѣдовавшую по отношенію къ нимъ сеймовую санкцію.

Имѣются ли налицо эти признаки для III-го Литовскаго Статута?

Относительно перваго, т. е. внесенія въ сеймовую конституцію, не можетъ быть никакихъ разногласій. Конституція коронаціоннаго

---

[1]) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. XXIII, стр. 13.

[2]) Ibidem, стр. 14.

[3]) Volumina Legum, tom. II (Petersburg, 1859), p.p. 186 (970), 210 (1020—1021).

[4]) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. XXIII, стр. 200 и 212.

[5]) „Трибуналъ обывателямъ Великого Князства Литовского на сойме Варшавскомъ даны року 1581“. Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. XXV, стр. 4.

[6]) Въ изданіи недосмотръ („дозволенямъ“).

[7]) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. XXIII, стр. 204.

сейма 1588 года издана въ Volumina Legum [1]). Въ ней нѣтъ ни слова о Литовскомъ Статутѣ, и это уже отмѣчено научнымъ изслѣдованіемъ [2]). Первый формальный признакъ сеймовой санкціи для III-го Литовскаго Статута, такимъ образомъ, отсутствуетъ. Обратимся къ поискамъ второго.

Имя Сигизмунда III-го и сеймъ его коронаціи въ текстѣ Статута не упоминаются ни разу. Они упомянуты только въ привилеяхъ Сигизмунда, какъ короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, напечатанныхъ въ томѣ Статута, передъ началомъ посвященія изданія его Львомъ Сапѣгою Сигизмунду, да въ текстѣ этого посвященія.

Въ посвященіи Сапѣги объ утвержденіи Статута говорится слѣдующее: „Ваша королевъская милость, нашъ милостивый панъ, имя свое вельце славное межы нами рачылесь учинити, же Статутъ новый, а на многихъ местьцахъ отъ людей мудрыхъ а въ правахъ беглыхъ, з народу нашого на то обраныхъ, поправленый, на томъ першомъ въступку панованья своего рачилесь намъ потвердити а, ижъ бы вжо вси суды въ томъ панъстве вашое королевъское милости, славномъ Великомъ Князьстве Литовъскомъ, такъ были отправованы, з ласки своее господаръское рачилесь намъ позволити—тогды я, именемъ всее речи посполитое [3]), вашой королевъской милости, своему милостивому пану, покоръне за такъ милостивую ласку дякую“ [4]).

Въ этихъ словахъ нѣтъ никакой обмолвки не только о „спольномъ“ Польско-Литовскомъ сеймѣ, но даже о соединеніи Великаго Княжества Литовскаго съ Польшею. Статутъ „поправленъ“ только людьми изъ „народа“ Княжества; онъ утвержденъ Сигизмундомъ Вазою, и за это утвержденіе Сапѣга благодаритъ короля, какъ великаго князя Литовскаго, именемъ Литовско-Русской „речи по-

[1]) Во второмъ томѣ. По Петроградскому изданію стр. 251 (1206) — 270 (1245).

[2]) С. Л. Пташицкій. Къ вопросу объ изданіяхъ и комментаріяхъ Литовскаго Статута (Спб. 1893), стр. 12. Ср. М. К. Любавскій, Журналъ Мин. Нар. Пр. 1902, IV, стр. 495.

[3]) Т. е. речи посполитой Великаго Княжества Литовскаго. Самъ Сапѣга въ томъ же посвященіи такъ опредѣляетъ это слово: „были тые часы, наяснейшый милостивый королю, коли въ томъ згромаженью а посполитованю людскомъ, которое мы речью посполитою называемъ...“ О значеніи выраженія „речь посполитая“ см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское во второй половинѣ XVI столѣтія, Литовско-Русскій повѣтъ и его сеймикъ (Юрьевъ, 1911), стр. 77, прим. 2.

[4]) Листъ 5 (безъ пагинаціи) об. въ старопечатныхъ Мамоничскихъ изданіяхъ Статута на русскомъ языкѣ. Ср. Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. XIX, стр. VI—VII.

сполитой". Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Унія съ Польшею нисколько не отразилась на текстѣ посвященія изданія Статута Сигизмунду, и онъ вполнѣ могъ бы быть помѣщенъ въ Литовско-Русскомъ кодексѣ, изданномъ до Люблинской Уніи 1569 года. На настоящихъ страницахъ для насъ наиболѣе важно отмѣтить, однако, лишь то, что разсматриваемое посвященіе ни слова не говоритъ о сеймовой санкціи для III-го Литовскаго Статута, приписывая его утвержденіе только одному Сигизмунду Вазѣ.

Перейдемъ къ господарскимъ привилеямъ, напечатаннымъ въ изданіи Статута передъ посвященіемъ Сапѣги. Первый изъ этихъ привилеевъ, изданный на латинскомъ языкѣ, даетъ Льву Сапѣгѣ разрѣшеніе на напечатаніе Статута, съ охраною его правъ исключительнаго издательства этого кодекса [1]). Въ немъ отъ имени Сигизмунда III-го говорится о представленіи статута новому королю и объ его имъ утвержденіи такъ: „cum in comitiis hisce faelicissimae coronationis nostrae, nomine ordinum Magni Ducatus Lithuaniae, fidelitatis prius et subiectionis iuramento nobis sancte praestito, supplicatum inter caetera esset, ut leges siue Statuta Magni Ducatus Lithuaniae, ex praedecessorum nostrorum, serenissimorum regum Poloniae mandato atque commissione quam plurimorum doctissimorum virorum iuris peritorum cura, studio, labore atque diligentia, ad unanimem consensum omnium statuum, ordinum tam spiritualium, quam secularium, principum, baronum atque nobilium Ducatus illius conscripta habentur, idiomate Polonico et Ruthenico imprimendum et excudendum curaremus, cum ex manu scriptis legibus iuris cognoscendi quaedam difficultas et perniciosa varietas saepe numero exoriretur. Cui quidem supplicationi nos eo libentius assensum praebuimus, quo legibus et imperia fundata Respub. societatemque humanam stabilitatam esse et privatorum opes contineri intelligamus". Такимъ образомъ, по словамъ этого привилея, Статутъ былъ представленъ для утвержденія Сигизмунду на сеймѣ его коронаціи именемъ становъ Великаго Княжества Литовскаго, въ числѣ другихъ ихъ просьбъ, послѣ принесенія ему присяги отъ имени Княжества. Объ утвержденіи Статута „спольнымъ" сеймомъ опять нѣтъ ни слова. Сеймъ коронаціи обозначаетъ въ привилеѣ лишь мѣсто и время представленія Статута, а не власть, давшую ему санкцію. Послѣдняя дана лично Сигизмундомъ при признаніи его Великимъ Княжествомъ Литовскимъ своимъ господаремъ, великимъ княземъ.

[1]) Листъ 2 (безъ пагинаціи) въ старопечатныхъ Мамоничскихъ изданіяхъ Статута на русскомъ языкѣ. Ср. Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. XIX, стр. I—II.

Обратимся теперь ко второму изъ напечатанныхъ при текстѣ Статута 1588 года привилеевъ Сигизмунда Вазы [1]). Этотъ привилей долженъ имѣть для насъ наибольшее значеніе, ибо именно онъ и является документальнымъ утвержденіемъ Статута. Въ немъ отъ имени Сигизмунда III говорится слѣдующее: „панове рады и врядники наши и послы Великого Князьства Литовъского, на сойме вальномъ щасливое коронацыи нашое будучи, именемъ всихъ становъ, обывателевъ Великого Князьства Литовъского, подали намъ ку потверъженью статутъ, то есть порядокъ отправованья судовъ, черезъ депутаты, отъ становъ [2]) Великого Князьства Литовского и на соймикохъ повѣтовыхъ на то обраныхъ и высажоныхъ поправленый, на сойме елекъцеи нашое подъ Варшевою прогледаный, просечы, абыхмо тотъ статутъ, отъ нихъ новопоправленый, при иньшихъ правахъ и вольностяхъ ихъ привильемъ нашимъ потвердили и всимъ станомъ Великого Князьства Литовъского выдати и ку ужыванью привести велели, указуючи намъ съ конъстытуцій и уѣалъ соймовыхъ, жесмы то учинити повиньни". Сигизмундъ III, сознавая свою „повинъность" обоимъ „паньствомъ", т. е. Коронѣ Польской и Великому Княжеству Литовскому, въ виду избранія его на престолъ соединеннаго государства [3]), „намовивъши се въ томъ съ паны радами" своими „и зо въсими станы обоего народу, на сойме вальномъ коронацыи" его „будучими, тотъ статутъ права Великого Князьства Литовъского новопоправленый симъ прывильемъ"

---

[1]) Оба привилея сохранились и въ длинномъ рядѣ списковъ, какъ въ Литовской Метрикѣ (въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи), такъ и въ рядѣ архивовъ и библіотекъ (Императорская Публичная Библіотека, Библіотека Главнаго Штаба и др.).

[2]) Въ старопечатномъ Мамоничскомъ изданіи, экземпляръ котораго принадлежитъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. Отд. II (№ 789) опечатка: „стану".

[3]) Мы, господаръ, знаючы быти повинъность нашу, ижъ есмо тымъ паньствомъ, на которыхъ насъ Панъ Богъ з ласки и воли Своее светое, за добровольнымъ обу-двухъ народовъ, Короны Польское и Великого Князьства Литовъского, обраньемъ, посадити рачилъ, повиньни права, вольности и свободы ихъ не толко цело и непорушно держъжати, але што бы наболей примножати, справедливость и оборону чынити, помнечы тежъ и на то, яко тые оба-два славные народы, Польскый и Литовскый, опустивъши много иньшихъ славъныхъ и зацныхъ пановъ, которые се о тые паньства з великими обетницами не одно примноженья правъ, свободъ и вольностей шляхетъскихъ, але розъширенья тыхъ паньствъ и прибавленья имъ многихъ пожитъковъ старали, до насъ хуть и волю свою склонивши, насъ, господара, за пана собе зверхнего на Корону Польскую и на Великое Князьство Литовъское взяти волели, чого мы вдячни отъ нихъ будучы и хотечы имъ завжды правъ, волностей и свободъ въшелякихъ прыкладомъ продъковъ нашихъ прибавляти и примножати, на сесь часъ съ повиньности нашое господаръское, намовивъши се въ томъ съ паны радами нашими" и т. д.

своимъ утверждаетъ [1]) „и всимъ станомъ Великого Князьства Литовъского ку уживанью на вси потомные часы“ выдаетъ [2]). „Водле которого“, продолжаетъ привилей отъ имени Сигизмунда III, „вже, якосмы сами, господаръ, такъ и вси иные станы, обыватели Великого Князьства Литовъского, заховати се маемъ, и подъ тою жъ присегою нашою, которую есмо на вси права и вольности Великого Князьства Литовъского учинили, шлюбуемъ и обецуемъ, и вжо во всихъ земляхъ и поветехъ, врядехъ и судехъ вшелякихъ, до Великого Князьства Литовъского належачихъ, вси справы судовые порядъкомъ, въ томъ статуте новопоправленымъ описанымъ, отправовати почати мають въ року пришломъ тисеча пятьсотъ осмьдесятъ девятомъ о Трехъ Кролехъ, святе Рымъскомъ, на рокохъ судовыхъ земъскихъ. Але напотомъ завжды, кгды одно того потребовати будетъ, вольность поправованья того статуту вцале имъ заховываемъ. А ижъ бы тымъ рыхълей всимъ ку ведомости и уживанью прыйти могъ, про то тотъ статутъ новопоправленый и [съ] прывильями земъскими писмомъ польскимъ и рускимъ друковати и въ поветы розослати велели есмо, яко жъ для лепшое певности и ствержденья того статуту сесь нашъ привилей, на сойме коронацыи нашое рукою нашою подъписавъши и печать нашу Великого Князьства Литовъского до него прывесити казавши, станомъ Великого Князьства Литовъского дали есмо. Ведьже тотъ статутъ новопоправленый звязъкомъ и списомъ Уніи ни въ чомъ противенъ быти и ничого шкодити и уближати не маетъ“. Далѣе слѣдуютъ дата (Краковъ, 28 января 1588 г.) и подпись Сигизмунда III-го („Сигисмунъдусъ рексъ“), за которою находятся подписи подканцлера Великаго Княжества Литовскаго Льва Сапѣги и писаря Габріеля Войны [3]).

Что же можно извлечь изъ этого привилея для опредѣленія способа утвержденія Статута? Во-первыхъ, онъ совершенно ясно обозначаетъ, кѣмъ былъ представленъ Статутъ на утвержденіе Сигизмунду Вазѣ. Это сдѣлали паны-рада, урядники и послы Великаго Княжества Литовскаго, „именемъ всихъ становъ, обывателевъ“ послѣдняго. Урядники не были составною частью Польско-Литовскаго сейма, знавшаго при королѣ Польскомъ, великомъ князѣ Литовскомъ, лишь пановъ-раду и земскихъ пословъ, какъ членовъ верхней и нижней его палатъ. Кромѣ того, Статутъ былъ представленъ Сигизмунду не отъ сеймующихъ, а отъ имени цѣ-

[1]) „Отверъжаемъ“.

[2]) „Выдаемъ“.

[3]) Въ старопечатныхъ Мамоничскихъ изданіяхъ Статута на русскомъ языкѣ этотъ привилей находится на л.л. 3—4 (безъ пагинаціи). Ср. Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс. XIX, стр. III—IV.

лаго Великаго Княжества Литовскаго, какъ Литовско-Русской „речи посполитой“ или Литовско-Русскаго „панства“. Иными словами, рѣчь въ привилеѣ идетъ о чрезвычайномъ посольствѣ отъ Великаго Княжества Литовскаго, высланномъ его станами въ Краковъ для представленія условій признанія Сигизмунда Вазы великимъ княземъ Литовскимъ и принесенія ему присяги отъ имени Княжества въ случаѣ принятія имъ этихъ условій. Послѣднихъ было нѣсколько (довольно много) [1]), и утвержденіе Статута являлось лишь однимъ изъ нихъ. Поэтому привилей и говоритъ, что Статутъ былъ представленъ Сигизмунду съ просьбою утвердить его господарскимъ привилеемъ „при иныихъ правахъ и вольностяхъ“ Великаго Княжества Литовскаго. При этомъ Литовско-Русское посольство представило Сигизмунду изъ „конъстытуцій и уѳалъ соймовыхъ“ доказательства того, что онъ долженъ дать свое утвержденіе Статуту. Все это стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ предположеніемъ объ утвержденіи III-го Литовскаго Статута коронаціоннымъ сеймомъ 1588 года. Этотъ сеймъ и въ привилеѣ, утверждающемъ Статутъ, упоминается лишь какъ обозначеніе мѣста и времени, а не какъ власть, дающая свою санкцію.

Но что же мы находимъ въ привилеѣ о дѣятельности сейма по отношенію къ Статуту? Во-первыхъ, онъ былъ „прогледанъ“ на елекціонномъ сеймѣ 1588 года, и, во-вторыхъ, Сигизмундъ Ваза прежде, чѣмъ дать свою санкцію Статуту, „намовлялся“ съ панами-радою и станами „обоего народа“ во время коронаціоннаго сейма. Но „прогледаный“ отнюдь не значитъ „уѳаленый“; а „намовившися“ далеко не совпадаетъ по своему значенію со словами „за зволеньемъ“ или „за уѳалою“ становъ сейма. „Намова“—совѣщаніе и ничего больше. Лица, съ которыми совѣщается господарь, фактически могутъ повліять на его рѣшеніе, но формально они не могутъ это рѣшеніе измѣнить. Примѣры „намовы“ короля, великаго князя мы имѣемъ въ его судебныхъ разбирательствахъ. Въ нихъ господарь въ однихъ случаяхъ постановляетъ свои рѣшенія, „намовивши се“ со своими панами-радами [2]), но дѣлаетъ это и

[1]) См. ниже, въ IV главѣ настоящей статьи.

[2]) Такъ, напримѣръ, рѣшеніе Сигизмунда III-го по дѣлу „воеводчанки Троцкое, княжны Барбары Збаражъское зъ инъстыкгаторомъ его кр. милости о Кобыльники“ въ Варшавѣ 24 октября 1592 года было записано такъ: „а такъ мы, господаръ, намовивши се въ той справе зъ ихъ милостью паны радами нашими, зрозумевъшы тую справу, листы, привилья, передъ нами, господаремъ, покладаные, свидечы, ижъ то идетъ о узнанье права слушного..., тую справу о державу Кобыльникъ зъ опекунами панъны воеводянки Троцкое на соймъ пришлый, который напервей, дасть Богъ, по дате сего декрету нашого припадетъ, отъкладаемъ“ (Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{63}$ л.л. 300—300 об.).

безъ всякой съ ними „намовы“ въ другихъ [1]). При совѣщаніи съ панами-радою въ судебныхъ дѣлахъ рѣшеніе ихъ и приговоръ по нимъ принадлежали власти господаря, и онъ дѣйствовалъ тутъ лично „звирхностью“ своего „маестата“. Никакой „згоды“ или „communis consensus“ при „намовахъ“ господаря съ его совѣтниками не требовалось: послѣдніе лишь высказывали свои мнѣнія, выслушавъ которыя, господарь постановлялъ свое рѣшеніе [2]). Иное дѣло рѣшеніе сеймовыхъ дѣлъ и сеймовыя постановленія. Для нихъ требовалось „зволенье“ становъ сейма, ихъ „згода“, „communis consensus“ [3]).

Если „намова“ о Статутѣ на коронаціонномъ сеймѣ 1588 года нисколько не говоритъ о „зволеньѣ“ становъ сейма на его утвержденіе, то и „прогледанье“, т. е. простой просмотръ того же кодекса на сеймѣ елекціи Сигизмунда и Максимиліана ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признаннымъ въ значеніи сеймоваго согласія на признаніе Статута 1588 года дѣйствующимъ правомъ Великаго Княжества Литовскаго, соединеннаго съ Польшею Уніею.

Итакъ, ни „намова“, ни „прогледанье“, упоминаемыя привилеемъ Сигизмунда Вазы, утверждающимъ III-й Литовскій Статутъ, отнюдь не доказываютъ послѣдовавшей на него санкціи

---

[1]) Такъ, приговоръ по дѣлу Андрея Сулистровскаго съ Геліяшемъ Корсакомъ, разсмотрѣнному Стефаномъ Баторіемъ вмѣстѣ съ панами-радою въ Городнѣ 9 мая 1584 года, изложенъ безъ всякаго упоминанія о „намовѣ“ съ ними: „мы, доводовъ правныхъ зъ стороны Анъдрея Сулистровского, передъ нами у суду покладаныхъ, достаточней выслухавъшы и бачечы то, ижъ Сулистровскій, на то на все, яко се вышей поменило, доводъ слушный маючы, правне а врадовне того довелъ, про то мы, господаръ, за таковымъ спротивеньемъ и непослушенствомъ того Геліяша Корсака съ панствъ нашыхъ, Великого Князьства Литовского и з земль, къ нему належачыхъ, выволати его росказали...“ (Лит. Метр. $\frac{\text{II A}}{61}$ л. 215).

[2]) Такой же порядокъ имѣлъ мѣсто и въ обычныхъ совѣщаніяхъ короля, великаго князя съ находившимися при немъ въ то или другое время радными панами, какъ входившими въ „прибочную раду“ въ данное время, такъ и вообще случавшимися при господарѣ. Ср. Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главнымъ образомъ къ заключенію Запольскаго мира (издалъ по порученію Имп. Академіи Наукъ М. Коялович ъ). стр. 122—127.

[3]) Quoniam jura communia et constitutiones publicae non unum, sed communem populum afficiunt, itaque in hac Radomiensi Conventione cum universis Regni nostri Praelatis, Consiliariis, Baronibus et Nuntiis Terrarum, aequum et rationabile censuimus ac etiam statuimus, ut deinceps futuris temporibus perpetuis nihil novi constitui debeat per Nos et successores nostros sine communi Consiliariorum et Nuntiorum Terrestrium consensu...“ (постановленіе Радомскаго сейма 1505 года). Volumina Legum, I (Petersburg, 1859), p. 137 (299).

„спольнаго“ Польско-Литовскаго сейма. Наоборотъ, замѣна этими словами словъ объ утвержденіи Статута „моцю“ или „мочью“ сейма показываетъ, что при составленіи привилея искали выраженій, могущихъ ослабить впечатлѣніе отъ необычнаго и нарушающаго постановленія Люблинскаго сейма и актъ Уніи 1569 года способа утвержденія Литовскаго Статута, стараясь перекинуть къ нимъ хотя какой-либо мостикъ [1]). Характернымъ должно быть признано и то, что привилей подчеркиваетъ сохраненіе значенія Люблинской Уніи послѣ утвержденія Статута 1588 года: онъ „звязькомъ и списомъ Уніи ни въ чомъ противенъ быти и ничого шкодити и уближати не маетъ“. Подобной оговорки нѣтъ ни въ „Поправахъ Статутовыхъ“ 1578 года, ни въ „Трибуналѣ“ 1581 года, но она вполнѣ умѣстна въ привилеѣ, утверждающемъ Статутъ 1588 года, ибо этотъ кодексъ дѣйствительно противорѣчилъ постановленіямъ Люблинскаго сейма и Уніи 1569 года, какъ увидимъ ниже [2]). Сигизмунду III-му, бывшему не только великимъ княземъ Литовскимъ, но и королемъ Польскимъ, необходимо было при утвержденіи Статута оговорить, въ интересахъ Польши, сохраненіе въ силѣ „списовъ“ Уніи и тѣмъ спасти для нея то, что можно было спасти изъ пріобрѣтеннаго ею отъ Великаго Княжества Литовскаго въ 1569 году, а главнымъ образомъ Литовско-Русскія земли [3]), оторванныя тогда Польшею отъ Княжества, требованіе возвращенія которыхъ было внесено въ Литовскій Статутъ 1588 года.

III.

Могло ли утвержденіе III-го Литовскаго Статута, какъ дѣйствующаго законодательнаго сборника Великаго Княжества Литовскаго, получить согласіе Польской части „спольнаго“ Польско-

[1]) Къ этому нужно прибавить, что упоминаніе сейма въ значеніи мѣста и времени, т. е. датировки документа, отмѣченное уже нами выше, было обычнымъ въ привилеяхъ и актахъ, выдаваемыхъ во время сеймовъ. Такъ, привилей „Степану Пацкевичу на мостовъничество по дорозе, з Менска до Кіева идучой“, былъ выданъ Стефаномъ Баторіемъ 4 декабря 1576 года „у Торуни, на великомъ вальномъ сойме“ (Лит. Метр. $\frac{\text{ГА}}{58}$ л.л. 128 об. — 124 об.). „Позволенье мещанину Виленскому Богъдану Мамоничу на купенье именья Болоши, въ повете Ошъменскомъ лежачого“, было выдано Сигизмундомъ III-мъ въ Варшавѣ, на вальномъ сеймѣ, 5 апрѣля 1590 года (Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{77}$ л.л. 86 об.—87 об.). „Привилей, бояромъ панцернымъ и путнымъ Полоцкимъ на волности певные ихъ належачый“ былъ выданъ тѣмъ же Сигизмундомъ III-мъ 15 іюня 1593 года въ Варшавѣ, на сеймѣ вальномъ (ibidem, л.л. 472 об.—477) и т. д.

[2]) См. III-ю главу.

[3]) Волынь, Подолье, Кіевщина и Подляшье.

Литовскаго сейма? На этотъ вопросъ не можетъ быть другого отвѣта, кромѣ отрицательнаго.

Люблинскій сеймъ въ 1569 году далъ совершенно опредѣленныя указанія для направленія, въ которомъ должна была совершиться переработка Литовскаго Статута 1566 года, въ виду измѣненія Уніею политическаго положенія Великаго Княжества Литовскаго, послѣ побѣды Польши въ спорахъ съ Литовско-Русскимъ государствомъ на этомъ сеймѣ. Во-первыхъ: Польская Корона и Великое Княжество Литовское отнынѣ должны составлять единое нераздѣльное тѣло и единое общее государство, которое образуется сліяніемъ обоихъ государствъ и ихъ народовъ [1]). Во-вторыхъ: всѣ постановленія, ограничивающія въ Княжествѣ права Поляковъ по землевладѣнію, пріобрѣтенныя ими всѣми способами, должны быть уничтожены [2]). Въ-третьихъ: земли, оторванныя въ 1569 году отъ Великаго Княжества Литовскаго (Подляшье, Кіевщина, Волынь и Подолье), должны на вѣчныя времена оставаться за Польшею [3]). Въ-четвертыхъ: сеймы Княжества и Короны сливаются въ одинъ общій сеймъ, который долженъ имѣть одинаковое значеніе для обоихъ соединяющихся государствъ [4]); иными словами—ихъ законодательство должно впредь объединиться.

Сообразно со всѣмъ этимъ на Люблинскомъ сеймѣ была учреждена коммиссія для исправленія Литовскаго Статута, и ей было предписано согласовать послѣдній со „Статутомъ Польскимъ“,

---

[1]) „Iż iuż Korona Polska, y Wielkie Xięstwo Litewskie, iest iedno nierozdzielne y nierożne ciało, a także nie rożna, ale iedna spolna Rzeczpospolita: ktora się ze dwu Państw y narodow, w ieden lud zniosła y spoiła“. Volumina Legum. Tom II (Petersburg, 1859), p. 89 (770).

[2]) „Statuta y ustawy wszytkie iakiekolwiek, y z ktoreykolwiek przyczyny, przeciw narodowi Polskiemu w Litwie ustawione y [u]chwalone, około nabywania y dzierżenia imienia w Litwie Polakowi, iakokolwiekby go kto dostał, y dostawał, chocia po żenie, abo z wysługi, abo za kupnem, darownym obyczaiem, zamianą, y ktorymkolwiek nabyciem, wedla zwyczaiu y prawa pospolitego: te wszytkie statuta aby żadney mocy nie miały, iako prawu, sprawiedliwości, y też spolney braterskiey miłości, y Uniey a ziednoczeniu spolnemu przeciwne: ale aby wolno zawżdy było, tak Polakowi w Litwie, iako Litwinowi w Polszcze, każdym słusznym obyczaiem dostawać imienia y dzierżeć ie wedle prawa, w ktorym leży ono imienie“. Ibidem, p. 90—91 (772).

[3]) „...co wszystko nigdy nieodmiennie a nieporuszenie tak trwać, y bydź czasy wiecznemi, tą uchwałą Seymową nayduiemy“. Ibidem, p. 92 (776).

[4]) „Seymow innych żadnych osobnych Stanom Koronnym y Litewskim, od tego czasu Krol J. M. składać nie będzie, iedno zawżdy spolne Seymu temu oboiemu narodowi, iako ciału iednemu, w Polszcze składać będzie, gdzie się Jego K. M. y Radom Koronnym y Litewskim nasłuszniey zdać będzie“. Ibidem, p. 91 (773).

чтобы во всѣхъ государствахъ Сигизмунда Августа, какъ въ единомъ отнынѣ государствѣ, дѣйствовало одно и то же право [1]).

Посмотримъ теперь, какъ отразились всѣ эти постановленія, сдѣланныя на Люблинскомъ сеймѣ, въ Литовскомъ Статутѣ, утвержденномъ въ 1588 году.

Прежде всего, раскрывая III-й Литовскій Статутъ, нужно ожидать въ немъ соотвѣтствующаго введенія, говорящаго о новомъ положеніи Великаго Княжества Литовскаго послѣ Уніи, или даже самаго акта ея, съ котораго, естественно, долженъ начинаться кодексъ, имѣющій своею задачею, такъ сказать, реализовать въ области права Княжества Люблинскую Унію [2]). Однако въ Статутѣ 1588 года нѣтъ и намека на что-либо подобное. Мало того, Люблинская Унія ни разу не упомянута на всемъ протяженіи текста Статута. Значеніе Великаго Княжества Литовскаго, какъ самостоятельнаго отдѣльнаго „панства", выступаетъ въ немъ съ такою же ясностью и опредѣленностью, какъ и въ томъ самомъ Статутѣ 1566 года, который вызвалъ такое отрицательное отношеніе къ себѣ Польской части Люблинскаго сейма [3]) и который этотъ сеймъ предписалъ исправить согласно новымъ отношеніямъ Короны и Княжества, установленнымъ Уніею 1569 года. А между тѣмъ нѣкоторые раздѣлы Статута, особенно раздѣлы, говорящіе о государственномъ устройствѣ Великаго Княжества Литовскаго [4]), безусловно должны бы не только упомянуть объ Уніи, но даже выдвинуть ее на первый планъ, если бы составители этого кодекса сколько-нибудь хотѣли считаться съ постановленіями Люблинскаго сейма.

Особенно отчетливо выражено самостоятельное значеніе осо-

---

[1]) „Przy ktorey poprawie ci to Deputaci statut Polski maią przed się wziąć, a co nayblizey z nim prawa Litewskie zgadzać, aby iuż we wszystkich Państwach naszych, iako w iedney Rzpltey, iednaka a nieodwłoczna sprawiedliwość ludziom iść mogła, a tę poprawę oni do Nas na Seym Walny blisko przyszły będą winni odnieść". Ibidem, p. 101 (794).

[2]) Статутъ 1566 года послѣ заголовка имѣетъ вводную часть (стр. 14 въ изданіи въ XXIII-ей книгѣ Временника Имп. Моск. Общества Исторіи и Др. Росс.), въ которой говорится о происхожденіи этого кодекса. Тѣмъ необходимѣе такая вводная часть была бы въ III-емъ Статутѣ, если бы составители его искренне признавали всѣ постановленія, сдѣланныя на Люблинскомъ сеймѣ Уніи въ 1569 году.

[3]) Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года. Соединеніе Великаго Княжества Литовскаго съ Королевствомъ Польскимъ. СПБ. 1869. Стр. 21 и слѣд.

[4]) Въ первую очередь въ данномъ случаѣ должны быть названы I-й и III-й раздѣлы Статута („О персоне нашой господарьской" и „О волностяхъ шляхетъскихъ и о розмноженью Великого Князства Литовского"), въ которыхъ идетъ рѣчь о великомъ князѣ Литовскомъ, сеймахъ и т. д.

баго государства Великаго Княжества Литовскаго въ 1-мъ, 4-мъ и 5-мъ артикулахъ третьяго раздѣла Статута Великаго Княжества Литовскаго. Въ первомъ изъ этихъ артикуловъ [1]) читаемъ: „Мы, господаръ, обецуемъ тежъ и шлюбуемъ то за себе и за потомъки наши, великіе князи Литовскіе, подъ тою жъ присегою нашою, которую есмо учинили всимъ обывателемъ всихъ земль Великого Князьства Литовъского, ижъ тое то славное панство Великое Князство и вси земли, ку нему здавна и теперъ належачіе, въ славе, тытулехъ, столицы, зацности, владзы, можности, росказыванью и въ иншихъ всякихъ належностяхъ и прислухиванью, и тежъ въ границахъ, ни въ чомъ уменьшивати и умовати або понижати не маемъ и овшемъ ещо всего того примножати хочемъ и будемъ, и, хотя бы Панъ Богъ з ласки Своее светое намъ, господару, узычити рачилъ паньства иного або и королевъства, тогды предъ се сего панства нашого, Великого Князства Литовъского, князей, пановъ-радъ духовныхъ и светъскихъ и всихъ врядниковъ земъскихъ и дворъныхъ, шляхту и рицерства, и всихъ иныхъ становъ ни въ чомъ не понижати, але отъ всякое легкости и пониженья стеречы и боронити будемъ, съ помочью Божою стараючи се о примноженье и вывышенье того паньства и всихъ достойностей, оздобъ и пожитъковъ, з наболшою пилностью и усилованьемъ нашимъ". Артикулъ 4 того же раздѣла [2]) къ этому прибавляетъ: „Тежъ добра [3]) паньства того Великого Князства Литовъского не уменъшимъ и то, што будетъ черезъ непріятелей того паньства отдалено, розобрано и ку инъшому панству отъ того панства нашего коли-кольвекъ упрошоно, то засе ку власности того Великого Князства привести, привлащити и границы направити обецуемъ; а хотя быхмо тежъ кому заграничникомъ пры границахъ тыхъ верхумененыхъ земли, именья, села и люди дали, тогды таковые маютъ съ того служити Великому Князству Литовскому; а хто бы не хотелъ служити, таковыхъ привил[ъ]евъ не маемъ мы и потомки наши держъжати". Наконецъ, 5-й артикулъ III-го раздѣла [4]) гласитъ: „Уставуемъ и вечными часы то ховати и держати обецуемъ, ижъ, яко продки наши, великіе князи Литовскіе, такъ и мы не звыкли [н]икому никоторымъ способомъ бояръ-шляхты и ихъ именей, кгрунтовъ и земль давати, такъ и теперъ на вси

[1]) „О розмноженью Великого Князства Литовъского".

[2]) „Мы, господаръ, обецуемъ розмнажати Великое Князство Литовъское и, што бы розобрано и отышло, засъ ку нему приверънути".

[3]) Т. е. имѣнія, земли (соотвѣтствуетъ латинскому слову „bona").

[4]) „О неданье шляхты и ихъ именей, людей, кгрунътовъ и всякихъ волностей и тежъ наданья листовъ и привильевъ противъ сему Статуту".

потомные часы обецуемъ и прирекаемъ подъ тою жъ присегою нашою, которую есмо учинили всимъ обыватѣлемъ сего паньства нашего Великого Князства Литовского, бояръ-шляхъты и ихъ именей, кгрунтовъ и всякое маетности и иныхъ свободъ и волъностей и правъ въ нихъ отбирати и отводити ни якимъ особамъ которымъ-кольве, въ томъ панстве обыватѣлемъ, яко и загранич-никомъ, и постороннымъ, и жадному иному давати и записывати, и никоторымъ способомъ отдаляти не маемъ; а где бы што одер-жано и вышло и якимъ же колвекъ обычаемъ противъ сему ста-туту, то съ права и з суду справедливого черезъ насъ и потомки нашы, за радою радъ нашихъ Великого Князства, на сторону отложоно и въ нивошто обернено быти маеть; а про то привил[ь]евъ, такъ въ посполитости, яко и кождому зособна, не маемъ ани бу-демъ мочи давати противъ сего статуту и артыкуловъ, въ немъ описаныхъ; а которые бы передъ тымъ вышли и по томъ съ канц-ляріи нашое по выдан[ь]ю сего статуту отъ насъ черезъ кого-коль-векъ одержаны и были, таковыхъ мы и потомки нашы держати не хочемъ, але съ права и з суду касовати и въ нивошто оборочати будемъ; ведже кому быхмо дали и з ласки нашое давати хотели, родичомъ Великого Князства имен[ь]я наши спадковые, и въ нихъ бояре, хотя бы и шляхта была [1]), а именейца свои здавна и ново тежъ, черезъ данину оныхъ пановъ, по комъ на насъ, господара, тые спадки пришли, мели и имъ служили, а листы и потверженымъ нашимъ не вызволени, въ томъ моцы рукъ и щодробливости нашое и потомковъ нашихъ не замыкаемъ, ведъже въ моцы своей маючи".

Въ приведенныхъ сейчасъ артикулахъ Статута 1588 года имѣемъ: 1) сохраненіе полной отдѣльности отъ Польши Великаго Княжества Литовскаго, его стараго (до Уніи) государственнаго значенія и неприкосновенности и цѣлости его территоріи, съ обя-зательствомъ для господаря вернуть въ составъ ея то, что изъ нея „розобрано" и „упрошоно" другими государствами; 2) особую при-сягу господаря Великому Княжеству Литовскому, уничтоженную въ 1569 году на Люблинскомъ сеймѣ, установившемъ единую общую присягу королей для Короны и Княжества, какъ одного государ-ства [2]); 3) независимую и отдѣльную отъ Коронной рады дѣятель-

[1]) О „спадковой" шляхтѣ см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Ли-товское во второй половинѣ XVI столѣтія, Литовско-Русскій повѣтъ и его сеймикъ (Юрьевъ, 1911), стр. 249 и слѣд.

[2]) „A przy koronacyi nowego Krola maią bydź przez Krola koronowanego poprzysiężone y zaraz konfirmowane na iednym liście y iednymi słowy, na wieczne czasy, prawa, przywileie y wolności poddanych wszystkich, oboyga na-

ность рады Княжества; 4) признаніе права на пожалованіе „спадковыхъ“ земель исключительно за „родичами“ Великаго Княжества Литовскаго, иными словами съ лишеніемъ его Поляковъ. Эти артикулы Статута 1588 года перенесены въ него изъ Статута 1566 года [1]). Въ приведенномъ выше текстѣ артикула III-го Статута, требующемъ возвращенія Княжеству выпрошенныхъ изъ состава его территоріи земель, имѣемъ любопытный пропускъ перечня тѣхъ „панствъ“, къ которымъ „упрошоно“ отъ него, а именно: Короны, Мазовіи, Пруссіи и Лифлянтъ. Не мѣняя сути дѣла, т. е. обязательства для господаря вернуть Княжеству все, что отъ него было отобрано въ другія государства, данный текстъ Статута 1588 года внушаетъ мысль о желаніи стремившихся сначала, какъ увидимъ ниже, Литовско-Русскихъ становъ провести его черезъ „спольный“ съ Поляками сеймъ, закрыть отъ глазъ своей Коронной „братіи“ кое-что изъ рѣзко противорѣчащаго Люблинской Уніи, не дѣлая, однако, имъ никакихъ уступокъ по существу: то, исправленія и даже уничтоженія чего въ Литовскомъ Статутѣ 1566 года потребовалъ Люблинскій сеймъ, было налицо и въ III-мъ Статутѣ.

Обращаясь отъ приведенныхъ нами артикуловъ Статута 1588 года къ другимъ частямъ его текста, найдемъ длинный рядъ прямыхъ нарушеній требованій Люблинскаго сейма, подлежавшихъ исполненію при постановленномъ имъ согласованіи съ Уніею кодекса Великаго Княжества Литовскаго. Сейма Статутъ ни разу не называетъ „Короннымъ“, а между тѣмъ Люблинскій сеймъ только таковой и признаетъ [2]). Статутъ 1588 года по примѣру II-го Статута называетъ его просто „великимъ“ и „вальнымъ“ [3]). Поляки разсматриваются какъ „заграничники“ [4]), а не какъ одинъ и тотъ же „народъ“, съ которымъ сливались бы „родичи“ Великаго Княжества Литовскаго. Права этихъ „заграничниковъ“ по землевладѣнію ограничиваются въ Статутѣ 1588 года не только отмѣчен-

---

rodow y Państw tak złączonych“. Volumina Legum, II (Petersburg, 1859), p. 90 (771). О нарушеніи этого постановленія Люблинской Уніи уже при возведеніи на престолъ Стефана Баторія см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 146—147.

[1]) II Статутъ, III—1, 3 и 4.

[2]) „Seymy y Rady ten oboy narod ma zawżdy mieć spolne Koronne, pod Krolem Polskim Panem swym, y zasiadać tak Panowie między Pany osobami swemi, iako Posłowie między Posły, y radzić o spolnych potrzebach, tak na Seymie, iako y bez Seymu, w Polszcze y w Litwie“. Volumina Legum, II (Petersburg, 1859), p. 90 (771).

[3]) Напр., разд. III, арт. 6, 7, 8, 9, 15.

[4]) Напр., разд. III, арт. 4, 5, 12.

нымъ нами выше устраненіемъ ихъ отъ пріобрѣтенія имѣній путемъ пожалованія отъ великаго князя Литовскаго. Землевладѣніе въ повѣтахъ Княжества открывало его шляхтѣ доступъ къ Литовско-Русскимъ повѣтовымъ урядамъ. Однако Статутъ 1588 года признаетъ право занимать повѣтовые уряды исключительно за „родичами“ Княжества. Хоружими можетъ по III-му Статуту назначать господарь „только людій зацныхъ, годныхъ, ростропныхъ, родичовъ властныхъ того панства и оселыхъ въ повете томъ“ [1]); членами земскихъ судовъ повѣтовая шляхта можетъ избирать только „людей добрыхъ, побожныхъ, цнотливыхъ, годныхъ, въ праве умеетныхъ, писати умеючыхъ, родичовъ того паньства Великого Князства и въ томъ повете не ново, не змышлене оселыхъ“ [2]); подстаростами, замковыми судьями и писарями воеводы и старосты Княжества могутъ назначать только „людей добрихъ, цнотливыхъ, годныхъ, въ праве и писма руского умеетныхъ, шляхтичовъ, въ томъ же повѣтѣ оселыхъ и родичовъ того панства Великого Князства Литовъского“ [3]). Уряды и земли вообще господаремъ могутъ раздаваться въ Княжествѣ только „родичамъ“ послѣдняго: „такъ же мы, господаръ, обецуемъ и шлюбуемъ подъ присегою нашою, которую учинили есмо Великому Князству Литовъскому и всимъ станомъ, обывателемъ его, беручи то изъ статуту старого короля его милости Жикгимонта Першого, тому паньству Великому Князству Литовъскому даного, а въ сесь укладаючы, и на то позволяючы, што жъ въ томъ паньстве Великомъ Князстве Литовскомъ и во всихъ земляхъ, ему прислухаючихъ, достойностей духовныхъ и светъскихъ, городовъ, дворовъ, кгрунътовъ, староствъ, державъ, врядовъ земъскихъ и дворныхъ, посесый, або въ деръжанье и поживан[ь]е, и вечностей жадныхъ чужоземцомъ и заграничникомъ, ани суседомъ того паньства давати не маемъ, але то все мы и потомъки наши, великіе князи Литовскіе, давати будемъ повинни только Литве, Руси, Жомойти, родичомъ старожитнымъ и уроженцомъ Великого Князства Литовъского и иныхъ земль, тому Великому Князству належачихъ; а хто бы зъ чужоземцовъ, заграничниковъ и суседовъ того паньства и всихъ земль, ему прислухаючихъ, важилъ се што съ того упросити, взяти и въ деръжанье прійти, а, упомененый будучи, того заразомъ не пустилъ, тогды маетность его вся маеть быти взята до столу и скарбу нашого Великого Князства Литовъского; ведьже и тубыльцомъ, хотя и родичомъ Великого Князства Литовского,

[1]) III Ст., II, 5.
[2]) III Ст., IV, 1.
[3]) III Ст., IV, 37.

достоенъства и вряды всякіе маютъ быти даваны добре значнымъ и правдиве, незмышлене въ томъ воеводъстве або повете оселымъ; а хотя бы хто обчого народу за свои заслуги въ той речи посполитой пришолъ ку оселости з ласки данины нашое, або которимъ инымъ правомъ, тогды и таковый только оселости оное уживати маетъ, учинивши первей присегу по взятью оное оселости на першыхъ рочкохъ кгродскихъ оного повету, передъ врядниками земъскими або кгродскими того жъ повету, которіе на онъ часъ тамъ прибыти могуть, ижъ маетъ быти вернымъ и зычливымъ тому паньству Великому Князству Литовъскому такъ, яко и тубылцы, и служечи службу земъскую тому жъ паньству, але и таковые на достоенъства и всякіе вряды духовные и светъскіе, не маютъ быти припущани ани отъ насъ, господара, установлены, чого печатары и писары наши съ повинъности своее постерегати винъни будуть“ [1]).

Сравнивая эти постановленія Статута 1588 года съ соотвѣтствующими постановленіями II-го Статута, получаемъ совершенно ясное указаніе на то, въ какомъ направленіи исправлявшіе Статутъ вносили въ него дополненія. Это отнюдь не было направленіе, указанное Люблинскимъ сеймомъ; наоборотъ, оно было враждебно постановленіямъ послѣдняго. Въ самомъ дѣлѣ, требованіе принадлежности къ „родичамъ“ Великаго Княжества Литовскаго не выражено въ соотвѣтствующихъ артикулахъ II-го Статута о хоружихъ, членахъ земскаго суда и членахъ суда замковаго [2]) такъ опредѣленно, какъ оно изложено въ Статутѣ 1588 года. Что же касается послѣдняго изъ приведенныхъ нами только что выше артикуловъ III-го Статута [3]), то онъ не только дополненъ постановленіями, обезпечивающими интересы „панства“ Княжества и его „народа“, но выбрасываетъ ссылку на „статутъ судейскій Польскій“, которая находится въ соотвѣтствующемъ артикулѣ II-го Статута [4]). Статутъ 1588 года вообще ни разу не говоритъ о томъ, чтобы составлявшіе его производили сравненіе артикуловъ II-го Статута со „Статутомъ Польскимъ“, предписанное Люблинскимъ сеймомъ. Наоборотъ они, оказывается, выбрасывали даже изъ самого исправляемаго ими Статута 1566 года имѣвшіяся въ немъ ссылки на „статутъ судейскій Польскій“ [5]).

[1]) III Ст., III, 12.

[2]) II Ст., II, 5. II Ст., IV, 1. II Ст., IV, 21.

[3]) III Ст., III, 12.

[4]) II Ст., III, 9.

[5]) „А гды бы одержалъ обчого народу человѣкъ которій кольвекъ врядъ духовный и свѣцкій противъ сему статуту, напомненый, того пустити не хотѣлъ, тогды таковый маетность свою на насъ, великого князя Литовского, тратитъ, кгды жъ около того и въ статутѣ судейскомъ Польскомъ есть описано“.

Подводя итогъ подъ тѣмъ, что дало намъ сравненіе даже небольшой части артикуловъ III-го Статута съ постановленіями Люблинскаго сейма и соотвѣтствующими артикулами Статута 1566 года, мы должны неизбѣжно придти къ выводу, что при составленіи Статута 1588 года Великое Княжество Литовское не считалось съ Люблинскимъ сеймомъ и документами, сопровождавшими заключеніе Уніи 1569 года. Но если это было такъ, то едва ли можно сомнѣваться въ невозможности для Польской части „спольнаго“ сейма дать свое согласіе на утвержденіе кодекса Великаго Княжества Литовскаго съ подобнымъ содержаніемъ. Дать это согласіе значило для Польши—формально, путемъ сеймоваго законодательства, отказаться отъ постановленій 1569 года, сдѣланныхъ на Люблинскомъ сеймѣ. Этого едва ли возможно даже ожидать, тѣмъ болѣе требовать.

IV.

Мы видѣли выше, 1) что текстъ документовъ, въ сопровожденіи которыхъ былъ опубликованъ III-ій Литовскій Статутъ, и конституція сейма коронаціи Сигизмунда Вазы не даютъ никакихъ основаній для того, чтобы можно было признать этотъ кодексъ получившимъ санкцію Польско-Литовскаго сейма, и 2) что текстъ самого Статута не допускаетъ мысли о возможности этой санкціи. Постараемся теперь отвѣтить на вопросъ: какъ же въ дѣйствительности произошло утвержденіе Литовскаго Статута 1588 года?

Статутъ 1566 года, котораго исправленіемъ и дополненіемъ является Статутъ 1588 года, былъ утвержденъ „недоправеный до конца“ [1]). Утвержденіе его совершилось спѣшно: съ одной стороны Великое Княжество Литовское находилось тогда въ тяжелой войнѣ съ Москвою [2]), съ другой—надо было спѣшить съ утвержденіемъ Статута, въ виду подготовки заключенія Уніи Княжества съ Польшею. Къ выработкѣ условій этой Уніи Литовско-Русское государство должно было приступить въ новой организаціи, созданной реформами 1565—1566 годовъ [3]) и закрѣпленной кодексомъ, который охранялъ права Княжества и его становъ въ пред-

[1]) Русск. Ист. Библіотека XXX, ст. 366.

[2]) О напряженіи силъ Великаго Княжества Литовскаго въ этой войнѣ см. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ (М. 1900), глава VI §§ 5—10.

[3]) Объ этихъ реформахъ см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское во второй половинѣ XVI столѣтія, Литовско-Русскій повѣтъ и его сеймикъ, стр. 54—58 и passim.

стоящемъ соединеніи съ Короною Польскою [1]) и въ то же время организовывалъ Литовско-Русскій сеймъ такъ, что онъ получалъ возможность вполнѣ соединяться съ сеймомъ Короннымъ для обсужденія общихъ дѣлъ обоихъ государствъ [2]). Спѣшность утвержденія не вполнѣ еще готоваго кодекса повлекла за собою дополненія его уже на томъ самомъ Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ, на которомъ онъ былъ утвержденъ [3]). Слѣдующій за этимъ сеймомъ сеймъ Княжества, а именно Берестейскій, былъ созванъ въ 1566 году какъ для другихъ дѣлъ, такъ и для „поправы Статуту“ [4]), а на Городенскомъ сеймѣ 1568 года была уже образована особая коммиссія для исправленія Статута. Отъ пановъ-рады въ ея составъ вошли Виленскій бискупъ Валеріянъ, Берестейскій воевода Юрій Васильевичъ Тишковичъ, Жомоитскій каштелянъ Мальхеръ Шеметъ и Берестейскій каштелянъ Янъ Миколаевичъ Гайко, „а съ кола або зъ становъ шляхетскихъ и поселскихъ тежъ обрали на то певныхъ особъ“ [5]). Работа этой коммиссіи должна быть начаться въ Вильнѣ черезъ четыре недѣли послѣ „выволанья“ Городенскаго сейма 1568 года. Тогда же былъ указанъ и способъ составленія артикуловъ „поправы“. По постановленію Городенскаго сейма 1568 года ихъ должна изготовлять означенная выше коммиссія, „а где бы тежъ шляхта якіе готовые артыкулы статутовые водле уѳалъ першихъ соймовыхъ въ себе мели, тогды маютъ то зносити до тыхъ же особъ, на то высажоныхъ и обраныхъ“ [6]). Приготовленные артикулы Статута затѣмъ должны быть представлены на съѣздъ, „который всимъ станомъ“ Великаго Княжества Литовскаго будетъ назначенъ Сигизмундомъ Августомъ передъ „спольнымъ“ съ Поляками сеймомъ „при границахъ“, для заключенія Уніи. „Моцъю“ того же Городенскаго сейма „и такъ, яко бы то тутъ теперъ на немъ вчинено быти мело, зо всими станы уѳаливши, въ Статутъ вписати кажемъ и то имъ утвердимъ по звыклому обычаю“—прибавляетъ рецессъ Городенскаго сейма 1568 года отъ имени великаго князя Сигизмунда Августа [7]).

---

[1]) Не даромъ Литовско-Русскіе станы добивались, чтобы въ Статутъ были вписаны и земскіе привилеи. Русск. Ист. Библ. XXX, ст. 366.

[2]) И. И. Лаппо, Разборъ изслѣдованія М. К. Любавскаго „Литовско-Русскій сеймъ“ (Отчетъ о девятомъ присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова), стр. 73.

[3]) Русск. Ист. Библ. XXX, ст. 368.

[4]) Ibidem, ст. 839.

[5]) Ibidem, ст. 467.

[6]) Ibidem.

[7]) Ibidem, ст. 467—468.

Такимъ образомъ, еще наканунѣ заключенія Люблинской Уніи „поправа“ Статута была признана дѣломъ одного Великаго Княжества Литовскаго, былъ установленъ способъ ея выработки и, что особенно для насъ важно въ настоящемъ изложеніи, былъ уже опредѣленъ и способъ ея утвержденія: на Литовско-Русскомъ съѣздѣ, „моцъю“ Городенскаго сейма 1568 года.

Въ дѣйствительности „поправа“ Статута уже совершалась на Литовско-Русскихъ сеймахъ, послѣ Виленскаго сейма 1565—1566 годовъ, вплоть до заключенія Уніи 1569 года. „Универсалы“ этихъ сеймовъ создавали новыя узаконенія Княжества, становившіяся его дѣйствующимъ правомъ, при чемъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ даже прямо постановлялось при ихъ утвержденіи, что они должны быть внесены въ Статутъ [1]). Исправленіе и дополненіе Статута 1566 года фактически уже дало законодательный матеріалъ, ожидавшій кодификаціи, до Уніи 1569 года. Совершить эту кодификацію и исправить II-й Статутъ оказалось, однако, невозможнымъ такъ скоро, какъ предполагалъ Городенскій сеймъ 1568 года. Къ Люблинскому сейму 1568—1569 годовъ „поправа“ готова не была [2]), а Люблинская Унія выдвинула и новую задачу при исправленіи Литовскаго Статута: возможное сліяніе законодательствъ Польской Короны и Великаго Княжества Литовскаго, въ виду заключенія этими государствами Уніи. Въ 1569 году указанъ былъ уже другой способъ утвержденія „поправы“ статутовой — на ближайшемъ „спольномъ“ Польско-Литовскомъ сеймѣ [3]). Въ составъ коммиссіи, учрежденной на Люблинскомъ сеймѣ для исправленія Литовскаго Статута, вошла и часть лицъ, избранныхъ на Городенскомъ сеймѣ 1568 года для того же дѣла [4]); мѣстомъ ея засѣданій была назначена Вильна, а временемъ начала ея занятій—день св. Мартина (11 ноября) 1569 года [5]). Ни одинъ депутатъ отъ Короны въ эту коммиссію назначенъ не былъ [6]), и дѣло исправленія Литовскаго Статута по-прежнему осталось въ рукахъ одного Великаго Княжества Литовскаго [7]).

[1]) Напримѣръ, ibidem, ст. 468.

[2]) На самомъ Люблинскомъ сеймѣ Сигизмундъ Августъ давалъ еще „отказы“ на просьбы, представленныя ему панами-радою и повѣтами Великаго Княжества Литовскаго. См. Русск. Ист. Библ. XXX, ст. 518—531.

[3]) Volumina Legum, II (Petersburg 1859), p. 101 (794).

[4]) И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское. томъ I, стр. 195.

[5]) Volumina Legum, II, p. 101 (794).

[6]) Въ Volumina Legum (II, Petersburg 1859, p. 101, 794) говорится о членѣ этой коммиссіи „z Ziemie Plockiey“ (князь Павелъ Соколинскій, подкоморій Витебскій), но это, конечно, опечатка (вмѣсто—„z Ziemie Polockiey“).

[7]) Депутатами для исправленія Статута на Люблинскомъ сеймѣ въ 1569 году были назначены: бискупъ Виленскій Валеріянъ, каштелянъ Жомо-

Быстрота, которой потребовалъ Люблинскій сеймъ для изготовленія „поправы“ Статута и внесенія ея на разсмотрѣніе „спольнаго“ сейма, оказалась неосуществимой. Лишь черезъ девять лѣтъ послѣ Уніи, на Варшавскій сеймъ 1578 года были представлены нѣкоторые „артикулы поправъ Статуту Литовского“ [1]), получившіе и утвержденіе сейма. Но это были именно тѣ артикулы (притомъ въ очень небольшомъ числѣ), которые нисколько не касались взаимныхъ отношеній Княжества и Короны, какъ составныхъ частей соединенной Речи Посполитой, а слѣдовательно не могли ставить и вопроса о томъ, „втѣлено“ ли Литовско-Русское государство въ Польскую Корону, или же представляетъ собою самостоятельное „панство“, находящееся съ нею въ договорныхъ отношеніяхъ Уніи [2]). Между тѣмъ именно этотъ вопросъ, совершенно различно разрѣшаемый Польшею и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, и стоялъ на пути „поправы“ Статута, какъ вопросъ основной. Жизнь соединенной Речи Посполитой въ ближайшее время послѣ 1569 года развивалась такъ, что исполненіе постановленія Люблинскаго сейма о сліяніи Княжества и Короны въ единое „тѣло“ и единое государство [3]) оказалось невыполнимымъ. Событія эпохи первыхъ десятилѣтій послѣ Люблинской Уніи ясно обнаруживаютъ не только постоянное стремленіе Великаго Княжества Литовскаго отстоять значеніе своего „панства“, но и его успѣхи въ осуществленіи этого стремленія [4]). Создать государство унитарное Люблинскому сейму не удалось, да едва ли это дѣло было и подъ силу Польшѣ середины XVI столѣтія, съ ея ясными остатками федераціи внутри самой Короны Польской [5]). Инкорпорація Княжества, къ которой

итскій Мальхеръ Шеметъ, Виленскій войтъ и господарскій секретарь Августинъ Ротундусъ, и изъ представителей шляхты воеводствъ Великаго Княжества Литовскаго—Миколай Дорогостайскій, князь Лукашъ Свирскій, Янъ Стецковичъ, Бенедиктъ Юрага, князь Павелъ Соколинскій, Янъ Сколка, Кирдей Крычевскій, Селецкій и Мартинъ Волочкевичъ. При нихъ два земскихъ писаря—Виленскій (Андрей Мацковичъ) и Ошменскій (Петръ Станиславовичъ). Ibidem, p. p. 100—101 (793—794).

[1]) Временникъ Имп. Моск. Общ. Ист. и Др. Росс., XXIII, стр. 200 и сл.

[2]) О рокахъ гродскихъ, „о приданю возныхъ“, о рокахъ земскихъ, о позвахъ на суды (гродскій, земскій, подкоморскій и коммиссарскій), о передачѣ спорныхъ имѣній до окончанія суда, объ ответственности за недоказанныя обвиненія, о заключеніи въ „вязенье“, „о подданыхъ отчызныхъ и неволныкохъ, также и о слугахъ приказныхъ, которыи отъ пановъ своихъ втѣкаютъ“, „о поправахъ речей сужоныхъ, вмѣсто рушеня повѣту“ и о „шкрутеніумъ“. Ср. Volumina Legum, II (Petersburg, 1859), p. 186 (970).

[3]) Сы. выше, стр. 146, прим. 1.

[4]) И. И. Лаппо, op. cit., стр. 86 и сл.

[5]) Ср. Н. И. Карѣевъ, Историческій очеркъ Польскаго сейма СПБ. 1888), стр. 19 и сл.

стремилось большинство Польскихъ членовъ Люблинскаго сейма, не осуществилась въ дѣйствительности, и Великое Княжество Литовское удержало послѣ Уніи значеніе равноправнаго съ Польшею государства, т. е. соединенная Рѣчь Посполитая вылилась въ форму государства не унитарнаго, а федеративнаго типа [1]). Въ этой федераціи Княжество зорко и стойко охраняло свои государственныя права, имѣя притомъ причины для недовольства Короною [2]) послѣ Уніи, обладая признаннымъ правомъ на измѣненіе договора ея [3]) и отнюдь не забывая своего требованія возвращенія земель, оторванныхъ отъ него Польшею на Люблинскомъ сеймѣ— это оторваніе особенно чувствовалось Великимъ Княжествомъ Литовскимъ въ годы Московской войны, когда его войско было лишено силъ, выставляемыхъ этими землями, а его казна была лишена доходовъ и податковъ съ ихъ населенія. Объ исполненіи постановленія Люблинскаго сейма о полномъ сліяніи Княжества съ Короною для перваго при всемъ этомъ не могло быть и рѣчи, и мы видѣли выше [4]), что III-ій Литовскій Статутъ не только не отказывается отъ государственныхъ преданій Литовско-Русскаго государства, но ставитъ даже новые барьеры, направленные противъ политическаго и народнаго сліянія съ Польшею.

При наличности всего этого новый Литовскій Статутъ не могъ быть утвержденъ съ согласія Польской части „спольнаго“ сейма. На Варшавскомъ сеймѣ 1582 года Княжество потребовало утвержденія своего новаго кодекса безъ разсмотрѣнія его текста сеймомъ, однако Польская часть послѣдняго этому противопоставила свое требованіе обязательности сеймоваго разсмотрѣнія Статута [5]).

Если не было надежды на утвержденіе III-го Статута въ томъ его видѣ, въ которомъ онъ вырабатывался статутовыми депутатами и повѣтовыми сеймиками Княжества, то совершенно естественно, что оно должно было постараться найти путь для проведенія своего кодекса безъ разсмотрѣнія его текста „спольнымъ“ съ Польшею сеймомъ.

Московская война поставила Великое Княжество Литовское въ особо близкія отношенія къ Стефану Баторію, оцѣнившему его

---

[1]) И. И. Лаппо, op. cit., стр. 79 и сл. Ср. Stanisław Kutrzeba, Historya Ustroju Polski w zarysie, Litwa (Lwów, 1914), str. 196 („Zresztą jednak Litwa zachowała odrębność państwową“).

[2]) И. И. Лаппо, op. cit., стр. 154 и др.

[3]) Ibidem, стр. 58.

[4]) III глава.

[5]) Scriptores Rerum Polonicarum, XVIII, p. 342.

жертвы во время этой войны [1]). Эти отношенія были использованы и для утвержденія новаго Статута. На Виленскомъ съѣздѣ 1584 года Баторій гарантировалъ Княжеству утвержденіе Статута своимъ привилеемъ на сеймѣ [2]). Однако въ царствованіе Стефана Баторія Великому Княжеству Литовскому все-таки не удалось провести утвержденіе своего Статута, хотя имя гарантировавшаго это утвержденіе короля и великаго князя и внесено въ текстъ новаго кодекса Княжества [3]).

Наступило третье безкоролевье. Время безкоролевій вообще и безкоролевья 1586—1588 годовъ въ частности оцѣнивалось въ соединенномъ Польско-Литовскомъ государствѣ съ точки зрѣнія его удобства для развитія старыхъ правъ и вольностей и пріобрѣтенія новыхъ [4]): когда Речь Посполитая не имѣла „пана“, его власть бралъ на себя ея „народъ“. Въ третье безкоролевье Великое Княжество Литовское заняло совершенно опредѣленную позицію по отношенію къ Польшѣ, предъявляя ей, какъ „панство“, рядъ своихъ требованій и не сливаясь съ нею вполнѣ въ общихъ занятіяхъ сеймовъ, а ведя съ нею переговоры черезъ посредство своихъ уполномоченныхъ. На конвокаціонномъ сеймѣ 1587 года Поляки уже говорили объ опасности разрыва Люблинской Уніи и 6-го февраля постановили ожидать не пріѣхавшихъ еще на сеймъ представителей Княжества, „pamiętając na to, z jaką pracą unia się stała za sławnej pamięci króla Augusta, przeto nie dawać przyczyny do rozerwania“ [5]). На томъ же сеймѣ знали, что въ Княжествѣ въ это время „sejmują i deliberują“ безъ Поляковъ [6]).

И въ самомъ дѣлѣ тогда въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ шла энергичная работа его „становъ“ на сеймикахъ и съѣздахъ по выработкѣ мѣръ для охраны внѣшней и внутренней безопасности Литовско-Русскаго „панства“ въ эпоху наступившаго

---

[1]) См. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 176 и сл.

[2]) „А яко есмо на поправу того статуту ради позволили, такъ же и на выданье его за згоднымъ прыесеньемъ вашымъ на съемъ не омѣшкаемъ въ томъ ласки нашое господарское оказати и тотъ статутъ привилемъ нашимъ вжо утвердити“. Вил. Арх. Сборникъ, III, № 32. Тотъ же документъ изданъ— Acta Historica R. G. Poloniae illustrantia, XI, № CLVII.

[3]) III Ст., IV, 1.

[4]) Такъ, Прокопъ Пенкославскій (изъ Сендомирскаго воеводства) говорилъ 17 августа 1587 года на елекціонномъ сеймѣ: „jeśli w interregnum wolności nie naprawimy, tedy nigdy“. Scriptores Rerum Polonicarum, tomus XI (Continet: Diaria Comitiorum Poloniae anni 1587), Cracoviae 1887. P. 118.

[5]) Ibidem, p. 14.

[6]) Ibidem, p. 4.

безкоролевья и для организаціи въ немъ отправленія правосудія, когда обычные суды, дѣйствовавшіе „звирхностью" господаря, уже не могли сохранять своего значенія за его смертью. Январьскій Виленскій съѣздъ 1587 года сдѣлалъ рядъ постановленій, удовлетворявшихъ всѣмъ этимъ потребностямъ Великаго Княжества Литовскаго [1]), и на Варшавской конвокаціи 1587 года Троцкій воевода, панъ Янъ Яновичъ Глѣбовичъ заявилъ отъ имени Княжества, что оно уже имѣетъ свой кантуръ и не хочетъ постановляемаго Поляками общаго для всей Речи Посполитой кантура [2]).

Мы не станемъ слѣдить за переговорами Княжества и Короны на конвокаціонномъ и елекціонномъ сеймахъ 1587 года шагъ за шагомъ. Отмѣтимъ лишь то, что эти переговоры велись представителями Великаго Княжества Литовскаго, не сливаясь съ Поляками въ общей сеймовой работѣ, а предъявлялись требованія его, какъ „панства", и то, что четыре вопроса были основными въ этихъ переговорахъ и требованіяхъ, а именно: 1) о Лифлянтахъ, 2) о мирѣ съ Москвою, 3) объ избраніи Московскаго царя Ѳеодора Іоанновича на престолъ Речи Посполитой и 4) о „gravamina" и „exorbitantiae", представленныхъ Княжествомъ. Не касаясь на настоящихъ страницахъ второго и третьяго изъ этихъ вопросовъ, связанныхъ одинъ съ другимъ единствомъ цѣли, а именно стремленіемъ пріобрѣсти безопасность границъ Великаго Княжества Литовскаго со стороны Москвы, но не входящихъ непосредственно въ область организаціи взаимныхъ отношеній Княжества и Короны, какъ „панствъ" соединенной Речи Посполитой, мы должны остановиться на вопросѣ о Лифлянтахъ и на вопросѣ о „gravamina" и „exorbitantiae", которые объединены одною общею идеею, идеею охраны самостоятельнаго и равнаго съ Польшею значенія Великаго Княжества Литовскаго въ ихъ федераціи.

Требованіе закрѣпленія Лифлянтъ цѣликомъ за Литовско-Русскимъ государствомъ было выдвинуто его станами уже наканунѣ Люблинской Уніи на томъ основаніи, что всю тяжесть Московской войны Княжеству пришлось возложить на свои плечи именно изъ-за Лифлянтъ [3]), и что Лифляндская земля отъ принятія ея „подъ оборону звирхности господаръское" защищалась отъ враговъ черезъ „родичовъ и обователей того славного панства Великого Князьства, где немало не одно крови народу ихъ шляхетского выливало ся, але и головъ братьи ихъ полегло, з великою утратою маетно-

[1]) И. И. Лаппо, Постановленія трехъ Виленскихъ съѣздовъ 1587 года (Сборникъ статей, посвященныхъ С. Ѳ. Платонову. СПБ. 1911), стр. 366—370.

[2]) Scriptores R. Pol. XI, p. 33.

[3]) Русск. Ист. Библ. XXX, ст. 364 (Виленскій сеймъ 1565—1566 гг.).

стей ихъ", а также „господаръского скарбу того жъ панства Великого Князьства" [1]). Послѣ Люблинской Уніи на Лифлянты предъявила свои притязанія Польша и наложила было на нихъ свою руку, но въ 1587 году Великое Княжество Литовское потребовало передачи ихъ ему цѣликомъ. Тогда же оно вновь возобновило свое требованіе возвращенія и земель, оторванныхъ отъ него Польшею въ Люблинѣ въ 1569 году [2]). Компромиссъ, заключенный на елекціонномъ сеймѣ 1587 года, привелъ къ раздѣлу Лифлянтъ пополамъ между Короною и Княжествомъ, на возвращеніи же Кіевщины, Волыни, Подолья и Подляшья Великое Княжество Литовское рѣшило не настаивать, не доводя дѣла до разрыва переговоровъ съ Короннымъ „панствомъ".

О дѣятельности депутатовъ Короны и Княжества, разсматривавшихъ дѣло о Лифлянтахъ, а также „gravamina" и „exorbitantiae" Княжества, знаютъ дневники елекціоннаго сейма 1587 года [3]), но до насъ дошелъ и актъ, составленный этими депутатами и затѣмъ вошедшій своимъ содержаніемъ въ рецессъ конституціи сейма коронаціи Сигизмунда Вазы [4]).

Въ этомъ актѣ [5]), датированномъ 4-мъ августа 1587 года (Варшава, сеймъ елекціи), депутаты излагаютъ главное содержаніе своихъ споровъ о Лифлянтахъ, въ которыхъ депутаты Великаго Княжества Литовскаго требовали передачи всей Лифляндской земли Княжеству. Депутаты Коронные доложили дѣло станамъ Короны и именемъ ихъ всѣхъ объявили депутатамъ Княжества слѣдующее: они домогаются отъ Короны того, на что Корона согласиться не можетъ на основаніи постановленій Люблинской Уніи; однако на выдѣленіе половины Лифлянтъ Княжеству и на отправку для

---

[1]) Ibidem, ст. 433 (Городенскій сеймъ 1566—1567 гг.). О присоединеніи Лифляндской земли къ Великому Княжеству Литовскому послѣ прекращенія существованія Ливонскаго Ордена см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское, томъ I, стр. 667 и сл. и М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ (М. 1900), стр. 592 и сл. и 609 и сл.

[2]) Scriptores R. Pol. XI, p. 66. О требованіяхъ Княжества вернуть ему эти земли, предъявленныхъ раньше, см. И. И. Лаппо, op. cit., стр. 91, 98, 100, 103, 108, 113, 114, 118, 120, 133.

[3]) Scriptores Rer. Pol. XI, p.p. 67, 159, 165, 166, 168, 171, 174, 175, 176 и др.

[4]) Volumina Legum, II (Petersburg, 1859), p. 270 (1245).

[5]) „Namowa Ichmosciow Panow Deputatow Koronnych na Seymie Elekcyinym z Ichmosciami Pany Deputatami W. X. L° ratione gravamin y Exorbitancyi, ktore byli podali Stany W. X. L° na Konwokacyi. Datum pod Warszawą, na Seymie Elekcyi, Dnia 4° Augusta A° 1587". Библіотека Главнаго Штаба. Acta Historyczne IX („Ex ms. Arch. Sta. Aug. Regis").

этой цѣли коммиссаровъ дается согласіе [1]). Но депутаты Княжества не удовлетворились этимъ, заявивъ, что они имѣютъ по этому дѣлу ограниченныя полномочія отъ оставшейся дома братіи, и требовали для Великаго Княжества Литовскаго всей Лифляндской земли. Какъ дѣло о Лифлянтахъ, такъ и другія „gravamina и exorbitancyi“ депутаты Княжества пожелали отложить до коронаціоннаго сейма и потребовали письменнаго акта отъ Коронныхъ депутатовъ, ведшихъ настоящіе переговоры. Этимъ актомъ и является пересказываемый нами документъ. Онъ оканчивается слѣдующими словами: „Czegosmy Ichmosciom, za dołożeniem się pierwey wszystkich Stanow Korony Polskiey y za Konsensem ich, pozwolili, tak postanowili, iż na przyszłym Seymie Koronacyi trzey Senatorowie Koronni a trzey Litewscy, a z Rycerstwa Koronnego sześć osob, także y z Litewskiego drugie sześć osob obrani y wysadzeni

[1]) „My, wziąwszy to do Stanow Koronnych y dołożywszy się ich w tey mierze, a takową mianowicie maiąc informacyą około tych Punktow, takeśmy się Deputatom W. X. L^{o} imieniem wszystkich Stanow Koronnych deklarowali: Naprzod Braterskieśmy Ichmosciow używali, aby się u Nas takowey Kaucyi z strony prawowania się z Koroną o drugą połowicę Ziemie Inflantskiey, ani Sobie viam jure agendo o nei zachowywali, pokazuiąc te Ichmosciom wywody racyami słusznemi stante statuti Unionis, y w Konstytucyą zawarli, że się Ichmosciowie maią u nas tego domagać, czego się Nam pozwolić nie godzi; Kommissarzow Spolnych do Inflant wysłanie—na to między Koroną y W. X. L. pomiarkowanie y podzielenie pozwoliliśmy, aby z tey części, ktoraby się W. X. L^{u} dostała, ludzie Rycerstwa y Narodu Polskiego, tak Starostowie, iako y inni Obywatele Koronne, ktorzyby Dobra stołu Krolewskiego w possessyey od Pana Zmarłego w tey części W. X. L^{o} mieli, z Dzierzaw przeniesieni byli na insze opatrzenie tak, żeby W. X. L^{u} połowica Ziemi Inflantskiey wolna była, nie exkluduiąc też w tey części a beneficiis Reipublicae Zasłużonych ludzi narodu Inflantskiego, iako ich też y z Polowice Koronney nie exkluduiemy. Na czym Panowie Deputaci W. X. L^{o} przestać nie raczyli, deklaruiąc się nakoniec z tym, że Zamierzoną moc maią od Braci swey, ktorzy doma pozostali, aby się wszystkiey całey Zupełney Ziemie Inflantskiey, a nie połowice za tym Prawem swym domawiali y o Nię starali, przywodząc to na pamięć, iż Narod Litewski wszystkiey Ziemi Inflantskiey za tym Prawem swym domawiali y iey przysięgę czynili y sumieniem iest obowiązan, iako też wszystka Ziemia Inflantska, a nie połowica iey Wielkiemu X^{u} Lit^{u} przysięgę czyniła. Ponieważ tedy tego nie mogą otrzymać od Nas, na co Prawo dobre y Sprawiedliwość u Siebie mieć Sami mianuią, aby im zachowane było Prawo o drugą połowicę czynić, że im nie chcą uczynić na ten czas niechęc, iedno tych wszystkich Tractatow, tak z strony Inflant, iako inszych gravamina y exorbitancyi zaniechać Braci to swey odniesć a do Seymu koronacyi przyszłego Pana to odłożyć, chcąc o tym y o inszych gravaminach y exorbitancyach [z] stany Koronnymi na przyszłym Seymie Koronacyey Pana Braterskie się znosić y skończyć, a nie życząc, aby Im do iakich protestacyi zgodzić y miłosci braterskiey szkodliwych przychodzić miało, chcieli to mieć, aby tego wszystkiego Traktatu y namow spolnych zeznanie na pismie od Nas mieć mogli“.

bydz maią, a ci, uczyniwszy przysięgę na ten sam akt, iż, na żadną się rzecz nie oglądaiąc, iedno na Pana Boga a na sprawiedliwość wzgląd maiąc, wedle sumienia swego, każdych Praw, zobustron pokazanych, oglądawszy, maią tę sprawę uspokoić y skonczyć, a gdzieby się zgodzić nie mogli, tedy to wszystko, co będzie przed nimi ukazywano Praw y Listow zobustron y mowienia wszystkie do tey sprawy zobopolnie na pismie maią przynieść do Krola Koronowanego, a krol, Pan nasz, dali Bog, przyszły, nie odkładaią[c] tey sprawy, onę ex aequo et bono uspokoić y skonczyc na tem Seymie Koronacyi będzie powinien. A ten List nasz za wiadomoscią y pozwoleniem Stanow Koronnych [1]) Stanom Wielkiego Xięstwa Litewskiego dalismy, ktorzy dla lepszey wiary y pewnosci Rękomaśmy swemi podpisali y pieczęciami swymi zapieczętowali“ [2]).

Настоящій документъ, выданный Княжеству съ вѣдома и согласія Коронныхъ становъ, 1) призналъ формально нарушеніе постановленія Люблинской Уніи о сліяніи народовъ Княжества и Короны въ одинъ народъ, хотя и сдѣлалъ это съ оговоркою насчетъ невозможности такого признанія, говоря о раздѣлѣ Лифлянтъ, и 2) указалъ путь для разрѣшенія вопроса о „gravamina“ и „exorbitanciae“ Великаго Княжества Литовскаго, которыя не могли быть удовлетворены на елекціонномъ сеймѣ 1587 года. Этотъ путь: личное рѣшеніе новаго короля, въ случаѣ недостиженія соглашенія между Короною и Княжествомъ на коронаціонномъ сеймѣ, при чемъ новому „пану“ должны быть представлены соотвѣтствующія документальныя доказательства для постановленія имъ своего рѣшенія. Конечно, актъ 4 августа 1587 года отражаетъ на себѣ то безвыходное положеніе, въ которомъ находился въ то время елекціонный сеймъ—дальше было невозможно затягивать опредѣленный и формальный отвѣтъ на требованія Княжества, такъ какъ было необходимо приступать къ избранію короля, а отвергнуть эти требованія Польша не могла въ виду необходимости всѣми способами предупредить разрывъ съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, особенно опасный въ то время, когда сама Польша была раздѣлена на двѣ враждебныя одна другой стороны, готовыя на вооруженную борьбу [3]). Но актъ 4 августа 1587 года имѣетъ крупное значеніе и для исторіи взаимныхъ отношеній Короны и Княжества въ эпоху ихъ соединенія въ федеративной Речи Посполи-

[1]) Въ оригиналѣ: „Stanom Koronnym“.

[2]) Дальше слѣдуетъ дата (подъ Варшавой, на сеймѣ елекціи, 4 августа 1587 года) и слова: „Locus Sigilli“.

[3]) Ср. Dr. J. Caro, Das Interregnum Polens im Jahre 1587 und die Partaikämpfe der Häuser Zborowski und Zamojski (Gotha, 1861), s. s. 70 sq.

той, а также и для изученія исторіи утвержденія III-го Литовскаго Статута.

На настоящихъ страницахъ мы и должны остановиться лишь на этомъ послѣднемъ значеніи, которое состояло въ томъ, что актъ 4 августа формально открывалъ утвержденію Статута 1588 года тотъ путь, на которомъ оно совершилось, и это отчетливо обнаруживается черезъ сличеніе утверждающаго Статутъ привилея Сигизмунда Вазы съ этимъ актомъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ привилеѣ мы имѣемъ 1) указаніе на то, что представители Княжества просили Сигизмунда Вазу объ утвержденіи Статута, „указуючи“ ему „съ конъстытуцій и уваль соймовыхъ“, что онъ „то учинити“ долженъ, и 2) упоминаніе о томъ, что утверждаемый Статутъ не долженъ „звязъкомъ и списомъ Уніи ни въ чомъ противенъ быти и ничого шкодити и уближати не маеть“, хотя въ дѣйствительности текстомъ своихъ артикуловъ онъ уничтожалъ силу части постановленій Люблинскаго сейма 1569 года. Первое является прямымъ выполненіемъ постановленія акта 4 августа 1587 года, второе—повтореніе по отношенію къ утвержденію Статута не имѣющей дѣйствительнаго значенія, но стремящейся, хотя для вида, сохранить положеніе о незыблемости постановленій Уніи оговорки, сдѣланной въ актѣ 4 августа по отношенію къ раздѣлу Лифляндской земли.

Итакъ „gravamina“ и „exorbitanciae“ Великаго Княжества Литовскаго были отложены актомъ 4-го августа 1587 года до коронаціоннаго сейма, съ передачею окончательнаго о нихъ рѣшенія новому господарю, если станы Короны и Княжества не придутъ въ нихъ ко взаимному соглашенію. Въ числѣ этихъ эксорбитанцій было несомнѣнно и требованіе Княжествомъ утвержденія его III-го Статута. Мы не встрѣчаемъ словъ „Литовскій Статутъ“ или его „поправа“ въ опубликованныхъ дневникахъ елекціоннаго сейма 1587 года [1]), но отмѣченная нами выше тенденція новаго Статута и лишеніе имъ Польши правъ, пріобрѣтенныхъ ею по отношенію къ Великому Княжеству Литовскому въ 1569 году [2]), ясно вскрывается въ словахъ отвѣта генеральнаго Короннаго кола, даннаго представителямъ Княжества 10 августа 1587 года: „takie exorbitancye Wmć podali, które totam Rempublicam afficiunt i wiele przywilejów, wiele wolności naszych, które jak z gruntu wywrócone są, dotykają się“ [3]).

[1]) Scriptores Rer. Pol. XI. О „prawach“, вопросъ о которыхъ былъ поднятъ въ Княжествѣ на елеціонномъ сеймѣ 1587 года, дневники его упоминаютъ (напр., p. 166).

[2]) См. выше, глава III.

[3]) Scriptores Rer. Pol. XI, p.p. 185—186.

Елекціонный сеймъ 1587 года внесъ новый раздоръ въ соединенную Рѣчь Посполитую одновременнымъ выборомъ двухъ королей. Великое Княжество Литовское, какъ „панство“, не признало обоихъ избраній. 25-мъ августа 1587 года датированъ универсалъ, выданный въ Варшавѣ не признавшими избранія ни Сигизмунда, ни Максимиліана. Этотъ универсалъ внесенъ въ одну изъ книгъ Литовской Метрики [1]). Въ немъ отъ имени рады и рыцарства Короны и Княжества объявляется во всеобщее свѣдѣніе [2]), что издающіе универсалъ, съѣхавшись на елекціонный сеймъ, стремились до избранія новаго короля залечить „vulnera“ Рѣчи Посполитой и разрѣшить „exorbitanciae“ и „gravamina“ [3]), на сеймъ представленныя. Однако часть сеймовавшихъ „obrali i mienowali“ Шведскаго королевича Сигизмунда, безъ вѣдома части Рѣчи Посполитой, т. е. всего народа Великаго Княжества Литовскаго и части становъ Короннаго рыцарства [4]). Тогда другая часть сеймовавшихъ провозгласила избраннымъ эрцгерцога Максимиліана, хотя наиболѣе выгоднымъ и считала избраніе Московскаго великаго князя. „My thedy“, продолжаетъ универсалъ, „więtsza część R. P., widząc gwalth i złamanie praw i wolnosci i rozumieią c obie nominatie in periculo R. P., na zadną s tych nie przizwoliwszy, odiachaliśmy s protestatią, napomnąwszy obie stronie posły tych nominatow aby przedsiewzięcia swego zaniechali“.

Универсалъ призываетъ далѣе „bracią doma pozostałą“, которая не даетъ согласія на такое незаконное избраніе, собраться на обычныхъ мѣстахъ на сеймики 16 сентября, а потомъ, чтобы „do kupy wszyscy ruszyli a tak szkodliwy ogien w R. P. vgasili, praw i wolności swych postrzegali i s tym tak postąpili, iakoby było nailiepszem R. P.“.

Этотъ универсалъ, естественно, вызвалъ напряженную дѣятельность становъ Великаго Княжества Литовскаго. Послѣ повѣтовыхъ сеймиковъ, уже 2 октября 1587 года собрался съѣздъ пановъ-рады и рыцарства Княжества въ Вильнѣ [5]), который объявилъ избра-

[1]) „Uniwersał, pod Warszawą po nominatij dwu candidatów na Króliestwo Polskie y W. X. Lith. etc. wydany“. Лит. Метр. $\frac{1\ A}{65}$ л. л. 236, 236 об.

[2]) „My, rady [i] ricerstwo oboiga narodu, Coronny Polskiey i Wielkiego Xięstwa Litewskiego wszystkim, komu to wiedzieć należy, oznaimuiemy“...

[3]) „Exorbitanciae“ и „gravamina“ были представлены на елекціонный сеймъ не только Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, но и другими землями, а также отдѣльными лицами.

[4]) „Bez bytności i wiadomości części R. P., to iest wszystkego narodu Wielkiego X. Litewskiego i połowice stanów ricerstwa Coronnego“.

[5]) И. И. Лаппо, Постановленія трехъ Виленскихъ съѣздовъ 1587 года, стр. 370—372.

ніе частью Поляковъ двухъ королей сдѣланнымъ съ нарушеніемъ договора Уніи. Къ „панамъ Полякамъ“ было отправлено требованіе соблюденія этого договора, а къ обоимъ „номинатамъ“ было послано письменное сообщеніе взгляда Княжества на совершившіяся избранія и требованіе не принимать ихъ. Въ „листѣ“, который былъ посланъ къ „номинатамъ“, указывалось, что Великое Княжество Литовское „iednakie wolne i rowne obiranie pana ma z narodem Polskim“, въ виду чего „номинатъ“ не долженъ возлагать на себя королевскаго вѣнца безъ позволенія Княжества [1]). Октябрьскій Виленскій съѣздъ кромѣ того созвалъ новый Литовско-Русскій съѣздъ, въ Вильнѣ же на 8 ноября 1587 года, и этотъ съѣздъ въ числѣ другихъ дѣлъ долженъ былъ заняться и выработкою ряда требованій Великаго Княжества Литовскаго къ новому господарю, которыя послѣдній будетъ обязанъ утвердить своею присягою [2]).

Собравшійся 8 ноября 1587 года съѣздъ въ Вильнѣ выправилъ къ Сигизмунду и Максимиліану посольство „именемъ всее речи посполитое Великого Князства Литовского“ (5 радныхъ пановъ и 20 представителей „кола рыцерского“) и поручилъ имъ переговоры съ „номинатами“ по инструкціи, составленной съѣздомъ. Въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ 30 декабря 1587 года, по постановленію того же съѣзда, должны собраться сеймики Княжества для избранія повѣтовыхъ пословъ, которые, по извѣщенію вышеназваннаго посольства Великаго Княжества Литовскаго, должны будутъ съѣхаться въ Берестьѣ „з моцю незамероною“, т. е. съ неограниченными полномочіями, для совѣщанія и рѣшеній совмѣстно съ этимъ посольствомъ, если оно будетъ нуждаться въ этомъ собраніи полномочныхъ представителей всего Литовско-Русскаго государства [3]).

Посольство, отправленное ноябрьскимъ Виленскимъ съѣздомъ отъ имени Великаго Княжества Литовскаго къ „номинатамъ“, вступило съ послѣдними въ сношенія, а затѣмъ, 24 декабря 1587 года

---

[1]) Лит. Метр. $\frac{1\ A}{65}$ л. 238 об. На л. 239 той же книги Метрики находится заголовокъ „Respons od Kroliewicza iego m. Szwedzkiego“, а на листѣ 239 об.— заголовокъ „Respons od Arc. iego m. Maximiliana“, но самые тексты этихъ отвѣтовъ не вписаны въ книгу (послѣ заголовковъ оставлено по чистой страницѣ).

[2]) И. И. Лаппо, op. cit., стр. 371. Универсалъ Виленскаго съѣзда отъ 11 октября 1587 года—И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское во второй половинѣ XVI столѣтія, Литовско-Русскій повѣтъ и его сеймикъ, Приложенія, стр. 144—148.

[3]) Ibidem, Приложенія, стр. 149—155.

въ Берестьѣ издало по Княжеству универсалъ [1]) съ отчетомъ о своей дѣятельности и съ изложеніемъ условій, съ которыми оно отправило въ Краковъ къ Сигизмунду Вазѣ часть своего состава съ панами Яномъ Глѣбовичемъ [2]) и Львомъ Сапѣгою [3]) во главѣ. Въ перечнѣ этихъ условій стоитъ и слѣдующее: „aby rozsądek o ziemie Inflanskei vczynił, exorbitantie s pany Polyaki theraz na thym seymie coronatiey“, удовлетворилъ бы „statut nowoporawyony aby był powynien widacz i zmocznicz, tribunał utwierdzicz“ [4]). Если какъ эти, такъ и другія предъявляемыя требованія Княжества Сигизмундъ исполнить откажется, тогда Княжество порветъ съ нимъ переговоры и перейдетъ на сторону Максимиліана [5]). До возвращенія Глѣбовича и Сапѣги съ товарищами универсалъ предписываетъ обывателямъ Великаго Княжества Литовскаго не устраивать никакихъ съѣздовъ и спокойно ожидать этого возвращенія.

Въ Литовскую Метрику внесенъ и самый текстъ инструкціи, данной Глѣбовичу и Сапѣгѣ съ товарищами посольствомъ ноябрьскаго Виленскаго съѣзда къ „номинатамъ“. Въ началѣ этой инструкціи читаемъ: „Naprzod aby prawa y wolnosci, swobody i przywileia nasze poprzisiągł według przisięgy krolya Hendrika i Stephana, dokładaiącz wsendzie aby biło—et Mag. Duc. Lith. Druga—aby pokoy zastanowiony z Moskwą trzimacz bił powinien do liath piethnascu, a interea gdzieby Moskiewsky od nas chciał bicz wdzieczen abo i sam thego szukał, aby z nym pokoy wyeczny zastanowycz bił powynien. Trzecia—aby rossądek o ziemie Inflanską vczinił i exorbitancie s Polyaky therasz na thim seymie koronatii. Czwarta—aby statut nowoporawyony aby bił powynien wydacz i on zmocznicz. Piatha—tribunał stwyerdzicz“ [6]).

Посольство Глѣбовича и Сапѣги приступало къ выполненію даннаго ему порученія въ то время, когда уже оружіе должно было рѣшать вопросъ о признаніи Польскимъ королемъ Сигизмунда или

---

[1]) „Uniwersał w Brzesciu postanowiony“. Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$, л. л. 257—258.

[2]) Воевода Троцкій, державца Упитскій.

[3]) Подканцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, староста Слонимскій.

[4]) Лит. Метр. $\frac{\text{I A}}{65}$, л. 257 об.

[5]) „A iesliby wyecz krolyewicz iego m. praw i wolnosci naszich poprzisiącz nie chciał, exorbitantiy naprawicz, pokoy zamerzecz z Moskwą, thedy wsiszczi in genere onego za pana przisznacz nye mamy, alye zarasz do Arcziziązęczia iego m. Maximiliana szię vdacz i tham iusz prziłączwszy ssie przestawacz“. Ibidem, л. 257 об.

[6]) Дальше слѣдуетъ изложеніе другихъ требованій. Документъ находится на л. л. 258—259 той же книги Литовской Метрики $\left(\frac{\text{I A}}{65}\right)$.

Максимиліана. Междоусобная война началась [1]), а Глѣбовичъ и Сапѣга съ товарищами, хотя и прибыли въ Краковъ, но не успѣли еще договориться съ пребывавшимъ уже въ этомъ городѣ Сигизмундомъ Вазою. Надо думать, что они и не спѣшили особенно, стараясь выждать окончательнаго выясненія прочности его положенія на Польскомъ престолѣ. Происшедшая 24 января 1588 года битва подъ Бычиной и взятіе Замойскимъ въ плѣнъ Максимиліана закрѣпляли престолъ Польши за Сигизмундомъ.

Литовско-Русское посольство зорко слѣдило за вооруженною борьбою сторонниковъ обоихъ „номинатовъ". Гейденштейнъ разсказываетъ, что Литовцы разставили на дорогѣ отъ Бычины до Кракова конныхъ гонцовъ, чтобы получить извѣстіе объ исходѣ вооруженнаго столкновенія какъ только можно скорѣе, и что они первыми узнали о побѣдѣ Замойскаго [2]).

Послѣ битвы подъ Бычиной Сигизмунда Вазу признали тѣ, кто отвергалъ раньше его избраніе [3]). Но Великое Княжество Литовское весьма умѣло использовало въ своихъ интересахъ положеніе Польши и ея новаго короля, тогда создавшееся. Въ самомъ дѣлѣ, доводить дѣло до войны съ Княжествомъ въ это время изъ-за его требованій было едва ли возможно для Сигизмунда и его сторонниковъ. Эта война едва ли была имъ подъ силу: Великое Княжество Литовское уже вооружило свой шляхетскій „народъ" [4]), а война съ нимъ должна была вновь раздѣлить и Польшу между двумя „номинатами". Если же война съ Княжествомъ была невозможна, то оставалось одно: принять Сигизмунду къ исполненію тѣ

---

[1]) Максимиліанъ уже взялъ замокъ Любовлю, принадлежавшій Коронному конюшію Каспру Мацѣевскому. Reinholdi Heidensteinii, secretarii regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII (Francofurti ad Moenum, MDCLXXII), p. 279.

[2]) „Ex instituto autem in exercitu habebant, qui, quam primum praelium factum esset, de exitu ejus, per dispositos equos, illis significaret". R. Heidenstein, op. cit., p. 284.

[3]) Пясецкій пишетъ: „Sparsa autem fama de profligato atque capto Maximiliano cum suis assectatoribus, reliqui earum partium, qui adhuc in Polonia latebant, palam Sigismundo adhaerere coeperunt. Venerat statim Sulikouius Archiep. Leopol. Cracouiam, et cum eo multi ex Russia, qui eousque nutabant: ex Lithuani nil morati cum obsequio aduolarunt, ac omne commotionis illius murmur mox conquieuit". Chronica Gestorum in Evropa Singularium: A Paulo Piasecio Episkopo Praemisliensi (Cracoviae, 1648), p. 83. О Пясецкомъ см. Ryszard Mienicki, Poglądy Polityczne w dziejopisarstwie Polskiem XVII wieku (Przegląd Historyczny, tom XVI, zeszyt 2, str. 164—175). Ср. Heidenstein, op. cit., p.p. 283—284.

[4]) См. И. И. Лаппо, Постановленія трехъ Виленскихъ съѣздовъ 1587 года, стр. 373.

требованія, которыя предъявило ему Литовско-Русское посольство, какъ условія признанія его великимъ княземъ Литовскимъ. Польскіе совѣтники новаго короля, какъ и онъ самъ вмѣстѣ съ его сторонниками, должны были избрать именно этотъ путь. Иначе говоря, Польша должна была согласиться на то, противъ чего раньше такъ рѣшительно возставала. По словамъ Гейденштейна два требованія Великаго Княжества Литовскаго особенно были тяжелы для Поляковъ, а именно: о раздѣлѣ Лифлянтъ и объ утвержденіи правъ Княжества, т. е. Литовскаго Статута. Гейденштейнъ пишетъ: „maxime de duabus rebus Lithuanis agebatur, de Livonia, quam ex aequo cum Regno partiri volebant, et juris sui confirmatione, quod ita sibi constituerant, ut inter alia, quae conditionibus Regni gravia viderentur, maxime Polonos omnes e Lithuania excluderent". Дальше Гейденштейнъ продолжаетъ: „cum et inviti ordines Regni ad conditiones eas, imprimis vero potiundae Livoniae, accederent, Lithuani in eventum expeditionis contra Maximilianum cum incerti essent, diutius aliquanto, cum per delegationes, tum aliis difficultatibus, ducta res fuit... Itaque cum de victoria exercitus nostri [1]) omnium primi ipsi cognovissent, partim discessu, quem intentabant, partim aliis rebus terrendo, antequam nuntius victoriae vulgaretur, consensum in postulata sua Ordinum Polonicorum exprimunt: ipsique etiam mox totius Lithuaniae nomine juramentum Regi praestitere" [2]). Такимъ образомъ Гейденштейнъ представляетъ дѣло такъ, что согласіе Коронныхъ становъ сейма коронаціи было исторгнуто Литовско-Русскимъ посольствомъ до полученія въ Краковѣ извѣстія о побѣдѣ подъ Бычиной, благодаря незнанію Поляковъ о ней. Надо, однако, думать, что причина этого согласія лежала глубже, а именно въ невозможности для Короны принудить Княжество отказаться отъ предъявленныхъ имъ требованій, которыя оно готово было защищать оружіемъ [3]). Какъ ни какъ, условія, представлен-

[1]) Гейденштейнъ былъ сторонникомъ Яна Замойскаго. Ср. Władysław Nehring, O życiu i pismach Reinholda Heidensteina (O historykach Polskich szesnastego wieku. Część Pierwsza. Poznań, 1862), str. 6.

[2]) R. Heidenstein, op. cit., p. 284.

[3]) Битва подъ Бычиной, однако, отразилась на отношеніи Поляковъ къ требованіямъ Великаго Княжества Литовскаго. „Barzo takiém zwycięstwem podnieśli się panowie Polacy, zwłaszcza narodowi litewskiemu chcą być hardzi...", писалъ Левъ Сапѣга Криштофу Радивилу изъ Кракова 31 января 1588 года (Scriptores Rer. Pol. VIII, p. 189). Хотя уже 27 января Сигизмундъ III принесъ присягу Княжеству на его права и вольности, а также на раздѣлъ Лифлянтъ, „jenoż teraz panowie posłowie koronni za tém zwycięstwem, które odniósł p. Kanclerz z arcyxiążęcia Maxymiliana, stali nam hardzi, że nam tego w konstytucyą włożyc nie chcą, chocia już mamy na to gotowy przywilej"—писалъ двумя днями раньше Сапѣга къ тому же Криштофу Радивилу (ibidem, p. 187).

ныя Сигизмунду Вазѣ отъ имени Великаго Княжества Литовскаго его посольствомъ, были приняты, а въ числѣ ихъ было принято и обязательство утвердить III-й Литовскій Статутъ... „Року 1588, стычня 28 дня Жикгмонтъ Третый, король Полскій, на Литве присягу повторилъ, бовемъ былъ безъ нашихъ коронованъ“—пишетъ Евлашевскій въ своихъ запискахъ [1]). Тѣмъ же 28-мъ января датированъ и привилей Сигизмунда Вазы, утверждающій Литовскій Статутъ 1588 года.

Итакъ, Статутъ 1588 года былъ проведенъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ не въ обычномъ порядкѣ сеймоваго законодательства, а путемъ чрезвычайнымъ—какъ одно изъ условій признанія Сигизмунда III великимъ княземъ Литовскимъ. Изложенная нами выше исторія утвержденія III-го Литовскаго Статута объясняетъ и отсутствіе оффиціальныхъ признаковъ санкціи коронаціоннаго сейма, которое мы видѣли въ привилеѣ, его утверждавшемъ, а также отсутствіе упоминанія о немъ въ конституціи того же сейма. Та же исторія лишаетъ насъ и возможности признать утвержденіе Статута 1588 года дѣломъ „спольнаго“ Польско-Литовскаго сейма. Фактически этого сейма въ данное время не было въ Краковѣ: тамъ засѣдалъ лишь Коронный Польскій сеймъ, рядомъ съ которымъ въ Краковѣ же находилось посольство Великаго Княжества Литовскаго, ведшее переговоры о признаніи Сигизмунда Вазы великимъ княземъ Литовскимъ. Все, что могъ сдѣлать въ данное время коронаціонный сеймъ 1588 года по отношенію къ Статуту, какъ и по отношенію къ другимъ требованіямъ, предъявленнымъ Княжествомъ къ Сигизмунду, это—не настаивать на ихъ отклоненіи новымъ королемъ. Но, въ случаѣ отказа Сигизмунда Вазы принять къ исполненію эти требованія, онъ лишался власти надъ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, а стало быть разрывалась совершенно и Люблинская Унія. Какъ ни стремилось большинство Поляковъ понимать эту Унію въ смыслѣ сліянія обоихъ „панствъ“ и „народовъ“ [2]), осуществленіе этого стремленія оказа-

---

[1]) Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси, выпускъ II (Кіевъ, 1896), стр. 28.

[2]) Любопытнымъ образцомъ проявленія этого стремленія является проектъ условій для новаго короля, выработанный Поляками на елекціонномъ сеймѣ 1587 года (Scriptores Rer. Pol. XI, p.p. 247—259). Онъ пытается установить сліяніе Короны и Княжества даже въ общихъ статутахъ (p. 252) и трибуналѣ (p. 251). То, что въ началѣ этого документа стоятъ слова „Rady duchowne i świeckie i stany wszelkiego narodu polskiego i Wielkiego Xięstwa Litewskiego“, конечно, отнюдь не доказываетъ согласія на его содержаніе Княжества. Это—оффиціальная формула. Съ нею притомъ особенно и не стѣснялись: такъ,

лось для Польши неосуществимымъ, и обстоятельства принудили съ этимъ примириться.

Изъ предъявленныхъ Сигизмунду Вазѣ требованій Княжества одно, а именно требованіе раздѣла Лифлянтъ, было принято Короною на елекціонномъ сеймѣ 1587 года. Поэтому постановленіе объ этомъ раздѣлѣ было внесено и въ рецессъ коронаціоннаго сейма 1588 года [1]). Иное дѣло Статутъ. Онъ былъ только „прогледанъ“, но отнюдь не былъ одобренъ Поляками на елекціонномъ сеймѣ, какъ были „прогледаны“ и вообще „gravamina“ и „exorbitantiae“ Княжества. Согласія Короны не было на нихъ достигнуто, и всѣ эти дѣла были отложены. Поэтому, когда они отъ имени Великаго Княжества Литовскаго были предъявлены Сигизмунду Вазѣ Литовско-Русскимъ посольствомъ, о сеймовой санкціи для нихъ не могло быть и рѣчи.

На сеймѣ коронаціи, „кгды при отдаванью черезъ пановъ пословъ отъ всихъ становъ народу Великого Князства Литовского подданьства его королевской милости присегу, при коронацыи учиненую на права и свободы, Великому Князству Литовъскому король его милость повторить, такъ тежъ и статутъ новопоправленый утвердити рачилъ“ — гласитъ одинъ изъ документовъ 1588 года, внесенныхъ въ Литовскую Метрику [2]). О томъ же способѣ утвержденія Статута 1588 года Сигизмундомъ Вазою говоритъ и одинъ изъ документовъ, выданныхъ имъ въ исполненіе требованій, предъявленныхъ ему тогда Княжествомъ: „ознаймуемъ, ижъ рады и рицерство, послове Великого Князства Литовского то собе на сойме коронацы[и] нашое, за позволен[ь]емъ всихъ становъ варовали, а мы то имъ за вечъное право мец хочемъ: напервей статутъ правъ Великого Князства Литовского, теперъ новопоправленый черезъ депутаты отъ становъ Великого Князства Литовского, на то обраныхъ, а на томъ сойме коронацыи нашое для потвержен[ь]я поданый, змоцняемъ и до ужыван[ь]я даемъ, яко жъ о томъ привилей нашъ водле права ихъ рускимъ писмомъ обывателемъ Великого Князства Литовского выдати росказали есмо“ [3])...

примасъ на елекціонномъ сеймѣ 1587 года исполнилъ требованіе провозгласить Сигизмунда Вазу и великимъ княземъ Литовскимъ безъ представителей Княжества и противъ ихъ воли (ibidem, p. 129).

[1]) Volumina Legum, II (Petersburg, 1859), p. 270 (1245).

[2]) И. И. Лаппо, Литовскій Статутъ въ Московскомъ переводѣ-редакціи XVII столѣтія. Журн. Мин. Нар. Пр. 1914, II, стр. 226, прим. 2.

[3]) Лит. Метр. $\frac{1\ A}{65}$, л. 277 об. Документъ изданъ—А. З. Р. IV, № 3 и Акты, изд. Вил. Арх. Ком., VIII, стр. 262—263.

Итакъ, утвержденіе III-го Литовскаго Статута совершилось санкціею великаго князя Литовскаго, короля Польскаго, а не санкціею „спольнаго“ Польско-Литовскаго сейма. Но этотъ способъ утвержденія Статута 1588 года отнюдь не даетъ еще права на рѣшеніе вопроса о значеніи для Великаго Княжества Литовскаго сеймовыхъ конституцій „спольнаго“ сейма, какъ пытались одно время въ исторической литературѣ связывать оба эти вопроса. Исключительный способъ утвержденія III-го Литовскаго Статута безъ сеймовой санкціи не можетъ идти въ расчетъ при изученіи нормальной дѣятельности Польско-Литовскаго сейма, и для разрѣшенія вопроса объ обязательности для Княжества конституцій этого сейма нужны другіе матеріалы, на основаніи которыхъ можетъ быть данъ на него отвѣтъ.

Юрьевъ.

1914 г.

Проф. С. Платоновъ.

Старыя сомнѣнія.

Въ настоящей замѣткѣ я хочу указать на одинъ историко-литературный вопросъ, не лишенный интереса и значенія для изучающихъ русскую письменность XVII вѣка. Полный отвѣтъ на этотъ вопросъ станетъ возможенъ лишь тогда, когда въ распоряженіи нашей археографіи будутъ новые матеріалы; но обстоятельная постановка самаго вопроса своевременна и теперь.

Я разумѣю вопросъ о литературной дѣятельности князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовскаго, — вопросъ, возникшій болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, казавшійся тогда совершенно разрѣшеннымъ, но впослѣдствіи осложненный и запутанный нѣкоторыми новыми данными и соображеніями.

Въ 1881 году имя князя Ив. М. Катырева впервые вошло въ списокъ именъ русскихъ писателей XVII столѣтія. На него указалъ В. О. Ключевскій въ одномъ изъ примѣчаній къ „Боярской Думѣ“ [1]). Именно кн. Катыреву усвоилъ онъ то произведеніе о смутномъ времени, которое до тѣхъ поръ приписывалось „Тобольскому сыну боярскому Сергію Кубасову“. Такое же наблюденіе объ авторствѣ Катырева одновременно съ Ключевскимъ сдѣлалъ и Л. Н. Майковъ. Заинтересовавшись невѣдомымъ дотолѣ титулованнымъ писателемъ, Л. Н. Майковъ, въ моментъ появленія въ печати указанія Ключевскаго, располагалъ уже нѣкоторымъ запасомъ біографическихъ свѣдѣній о Катыревѣ, правда небольшимъ. Все, что зналъ Майковъ о Катыревѣ, онъ тогда же передалъ въ мое распоряженіе, такъ какъ былъ освѣдомленъ о моихъ работахъ надъ сказаніями и повѣстями о смутномъ времени и относился къ нимъ съ рѣдкимъ благожелательствомъ. Наблюденія Ключевскаго и Майкова были мною вполнѣ усвоены и подъ ихъ вліяніемъ была написана вся статья о Катыревѣ въ моемъ

[1]) „Русская Мысль“, 1881, ноябрь, стр. 100.

изслѣдованіи „Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка, какъ историческій источникъ“ (Спб. 1888).

Съ тѣхъ поръ участіе высокопоставленнаго князя Катырева въ литературѣ его времени стало общепризнаннымъ фактомъ. Блестящія качества усвоенной ему „Повѣсти“ и при ней „Написанія вкратцѣ о царѣхъ Московскихъ“ дали князю Катыреву право почитаться однимъ изъ яркихъ по таланту московскихъ людей до-Петровской Руси. Императорская Археографическая Коммиссія издала произведенія Катырева въ двухъ редакціяхъ [1]); а П. Гр. Васенко установилъ и третью, посредствующую между ними, редакцію „Повѣсти“ Катырева [2]). Значительное распространеніе писаній Катырева, попытки ихъ переработокъ и частыя изъ нихъ литературныя заимствованія въ компиляціяхъ XVII вѣка—указывали на то, что произведенія Катырева были замѣтны и цѣнимы среди его современниковъ. Князь Катыревъ въ наукѣ сталъ почитаться однимъ изъ виднѣйшихъ писателей-историковъ Московской Руси.

Въ 1906 году проф. В. И. Саввѣ удалось отыскать сочиненія князя И. А. Хворостинина; это замѣчательное открытіе косвенно отразилось и на литературной репутаціи кн. Катырева. Дѣло въ томъ, что съ давнихъ поръ князю Ивану Хворостинину присвоивалось нѣкоторое полемическое сочиненіе „На иконоборцы“; послѣ же находки проф. Саввы для него долженъ былъ быть отысканъ иной авторъ, такъ какъ въ сочиненіяхъ Хворостинина такого полемическаго трактата не оказалось. Знаменитый Строевъ усвоивалъ сочиненіе „На иконоборцы“ именно кн. Ивану Хворостинину лишь по той причинѣ, что его авторъ самъ себя назвалъ „дуксомъ Иванномъ“. Когда же оказалось, что у Хворостинина есть полемическіе опыты съ инымъ заглавіемъ и содержаніемъ, то „дуксу Иванну“ надлежало усвоить иную фамилію. По нѣкоторымъ признакамъ, — и притомъ весьма устойчивымъ, — „дуксомъ Иванномъ“ надобно было признать нашего князя Ивана Катырева [3]). Такимъ образомъ Катыревъ-историкъ дѣлался и богословомъ-полемистомъ.

Наконецъ, при сопоставленіи нѣкоторыхъ литературныхъ осо-

---

[1]) Русская Историческая Библіотека, т. XIII (изд. 1-е 1891 г.; изд. 2-е 1909 г.), стр. 559—624 и 625—712.

[2]) Записки Имп. Русск. Археологич. Общества, т. XI, вып. 1 и 2 (Спб. 1900).

[3]) Обо всемъ этомъ см. „Вновь открытыя полемическія сочиненія XVII вѣка противъ еретиковъ“ (въ Лѣтописи занятій Имп. Археографич. Коммиссіи“ т. XVIII, и отдѣльно: Спб. 1907), стр. 7—32 и 109—116.

бенностей „Повѣсти“ о смутномъ времени Катырева съ такъ-называемой „Строгановскою“ Сибирской лѣтописью, нельзя не замѣтить поразительнаго сходства въ обоихъ произведеніяхъ картинъ природы, столь рѣдкихъ вообще въ Московской письменности. При этомъ нѣтъ возможности во всѣхъ случаяхъ установить простое заимствованіе; напротивъ неизбѣжно слѣдуетъ признать однородность творчества [1]). Мы не знаемъ, кто писалъ Строгановскую лѣтопись; но, разъ допустимы здѣсь догадки, надобно считать въ числѣ возможныхъ ея авторовъ и то лицо, которое такъ своеобычно и красиво составило „повѣсть“ о Смутномъ времени. Кн. И. М. Катыревъ былъ Тобольскимъ воеводою въ 1609 — 1612 гг. Казалось бы, нѣтъ мудренаго въ томъ, что онъ могъ заинтересоваться и заняться вопросомъ о завоеваніи Сибири и заслугахъ въ этомъ дѣлѣ Строгановыхъ и Ермака?

Въ такихъ чертахъ стоитъ теперь вопросъ объ авторствѣ кн. Катырева. Казалось бы, что на такомъ положеніи дѣла можно было бы и успокоиться въ ожиданіи дальнѣйшихъ археографическихъ находокъ. Однако пристальное знакомство съ тѣмъ матеріаломъ, какой уже есть въ нашемъ распоряженіи, порождаетъ нѣкоторыя сомнѣнія въ томъ, что мы находимся въ данную минуту на вѣрномъ пути.

---

[1]) Приведемъ примѣры. Въ „Повѣсти“ Катырева читаемъ: „Юже зимѣ прошедши, время же бѣ приходитъ, яко солнце творяше подъ кругомъ зодѣйнымъ теченіе свое, въ зодѣю же входитъ Овенъ, въ ней же нощь со днемъ уровняется и весна празнуется, время начинается веселити смертныхъ, на воздусѣ свѣтлостію блистаяся. Растаявшу снѣгу и тихо вѣющу вѣтру: и во пространные потоки источницы протекаютъ, тогда ратай раломъ погружаетъ и сладкую бразду прочертаетъ и плододателя Бога на помощь призываетъ; растутъ желды и зеленѣютца поля и новымъ листвіемъ облачаютца древеса и отовсюду украшаются плоды земля, поютъ птицы сладкимъ воспѣваніемъ“... „Зимная уже година проиде, время бысть веснѣ, студень уже совлечеся своихъ иньевъ, и мразу отъ своей жестости ослабѣвшу и ростаявшу снѣгу, и солнце уже на концы зодѣи Рыбъ текуще“... „Уже просіявшу солнцу, свитающу дневи, просвѣтися облакъ свѣтлымъ блистаніемъ“... (стр. 588, 593, 597). Въ Строгановской лѣтописи: „Уже нощи прошедши, свитающу дневи и сонцу просіявшу, просвѣтися облакъ свѣтлымъ блистаніемъ“... „И егда веснѣ приспѣвши и отъ теплости воздуха снѣгу растаявшу и всяка тварь ботѣюще, и древесамъ и травамъ прорастающимъ и отверзеніе водамъ бысть, тогда убо всяко животно веселящеся, и птицамъ прелетающимъ въ та мѣста плодовъ своихъ ради и въ рѣкахъ рыбамъ плоду ради ходящимъ“.... „Веснѣ приспѣвши, потомъ же и лѣту дошедшу, земля прошибающе злакъ свой и возрастающе сѣмена своя, и птицамъ воспѣвающимъ но въ кратцѣ реку: вся суть обновляема“ (стр. 23, 32, 35). Кромѣ этихъ описаній утра и весны, всѣ пріемы описаній битвъ въ обоихъ произведеніяхъ однородны, иногда тожественны.

Во-первыхъ. Если взять „Повѣсть“ Катырева въ той редакціи, какая всѣми признается первичной, и посмотрѣть внимательно на тѣ два ея мѣста, которыми обнаруживается ея авторъ [1])—то невольно придешь къ мысли, что оба эти мѣста суть вставки въ текстъ произведенія. Прежде всего „вирши“, заключающія „Повѣсть“, не есть правильныя вирши и не соблюдаютъ силлабическаго порядка; число слоговъ въ ихъ строчкахъ весьма различно (5. 5. 9. 16. 14. 12. 11 и т. д.); но оно нигдѣ не превосходитъ 17-ти, кромѣ той строки, которая даетъ указаніе на автора. Эта строка имѣетъ 22 слога, а парная ея строка всего 8:

Есть же книги сей слагатай
Сынъ предиреченнаго князя Михаила. роду Ростовскаго сходатай.

Не ясно ли, что слова „сынъ предиреченнаго князя Михаила“ вставлены, какъ стороннее поясненіе, въ текстъ виршей, которыя въ иныхъ спискахъ читаются безъ этой вставки, но съ важнымъ варьянтомъ:

Есть же книги сея слогатай
Роду Ерославского исходатай.

Вставка пояснительныхъ словъ въ соединеніи съ перемѣною слова „Ерославского“ на „Ростовского“ внушаетъ подозрѣніе, что Ростовскій князь собою замѣстилъ здѣсь Ярославскаго князя (выраженія „родъ Ярославскій“, „родъ Ростовскій“ несомнѣнно имѣютъ въ виду княжескіе роды). Если второе мѣсто „Повѣсти“, говорящее о Ростовскомъ князѣ, не опровергнетъ этого подозрѣнія, оно можетъ оказаться роковымъ для литературной репутаціи кн. Катырева-Ростовскаго. А оно его и не способно опровергнуть, ибо, по моему мнѣнію, само чрезвычайно похоже на вставку. Обратимся къ его содержанію [2]). Оно посвящено отцу автора, князю Михаилу

[1]) Русск. Ист. Библіотека, XIII, стр. 623 и 576.

[2]) Приводимъ цѣликомъ изучаемый текстъ: „Бысть же къ нему (Самозванцу) приведенныхъ воеводъ царевыхъ во градъ Путимль единокровной царевъ бояринъ Иванъ Ивановичь Годуновъ.—сего же Ивана заточенію преда; а иные же воеводы Петръ Басмановъ и Михайло Салтыковъ,—сихъ же помилова. А болшіе бояре и воеводы царствующаго града Москвы,—помня правды своя и крестное цѣлованіе, извѣстно вѣдая, яко ложь есть, а не паревичь Дмитрѣй,—бояринъ роду Ростовского и первой полкомъ начальникъ и воевода князь Михайло Петровичь Катыревъ, да роду Тверского бояринъ князь Ондрѣй Ондрѣевичь Телятевской, да роду Оболенсково воевода князь Михайло Федоровичь Кашинъ съ товарыщи не приступиша къ такому злому начинанію и ко лживому ухищренію и богомерскому дѣлу, и иные многіе вои царствующаго града Москвы, кои не восхотѣша на

Петровичу Катыреву, и славословитъ его мужество и твердость въ борьбѣ съ Самозванцемъ въ ту минуту, когда находившаяся подъ его начальствомъ московская рать передалась Самозванцу. Если устранить изъ состава „Повѣсти“ строки, посвященныя этому подвигу Катырева и его единомышленниковъ, то получится связный стилистически текстъ: „а большіе бояре и воеводы (слѣдуетъ вставка) боляринъ князь Вас. Вас. Голицынъ съ братомъ“ и т. д. И логически ничего не будетъ потеряно, ибо на всемъ пространствѣ „Повѣсти“ о Катыревѣ ни разу не говорится. „Повѣсть“ совсѣмъ не интересуется этимъ бояриномъ, не упоминаетъ даже о его назначеніи первымъ воеводою рати, молчитъ и о его смерти (1606 г.), тогда какъ упоминаетъ о назначеніи его предшественника „начальнаго властелина боярина и воеводы“ кн. Ѳ. И. Мстиславскаго (стр. 568) и говоритъ о многихъ „меньшихъ“ воеводахъ. Эпизодъ о Катыревѣ поэтому ничѣмъ не связанъ съ остальнымъ содержаніемъ памятника и съ общимъ ходомъ его изложенія. Онъ и отсутствуетъ во многихъ спискахъ памятника, въ которыхъ вирши говорятъ о Ярославскомъ, а не Ростовскомъ авторѣ. Знаменательна также разница во внѣшней манерѣ изложенія между данной вставкою и прочимъ текстомъ „Повѣсти“. Бросается въ глаза прежде всего педантическая манера автора вставки при имени каждаго воеводы-князя обозначить, какого именно онъ „роду“: „Ростовскаго“, „Тверского“, „Оболенскаго“. Этой манеры рѣшительно нѣтъ въ „Повѣсти“; она появляется только въ разбираемомъ отрывкѣ, и нигдѣ болѣе, хотя поводовъ для ея примѣненія у автора „Повѣсти“ достаточно (стр. 571—572, 590 и др.). Затѣмъ, вставка писана языкомъ не столь эпическимъ, какъ „Повѣсть“: ея рѣчь сложна и путана и взамѣнъ стройныхъ, простыхъ и объективно-красивыхъ фразъ, на которыя былъ такой мастеръ авторъ „Повѣсти“, она предлагаетъ читателю оффиціально благочестивое изложеніе подвига ея героя противъ „богомерзскаго дѣла“ и „кровопролитія христіянскаго“. Литературное настроеніе вставки совершенно иное,

---

такое злое начинаніе и на крестопреступленіе и на начало кровопролитія христіянскаго, бився со измѣнницы и со крестопреступники крѣпцѣ, отъидоша ко царствующему граду Москвѣ,—понеже убо той боляринъ и первополконачальникъ и воевода предреченный князь Михайло Петровичъ извѣстно вѣдаше про сего богомерскаго еретика Ростригу Гришку, что лжа есть и начатокъ лжи и кровопролитія, а не царевичъ. А друзіи же бояре и воеводы, измѣнницы и крестопреступники и кровоначальники царствующаго града Москвы, боляринъ князь Василей Васильевичь (Голицынъ) з братомъ и съ товарыщи своими и съ воинствомъ въ прежде бывшемъ мѣстѣ своемъ ждуще повелѣнія его (Самозванца)“. Русск. Ист. Библ., XIII, 576.

чѣмъ настроеніе „Повѣсти“; не равна и степень литературнаго искусства.

Если за высказанными предположеніями возможно признать нѣкоторое вѣроятіе, если на „сходатая Ростовскаго рода“ возможно смотрѣть лишь какъ на автора „вставокъ“ въ „Повѣсти“, то наше представленіе объ авторствѣ кн. Катырева надлежитъ измѣнить: предъ нами, быть можетъ, не авторъ, а интерполяторъ, усвоившій себѣ чей-то сторонній трудъ.

Во-вторыхъ. Довѣряя тѣмъ признакамъ, по которымъ сочиненіе „На иконоборцы“ усваивается князю И. М. Катыреву, мы можемъ составить себѣ очень опредѣленное понятіе о литературныхъ интересахъ и пріемахъ князя Ивана. Эти интересы и пріемы очень далеки отъ того, что прельщаетъ насъ въ „Повѣсти“ о смутѣ, такъ далеки, что мы просто готовы не вѣрить въ принадлежность одному автору обоихъ этихъ произведеній. Прежде всего общее настроеніе въ этихъ памятникахъ глубоко различно. Сочиненіе „На иконоборцы“ все проникнуто церковно-охранительною тенденціей, и притомъ боевою. Указывая патріарху Филарету на успѣхи ересей въ Москвѣ, авторъ требуетъ: „потщися, святителю божій, сіе исправити!» Непримиримостью ко всему инославному сплошь пропитанъ его трудъ; церковно-исповѣдная точка зрѣнія прилагается ко всему. Предъ нами ретивый боецъ за московское правовѣріе, усвоившій себѣ тотъ запасъ литературныхъ аргументовъ, которымъ тогда питалась московская полемическая письменность. За предѣлы церковной полемики авторъ не выходитъ; въ этихъ предѣлахъ онъ шаблоненъ. Ничто не возвышаетъ его изъ ряда подобныхъ ему правовѣрныхъ трудолюбцевъ. Напротивъ, авторъ „Повѣсти“—поразительный для своего времени писатель. Онъ съумѣлъ подняться до необыкновенной въ его время объективности и руководился, главнымъ образомъ, инстинктами эпическаго творчества. Еще въ первой половинѣ XIX столѣтія его „Повѣсть“ справедливо была названа „поэмою“ не только за поэтическій языкъ, но и за „скромность“, то есть эпическую объективность, въ ней разлитую. Составляя „укоры и поносы“ тѣмъ, кого послѣ смуты (по условіямъ того времени общеобязательнымъ) не возможно было не поносить, обвинивъ Бориса въ цареубійствѣ, Самозванца во всѣхъ его проклятыхъ дѣлахъ, авторъ затѣмъ освобождаетъ себя отъ обязанности быть обличителемъ и повѣствуетъ о событіяхъ, его интересующихъ, „спокойно зря на правыхъ и виновныхъ“, „не вѣдая ни жалости, ни гнѣва“. Усвоенныя имъ откуда-то красивыя эпическія формулы прилагаетъ онъ равно къ своимъ и чужимъ, въ одинаковыхъ словахъ описывая побѣды и пораженія

какъ москвичей, такъ и ихъ враговъ. Съ одинаковымъ увлеченіемъ, чисто поэтическаго свойства, описываетъ онъ какъ „велемудрое разумѣніе и смыслъ“ Кузьмы Минина, поднявшаго Русь на святую борьбу, такъ и „кругъ собранія“ тушинцевъ-поляковъ, подъ главенствомъ Рожинскаго рѣшающихъ биться со Скопинымъ и его „нѣмецкою“ ратью. Поэтическое сочувствіе отвагѣ поляковъ соединяется у автора даже съ черточкою политическаго имъ сочувствія. Зная (очевидно, изъ польскихъ источниковъ) о борьбѣ Швеціи и Рѣчи Посполитой въ ту эпоху, авторъ влагаетъ въ уста польскаго „кола“ такую рѣчь гетману: „Вѣдомо ти да есть, пане гетмане, яко непрестанно дванадесять лѣтъ Нѣмецкіе людіе ополчахуся противу насъ въ земли нашей, и въ силѣ крѣпости меча нашего не возмогоша подняти и тако всегда отъ насъ побѣжденіе бываху. Да не ужасается сердце твое, великій гетмане!“ [1]). Этотъ своеобразный отзвукъ польскаго патріотизма свидѣтельствуетъ, что въ основѣ міросозерцанія нашего писателя заложено чувство терпимости, совершенно чуждое автору сочиненія „На иконоборцы“. Объ этой терпимости свидѣтельствуетъ и все вообще настроеніе „Повѣсти“, чуждой національной исключительности, вѣроисповѣдныхъ темъ и вообще какой бы то ни было полемики. Между этимъ настроеніемъ поэта и обличительнымъ задоромъ полемиста нѣтъ ничего общаго. Сопоставляемыя нами произведенія совершенно несоизмѣримы.

Чрезвычайно различны они и по своему изложенію. Языкъ „Повѣсти“ ясенъ, простъ, красивъ, богатъ поэтическими оборотами и представляетъ собою одинъ изъ даровитѣйшихъ образцовъ московской литературной рѣчи XVII вѣка, немного тронутой уже западно-русскимъ и польскимъ книжнымъ вліяніемъ (вирши, описанія природы, риторическіе діалоги, отдѣльные варваризмы, въ родѣ: „желды“, „кроль“). У автора трактата „На иконоборцы“ своего стиля нѣтъ. Компилируя, онъ усваиваетъ рѣчь своихъ пособій; когда же пишетъ самъ, то пишетъ съ малымъ искусствомъ, даже безъ элементарнаго грамматическаго согласованія. Фразы неправильныя у него часты („древъне же зело сущу его быша“...; „іерей убо и многимъ частемъ мощей святыхъ покусихся взяти...“; „мнѣ же со тщяніемъ слезънымъ молихомъ его и нудихомъ...“; все это взято съ лл. 123—124 сочиненія „На иконоборцы“). Такихъ неграмотностей у автора „Повѣсти“ нѣтъ и въ поминѣ.

Если бы оба произведенія были раздѣлены значительнымъ промежуткомъ времени, была бы возможность объяснять ихъ различія тѣмъ, что авторъ писалъ ихъ въ разныя эпохи своей жизни,

[1]) Русская Историч. Библіотека, XIII, 593—594.

успѣвъ въ промежуткѣ дойти отъ перваго нехитраго литературнаго лепета до полнаго раскрытія своихъ литературныхъ дарованій. Но этого сказать нельзя, потому что оба сочиненія несомнѣнно относятся къ одному десятилѣтію: трактатъ „На иконоборцы“ къ 1624—1633 годамъ, а „Повѣсть“—къ лѣту 1626 года. Какъ одновременные труды, они по всей видимости, не могутъ принадлежать одному и тому же перу. Таково непреоборимое впечатлѣніе ихъ читателя!

Въ-третьихъ. На основаніи высказанныхъ соображеній надобно устранить возможность предположенія о томъ, что именно кн. Катыреву принадлежало участіе въ составленіи Строгановской лѣтописи. Если не ему приписываемъ мы красоты „Повѣсти“ о смутѣ, то нельзя ему приписать и красивыхъ, въ томъ же типѣ написанныхъ мѣстъ лѣтописи. Съ другой стороны, доступныя намъ въ этомъ вопросѣ хронологическія соображенія заставляютъ заключать, что Строгановская лѣтопись составлена, вѣроятно, уже послѣ смерти кн. Катырева (умершаго въ 1640 г.). Мы держимся взгляда С. А. Адріанова, предположившаго, что Есиповская лѣтопись не была составлена по Строгановской, а, наоборотъ, ей предшествовала и служила ей источникомъ [1]). Есиповъ окончилъ свой трудъ въ 1636 году. Авторъ Строгановской лѣтописи не могъ начать свой трудъ раньше, надобно было время и на то, чтобы до него дошли рукописи Есиповскаго „списанія“. Правда, это соображеніе не устраняетъ мысли, что къ Строгановской лѣтописи приложило свою руку то самое лицо, которое писало „Повѣсть“; думаемъ, однако, что это былъ не кн. Катыревъ.

Въ заключеніе, два слова о томъ Сергѣѣ Кубасовѣ, съ именемъ котораго давно связывалась знаменитая „Повѣсть“. Онъ былъ „Тобольскій сынъ боярскій“; такъ подписалъ онъ свои „труды и тщаніе“, то есть тотъ Хронографъ, въ составѣ котораго впервые стала извѣстна „Повѣсть“. Сопоставленіе того факта, что Кубасовъ былъ сибирякъ, съ тѣмъ, что Катыревъ служилъ воеводою въ Сибири и что литературныя сходства съ „Повѣстью“ дала сибирская же лѣтопись,—можетъ чисто внѣшнимъ образомъ повернуть нашу мысль опять въ сторону Кубасова: не онъ ли на са-

[1]) С. А. Адріановъ. „Къ вопросу о покореніи Сибири“ въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв.“, 1893 г., апрѣль. Любопытно, что собиратели XVII вѣка ставили въ своихъ сборникахъ Есиповскую лѣтопись на первое мѣсто, а Строгановскую помѣщали за нею, какъ „инъ переводъ“ („Сибирскія лѣтописи“. СПБ. 1907, стр. 65). Новое изданіе, „Сибирскихъ лѣтописей“ не во всемъ поддерживаетъ наблюденія С. А. Адріанова, но, по моему впечатлѣнію, не колеблетъ его основнаго вывода о первенствѣ Есиповской лѣтописи.

момъ дѣлѣ авторъ „Повѣсти“? Не зналъ ли его по Сибири кн. Катыревъ и не его ли „труды и тщаніе“ себѣ присвоилъ? Не трудился ли Кубасовъ и надъ Сибирскимъ лѣтописаніемъ, разъ онъ потрудился надъ Хронографомъ?

Послѣдній вопросъ признаю вполнѣ умѣстнымъ и интереснымъ, а на первые два склоненъ отвѣтить отрицательно. Мы очень мало знаемъ о Кубасовѣ, но можемъ утверждать, что онъ не былъ „исходатаемъ Ярославскаго рода“, ибо происходилъ изъ Тотьмы, потомъ, повидимому, былъ въ Казани и „изъ Казанской приказной палаты“ былъ взятъ въ Сибирь на службу. Знать лично Тобольскаго воеводу кн. И. Катырева Кубасовъ врядъ ли могъ, ибо принадлежалъ къ поколѣнію на много младшему. Свѣдѣнія о немъ идутъ лишь отъ 1650—1660 годовъ, а Катыревъ выѣхалъ изъ Тобольска въ 1612 (самое позднее—въ 1613) году [1]).

Предложенныя мною замѣчанія страдаютъ тѣмъ недостаткомъ, что, подрывая достовѣрность ясныхъ данныхъ, взамѣнъ даютъ только недоумѣнія, сомнѣнія и вопросы. Утѣшаю себя однако тѣмъ общимъ соображеніемъ, что истинная научность предпочитаетъ открытое недоумѣніе сомнительной истинѣ. Первое ведетъ къ новымъ усиліямъ благородной пытливости; вторая способна остановить стремленія впередъ. Если мною правильно поставлена задача для будущихъ изслѣдователей, настоящая моя замѣтка будетъ ими оправдана.

---

[1]) Кромѣ того, что отмѣчено было мною въ Древнерусск. Сказаніяхъ и Повѣстяхъ о Смутн. врем.“ (см. по указателю), нѣкоторыя данныя приводитъ Н. Н. Оглоблинъ (Опис. дѣлъ Сибирск. приказа, IV, стр. 34. 143). Въ 7168 (1660) г. С. Кубасовъ былъ Енисейскимъ подьячимъ съ приписью.

С. Веселовскій.

Замѣтка по исторіи бюджета Московскаго государства XVII вѣка.

Въ приказныхъ окладныхъ приходныхъ книгахъ приходный бюджетъ обыкновенно распадается на 4 части: первую — составляютъ остатки отъ прежнихъ лѣтъ, вторую—поступленія „изъ доимки", т. е. поступленія окладныхъ доходовъ на прошлые годы, третью—поступленія окладныхъ доходовъ на текущій годъ, четвертую—поступленія неокладныхъ доходовъ. Поступленія изъ другихъ приказовъ и временные займы у нихъ иногда присоединяются къ послѣдней группѣ, т. е. къ неокладнымъ доходамъ, иногда же выдѣляются въ особую статью съ особымъ заголовкомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ каждомъ приказѣ были свои, большія или меньшія, особенности письмоводства, но въ общемъ указанное дѣленіе приходнаго бюджета соблюдалось какъ на Москвѣ въ приказахъ, такъ и въ городахъ въ воеводскихъ избахъ. Въ этой классификаціи доходовъ важнѣе всего дѣленіе ихъ на окладные и неокладные. На чемъ оно основывалось и съ какими цѣлями проводилось?

Первую попытку отвѣтить на этотъ вопросъ сдѣлалъ А. С. Лаппо-Данилевскій: „Постоянные налоги дѣлились на 2 большія группы: къ первой причислены были всѣ налоги съ репартиціоннымъ характеромъ; они съ этой точки зрѣнія назывались окладными сборами; ко второй—принадлежали постоянные доходы, размѣры которыхъ при составленіи бюджета не поддавались предварительно точному опредѣленію и которые, поэтому, назывались неокладными сборами. Въ составъ окладныхъ сборовъ входили прямые и косвенные налоги, а къ неокладнымъ принадлежали пошлины и пени, иногда даже случайныя или непредвидѣнныя поступленія, которыя всей группѣ придавали довольно неопредѣленный характеръ" [1]).

[1]) Въ примѣчаніяхъ А. С. Лаппо-Данилевскій прибавляетъ: „въ дальнѣйшемъ изложеніи мы употребляемъ терминъ „окладъ, окладной" въ репарти-

Другую попытку объяснить правительственную классификацію доходовъ сдѣлалъ П. Н. Милюковъ. Онъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что по терминологіи XVII в. дѣленіе доходовъ на окладные и неокладные не имѣетъ никакого отношенія къ современному дѣленію налоговъ на косвенные и прямые, но самое опредѣленіе сдѣланное имъ, нельзя признать правильнымъ. „Она (т. е. классификація) разсматриваетъ доходы лишь съ точки зрѣнія ихъ опредѣлимости для правительства: окладные доходы суть тѣ, которые можно ввести въ опредѣленный „окладъ", т. е. въ обязательный для плательщиковъ размѣръ; а такъ какъ правительство старалось, какъ увидимъ, сдѣлать это и относительно косвенныхъ налоговъ, то и они вмѣстѣ съ прямыми составляли отдѣлъ „окладныхъ". Но такъ какъ въ дѣйствительности нельзя было ввести косвенныя поступленія въ столь же опредѣленные размѣры, какъ прямыя,— то терминъ „окладъ" по отношенію къ нимъ получилъ нѣсколько иной смыслъ". Какой именно смыслъ, этого П. Н. Милюковъ не договариваетъ, а ниже объясняетъ причисленіе таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ къ окладнымъ тѣмъ, что они были сбираемы по окладу на вѣру или сдаваемы на откупъ [1]).

Оба эти взгляда мнѣ кажутся неправильными. П. Н. Милюковъ, противорѣча себѣ, замѣчаетъ, что стрѣлецкая подать „въ первые годы" своего существованія считалась неокладнымъ доходомъ, а въ началѣ XVIII в. неокладными деньгами считалися различные чрезвычайные сборы, назначавшіеся по мѣрѣ надобности и имѣвшіе „по преимуществу репартиціонный характеръ" [2]). Таможенные, кабацкіе и другіе сборы на вѣрѣ считаются окладнымъ доходомъ, не имѣя ничего общаго съ репартиціоннымъ принципомъ. Оклады, по которымъ должны были ихъ сбирать выборные люди совершенно не похожи на оклады прямыхъ налоговъ, т. к. имѣютъ значеніе обязательныхъ, съ нѣкоторыми ограниченіями, минимумовъ. Окладной характеръ этихъ доходовъ есть слѣдствіе, а не причина отвѣтственности выборныхъ за недоборъ

ціонномъ смыслѣ, т. е. такъ, какъ онъ постоянно употреблялся въ XVII вѣкѣ"; а еще ниже: „окладнымъ характеромъ таможенныхъ пошлинъ объясняется отвѣтственность таможенныхъ сборщиковъ въ случаѣ ихъ недобора сравнительно съ предшествующими годами". Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ со временъ Смуты до эпохи преобразованій, стр. 30—31. СПБ., 1890.

[1]) Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго, стр. 5, 12—14. СПБ., 1892. Къ мнѣнію П. Н. Милюкова близокъ взглядъ М. М. Богословскаго: Земское самоуправленіе на Сѣверѣ въ XVII в., II томъ, 126 стр. М., 1912 г.

[2]) Государственное хозяйство, и т. д., стр. 58, 281, примѣч. на 282 и 285.

противъ оклада—минимума. Наконецъ, въ составъ окладныхъ доходовъ входятъ частно-правовые оброки, не имѣющіе ничего общаго съ налогами.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что выраженія: окладной налогъ или окладная подать въ XVII в. не употреблялись. Источники говорятъ объ окладныхъ и неокладныхъ расходахъ и доходахъ, сборахъ, дачахъ и т. п., но не объ налогахъ. Самое слово налогъ употреблялось не въ современномъ значеніи слова, а въ смыслѣ притѣсненія, незаконно наложеннаго бремени [1]).

Въ государственныхъ доходахъ XVII в. видное мѣсто занимали различные чрезвычайные сборы. Они были назначаемы и сбираемы по различнымъ принципамъ: то въ видѣ болѣе или менѣе принудительныхъ займовъ и пожертвованій, то въ формѣ долевыхъ налоговъ, какъ, напр., пятая и десятая деньги, то въ репартиціонной формѣ—посошно или подворно. Всѣ эти чрезвычайные или „запросные“ сборы считались неокладнымъ доходомъ. Быть можетъ потому, что деньги и хлѣбные запасы ратнымъ людямъ на жалованье, получившіе позже, то есть въ 30-хъ годахъ XVII вѣка, названіе стрѣлецкихъ, считались первое время своего существованія временнымъ налогомъ [2]); въ смѣтахъ Устюжской чети очень послѣдовательно изъ года въ годъ деньги за стрѣлецкіе хлѣбные запасы причисляются къ неокладному доходу [3]). Возможно, что Стрѣлецкій приказъ считалъ этотъ налогъ окладнымъ, но Устюжская четь по рутинѣ считаетъ его неокладнымъ долгое время послѣ того, какъ выяснился его постоянный характеръ. Въ смѣтахъ и приходныхъ книгахъ Новгородской чети этотъ налогъ не показывается прямо неокладнымъ, но всегда пишется особо отъ окладныхъ четвертныхъ доходовъ [4]).

Въ двинскомъ смѣтномъ спискѣ 163 года, присланномъ въ Нов-

---

[1]) Напр., въ грамотѣ 128 г. въ Муромъ къ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ о воеводскихъ притѣсненіяхъ читаемъ: „И тѣсноты-бъ вамъ и продажи и иныхъ никакихъ налогъ не чинилось“. А. А. Э. III, № 115.

[2]) Акты писцоваго дѣла, I, № 30.

[3]) Напр., въ смѣтѣ 142 г. послѣ перечисленія четвертныхъ окладныхъ доходовъ читаемъ: „Да неокладныхъ доходовъ. По государеву... указу и по памяти изъ Стрѣлецкаго приказа велѣно взяти московскимъ стрѣльцамъ за хлѣбные запасы Устюжской четверти съ городовъ... 5859 р. 11 ал. полпяты деньги“. Далѣе идетъ роспись другихъ неокладныхъ доходовъ. Арх. Мин. Ин. Д., Прик. д. ст. л., 1634 г. № 83. То же въ другихъ смѣтахъ, напр. тамъ же, 1626 г. № 26 и 138/1630 г. № 84.

[4]) Приходную книгу 123 г. см. Р. И. Б. XXVIII т. Приходная книга 128 г.—Арх. Мин. Ин. Д., по Новгороду кн. № 14. Смѣта 142 г. издана г. Сташевскимъ въ Трудахъ предварительн. Комитета XV Археолог. съѣзда. М. 1911 г.

городскую четь, оказалось много „несправчивыхъ“ статей. По этому поводу изъ чети на Двину были посланы къ воеводѣ и дьяку грамоты съ указаніемъ ошибокъ и съ наставленіемъ, какъ составлять смѣты. Въ одной изъ нихъ приказъ, между прочимъ, писалъ: „въ томъ же смѣтномъ спискѣ написаны съ двинскими четвертными окладными доходы въ большомъ перечнѣ вмѣстѣ, что сбирается съ Двины по нашимъ грамотамъ за стрѣлецкіе хлѣбные запасы и ратнымъ людямъ на жалованье по полуполтинѣ съ двора, а тѣ было деньги за стрѣлецкіе хлѣбные запасы и ратнымъ людямъ за хлѣбные-жъ запасы съ двинскими четвертными окладными доходы въ большой перечень прикладывать не надобно, потому что стрѣлецкія деньги сбираются по нашимъ грамотамъ въ иномъ году больше, а въ иномъ году меньше, а ратнымъ людямъ въ жалованье за хлѣбные запасы не всегда сбираются и не ежегодъ, та деньга неокладная, для службы то сбирано, и къ окладнымъ четвертнымъ доходамъ николи писать не довелось и въ перечень прикладывать; а писать тѣ всѣ деньги за большимъ четвертнымъ перечнемъ за остаткомъ во взятьѣ, что не четвертныя окладныя деньги“ [1]). Грамота эта указываетъ, во-первыхъ, то, что это не четвертные доходы, и что поэтому ихъ поступленіе—„во взятьѣ“—слѣдуетъ писать особо, а во-вторыхъ, что полуполтинный сборъ есть неокладной доходъ, такъ какъ сбирается не ежегодно, а для службы, т. е. въ качествѣ чрезвычайнаго налога. Въ грамотѣ 190 г. изъ Стрѣлецкаго приказа на Устюгъ неокладнымъ доходомъ названы десятая и пятнадцатая деньги [2]), а въ началѣ XVIII в. неокладными доходами называются десятая деньга (1711 г.) и различные чрезвычайные сборы, назначавшіеся по мѣрѣ надобности и имѣвшіе „по преимуществу репартиціонный характеръ“ [3]).

Итакъ чрезвычайные налоги, независимо отъ ихъ объекта и формы взиманія, есть доходъ неокладной. Очевидно, что репартиціонный принципъ взиманія и обязательный для плательщика окладъ налога вовсе не были существенными признаками группы окладныхъ доходовъ, а отсутствіе ихъ—группы неокладныхъ. Это подтверждается лучше всего тѣми исключеніями, когда обычно окладной доходъ попадалъ въ группу неокладныхъ доходовъ.

Данныя и оброчныя деньги неизмѣнно входятъ въ составъ окладнаго дохода, но при особыхъ обстоятельствахъ онѣ могли попасть и въ неокладной. Такъ, въ приходной книгѣ Нижегород-

[1]) Арх. Мин. Ин. Д., Прик. д. ст. л., 1656 г. № 65.

[2]) Р. И. Б., XIV, стр. 1001. То же см. въ А. И., V, стр. 120.

[3]) П. Н. Милюковъ, Государственное хозяйство, стр. 281, примѣч. на стр. 282 и 285.

ской чети 123 г. записаны данныя и оброчныя деньги съ Лопскихъ погостовъ Новгородскаго уѣзда, а на поляхъ противъ этой записи отмѣчено: „въ годовой смѣтѣ положены въ неокладныхъ“ [1]). Повидимому, это объясняется тѣмъ, что почти вся Новгородская область была въ это время за шведами, и приказъ не надѣялся и не расчитывалъ на поступленіе доходовъ съ Лопскихъ погостовъ. А вотъ другой случай. Въ 183 г. орловскій воевода прислалъ во Владимирскую четь разные оброки и тѣмъ оброкамъ сборныя книги. Оброки эти въ чети были записаны въ неокладномъ приходѣ, такъ какъ „по тѣмъ сборнымъ книгамъ тѣхъ денегъ въ приходной книгѣ по статьямъ порознь въ доимкѣ и въ окладѣ въ платежъ поднесть невозможно, потому что тѣ деньги по годамъ порознь въ сборныхъ книгахъ не росписаны, и многія оброчныя мѣста въ тѣхъ книгахъ написаны не за тѣми людьми, за которыми въ приходной книгѣ написаны“ [2]). Въ данномъ случаѣ окладныя деньги не было возможности росписать по статьямъ въ окладномъ приходѣ и пришлось записать въ неокладномъ, чтобы засвидѣтельствовать ихъ поступленіе. А вотъ другой сходный случай. Въ приходной книгѣ Галицкой чети 182 г. въ окладномъ приходѣ записаны полоняничныя деньги. Это—совершенно правильно, такъ какъ онѣ были сбираемы ежегодно и въ одинаковомъ размѣрѣ. Однако въ той же книгѣ полоняничныя деньги съ Карачевскаго уѣзда на 180 годъ записаны въ неокладныхъ доходахъ, а тутъ же пояснено, почему такъ сдѣлано. Дѣло въ томъ, что карачевскій воевода прислалъ ихъ въ четь по ошибкѣ, тогда какъ ему слѣдовало послать ихъ въ Разрядъ, „потому что Карачевскій уѣздъ сборомъ полоняничныхъ денегъ со 178 года велѣно вѣдать въ Разрядѣ“ [3]).

Очень часто новые доходы (а не увеличеніе старыхъ), пока не выяснилась надежность ихъ поступленія, были записываемы въ неокладномъ приходѣ. Такъ въ 126 г. извозъ и зерновой и картовой судъ были отданы въ Нижнемъ на откупъ вновь и записаны въ неокладныхъ доходахъ [4]), а въ приходной книгѣ Новгородской чети 128 г. мы видимъ его уже въ окладныхъ доходахъ [5]). Въ одной изъ грамотъ Новгородской чети на Двину, по поводу несправчиваго смѣтнаго списка 163 г., сказано, что оброчныя деньги съ 322-хъ непашенныхъ бобылей слѣдовало положить въ окладномъ приходѣ, „потому что тѣ деньги со 158 года стали оклад-

---

[1]) Р. И. Б., XXVIII, стр. 238.

[2]) Арх. Мин. Ин. Д., по Владимиру кн. № 14, лл. 116 и 292.

[3]) Тотъ же архивъ, по Галичу кн. № 27, лл. 173 и 326 об.

[4]) Тотъ же архивъ, Прик. д. ст. л., 1639 г. № 82.

[5]) Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 14, л. 162.

ныя“ [1]). Повидимому, въ 158 г. выяснилось, что это доходъ постоянный, и четь поэтому не считала его неокладнымъ. Въ 127 г., когда Новгородъ еще не оправился отъ разоренья, новгородскіе воеводы записали въ неокладномъ приходѣ оброки съ пустыхъ земель, сѣнныхъ покосовъ, садовъ, огородовъ и пустыхъ дворовыхъ мѣстъ. На это къ нимъ изъ чети была послана грамота, „а велѣно тѣ деньги впередъ писати въ окладъ съ окладными доходы, потому что онѣ въ сборѣ бываютъ ежелѣтъ“ [2]). Разногласіе мѣстной и приказной администраціи въ данномъ случаѣ вполнѣ понятно, такъ какъ обычно мелкіе оброчки съ „однолѣтнихъ наймовъ“ какихъ-нибудь пустошей, остававшихся отъ помѣстной раздачи, или съ угодій, не взятыхъ въ тягло или на многолѣтній оброкъ, причислялись, какъ ненадежный доходъ, къ неокладнымъ доходамъ [3]). Этимъ соображеніемъ руководились новгородскіе воеводы, но четь предписывала причислять эти оброки къ окладному доходу, такъ какъ они въ сборѣ бываютъ „ежелѣтъ“.

Причисленіе таможенныхъ сборовъ и питейной и другихъ монополій къ окладнымъ доходамъ объясняется слѣдующимъ. Наиболѣе употребительными формами сбора этихъ доходовъ были: сдача ихъ на откупъ частнымъ лицамъ и сборъ на вѣрѣ—при помощи выборныхъ отъ населенія, за крестнымъ цѣлованьемъ. Рѣже встрѣчаются отдача дохода на откупъ всему міру и замѣна по челобитью населенія косвеннаго налога прямымъ, ежегоднымъ опредѣленнымъ платежемъ, откупомъ въ томъ смыслѣ слова, въ которомъ оброкъ за намѣстничьи кормы и доходы иногда называется намѣстничьимъ откупомъ. Нѣтъ надобности объяснять, почему доходъ, сданный на откупъ частнымъ лицамъ или міру или замѣненный прямымъ налогомъ, считался окладнымъ; слѣдуетъ только сказать нѣсколько словъ о сборѣ на вѣрѣ. Выборные собирали доходы по заранѣе опредѣленному окладу, а окладомъ были — въ первой половинѣ XVII в. обыкновенно сборъ предыдущаго года, а во второй—высшій сборъ одного изъ предшествовавшихъ лѣтъ. Приказы допускали предположеніе, что выборные при добросовѣстности и радѣніи могутъ собрать въ своемъ году во всякомъ случаѣ не менѣе оклада. Отсюда—отвѣтственность выборныхъ за недоборъ противъ оклада. Однако, выборные имѣли право „отводить“ отъ себя вину, т. е. доказывать, что недоборъ произошелъ „безхитростно“ и по независящимъ отъ нихъ причинамъ. Для

[1]) Тотъ же архивъ, Прик. д. ст. л., 1656 г. № 65.

[2]) Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 14, л. 8 об.

[3]) Приходная книга Устюжской чети 129 г.—тотъ же архивъ, по Чарондѣ кн. № 1. См. также цитированныя книги Новгородской чети 123 и 128 гг.

сложенія недобора былъ безусловно необходимъ докладъ приказа государю или боярамъ, и если выборнымъ удавалось „очистить“ себя отъ обвиненія въ недобросовѣстности или въ нерадѣніи, то недоборъ слагался, т. е. они освобождались отъ отвѣтственности за него. Такъ было въ принципѣ, но на дѣлѣ приказная волокита и постоянная склонность приказныхъ рѣшать всѣ дѣла не принципіально, а глядя по людямъ и по дѣлу, дѣлали „отводъ“ недобора очень затруднительнымъ. Во время же войнъ, когда правительство особенно нуждалось въ деньгахъ, добиться сложенія недобора было почти невозможно. Поэтому на практикѣ вѣрная система сборовъ приближалась, въ большей или меньшей степени, къ принудительному откупу и была въ рукахъ приказныхъ настолько вѣрнымъ способомъ сбора доходовъ, что вполнѣ оправдывала причисленіе разныхъ доходовъ на вѣрѣ къ окладнымъ [1]). Отвѣтственность вѣрныхъ сборщиковъ за недоборъ была причиной, а не слѣдствіемъ, какъ полагалъ А. С. Лаппо-Данилевскій, надежнаго поступленія вѣрныхъ сборовъ и причисленія ихъ къ окладнымъ доходамъ.

Въ видѣ исключенія таможенный, кабацкій и другіе доходы на вѣрѣ и откупѣ могли попасть въ неокладной приходъ, если они казались приказу ненадежными къ поступленію. Такъ, въ приходныхъ книгахъ Разряда 130, 133 и 134 гг. эти доходы съ нѣкоторыхъ городовъ записаны въ неокладномъ приходѣ [2]). Приходная книга 137 г. объясняетъ это отступленіе отъ обычнаго порядка, принятаго въ Разрядѣ и другихъ приказахъ; въ ней послѣ записи окладныхъ доходовъ по городамъ мы читаемъ такой заголовокъ: „Въ городѣхъ кабаки и тамги заведены послѣ литовскаго разоренья въ тѣ поры, какъ тѣ городы по государеву указу строены изъ Разряда, а напередъ сего тѣхъ городовъ таможенные и кабацкіе доходы въ Разрядѣ въ окладѣ не были, а что тѣхъ денегъ въ прошлыхъ годѣхъ сбирано, и тѣ деньги писаны въ приходѣ съ неокладными деньгами. А на нынѣшній на 137-й годъ тѣ деньги написаны въ окладъ“ [3]). Въ данномъ случаѣ Разрядъ, въ полномъ согласіи съ своимъ взглядомъ на существо окладныхъ и неоклад-

[1]) Судебныя пошлины обыкновенно входили въ составъ неокладныхъ доходовъ, но если ихъ сбирали на вѣрѣ, что случалось рѣдко, то онѣ могли попасть въ окладной приходъ. См. такой случай въ грамотѣ въ Чердынь — А. И., III, стр. 285.

[2]) Въ книгѣ 130 г.—доходъ съ таможенъ, кабаковъ и перевозовъ въ Сѣвскѣ, Мосальскѣ и Мещовскѣ. Арх. М. Ю., Денежнаго стола кн. № 276. Въ 133—134 гг.—сверхъ этихъ городовъ еще въ Карачевѣ и Кромахъ. Тамъ же, кн. № 80, л. 168 и дальше, и кн. № 176.

[3]) Тамъ же, кн. № 86, л. 216.

ныхъ доходовъ, не считалъ эти деньги окладными, пока онѣ были новымъ и ненадежнымъ доходомъ и пока не выяснились размѣры и регулярность ихъ поступленія.

Разсмотримъ теперь группу неокладныхъ доходовъ. Постоянные доходы приказы считали окладными, но если они были сбираемы не ежегодно или давали небольшой, колеблющійся доходъ, то были причисляемы къ неокладнымъ. На Москвѣ Земскій приказъ сбиралъ на устройство уличныхъ мостовъ мостовыя деньги съ дворохозяевъ, по размѣрамъ принадлежащихъ имъ дворовыхъ мѣстъ. Эти деньги были сбираемы разъ въ 6 лѣтъ, и Земскій приказъ считалъ ихъ неокладнымъ доходомъ. Этотъ же приказъ сбиралъ съ мельниковъ по рублю, а съ извозчиковъ по полтинѣ съ лошади (съ хомута), и писалъ про эти деньги въ 154 г. Разряду, составлявшему смѣту по всѣмъ приказамъ, что „тѣхъ денегъ въ окладъ положить не умѣть, потому что прибываетъ и убываетъ, въ прежнихъ годѣхъ собрано не помногу, а иныхъ чиновъ съ людей... имать не велѣно“ [1]). Если оставить въ сторонѣ чрезвычайные налоги, то въ незначительной въ бюджетномъ отношеніи [2]) группѣ собственно четвертныхъ неокладныхъ доходовъ можно намѣтить слѣдующія части. 1) Всевозможныя непредвидѣнныя и случайныя поступленія, не имѣвшія ничего общаго съ налогами: остатки отъ разныхъ посылокъ и ассигновокъ, напр. деньги, оставшіяся отъ хлѣбной покупки, отъ раздачи жалованья служилымъ людямъ и т. под.; деньги, вырученныя отъ продажи ненужнаго приказамъ имущества, конфискованныхъ за нарушеніе уставовъ о торговлѣ товаровъ, питей и судовъ, отобранныхъ у корчемниковъ, и т. под. случайныя поступленія [3]). Неизмѣнную часть неокладнаго прихода составляютъ: 2) всевозможные пени и штрафы: протаможье и промытъ съ торговыхъ людей, поголовныя деньги (за убитую голову), прогонныя деньги съ лицъ, вызвавшихъ своимъ поведе-

[1] А. И., IV, № 6, II.

[2]) Напр., на 142 г. въ Новгородской чети было окладныхъ доходовъ по окладу 152.626 р. 19 ал. 3 д., а неокладныхъ поступило въ 141 г. 2.616 р. 16 ал. $1^1/_2$ д. Указанная выше смѣта. На 153 годъ окладныхъ по окладу было 187.130 р. 14 ал. $5^1/_2$ д., а неокладныхъ собрано въ 152 г. 2.714 р. 9 д. Арх. Мин. Ин. Д., по Новгороду кн. № 30, лл. 259 и 265 об. Въ Устюжской чети на 156 г. было по окладу окладныхъ 40.911 р. 32 ал., а неокладныхъ поступило 846 р. 32 ал. $^1/_2$ д. Тотъ же архивъ. Прик. д. ст. лѣтъ, 1648 г. № 154, лл. 98 и 107.

[3]) Указанныя выше приходныя книги и смѣты приказовъ. Въ книгѣ 128 г. Новгородской чети въ неокладныхъ доходахъ записаны: кладъ, найденный на Вологдѣ, деньги за лошадь, „которая пришла въ подводахъ, а истецъ ей, чья лошадь, не выискался“, деньги за рухлядь, испорченную пожаромъ въ Архангельскѣ. Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. № 14, лл. 45, 547 и 546 об.

ніемъ посылку нарочныхъ „изъ прогоновъ“, заповѣди съ корчемниковъ и ихъ гостей, заповѣди за нарушеніе указовъ о вѣсѣ хлѣба и т. под. [1]). Сюда же относятся пени, наложенныя по особому государеву указу [2]). Всегда неокладнымъ доходомъ считаются 3) всевозможныя пошлины, въ современномъ значеніи этого слова: записныя пошлины съ лавочныхъ, дворовыхъ и другихъ купчихъ, съ различныхъ кабалъ, куничныя и убрусныя деньги и т. под.; судебныя пошлины: ѣздъ, хоженыя деньги, пересудъ, правый десятокъ, судныя деньги съ цѣны иска, мировыя пошлины и т. под.; всевозможныя пошлины съ грамотъ, выдаваемыхъ челобитчикамъ изъ правительственныхъ учрежденій; питейная явка— пошлина за право сварить про свой обиходъ хмельное питье [3]). Наконецъ въ 4-ую группу неокладныхъ доходовъ можно выдѣлить небольшія поступленія, имѣющія характеръ новизны и случайности, такія поступленія, которыя могутъ перейти въ составъ окладныхъ доходовъ, если выяснится, что можно расчитывать на ихъ постоянное и надежное поступленіе. Таковы, напр., краткосрочные оброки съ пустошей или мелкихъ оброчныхъ статей, о которыхъ я упоминалъ выше [4]).

Просматривая списокъ неокладныхъ доходовъ, мы замѣчаемъ, что они дѣйствительно не давали прочнаго основанія для смѣтныхъ предположеній. Однако приказы въ своихъ смѣтахъ не отказываются совсѣмъ отъ предположеній и кладутъ неокладные доходы по поступленію предшествующаго года [5]).

Какъ можно видѣть изъ приведенныхъ фактовъ, приказные, создавая такую классификацію доходовъ, руководились исключи-

[1]) Кромѣ указанныхъ книгъ, см. книги Новгородской чети 129, 134 и 152 гг. Тотъ же архивъ, по Новгороду кн. №№ 13/в, 15 и 28.

[2]) Напр., въ книгѣ 128 г. Новгородской чети записана пеня въ 50 р. съ чердынцовъ „за непослушанье, что они къ Соли-Камской къ Вл. Плещееву на счетъ не поѣхали“. По Новгороду кн. № 14, л. 547 об.

[3]) Относительно явки слѣдуетъ замѣтить, что она считается всегда окладнымъ доходомъ только въ городахъ Разряда, гдѣ она давала значительный доходъ и была сбираема на откупѣ и на вѣрѣ вмѣстѣ съ кабацкимъ доходомъ. См. любую приходную книгу Разряда, въ Арх. М. Ю. въ отдѣлѣ книгъ Денежнаго стола. Въ центрѣ государства и на сѣверѣ явка давала незначительный доходъ и была сбираема воеводами, особо отъ кабацкаго сбора. Быть можетъ, послѣднее было основаніемъ того, что всѣ чети считали явку, наряду съ другими доходами, сбираемыми воеводами не по окладамъ, неокладнымъ приходомъ. Съ этимъ слѣдуетъ сопоставить фактъ, указанный много выше, что Новгородская четь считала судебныя пошлины, сбираемыя на вѣрѣ, окладнымъ доходомъ.

[4]) Указан. выше книги и смѣты.

[5]) Указан. выше смѣта Новгородской чети 142 г., л. 301 об.: „Новгородскія же чети въ городѣхъ неокладныхъ всякихъ четвертныхъ доходовъ

тельно практическими соображеніями. Они вводили постоянные прочные источники дохода въ окладъ, болѣе или менѣе обязательный для плательщиковъ, и получали такимъ образомъ группу доходовъ, на которые можно было постоянно расчитывать и относительно которыхъ можно было дѣлать смѣтныя предположенія. Доходы же чрезвычайные, временные и ненадежные къ поступленію они считали неокладными. Такимъ образомъ ихъ классификація ближе всего подходитъ къ современному дѣленію доходовъ на обыкновенные и чрезвычайные. Я говорю—подходитъ, такъ какъ нельзя сказать, что совершенно совпадаетъ. Такъ, я указывалъ, что пошлины входили въ составъ неокладнаго прихода, хотя въ сущности были постояннымъ доходомъ. Другіе признаки тоже нельзя считать существенными и необходимыми для приказной классификаціи. Окладные доходы дѣйствительно были сбираемы по окладамъ, но фискально-правовое значеніе окладовъ очень различно для разныхъ источниковъ. Съ другой стороны, налогъ съ обязательнымъ для плательщиковъ окладомъ могъ быть причисленъ къ неокладному приходу, если былъ чрезвычайнымъ. Ничего, конечно, общаго не имѣютъ окладные доходы съ репартиціонной формой взиманія налоговъ. Поэтому мнѣ кажется совершенно безполезнымъ оцѣнивать правительственную классификацію доходовъ съ точки зрѣнія логики; достаточно описать фактъ и указать его практическое значеніе. Классификація XVII в. дѣйствительно страдаетъ несовершенствомъ, но нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы отъ ея несовершенства страдало дѣло; а это—главное. Тотъ фактъ, что эта классификація продержалась не только весь XVII в., но по существу перешла и въ XVIII-й, показываетъ, какъ мнѣ кажется, что у нея были значительныя практическія достоинства.

Замѣчу въ заключеніе, что и въ расходномъ бюджетѣ проводится дѣленіе расходовъ на окладные и неокладные. Только относительное бюджетное значеніе окладныхъ расходовъ гораздо меньше, чѣмъ доходовъ, вслѣдствіи постояннаго стремленія правительства не давать имъ разрастаться [1]).

во 142-мъ году собрать, только сберется противъ 141-го года, 2616 р. 16 ал. полторы деньги". Въ бюджетахъ XVIII в. неокладные доходы кладутся въ смѣту „по дѣйствительному вступленію прошлаго года". Сборникъ Р. Ист. Об., VI т., стр. 220. То же въ вѣдомости 1775 г. по Переяславлю Рязанскому. Рязань, Матеріалы для исторіи города XVI—XVIII вв., стр. 154. М. 1884 г.

[1]) См. книги и смѣты указанныя выше. См. также Окладную расходную роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья 1681 г., изданную А. Зерцаловымъ въ Чт. Общ. И., за 1893 г. Въ росписи доходовъ и расходовъ по Болхову за 167 г. окладными расходами названы тѣ, которые „по вся годы бываютъ". Арх. М. Ю., Разрядная вязка № 3, докум. № 29.

К. Успенскій

Наброски о Magna Charta 1215 года.

Предварительное.

Кому неизвѣстна Великая Хартія Вольностей, которую въ 1215 г. далъ англійскому народу и подкрѣпилъ своей клятвой за себя и за своихъ преемниковъ король Джонъ; кто не слыхалъ объ ея великомъ значеніи для политическаго развитія Англіи и всей Европы? Не даромъ и современный англичанинъ продолжаетъ еще считать 15 іюня 1215 г. первымъ днемъ многовѣковой, прославленной свободы своей страны, а Великую Хартію ея краеугольнымъ камнемъ [1]). Почти во всѣхъ крупнѣйшихъ трудахъ по политической исторіи Англіи увѣренно и торжественно Великая Хартія изображается какъ грандіозная побѣда сплотившейся и осознавшей себя націи надъ королевскимъ произволомъ, побѣда, ставшая образцомъ и для другихъ европейскихъ народовъ. Въ ней привыкли видѣть первое провозглашеніе широкихъ публично-правовыхъ принциповъ и гарантій правосудія и правового порядка.

Такими представленіями о Великой Хартіи жило европейское цивилизованное общество цѣлыхъ два вѣка, и въ своей устойчивости они отлагались въ общественномъ сознаніи особымъ чувствомъ благоговѣнія и умиленія передъ великимъ актомъ.

Только въ самое послѣднее время, въ связи съ поднявшимся въ области научно-исторической мысли движеніемъ въ сторону переоцѣнки установившихся задачъ, пріемовъ, понятій и построеній, были сдѣланы попытки вторгнуться съ критическимъ пересмотромъ и въ область представленій о Великой Хартіи, какъ безусловно важномъ и яркомъ моментѣ „средневѣковой“ исторіи. Именно здѣсь должна была особенно властно поработать научная мысль старыхъ поколѣній историковъ и обильно отложить свои

---

[1]) См. напр. Д. М. Петрушевскій. Очерки по исторіи общества и государства Англіи въ средніе вѣка. Гл. IV, 149—182.

наслоенія, даже помимо воли самихъ изслѣдователей. И именно здѣсь вдумчивая критическая работа могла стать чрезвычайно плодотворной: измѣненіе фронта въ отношеніи къ Великой Хартіи должно повлечь за собой перестройку заново и всей соціально-политической эволюціи Англіи въ Средніе вѣка. Вопросъ становится не только интереснымъ въ методологическомъ отношеніи, но и весьма важнымъ въ обще-историческомъ смыслѣ. Изъ этихъ попытокъ, двинутыхъ еще авторитетной оговоркой Поллока и Мэтлэнда въ ихъ классической „Исторіи англійскаго права“ — слѣдуетъ назвать статьи Раунда и Просеро (объ „Неизвѣстной Хартіи“—въ Engl. Hist. Rev. 1893—1894 г.), но главное работы Кэтъ Норгэтъ (John Lackland, 1902), Дженкса (The Myth of Magna Charta)[1]) и Макъ Кекни (Magna Charta, 1905). Ихъ совмѣстными усиліями въ значительной степени поколебленъ тотъ старый и старинный взглядъ на Великую Хартію, который нашелъ себѣ классическое выраженіе у Стеббса (Constitutional History of England) и отразился въ изслѣдованіяхъ политической исторіи Англіи и континентальныхъ историковъ и юристовъ (Гнейстъ, Гласонъ, Бутми). Взглядъ этотъ увѣренно и торжественно выдвигалъ актъ 1215 г. какъ славное дѣло всего англійскаго народа, сплотившагося противъ злоупотребленій напрягшагося королевскаго деспотизма и впервые создавшаго въ договорѣ съ королемъ важнѣйшія конституціонныя нормы.

Откуда ведетъ свое начало такое представленіе? Всегда ли за Хартіей 1215 г. признавалось такое крупное, капитальное значеніе? Что касается современниковъ ея и ближайшихъ къ ней поколѣній, то общее впечатлѣніе таково, что они оцѣнивали ее много скромнѣе, не видѣли въ ней ничего чрезвычайнаго и „дѣлающаго эпоху“. Многочисленные хроникеры и анналисты во главѣ съ наиболѣе обстоятельными Matthew Paris (Chronica Majora), Ralph of Coggeshall (Chronicon Anglicanum), Roger of Wendover (Chronica), живо излагая борьбу, вспыхнувшую между королемъ Джономъ и англійскимъ „обществомъ“ и приведшую къ акту 1215 г., весьма равнодушно изображаютъ этотъ завершительный моментъ движенія. Нѣкоторые изъ нихъ (напр. Исторія Вильгельма Маршала) и совсѣмъ не находятъ нужнымъ даже упомянуть о Великой Хартіи. Другіе (напр. Histoire des ducs de Normandie) опредѣленно смотрятъ на нее какъ на узко-феодальный актъ (pax inter regem et barones). И вообще слѣдуетъ сказать, что современные и близкіе по времени къ Хартіи источники безъ какихъ бы то ни было колебаній и недомолвокъ квалифицируютъ все дв-

[1]) Въ The Independent Review, 1904, Nov.

женіе совершенно отчетливо какъ столкновеніе группы барономъ и магнатовъ съ королемъ Джономъ, какъ сеньоромъ-королемъ. Въ такомъ же ограниченномъ смыслѣ трактуетъ событія, увѣнчавшіяся актомъ 1215 г., и папа Иннокентій III въ своей августовской буллѣ.

Наконецъ, признаки той же точки зрѣнія на лицо и въ самой Великой Хартіи, заявляющей въ ст. 61 отъ имени короля, что „все вышеуказанное пожаловано для блага королевства и наивящшаго прекращенія раздора, возникшаго между нами и нашими баронами".

Въ послѣдующія эпохи, повидимому, Великая Хартія все плотнѣе забывалась. По крайней мѣрѣ Pollard въ своей монографіи о Генрихѣ VIII указываетъ на весьма любопытный фактъ: Шекспиръ въ „Королѣ Джонѣ" обходитъ Хартію полнымъ молчаніемъ. Если изъ этого и нельзя еще заключать о полномъ забвеніи ея въ XVI в., то во всякомъ случаѣ ясно, что и тогда ей не приписывали того краеугольнаго значенія, какое замѣчаемъ въ позднѣйшей литературѣ; на нее не опирались, какъ на палладіумъ англійской свободы, чѣмъ и объясняется самая возможность деспотическаго режима Тюдоровъ.

Оказывается, что ученое и политическое вниманіе сосредоточивается на Великой Хартіи не ранѣе первой половины XVII в. Первый, кто напомнилъ англійскому обществу о ней, былъ Эдуардъ Кокъ въ спеціальномъ трактатѣ (Second Institute), опубликованномъ по распоряженію Долгаго Парламента. Въ революціонномъ возбужденіи политическая мысль искала прецедентовъ, стремилась доказать исконность стремленій англійскаго „народа" къ свободѣ и правовому порядку. Она и остановилась на Великой Хартіи, какъ на актѣ удачнаго протеста противъ короля, отдаленнаго предшественника Стюартовъ. Совмѣстная работа патріотической легенды и политическаго резонерства, исказивъ и соціальный составъ и политическій смыслъ Хартіи, расцвѣтила ее, какъ колыбель свободы англійскаго народа и краеугольный камень парламентаризма. Со стороны политиковъ и юристовъ XVII и XVIII ст. такая переработка Великой Хартіи понятна: они совсѣмъ не были спокойными изслѣдователями, и въ ихъ цѣли вовсе не входилъ историческій анализъ ея. Они старались дать своимъ политическимъ тенденціямъ историческую защиту и наполовину—вольно, наполовину — невольно, выкрашивали движеніе и борьбу XIII в. въ современные имъ соціальные и политическіе цвѣта. И самый текстъ Великой Хартіи въ ихъ устахъ и съ ихъ комментаріями, (возьмемъ-ли Кука, Блекстона съ его знаменитымъ Introduction, Бэрентона, Ривса, Сомсона (Thomson) звучалъ „торжественно и гордо" и пріобрѣталъ расширенный и углубленный смыслъ.

Позднѣйшая научно-историческая работа пошла подъ впечатлѣніемъ этого политическаго энтузіазма. Историки-изобразители политическаго развитія Англіи зарисовывали и оцѣнивали, какъ одинъ изъ его этаповъ или моментовъ, не ту Хартію короля Джона, которая была почти забыта еще въ XVI в., а ту, которая была воссоздана политическимъ энтузіазмомъ XVII—XVIII ст. И то привычное и какъ будто несомнѣнное разъясненіе Великой Хартіи, хорошо извѣстное по своему яркому выраженію у Стеббса, оказывается историческимъ построеніемъ или схемой, доставшейся въ наслѣдіе отъ далекихъ уже намъ поколѣній людей, имѣвшихъ передъ собою совсѣмъ иныя задачи въ сферѣ научно-историческаго познанія, орудовавшихъ иными пріемами и понятіями, чѣмъ мы.

На ряду съ разоблаченіемъ „революціонно-политической переработки“ акта 1215 г. въ томъ же самомъ, т. е. въ искусственности и искаженности общепринятаго представленія Великой Хартіи убѣждаетъ: 1) и осторожно-безпристрастный пересмотръ текста ея и всего круга документовъ, относящихся къ ней, 2) и привлеченіе къ дѣлу новыхъ, неизвѣстныхъ раньше свидѣтельствъ и источниковъ (особенно важной оказалась, такъ назыв., „Неизвѣстная Хартія“, о которой рѣчь впереди), 3) и, наконецъ, болѣе отчетливое изученіе англійскаго феодализма, какъ онъ складывается съ своими особенностями послѣ, такъ назыв., Нормандскаго завоеванія. Первый съ очевидностью обнаруживаетъ, какой невѣрный, не соотвѣтствующій XIII в. смыслъ, какое расширенное и раздутое толкованіе придавались и отдѣльнымъ положеніямъ Хартіи, и ея терминамъ. Второе—неожиданно, но и безповоротно освѣтило по новому многое въ движеніи, приведшемъ къ выработкѣ Хартіи 1215 г., отраженно заставляя понимать иначе и старыя данныя. Третье позволило значительно перестроить прецеденты и генезисъ Великой Хартіи.

I. Корни Великой Хартіи.

Не ясно ли прежде всего, что та Великая Хартія Вольностей, въ которую мы привыкли вѣрить и передъ которой мы умиленно преклоняемся, которую подъ вліяніемъ „классическаго направленія“ представляемъ себѣ грандіознымъ національнымъ и конституціоннымъ актомъ, стоитъ передъ нами сфинксомъ, не поддающимся объясненію чудомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что въ юридическомъ смыслѣ представляетъ собою актъ 1215 г.? Это—первый законъ, изданный Общимъ Совѣтомъ королевства (Commune consilium, какъ зародышъ парламента), вводимымъ той же Хартіей,—

говорятъ одни. Это—декларація правъ, изданная въ формѣ королевскаго отвѣта на народную петицію,—говорятъ другіе. Это—договоръ между верховной властью и націей,—говорятъ третьи. Конечно, весьма легко показать, какъ ошибочны всѣ эти опредѣленія. Великая Хартія—не законъ, поскольку его принудительной силой оказывается связаннымъ только одинъ король. Великая Хартія и не договоръ, ни оффиціальный, ни частный, поскольку на лицо не оказывается двухъ полноправныхъ договаривающихся сторонъ. Но важно другое—именно, эта безпомощная противорѣчивость опредѣленій, похожихъ на неудачныя разгадыванія неподатливой загадки. А загадкой Великая Хартія сдѣлалась потому, что она была вырвана изъ своей соціально-политической среды, была превращена въ неожиданную чрезвычайность, въ нѣкій поворотный моментъ. Этотъ характеръ необыкновенности, революціонности и необходимо прежде всего и рѣшительнымъ образомъ совлечь съ нея, чтобы приблизиться къ уясненію дѣйствительнаго ея содержанія и смысла.

Есть солидныя основанія утверждать, что актъ 1215 г. вовсе не являлся исключительнымъ, единичнымъ „событіемъ“ въ исторіи Англіи. Напротивъ, онъ имѣлъ свою очень долгую исторію и явился результатомъ не только работы составлявшихъ ее революціонныхъ круговъ царствованія „Іоанна Безземельнаго“, но и завершеніемъ начавшагося много раньше процесса выработки самаго института Хартіи, какъ извѣстной церемоніи, черезъ которую проходили цѣлыя вереницы англо-саксонскихъ и англо-нормандскихъ королей. Корни „Хартіи“ уходятъ въ глубь англо-саксонской эпохи. Любопытно разглядѣть ихъ въ тѣхъ торжественныхъ клятвахъ, которыя произносили при своемъ воцареніи до-нормандскіе короли. „Во имя Христа даю сіи три обѣта люду христіанскому, мнѣ подданному: первое—заповѣдать и всѣми силами стараться осуществить, чтобы церковь Божія и весь народъ христіанскій всегда хранили истинный миръ при нашемъ посредничествѣ; второе—воспрещать насилія и всякія несправедливости; третье—заповѣдать во всѣхъ судахъ справедливость и милость, дабы милостивый и человѣколюбецъ Богъ снизошелъ своею милостью ко мнѣ и всѣмъ вамъ“ [1]). Въ трехъ пунктахъ этой изстаринной королевской „клятвы“, думается, не трудно узнать три основныхъ элемента содержанія Magna Charta 1215 г. Но любопытно однако то, что эти самыя основы въ старинной клятвѣ захвачены шире, я бы даже сказалъ, государственнѣе. Уже одно то, что populus christianus превратился въ Ве-

[1]) См. Stubbs—Select Charters; Kemble—Saxons in England, II.

ликой Хартіи въ будничнo-узкую группу—omnes liberi homines nostri—показываетъ пониженіе тона. Въ коронаціонной клятвѣ англо-саксонскихъ королей чувствуются тѣ до-феодальные патріархальность и библейскій характеръ власти, которые замѣчаются и въ прочихъ германскихъ объединеніяхъ на римской почвѣ, а особенно явственно во власти франкскихъ королей. Трудно, конечно, опредѣленно утверждать, что и здѣсь мы имѣемъ передъ собой продукты воздѣйствія идей блаж. Августина и его „Божіей общины", какъ это теперь пытаются доказать относительно „христіанской имперіи" Карла Великаго [1]). Вспоминая однако, что главные „августинисты" послѣдняго вышли съ британскихъ острововъ и что въ VШ в., а можетъ быть, и раньше, и позднѣе, центромъ „августинизма" являлось островное просвѣщенное монашество, можно не считать странной и неожиданной августинистическую концепцію власти и англо-саксонскихъ королей. По крайней мѣрѣ, въ клятвѣ весьма отчетливо выражены тѣ идеи о populus christianus, vera pax, justitia, о защитѣ слабыхъ отъ насилій, которыя мы застаемъ въ программѣ хотя бы христіанской имперіи Каролинговъ.

Въ такомъ случаѣ клятва англо-саксонскихъ королей выписовывается совсѣмъ не въ очертаніяхъ какого-либо обязательства ихъ передъ кѣмъ-либо, означаетъ собою не ограниченіе королевской власти, а наоборотъ является торжественнымъ выраженіемъ высокаго пониманія ея содержанія и задачъ. Повторяю: для меня здѣсь ясно звучитъ нота государственности, которая замираетъ потомъ, и мы ея не слышимъ въ хартіяхъ, включая сюда и Великую 1215 г., какъ только вступаемъ въ такъ называемую „нормандскую эпоху". У насъ нѣтъ возможности прослѣдить эволюцію клятвы въ предѣлахъ англо-саксонскаго періода. Вильгельмъ Завоеватель при своемъ утвержденіи на островѣ повторилъ ее, поскольку въ его интересахъ было подчеркнуть для англо-саксонскаго общества законную преемственность своей власти. Въ содержаніи клятвы, какъ ее передаетъ анналистъ, ничего не измѣнилось: „Consecratus est (Вильгельмъ) honorifice, prius, ut idem archipraesul ab eo exigebat, ante altare Sancti Petri apostoli, coram clero et populo jure jurando promittens se velle sanctas Dei ecclesias ac rectores illarum defendere, necnon et cunctum populum sibi subjectum juste ac regali providentia regere, rectam legem statuere et tenere, rapinas injustaque judicia penitus interdicere" [2]).

---

[1]) См., напр., Вязигинъ—Идеалы царства Божія и монархія Карла Великаго.

[2]) Stubbs—Select Charters.

Перемѣны (и думается, что не случайныя, не только по небрежности выраженій лѣтописца,) мы замѣчаемъ въ мотивахъ церемоніи и въ соціально-политической ея средѣ. Нормандскій герцогъ, какъ бы онъ ни старался показать свое законное преемство и продолжать править по „законамъ короля Эдварда", всетаки чувствовался въ Англіи чуждой, нахлынувшей извнѣ силой. Несмотря на свои интернаціональныя дружины, на благословеніе папы Александра, онъ оказывался недостаточно силенъ въ „завоеванной" странѣ, чтобы не обосновать своего положенія и договоромъ съ англо-саксонскимъ „обществомъ". И какъ ни напряженна сдѣлалась власть новаго короля, всетаки это была не власть государя, а трепетно-суроваго и безпощадно-требовательнаго феодальнаго сеньера. Клятва, которую давалъ Вильгельмъ, не была уже добровольнымъ и торжественнымъ изъявленіемъ высокаго пониманія своей власти, а выполненіемъ извѣстнаго требованія (ut idem archipraesul ab eo exigebat), уступкой тѣмъ общественнымъ кругамъ, которые соглашались быть ему вѣрными. Соотвѣтственно этому и широкія по традиціи формулы: coram clero et populo, cunctum populum sibi subjectum juste... regere... получаютъ съуженный, феодализированный смыслъ. И знаменитая Сольсберійская присяга 1086 г. получаетъ тогда совсѣмъ особое значеніе.

Такое перерожденіе старинной клятвы и присяги—и по значенію, и по содержанію—еще явственнѣе сказывается при преемникахъ Вильгельма. Какъ ни странно, пожалуй, самую важную роль при этомъ сыграло одно „внѣшнее" обстоятельство: это—условія преемства англійской короны. Послѣ смерти Вильгельма Завоевателя, англійскимъ королемъ сдѣлался не старшій его сынъ, Робертъ, получившій Нормандію, а второй—Вильгельмъ Красный. Такова была воля Завоевателя, но не таковы были желанія большинства англійскихъ его вассаловъ. По смерти Краснаго Вильгельма корона снова переходила не по порядку и договору, не къ обойденному уже разъ Роберту, возвращавшемуся изъ Святой Земли, а къ поддержанному группой англійскихъ бароновъ его младшему брату Генриху. Послѣ него претендентами на англійскую корону выступили племянникъ Генриха—Этьеннъ Блуаскій и дочь его Матильда съ своимъ сыномъ, Генрихомъ. Начинается, такъ называемое, „Смутное время", борьба за престолъ при активномъ участіи различныхъ круговъ англо-нормандской феодальной знати. Принято считать [1]), что эта смута, „ослабленіе силъ, сдер-

[1]) Stubbs—Const. History of England. Д. Петрушевскій—Очерки по исторіи англійскаго общества и государства.

живавшихъ центробѣжныя тенденціи въ англійскомъ обществѣ", такъ сказать, феодальная реакція, начинается послѣ смерти Генриха I. Думается однако, что нѣтъ основаній отдѣлять отъ 1135—1154 гг. предшествующихъ лѣтъ съ 1087 г. Источники не даютъ на это никакого права: все время идетъ однообразное движеніе— съ одинаковымъ составомъ участниковъ, съ одинаковыми стимулами столкновеній и борьбы. Различныя группы не сросшейся англо-нормандской знати пытаются приспособиться къ тому чрезвычайному положенію королевской власти, которое создано было „завоеваніемъ". Первыя вспышки этой борьбы можно усмотрѣть еще въ глубинѣ царствованія самого Вильгельма Завоевателя. Едва ли его можно считать такимъ сознательнымъ и убѣжденнымъ „государственникомъ", какимъ его часто изображаютъ. Укрѣпляя и напрягая свою власть, раздробляя феодальныя владѣнія и т. д., Вильгельмъ дѣйствовалъ отчасти изъ инстинкта самосохраненія, отчасти же совершенно случайно. И его ближайшіе „соправители", высшій феодальный кругъ, стоявшій около него, никогда не переставали видѣть въ немъ только сеньера. Въ этомъ отношеніи едва ли была разница между континентально-нормандскими и англо-саксонскими элементами. Феодализація къ половинѣ XI в. сдѣлала уже настолько прочные успѣхи и въ англо-саксонскомъ обществѣ, что, съ одной стороны, въ пониманіи государственности тѣми и другими нѣтъ возможности замѣтить (по источникамъ) противоположности, а, съ другой, подъ феодализировавшимся уже англо-саксонскимъ обществомъ трудно разумѣть и „народъ", „массу".

„Книга Страшнаго Суда" безповоротно убѣждаетъ насъ въ этомъ [1]). И если изъ тѣхъ, около полутора тысячъ держателей, которые держали непосредственно отъ короля, подавляющее большинство было „норманновъ" съ материка, а англо-саксы заняли преимущественно ряды второстепеннаго рыцарства, то въ своемъ отношеніи къ королю едва-ли они стояли на различныхъ точкахъ зрѣнія. И въ происходившихъ столкновеніяхъ и революціонныхъ попыткахъ эти феодальные слои группировались не по національностямъ. Въ вспыхнувшемъ еще въ 1075 г. возмущеніи противъ „несправедливостей и жестокостей" Вильгельма, иниціаторами являются, правда, недовольные ёрлы изъ пришлыхъ норманновъ. Но это и естественно, поскольку политическія претензіи должны были быть напряженнѣе въ этой средѣ „со-завоевателей". Но въ движеніи, рядомъ съ упреками Вильгельму, какъ неблагодарному сюзерену, не вознаградившему, а обидѣвшему своихъ вѣрныхъ

[1]) П. Виноградовъ—Средневѣковое помѣстье въ Англіи.

соратниковъ-вассаловъ, слышатся и жалобы на суровую расправу съ „родовыми наслѣдниками“ англійской страны [1]). Это—голоса туземныхъ „владѣтелей“, принимавшихъ Вильгельма какъ сеньора, но тоже разочаровавшихся въ немъ и озлобленныхъ его требовательностью. Возмущеніе, имѣвшее цѣлью перераспредѣленіе сюзеренной власти, не удалось благодаря тому, что къ нему не примкнуло мало заинтересованное въ немъ второстепенное рыцарство. Неудачнымъ было и другое крупное, но также чисто-феодальное возстаніе, связанное съ попыткой старшаго сына Вильгельма, Роберта, захватить нормандское герцогство. Мнѣ хочется подчеркнуть, что, несмотря на соблазнительную хаотичность въ выраженіяхъ источника [2]), въ этихъ движеніяхъ противъ короля Вильгельма совершенно немыслимо усматривать сознательныя выступленія феодализма противъ государственности, въ которыхъ активной, рѣшающей силой является „англо-саксонскій народъ“, дорожащій крѣпкой государственной властью и поддерживающій своего „государя-короля“. Ссылаясь опять на соціальную группировку Книги Страшнаго Суда, мы не можемъ представить себѣ состава этого „народа“, самостоятельно защищающаго „государство“. Народъ уже закрытъ мэноріальностью и обреченъ безмолвствовать. И дальнѣйшія движенія, сопутствовавшія перемѣнамъ на англійскомъ престолѣ, вызывавшіяся борьбой изъ-за этого престола, носятъ исключительно феодальный характеръ и проходятъ въ строго феодальной средѣ. Все это—попытки переднихъ группъ королевскихъ вассаловъ установить и наладить извѣстный феодальный modus vivendi съ необходимой іерархической верхушкой—сюзереномъ-королемъ.

Такъ намѣчается сцѣпленіе условій, въ которыхъ происходитъ перерожденіе старинной королевской клятвы, поскольку перерождался и самый характеръ королевской власти. Королевство перестаетъ пониматься какъ простой союзъ подданныхъ, подчиненныхъ государю. Такіе акты, какъ, напр., уже Сольсберійская присяга 1086 г. [3]), показываютъ, что это—комплексъ территоріальныхъ господъ, готовыхъ для отдѣльнаго политическаго существованія. Королю приходится съ значительнымъ напряженіемъ извлекать группы подданныхъ изъ подъ плотныхъ уже сеньеріальныхъ покрышекъ, но и здѣсь довольствоваться скрѣпленіемъ съ этими „свободными людьми королевства“ связи вассальной, а не государственной. Власть нормандскихъ королей, начиная съ Виль-

[1]) Mc. Kechnie—Magna Charta, Part I (Introd.).

[2]) Ord. Vit.—IV, 14.

[3]) Chron. Sax—см. Stubbs—Select Charters.

гельма, чрезвычайно могуча и крѣпка, но это, безусловно, уже власть очень сильнаго и требовательнаго сюзерена.

Измѣнилась политическая сущность и характеръ королевской клятвы, измѣнился соотвѣтственно и ея соціальный составъ: идеальный populus christianus сжался въ omnes liberi homines nostri. Они попрежнему иногда обозначаются omnes fideles, но самое понятіе fides, въ которомъ раньше былъ религіозный оттѣнокъ, къ XII в. тоже феодализировалось. Все теперь приникаетъ къ землѣ, мельчаетъ, пріобрѣтаетъ бо́льшую реальность. И клятва должна смѣнить старинные возвышенные гимны о vera pax, justitia и christianitas, точными обозначеніями и вычисленіями, а для этого болѣе удобнымъ является письменный актъ, т. е. хартія. Внѣшнимъ образомъ хартія каждый разъ появляется при одинаковомъ сочетаніи фактовъ: она дается всегда королемъ, не по преемству восходившимъ на престолъ. Послѣ Вильгельма Завоевателя, а отчасти и по его примѣру, въ Англіи устанавливается какъ бы захватный способъ воцаренія. Опирается онъ на поддержку возобладавшаго большинства духовныхъ и свѣтскихъ сеньеровъ и осуществляется съ помощью, кромѣ того, и наемныхъ съ материка дружинъ. Лишь одинъ разъ вступилъ на престолъ „законный наслѣдникъ“—это Ричардъ Львиное Сердце послѣ Генриха II, но Ричардъ былъ и единственный изъ англійскихъ королей, не даровавшій хартіи. А помимо этого каждое восшествіе на престолъ выходило изъ борьбы и было, въ сущности, партійной побѣдой. Только то были не народныя партіи, а феодально-личныя группировки.

Что же означала собой хартія, каково было ея назначеніе и смыслъ?

Всѣ онѣ, начиная съ „прокламаціи за печатью“ Краснаго Вильгельма, имѣютъ въ виду—omnes fideles nostri или omnes liberi homines nostri; таковъ соціальный ихъ maximum. А это убѣждаетъ насъ въ томъ, что хартіи не выходили изъ чисто феодальныхъ границъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ становится ясно, что это не результатъ договора, какимъ хартія предстаетъ обыкновенно въ феодальныхъ отношеніяхъ (напр., въ Германіи, во Франціи). Та сторона, которой даруется хартія, не принимала участія ни въ какомъ договорѣ, а та группа или партія, которая поддержала и возвела короля на престолъ, естественно, должна была договориться съ нимъ раньше. И хартія составлялась бы не послѣ воцаренія, какъ это было въ дѣйствительности, а до него. Точно такъ же хартію нельзя разсматривать какъ изъявленіе признательности за поддержку и вѣрность, потому что она имѣетъ въ виду болѣе широкіе феодальные круги: хартія охватываетъ своими выгодами и бла-

гами не только сторонниковъ претендента, но и его противниковъ, не различая ихъ, но, можетъ быть, предназначается она всетаки болѣе для вторыхъ, чѣмъ для первыхъ. Партійный сюзеренъ-король долженъ былъ стремиться стать обще-феодальнымъ—totius regni Angliae—подобно тому, какъ Вильгельмъ Завоеватель стремился быть признаннымъ законнымъ преемникомъ старыхъ англосаксонскихъ королей. Въ хартіи король и спѣшилъ манифестировать то, что могло примирить съ нимъ все феодальное общество и представить его естественно примкнувшимъ къ вереницѣ „законныхъ королей", готовыхъ продолжать добрыя традиціи.

Такимъ образомъ можно себѣ представить, какъ хартія проросла изъ клятвы, но было бы ошибкой сказать, что хартія есть переродившаяся и видоизмѣнившаяся клятва. И при хартіяхъ старинная присяга продолжаетъ существовать, какъ нѣчто священное и обязательное для начала царствованія. Хартія родилась отъ клятвы, или лучше сказать: хартія рождается каждый разъ отъ нея, но не непремѣнно, не сама по себѣ, какъ неизбѣжное юридическое ея дополненіе, а только при опредѣленномъ сцѣпленіи обстоятельствъ. Послѣднее же получалось при каждомъ переходѣ англійскаго престола, и оттого кажется, что хартія и клятва неразрывны. Выраженія и термины клятвы устарѣли: они не соотвѣтствовали въ XII в. пониманію вещей тѣхъ общественныхъ круговъ, которые принимали королевскую власть. Ея основные пункты въ съузившейся жизни и въ феодально-измельчавшихъ отношеніяхъ, въ понизившемся политическомъ сознаніи звучали слишкомъ широко, какъ опустошенныя идеальныя формулы, едва-ли могшія заинтересовать кого-либо. Каждому королю, утверждавшемуся въ Англіи, вплоть до Джона, вначалѣ непремѣнно, какъ сюзерену извѣстной группы феодаловъ, той, что, поддерживая его, оказывалась сильнѣйшей, приходилось привлекать прочіе группы и союзы. Старинная клятва уже не годилась въ качествѣ средства привлеченія: она не предуказывала тѣхъ выгодъ и преимуществъ, которыя могли сдѣлать короля пріемлемымъ и желаннымъ сеньеромъ для всѣхъ феодальныхъ круговъ.

Здѣсь и создавалась хартія съ опредѣленно-феодальной конкретностью. Первой, законченно уже выраженной попыткой такимъ образомъ закрѣпить за собою положеніе всеобщаго сеньера—totius regni Angliae, была хартія Генриха I, ставшая образцомъ для послѣдующихъ, исходящихъ изъ нея или къ ней примыкающихъ [1]).

[1]) См. ея текстъ, напр., у Bémont—Chartes des libertés anglaises, а также у Stubbs—Select Charters и Mc. Kechnie—Magna Carta.

2. Liber homo и liberi homines Великой Хартіи.

Общепринятымъ въ исторической литературѣ является взглядъ на Великую Хартію какъ на актъ, въ которомъ борьба съ королевской властью пріобрѣтаетъ національный характеръ, характеръ борьбы за права и вольности англійскаго народа, какъ единаго политическаго цѣлаго. Великая Хартія 1215 г., говорятъ, имѣетъ въ виду всю совокупность „свободныхъ людей“ Англіи. И только такимъ способомъ иниціаторы движенія противъ короля Джона могли обезпечить успѣхъ своему дѣлу. Только превративъ это дѣло въ общее для всѣхъ слоевъ общества, въ національное дѣло, могли бароны разсчитывать провести въ жизнь свои идеалы. Это было тѣмъ легче сдѣлать, что „несуразный деспотизмъ“ короля Джона въ одинаковой степени давалъ себя чувствовать всѣмъ. Такимъ образомъ, если раньше обычной комбинаціей общественныхъ силъ былъ союзъ короля съ народомъ и церковью противъ феодаловъ, то теперь она уступила мѣсто соединенію всѣхъ общественныхъ элементовъ для защиты своихъ правъ противъ правительственнаго произвола. Аргументація этого построенія, которую мы застаемъ во всѣхъ выдающихся общихъ трудахъ по „конституціонной исторіи Англіи“, съ достаточной силой и убѣдительностью выдвинута была еще Стеббсомъ (Const. History of England) [1]. Прежде всего разсматриваются обстоятельства, которыя вызвали въ англійскомъ „обществѣ“ движеніе, завершившееся Реннимедскимъ актомъ 1215 г. Это было будто бы движеніе, начатое баронами, убѣдившимися, что иными путями нѣтъ возможности положить предѣлъ вымогательствамъ короля Джона и безпросвѣтному попиранію имъ ихъ правъ. Сообщенія хроникъ и анналовъ съ начала же XIII в., на которыя обычно при этомъ ссылаются, общеизвѣстны и какъ будто убѣдительны. Въ данномъ случаѣ я не буду перебирать и анализировать каждое изъ нихъ, хотя это было бы, несомнѣнно, доказательнѣе. Я позволю себѣ прямо высказать, что общее впечатлѣніе, какое получается отъ пересмотра этихъ анналистическихъ данныхъ [2]), можетъ быть и совершенно инымъ. Буду кратокъ: оказавшись съ первыхъ же шаговъ въ критическомъ положеніи, вслѣдствіе грянувшихъ катастрофъ на материкѣ (потери Нормандіи, Мэна, Анжу, Турени), король Джонъ всѣ свои усилія сосредоточилъ на попыткахъ подняться и выхватить у французскаго

---

[1]) См. также Д. Петрушевскій.—Очерки по ист. англ. общества и государства.

[2]) Имѣются въ виду тексты, приведенные у Stubbs, Select Charters.

короля—утраченныя области. Это было естественное и законное его стремленіе, для котораго онъ не безъ основаній полагалъ, какъ сюзеренъ—король, (а таковымъ онъ только и признавался), что и его вассалы—графы и бароны и даже духовные феодалы тоже съ готовностью напрягутъ свою энергію и пожертвуютъ своими средствами. Его требованія службы и денегъ—не незаконны, а только, можетъ быть, чрезвычайны [1]). Но и здѣсь эта чрезвычайность, если вглядѣться въ извѣстія отъ первыхъ годовъ царствованія, вытекала въ достаточной мѣрѣ изъ отношенія къ нему извѣстной части вассальнаго баронства. Я говорю—части, потому что на сторонѣ короля, по признанію Mattheu Paris оставалось много его вѣрныхъ вассаловъ (quos longum esset (!) enumerare).

Повторяю: оппозиція противъ королевской программы войны съ Франціей создается раньше, чѣмъ Джонъ могъ проявить свою сумасбродную требовательность и „противозаконное“ вымогательство. Группа его вассаловъ, очевидно сговорившись (у нихъ были свои consilia) конспиративнымъ путемъ рѣшила воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ короля и попытаться вернуть тѣ права и независимость, какія были прежде—до Генриха II. Съ этой цѣлью, еще въ 1201 г. была объявлена королю феодальная забастовка. Частичныя забастовки, едва ли законныя и имѣвшія какія-либо основанія, повторяются затѣмъ изъ года въ годъ. Группы бароновъ то и дѣло—или покидаютъ своего сеньера—короля въ разгарѣ военныхъ дѣйствій, или не идутъ съ нимъ въ походъ, очевидно, по сговору, и ссылаясь на то, что ихъ обязательная служба ограничена Англіей [2]). Чѣмъ же отвѣчаетъ король на эти революціонныя попытки бароновъ? Исключительно—феодальнымъ средствомъ—поборами, среди которыхъ однако нельзя указать ни такихъ, которые не имѣли бы основаній, ни такихъ, которые приняли бы сумасбродные размѣры. Все это или scutagia, фиксированныя въ коллоквіяхъ, или обращенія за подмогой, или штрафы за манкировки. Притомъ съ одной стороны анналисты относительно цѣлаго ихъ ряда только указываютъ, что король потребовалъ ихъ съ невѣрныхъ вассаловъ—и неизвѣстно, получилъ ли онъ ихъ, а съ другой, съ такими глухими обозначеніями, какъ infinita или incomparabilis pecunia, можно и не считаться [3]). Нѣсколько нетерпѣливыя попытки Джона воспользоваться доходами и имуществами церквей, каѳедръ и мона-

[1]) См. Mss Kate Norgate—John Lackland. passim.

[2]) W. Cowentry II, 217.—„dicentes se... non debere regem extra regnum sequi nec ipsum euntem scutagio juvare. См. Mc. Kechnie, 83 f.

[3]) См. Ваверл. анналы подъ 1210 г.—въ Select. Charters Stubb'a.

стырей, попытки въ большинствѣ случаевъ кончавшіяся неудачей объясняются тѣмъ безвыходнымъ положеніемъ, въ которое король былъ поставленъ папскимъ интердиктомъ, продиктованнымъ изъ Франціи. Потерявъ среди неудачъ самообладаніе, онъ отвѣтилъ на него рѣзкой мѣрой—объявленіемъ конфискаціи церковныхъ имуществъ. Какъ бы беззаконна, съ точки зрѣнія феодальнаго права, ни представлялась эта королевская „секуляризація“ (но и это еще вопросъ), во всякомъ случаѣ дальнѣйшія требованія платежей съ духовенства—послѣ нея были естественнымъ частичнымъ осуществленіемъ общаго постановленія. Дальше—въ неурядицы вплетается новая линія—столкновеніе короля Джона съ церковью, къ несчастью для него, въ лицѣ самого Иннокентія III. Если въ упорномъ нежеланіи согласиться съ англійскимъ духовенствомъ въ замѣщеніи Кентерберійской каѳедры Джонъ и былъ неправъ, такъ какъ нарушалъ традиціонную свободу выборовъ на церковныя должности, то и папа въ своей аггрессивности заявлялъ слишкомъ властныя претензіи. Онъ дѣйствовалъ тоже террористическими мѣрами. Вполнѣ естественно было, что часть духовенства воспользовалась случаемъ двинуть параллельную баронской—реакцію противъ тѣхъ перемѣнъ въ положеніи высшаго духовенства въ королевствѣ, которыя остались послѣ властныхъ попытокъ Генриха II, хотя онъ въ концѣ концовъ и пошелъ на уступки. Чрезвычайно важно отмѣтить, что король Джонъ все время только защищается, пытается отстоять и осуществить тѣ свои права, какъ сеньера своихъ вассаловъ, обязанныхъ ему службой и платежами, которыя опираются на извѣстную традицію, можетъ быть очень короткую и недавнюю, но во всякомъ случаѣ всѣмъ извѣстную и всѣми такъ или иначе признанную. Нападаютъ (судя по даннымъ хроникъ), оппонируютъ, забастовываютъ, конспирируются—все время исключительно епископы и бароны. Правы ли они, стоятъ ли они на безукоризненной юридической основѣ? Трудно говорить о правѣ въ феодальномъ царствѣ силы. Несомнѣнно, они воспользовались затруднительнымъ положеніемъ Джона, его неудачами на материкѣ. Несомнѣнно, они опирались на свои связи съ французскимъ „правительствомъ“. Но допустимъ даже, что они были правы:—ихъ движеніе никакъ не могло принять широкіе размѣры, вырасти изъ феодальнаго въ государственное и народное. Если только признать, что нападающей стороной были бароны, то какъ разъ они и были именно антигосударственной силой: они боролись противъ тѣхъ успѣховъ „государственности“, которые, помимо сознательной дѣятельности королей, стихійнымъ образомъ проростали въ феодальной Англіи. А

съ другой стороны—дѣйствія короля Джона, только отстаивавшаго достигнутое не имъ, его даже отчаянныя, напряженныя попытки никакъ не могли затронуть интересы широкихъ общественныхъ круговъ, не могли поднять противъ себя—англійскаго народа. Стремленія же баронства были, конечно, далеки отъ всякаго намека на національный характеръ.

Къ тѣмъ же заключеніямъ относительно соціальнаго состава и политическаго значенія Великой Хартіи склоняетъ насъ и пересмотръ самаго процесса ея созданія. Въ этомъ смыслѣ любопытно, конечно, сравненіе текстовъ Великой Хартіи и того, дошедшаго до насъ окончательно выработаннаго вождями движенія — проекта ея, который былъ предъявленъ для подписанія королю Джону, такъ назыв. Артикулами Бароновъ (The Articles of the Barons) [1]). Такое сравненіе не разъ дѣлалось, причемъ констатировалось, что по цѣлому ряду вопросовъ между ними проходятъ весьма существенныя расхожденія: въ самомъ составѣ вопросовъ не все совпадаетъ тамъ и здѣсь. Но не на эти разницы я хотѣлъ бы сейчасъ обратить вниманіе, а какъ разъ наоборотъ, на одинаковость обоихъ документовъ въ общемъ, въ выраженіи соціальныхъ интересовъ, въ высотѣ политическаго сознанія, въ пониманіи сущности разыгравшейся борьбы и взаимоотношеній борющихся силъ. Сравнительное изученіе этихъ двухъ текстовъ убѣдило меня, что по тѣмъ пунктамъ, въ которыхъ хотятъ обыкновенно видѣть доказательство государственнаго и національнаго значенія этого акта, обѣ враждебныя стороны стояли на одной точкѣ зрѣнія: борьба шла не въ плоскости попытокъ установить государственно-правовой порядокъ и обезпечить вольности англійскаго народа. Ни король, ни оппозиція не могутъ быть сочтены ни приверженцами, ни противниками этихъ принциповъ, которые, очевидно, остаются за бортомъ ихъ интересовъ и сознанія. Сопоставленіе Хартіи и Артикуловъ тѣмъ и драгоцѣнно для насъ, что при этомъ оживаютъ оба мертвые документа, слышатся отголоски споровъ и борьбы, разглядываются главные интересы и стремленія противниковъ. Но, что особенно важно, колебанія и тренія вызываются очень опредѣленными моментами: поправки, дополненія, пропуски—идутъ въ одной, тоже очень опредѣленной плоскости — въ области исключительно феодальныхъ отношеній. Иногда эти несходства въ двухъ версіяхъ касаются такихъ незначительныхъ и узкихъ подробностей, что изслѣдователи становились, какъ извѣстно, втупикъ передъ объясненіемъ ихъ смысла. Но они станутъ понятными и представятся

[1]) См. текстъ ихъ хотя бы въ аппендиксѣ къ Magna Charta—Mc. Kechnie

важными для составителей Великой Хартіи, если, отказавшись отъ предвзятостей, стать на ихъ точку зрѣнія — приспособляющихся другъ къ другу феодальныхъ силъ. Если такъ, то пріобрѣтаетъ необыкновенную важность привлеченіе къ дѣлу—третьяго, но безусловно самаго ранняго этапа въ выработкѣ акта 1215 г., такъ называемой „Неизвѣстной Хартіи“ (The Unknown Charter). Я напомню, что этотъ документъ найденъ былъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія во французскомъ архивѣ Trésor des Chartes и знатоки утверждаютъ, что написанъ онъ явственно французскимъ почеркомъ. Конечно, это ничего прямо не доказываетъ, такъ какъ въ XIII в. при анжуйскихъ короляхъ среди ихъ англійскихъ вассаловъ было не мало французовъ. Но эта каллиграфія вмѣстѣ съ топографіей свитка все-таки извѣстное впечатлѣніе производитъ. Въ 90-хъ годахъ, когда Неизвѣстная Хартія (текстъ ея см. напр. въ аппендиксѣ къ труду Макъ Кекни—Magna Charta, стр. 569), становится предметомъ изслѣдованія со стороны историковъ, высказанъ былъ цѣлый рядъ несходныхъ мнѣній и относительно ея происхожденія, и относительно ея содержанія и значенія[1]). Не буду разбираться въ подробностяхъ этихъ споровъ. Что бы ни представляла собой Неизвѣстная Хартія: первоначальный ли королевскій проектъ, или наспѣхъ составленный проектъ Хартіи бароновъ, или донесеніе изъ Англіи какого либо агента французскаго короля, или еще что иное, въ ней прежде всего обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія, собственно, внѣшнія черты: 1) ея несомнѣнно зачаточный характеръ, очевидная неразработанность: новыя требованія, выраженныя въ формѣ уступокъ со стороны короля Іоанна, еще механически присоединены къ нетронутой Хартіи Генриха I; 2) эти новыя требованія только намѣчены, притомъ спѣшившей рукой: начинается рѣчь въ третьемъ лицѣ: concedit rex, а продолжается уже въ первомъ; 3) это первое лицо единственнаго числа, а не множественнаго, какъ обыкновенно въ актахъ отъ имени короля Іоанна. Ясно, что передъ нами не оффиціальный документъ, т. е. ни предъявленный королю, продуманный и отшлифованный ультиматумъ бароновъ, ни манифестированная попытка короля примириться съ возставшими баронами. Но и вообще можно сказать съ увѣренностью, что исходила она не изъ королевскихъ, а изъ баронскихъ круговъ; на то указываетъ выра-

---

[1]) О „Неизвѣстной Хартіи“, см. работы (J. H. Round—въ Engl. Histor. Rev., 1893 г., апрѣль, G. W. Prothero, ib. 1894 г., янв., H. Hall—ib. 1894 г., апрѣль: Mc. Kechnie Magna Charta, стр. 202—205: экскурсъ Petit-Dutaillis къ франц. пер. Конституц. Исторіи Стеббса.

женіе: „Hec est carta, per quam barones querunt et haec concedit rex Johannes“.

Несомнѣнно, король высказался бы съ большей пышностью и достоинствомъ, и не отступилъ бы отъ обычной титулатуры (rex Angliae). За то же говоритъ и особо внимательное отношеніе къ Хартіи Генриха I, столь характерное для руководителей возстанія съ извѣстнаго момента, какъ о томъ свидѣтельствуютъ хроники. Нужно ли точно хронологически фиксировать составленіе этой записи? Вѣдь важно только установить предшествіе ея Артикуламъ и Хартіи, а это очевидно: мятежные бароны уже разыскали (по иниціативѣ арх. Кентерберійскаго, какъ повѣствуютъ хроники)—старинную хартію Генриха I. Они рѣшили положить ее въ основу своихъ требованій, но не успѣли еще разработать этотъ матеріалъ. Это еще, вѣроятно, одинъ изъ первыхъ набросковъ будущихъ артикуловъ, въ которомъ одно формулировано слишкомъ рѣзко и задорно, другое неуклюже и неясно (см. §§ 8, 7 и §§ 5, 11 и 1). И въ то же время соціально-политическая близость всѣхъ трехъ актовъ стоитъ внѣ сомнѣнія.

Какъ первый, пробный эскизъ будущей Великой Хартіи, еще не заретушированный и не расцвѣченный, этотъ документъ особенно цѣненъ своей незакрытой наивностью: онъ обнаруживаетъ простой смыслъ и незатѣйливость стремленій и интересовъ, которые были затуманены въ разработанныхъ Артикулахъ и Хартіи пышной формулировкой и торжественностью тона, могущими дать впечатлѣніе соціальной ширины. Неизвѣстная Хартія носитъ исключительно классово-баронскій характеръ: ни звука въ ней нѣтъ о прочихъ общественныхъ разрядахъ — не только о вилланахъ и горожанахъ, но и о духовенствѣ и даже о рядовомъ рыцарствѣ. И это молчаніе ея о вольностяхъ церкви и лондонской коммуны замѣчательно характерны для соціальнаго состава и политической программы движенія 1213—1215 гг. Характерно потому, что Хартія Генриха I, къ которой документъ примыкаетъ, идетъ въ этихъ отношеніяхъ гораздо дальше его (см. ст. 1, IV Хартіи Генриха I). Такое сокращеніе и съуженіе едва-ли можно объяснить тѣмъ, что составители записки, принимая полностью Хартію Генриха I, не считали нужнымъ повторяться: статьи 2, 3, 4, особенно 5 и 6 ея являются перифразами или переработкой статей принятой Хартіи. Болѣе похоже на то, что составители Неизвѣстной Хартіи сознательно опустили пункты Хартіи Генриха I, выходящіе изъ тѣсныхъ рамокъ узко-феодальныхъ интересовъ.

Всѣ предшествующія соображенія приведены мной съ той цѣлью, чтобы показать, насколько и среда, и обстановка, и усло-

вія, создававшія Великую Хартію, не соотвѣтствуютъ представленію о ней, какъ объ актѣ національнаго характера, какъ мало основаній, даже имѣя передъ глазами тѣ ея мѣста, гдѣ рѣчь идетъ о правахъ и вольностяхъ „всѣхъ свободныхъ людей", вѣрить, что здѣсь имѣется въ виду, дѣйствительно, англійскій народъ, какъ единое соціально-политическое цѣлое.

Вдумываясь и вчитываясь въ текстъ самой Великой Хартіи, мы нигдѣ и ни въ чемъ не замѣтимъ стремленій создателей ея къ привлеченію подъ ея покровъ широкихъ круговъ англійскаго общества, тенденцій уравненія и равенства. Напротивъ, если пока оставить тѣ статьи ея, гдѣ какъ будто рѣчь идетъ о всей совокупности свободныхъ людей, она, какъ типично-феодальный актъ, стремится къ соціальной іерархизаціи и огораживанію, къ сепаратной постановкѣ вольностей и привилегій. Никто не станетъ спорить съ тѣмъ, что центромъ и основой Великой Хартіи является установленіе правъ и выгодъ феодальной аристократіи. Но послѣдняя весьма аккуратно отгородилась даже отъ ближайшей, союзной группы церковно-феодальной знати. Въ Артикулахъ Бароновъ— отсутствуютъ тѣ пожалованія англійской церкви, которыя по тѣмъ или инымъ соображеніямъ включены были въ самую Хартію. Интересы „буржуазіи", т. е. Лондонской коммуны также выговорены были особо и вкраплены въ Хартію, какъ отдѣльныя, спеціальныя части. Но въ устанавливаемомъ Хартіей „охранительномъ комитетѣ 25"—мы не застаемъ представителей ни той, ни другой группы. Что же касается вилланов, то, конечно, они не разсматриваются Хартіей, какъ граждане, какъ обладатели какихъ-либо политическихъ или только даже гражданскихъ правъ. Въ статьяхъ, въ которыхъ упоминаются виллапы, (напр. 20-я) имѣются въ виду интересы все тѣхъ же сеньеровъ.

Но самое главное то, что даже непосредственно въ феодально-рыцарскихъ кругахъ Великая Хартія не проявляетъ объединительныхъ и нивеллирующихъ тенденцій. Казалось бы, (и на этомъ особенно настаивали прежніе изслѣдователи) въ собственныхъ разсчетахъ—бароны, поднимая возстаніе противъ короля, должны были опереться на поддержку собственныхъ вассаловъ, притянуть ихъ на свою сторону, удовлетворяя ихъ нужды. Но этого мы и не видимъ въ Хартіи. Приходится объяснять это особенностями феодальной іерархизаціи въ Англіи послѣ Нормандскаго завоеванія, своеобразной борьбой королевской власти, оказавшейся въ чрезвычайномъ положеніи,—съ ростомъ субинфеодаціи. „Революціонно-реакціонная" аристократія послѣ успѣховъ, достигнутыхъ въ этомъ направленіи при Генрихѣ II, (новые порядки военной службы), не могли счи-

тать такія „нивеллирующія“ теченія въ своихъ интересахъ. Уступки, сдѣланныя второстепенному рыцарству, заключаются въ статьяхъ 15 и 60. Въ первой изъ нихъ устанавливаются для нихъ такъ называемые „феодальные случаи“; во второй высказано пожеланіе, чтобы тѣ обычаи и вольности, которые уступилъ король своимъ людямъ, соблюдались и послѣдними по отношенію къ ихъ вассаламъ. Это очень немного или ровно ничего, особенно, если принять въ соображеніе, что даже и это соблюденіе совсѣмъ не обезпечено для рыцарей. Королю, какъ извѣстно, за невыполненіе принятыхъ обязательствъ грозитъ оффиціальное вооруженное возстаніе, лордовъ же Хартія не связываетъ ничѣмъ, тѣмъ болѣе, что такъ общо и смутно выраженный принципъ, какъ это сдѣлано въ 15 и 60 статьяхъ—легко могъ быть сломленъ при первомъ удобномъ случаѣ.

Разобравшись въ общихъ тенденціяхъ Великой Хартіи, далекихъ отъ намековъ на націонализацію и демократизацію, перейдемъ къ коренному вопросу о томъ, кому жалуются права и вольности Хартіей и кѣмъ они были получены.

Великая Хартія, начинающаяся съ общаго всѣмъ королевскимъ актамъ того времени—привѣтствія сюзерена, обращается къ: „archiepiscopis, episcopis... comitibus, baronibus, justiciariis... et omnibus ballivis et fidelibus suis“.

Кончается обращеніе словно бы обобщающимъ „fidelibus suis“, которое однако при всѣхъ усиліяхъ подчеркнуть важность Солсберійской присяги 1086 г. всетаки не можетъ быть переводимо современнымъ:—„всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ“. Это не слѣдуетъ изъ всего предшествующаго перечня и изъ соподчиненія ballivis et fidelibus—охватывающему ихъ omnibus. Fideles sui здѣсь исключительно могутъ толковаться въ смыслѣ tenentes in capite. Конецъ § 1 Хартіи посвященъ обозначенію того круга лицъ, которымъ „уступлены на вѣчныя времена всѣ нижеозначенныя вольности“. Этотъ, такъ сказать, соціальный maximum Великой Хартіи—опредѣленъ здѣсь на первый взглядъ очень широко: omnibus liberis hominibus regni nostri.

Въ заключительныхъ параграфахъ 62 и 63—та же совокупность лицъ обозначена: homines nostri и просто homines. Но изъ § 60 явствуетъ, что широковѣщательность этихъ терминовъ ненадежна, такъ какъ здѣсь вмѣсто liberi homines nostri—стоитъ только одно весьма выразительное nostri, которымъ и ограничены круги, захваченные пожалованіями: „Omnes autem istas consuetudines predictas et libertates, quas nos concessimus in regno tenendas quantum ad nos pertinet erga nostros“...

Изъ начала же слѣдующей 61 статьи мы убѣждаемся, что подъ nostri слѣдуетъ разумѣть barones nostri, съ которыми и имѣетъ дѣло король.

Пересматривая всю Хартію, мы постоянно будемъ замѣчать это колебаніе между barones и liberi homines, какъ группами, на которыя распространяются пожалованія (если, конечно, не считать статей, касающихся особыхъ, спеціальныхъ группъ: церкви, купцовъ и др.). Такимъ образомъ вопросъ сводится къ выясненію того, кого Великая Хартія разумѣетъ подъ „liber homo".

Прежде чѣмъ приступить къ его разрѣшенію, примемъ во вниманіе, что этотъ терминъ не специфическая принадлежность только Великой Хартіи, даже не только англійской терминологіи: онъ встрѣчается постоянно въ различныхъ документахъ феодальной Европы [1]). Видимъ мы его, напримѣръ, и во франкскихъ капитуляріяхъ, гдѣ обычно онъ означаетъ „вассала", хотя и попадаются тексты, въ которыхъ homines можетъ быть истолковано въ болѣе широкомъ смыслѣ. (См. Memorat. de exerc. in Gallia praeparando, или Capit. miss de exerc. promovendo и др.). Зависитъ это отъ общей неустойчивости феодальной терминологіи. И, конечно, Ротъ, а отчасти и Вайцъ неправильно сливали власть сеньера надъ вассаломъ и помѣщика надъ свободнымъ держателемъ. Это—отношенія совершенно различныхъ порядковъ, съ теченіемъ времени все болѣе расходившіяся въ разныя стороны [2]).

Аналогичную сбивчивость, хотя и съ преобладаніемъ въ качествѣ коренного значенія homines liberi—вассалы, наблюдаемъ мы и въ англійской феодальной латыни. Латинскія версіи позднѣйшихъ саксонскихъ документовъ ставятъ liberi homines вмѣсто „thane", „kinges thegen". Книга Страшнаго Суда, какъ разъяснилъ П. Г. Виноградовъ [3]), въ употребленіи этого термина оказывается неясной и качающейся, поскольку не могла руководствоваться ни ясными юридическими различіями, ни какой-либо установленной юридической теоріей. Болѣе опредѣленно стоитъ это обозначеніе въ Ассизѣ Генриха II—De armis habendis in Anglia, гдѣ какъ основная категорія liberorum hominum—выдвинута группа лицъ, qui habent feodum unius militis.

Что касается хартій, предшествовавшихъ Великой 1215 г., то не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Хартія Генриха I, на которой опиралась и Хартія Іоанна, сливаетъ термины homo и

---

[1]) Mc. Kechnie—Magna Charta, стр. 135 ff.

[2]) Правильно Терешковичъ—въ Ж. М. Н. Пр. 1912 г. № 3.—„Ростъ частной власти по капит. франкскихъ королей".

[3]) Средн. помѣстье въ Англіи, 334 ff.

baro. Это ясно изъ сопоставленія параграфовъ: 2—„Si quis baronum, comitum meorum, sive aliorum, qui de me tenent (и далѣе: similiter et homines baronum meorum); 3.—Et si quis baronum vel hominum meorum; 7 Et si quis baronum vel hominum meorum".

То же опредѣленное впечатлѣніе даетъ и Хартія Генриха II: „Sciatis me... presenti carta mea confirmasse Deo et sancte Ecclesie et omnibus comitibus et baronibus et omnibus hominibus meis"...

Несомнѣнно, что это и было „оффиціальное" обозначеніе трехъ однородныхъ группъ того „феодальнаго общества", съ которымъ король—сюзеренъ находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Въ немъ, конечно, трудно разглядѣть старинный „populus christianus".

Если мы мимоходомъ заглянемъ въ баронскіе Артикулы, то увидимъ, что §§ 15 и 16 ихъ, относящіеся къ одному и тому же разряду лицъ въ одномъ случаѣ называютъ ихъ tenentes de rege, въ другомъ liberi homines.

Съ этими наблюденіями и обратимся къ самой Великой Хартіи, къ тѣмъ ея параграфамъ, которые, имѣя въ виду liberi homines, давали поводъ и основанія изслѣдователямъ усматривать здѣсь „первую торжественную юридическую формулировку принципа обще-гражданской свободы". Терминъ этотъ мы встрѣчаемъ въ слѣдующихъ параграфахъ Хартіи: 1, 15, 20, 21, 27, 30, 34, 39. И надо сказать, что liber homo и liberi homines не всюду звучатъ тождественно: разница есть въ оттѣнкахъ, но въ общемъ ясно, что нигдѣ эти слова не обозначаютъ „свободныхъ людей" и ихъ массу. Относительно § 1 рѣчь была выше, и я не думаю, чтобы нужно было еще разъ толковать это перечисленіе, ставшее хартійнымъ шаблономъ. Параграфы 26 и 27 Хартіи соотвѣтствуютъ §§ 15 и 16 Артикуловъ—и liber homo второго разъясняется tenens de nobis—перваго изъ нихъ. Параграфъ 15 говоритъ о liberi homines, т. е. вассалахъ другихъ сеньеровъ помимо короля, ограничивая вассальный auxilium тремя „феодальными случаями". § 30—запрещаетъ шериффамъ и ихъ помощникамъ брать лошадей или телѣги у liber homo для перевозки иначе какъ съ согласія этого лица. Шериффы—главные агенты короля въ графствѣ; въ ихъ рукахъ сосредоточивалось военное, судебное и административное дѣло. Шериффъ снаряжалъ рыцарей и заботился о снабженіи ихъ провіантомъ. Эта должность часто сдавалась на откупъ—и вице-комиты, нуждаясь въ перевозочныхъ средствахъ, ради экономіи, нарушали подорожныя и подъемныя изъятія liberi homines.

Такимъ образомъ, едва ли подъ послѣдними возможно разумѣть кого-либо ниже бароновъ. Еще поучительнѣе въ этомъ

смыслѣ § 34—гласящій: „Breve quod vocatur Precipe de cetero non fiat alicui de aliquo tenemento unde liber homo amittere possit curiam suam“.

Такъ какъ потерять можно только то, что имѣешь, то liber homo является обладателемъ куріи, носителемъ феодальной юрисдикціи, т.-е. внутри рамокъ „comites et barones“. Остаются §§ 20 и 39, одни изъ самыхъ знаменитыхъ въ Хартіи. § 20 пытается опредѣлить liberi homines—путемъ противоположенія ихъ инымъ соціальнымъ группамъ: купцамъ и вилланамъ. Но этого мало: вчитываясь въ этотъ текстъ, можно убѣдиться въ томъ, что прибавка: per sacramentum proborum hominum de visneto—относится исключительно къ послѣднему разряду—купцовъ. Такова конструкція фразы; да иначе не могло и быть, поскольку вилланы судились и штрафовались на практикѣ сеньеромъ. Получалась нѣкоторая неясность относительно наложенія штрафа на liber homo. Въ баронскихъ Артикулахъ это недоразумѣніе такъ и остается неразъясненнымъ (§ 9). При составленіи Хартіи, во избѣжаніе его прибавили къ § 20—дополнительный § 21: „Comites et barones non amercientur nisi per pares suos...“ Можетъ быть, это два высшихъ ранга liberi homines, но во всякомъ случаѣ, они предполагаются входящими въ предѣлы этой соціальной группы. И наконецъ—прославленная 39-я статья: „Nullus liber homo capiatur, vel imprisonetur, aut disseisiatur... etc“. Приверженцы широкаго толкованія liber homo этого параграфа ссылаются обыкновенно на тѣ добавленія въ немъ, которыя были сдѣланы въ „пересмотрѣнной“ Хартіи (см. § 29 Хартіи Генриха III): Nullus liber homo... capiatur vel imprisonetur aut disseisiatur de aliquo libero tenemento suo vel libertatibus vel liberis consuetudinibus suis... etc». Отсюда выводятъ, что liber homo здѣсь фриголдеръ, свободный держатель въ противоположность вилланамъ [1]). Но не надо забывать и того, что въ такъ называемомъ New Rymer'ѣ [2]) мы находимъ такого рода „концессію“ короля Джона отъ 10 мая 1215 г. «Sciatis nos concessisse baronibus nostris qui contra nos sunt, quod nec eos nec homines suos capiemus nec dissaisiemus nec super eos per vim vel per arma ibimus, nisi per legem regni nostri, vel per judicium parium suorum in curia nostra“... Не ясно ли, что эта уступка легла въ основаніе и § 39 Великой Хартіи. Въ ней имѣются въ виду бароны и ихъ вассалы, которые уже въ баронскихъ Артикулахъ превратились въ liberi homines.

---

[1]) Мнѣніе Prothero, H. Taylor и др.

[2]) Thom. Rymer—Foedera, Conventiones etc. 4 th. ed. (1816—69) I, 128.

Да иначе трудно представить себѣ дѣло: король обязуется не захватывать и т. д. извѣстной категоріи людей, обязуется не идти противъ нихъ войной, не посылать противъ нихъ свое войско—иначе, какъ по приговору ихъ перовъ. Противъ кого могъ идти король?—Конечно, не противъ всякаго фриголдера, а только противъ бароновъ и ихъ вассальныхъ круговъ. Въ ст. 39 ничего широко принципіальнаго и нѣтъ: это скорѣе одна изъ временныхъ, спеціальныхъ статей, гарантирующихъ безопасность бароновъ, возставшихъ противъ короля—сеньера и такимъ образомъ совершившихъ „фелонію". Сеньеръ могъ или оружіемъ отвѣтить на нее, или совершить коммизу. Но вассалы настойчиво стремились, чтобы и то, и другое проводилось судебнымъ порядкомъ, т. е. по приговору суда перовъ. Англійскіе бароны статьей 39 и пытались обезпечить себѣ безнаказанность за свою измѣну. Подъ liber homo ея никого и нельзя разумѣть кромѣ бароновъ и ихъ вассаловъ. Что же касается прибавки въ „пересмотрѣнной" Хартіи, то это—„de aliquo libero tenemento etc",—относясь къ глаголу disseisiatur—только полнѣе, чѣмъ ст. 39, формулируетъ актъ коммизы, хотя, надо сказать, и не совсѣмъ вразумительно. Liberum tenementum здѣсь равно liberum feodum. Такимъ образомъ въ Великой Хартіи мы нигдѣ и никакъ не можемъ усмотрѣть разговора о „свободномъ человѣкѣ" и о вольностяхъ всей англійской націи, сплотившейся противъ королевскаго гнета и деспотизма. По соціальному составу Великая Хартія 1215 г.—актъ безусловно узко-феодальный.

А. Соболевскій.

Русское извѣстіе о послѣднихъ галицкихъ Рюриковичахъ.

Галицко-волынская лѣтопись въ дошедшихъ до насъ спискахъ—Ипатскомъ, Хлѣбниковскомъ и Погодинскомъ—обрывается на 6000—1292 годѣ. Можно догадываться, что въ одной изъ редакцій разсказъ ея былъ продолженъ [1]), но мы не имѣемъ основанія думать, что это продолженіе доходило до второй четверти XIV столѣтія и говорило о гибели послѣднихъ галицкихъ Рюриковичей.

Сообщеніе Стрыковскаго о томъ, что сыновья Юрія I Львовича Андрей и Левъ погибли одинъ за другимъ въ борьбѣ съ Гедиминомъ въ 1320 г., не можетъ считаться взятымъ изъ Галицко-волынской лѣтописи, а основывается на совершенно неизвѣстномъ намъ источникѣ, показанія котораго далеки отъ точности.

Послѣднее обстоятельство достаточно установлено въ изданномъ Импер. Академіею Наукъ сборникѣ статей подъ заглавіемъ: „Болеславъ Юрій II, князь всей Малой Руси“, Спб. 1907, главнымъ образомъ, на стр. 3—4, 89 и 109.

Въ виду скудости данныхъ о послѣднихъ галицкихъ Рюриковичахъ мы рѣшаемся издать слѣдующій текстъ:

Въ лѣто ≠ѕкѳ [2]) при благовѣрнѣмъ князи галицкумъ Илвѣ и Андрѣи. при воеводѣ коломыискумъ Ходку стулника Илвова. искончашася сія книги. мѣсяца маіа ка день на память благовѣрнаго царѣ Костянтина и матере его Елены. ρжкѯ раба Божіа Феодора въ градѣ Коломыискомъ.

Этотъ текстъ находится въ сборникѣ Имп. Академіи Наукъ, изъ числа пожертвованныхъ Академіи рукописей А. И. Яцимир-

[1]) Линниченко, Взаимныя отношенія Руси и Польши, К. 1884, стр. 28: Длугошъ „пользовался такимъ спискомъ лѣтописи южнаго извода, какого мы теперь больше не имѣемъ“.

[2]) Очевидно, цифра сотенъ, по опискѣ, пропущена.

скаго, писанномъ въ Луцкѣ въ 1462 г. Сборникъ не представляетъ для насъ интереса. Выписанный нами текстъ находится на одной изъ его страницъ и, по всей вѣроятности, переписанъ въ него вмѣстѣ съ статьею изъ его оригинала. Сборникъ значится въ каталогѣ академической библіотеки подъ шифромъ 13. 3. 21.

Дата текста — 6029 — должна быть читаема, въ переводѣ на нашъ январскій счетъ годовъ, — 1321 г.

Значитъ, оба князя въ маѣ 1321 г. еще здравствовали. Если бы въ этомъ мѣсяцѣ происходила у нихъ какая-либо война, едва ли бы составитель записи умолчалъ въ ней о столь важномъ событіи.

Изъ двухъ князей Левъ названъ княземъ галицкимъ. При имени Андрей нѣтъ титула: очевидно, онъ княжилъ не въ Галиціи.

Коломыя, одинъ изъ большихъ и, сравнительно, отдаленныхъ отъ Галича городовъ Галиціи, была въ княженіи Льва и въ ней сидѣлъ воеводою Ходко, стольникъ Льва. Въ виду этого надо предполагать, что Андрей княжилъ во Владимирѣ Волынскомъ.

Мы не должны удивляться титулу—стольникъ. Галицко-волынская лѣтопись подъ 6748—1240 г. упоминаетъ о посылкѣ Даніиломъ Романовичемъ галицкимъ Якова „столника своего“. Значитъ, эта должность, о значеніи которой мы не имѣемъ данныхъ говорить, въ Галицкомъ княженіи конца XIII в. несомнѣнно существовала.

Особенности языка нашего текста: ст*у*лникъ, съ *у* изъ *о*, при князѣ галицк*у*мъ, при воеводѣ коломыиск*у*мъ, при князи... Илвѣ, съ *и* передъ группою *лв* въ началѣ слова, ст*у*лника Илвова—извѣстны намъ изъ галицко-волынскихъ текстовъ XIII—XIV вв. и не представляютъ ни въ какихъ отношеніяхъ ничего страннаго.

Имя *Ходко*—Федоръ извѣстно намъ изъ галицкихъ документовъ XIV в.

Однимъ словомъ, текстъ свободенъ отъ какихъ бы то ни было чертъ, которыя бы могли набросить тѣнь на его подлинность.

М. Богословскій.

Петръ Великій по его письмамъ.

I.

Петра Великаго очень занимала мысль о составленіи исторіи Россіи. Неоднократно онъ предписывалъ собирать источники для этой исторіи: лѣтописи, грамоты и другіе памятники, а вмѣстѣ съ тѣмъ заказывалъ и литературную обработку исторіи. Слѣдуетъ и въ этомъ дѣлѣ отмѣтить черту, вполнѣ совпадающую съ общимъ практическимъ направленіемъ мысли Петра. Въ отечественной исторіи его интересуетъ то, что можно извлечь изъ нея практическаго, насущно полезнаго; его занимаютъ не досужія гипотезы о древнѣйшихъ, покрытыхъ туманомъ неизвѣстности временахъ, не „начало свѣта“, какъ онъ выражается, а ближайшіе къ нему два вѣка XVI и XVII, начиная съ княженія Василія III, составлявшіе для него „новую и новѣйшую исторію“, какъ бы мы теперь сказали. Такое сочиненіе по русской исторіи должно было познакомить Петра съ недавней стариной, разсказать ему о событіяхъ, съ близкими послѣдствіями которыхъ онъ сталъ лицомъ къ лицу, объяснить ему происхожденіе тѣхъ окружавшихъ его явленій русской жизни, на которыя онъ самъ стремился воздѣйствовать своею волей. Немало также заботился Петръ и о составленіи исторіи собственнаго царствованія. И эта забота вызывалась всего болѣе практическимъ интересомъ. Въ исторіи своего царствованія Петръ, оглядываясь на свою дѣятельность и подводя ей итоги, хотѣлъ дать ей объясненіе, указать на ея разумность и полезность, и въ этомъ случаѣ исторія должна была служить ему такимъ же публицистическимъ орудіемъ, какими были политическіе трактаты, заказываемые Ѳеофану Прокоповичу или его собственныя предисловія къ разнаго рода указамъ, гдѣ выяснялась полезность и необходимость ихъ изданія и тѣ благія цѣли, къ которымъ эти законы были направлены. Занимавшая его мысль о составленіи исторіи царствованія нашла себѣ выраженіе въ нѣ-

сколькихъ оставшихся послѣ него собственноручныхъ замѣткахъ. „Написать о войнѣ“, пишетъ онъ разъ, „какъ зачалась и о нравахъ и случаяхъ, какъ и кѣмъ дѣлана“. Война, разумѣется, казалась тогда главнымъ событіемъ царствованія. Но Петръ вовсе не думалъ ограничиться въ предполагаемой исторіи изображеніемъ одной только войны. Его программа была шире. „Чтобъ вписать въ исторію“, гласитъ другая его замѣтка, „что въ сію войну сдѣлано, какихъ и когда распорядковъ земскихъ и воинскихъ обоихъ путей регламентовъ (т. е. сухопутныхъ и морскихъ) и духовныхъ; такожъ строенія фортецъ, гавановъ, флотовъ корабельнаго и галернаго и мануфактуръ всякихъ, и строенія въ Питербурхѣ и на Котлинѣ, и въ прочихъ мѣстахъ“.

Для составленія исторіи царствованія постоянно собирались необходимые матеріалы. Предписано было доставлять въ кабинетъ государя изъ разныхъ вѣдомствъ и учрежденій и отдѣльные документы, и даже цѣлыя историческія записки, составленіе которыхъ поручалось очевидцамъ и участникамъ подлежавшихъ описанію событій. Такъ начальникъ Преображенскаго приказа кн. Ромодановскій долженъ былъ представить записку о стрѣлецкомъ бунтѣ 1698 г., о которомъ онъ могъ хорошо знать потому, что бунтовщики прошли черезъ его руки при розыскѣ о мятежѣ. Кн. В. В. Долгорукій, командовавшій войсками, посланными укрощать Булавинскій бунтъ, составилъ записку объ этомъ бунтѣ. Фельдмаршалъ Б. П. Шереметевъ, генералы кн. М. М. Голицынъ, кн. Репнинъ, гр. П. М. Апраксинъ написали о своей дѣятельности во время Сѣверной войны. Генералъ-фельдцейхмейстеръ Брюсъ далъ очеркъ развитія русской артиллеріи; генералъ-полиціймейстеръ Девьеръ изложилъ исторію возникновенія Петербурга и Кронштадта. Изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ потребована была записка о дипломатическихъ сношеніяхъ, изъ военной о рекрутскихъ наборахъ. Даже плѣнные шведскіе офицеры были привлечены къ этой работѣ. Такъ генералъ Шлиппенбахъ доставилъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ Карла XII послѣ Нарвской битвы [1]).

При этомъ собираніи документовъ одинъ ихъ родъ не привлекалъ къ себѣ вниманія Петра — это его собственныя письма. Точнѣе впрочемъ надо будетъ сказать, что Петръ не придавалъ значенія той сторонѣ этихъ писемъ, за которую мы теперь этотъ родъ источниковъ особенно цѣнимъ, именно ихъ частной сторонѣ, не касавшейся государственныхъ дѣлъ. Надо замѣтить,

---

[1]) Устряловъ, Исторія Петра В. I, стр. XXXIII.

что въ перепискѣ Петра нѣтъ сколько-нибудь рѣзкой черты, отдѣляющей ихъ частную сторону отъ офиціальной. Обращаясь къ близкому человѣку съ самымъ шутливымъ письмомъ, полнымъ подробностей интимнаго характера, онъ тутъ же диктуетъ свою волю какъ государь. И наоборотъ къ письму офиціальнаго характера присоединяетъ нерѣдко какую-нибудь приписку совершенно приватнаго свойства. Въ кабинетѣ государя передъ отправленіемъ его писемъ по назначенію, ихъ содержаніе въ болѣе или менѣе сокращенномъ видѣ вносилось въ особую книгу „исходящихъ", въ такъ называемыя „Тетрати записныя указомъ, отходящимъ за рукою государевою". Бывало и такъ, что Петръ набрасывалъ собственноручно черновикъ письма; затѣмъ адресату отправлялась подписанная государемъ чистовая копія, а черновикъ оставлялся въ дѣлахъ кабинета. Но сохранять содержаніе письма въ канцеляріи государя тѣмъ или инымъ способомъ: посредствомъ ли занесенія его въ тетради исходящихъ или посредствомъ оставленія въ бумагахъ черновика побуждалъ отнюдь не историческій, а чисто практическій, дѣловой интересъ. Вѣдь письма Петра — по большей части въ тоже время и указы, обязательные для тѣхъ лицъ, кому они адресовались; а разъ это такъ, то порядокъ дѣлопроизводства требовалъ регистраціи этихъ указовъ тамъ, откуда они отправлялись. Можно замѣтить, что въ кабинетѣ обнаруживали больше интереса къ дѣловой офиціальной сторонѣ писемъ, какъ документовъ выраженія высочайшей воли, чѣмъ къ частной, интимной. Письма-указы государя въ тетрадяхъ записныхъ передаются подробно, иногда почти полностью, съ точнымъ воспроизведеніемъ текста, касающагося тѣхъ дѣлъ, о которыхъ въ письмахъ даются распоряженія. Но содержаніе такого совершенно частнаго письма, какъ письмо отъ 17 августа 1707 г. къ извѣстной участницѣ всешутѣйшаго собора князь-игуменьѣ Дарьѣ Гавриловнѣ Ржевской въ тетрадяхъ записныхъ, гдѣ оно было также всетаки зарегистрировано—передано однимъ только словомъ „кумплементъ" [1]). Точно также содержаніе письма отъ 28 мая 1707 г. къ сестрѣ Натальѣ Алексѣевнѣ выражено въ Тетрадяхъ двумя словами: „о здоровьѣ" [2]). И для самого Петра, и для его канцеляріи важно было хранить содержаніе писемъ-указовъ для памяти и для соображеній въ тотъ моментъ, когда станутъ доносить объ исполненіи переданныхъ письмомъ повелѣній, а также и для порядка въ дальнѣйшихъ распоряженіяхъ. Если и придавалась

[1]) Письма и Бумаги Петра В. т. VI, № 1912.
[2]) П. и Б. IV, № 1295. V, № 1771.

цѣна этимъ письмамъ, какъ историческимъ документамъ, то именно съ ихъ дѣловой стороны, поскольку они были указами и поскольку свидѣтельствовали о разныхъ приказанныхъ отъ монарха дѣлахъ. Тѣ же стороны письма, гдѣ о дѣлахъ не говорилось, но гдѣ, можетъ быть, ярче всего выражались черты личности ихъ писавшаго, не привлекали къ себѣ вниманія и какъ историческій документъ не разсматривались.

И мы не можемъ упрекать Петра, какъ историографа, въ такомъ пробѣлѣ при оцѣнкѣ источниковъ. Надо припомнить, что вообще въ его время письма не входили еще въ кругъ источниковѣдѣнія и не цѣнились, какъ историческій матеріалъ. Правда, уже и ранѣе письма собирались и издавались, но не въ качествѣ историческихъ документовъ, а какъ произведенія особаго вида литературы, эпистолярной словесности, и только уже новою научной исторіографіей частная переписка была оцѣнена, какъ историческій источникъ. Впрочемъ, для насъ историковъ въ этой недооцѣнкѣ Петромъ Великимъ своихъ писемъ заключается особая выгода. Можно даже сказать, что письма Петра имѣютъ для насъ тѣмъ большую цѣну историческаго документа, чѣмъ меньше онъ самъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на историческій документъ. Въ наши дни передъ всякимъ сколько нибудь выдающимся человѣкомъ, когда онъ пишетъ дневникъ или мемуары, или когда онъ ведетъ переписку, вѣроятно, не разъ мелькнетъ представленіе о красной обложкѣ „Русской Старины“ или блѣдножелтой обложкѣ „Русскаго Архива“ и не напрасно: въ тотъ или другой журналъ его бумаги рано или поздно и попадутъ. Дѣйствіе письма однимъ адресатомъ не ограничится; оно современемъ сдѣлается достояніемъ широкаго круга читателей. И вотъ письмо перестаетъ быть надежнымъ зеркаломъ; оно даетъ не совсѣмъ правильное изображеніе пишущаго, оно отражаетъ не то, что есть, а то, чѣмъ пишущій хочетъ быть или, по крайней мѣрѣ, казаться.

Когда пишетъ письмо Петръ Великій, онъ, разумѣется, совершенно не представляетъ его себѣ въ печатномъ видѣ на страницахъ того или другого историческаго изданія. Его письма не разсчитаны на печать, поэтому всегда искренни, всегда вѣрно и точно отражаютъ его, какъ онъ есть, и имѣютъ значеніе чистаго и прозрачнаго историческаго источника, трудно замѣнимаго при изученіи личности Петра. Съ дѣлами Преобразователя мы можемъ познакомиться по многимъ другимъ, можетъ быть, гораздо болѣе полнымъ и подробнымъ документамъ. Но взгляды, мысли, настроенія, чувства, словомъ все то, что составляетъ внутреннюю сторону личности Петра Великаго, все это ни въ какомъ другомъ

источникѣ не отображается съ такою полнотой и отчетливостью, какъ въ письмахъ. По другимъ источникамъ, по отзывамъ о немъ соприкасавшихся съ нимъ современниковъ мы знакомимся съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое Петръ на этихъ современниковъ производилъ. Какъ бы ни были вѣрны и близки къ истинѣ эти переданныя впечатлѣнія, это все же изображенія приблизительныя, либо преувеличенныя, либо преуменьшенныя, это не Петръ Великій, а только легенда о Петрѣ. Въ письмахъ передъ нами самъ Петръ въ своемъ подлинникѣ. Читая письма, мы становимся съ нимъ лицомъ къ лицу непосредственно. Намъ виденъ не только его внѣшній обликъ, но передъ нами раскрываются и его внутреннія душевныя движенія.

II.

Петръ много и охотно пишетъ. По послѣднимъ томамъ того тщательнаго хронологическаго собранія его писемъ, какое мы имѣемъ въ изданіи „Писемъ и Бумагъ“ [1]), можно видѣть, пересматривая его переписку день за днемъ, что въ каждомъ мѣсяцѣ число дней, когда Петръ ведетъ корреспонденцію обыкновенно больше числа дней, въ которые онъ не берется за перо. Притомъ на каждый день, когда онъ занимался перепиской, приходится по нѣскольку писемъ. Есть дни, въ которые онъ отправлялъ по 7 и по 10 писемъ. Наибольшее число писемъ за 1707 годъ приходится на 6 іюля, день, когда было написано 12 писемъ. Перо постоянно у Петра въ рукѣ; онъ пишетъ собственноручно, или, какъ мы уже видѣли выше, собственноручно набрасываетъ черновикъ, съ котораго затѣмъ посылается адресату подписанная государемъ копія. Иногда

[1]) Особой учрежденной въ 1872 г. при Императорской Академіи Наукъ комиссіей выпущено до настоящаго времени шесть томовъ писемъ, помѣщенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ и снабженныхъ обстоятельными примѣчаніями. Съ научной точки зрѣнія это изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго. Изданіе доведено теперь уже до 1708 г., и этого количества писемъ, какъ намъ кажется, достаточно для правильности сужденія, какъ о самихъ письмахъ, такъ и объ отразившихся въ нихъ чертахъ характера ихъ автора. Кромѣ напечатанныхъ въ разныхъ другихъ изданіяхъ писемъ, мы пользовались также Тетрадями записными, хранящимися въ Государственномъ Архивѣ при любезномъ содѣйствіи, оказанномъ намъ Я. Л. Барсковымъ. Само собою, разумѣется, что мы далеки были отъ мысли предпринять какую-либо исчерпывающую работу о письмахъ Петра: до завершенія академическаго изданія „Писемъ и Бумагъ“ такая задача преждевременна. Прекрасная характеристика писемъ Петра дана въ статьѣ г. Сивкова „Петръ В. какъ писатель“ въ изданіи Сытина, „Три вѣка царствованія дома Романовыхъ“ подъ редакціей В. В. Каллаша.

онъ диктуетъ письма. Можно замѣтить, что къ близкимъ людямъ Петръ обыкновенно пишетъ собственноручно. Таковы напр. его письма къ Екатеринѣ, къ Меншикову, къ Апраксину. Наоборотъ, къ тѣмъ даже выдающимся и цѣнимымъ сотрудникамъ, съ которыми, однако, государь далекъ и холоденъ, чаще отправляются письма, лишь подписанныя имъ. Князя Дмитрія Михайловича Голицына, выдающагося государственнаго человѣка, занимавшаго все время важнѣйшіе и отвѣтственные посты, Петръ очень уважалъ, но не любилъ, такъ какъ зналъ, что Голицынъ многихъ его поступковъ и предпріятій не одобряетъ. Изъ 35 писемъ, отправленныхъ Голицыну въ то время, какъ тотъ занималъ мѣсто Кіевскаго губернатора и напечатанныхъ въ XI т. Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, всего 7 собственноручныхъ; остальные только подписаны государемъ. Письма Петра обыкновенно очень кратки: всего чаще размѣромъ въ 7—8 строкъ печати въ изданіи „Писемъ и Бумагъ“. Онъ бережетъ время; въ немногихъ строкахъ онъ умѣетъ вполнѣ ясно выразить свою мысль. Но онъ не затрудняется написать Ѳедору Матвѣевичу Апраксину, своему шурину, собственноручное письмо и въ 35 строкъ того же печатнаго текста, да притомъ, уже подписавъ письмо и помѣтивъ дату, присоединить къ нему еще post-scriptum въ 8 строкъ. Собственноручное письмо къ поручику В. Д. Корчмину, который былъ посланъ возобновить и усилить укрѣпленія въ Москвѣ, еще больше, занимаетъ 50 строкъ текста [1]). Нерѣдко въ бѣловикъ письма, сдѣланный рукою писца, Петръ вноситъ своею рукою новыя вставки и дополненія, а иногда снабжаетъ его собственноручною припиской. Въ письмахъ Петръ тщательно обозначаетъ время и мѣсто написанія, и эти даты свидѣтельствуютъ, какъ неутомимъ и аккуратенъ былъ Петръ въ перепискѣ. На полученное письмо онъ отвѣчаетъ тотчасъ же и самъ подчеркиваетъ эту аккуратность. Такъ одинъ изъ отвѣтовъ Меншикову Петръ помѣтилъ: „Ис Тикотина въ 13 д. (въ тотъ же часъ, какъ писмо подано) сентября 1707 г.“ [2]). Лихорадка, которою онъ болѣлъ въ августѣ 1707 г. въ Варшавѣ, не удерживаетъ его отъ письменнаго стола. Въ собственноручномъ письмѣ къ Ѳ. М. Апраксину, проставивъ дату 3 августа 1707 г., Петръ сдѣлалъ при обозначеніи мѣста особую приписку въ скобкахъ: „Ізъ Варшавы (въ которой едва не вѣсе такъ трактованы отъ лихоратки, какъ я)“. Даже въ самый разгаръ пира онъ отры-

[1]) П. и Б. VI, № 1904.

[2]) П. и Б. VI, 1967; ibid. № 1975 „Изъ Тикотина въ 14 д. сентября 1707 г. при самомъ въ Минскъ отъѣздѣ“.

вается отъ него и располагается отвѣчать на письмо тутъ же за обѣденнымъ столомъ. 28 іюля 1706 г. подъ Кіевомъ, получивъ письмо отъ Меншикова, государь обстоятельно отвѣтилъ на его вопросы, далъ ему нѣсколько руководящихъ указаній и письмо закончилъ добродушнымъ поклономъ и обозначеніемъ момента, когда оно писалось: „За симъ, предавъ васъ въ сохраненіе Вышнему и всѣхъ пребывающихъ съ вами, еще прошу должный поклонъ отдать господамъ генераламъ-поручикамъ и генераламъ-маіорамъ Рену, Розену, Боуру, Флюку и всѣмъ офицерамъ и рядовымъ, понеже мы теперь въ дому господина генерала Брюса про ваше здоровье подшивасмъ“ [1]). Въ другомъ письмѣ къ Меншикову, помѣченномъ „Изъ парадеза, или Санктъпитербурха въ 11 д. сентября 1706“, Петръ сдѣлалъ такую приписку: „Еще же, хотя и малое, однакожъ зѣло раретейтъ, что передъ моимъ пріѣздомъ за нѣсколько недѣль привезли изъ Волги отъ Твери и сквозь Ладожское озеро въ прорѣзномъ стругу 80 стерледей живыхъ, изъ которыхъ севодни трехъ вынявъ и отъ святѣйшія руки закланныя ѣдимъ сейчасъ и про ваше здоровье при рюмкѣ ренскова“ [2]). Одно изъ слѣдующихъ писемъ Меншикову также изъ Петербурга отъ 17 ноября 1706 г. Петръ помѣтилъ такъ: „Писано въ домѣ вашемъ, принося жертву Бахусу довольную виномъ, а душею Бога славя“ [3]).

По обращенію къ адресату замѣтна большая или меньшая степень его близости къ царю. Изъ упомянутыхъ выше писемъ къ кн. Д. М. Голицыну, только въ первомъ находимъ фамиліарное обращеніе по голландски „Mijn Heer“; остальныя Петръ начинаетъ сухимъ офиціальнымъ обращеніемъ: „господинъ Голицынъ“, „господинъ губернаторъ“. Названіе адресата по фамиліи, по должности или по чину обыкновенная форма обращенія въ офиціальныхъ письмахъ Петра. Въ письмахъ къ фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, таланты котораго Петръ цѣнилъ, но, къ которому такъ же, какъ и къ Голицыну не питалъ теплыхъ чувствъ [4]), царь называетъ его Heer, Heer Kavalir, но по большей части: „господинъ фельдмаршалъ“. Зато въ письмахъ къ сотрудникамъ, къ которымъ Петръ

---

[1]) П. и Б. IV, № 1296.

[2]) П. и Б. IV, № 1349.

[3]) П. и Б. IV, № 1417.

[4]) П. и Б. VI, № 2015 Меншикову отъ 2 окт. 1707 г. „Сего часу получилъ я отъ васъ письмо, въ которомъ пишете, что писалъ къ вамъ господинъ Шереметевъ, будто я велѣлъ ему идти въ Борисовъ; которое онъ учинилъ ради старой своей обыкновенной лжи, а я писалъ, чтобъ въ Минскъ, а не въ Борисовъ...“

чувствуетъ расположеніе, часто обращеніе на голландскомъ языкѣ, иногда шутливое и нѣжное. Ѳ. М. Апраксинъ называется Min Her Admiralteic, Min Her Admiral. А. В. Кикинъ носитъ названіе: Mein Grotvader. Управлявшаго монастырскимъ приказомъ И. А. Мусина-Пушкина Петръ называетъ Bruder. Къ старому и преданному слугѣ Т. Н. Стрѣшневу, въ рукахъ котораго во время юности Петра сосредоточивалось все управленіе внутренними дѣлами, въ одномъ изъ писемъ онъ тепло обращается, называя его по имени и отчеству: „Тихонъ Никитичъ“, что дѣлается вообще очень рѣдко. Въ перепискѣ съ знаменитымъ княземъ Ѳ. Ю. Ромодановскимъ, несмотря на самое дѣловое содержаніе отправляемыхъ къ нему писемъ, Петръ постоянно ведетъ игру въ „кесаря“, и „подданнаго“, называетъ его Min Gnadigste Kenich, Min Hnadihste Her или Siir, титулуетъ „вашимъ величествомъ“ и подписывается „Вашего Величества нижайшій подданный Piter Michaylof“, „Вашего Величества нижайшій слуга Piter“. Но особенной сердечностью отличается обращеніе въ письмахъ къ Меншикову, которому ласковыя голландскія названія пишутся почему-то по большей части русскими буквами: „Мейнъ либсте камаратъ“, „Мейнъ липсте фринтъ“, „Меінъ безсте ѳринтъ“, „Мейнъ брудеръ“, Mein Herc. Соотвѣтственно съ этимъ обращеніемъ письма къ Меншикову иногда и заканчиваются подписью: „Вашъ каморатъ“. Обыкновенно въ дѣловыхъ письмахъ Петръ подписывается по-голландски—Piter; въ письмахъ къ Екатеринѣ—неизмѣнно по-русски. Преобладаетъ въ перепискѣ мѣстоименіе „вы“. Но это „вы“ не выдерживается и чередуется со вторымъ лицомъ единственнаго числа „ты“, что такъ характерно для разговорнаго языка начала XVIII в. „Grotvader“, пишетъ Петръ А. В. Кикину отъ 23 мая 1709 г. „Объявляю *вамъ*, что полковникъ Яковлевъ запорожцевъ штурмовалъ и хотя 300 человѣкъ потерялъ, однакожъ проклятое ихъ гнѣздо—сѣчу, взялъ и оныхъ всѣхъ порубили. И тако послѣдней корень мазепинъ, съ помощью Божіею, выкорененъ, и о семъ объявя господину вице-адмиралу, также генералу-маіору Брюсу и прочимъ и симъ отъ меня всѣхъ поздравь. Piter“ [1]).

Слогъ писемъ отличается сжатостью, точностью и силой выраженія. Вообще Петръ, какъ писатель, проникнутъ правиломъ, гласящимъ, что краткость есть душа мудрости. Такъ въ 1724 г., обдумывая устройство празднованія третьей годовщины Ништадтскаго мира, царь набросалъ конспектъ или программу торжественной оды. „Надлежитъ“, читаемъ мы въ этомъ конспектѣ, „въ пер-

[1]) Сб. И. Р. И. О. XI, стр. 17.

вомъ стихѣ помянуть о побѣдахъ, а потомъ силу писать о всемъ праздникѣ слѣдующую: 1) неискусство наше во всѣхъ дѣлахъ, 2) а наипаче въ начатіи войны, которую, не вѣдая противныхъ силы и своего состоянія, начали какъ слѣпые. 3) Бывшіе непріятели всегда не только въ словахъ, но и въ исторіяхъ писали, дабы никогда не протягать войны, дабы не научить тѣмъ насъ. 4) Какія имѣли внутреннія замѣшанія, также и дѣла сына моего, такожъ и турковъ подвигли на насъ. 5) Всѣ прочіе народы политику имѣютъ, дабы балансъ въ силахъ держать межъ сосѣдовъ, а особливо, чтобы насъ не допускать до свѣта разума во всѣхъ дѣлахъ, а наипаче въ воинскихъ; но то въ дѣло не произвели, но яко бы закрыто было сіе предъ ихъ очесами. Сіе по истинѣ чудо Божіе; тутъ возможно видѣть, что всѣ умы человѣческіе ничто есть противъ воли Божіей. Сіе пространно развести надлежитъ, а сенсу довольно". „Разводить" поручено будетъ какому либо досужему ритору или піитѣ; царя же интересуетъ только самый „сенсъ". Письма Петра не литературныя произведенія подобно перепискѣ Екатерины съ ея знаменитыми корреспондентами; они не предназначаются для того, чтобы доставлять адресатамъ занимательное чтеніе, поражать остроуміемъ, вызывать тѣ или другія эмоціи. Они по большей части въ тоже время и указы, въ которыхъ Петръ не только дѣлится съ корреспондентомъ своими мыслями, но и предписываетъ корреспонденту свою волю, и его воля выражена всегда настолько ясно, что едва ли когда либо выраженія его письма вводили въ недоумѣніе читателя, которому оно предназначалось. Когда онъ пишетъ письмо, его цѣль, чтобы его ясно поняли и въ точности исполнили то, что онъ въ письмѣ приказываетъ; поэтому онъ и старается выразиться кратко, ясно и энергично. Онъ нисколько не заботится о синтаксисѣ, нагромождая одно за другимъ придаточныя предложенія, начинающіяся словами „который", „понеже", „ибо"—лишь бы былъ ясенъ смыслъ и лишь бы мысль была выражена достаточно полно. Подобно тому, какъ, попадая къ кому либо на обѣдъ, Петръ занималъ пѣрвое попавшееся мѣсто, онъ, когда пишетъ, беретъ для выраженія мысли первое попадающееся ему слово, одинаково русское или иностранное; всякое слово для него пригодно: побѣда или викторія, слава или фама, лихорадка или фибра и т. д. Тою же неразборчивостью отличается его орѳографія, орѳографія чисто слуховая. Петръ пишетъ по слуху, употребляетъ первую попавшуюся букву для того звука, который ему хочется изобразить. Всѣ буквы для него одинаково пригодны *е* и *ѣ*, *і* и *и*, *в*, *ф* и *ѳ*, и только къ твердому знаку *ъ* онъ питаетъ какую то особую любовь, ставя

его къ мѣсту и не къ мѣсту. Онъ пишетъ: „непъриятель“, „противѣный“, „ѳъсѣхъ“, „полкъ Семеноѳъской“ и т. д.

Итакъ, письма Петра всегда дѣловиты. Но le style c'est l'homme, и при всей своей дѣловитости, при всемъ ихъ практическомъ значеніи, въ слогѣ писемъ постоянно отражаются черты разносторонне одаренной природы автора. Письмо Петра не монотонно и не безцвѣтно. Онъ умѣетъ въ немъ блеснуть начитанностью, привести ту или другую цитату. Очень нерѣдко цитируется текстъ св. писанія. Собственноручное письмо къ поручику В. Д. Корчмину, командированному „фортификовать“ московскій кремль [1]) и приславшему проектъ укрѣпленія кремля, полно детальныхъ замѣчаній на этотъ проектъ, техническихъ указаній и распоряженій. „О Кремле. Отъ Свирловой башни до Водовъзводной есть доброго розположенія [кромѣ вилъ у Свирловой, аднакожъ по нужде и сие можетъ быть]. Что же ѳасъ (фасъ) у Водовъзводной башни F. G. весма безъ всякой обороны здѣланъ, того ради здѣсь попъравъленъ линеями А. В. С. А передъ Боровицкими вороты и отъ оныхъ до Каменного мосту і до башни Охотново ряду ничего не надлежитъ дѣлать ради горы, точию такие ѳланки і реданы, какъ у Спасскихъ і Николскихъ воротъ; разве по самой нужде у Боровитскихъ воротъ здѣлать болворокъ [хотя і ѳ ѳасѣ проѣздъ будетъ]“ И далѣе въ этомъ большомъ письмѣ рѣчь идетъ о болворкахъ, фасахъ, палисадахъ, контръэскарпахъ, горнъ-веркахъ и т. п. Но среди всѣхъ этихъ техническихъ подробностей читаемъ: „Что же приналежитъ о Ѳеодосиевой церкви, і втомъ мое мнѣние: лутче оною сломать, нежели ѳортецию іспортить, ібо не горазда нужно на Москвѣ церквями: чаю і пустыхъ есть; а особлива сия церковь не чаю, чтобъ зело была Богу приятна, понеже серебро, на которое оная строена, тако приятно Богу, какъ Симоново было святому Петру“ [2]). Церковь св. Ѳеодосія въ Стрѣлецкой слободѣ предъ Никольскими воротами сооружена была ненавистными Петру стрѣльцами; ихъ серебро здѣсь и разумѣетъ Петръ, упоминая эпизодъ о Симонѣ-волхвѣ изъ Дѣяній Апостольскихъ. Въ письмѣ отъ 28 іюля 1706 г. [3]) въ Польшу къ Меншикову Петръ наказываетъ ему подлинно провѣдать о всемъ, а паче о королѣ Польскомъ. „Хотя и вѣдаю“, продолжаетъ царь, „что вы о томъ равное попеченіе имѣете, однакожъ вспоминать часто не хуже, о чемъ и святый Петръ не стыдился писать къ вѣровавшимъ“—слова, показывающія знакомство

[1]) Журналъ или Поденная записка изд. Щербатовымъ I, 158.
[2]) П. и Б. VI, № 1904.
[3]) П. и Б. IV, № 1296.

Петра В. съ посланіями апостола Петра. Къ текстамъ св. писанія прибѣгаетъ Петръ въ письмахъ, въ которыхъ хочетъ выразить овладѣвшее имъ горе. „Писмо твое“, пишетъ онъ Екатеринѣ 11 янв. 1716 г. въ отвѣтъ на сообщеніе о смерти царевича Павла Петровича, „получилъ [о чемъ уже прежде увѣдалъ] о незапьномъ случаѣ, которой радость въ печаль пременилъ. Но что жъ могу на то отвѣтство дать? токмо со многострадальнымъ Іевомъ: Господь даде, Господь і възятъ; яко же годѣ ему, тако і бысть. Буди імя Господне благославенно отнынѣ і до вѣка“ [1]).

Есть въ письмахъ Петра В. строки, свидѣтельствующія о его знакомствѣ съ классической миѳологіей, и онъ щеголяетъ ея подробностями. Такъ, въ письмахъ къ адмиралу Головину изъ Курляндіи государь, сожалѣя о томъ, что шведскій генералъ Левенгауптъ отступаетъ и уклоняется отъ сраженія, сравниваетъ его отступленіе съ уклоненіемъ равнодушнаго красавца Нарцисса отъ любви горной нимфы Эхо, которая отъ этой безнадежной любви настолько высохла, что отъ нея остался только одинъ голосъ. „Мы здѣсь великое несчастье имѣемъ“, пишетъ царь, „понеже господинъ Лейнгоптъ, яко Нарцицъ отъ Еха, отъ насъ удаляетца“ [2]). Въ офиціальныхъ письмахъ съ извѣстіемъ о Полтавской побѣдѣ Петръ участь шведской арміи уподобляетъ участи Фаэтона, сына Геліоса-солнца, который задумалъ на отцовской огненной колесницѣ совершить путь по небесному своду, но не справился съ колесницей. чуть было не причинилъ всемірнаго пожара и стремглавъ упалъ съ неба, пораженный молніей Зевса, усмотрѣвшаго опасность для вселенной отъ дерзкой затѣи неопытнаго юноши. „И единымъ словомъ сказать“, заключаетъ Петръ В. свой разсказъ о гибели шведовъ, „вся непріятельская армія Фаэтоновъ конецъ воспріяла“ [3]). Въ письмѣ къ Меншикову отъ 4 іюля 1704 г. изъ подъ Дерпта встрѣчаемъ метафору, взятую изъ астрономіи и показывающую знаніе Коперниковой системы. Пріѣхавъ подъ Дерптъ, Петръ остался недоволенъ предпринятыми осадными работами. „Все негодно“, съ горечью сообщаетъ государь Меншикову, „и туне людей мучили. Когда я спрашивалъ ихъ: для чего такъ? то другъ на друга, а больше на перваго“ [на Б. П. Шереметева складывали отвѣтственность]. Осадныя сооруженія возведены слишкомъ далеко отъ города: „Ибо здѣшніе господа зѣло себя берегутъ, уже

---

[1]) Письма русскихъ государей изд. Комисс. Печат. Грамотъ и Догов. Переписка съ Екатериной, № 61.

[2]) П. и Б. III, № 879 10 авг. 1705 г.

[3]) Сб. И. Р. И. О. XI, стр. 17, 88—89.

кажется и надъ мѣру... Но я", продолжаетъ государь, „принужденъ сію ихъ Сатурнусову дальность въ Меркуріусовъ кругъ подвинуть" [1]). Во время и кстати приведетъ Петръ въ текстѣ письма подходящую русскую пословицу, которая хорошо подчеркиваетъ высказанную имъ мысль. „Прусскому (посланнику) отвѣтствовать", распоряжается онъ въ письмѣ къ Ѳ. А. Головину изъ Митавы, „понеже онъ желаетъ, когда мы возьмемъ, чтобы отдали; но у меня на сіе старое слово: что, не убивъ медвѣдя, отнюдь кожи сулить не надлежитъ" [2]). Предложеніе прусскаго посланника Кейзерлинга заключалось въ томъ, чтобы Курляндію по изгнаніи изъ нея шведовъ, отдать подъ управленіе прусскому королю. Особенно пестрятъ пословицами письма Петра къ Екатеринѣ. „Понеже пословица есть", читаемъ въ письмѣ отъ 25 дек. 1712 г. изъ заграницы, „два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживутца—возьми съ собою князь-папу". Взять князь-папу съ собою въ поѣздку, о которой идетъ рѣчь въ письмѣ, Екатерина должна, видимо, для того, чтобы предупредить его ссору съ кѣмъ то, съ кѣмъ онъ не уживается [3]). Сообщая Екатеринѣ отъ 29 янв. 1716 г. изъ Нарвы о плохомъ состояніи здоровья въ пути, изъ за чего онъ былъ уже готовъ отказаться отъ поѣздки, онъ успокаиваетъ ее однако извѣстіемъ о наступившемъ затѣмъ улучшеніи; „но вчерашняго дни, какъ поѣхалъ, то часъ отъ часу, слава Богу, лутче стала. І что слышалъ въ диѣрагмѣни мѣстѣ [4]), то въ пути меншеть стала, отчего осмѣлился і ночью ѣхать, но і то безвредно было такъ, какъ прежъ сего. Ітакъ теперь сбылась пословица, что обыкновеніе—другая природа". Петръ хочетъ сказать, что онъ такъ привыкъ къ поѣздкамъ, что ему во время путешествія не вредятъ и болѣзни. „Дай Боже милость свою... чтобъ съ добромъ возвратитца по старой пословицѣ: хотя не скоро, да здорова", пишетъ царь Екатеринѣ 11 авг. 1718 г. изъ Гангута, увѣдомляя ее о своемъ выѣздѣ къ ней, но выражая при этомъ опасеніе, что можетъ запоздать къ разрѣшенію ея отъ бремени [5]). Въ одномъ изъ писемъ къ Екатеринѣ Петръ приводитъ даже голландскую пословицу, предупредительно написанную русскими буквами. „Послѣ вашихъ писемъ, что непъріятели намѣрились отаковать, по ся поры ничего нѣтъ поновъки [новаго]; знать у нихъ

---

[1]) П. и Б. III, № 673.

[2]) П. и Б. III, № 887.

[3]) Письма русскихъ государей. Переписка съ Екатериной, № 44.

[4]) Письма къ Екатеринѣ, № 62. Діафрагма—поперечная перепонка, отдѣляющая сердце и легкое отъ прочихъ внутренностей. Петръ пускаетъ въ ходъ свои свѣдѣнія по анатоміи.

[5]) Ibid. № 112.

тверда голанская пословица: тюсхенъ дуть энъ зеге—бюль гого берге леге [1]).

Если случится, Петръ прибѣгаетъ къ образному выраженію, не заботясь при этомъ о красотѣ образа и не обнаруживая особаго вкуса въ выборѣ сравненій. „Объявляю вамъ“, радостно пишетъ онъ Екатеринѣ отъ 14 іюня 1710 г., „что вчерашняго дня городъ Выборхъ здался і сею доброю вѣдомостію [что уже крѣпъкая падушка Санктъ-Питербурху устроена черезъ помощь Божью] вамъ поздравъляю“ [2]). Сравненіе Выборга съ подушкою для Петербурга едва ли можно найти особенно удачнымъ: оно все же требуетъ поясненія. О битвѣ при Добромъ 29 авг. 1708 г. Петръ извѣстилъ Екатерину въ слѣдующихъ образныхъ выраженіяхъ: „Правда, что я какъ сталъ служить такой ігърушки не видалъ; аднакожъ сей танецъ въ очахъ горячего Карлуса ізрядно станцовали; аднакожъ болѣе всѣхъ попотѣлъ нашъ полкъ“ [3]) Разладъ между участниками Сѣвернаго союза, бывшій причиною ихъ неэнергичныхъ дѣйствій противъ шведовъ, царь въ одномъ изъ писемъ обозначилъ сравненіемъ этого союза съ экипажемъ, запряженнымъ несъѣзжанными конями разнаго возраста: „О здѣшнемъ объявляемъ, что балтаемся туне; ібо что маладыя лошади въ карѣте, такъ наши соединенныя, а наипаче каренныя: сволочь хотятъ, да каренныя ни думаютъ“ [4]). Нерѣдко подъ перо просится острота; при этомъ, если Петръ пишетъ въ хорошемъ настроеніи духа, блёстки его остроумія согрѣты теплотой добродушнаго юмора, какого особенно много въ перепискѣ его съ Екатериной. Увѣдомляя ее въ сентябрѣ 1711 г. о своемъ пріѣздѣ въ Карлсбадъ для лѣченія водами, царь пишетъ: „Мы сюды доѣхали, слава Богу, здорова і завътра зачнемъ лечитца. Мѣсто здѣшнее такъ весело, что мочно чесною тюрмою назвать, понеже междо такихъ горъ сидитъ, что солнца почитай не видеть; всего пуще, что доброва пива нѣтъ“ [5]). Объ отвѣтномъ визитѣ семилѣтняго французскаго короля Людовика XV, котораго Петръ при свиданіяхъ съ нимъ поднималъ на руки, онъ сообщилъ Екатеринѣ въ письмѣ отъ 2 мая 1717 г. изъ Парижа: „объявъляю вамъ, что въ прошлой понедельникъ визитовалъ меня здѣшней каралища, которой палца на два более Луки нашева (карлика), дитя зѣло ізрядная образомъ і станомъ; і по возрасту своему до-

[1]) Ibid. № 37. „Между смертью и побѣдой лежитъ много высокихъ горъ“.
[2]) Переписка съ Екатериной, № 20.
[3]) Ibid. № 9.
[4]) Ibid. № 72. 13 іюля 1716 г. Борнъгольмъ.
[5]) Письма къ Екатеринѣ № 23. Ср. № 36.

волно разуменъ, которому седмь лѣтъ“ [1]). Въ письмѣ къ царицѣ отъ 11 окт. 1718 г. Петръ поздравляетъ ее съ годовщиною взятія города Шлиссельбурга, остритъ по этому поводу надъ шведскимъ происхожденіемъ Екатерины (изъ Лифляндіи) и, играя словами (Schlüssel—ключъ), остроумно намекаетъ на значеніе взятія Шлиссельбурга въ ходѣ войны. „Поздравъляю вамъ симъ счасливымъ днемъ, въ которомъ руская нога въ вашихъ земляхъ ѳуть взяла.., и симъ ключемъ много замковъ отперто“ [2]). Въ упомянутомъ уже письмѣ отъ 27 іюня 1709 г. съ сообщеніемъ о Полтавской побѣдѣ Петръ остроумно выразился о шведскомъ королѣ, судьба котораго послѣ битвы была еще въ русскомъ лагерѣ неизвѣстна: „а о королѣ еще не можемъ вѣдать, съ нами ль или съ отцы нашими обрѣтается“ [3]). Въ письмо къ Меншикову отъ 26 апр. 1703 г. Петръ вложилъ письмо къ П. М. Апраксину, котораго онъ шутя называетъ воеводой. „Письмо вложенное“, пишетъ царь Меншикову, „изволь послать до его милости воеводы; а храбрость его по бѣгу видна“ [4]).

Если письмо Петра выходитъ изъ подъ его пера въ тѣ моменты, когда онъ чѣмъ нибудь недоволенъ и разстроенъ, его остроуміе разражается горечью злой ироніи и жесткой шуткой. Нетрудно представить себѣ, какое недовольство должна была возбудить въ государѣ неисправность и задержка въ доставкѣ артиллеріи къ берегамъ Невы въ началѣ 1703 г., когда онъ собирался продолжать тамъ такъ удачно начатыя взятіемъ Шлиссельбурга военныя дѣйствія. „Siir“, жалуется царь въ письмѣ изъ Шлиссельбурга въ Москву къ Ѳ. Ю. Ромодановскому, „ізвѣствую, что здѣсь великая недовоска алтиллери есть... самыхъ нужныхъ не довезено 3.033 бомбовъ трехпудовыхъ, трубокъ 7.978, дроби і ѳитилю ни ѳунта, лопатокъ и кирокъ железныхъ самое малое число, а паче всего мастера, которой зашрублеваетъ (sic) запалы у пушекъ, по сей часъ не присланъ, отъ чего прошлоготскія пушъки ни одна въ паходъ негодна будетъ, отъ чего намъ здесь великая останоѳъка дѣлу нашему будетъ безъ чего і починать нелзя. О чемъ я самъ многожды говорилъ Виниусу, которой отпотчивалъ меня Московъскимъ тотчасомъ. О чемъ ізволь ево допросить: для чего такъ дѣлается такое главъное дѣло съ такимъ небреженіемъ, которое тысячи ево головы дороже“. Изливъ свой гнѣвъ по поводу недо-

---

[1]) Ibid. № 95.
[2]) Ibid. № 119.
[3]) Сб. И. Р. И. О. XI, стр. 18
[4]) П. и Б. II, № 513. Ср. № 514.

сылки артиллеріи въ выраженіяхъ, не предвѣщавшихъ головѣ медлительнаго Виніуса ничего добраго, подписавъ письмо и снабдивъ его датой, Петръ спохватился, чтобы указать еще на одно упущеніе, о которомъ онъ и говоритъ въ припискѣ: „Ізъ опътеки ни золотника лекарствъ не прислана“. Далѣе слѣдуетъ жесткая игра словами: „того для принуждены будемъ мы тѣхъ лечить, которыя то презираютъ“ [1]). Въ томъ же родѣ острота въ письмѣ отъ 3 авг. 1707 г. къ А. В. Кикину изъ Варшавы: „Щербаку і Астровъскому скажи, что онѣ ко мнѣ не пишутъ о моемъ дворѣ, а паче о огородѣ, за то імъ самъ привезу по каѳътану стеганаму доброму“ [2]). Письмо это вообще полно укоризнъ и упрековъ за разныя неисправности. Раздражительность Петра, такъ замѣтная въ этомъ письмѣ, можетъ быть, объясняется не только непріятными извѣстіями и отсутствіемъ извѣстій, но и болѣзненнымъ состояніемъ, жестокой лихорадкой, отъ которой страдалъ государь въ 1707 г. въ Варшавѣ. „Писалъ ты к Макарову“, читаемъ далѣе въ этомъ же письмѣ, „что Ѳедосей (Скляевъ) былъ за нѣсколко минутъ до смерти; і сие едваль не зговорясь мы учинили; ібо і я толко ѳутоѳъ за пять былъ до смерти: в самой Ілынъ день уже і людей не зналъ, і не знаю, какъ Богъ паки велѣлъ жить: такая была жестокая ѳибра, отъ которой теперва еще вполы в себя не могу притить!“ Слова относительно Щербака и Островскаго „привезу по каѳтану стеганому доброму“, какъ совершенно правильно замѣчаетъ издатель писемъ „надо понимать иносказательно: будутъ подвергнуты тѣлесному наказанію“. Игра словами нерѣдкая форма, въ которую выливается остроуміе Петра въ письмахъ. „Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ“—такъ извѣщалъ Петръ Виніуса о взятіи города Нотебурга, стариннаго новгородскаго пригорода Орѣшка. Нотебургъ былъ переименованъ Петромъ въ Шлиссельбургъ, и это названіе, какъ мы видѣли, подавало также поводъ къ остротамъ, къ сравненію города съ ключемъ, отпирающимъ многіе замки. Оканчивая лѣченіе водами въ Пирмонтѣ, Петръ пишетъ Екатеринѣ отъ 11 іюня 1716 г.: „надѣюсь, Богу ізволшу, дней въ десять васъ видеть; ибо по трехъ дняхъ куръ (cur=лѣченіе) или петухъ нашъ окончается [3])“. 14 авг. 1704 г. о взятіи Нарвы Петръ сообщаетъ А. В. Кикину такимъ письмомъ: „Her Hrotvader. Інова не могу писать, толко что Нарву, которою 4 года нарывала, нынѣ, слава Богу, прорвало, о чемъ пространнѣе скажу самъ. Piter“ [4]).

[1]) П. и Б. II, № 530.
[2]) П. и Б. VI, № 1886.
[3]) Письма къ Екатеринѣ. № 69.
[4]) П. и Б. III, № 709.

III.

Содержаніе дѣловой переписки Петра до крайности разнообразно, и обозрѣть его въ небольшой статьѣ по какой либо системѣ нѣтъ возможности. Въ письмахъ оставила слѣды вся кипучая, неутомимая, разносторонняя дѣятельность государя. Военныя распоряженія, движеніе войскъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, организація военныхъ силъ, комплектованіе и вооруженіе войска, постройка кораблей, дипломатическія сношенія, всѣ стороны внутренняго управленія, словомъ все, что занимало мысль Петра въ тотъ или другой моментъ его жизни—непремѣнно нашло себѣ отраженіе въ его необъятной перепискѣ. Читая его письма, начинаешь понимать, до какой степени все управленіе при немъ было личнымъ, какимъ руководящимъ началомъ была его мысль, какою громадною и неистощимою движущею силой была его воля, какимъ возбуждающимъ средствомъ была его энергія. Его письма, летѣвшія отъ него въ разныхъ направленіяхъ, какъ бы отъ центра по радіусамъ, были проводниками его мысли и воли. Я беру для примѣра одинъ день въ жизни Петра — 6 іюля 1707 г.—тотъ день, на который приходится максимальное количество отправленныхъ имъ писемъ изъ всѣхъ дней 1707 г. Изслѣдуемъ переписку за этотъ день; это изслѣдованіе покажетъ намъ разнообразіе содержанія писемъ и широту круга лицъ, которыхъ они касаются. Собираясь въ этотъ день покинуть Люблинъ [1]), гдѣ онъ тогда находился и отправиться въ Варшаву, Петръ отвѣтилъ на послѣднюю полученную въ Люблинѣ корреспонденцію. Имъ были получены письма отъ Курбатова, К. А. Нарышкина, кн. Ѳ. Ю. Ромодановскаго и Б. П. Шереметева. А. А. Курбатовъ, оберъ-инспекторъ московской ратуши, ходатайствовалъ передъ государемъ о распоряженіи, чтобы въ Ратушу были внесены причитающіяся ей деньги изъ приказовъ адмиралтейскаго, помѣстнаго и сибирскаго, а сверхъ того просилъ указаній по поводу перечеканки монеты. Письмо Курбатова вызвало четыре письма отъ Петра въ Москву: къ стольнику Гр. А. Племянникову, одному изъ членовъ адмиралтейскаго приказа, къ думному дьяку Автоному Иванову, завѣдывавшему помѣстнымъ приказомъ и къ кн. М. П. Гагарину, начальнику сибирскаго приказа, ко всѣмъ троимъ о взносѣ въ ратушу слѣдующихъ ей денегъ и о счетѣ съ ней и, наконецъ, къ самому Курбатову съ увѣдомленіемъ объ этихъ сдѣланныхъ по

[1]) Журналъ или Поденная записка, изд. Щербатовымъ I, 160. Ср. П. и Б. VI, №№ 1860, 1861 и 1867.

его просьбѣ распоряженіяхъ и съ указаніемъ относительно перечеканки мѣдной монеты и ефимковъ.

Письмо изъ Пскова отъ Кирилла Алексѣевича Нарышкина, дерптскаго коменданта, заключало въ себѣ нѣсколько предметовъ. Нарышкинъ доносилъ о рекогносцировкѣ, предпринятой изъ Дерпта „для поиску надъ непріятельскими людьми“ и о томъ, что развѣдочный русскій отрядъ встрѣтился съ развѣдочнымъ же непріятельскимъ отрядомъ и разбилъ его. Далѣе онъ сообщалъ о выѣздѣ въ Дерптъ шведскаго капитана и драгунскаго урядника и увѣдомлялъ государя объ исполненіи его повелѣнія о высылкѣ дерптскихъ жителей шведовъ въ Москву. Этихъ извѣстій Нарышкина Петръ не коснулся въ своемъ отвѣтѣ. Но затѣмъ шли дѣла, видимо очень тревожившія дерптскаго коменданта и вызвавшія отвѣтъ государя. Комендантъ жаловался на недостатокъ контингента въ одномъ изъ подчиненныхъ ему полковъ—Мурзенковомъ: онъ обращался за рекрутами согласно прежнему повелѣнію государя къ Т. Н. Стрѣшневу, но тотъ рекрутъ не прислалъ. Петръ отвѣчаетъ, что послалъ Т. Н. Стрѣшневу новый указъ. Нарышкинъ пишетъ далѣе, что кн. М. П. Гагаринъ, которому велѣно было прислать безденежно ружья для псковскихъ драгунъ и для Мурзенкова полка, безденежно ружей не присылаетъ, проситъ за нихъ денегъ, а денегъ взять неоткуда. Петръ успокаиваетъ коменданта сообщеніемъ, что къ кн. Гагарину также посылается новый указъ. Слѣдуетъ въ письмѣ Нарышкина жалоба на псковскаго провіантмейстера, не выдающаго на 1707 г. окладного хлѣбнаго жалованья тремъ дерптскимъ солдатскимъ полкамъ. Петръ предписываетъ въ отвѣтѣ съ выдачей хлѣбнаго жалованья повременить. Слѣдующій пунктъ письма Нарышкина—сообщеніе о состояніи сооружавшейся засѣчной линіи, которая еще не окончена. Нарышкинъ спрашиваетъ, кому за этимъ дѣломъ наблюдать. Петръ отвѣчаетъ приказаніемъ линію, гдѣ попорчена, чинить, щадя однако силы мѣстнаго крестьянскаго населенія, „усматривая, чтобъ трудности людямъ не было, понеже нынѣ людемъ не безъ труда есть, первое, что дѣловая пора, другое и то не малое дѣло, что на Лукахъ крѣпость дѣлаютъ“. Особаго наблюдателя за этими работами государь однако не назначилъ. Нарышкина затрудняла путаница, произшедшая въ назначеніи командира солдатскаго Митчелева полка, находившагося въ его округѣ. Кн. А. Д. Меншиковъ назначилъ командиромъ въ этотъ полкъ Вилима фонъ-Фенихбира; но онъ не прибылъ, а вмѣсто него Б. П. Шереметевъ прислалъ въ командиры другого иноземца полковника Бокана. „И о семъ, Ваше Величество“, спрашиваетъ Нарышкинъ, „что ука-

жешь?“ Петръ сообщилъ, что вмѣсто Митчелева полка дерптскому коменданту будетъ присланъ другой полкъ. Наконецъ, Нарышкинъ сообщалъ объ измѣнѣ сержанта Смольянинова, который пытался отъѣхать къ непріятелю, но пойманъ и съ пытокъ повинился, что дѣйствительно хотѣлъ отъѣхать въ Ревель. Петръ отвѣчаетъ: „Сержанту Смольянинову... учинить то, чего онъ достоинъ“.

Перечисленными предметами исчерпывается содержаніе письма К. А. Нарышкина, но не исчерпывается содержаніе отвѣта Петра. Государь касается еще одного дѣла, о которомъ, вѣроятно, шла рѣчь въ предыдущемъ письмѣ Нарышкина: дѣлаетъ распоряженіе объ отдачѣ подъ судъ майора Гревса и артиллерійскихъ поручиковъ, которые оказались въ чемъ-то виновны и сообщаетъ, что для управленія артиллеріей, пока эти офицеры будутъ подъ судомъ, въ Дерптъ будетъ присланъ поручикъ изъ Нарвы. Но и этимъ письмо Петра еще не кончилось. Онъ заключаетъ его распоряженіемъ объ устройствѣ подкоповъ подъ дерптской крѣпостью. „При семъ еще въ запасъ объявляю“, пишетъ онъ, „что подъ болварками всѣми въ Дерптѣ, а наипаче подъ тѣми, гдѣ сіи слова А. В. на чертежѣ поставлены, здѣлать подкопы, дабы въ нужное время возможно сію фортецыю подорвать, а наипаче подъ вышеписанными двѣма такъ крѣпко здѣлать, чтобъ съ фундаменту разорило; а подъ новой, чаю, не надобно подкопа, понеже деревяной: мочно зжечь, однако въ запасъ здѣлать; для котораго дѣла посылаетца къ вамъ подкопщикъ. Однако жъ сіе дѣло надлежитъ тайно дѣлать, а наипаче отъ жителей тамошнихъ. Также и пороху во оные до указу не класть“. По поводу письма К. А. Нарышкина Петръ, кромѣ обширнаго отвѣта ему, отправилъ еще письма: въ Москву Т. Н. Стрѣшневу съ энергичнымъ подтвержденіемъ о немедленной отправкѣ рекрутъ въ Мурзенковъ полкъ [1]), затѣмъ въ Петербургъ къ Ѳ. М. Апраксину о высылкѣ изъ Нарвы въ Дерптъ одного поручика для управленія дерптской артиллеріей и въ Минскъ къ кн. А. И. Репнину о высылкѣ въ Дерптъ подкопщика. Кромѣ того въ упомянутомъ уже ранѣе письмѣ отъ того же 6-го іюля къ кн. М. П. Гагарину наряду съ распоряженіемъ о взносѣ денегъ изъ сибирскаго приказа въ Ратушу было включено и распоряженіе о безденежной высылкѣ ружей къ дерптскому коменданту Нарышкину [2]).

Въ отправленномъ въ тотъ же день 6-го іюля отвѣтѣ на

---

[1]) П. и Б. VI, № 1859.

[2]) П. и Б. VI, №№ 1855, 1859, 1850, 1857, 1851. Письмо К. А. Нарышкина см. П. и Б. V, стр. 511—13.

письмо кн. Ѳ. Ю. Ромодановскаго отъ 20 іюня Петръ подтверждаетъ свое прежнее распоряженіе по дѣлу объ участникахъ астраханскаго бунта, розыскомъ о которыхъ былъ занятъ Ромодановскій и предписываетъ передать другое политическое дѣло: о соучастникахъ Анны Ивановны Монсъ, обвинявшейся въ то время въ колдовствѣ и въ привораживаніи къ себѣ Петра на рѣшеніе общаго совѣта бояръ. Кромѣ этихъ двухъ предписаній Петръ приказывалъ еще князю въ томъ же письмѣ прислать къ нему въ находившійся при немъ въ Польшѣ Преображенскій полкъ [1]) полкового писаря, выбравъ для того изъ подьячихъ добраго и заобычайнаго человѣка.

Б. П. Шереметеву, стоявшему тогда въ г. Острогѣ, Петръ, въ разсматриваемый день, 6-го іюля, отправилъ два письма. Въ нихъ онъ отвѣчалъ на вопросы, затронутые въ письмѣ Шереметева къ нему отъ 27 іюня. Шереметевъ доносилъ о сборѣ контрибуціи съ вотчинъ князей Вишневецкихъ. Петръ замѣтилъ по этому поводу въ своемъ отвѣтѣ: „Для Бога въ контрибуціи не омедливай по указу“. Фельдмаршалъ просилъ далѣе позволенія взять молодыхъ людей „недорослей Преображенской и Семеновской лейбъ-гвардіи“ для назначенія ихъ на мѣста подпоручиковъ въ подчиненные ему полки. Петръ предоставляетъ ему выбрать требуемыхъ офицеровъ изъ урядниковъ и недорослей Семеновскаго полка, прибавляя при этомъ: „а изъ Преображенскова самъ выберу“. Въ письмѣ Шереметева содержалась еще просьба: онъ ходатайствовалъ о назначеніи къ нему переводчика для перевода съ нѣмецкаго языка документовъ, поступающихъ въ его главную квартиру. Петръ предлагаетъ ему обратиться за переводчикомъ въ Москву въ военный приказъ; при немъ, въ царской главной квартирѣ такового не имѣется. Кромѣ этихъ отвѣтовъ на донесеніе и просьбы Шереметева государь, въ одномъ изъ писемъ отъ 6-го іюля, предупреждая фельдмаршала о предстоящемъ походѣ въ Литву, даетъ ему предписаніе принять мѣры къ устройству подвоза припасовъ русскимъ войскамъ по новому направленію, именно не черезъ Кіевъ, какъ возили раньше, а черезъ Смоленскъ, Слуцкъ или Минскъ. Почтовыя сношенія должны производиться еще по прежнему направленію до тѣхъ поръ, пока самъ Шереметевъ двинется съ мѣста [2]).

Послѣднее письмо, написанное Петромъ 6 іюля 1707 г., переноситъ насъ въ другую область, въ землю донскихъ казаковъ; это письмо къ князю Юрію Владиміровичу Долгорукому, находивше-

---

[1]) Журналъ или Поденная Записка I. 161.

[2]) П. и Б. VI, №№ 1860 и 1861. Письмо Шереметева. Ibid., стр. 233—234.

муся въ Троицкой крѣпости (на Таганрогѣ). Долгорукому Петръ писалъ о высылкѣ съ Дона нашедшихъ себѣ тамъ пріютъ и укрывающихся бѣглыхъ посадскихъ и крестьянъ. Этихъ бѣглецовъ царь приказываетъ переписать и выслать съ провожатыми по прежнему въ тѣ города и мѣста, откуда кто бѣжалъ; если найдутся между ними преступники, воры и забойцы — таковыхъ отослать подъ карауломъ въ Москву или въ Азовъ. Долгорукому поручалось далѣе произвести разслѣдованіе о притѣсненіяхъ, причиненныхъ полковнику и жителямъ Изюмскаго полка бахмутскимъ станичнымъ атаманомъ Булавинымъ, разорившимъ у изюмцевъ солеваренные заводы, изъ-за которыхъ у бахмутцевъ шли съ изюмцами споры, а также о сопротивленіи, оказанномъ бахмутцами дьяку Горчакову, посланному изъ Воронежа досматривать и описывать эти спорныя мѣста. Произведя это разслѣдованіе, Долгорукій долженъ былъ позаботиться о размежеваніи спорныхъ угодій между враждующими донцами и жителями Изюма[1]).

Итакъ, 6-го іюля 1707 г. Петръ въ своей перепискѣ какъ бы окинулъ взоромъ громадное пространство. Онъ писалъ въ Москву, въ Дерптъ, въ польскую Украйну, въ Донскую область. Онъ коснулся въ отправленныхъ письмахъ, по меньшей мѣрѣ, 20 дѣлъ. Приведемъ еще разъ ихъ перечень. Въ кругъ этихъ дѣлъ вошли: уплата въ московскую ратушу причитающихся ей суммъ изъ приказовъ адмиралтейскаго, сибирскаго и помѣстнаго, перечеканка монеты, комплектованіе рекрутами стоявшаго въ Дерптѣ Мурзенкова полка, снабженіе этого полка и драгунскаго псковскаго оружіемъ, выдача хлѣбнаго жалованья тремъ дерптскимъ солдатскимъ полкамъ, сооруженіе оборонительной линіи въ дерптскомъ оберъкомендантствѣ, переводъ Митчелева полка въ другой округъ, преданіе суду измѣнника и совершившихъ проступки офицеровъ, назначеніе командира дерптской артиллеріи, устройство подкоповъ подъ дерптскими укрѣпленіями, политическіе розыски по дѣлу астраханскихъ мятежниковъ и по дѣлу Монсъ, присылка въ Преображенскій полкъ полкового писаря, пополненіе офицерами полковъ въ арміи Шереметева, посылка къ Шереметеву переводчика, контрибуція, собираемая Шереметевымъ съ вотчинъ въ мѣстностяхъ расположенія его арміи, новое направленіе подвоза припасовъ къ русскимъ въ Польшѣ, высылка изъ Донской области бѣглыхъ посадскихъ и крестьянъ, разслѣдованіе конфликта между донскими казаками — бахмутцами и жителями Изюмскаго полка и размежеваніе между ними спорныхъ угодій. Вотъ перечень, кото-

[1]) П. и Б. VI, № 1852.

рый, несомнѣнно, уже утомилъ читателя, устало скользящаго по нему взоромъ, Но вся перечисленная въ немъ масса дѣлъ едва-ли утомила Петра! А между тѣмъ, какимъ упорнымъ трудолюбіемъ надо было обладать, чтобы рѣшить, не откладывая всѣ эти вопросы, какую огромную память надо было имѣть, чтобы въ нихъ отчетливо разобраться, чтобы припомнить каждый изъ попавшихъ въ полосу его вниманія предметовъ со всѣми его конкретными и мелочными подробностями, какое присутствіе духа, чтобы не только не растеряться въ этомъ кипучемъ водоворотѣ донесеній, жалобъ и просьбъ, но и дать каждому твердое руководящее указаніе! Какъ хорошо надо было знать то множество лицъ, съ которыми приходилось имѣть ежедневно сношенія, притомъ знать ихъ не съ внѣшней стороны только, но и изучить внутреннія свойства и особенности каждаго, чтобы, обращаясь къ одному — подкрѣпить даваемое ему указаніе ласковой просьбой, адресуясь къ другому — прибѣгнуть къ угрозѣ, а къ третьему — написать дѣловое письмо въ шутливомъ тонѣ. И такую работу приходилось вести изо дня въ день, иногда неоднократно и настойчиво возвращаясь къ одному и тому же дѣлу, чтобы тѣмъ вѣрнѣе и надежнѣе достигнуть его исполненія. 6-го іюля 1707 г. передъ отъѣздомъ изъ Люблина въ Варшаву Петръ, какъ мы видѣли, писалъ Шереметеву о новой организаціи сообщенія находившейся въ польскихъ земляхъ русской арміи съ Москвою. 14-го изъ Варшавы царь вновь пишетъ Шереметеву о томъ же предметѣ, требуя дать отвѣтъ, какъ исполнено дѣло. Точно также онъ возвращается и къ вопросу о сборѣ контрибуціи. Въ письмѣ отъ 6 іюля онъ пишетъ: „для Бога въ контрибуціи не омедливай по указу“. Письмо отъ 14 іюля онъ заключаетъ словами „А паче всего изволь трудитца въ выбираніи контрибуціи“ [1]). Царь хорошо знаетъ, что такое повтореніе не будемъ лишнимъ.

IV.

Въ 1707 г., о которомъ идетъ рѣчь, Петръ ведетъ все управленіе лично, потому что онъ дѣйствуетъ одинъ. Нѣтъ учрежденій, которыя разгружали бы это бремя личнаго управленія и освобождали бы государя отъ мелочей и подробностей, оставляя за нимъ только руководящія идеи и направленія. Въ Москвѣ остается министерская консилія—безформенная и невліятельная тѣнь прежней боярской думы—и клонящіеся къ разрушенію, чтобы уступить мѣсто

[1]) П. и Б. VI, № 1867.

губерніямъ, приказы. Петръ ведетъ переписку съ лицами, а не съ учрежденіями. Но недостатокъ учрежденій даетъ себя знать, и вотъ въ 1711 г. „для всегдашнихъ отлучекъ нашихъ“ создается правительствующій сенатъ, который долженъ работать самостоятельно, дѣйствуя отъ имени государя, долженъ даже совсѣмъ замѣнять отсутствующаго государя. Однако управленіе и тогда не перестаетъ быть личнымъ. Съ возникновеніемъ сената въ перепискѣ Петра Великаго стало однимъ корреспондентомъ больше. Съ 1711 г. открывается новый и обширный отдѣлъ этой переписки: многочисленныя, также по обыкновенію краткіе и сжатые письма-указы, начинающіеся обращеніемъ „господа-сенатъ“ и касающіеся множества всевозможныхъ крупныхъ и мелкихъ предметовъ. Съ учрежденіемъ сената не прекратилась непосредственная переписка Петра и съ тѣми лицами, которыя были подчинены сенату и получали отъ него указы.

Умъ Петра Великаго отличался не только способностью овладѣвать сразу множествомъ разнообразныхъ предметовъ и не теряться среди этого множества; его отличительною особенностью была также способность одновременно и съ одинаковымъ интересомъ охватывать предметы совершенно различныхъ калибровъ. Его мысль могла работать надъ важнѣйшими вопросами внѣшнихъ отношеній, надъ планомъ военныхъ дѣйствій, надъ крупными вопросами администраціи и т. д. и въ тоже время съ одинаковой ясностью касаться какихъ-нибудь самыхъ послѣднихъ мелочей. Въ его памяти одновременно совмѣщались крупныя и мелкія вещи, и первыя нисколько не подавляли и не оттѣсняли собою вторыхъ. Хорошо извѣстно, что Петръ не былъ вовсе отвлеченнымъ мыслителемъ. Общія понятія и отвлеченныя идеи ему не давались. Его мышленіе не совершало тѣхъ отвлеченныхъ операцій обобщенія, восхожденія отъ частностей къ общему, схематизаціи, которыя помогаютъ намъ овладѣвать множествомъ предметовъ посредствомъ немногихъ категорій. Его мышленіе было конкретнымъ; оно работало надъ конкретными представленіями не обобщая ихъ, не возводя въ общія понятія и не размѣщая въ стройныя схемы. Сочетаніе крупныхъ предметовъ съ мелочами въ перепискѣ Петра— одна изъ наиболѣе поразительныхъ чертъ этой переписки. Она уже достаточно замѣтна и въ разобранныхъ выше письмахъ отъ 6 іюля 1707 г. Но приведемъ все-таки еще нѣсколько примѣровъ. Въ письмѣ отъ 8 февр. 1706 г. къ А. В. Кикину, который былъ посланъ въ Митаву для наблюденія за дѣйствіями стоявшаго въ Ригѣ Левенгаупта, Петръ отдаетъ подробныя распоряженія о подкопахъ подъ Митавскимъ замкомъ, который надо взорвать въ

случаѣ оставленія Митавы, сообщаетъ о возможныхъ движеніяхъ главной шведской арміи, предостерегаетъ противъ опасности быть отрѣзаннымъ этой арміей, предписываетъ перевезти мѣдную артиллерію къ Полоцку или къ Пскову. „В протчемъ“, заканчиваетъ онъ это полное тревожнаго ожиданія письмо, „чините по прежнимъ указомъ і смотрите і дѣлайте прилѣжно, что возможно, въ чемъ Господь Богъ помоги вамъ“. Но уже подписавъ письмо, несмотря на тревогу, навѣянную мыслью о серьезныхъ послѣдствіяхъ предстоящаго движенія главной шведской арміи, Петръ дѣлаетъ еще приписку: „Садовъника, которой былъ въ Питербурхѣ, найми на годъ“ [1]). Къ тому же Кикину Петръ пишетъ 30 апр. 1710 г. о пріостановкѣ движенія пѣхотныхъ полковъ подъ Выборгъ и о снабженіи хлѣбомъ Котлина острова. А между этими распоряженіями читаемъ: „Также со двора Ларіона Думашева къ невѣсткѣ моей царицѣ вели отпустить нѣсколько возовъ сѣна“ [2]). 26 іюля 1707 г. царь, находясь въ Варшавѣ, отправляетъ письмо къ коронному великому гетману Адаму Сенявскому въ отвѣтъ на его письма съ извѣстіями о притѣсненіяхъ, чинимыхъ находящимися въ Польшѣ русскими войсками мѣстнымъ жителямъ и предлагаетъ учредить для наблюденія за поведеніемъ войскъ смѣшанную русско-польскую комиссію. Въ тотъ же день онъ пишетъ голландскому кущу Ив. Люпсу о томъ, чтобъ доставилъ въ Петербургъ хорошихъ анчоусовъ, оливокъ и сельдей по бочкѣ, а также, чтобъ выслать туда же фонтаннаго мастера [3]). Царь самъ дѣлаетъ распоряженіе о наймѣ хлѣбника и о выучкѣ его печь крендели, разсуждая при томъ, какъ это сдѣлать лучше и дешевле. „Говорилъ я Готовцову“, пишетъ онъ къ генералу Вейде отъ 21 сент. 1717 г., „чтобъ нанять калашника, которой крендели дѣлаетъ, но нынѣ лутче разсуждаю, чтобъ изъ салдатъ или изъ неслужащихъ, или хотя и изъ людей офицерскихъ дѣтину доброва изъ хлѣбниковъ или изъ харчевниковъ оставить, чтобъ выучился. Сіе будетъ лутче и дешевле“ [4]). Въ указѣ изъ Сумъ къ московскому коменданту кн. М. П. Гагарину отъ 28 дек. 1708 г. Петръ распоряжается о разсылкѣ шведскихъ плѣнныхъ изъ Можайска по монастырямъ и затѣмъ прибавляетъ: „Книги французской, которую переводитъ Борисъ Волковъ, о кавалерахъ [5]) фигуры возми и отдай вырѣзать Блекланту. Буде же еѣ у Волкова нѣтъ, то спросить у Михаила

[1]) П. и Б. IV, № 1072.
[2]) С. И. Р. И. О. XI, стр. 19.
[3]) П. и Б. VI №№ 1876 и 1874.
[4]) С. И. Р. И. О. XI, стр. 55.
[5]) „Історіа о ординахъ ілі чинахъ воинскихъ паче же кавалерскіхъ“.

Шафирова". Въ изгибахъ его памяти хранится свѣдѣніе, какъ надо разыскать вещь, у кого ее спросить, если она не окажется тамъ, гдѣ онъ ее указываетъ: если нѣтъ у Волкова, надо спросить у Шафирова. Подписавъ письмо, Петръ дѣлаетъ еще post-scriptum: „Подлинную книгу ту, которую вамъ отдалъ Ознобишинъ, пришли сюды" [1]). 25 янв. 1709 г. оттуда же изъ Сумъ Петръ шлетъ тому же Гагарину приказъ какую то книгу, которую переводитъ Головкинъ, напечатать амстердамскимъ шрифтомъ и при этомъ указываетъ, какимъ именно: „амстердамскою среднею печатью, которою напечатана кумплементальная книжка". Слѣдовательно, надо было припомнить о кумплементальной книжкѣ и о шрифтѣ, которымъ она напечатана [2]). Въ письмѣ къ нему же отъ 4 янв. 1709 г. царь пишетъ: „У господина Өилатьева возми препорціяльной цыркуль и пришли сюды. Также купи простыхъ цыркулей десятка два или три и пришли сюды, купно съ мѣдными перышками, которыми рисуютъ". Заботу о присылкѣ циркулей и мѣдныхъ перышекъ можно было бы поручить кому-либо другому, но Петръ не полагается на людей и, какъ хорошій, рачительный хозяинъ, все хочетъ дѣлать самъ или, по крайней мѣрѣ смотрѣть за всѣми мелочами своего хозяйства своимъ глазомъ—„понеже", какъ выразился онъ въ одномъ изъ указовъ, „за глазами много диковинокъ бываетъ", т. е. много самыхъ непріятныхъ сюрпризовъ, если не присмотрѣть за всѣмъ самому. Въ письмѣ отъ 9 авг. 1709 г. къ тому же московскому коменданту изъ Кіева онъ заказываетъ ему „здѣлать одѣяло теплое лисье черевье и покрыть какою нибудь легкою парчею, только безъ золота" [3]). Въ 1710 г. предписываетъ ему купить на Москвѣ и прислать немедленно матеріи золотой доброй по бѣлой или по алой землѣ на юбку племянницѣ Аннѣ Ивановнѣ по случаю предстоящаго бракосочетанія ея съ герцогомъ курляндскимъ [4]), а собираясь провести святки 1709—10 г. въ Москвѣ, пишетъ московскому коменданту: „для житья нашего въ Коломенскомъ вели приготовить избушки двѣ или три, въ которыхъ бы таракановъ не было" [5]).

V.

Въ письмахъ Петра не только отображается внѣшнее формальное свойство его ума: его способность овладѣвать крупными явле-

[1]) С. И. Р И. О. XI, стр. 119—120.
[2]) Ibid., стр. 122.
[3]) Ibid. 124.
[4]) Ibid. 141.
[5]) Ibid. 130.

ніями одновременно съ тысячей мельчайшихъ подробностей и представлять себѣ каждую изъ этихъ подробностей до послѣдней степени отчетливо и ясно, но становятся видны и внутреннія черты его духовной природы: преобладавшія у него идеи и воодушевлявшія его чувства. Мы постигаемъ суть его міросозерцанія. Мы начинаемъ видѣть, какъ у него дѣло, которое его занимаетъ, господствуетъ надъ чувствами, его волнующими, какъ у него общее дѣло преобладаетъ надъ личными и частными интересами. Нельзя сказать, чтобъ Петръ не умѣлъ глубоко чувствовать; но свое чувство онъ заглушаетъ, весь отдаваясь занимающему его дѣлу. Извѣстіе о смерти любимой матери, скончавшейся 25 января 1694 г., которое онъ сообщаетъ въ Архангельскъ Ѳ. М. Апраксину полно глубокой скорби. „Ѳедоръ Матвѣевичъ. Бѣду свою и послѣднюю печаль глухо объявляю, о которой подробно писать рука моя не можетъ, купно же и сердце“. Въ этихъ словахъ много печали; они звучатъ, какъ комья земли, бросаемыя на крышку только что опущеннаго въ могилу гроба. Петръ готовъ перенести постигнувшую его бѣду, покоряясь волѣ Божьей. „Обаче“, продолжаетъ онъ письмо къ Апраксину, „воспоминая апостола Павла: яко не скорбѣти о таковыхъ и Ездры: еже не возвратити день, иже мимо идесія вся, елико возможно, аще и выше ума и живота моего [о чемъ и самъ подлинно вѣдалъ], еще поелику возможно, разсуждаю, яко всемогущему Богу и вся по волѣ своей творящу. Аминь“. Но затѣмъ тотчасъ же въ этомъ же письмѣ Петръ обращается къ дѣлу, въ то время его болѣе всего занимавшему, къ сооруженію и снаряженію кораблей въ Архангельскѣ для экспедиціи по Бѣлому морю. Самъ онъ не можетъ еще выѣхать туда изъ Москвы, но пишетъ Апраксину о мельчайшихъ подробностяхъ этого дѣла. „По сихъ, яко Ной, отъ бѣды мало отдохнувъ и о невозвратномъ оставя, о живомъ пишу. Понеже по обѣщанію моему, паче же отъ безмѣрной печали, незапно здѣ присѣтити хощу и того для имамъ нѣкія нужды, которыя пишу ниже сего: 1) Посылаю Никласа да Яна для строенія малаго корабля и чтобъ имъ лѣсъ и желѣзо, и все къ тому было вскорѣ готово, понеже рано пріѣхать имѣемъ; 2) полтораста шапокъ собачьихъ и столько же башмаковъ разныхъ мѣръ сдѣлать, о чемъ въ готовности не сомнѣваюсь. И желаю отъ Бога купно здравія компаніи вашей“ [1]). Всего на четвертый день послѣ смерти матери—письмо помѣчено 29 января—еще подъ тяжестью понесенной утраты, онъ уже можетъ писать о собачьихъ шапкахъ и башмакахъ!

---

[1]) П. и Б. I, № 21.

Петръ не чуждъ способности отозваться и на чужое горе и обратиться къ горюющему человѣку со словомъ утѣшенія; но это слово утѣшенія онъ скажетъ среди многихъ другихъ безразличныхъ словъ, среди распоряженій о дѣлахъ, о которыхъ онъ думаетъ и которыми долженъ заниматься тотъ, къ кому онъ обращается. Въ 1702 г. у Ѳ. М. Апраксина умерла жена. Петръ пишетъ ему отъ 21 октября 1702 г., отдаетъ въ письмѣ распоряженія о корабляхъ, о плотникахъ и о другихъ предметахъ. И только въ заключеніи письма находятся слѣдующія, дышащія искреннимъ сочувствіемъ строки: „Пожалуй, государь Ѳедоръ Матвѣевичъ, не сокруши себя въ такой своей печали; уповай на Бога. Что же дѣлать? И здѣсь такіе печали живутъ (бываютъ), что жены мрутъ и стригутца“ [1]). 10 сентября 1705 г. Петръ увѣдомляетъ только что похоронившаго мать Ѳ. А. Головина о своемъ согласіи на принятыя имъ мѣры, а затѣмъ прибавляетъ: „Слышу, что вы зело печалны о смерти материной. Для Бога, ізволте разсудить, понеже человѣкъ старой і весма давно болной [2]) былъ“.

Общее государственное дѣло должно быть для каждаго на первомъ планѣ; передъ нимъ должны отступить всѣ частные разсчеты и замолкнуть всѣ личныя чувства. Въ инструкціи князю Вас. Влад. Долгорукому о скорѣйшемъ выступленіи въ походъ для дѣйствій противъ Булавина, предписывается ему постоянно сноситься съ Толстымъ, находящимся въ Азовѣ. Къ инструкціи Петръ дѣлаетъ собственноручную приписку: „Такоже и сіе напоминаю вамъ, что хотя вы съ вышереченнымъ Толстымъ имѣете нѣкоторую противность, однако же для сея причины надлежитъ оное отставить, дабы въ дѣлѣ помѣшки не было“ [3]). На себя Петръ смотритъ, какъ на перваго служащаго этому общему государственному дѣлу и не разъ въ письмахъ онъ прямо говоритъ о своей службѣ. Такъ, описывая Екатеринѣ сраженіе при Добромъ, онъ употребляетъ выраженіе: „какъ сталъ служить, такой игрушки не видалъ“ [4]). Сообщая Ѳ. М. Апраксину 10 мая 1703 г. о побѣдѣ надъ шведскими судами въ устьѣ Невы, Петръ пишетъ: „Хотя и недостойны, однакожъ отъ господъ фельдмаршала и адмирала мы съ господиномъ

---

[1]) П. и Б. II, № 468.

[2]) П. и Б. III, №-920. Ср. IV, № 1362 къ Г. И. Головкину 22 сент. 1706 г. „А о матери не изволь печалитца [ибо и моя тетка такъ же опредѣлилась]; а какъ бы моя мать въ такихъ лѣтахъ умерла, истинно бъ не точію печаленъ, но и благодаренъ былъ, что Богъ такихъ лѣтъ допустилъ“.

[3]) Сб. И. Р. И. О. XI стр. 31.

[4]) Письма къ Екатеринѣ № 9.

порутчикомъ [1]) учинены кавалерами святого Андрея“ [2]) 19 марта 1707 г. въ письмѣ къ Кикину изъ Лемберга Петръ дѣлаетъ приписку: „Такожъ прошу ізъ Нарвы денги моі прислать; такожъ у господина адмирала ізходатайствовать заслуженое жалованье і прислать“ [3]). Отъ 13 февр. 1704 г. сохранилась ассигновка на выдачу жалованья морскимъ чинамъ, и въ ней подъ словами: „Корабелному мастеру Петру Михайлову триста шездесятъ шесть рублевъ“ находится собственноручная расписка: „Принел і росписался“ [4]).

Живую и неподдѣльную радость возбуждаетъ въ Петрѣ замѣченное имъ въ комъ нибудь искреннее намѣреніе служить государственному дѣлу. Узнавъ о желаніи Конона Никитича Зотова, сына своего учителя Никиты Моисеевича, добровольно поступить на службу во флотъ, чтобы научиться морскому дѣлу, Петръ не можетъ удержаться, чтобы не написать молодому человѣку нѣсколько строкъ, хорошо отражающихъ его настроеніе въ тотъ моментъ, когда писалось это письмо: „Вчерашнего дня я виделъ писмо у отца вашего, отъ васъ ко оному писанное, въ которомъ сенцъ тотъ есть, чтобъ вамъ обучитца службѣ, на море приналежащей. Которое ваше желание зело мы любезно принели і можемъ такъ сказать, что мы ни отъ единаго человѣка ізъ Россиянъ такова надобного прошенія не слыхали, въ которомъ вы первый объявились, понеже зело рѣтъко случаетца, дабы кто ізъ младыхъ, оставя в компанияхъ забавы, своею волею шуму морского слушать хотѣлъ. Въ протчемъ желаемъ, дабы Господь Богъ вамъ в семъ [зело ізрядномъ і едва не первомъ на свѣте почитаемомъ] дѣлѣ благословилъ і счасливо во свое время к отечеству возвратилъ. Piter“ [5]). Но, можетъ быть, гораздо чаще Петру приходилось сталкиваться съ противоположнымъ настроеніемъ своихъ сотрудниковъ, и тяжелый вздохъ вырывается у него иногда при видѣ уклоненія отъ работы при мысли о своемъ одиночествѣ. „Мы, слава Богу, здоровы“, пишетъ онъ Екатеринѣ, „толко зело тежело жить, ібо я левъшею не умѣю въладѣть, а в адной правой рукѣ принужденъ держать шпагу і перо; а помочниковъ сколко, сама знаешь“ [6]). Въ сентябрѣ 1703 г. Ѳ. М. Апраксинъ обратился къ царю съ ходатайствомъ за брата: братъ пишетъ, что на него возложено тяжелое порученіе идти къ городу

---

[1]) А. Д. Меншиковымъ.
[2]) П. и Б. II, № 524.
[3]) П. и Б. V, № 1638.
[4]) П. и Б. III, № 625.
[5]) П. и Б. VI, № 1955.
[6]) Письма къ Екатеринѣ № 30.

Ямамъ съ двумя драгунскими полками, въ обоихъ полкахъ меньше полуторы тысячи человѣкъ, пѣхоты ему не дано ни одного человѣка и съ такими ничтожными силами ему велѣно оберегать отъ непріятеля города Ямы и Копорье съ ихъ уѣздами. Ѳедоръ Матвѣевичъ проситъ освободить брата отъ этого труднаго порученія. „Если тебѣ, государю, не въ гнѣвъ, умилосердися надъ нимъ, прикажи его свободить... Сотвори милость свою. Съ кѣмъ ему такую великую украину охранить? Кромѣ самой его конечной погибели, ничего не будетъ". Петръ увидѣлъ въ этой просьбѣ желаніе Петра Матвѣевича Апраксина отлынить отъ труднаго дѣла, да при томъ и ложь; ему кромѣ драгунъ даны были также и пѣхотные полки: Вилимовъ полкъ фонъ Делдина да Петровскій полкъ Девсона кромѣ тѣхъ 1200 человѣкъ, которые стоятъ въ Ямахъ гарнизономъ. „Зѣло досадно", заканчиваетъ царь свое письмо къ Ѳедору Матвѣевичу, „что пишутъ все ложь да бѣдство, чего не бывало. О чемъ я прошу, пожалуй, отпиши къ нему, чтобъ онъ отвѣтствовалъ противъ сего писма, такъ ли все, или я солгалъ? Тогда увидишь истину. Никто не хочетъ прямо трудитца" [1]).

Прибавить въ письмо, иногда собственноручно, строку другую съ угрозою за неисполненіе поручаемаго дѣла Петръ не считаетъ лишнимъ. Такія строки должны были подкрѣплять отданное распоряженіе. Съ кн. Д. М. Голицынымъ Петръ держится обыкновенно холоднаго и сухого, но вполнѣ корректнаго тона. Однако, сообщая ему о полученныхъ отъ польскихъ министровъ жалобахъ на завладѣніе кѣмъ то изъ русскихъ польскими маетностями въ Кіевскомъ краю и поручая произвести строжайшее разслѣдованіе, кто это сдѣлалъ, виновнаго прислать подъ карауломъ, кто бъ онъ ни былъ, а взятыя незаконно деревни возвратить ихъ владѣльцамъ, Петръ, несмотря на всю корректность тона письма вставляетъ въ него направленныя по собственному адресу князя довольно выразительныя слова: „а ежели поманишь, то собою заплатишь" и еще разъ повторяетъ предписаніе возвратить маетности ихъ хозяевамъ [2]). Подтверждая вторично обращенное къ московскому коменданту кн. М. П. Гагарину требованіе о неоплошной высылкѣ въ Петербургъ пятой части провіанта, Петръ прибавляетъ къ этому коротенькому, написанному чужою рукою письму сдѣланную собственноручно приписку: „подъ опасеніемъ жестокаго штрафа" [3]).

---

[1]) П. и Б. II № 589. Ср. ibid. стр. 651.

[2]) Сб И. Р. И. О. XI, стр. 92.

[3]) Ibid стр. 148.

Въ гнѣвѣ Петръ обращается къ вызвавшему его гнѣвъ корреспонденту напрямки и не стѣсняется ему въ лицо называть вещи своими именами. „Письмо ваше намъ вручено“, пишетъ онъ оберъ-инспектору московской ратуши А. А. Курбатову, „которое мы со удивленіемъ видѣли, ибо о юфтѣ испрашиваешь указу, а самъ владычествуешь, пиша что уже указъ посылаешь о продажѣ. Которая ваша дерзость васъ приведетъ, что долженъ будешь всѣ векселя и заморскій платежъ отъ себя платить. И впредь о такихъ своихъ плутняхъ ко мнѣ не пиши“ [1]). „Господинъ маеоръ“, читаемъ мы въ письмѣ къ кн. В. В. Долгорукому, назначенному командовать войсками, посланными противъ мятежника Булавина, „письмо ваше я получилъ, въ чемъ зело печально, что дуракъ Бильсъ такъ изрядной полкъ дуростью своею потерялъ; аднакожъ какъ будутъ являтца изъ солдатъ [понеже не всѣ пропадутъ], опять по малу оной полкъ устроить потщится“ [2]). — „Солдатамъ вели давать провіанту“, пишетъ Петръ кн. А. И. Репнину, „на мѣсяцъ по два четверика. А что Ржевской объявилъ вамъ нашимъ указомъ, чтобъ давать на полтора четверика, и то онъ, дуракъ, солгалъ“ [3]).—Въ письмѣ къ кн. Гр. Ѳ. Долгорукому читаемъ такія жесткія строки: „Я зѣло удивляюсь, что вы на старости потеряли свой разумъ и дали себя завесть всегдашнимъ обманщикамъ и черезъ то войска въ Польшѣ остановились“ [4]).

Но Петръ готовъ простить виноватаго въ случаѣ чистосердечнаго принесенія повинной. Въ 1704 г. Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ, командуя отрядомъ войскъ подъ Нарвой, проглядѣлъ высадку 700 человѣкъ шведовъ, приставшихъ къ берегу на мелкихъ судахъ (галіотахъ). Высадившіеся пробрались въ Нарву и усилили ея гарнизонъ въ то время, какъ русскіе собирались осаждать этотъ городъ. „Я никогда не слыхалъ отъ васъ“, пишетъ Петръ черезъ мѣсяцъ Ѳедору Матвѣевичу Апраксину, „о худомъ дѣлѣ брата твоего (пропускъ галіотовъ); но сегодня слышалъ... что вы зѣльными слезами просили. Я иного не знаю писать, понеже онъ ни единой покорности въ ономъ не приноситъ и не точію сіе, но и еще себя права творитъ, вмѣняя намъ во младенчество. Однако вамъ, яко другу, объявляю: если принесетъ публично нерадѣніе и неисправность свою, то я простить не оставлю взысканіе; буде же инакъ, то можешь самъ разсудить, какъ можетъ быть милость, когда согрѣшая и вину принесть не хощетъ?“ Подписавъ письмо,

[1]) П. и Б. VI, № 1893.
[2]) Сб. И. Р. И. О. XI, стр. 39.
[3]) П. и Б. VI, № 1871.
Госуд. Арх. Тетр. Зап. 1715 г., стр. 61.

царь прибавилъ еще приписку: „подлинно прошу, чтобъ сего конечно письма виноватый не вѣдалъ“ [1]); онъ желалъ, видимо, чтобы Апраксинъ покаялся искренно и по доброй волѣ, а не по его письму. Въ 1706 г. старый служака и приказный дѣлецъ думный дьякъ А. А. Виніусъ уѣхалъ безъ позволенія государя изъ-подъ Гродна, заграницу, въ Пруссію. Въ свое оправданіе онъ приводилъ, что принужденъ былъ направиться къ прусской границѣ, не будучи въ состояніи во время движенія шведовъ достать лошадей, чтобы доѣхать до московской границы. Открылся также и другой болѣе ранній эпизодъ, относящійся къ 1703 г. Оказалось, что Виніусъ, жаловавшійся царю на скудость своихъ средствъ, поднесъ въ 1703 г. 10.000 руб. Меншикову, чтобы тотъ оставилъ его на занимаемомъ мѣстѣ во главѣ сибирскаго приказа. На просьбы о прощеніи Петръ 18 іюня 1707 г. отвѣтилъ: „Господинъ Виниусъ. Писма ваши три я принялъ, на которыя отвѣтствую, что какъ вы свою поѣздку ни разсуждаете, однакожъ оная не безъ вины есть; что же вы тутъ поминаете, что отчюжденъ отъ милости, і в томъ можете сами разсудить: пока вы постоянно шли, тогъда і я к вамъ теплее былъ, а когда сказывать стали, что нечево ѣсть, а десеть тысячъ въ одну ночь дали, тогда і меня сие ваше непостоянство отъ васъ отдалило. Но нынѣ, ежели хочете паки возвратитца, то во въсемъ прощение получите; такожъ і все ваше вамъ отдано будетъ; в томъ можете весма надежны быть“ [2]).

Что еще важнѣе, Петръ настолько владѣетъ собою и настолько господствуетъ надъ своимъ самолюбіемъ, что готовъ самъ признать свою ошибку—черта, которую онъ проявляетъ въ воспоминаніяхъ о своихъ прошлыхъ поступкахъ и даже въ законодательствѣ. Вспоминая о началѣ Шведской войны, онъ откровенно заявляетъ, что начали войну „какъ слѣпые“. Въ законодательствѣ онъ не прочь признать то или другое свое распоряженіе ошибкой, говоря: „сіе тогда не осмотря учинено“, какъ онъ выразился о постановленіи, въ силу котораго сенатъ, контролирующій коллегіи, долженъ былъ составляться изъ президентовъ коллегій, и такимъ образомъ выходило, что эти президенты оказались сами у себя подъ контролемъ. Но ошибка, сдѣланная царемъ, больно иногда давала себя чувствовать другимъ людямъ, и Петръ, сознавая это, готовъ тотчасъ же просить прощенія у напрасно обиженнаго имъ человѣка. Явившись 23-го августа 1710 г. на адмиральскій корабль, Петръ вышелъ изъ себя, найдя множество упу-

[1]) П. и Б. III, № 670.
[2]) П. и Б. V, № 1805.

щеній въ его оборудованіи. „Гротъ бадаръ“, пишетъ онъ виновному, по его мнѣнію, въ этихъ упущеніяхъ адмиралтейцу А. В. Кикину, „сего моменту пріѣхалъ я на карабль адмиральской, на которомъ многово не обрѣлъ, что потребно, а именно: большого катла, аконницы ни единой, столяра и плотника такоже ни одного... такоже ни стола, ни стула, въ чемъ мнѣ не безъ стыда будетъ тако мой карабль адмиралу представить, въ чемъ будете вы отвѣтъ въ семъ просмотрѣніи дать“ [1]). Но, разслѣдовавъ обстоятельнѣе дѣло, Петръ понялъ, что погорячился и обвинилъ Кикина напрасно. „Дѣдушка!“, обращается онъ къ нему на этотъ разъ по-русски, что звучитъ гораздо теплѣе, „пожалуй, прости; нынѣ освѣдомился, что безхитросно кромѣ васъ то учинилось и объявилось“ [2]).

Эта готовность сознать свою ошибку и изгладить ея вредныя послѣдствія для другого исходитъ у Петра отъ строгаго и взыскательнаго отношенія къ себѣ и отъ скромнаго взгляда на себя, какъ на человѣка, не изъятаго отъ общаго свойства людей—ошибаться. „Кто Богу не грѣшенъ, кто бабѣ не внукъ“—одна изъ поговорокъ Петра Великаго, слышанная изъ его устъ И. И. Неплюевымъ, на себѣ испытавшимъ снисходительное отношеніе Петра при условіи не лгать, говорить правду. Готовый признать свои недостатки и ошибки Петръ съ тою же скромностью смотритъ на свои заслуги. Этою скромностью проникнуты его письма съ радостными извѣстіями о побѣдахъ, которыми царь спѣшитъ подѣлиться съ сотрудниками [3]). Описывается самое дѣйствіе, исчисляются свои и непріятельскія потери, передается поздравленіе съ сею никогда бываемою викторіею — но о себѣ почти никогда ни слова. А между тѣмъ, не малое число успѣховъ русскаго оружія въ тяжелую Сѣверную войну обязано энергіи и распорядительности Петра и, главное, его способности не только не унывать и не терять присутствія духа при неудачномъ оборотѣ дѣла, но, напротивъ, удваивать въ такомъ случаѣ энергію, ободрять и возбуждать другихъ. „Не извольте о бывшемъ несчастіи печальнымъ быть“, пишетъ онъ Б. П. Шереметеву, разбитому при Гемауертсгофѣ, „понеже всегдашняя удача многихъ людей ввела въ пагубу, но забывать и паче людей ободривать“ [4]). Счастье измѣнчиво; если оно балуетъ человѣка долго, оно его портитъ, вводитъ въ пагубу, и Петръ хладнокровно и спокойно смотритъ въ лицо непостоянной судьбѣ, готовый принять ея удары. Его спокойствіе и стойкость—

[1]) Сб. И. Р. И. О. XI, стр. 20, № XXX.
[2]) Сб. И. Р. И. О. XI, стр. 28.
[3]) См. напр. Сб. И. Р. И. О. XI, стр. 20, 27, 37, 38.
[4]) П. и Б. III, № 864.

твердая опора для его сотрудниковъ, способныхъ растеряться въ минуты невзгоды. Его вниманіе, оказываемое труженикамъ мелкаго чина, напрягаетъ ихъ мужество и энергію. Не разъ письмо къ генералу или фельдмаршалу Петръ заканчиваетъ просьбой передать его поклонъ всѣмъ офицерамъ и рядовымъ солдатамъ.

VI.

„Дѣлу время и потѣхѣ часъ“, говорилъ царь Алексѣй Михайловичъ, который непрочь былъ посвятить досугъ любимому удовольствію—охотѣ или провести вечеръ въ веселой компаніи съ приближенными. Петръ отводилъ дѣлу больше времени, чѣмъ отецъ или точнѣе въ то же время умѣлъ затратить много больше трудового напряженія. Вотъ почему и часъ его потѣхи длился дольше потѣхи царя Алексѣя. Прерывая работу, Петръ умѣлъ отдаться охватывавшему его веселью съ тѣмъ же порывомъ, съ какимъ онъ отдавался и работѣ. Веселье не мѣшало ему продолжать вести дѣло. Обыкновенно праздники Рождество и Пасха проводились съ особымъ подъемомъ; но работа не прекращалась и въ праздники, хотя, можетъ быть, и не шла такъ напряженно. Поздравляя Меншикова 23 апр. 1720 г. съ праздникомъ св. Пасхи, Петръ далѣе прибавляетъ: „вмѣсто яйца посылаю при семъ книгу труда своего Морского Регламенту... Не подивуй на письмо: писано на святой недѣлѣ“ [1]). Писемъ и въ особенности дѣловыхъ писемъ Петръ, какъ мы видѣли уже, изъ-за празднествъ и пировъ не откладывалъ, писалъ ихъ за обѣденнымъ столомъ, и случай, о которомъ онъ сообщаетъ въ одномъ изъ писемъ къ Екатеринѣ, надо признать рѣдкимъ. Въ этомъ письмѣ, помѣченномъ 19 іюня 1719 г. въ 7 часовъ утра съ корабля „Ингерманландія“ подъ Ревелемъ, Петръ извиняется, что не написалъ ей вчера 18-го іюня. „Всѣ обѣдали у меня“, оправдывается царь, „и по обѣдѣ поѣхали въ гавань на взятые корабли, гдѣ довольно размахнули, за чѣмъ вчерась писать было нельзя“ [2]). Петръ и съ другими любитъ подѣлиться охватившимъ его веселымъ настроеніемъ и съ пира шлетъ тому или другому изъ пріятелей такое письмо, которое при чтеніи какъ бы переноситъ насъ въ самый развалъ пира, въ самый шумъ происходящей оргіи. Таково не разъ печатавшееся коллективное посланіе къ Меншикову въ Свѣтлое Воскресенье 24 марта 1706 г. изъ Нарвы. „Сего дни по обѣдни первое были въ

[1]) Госуд. Арх. Тетради Записн. 1720 г. № 54.
[2]) Письма къ Екатеринѣ, № 123.

вашемъ дому и разговѣлись и паки при скончаніи сего дня паки окончали веселіе въ вашемъ дому. Воистинно, слава Богу, веселы, но наше веселіе безъ васъ... яко брашно безъ соли". Подписи подъ этимъ письмомъ, начинающіяся словами: „Лизетъ Даниловна [1]), лапку приложа, челомъ бьетъ", показываютъ, что веселье, о которомъ сообщаетъ царь, дошло дѣйствительно до высокаго градуса. Вслѣдъ за рукоприкладствами членовъ всепьяннѣйшаго собора смиреннаго Мисаила Казанскаго и Свіяжскаго [2]) и архидіакона Гедеона Шаховского [3]), подписался „протодіаконъ Петръ". Слѣдуютъ затѣмъ подписи діакона Киприана и нѣсколькихъ лицъ съ приписками разныхъ пожеланій, напр. „Екимъ [4]), мужикъ матерой, съ симъ праздникомъ поздравляю милости твоей, моему государю; а мнѣ нынѣ позволено на три дни пьяницею быть". Подъ всѣми подписями какъ бы скрѣпа рукою опять самого государя: „Боже, дай милость свою" [5]). Въ томъ же родѣ шутливыя также коллективныя письма къ Меншикову: отъ 3 февр. 1703 г. изъ его городка Раненбурга—Петръ подписался подъ этимъ письмомъ „протодіакономъ Питиримомъ" [6])—и къ нему же изъ Петербурга отъ 26 ноября 1707 г. съ увѣдомленіемъ о празднованіи именинъ Меншикова 23 ноября. Письмо было написано въ самый день торжества, но отправлено только 26-го, причемъ Петръ сдѣлалъ еще приписку: „в | день вашего тезоіменитства такъ веселились: істинно по смерти господина Лаѳорта до сего дни такого не было веселого дни; і не пазналі и дней, понеже уже въ третьемъ часу на другой день легли спать" [7]).

VII.

Есть среди писемъ Петра такія, которыя бросаютъ свѣтъ въ интимный уголокъ его тѣснѣйшихъ отношеній и рисуютъ намъ ту сторону его духовнаго облика, которая безъ нихъ осталась бы намъ совсѣмъ неизвѣстной. Это семейная переписка Петра, переписка съ его второй семьею. Отношенія къ первой женѣ и сыну отъ нея были всегда неладны. Писемъ Петра къ первой женѣ не сохранилось, да ихъ, вѣроятно, и не было. Письмо къ нему царицы Евдокіи въ Архангельскъ содержитъ упреки, что онъ ей ничего не пи-

---

[1]) Любимая собака Петра В.
[2]) Кн. М. Ѳ. Жировой-Засѣкинъ.
[3]) Кн. Ю. Ѳ. Шаховской.
[4]) Карликъ Якимъ Волковъ.
[5]) П. и Б. IV, № 1179.
[6]) П. и Б. II, № 489.
[7]) П. и Б. VI, № 2081.

шеть [1]). Письма къ сыну черствы и холодны. Письмо начинается или безъ всякаго обращенія, или Петръ ставитъ въ началѣ письма обращеніе по-нѣмецки „Зоонъ“, что также не вноситъ особенной теплоты. Отцовскія письма не приносили царевичу никакихъ пріятныхъ извѣстій; напротивъ, неоднократно онъ находилъ въ нихъ самые непріятные сюрпризы. Не было сказано въ нихъ хотя бы одного слова ласки, а обширныя письма 1715 г. послѣ смерти жены царевича, въ которыхъ Петръ рѣшилъ откровенно и окончательно объясниться съ нимъ, полны горечи и сарказма.

Но въ отношенія ко второй семьѣ Петръ вносилъ немало нѣжности, иногда, разумѣется, въ свойственной ему шутливо-грубоватой формѣ. „Поцѣлуй за меня Лизетку“, пишетъ онъ дочери царевнѣ Аннѣ Петровнѣ отъ 22 марта 1721 г., „и болшую шумную дѣвчищу Натальицу“ [2]), (дочь? род. 1718 † 1725). Въ болѣе раннемъ письмѣ къ Аннѣ Петровнѣ отъ 4 янв. 1717 г. царь извѣщаетъ ее о рожденіи царевича Павла: „объявляемъ Вамъ, что мать окотилась и принесла другого рекрута Павла. И поздравляю съ другимъ братомъ, а первого поцѣлуй и отъ меня и отъ брата“ [3]). Въ письмѣ къ сестрѣ царевнѣ Натальѣ отъ 31 марта 1716 г. царь выражаетъ ей благодарность за ея заботы о его „дѣткахъ“ и самъ проявляетъ трогательную заботливость о младшемъ сынѣ, грудномъ младенцѣ, котораго стали тогда отлучать отъ груди. „Изволила писать, что давали ѣсть Петрушенькѣ, и я съ матерью, (т. е. съ Екатериной) говорилъ, она сказываетъ, что пора; извольте съ Богомъ кормить“ [4]). Но особенной теплотой проникнуты его письма къ Екатеринѣ. Уже самое обращеніе къ Екатеринѣ свидѣтельствуетъ о тепломъ чувствѣ. Въ первыхъ письмахъ онъ называетъ Екатерину шутливо: Матка, Мудеръ, Хозяйка, а затѣмъ въ позднѣйшихъ обращается къ ней съ неизмѣнно нѣжнымъ названіемъ: „Катеринушка, другъ мой сердешненькой, здраствуй“. Разлучаясь, супруги вздыхаютъ одинъ по другомъ и жалуются на скуку. „Пріѣзжай, другъ мой сердешненькой, ко мнѣ скоряе, чтобъ не такъ скучно было“ [5]). „А что ты пишешь, чтобъ я скоряя пріѣхалъ, что вамъ зело скушно, тому я вѣрю, только—каково і мнѣ безъ васъ, і могу сказать, что, кромѣ тѣхъ дней, что я былъ въ Версалии і Марли, сколь великой плезиръ

---

[1]) Устрялова. Исторія царствованія Петра В. II, 406: „Какъ ты, свѣтъ мой, изволилъ пойтить, и ко мнѣ не пожаловалъ не отписалъ о здоровьи ни единой строчки“ (1694 г.).

[2]) Госуд. Арх. Тетради Записн. 1721 г. л. 21 об.

[3]) Госуд. Арх. Тетради Записн. 1717 л. 4.

[4]) Госуд. Арх. Тетради Записн. 1716 г. л. 60 об.

[5]) Письма къ Екатеринѣ № 63.

имѣлъ". Супруги нерѣдко обмѣнивались подарками. Екатерина посылала мужу заграницу пива, свѣжепросольныхъ огурцовъ или бутылку—другую какого-то отечественнаго „крѣпыша", отъ котораго ему однако приходилось воздерживаться при пользованіи минеральными водами, а онъ ее отдаривалъ брабантскими кружевами. Иногда и самые подарки отражали на себѣ чувства ихъ посылавшихъ. Такъ, при одномъ изъ писемъ Петръ послалъ супругѣ пучекъ своихъ остриженныхъ волосъ, а при другомъ въ 1719 г. изъ Ревеля цвѣты мяты, посаженной Екатериной въ бытность ея въ Ревелѣ и въ отвѣтъ получилъ посланіе, въ которомъ она писала, что „мнѣ это не дорого, что сама садила; то мнѣ пріятно, что изъ твоихъ ручекъ"—письмо совершенно въ стилѣ любовно-сентиментальныхъ пѣсенокъ, начавшихъ появляться у насъ въ XVIII столѣтіи. Грубоватые нравы вѣка находили себѣ отраженіе въ тѣхъ шуткахъ, которыми обмѣнивались въ письмахъ Петръ съ женою. Петръ въ 40 лѣтъ называлъ себя старикомъ передъ Екатериною, которой было въ то время 27. „Напрасно затѣяно, что старикъ", отвѣчаетъ она ему, „ибо могу поставить свидѣтелей старыхъ посестрій, а надѣюсь, что и вновь къ такому дорогому старику сыщутся"—„Понеже во время питія водъ", читаемъ въ письмѣ Петра изъ Спа, гдѣ онъ лечился минеральными водами, „домашней забавы дохтуры употреблять запрещаютъ, того ради я метресу свою отпустилъ къ вамъ, ибо не могъ бы удержаться, ежелибъ при мнѣ была". Получивъ письмо и посмотрѣвъ на метресу, Екатерина отвѣчала: „что вы изволите писать, что вы метресишку свою отпустили сюда для своего воздержанія, что при водахъ невозможно съ нею веселиться и тому я вѣрю; однакожъ больше мню, что вы оную иволили отпустить за ея болѣзнью, въ которой она и нынѣ пребываетъ, и не желала бъ я, чего Боже сохрани, чтобъ и галанъ той метресишки таковъ здоровъ пріѣхалъ, какова она пріѣхала. А что въ другомъ своемъ писаніи изволите поздравлять именинами старика и шишечкиными [1]), и я чаю, что, ежелибъ сей старикъ былъ здѣсь, тобъ и другая шишечка на будущій годъ поспѣла".

---

[1]) „Шишечкой" назывался царевичъ Петръ Петровичъ.

А. Савинъ.

Исторія одного восточнаго манора.

Въ послѣднія десятилѣтія судьбамъ манора удѣляли много вниманія. Но спеціалистовъ притягивалъ къ себѣ почти исключительно средневѣковой маноръ. Конечно, и въ немъ остается не мало темнаго; все же основныя линіи здѣсь намѣчены, и повидимому, намѣчены вѣрно. Въ иномъ положеніи находится маноръ болѣе близкихъ къ намъ столѣтій: онъ по прежнему окутанъ непроницаемымъ туманомъ, и вслѣдствіе этого наши представленія о судьбахъ англійской деревни въ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ своихъ частяхъ остаются смутными или прямо безпочвенными. Особенно теменъ для насъ XVII вѣкъ. Несомнѣнно настала пора приступить къ систематическому изученію источниковъ. Въ свой краткій досугъ лѣтомъ 1912 и 1914 года я изучалъ въ Public Record Office источники по исторіи нѣсколькихъ becъ въ эпоху Тюдоровъ и Стюартовъ. Для почина я обработалъ извѣстія о норфокскомъ манорѣ Abbot's Wymondham или Queen's Wymondham. Имя это произносится Уиндамъ. Уиндамъ находится въ центральной части графства, миляхъ въ десяти къ юго-западу отъ Норича; въ настоящее время это небольшой городъ (market town) съ населеніемъ тысячъ въ пять и съ красивою старою церковью, которая до секуляризаціи была монастырскою.

I. Ранняя исторія Уиндама.

Исторію Уиндама приходится начинать съ книги Страшнаго Суда. Въ 1086 Уиндамъ есть terra regis. Въ 1066 онъ былъ держаніемъ Стиганда, архіепископа кентерберійскаго. Уиндамъ принадлежитъ къ числу земель, доставшихся коронѣ при низложеніи Стиганда весною 1070 года [1]). Для удобства читателей я приведу полностью запись 1086 года [2]).

[1]) Round Feudal England 459.

[2]) DB II 137 b. При толкованіи я пользовался переводомъ Ch. Johnson въ VCH Norfolk II 13. Johnson слишкомъ свободно переводитъ извѣстія о связи между сокменами и бордаріями. Это признаетъ и П. Г. Виноградовъ, любезно согласившійся провѣрить мое толкованіе.

Wimundham tenuit Stigandus TRE 4 carucatas terre. semper 60 villani et 50 bordarii et 8 servi. semper 4 caruce in dominio. tunc 60 caruce hominum, modo 24. hanc confusionem fecit Radulfus de Warr antequam forifaceret, et omnes possent restaurari. tunc silva 100 porcis, modo 60, et 60 acre prati. semper 2 molendina et 1 piscaria. semper 2 runcini et 16 animalia et 50 porci et 24 oves. huic manerio iacebant TRE 87 sochemanni, modo tantum 18, et habent 30 acras terre. semper 1 caruca. et adhuc 1 sochemannus 1 carucata terre. semper 4 villani et 10 bordarii et 1 molendinum silva 16 porcis et 4 acre prati. hoc manerium cum tota soca valebat TRE cum soca 20 libras, modo 60 libras. et habet 2 leugas in longitudinem et unam in latitudinem. et 6 solidos et 8 denarios de gelto. ex his sokemannis qui ablati [1]) sunt habet Willelmus de Warenne 55 et habent [2]) sub se 57 bordarios. inter totum habent 5 carucatas terre et 12 acras prati. et TRE habebant 20 carucas, modo 13 et dimidium molendinum. semper valebant 10 libras. et Radulfus de Bellafago habet 10 sochemannos 2 carucatas terre et 32 bordarios. semper 7 caruce et 12 acre prati, et unum molendinum et dimidium. et comes Alanus 1 sochemannum 1 carucatam terre et dimidiam et 13 bordarios et 3 carucas et 9 acras prati et 1 molendinum. et valent 30 solidos. et Rogerus Bigot 2 sochemannos 45 acras terre et 6 bordarios et 2 carucas et 2 acras prati. tunc silva 60 porcis modo 16. et valent 7 solidos et 6 denarios.

Уиндамъ состоитъ изъ манора и соки, при Эдуардѣ цѣнился въ 20 фунтовъ, теперь втрое дороже, датскихъ денегъ платитъ полмарки. Лѣсу при Эдуардѣ было на 100 свиней, теперь осталось на 60. Пашни считается 4 карукаты; если эта цифра относится не къ домену, а ко всему манору, то передъ нами случай очень льготнаго обложенія. Ибо въ одномъ только господскомъ хозяйствѣ 4 плуга, 2 лошади, 16 головъ рогатаго скота, 24 овцы, 50 свиней. Людскихъ плуговъ гораздо больше, ибо въ манорѣ живетъ много народу — 60 виллановъ, 50 бордаріевъ, 8 рабовъ. При Эдуардѣ у „людей“ было 60 плуговъ, теперь осталось только 24.— Въ сокѣ земли теперь только 1 каруката съ 30 акрами. При Эдуардѣ считалось много больше. Сока умалилась, потому что большинство сокменовъ „унесено“: при Эдуардѣ ихъ было 87, теперь осталось 19 вмѣстѣ съ 4 вилланами и 10 бордаріями. „Уне-

[1]) Въ рукописи стоитъ abbati. Но по вѣрному указанію Джонсона это описка вмѣсто ablati.

[2]) Въ рукописи ht, что можно читать и habet, и habent. Я считаю Джонсоновское чтеніе habent вѣрнымъ, потому что немного ниже въ рукописи написано полностью „et TRE habebant 20 car“.

сенные“ сокмены подѣлены на 4 группы: a) 55 сокменовъ унесъ Willelmus de Warenne. Они имѣютъ „подъ собою“ 57 бордаріевъ. У нихъ 5 карукатъ пашни, 12 акровъ луга и полмельницы; плуговъ при Эдуардѣ было 20, теперь осталось 13. b) 10 сокменовъ и 32 бордаріевъ [1]) унесъ Radulfus de Bellafago. Пашни у нихъ 2 карукаты, луга 12 акровъ, плуговъ 7, $1^1/_2$ мельницы. c) Графъ Аланъ унесъ 1 сокмена и 13 бордаріевъ, $1^1/_2$ карукаты пашни, 9 акровъ луга, мельницу и 3 плуга. d) Rogerus Bigod унесъ 2 сокменовъ и 6 бордаріевъ. У нихъ 2 плуга, 45 акровъ пашни, 2 акра луга; лѣсу раньше хватало на 60 свиней, теперь хватаетъ только на 16.— Маноръ (повидимому вмѣстѣ съ сокою) тянется на 2 левги въ длину, на одну левгу въ ширину.

Три черты поражаютъ въ описи. Всѣ три будутъ сопровождать насъ всю дорогу. Пашня считается на карукаты, повидимому фискальныя; нѣтъ ни виргатъ ни бовать. Значитъ держанія не отлились въ нѣсколько устойчивыхъ надѣльныхъ типовъ, были пестры по размѣрамъ и подвижны [2]). Держанія сверхъ того незначительны. Въ „манорѣ“ въ 1086 у 60 виллановъ вмѣстѣ съ 50 бордаріями и 8 рабами всего только 24 плуга. Повидимому хуже живется людямъ „соки“: у 18 сокменовъ 1086 года всего 30 акровъ пашни и 1 плугъ; трудно понять, какъ они кормятся, если у нихъ нѣтъ другого промысла. А эти мелкіе хлѣборобы еще еще имѣютъ „подъ собою“ другихъ, еще болѣе мелкихъ людей. Тѣ 55 сокменовъ, которыхъ унесъ Willelmus de Warenne, располагаютъ всего 13 плугами; это не мѣшаетъ имъ имѣть подъ собою 57 бордаріевъ [3]).

[1]) По переводу Джонсона выходитъ, что бордаріи и здѣсь находятся подъ сокменами. На дѣлѣ здѣсь и въ двухъ слѣдующихъ группахъ не ясно, въ какомъ отношеніи находятся другъ къ другу сокмены и бордаріи.

[2]) Johnson утверждаетъ, что въ Norfolk D. B. бовать не встрѣчаются вовсе, а виргаты встрѣчаются очень рѣдко, и то неизвѣстно въ какомъ смыслѣ (l. c. II 1, впрочемъ p. 27 Johnson пишетъ—the villeins have thir virgates or half—virgates). Но Vinogradoff утверждаетъ иное: carucates, virgates, and acres occur all through the East Anglian survey (English Society in the XI century 199 n. 1).

[3]) Vinogradoff (l. c. 445—6), настаивающій на близости сокменовъ къ виллананъ и бордаріямъ, зоветъ исключительными такіе случаи, въ которыхъ у сокменовъ есть зависимые люди. Но Stenton отнюдь не считаетъ такихъ случаевъ рѣдкими (Oxford Studies II 19—20). Stenton приводитъ для Danelaw 4 примѣра изъ D. B. и сверхъ того ссылается на Rhamm Grosshufen.—Дальнѣйшее изложеніе опирается на Blomefield Norfolk II ed. of 1805, Dugdale Monasticon III ed. of 1846. У Blomefield есть ошибки и противорѣчія. — Въ составъ манора я включаю маленькіе, второстепенные „манры“ — Downham, Colton, Nelond, Neuhaugh, Braken (Val. Eccl. III 322—323). Даже Southwood зовется „маноромъ“ въ приказчичьемъ отчетѣ за 22/23 H. VI (Min. Acc. bdle 945 no. 19).

Еще при Завоевателѣ Уиндамъ былъ пожалованъ Уильяму Daubeny или de Albany. Этотъ Уильямъ въ началѣ XII вѣка основалъ въ Уиндамѣ бенедиктинскую обитель, которой подарилъ значительную часть (по Бломфильду—1/3) своихъ уиндамскихъ земель. Остальныя его уиндамскія земли впослѣдствіи распались на нѣсколько маноровъ и разошлись по разнымъ рукамъ. Подаренныя новому пріорату уиндамскія земли до самой секуляризаціи удержались въ рукахъ монаховъ и составляли о д и нъ манoръ; но постепенно къ монастырю стали переходить другія земли и другіе маноры, отчасти лежавшіе очень далеко отъ Уиндама. Пріоратъ долгое время находился въ нѣкоторомъ подчиненіи у большого бенедиктинскаго аббатства С. Ольбансъ, но буллою 1448 года былъ превращенъ въ совершенно самостоятельное аббатство. Съ тѣхъ поръ и монастырскій манoръ стали иногда звать Abbot's Wymondham. Только объ этомъ манорѣ и будетъ итти рѣчь въ послѣдующемъ изложеніи. При Генрихѣ VIII манoръ вернулся къ коронѣ, но скоро былъ пожалованъ сыну герцога Норфока, графу Серри. Серри былъ очень скоро осужденъ за измѣну. Манoръ снова вернулся къ коронѣ и на этотъ разъ оставался за короною очень долго. Имъ долго владѣли королевы Марія и Елизавета; манoръ продолжаетъ зваться королевинымъ, Queen's Wymondham, весь XVII вѣкъ; впрочемъ послѣ реставраціи имъ одно время владѣетъ третья королева, Катерина, жена Карла II. Уиндамъ былъ у всѣхъ на устахъ при Эдуардѣ VI. Робертъ Кетъ, вождь повстанцевъ 1549 года, былъ родомъ изъ Уиндама и былъ повѣшенъ на уиндамской колокольнѣ; движеніе началось въ Уиндамѣ и его округѣ. Въ 1615 г. Уиндамъ сильно пострадалъ отъ пожара: выгорѣло больше 300 дворовъ. Значитъ уже тогда Уиндамъ былъ крупнымъ поселеніемъ, поселеніемъ полугородского склада. Въ манорѣ былъ, впрочемъ, еще рядъ мелкихъ селеній. Одно изъ нихъ зовется Spooner Row, Ложечный Рядъ. Въ Уиндамѣ и его округѣ дѣйствительно, работали много деревяннаго товара: ложекъ, веретенъ, жолобовъ; даже женщины и дѣти занимались деревянными подѣлками [1]).

Хранящіеся въ Record Office документы по исторіи монастырскаго манора довольно многочисленны, но очень неравны по цѣнности. Они начинаются съ 22/23 H. VI и обрываются на 1686 году. Всего скуднѣе они для XVI вѣка. Самыя цѣнныя извѣстія относятся къ первому десятилѣтію Генриха VII, къ 1621 и къ 1650 году.

---

[1]) Magna Britannia III 304 (a. 1724). Въ описи 1621 года держатель J. Mooge зовется ложечникомъ.

Уже при H. VII господское хозяйство на доменѣ почти исчезло, и описи говорятъ почти исключительно о держаніяхъ и держателяхъ. Оттого и мое изложеніе посвящено по преимуществу держателямъ.

2. Держанія и держатели въ первое десятилѣтіе Генриха VII.

До насъ дошелъ отчетъ монастырскаго приказчика за 1484—1485 годъ [1]). Въ другомъ отчетѣ имя короля оторвалось. Въ архивной описи отчетъ отнесенъ къ 8/9 H. VI. Это ошибка: отчетъ несомнѣнно относится ко времени H. VII. Достаточно указать, что въ перечнѣ арендаторовъ на 19 мѣстѣ помѣщена запись: 3s. 6d. de H. Broun et uxore eius et Th. Kedell pro 6½ acris in 1 pecia in Parkefeld prius in firma Alicie nuper uxoris Johannis Grene sic sibi dimissis ad terminum 20 annorum ab anno secundo Ricardi tercii [2]). Въ обоихъ отчетахъ перечисляются сначала redditus assisi cum feodi firmis, потомъ арендныя платы (firme). Выдѣлены въ особую графу firme in Southwood. Для саусвудскихъ арендъ имѣется третій документъ, не вошедшій въ архивную опись. Это обертка къ Court Rolls portf. 194 no. 26; она представляетъ часть отчета по аббатству. Уиндамъ и, слѣдовательно, исписана не раньше 1448 года. Съ другой стороны, отчетъ этотъ написанъ раньше, чѣмъ отчетъ 1484—1485 года. Въ немъ есть запись: 4s. de Ric. Challey pro 1 clauso et pastura vocata Wyllyswongclos sibi dimissis ad terminum 20 annorum hoc anno septimo. А въ отчетѣ 1485 года, въ отдѣлѣ саусвудскихъ арендъ, мы читаемъ: 4s. de Stephano Potter pro Williamsclos nuper concesso Ricardo Chalney. Значитъ Chalney былъ предшественникомъ того, Поттера, который держалъ землю въ 1485 году. Въ отчетѣ 1492—1493 года арендаторомъ значится тотъ же Steph. Potter, но платитъ не 4s., а 8s. аренды. Впрочемъ уже то обстоятельство, что въ отчетѣ неизвѣстнаго года имѣется отдѣлъ vendicio operum, заставляетъ думать, что отчетъ написанъ значительно раньше 1485 г. Отчетъ неизвѣстнаго года я означаю I, отчетъ 1484—1485 года—II, отчетъ 1492—1493 года III. Въ цѣломъ рядѣ случаевъ мы можемъ установить тождество арендныхъ участковъ во всѣхъ трехъ или въ двухъ отчетахъ и такимъ образомъ можемъ слѣдить за смѣною арендаторовъ и движеніемъ арендной платы. Одинъ такой случай уже былъ приведенъ. Я привожу и другіе случаи.

---

[1]) Min. Acc. bdle 945 no. 23 Wymondham Computus Johannis Davy ballivi ibidem a festo S. Michaelis 2 R. III ad festum S. Michaelis 1 H. VII.

[2]) Min. Acc. bdle 945 no. 18.23. Отчетъ относится къ 8/9 году царствованія. Запись о Brown и его женѣ—membr. 3 въ началѣ.

I) 5s. de Margareta Veske pro una pecia terre arabilis continente 15 acras in Besthorp in campo de Playssyngfeld vocata Rolpyt sic sibi dimissa ad terminum 10 annorum hoc anno sexto. II) 5 s. de Simone Veske за ту же землю. III) 5 s. de Simone Veske за ту же землю.

I) 4 s. de Rob. Warner pro 1 clauso vocato Parecroft. II) 4 s. de Rob. Warner pro Paryscroftclose. III) 5 s. de Barth. Canne pro Parkyscroftclose.

I) 2s. 3d. de J. Deynes pro firma 8 acrarum terre nuper in firma Johannis Gront et antea in firma Thome Cole et solebat reddere 4s., anno ultimo in firma eiusdem Johannis (Deynes) pro 2s. 6d. II) 3s. de St. Rowse pro firma herbagii 8 acrarum terre nuper in firma Thome Cole pro 4s. III) 3s. 4d. de Marg. Rous pro herbagio 8 acrarum nuper in firma Thome Cole.

I) 17s. de Johanne Potter de Besthorp pro 1 clauso et pastura continente 20 acras terre cum 1 clauso vocato Covclos (=Calfclose) nuper in firma Stephani Potter sic sibi per rotulum curie ad terminum 10 annorum hoc anno tercio. II) 17s. de J. Potter за ту же землю. III) 21s. de Ricardo Potter de Besthorp et de J. Attelonde de Besthorp за ту же землю, отданную имъ на 10 лѣтъ per rotulum curie.

I) 10s. 10d. de Joh. Baxter pro medietate firme 1 inclausi vocati Gretrydyng. II) 10s. de Joh. Bonde de Morley pro Overrydyngclose continente 15 acras terre nuper in firma Johannis Baxter. III) 11s. de Joh. Agas pro Overrydyngclose continente 15 acras nuper in firma Johannis Bonde de Morley.

I) 6s. de Thoma Agas pro Lamclos, II) 4s. de Rob. Agas pro Lamclos nuper in tenura Thome Blakeney.

I) 5s. 6d. de W. Luce pro firma 13 acrarum terre cum le mere ac dimidie acre tenementi Joldewyn sibi dimissarum hoc anno, anno ultimo in firma Simonis Baxter pro 6s., nuper in firma Thomae Baxter pro 6s. 11d. II) 3s. de Johanne Potter et Ricardo Gronte за ту же землю nuper in firma Thome Baxter pro 6s. 11d.

Въ I отчетѣ итогъ арендныхъ платежей 5.18.5; но въ этомъ году на рукахъ у монаховъ остались два держанія, съ которыхъ въ предыдущемъ году монастырь получилъ 21s. арендной платы (nichil hic hoc anno quia in manu domini per defectum conductoris). Въ 1484/5 итогъ арендныхъ платежей 5.18.2; въ 1492/3—5.18.6. Такимъ образомъ итогъ арендныхъ платежей измѣняется очень мало. Но отсюда нельзя заключать къ устойчивости платежей за отдѣльное держаніе. Уже изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что одни платежи остаются неизмѣнными, другіе увеличиваются, третьи

уменьшаются. Итогъ мало колеблется потому, что увеличеніе однихъ платежей въ значительной мѣрѣ уравновѣшивается уменьшеніемъ другихъ. Не видно постоянства и въ составѣ саусвудскихъ арендаторовъ. Во всѣхъ трехъ отчетахъ упоминается 25 арендаторскихъ именъ—я имѣю въ виду имена семьи (family names). Изъ нихъ только 4 фамиліи (Agas, Knyght, Potter, Veske) встрѣчаются во всѣхъ трехъ отчетахъ; 12 фамилій встрѣчаются только въ одномъ отчетѣ. Сроки аренды, упоминаемые нечасто, пестры, колеблются отъ 7 до 20 лѣтъ. Въ общемъ для саусвудскихъ арендъ характерны неустойчивость, дробность, пестрота. Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ послѣдній изъ приведенныхъ мною примѣровъ.

Въ отчетахъ за 1484/5 и 1492/3 описаны и не-саусвудскія аренды. Въ 1484/5 не-саусвудскихъ арендаторовъ 46, арендныхъ держаній 51, арендныхъ платежей 17.18.5½; въ 1492/3 арендаторовъ 46, арендныхъ держаній 52, арендныхъ платежей 15.9.10½. Изъ 46 арендаторовъ 1484/5 года 27 человѣкъ арендуютъ землю и въ 1492/3 [1]). Изъ этихъ 27 человѣкъ 22 человѣка держатъ въ обоихъ отчетахъ одни и тѣ же участки за одну и ту же плату. Устойчивость здѣсь конечно весьма значительная. Но устойчивость не распространяется на арендные платежи, итогъ которыхъ сильно понизился за 8 лѣтъ. Для нѣкоторыхъ держаній арендная плата понизилась чуть не вдвое [2]).

Для 1484/5 и 1492/3 можно сопоставить списокъ арендаторовъ со спискомъ держателей, платившихъ неподвижную ренту, т. е. фригольдеровъ и копигольдеровъ. Изъ 46 собственно уиндамскихъ арендаторовъ 1484/5 года 26 платятъ сверхъ того неподвижную ренту тутъ же въ Уиндамѣ, т. е. держатъ фригольдъ или копигольдъ. Изъ 46 уиндамскихъ арендаторовъ 1492/3 года 24 платятъ неподвижную ренту въ Уиндамѣ. Изъ 19 саусвудскихъ арендаторовъ 1484/5 года 9 платятъ неподвижную ренту въ разныхъ мѣстахъ уиндамскаго манора. Въ общемъ больше половины арендаторовъ сверхъ лизгольда имѣетъ фригольдъ или копигольдъ.

Ни при одномъ арендаторскомъ имени нѣтъ указаній на благородство происхожденія. И въ отдѣлѣ redditus assisi благородные—крайне рѣдкое исключеніе. Въ 1484/5 я нашелъ только 3 благородныхъ, и это мелкіе держатели: J. Pagan armiger 2s. 6d., domina Wyngfeld 1s., J. Wymondham armiger ½d. Но Eliz. Clere (3s. 6d.) есть вѣроятно благородная и мать Roberti Clere armigeri.

[1]) Я включаю въ это число 2 случая, когда въ 1492/3 землю держитъ наслѣдникъ прежняго арендатора (Alicia Grene, Johannes Stone).

[2]) 1484/5 W. Davy pro Cundyteclos 60s. 1492/3 Rob. Pyttes bocher pro Cundyteclos 1 pecia terre arabilis vocata Blereye 36s. 8d.

Въ 1492/3 передъ нами тѣ же три благородныхъ держателя съ тѣми же платежами: J. Wymondham miles ½d., Rob. Clere armiger 3s. 6d., J. Pagan armiger 2s. 6d., domina Wyngfeld исчезла. Крайняя малочисленность благородныхъ держателей рѣзко бросается въ глаза при сравненіи съ ихъ позднѣйшимъ обиліемъ.

Въ судьбѣ держателей съ неподвижной рентой естественно предполагать больше устойчивости. Но ея нѣтъ и здѣсь. Въ 1484/5 въ Уиндамѣ немного больше полутораста держателей съ неподвижной рентой, у которыхъ 159 держаній. Въ 1492/3 такихъ держателей вѣроятно 160, и у нихъ 170 держаній. Но изъ 150 держателей 1484/5 года только 85 встрѣчаются въ отчетѣ 1492/3 года (въ это число вошли и наслѣдники держателей 1484/5 года) [1]. За восемь лѣтъ составъ держателей обновился чуть не на половину. Колебанія „неподвижныхъ“ платежей еще удивительнѣе, чѣмъ смѣна держателей. Въ 1484/5 итогъ платежей 25.18.4; въ 1492/3— 27.16.4. Въ 1484/5 R. Pyle платитъ 6½d., а въ 1492/3 почему-то 7½d. J. Gybbes въ 1484/5 платитъ 4d., а въ 1492/3 почему-то 3d. Даже у корпорацій платежъ иногда колеблется. Въ 1484/5 gilda S. Petri платитъ 9.8¼, а въ 1492/3—10.¼. Иногда разница платежей значительна. Въ 1484/5 J. Brother платитъ 1d., а въ 1492/3 11¾d. Въ 1484/5 J. Langford платитъ 5s., а въ 1492/3 только ½d. У отдѣльныхъ держателей платежъ чаще повышается, чѣмъ понижается. Но повышеніе платежей отчасти объясняется тѣмъ, что у держателей стало больше земли, а не тѣмъ, что за прежнюю землю они платятъ дороже. Въ отчетѣ 1484/5 года есть случай обращенія домена въ наслѣдственный копигольдъ: 6.2 de Rob. Dynne et Willelmo filio suo pro 6 acris terre de dominicis in 3 peciis in Wellecroftefeld eis et heredibus per rotulum curie hoc anno sexto. Въ другомъ случаѣ наслѣдственнымъ копигольдомъ становится земля, прежде сдававшаяся въ аренду. Въ отдѣлѣ firme есть запись: de 4s. in anno precedente receptis de Margareta Braybrok pro firma terre nihil hic quia conceditur Willelmo Broun et heredibus suis ut patet supra in titulo reddituum assisorum cum feodifirmis. И дѣйствительно въ самомъ концѣ отдѣла redditus assisi записано: 4s. de Will. Boun et Margareta uxore eius pro Fullyngclose continente 2½ acras terre et pasture prius in firma Margarete Braybrook sic sibi et heredibus per rotulum curie huius anni.—Въ отчетѣ 1492/3 года въ самомъ концѣ отдѣла redditus assisi помѣщены шесть держаній, платящихъ 19.5. Недавно эти держанія считались доменомъ; въ 4 случаяхъ указано, что держанія недавно

[1]) Только у 45 держаній не измѣнился ни держатель, ни платежъ.

сдавались въ аренду. Я приведу двѣ записи: a) 3s. de Rob. Platemaker et St. Platemaker pro 4 acris in 1 pecia de dominicis in Northfeld nuper in firma dicti Roberti sibi et heredibus per rotulum curie, b) 16d de Rob. Plomer pro 2 acris terre arabilis in 2 peciis in Sylvelfeld nuper in firma eiusdem Roberti pro 15d. sic sibi et heredibus per rotulum curie.

Эти обращенія лизгольда въ наслѣдственный копигольдъ повидимому и объясняютъ любопытную особенность въ исторіи Уиндама. Въ Уиндамѣ при H. VII площадь лизгольда **больше**, чѣмъ въ XVII вѣкѣ. Въ Уиндамѣ не обычное держаніе уступаетъ мѣсто лизгольду, а лизгольдъ уступаетъ мѣсто обычному держанію. Побѣда лизгольда относится къ XVIII вѣку [1]).

Отчеты 1484/5 и 1492/3 года позволяютъ распредѣлить держателей на группы по размѣру платежей. Въ отдѣлѣ redditus assisi 150 держателей 1485 года платятъ 25.18.4: на 1 держателя въ среднемъ приходится немного больше, чѣмъ по $3^1/_2$ s. Въ 1492/3 160 держателей платятъ 27.16.4; на 1 держателя въ среднимъ приходится приблизительно по $3^1/_2$ s. Держателей, платящихъ больше 15 шиллинговъ, очень немного: въ 1484/5 шестеро, въ 1492/3 трое. За то очень много платящихъ меньше шиллинга: въ 1484/5 человѣкъ 65, въ 1492/3 человѣкъ 60. Обиліе мелкихъ держаній объясняется повидимому тѣмъ, что Уиндамъ уже тогда большое поселеніе, въ которомъ много усадебъ городского типа. Если исключить ихъ, средній размѣръ платежа сильно повысится. Средній размѣръ арендаторскаго платежа значительно выше. Въ Southwood 6s. 6d. въ I отчетѣ, около 7s. въ 1484/5, около 9s. 10d. въ 1492/3; въ Wymondham и въ 1484/5 и въ 1492/3 около 7s. 6d. Есть арендаторы, платящіе много больше средняго уровня. Въ 1492/3 Ric. Potter платитъ 21.0, J. Brother 26,4, Rob. Pyttes bocher 36.8, W. Brother 41.4. Въ 1485 въ манорѣ было всего 219 держателей, у которыхъ было 172 фамиліи; 17 держателей платили больше, чѣмъ по 15s. каждый, и итогъ ихъ платежей равнялся $28^1/_2$ фунтамъ; это почти $^2/_5$ общаго манoріальнаго дохода. Но на примѣрѣ Ловика (H. Lovyk) видно, что крупные комплексы держаній не отличались большою прочностью.

Этотъ Ловикъ есть фигура очень любопытная. Въ 19 E. IV онъ вноситъ 42s. арендной платы [2]). Въ 1484/5 онъ вноситъ $26.2^1/_2$

[1]) И. Н. Гранатъ пытался объяснить движеніе 1549 года ростомъ арендной площади и арендныхъ платежей (Обезземеленіе, гл. VII). Движеніе началось въ Уиндамѣ и его округѣ. Въ манорѣ Abbot's Wymondham площадь сдававшагося въ аренду домена сокращалась, а не росла.

[2]) Min. Acc. bdle 945 no. 22.

„неподвижной“ ренты и 49.4 арендной платы, причемъ снимаетъ въ аренду 57 акровъ въ 5 участкахъ (12 acras Peryngclose in Byrkelongfeld + 3 acras terre arabilis ibidem + 4 acras in 1 pecia in stadio Rywaldes in Northfeld + 20 acras terre arabilis in 1 pecia in Sylvelfeld + 20 acras terre arabilis in 1 pecia vocata Brymlywong). Въ 1492/3 онъ вноситъ 19.2½ „неподвижной“ ренты и всего только 3.4 арендной платы (за 4 акра in 1 pecia in Northfeld in stadio Rywaldys). Если судить по отчетамъ, то Ловикъ растерялъ свои земли, обѣднѣлъ. Такое заключеніе будетъ ошибочно. Въ протоколахъ манoріальной куріи за 1494/5 годъ Ловикъ снова встаетъ передъ нами во весь свой ростъ. Во вторникъ послѣ Михайлова дня онъ „сдалъ“ лорду 3 rodas terre native in Estfeld. А вскорѣ послѣ этого онъ померъ. Въ протоколѣ куріи die martis post festum S. Jacobi apostoli перечислены земли, которыми Ловикъ распорядился передъ смертью. Я приведу полностью поучительный перечень [1]). 3 r tnti Danyell + 1 a tre n in 3 pec + 1 a tre n tnti Sewalld Stephen nup Nichi Mundford + 1 a tre n tnti Galyon + 1 a tre n tnti Danyell + ½ a pr et pa tnti Toles + ½ a pr et pa tnti Hundgate + 2 a pa + 1 a tre n tnti Galyon in Northfeld + 2 a 3 r tre n de Broklond nup Willi Stalon + 1 a pr et pa nup Walteri Whethyrby in Norton + 3 a tre sive pa in clauso Riwaldys nup Thome Coo + 5½ a pr pa marisci in 7 pec + 3 r tre n qu Willi Cobes + ½ a tre n qu Marge Cales in Northf nup Willi Neulond + + ½ a pa n tnti Spylman + 4 a 3½ r bosci pr pa in 7 pec nup Johis Langford et Johis Nele ad usum gilde S. Petri + 1 msg 3 a 3 r pr pa marisci tnti Danyell in 6 pec nup Johis Langford et Johis Nele ad usum gilde S. Petri + 3½ r tnti Danyell + 1 a tre n + + 1½ r subbosci nup Johis Aylesham et postea Johis Westgate + + ½ a ½ r tre n nup Robi Walsham capellani + ½ a pr pa tnti Houndgate + 1 a + 3 r pr tnti Valram nup Willi Metyngham + ½ a + 1 a 1 r in Millefurlong + 3 r apud Rywaldes + ½ a pa + 1 cl 6½ a 20 pertice cum tnto vacuo vocato Maydewe qu Edwi Hardenhed + 1½ a tre n tnti Turfes qu Thome Bernard + 3 a 1 a tnti Stephyn nup Marge Weyden + 1 a qu Willi Hey + ½ a in Northf nup Johis Gurney + 1 a tnti Galyon in Northf qu Willi Hey + 1 a tnti Warde nup Willi Hey + 1 a tnti Danyell qu Willi Hey nup

---

[1]) Court Rolls bdle 194 no. 29. Это выписки изъ протоколовъ отъ 14 E. IV до 10 H. VII.

a = acra, r = roda, tntm = tenementum, n = nativus, tra = terra, pr = = pratum, pa = pastura, nup = nuper, qu = quondam, msg = mesuagium, pec = = pecia.

Johis Gurney + 1 a tnti Caker nup gilde S. Thome + parcella 1 msgii + ½ a pa et marisci tnti Willi Toly qu Thome Redhed.

Согласно волѣ покойнаго, душеприказчики раздѣлили его земли между слѣдующими лицами: J. Caly, J. Kebyte, J. Lowyk et W. Broun, братья Galfr. et W. Simons, супруги J. et Kath. Stalworth, супруги Rob. et Marg. Gyles, W. Multon, супруги J. et Alicia Hoo. Всей земли было только 57 акровъ и 2 усадебныхъ участка. Но эта земля распадается на 39 участковъ, изъ которыхъ нѣкоторые въ свою очередь состоятъ изъ нѣсколькихъ кусковъ. Изъ 39 участковъ 12 зовутся крѣпостными (terre native) [1]. Про 19 участковъ сказано, частью какого былого держанія они являются; такихъ исчезнувшихъ держаній упомянуто 11.

Какая запись! Какая раздробленность, распыленность земли! какая сложность состава у большого держанія! какая подвижность, мимолетность, я готовъ сказать кинематографичность связи человѣка съ землею! и это въ деревнѣ XV вѣка! Изо всего, что таится въ уцѣлѣвшихъ отъ Уиндама документахъ, эта скучнѣйшая запись есть конечно самое интересное, самое неожиданное [2].

3. Доменъ во второй половинѣ XV вѣка и въ первой половинѣ XVI вѣка.

Извѣстія о доманіальномъ хозяйствѣ скудны. Я уже указывалъ, что документъ, именуемый Court Rolls portf. 194 no. 26, обернутъ въ часть монастырскаго отчета неизвѣстной даты; и я уже пользовался этимъ отчетомъ при изученіи держаній; имъ приходится пользоваться и при изученіи доманіальнаго хозяйства.

Въ немъ среди доходовъ значится vendicio operum, продажа держательскихъ работъ, отъ которой выручено 2.7.5½. Въ томъ числѣ зимнихъ работъ, цѣною въ ½ d. каждая, продано 103; осеннихъ, цѣною въ 4 d., 67; осеннихъ прекарій, цѣною въ 3d., 24; пахоты, считая по 6 d. съ акра, 15 акровъ. Неясно, всѣ ли работы были проданы. Но ясно, что было время, и повидимому не очень далекое, когда работы исполнялись держателями.

---

[1]) Въ монастырскомъ отчетѣ за 14 E. IV (Min. Acc. bdle 945 no. 21) среди доходовъ есть запись: de manumissione Jacobs in arreragiis. Повидимому это отпускъ виллана.

[2]) Въ отдѣлѣ redditus assisi я разобралъ только собственно уиндамскія держанія. Redditus assisi получаются еще въ 11 мѣстахъ, очевидно составляющихъ часть уиндамскаго манора. Этотъ доходъ составляетъ около 5 фунтовъ. Въ 1484/5 въ этихъ 11 мѣстахъ десятка четыре держателей.

Обертка документа Court Rolls portf. 194 no. 26 состоитъ изъ двухъ кусковъ. Одинъ только что указанъ. Другой тоже представляетъ собою часть монастырскаго отчета и тоже не вошелъ въ архивную опись. Отчетъ составленъ раньше 1448 года, потому что уиндамскій монастырь зовется пріоратомъ. Отчетъ очень заманчивъ: въ немъ описывается значительное зерновое хозяйство на доменѣ. Я не рѣшаюсь воспользоваться отчетомъ, потому что совсѣмъ неясно, когда онъ составленъ, и не вполнѣ ясно, къ какому изъ монастырскихъ маноровъ онъ относится.

Изъ точно датированныхъ монастырскихъ отчетовъ самый старый относится къ 22/23 H. VI (Min. Acc. bdle 945 no. 19). Въ немъ указанъ живой инвентарь уиндамскаго манора (остальные маноры сданы въ аренду). Remanent 1 palfredus 23 stotti 2 tauri 24 vacce 30 bovetti 10 iuvence 6 apri 13 sues 30 porci 40 porculi 30 porcelli 200 multones 20 capones. Поражаютъ очень большіе расходы на покупку скота: in 67 bobus boviculis et vaccis emptis 41 l., in 25 vitulis emptis 42 s., in 3 equis emptis 6 l. Правда, скотъ приноситъ и немало дохода. Шерсти продано на 110 s., кожъ и овчинъ на 10 l .10s. 24 дойки сданы въ аренду за 6 l. Скотъ повидимому и продавался. Среди доходовъ значатся 15 l. 7 s. de stauro cum granis stramine et paleis venditis infra prioratum, 26.13.4 de granis et bestiis cum aliis stauris et necessariis venditis in die sepulture domine Margarete Ogard. Неясно, сколько въ этихъ двухъ продажахъ приходится на долю скота и сколько на долю зерна и соломы. Неясно, откуда у монаховъ зерно и солома. Въ Southwood доменъ сданъ въ аренду, а тамъ тоже продаютъ зерно и солому. Не десятинный ли это хлѣбъ? Въ Downham, гдѣ доменъ тоже сданъ въ аренду, и въ Southwood упоминаются расходы на молотьбу и вѣянье. Не десятинный ли это молотятъ и вѣютъ хлѣбъ? Но въ самомъ Уиндамѣ монахи еще ведутъ кой-какое зерновое хозяйство: покупаютъ плуги, тратятъ деньги на sarculatio.

Уцѣлѣлъ отчетъ пріора и за слѣдующій годъ, 23/24 H. VI (Min. Acc. bdle 945 no. 20). Въ постановкѣ хозяйства никакихъ перемѣнъ. Опять очень большой расходъ на покупку скота: 41 l. Живой инвентарь сталъ еще многоголовѣе.

Ближайшій по времени датированный отчетъ относится къ 14 E. IV (bdle 945 no. 21). Изъ него хорошо видно, какихъ большихъ расходовъ требовалъ десятинный хлѣбъ. Pro decimis in Wymondham cariandis et colligendis, ut in compoto ballivi 8.17.0. Pro cariagio et colligendo de decimis in Dounham Hall 1.5.0. Johanni Blome pro Whitehall decimis cariandis 1.10.0. Pro trituracione ut patet in billa ballivi 4.12.0.

Уцѣлѣлъ отчетъ аббата за 19 E. IV (bdle 945 no. 22). Падаетъ всякое хозяйство—зерновое, скотоводческое, даже десятинное. Отъ продажи шкуръ и овчинъ выручили всего 2.6.0., за солому 0.4.0, за ячмень 0.4.6. Молотьба обошлась въ 4.11.2, уборка сѣна въ 1.0.8.

Нѣкоторыя, правда скудныя, извѣстія о доманіальномъ хохозяйствѣ сохранились въ дѣлопроизводствѣ диссолюціоннаго періода. Въ Valor Ecoli. (III 322—323) въ рукахъ аббата значится 18 акровъ пашни, 30 лугу и 40 пастбища. Въ описаніи домена in manu, составленномъ королевскими прибыльщиками вскорѣ послѣ диссолюціи (Augm. Off. Misc. b. v. 408 fo. 25), земли показано 120½ акровъ въ 9 участкахъ. У Blomefield (II 521 ed. of 1805) есть правда не подкрѣпленное источниками утвержденіе, будто послѣ диссолюціи мѣстный сильный человѣкъ, Flowerdew, грубо разорялъ монастырскую усадьбу и изъ-за этого поссорился съ другою мѣстною сильною семьею, съ Кетами [1]), и будто ссора Кетовъ съ Флауердью была однимъ изъ поводовъ къ возстанію 1549 года. Какъ бы то ни было, въ „парламентской описи“ 1650 года есть краткая замѣтка: noe mannor house. Надо думать, что отъ монастырскихъ построекъ уцѣлѣло немного. Всѣ три описи XVII вѣка говорятъ только о держаніяхъ. Правда, даже въ описи 1686 года монастырская усадьба есть особое держаніе, за которое Th. Weld gentleman платитъ 11.9.8 въ годъ. Но эта нераздробленность усадебной площади есть все, что уцѣлѣло отъ былого доманіальнаго хозяйства.

4. Держанія и держатели въ XVII вѣкѣ.

Отъ XVII вѣка уцѣлѣло три документа: опись 1621 года, очень длинная и очень богатая подробностями (Augm. Off. Misc. b. v. 360), гораздо болѣе короткая опись 1650 года (Parliamentary Surveys Norfolk no. 19), весьма лаконичный рентный отчетъ 1686 г. (Rent. and Surv. roll 1016). Я разберу эти документы въ хронологическомъ порядкѣ.

A. Опись 1621 года.

Въ архивной описи документъ невѣрно отнесенъ къ 6 Jac. I. Вѣрная дата указана въ самомъ заглавіи: Survaye of the late desolved monastery of St. Peters in Wymondham, done by J. Thorpe survayor by appoyntment from the hon. commissioners as deputie to sir R. Smith knight anno 1621.

---

[1]) Въ уиндамскихъ источникахъ разбросано немало извѣстій о держаніяхъ семьи Kett. Но ими трудно пользоваться: семья Kett звалась также Knight, и неясно, всегда ли Knight есть то же самое что Kett.

J. Thorpe сначала описываетъ фригольдеровъ, потомъ копигольдеровъ, потомъ очень немногочисленныхъ лизгольдеровъ. Фригольдеровъ 109, копигольдеровъ 169, лизгольдеровъ 3. Но всѣхъ держателей только 233. Ибо среди 169 копигольдеровъ есть 45 такихъ, у которыхъ сверхъ копигольда имѣется фригольдъ; у двухъ лизгольдеровъ имѣется фригольдъ, у третьяго лизгольдера имѣется копигольдъ. $109+(169-45)+(3-3)=233$. У 233 держателей только 157 фамилій. Выше мы видѣли, что у 219 держателей 1485 года было 172 фамиліи [1]). Держателей при Яковѣ стало больше, а фамилій меньше. Земля больше прежняго собирается въ рукахъ отдѣльныхъ семей.

Среди держаній немало такихъ, которыя по своему типу приближаются къ городскимъ усадьбамъ. Про 41 держаніе опредѣленно говорится, что земля — и притомъ очень небольшая по своей площади — лежитъ на одной изъ уиндамскихъ улицъ; къ этой же категоріи съ большою вѣроятностью надо причислить по крайней мѣрѣ еще 16 держаній. Эти 57 держаній находятся въ рукахъ 46 держателей. Изъ этихъ 46 человѣкъ 38 не держатъ никакой другой земли. Кто они? По большей части вѣроятно ремесленники; нѣкоторые могли быть и земледѣльческими рабочими.

Если исключить этотъ мелкій людъ, то вся земля распредѣлится между 190—195 держателями, у которыхъ около 130 фамилій. Благородныхъ держателей въ 1621 больше, чемъ въ 1485 и 1493, но все еще очень немного, семеро (1 filius generosi + 4 generosi + 2 armigeri). За то двое изъ благородныхъ принадлежатъ къ числу крупнѣйшихъ держателей. 1) Th. Knyvett armiger держитъ $59^1/_4$ акровъ, за которые платитъ ежегодно 20.9 деньгами и курицу. Вся земля Найвета есть копигольдъ, притомъ очень пестраго состава; 4 участка зовутся крѣпостными (terra nativa). 2) Th. Weld generosus платитъ 1.16.1 за фригольдъ, площади котораго J. Thorpe опредѣлить не могъ по его крайней разбросанности. У Th. Weld есть $56^1/_4$ акровъ копигольда, пріобрѣтеннаго въ разные сроки, по четыремъ копіямъ; рента копигольда не указана. Стоитъ отмѣтить, что у держателя, носящаго ту же фамилію, но не названнаго въ описи благороднымъ, у M. Weeld есть $24^1/_4$ акра копигольда. —Третій благородный держатель, фригольдеръ, E. Flowerdew generosus, держитъ мельницу за которую платитъ 4.3.0. Какъ ни мало благородныхъ держателей, они успѣли пробить важную брешь въ демократической толщѣ

[1]) Изъ 172 фамилій 1485 года только 30 встрѣчаются въ описи 1621 года Все течетъ въ Уиндамѣ.

манорiальнаго населенiя. За семерыми скоро потянутся товарищи по сословiю.

При изученiи описи 1621 года мы встрѣчаемся съ двумя трудностями.

Первая касается размѣровъ ренты. Въ отдѣлѣ копигольда противъ очень многихъ держанiй на лѣвомъ полѣ стоитъ буква m и сумма денегъ. Полевая сумма денегъ всегда больше ренты, иногда въ нѣсколько десятковъ разъ больше. Я приведу три примѣра.

a) fo. 90 recto J. Simons tenet per copiam datam 15 Jac. 1 maiorem (sic) mesuagium cum edificiis contin' 4 acras + 1 mesuagium cum clauso contin' 16 a terre prati pasture + 7 acras terre arabilis in campis sub redditu 15 solidorum. На лѣвомъ полѣ поставлено: m 40 s.

b) fo. 80 dorso Ric. Kett tenet per copiam etc. 1 parcellam tenementi reedificati contin' 1 rodam sub redditu 16 denariorum. На полѣ проставлено: m 30 s.

c) fo. 84 dorso J. Alcocke tenet iure uxoris per copiam etc. 1 cotagium etc. contin' 2 rodas sub redditu 8 denariorum. На полѣ проставлено: m 26 s. 8 d.

Загадочное „m“ несомнѣнно есть modo, теперь. — fo. 102 d. противъ держанiя M. Pleasant съ рентою въ 4s. стоитъ на полѣ: m 5l. 10s. Но сверхъ того еще приписано: now lett for. — fo. 115r. противъ держанiя Eg. Button, всего въ восьмушку акра съ рентою въ $20^1/_2$d, стоитъ на полѣ приписка: m now paid 5l. Можно ли предположить, что приписка означаетъ новую ренту, что рента поднялась съ $20^1/_2$ d. до 5 l., чуть не въ 60 разъ? Я считаю такое предположенiе совершенно недопустимымъ, тѣмъ болѣе, что копигольдъ въ Уиндамѣ былъ по большей части наслѣдственнымъ. Если предположить, что приписки означаютъ допускную плату (fine of admission), онѣ перестаютъ быть нелѣпыми, хотя остаются очень высокими. Правда, и это предположенiе встрѣчается съ извѣстною трудностью; но трудность можетъ быть устранена. Въ „парламентской описи“ 1650 года излагается манорiальный обычай (p. 4). Оказывается, что почти вся площадь копигольда ($1804^3/_4$ акра) подлежала опредѣленной допускной платѣ, по 2s. съ акра при каждомъ отчужденiи и переходѣ по наслѣдству. И все-таки наши приписки не противорѣчатъ обычаю. Въ той же описи 1650 г. указывается, что держанiя по копiи, при которыхъ нѣтъ земли (all cotages and tenements without land), вносятъ допускную плату „на волѣ лорда“. А вѣдь всѣ тѣ держанiя, противъ которыхъ въ описи 1621 года стоитъ на полѣ m и высокая сумма денегъ, либо

суть чисто усадебныя держанія, либо включаютъ въ себя усадьбу. Я склоненъ видѣть въ загадочныхъ полевыхъ цыфрахъ допускную плату „на волѣ лорда“. Правда, въ описи 1650 года сказано, что и эта произвольная допускная плата обычно взималась въ опредѣленномъ размѣрѣ, въ размѣрѣ годовой ренты; но то былъ фактъ, а не право, и лордъ могъ поступить наперекоръ прецедентамъ [1]). Мнѣ кажется, есть и прямое доказательство тому, что приписки вовсе не ренты. Опись 1621 года можно сравнить съ описью 1650 года. Въ описи 1650 года нѣтъ и слѣда рентъ, которыя по своей чудовищной высотѣ приближались бы къ полевымъ приписками. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ кажется возможно отождествить и отдѣльныя держанія въ описяхъ 1621 и 1650 года. Въ 1650 г. Eg. Button имѣетъ усадебное держаніе съ произвольною допускною платою и вноситъ ежегодно 1.2$^1/_2$ ренты. Въ 1621 г. Eg. Button держитъ восьмушку акра apud Towngreen и платитъ 1.8$^1/_2$ ренты, т. е. больше, чѣмъ въ 1650 г.; и противъ его держанія на полѣ приписано m now paid 5 l. Когда были сдѣланы полевыя приписки, я не знаю.

Вторая трудность касается личности хозяйствующаго держателя.

Три раза въ описи 1621 г. говорится, что держаніе „занято“ не тѣмъ человѣкомъ, за которымъ оно значится въ описи: a) fo.54d. H. Coleman tenet per cartam etc. 1 clausum pasture etc. modo in occupacione Roberti Coleman. b) fo. 83r. Въ описаніи границъ одного копигольда читаемъ: inter terras Henrici Norton in occupacione Ricardi Dillan e parte australi etc. c) fo.107 r. G. Norton tenet per copiam 1 acram terre arabilis in Northfeld nuper in tenura Thome Lawes modo Eligii Agas.—Robertus Coleman и Eligius Agas не встрѣчаются ни среди фригольдеровъ ни среди копигольдеровъ манора. Ricardus Dillan встрѣчается по одному разу и среди фригольдеровъ, и среди копигольдеровъ; но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ при описаніи его держанія не говорится, чтобы онъ имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ землямъ Генрика Нортона. А когда описывается копигольдъ Генрика Нортона (fo. 97d—fo. 98r), притомъ описывается очень подробно, имя Ric. Dillan не упоминается въ описаніи. Кто же эти три „занимателя“?

Я думаю, что слово occupatio употреблено въ описи 1621 года

---

[1]) Въ описи 1621 года есть очень любопытное, хотя и не вполнѣ ясное указаніе, fo. 107 r. W. Gibbes tenet per copiam etc. 2 acras terre arabilis sub condicione solucionis 161.8 s., quod in defectu admissus est. Не есть ли это примѣръ чудовищной допускной платы?

въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ англійскіе юристы нашихъ дней употребляютъ слово occupier въ отличіе отъ слова owner. Henricus Coleman держитъ по картѣ съ 7 года Якова огороженный участокъ пастбища въ 9 акровъ и ежегодно платитъ за него лорду 10 s. 4 d. ренты; но занимаетъ эти 9 акровъ, хозяйствуетъ на нихъ не Генрикъ, а Робертъ. На какомъ основаніи? Я думаю, что на положеніи Генрикова арендатора; я думаю, что Робертъ платитъ Генрику арендныя деньги. Объ этой арендѣ не говорится въ описи, ибо вообще эти междудержательскія арендныя отношенія были совершенно неинтересны составителю описи, который имѣлъ дѣло только съ непосредственными держателями лорда. Я думаю, что три упоминанія о „занимателяхъ“ сдѣланы случайно и что въ манорѣ могли быть другіе „занимателя“, не упомянутые въ описи. Въ описи 1621 года воспроизводится не порядокъ хозяйствованія, а порядокъ землевладѣнія, притомъ исключительно съ точки зрѣнія лорда. Въ опись попало немало извѣстій, по которымъ можно судить о хозяйствѣ манріальнаго населенія; но очень многія и важныя стороны мѣстной хозяйственной жизни не нашли себѣ никакого отраженія въ описи, составитель которой ставилъ себѣ вполнѣ опредѣленныя и довольно узкія задачи. Въ невниманіи описи къ междудержательскимъ арендамъ можно искать объясненія одному загадочному явленію. Въ описяхъ времени H. VII аренда занимаетъ довольно много мѣста; въ описи 1621 года ея почти нѣтъ. Неужели въ 1621 г. населеніе манора не чувствовало никакой потребности въ арендѣ? Это невѣроятно. Дѣло объясняется, повидимому, такъ. Въ концѣ XV вѣка у лорда былъ значительный доменъ, весьма большая часть котораго сдавалась въ аренду: арендные платежи составляли значительную долю сеньеріальнаго дохода. Но уже въ описяхъ конца XV вѣка видна перемѣна: площадь заарендованной у лорда земли сокращается, лизгольдъ превращается въ копигольдъ или фригольдъ. Такія же превращенія происходятъ и въ началѣ XVII вѣка [1]). Нужно думать, что къ 1621 г. площадь земли, которую могъ сдавать въ аренду лордъ, свелась почти на нѣтъ. Но изъ того, что исчезъ доменъ, вовсе не слѣдуетъ, чтобы исчезла нужда въ арендѣ. Только люди, желавшіе снять землю на года, должны были итти теперь не къ лорду, а къ дер-

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ опись 1621 года: a) fo.95 J. Barnard tenet per copiam 2a quondam in firma Thome Cooke in Diflandfeld... + 2½ a clausi nuper in firma Nicholai Little; b) fo.88 r. Rob. Agas tenet per copiam 2 acras terre de dominicis manerii in 2 pecilis in Rislandfeld + 3 rodas de dominicis manerii nuper in firma Thome Faynye.

жателямъ. И въ описи 1621 года осталось три слѣда того, что они, дѣйствительно, шли къ держателямъ. Но исторія этой междудержательской аренды почти совершенно закрыта для насъ [1]).

Въ 1621 въ манорѣ было 233 держателя. Я дѣлю ихъ на три группы: a) съ держаніемъ въ 30 акровъ и выше, b) съ держаніемъ отъ 10 до 30 акровъ, c) съ держаніемъ меньше 10 акровъ. a) Въ первой группѣ 20 человѣкъ, у которыхъ въ совокупности около 1000 акровъ. Если отбросить дроби, то получатся слѣдующія числа акровъ. 31, 33, 34, 35, 38, 39, 39 + x, 41 + x, 42, 44, 44, 52, 56, 58, 59, 60, 66, 68, 69, 85. Въ рукахъ 20 человѣкъ приблизительно $^2/_5$ площади манора, близкой къ 2400 акрамъ, если сосчитать площади всѣхъ держаній, внесенныхъ въ опись 1621 года [2]). Приблизительно $^3/_4$ всей площади этихъ 20 крупнѣйшихъ держаній есть копигольдъ. b). Во второй группѣ 52 человѣка, у которыхъ въ совокупности около 900 акровъ, т. е. больше трети всего манора. c) На долю 161 мелкаго держателя остается около 500 акровъ, чуть побольше одной пятой всего манора. У 81 держателя этой группы держаніе не меньше 2 акровъ. У 73 держаніе меньше 2 акровъ. У семерыхъ площадь не указана въ акрахъ, но судя по незначительности ренты была меньше 10 акровъ.

Опись 1621 года интересно сопоставить съ описью 1484/5 года. Въ описи 1484/5 года указаны только ренты держаній; только ренты и можно сравнивать. Въ 1484/5 держательскіе платежи по всему манору составляютъ около 62 l., но въ опись не включенъ доходъ отъ домена in manu abbatis. Если присоединить приблизительную доходность этого домена, то получимъ 70—75 фунтовъ [3]). Для 1621 года мы не можемъ опредѣлить точнаго итога держательскихъ рентъ, потому что не всѣ ренты указаны въ описи.

---

[1]) Различеніе между держателемъ и занимателемъ встрѣчается при Яковѣ I и въ другихъ графствахъ, напр. въ описи баркширскаго манора East Hendred, составленной въ 5 году Якова (Misc. b. Land revenue v. 209). См. напр. fo. 69 J. Stone tenet per copiam totam partem Thome Whitinge clausi vocati Dandridge et dimidiam virgatum terre nuper Johannis Dandridge et Dandridges ex antiquo, modo in occupacione Axyleter etc.

[2]) Въ опись внесены 2 держанія, которыя странымъ образомъ считаются одновременно частями манора East Greenwich: a) fo. 58 r. H. Gaye tenet per cartam Conduit close 17 acras in Brawick ut de manerio de E. Greenwich per fidelitatem tantum. b) fo. 59 d. Ric. Kett tenet per cartam 1 acram sibi et heredibus de domino rege ut de manerio de E. Greenwich per fidelitatem tantum in libero et communi socagio et non in capite.

[3]) Послѣ диссолюціи доменъ in manu былъ оцѣненъ въ 11. 9. 8. (Augm. Off. Misc. b. v. 408 fo. 25).

Проставленныя ренты 1621 года составляютъ около 66 фунтовъ. Съ большой вѣроятностью итогъ пропущенныхъ рентъ можно считать близкимъ къ 10 фунтамъ и общій итогъ сеньеріальнаго дохода близкимъ къ 75 фунтамъ. Общій сеньеріальный доходъ 1621 года номинально очень близокъ къ доходу 1484/5 года, но реально онъ много ниже его, потому что деньги сильно подешевѣли за 136 лѣтъ. Уже въ 1485 году концентрація рентъ была довольно значительна. Изъ 219 держателей 17 человѣкъ платили каждый въ отдѣльности больше 15 шиллинговъ и всѣ въ совокупности больше 28 фунтовъ ренты (вторая величина превышаетъ $^3/_5$ общаго сеньеріальнаго дохода). Въ 1621 концентрація рентъ еще больше. Изъ 233 держателей 26 человѣкъ платятъ каждый въ отдѣльности больше 15 шиллинговъ и всѣ въ совокупности больше $37^1/_2$ фунтовъ ренты (вторая величина превышаетъ половину общаго сеньеріальнаго дохода, если принять послѣдній за 75 фунтовъ [1]). Стоитъ отмѣтить, что 26 крупнѣйшихъ держателей, платившихъ въ совокупности больше половины всего рентнаго итога, держали только $^2/_5$ общей манеріальной площади. Для отдѣльныхъ держателей разница въ платежахъ, падающихъ на акръ площади, можетъ быть поразительна. a) Th. Hobbes платитъ за $12^1/_4$ акровъ копигольда 22.6 ренты, а Th. Knyvet armiger платитъ за $59^1/_4$ акровъ копигольда 20.9 ренты. b) St. Howse платитъ за $14^1/_2$ акровъ фригольда 30.3 ренты, а St. Gooche платитъ за $12^3/_4$ акровъ фригольда всего только 6 пенсовъ ренты.—Держателей, платившихъ меньше шиллинга ренты, въ 1621 было человѣкъ семьдесятъ. Въ 1484/5 ихъ было значительно больше, человѣкъ около девяноста.

Въ описи 1621 года любопытны архаичные платежи птицею. Лордъ получаетъ отъ 10 держателей 10 штукъ птицы въ качествѣ ренты [2]).

Архаично наименованіе многихъ участковъ копигольда крѣпостными (terra nativa); разъ встрѣчается даже терминъ villenagium (fo. 75 d.). Но ни въ описи 1621 года, ни въ описи 1650 года нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы въ XVII вѣкѣ крѣпостной копигольдъ отличался чѣмъ-нибудь отъ некрѣпостного по своей юри-

---

[1]) 26 держателей платятъ 37. 16. $5^1/_2$ ренты; но для нѣкоторыхъ держаній этой группы рента не указана, и общій итогъ рентъ группы былъ выше 38 фунтовъ.

[2]) Платежи птицею уцѣлѣли въ 1650; по крайней мѣрѣ на поляхъ „парламентской описи“ записаны 17 штукъ рентной птицы. Въ 1686 птицы нѣтъ, но есть платежи взамѣнъ 15 штукъ птицы: курица цѣнится въ 6 пенсовъ, каплунъ въ шиллингъ.

дической природѣ. Архаичны и частыя упоминанія о томъ, что данный земельный участокъ есть часть держанія, нѣкогда бывшаго единымъ цѣлымъ, но уже давно утратившаго свою цѣльность. Вотъ примѣръ. fo. 130 G. Burton clericus et uxor tenent per copiam datam 15 Jac. ex sursumreddicione Stephani Daye et uxoris eius Grisille 1 clausum nativum contin' 6 acras 3 rodas + terram nativam parcellam tenementi Childe + ½ acram terre native tenementi Childe + 1 a terre native tenementi Buste + 1 a terre native tenementi Wises vel Gallyon + 3 r terre native tenementi Storme + 1 a terre native quondam Roberti Gallyon + ½ a terre native Roberti Brewaye quondam Sibald.

Цѣпкая память на имена старыхъ, давно исчезнувшихъ держаній и держателей тѣмъ болѣе удивительна, что въ XVII вѣкѣ совершенно такъ же, какъ въ XV, держанія чрезвычайно подвижны и неустойчивы, легко разлагаются на нѣсколько кусковъ, легко складываются въ одно цѣлое изъ обломковъ нѣсколькихъ старыхъ держаній. И не только есть люди, которые по одной копіи держатъ смѣсь изъ кусковъ разныхъ старыхъ держаній. Есть люди, которые держатъ по пяти, семи, даже девяти копіямъ [1]). Одна изъ причинъ дробленія держаній—раздѣлъ между сонаслѣдницами. У держателя N. Hervey было двѣ дочери, Елизавета и Катерина, которыя зовутся въ описи coheredes patris sui. Елизавета вышла за J. Daynes и принесла мужу половину не очень большого, но очень разбросаннаго держанія, а мужъ сумѣлъ пріобрѣсти, вѣроятно отъ свояченицы, и другую половину тестева держанія, fo. 123 r. J. Daynes tenet per copiam iure uxoris medietatem 1 acre 1 rode cum medietate curtilagii vacui nuper Rogeri Marlins parcellam 2 acrarum 1 rode + medietatem 5 acrarum 1 rode in 4 peciis parcellam 9 acrarum in 5 peciis + 1½ acr' terre arabilis + medietatem 3 acrarum 1 rode terre native in 2 peciis unde 2½ acre incluse et 3 rode iacent in campis in Marlpytfurlonge + medietatem 3 acrarum 2 rodarum bosci parcellam predicti tenementi 9 acrarum in 5 peciis. Idem tenet per copiam alteram medietatem terrarum predictarum contin' 17 acras 3 rodas. За каждую половину J. Daynes платитъ 3.7 ренты. Если намъ не легко разбираться въ нѣсколькихъ строкахъ исписанной бумаги, то насколько труднѣе было Дензу съ женою хозяйничать на этихъ раздерганныхъ по большому полю акрахъ и рудахъ, на ихъ половинахъ и на половинахъ ихъ половинъ, даже послѣ того какъ супруги удачно возсоединили обѣ половины расколовшагося держанія.

---

[1]) 9 копій у E. Freeman fo. 82—84.

Поражаетъ въ описи 1621 года и живучесть общиннаго строя, котораго не уничтожаетъ окончательно ни подвижность землевладѣнія, ни обиліе изгородей. Clausa попадаются въ описи 1621 года на каждомъ шагу. Нѣкоторыя земли были огорожены недавно. fo. 112 r. Rob. Sadd tenet per copiam terram arabilem in 3 peciis quarum predictus Robertus n u n c habet inclusas 3 acras. fo. 126 r. Ric. Smyth tenet per copiam 15 acras d e n o v o inclausatas in Besthorp vocatas Milwinge. Есть большіе огороженные участки. H. Blackborne держитъ по копіи 3 clausa—площадью въ $9^1/_4$ акровъ, въ $9^1/_4$, въ $34^1/_2$ акра. Всѣхъ больше Baxters close, площадью въ 90 акровъ, которые впрочемъ подѣлены между многими держателями (fo. 76 d.—77 d., 65 d., 63 r.). Но въ описи постоянно упоминаются и поля, сохранившія свое старое имя—Northfeld, Patrikfeld, Silfeld etc.; два раза встрѣчается терминъ campi communes (fo. 63 r., fo. 130 r.). Иногда упоминаются и коны (furlonge, stadion, wong, quarentena), тоже не потерявшіе своихъ старыхъ именъ. Иногда большая разбросанность держанія показываетъ, что по крайней мѣрѣ часть его лежитъ въ открытомъ полѣ. У A. Mallowes 68 акровъ фригольда, которые лежатъ въ 32 кускахъ (fo. 52 r.). У Th. Moore 5 акровъ фригольда, которые лежатъ 5 полосами въ Northfeld (fo. 53 d.). По одной изъ своихъ 5 копій St. Agas держитъ $5^1/_4$ акровъ пашни, которые состоятъ изъ 9 кусковъ (fo. 116 d.). По одной изъ своихъ 3 копій J. Cooke держитъ $2^5/_8$ акра въ 6 клочкахъ. Описаніе ихъ любопытно (fo. 136 d.): 1 roda et dimidia roda parcella dimidie acre in Short Ollond quarentena + 1 roda parcella dimidie acre in eadem quarentena + dimidia acra + 1 clausum contin' 3 rodas + long half acre + 1 roda. Я думаю, что конечно не всѣ, но многія половины и четверти акра, столь частыя въ описи 1621 года, суть длинныя и узкія полосы общиннаго поля, seliones. Одинъ разъ самое слово seliones встрѣчается въ описи. По одной изъ своихъ 9 копій E. Freeman держитъ 1 parcellam terre in Northfeld in 9 separalibus peciis continentibus 7 (sic) acras et 3 s e l i o n e s = 3 a + 1a 1r + 3a + $1^1/_2$ a + $^1/_2$ a + $^1/_4$ a + $^1/_2$ a + $^1/_2$ a + 3 seliones (fo. 82 d.—83 r.).

По описи 1621 года нельзя вычислить отношенія между огороженною и неогороженною площадью, но можно установить преобладаніе первой надъ второю, и повидимому преобладаніе рѣзкое. За то значительная часть самой огороженной земли въ своей разбросанности и раздробленности хранитъ на себѣ слѣды своего происхожденія отъ полосъ общиннаго поля. Общинное поле живетъ и послѣ 1621 года. Въ описи 1650 года извѣстій объ общинномъ

владѣніи нельзя искать въ отдѣлѣ держаній: скупая на подробности опись приводитъ для фригольда только ренту, для копигольда ренту и площадь. За то въ описаніи домена говорится (p. 2) о 3 акрахъ пашни, разбросанныхъ in the common fields of Wymondham, commonly called the Northfield, говорится и объ общинныхъ выгонахъ [1]). Правда, когда полвѣка спустя, при Уильямѣ и Мери, Celia Fiennes проѣзжаетъ верхомъ по очень плохой, топкой дорогѣ изъ Норича въ Уиндамъ и оттуда въ Attleborough, она все время видитъ передъ собою огороженную страну, ѣдетъ зелеными изгородями, подъ которыми, тамъ и сямъ, люди прядутъ и вяжутъ [2]). Но неутомимая наѣздница не интересуется тѣмъ, что позади придорожныхъ изгородей. А тамъ не все огорожено даже въ гораздо болѣе позднее время. Я не питаю большого довѣрія къ A. Young, который легкомысленно утверждаетъ въ 1771 (East of England Tour II 150), будто 40—60 лѣтъ тому назадъ весь сѣверъ и западъ, а въ значительной мѣрѣ и востокъ графства былъ подъ овечьими пастбищами, будто даже всего 30 лѣтъ тому назадъ въ Норфокѣ оставалось много общинныхъ угодій [3]). За то современникъ Арсера Young, W. Marshall, есть руководитель очень надежный [4]). Marshall настаиваетъ на необходимости различать въ предѣлахъ графства нѣсколько районовъ, особенно не спутывать восточнаго Норфока съ западнымъ. Въ книгѣ описывается почти исключительно восточный Норфокъ. Въ общемъ это изстари огороженная страна (a very old inclosed country I 4), совершенно безлѣсная; именно на востокѣ фермеры создали норфокскую агрономію. На западѣ болота, открытые выгоны либо новыя изгороди (new inclosures), за которыми не успѣли завести правильнаго хозяйства. Но даже на востокѣ есть остатки открытыхъ полей, уцѣлѣвшіе небольшими кусками въ 3—4 акра, иногда клочками въ половину

---

[1]) Ibid. All the sheepe walke or sheepe trippe for the yearely feedinge of 200 sheepe due to the lord of the manor, and upon the common of Northwood abuttinge upon the common of Hethershott and Great Milton etc.

[2]) Through England on a side saddle ed. Mrs. Griffiths 122.

[3]) Для ненадежнаго Young характерно увѣреніе (II 161), будто знаменитая агрономія Норфолка сложилась на крупныхъ фермахъ запада. Болѣе поздняя работа Young (View of the agriculture of Norfolk 1804) внушаетъ больше довѣрія, но для уиндамской округи даетъ мало свѣдѣній объ остаткахъ общины (въ 1779 огородили 260 акровъ въ сосѣднемъ приходѣ Wrenningham).

[4]) Rural economy of Norfolk 2 v. 1787. Во II томѣ minutes, наблюденія надъ отдѣльными мѣстностями и хозяйствами, записанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, преимущественно въ 1782. Я пользовался II изданіемъ, которое вышло въ 1795.

или четверть акра. II въ огороженныхъ фермахъ живутъ слѣды былой общинности. Фермы часто черезполосны, from common fields having been inclosed by piecemeal, without the general consent of the proprietors (I 8—9); въ ихъ составѣ нерѣдко встрѣчаются очень мелкіе участки, pightles, so disgraceful to East Norfolk as an arable country (I 130, cf. I 227).—Показанія Н. Кента сходятся съ показаніями Маршаля. Кентъ считаетъ площадь общиннаго землевладѣнія очень незначительною; это приблизительно 7,5% всей площади графства (72). Но возлѣ Уиндама еще сохранились общинныя земли (81). [1]).

B. Опись 1650 года.

Опись 1650 года принадлежитъ къ числу „парламентскихъ описей" королевскаго домена, которыя въ своей совокупности составляютъ весьма важный источникъ, лучшій путь къ ознакомленію съ англійскою деревнею средины XVII вѣка. Опись помѣчена февралемъ и 15 марта 1649 года, но англичане начинали тогда свой годъ съ Благовѣщенья и февраль 1649 года на нашъ счетъ соотвѣтствуетъ 1650 году.

Въ описи 1650 года 139 фригольдеровъ, 203 копигольдера, 2 лизгольдера. Но всѣхъ держателей только 286. Ибо среди 203 копигольдеровъ есть 57 такихъ, у которыхъ сверхъ копигольда имѣется фригольдъ; у одного изъ двухъ лизгольдеровъ имѣется копигольдъ. $139 + (203 - 57) + (2 - 1) = 286$. Число держателей увеличилось на 53 за 28 лѣтъ, протекшихъ послѣ описи 1621 года. Въ 1650 году 139 фригольдеровъ платятъ 12.2.3 ренты, въ среднемъ 1.9 на человѣка.—203 копигольдера платятъ 61.17.1¼ ренты, въ среднемъ 6.1 на человѣка. Но въ описи выдѣлены въ особую группу копигольдеры съ произвольной допускной платой, народъ все мелкій: ихъ 46 человѣкъ, и всѣ вмѣстѣ они платятъ 7.8.9¾ ренты, въ среднемъ 3.2⅘ на человѣка. Среди этихъ 46 копигольдеровъ есть 7 такихъ, которые одновременно держатъ копигольдъ съ опредѣленной допускной платой. Если исключить копигольдеровъ съ произвольной допускной платой, то останутся 164 копигольдера ($203 - 46 + 7 = 164$), которые платятъ 54.8.3½ ренты, въ среднемъ 6.8½ на человѣка. Два лизгольдера платятъ лорду

[1]) Книга Кента Agriculture of Norfolk, написанная по оффиціальному порученію, вышла первымъ изданіемъ въ 1794 и вторымъ въ 1796. Я пользовался II изданіемъ.

5.1.0 ренты.—Въ описи указанъ и „случайный“ доходъ лорда, о которомъ не говорятъ описи другихъ лѣтъ [1]).

У 286 держателей 1650 года 216 фамилій. Если сопоставить эти фамиліи съ 172 держательскими фамиліями 1484/5 года, то общихъ фамилій окажется 30 или, можетъ быть, 31. Передъ нами точно двѣ разныхъ деревни. Если сопоставить 216 фамилій 1650 года со 157 фамиліями 1621 года, то общихъ фамилій окажется много, 96. Но совпаденіе фамилій лишь въ 26 случаяхъ сочетается съ совпаденіемъ рентъ и состава держаній. И еще въ 7 случаяхъ совпаденіе фамилій сочетается съ частичнымъ совпаденіемъ рентъ и состава держаній. При этомъ въ число 26 совпаденій я включилъ нѣсколько такихъ случаевъ, когда расхожденіе рентъ и площади держаній было очень невелико, напр. случай съ Найветомъ. Въ 1621 Th. Knyvett armiger держитъ по очень сложной копіи $59^1/_4$ акровъ и платитъ курицу и 1.0.9 деньгами. Въ 1650 Th. Knyvett armiger держитъ по копіи $61^1/_4$ акръ и платитъ 1.1.6 ренты [2]). Подмѣченныя мною совпаденія охватываютъ площадь въ 350 акровъ, приблизительно одну седьмую манора. Я не считаю своего подсчета безусловно исчерпывающимъ. Болѣе зоркому глазу быть можетъ удастся подмѣтить еще два-три случая совпаденія. Но они не могутъ поколебать общаго вывода. За три десятка лѣтъ (1621—1650) связи людей съ землею измѣнились очень сильно. Приведу отдѣльные примѣры перемѣнъ. a) 1621 Petrus Pitcher держитъ 19 акровъ, а Robertus Pitcher 7 акровъ копигольда; рента приведена общая для обоихъ Питчеровъ (1.7.4), вѣроятно потому, что они подѣлили одно доставшееся имъ по наслѣдству держаніе.—Въ 1650 передъ нами повидимому тѣ же Peter и Robert. Но теперь Peter держитъ $24^1/_2$ акра и платитъ 1 l.; Robert держитъ $18^1/_2$ акровъ и платитъ 0.9.2. b) Въ 1621 W. Seaborne держитъ по копіи $4^5/_8$ акра и платитъ $7^1/_2$ d.; въ 1650 Ja. Seaborne generosus держитъ по копіи 42 акра и платитъ 1 l. c) Въ 1621 крупными держателями были Skeppe ($52^1/_2$ a of copyhold), Rednall (38 a of copyhold), Flowerdew (мельница); этихъ именъ вовсе нѣтъ въ описи 1650 года.—Въ 1650 крупными держателями были Th. Ayde generosus и Th. Woodhouse miles et baronettus; имя Ayde вовсе не встрѣчается въ описи 1621 года; имя Woodhouse встрѣчается, но Dr. Woodhouse держитъ въ 1621 только маленькую усадьбу, погорѣвшую въ большой пожаръ 1615 года.

---

[1]) p. I The courte barron, courte leete, amerciaments of courts, fynes upon descent and allyenacon, releifes and other perquisittes communibus annis 26 l.

[2]) Любопытенъ случай съ W. Burrell. Здѣсь совпадаютъ и фамиліи, и ренты, и площади держанія. Но въ описи 1621 года держаніе зовется фригольдомъ, а въ описи 1650 года копигольдомъ.

Въ описи 1650 года площадь держанія указывается только для 164 копигольдеровъ съ опредѣленной допускной платой. Я распредѣляю ихъ на тѣ же три группы, что и держателей 1621 года. У всѣхъ 164 копигольдеровъ 1804³/₄ акра земли. a) Не меньше 30 акровъ держатъ 12 человѣкъ, у которыхъ въ совокупности 599 акровъ, треть площади копигольда [1]). b) Отъ 10 до 30 акровъ держатъ 50 человѣкъ, у которыхъ въ совокупности 856 ³/₄ акровъ, немного меньше половины площади копигольда. c) Меньше 10 акровъ держитъ 102 человѣка, у которыхъ въ совокупности 351²/₄ акра, менѣе нежели одна пятая площади копигольда. Крупные держатели занимаютъ въ 1650 меньшую долю общей площади, нежели въ 1621. Доля среднихъ держаній увеличилась къ 1650 году настолько, что мелкимъ держателямъ осталась меньшая доля общей площади, нежели въ 1621.

Ростъ площади среднихъ держаній по копіи не нужно отождествлять съ ростомъ средняго крестьянства. Въ числѣ 50 среднихъ копигольдеровъ 1650 года мы видимъ 12 человѣкъ благороднаго происхожденія. Самая крупная особенность описи 1650 года по сравненію съ описью 1621 года — рѣзкое увеличеніе площади, находящейся въ рукахъ благородныхъ держателей. Мы присутствуемъ при настоящемъ нашествіи благородныхъ людей на уиндамскій маноръ. Изъ 286 держателей 1650 года благородныхъ (generosi, armigeri, milites et baronetti) было 58, у которыхъ была 51 фамилія. 40 благородныхъ держатъ по копіи; впрочемъ 11 человѣкъ изъ ихъ числа держатъ одновременно и фригольдъ. У 40 благородныхъ копигольдеровъ 752¹/₂ акра копигольда, т. е. 5/12 всей площади копигольда, хотя благородные копигольдеры составляютъ только одну пятую всего числа копигольдеровъ (40/203). Благородныхъ фригольдеровъ 29 человѣкъ. Они платятъ 4.4.10 ренты, т. е. больше трети рентныхъ поступленій отъ фригольда, хотя благородные фригольдеры составляютъ только одну пятую всего числа фригольдеровъ (29/139).

Среди благородныхъ завоевателей манора есть и старожилы и люди новые. Изъ 51 благородной фамиліи 1650 года въ описи 1621 года встрѣчаются 24; но только при четырехъ фамиліяхъ изъ числа двадцати четырехъ въ описи 1621 года стоитъ указаніе на благородство (Longe, Kitchman, Weld, Wiseman). Изъ 51 благородной фамиліи 1650 года — 10, а можетъ быть даже 12, встрѣ-

[1]) Вотъ площади ихъ держаній въ акрахъ, причемъ дроби отброшены: 32, 37, 37, 38, 42, 45, 48, 52, 61, 62, 69, 69.

чаются въ описи 1484—1485 года[1]), но ни при одной изъ нихъ въ описи 1484—1485 года нѣтъ указаній на благородство. Изъ 4 благородныхъ фамилій 1484—1485 года (Clere, Pagan, Wymondham, Wingfeld), ни одна не встрѣчается въ описи 1650 года. Странно, что изъ 12 благородныхъ фамилій, общихъ описямъ 1485 и 1650 года, двѣ фамиліи (Pagrave = Palgrave, Toly = Tooley) не встрѣчаются въ описи 1621 года. Странно и то, что не всѣ носители благородной фамиліи зовутся generosus или armiger. Въ 1650 г. есть нѣсколько держателей съ фамиліей Barnard—Edwardus, Esaias, Jacobus, Johannes; только Jacobus зовется generosus. Въ 1650 г. Edward Coleman iunior зовется generosus, а Edward Coleman senior нѣтъ. Значеніе словъ armiger и generosus было очень неустойчиво въ XVI и XVII вѣкѣ[2]). Возможно, что нѣкоторыя изъ семей, впервые названныхъ благородными въ описи 1650 года, имѣли и въ 1621 г. и даже при Тюдорахъ неменьшій достатокъ и не меньшій общественный вѣсъ, чѣмъ въ 1650 году, и не были названы благородными въ описяхъ 1621 г. и 1484—1485 года либо случайно, либо потому, что имя generosus или armiger давалось тогда все же съ большею разборчивостью. Я сошлюсь на семью Kett въ подтвержденіе своего предположенія[3]).

Въ описи 1650 года три держателя носятъ фамилію Kett: Thomas, Richard, Stephen. Thomas и Richard зовутся generosi. Stephen не зовется, хотя земли у него, повидимому, больше, чѣмъ у двухъ другихъ. Въ рентномъ отчетѣ 1686 г. два держателя носятъ фамилію Kett: George, Edward. Ни тотъ, ни другой не зовется джентльменомъ. Въ описи 1621 года три держателя носятъ фамилію Kett: Anne, Richard, Stephen. Никто не названъ благороднымъ; у Стивена довольно много земли. Въ 1549—1550 году, въ дѣлопроизводствѣ своего процесса, знаменитый бунтовщикъ Robert Kett зовется кожевникомъ, tanner, хотя изъ того же дѣлопроизводства явствуетъ, что Робертъ былъ большимъ человѣкомъ въ уиндамской округѣ: inquisitio post mortem приводитъ среди его владѣній три манора, и всѣ они лежатъ въ Уиндамѣ. Но можетъ быть бунтовщика Кета зовутъ кожевникомъ по выгодному, хотя и безнрав-

[1]) Borell, Colman, Colyour, Green, Howse, Knight = Kett, Pagrave, Shepherd, Stone, Wyseman. Возможно, что Toly = Tooley, Hekyngham = Hevingham. Среди благородныхъ фамилій 1650 года есть очень распространенныя. Люди съ фамиліей Green могутъ принадлежать къ разнымъ родамъ.

[2]) См. мою Англійскую секуляризацію 512—515.

[3]) Для семейной исторіи Кетовъ я пользуюсь уиндамскими маноріальными описями и документами, напечатанными у F. W. Russell Kett's rebellion Appendix 215—235. Замѣтка о семьѣ Kett въ книгѣ D. Gurney Record f the house of Gournay—не надежна.

ственному, правилу: kill the dog and then call him mad? Когда я развернулъ длиннѣйшій патентный столбецъ, въ который, между прочимъ, внесено королевское разрѣшеніе лорду Lisle отчудить Роберту Кету свой уиндамскій маноръ (Patent Roll, 37 H. VIII, p. 18, m. 10), я убѣдился съ удовольствіемъ, что англійское правительство 1550 года неповинно въ клеветѣ на мертваго врага: Робертъ Кетъ названъ въ патентѣ кожевникомъ за три года до возстанія. О вліятельности и зажиточности семьи Kett передъ возстаніемъ 1549 года говорятъ и ранніе историки возстанія[1]). Не зовется ли Робертъ Кетъ кожевникомъ потому, что онъ былъ скотоводъ, a gentleman grazier? Тогда получили бы вѣроятность и сообщенія объ его огораживаніяхъ. Извѣстія о Кетахъ показываютъ, что присутствіе 58 благородныхъ держателей есть, можетъ быть, не такая большая новость, какъ представляется съ перваго взгляда, тѣмъ болѣе что Уиндамъ-полугородъ, гдѣ было много маноровъ и гдѣ рано могло сложиться много дворянскихъ гнѣздъ.

Я нарочно привожу и подчеркиваю всѣ эти оговорки, чтобы меня не упрекали въ слишкомъ высокой оцѣнкѣ подмѣченнаго мною нашествія джентльменовъ. И все-таки передъ нами явленіе чрезвычайной важности. Какъ бы ни колебалось значеніе словъ armiger и generosus въ XVII вѣкѣ, armiger и generosus не пашутъ земли и не молотятъ хлѣба своими руками; это господа, баре, хотя нерѣдко люди скромнаго достатка. Нельзя не подивиться тому, что ихъ набралось въ нашемъ манорѣ 58 человѣкъ въ 1650 году. Такое обиліе благородныхъ можно объяснить только тѣмъ, что почти у всѣхъ у нихъ, въ другихъ манорахъ и другихъ приходахъ, можетъ быть другихъ сотняхъ и другихъ графствахъ, была другая недвижимость. Вѣдь самые крупные изъ благородныхъ держателей нашего манора имѣютъ въ 1650 какихъ-нибудь 60—70 акровъ. На доходъ съ такой площади семьѣ трудно прожить по благородному. Но развѣ обиліе благородныхъ держателей становится отъ этого менѣе поучительнымъ? Скорѣе наоборотъ. Мы слишкомъ привыкли мыслить джентльмена въ образѣ ландлорда. Надо отвыкать отъ этого; надо привыкать къ мысли о джентльменѣ-держателѣ, джентльменѣ-копигольдерѣ, зачастую среднемъ и мелкомъ копигольдерѣ. Исторія держателей не есть только исторія крестьянъ; въ немалой долѣ своей она есть исторія джентльменовъ. Изученіе держательскаго землевладѣнія джентльменовъ есть очередной и важный вопросъ англійской аграрной исторіи. Надо

[1]) A. Nevill 18—20 ed. of 1575, sir J. Hayward Life of E. VI, 66, ed. of 1630.—Въ описи 1484—1485 года есть одинъ Knyght=Kett, который платитъ большую ренту, 19 s.

твердо помнить, что предшественниками и даже предками сквайровъ, видоизмѣнившихъ ликъ англійской деревни при Георгѣ III, могли быть не только лорды маноровъ, но и держатели, отчасти средніе и мелкіе держатели, съ прибавкою титула armiger или generosus позади своего имени, и безъ этой прибавки.

C. Рентный отчетъ 1686 года.

Отчетъ озаглавленъ Rentall of the free and coppyhould rents of the manor of Wymondham Regine payable to Catharine Queen Dowager of England for one whole yeere ending at Michaelmas anno Domini 1686. Въ отчетѣ приводятся только имена и ренты держателей; копигольдеры не отдѣлены и не отличены отъ фригольдеровъ; о лизгольдерахъ не говорится ничего.

Въ отчетѣ поражаетъ рѣзкое уменьшеніе числа держателей сравнительно съ 1650 и 1621. Держателей перечислено только 154 со 108 фамиліями. Общій итогъ ихъ рентъ 88.13.4$^1/_2$, въ среднемъ 11.10$^3/_4$ на человѣка. Правда, отчетъ 1686 года не даетъ намъ полнаго списка держателей. Уже въ описи 1650 года выдѣлены въ 4 особыя группы тѣ держатели, въ чьихъ рентахъ отчитываются 4 heywards; ихъ округа зовутся Newhaughe, Nealande, Carleton and Colton, Brakon. Тѣ же 4 округа выдѣлены и въ 1686. Но, въ отличіе отъ описи 1650 года, въ отчетѣ 1686 года не указывается, какіе держатели имѣли землю въ сказанныхъ 4 округахъ и сколько каждый держатель платилъ ренты; приводятся только 4 окружныхъ итога рентныхъ поступленій, которые въ совокупности составляютъ 5.4.8$^1/_2$, на 0.4.2$^1/_2$ меньше соотвѣтствующихъ поступленій 1650 года Если мы хотимъ узнать общій итогъ сеньеріальныхъ рентъ 1686 года, то мы должны приложить 5.4.8$^1/_2$ къ рентѣ 154 перечисленныхъ въ отчетѣ держателей. 88.13.4$^1/_2$+5.4.8$^1/_2$=93.18.1. Въ 1650 выдѣленныхъ въ 4 особыхъ округахъ держателей было довольно много — 52 человѣка однихъ такихъ, которые не платили никакой другой ренты; въ среднемъ на одного человѣка не приходилось и двухъ шиллинговъ ренты, такъ мелки были держанія въ этихъ 4 округахъ. Въ отчетѣ 1686 года такимъ образомъ держатели перечислены лишь частично. Это необходимо имѣть въ виду при сопоставленіи отчета съ болѣе ранними документами.

Общій итогъ рентъ въ 1686 году фунтовъ на 12 больше чѣмъ въ 1650 году. Повидимому почти все это повышеніе падаетъ на бывшую монастырскую усадьбу, доходъ съ которой не включенъ въ ренты 1650 года [1]). Въ 1686 усадьбу держитъ Th. Weld gent-

[1]) Напомню, что и прибыльщики Генриха VIII оцѣнили доменъ in manu въ ту же самую сумму. 11.9.8.

leman и платитъ за нее 11.9.8. Онъ же платитъ еще 2.11.9 за другія земли и есть самый крупный плательщикъ ренты. На второмъ мѣстѣ стоитъ Th. Seaborne gentleman, который платитъ 6.0.6½; а другой Seaborne, James и тоже gentleman, платитъ 4.5.2. Изъ 154 держателей, перечисленныхъ въ отчетѣ, 27 человѣкъ платятъ не менѣе 15 шиллинговъ каждый; въ совокупности эти 27 держателей уплачиваютъ ежегодно 64.13.2¾, т. е. больше двухъ третей всей маноріальной ренты. Такъ далеко зашла концентрація платежей. Держателей, платящихъ отъ 5 до 15 шиллинговъ, поименовано 40, которые въ совокупности платятъ 16.8.4 ренты. Если позволительно судить о площади держанія по его рентѣ, то къ 1686 году площадь средняго держанія сильно уменьшилась, площадь крупнаго держанія сильно увеличилась сравнительно съ 1650 годомъ.

Благородныхъ держателей въ отчетѣ 1686 года поименовано 34; они составляютъ болѣе одной пятой всѣхъ поименованныхъ въ отчетѣ держателей; процентъ благородныхъ держателей въ 1686 даже чуть выше чѣмъ въ 1650. Они платятъ 47.15.8, больше половины всѣхъ рентныхъ поступленій. Благородные стали уже на половину хозяевами уиндамской земли.

Но еще многое должно было измѣниться въ Abbot's Wymondham, прежде чѣмъ маноръ сталъ деревнею того типа, который описывается у A. Young и W. Marshall. Наши источники обрываются на 1686 году. Съ сожалѣніемъ разстаешься съ землями и людьми, съ которыми послѣ долгихъ подсчетовъ свыкаешься точно добросовѣстный приказчикъ. Впрочемъ утѣшеніе легко найти въ другихъ манорахъ, которые своими описями манятъ къ себѣ терпѣливаго счетчика.

И. С. Рябининъ.

Къ вопросу объ отношеніи Станислава-Августа Понятовскаго къ революціоннымъ властямъ 1794 г.

При разборѣ въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ документовъ Архива Царства Польскаго найдена нами крайне любопытная рукопись („Dzieje rewolucyi od 12. marca do 15 8 bris 1794 r."), заключающая среди другого матеріала собственноручныя записки Станислава-Августа Понятовскаго, веденныя имъ во время возстанія Косцюшки. Часть этихъ записокъ, проливающихъ свѣтъ на мало изслѣдованный вопросъ о взаимоотношеніяхъ Станислава-Августа и польскихъ революціонныхъ властей 1794 г., служитъ основаніемъ для настоящей замѣтки.

Традиціонная королевская власть, власть милостью Божьею, столкнулась въ 1794 г. съ незнакомою дотолѣ полякамъ диктаторскою властью, властью волею народа; вѣковое уваженіе къ престолу, исключавшее мысль о цареубійствѣ, — съ острою враждебностью къ личности монарха, приведшаго страну на край пропасти; соблазнительный примѣръ французовъ, казнившихъ Людовика XVI,—съ соображеніями политическаго характера, требовавшими отъ Косцюшки избѣгать всего, что могло навлечь на Польшу подозрѣніе въ сочувствіи якобинизму. Человѣкъ высокообразованный, проникнутый гуманитарными идеями тогдашней философіи и чутко отзывавшійся на все прекрасное, возвышенное и благородное, покровитель ученыхъ, поэтовъ, художниковъ и артистовъ, знатокъ искусства, цѣнитель театра, опекунъ и другъ низшихъ слоевъ населенія, мѣщанъ и крестьянъ, заслуженный дѣятель на поприщѣ экономическаго и соціальнаго подъема народа, Станиславъ-Августъ Понятовскій не доросъ однако до того историческаго момента, въ который ему пришлось жить и дѣйствовать. Чуждый сознанія собственнаго достоинства и достоинства своего народа, трусливый и себялюбивый, развратный и продажный, онъ, пре-

ступный въ глазахъ народа уже присоединеніемъ своимъ къ Тарговицкой конфедераціи, занялъ наканунѣ возстанія позицію, явно враждебную народному избраннику Косцюшкѣ. Подъ давленіемъ Игельстрома онъ издалъ 2 апрѣля универсалъ, въ которомъ предостерегалъ народъ передъ „обольщеніемъ“, исходящимъ изъ Франціи, передъ тѣми, кто, выманивая народныя пожертвованія, ускоряетъ гибель государства, и бросалъ подозрѣніе, не является ли все возстаніе „продажнымъ орудіемъ чужой интриги“. Когда первая великопольская бригада народовой кавалеріи обратилась къ нему съ просьбой о защитѣ въ виду начатой редукціи арміи, онъ отвѣтилъ, что редукція неизбѣжна, и самъ предлагалъ офицерамъ и солдатамъ поступать на иностранную службу; „это — увѣрялъ онъ — пишетъ вамъ король и отецъ, который искренно васъ любитъ“.

Но съ началомъ возстанія король измѣнилъ свою тактику. Страхъ за свою личную неприкосновенность заставилъ его выражать всѣми способами свое сочувствіе революціи. Уже во время событій, имѣвшихъ мѣсто въ Варшавѣ 17—18 апрѣля, Станиславъ-Августъ, согласно разсказу Китовича, кричалъ изъ оконъ своего дворца: „я стою за народъ! бейте нашихъ тирановъ!“ и приказалъ выносить изъ дворца порохъ и оружіе для раздачи бушевавшей толпѣ. Онъ велѣлъ вооружить стрѣлковъ своихъ имѣній и отдать ихъ въ распоряженіе революціонныхъ властей. Онъ принялъ участіе въ пожертвованіяхъ на нужды возстанія, сдѣлавши впрочемъ на подписномъ листѣ характерную приписку: „при извѣстномъ бѣдственномъ моемъ положеніи, когда у меня отобраны имѣнія (ekonomje), а жалованіе изъ общественной казны до меня не доходитъ, я не могу при наилучшемъ желаніи дать болѣе 18000 злотыхъ изъ расплавленнаго столоваго серебра, назначеннаго на мое пропитаніе, а также нѣсколько табакерокъ и пару еще оставшихся у меня часовъ“. Делегатовъ отъ Временнаго Замѣщающаго Совѣта онъ завѣрялъ въ своей преданности движенію и въ отсутствіи намѣренія покинуть Варшаву. Онъ и оставался до конца возстанія въ столицѣ, изолированный, лишенный власти, но сохранившій внѣшніе аттрибуты своего королевскаго достоинства, оставался, какъ защитникъ революціи передъ обвиненіями ея въ якобинизмѣ, какъ аксессуаръ для сношеній возставшей Польши съ иностранными державами. Онъ сдался на милость Косцюшки и 5 мая официально увѣдомилъ его о своемъ желаніи пользоваться властью и значеніемъ только въ предѣлахъ, отмежеванныхъ верховнымъ начальникомъ возстанія и народомъ. Въ особенно трудные моменты онъ обращался къ Косцюшкѣ съ просьбой о защитѣ. Онъ тревожно

спрашивалъ Косцюшку, извѣстно ли ему, что въ варшавскихъ трактирахъ распѣвается пѣсенка, кончающаяся словами: „мы, краковяки, носимъ крюкъ у пояса, повѣсимъ на немъ короля и примаса“ (my krakowiacy nosim guz u pasa, powiesim sobie kr ła i prymasa); что послѣ расправы варшавской черни надъ заподозрѣнными въ народной измѣнѣ лицами раздавались голоса: „мы предполагали сдѣлать одно, а вышло другое“ (co inszegośmy zamierzyli, na co innego wyszło); онъ указывалъ на обиду, причиненную ему Gazet'ой Rządow'ой, которая въ № 53 своего изданія помѣстила имя короля среди лицъ, получавшихъ деньги изъ общей казны трехъ дворовъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши, и передавалъ дошедшій до него слухъ о присланномъ изъ Парижа въ Варшаву портретѣ Косцюшки съ надписями: „Son bras ne s'est jamais souillé à la défense des rois. Thadée Kosciuszko, chef de la force armée nationale de Pologne contre les satellites des brigands couronnés“; „у меня—писалъ король—есть прекрасно гравированный вашъ портретъ безъ такой надписи, и я бережно храню его, такъ какъ онъ очень сходенъ съ оригиналомъ“.

Косцюшко не былъ склоненъ злоупотреблять своею диктаторскою властью. Еще 24 марта, на народномъ собраніи въ краковской ратушѣ, онъ запретилъ удалить изъ зала засѣданій королевскій портретъ. Имѣя полную возможность предать Станислава-Августа уголовному суду за его измѣну отечеству въ эпоху Тарговицкой конфедераціи, онъ въ отвѣтъ на упомянутое письмо отъ 5 мая, заключавшее до нѣкоторой степени отреченіе отъ королевской власти, мягко напомнилъ королю о присоединеніи его къ тарговичанамъ и тутъ же сообщилъ объ отданномъ имъ Высочайшему Народовому Совѣту приказѣ освѣдомлять короля о всѣхъ важнѣйшихъ постановленіяхъ Совѣта, выражая надежду на просвѣщенное содѣйствіе короля начинаніямъ послѣдняго. Съ неизмѣнною вѣжливостью и предупредительностью, избѣгая лишь въ подписяхъ слова „вѣрноподданный“, Косцюшко увѣрялъ короля въ своихъ заботахъ относительно его безопасности и удовлетворенія матеріальныхъ его нуждъ. Онъ писалъ о своей готовности лично прибыть въ Варшаву для водворенія въ ней спокойствія, о наложеніи имъ ареста на номеръ „Gazet'ы Rządow'ой“, заключавшей оскорбительное упоминаніе о королѣ. Но онъ не былъ въ состояніи установить добрыя отношенія между королемъ и Народовымъ Совѣтомъ.

За все время возстанія мы встрѣчаемся съ жалобами Станислава-Августа на неблагожелательность Совѣта, на присылаемые послѣднимъ „ироническіе рапорты“ съ запоздалыми сообщеніями

о фактахъ, давно извѣстныхъ всему городу, на стремленіе Совѣта внушить подозрѣніе къ королю, выставить его въ глазахъ народа опаснымъ человѣкомъ и плохимъ патріотомъ. Членъ Совѣта, Августинъ Деболи, которому во исполненіе предписанія Косцюшки поручено было освѣдомлять Станислава-Августа о дѣятельности Совѣта, въ отвѣтъ на всѣ разспросы отговаривался обыкновенно незнаніемъ или отсутствіемъ полномочія. Королю, согласно запискамъ его, приходилось вести такого рода бесѣды: „я (король): о сраженіи Заіончка что скажете? —Деболи: не знаю и не имѣю порученія"; „я: объ отъѣздѣ Каше? [1]) Деболи молчитъ". Или—„я: гдѣ Косцюшко? Линовскій [2]): не знаю; онъ молчитъ обо всемъ". Членъ Народоваго Совѣта Гугонъ Коллонтай, завѣдывавшій финансами и отказывавшій королю въ томъ, что не переставало наиболѣе занимать его въ самые критическіе моменты возстанія, т. е. въ средствахъ на содержаніе королевской особы и королевскаго двора, въ отвѣтъ на просьбу короля явиться къ нему, велѣлъ отвѣтить, что „онъ не придетъ и что королю же лучше, что онъ не придетъ"; посредникъ въ сношеніяхъ короля съ завѣдывавшимъ иностранными дѣлами Игнатіемъ Потоцкимъ Морскій открыто говорилъ въ обществѣ, что ему непріятно бывать у короля, и посѣщавшимъ короля лицамъ совѣтовалъ не дѣлать этого, предостерегая, что это небезопасно для нихъ. При такихъ обстоятельствахъ Станиславъ-Августъ дѣйствительно былъ лишенъ возможности оказывать Совѣту то содѣйствіе, о которомъ писалъ ему Косцюшко.

Совѣтъ находился въ не менѣе трудномъ положеніи. Ему приходилось принимать во вниманіе настроеніе городского населенія, враждебнаго и къ Совѣту, насчитывавшему въ своей средѣ болѣе шляхты, чѣмъ мѣщанъ и ремесленниковъ, и къ королю, не внушавшему довѣрія, но бережно охраняемому самимъ народомъ въ качествѣ заложника. Когда король 19 апрѣля указалъ явившемуся къ нему члену Совѣта Дзялынскому на неумѣстный поступокъ его товарищей, отказавшихся носить ордена св. Станислава и Бѣлаго Орла и внушающихъ тѣмъ самымъ подозрѣніе въ сочувствіи революціоннаго правительства якобинизму, Дзялынскій отвѣтилъ, что это дѣлается только въ первые дни возстанія „въ виду чрезвычайной разъяренности черни". На свои просьбы о переѣздѣ въ лагерь Косцюшки, на напоминанія объ опасности, съ

[1]) Де-Каше, австрійскій посолъ въ Польшѣ, добивавшійся пропуска на родину.

[2]) Александръ Линовскій, уполномоченный Высочайшаго Народоваго Совѣта и секретарь Косцюшки.

которой соединено будетъ для страны принужденіе короля къ капитуляціи въ случаѣ занятія Варшавы непріятелемъ, на требованія выдачи пропусковъ изъ Варшавы королевскимъ сестрамъ и другимъ членамъ королевской семьи, которыхъ жестоко было бы подвергать опасности рѣзни, Совѣтъ заявлялъ, что „объ этомъ и говорить не приходится“, что „хотя бы самъ Косцюшко желалъ этого, то городъ никогда не позволитъ“. Деболи предупреждалъ короля о печальныхъ послѣдствіяхъ его заступничества за близкихъ ему лицъ, находящихся въ заключеніи, и напоминалъ, что у членовъ Совѣта нѣтъ власти надъ народомъ (ils ne sont pas les maîtres du peuple).

Есть основаніе утверждать, что противъ Косцюшки замышлялась офицерская контръ-революція и что королю было предложено принять въ ней участіе. Въ осторожной, полной недомолвокъ и многоточій, запискѣ Станислава Августа отъ 5 сентября 1794 г. находимъ слѣдующій разговоръ его съ литовскими офицерами. „Мы—жалуются офицеры королю—хотимъ спросить Начальника (Косцюшку), подъ какимъ правленіемъ мы находимся. Это уже сдѣлалъ Мадалинскій, но безрезультатно. Мы отдали отечеству имущество и жизнь, но въ надеждѣ и предположеніи, что насъ будутъ вести раціонально, съ какой-нибудь возможностью успѣха. Между тѣмъ намъ отдаютъ такіе противорѣчивые приказы,—что ни день, то иные,—что можно лишиться разсудка, или велятъ исполнять такія дѣла, которыя совершенно немыслимы. Насъ всего 12000 человѣкъ; съ этими силами мы должны и защищаться передъ 26000 русскихъ, уже находящихся въ Литвѣ, и противостать тремъ тысячамъ, идущимъ съ Волыни, и не допускать 12000 австрійцевъ, а теперь намъ велятъ еще вторгнуться въ Пруссію, въ которой, въ четырехъ лагеряхъ, считая по 3000 въ каждомъ, находится 12000 пруссаковъ. Если мы пойдемъ со всею силою нашею въ Пруссію, то обнажимъ и погубимъ всю Литву. Если пойдетъ только 6000 нашихъ въ Пруссію, то и тамъ мы будемъ перебиты, а 6000 оставшихся въ Литвѣ также неминуемо погибнутъ... Мы не хотимъ быть подданными человѣка, который безъ королевскаго титула хочетъ быть самымъ худшимъ и самымъ кровавымъ деспотомъ, и уже является таковымъ отчасти, который, обогатившись, въ любой ближайшій день покинетъ, быть можетъ, страну... Мы еще разъ спрашиваемъ короля, что̀ дѣлать намъ для его защиты и безопасности, и найдемъ ли мы здѣсь человѣка, черезъ котораго и мы съ королемъ, и король съ нами могли бы откровенно и безопасно взаимно сноситься?“ Король отвѣчалъ на это: „въ случаѣ нужды найдется такой человѣкъ, и король не

забудетъ поблагодарить васъ, но теперь не дѣлайте ничего такого, что могло бы дать поводъ къ внутреннему движенію; думайте лишь о томъ, какъ спасти страну".

До офицерской контръ-революціи дѣло, конечно, не дошло, но это изъявленіе благодарности лицамъ, злоумышлявшимъ противъ верховнаго вождя возстанія, достаточно ярко характеризуетъ короля, его отношеніе къ революціоннымъ властямъ и искренность его призывовъ „бить тирановъ".

Л. М. Савеловъ.

Князья Ковровы.

На высокомъ правомъ берегу р. Клязьмы, въ предѣлахъ бывшаго Стародубскаго княжества, расположено бывшее село Рождественское-Коврово, нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи Ковровъ, насчитывающій теперь врядъ ли болѣе десяти тысячъ жителей обоего пола и имѣющій всего на всего двѣ церкви — это бывшій центръ владѣній князей Ковровыхъ, угасшихъ еще въ первой половинѣ XVII столѣтія.

Стародубское удѣльное княженіе, имѣвшее своимъ центромъ Стародубъ-Ряполовскій, превратившійся теперь въ село Кляземскій городокъ, выдѣлило изъ себя цѣлый рядъ крохотныхъ княженій. Нѣкоторыя изъ этихъ княженій, занимавшихъ территоріи размѣрами въ одну волость, продержались въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, нѣкоторыя же во второмъ уже поколѣніи теряли свою призрачную самостоятельность и присоединялись къ болѣе крупнымъ удѣламъ, которые, въ свою очередь, неудержимо и противъ своей воли тянулись къ маленькой Москвѣ, обладавшей большими запасами ловкости и немалыми апетитами.

Такимъ образомъ, отъ князей Стародубскаго удѣла произошелъ цѣлый рядъ княжескихъ фамилій, каковы: Пожарскіе, Ряполовскіе, Татевы, Хилковы, Гундоровы, Тулуповы, Палицкіе, Голибѣсовскіе, Ромодановскіе, Кривоборскіе, Льяловскіе, Осиповскіе, Неучкины, Гагарины, Небогатые, Пестрые, Стригины и интересующіе насъ въ данный моментъ Ковровы [1]).

Возникнувъ большею частью въ теченіи XV и XVI столѣтій, роды эти просуществовали въ большинствѣ очень недолго и, давши всего нѣсколько поколѣній, угасли еще въ XVI ст., нѣкоторые же изъ нихъ просуществовали нѣсколько долѣе и захватили XVIII вѣкъ, и только два рода — Хилковы и Гагарины, существуютъ и въ наше время. Немногіе изъ указанныхъ выше родовъ оставили крупный слѣдъ въ исторіи Россіи, въ родѣ князей Пожарскихъ, промелькнувшихъ метеоромъ на русскомъ небосклонѣ,— огромное же

[1]) Экземплярскій, А. В. Великіе и удѣльные князья Сѣверной Руси. Т. II.

большинство изъ нихъ сошло со сцены, не оставивъ по себѣ никакой памяти и только кропотливый изслѣдователь старины, разбирая древнія рукописи, натыкается на никому неизвѣстныя имена забытыхъ уже княжескихъ фамилій, жившихъ въ своихъ скромныхъ наслѣдственныхъ вотчинахъ.

Извлеченные нами изъ архивнаго забвенія документы ясно говорятъ намъ, чему обязаны они своимъ появленіемъ,—почти всѣ они говорятъ о вкладахъ въ монастыри „на вѣчное поминанье безконечныхъ ради благъ наслажденья“, они ясно указываютъ намъ то религіозное настроеніе, которое охватывало всѣ слои населенія въ XVI столѣтіи, и не будь его, можетъ быть, мы не нашли бы и этихъ крупицъ, говорящихъ намъ о давно жившихъ представителяхъ высшихъ слоевъ вотчинно-служилаго класса.

Знакомясь въ неисчерпаемомъ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи съ грамотами Коллегіи Экономіи, изслѣдователь постоянно наталкивается на вкладныя грамоты различныхъ, крупныхъ и мелкихъ, вотчинниковъ, заботившихся очень о „наследьи вѣчныхъ благъ“, какъ для себя, такъ и для родителей и родственниковъ и отдававшихъ свои наслѣдственныя вотчины въ монастыри, иногда съ правомъ выкупа ихъ родственниками, а иногда и безъ этого права, какъ объ этомъ весьма образно говоритъ князь Иванъ Семеновичъ Ковровъ въ своей данной 1567 г. Спасо-Евфиміевскому монастырю въ Суздалѣ—„а роду моему тое вотчину у Миласерднаго Спаса монастыря не выкупити, а хто роду нашего учнетъ у монастыря ту вотчину выкупати, и тому судити ся со мною передъ Создателемъ Богомъ“ (Прилож. II).

Иногда, впрочемъ, отдача вотчинъ была и вынужденная, благодаря отсутствію средствъ, необходимыхъ не только для веденія хозяйства и на прожитокъ, но и для несенія военныхъ тягостей, нелегкихъ въ тѣ времена, такъ какъ каждая вотчина обязана была выставлять извѣстное количество воиновъ, вооруженныхъ и снабженныхъ припасами и довольствіемъ. Въ этихъ случаяхъ на помощь приходили монастыри, стягивавшіе къ себѣ не только одни земельныя богатства, но и капиталы, которыхъ въ ту пору было очень мало.

Этотъ массовой переходъ вотчинъ въ руки монастырей въ концѣ концовъ не могъ не привлечь къ себѣ вниманія московскаго правительства, которое увидало, наконецъ, опасность обѣднѣнія высшаго класса, что повлекло бы за собой невозможность ему нести военную службу государству, въ то время крайне тяжелую и лежавшую, главнымъ образомъ, на плечахъ земельныхъ собственниковъ и это обѣднѣніе, конечно, не могло входить въ расчеты

правительства, которое всячески и старалось воспрепятствовать этому явленію.

Одною изъ мѣръ борьбы было изданіе указа, воспрещавшаго не только отдавать свои вотчины въ монастыри на поминъ души, но даже и продавать ихъ, что, конечно, было только послѣдовательно во избѣжаніе обхода этого указа. Указъ этотъ послѣдовалъ въ 1551 году и коснулся именно той мѣстности, о которой мы теперь и говоримъ въ связи съ землевладѣніемъ князей Ковровыхъ; въ этомъ указѣ были ограничены въ правахъ распоряженія своими вотчинами князья Суздальскіе, Ярославскіе и Стародубскіе: „Суздальскіе князья, да Ярославскіе, да Стародубскіе князи безъ великаго князя вѣдома вотчинъ своихъ мимо вотчичъ не продавали никому-жъ и въ монастыри по душамъ не давали“ [1]).

Но такъ какъ само правительство не обладало капиталами, то оно и не могло, конечно, приходить на помощь нуждающимся вотчинникамъ и вынуждено было смотрѣть сквозь пальцы на то, какъ они продолжали продавать и отдавать свои вотчины въ монастыри на поминъ души, что ясно мы видимъ и изъ цѣлаго ряда данныхъ князей Ковровыхъ, принадлежащихъ времени послѣ уже изданія указа 1551 года.

Князья Ковровы произошли отъ князя Андрея Ѳедоровича Ковра, сына князя Стародубскаго, Ѳедора Ѳедоровича, потомка въ восьмомъ колѣнѣ великаго князя Юрія Владиміровича Кіевскаго.

Юрій Владиміровичъ
|
Всеволодъ † 1212
|
Иванъ, князь Стародубскій
|
Михаилъ
|
Иванъ-Калистратъ † 1315
|
Ѳедоръ Благовѣрный † 1330
|
Андрей
|
Василій Пожарскіе | Ѳедоръ Стародубскій | Иванъ Ряполовскіе | Давидъ Палицкіе
|
Ѳедоръ
|
Андрей Коверъ.

[1]) Рождественскій, С. В. Служилое землевладѣніе въ Московскомъ Государствѣ XVI вѣка. Стр. 121.

Этотъ князь Андрей Ѳедоровичъ Коверъ, повидимому, былъ единственнымъ удѣльнымъ княземъ Ковровскимъ, въ его владѣніи было село Рождественское съ деревнями, по его уже прозвищу оно стало называться Ковровымъ, а съ нимъ вмѣстѣ и его удѣлъ именовался Ковровскимъ. Сынъ князя Андрея Ѳедоровича—князь Василій перешелъ уже въ разрядъ служилыхъ князей и въ 1505 г. упоминается, какъ первый (по времени) намѣстникъ великаго князя московскаго въ Великой Перми; умеръ онъ въ 1531 году и похороненъ въ родномъ Ковровѣ.

Князь Василій Андреевичъ имѣлъ трехъ сыновей: Андрея, Ивана и Семена. О первомъ изъ нихъ мы имѣемъ свидѣтельство его надгробной плиты въ Ковровѣ, на кладбищѣ, при церкви св. Іоанна Воина: „Лѣта 7049 преставился рабъ Божій князь Андрей Васильевичъ Ковровъ на Воронче“; эта надпись даетъ право считать его умершимъ на службѣ въ Полоцкой землѣ. Тутъ же есть еще три плиты, на одной изъ нихъ сохранилась только часть надписи: „Представился сынъ.... Васильевичъ Ковровъ“, на другой—„Лѣта 7059 мѣсяца ноемврія, 13-го дня, на память Іоанна Златоуста преставися раба Божія Ѳедора Никитина кн.“ и на третьей—„Лѣта 7010 на память преподобнаго отца нашего.... преставился рабъ Божій князь Василій Ивановичъ Ковровъ“ [1]), кому принадлежитъ первая плита рѣшить невозможно, вторая, надо думать, указываетъ намъ жену князя Никиты Ивановича, а третья принадлежитъ внуку князя Василія Андреевича.

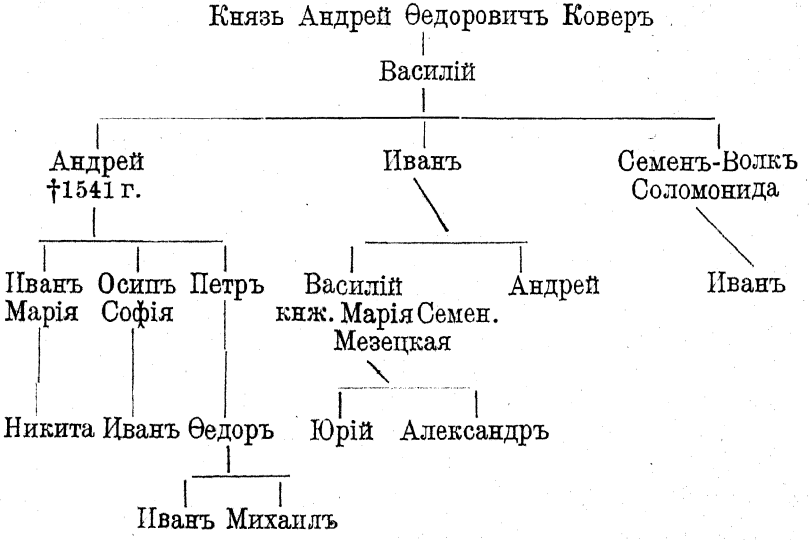
Всѣ три сына кн. Василія Андреевича оставили послѣ себя потомство. Кн. Андрей имѣлъ сыновей: Ивана, Осипа и Петра; двухъ первыхъ мы встрѣчаемъ въ тысячной книгѣ, а князь Осипъ, кромѣ того, подписалъ въ 1566 г. приговоръ о войнѣ съ Польшею. Князь Иванъ Васильевичъ имѣлъ сыновей Василія и Андрея; жена перваго изъ нихъ княгиня Марія Семеновна, рожденная княжна Мезецкая, въ 1572 г. дала въ Спасо-Евфиміевъ монастырь по душѣ мужа и сыновей своихъ Юрія и Александра сельцо Андреевское съ деревнями и пустошами, въ числѣ послуховъ на данной мы встрѣчаемъ князей Никиту Ивановича Коврова, двоюроднаго брата ея мужа, и Юрія Ивановича Мезецкого, двоюроднаго брата самой жертвовательницы. Самъ князь Василій Ивановичъ упоминается подъ 1551 г., будучи внесенъ въ тысячную книгу; погребенъ онъ, какъ мы знаемъ изъ надписи на надгробной плитѣ, въ Ковровѣ. Братъ его князь Андрей въ 1552 году далъ въ монастырь Рождества Пречистой во Владимірѣ „по всех своих родителех в

[1]) Токмаковъ, И. Городъ Ковровъ и князья Ковровы. Владиміръ. 1886.

вѣчныхъ благъ на поминокъ“ деревни Гридино, Орлово, Давыдовскую, Ѳатьяново, Красную, Каменную, Ѳомикину, полсельца Васильева съ пустошами.

У князя Семена-Волка Васильевича извѣстенъ одинъ сынъ Иванъ, отъ котораго также сохранилась данная Евѳимiеву монастырю на село Рождественное съ деревнями и пустошами.

Князь Иванъ Андреевичъ имѣлъ сына князя Никиту, отъ котораго мы имѣемъ данную отъ 1574 г. Евѳимiеву монастырю; князь Осипъ Андреевичъ—сына Ивана, давшаго въ 1577 году въ Евѳимiевъ монастырь деревню Зурѣеву, озеро Мѣченое и рядъ другихъ деревень и пустошей; князь Петръ Андреевичъ оставилъ сына Ѳедора, бывшаго уже дѣятелемъ XVII столѣтiя и служившаго по Московскому списку. Послѣ двухъ его сыновей Ивана и Михаила остался раздѣльный актъ отъ 1629 года съ тѣмъ же Евѳимiевымъ монастыремъ, старшiй изъ нихъ служилъ стряпчимъ. На этихъ двухъ князьяхъ, повидимому, и угасъ родъ князей Ковровыхъ, по крайней мѣрѣ, мы ихъ больше не встрѣчаемъ. Просуществовалъ родъ Ковровыхъ около 150 лѣтъ.



I.

Се яз, княз Ондрѣй Иванович Коврова, а во иноцѣх Андреян дал есми свою вотчину в Стародубетскомъ уезде Ряполовском на Криве бору деревня Гридино, деревня Орлово, деревня Давыдовская, да пустош Лаптево да в Заводичях въ Заврожье деревня Ѳатьяново, деревня Красное, деревня Каменое, деревня Ѳомикино да полселца Васильева со всеми угодии и с озеры

и с лесом борьтнымъ и куде топор и соха и коса ходила, Володимер к Рожеству Пречистой архимандриту Захее з братиею, или хто по нем иный архимандрит в том монастыре будет, по отца своего душе и по матери по своей и по себѣ и по всехъ своих родителех в вѣчных благъ на поминок в прок без выкупа и Богъ по мою душу пошлетъ и после моего живота, и архимандриту з братьею также тою моею вотчиною владети со всем, какъ было истареи за мною потеглу со всяким угодием. А на то послуси: Яков Якимов сын Кононов да Ларивон Ѳомин сынъ Онцыѳоръ да Ондрѣй Юрьевъ сынъ Савина. А даную писал Ондрѣянов человекъ Хабаръ Ивановъ сынъ Ноугородецъ. Лѣта 7060-го.

На оборотѣ: „Сю даную грамоту на свою вотчину человеку своему писати аз Андреян руку приложил. К сей даной грамоте прикащик Ондрѣяновъ Рохман Колзаков руку приложил.— Послух Ларионко руку приложил. — Послух Ондрѣец Юрьев руку приложил. Послух Яковец Якимов руку приложил. К сей даной грамоте Ондрѣянов отец Духовной Иосаѳъ руку приложил.

[М. А. М. Ю. Коллегіи. Экономіи. 29/11880].

II.

Милости ради Всемилостивого Спаса Боголѣпного Его Преображенія и Пречистые ради Владычицы нашия Богородицы и Преподобного ради Еуѳимья чюдотворца, се яз княз Іван Семенович Ковров, дал есми архимариту Саватѣе или хто по нем иные архимариты в том монастыре будут, да старцем того же монастыря бывшему архимариту Михаилу да старцу Ѳеоѳилу Доментіеву, да старцу Герману Хохлову, да старцу Адреяну Трегубову, да келарю Досиѳею Глотову, да казначею Варламу Сущову, да чашнику Генадью Вязгину, да священнику Ѳеогносту и всѣмъ священникамъ и всей братье въ Стародубскомъ уѣзде Ряполовскомъ отца моего благословенье князя Семена Васильевича, что меня благословил после своего живота, вотчину мою село Рожественое, а въ немъ церковь Рожество Господа Нашего Иисуса Христа да другой храмъ Покровъ Пресвятыя Богородицы здеревнями и съ пустошми: деревню Щекино, деревню Никитино, деревню Вершининское, деревню Ванѣево, пустошь Манасовскую, пустошь Балыматово, пустошь Рюминскую, пустошь Кудрино, пустошь Морозовскую, пустошь Третьяковскую, пустошь Скородомово, пустошь Кононовскую, пустошь Сомовскую, со всѣмъ съ тѣмъ, что къ тому селу и деревням и пустошам изстари потягло, с пашнею и с лѣсы пашенными и непашенными и с луги и збортнымъ ухожѣем и с рѣчною рыбною ловлею и з бобровою ловлею и с озеры и с отхожими пожнями, куды плугъ и соха и топор и коса ходила, в прок без выкупа, по отцу моему князю Семену и матери моеи княгине Соломониде и всѣм родителем моим и мнѣ в вѣчное поминанье безконечных ради благ наслаженья; а роду моему тое вотчины у Милосерднаго Спаса монастыря не выкупити, а хто роду нашего учнетъ у монастыря ту вотчину выкупати, и тому судитися со мною пред Создателем Богомъ, а та моя нигдѣ ни у кого не заложена ни в кабалах ни в записѣх ни в переводных, а вы-

ляжет у кого на ту мою вотчину кабалы или записи или иные какие крѣпости денежные или хлѣбные и мнѣ, князю Ивану Семеновичю ту вотчину очищати, а къ архимариту з братьею не привести убытка никаторого. А на то послуси: Тимоѳей Петров сынъ Молвянинов да Юрьи Андрѣев сынъ Трегубова, да Беклящъ Васильевъ сынъ Линев, да Образец Никитинъ сынъ Рагозин да градцкие люди суздалцы Рохманинъ Андрѣевъ сынъ Лужников да земской діякъ Нежданъ Васильевъ сынъ Онтонова да Якимъ Леонтьевъ сынъ Змѣева да Ѳеонасѣй Карповъ сынъ Васенина. А даную писалъ Гриша Стефановъ сынъ Лихонина лѣта 7075-го.—На оборотѣ: „Князь Иванъ Семеновичъ Ковров в дом Милосердому Спасу вотчину свою далъ и руку приложилъ.—Юрьи послух руку приложил.—Тимоѳей послух руку приложил.—Беклящъ послух руку приложил. Послух Рахманин руку прнложил. — Послух Ѳеоня руку приложил.—Послух Яким руку приложил. Послух Неждан руку приложил".

[М. А. М. Ю. Коллегіи Экономіи. 54/11833].

III.

Милости ради Великого Бога Спаса нашего Іисуса Христа и преподобнаго раба Еоуѳим(ь)я чюдотворца, се яз княгини Марья князи Васильева Ивановича Коврова дала есми в дом Спасов Еуѳим(ь)я чюдотворца, что в Суздале при старцех: при священнице Игнатье, да при священнице Генадье, да при священнице Сергѣе, да при дияконе Митроѳанѣ, да при дияконѣ Леваниде, да при уставщике Галасие, да при келаре Достоѳие, да при старце Леваниде, да при конюшомъ при Иенѣ, а при чашнике при Иосиѳе, да при старце Лве, да при подкелярнике Боголепе, да при старце Исае, да при старце Саве и при всех старцех Спаского Еуѳимьева монастыря и кто в том монастыре архимарит будет или иные старцы, дала по свекре по своем по князе Иване да по своем князе по Василье, да по детех по своих по князе Юрье да по князе Александре по Ковровыхъ и по всех своих родителех, в наследье вечных благъ, в прок без выкупу князя своего отчину и детей своих в Стародубе в Ряполовскомъ в Коврове селцо Ондрѣевское з деревнями (др.) Суворовская Салтаново, (др.) Угримова Ѳролова, пустошь Савинская с пашнею и с луги и с лесом и с рыбною ловлею и з бобровою ловлею и з бортным угожаемъ и с отхожими пожнями и со всякими угодьи, что х тому селцу к Ондреевскому и г деревням истари потягло, куды ходил плуг и соха и коса и топоръ; а роду князя моего до тое отчины дела нет; а хто учнет вступатис в ту отчину роду князя моего, и ему со мною судится перед Нелицемерным Судиею в будущем. А та наша отчина не продана ни заложена и по души в иные монастыри не отдана ни в кабалах ни в денежных ни в хлебных не записана; а где выляжет какая крепость на ту отчину и мнѣ княгине Марье ото всех тех крепостей очищати, а к монастырю никакова убытку не привести. А на то послуси. Князь Никита Ивановичъ Ковровъ, да Василей Иванов сынъ Зловидовъ да Данило Бановъ сынъ Розляковъ, да Василей Пятого

сынъ Тѣстяревъ. А у даные седели отецъ ее духовный Аркапльской поп Іван да брат еѣ княз Юрьи Іванович Месецкой. А даную писал Митя Поспѣховъ сынъ Докукин. Лѣта 7080-го.

На оборотѣ: — „К се данои послух княз Никита руку приложил. К сей даной грамотѣ отец духовный Арханинской поп Иванъ в дочери свое духовное мѣсто княги Марьи руку приложилъ. К сей даной грамоте князь Юрьи Мезецкой в сестры свои княги Марьи руки приложил. Послух Васка Зловидов руку приложил. Послух Данилко руку приложил. Послух Васка руку приложил.

[М. А. М. Ю. Коллегіи Экономіи. 68/11867].

IV.

Милости ради Великого Бога и ради Спаса нашего Исуса Христа и Преподобного ради Еуѳимья чюдотворца, се яз князъ Никита княжъ Іванов сынъ Ондрѣевича Коврова, далъ есми в домъ Милосердому Спасу и чюдотворцу Еуѳимью, что в Суждале, архимариту Певу з братьею свою вотчину пустошь усадище деревню Каверзино да пустошь деревню Екотово, да пустош деревня Іванино, да пустошь деревня Шердино, да пустошь деревня Ватино въ Володимерском уѣзде в Стародубе в Ряполовском за рекою за Клязмою с пашнями и с луги и с лѣсы і в Клязме с рыбною и з бобровою ловлею да озеро Мѣченое и с отхожими пожнями и со всякими угодьи, что к тому усадищу х Каверзину и к деревнямъ и к пустошам, кои в сей даной писаны истари по теглу, куды ходил плуг и топор и коса и соха. И Спаскому архимариту Певу з братьею или хто иный архимаритъ по нем будет в том монастырѣ, по моих родителех по отце моем по князе Іване и по матери моей княгине Марье и по всех родителехъ моихъ понахида пѣти и обѣдня служити соборомъ; а роду моему и племяни до той отчины дѣла нѣтъ, а хто рода моего и племяни в ту мою отчину вступитца и захочет выкупити, и онъ дасть за ту мою отчину Спаскому архимариту шездесят рублев, да взял есми у архимарита кон, и за тот кон дати пятнатцат рублев въ Спаскои ж монастыр; а та моя вотчина не продана ни заложена нигдѣ ни в которых крепостях не записана і в иной ни в которой монастыр по душе не отдана, ни в иныхъ ни в которых зацѣпках; а выляжет на ту мою отчину кабала или купчая или закладная или в которой монастыр по душе отдана или будет в которыхъ зацѣпках нибуди и мнѣ, князю Миките та своя вотчина очищати и убытка монастырю не учинити ни которою; а что монастырю в той моей отчине убытка учинитца, и мнѣ, князю Миките монастырю тот убыток платити. А на то послуси: князь Ѳедоръ княжъ Пятровъ сынъ Ковровъ, да Дмитрей Семеновъ сынъ Тумского, да Уланъ Иванов сынъ Козлова да Ѳѳонасей Тимоѳѣевъ сынъ Скрябина а даную писал Пятунка Никитинъ сынъ Изщейкин. Лѣта 7082-го.—На оборотѣ:—„К сей купчей княз Микита руку приложил. — Послух княз Ѳедор руку приложил.—Послух Дмитрей руку приложил.—Послух Улан Козловъ руку приложил. Послух Ѳѳоня руку приложил.

[М. А. М. Ю. Коллегіи Экономіи. 74/11853].

V.

Милости ради великого Бога и Спаса нашего Исуса Христа и Преподобного ради Еуѳимья чудотворца, се яз княз Іван княж Осиповъ сынъ Ондрѣевича Коврова, далъ есми в дом Милосердому Спасу и чюдотворцу Еуѳимью, что в Суздале архимариту Иову з братьею свою отчину селцо пустош Шешовку да пустошь деревню Зурѣеву да озеро Мѣченое въ Стародубе в Ряполовском в Володимерском уѣзде на рекѣ на Клязме да дал есми своей же отчины в Спаской же Еуѳимьевъ монастыр в Стародубе же в Завудечех пустоши двои Вязки да Ново Оѳонино, да пустошь Великое, да пустошь Еловка, да пустошь Полушкино с пашнями и с луги и с лѣсы і в Клязме с рыбною левлею и з бобровою ловлею и с отхожими пожнями и со всякими угодьи и что к тому селцу и к деревням и к пустошем к Шешовке и к Заводичем истари потегло, куды ходил плуг и топор и коса и соха, Шешовко блиско Коврово на рекѣ на Клязме... стоши в Зовудичех промежу Петровские земли и Троетцкие и Покровские и Игнатья Басагина, и Спаскому архимариту Иову з братьею, или хто по нем иный архимарит и братья в том монастырѣ будут, по моих родителех по отце моем по князе Осиѳе Ондрѣевиче о по матери моей по княгине Соѳье и по свѣх родителех моих понахида пѣти и обѣдня служити собором; а роду моему и племяни до той моей отчины дѣла нѣтъ, а хто роду моего и племяни в ту мою отчину вступитца и захочет выкупити, и ему дати въ Еуѳимьевъ монастыр за ту мою отчину двѣсте рублев; а та моя отчина не продана и не заложена нигдѣ и ни в которых крепостях не записана и в иной ни в которой монастыр по души не отдана ни в иных ни в которых зацѣпках, а выляжет на ту мою отчину кабала или купчея или закладная или в которой в иной монастыр по душе отдана или в которых зацѣпках ни буди, и мнѣ, князю Івану, та своя вотчина очищати и убытка монастыря не довести никоторого; а что монастырю в той моей отчине убытка учинитца, и мнѣ, князю Івану манастырю тотъ убыток платити. А на то послуси: княз Микита княжъ Іванов сынъ Коврова да княз Ѳедор княжъ Петровъ сынъ Коврова, да Игнатей Дмитреевъ сынъ Басаргинъ, да Дмитрей Семеновъ сынъ Тумскова, да Ѳедоръ Семеновъ сынъ Опранина, да Ширяй Яковлевъ сынъ Блудова. А даную писал Пятунка Никитинъ сынъ Изщейкина. Лѣта 7085-го. На оборотѣ:— „Яз княз Іван вотчину в Спаской монастыр Елѳимью чюдотворцу дал по своим родителем и руку приложил.—Послух княз Микита руку приложил.—Послух княз Ѳедор руку приложил.—Послух Игнатей руку приложил.—Послух Дмитрей руку приложил.

[М. А. М. Ю. Коллегіи Экономіи 77/11856].

VI.

137 29 (ϱλ3)-го июня в 6 (ѕ) день Спаского Еуѳимьева монастыря старецъ Ниѳонтъ Мурановъ да слуги Посникъ Гусев да Степанъ Зубовъ розмежевали полюбовно со княземъ Іваномъ князъ

Ѳедорова сына Коврова межъ монастырскія вотчины и его княз Ивановы и брата его князь Михаиловы Ковровыхъ отъ рѣки отъ Клязмы и грани поклали и ямы покопали: на берегу у ложни Слуды яма, а въ ней каменье, а отъ ямы на липу, на ней грань, а отъ липы на сосну на ней грань, а отъ сосны на сосну жъ на нихъ грани, а отъ сосны и отъ ямы старымъ прогономъ къ горѣ на сосну, а отъ сосны на сосну же, а на нихъ грани, на правѣ земля Спаского монастыря, а на лѣвѣ князь Иванова Коврова Гусевского долу, а отъ сосны на сосну жъ на нихъ грани, да промежъ польца Рюминского на березу на ней грань, а у березы яма, а въ ней каменье, а отъ березы и отъ ямы на сосну на ней грань, а отъ сосны на уголъ на яму Рюминского польца, а въ ямѣ каменье, а отъ ямы на лѣво на сосну на ней грань, а отъ сосны на яму, а въ ней каменье, а отъ ямы къ большой дорогѣ къ Ондрѣевской, у большія дороги 2 ямы, а въ нихъ каменье да сосна, на ней 2 грани на правѣ земля Спаского Еуѳимьева монастыря деревни Тупиковы, а на лѣвѣ земля князь Ивана Коврова, а отъ ямы и отъ сосны на сосну же, на ней грань, а на углу яма, а отъ сосны и отъ ямы на сосну жъ, а отъ сосны на сосну жъ, на ней грань, на правѣ земля Спаского Еуѳимьева монастыря, а на лѣвѣ князь Ивановы пустоши Гусевы да на сосну жъ, на ней грань, а отъ сосны на березу на ней грань, а отъ березы на осину на ней грань, а отъ осины на сосну на ней грань да яма, а отъ сосны и отъ ямы на сосну жъ на ней грань, а отъ сосны на березу на березѣ грань а отъ березы на сосну, а отъ сосны на сосну жъ на нихъ грани а отъ сосны на Городецкую дорогу, а у дороги береза на ней грань да яма на правѣ земля монастырская, а на лѣвѣ князь Иванова пустоши Мартюшевы, а отъ березы и отъ ямы къ мочалищу на ель, а на ней грань, а отъ ели на сосну на ней грань, а отъ сосны на ель на ней 2 грани а отъ ели и отъ мочалисщъ на сосну на ней грань, а отъ сосны на ель на ней грань, а отъ ели на березу на ней грань, а отъ березы на дубъ на немъ грань, а отъ дуба на дубъ же поконецъ болота Салтановского на дубъ, на дубу грань, а отъ дуба на Муровцевъ колодезь, а у колодезя дубъ на немъ грань, а отъ Муромцова колодезя и отъ дуба черезъ дорогу Новоселскую на три дубка изъ одново корени на нихъ грань, а отъ трехъ дубковъ на лѣво Новоселскою дорогою на три жъ дубка на нихъ грань да зъ дороги отъ трехъ дубковъ въ Раменной лѣсъ на право на березу на ней грань, а отъ березы на дубъ, на дубу грань, а отъ дуба на ель на ней грань; а отъ ели на дубъ, а отъ дуба на дубъ же на нихъ грани, а отъ дуба на ель на ели грань, а отъ ели на дубъ, на немъ 2 грани, а отъ дуба на дубъ, а отъ дуба на дубъ же, а отъ дуба на дубъ же на нихъ грани, а отъ дубовъ на осину на ней грань, а отъ осины на Ондрѣевскую дорогу да на воротца на дубъ да на ель, а на дубу и на ели по 2 грани, на правѣ земля Спаского Еуѳимьева монастыря а на лѣвѣ земля Новоселская князь Иванова да черезъ дорогу старою межею межъ Микитины поляны и Новоселскаго поля на дубъ на немъ грань а отъ дуба Раменнымъ лѣсомъ къ Неронову колодезю на дубъ на немъ

грань, а отъ дуба на дубъ же на немъ грань, а отъ дуба на осину ней грань, а отъ осины на дубъ на немъ грань да яма, а отъ дуба и отъ ямы на березу, на ней грань да на дубъ на дубу грань, а отъ дуба на березу жъ на ней грань, а отъ березы на дубъ, а отъ дуба на дубъ же, на нихъ грани, а отъ дубовъ на ель на ней грань, а отъ ели на Нероновской колодезъ да на дубъ на немъ 2 грани старая да новая; да съ низъ рѣки Клязмы отъ ключа межъ пустоши Сомовы и межъ долу Гусевского отъ тое жъ пожни Слуды отъ ветлы на ней грань да по огороду на воротца, а оть воротецъ на сосну на ней грань, а отъ сосны на сосну жъ, на нихъ грани, а отъ сосны на березу на ней грань, а отъ березы огородомъ старою межою на сосну на ней грань, а отъ сосны на сосну жъ на уголъ на ней грань на лѣвѣ земля Спаского Еуѳимьева монастыря, а на правѣ князь Иванова, да отъ сосны черезъ дорогу Ондрѣевскую на ель на ней грань, а отъ ели Чапѣнымъ лѣсомъ на сосну на ней грань да возлѣ полянки монастырскія на сосну, а съ сосны на сосну жъ, а зъ сосны на сосну жъ на нихъ грани, да сосна межъ пахотного лѣсу на ней грань, а отъ сосны на березу на ней грань, а отъ березы возлѣ Гусевской дороги на сосну на ней грань да отъ сосны на ель на ней грань, да отъ ели жъ межъ монастырской пустоши Екотовы и межъ князь Ивановы пустоши Мартюшевы на ель на ней грань да у ели яма, а отъ ели и отъ ямы зъ дороги Мартюшевской и Екотовской на ель на ней грань, а отъ ели на вязъ, а на вязу грань да съ вязу по рубежу черезъ дорогу Мартюшевскую на березу на ней грань, а отъ березы по рубежу по гранемъ межъ князь Иванова и Мартюшевы пустоши къ болоту на ель на ней грань, а отъ ели черезъ болото на дубъ, на дубу грань да зъ дуба по рубежу межъ Новосельскія земли и погари князь Ивановской на березу да на ель, а выросли изъ одново корени, на нихъ грань, да отъ березы старою межею на сосну на ней грань, а отъ сосны на пропастища на яму, а съ ямы на Городецкую дорогу на березу Кривоборского рубежа помѣщиковъ, а на березѣ грань на правѣ земля князь Иванова да князь Михаилова Ковровыхъ, а съ лѣвую сторону Спаского Еуѳимьева монастыря села Коврова. А дѣловую писалъ полюбовную Спаскія жъ вотчины села Коврова Рожественской попъ Ѳедоръ.

На оборотѣ: „Къ сей полюбовной розделной азъ князь Іванъ князъ Ѳедоровъ сынъ Ковров руку приложил“.

[М. А. М. Ю. Коллегіи Экономіи 96/11875].

Д. Н. Егоровъ.

„Крестовое воззваніе“ противъ славянъ 1108 г.

Въ 1724 г. Martene и Durand впервые напечатали [1]) письмо-воззваніе сѣверо-восточныхъ германскихъ князей, духовныхъ и свѣтскихъ, содержавшее горячій призывъ двинуться, „въ подражаніе галламъ“, въ святой походъ противъ язычниковъ-славянъ, разрушителей Божьихъ церквей, оскорбителей Христовой вѣры. Рисуется потрясающая картина гибели и осквернения христіанскихъ храмовъ, мученической смерти великаго множества безтрепетныхъ исповѣдниковъ; всякій вѣрующій призывается къ немедленному отмщенію: „Господь, силой десницы своей поддержавшій галловъ, пришедшихъ съ крайняго Запада, давшій имъ побѣду на отдаленнѣйшемъ Востокѣ, нынѣ подастъ дерзаніе и силу, побѣду и одолѣніе свирѣпѣйшихъ язычниковъ-сосѣдей“.

Письмо—пылкое, почти горячечное, далекое, даже по внѣшнимъ формамъ написанія, отъ манерной чопорности и вылощенной торжественности аналогичныхъ документовъ—все же казалось памятникомъ громадной, почти исключительной, важности, съ которымъ, вотъ уже въ теченіе двухсотъ почти лѣтъ, не могли не считаться историки самыхъ разнообразныхъ направленій.

Несмотря на отсутствіе даты, уже первоиздатели довольно правильно опредѣлили время Воззванія—„около 1100 г.“, т. е. эпоху, для которой у насъ нѣтъ почти никакихъ свѣдѣній для восточной германо-славянской окраины. Благодаря счастливой находкѣ ученыхъ бенедиктинцевъ наша полная неосвѣдомленность внезапно исчезла. Вмѣсто прежней непроглядной тьмы и полнаго молчанія славяно-германская окраина вдругъ озарилась яркимъ свѣтомъ непрерывныхъ пожаровъ, жуткими криками и мольбами тысячъ замучиваемыхъ, побѣднымъ „воемъ свирѣпѣйшихъ изъ

[1]) Veter. script. amplissima collectio I pp. 625—627.

народовъ". Возстановлялась не только потрясающая картина взаимоистребленія и сопутствовавшей ему напряженной и безпощадной ненависти, но, что особенно цѣнно, вскрывались, и на сей разъ документально, самыя основы этихъ отношеній—трагедія борьбы христіанства съ язычествомъ, пока еще торжествовавшемъ по всей линіи. Victus est Christus, vicit Pripégala victoriosissimus—такова горькая передача надменныхъ криковъ язычниковъ-побѣдителей въ Воззваніи. Побѣдило славянское божество, новое, неизвѣстное дотолѣ, описанное въ нѣкоторыхъ деталяхъ своего культа и функцій,—научное пріобрѣтеніе особой важности, если имѣть въ виду малое, все уменьшающееся, число критически пріемлемыхъ данныхъ по древне-славянской религіи.

Не менѣе поучительно и самое время Воззванія. „Крестовый походъ" противъ славянъ въ 1147 г. вычеркивается изъ списка историческихъ ἅπαξ εἰρημένα, событій безъ достаточной мотивировки: для его объясненія нѣтъ болѣе нужды прибѣгать къ побѣдному краснорѣчію Бернарда Клервальскаго, ибо онъ подготовленъ, т. к. уже за полвѣка, „около 1100 г.", существовалъ крестоносный призывъ противъ поганства славянскаго.

Таковы недюжинныя историческія качества Письма-воззванія, которое, естественно, привлекло всеобщее вниманіе: уже въ 1733 г., въ очень хорошемъ для своего времени изслѣдованіи, Horn [1]) далъ отличный комментарій, устанавливая полную достовѣрность Письма, его отправителей и адрессатовъ, а также и болѣе точную его дату—1108 г. [2]). Это первое обслѣдованіе нашего документа въ высокой степени характерно: самъ изслѣдователь не сомнѣвается въ подлинности Воззванія, но не скрываетъ серьезныхъ недоумѣній и возраженій своихъ ученыхъ друзей [3]), а посему вся работа пріобрѣла у него ярко выраженный апологетическій оттѣнокъ.

Подъ знакомъ сомнѣнія и апологіи шла и вся дальнѣйшая разработка, вплоть до нашего времени.

---

[1]) Commentationes nonnullae in epistalam maxime memorabilem... Dresdae et Lipsiae 1733; 4°; pp. 33.

[2]) Horn получилъ эту дату изъ сопоставленія годовъ переименованныхъ въ Воззваніи лицъ, а также на основаніи одного диплома, даннаго въ 1108 г. въ Мерзербургѣ (предполагаемый съѣздъ въ Мерзербургѣ указывается и въ Воззваніи) съ участіемъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же названныхъ въ Воззваніи лицъ.—Къ результатамъ Горна дальнѣйшія ученыя работы прибавили уже не много: лишь Tangl въ 1905 г. опредѣлилъ точнѣе еще три лица, идентификація которыхъ ранѣе не удавалась.

[3]) Horn p. 32:... dissimulare tamen nequeo, fuisse nonnullos ex amicis, quibus primo intuitu dubia visa fuit et suspecta...

Вниманіе историковъ не ослабѣвало; достаточно указать, что въ борьбѣ за и противъ принимали участіе такіе виднѣйшіе представители какъ Л. Гизебрехтъ и Hauck [1])—въ качествѣ противниковъ, Wattenbach, A. Brückner, Breslau, Tangl, F. Curschmann, Meyer v. Knonau [2])—въ качествѣ защитниковъ подлинности Воззванія.

Рѣдкая по длительности полемика поставила вопросъ даже въ нѣсколько необычныя для западныхъ изслѣдователей условія: слишкомъ долго довольствовались текстомъ первоиздателей, [3]) не отыскивая ихъ рукописной основы; когда же, наконецъ, неутомимый Ваттенбахъ нашелъ (1882 г.) и рукопись, но въ одномъ лишь спискѣ, то это обстоятельство, столь странное для письма-воззванія, направленнаго ко многимъ адрессатамъ, расчитаннаго на самое широкое распространеніе среди массы „христопоклонниковъ“,—принято было какъ должное, и не обратило на себя ничьего вниманія [4]).

Столь же неблагопріятно отразилась полемичность всѣхъ работъ и въ другой области: устанавливая или опровергая достовѣрность Воззванія, изслѣдователи, особенно защитники, останавливались на тѣхъ частяхъ его, которыя могли служить доказательствомъ формальной достовѣрности[5]). Воззваніе въ его цѣломъ не подверглось разработкѣ, и лишь Hauck, въ качествѣ крупнаго аргумента contra, мелькомъ [6]) указываетъ на странный, неподхо-

[1]) L. Giesebrecht Wendische Gesch. II p. 241.—Hauck Kirch.-G. Deutschl. IV (1903) p. 599.

[2]) Wattenbach—спеціальная статья въ Neues Archiv VII (1882 г.); A. Brückner—статья о божествѣ Pripegala въ связи съ общей оцѣнкой Воззванія въ Archiv für Slav. Philologie И. В. Ягича т. VI (1882 г.); H. Breslau—мимоходомъ въ статьѣ о первыхъ епископахъ Бранденб., Гавельбергск. и т. д. епархій въ Forsch. zur Brand.-Preuss. Gesch. I p. 395 (1888); Tangl — спец. статья въ Neues Archiv XXX (1905 г); Fritz Curschmann: Die Diözese Brandenburg (1906) pp. 58 sq...; Meyer v. Knonau: Jahrbücher... unter Heinr. IV und Heinr. V, B. VI pp. 79 sq.

[3]) Текстъ этотъ воспроизведенъ у Gersdorf UB des Hochstifts Meissen (=Cod. Dipl. Saxoniae Reg.) I № 40, Heinemann Cod. diplom. Anhaltinus I № 172; Meklenburg. UB. X № 7143, G. Schmidt UB. des Hochstifts Halberstadt I № 131 и т. д.; см. еще указанія у Dobenecker Regesta hist. Thuringiae I № 1048.

[4]) Для сравненія распространенности достаточно указать, что аналогичное письмо-воззваніе императора Алексія, о чемъ придется еще вести рѣчь, сохранилось въ нѣсколькихъ десяткахъ списковъ, и даже въ хроникахъ; см. de Riant: Alexii Comneni epistola, 1879 г.

[5]) Перечисленныя въ Воззваніи лица, особенно адрессаты; затѣмъ дата.

[6]) Мелькомъ же, и безъ достаточныхъ доказательствъ, Cohn (Forsch. zur Brand.-Preuss. Gesch. IX p. 529) говоритъ о „фантастичности“ темы и опредѣляетъ Воззваніе какъ „Stilübung“.

дящій тонъ всего посланія, тонъ, якобы „отразившій вліяніе патетическаго краснорѣчія Бернарда Клервальскаго“, заставляющій предполагать чисто-агитаціонное происхожденіе нашего документа въ качествѣ подготовки къ крестовому походу . . . 1147 г.

Настоящая работа и является попыткой восполненія критическаго пробѣла—разсмотрѣнія Воззванія въ его цѣломъ. Попытка, думается, не лишняя, хотя уже въ 1888 г. Бреслау категорически прокламировалъ „непреложную“ достовѣрность[1]) Воззванія. Пересмотръ должент состояться, хотя бы въ виду одной, далеко не безразличной, особенности литературы вопроса. Даже самые опредѣленные защитники снабжали свой благопріятный приговоръ такими оговорками, которыя либо отмѣняли, либо сильно колебали только что провозглашенное положеніе. Всѣ они, напримѣръ, указываютъ на „поразительныя“, „несомнѣнныя“ преувеличенія[2]), т. е. невольно вызываютъ сомнѣніе въ реальности переданныхъ въ Воззваніи фактовъ; всѣ они согласны относительно странныхъ формальныхъ некорректностей, т. е. наводятъ на сомнѣнія въ дипломатической подлинности; наконецъ, самая оцѣнка качества сообщаемыхъ Воззваніемъ свѣдѣній, не исключая и „новаго“ божества Pripégala[3]) настолько неустойчива, что все время чувствуется отсутствіе твердой опорной точки, желаніе „поддержать“ интересный опорочиваемый документъ во чтобы то ни стало.

Для современнаго положенія вопроса наиболѣе поучительна послѣдняя[4]) работа въ этой области, проф. Тангля, невольно вернувшагося къ положеніямъ первоизслѣдователя XVIII в., Горна, не исключая и его апологетической нотки. Тангль прямо заявляетъ,

---

[1]) p. 395: ... jenes merkwürdige, nun wohl hinsichtlich seiner Echtheit nicht mehr antastbare Schreiben...

[2]) Brückner p. 217, Anm.: nach einigem Schwanken... sah ich denn ein, wie grundlos jeder Zweifel war...; Tangl p. 183: die zweifellosen übertreibungen... (Brückner p. 219: grelle Darstellung der Drangsale...); такъ и Curschmann p. 64 и т. д.

[3]) Соображенія спеціальной статьи А. Брюкнера, удѣлившаго менѣе страницы самому божеству Pripégala—все же не удовлетворяютъ: единственное доказательство... существованіе (встрѣчается одинъ разъ, въ сербской традиціи; по указанію Миклошича) сходнаго собственнаго славянскаго имени. Результатъ Брюкнера нашелъ, думается, переоцѣнку у Тангля (p. 184): „den Namen als durch aus verbürgte lokale Bezeichnung der Gottheit (ср. Meyer v. Knonau p. 80: eine verbürgte lokale Bezeichnung der Gottheit).

[4]) Болѣе поздняя работа Meyer v. Knonau по данному вопросу наименѣе самостоятельна и наиболѣе довѣрчива; F. Curschmann тоже лишь резюмируетъ предшествовавшія наблюденія, особенно выводы Тангля.

что, несмотря на множество странностей содержанія, было бы „жаль“, при отсутствіи достаточныхъ свѣдѣній для этой окраины, „вычеркнуть документъ важный и содержательный“[1]). Разборъ, такимъ образомъ, превратился въ оправданіе, въ подыскиваніе смягчающихъ обстоятельствъ, и въ этомъ направленіи Тангль, дѣйствительно, преуспѣлъ. Самые явные недостатки,—даже формальные, вродѣ совершенно недопустимаго для обычаевъ того времени перечня адрессатовъ, гдѣ архіепископъ занимаетъ лишь четвертое мѣсто, позади епископовъ и аббатовъ,—превращаются въ достоинства: авторъ де руководился „географическимъ“ критеріемъ[2]), „маршрутомъ“, имъ же самимъ пройденнымъ, изъ Фландріи къ берегамъ средней Эльбы[3]); авторъ, какъ и сочиненное имъ Воззваніе—любопытнѣйшее, первое по времени, свидѣтельство о переселеніи изъ Фландріи въ территорію Марокъ, а посему значеніе Воззванія лежитъ „не въ политической области“, а въ области „колонизаціонной“[4])—и бытовой, прибавимъ мы, такъ какъ Тангль, несмотря на оговорку о „несомнѣнныхъ преувеличеніяхъ“, сугубо подчеркиваетъ „жизненность и колоритность“ описанія опасностей, среди которыхъ боролось христіанство.[5]) Извѣстная зоркость крупнаго историка-палеографа оказалась, такимъ образомъ, парализованной предвзятостью задачи; предпринимая, въ консервативныхъ цѣляхъ, новое обслѣдованіе, Тангль привелъ весь вопросъ въ первобытное какъ-бы состояніе: даже интересная, но парадоксальная пока, гипотеза о „фландрскомъ поселенцѣ-іереѣ“, ничего не рѣшаетъ, даже не отвлекаетъ вниманія отъ давнихъ коренныхъ сомнѣній, ибо по указаніямъ Тангля поселенецъ этотъ „писалъ отъ себя, хотя, быть можетъ, и . . . по порученію своего іерарха“[6]), т. е. опять-таки во весь ростъ выступаетъ прежнее сомнѣніе въ подлинной офиціальности Воззванія, и Тангль

---

[1]) p. 184...dass wir es als schweren Schlag empfinden, wenn uns ein noch dazu reichhaltiges und anscheinend hervorragend wichtiges Dokument einfach aus der Reihe gestrichen wird.

[2]) Таково уже „извиняющее“ объясненіе у Gersdorf, въ его примѣчаніи къ № 40 (UB d. Hochst. Meissen; 1864 г.).

[3]) Tangl p. 186, 188.

[4]) Tangl p. 190.

[5]) Tangl p. 183: zweifellose Übertreibungen...; Ibid.:... Fährlichkeiten der Christen... in ebenso ausführlicher, wie lebendiger Weise.

[6]) p. 190:... ich halte den Aufruf für das Werk eines Einzelnen, der höchstens in gewisser Vollmacht seiner kirchlichen Vorgesetzten handelte, diese aber in der Form, die er seinem Hilferuf gab, entschieden und bedenklich überschritt.

невольно, не замѣчая этого, сразу потерялъ принятую имъ позицію защитника и перешелъ въ ряды оспаривателей.

Неудача Тангля имѣетъ, думается, важное симптоматическое значеніе: она ясно показала, что прежній путь частичнаго обслѣдованія Воззванія не можетъ привести къ какимъ-либо пріемлемымъ результатамъ; требуется общій пересмотръ всего документа.

Начать приходится съ самой дармштадтской рукописи[1]), единственнаго извѣстнаго намъ списка Воззванія. Нашъ документъ находится тамъ въ странномъ окруженіи, въ волюменѣ чрезвычайно сборнаго содержанія, написаннаго одной рукой, съ точки зрѣнія каллиграфической—очень недурнаго исполненія, съ точки зрѣнія точности переписки—малонадежной и неувѣренной репродукціи[2]); списывалъ переписчикъ неопытный, плохо, напримѣръ, усвоившій опредѣленную систему аббревіатуръ, съ наслажденіемъ написавшій въ концѣ своего подневольнаго труда: Laus tibi Christe quia finit liber.

Цѣль переписки не совсѣмъ ясна, настолько неоднородно и малоцѣнно содержаніе переписаннаго кодекса; невольно возникаетъ предположеніе, что переписывали ради самаго процесса списыванія, для упражненія[3]); и это наблюденіе еще усиливается при разсмотрѣніи чисто школьнаго содержанія всего кодекса: послѣ длинной Expositio Rabani in libros Iudith et Hester слѣдуютъ совершенно банальныя опредѣленія техническихъ терминовъ риторики и иныхъ хитростей тогдашней школьной учебы; затѣмъ, непосредственно, съ полустраницы (p. 86 v.), идетъ наше Воззваніе, къ которому примыкаетъ, опять таки съ полустраницы (p. 86 v.), краткая Narratio de miraculis S. Thome Apostoli, потомъ Vita S. Heinrici imperatoris и совершенно безсодержательное, элементарной витіеватости письмо къ нѣкоему архіепископу Кельнскому.

Такова рукопись; она сильно расхолаживаетъ, невольно вселяетъ сомнѣніе въ значительность и цѣнность нашего источника; на всемъ чувствуется налетъ какой-то школьности, чего-то ненужнаго.

---

[1]) Великогерцогская Библ., Cod. 749.

[2]) Плохая передача собственныхъ именъ (Poderbrunnensis!), неустойчивость написанія (Lutaringi, Lotaringi), странныя чтенія или смѣшныя qui pro quo (ferus in dictis вмѣсто feriis indictis; iuuant вмѣсто vivent въ библейской цитатѣ, excollare вм. excolere; о всѣхъ этихъ случаяхъ см. н.).

[3]) Недаромъ на послѣдней страницѣ (p. 146 v.) лишь отмѣченъ, но не переписанъ, Liber S. Alexandri Martyris;—покривилъ ли переписчикъ душой, не исполнивъ въ точности всего заданія, или, что вѣроятнѣе, не хватило пергамента, котораго отпущено было лишь опредѣленное количество?

Съ совершенно новой отчетливостью выступаютъ, поэтому, и многочисленные изъяны Воззванія; количество ихъ велико, а степень погрѣшностей чрезвычайно внушительна; все Воззваніе распадается на рядъ рѣдкостныхъ прегрѣшеній формальнаго и фактическаго характера.

Грубое нарушеніе общепринятой формы отмѣчалось уже не разъ, и на немъ нечего останавливаться; никакія указанія на „географическій“ якобы порядокъ перечисленія адрессатовъ не могутъ насъ убѣдить, что такъ дѣйствительно могли когда-либо писать іерархи и другія оффиціальныя лица. II форма, и тонъ необычны и недопустимы; мимоходомъ упоминается и „нашъ король“, который де тоже не прочь „помочь походу“, упоминается не только между прочимъ, но и безъ всякой обычной въ такихъ случаяхъ титулатуры, безъ всякихъ эпитетовъ высокопочитанія[1]), въ то время какъ фактическій (для 1107 г.) врагъ его, графъ Фландрскій, удостоенъ титула gloriosissimus, а непокорные имперіи жители Фландріи, противъ которыхъ только что былъ объявленъ походъ[2]), названы .... Flandrigene famosissimi et domitores mundi! Какъ видно, авторъ нашего Воззванія не искушенъ въ куртуазіи, и современная ему политическая констелляція внѣ его кругозора. Не силенъ онъ и въ логическомъ развитіи основной своей мысли. Начало Воззванія—дѣловое: авторъ обращается какъ къ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ лицамъ всякаго ранга и званія; для вящаго ихъ возбужденія онъ даетъ рядъ олеографическихъ изображеній невѣроятныхъ казней и издѣвокъ надъ окраиннымъ христіанствомъ, сильно бряцаетъ оружіемъ. Съ середины же Воззванія и тонъ, и аудиторія автора внезапно мѣняются; на лицо лишь слушатели духовнаго званія[3]), языкъ становится елейнымъ, благорѣчивымъ и сладостнымъ, все вниманіе удѣлено умиленному любованію грядущими судьбами ecclesia victrix. Странная смѣна настроеній! отъ зубовнаго скрежета побѣжденнаго до мистическаго почти восторга побѣдителя! Для оффиціальнаго посланія эмоціональность безпримѣрная, предъ которой меркнетъ даже паѳосъ клермонской рѣчи Убрана II; притомъ, эмоціональность ненужная, ложно направленная, ибо она ослабляетъ и вытѣсняетъ впечатлѣніе первой, скорбной части. Иное дѣло, если наше Воз-

---

[1]) Ipse etiam rex noster huius belli auctor cum omnibus quos poterit (!!) adducere, promptissimus erit adiutor.

[2]) Meyer v. Knonau, VI p.p. 67, 68.

[3]) Itaque fratres karissimi, tocius Saxonie, Francie, Lutaringie, Flandrie episcopi, clerici et monachi . . . . . Sanctissimi patres, monachi, heremite atque reclusi. . . . . .

званіе плодъ досужей фантазіи частнаго лица, сочинившаго его по всѣмъ правиламъ реторики: получается отличная, школьно рекомендованная, антитеза, примиряющая закругленность событій, бывшихъ и будущихъ, развертывающихся чисто-словесно и отвлеченно, не стѣсненныхъ никакими обузами реальной дѣйствительности.

Но тогда—наше Воззваніе нреально, плодъ келейнаго лишь велерѣчія! Исчезаетъ и вся цѣнность его какъ источника; не можетъ оно считаться ни памятникомъ событій, ни даже памятникомъ извѣстнаго настроенія.

Дѣйствительно, фактическое содержаніе Воззванія исчезающе мало и крайне подозрительно. Передаются подробности побѣды язычниковъ, ихъ расправа съ храмами и вѣрующими, даже ихъ рѣчи-„завываніе“, но... не указано мѣсто погибшихъ церквей, нѣтъ именъ, нѣтъ даже количественнаго опредѣленія новыхъ мучениковъ за вѣру!

Понятно, что какъ разъ историки церкви[1]) отнеслись съ осо-

---

[1]) Hauck: Kirch.-G. Deutsch. IV. p. 599—„eine Fälschung“; Lepsius: Gesch. der Bischöfe d. Hochst. Naumburg I p., 33—„untergeschoben....; eine Fiction.....“

Hauck, удѣлившій Воззванію лишь краткое примѣчаніе, высказываетъ, между прочимъ, замѣчательное указаніе, которое слѣдовало бы развить: . . . in den beiden Bistümern (Бранденбургъ, Гавельбергъ) waren die älteren Kirchen längst zerstört, die eben gegründete in Leitzkau aber wurde von den Wenden nicht entweiht, sondern bestand ungehindert weiter.

Дѣйствительно, у насъ существуетъ грамата, прекрасно рисующая реальное положеніе епископа Бранденбургскаго и его епархіи какъ разъ въ эпоху Воззванія, грамата, не обратившая на себя вниманія изслѣдователей (по тремъ разнаго качества рукописямъ дана у Riedel Cod. dipl. Brand. I, X p. 69 № 1—по плохой рукописи, у Winter „Prämonstratenser“ p.p. 547 sq., № 4—по лучшей рукописи и, по хорошей же рукописи, у Gercken „Stiftshistorie von Brandenburg etc. 1766. p.p. 342 sq. № V). Епископъ Herbertus „возвращается“ (собственно наѣзжаетъ) въ свою епархію при жалкихъ обстоятельствахъ, въ сопровожденіи одного лишь монаха, съ которымъ, однако, онъ совершаетъ великія дѣла одолѣнія и разрушенія язычества (... notum esse cupio, qualiter pro remedio anime mee .... ritum sum persecutus paganorum.... una cum familiaribus meis admodum paucis, scilicet monacho cuidam michi subsistenti, Adalberone, ... prout potuimus multa atque innumerabilia destruximus idola....). О какихъ-либо преслѣдованіяхъ со стороны язычниковъ—не слышно, несмотря на агрессивность епископа и его спутника. Сообщенія граматы, конечно, ненадежны, христіанизаціонные успѣхи болѣе чѣмъ скромны (недаромъ епископъ съ искреннимъ умиленіемъ и гордостью говоритъ о „каменной“ церкви—lapidea basilica—in Lizecho, теперь „Leitzkau“, единственной церкви въ его епархіи!), но мегаломанія писавшаго тѣмъ рѣзче оттѣняетъ всю печальность картины, и при реальномъ истолкованіи нашего Воззванія не слѣдовало бы забывать грамоты 1114 г. епископа Герберта, одного изъ „отправителей“ (Hartbroth brandenburgensis) Воззванія.

ымъ недовѣріемъ къ нашему Воззванію: они привыкли къ иной тщательности памятниковъ при затрогиваніи подобныхъ матерій. Кровью мучениковъ укрѣпляется Христова церковь, и благодарное потомство должно ихъ чтить поименно и раздѣльно; недаромъ въ средніе вѣка дѣлались попытки составить каталогъ всѣхъ 11.000 дѣвъ со св. Урсулой въ Кельнѣ пострадавшихъ.

Самъ кровавый Prépégala оказывается „безстыднымъ Піапомъ, сирѣчь Ваалъ-Фегоромъ“ [1]), и какъ-то сразу теряетъ реальность, изъ грознаго языческаго божества превращается въ стилистическую гримасу сомнительнаго достоинства. Если же прибавить, что „свирѣпѣйшіе язычники“ говорятъ, какъ мы вскорѣ убѣдимся, цитатами изъ... Библіи, если „вдуматься“ въ предложенный авторомъ Воззванія „фактъ“—„язычники сдираютъ кожу съ христіанъ и, надѣвъ ее на себя, устремляются въ христіанскіе предѣлы, выдаютъ себя тамъ за христіанъ, и тако безнаказанно увозятъ свою добычу“, — если вдуматься въ возможный „реальный“ смыслъ этого маскарада [2]), то этимъ самымъ рѣшается и вопросъ о фактичности сообщаемыхъ Воззваніемъ свѣдѣній.

„Факты“ Воззванія носятъ на себѣ всѣ признаки сочинительства, притомъ сочинительства дурного тона.

Но, быть можетъ, именно измышленность и наивный до нельзя максимализмъ „потрясающихъ“ описаній какъ разъ и важны? Быть можетъ, предъ нами цѣнный документъ по общественной патологіи, — памятникъ, приноровленный къ господствовавшему тогда нездоровому настроенію массъ, посланіе невѣжественное, разсчитанное на невѣжественное же озлобленіе окружающихъ?

Но и такое объясненіе не пріемлемо. О какомъ-либо „невѣжествѣ“ автора, о невольномъ отраженіи извѣстнаго общественнаго момента—говорить не приходится; по тогдашнимъ понятіямъ авторъ, наоборотъ, очень ученъ и чрезвычайно себѣ на умѣ: его Воззваніе не плодъ фанатизма и изувѣрскаго рвенія, а спокойная, много разъ подчищенная, кабинетная работа, продуктъ школьной рутины, безстрастнаго и самодовольнаго сочинительства. Это—воззваніе... для немногихъ, могущихъ оцѣнить все изящество цитатной мозаики, искусно подобранной docta manu; плебсу, черному люду, вся эта эквилибристика выписками должна была быть невдомекъ, и не на profanum vulgus разсчитывалъ составитель.

---

[1]) См. н. старую глоссу.

[2]) Ваттенбахъ серьезнѣйшимъ образомъ считаетъ его „маловѣроятнымъ“, хотя (p. 625) все же старается подыскать объясненіе: wenn man das glauben darf, so ist es zu erklären durch die langen Haare, durch welche noch in den Bildern zum Sachsenspiegel die Sachsen sich von den Wenden unterscheiden.

Доказать ученую школьность нашего памятника, изъ Воззванія превратить его просто въ „воззваніе“, въ одно изъ тѣхъ dictamina или словесныхъ упражненій, которыхъ немало сохранилось въ старыхъ рукописяхъ въ качествѣ „примѣрныхъ“ образцовъ стиля и прилежанія, доказать эту особенность — значитъ перенести весь вопросъ въ иную и, какъ намъ кажется, болѣе приличествующую плоскость.

Не первоклассное свидѣтельство о славяно-германскихъ отношеніяхъ, не посланіе іерарховъ, не оффиціальный или оффиціозный памятникъ, важный для политической, или, хотя бы, колонизаціонной исторіи, а проба доучившагося пера, экзаменъ на аттестатъ литературной зрѣлости.

Въ литературно-школьномъ разборѣ всего текста „воззванія“ и лежитъ, поэтому, ключъ къ отгадкѣ, и въ этомъ отношеніи, нужно сказать, особенности нашего текста таковы, нарочитость стилистическаго балласта такъ ясна, что приходится удивляться, почему такой разборъ не былъ произведенъ ранѣе.

Дѣйствительно, съ перваго же взгляда бросается въ глаза одна изъ характернѣйшихъ особенностей тогдашней школьности: та Zitatenwut, по мѣткому выраженію Траубе [1]), которая считалась непремѣннымъ и лучшимъ украшеніемъ, вѣрнымъ признакомъ зрѣлости „сочиненія“. Ничего не сказать спроста, не обмолвиться, по возможности, ни единымъ „собственнымъ“ словомъ, а „подобно пчелѣ“ отовсюду собрать цвѣты чужого сладкорѣчія,— вотъ излюбленный идеалъ [2]); высшая же мудрость, изреченія непреложныя—въ Книгѣ Книгъ. Такъ учитъ школа, и такъ поступаютъ вѣрные ея сыны, отданные съ 4-хъ, 5-лѣтняго возраста въ учебу, вспоенные и вскормленные назиданіями, поощреніями, наказаніями, настоящіе „люди школы“, отторгнутые отъ жизни, сшитые и сбитые на одну колодку, съ убѣжденіемъ произносившіе— non vita sed schola discimus. Въ такомъ мало реальномъ мірѣ созда-

---

[1]) L. Traube: Einleitung in die latein. Philologie des M. A. (посмертное изданіе, 1911 г.).

[2]) Опредѣленнѣе и лучше всего выражено у Манегольда въ Предисловіи къ его Liber ad Gebhardum (M. G. Libelli. de lite I p. 312): Orthodoxorum, pater venerande, patrum sentencias et aliqua exempla pro tempore decerpsi, nec cuiuscunque persone sentenciam sensumque contemsi..., ut omnia dicens pene ipse nichil videar dixisse, qui non proprias, sed aliorum sentencias duxi congerendas. Далѣе слѣдуетъ цѣлая теорія „христіанскаго плагіата“. Domino namque pronunciante (Ioh. 7,18) cognovi, quia „qui de semetipso loquitur. gloriam propriam querit“. At nos, qui in Christi ecclesia non que nostra, sed que Jesu Christi querimus, linguam nostram non magnificantes... aliena propriis proponenda non dubitavimus...

вались и соотвѣтственныя сочиненія, чахлыя растеньица, безъ собственныхъ соковъ и жизни, взращенныя при отраженномъ свѣтѣ чужой, взятой на подержаніе, мудрости; сочиненія затѣйливыя и неискреннія. Къ подобнымъ продуктамъ, показывающимъ, въ лучшемъ случаѣ, лишь всесокрушающую силу средневѣковой школы принадлежитъ и наше „воззваніе“.

Чтобы вполнѣ понять и оцѣнить „воззваніе“ и пріемы его составленія, нужно обратиться... къ книгѣ пророка Іоиля! Отъ начала и до конца она предстояла предъ духовными очами нашего ученаго автора, ибо въ ней трактовалась та же тема, какая служила заданіемъ и ему: нагрянули инородцы и иновѣрцы, разрушили святыни, обезлюдили страну; и воззвалъ Господь и собралъ Своихъ, и освободится Сіонъ, вновь освятится Ерусалимъ; расцвѣтетъ земля новой красотой и неслыханнымъ плодородіемъ, и навѣки отдана будетъ народу Божьему. Итакъ, до буквальности та же тема, до точности даже тотъ планъ, по которому написано „воззваніе“ [1]). Совершенно естественно, что при громадной емкости средневѣковой памяти стали втекать и отдѣльныя слова, затѣмъ и цѣлыя выраженія изъ столь подходящаго библейскаго прототипа: Ubi est Deus eorum—восклицаютъ, насмѣхаясь, враги Іудеи; Ubi est Deus eorum—„вопятъ“ язычники-славяне нашего „воззванія“.

И болѣе того. Навязчивымъ и непреоборимымъ вліяніемъ библейскаго образца объясняется и еще одна, инымъ путемъ не-

---

[1]) Остовъ книги пророка Іоиля, какъ онъ воспріятъ былъ составителемъ „воззванія“:

1,2: Audite hoc, senes, et... omnes habitatores terrae...

1,6: Gens... ascendit super terram meam, fortis et innumerabilis...

1,9,10: Periit sacrificium et libatio de domo Domini, luxerunt sacerdotes... depopulata est regio...

1,13,14: Accingite vos et plangite, sacerdotes, ululate ministri altaris... Sanctificate ieiunium, vocate coetum, congregate senes...

2,16:... congregate populum...

2,17: ... Parce, Domine, populo tuo, et ne des hereditatem tuam in opprobrium, ut dominentur eis nationes; quare dicunt in populis: Ubi est Deus eorum?

2,23—26: ... filii Sion, exultate... et implebuntur areae frumento... et comedetis vescentes, et saturabimini...

3,2: Congregabo omnes gentes et deducam eas in vallum Josaphat...

3,9: Clamate hoc in gentibus, sanctificate bellum, suscitate robustos

3,13: Mittite falces, quoniam matura est messis

3,17—20: Et scietis ...: erit Jerusalem sancta, et alieni non transibunt per eam amplius. Et erit in die illa: stillabunt montes dulcedinem, et colles fluent lacte... et Judea in aeternum habitabitur...

объяснимая, странность,—внезапное, отмѣченное уже нами, сужение и измѣненіе предполагаемой аудиторіи, неожиданное обращеніе къ духовнымъ лишь особамъ; причина—все то же рабское слѣдованіе ветхозавѣтному прототипу, ибо и пророкъ обращается сперва къ senes и omnes habitatores terrae, а потомъ ограничивается воззваніемъ къ однимъ лишь священнослужителямъ: Accingite vos, et plangite, sacerdotes, ululate ministri altaris.

Предъ нами, такимъ образомъ, не только проявленіе обычнаго средневѣковаго „библіизма“, безобиднаго, въ сущности, черпанія примѣровъ и оборотовъ изъ Книги Книгъ, предъ нами также и образчикъ „библіократизма“, прямого вліянія библейскаго разсказа и библейской ситуаціи на фактическую сторону средневѣковаго сообщенія [1]).

Рекомендованная школой (то же требованіе, но уже въ области религіозно-моральной, предъявляетъ и церковь) imitatio превращается, слѣдовательно, въ опасную imaginatio, въ вольное творчество, далеко оставляющее за собой предѣлы дозволеннаго: на основаніи ветхозавѣтныхъ данныхъ создается новый фактъ, событіе выдуманное.

Наше „воззваніе“ необычайно типично именно въ этомъ смыслѣ: авторъ вольно и невольно перешагнулъ отвѣтственную грань между „библіизмомъ“ и „библіократизмомъ“. Книга пр. Іоиля дала весь фонъ, опредѣлила весь планъ; она же была какъ бы тѣмъ сотрясеніемъ, которое въ горахъ приводитъ въ движеніе нависшія массы, создаетъ обвалъ; обращеніе къ одной книгѣ Библіи, проникновеніе автора одной библейской аналогіей, привели къ цѣлой лавинѣ цитатъ и заимствованій, которыя съ неудержимой силой, вызывая другъ друга, обрушились и загромоздили бо́льшую часть „воззванія“. Если въ первой, меньшей, части еще можно заподозрить кой-какіе реально-историческіе отправные пункты, то затѣмъ исчезаетъ уже всякій намекъ на дѣйствительность; авторъ утрачиваетъ чувство мѣры, безсиленъ предъ нахлынувшей волной навязчивыхъ текстуальныхъ ассоціацій; получается впечатлѣніе какого-то пассивнаго сочинительства, когда не авторъ распоряжается своимъ матеріаломъ, а матеріалъ порабощаетъ автора.

Для признанія какой-либо реальной цѣнности подобныхъ элаборатовъ, — а они, къ сожалѣнію, очень распространенны въ

---

[1]) Дальнѣйшія доказательства этого явленія, крайне важнаго для критики средневѣковыхъ памятниковъ, пишущій эти строки представилъ въ книгѣ Колонизанія Мекленбурга въ XIII в., т. I стр. 105 и слѣд.

Средніе вѣка, хотя, по странной случайности, на нихъ пока обращено мало вниманія,—должны приводиться, поэтому, особо вѣскіе аргументы. Въ многочисленныхъ работахъ по нашему „воззванію“ такихъ доказательствъ пока не дано, такъ какъ и весь документъ въ его цѣломъ, въ его громадной зависимости отъ постороннихъ, чисто-школьныхъ, вліяній, еще не разсматривался.

Необходимо, посему, его вновь опубликовать, показавъ, насколько удалось выяснить, всю его расчлененность. Даю весь текстъ, а не только тѣ значительныя его части, гдѣ скопляются заимки изъ Библіи.

„Воззваніе“:

Adelgozus dei gratia magadaburgensis archiepiscopus, Albuinus merseburgensis, Walerammus nuenbergensis, Hereuuigus misnensis, Hecil havelbergensis, Hartbreth brandenburgensis, Otto comes, Wicbertus, Ludouuicus et uniuersi orientalis Saxonie maiores et minores Reginhardo uenerabili episcopo halberstetensi, Erchanberto corbeiensi abbati, Heinrico poderbrunnensi, N. mindensi, Friderico archiepiscopo coloniensi, N. aquensi, O. leodicensi, G. Lutaringorum duci, Ruodberto gloriosissimo Flandringensium comiti, Lamberto archidiacono, Berichdoldo circumspectissimo preposito et Tanchrado insigni philosopho et omnibus Christi fidelibus, episcopis, abbatibus, monachis, heremitis, reclusis, prepositis, canonicis, clericis, principibus, militibus, ministerialibus, clientibus, omnibusque maioribus et minoribus, dilectionem orationem et in id ipsum salutem.

Multimodis paganorum oppressionibus et calamitatibus diutis-

Источники „воззванія“:

sime oppressi ad uestram suspiramus misericordiam, quatenus ecclesie matris uestre nobiscum subleuetis ruinam. Insurrexerunt in nos et preualuerunt crudelissimi gentiles, uiri absque misericordia et de inhumanitatis sue gloriantes malicia. Ecclesias Christi ydolatria prophanauerunt, altaria demoliti sunt et quod humana mens refugit audire, ipsi non abhorrent in nos perpetrare. In nostram regionem sepissime efferantur nullique parcentes rapiunt, cedunt, fundunt et exquisitis tormentis affligunt. Quosdam decollant et capita demoniis suis immolant. De quibusdam uisceribus extractis, manus abscisas et pedes alligant Christumque nostrum suggillantes, ubi est inquiunt deus eorum. Quosdam in patibulo sublatos permittunt ad maiores cruciatus omni morte miserabiliorem uitam protrahere, cum uiui aspiciant se per abscisionem singulorum membrorum mortificari et ad ultimum ceso uentre miserabiliter euiscerari. Quam plures uiuos excoriant et cute capitis abstracta hoc modo laruati in Christianorum fines erumpunt, et se Christianos mentientes predas impune abigunt. Phanatici

Judith 13,25: Subvenisti ruinae ante conspectum Dei...

II. Reg 10,11 и часто: praevaluerunt adversum nos viri...

Въ Вульгатѣ часто: viri, homines misericordiae.

Jer. 50,41,42:... populus venit ab aquilone... crudeles sunt et immisericordes...

Ezech. 31,11,12: Tradidi eum in manu fortissimi gentium... et succident eum... crudelissimi nationum.

Joel 2,17:... quare dicunt in populis. Ubi est Deus eorum?

II Mach. 7,7:... sequentem[1]) deducebant ad illudendum, et, cute capitis eius cum capillis abstracta, interrogabant, si manducaret (идоложертвенное!) prius, quam toto corpore per membra singula puniretur.

[1]) Второй изъ семи стойкихъ отроковъ-мучениковъ.. Разсказъ о нихъ былъ чрезвычайно популяренъ въ Средніе вѣка; особенное впечатлѣніе производила нравственная анэстезія матери, и оцѣнка ея подвига (II Mach. 7,20) можетъ показаться какъ-бы средневѣковой интерпеляціей: Supra modum autem mater, mirabilis et bonorum memoria digna, quae pereuntes septem filios sub unius diei tempore conspiciens, bono animo ferebat propter spem, quam in Deum habebat.

autem illorum, quotiens commessationibus uacare libet, feriis indictis [1]), capita, inquiunt, uult noster Pripégala, huiusmodi fieri oportet sacrificia. Pripégala, ut aiunt, Priapus est et Beelphegor impudicus. Tunc decollatis ante prophanationis sue aras Christianis, crateras tenent humano sanguine plenas, et horrendis uocibus ululantes, agamus, inquiunt, diem leticie, uictus est Christus, uicit Pripégala uictoriosissimus. Huiusmodi afflictiones sine intermissione uel toleramus uel formidamus, quoniam eos semper progredi et in omnibus ingemiscemus bene prosperari.

Идолъ моавитянъ Beelphegor — Num. 25,₂; по старой глоссѣ: Beelphegor—Priapus est Latinorum, deus turpitudinis et nuditatis.

Itaque fratres Karissimi, tocius Saxonie, Francie, Lutaringie, Flandrie episcopi, clerici et monachi, de bonis sumite exemplum et Gallorum imitatores in hoc etiam estote. Clamate hoc in ecclesiis, sanctificate ieiunium, uocate cetum, congregate populum, annunciate hoc et auditum facite in omnibus terminis prelationis uestre. Sanctificate bellum, suscitate robustos. Sirgite principes contra inimicos Christi, arripite clypeos, accingimini filii potentes et uenite omnes uiri bellatores. Infirmus dicat, quia fortis sum ego, quoniam dominus fortitudo plebis sue et protector saluationum Christi sui est. Erumpite et uenite omnes ama-

Joel **1**, 13: Accingite vos, et plangite, sacerdotes, ululate ministri altaris...

Joel **1**, 14: Sanctificate ieiunium, vocate coetum, congregate senes, omnes habitatores terrae... et clamate...

Joel **2**, 15, 16: ... sanctificate ieiunium, vocate coetum, congregate populum, sanctificate ecclesiam, coadunate senes, congregate parvulos...

Joel **3**, 9: Clamate hoc in gentibus, sanctificate bellum, suscitate robustos: accedant, ascendant omnes viri bellatores.

Joel **3**, 10: ... Infirmus dicat: Quia fortis ego sum.

[1]) Коньектура Ваттенбаха вмѣсто страннаго рукописнаго „ferus in dictis“, что опять-таки является подтвержденіемъ „переписного“ (см. н.) происхожденія кодекса.

tores Christi et ecclesie et sicut

Galli ad liberacionem Hierusalem uos preparate. Hierusalem nostra ab initio libera gentilium crudelitate facta est ancilla. Huius muri propter peccata nostra corruerunt, sed ruina hec sub manu uestra, quatenus lapides

preciosi omnes muri eius et turres Hierusalem nostre gemmis edificentur. Platee ipsius sternantur auro mundo et pro horrendo sonitu gentilium in conspectu Pripegale cantetur in ea canticum leticie et pro immolacione de christiani sanguinis effusione carnem et sanguinem

edant pauperes et saturentur, ut laudetis dominum, qui requiritis eum iuuantque [3]) in seculum seculi corda uestra, ut non deficiat de ore uestro allelua, alleluia.

Ad hoc bellum deuotas offert manus cum populo suo rex Da-

Ps. **27**, 8: Dominus fortitudo plebis suae: et protector salvationum christi sui est.

Joel **3**, 11: Erumpite et venite, omnes gentes de circuitu.

Joel **3**, 17: ... et erit Ierusalem sancta, et alieni non transibunt per eam amplius.

I Mach. **2**, 11. Quae (civitas Jerusalem) erat libera, facta est ancilla.

Jos. **6**, 20: Sonitusque increpuit, muri illico corruerunt.

Prov. **12**, 13: Propter peccata... ruina proximat malo...

Jsai. **3**, 6 [1]): Ruina autem haec sub manu tua.

Apoc. **21**, 18—21 [2]): Et erat structura muri eius ex lapide iaspide; ipsa vero civitas aurum mundum... et fundamenta muri civitatis omni lapide pretioso ornata, et platea civitatis aurum mundum...

Apoc. **22**, 3: Et omne maledictum non erit amplius; sed sedes Dei et Agni... et servi eius servient illi...

Ps. **21**, 27: Edent pauperes, et saturabuntur, et laudabunt Dominum, qui requirunt eum: vivent corda eorum in saeculum saeculi.

Ps. **149**; 150: Laudate Dominum... Alleluia.

---

[1]) Подходитъ къ настроенію и заданію составителя, такъ какъ пророкъ тоже говоритъ о паденіи былой мощи.

[2]) Опять-таки цитата въ виду сходнаго настроенія, ибо—Apoc, 21, : Et ego Johannes vidi sanctam civitatem Jerusalem novam...

[3]) Новое доказательство („iuuant“ вмѣсто библейскаго „uiuent“) пассивной „переписки“ нашего кодекса.

corum et alii principes per circuitum [1]). Ipse etiam rex noster huius belli auctor cum omnibus, p o terit adducere, promptissimus erit adiutor. Sabbato in ebdomada rogationum erit conuentus noster Merseburch et ubicunque in orientali Saxonia oportuna habemus loca.

Sanctissimi patres, monachi, heremite atque reclusi, optiman partem cum Maria elegistis, sed quia nunc tempus ita exigit, de contemplationis quiete cum Martha surgendum est uobis, quoniam fratribus uestris plurimum turbatis cum Martha admodum necessaria est Maria.

Luc. **10**, 41, 42:... Martha, Martha, sollicita es, et turbaris ergo plurima; porro unum est necessarium, Maria optimam partem elegit...

Vobis loquimur, immo in nobis Christus loquitur uobis. Surge, propera amica mea, columba mea, et ueni. Flores bone operationis apparuerunt in terra principum nostrorum, tempus putacionis aduenit ydolatrie.

Cant. Cant. **2**, 10: Surge, propera, amica mea, columba mea, formosa mea, et veni...

Cant. Cant. **2**, 12: Flores apparuerunt in terra nostra (ибо **2**, 11: iam enim hiems transiit), tempus putationis advenit, vox turturis audita est.

Vox turturis audita est, quoniam casta mater ecclesia ingemiscit de ydolatrie spurciciis. Nemo accendit lucernam et ponit sub modio, sed super candelabrum, ut qui ingrediuntur, lumen uideant. Luceat lux uestra coram hominibus, ut uideant

Mat. **5**, 15: Neque accendunt lucernam et ponunt eam sub modio, sed super candelabrum; ut luceat omnibus qui in domo sunt.

Luc. **8**, 16: Nemo autem lucernam accendens, operit eam vase..., sed supra candelabrum

[1]) Ср. Joel 3,11: venite... gentes de circuitu; неподходящее „nostra regio“ въ началѣ „воззванія“—тоже библейскаго происхожденія.

opera uestra bona. Surge itaque, sponsa Christi, et ueni, sonet vox tua in auribus Christi fidelium, quatenus omnes ad Christi festinent bellum Christique militibus ueniant in adiutorium.

Gentiles isti pessimi sunt, sed terra eorum optima carne, melle, farina...[1]) auibus et, si excolatur[2]), omnium de terra ubertate prouentuum, ita ut nulla ei possit comparari, sic aiunt illi, quibus nota est.

Qua propter, o Saxones, Franci, Lotaringi, Flandrigene famosissimi et domitores mundi, hic poteritis et animas uestras saluificare et, si ita placet, optimam terram ad inhabitandum acquirere. Qui Gallos ab extremo occidente progressos in brachio uirtutis sue contra inimicos suos in remotissimo triumphauit oriente, ipse tribuat nobis uoluntatem et potentiam, hos affines et inhumanissimos gentiles subiugare et in omnibus bene prosperari.

ponit, ut intrantes videant lumen.

Mat. **5**, 16: Sic luceat lux vestra coram hominibus, ut videant opera vestra bona.

Cant. Cant. **2**, 13, 14: Surge, amica mea, speciosa mea, et veni... sonet vox tua in auribus meis[2]).

Exod. **3**, 8 и часто: et educam... in terram bonam et spatiosam, in terram quae fluit lacte et melle...

Deut. **1**, 24 sq. Посылка лазутчиковъ; ихъ отвѣтъ — bona est terra, но все же ропотъ и боязнь; утѣшенія Моисея—nolite metuere... Dominus Deus, qui ductor est vester, pro vobis ipse pugnabit, sicut fecit in Aegypto cunctis videntibus... Итакъ, тотъ же ходъ мыслей, какъ въ „воззваніи“. Есть вліяніе и литературное—заклятіе Господа: Non videbit quispiam de hominibus generationis huius pessimae terram bonam.

---

[1]) Далѣе слѣдуетъ знаменательный стихъ, сыгравшій, начиная съ Бернарда Клервальскаго, такую роль при проповѣдяхъ о преслѣдованіи еретиковъ въ Средніе вѣка: Capite nobis vulpes parvulas, quae demoliuntur vineas, nam vinea nostra floruit. Нашего составителя этотъ переходъ къ лисенятамъ, разрушающимъ вертоградъ Господенъ, тоже заставилъ перейти къ gentiles-разрушителямъ.

[2]) Въ рукописи—excollatur (!!), новое доказательство пассивности переписчика, находившагося подъ вліяніемъ неоднократнаго „decollare“ въ предшествующемъ текстѣ!

Итакъ, предъ нами opus maxime oratorium, вѣрнѣе, opus maxime scholare, несомнѣнно, работа единоличная, чисто-кабинетная, вполнѣ частнаго характера. Даже квази-историческія крупицы въ ея содержаніи не располагаютъ къ довѣрію, и невольно, поэтому, хочется найти аналогіи и параллели для дальнѣйшаго подтвержденія общаго отрицательнаго вывода.

Одна изъ частей „воззванія", какъ разъ часть наиболѣе какъ бы оригинальная, наталкиваетъ на подобную параллель, которая, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается даже источникомъ „воззванія". Это—Epistola Alexii Romanorum imperatoris ad Robertum comitem Flandriae [1]). Письмо императора Алексія Комнина—историческій сверстникъ нашего "возванія" [2]), и давно уже, начиная съ Зибеля [3]), обращено было вниманіе на то обстоятельство, что оно направлено не къ королю Франціи, а къ графу Фландріи; въ этомъ хотѣли видѣть отраженіе реальнаго отношенія тогдашнихъ силъ—могучій вассалъ оказался де нужнѣе слабаго сюзерена. Конечно, и такое объясненіе возможно, но... лишь тогда, если допустить, что Письмо подлинное, составлено въ Византіи и отправлено до I Крестоваго похода. Если же, въ чемъ нельзя сомнѣваться, нужно согласиться съ графомъ de Riant относительно фиктивности Письма, составленнаго во время I похода, видѣть въ немъ лишь „opus excitatorium" [4]), то, очевидно, указанное объясненіе адрессата насъ тоже не можетъ удовлетворить. Приходится допустить либо фландрское происхожденіе Письма, видѣть въ этомъ проявленіе особаго локальнаго патріотизма, либо—найти пріемлемое объясненіе особой, общеевропейской такъ сказать, популярности графа, что бы соотвѣтствовало чрезвычайно широкой распространенности самого Письма. И вотъ, новѣйшія и тщательныя изслѣдованія de Mély, касающіяся реликвій Константинополя [5]), даютъ неожиданное разъясненіе: въ эпоху I Крестоваго похода существовала версія, что въ нахожденіи Св. Копья въ Антіохіи особую роль сыгралъ графъ Фландр-

---

[1]) Пользуюсь рѣдкимъ изданіемъ графа de Riant (Genevae 1879), гдѣ данъ и исчерпывающій комментарій Письма, хотя и безъ сближенія его съ возможными аналогіями.

[2]) De-Riant pp. XLVII sq. опредѣляетъ дату: Juin 1098—Juillet 1099.

[3]) Gesch. des I Kreuzzuges (1841).

[4]) Не exercitatorium ли, на подобіе нашего „воззванія"? Новый пересмотръ Письма Алексія, съ точки зрѣнія „школьности" его написанія, далъ бы чрезвычайно интересные результаты.

[5]) Exuviae sacrae Constantinopolitanae (Paris 1904), особенно p. 50, la version flamande нахожденія Копья. Напрасно лишь de Mély указываетъ: nous n'attacherons... à cette version aucune importance.

скій, имя котораго, посему, и прогремѣло по всему христіанскому Западу.

Популярность счастливыхъ Flandrigenae [1]) и ихъ графа въ полной мѣрѣ сказалась и въ нашемъ „воззваніи“, въ тѣхъ непомѣрныхъ похвалахъ и высокопочтительныхъ эпитетахъ, которые удѣлены именно имъ, хотя, какъ мы видѣли, менѣе всего подходили къ политической констелляціи 1108 г. Народная память консервативна и не считается съ колебаніями и измѣнчивостью оцѣнокъ реальной политики; нѣтъ нужды прибѣгать и къ гипотезѣ о „фландрскомъ происхожденіи“ нашего памятника, о „переселенцѣ-іереѣ“ и т. п., ибо общее западно-европейское фландрофильство того времени уже достаточно объясняетъ почетную позицію Фландріи въ нашемъ „воззваніи“.

Отпадаетъ, значитъ, и еще одинъ „реальный“ штрихъ. Но этого мало. Есть и прямая связь между „воззваніемъ“ и столь же фиктивнымъ Письмомъ Алексія [2]), особенно въ „дѣловой“, чтобы не сказать „исторической“, части нашего документа, которая казалась наименѣе зависимой, такъ какъ наименѣе испещрена заимками изъ Библіи. Все построеніе этой части цѣликомъ взято составителемъ изъ Письма, которое, кромѣ того, совмѣстно съ библейскимъ прототипомъ, книгой прор. Іоиля, служило и основой общаго плана „воззванія“ [3]).

---

[1]) Кстати, и „лотарингцевъ“, хотя вождь ихъ, Готфридъ Бульонскій, въ нашемъ „воззваніи“ и упоминается лишь какъ „G“.

[2]) Письмо же, въ свою очередь, носитъ явные слѣды извѣстной рѣчи Урбана II (см. у de Riant p. XXXIX) въ Клермонѣ, неудовлетворительная передача которой (четыре расходящіяся версіи!) не позволяетъ лишь высказаться болѣе опредѣленно о степени ея вліянія.

[3]) Построеніе Письма:

Domino glorioso comiti Flandrensium ....et omnibus tocius regni principibus, christiane fidei amatoribus, tam laicis quam clericis....

O inclitissime comes et maxime christiane fidei consolator! notificare ... volo, quantum sanctissimum imperium.... angustiatur a Pincinatis (печенѣги) et Turcis, et cotidie depredatur... et fiunt ibi cedes diverse et inenarabiles christianorum interfectiones et derisiones... Dicamus pauca, que tamen sunt auditu horribilia („воззваніе“: et quod humana mens refugit audire etc.). Nam pueros et iuvenes circumcidunt super baptisteria.... et ...sanguinem, in despectum Christi („воззваніе“: Christumque nostrum suggillantes), fundunt in eisdem baptisteriis... Illos diversis penis affliguut et ad ultimum eos interficiunt („воззваніе“: et ad ultimum ceso miserabiliter eviscerari чередованіе казней въ обоихъ описаніяхъ одинаковое!)... Nobiles vero matronas ac earum filias... deludunt... compellentes eas nepharias et luxuriosas decantare cantilenas donec compleant ipsa sua nepharia. Sic enim legimus actum et in Dei populo antiquitus, quibus impii Babilonii... deridendo dicebant: Hymnum cantate nobis de canticis Sion (=Ps. 136,3; ср. „воззваніе“: пиршества и празднества язычниковъ, „богослуженія“ идолу Pripegala въ видѣ кощунственнаго подражанія христіанскому ритуалу).

Что же осталось отъ всего „воззванія“? Нѣсколько собственныхъ именъ, подборъ которыхъ не позволяетъ сомнѣваться въ правильности даты „1108 г.“, ожиданіе съѣзда въ Мерзебургѣ (занимавшагося, кстати, неславянскими дѣлами [1])) въ маѣ этого же 1108 г.—и больше ничего! Какое либо историческое значеніе „воззванія“ приходится еще и еще разъ отклонить. Оно—школьнаго происхожденія, „образцовый“ dictamen достаточной отреченности отъ міра и всего дѣйствительно реальнаго. Лучшій судъ произнесли уже современники: единственный дошедшій до насъ списокъ показываетъ, что ходульная риторика „воззванія“ никого не сумѣла зажечь или увлечь. Въ келейной тиши писался этотъ документъ, наполненный придуманными ужасами и поддѣльнымъ паѳосомъ, въ той же келейной безвѣстности покоился онъ, пока около 1147 г., въ связи съ подготовлявшимся дѣйствительнымъ Крестовымъ походомъ противъ славянъ, его не дали, вмѣстѣ съ другими полезными произведеніями, переписать какому-то ученику монастыря Grafschaft, подлѣ Франкфурта, гдѣ собирался крестоносный сеймъ. Но это—единственный разъ, когда современники потревожили сей продуктъ чисто-школьной музы. Иначе отнеслись далекія будущія поколѣнія, ученые историки. Нынѣ „воззваніе“ нужно опять вернуть въ прежнюю сонную тишь для вполнѣ заслуженнаго покоя.

Слѣдуетъ перечисленіе успѣховъ невѣрныхъ; ср. „воззваніе“ (все въ той же послѣдовательности!): eos semper progredi et in omnibus prosperari.

Призывъ латинянъ на помощь („воззваніе“: идите всѣ на помощь, будьте „Gallorum imitatores“)... rogamus ut quoscumque fideles Christi bellatores, tam maiores quam minores (ср. „воззваніе“: Christi bellatores; omnes clientes maiores et minores) ...huc deducas, et sicut Galiciam et cetera Occidentalium regna, anno preterito a iugo paganorum aliquantulum liberaverunt („воззваніе“ тоже считаетъ нужнымъ дать примѣръ изъ прошлаго!) ita et nunc, ob salutem animarum suarum... („воззваніе“: hic poteritis et animas vestras salvificare, et, si ita placet, optimam terram ...acquirere; итакъ, выгоды для души и тѣла, что вполнѣ соотвѣтствуетъ и Письму Алексія, гдѣ немедленно же получается такой же переходъ къ матеріальнымъ выгодамъ предпріятія, съ характерной оговоркой—quod si ob hoc., т. е. ради спасенія души, certare noluerint, et aurum magis amaverint,—оговоркой, которая вызвала и совершенно ненужное въ „воззваніи“ ...si ita placet)...

Currite ergo cum tota gente vestra, et ex omnibus viribus vestris certate! ne talis thesaurus in manus Turcarum et Pincinatorum cadat: quia... adhuc LX millia expectantur cotidie... (итакъ, дѣло не только желательное во всѣхъ отношеніяхъ, но и неотложное; ср. „воззваніе“: sabbato in hebdomada rogationum erit conventus... et ubicumque... opportuna habemus loca).

Конецъ: самъ Господь возблагодаритъ васъ (то же самое въ „воззваніи“).

[1]) Meyer von Knonau „Jahrb. unter Heinr. IV u. V.“, B. VI. p. 77.

Л. Сухотинъ.

Къ вопросу о причастности патріарха Гермогена и князя Пожарскаго къ дѣлу перваго ополченія.

Фигуры патріарха Гермогена и стольника и воеводы кн. Д. М. Пожарскаго—крупныя фигуры нашей исторіи. Правда, это—не представители русскаго генія, быть можетъ даже не талантливые русскіе люди, но это—два столпа, два крѣпкихъ „адаманта" русской общественности. Въ годины бѣдствій, постигшихъ отечество, въ годины всеобщей шаткости и поголовныхъ измѣнъ, Пожарскій выдвинулся безупречностью воли и стойкостью безпримѣрной, Гермогенъ—силою духа и ясностью мысли, оба—сознаніемъ идеи національнаго блага. Этой идеей для Пожарскаго было сохраненіе политической самостоятельности Русскаго государства, для Гермогена—неприкосновенность православной вѣры. Патріархъ Гермогенъ запечатлѣлъ эту идею своей мученической кончиной.

Жизнеописанія или характеристики патріарха Гермогена и кн. Пожарскаго имѣютъ настолько большое значеніе для исторіи русскаго самосознанія, что не слѣдуетъ пренебрегать изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ частностей ихъ біографій. Вопросы, намѣченные нами, представляются намъ заслуживающими разсмотрѣнія потому, что они до сихъ поръ не разрѣшены съ достаточной ясностью въ нашей исторической литературѣ.

Для того, чтобы подойти къ правильному разрѣшенію этихъ вопросовъ, намъ слѣдуетъ предварительно установить нашъ взглядъ на самый духъ движеній 1611 года, а также на обстановку возникновенія и организаціи перваго ополченія.

Народное движеніе 1611 года должно разсматриваться въ связи съ предшествовавшими движеніями смутныхъ лѣтъ. Возникло оно и быстро распространилось въ той нездоровой средѣ, которая въ теченіе ряда лѣтъ, со времени вступленія перваго самозванца въ предѣлы Московскаго государства, не переставала пребывать въ состояніи смуты. Эта среда—помѣстный служилый

классъ и казачество южной украйны и поля—въ 1605 году содѣйствовала успѣху Самозванца; сверженіе Годуновыхъ и торжество претендента, ею признаннаго и поддержаннаго, развратило ее, ввело въ искушеніе. Въ 1606 году на воцареніе боярина кн. В. И. Шуйскаго она отвѣтила возстаніемъ. Многіе дворяне и дѣти боярскія со своими предводителями, Прокопіемъ Ляпуновымъ съ товарищами, и казачество со своими вожаками присоединились къ мятежному движенію низовъ украиннаго общества и всякаго сброда людей и приняли участіе въ походѣ на Москву. Дѣло союзниковъ, какъ извѣстно, окончилось неудачей; дворяне и дѣти боярскія, примирившись съ царемъ Василіемъ, отстали отъ мятежниковъ, и эти послѣдніе были разгромлены. Новое возстаніе, вспыхнувшее вскорѣ послѣ избранія на царство королевича Владислава, и походъ къ Москвѣ въ первой четверти 1611 года во многомъ напоминали возстаніе на царя Василія и походъ къ Москвѣ 1606 года. Возстаніе 1611 года первоначально охватило тотъ же край, и тѣ же разнородные разряды населенія приняли въ немъ участіе; во главѣ возстанія сталъ прежній „заводчикъ“ Прок. Ляпуновъ; новый походъ къ Москвѣ былъ организованъ по прежнему образцу: наступленіемъ одной части союзныхъ отрядовъ на Серпуховъ, другой—на Коломну.

Однако, въ возстаніи 1611 года сказались и такіе элементы, какихъ не было въ возстаніи 1606 года. Движеніе примкнувшихъ къ Ляпунову городовъ Замосковья носило особый характеръ, одушевлялось иными мотивами и имѣло въ прошломъ другіе корни. Это движеніе было въ преемственной связи съ общественными движеніями 1608—1609 годовъ, когда земскіе люди Замосковья и Поморья вставали на защиту исконнаго порядка отъ засилья тушинцевъ,—литовскихъ людей и русскихъ воровъ. Итакъ, въ движеніи 1611 года было какъ бы два разныхъ теченія, которыя, слившись, образовали одинъ потокъ народнаго воодушевленія. Одно изъ этихъ теченій образовалось ранѣе другого, составилось изъ источниковъ воды мутной, разрослось быстро и понеслось стремительно по извѣстному направленію; привтеченіе другого, чистаго, но не столь значительнаго потока не вывело перваго изъ береговъ и не измѣнило его направленія.

Уже не разъ отмѣчалось въ литературѣ, что враждебное Владиславу броженіе возникло первоначально среди сторонниковъ Вора. Въ этомъ броженіи—задатки грядущихъ событій. Не разъ отмѣчалась и роль Ляпунова въ дѣлѣ созданія перваго ополченія, но не придавалось достаточно значенія его иниціативѣ и его личности не оказывалось достаточно вниманія.

Личность Прок. Ляпунова представляется намъ очень яркой, очень значительной, его слава среди современниковъ (добрая ли или худая, это другой вопросъ) огромной, его положеніе—исключительнымъ. Это—рѣдкій на Руси типъ демагога. Демагогическія наклонности Ляпуновыхъ проявились еще по смерти царя Ивана, когда „рязанцы Ляпуновы и Кикины и иныхъ городовъ дѣти боярскія“ „приставаша къ черни“, возмутившейся на Москвѣ, „и оборотиша царь-пушку къ Ѳроловскимъ воротамъ и хотѣша выбити ворота вонъ“. Въ царствованіе Бориса одинъ изъ братьевъ Ляпуновыхъ былъ обвиненъ въ сношеніяхъ съ донскими казаками и въ посылкѣ оружія на Донъ. Наступившая смута предоставила талантливѣйшему Ляпунову, Прокопію, широкую арену для политической дѣятельности. Съ первыхъ лѣтъ Смуты имя его пріобрѣтаетъ извѣстность. Въ 1605 году Ляпуновъ увлекаетъ воинскія массы измѣнить Годуновымъ и признать Димитрія. Въ 1606 году увлекаетъ тѣ же массы пристать къ воровскому движенію Болотникова и итти на Москву. За отпаденіе отъ воровъ онъ награжденъ отъ царя думнымъ чиномъ и назначенъ воеводой на Рязань. За нѣсколько лѣтъ царствованія Василія Ивановича Ляпунову удается настолько упрочить свое положеніе на Рязани, настолько завоевать „у народа великую довѣренность“, что въ Москвѣ начинаютъ его побаиваться, и Ляпуновъ начинаетъ безнаказанно проявлять самовластіе. По словамъ Лѣтописца, Ляпуновъ послѣ смерти Скопина „отъ Москвы отложися и не нача царя Василія слушати“. Мало того: онъ затѣвалъ возстаніе противъ царя Василія и сталъ оказывать противодѣйствіе его военнымъ мѣропріятіямъ. Такъ, напримѣръ, узнавъ о посылкѣ изъ Москвы Ив. Можарова съ приказомъ стрѣльцовъ къ Шацку, на помощь дѣйствовавшему противъ воровъ кн. В. Ѳ. Мосальскому, Ляпуновъ „повелѣ Ивана переняти, и ихъ не пропустиша, повелѣ имъ быти у себя“. Далѣе Лѣтописецъ не безъ основанія считаетъ Прокопія главнымъ вдохновителемъ мятежниковъ, „ссадившихъ“ съ царства царя Василія. Боярское избраніе королевича Владислава его не удовлетворило, и очень скоро Ляпуновъ опять сталъ заводить смуту, съѣзжаясь и ссылаясь съ жившимъ на Москвѣ стольн. В. И. Бутурлинымъ [1])

[1]) Акты Зап. Россіи, IV, с. 439 и 480. Въ 1615 году, на съѣздѣ съ послами Польско-Литовскаго государства, московскіе бояре не отрицали вины Бутурлина и Ляпунова и въ свое оправданіе указывали, что Бутурлину его поступокъ они поставили въ вину, а Ляпуновскаго человѣка „велѣли казнити смертью“ (Наказъ посламъ кн. И. М. Воротынскому съ товарищами 1615 года, Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Польская посольская книга № 30, лл. 150—151). Фактъ сношеній Ляпунова съ Бутурлинымъ въ сентябрѣ

и сочиняя укорительныя грамоты по адресу московскихъ бояръ. Смерть Вора ему развязывала руки и дала окончательный толчокъ его рѣшимости дѣйствовать.

Здѣсь неумѣстно вдаваться въ подробности того, какъ происходило возстаніе и организовывалось ополченіе. Достаточно отмѣтить, что иниціатива движенія принадлежала не Замосковнымъ городамъ, а Рязани, что во главѣ возстанія сталъ Прок. Ляпуновъ, что первыми примкнувшими къ движенію городами были города Украинные и Заоцкіе, что за бывшими совѣтниками Вора, Трубецкимъ и Заруцкимъ, съ ихъ по преимуществу казачьими отрядами, пристали къ движенію и другіе воровскіе отряды (напр., Просовецкаго), что Ляпуновъ входилъ въ сношенія и переговоры съ шайками Кернозицкаго, войскомъ Сапѣги, призывалъ къ содѣйствію вольныхъ казаковъ и холоповъ боярскихъ. Уже въ первой половинѣ января Ляпуновъ организовалъ возстаніе городовъ Зарѣчныхъ (съ Рязанью, Тулой и Калугой во главѣ), а во второй половинѣ завязалъ сношенія съ Нижнимъ-Новгородомъ. Послѣдовавшія возстанія въ Нижнемъ и затѣмъ во Владимірѣ, Муромѣ, Ярославлѣ и другихъ городахъ Замосковья были вызваны не исключительно призывомъ Ляпуновскихъ грамотъ: тамъ было свое броженіе, на почвѣ настроенія, несхожаго съ настроеніемъ южной украйны, и очень вѣроятно, что это броженіе возбуждалось столько же воззваніями Ляпунова, сколько и письмами и слухами, приходившими изъ Москвы. Болѣе того: въ источникахъ, при пристальномъ ихъ изученіи, можно усмотрѣть намеки на недовѣріе къ Ляпунову населенія Замосковныхъ городовъ. Нижегородцы прислали Ляпунову крестоцѣловальную запись съ предложеніемъ, „памятуя Бога и Пречистую Его Богородицу и московскихъ чудотворцовъ, по той записи такожъ крестъ цѣловать“; Ляпуновъ отвѣчалъ, что рязанцы „давно крестъ цѣловали“. Владиміръ присоединился къ возстанію не сразу, Муромъ—еще позднѣе, лишь тогда, когда стало извѣстно о присоединеніи Нижняго и Владиміра. Воеводы владимірскій и муромскій, окольничій Арт. Вас. Измайловъ и окольничій кн. В. Ѳ. Литвиновъ-Мосальскій, бывъ неизмѣнно вѣрными сторонниками царя Василія, не могли сочувствовать и довѣрять Ляпунову и, кажется, неохотно пристали къ

или октябрѣ 1610 года—очень яркій фактъ въ біографіи Ляпунова, не принимавшійся до сихъ поръ достаточно во вниманіе писавшими о Ляпуновѣ. Вообще опасность возстанія со стороны Ляпунова могла сознаваться московскими правителями сравнительно очень рано; вполнѣ возможно, что около 1-го декабря они уже обдумывали средства отвратить Ляпунова отъ его замысла (Полн. Собр. Русск. Лѣт., XIV, 1-я полов., с. 106).

его ополченію. Другіе воеводы, какъ, напримѣръ, суздальскій (окольн. И. П. Головинъ), ярославскіе (В. П. Головинъ и Третьякъ Г. Корсаковъ), вологодскій (Г. Г. Пушкинъ), вовсе не приняли участія въ возстаніи [1]). Во главѣ суздальскаго ополченія сталъ вѣрный сторонникъ Вора, воровской стольникъ А. Просовецкій, во главѣ ярославскаго—бывшій тушинецъ И. И. Волынскій (другой Волынскій—Ив. Вас., свойственникъ Ляпунова, остался въ Ярославлѣ „для всякаго промыслу"). Вологда, равно какъ Переяславль Залѣсскій и Юрьевъ Польскій, долго колебались и примкнули позднѣе [2]).

Такова была обстановка, въ которой возникало и организовывалось первое ополченіе.

Отношеніе бояръ, сидѣвшихъ въ Москвѣ, къ дѣлу Ляпунова было опредѣленно враждебное. Въ самомъ Ляпуновѣ бояре видѣли не только своего политическаго врага, но и опаснаго революціонера. Изъ союзниковъ и сотрудниковъ Ляпунова [3]), главнѣйшій—воровской „бояринъ" Ив. Март. Заруцкій, сей „мужъ не безъ великія храбрости", долженъ былъ ихъ пугать еще болѣе. Наличность въ ополченіи сильныхъ отрядовъ донского казачества и множества холоповъ и всякихъ гулящихъ людей внушала серьезную

---

[1]) Имена воеводъ суздальскаго, ярославскихъ и вологодскаго уясняются изъ отмѣтокъ въ Боярскомъ спискѣ 119 года (В. Н. Сторожевъ, Матер. д. ист. русск. двор., вып. 2). Тр. Корсаковъ уѣхалъ въ Москву (Собр. Госуд. Грам. и Догов., т. II, с. 551), И. П. Головинъ удержался на воеводствѣ (Акты Юрид., с. 229 и 362-3).

[2]) Любопытно, что и въ сопротивлявшемся полякамъ Смоленскѣ не довѣряли Ляпунову; смоленскіе сидѣльцы писали панамъ радѣ отъ 6-го апрѣля: „На Ляпунова намъ надѣяться не на кого и на иныхъ воровъ и на ихъ воровство, и съ Ляпуновымъ мы и съ иными воры ни съ кѣмъ не ссылаемся и ничего про нихъ не вѣдаемъ", и далѣе: „А до воровъ намъ дѣла нѣтъ". (Собр. Госуд. Грам. и Догов., II, с. 534).

[3]) Достойно примѣчанія, что сотрудники Ляпунова и его довѣренные, какъ, напр., Өед. Смерд. и Ив. Вас. Плещѣевы, Ив. Ив. Биркинъ и др., все—люди съ сомнительной репутаціей и темнымъ прошлымъ. Такъ, напр., Өед. Смерд. (Кирилловъ) Плещѣевъ былъ упорнымъ тушинцемъ, воровскимъ окольничимъ и дѣятельнымъ тушинскимъ воеводой; въ августѣ 1610 года отъѣхалъ отъ Вора въ Москву и цѣловалъ крестъ Владиславу; въ сентябрѣ былъ посланъ съ сотней къ Сапѣгѣ для совмѣстнаго съ нимъ промысла надъ Воромъ; съ Сапѣгой находился до второй половины февраля, когда отъ Сапѣги отъѣхалъ въ Тулу къ Заруцкому; а во второй половинѣ марта онъ—во главѣ передового отряда Ляпуновскаго ополченія. (См. С. Ѳ. Платоновъ, „Очерки по исторіи Смуты", по указателю; С. А. Бѣлокуровъ, „Разрядныя записи за Смутное время", по указателю; В. Н. Сторожевъ, op. cit., „Боярскій списокъ" 119 года, № 196; A. Hirschberg, Polska a Moskwa, по указателю; Акты Истор., II, № 309; А. Поповъ, „Изборникъ", стр. 350).

тревогу. Съ возможностью торжества Ляпунова связывались въ представленіи бояръ опасность уничтоженія ихъ родословныхъ привилегій, угроза ихъ политическимъ притязаніямъ и даже возможность соціальной революціи. Гонсѣвскій пугалъ московскихъ бояръ призракомъ Ляпунова, этого „большого вора и заводчика крови христіанской“, и его стремленіемъ воцариться на Московскомъ государствѣ [1]). Любопытно, что позднѣе, въ 1615 году, бояре неохотно оправдывали Ляпунова и дѣло его признавали смутой [2]).

Едва ли и дворяне, жившіе на Москвѣ, относились сочувственно къ Ляпуновской затѣѣ, — въ то время „Москва еще ожидала сына Короля“ [3]); во всякомъ случаѣ, если иные давно начали сомнѣваться въ искренности намѣреній Сигизмунда, то еще не отчаялись.

Большой переворотъ въ настроеніи русскихъ людей произошелъ послѣ 19-го марта, дня „великаго Московскаго разоренія“. Возстаніе, повлекшее за собой страшное кровопролитіе, было учинено, по словамъ наименѣе пристрастнаго изъ очевидцевъ, московской чернью, безъ всякаго совѣта и безъ вѣдома польскихъ властей или русскихъ бояръ, дворянъ или зажиточныхъ посадскихъ людей—„немногими неизвѣстными людьми, людьми безъ роду и племени, глупыми и пьяными холопами“; къ нимъ присоединились холопы бояръ. Ударили въ набатъ и бросились на польскихъ солдатъ. На уговоры бояръ, пытавшихся остановить побоище, кричали: „Пришелъ Прокопій Ляпуновъ! Сегодня и завтра всѣхъ васъ истребимъ!“ Произошла ужасная рѣзня, въ которой отъ рукъ польскаго гарнизона погибло множество безоружныхъ московскихъ жителей, и Москва была разграблена и разорена [4]).

Сожженіе и разореніе Москвы и избіеніе поляками москвичей содѣйствовали увеличенію числа сторонниковъ Ляпунова: ряды ополченій, подходившихъ къ Москвѣ, полнились москвичами, избѣгшими посѣченія. Въ этомъ содѣянномъ поляками „великомъ“ разореніи Москвы ополченіе Ляпунова обрѣло свое оправданіе. Любопытно, что позднѣе, когда дипломатическіе представители государствъ Московскаго и Польско-Литовскаго изощрялись во взаимныхъ обвиненіяхъ и самооправданіяхъ, московскіе дипломаты оправдывали возстаніе Ляпунова разореніемъ Москвы, какъ будто походъ Ляпунова къ Москвѣ былъ вызванъ событіемъ 19-го

---

[1]) Акты Зап. Россіи, IV, стр. 480; Польск. посольск. кн. № 30, лл. 895—896.
[2]) Польск. посольск. кн. № 30, л. 192 об. и слѣд.
[3]) А. Дмитріевскій, Архіеп. Елассонскій Арсеній, стр. 146.
[4]) Ibid., стр. 147—148.

марта, до того же времени „Ляпуновъ и въ иныхъ городѣхъ воеводы и всякихъ чиновъ люди“ „ожидали королевичева приходу къ Москвѣ“ [1]). Происшедшее на Москвѣ несомнѣнно придало затѣѣ Ляпунова ореолъ патріотическаго подвига. Самъ Ляпуновъ сознавалъ значеніе своего дѣла. Лучшіе люди того времени, какъ патріархъ Гермогенъ или стольникъ кн. Пожарскій, отнынѣ должны были примириться съ прежнимъ заводчикомъ смутъ.

Въ нашей исторической литературѣ господствуетъ взглядъ, что ополченіе 1611 года было вызвано патріархомъ Гермогеномъ, который и устнымъ словомъ своимъ, и черезъ посредство грамотъ призывалъ народъ къ возстанію [2]). Разнорѣчивость источ-

---

[1]) Польск. посольск. кн. № 30, лл. 35—36 и 142—143.

[2]) Еще Соловьевъ назвалъ Гермогена „главнымъ двигателемъ“ возстанія, „по мановенію котораго, во имя вѣры, вставала и подымалась Земля“ (Исторія Россіи, изд. Обществ. Пользы, кн. II, стр. 983); однако, это сужденіе находилось въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ предшествовавшимъ ему изложеніемъ хода возстанія. Костомаровъ не преувеличивалъ значенія Гермогена, но упоминалъ о грамотахъ, разсылавшихся патріархомъ (Собр. сочиненій, изд. Литер. Фонда, кн. II, стр. 513, ср. стр. 508—509). Д. И. Иловайскій грамотамъ Гермогена приписалъ большое значеніе; по его словамъ, „мольбы“ патріарха „стоять за вѣру и освободить царствующій градъ изъ рукъ безбожныхъ латынянъ распространились по областямъ и возбуждали тамъ сильное волненіе. Особенно эти мольбы обращались въ Рязанскую землю, къ ея храброму воеводѣ П. П. Ляпунову. И сей послѣдній не обманулъ надежды, возлагаемой на него патріархомъ“ (Смутное время, стр. 192—193). Наиболѣе обстоятельно и какъ будто убѣдительно вопросъ о вліяніи патр. Гермогена на народное движеніе 1611 года разработанъ С. Ѳ. Платоновымъ въ его Очеркахъ по исторіи Смуты: здѣсь патр. Гермогену отведено значеніе первенствующее. Тотчасъ послѣ смерти Вора Гермогенъ заговорилъ „объ открытой борьбѣ противъ иноземнаго господства въ Москвѣ“, „рѣшился на то, чтобы открыто призвать свою паству къ вооруженному возстанію на утѣснителей. Онъ началъ посылать по городамъ свои грамоты, въ которыхъ объяснялъ королевскую измѣну, разрѣшалъ народъ отъ присяги Владиславу и просилъ городскихъ людей, чтобы они, не мѣшкая, по зимнему пути, «собрався всѣ въ зборъ со всѣми городы, шли къ Москвѣ на литовскихъ людей»“. При этомъ Гермогенъ, по мнѣнію С. Ѳ. Платонова, разсчитывалъ, главнымъ образомъ, на Пр. Ляпунова и подчиненныхъ ему рязанскихъ служилыхъ людей. Цитируя слова ярославской грамоты: „только бъ не отъ Бога посланъ и такого досточуднаго дѣла патріархъ не учинилъ, и за то (народное дѣло) было кому стояти?“ С. Ѳ. Платоновъ заключаетъ: „Такъ высоко ставили русскіе люди подвигъ патріарха: онъ о д и н ъ открылъ глаза русскимъ людямъ на иноземный обманъ и своею твердостью спасъ государство отъ окончательнаго порабощенія“. (Очерки по ист. Смуты, изд. 3-е, стр. 458—460). Точку зрѣнія С. Ѳ. Платонова усвоилъ П. Г. Васенко и не разъ высказывалъ ее въ

никовъ по вопросу о роли патріарха Гермогена, о томъ, былъ ли онъ виновникомъ возстанія, или нѣтъ, призывалъ ли онъ къ возстанію, или не призывалъ, разсылалъ ли грамоты, или не разсылалъ, до сихъ поръ мало смущала изслѣдователей [1]). А между тѣмъ, есть надъ чѣмъ призадуматься.

Господствующее мнѣніе о томъ, что Ляпуновское возстаніе было вызвано грамотами Гермогена, сложилось на основаніи слѣдующихъ свидѣтельствъ источниковъ.

1) Едва ли не главнѣйшимъ основаніемъ послужило свидѣтельство нѣкоторыхъ изъ грамотъ, которыми пересылались города въ 1611 году. Такъ, въ грамотѣ отъ начала февраля, писанной изъ Нижняго въ Вологду, упоминалось о полученной въ Нижнемъ грамотѣ отъ Ляпунова и рязанцевъ съ извѣстіемъ, „что они (Ляпуновъ и рязанцы) по благословенію святѣйшаго Гермогена... идутъ на польскихъ и на литовскихъ людей [2]). Гра-

---

своихъ статьяхъ. Въ недавнее время С. И. Кедровъ составилъ подробное жизнеописаніе патр. Гермогена, причемъ по вопросу, нами разсматриваемому, согласился съ выводами С. Ѳ. Платонова. Въ очеркахъ о Гермогенѣ, не претендующихъ на самостоятельное научное изслѣдованіе, взгляды С. Ѳ. Платонова кладутся въ основаніе (см., напр., К. К. Назаревскій, Новопрославленный святитель святѣйшій Ермогенъ патріархъ всея Россіи, изд. Церк. Юбил. Комм., или статью Е. Булгаковой въ Сборникѣ статей о Смутномъ времени, въ изд. Истор. Ком. Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.).

[1]) Едва ли не осторожнѣе прочихъ историковъ высказался Забѣлинъ: „Первое слово было произнесено патріархомъ Гермогеномъ. Оно было сказано въ самомъ Кремлѣ, посреди враговъ; оттуда сначала прокрадывалось въ города таинственно, раздавалось въ городахъ все громче и громче и затѣмъ охватило всѣ умы однимъ торжественнымъ кликомъ: стать всѣмъ заодно и очистить Землю отъ враговъ. Но наиболѣе яркимъ двигателемъ и здѣсь явился тотъ же Прокопій Ляпуновъ“ (Мининъ и Пожарскій, изд. 4-е, стр. 52—53). О возстаніи Ляпунова независимо отъ призыва Гермогена замѣтилъ А. Е. Пресняковъ („Люди смутнаго времени“, изд. Брокгауза-Ефрона, стр. 38); ср. С. Ѳ. Платоновъ, op. cit., стр. 462—463. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ появилась статья г. Д. Успенскаго „Страдальцы за землю Русскую, патр. Гермогенъ и троицкій архим. Діонисій“, въ которой авторъ, коснувшись вопроса о роли патр. Гермогена въ движеніи 1611 года и о грамотахъ, ему приписываемыхъ, высказалъ очень основательныя соображенія о томъ, что „Гермогенъ возбуждающихъ грамотъ противъ поляковъ не писалъ“ и „свою угрозу о посылкѣ грамотъ онъ исполнилъ лишь въ августѣ 1611 г.“; приписанныя же ему грамоты, по мнѣнію г. Успенскаго, „принадлежатъ къ подложнымъ патріотическимъ грамотамъ, довольно распространеннымъ въ то время“ (стр. 22—28). Мои соображенія о ходѣ возстанія и образованіи ополченія 1611 года были впервые мною изложены въ моей рѣчи „Народныя движенія 1611 и 1612 гг.“ (Чтенія, 1913 г., кн. 4 и отдѣльно).

[2]) Собр. Гос. Грам. и Догов., II, № 229 и Акты Археогр. Эксп., II, № 176.

мота изъ Нижняго въ Ярославль (вѣроятно, подобная той, которая была написана въ Вологду) до насъ не дошла, но мы имѣемъ образецъ грамотъ, писанныхъ уже изъ Ярославля, въ которыхъ о „благословеніи Гермогена“ Ляпунову говорилось еще распространительнѣе: „И съ Москвы святѣйшій Ермогенъ... и московскіе люди писали на Рязань къ Прокофью Ляпунову и во всѣ Украиные городы и въ Понизовые и словомъ приказывали, чтобъ имъ, собрався съ окольными городы, и съ Поволжскими, однолично итти на польскихъ и на литовскихъ людей... И съ Рязани, господа, писалъ Прокофій Ляпуновъ въ Нижній, а изъ Нижняго писали къ намъ въ Ярославль...“ [1]). Въ концѣ февраля грамоты о соединеніи противъ поляковъ достигли Устюга. Оттуда отписывали въ Чердынь и давали гонцу подорожную—„по благословенію патріарха Гермогена“ [2]). Изъ Чердыни въ серединѣ марта писали отписку о сборахъ ополченія самому Гермогену и въ этой отпискѣ упоминали о дошедшихъ до нихъ спискахъ съ грамотъ и между прочими—съ грамоты патріарха [3]). Грамоты о соединеніи дошли и до Соловецкаго монастыря. Игуменъ, на основаніи дошедшихъ до него извѣстій, изображалъ ходъ дѣла въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Писалъ съ Москвы великій святитель святѣйшій Гермогенъ, патріархъ Московскій и всеа Русіи, въ Великій Новгородъ, и во Псковъ, и въ Казань, и въ Нижній Новгородъ, и на Вологду, и въ Ярославль, и въ Сѣверскіе городы, и на Рязань, и во всѣ городы Московскаго государства, и велѣлъ съѣзжаться къ Москвѣ ратнымъ воинскимъ людямъ и стояти и промышляти единомышленно на литовскихъ людей. И Божіею милостію, въ Московскомъ государствѣ, у святѣйшаго патріарха, и у бояръ, и изо всѣхъ городовъ всего Московскаго государства, ссылаются, и на совѣтъ къ Москвѣ сходятся, и совѣтуютъ, и стоятъ единомышленно на литовскихъ людей...“ [4]). Въ той или иной формѣ упоминаніе объ активной роли патріарха Гермогена въ дѣлѣ возбужденія возстанія вошло и въ послѣдующія грамоты [5]).

2) Въ январской грамотѣ, писанной изъ-подъ Смоленска [6]) въ

---

[1]) Собр. Гос. Грам. и Догов., II, № 239 и Акты Археогр. Эксп., II, № 179.

[2]) Карамзинъ, XII, прим. 684. С. Ѳ. Платоновъ. Статьи по русск. исторіи, изд. 2-е, стр. 161.

[3]) Акты Ист., II, № 323.

[4]) Акты Археогр. Эксп., II, № 180.

[5]) См., напр., Собр. Гос. Грам. и Догов., II, № 241 (Акты Археогр. Эксп., II, № 188, II; В. Берхъ, Древнія госуд. грамоты, № 24), № 244 и № 251 (Акты Археогр. Эксп., II, № 188, V).

[6]) Соображенія, высказанныя С. Ѳ. Платоновымъ (Статьи, изд. 2-е, стр. 157—161) объ этой грамотѣ, съ цѣлью доказать, „что мы имѣемъ дѣло съ лю-

Москву, упоминалось о нѣкоторыхъ московскихъ событіяхъ, ставшихъ извѣстными проживавшимъ подъ Смоленскомъ разныхъ городовъ дворянамъ изъ донесеній московскихъ измѣнниковъ Королю, между прочими—о томъ, „что на Москвѣ патріархъ призываетъ къ себѣ всякихъ людей явно и говоритъ о томъ: будетъ Королевичу не креститься въ христіанскую вѣру, и не выдутъ изъ Московскія земли всѣ литовскіе люди, и Королевичъ де намъ не государь; такія де свои слова патріархъ и въ грамотахъ своихъ отъ себя писалъ во многіе городы“ [1]).

3) Въ Повѣсти кн. Катырева-Ростовскаго разсказано о томъ, какъ патріархъ „созываетъ народъ и повелѣваетъ мужески противу

бопытною поддѣлкою, которая вышла не изъ-подъ Смоленска и не отъ смольнянъ, а изъ какого-то политическаго кружка московскихъ патріотовъ“, не представляются намъ достаточно убѣдительными. Первое соображеніе С. Ѳ. Платонова и едва ли не самое серьезное основаніе для заподозрѣнія подлинности грамоты (соображеніе о томъ, что такихъ лицъ, къ которымъ подошли бы признаки, приписанные себѣ мнимыми авторами грамоты, подъ Смоленскомъ не было) основано на недоразумѣніи: если не съ осени 1609 года, то, по крайней мѣрѣ, съ февраля и марта 1610 года, т. е. дѣйствительно „мало не годъ“, подъ Смоленскомъ могли жить дворяне и дѣти боярскія, пришедшіе туда „изъ своихъ разоренныхъ городовъ и уѣздовъ“ Дорогобужскаго, Брянскаго, Вяземскаго, Бѣльскаго, Ржевскаго, Зубцовскаго и др. (Акты Зап. Россіи, IV, № 183; ср. въ дневникѣ Будилы, Р. И. Б., I, стр. 517, 536 и 540). Второе соображеніе объ искусственности тона грамоты, сближающаго ее не съ подлинными письмами изъ Смоленской осады, а съ Московскими и Троицкими воззваніями, можетъ имѣть значеніе только при наличности другихъ доказательствъ. Третье соображеніе о томъ, что будто бы невѣроятна вытекающая изъ содержанія грамоты освѣдомленность ея авторовъ, на нашъ взглядъ, тоже не убѣдительно: авторы грамоты могли быть освѣдомлены, либо черезъ канцелярію Льва Сапѣги, въ которой несомнѣнно служили такіе же, какъ и они, русскіе люди, цѣловавшіе крестъ Сигизмунду, либо — черезъ кого-либо изъ московскихъ пословъ, съ которыми у нихъ могли установиться тайныя сношенія (возможно, что и въ составленіи самой грамоты кто-либо изъ пословъ принялъ извѣстное участіе). Помимо приведенныхъ соображеній, С. Ѳ. Платоновъ указалъ на двѣ хронологическія несообразности въ текстѣ грамоты. Одна изъ нихъ особенно необъяснима: „Въ грамотѣ“, пишетъ г. Платоновъ, „упоминается письмо Салтыкова и Андронова, писанное послѣ Рождества Христова на пятой недѣлѣ въ субботу, то-есть, 26-го января 1611 года.. Дата невѣроятна потому, что Смоленская грамота была переслана москвичами въ Нижній уже 27-го января“. По этому поводу можно сказать одно: наличность подобной несообразности едва ли можетъ свидѣтельствовать о томъ, что грамота эта не есть грамота подлинная, ибо такую несообразность одинаково трудно объяснить, какъ въ грамотѣ, вышедшей изъ-подъ Смоленска, такъ и въ той, какая могла выйти изъ-подъ искуснаго пера московскихъ патріотовъ.

[1]) Собр. Гос. Грам. и Догов., II, № 226 и упоминаніе на стр. 499 (Акты Археогр. Эксп., II, № 176, II и упомин. на стр. 297).

поляковъ за крестьянскую вѣру стояти и братися; и посылаетъ писаніе во всѣ грады Россійскіе державы на подтвержденіе людемъ, а наипаче посылаетъ до страны Резанскіе, во градъ Переславль, къ воеводѣ и властелю Резанскихъ предѣлъ, къ Прокофію Ляпунову, и молитъ его, дабы не далъ въ расхищеніе и въ вѣчное паденіе царствующаго града Москвы“ [1]).

4) Въ Столяровѣ хронографѣ сказано, что патріархъ Гермогенъ „писалъ свои святительскія грамоты во многіе городы къ воеводамъ, и къ дворянамъ и къ дѣтямъ боярскимъ, и ко всякимъ служилымъ людямъ, и къ торговымъ и къ посадскимъ людямъ, чтобъ они... собрався изъ городовъ со всѣми ратными людьми, шли къ Москвѣ Московское государство оборонить отъ разорителей и отъ враговъ отъ польскихъ и отъ литовскихъ людей,... а посылалъ съ грамоты своими святительскими (дѣтей) боярскихъ своихъ патріаршихъ и словесно съ ними приказывалъ, чтобъ воеводы и ратные люди не помѣшкали къ Москвѣ по зимнему пути. А посланы грамоты въ Переяславль Рязанской къ думн. дв. П. П. Ляпунову, да въ Володимеръ къ околн. А. В. Измайлову, въ Муромъ къ окольн. кн .В. Ѳ. Мосальскому-Литвинову... да въ Нижней писалъ къ воеводѣ кн. А. А. Репнину, въ Суздаль къ Андрею Просовецкому... въ Ярославль и на Кострому и въ иные городы. И воеводы межъ себя ссылалися письмомъ, чтобъ имъ, собрався, итти подъ Москву“ [2]).

5) Послѣднюю группу свидѣтельствъ составляютъ извѣстія польскія.

Изъ нихъ самымъ категорическимъ являются утвержденія Гонсѣвскаго.

Въ 1615 году, на съѣздѣ русскихъ пословъ съ польско-литовскими, отъ лица послѣднихъ Гонсѣвскій выступилъ съ пространными рѣчами съ цѣлью обличенія русскихъ въ ихъ прошлыхъ неправдахъ и оправданія поляковъ (и себя въ томъ числѣ) въ ихъ прежней дѣятельности. Глава русской церкви, твердый поборникъ православія, патріархъ Гермогенъ былъ выставленъ главнымъ виновникомъ смутъ и измѣнъ русскихъ людей. По словамъ Гонсѣвскаго, Гермогенъ въ декабрѣ писалъ по городамъ „смутныя неправдивыя грамоты, крови разлитіе Московскому государству заводячія“. Именно 29-го числа (8-го янв. нов. ст.) „писалъ тайно въ городы и отослалъ съ Василіемъ Чертовымъ въ Нижній-Новгородъ грамоту смутную, а изъ Нижняго разсылано въ Кострому,

---

[1]) Русск. Ист. Библ., XIII, стр. 606 (изд. 2-е).

[2]) Изборникъ, изд. А. Попова, стр. 349.

въ Галичъ и въ иные городы". А писалъ де Гермогенъ въ своей грамотѣ о томъ, что „кн. Ѳ. И. Мстиславскій со всѣми иными боярами и думными людьми Москву литвѣ выдали, а Вора дей въ Калугѣ убито; и они бъ, собрався всѣ въ сборъ со всѣми городы, шли къ Москвѣ на литовскихъ людей". Гонсѣвскій предъявлялъ русскимъ посламъ эту грамоту патріарха, а на возраженія ихъ, что „патріархъ такъ не писывалъ", и что грамота та поддѣлана была Гонсѣвскимъ и русскими измѣнниками [1]), ссылался на свидѣтельство грамотъ, которыми пересылались города. Итакъ, по словамъ Гонсѣвскаго, „смута всчалася и кровь христіанская пролилася отъ него (Гермогена), и съ городовъ люди пришли и городы отложились по его жъ ссылкѣ" [2]).

Полякъ Маскѣвичъ разсказываетъ, будто тотчасъ по смерти Вора Гермогенъ „тайно разослалъ по всѣмъ городамъ грамоты, коими, разрѣшая народъ отъ присяги Королевичу, тщательно убѣждалъ соединенными силами какъ можно скорѣе спѣшить къ Москвѣ, не жалѣя ни жизни, ни имуществъ для защиты христіанской вѣры и для одолѣнія непріятеля. «Враги уже почти въ рукахъ нашихъ», писалъ патріархъ; «когда же ссадимъ ихъ съ шеи и освободимъ Государство отъ ига, тогда кровь христіанская престанетъ литься, и мы, свободно избравъ себѣ царя отъ рода русскаго, съ увѣренностію въ ненарушимости вѣры православной, служащей оплотомъ нашему Государству, не примемъ царя латинскаго, коего навязываютъ намъ силою, и который влечетъ за собою гибель нашей странѣ и народу, разореніе храмамъ и пагубу вѣрѣ христіанской»". Маскѣвичъ далѣе утверждаетъ, что эти грамоты патріарха 15-го декабря были перехвачены поляками въ окрестностяхъ Москвы [3]).

Жолкѣвскій лучше другихъ разбирался въ ходѣ событій. Въ своихъ запискахъ онъ отвелъ подобающее мѣсто иниціативѣ Ляпунова. Однако и онъ помѣстилъ дошедшіе до него слухи объ участіи Гермогена въ возбужденіи Ляпунова къ возстанію (и будто бы „патріархъ самъ сознался, что дѣлалъ это") и о распространеніи имъ по городамъ грамотъ съ извѣщеніемъ, что „Король не хочетъ дать королевича Владислава и желаетъ лучше самъ быть госу-

---

[1]) Печать патріарха имѣлась въ то время въ Посольскомъ приказѣ (Посольск. кн. № 30, л. 184 об.), гдѣ сидѣлъ одинъ изъ главныхъ „измѣнниковъ"—Ив. Тар. Грамотинъ.

[2]) Акты Зап. Россіи, IV, стр. 482, 483, 486 и 493.

[3]) Сказан. современ. о Димитріи Самозванцѣ (изд. Устрялова), V, стр. 56—57.

даремъ". По мнѣнію Жолкѣвскаго, эта дѣятельность патріарха ускорила кровопролитіе [1]).

Противъ господствующаго въ литературѣ взгляда, основаннаго на выше приведенныхъ свидѣтельствахъ источниковъ, слѣдуетъ сдѣлать рядъ возраженій.

Прежде всего самыя свидѣтельства, на которыхъ этотъ взглядъ основывается, не представляются заслуживающими достаточнаго довѣрія.

Всего менѣе слѣдуетъ довѣрять свидѣтельству грамотъ, которыми пересылались города. Заключенныя въ нихъ указанія на то, что Гермогенъ благословилъ Ляпунова на походъ противъ поляковъ, не находятъ подтвержденія въ дошедшихъ до насъ двухъ писанныхъ въ январѣ призывныхъ грамотахъ самого Ляпунова въ Нижній [2]). Между тѣмъ, объ грамоты, особенно первая, очень многорѣчивы, и Ляпунову, имѣй онъ благословеніе отъ патріарха на возстаніе, а тѣмъ паче грамоту отъ него, былъ полный разсчетъ сослаться на это; и однако Ляпуновъ (во второй своей грамотѣ), въ отвѣтъ на сообщеніе изъ Нижняго о вѣстяхъ, которыя имѣлись въ Нижнемъ отъ патріарха, писалъ только то, что и ему подлинно вѣдомо о гоненьѣ и тѣснотѣ, претерпѣваемыхъ патріархомъ отъ бояръ-богоотступниковъ и отъ поляковъ, и беззастѣнчиво хвасталъ, будто по его письму къ боярамъ „патріарху учало быть повольнѣе, и дворовыхъ людей ему немногихъ отдали". Итакъ, есть всѣ основанія полагать, что нижегородцы въ своихъ грамотахъ, которыя они разсылали по городамъ, приплели съ извѣстнымъ разсчетомъ имя патріарха къ возстанію Ляпунова (для приданія ему вида благонадежности), и эта прикраса получила дальнѣйшее развитіе въ послѣдующихъ грамотахъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ крѣпче имя патріарха Гермогена связывалось въ народномъ воображеніи съ дѣломъ ополченія на враговъ [3]).

---

[1]) Записки Жолкѣвскаго (изд. Муханова, 2-е), стр. 113—116. Изъ другихъ польскихъ источниковъ можно отмѣтить еще повѣствованіе Кобѣржицкаго (Kobierzicky, Historia Vladislai), по словамъ котораго Гонсѣвскій лично упрекалъ Гермогена за его дѣятельность по возбужденію возстанія, Гермогенъ отрицалъ это, но Гонсѣвскій уличилъ его „certis evidentibusque prolatis indiciis" (стр. 372—373).

[2]) Костомаровъ, op. cit., стр. 525—527, въ подстрочномъ примѣчаніи. Собр. Гос. Грам. и Догов., II, № 228 (Акты Археогр. Эксп. II, № 176, III).

[3]) Нельзя, разумѣется, придавать серьезнаго значенія ссылкѣ чердынцевъ на полученный ими изъ Устюга списокъ съ грамоты Гермогена вмѣстѣ со списками съ грамотъ „изъ-подъ Смоленска, изъ Нижняго-Новгорода, изъ Рязани и съ вологодскихъ, и съ ярославскихъ, и съ суздальскихъ". Недоразумѣніе здѣсь—очевидно, и едва ли стоитъ объяснять, почему. Грамотой

Свидѣтельство грамоты „изъ-подъ Смоленска“ въ той части, гдѣ говорится о проповѣди Гермогена народу на тему о необходимости новоизбранному царю креститься въ православную вѣру, не возбуждаетъ сомнѣній, упоминаніе же о грамотахъ, разославшихся Гермогеномъ въ города, есть не что иное, какъ откликъ обвиненій, предъявленныхъ патріарху Гонсѣвскимъ и русскими „измѣнниками“.

Кн. Катыревъ-Ростовскій не былъ свидѣтелемъ событій 1611 г., находясь въ то время на воеводствѣ въ Сибири, и остался, очевидно, подъ впечатлѣніемъ доходившихъ и до него грамотъ о всеобщемъ соединеньѣ, въ которыхъ имя патріарха сочеталось съ дѣломъ всенароднаго возстанія. Поэтому и его свидѣтельству не слѣдуетъ придавать значенія.

Записки русскаго дворянина XVII в. (какъ кажется, Баима Ѳедор. Болтина), извѣстныя подъ названіемъ Столярова хронографа, даже и послѣ очень любопытныхъ и цѣнныхъ изысканій и соображеній С. Ѳ. Платонова, заслуживаютъ детальнаго изслѣдованія. Предположеніе С. Ѳ. Платонова, что записки написаны Б. Ѳ. Болтинымъ, начавшимъ службу въ первый годъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, и что, слѣдовательно, авторъ записокъ не былъ сознательнымъ очевидцемъ описываемой имъ эпохи Смуты, очень вѣроятно. Разсказъ о событіяхъ 1611 года не походитъ на разсказъ очевидца: правда, нѣкоторые моменты переданы живо и съ деталями, неизвѣстными изъ другихъ источниковъ (напр., убіеніе Ляпунова; эти моменты могли быть записаны авторомъ по разсказамъ очевидцевъ), но общій ходъ разсказа—спутанный. Причинная связь событій автору неясна. Такъ, послѣ разсказа о дѣятельности Гермогена и разсылкѣ имъ грамотъ по городамъ и о ссылкѣ городовъ между собою, авторъ совершенно некстати приводитъ извѣстіе о гибели Вора, а затѣмъ ведетъ разсказъ о движеніи ополченій. Читая это повѣствованіе, получаешь впечатлѣніе, что авторъ передаетъ разсказы, имъ слышанные, и факты, собранные имъ изъ письменныхъ источниковъ (о дѣятельности Гермогена—изъ нижегородскихъ и другихъ грамотъ о соединеньѣ), не сознавая ихъ взаимной связи. Оцѣнку свидѣтельству Столярова хронографа о разсылкѣ Гермогеномъ грамотъ по городамъ уже давно сдѣлалъ С. Ѳ. Платоновъ. По поводу „перечня городовъ, въ

Гермогена чердынцы именовали, по всей вѣроятности, извѣстную анонимную грамоту московскихъ жителей; этимъ объясняется, почему въ ихъ перечнѣ дошедшихъ до нихъ списковъ съ грамотъ не поименована грамота „ото всякихъ московскихъ людей“.

которые писалъ Гермогенъ", онъ замѣтилъ: „Здѣсь указаны тѣ города, въ какихъ стало «собираться» ополченіе 1611 года. Едва ли авторъ хронографа отъ послѣдняго факта не заключилъ къ первому: онъ сообщаетъ, будто патріархъ писалъ и къ Просовецкому въ Суздаль, но обращеніе патріарха къ «воровскому» отряду Просовецкаго мало вѣроятно" [1]). Итакъ, и это свидѣтельство не заслуживаетъ довѣрія. Остаются свидѣтельства польскія.

Нѣкоторымъ подрывомъ довѣрія къ сообщеніямъ Гонсѣвскаго и Маскѣвича служитъ разнорѣчіе ихъ по вопросу о томъ, когда были перехвачены грамоты патріарха: по Гонсѣвскому, это было 29-го, по Маскѣвичу—15-го декабря [2]).

Даже въ томъ случаѣ, если отдать предпочтеніе датированію Гонсѣвскаго, въ виду обычной путаницы хронологическихъ датъ въ запискахъ Маскѣвича, придется признать неправдоподобность ихъ сообщеній. Трудно повѣрить, чтобы Гермогенъ уже 29-го декабря писалъ въ Нижній [3]) съ призывомъ къ возстанію, „а (затѣмъ) изъ Нижняго разсылано въ Кострому, въ Галичъ и въ иные городы". Въ самомъ дѣлѣ, возстаніе Нижняго (а за нимъ и другихъ городовъ Замосковья) воспослѣдовало не ранѣе второй половины января, послѣ того какъ тамъ были получены призывы Ляпунова, и послѣ того какъ вернулись въ Нижній нижегородскіе посланцы, ѣздившіе въ Москву къ патріарху „и ко всей Земли" (!) „съ отписками и для подлинныхъ вѣстей". Какихъ „подлинныхъ вѣстей" надо было еще нижегородцамъ, если они уже имѣли отъ самого патріарха благословеніе на возстаніе! И почему они такъ долго медлили послѣ призывной грамоты Гермогена! Сообщеніямъ Гонсѣвскаго и Маскѣвича противорѣчитъ также и „Новая повѣсть", написанная, по мнѣнію С. Ѳ. Платонова, „въ концѣ декабря 1610 г. или въ началѣ января 1611 г." [4]). Авторъ ея не только не знаетъ о грамотахъ Гермогена съ призывомъ къ возстанію, но на вопросъ: „Али того ожидаете, чтобы вамъ самъ великій тотъ столпъ (т. е. пат-

---

[1]) С. Ѳ. Платоновъ, Очерки, примѣч. 204 на стр. 591.

[2]) „25-го декабря" у Маскѣвича — несомнѣнно новаго стиля. Что же касается „8-го января" у Гонсѣвскаго, то и оно, по всей вѣроятности, по новому стилю: во-первыхъ, потому, что Гонсѣвскій и въ другихъ случаяхъ приводилъ даты по новому стилю, а во-вторыхъ, потому, что около 8-го января стараго стиля Гермогенъ уже былъ лишенъ возможности писать грамоты и „приказывалъ рѣчью" черезъ нижегородскихъ посланцевъ. Собр. Гос. Грам. и Догов., II, стр. 497 (Акты Археогр. Эксп., II, стр. 301).

[3]) Любопытно, между прочимъ, что грамота Гермогена отъ 29-го декабря, которую Гонсѣвскій предъявлялъ боярамъ, была адресована въ Нижній, а не къ Ляпунову.

[4]) Статьи, стр. 59—60.

ріархъ Гермогенъ) святыми своими усты изрекъ и повелѣлъ бы вамъ на враги дерзнути и кровопролитіе воздвигнути?“ утверждаетъ, что „никако же такова отъ него, государя, поущенія не будетъ, понеже и самъ онъ, государь, велика разума и смысла и мудра ума: мню,—мыслитъ, чтобы не отъ него зачалося, а имъ бы добро сотворилося, ево бы крѣпкимъ стояніемъ и молитвою къ Богу, а вашимъ бы тщаніемъ и ополченіемъ и дерзновеніемъ на враги“ [1]).

Но и помимо всего этого, мы не можемъ повѣрить польскимъ извѣстіямъ. Первымъ препятствіемъ къ тому является отрицаніе самимъ Гермогеномъ его участія въ составленіи и распространеніи грамотъ.

Объ этомъ мы имѣемъ три достовѣрныхъ свидѣтельства. Первыя два исходятъ отъ лицъ, хорошо освѣдомленныхъ, и притомъ такихъ лицъ, отзывамъ коихъ по данному вопросу нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній не довѣрять. Грекъ архіепископъ Арсеній, просидѣвшій въ Москвѣ въ теченіе всей осады 1611—1612 годовъ, отнюдь не благоволившій къ Гермогену и отлично ладившій съ Гонсѣвскимъ и предавшимися на волю Короля русскими людьми, далъ слѣдующій отзывъ: „Нѣкоторые говорили, что возстаніе городовъ и народа произошло по совѣту патріарха кириъ Гермогена, хотя истину вѣдаетъ Господь, потому что самъ онъ отрицалъ это“; и въ другомъ мѣстѣ (послѣ описанія великаго разоренія Москвы): „Бояре московскіе изгнали и святѣйшаго патріарха кириъ Гермогена изъ патріархіи и заключили его въ подворьѣ святого Кирилла, снявши съ него архіерейскія одежды безъ архіерейскаго собора, одѣли его въ монашескія одежды, такъ какъ имѣли на него большое подозрѣніе и гнѣвъ, говоря, что при его содѣйствіи (μετὰ συνεργίας αὐτοῦ) произошло народное возстаніе, разрушены крѣпости, потеряно и пролито столько христіанской крови,—не зная навѣрное“ [2]). Другое свидѣтельство принадлежитъ не безызвѣстному кн. И. А. Хворостинину, приставшему къ партіи, желавшей воцаренія Владислава, просидѣвшему въ Москвѣ до 19-го марта 1611 года и перешедшему послѣ „великаго Московскаго разоренія“ на сторону ополченій. Хворостининъ въ любопытнѣйшихъ запискахъ своихъ удѣляетъ много мѣста памяти патріарха Гермогена. Онъ вспоминаетъ проповѣдь Гермогена, которую ему довелось слышать зимою 1611 года. Патріархъ тогда говорилъ: „Рекоша бо на мя враждотворцы наши, яко азъ вставлю

---

[1]) Р. И. Б., XIII, стр. 210—211.

[2]) А. Дмитріевскій, Архіеп. Елассонск. Арсеній, стр. 146 и 149.

вои и вооружаю ополченіе страннаго сего и неединовѣрнаго воинства...; и азъ никако таковая глаголя вамъ когда, вы бо есте словесемъ моимъ свидѣтели. И едино имѣхъ вамъ реченіе: облецытеся во оружіе Божіе, въ постъ и въ молитвы; аще кто изучилъ грамотное ученіе, псалмами да вооружаются; аще кто не умѣетъ книжнаго ученія, Іисусовою молитвою да облечется во оружіе спасенія; аще кто разбойникъ, да отстанетъ отъ того; аще кто грабитель, да отторгнется того; и кто есть лихоимецъ, да отрѣшится отъ сего; и кто есть блудникъ, да отринетъ отъ себе скверну свою, — и спасутся, и обратятся къ Богу и исцѣлѣютъ, и поможетъ намъ Господь Богъ, по пророческому словеси, «вечеръ, заутра и полудне». Се оружіе православія, се сопротивленіе по вѣрѣ, се уставъ закона! А его же нарекше царемъ, аще не будетъ единогласенъ вѣры нашея, нѣсть намъ царь сый! но вѣренъ, — да будетъ намъ владыко и царь [1])!“

Свидѣтельства архіеп. Арсенія и кн. Хворостинина согласуются со свидѣтельствомъ неизвѣстнаго автора Новаго лѣтописца: Гермогенъ утверждалъ, что не писывалъ грамотъ по городамъ съ призывомъ къ возстанію [2]).

Зная характеръ Гермогена, трудно допустить, чтобы онъ отрицалъ свое участіе въ возбужденіи возстанія вопреки истинѣ [3]).

Вторымъ препятствіемъ повѣрить утвержденіямъ Гонсѣвскаго и Маскѣвича, и, на нашъ взглядъ, наиболѣе серьезнымъ, является слѣдующее соображеніе: если грамоты патріарха съ призывомъ къ возстанію были перехвачены сидѣвшими на Москвѣ поляками и доставлены Гонсѣвскому, какимъ образомъ это обстоятельство, не оставлявшее сомнѣнія въ виновности Гермогена, могло остаться

---

[1]) Р. И. Б., XIII, стр. 550.

[2]) Когда бояре пришли къ патріарху просить его, чтобъ онъ отъ себя написалъ грамоты Ляпунову и прочимъ начальникамъ собравшихся ополченій, чтобъ они къ Москвѣ не ходили, и когда М. Г. Салтыковъ началъ говорить Гермогену, „что де ты писалъ еси къ нимъ, чтобъ они шли подъ Москву, а нынѣ ты жъ къ нимъ пиши, чтобъ они воротились вспять“, патріархъ ему отвѣчалъ: „я з ъ д е к ъ н и м ъ н е п и с ы в а л ъ, а нынѣ къ нимъ стану писати: будетъ ты измѣнникъ Михайло Салтыковъ съ литовскими людьми изъ Москвы выдешь вонъ, и я имъ не велю ходити къ Москвѣ, а будетъ вамъ сидѣть въ Москвѣ, и я ихъ всѣхъ благословлю помереть за православную вѣру“... (Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. XIV, 1-я полов., стр. 107).

[3]) По словамъ г. Д. Успенскаго, „не хитрымъ политикомъ, какъ думаютъ нѣкоторые, а просто искреннимъ, правдивымъ человѣкомъ былъ Гермогенъ, когда на обвиненія его въ разсылкѣ возбудительныхъ грамотъ отвѣчалъ, что онъ, не переставая открыто заявлять объ обязательности для королевича православія, грамотъ, однако, не разсылалъ...“. (Op. cit., стр. 25).

неизвѣстнымъ архіепископу Арсенію или кн. Хворостинину? Если патріархъ былъ дѣйствительно уличенъ, то какъ могъ онъ отрицать свою вину, какъ могли бояре отрицать ее впослѣдствіи и ради чего?

Разобранныя нами свидѣтельства, на основаніи которыхъ построено господствующее мнѣніе историковъ о роли патріарха Гермогена въ дѣлѣ возстанія 1611 года, сводятся въ сущности къ двумъ основнымъ первоисточникамъ: грамотамъ, которыми пересылались города, и извѣстіямъ польскимъ. Свидѣтельства кн. Катырева-Ростовскаго и Баима Болтина не могутъ быть разсматриваемы какъ первоисточники, такъ какъ они основаны на тѣхъ же грамотахъ. Сообщеніе грамоты изъ-подъ Смоленска тоже не имѣетъ самостоятельнаго значенія,—оно сводится къ тому же источнику, на которомъ основаны польскія извѣстія: обвиненіямъ, выставленнымъ Гонсѣвскимъ и польской партіей противъ патріарха. Ни грамоты, въ которыхъ отражалось сознаніе русскихъ людей, ополчавшихся на поляковъ, ни польскія извѣстія, въ которыхъ зафиксировались и получили значеніе реальнаго факта обвиненія, предъявленныя Гермогену его врагами, послѣ тщательнаго ихъ разсмотрѣнія не должны быть признаны доказательными.

Между тѣмъ противопоказаній много, и они весьма существенны.

Выше были приведены нѣкоторыя изъ нихъ: извѣстія о томъ, что самъ Гермогенъ отрицалъ свою причастность къ возстанію, и что современники сомнѣвались въ справедливости возведенныхъ на него обвиненій; свидѣтельство такъ называемой Новой повѣсти; неупоминаніе о призывѣ къ возстанію въ грамотахъ, исходившихъ какъ разъ изъ самаго очага возстанія—Рязани. Этотъ перечень слѣдуетъ дополнить ссылкой на молчаніе о призывѣ Гермогена въ цѣломъ рядѣ источниковъ по исторіи Смуты: Новомъ лѣтописцѣ, Сказаніи Авраамія Палицына, оригинальныхъ статьяхъ въ составѣ такъ называемой Рукописи Филарета, Иномъ сказаніи (и отповѣди въ статьяхъ о Смутѣ изъ хронографа 1617 г.), запискахъ поляка Мархоцкаго, запискахъ голландца Геркмана и нѣкоторыхъ другихъ [1]). Можно сослаться еще на тѣ слова, которыя на

[1]) П. С. Р. Л., XIV; 1-я полов., стр. 105—107; Р. И. Б., XIII, стр. 1192—1193 и слѣд.; Рукопись Филарета (М. 1837), л.л. 34 (на стр. 39-й), 37 (на стр. 41-й) и 40—41 (на стр. 44-й) (Гермогену вложены въ уста слѣдующія слова къ москвичамъ, прибѣгавшимъ къ нему за совѣтомъ и утѣшеніемъ: „О чада! не язъ ли вамъ всбраняхъ въ предних вашихъ начинаніяхъ? не азъ ли васъ уймахъ? вы жъ, неумышная и непослушная чада, сему не внимасте, нынѣ жъ не вѣмъ, что творити“); Р. И. Б., XIII, стр. 123—125 и стр. 1310—1316; Historya wojny Moskiewskiej przez Mikolaja Marchockiego, стр. 107 и слѣд.; „Сказанія Массы и Геркмана“, стр. 321—322.

съѣздѣ 1615 года московскіе послы говорили, обращаясь къ Гонсѣвскому: „А святѣйшій Ермогенъ патріархъ тебя Александра и всѣхъ измѣнниковъ въ вашихъ неправдахъ обличалъ, не молчалъ вамъ, смерти и позору не убоялся, стоялъ противъ васъ ни силою ни множествомъ вой ни храбростію совершалъ свое, душу свою полагалъ за стадо отъ Бога данное ему словесныхъ овецъ, обличалъ васъ словомъ и за то и пострадалъ отъ васъ, а тайно и явно збиратца на васъ на Москвѣ и побивати не веливалъ“ [1]). Въ запискахъ кн. Хворостинина содержится очень любопытный отрывокъ. Авторъ очень высоко ставилъ личность патріарха Гермогена и не вѣрилъ, чтобъ патріархъ былъ виновникомъ возстаній и кровопролитій 1611 г. Его смущало мнѣніе нѣкоторыхъ людей, будто „соблазнъ и смущеніе патріархъ той сотворилъ есть и возведе люди своя братися на враги,... изсѣчени быша отъ нихъ, и крови проліяшася велицы отъ его учительства, и отъ Резани и Сѣверы возставилъ вои и писаніемъ подощряя“. „И тако мнѣ помыслившуся, яко пастыря глаголъ сей бысть“, разсказываетъ Хворостининъ, „во градѣхъ Резанскихъ стратилатствующу ми довольно, тамо архіерея имѣя сообщника любви моея, Ѳеодорита,... вопрошающу ми его о списаніи патріаршескомъ,—како налсти народы и ополченіе ваше къ своей погибели подъятъ,—онъ же сей, духовные ради любве, въ нутреннюю храмину поиде и епистолію самыя патріаршескія руки вдастъ ми, имуще образъ писанія сицевъ: «О Христѣ возлюбленный брате нашъ и сослужителю нашего смиренія»...“ [2]). На этомъ обрываются записки Хворостинина, но читатель догадывается, что содержаніе собственноручной „епистоліи“ патріарха не уличало его въ глазахъ Хворостинина.

Въ дополненіе ко всему вышеизложенному не будетъ излишнимъ привести соображеніе о томъ, что Гермогенъ, съ его характеромъ и его идеалами, не могъ призывать къ возстанію Прок. Ляпунова, извѣстнаго смутьяна того времени; не могъ сочувствовать Ляпунову и позднѣе, когда на кличъ Ляпунова стали стекаться „ополченія страннаго и неединовѣрнаго воинства“ (это—слова самого Гермогена). Не надо забывать, что ополченіе 1611 года было ляпуновскимъ по преимуществу и отчасти даже воровскимъ. Правда, когда современный изслѣдователь думаетъ о движеніи 1611 года, то въ его воображеніи встаютъ картины спѣшной и дружной пересылки сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ городовъ, ихъ воодушевленія и сборовъ ихъ ополченій. Причина этого—въ

---

[1]) Польск. посольск. кн. № 30, лл. 143—144.

[2]) Р. И. Б., XIII, стр. 556—558.

характеръ источниковъ, уцѣлѣвшихъ до нашего времени: до насъ дошло не мало грамотъ, которыми пересылались города нашего Сѣвера и Сѣверо-востока, и не сохранилось почти ничего, что могло бы ознакомить насъ съ настроеніемъ ополченій, сбиравшихся вокругъ Ляпунова, Заруцкаго и Трубецкого. Между тѣмъ, не только инициатива движенія, но и преобладаніе въ собравшемся подъ стѣнами Москвы ополченіи, несомнѣнно принадлежало Ляпунову, Заруцкому и Трубецкому и ихъ сторонникамъ. Не даромъ, именно Ляпуновъ, Заруцкій и Трубецкой были избраны въ правительство; и не попалъ въ это правительство ни одинъ изъ предводителей прочихъ ополченій ярославскаго, нижегородскаго и другихъ, хотя въ составѣ ихъ и были воеводы даровитые, заслуженные и знатные (хотя бы окольничій князь В. Ѳ. Литвиновъ-Мосальскій и окольничій Артемій В. Измайловъ). Не даромъ, когда Ляпуновъ разошелся со своими воровскими союзниками и попытался опереться на земскія силы, онъ погибъ, и земскія ополченія, почувствовавъ свое безсиліе, стали таять.

Мы отднюдь не думаемъ умалять значенія высокаго подвига патріарха Гермогена, прекрасно изображеннаго авторомъ Новой повѣсти, мы отрицаемъ только вѣроятность интриги патріарха. Гермогенъ несомнѣнно противодѣйствовалъ болѣе кого бы то ни было замысламъ польской партіи — склонить русскихъ людей къ готовности цѣловать крестъ самому королю Сигизмунду. Послѣ его столкновенія съ Салтыковымъ (1-го декабря) не одни поляки съ Гонсѣвскимъ во главѣ, но и русскіе „измѣнники“ должны были искать предлога лишить его возможности вліять на народъ въ противномъ для нихъ смыслѣ [1]). Ради этого противъ Гермогена было выставлено обвиненіе, что онъ разсылаетъ грамоты по городамъ съ призывомъ къ возстанію на избраннаго царя. Допуская, что полякамъ дѣйствительно удалось или, быть можетъ, не разъ удавалось, перехватывать патріаршія грамоты, въ которыхъ Гермогенъ освѣдомлялъ иногородныхъ русскихъ людей о главнѣйшихъ событіяхъ переживаемаго времени [2]), мы полагаемъ,

[1]) Въ писанномъ во второй половинѣ декабря подметномъ письмѣ, извѣстномъ подъ именемъ Новой повѣсти, говорится про Салтыкова, что онъ „нынѣ дышитъ и сипитъ, аки скорпія, и, не престая, крамолы воздвизаетъ и всю свою плотную бѣсовскую сонмицу возмущаетъ и всяко ему, государю (патріарху), стужаетъ“. „И тѣснятъ“, говорится далѣе про Салтыкова съ товарищами, „и еще, конечно, мыслятъ со всѣми своими пособники, како бы его, государя, погубити, чтобъ безъ него все свое желаніе совершити и всѣхъ насъ, аки зміямъ, поглотити“. Р. И. Б., XIII, стр. 206.

[2]) Напримѣръ, около 15-го декабря (дата, приводимая Маскѣвичемъ) патріархъ могъ писать о гибели Вора.

однако, что этихъ грамотъ Гонсѣвскому или Салтыкову съ товарищами было недостаточно для уличенія патріарха въ дѣланіи смуты. Едва ли не правы были московскіе послы, говорившіе на съѣздѣ 1615 года, что призывная грамота отъ имени патріарха — дѣло рукъ Гонсѣвскаго и русскихъ „измѣнниковъ", имѣвшихъ возможность воспользоваться хранившейся въ Посольскомъ приказѣ печатью патріарха. Напомнимъ, что къ такому же подлогу прибѣгъ Гонсѣвскій, по свидѣтельству своихъ соотечественниковъ Мархоцкаго и Маскѣвича, и нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, съ цѣлью погубить Ляпунова [1]).

Не отрицая сношеній патріарха Гермогена съ Нижнимъ въ январѣ 1611 года черезъ нижегородскихъ посланцевъ, бывавшихъ въ Москвѣ у патріарха и бесѣдовавшихъ съ нимъ, признавая, что въ дѣлѣ присоединенія Нижняго, а за нимъ и другихъ городовъ Замосковья, къ возстанію Ляпунова слухи о стойкости патріарха и его ободряющее слово (но не призывныя грамоты, каковыхъ не было вовсе) должны были сыграть извѣстную роль, мы настаиваемъ на томъ, что самое возстаніе Ляпунова и присоединеніе къ его возстанію городовъ Рязанскихъ, Украинныхъ и Заоцкихъ произошло независимо отъ Гермогена.

Въ Новомъ лѣтописцѣ содержится два извѣстія, бывшихъ источниками сложившагося въ нашей исторической литературѣ взгляда о причастности Пожарскаго къ дѣлу перваго ополченія. Первое—о помощи, оказанной Пожарскимъ Ляпунову противъ черкасъ; второе—о дѣйствіяхъ Пожарскаго въ Москвѣ въ дни разоренія 19-го и 20-го марта.

Содержаніе перваго извѣстія слѣдующее. Бывшіе на Москвѣ литовскіе люди, слыша о сборахъ Прок. Ляпунова, для противодѣйствія его замыслу послали черкасъ воевать Рязанскія мѣста; къ нимъ же приставъ съ русскими ворами московскій измѣнникъ Исакъ Сунбуловъ. Въ то время Ляпуновъ „поиде къ городу Пронску и Пронескъ взя взятьемъ". Въ Пронскѣ и осадили Ляпунова черкасы „и тѣсноту ему дѣлаша великую". „Слышавъ же у Николы Зарайсково воевода князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской, и собрася съ коломничи и съ резанцы, и поидоша подъ Пронескъ. Черкасы жъ, слышавъ то, отъ Пронска отоидоша и сташа на Михайловѣ. Прокофья жъ изъ Пронска выведоша и поидоша въ Переславль. Князь Дмитрей же Михайловичъ приня отъ архіепископа Ѳеодорита благословеніе, иде опять къ Николѣ Зарайскому". Затѣмъ „придоша жъ черкасы съ Михайлова нощію и взяша у Ни-

[1]) Marchocki, стр. 123—124; Маскѣвичъ, стр. 101—102.

колы Зарайсково острогъ; помощію жъ и чюдесы великого чюдотворца Николы воевода князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской выиде изъ города не съ великими людьми, и черкасъ изъ острога выбиша вонъ и ихъ побиша. Исай же Сунбуловъ, видя крѣпкостоятельство московскихъ людей, побѣжа къ Москвѣ, а черкасы поидоша на Украйну“ [1]). Это — первое извѣстіе. Второе — гласитъ о томъ, какъ во время разоренія Москвы, во вторникъ 19-го марта, польско-литовскія роты, побивая москвичей, послѣ сѣчи въ Китаѣ-городѣ и на Тверской, направились на Срѣтенскую улицу: „на Устрѣтенской же улицѣ совокупись съ пушкари князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской и нача съ ними (польско-литовскими ротами) битися и ихъ отбиша и въ городъ втопташа, а сами поставиша острогъ у Веденья Пречистыя Богородицы. Потомъ же (непріятельскія роты) поидоша на Кулишки, тамо жъ противъ ихъ собрась Иванъ Матвѣевичъ Бутурлинъ. И сташа въ Яузскихъ воротахъ, а улицъ Кулижекъ и иныхъ не можаху отнять. Потомъ же они поидоша за Москву рѣку, тамъ же противъ ихъ ста Иванъ Колтовской... Прокофей же Ляпуновъ и иные воеводы сами вскорѣ не пріидоша и на помощь не прислаша. Въ той же день во вторникъ въ день и въ нощь безпрестани бьющеся, на утріе жъ въ среду пріидоша отъ Прокофья Иванъ Васильевъ сынъ Плещѣевъ“. Въ среду сѣча продолжалась, и кн. Пожарскій, засѣвъ въ Введенскомъ острожкѣ, бился съ литовскими людьми въ теченіе всего дня, пока, „изнемогши отъ великихъ ранъ“, не упалъ на землю: „и, вземъ ево, повезоша изъ города вонъ къ Живоначальной Троицѣ въ Сергіевъ монастырь“ [2]).

Передъ историками стояла задача объяснить, какимъ образомъ Пожарскій, вмѣстѣ съ Ляпуновымъ защищавшій Рязанскія мѣста отъ нападенія черкасъ, оказался 19-го марта въ Москвѣ.

Карамзинъ, коснувшись перваго факта—дѣла съ черкасами, написалъ о Пожарскомъ: „блеснулъ новымъ лучемъ славы, и съ чистою душою приставъ къ великому дѣлу, далъ ему новую силу“; повѣствуя же о событіяхъ 19—20-го марта, выразился такъ: „Еще сильнѣйшая битва закипѣла на Срѣтенкѣ: тамъ явился витязь знаменитый, отряженный ли впередъ Ляпуновымъ, или собственною ревностію приведенный одушевить Москву: князь Дмитрій Пожарскій“ [3]). Соловьевъ высказался болѣе опредѣлительно, но и болѣе произвольно: „въ мо-

[1]) П. С. Р. Л., XIV, 1-я полов., стр. 107.
[2]) Ibid., стр. 108.
[3]) Ист. Госуд. Росс., изд. 4-е Смирдина, XII, стр. 280 и 285.

сковскія слободы пробрались тайкомъ ратные люди изъ ляпуновскихъ полковъ, чтобы поддержать жителей въ случаѣ схватки съ поляками; пробрались и начальные люди: князь Пожарскій, Бутурлинъ, Колтовской [1]). Въ изложеніи Костомарова, Пожарскій, Бутурлинъ и Колтовскій оказались, на ряду съ Плещѣевымъ, предводителями передовыхъ отрядовъ ляпуновскаго ополченія [2]). Д. И. Иловайскій помѣстилъ зарайское ополченіе, съ Пожарскимъ во главѣ, въ перечень ополченій, въ мартѣ двинувшихся съ разныхъ сторонъ къ Москвѣ; по мнѣнію г. Иловайскаго (послѣдовавшаго такимъ образомъ Костомарову), 19-го марта къ Москвѣ „подоспѣли нѣкоторые передовые отряды земскаго ополченія. Такъ, князь Дм. Мих. Пожарскій вошелъ на Срѣтенку и засѣлъ здѣсь“... [3]). Оба извѣстія Новаго лѣтописца были комментированы Забѣлинымъ. Забѣлина интересуетъ болѣе всего личность Пожарскаго, характеръ его дѣйствій. Онъ останавливается на разсмотрѣніи тѣхъ побужденій, которыя привели Пожарскаго оказать содѣйствіе Ляпунову, стать заодно съ тѣмъ самымъ Ляпуновымъ, политикѣ котораго менѣе, чѣмъ за годъ, передъ тѣмъ онъ рѣшительно противодѣйствовалъ. И Забѣлинъ тоже считаетъ Пожарскаго въ числѣ воеводъ ополченій. „Пожарскій пришелъ первымъ. Какъ онъ пришелъ, намъ неизвѣстно. Былъ ли онъ передовымъ всей рязанской рати, которою предводительствовалъ Ляпуновъ, или по общему совѣту пришелъ независимо отъ Ляпунова, какъ независимый воевода зарайскій,—лѣтописцы не упоминаютъ объ этомъ. Они утверждаютъ только, что къ Москвѣ пошли всѣхъ городовъ воеводы. Само собой разумѣется“, добавляетъ Забѣлинъ, „что самъ по себѣ, однимъ лицомъ, Пожарскій не могъ явиться въ Москву. Не могъ онъ самовольно оставить воеводство, да и очень небезопасно было ѣздить тогда безъ ратныхъ людей“ [4]). С. Ѳ. Платоновъ, упоминая о передовыхъ отрядахъ земскаго ополченія, подоспѣвшихъ къ Москвѣ „съ кн. Дм. Мих. Пожарскимъ“, слѣдовалъ за пре-

---

[1]) Ист. Россіи, II, 984. Едва ли Соловьевъ не имѣлъ въ виду извѣстіе Жолкѣвскаго о томъ, что Ляпуновъ до своего прибытія подъ Москву тайно посылалъ въ Москву стрѣльцовъ, и соумышленники Ляпунова скрывали ихъ въ домахъ своихъ (Зап. Жолк., стр. 121); также указаніе Гонсѣвскаго, что до прихода самого Ляпунова „передовые люди“ ляпуновскаго ополченія „приходили подъ самую столицу“ (А. З. Р., IV, стр. 493). Ср. у Геркмана, стр. 322. Соловьеву послѣдовалъ Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ „Обзорѣ“ (Ж. М. Н. П. 1897 г., кн. 8, стр. 284).

[2]) Костомаровъ, op. cit., стр. 532—535.

[3]) Д. И. Иловайскій, op. cit., стр. 195—196 и 197.

[4]) Забѣлинъ, op. cit., стр. 53—55.

дыдущими изслѣдователями [1]). За ними же послѣдовали и другіе [2]).

Нынѣ намъ предстоитъ пересмотрѣть столь прочно установившійся взглядъ на принадлежность Пожарскаго къ составу перваго ополченія.

Оба извѣстія, на основаніи которыхъ этотъ взглядъ сложился, находятся въ Новомъ лѣтописцѣ. До сихъ поръ не существуетъ обстоятельнаго критическаго обслѣдованія этого любопытнаго и чрезвычайно важнаго для исторіи Смуты памятника. Въ составѣ заключенныхъ въ немъ оригинальныхъ извѣстій, замѣтно мѣстами авторство служилаго человѣка изъ Рязанскаго края, повидимому, Зарайска, съ явными симпатіями къ Пожарскому, бывшему одно время воеводой въ Зарайскѣ. Нападеніе черкасъ на Рязанскія мѣста имѣло лишь мѣстное значеніе и никѣмъ не было отмѣчено, кромѣ автора Новаго лѣтописца [3]). Тѣмъ труднѣе установить время этого нападенія.

Нѣсколько тысячъ запорожскихъ черкасъ, во главѣ съ Наливайкой, въ 1610 году находилось подъ Смоленскомъ съ королемъ Сигизмундомъ. Въ концѣ сентября они желали присоединиться къ войску Сапѣги, подвигавшемуся въ Калужскія мѣста. Еще въ серединѣ октября, выступая изъ-подъ Смоленска, они ссылались съ Сапѣгой. Неизвѣстно, гдѣ они пребывали въ ноябрѣ и декабрѣ 1610 года, но около 1-го января 1611 года они взяли штурмомъ Алексинъ, въ концѣ января ушли изъ Алексина и около 1-го февраля сообщали Сапѣгѣ, что намѣреваются доставать Одоевъ. Нападеніе ихъ на Рязанскія мѣста могло происходить либо въ ноябрѣ—декабрѣ, либо въ февралѣ. Съ наибольшей вѣроятностью можно относить его къ декабрю. Въ отпискѣ Ляпунова во Владиміръ, писанной послѣ 10-го февраля, о нападеніи черкасъ не упоминалось; въ февралѣ сборы ляпуновскаго ополченія въ

[1]) С. Ѳ. Платоновъ, Лекціи по русской ист., изд. 6-е, стр. 270; ср. Очерки, стр. 509.

[2]) См., напр., М. А. Поліевктова, Мининъ и Пожарскій (Люди Смутнаго врем., изд. Брокгауза и Ефрона, стр. 47) и П. Г. Васенко, Очеркъ Смуты, какъ введеніе къ Сборн. памятниковъ исторіи Нижегородскаго движенія (Дѣйствія Нижегор. Арх. Ком., Сборн. т. XI, стр. XVI). На почвѣ ставшаго общепризнаннымъ мнѣнія о томъ, что Пожарскій стоялъ во главѣ одного изъ ополченій, вырастаютъ дальнѣйшія фантазіи: Пожарскій собираетъ ополченіе въ Нижегородско-Суздальской области (!), тайно, раньше другихъ, прибываетъ съ ополченцами изъ Суздаля (!) въ Москву и укрывается въ своемъ дворѣ у Введенія на Лубянкѣ (К. К. Назаревскій, op. cit.).

[3]) Упоминаніе объ этомъ нападеніи черкасъ имѣется въ одной челобитной рязанцевъ отъ 15-го сент. 120 г.: „Прошлово, государи, 118 и 119 году, воевали у насъ на Резани тотарове... И после, государи, тотарской войны воевали у насъ на Резани черкасы, а стояли въ Резанскомъ уез(дѣ) месецъ“... (С. Б. Веселовскій, Акты подмосковн. ополченій, № 25).

полномъ ходу, передовые отряды выступаютъ въ Серпуховъ и Коломну: черкасамъ, въ Алексинѣ остерегавшимся нападенія со стороны Заруцкаго, несвоевременно нападать на Ляпунова, собравшагося со всѣми силами[1]). Иное дѣло—въ декабрѣ. Ляпуновъ въ то время уже замышляетъ возстаніе, но до поры до времени не открываетъ своихъ замысловъ. Онъ еще не имѣетъ въ своемъ распоряженіи значительнаго воинскаго отряда и только начинаетъ вербовать сторонниковъ: прельщая дворянъ и дѣтей боярскихъ и устрашая простыхъ людей, отводитъ ихъ отъ вѣрности царю Владиславу. Въ Пронскѣ заворовали или не захотѣли быть въ единомысліи и единеніи съ Ляпуновымъ, и Ляпуновъ беретъ „взятьемъ“ городъ Пронскъ. Едва ли не съ этого взятья начинается „засѣданіе“ Ляпуновымъ ближайшихъ къ Рязанскому Переяславлю мѣстъ и городовъ. Въ Пронскѣ Ляпуновъ и оказался осажденнымъ подошедшими черкасами. Пожарскій, воевода зарайскій, съ рязанцами и коломничами (въ то время еще не объединившимися вокругъ Ляпунова) поспѣшилъ на выручку переяславскаго воеводы изъ непріятельской осады[2]).

Итакъ, въ декабрѣ Пожарскій оказалъ содѣйствіе Ляпунову на Рязани. 19—20-го марта онъ бился съ поляками на улицахъ Москвы. Какимъ образомъ попалъ онъ въ Москву?

Разсказъ Новаго лѣтописца не даетъ никакихъ основаній предполагать, что Пожарскій, равно какъ и Бутурлинъ и Колтовскій, стояли во главѣ передовыхъ отрядовъ земскаго ополченія. Припомнимъ, что, по словамъ Лѣтописца, во время сѣчи, на Срѣтенкѣ „совокупись съ пушкари“ кн. Пожарскій, на Кулишкахъ „противъ ихъ (литовскихъ людей) собрась“ И. М. Бутурлинъ, за Москвой рѣкой „противъ ихъ ста“ И. Колтовскій. Получается впечатлѣніе, что лица эти были жителями Москвы и организовали на улицахъ оборону противъ поляковъ, а вовсе не пришли къ Москвѣ со своими ополченіями. Да наконецъ самъ Лѣтописецъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что „Прокофей Ляпуновъ и иные воеводы сами вскорѣ не пріидоша и на помощь не прислаша“; и лишь на утро слѣдующаго дня, середы 20-го марта, „пріидоша отъ Прокофья Иванъ Васильевъ сынъ Плещѣевъ“.

[1]) Dziennik Jana Piotra Sapiehy, въ изд. A. Hirschberg, Polska a Moskwa, стр. 282, 285, 294, 296 и 298. С. Г. Г. и Д., II, № 238.

[2]) С. Г. Г. и Д., II, № 223. Marchocki, стр. 107. Лѣтописецъ утверждаетъ что черкасы были направлены въ Рязанскія мѣста литовскими людьми, сидѣвшими на Москвѣ (то есть, Гонсѣвскимъ), для противодѣйствія Ляпунову. Указаніе это (если только оно соотвѣтствуетъ истинѣ) не можетъ препятствовать пріуроченію нападенія черкасъ къ декабрю: въ декабрѣ о замыслахъ Ляпунова въ Москвѣ уже было извѣстно.

Правильному пониманію разбираемаго извѣстія Новаго лѣтописца содѣйствуютъ свидѣтельства другихъ источниковъ. Во-первыхъ, ни въ одномъ источникѣ нѣтъ указаній на участіе передовыхъ ополченскихъ отрядовъ въ борьбѣ москвичей съ поляками въ памятный день 19-го марта[1]), и во вторыхъ, въ нѣкоторыхъ источникахъ можно найти указанія на то, что Пожарскій не принадлежалъ къ составу ополченія.

Одно такое указаніе содержится въ польскихъ рѣчахъ на посольскомъ съѣздѣ 1615 года, составлявшихся подъ ближайшимъ руководствомъ Гонсѣвскаго, если и не имъ самимъ. Препираясь объ обстоятельствахъ разоренія Москвы въ мартѣ 1611 года, польскіе послы на упрекъ пословъ московскихъ въ томъ, что поляки въ то время перебили населеніе столицы, бывшее безоружнымъ, отвѣчали: „людей ратныхъ, дворянъ, холопей боярскихъ и стрѣльцовъ, много въ тѣ поры въ Москвѣ было; и Пожарского, котораго вы въ большихъ богатыряхъ считаете, перваго дня на бою въ ту пору въ Китаѣ-городѣ, и иныхъ многихъ, пострѣляно, а иныхъ въ общемъ бою побито“[2]). Значитъ, Пожарскаго Гонсѣвскій считалъ въ составѣ столичнаго населенія.

Второе указаніе содержится въ дѣлѣ о пожалованіи Григ. Орлова помѣстьемъ кн. Пожарскаго. Г. Орловъ былъ изъ тѣхъ русскихъ дворянъ, которые и послѣ великаго разоренія Москвы остались сторонниками польской партіи и попали въ московскую осаду. Лѣтомъ 1611 года онъ билъ челомъ о пожалованіи его „измѣнничьимъ княжъ Дмитреевымъ помѣстейцомъ Пожарского-сельцомъ Ландехомъ Нижнимъ съ деревнями“, и такъ пояснялъ измѣну Пожарскаго: „а князь Дмитрей вамъ государемъ (Сигизмунду и Владиславу) измѣнилъ, отъѣхалъ съ Москвы въ воровскіе полки и съ вашими государевыми людьми бился въ тѣ поры, какъ на Москвѣ мужики измѣнили, и на бою въ тѣ поры раненъ“. Орловъ, очевидно, полагалъ, что Пожарскій, раненый 20-го марта, отъѣхалъ затѣмъ „въ воровскіе полки“, то есть, къ Ляпунову, а не былъ отвезенъ къ Троицѣ, а оттуда—въ свою вотчину, какъ было на самомъ дѣлѣ. То же думалъ и составитель ввозной грамоты, данной Орлову отъ 17-го августа на помѣстья Пожарскаго, когда писалъ: „и князь Дмитрей намъ измѣнилъ, ны

---

[1]) См., напр., Столяровъ хронографъ (Изборн. Попова, стр. 350), Хронику Бера (Сказ. современн. о Дим. Самозв., въ изд. Устрялова, ч. 1, стр. 204—208), Мархоцкаго (стр. 114—117), Маскѣвича (стр. 76—83), Жолкѣвскаго (стр. 121—123), Рѣчи польскихъ пословъ на съѣздѣ 1615 г. (А. З. Р., IV, стр. 485—486).

[2]) А. З. Р., IV, стр. 493—494.

нѣ у воровъ въ полкѣхъ“ [1]). Въ челобитной Орлова важно указаніе на отъѣздъ Пожарскаго съ Москвы, чего бы не было, еслибъ Пожарскій, бывъ воеводой въ Зарайскѣ, сталъ въ ряды ополченія и явился къ Москвѣ во главѣ передового отряда.

Наиболѣе цѣнно третье указаніе. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изданъ очень любопытный боярскій списокъ 7119 (1610—1611) года [2]). Списокъ этотъ былъ составленъ въ самомъ началѣ сентябрьскаго 119 года [3]), пополнялся и исправлялся по мѣрѣ надобности въ послѣдующіе мѣсяцы, вплоть до мартовской катастрофы. За исключеніемъ нѣкоторыхъ помѣтокъ, сдѣланныхъ впослѣдствіи, уже послѣ освобожденія Москвы [4]), въ одинъ изъ ближайшихъ послѣ составленія списка мѣсяцевъ, скорѣе всего,. въ ноябрѣ, противъ многихъ внесенныхъ въ списокъ именъ были сдѣланы замѣтки — указанія на мѣстопребываніе означенныхъ лицъ; позднѣе, въ декабрѣ — январѣ, нѣсколько такихъ замѣтокъ было исправлено, сообразно произошедшимъ перемѣнамъ [5]). Такимъ образомъ и при имени Пожарскаго была сдѣлана въ ноябрѣ (или около того времени) отмѣтка: „въ Зарайскомъ“ (то есть, воеводой въ Зарайскѣ), а затѣмъ, въ декабрѣ или январѣ, „въ Зарайскомъ“ было

---

[1]) Л. М. Сухотинъ. Земельныя пожалованія въ Моск. госуд. при царѣ Владиславѣ, стр. 54 и 56.

[2]) В. Н. Сторожевъ, Матер. для ист. русск. двор., вып. II, стр. 73—103.

[3]) Списокъ былъ составленъ до пожалованія кн. Ю. Н. Трубецкого въ бояре (по привилею короля Сигизмунда $^{16}/_{26}$ окт., А. З. Р., IV, стр. 364; ср. Соловьева, op. cit., стр. 954).

[4]) Напримѣръ, при имени Ѳ. П. Андронова: „пущонъ при литвѣ изъ торговыхъ мужиковъ и за измѣну повѣшенъ“ (№ 56).

[5]) Отмѣчалось „есть“ про наличныхъ, а про отсутствующихъ: „нѣтъ“, или „въ такомъ-то городѣ“, напримѣръ, „въ Нижнемъ“, „на Каширѣ“, „въ Зубцовѣ“ (на воеводствѣ), „въ послѣхъ“ или „съ послы (подъ Смоленскомъ)“ „въ объѣздѣ“, „въ сборѣ“, „отосланъ“, „отпущенъ“, „въ деревнѣ“, „подъ Смоленскомъ“ (у Короля) и пр. Время составленія этихъ отмѣтокъ уясняется изъ нѣкоторыхъ сопоставленій: „подъ Смоленскомъ“ сказано при имени П. Г. Дашкова (№ 445), а былъ онъ подъ Смоленскомъ въ первой половинѣ ноября (А. З. Р., IV, стр. 376); при имени Сыдавнаго Васильева (№ 258) зачеркнута отмѣтка „въ послѣхъ“, а при имени И. И. Чепчугова (№ 175) зачеркнута отмѣтка „подъ Смоленскомъ съ отцомъ“: слѣдовательно, отмѣтки эти были сдѣланы до возвращенія въ Москву Сыдавнаго Васильева, произошедшаго въ первой половинѣ декабря, и во время пребыванія Чепчуговыхъ подъ Смоленскомъ—въ ноябрѣ (А. З. Р., IV, стр. 397 и 399), а вычеркнуты онѣ не ранѣе первой половины декабря; при имени Д. О. Крабова (№ 322 а) отмѣчено „въ Смоленскѣ“: Крабовъ получилъ подъ Смоленскомъ листъ на вотчину отъ $^{10}/_{20}$ декабря (А. З. Р. IV, стр. 401) и, вѣроятно, выѣхалъ изъ Москвы подъ Смоленскъ хлопотать о пожалованіяхъ не позднѣе конца ноября.

зачеркнуто и отмѣчено „есть“ [1]), что, очевидно, означало, что Пожарскій, не состоя болѣе зарайскимъ воеводой [2]), находился въ Москвѣ. При именахъ дворянъ московскихъ П. М. Бутурлина и И. А. Колтовскаго тоже было отмѣчено: „есть“ [3]). Напротивъ, участники ляпуновскаго ополченія, въ то время, когда дѣлались эти отмѣтки и вносились исправленія, то есть, въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ, уже не находились въ Москвѣ: иные изъ нихъ,—не раскаявшіеся тушинцы, продолжали прямить Вору, и ихъ именъ не было вовсе въ Боярскомъ спискѣ (кн. Д. Т. Трубецкой, кн. Д. М. Черкасскій, П. В. Плещѣевъ и многіе другіе), иные (въ томъ числѣ самъ Ляпуновъ) были отмѣчены воеводами по городамъ, иные—„въ объѣздѣ“ (И. П. Волынскій), „въ сборѣ“ (Ис. Сем. Погожевъ), при именахъ нѣкоторыхъ написано „нѣтъ“ (И. Ѳ. Еропкинъ), Ѳ. С. Плещѣевъ помѣченъ „съ Сапѣгою“ и т. д. [4]).

Однимъ словомъ, Боярскій списокъ 119 года свидѣтельствуетъ съ несомнѣнностью о томъ, что Пожарскій, Бутурлинъ и Колтовскій зимою 119 (1610—1611) года находились въ Москвѣ и къ дѣлу Ляпунова причастными быть не могли.

Итакъ, мы полагаемъ, что въ декабрѣ, еще до того времени, какъ Ляпуновъ поднялъ знамя возстанія, черкасы приходили въ Рязанскій край, и зарайскій воевода Пожарскій имѣлъ случай оказать содѣйствіе переяславскому воеводѣ Ляпунову, осажденному черкасами въ Пронскѣ. Когда Ляпуновъ началъ возстаніе и приступилъ къ объединенію съ Заруцкимъ и другими „ворами“, Пожарскій не захотѣлъ къ нему присоединиться и съѣхалъ въ

---

[1]) № 84. Аналогичныя отмѣтки имѣются при именахъ кн. В. И. Туренина (№ 98) („есть“ вмѣсто зачеркнутаго „на Каширѣ“) и В. И. Вешнякова (№ 388) („есть“ вмѣсто зачеркнутаго „въ Серпуховѣ“), про которыхъ извѣстно, про перваго, что онъ еще въ концѣ декабря былъ воеводой на Каширѣ, (но въ январѣ былъ замѣненъ М. А. Нагимъ?), а про второго, что въ декабрѣ онъ былъ отозванъ изъ Серпухова къ Москвѣ (С. А. Бѣлокуровъ, Разр. записи, стр. 257; С. Г. Г. и Д., II, № 298). Отмѣтки „есть“ при именахъ Пожарскаго, Туренина и Вешнякова едва-ли были сдѣланы позднѣе января. По крайней мѣрѣ, отмѣтка „есть“ при имени князя Ив. Бор. Черкасскаго (№ 74) не могла быть сдѣлана позднѣе января, такъ какъ не позднѣе самыхъ первыхъ чиселъ февраля Черкасскій отправился изъ Москвы въ Юрьевъ Польскій, а оттуда ко Владиміру, съ отрядомъ боярина кн. И. С. Куракина, посланнымъ для противодѣйствія сбору ополченій, попалъ въ плѣнъ къ ополченцамъ и болѣе не вернулся въ Москву (А. А. Э., II, № 179).

[2]) Въ Зарайскъ на мѣсто Пожарскаго, вѣроятно, получилъ назначеніе „боярин“ Н. Д. Вельяминовъ-Зерновъ: по крайней мѣрѣ, въ томъ же спискѣ при его имени (№ 32) отмѣчено „въ Зарайскомъ“.

[3]) №№ 402 и 457.

[4]) №№ 61, 410, 191, 501, 196.

Москву (какъ съѣхалъ изъ Каширы воевода М. А. Нагой или изъ Ярославля Т. Корсаковъ, когда населеніе Каширы и Ярославля примкнуло къ возстанію). Здѣсь и застала его катастрофа 19-го марта. Ужасное зрѣлище посѣченія соплеменниковъ отъ меча непріятельскаго побудило его, какъ и нѣкоторыхъ другихъ дворянъ, организовать оборону противъ поляковъ. Въ теченіе двухъ дней Пожарскій отстаивалъ свой родной околодокъ [1]).

Наше утвержденіе о непричастности Пожарскаго къ дѣлу возстанія Ляпунова находитъ себѣ полное объясненіе не только въ свойствахъ характеровъ этихъ двухъ замѣчательныхъ дѣятелей нашего прошлаго, но и въ различіи ихъ политическихъ взглядовъ, въ годы Смуты особенно ярко обозначившихся [2]).

Симеизъ. Апрѣль 1914 г.

---

[1]) Пожарскій укрѣпился какъ разъ тамъ, гдѣ находился его собственный домъ. О домѣ Пожарскаго: Чтенія 1870 г., II, смѣсь, стр. 169—173; Памятники Муханова, стр. 263; статья И. С. Бѣляева въ 1-мъ выпускѣ „Старой Москвы", въ изд. Ком. по изуч. старой Москвы при Имп. Моск. Археол. Общ.

[2]) Любопытна разница въ ихъ отношеніи къ боярскому классу. Жолкѣвскій упоминаетъ объ универсалѣ Ляпунова, заключавшемъ въ себѣ „все, что только могло послужить въ возженію ненависти противъ насъ (поляковъ) и думныхъ бояръ" (Жолк., стр. 115). Повидимому, это сказано о грамотѣ Ляпунова (вѣроятно, отъ конца декабря), дошедшей до насъ въ переложеніи „на польско-русскую рѣчь" (Костомаровъ, op. cit., стр. 525—527); по крайней мѣрѣ, содержаніе этой грамоты соотвѣтствуетъ отзыву Жолкѣвскаго. И позднѣе, въ послѣдующихъ своихъ грамотахъ, Ляпуновъ при каждомъ случаѣ выказывалъ свою вражду къ боярамъ (см., напр., А. А. Э., II, № 175, III). Къ тому времени, когда къ дѣлу освобожденія Москвы приставалъ князь Пожарскій, бояре успѣли себя сильно скомпрометировать въ глазахъ народа: и противодѣйствіемъ сборамъ перваго ополченія, и поведеніемъ своимъ въ дни разоренія Москвы, и дальнѣйшимъ упорствомъ, наперекоръ волѣ всей Русской земли. И, однако, ни въ одной изъ своихъ грамотъ Пожарскій не выступалъ съ осужденіемъ сидѣвшихъ въ Москвѣ бояръ. Когда же Москва была взята, Пожарскій и подавно старался выгородить бояръ въ глазахъ народа.

С. Шамбинаго.

Застава богатырская.

Въ одномъ изъ варіантовъ пѣсни о Васильѣ Буслаевѣ [1]) передается содержаніе заклада, который назначаютъ мужики новгородскіе: они должны въ бою-дракѣ свалить Василья до моста черезъ Волховъ, или—у моста, или, наконецъ—посреди моста,

178. А ужъ какъ и проидетъ третью заставу,
Тожно больше дѣлать нечего. (Р. 169).

Слово „застава" въ данномъ случаѣ употреблено въ основномъ значеніи, какъ—„задержка", „преграда", „препятствіе". Отсюда застава, какъ опредѣленное представленіе, встрѣчается часто въ такихъ поэтическихъ композиціяхъ, гдѣ сюжетъ построенъ на одолѣніи героемъ разнаго рода препятствій. Борьба съ ними составляетъ приключенія, авантюры, необходимыя для придачи особаго интереса эпическимъ произведеніямъ. На авантюрахъ построено большинство сказокъ; однако и старины не чужды этого элемента. Такова, напримѣръ, пѣсня о трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца, часто соединяемая въ варіантахъ съ пѣсней объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ-Разбойникѣ. И та и другая построены на разсказѣ о приключеніяхъ, случившихся съ героемъ на пути, во время поѣздокъ. Приключенія эти сводятся къ преодолѣнію Ильею преградъ-заставъ. Таковыми въ пѣснѣ о трехъ поѣздкахъ являются: разбойники, (которыхъ Илья побиваетъ шлемомъ, Р. 110), коварная прелестница, (которую онъ бросаетъ въ погребъ), стража, стерегущая золото (Р. 110, или „король поганое чудище", тоже хранящій богатство, Р. 142). Всѣ эти препятствія зовутся заставами: когда Илья разогналъ хранителей золота, старина Р. 110 заключаетъ:

187. И очистилъ тую третью великую заставу.

Еще болѣе опредѣленной заставой является самъ Соловей разбойникъ, который заградилъ прямоѣзжую дорогу въ Кіевъ такъ,

[1]) Собранія П. В. Рыбникова, (обозначаю Р.) № 169 по второму изданію подъ редакціей А. Е. Грузинскаго, М. 1910.

что не пропускалъ ни коннаго ни пѣшаго. Побѣда надъ нимъ составляетъ главное содержаніе пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ; однако богатырь не сразу натыкается на эту Соловьиную заставу. Она является по счету третьей. Сначала герой преодолѣваетъ естественныя препятствія: рѣки-болота (обыкновенно, иначе „ольги топучія“, Р. 139, рѣже—горы), затѣмъ ему встрѣчаются „воры-разбойники“, наконецъ уже—„Соловьево посельище“. Что интересъ повѣствованія сосредоточенъ въ этой пѣснѣ на авантюрахъ, показываетъ тропчность заставы, явившаяся результатомъ эпическаго повторенія, употребляющагося для приданія большей занимательности разсказу. Главную роль играетъ здѣсь, конечно, Соловьиная застава. Другія имѣютъ значеніе второстепенное, доказываемое неустойчивостью въ перечисленіи первыхъ двухъ препятствій. Такъ въ старинѣ Р. 127 вмѣсто „воровъ-разбойниковъ“ вторую заставу представляетъ особая, большая рѣка:

219. Первая застава—болота зыбучія,
Болота зыбучія, корбы дремучія,
Друга застава—рѣка матушка Смородина,
Въ ширину рѣка ровно три версты,
Въ глубину глубока очень;
Есть за той рѣкой за Смородиной
Третья застава великая,
Сидитъ Соловей разбойникъ...

Хотя въ этомъ варіантѣ и можно отмѣтить попытку логически соединить вторую заставу съ третьей, тѣмъ не менѣе всегда разрабатывается только третья, какъ создающая авантюру:

44. На прямоѣзжей дорогѣ
Промежъ Кіева и Мурома,
Залегало чудище поганое,
Алатырецъ некрещеный
Соловей Разбойникъ.
Чинилъ онъ обиды всему міру крещеному:
Никого не пропускалъ
Мимо своей окаянной залоги. (Кирѣевскій IV, стр. 1).

Интересно отмѣтить, что въ иныхъ сюжетахъ пѣсенъ заставы упоминаются даже тамъ, гдѣ въ основѣ сюжета и отсутствуетъ авантюра. Они входятъ въ него по аналогіи при упоминаніи о прямоѣзжей дорогѣ, о поѣздкѣ по ней героя. Если сказка всякій разъ подробно останавливается на разработкѣ мотива препятствій, то пѣсни иногда только упоминаютъ о заставахъ, не останавливаясь на нихъ. Въ значительномъ большинствѣ варіантовъ пѣсни о Дюкѣ Степановичѣ разсказывается, что герой собрался поѣхать въ Кіевъ, повидать и посравнить его съ своимъ „посельицемъ“. Мать преду-

преждаетъ сына о трудностяхъ этого прямоѣзжаго пути, пугая его заставами, загородившими дорогу. Какъ бы ни варьировались пересказами эти заставы, онѣ сводятся, въ сущности, къ слѣдующимъ: толкучія горы, клевучія птицы, змѣи (тоже „поклевучіи", иначе— Змѣище Горынчище, Змѣй о 12 хоботахъ). Въ старинѣ Р. 63 эти заставы опредѣляются обще:

51. Первая застава змѣиная,
Друга застава звѣриная,
Третья застава есть пять богатырей.

Всѣ эти звѣриныя, птичьи, змѣиныя заставы нисколько, однако, не задерживаютъ богатыря. Онъ съ ними не вступаетъ даже въ состязаніе, а проходитъ ихъ мирно, простымъ скокомъ коня. Встрѣча съ богатырями, какъ въ указанномъ варіантѣ, также не развита въ особую авантюру. Сюжетъ пѣсни о Дюкѣ построенъ совершенно на иныхъ мотивахъ; заставы здѣсь случайны, являются простымъ украшающимъ (и неустойчивымъ) дополненіемъ, цѣликомъ заимствованнымъ изъ сказокъ. И клевучія птицы и двѣнадцатиглавый змѣй и толкучія горы встрѣчаются, какъ органическая подробность, въ варіантахъ сказки „Звѣриное молоко", гдѣ представляютъ дѣйствительныя авантюры героя [1]). Между тѣмъ старины о Дюкѣ какъ неожиданно вводятъ заставы, такъ неожиданно ихъ и забываютъ.

И органичныя и неорганичныя заставы перечисленныхъ сюжетовъ являются въ нихъ какъ результатъ требованія мотива авантюры. Если послѣдній лежитъ въ основѣ пѣсни (какъ напр. въ пѣснѣ о трехъ поѣздкахъ, Соловьѣ Разбойникѣ), то застава введена въ разработкѣ; если же онъ отсутствуетъ (пѣсни о Дюкѣ), то застава вошла по аналогіи, только намѣчена, и ея источникъ— авантюрныя сказки. Во всякомъ случаѣ застава вышеприведенныхъ сюжетовъ, какъ поэтическое представленіе, носитъ происхожденіе чисто литературное.

Впрочемъ, упоминанія варіантами заставъ, представляющихъ естественныя препятствія (топи, болота, рѣки широкія), или разбойничьи гнѣзда могутъ быть истолкованы, какъ бытовыя переживанія. Если въ сказкахъ рѣка, появляющаяся между героемъ и его преслѣдователемъ, разбойники, принимающіе такое и иное участіе въ судьбѣ героя, являются тѣсно связанными со всей литературной постройкой, то случайное упоминаніе о тѣхъ же заставахъ въ пѣсняхъ (въ числѣ двухъ, предваряющихъ главную, третью) удерживалось въ нихъ именно бытомъ. Плохіе пути сообщенія на

[1]) Афанасьевъ. Народныя русскія сказки. (Изд. 1897) № 118с и варіанты въ примѣчаніяхъ.

самомъ дѣлѣ представляли не малое препятствіе для путниковъ. Недаромъ въ особый подвигъ Ильѣ Муромцу вмѣняется устройство имъ дорогъ прямоѣзжихъ: богатырь силою вырываетъ съ корнемъ деревья и мосты моститъ по грязямъ и топямъ. Упорядочить дорогу, дѣйствительно, заслуга богатырская. Другое, и не менѣе важное дѣло—ее обезопасить. Разбойники „подорожники"—не меньшая задержка. Ихъ уничтоженіе составляетъ заслугу того же Ильи Муромца, раздѣлавшагося со всѣми ними, включительно съ Соловьемъ Разбойникомъ. Уничтоженіе такой разбойничьей ватаги—авантюра Ильи Муромца въ пѣснѣ о трехъ поѣздкахъ на пути, гдѣ герою опредѣлено было „убиту быть". Эта разбойничья застава получила большое развитіе въ пѣсняхъ, записанныхъ въ казацкой средѣ. Тамъ она очень устойчива, такъ какъ все время тоже поддерживалась бытомъ, являясь поэтическимъ отраженіемъ водныхъ операцій казаковъ-разбойниковъ:

74. На славномъ морѣ Каспійскімъ,
На томъ острову на Куминскімъ
Стоитъ застава крѣпкая,
Стоятъ атаманы козачіе,
Не много, не мало ихъ—три тысячи,
Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червлены корабли... (Кир. V, стр. 23).

Наконецъ, къ бытовой исторіи можно возвести изрѣдка упоминающіяся въ старинахъ заставы — insidias какого-нибудь враждебнаго царя. Такія заставы не только встрѣчаются рѣдко, но и не оригинальны и состоятъ изъ знакомыхъ уже перечисленій. Такъ въ старинѣ сборника Гильфердинга (Г. 260) разсказывается, что Бахметъ турецкій становилъ три заставы: рѣки-озера, воровъ-разбойниковъ и звѣрей въ темныхъ лѣсахъ.

Итакъ, перечисленные виды заставъ являются представленіями или историко-литературнаго или бытового характера. Служебное значеніе ихъ сводится, впрочемъ, къ одной цѣли—служить препятствіями кому-либо на пути-дорогѣ. Спеціально военнаго характера эти виды заставъ не носятъ.

Однако существуетъ рядъ поэтическихъ сюжетовъ, гдѣ застава совершенно отлична по существу отъ предыдущихъ, играетъ иную роль въ развитіи дѣйствія и носитъ особый характеръ. Такъ въ пѣснѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, записанной во множествѣ варіантовъ, разсказывается, какъ богатыри, во главѣ съ Ильею, замѣчаютъ какого-то чужеземнаго, незнакомаго, но весьма удалого богатыря, который ни во что не ставитъ ни Кіева, ни ихъ. Отвага и сила нахвальщика столь велики, что въ супротивники годится ему лишь самъ Илья Муромецъ. Между ними

происходитъ рѣшающая схватка: богатыри бьются сначала оружіемъ, потомъ въ рукопашную. Даже Ильѣ приходится плохо — онъ падаетъ подъ нахвальщикомъ, но, въ концѣ концовъ, собравъ силы, одолѣваетъ. Изъ разспросовъ побѣжденнаго происходитъ узнаніе: Илья, оказывается, одолѣлъ родного сына. [1]) Такова схема сюжета, который оканчивается трагически.

Завязка дѣйствія этой пѣсни происходитъ на заставѣ. Если выше подъ заставами разумѣлись препятствія, лежащія на пути богатырю-герою, то теперь сами богатыри образуютъ заставу. Они стоятъ на стражѣ отъ проѣзда на Русь чужеземныхъ насильниковъ. Застава эта обрисована въ достаточной степени полно для того, чтобы составить о ней представленіе, тѣмъ болѣе, что варіанты пѣсни о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ изображаютъ ее въ общемъ одинаково.

Настоящая застава является, прежде всего, собраніемъ небольшого числа отправляющихъ службу богатырей, которые отличаются бдительностью, удалью и силой:

3. На той ли дорогѣ на широкія
Была застава великая,
Крѣпость была крѣпкая,
Семь было богатырей,
Поляницъ было удалыихъ... (Р. 80=Г. 114).

Ихъ задача — слѣдить за появленіемъ непріятеля и никого не пропускать мимо себя. Задачу эту они выполняютъ идеально: мимо нихъ

16. Ни конный не проѣзживалъ,
Ни пѣшь не прохаживалъ,
Ни звѣрь не прорыскивалъ,
Ни птица не пролетывала,
А хоть птица пролетитъ,
Да и та перо сронитъ. (Р. 80=Г. 114).

Завязка дѣйствія пѣсни о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ и заключалась въ томъ, что богатыри, несмотря на свою удивительную бдительность, пропустили было поляницу:

1. На славной на Московской на заставѣ
Стоялo двѣнадцать богатырей безъ единаго,
По нихъ, по славной Московской заставѣ,
Пѣхотою никто не прохаживалъ,
На добромъ конѣ никто не проѣзживалъ,
Старый звѣрь не прорыскивалъ,
Птица черный воронъ не пролетывалъ,
Проѣхала паленичища удалая. (Р. 5=Г. 77).

---

[1]) Рѣже — „дочь“. Женскій родъ явился благодаря непониманію сказателями слова: „поляница“.

Не разъ встрѣчающееся, какъ и въ приведенномъ отрывкѣ, названіе заставы—„московскою“ можетъ считаться опредѣленіемъ ея русской заставой, устроенной Московскимъ государствомъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ Москва замѣняется названіемъ другого города, дается какъ будто указаніе на то, что заставы иногда помѣщались недалеко отъ городовъ:

1. Отъ славнаго отъ города отъ Кіева
За три версты за мѣрныя
Стояла застава великая:
Во первыхъ стоялъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Во вторыхъ Добрынюшка Никитиничъ,
Во третьихъ Михайла Потыкъ сынъ Ивановичъ,
Да стояло семь братьевъ Грядовичевъ,
Ребята то были молодые,
Стоялъ Ѳома Долгополый,
Стояли то мужики Залѣшане. (Р. 199).

Однако гораздо обыкновеннѣе заставы помѣщаются затерявшимися „далече въ чистомъ полѣ“.

Мѣстоположеніе заставы, какъ оно обрисовывается варіантами, опредѣляетъ ее прежде всего какъ наблюдательный, сторожевой пунктъ. Она постоянно расположена на какомъ-либо возвышеніи—горѣ, холмѣ, высокомъ берегу рѣки. Сказатель Рябининъ (Р. 5 и 7) помѣщалъ заставы на „Скатъ-горѣ“, опредѣляя этимъ именемъ и форму возвышенія. Обыкновенно заставы помѣщаются на „шеломяни оскатномъ“, подъ которымъ надо подразумѣвать пологій, шлемообразный холмъ, съ котораго открывался широкій горизонтъ въ чистомъ полѣ. Съ такого шеломени завидѣлъ богатыря чужеземца Илья Муромецъ (сборникъ Тихонравова и Миллера, 61), Алеша (ib. 259). Въ варіантѣ старины объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ Илья говоритъ послѣднему:

237. А поди ты на гору на высокую
На тое на шеломя оскатное,
Смотри во трубочку подзорнюю
На эту на силу на татарскую. (Р. 120).

Съ такого же шеломени богатыри наблюдаютъ бой Ильи Муромца съ Жидовиномъ. Возвышенность — главное условіе для болѣе успѣшнаго наблюденія.

Необходимость выдающейся точки, холма, горы вытекало изъ того постояннаго пейзажа, на фонѣ котораго развиваютъ свое повѣствованіе старины. Дѣйствіе происходитъ въ чистомъ полѣ, гдѣ малѣйшее возвышеніе расширяетъ кругозоръ наблюденій. Встрѣчающіеся въ этомъ чистомъ, татарскомъ полѣ и до сихъ поръ могильные курганы могли съ успѣхомъ поддерживать представленіе

о шеломяни оскатномъ. Кромѣ какъ на холмахъ застава помѣщается также на высокомъ берегу рѣки, съ котораго открывается широкій видъ на низменную луговую сторону. (Кир. I, стр. 7).

Если въ варіантѣ почему либо отсутствуетъ упоминаніе о возвышенности, то наблюдательнымъ пунктомъ является дерево:

270. Спроговори старый казакъ Илья Муромецъ:
Поди тко, младый Ермакъ Тимофеевичъ,
Повыстань, поди, во сырой дубъ,
Считай-ко силу по знаменью,
Погляди ко на силу великую,
Ужо ли сила на ходъ пошла? (Г. 138.)

Изъ предыдущихъ цитатъ уже можно было замѣтить, что составъ заставы не многочисленъ. Варіанты начисляютъ трехъ, пять, семь, двѣнадцать (безъ единаго) богатырей. Среди мѣняющихся именъ дружинниковъ постоянно можно встрѣтить Илью Муромца, Добрыню Никитича (замѣняемаго иногда Никитой Романовичемъ) и Алешу Поповича, какъ лицъ, занимающихъ главныя должности въ іерархіи заставы. Изъ дальнѣйшихъ перечисленій необходимо остановиться на упоминаніи о „двухъ братьяхъ“ (Грядовичахъ, какъ цитировано выше, Агрикановыхъ Г. 114, Р. 80, чаще всего Збродовичахъ). Эти „два брата“ явились результатомъ непониманія сказателями текста пѣсни. Въ старинѣ Г. 265 на заставѣ упомянуты „два брата“—Лука и Моисей, и пояснено, что они „дѣти боярскіе“. Буквальное пониманіе двухъ дѣтей боярскихъ братьями и дало возможность сказателямъ такъ упорно говорить о двухъ братьяхъ.

Съ этой поправкой опредѣляется довольно точно и составъ богатырской заставы. Она состояла, такимъ образомъ: 1) изъ двухъ дѣтей боярскихъ, 2) трехъ лицъ, облеченныхъ опредѣленными должностями и 3) нѣсколькихъ помощниковъ. Должностныя лица, по пѣсеннымъ варіантамъ, составляли родъ казацкаго круга. Такъ подъ Кіевомъ, на „лугахъ Цыцарскихъ“ стояла застава, на которой были: атаманъ, податаманье, есаулъ. (Кир. I. стр. 46).

Это устройство разрабатывалось подъ вліяніемъ чисто казацкихъ представленій: чтобы выслать кого-либо противъ коннаго или пѣшаго, богатыри часто собираются въ кругъ и „думаютъ думу“. Въ большинствѣ варіантовъ чинъ атамана придается Ильѣ Муромцу, податаманья—Добрынѣ, есаула—Алешѣ. Въ ихъ рукахъ сосредоточена вся власть. Когда мимо заставы проѣхалъ богатырь Жидовинъ, то Добрыня „прибиралъ свою братію наборную“, говоря:

29. Мы что на заставушкѣ устояли?
Что на заставушкѣ угляцѣли?
Мимо нашу заставу богатырь ѣхалъ! (Кир. I, стр. 46).

Особенной властью пользовался атаманъ, который и выбирался потому, что превосходилъ другихъ силой и сметкой. Когда до Ильи дошло, что молодой Ермакъ уже давно бьется съ врагами, и никто не ѣдетъ ему на помощь, онъ рѣзко обратился къ подчиненнымъ:

275. Ахъ вы дурни, русскіе богатыри!
Погубили вы головку наилучшую:
Бьется тамъ Ермакъ, пересядется... (Р. 120).

Нѣкоторые варіанты даютъ указанія на наличность нѣсколькихъ заставъ, соподчиненныхъ другъ другу. Въ одной старинѣ, наряду съ заставой, находящейся подъ начальствомъ Ильи Муромца, упоминается другая, во главѣ съ Добрыней. Послѣдній обращается къ Ильѣ съ докладомъ:

28. Ой ты гой еси, старый Илья Муромецъ,
Проѣхалъ богатырь мимо меня,
Мимо меня, мимо моей заставы...
(Приб. къ VII вып. Кир., стр. 1).

Задачу свою—постоянно и зорко слѣдить за полемъ, не появится ли гдѣ признакъ приближающагося непріятеля,—„братія наборная“ исполняетъ весьма тщательно, слѣдитъ днемъ и ночью. Вотъ какъ старина передаетъ утренній докладъ атамана:

14. Ничего нѣтъ въ полѣ хорошаго,
Ни худого, ни добраго,
Все въ полѣ по старому. (Приб. къ VII вып. Кир., стр. 1).

Иначе, Илья утромъ встаетъ и видитъ „ископыть лошадиную“. „Что же у насъ за застава?“ пеняетъ онъ товарищамъ, если ночью богатырь проѣхалъ (Р. 80=Г. 114). Нахвальщика замѣчали по разнымъ примѣтамъ: ископыти, кудельбѣ, куревѣ. И вотъ, когда въ полѣ замѣтится облако пыли, атаманъ выискиваетъ кого поудалѣе, у кого конь порыскучѣе—ѣхать, догнать поляницу и остановить:

84. Что ты за невѣжа проѣхалъ.
Мимо заставу не спрашивалъ?
Вѣрно есть у тебя сила непомѣрная
И ухватка богатырская. (Р. 80—Г. 114).

Поляницу спрашивали о „дѣдинѣ и отчинѣ“, куда путь держитъ. Если это русскій богатырь—побрататься, невѣрный—поразвѣдаться:

53. Поѣзжай ка ты теперь за богатыремъ,
Буде русскій богатырь, ты побратайся,
А невѣрный богатырь, ты войны проси. (Р. 177=Г. 219).

Начиналась погоня, кончавшаяся боемъ. Этотъ бой одними сюжетами понимается какъ единоборство (пѣсни о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ), другими же какъ бой съ несмѣтной силой (татарской, пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ и Ермакѣ). И тамъ и здѣсь бой оканчивался побѣдой богатыря, стоящаго на сторожѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончался и сюжетъ пѣсни: богатыри, послѣ боя, разъѣзжались съ заставы, такъ какъ окончили службу: разбили или убили, а, главное, выслѣдили и задержали непріятеля (Р. 64). Отсюда получается впечатлѣніе какъ бы временности заставной службы, поддерживаемое варіантомъ Г. 228, гдѣ Илья говоритъ товарищамъ

49. Недавно, братцы, я изъ походу пришелъ,
Я жилъ на дорожкѣ сорочинскіе,
На крѣпости заставы богатырскіе.

Соединяя вмѣстѣ разсѣянныя по различнымъ сюжетамъ и пересказамъ ихъ подробности описанія и функціонированія богатырской заставы, оговорившись, что описательныя мѣста старинъ въ этомъ случаѣ немногимъ отличаются между собою, можно достаточно отчетливо воспроизвести строеніе и задачи богатырской заставы.

Богатырскую заставу составляло небольшое количество конныхъ воиновъ, удалыхъ, сильныхъ и смѣтливыхъ, хорошо вооруженныхъ и обладающихъ хорошими лошадьми. Цѣль ихъ стоянія бдительно слѣдить окрестъ, никого не пропускать ни толпой, ни въ одиночку. Заставы находились недалеко отъ городовъ, но чаще выдвигались далеко въ поле. Какъ пунктъ прежде всего сторожевой, застава располагалась на возвышенности, чаще всего на случайной, обыкновенно на холмѣ, полого возвышавшемся среди чистаго поля. При удобномъ случаѣ для увеличенія кругозора пользовались деревьями. Составъ этой немногочисленной заставной дружины, братіи наборной, былъ представленъ: казаками, дѣтьми боярскими и помощниками, причемъ строго выдерживалось чиноначаліе. Если заставъ было нѣсколько, то онѣ располагались такъ, что взаимоотношеніе между ними всегда поддерживалось, и, кромѣ того, одна какая-либо застава была главной. Круглыя сутки съ заставы слѣдили за возможнымъ появленіемъ непріятеля, и если таковый по извѣстнымъ примѣтамъ показывался, съ заставы выѣзжали его выслѣдить, догнать и непремѣнно задержать. Примѣтами служили: слѣдъ, оставленный копытами вражескихъ лошадей, столбы пыли. Служба на заставѣ была ограничена опредѣленнымъ временемъ: по выполненіи своей задачи, застава разъѣзжалась.

Стройность организаціи заставы позволяетъ думать, не можетъ ли быть возведено ея поэтическое описаніе къ какому-либо исто-

рическому подлежащему. Самый терминъ „застава“ опредѣленно поясняется Никоновскою лѣтописью (П. С. Р. Л. IV, 21): „Въ заставу... еже есть сторожевой полкъ“ [1]). Полки эти должны были нести сторожевую службу на окраинахъ Московскаго государства, наблюдая за движеніями сосѣдей, Литвы и татаръ, особенно послѣднихъ, свободно дѣйствовавшихъ въ чистомъ полѣ, татарской степи. Въ 1528 году близъ Оки рѣки стояла „застава“ противъ крымцевъ. Слово „застава“, извѣстное, такимъ образомъ, въ началѣ XVI вѣка, въ позднѣйшихъ документахъ исчезаетъ и замѣняется словомъ „сторожа“. Продолжая существовать въ лексикѣ, синонимы „застава“ и „сторожа“ въ дальнѣйшемъ раздѣляются, и первое сохраняетъ за собой, какъ выясняется изъ предыдущаго, мѣсто въ поэтическихъ композиціяхъ, второе, какъ будетъ указано, употребляется исключительно въ актахъ.

Представители миѳологической школы, относившіе происхожденіе старинъ къ среднимъ вѣкамъ русской исторіи, сторожевую службу богатырей на заставахъ также относили ко времени борьбы Кіевщины со степью. Однако, такое сопоставленіе, за отсутствіемъ точекъ соприкосновенія поэзіи съ бытомъ, мало вѣроятно. Въ этомъ можно убѣдиться, припомнивъ вкратцѣ исторію возникновенія и развитія сторожевой службы.

Если первоначальныя упоминанія о сторожахъ, скрытыхъ притонахъ разъѣзжихъ сторожей и станичниковъ, относятся къ XIV вѣку, то таковыя были еще явленіемъ случайнымъ, говоритъ И. Бѣляевъ [2]). Отдѣленное отъ татаръ владѣніями князей рязанскихъ, муромскихъ и нижегородскихъ, Московское государство не имѣло тѣснаго соприкосновенія съ татарскимъ полемъ. Съ подчиненіемъ Москвѣ упомянутыхъ княжествъ постепенно стали увеличиваться сторожевые полки, высылаемые противъ татаръ, и достигли наибольшого развитія въ XVI вѣкѣ, времени организаціи сторожъ. Въ украинскихъ или пограничныхъ городахъ былъ учрежденъ особый классъ служилыхъ воинскихъ людей, которые носили названіе „городовыхъ казаковъ“. Они обязывались постоянно быть на службѣ, ѣздить по степи, смотрѣть за движеніями татаръ по извѣстнымъ степнымъ дорогамъ, перехватывать языковъ, доставлять вѣсти воеводамъ и государю, а въ случаѣ нечаяннаго набѣга защищать украинные города. Такихъ городовыхъ „каза-

---

[1]) Срезневскій. Матеріалы для словаря др. русскаго языка. Изд. И. Акад. Наукъ. Слово—„застава“.

[2]) О сторожевой, станичной и полевой службѣ на польской украйнѣ. (Чтенія въ О. И. и Д. Р. 1846, IV). Стр. 6.

ковъ"-станичниковъ, составлявшихъ сторожу, не слѣдуетъ смѣшивать съ казаками донскими или волжскими. Городовые казаки находились въ зависимости отъ Московскаго правительства и при Иванѣ Грозномъ, наравнѣ со стрѣльцами, составляли особый разрядъ войска. Число членовъ каждой сторожи было невелико. Напримѣръ, по росписи донецкимъ сторожамъ 1579 года оно колеблется отъ 4 до 6. Болѣе десяти человѣкъ количество станичниковъ не подымалось вплоть до XVII вѣка. Рядомъ со сторожевыми казаками въ организацію сторожи входили: 1) дѣти боярскіе и 2) второстепенные члены, въ помощь. Въ 1492 году станичники да двое дѣтей боярскихъ не только выслѣдили, но и преслѣдовали татарскую грабительскую шайку [1]). Послѣ ряда измѣненій къ XVII вѣку типичный составъ сторожи былъ представленъ такъ: сынъ боярскій, атаманъ, 5 или 6 ѣздоковъ, 2 вожа, итого 9—10 человѣкъ. Съ 1556 года сторожи все глубже и дальше проникаютъ въ татарское поле для нападенія на крымцевъ. Чѣмъ дальше (и рискованнѣе) была выдвинута сторожа, тѣмъ удобнѣе было доставать языковъ и приносить вѣсти о движеніяхъ и силѣ татарскаго войска.

Значеніе сторожевой службы было огромно. Неожиданные набѣги татаръ все болѣе уходили въ область преданій. Опредѣленнѣй очерчивалась граница Московскаго государства съ татарскимъ полемъ, шире и увѣреннѣй шла колонизація степной украйны. Отвѣтственность и опасность сторожевой службы была оцѣнена Московскимъ государствомъ, и съ 1571 года была начата реформа этой службы. Реформа, проведенная княземъ М. И. Воротынскимъ, замѣчательна, какъ первая толково выполненная попытка систематизаціи государственной службы на дальнихъ южныхъ окраинахъ Руси и какъ средство, позволившее правительству лучше ознакомиться съ прилегавшимъ къ государству татарскимъ полемъ, стать ближе къ постоянному врагу, скорѣе получать извѣстія о его замыслахъ и лучше отражать его. Дѣло поставлено было очень строго и серьезно. Въ сторожи назначались боярскіе дѣти и городовые казаки, которымъ платили бо́льшее жалованье, чѣмъ другимъ служилымъ людямъ. За это они обязывались имѣть хорошее вооруженіе и лучшихъ коней. То и другое оцѣнивалось воеводами, и въ случаѣ паденія коня или порчи вооруженія убытки возмѣщались по произведенной оцѣнкѣ. Видимо, говоритъ И. Бѣляевъ [2]), „правительство привлекало лучшихъ людей на эту важную службу". Призванные, главнымъ образомъ, слѣдить во всѣхъ отноше-

---

[1]) Бѣляевъ. О. с. Стр. 8.

[2]) О. с. Стр. 12.

ніяхъ за непріятелемъ, станичники должны были выказывать большую смѣтливость и осторожность. Послѣдняя стоитъ на первомъ планѣ въ требованіяхъ устава кн. Воротынскаго. За несоблюденіе осторожности, т. е. неумѣлому скрытію своего мѣстонахожденія отъ непріятеля, обнаруженію себя раньше, чѣмъ нужно для удобнаго выслѣживанія врага, накладывались тяжелыя наказанія. Сообразно этому и мѣста для расположенія должны были выбираться „усторожливыя“, гдѣ можно было бы выслѣдить врага, а самому оставаться незамѣтнымъ. Запрещалось располагаться станомъ, давать замѣтный огонь при варкѣ пищи, раскладывать огонь дважды въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Станичники должны были, не слѣзая съ коней, стоять на такихъ мѣстахъ, откуда можно видѣть на далекое пространство. „В лѣсѣхъ имъ не ставитца, а ставитца имъ в такихъ мѣстохъ, гдѣбъ было усторожливо“, т. е. „гдѣбъ имъ воинскихъ людей мочно усмотрѣти“. „А которые станичники подозрятъ людей на далнихъ урочищахъ, и имъ чинити отсылки три или четыре или сколко будетъ пригоже, посмотря по людемъ и по дѣлу,... чтобъ провѣдавъ подлинно про люди, на которые мѣста придутъ, самимъ с подлинными вѣстями спѣшити наскоро в тѣ городы, на которыя мѣста они пойдутъ“ [1]). Конечно, такое провѣдываніе подлинныхъ вѣстей не обходилось безъ враждебныхъ столкновеній: „А на которую станицу или на сторожей разгонъ будетъ и лошади ихъ и рухлядь поѣмлютъ, и за тѣ лошади и за рухлядь по воеводскимъ отпискамъ и по цѣновнымъ спискамъ платити денги по прежнему обычаю“. Служба на сторожахъ была опасна, главное—отвѣтственна. Сторожа, говоритъ проф. Багалѣй, должны были заботиться о томъ, чтобы повѣрнѣе опредѣлить число враговъ и ихъ намѣченный путь. Для этого пользовались всяческими признаками. „Вздилъ одинъ сторожевой атаманъ ночью вверхъ по р. Торцу и видѣлъ много огней и слышалъ прыскъ и ржанье лошадей... не доѣхавъ 20 верстъ до Сѣверскаго Донца увидѣлъ пыль великую, а по сакмѣ казалось ему, что было непріятелей 30000. Значитъ огни, ржанье лошадей, пыль, слѣды копытъ—все это служило признаками для станичниковъ“ [2]).

Смѣнившій съ 1574 г. князя Воротынскаго бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ продолжалъ начатое устроеніе сторожевой службы, усилилъ отряды станичниковъ, повысилъ жалованье, учредилъ контроль надъ сторожами. Никита Романовичъ завѣды-

---

[1]) Уставъ кн. Воротынскаго. И. Бѣляевъ. О. с. стр. 18—20.

[2]) Багалѣй. Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства. Стр. 94.

валъ сторожевой службой долго, почти до смерти (1586 г.) и своимъ гуманнымъ обращеніемъ оставилъ по себѣ добрую память у служилыхъ людей украйны. Обѣ эти личности, и князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій и бояринъ Никита Романовичъ Юрьевъ, прославлены поэзіей, являясь героями многихъ сюжетовъ. И въ данномъ случаѣ они, эти историческія личности, образуютъ живой мостъ между исторической сторожей и поэтической заставой.

Дѣйствительно, сходство службы богатырей на заставѣ и уставъ сторожевой службы XVI вѣка достаточно близки. Сторожа, являющаяся синонимомъ заставы (какъ въ томъ убѣждаетъ глосса поздней Никоновской лѣтописи), представляла, какъ и послѣдняя—небольшое число прекрасно вооруженныхъ всадниковъ, выслѣживающихъ непріятеля, тренированныхъ и способныхъ. Тяжелыя взысканія въ случаѣ разнаго рода упущеній должны были привлекать на сторожу людей исключительно одаренныхъ смѣтливостью, отвагой и силой, скажемъ—богатырей. Пѣсенное названіе заставы „Московской“ тѣсно сближаетъ ее съ этой организаціей Московскаго государства. Составъ ея совершенно одинаковъ: казаки, дѣти боярскіе и нѣсколько пособниковъ. Постоянное названіе Ильи Муромца атаманомъ совпадаетъ съ наличностью таковаго и въ сторожѣ, а сросшійся съ нимъ эпитетъ „старый казакъ“ какъ бы указываетъ на постоянное нахожденіе этого богатыря на сторожевой службѣ. Татарская степь, съ ея шляхами, сакмами, въ которую далеко заѣзжали сторожи, то же чистое поле пѣсенъ, недаромъ послѣднія изображаютъ это поле покрытымъ ковылемъ-травою. Требованіе, чтобы съ усторожливаго мѣста станичники могли усматривать воинскихъ людей, могло быть выполнено при условіи наличности какого-либо возвышеннаго мѣста. Такимъ въ степи, какъ указано, могли быть могильные курганы древнѣйшей эпохи, подобные гигантскимъ шлемамъ. Даже такая подробность пѣсенъ, какъ наблюденіе съ дерева, нашла себѣ соотвѣтствіе въ одной миніатюрѣ XVII вѣка Мамаева побоища, гдѣ на деревѣ трое сторожей съ пищалями наблюдаютъ за непріятелемъ [1]). Соподчиненность заставъ имѣла мѣсто и въ дѣйствительности: въ 1571 году сторожъ было учреждено 73, дѣлившихся на 12 разрядовъ; сторожи каждаго разряда были въ тѣсномъ общеніи другъ съ другомъ. Непріятеля выслѣживали на сторожѣ почти по тѣмъ же примѣтамъ, какъ и на поэтической заставѣ. Наконецъ—срокъ стоянія на сторожахъ для данной группы станичниковъ былъ ограниченъ: шесть недѣль весною и четыре—въ осеннее время.

[1]) Щамбинаго. Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. Изд. О-ва Люб. Др. Письм. 1907 Миніатюра IV.

Такое совпаденіе поэтическаго описанія съ историко-бытовой дѣйствительностью врядъ ли можетъ заставить изслѣдователя считаться только съ однимъ бытовымъ наслоеніемъ на тотъ или иной сюжетъ пѣсни. Можетъ быть, (а это покажетъ анализъ варіантовъ пѣсенныхъ сюжетовъ), и цѣлыя пѣсни по всему своему содержанію явятся отголоскомъ богатой приключеніями сторожевой службы XVI вѣка.

С. Богоявленскій.

О Пушкарскомъ приказѣ.

Архивъ Пушкарскаго приказа, нѣкогда хранившійся при Московскомъ Артиллерійскомъ Депо [1]), надо считать погибшимъ. Уцѣлѣли только кое-какіе отрывки, разсѣянные теперь по казеннымъ и частнымъ архивамъ. Между прочимъ, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ оказалась очень интересная опись дѣлъ приказа отъ 1633 г. по 1646 годъ [2]); среди актовъ собранія гр. А. С. Уварова имѣются дѣла Пушкарскаго приказа, преимущественно, за 149 годъ [3]); нѣсколько документовъ напечатано Археографической комиссіей въ Актахъ, Сборникѣ кн. Хилкова и пр. Въ общемъ, матеріалъ недостаточный и для знакомства съ дѣятельностью Пушкарскаго приказа приходится привлечь дѣлопроизводство другихъ приказовъ, преимущественно, Разряднаго и Четвертныхъ, которые имѣли нѣкоторыя сношенія съ нашимъ главнымъ артиллерійскимъ управленіемъ.

Недостатокъ матеріала не позволяетъ привести какія-либо данныя относительно времени, когда возникъ Пушкарскій или, какъ онъ прежде назывался, Пушечный приказъ. Наиболѣе старое упоминаніе относится къ 1577 году, когда приказомъ управляли кн. С. Коркодиновъ и Ѳ. Пучко-Молвяниновъ [4]). Далѣе идутъ отрывочныя указанія [5]) на существованіе приказа и только со времени царя Михаила можно годъ за годъ перечислить лицъ, управлявшихъ приказомъ. Во главѣ приказа стоялъ родовитый бояринъ, рѣже окольничій. Нѣкоторые изъ нихъ подолгу управляли приказомъ, напр., кн. Н. М. Мезецкій, князь Ѳ. Литвиновъ-Масальскій, кн. Ю. А. Долгорукій, кн. Ю. Ромодановскій. При боярахъ иногда

---

[1]) В. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи, т. I, стр. 480.

[2]) Приказныя дѣла старыхъ лѣтъ 1646 г. № 87а.

[3]) Описаніе актовъ гр. А. С. Уварова, стр. 507—559.

[4]) Акты Московскаго Государства, I, стр. 89.

[5]) А. А. Э., I, стр. 379. Собр. Госуд. Грамотъ и Догов. II, № 219.

состояли товарищи, изъ которыхъ нельзя не упомянуть о думномъ дворянинѣ И. И. Баклановскомъ, который служилъ въ Пушкарскомъ приказѣ около 20-ти лѣтъ [1]). Дьяковъ было 2—3 человѣка. Нѣкоторые изъ нихъ также по много лѣтъ занимали свои мѣста. Такъ, П. Амиревъ, долго состоявшій подъячимъ въ Пушкарскомъ приказѣ, былъ дьякомъ въ томъ же приказѣ въ теченіе 15 лѣтъ; А. Галкинъ служилъ въ приказѣ 14 лѣтъ, Посникъ Задонскій 10 лѣтъ и т. д. Очевидно, эти лица успѣли пріобрѣсти спеціальныя познанія по артиллерійскому дѣлу и цѣнились на службѣ. Число подъячихъ доходило до 20 человѣкъ [2]). Они были распредѣлены по тремъ столамъ: городовой, засѣчный и денежный. Штатъ служащихъ пополнялся дворянами по назначенію Разряднаго приказа и московскими сотенными людьми по назначенію Земскаго приказа. Дворяне служили головами на Пушечномъ дворѣ, у зелейныхъ мельницъ и у пушечныхъ запасовъ, служили безсмѣнно по нѣсколько лѣтъ, всего 6—7 человѣкъ [3]). Сотенные люди въ числѣ 8 человѣкъ, „добрые, душею прямые и животомъ заживочные“, состояли въ тѣхъ же учрежденіяхъ цѣловальниками [4]).

Вѣдѣнію Пушкарскаго приказа принадлежали важныя и отвѣтственныя дѣла по приготовленію артиллерійскихъ орудій и снарядовъ, починкѣ старыхъ и возведенію новыхъ укрѣпленій, по устройству и поддержанію въ порядкѣ засѣкъ, по надзору за обширнымъ штатомъ лицъ пушкарскаго чина и пр. Но артиллерійское дѣло далеко не въ полномъ составѣ находилось въ завѣдываніи Пушкарскаго приказа, компетенція котораго то расширялась, то съужалась. Даже въ такомъ спеціальномъ вѣдомствѣ Московская приказная система проявила свою обычную неустойчивость. Если мы сравнимъ списки городовъ, вѣдомыхъ въ Пушкарскомъ приказѣ, черезъ короткій промежутокъ между 1629 [5]) и 1637 гг. [6]), то получимъ такую таблицу съ обозначеніемъ числа служилыхъ людей пушкарскаго чина по городамъ:

---

[1]) Въ 1670 г. дѣятельность Баклановскаго въ Пушкарскомъ приказѣ была прервана посылкой его воеводой на Олонецъ, гдѣ надо было построить новый городъ вмѣсто сгорѣвшаго. Русск. Истор. Библіотека, VIII, стр. 907.

[2]) Списки подъячихъ см. Русская Истор. Библ., X, стр. 391. П. Ивановъ, Описаніе Разряднаго архива, стр. 63.

[3]) Ст. Московскаго стола № 190, л. 432; № 499, л. 15 и пр. Опись упоминаетъ о дѣтяхъ боярскихъ, „которыя ходили въ Пушкарскомъ приказѣ въ недѣляхъ“, л. 54.

[4]) Описаніе, стр. 522.

[5]) Временникъ, кн. 4.

[6]) Ст. Сѣвскаго стола № 108, л. 34 и слѣд.

	1629 г.	1637 г.
Москва	479	499
Владиміръ	47	31
Нижній Новгородъ	35	—
Муромъ	16	9
Касимовъ	31	—
Шатцкій	30	—
Арзамасъ	29	23
Переяславль Ряз.	109	89
Коломна	42	43
Зарайскъ	51	39
Михайловъ	47	39
Ряскій	20	—
Пронскъ	57	49
Чернь	17	17
Гремячій	46	46
Данковъ	41	42
Сапожокъ	36	36
Веневъ	23	23
Кашира	33	32
Серпуховъ	70	63
Тула	94	89
Крапивна	38	41
Дѣдиловъ	48	45
Епифань	30	21
Лебедянь	44	43
Елецъ	54	51
Осколъ	58	60
Воронежъ	55	56
Волуйки	103	101
Ливны	42	42
Брянскъ	41	96
Бѣлгородъ	55	51
Путивль	94	99
Карачевъ	44	24
Курскъ	68	—
Рыльскъ	70	72
Сѣвскъ	61	84
Болховъ	18	24
Мценскъ	49	48
Одоевъ	33	36
Козельскъ	30	29
Бѣлевъ	40	42
Мещевскъ	10	10
Медынь	13	—
Масальскъ	3	10

	1629 г.	1637 г.
Калуга	39	38
Алексинъ	35	36
Боровскъ	13	12
Волоколамскъ	7	22
Можайскъ	20	32
Вязьма	25	25
Торопецъ	62	63
Вел. Луки	54	84
Торжокъ	20	18
Старица	10	9
Тверь	11	11
Кашинъ	14	14
Ржевъ Вл.	12	14
Осташковъ	3	—
Ст. Руса	1	—
Псковъ	150	—
Изборскъ	19	—
Островъ	17	—
Опочка	12	—
Печерскій монастырь	25	—
Новгородъ	54	—
Ладога	8	—
Порховъ	4	—
Гдовъ	21	—
Ярославль	16	27
Ростовъ	14	—
Кострома	16	9
Галичъ	41	—
Чухлома	11	—
Суздаль	14	13
Солигаличъ	27	—
Парфеньевъ	11	—
Унжа	9	—
Переяславль Зал.	14	15
Романовъ	13	—
Вологда	30	—
Бѣлоозеро	16	11
Гороховецъ	3	—
Борисово Городище	—	6
Печерники	—	39
Лихвинъ	—	13
Новосиль	—	31
Перемышль	—	18
Бѣжецкій Верхъ	—	5
Орелъ	—	31

Въ 1629 г. всего пушкарскаго чина, присоединяя сюда засѣчныхъ головъ, приказчиковъ и сторожей, въ вѣдѣніи Пуш-

карскаго приказа было 3573 чел. Нѣкоторые другіе приказы также завѣдывали нарядомъ и укрѣпленіями въ подвѣдомственныхъ имъ городахъ. Понизовые, Мещерскіе и Сибирскіе города, въ которыхъ въ 1629 г. было 297 пушкарей, затинщиковъ и пр., по артиллерійской части вѣдались въ приказахъ Казанскаго дворца и въ Сибирскомъ [1]), которые ремонтируютъ остроги, собираютъ съ пушкарей полоняничныя деньги и пр. [2]). Въ 1672 г. указъ подтверждаетъ, что служилые всякихъ чиновъ люди Понизовыхъ городовъ вѣдомы въ Казанскомъ дворцѣ [3]), но въ 1680 г. пушкари Казанскаго разряда перешли въ вѣдомство Иноземскаго приказа [4]).

Въ приведенномъ выше спискѣ нѣтъ Поморскихъ городовъ приказа Устюжской четверти. Этотъ четвертной приказъ завѣдывалъ пушкарскимъ чиномъ въ Устюгѣ и Устюжнѣ [5]). Когда въ этихъ городахъ предстоялъ ремонтъ укрѣпленій, то четверть вытребываетъ отъ воеводъ чертежи и смѣты предполагаемыхъ перестроекъ [6]) и старается разобраться въ довольно сложныхъ техническихъ подробностяхъ, составляетъ даже свой проектъ перенесенія крѣпостныхъ стѣнъ Устюга подальше отъ рѣки, размывавшей стѣны во время половодья, и выслушиваетъ отъ мѣстныхъ жителей объясненія и возраженія по поводу этого проекта [7]). Устюжская четверть устраиваетъ на Тотьмѣ городъ и пороховой погребъ [8]). Замѣчательно то, что четверть слѣдитъ даже за нарядомъ въ предѣлахъ своего вѣдомства и какъ-будто имѣетъ свой складъ артиллерійскихъ орудій и снарядовъ. Снабжая пушками находившійся подъ ея управленіемъ полкъ А. Шепелева, приказные дьяки соображаютъ, что у нихъ въ запасѣ имѣются только скорострѣльныя пушки по $2^1/_2$ аршина, а другихъ орудій нѣтъ и потому надо просить Пушкарскій приказъ прислать, что требуется для пополненія артиллеріи полка [9]).

Судя по списку городовъ отъ 1637 года, кругъ вѣдомства Пушкарскаго приказа значительно съужается, такъ какъ Новго-

---

[1]) Ст. Сѣвскаго стола № 108, л. 68 и сл. Приказныя дѣла ст. л. 1657 г. № 90

[2]) Рус. Истор. Библіотека, II, стр. 559. А. И. III, стр. 85. Приказныя дѣла ст. л. 1649 г. № 62.

[3]) П. С. З. № 526.

[4]) А. И. V, стр. 135.

[5]) Ст. Сѣвскаго стола № 108, л. 24: „А опричь Устюга и Устюжны Желѣзопольской въ иныхъ Поморскихъ городахъ, которые вѣдомы въ Устюжской четверти, стрѣльцовъ и иныхъ никакихъ служилыхъ людей нѣтъ“.

[6]) Приказныя дѣла ст. л. 1631 г. № 81.

[7]) Приказныя дѣла ст. л. 1641 г. № 16.

[8]) Приказныя дѣла ст. л. 1671 г. № 70.

[9]) Приказныя дѣла ст. л. 1668 г. № 46.

родская четверть беретъ въ свои руки завѣдываніе артиллерійскимъ и крѣпостнымъ дѣломъ въ подчиненныхъ ей городахъ [1]); хотя трудно думать, чтобы въ приказѣ засѣдали люди, свѣдующіе по этимъ дѣламъ, однако было разрѣшено не мало техническихъ вопросовъ: разсмотрѣны смѣты и чертежи по постройкѣ укрѣпленій въ Олонцѣ, по ремонту башенъ и стѣнъ въ Новгородѣ, Архангельскѣ, Кунгурѣ и пр. [2]).

Артиллерійское дѣло въ Новгородскомъ приказѣ велось до указа 2 ноября 1680 г., которымъ государь указалъ „солдатъ и стрѣльцовъ и казаковъ и пушкарей и иныхъ чиновъ служилыхъ людей всѣхъ городовъ, которые вѣдомы въ Новгородскомъ приказѣ, вѣдать въ Разрядѣ и въ Иноземскомъ приказѣ и списки тѣхъ чиновъ людей изъ Новгородскаго приказу прислать въ Разрядъ и въ Иноземскій приказъ къ боярину ко князю М. Ю. Долгоруково съ тов.“ [3]). Однако черезъ короткій промежутокъ времени Новгородскій приказъ снова беретъ военное дѣло въ свои руки и въ 1686 г. посылаетъ городового мастера для осмотра Нижегородской городовой стѣны и составленія смѣты необходимыхъ починокъ [4]).

Отношенія между Разряднымъ и Пушкарскимъ приказами отличались особой неустойчивостью, а иногда и неопредѣленностью. Повидимому, вся инженерная часть въ первой четверти XVII ст. входила въ компетенцію исключительно Разряда, а Пушкарскій приказъ вѣдалъ только „всякій бой огненный“ [5]). Въ 1617 г. Углицкій острогъ, „что не додѣлано“, осматривалъ П. Дашковъ по наказу изъ Разряда. Въ 1619 г. перестройка остроговъ въ Ельцѣ и Калугѣ велась подъ наблюденіемъ того же приказа, а нарядъ находился въ вѣдѣніи Пушкарскаго приказа [6]).

Въ описи дѣлъ, вынесенныхъ изъ Разряда въ пожаръ 1626 г., упоминается много городовыхъ дѣлъ, иногда съ чертежами по различнымъ городамъ: Ржевъ, Тверь, Ярославль, Новгородъ и др. Въ дѣлахъ Разряда оказались даже кормовыя книги Торопецкимъ пушкарямъ, воротникамъ и затинщикамъ [7]).

Пушкарскій приказъ получилъ городовыя дѣла отъ Разряда не полностью: постройка и починка большей части южныхъ горо-

---

[1]) Ст. Сѣвскаго стола № 108, л. 27.

[2]) Рус. Ист. Библіотека, VIII, стр. 907. Приказныя дѣла ст. л. 1661 г. № 66 и 1636 г. № 26. Кунгурскіе акты, стр. 42—43.

[3]) Приказныя дѣла ст. л. 1680 г. № 396.

[4]) Приказныя дѣла ст. л. 1686 г. № 80.

[5]) А. И. II, стр. 424.

[6]) Ст. Владимірскаго стола № 7, л. 89, 140, 142.

[7]) Н. Лихачевъ. Разрядные дьяки, прилож., стр. 37—44.

довъ, а также дѣла ихъ пушкарей остались въ вѣдомствѣ Разряда, который то забираетъ города подъ свою власть, то уступаетъ Пушкарскому приказу. Примѣровъ можно привести много. Городъ Валуйки въ 1626 г. былъ въ Разрядѣ, а по смѣтѣ 1629 г. въ Пушкарскомъ приказѣ, затѣмъ возвращается въ вѣдомство Разряда, а въ 1633 г. Пушкарскій приказъ не знаетъ, завѣдывать ли ему Валуйскими пушкарями, или этотъ городъ числится за Разрядомъ и требуетъ отъ Разряднаго приказа присылки свѣдѣній о числѣ пушкарей и о размѣрахъ пушкарскаго жалованья. Отъ такой неурядицы пострадали Валуйскіе пушкари, которымъ ни тотъ, ни другой приказъ не платилъ жалованья [1]). Повидимому, заботу объ нихъ принялъ Пушкарскій приказъ, но въ 1645 г. Валуйскія укрѣпленія ремонтировались уже Разрядомъ, который въ 1649 г. и собираетъ съ Валуйскихъ пушкарей полоняничныя деньги [2]). Воронежскіе пушкари въ 1629 г. были за Пушкарскимъ приказомъ, потомъ за Разрядомъ, въ 1634 г. снова за Пушкарскимъ приказомъ. Воронежскій воевода недоумѣваетъ, долженъ ли онъ слушаться грамотъ Пушкарскаго приказа [3]). Въ Разрядъ переходятъ изъ Пушкарскаго приказа Епифань, Ряжскъ и Курскъ [4]), а Хотмыжскъ, построенный подъ наблюденіемъ Разряда, переходитъ въ Пушкарскій приказъ [5]). Такая неустойчивость вызывала недоумѣнія не только со стороны воеводъ, которые предпочитали посылать свои отписки одновременно въ оба приказа, но и со стороны самихъ приказовъ. Въ 1659 г. Пронскій воевода въ своей отпискѣ заявляетъ, что относительно починки худыхъ мѣстъ въ острогѣ онъ получилъ одну грамоту изъ Пушкарскаго приказа и двѣ изъ Разряда. Помѣтой: „Чтена. О городовомъ дѣлѣ великаго государя указъ въ Пушкарскомъ приказѣ“, такое двоевластіе было прекращено [6]).

Засѣчное дѣло также не было сосредоточено въ Пушкарскомъ приказѣ, которому не были подвѣдомственны засѣки на восточной и на западной границахъ, напр., Алаторская и Опочецкая засѣки [7]). Въ „Описи“ имѣются дѣла 1639—1645 г. по слѣдующимъ засѣкамъ: Козельской, Перемышльской, Лихвинской, Бѣлевской, Одоевской, Каширской, Тульской, Кропивенской, Коломенской, Зарайской,

---

[1]) Ст. Сѣвскаго стола № 94, л. 416.
[2]) Ст. Бѣлгородскаго стола № 265. Приказныя дѣла ст. л. 1649 г. № 62.
[3]) Ст. Московскаго стола № 109, л. 86. А. М. Г. I, стр. 617.
[4]) А. М. Г. II, стр. 105. Приказныя дѣла ст. л. 1649 г. № 62.
[5]) П. С. З. № 36. А. М. Г. III, стр. 321.
[6]) А. М. Г. II, стр. 113, 347, 662.
[7]) Рус. Истор. Библіотека, II, стр. 559.

Веневской, Вожской и Кцынской. Арзамасская засѣка была въ 1626 г. въ Пушкарскомъ приказѣ, а въ 1635 г. въ Разрядѣ [1]). Нѣкоторыя засѣки, какъ, Коломенская и Зарайская, съ теченіемъ времени были упразднены, съ другой стороны Пушкарскому приказу было поручено завѣдываніе Ряжской засѣкой [2]). Между 1638 и 1641 годами засѣчное дѣло было совершенно взято изъ Пушкарскаго приказа и передано въ Разрядъ, который въ ожиданіи татарскихъ набѣговъ съ большой энергіей принялся за починку засѣчныхъ укрѣленій [3]). Въ 1641 г. засѣчное дѣло переходитъ обратно въ Пушкарскій приказъ, который запрашиваетъ Разрядъ о нѣкоторыхъ подробностяхъ организаціи и заявляетъ, что присланы не всѣ чертежи засѣкъ [4]).

Съ января 1678 года, когда шли сложныя приготовленія къ Чигиринскому походу, Пушкарскій приказъ теряетъ свое значеніе главнаго артиллерійскаго и инженернаго управленія и передаетъ свои дѣла Пушкарскому столу Рейтарскаго приказа. 5 января 1678 г. Посольскій приказъ получаетъ свѣдѣніе, что „о пушкарскихъ дѣлахъ пишутъ въ Рейтарскій приказъ“ [5]). Дѣйствительно, сохранилось множество дѣлъ, указывающихъ, что Рейтарскій приказъ принялъ на себя всѣ обязанности Пушкарскаго, архивъ котораго также былъ перенесенъ въ Рейтарскій приказъ [6]). Въ одной изъ памятей отъ 30 іюля 1679 г. находимъ слѣдующія слова: „Въ Рейтарскомъ приказѣ въ Пушкарскомъ столѣ вѣдомы Замосковныхъ и Заоцкихъ и Украинныхъ городовъ пушкари, и затинщики, и разсыльщики, и приставы, и казенные кузнецы и плотники, всего въ 78 городехъ 2518 человѣкъ“ [7]). Рейтарскій приказъ въ перечисленныхъ городахъ слѣдитъ за исправностью укрѣпленій, ремонтируетъ также стѣны Московскаго кремля, разсылаетъ въ полки нарядъ и зелье, имѣетъ свой складъ матеріаловъ, необходимыхъ для приготовленія снарядовъ и мастеровъ, спеціалистовъ этого дѣла и т. д. [8]). Засѣчное дѣло также перешло въ вѣдомство Пушкарскаго стола Рейтарскаго

---

[1]) Рус. Истор. Библіотека, IX, стр. 431; II, стр. 558.

[2]) Ст. Московскаго стола № 499, л. 15 и слѣд.

[3]) А. М. Г. II, стр. 60—91. Опись, л. 102, 103. Ст. Московскаго стола № 140.

[4]) А. М. Г. II, стр. 120. Въ указѣ 1659 г.: „И впредь то засѣчное дѣло во всемъ указалъ в. г. вѣдать въ Пушкарскомъ приказѣ“. П. С. З. № 258.

[5]) Приказныя дѣла ст. л. 1677 г. № 141.

[6]) Д. А. И. VIII, стр. 91.

[7]) Приказныя дѣла ст. л. 1679 г. № 170.

[8]) Сборникъ Моск. Архива М. Ю. VI, стр. 360. А. И. V, стр. 70, 71, 86. Д. А. И. IX, стр. 147. Приказныя дѣла новаго разбора № 754, Кн. Разрядныя, II, стр. 1268. Ст. Бѣлгородскаго стола № 1000, л. 217, 289.

приказа [1]). Разрядный приказъ и тутъ вмѣшивается въ пушкарскія дѣла. 15 сентября 1680 г. послѣдовалъ царскій указъ, чтобы пушкари и пушкарскаго чина люди Сѣвскаго, Бѣлгородскаго, Тамбовскаго и Новгородскаго разрядовъ были вѣдомы въ Разрядномъ приказѣ, въ который должны были быть переданы списки служилыхъ людей. Не прошло и года, какъ 12 іюля 1681 г. пушкари тѣхъ же разрядовъ были опять подчинены Рейтарскому приказу [2]).

Существовалъ ли Пушкарскій приказъ параллельно съ Рейтарскимъ? Самое названіе сохранилось во многихъ актахъ. Въ росписи 1680 г. [3]) смѣты Рейтарскаго и Пушкарскаго приказовъ помѣщены отдѣльно, но замѣтно, что Пушкарскій столъ и Пушкарскій приказъ представляютъ одно и то же. Дѣйствительно, расходъ въ 4856 руб. „въ Пушкарскій столъ къ городовому дѣлу“ записанъ на приходѣ въ Пушкарскомъ приказѣ, гдѣ отмѣчено также полученіе 19000 изъ Рейтарскаго приказа, который помѣчаетъ выдачу такой же суммы „въ Пушкарскій столъ къ городовому дѣлу“. Начальникъ Рейтарскаго и многихъ другихъ приказовъ, И. М. Милославскій, также смѣшиваетъ названіе стола и приказа. Въ ноябрѣ 1679 г. онъ памятью требуетъ прислать въ Рейтарскій приказъ изъ Посольскаго дѣло вдовы зелейнаго уговорщика Д. Бахерахата съ иноземцемъ В. Меллеромъ по иску послѣдняго въ 1000 руб. Посольскій приказъ пишетъ отвѣтъ въ Пушкарскій приказъ, что иноземцы подсудны только ему и въ февралѣ 1680 г. посылаетъ подьячаго Ив. Нехорошева на дворъ къ Милославскому съ требованіемъ передать все дѣло въ Посольскій приказъ. Милославскій, какъ доносилъ Нехорошевъ, сказалъ, „что въ Пушкарскомъ приказѣ до той иноземки и до дѣтей ея дѣла никакого нѣтъ“ [4]). По-видимому, Пушкарскій приказъ вошелъ со всѣмъ своимъ архивомъ въ составъ Рейтарскаго приказа, хотя денежная отчетность могла быть и отдѣльная.

Сколько лѣтъ Рейтарскій приказъ завѣдывалъ артиллерійскимъ дѣломъ, установить не удалось, но въ концѣ 1682 г. Пушкарскій приказъ уже дѣйствуетъ самостоятельно [5]). Онъ вѣдаетъ Замосковными, Заоцкими и Украинными городами въ числѣ 84, въ которыхъ было 3571 человѣкъ людей пушкарскаго чина [6]), т. е. на 1000 человѣкъ болѣе, чѣмъ въ 78 городахъ Рейтарскаго приказа.

---

[1]) Д. А. И. VIII, стр. 89.

[2]) Ст. Московскаго стола № 626, л. 210 и слѣд. Ст. Бѣлгородскаго стола № 993 л. 217 и слѣд. и № 994, л. 77 и слѣд.

[3]) П. Милюковъ. Государственное хозяйство, приложеніе I.

[4]) Приказныя дѣла ст. л. 1679 г. № 294.

[5]) Д. А. И. X, стр. 414. Ст. Владимірскаго стола № 188, л. 5—6.

[6]) Ст. Бѣлгородскаго стола № 1551, л. 173.

Въ 1700 году прекратилось существованіе Пушкарскаго приказа, онъ былъ замѣненъ Артиллерійскимъ приказомъ.

Обязанности Пушкарскаго приказа были очень сложны и разнообразны. Административно-судебная дѣятельность поглощала много времени и силъ, а еще болѣе заботъ доставляла дѣятельность чисто техническаго характера.

Въ Москвѣ и во многихъ городахъ, подчиненныхъ приказу, пушкари, воротники, затинщики, казенные кузнецы и плотники, разсыльщики, сторожа, пушечные, гранатные, пороховые, колокольные, паникадильные мастера и подмастерья съ учениками, засѣчные головы и сторожа и пр., всѣ обращались за своими нуждами въ Пушкарскій приказъ и туда же платили полоняничныя деньги [1]). Надо было устроить ихъ слободами, отвести земли или платить жалованье, разбирать ихъ ссоры и жалобы, судить и по гражданскимъ, и по уголовнымъ дѣламъ. Не всегда гладко проходилъ наборъ новыхъ пушкарей. Приказъ былъ стѣсненъ тѣмъ, что могъ привлекать на свою службу только вольныхъ людей, предпочтительно, пушкарскихъ дѣтей и племянниковъ. Когда такихъ людей найти было трудно, то принималъ на свою службу и тяглыхъ посадскихъ людей, что встрѣчало энергичный отпоръ и со стороны тяглаго общества, и писцовъ, и приказовъ. Такъ, въ Зарайскѣ въ 1625 г. нѣкоторые изъ тяглыхъ людей записались въ пушкари, писцы это замѣтили и протестовали, но Пушкарскій приказъ все-таки послалъ осадному головѣ Дм. Любавскому грамоту, чтобы тѣмъ людямъ быть по прежнему въ пушкаряхъ. Въ дѣло должна была вмѣшаться Владимірская четверть [2]). Какъ было раньше указано, число пушкарей иногда возрастало и, конечно, соотвѣтственно съ этимъ увеличивались трудности набора новыхъ артиллеристовъ. Такой случай указываетъ, что посадскіе люди по желанію или по принужденію на время причислялись къ пушкарскому чину: въ 1695 г. Арзамасецъ посадскій человѣкъ Саввка Петровъ „въ прошлыхъ годехъ былъ на время въ воротникахъ и изъ воротниковъ перемѣненъ, а на его мѣсто написанъ въ воротники Арзамасскій житель Ст. Овчинниковъ“; однако, С. Петрова все продолжали держать въ воротникахъ, и онъ дважды проситъ

---

[1]) Приказныя дѣла ст. лѣтъ 1649 г. № 62; 1577 г. № 1 (Посольскій приказъ требуетъ справки, сколько взято изъ Пушкарскаго приказа полоняничныхъ денегъ съ 156 по 185 годъ.). Число пушкарей и мастеровыхъ людей было такое: въ 1629 г. въ Москвѣ 479 ч. и въ городахъ 3094 ч., всего 3573 ч.; въ 1637 г. въ Москвѣ 509 ч. и въ городахъ 2352 ч., всего 2861 ч. Ст. Московскаго стола № 49. Ст. Сѣвскаго стола № 108.

[2]) С. Веселовскій. Акты писцоваго дѣла, т. I, стр. 346—357, 390.

Пушкарскій приказъ о своей отставкѣ [1]). Въ то же время четвертные приказы съ большой охотой переводили пушкарей, имѣвшихъ торговлю и промыселъ, въ посадскіе люди, отрывая ихъ совершенно отъ военной службы. Когда Ив. Бѣлобородовъ, Бѣлевскій пушкарь, подалъ челобитную, чтобы быть ему въ тяглѣ по кузнечному промыслу, то Галицкій приказъ навелъ справку, „бывали какіе образцы, изъ пушкарей по промыслу въ тягло и въ посадъ имынованы-ль“. Оказалось, что въ 1687—1691 г.г. въ Бѣлевѣ „по Уложенію и по торговымъ промысламъ“ 9 лицъ перечислены изъ пушкарей въ посадскіе [2]).

Другой заботой Пушкарскаго приказа было надѣленіе городовыхъ пушкарей землей вмѣсто ежегоднаго жалованья деньгами и хлѣбомъ. Когда пушкари перешли въ вѣдѣніе Рейтарскаго приказа, то изъ 2518 человѣкъ по 78 городамъ, 2012 человѣкъ, т. е. около 80%, были устроены землями [3]). Въ апрѣлѣ 1679 г. послѣдовало распоряженіе надѣлить землями всѣхъ пушкарей и это дѣло поручить Разрядному приказу, такъ какъ Рейтарскій приказъ заявилъ, на основаніи воеводскихъ отписокъ, что „порозжихъ мѣстъ“ около городовъ на разстояніи 2—5 верстъ нѣтъ и устроить землями пушкарей невозможно [4]). Справился ли Разрядъ со своей задачей, неизвѣстно. Какъ это трудно, хорошо знали пушкарскіе дьяки, которымъ приходилось вести за пушкарскія земли упорную борьбу съ посадскими людьми и областными приказами. Примѣромъ можетъ служить безконечная тяжба Ржевичей, поддержанныхъ Устюжской четвертью, съ Ржевскими пушкарями, которымъ энергично помогалъ Пушкарскій приказъ [5]).

Кругъ вѣдомства Пушкарскаго приказа не ограничивался только пушкарскимъ чиномъ. Временно, съ 167 года, ему подчинены были переходившіе отъ одного приказа къ другому Тульскіе и Каширскіе заводы съ приписанными къ заводамъ волостями [6]). Съ сентября 1665 г. приказъ завѣдывалъ многолюднымъ полкомъ генералъ-поручика Баумана [7]). Въ 1654 г. Пушкарскій приказъ собираетъ подати съ корелянъ, бѣжавшихъ изъ-за шведскаго рубежа и поселившихся въ патріаршихъ, митрополичьихъ

---

[1]) Приказныя дѣла ст. л. 1695 г. № 363.

[2]) Приказныя дѣла ст. л. 1698 г. № 48.

[3]) Приказныя дѣла ст. л. 1679 г. № 170.

[4]) Ст. Бѣлгородскаго стола № 993, л. 225—226.

[5]) Приказныя дѣла ст. л. 1680 г. № 189.

[6]) Д. А. И. V, стр. 392. Н. Чарыковъ. Посольство въ Римъ и служба въ Москвѣ П. Менезія, стр. 455. Рус. Истор. Библіотека, XXI, стр. 676, 680. Гамель. Описаніе Тульскаго оружейнаго завода, стр. 17.

[7]) Рус. Истор. Библіотека, XXI. стр, 1108, 1386.

и монастырскихъ вотчинахъ, по окладу въ 4 р. 16 к. съ семьи [1]). Въ 1690 г. Пушкарскому приказу былъ подчиненъ Ѳедоровскій въ Переяславлѣ Залѣсскомъ монастырь. Служебникъ этого монастыря Ис. Петровъ и его дѣла были вытребованы изъ Разряда въ Пушкарскій приказъ, такъ какъ „Ѳедоровскій монастырь по дѣламъ вѣдомъ въ этомъ приказѣ“ [2]).

Судебныя дѣла отнимали много времени у приказныхъ людей. Можно сказать, что „Опись“ на три четверти состоитъ изъ перечисленія судебныхъ дѣлъ самаго разнообразнаго содержанія: и о бѣглыхъ крестьянахъ, и о безчестіи, и о кабальномъ долгѣ. Упоминается даже такое дѣло: „Судное дѣло изъ богадѣльни старицы Ѳедосьи плавильнаго дѣла съ ученикомъ съ Б. Савельевымъ въ жестяныхъ деньгахъ“ [3]). Много дѣлъ было переносныхъ изъ другихъ приказовъ.

Въ 1639 г. Пушкарскому приказу было предписано „для поспѣшенія“ взять изъ Владимірскаго и Московскаго судныхъ приказовъ города Мценскъ и Тулу и судить дворянъ этихъ городовъ по всѣмъ дѣламъ [4]). Приказъ продѣлывалъ всю судебную процедуру: отдавалъ за пристава, собиралъ поручныя, допрашивалъ, даже пыталъ, произносилъ приговоръ и приводилъ его въ исполненіе, билъ батогами и пр.

Особое значеніе имѣетъ работа приказа, такъ сказать, техническаго характера. На первомъ мѣстѣ надо поставить приготовленіе пушекъ, для чего на Неглинной былъ устроенъ Пушечный дворъ. Тутъ отливались не только пушки, но и колокола, а также паникадила. Ближайшее завѣдываніе Пушечнымъ дворомъ возлагалось на двухъ дворянъ по назначенію Разряда. Подъ ихъ начальствомъ въ 1637 г. были слѣдующіе мастера и рабочіе: 5 пушечныхъ литцовъ, 37 учениковъ, 2 колокольныхъ литца, 10 учениковъ, 6 паникадильныхъ мастеровъ, 14 учениковъ, 1 плавильный мастеръ, 5 учениковъ, 7 паяльщиковъ, 2 пильника, 3 накатчика, 14 пушечныхъ кузнецовъ, 8 плотниковъ, 20 пушечныхъ извозчиковъ [5]).

На подмогу привлекались жители московскихъ слободъ. Такъ, мѣщане О. Ѳоминъ и Аврамовъ обратились въ Посольскій приказъ,

---

[1]) Д. А. И. IV, стр. 85. С. Шумаковъ. Обзоръ грамотъ Коллегіи экономіи, V, стр. 73.

[2]) Ст. Приказнаго стола № 1238, 1431, 1436.

[3]) Опись, л. 242. Скрѣплялъ дѣло тотъ изъ дьяковъ, который велъ разбирательство: въ дѣлѣ о коломничахъ „дьячьи приписи нѣтъ—діакъ Осипъ Пустынниковъ посланъ въ Вязьму вскорѣ, а діакъ Посникъ Задонскій того дѣла не вѣдалъ“. л. 47.

[4]) Русская Истор. Библіотека, X, стр. 157.

[5]) Ст. Сѣвскаго стола № 108, Московскаго стола № 49 и 109.

которому была подчинена Мѣщанская слобода, съ такой жалобой: „Работаемъ мы твое в. г. кузнечное дѣло на Пушечномъ дворѣ безпрестань, а твоего в. г. жалованья намъ за работу нашу нейдетъ ничего другой годъ, а держатъ насъ на Пушечномъ дворѣ безпрестанно, въ желѣза куютъ и въ тюрьму сажаютъ и батоги бьютъ безвинно“ [1]).

Большинство пушечныхъ мастеровъ были русскіе, но безъ иностранцевъ не могли обойтись въ теченіе всего XVII ст. Въ началѣ вѣка былъ мастеръ Гансъ Фалькенъ [2]), въ 1624 г. Ив. Тарелъ [3]), съ 1630 г. Юліусъ Коетъ, который умѣлъ дѣлать пушки мѣдныя и кожаныя [4]), съ 1641 г. долго служилъ Ив. Фалькъ съ подмастерьемъ иноземцемъ Иваномъ Ивановымъ [5]), до 1651 г. работалъ Янъ Лангобаръ [6]) и т. д. Каждый мастеръ, и русскій, и иноземецъ, исполнялъ свою отдѣльную работу со своими подмастерьями и учениками. Ученики набирались изъ вольныхъ людей, не приписанныхъ къ тяглу, преимущественно дѣти пушкарей или жившіе на пушкарскихъ дворахъ и присмотрѣвшіеся къ пушкарскому дѣлу [7]). Перейти имъ въ мастера было возможно только послѣ многихъ лѣтъ пребыванія въ ученикахъ и приготовленія образцовой работы по спеціальному назначенію. Ученики мастера Алексѣя Якимова работали на Пушечномъ дворѣ уже 22-й годъ, вылили большую пищаль „аспидъ“, когда обратились съ просьбой дать пушечное дѣло на „опытъ“, тѣмъ болѣе, что самъ мастеръ „при старости“ [8]). Ученики мастера Давыда Кондратьева были допущены къ испытанію раньше, послѣ 10-ти лѣтней подготовки; имъ было предложено сдѣлать по пищали въ 4 гривенки ядро [9]).

Пушки отливались по образцамъ, для чего на Пушечномъ дворѣ хранилась „роспись пищальныхъ образцовъ стараго и новаго заводу“, или „роспись образцовая арталорейскимъ пушкамъ со всякими запасы, что къ тому строенію надобно и почему тѣ пушки цѣною стали“ [10]).

Образцы были иностранные: „по нѣмецкому образцу“ или „противъ образца голландской пищали“ [11]), однако московскіе ма-

[1]) Приказныя дѣла ст. л. 1680 г. № 198.
[2]) Артиллерійскій журналъ 1867 г., № 3, стр. 466.
[3]) Чтенія 1882 г., III, стр. 343.
[4]) Выѣзды 1630 г. № 2.
[5]) Описаніе, стр. 516. Приказныя дѣла ст. л. 1641 г. № 37. Выѣзды 1643 г. № 1.
[6]) Выѣзды 1651 г. № 3.
[7]) Приказныя дѣла ст. л. 1677, № 113.
[8]) Описаніе, стр. 549.
[9]) А. Юр. быта III, стр. 475.
[10]) Описаніе, стр. 514. Русская Истор. Библіотека, XXI, стр. 677.
[11]) Сборникъ выписокъ о Петрѣ В., т. I, стр. 164, 321.

стера не ограничивались копіями, но создавали весьма удачные оригиналы. Стоитъ указать хотя бы на то, что нашъ Пушечный дворъ приготовлялъ нарѣзныя орудія въ то время, когда Западная Европа довольствовалась гладкоствольными пушками [1]). Приготовленіе каждой пушки болѣе крупныхъ размѣровъ продолжалось 1—1½ года [2]). Послѣ отливки пушка очищалась, украшалась рисунками и надписями и прилаживался къ ней станокъ: „и изъ дѣла та пищаль вышла мѣрою и ядромъ по кружалу противъ прежней пищали, и вычищена, и высверлена, и лѣтописныя слова противъ образцоваго письма, каково прислано подъ вашею государскою грамотою, и травы на той пищали высѣчены и расконфарены“ [3]). При такой медленности производства Московскій Пушечный дворъ не могъ удовлетворить всѣхъ потребностей военнаго дѣла и мы находимъ малые пушечные дворы во многихъ городахъ: въ Устюгѣ, Устюжнѣ, Вологдѣ, Новгородѣ, Псковѣ, на Тульскихъ заводахъ [4]) и пр.

Были и частные предприниматели. Такъ, Костромитинъ Архипко Комаевъ взялся сдѣлать на Костромѣ пищали по присланнымъ образцамъ, но дѣло у него не пошло, пищали оказались „худы, не противъ образца“ [5]). Покупались также пушки иностранной отливки. Въ 1661 г. Любекскій купецъ фонъ-Горнъ долженъ былъ доставить пушки въ Архангельскъ. Въ 1666 г. куплены у иноземца Ан. Бутенанта 4 мѣдныхъ пушки. Въ 1672 г. Густавъ Вальтеръ привезъ изъ Любека по спеціальному заказу „пушечный образцовый строй со всѣмъ нарядомъ“, за что онъ требовалъ вмѣстѣ съ 2 „водяными брызгалами“ 1000 руб. [6]). Готовыя пушки подвергались испытанію, „пристрѣлу“ въ присутствіи дьяка Пушкарскаго приказа [7]).

Нарядомъ Пушкарскій приказъ снабжалъ не только подвѣдомственные ему города, но и города другихъ приказовъ, а также войско. Въ послѣднемъ случаѣ Пушкарскій приказъ давалъ особый наказъ завѣдующему полковой артиллеріей. Требованія другихъ приказовъ о присылкѣ наряда исполнялись Пушкарскимъ приказомъ не всегда аккуратно. Для примѣра можно привесть

---

[1]) Столѣтіе Военнаго министерства, т. VI, стр. 8.

[2]) Д. А. И. XII, стр. 18.

[3]) Ibid., стр. 19.

[4]) А. А. Э. Ш, № 291; Д. А. И. VII, стр. 197; XII, стр. 17. Артиллерійскій Журналъ 1865 г., № 9, стр. 520 и пр.

[5]) Опись, л. 42.

[6]) Русская Истор. Библіотека, XXI, стр. 675. Приказныя дѣла новаго разбора № 51; ст. лѣтъ 1672 г. № 85. Катошихинъ, гл. VII, ст. 11.

[7]) А. М. Г. П, стр. 152.

любопытную переписку между Новгородскимъ и Пушкарскимъ приказами. Первый въ іюнѣ 1671 г. послалъ память, чтобы Пушкарскій приказъ отправилъ въ Архангельскъ и въ Холмогоры, вмѣсто попорченныхъ пожаромъ пушекъ, 12 пищалей мѣдныхъ Московскаго литья и колеснаго мастера. Такъ какъ отвѣта никакого не было, то въ февралѣ 1673 г., т. е. почти черезъ два года, послана была вторая память о томъ же съ указаніемъ, что „Архангельскій городъ порубежный и корабельная большая пристань, и безъ ружья быть для приходу на воинскихъ корабляхъ опасно". Требованіе не было исполнено подъ тѣмъ предлогомъ, что въ памяти не указывается ни длины, ни калибра желаемыхъ пушекъ. Пушкарскій приказъ намекаетъ, что онъ обиженъ недостаткомъ канцелярской корректности Новгородскаго приказа, который еще въ 1669 г. черезъ Посольскій приказъ взялъ изъ Пушкарскаго приказа для строенія Архангельскаго гостиннаго двора мастера Матиса Янцына, „не сослався съ Пушкарскимъ приказомъ памятьми". Новгородскій приказъ снова требуетъ присылки, если не мѣдныхъ, то желѣзныхъ пушекъ Тульскаго литья „самыхъ добрыхъ и цѣльныхъ... каковы есть въ Пушкарскомъ приказѣ". Отвѣтъ послѣдовалъ самый рѣшительный: желѣзныхъ пищалей нѣтъ. Опять посылается память о присылкѣ мѣдныхъ пищалей съ указаніемъ вѣса ядра, и опять получается отвѣтъ, что въ Пушкарскомъ приказѣ и мѣдныхъ пищалей нѣтъ [1]).

Обязанностью колокольныхъ мастеровъ была отливка набатныхъ или вѣстовыхъ колоколовъ, которыми снабжались всѣ укрѣпленные города. Но эта прямая задача Пушечнаго двора осложнялась тѣмъ, что колокольные мастера, по царскому приказанію, лили большіе и малые колокола для церквей и монастырей. Не мало колоколовъ было отлито для колокольни Ивана Великаго, которая, по крайней мѣрѣ, въ концѣ XVII в. „всякимъ строеніемъ и колоколами" была вѣдома въ Пушкарскомъ приказѣ [2]). Въ 1624 г. мастеръ К. Самойловъ отлилъ, кромѣ вѣстовыхъ колоколовъ, еще 11 въ монастыри и 13 на Фроловскія ворота къ часамъ [3]). Такъ какъ колокола часто украшались различными изображеніями, то при Пушкарскомъ приказѣ состояли рѣзчики и иконописцы. Въ 1673 г. иконописецъ Ив. Максимовъ былъ взятъ изъ Пушкарскаго приказа въ Посольскій, чтобы писать „персоны" въ Титулярникѣ и въ Книгѣ о избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича. Только

[1]) Приказныя дѣла ст. л. 1673 г. № 71.

[2]) Чтенія 1882 г., I, стр. 265; III, стр. 291. Описаніе, стр. 539, 542, 551. Н. Скворцовъ. Матеріалы по Москвѣ, т. I, стр. 14.

[3]) Чтенія 1882 г., III, стр. 393.

въ 1677 г. этотъ иконописецъ вернулся къ своимъ занятіямъ въ Пушкарскомъ приказѣ [1]). Въ 1624 г. упоминается о рѣзчикѣ Ѳ. Тарасовѣ, который былъ „у колокольнаго у рѣзного дѣла“ [2]).

Иногда Пушкарскому приказу давались особыя порученія по приготовленію различныхъ вещей, напр., отлить оловянныя блюда, сдѣлать въ государевой казенной палатѣ крюки къ окнамъ и желѣзные затворы [3]).

Приготовленіе снарядовъ производилось въ особомъ Гранатномъ дворѣ гранатными мастерами и ихъ учениками. Среди мастеровъ попадались иностранцы [4]). Между прочимъ мы знаемъ о гранатномъ мастерѣ Юстѣ Дектерковенѣ, который въ 1667 г. былъ командированъ съ сыновьями на Тульскій заводъ для приготовленія 4000 гранатъ ручныхъ [5]).

Московскіе мастера были авторитетами въ своемъ дѣлѣ и имъ иногда поручалась экспертиза гранатъ, приготовленныхъ въ другихъ городахъ. Ученики гранатнаго дѣла, какъ болѣе опаснаго и капризнаго, получали особенно тщательную подготовку, не только на практикѣ, но и по книгамъ. Пушкарскій приказъ въ 1667 г. очень хлопоталъ, чтобы не отпускали на родину Могилевскаго еврея Исачка, такъ какъ „онъ наученъ огнестрѣльнымъ и гранатнымъ дѣламъ, стрѣлять гранаты умѣетъ; да ему-жъ дана для ученья огнестрѣльныхъ и гранатныхъ дѣлъ и для всякихъ тайныхъ промысловъ нѣмецкаго языка печатная книга“ [6]).

Въ 1671 г. среди служащихъ Гранатнаго двора почему-то оказался „Гранатнаго двора латный мастеръ“ Янъ Коретъ [7]).

Пушкарскій приказъ въ значительномъ количествѣ вырабатывалъ порохъ, который разсылалъ и по городамъ, и въ полки, и казакамъ, и на царскую аргамачью конюшню „для острѣлки государевыхъ лошадей“, ловчаго пути охотникамъ „для лосиныя охоты“ и пр. Порохъ приготовляли мастера, русскіе и иностранцы, на двухъ зелейныхъ мельницахъ. Вторая была построена въ 1626 г. на Яузѣ, выше Андроньева монастыря на плотинѣ мастеромъ Павликомъ Лукьяновымъ [8]). Завѣдывали мельницами два дворянина, командированные Разрядомъ [9]). Мастерамъ помогали Московскіе и

---

[1]) Приказныя дѣла ст. л. 1677 г. № 209.

[2]) Чтенія 1882 г., III, стр. 362.

[3]) Описаніе, стр. 526, 543.

[4]) „Посланы гранатчики, которые огнестрѣльному дѣлу навычны и учились у иноземцевъ“. Чтенія 1883 г. IV, стр. 76.

[5]) Выѣзды 1661 г. № 18. Д. А. И. V, стр. 293.

[6]) Приказныя дѣла ст. л. 1667 г. № 273.

[7]) Приказныя дѣла ст. л. 1671 г. № 298.

[8]) Чтенія 1882 г., III, стр. 458.

[9]) Ст. Сѣвскаго стола № 108.

городовые пушкари [1]). О количествѣ вырабатываемаго на обѣихъ мельницахъ пороха можно судить по тому, что въ 148 году при неблагопріятныхъ условіяхъ было приготовлено 1676 пудовъ 36 гривенокъ зелья [2]). Мастера старались улучшить качество пороха и производили опыты; въ приказѣ хранилась „коробочка съ зелейными и селитренными опытами прошлыхъ лѣтъ“ [3]). Обѣ мельницы не успѣвали удовлетворить требованіе пороха, сильно возроставшее съ ростомъ артиллерійскаго дѣла, и приказу приходилось покупать готовый порохъ у „порохового дѣла уговорщиковъ“, изъ которыхъ крупнѣйшимъ былъ иноземецъ Бахарахтъ, имѣвшій мельницы на рѣкахъ Яузѣ и Учѣ. Въ 1652—1654 г.г. Бахарахтъ поставилъ въ государеву казну зелья 2397½ пуда и требовалъ „за зелье, и за дѣло, и за убытки“ 11340 р. 77½ к. [4]).

Пушкарскій приказъ внимательно слѣдилъ за сохраненіемъ пороха въ безопасности и устраивалъ въ городахъ пороховые погреба, вокругъ которыхъ запрещалось возводить постройки. Такъ въ Тулѣ торговые люди понастроили лавокъ около башни, гдѣ хранилась зелейная казна; Пушкарскій приказъ послалъ въ Владимірскую четь память съ требованіемъ отнести лавки подальше отъ башни [5]).

Въ тѣсной связи съ пороховымъ дѣломъ было добываніе селитры, которую варили „изъ земли и сора“ [6]). Такъ какъ селитры требовалось большое количество, то приказъ не жалѣлъ въ этомъ дѣлѣ ни трудовъ, ни издержекъ, разсылалъ мастеровъ или дворянъ [7]) по разнымъ уѣздамъ отыскивать подходящую землю, заводилъ варницы, щедро помогалъ частнымъ предпринимателямъ. Такъ въ Курскѣ „уговорщикамъ“ на устройство варницъ было выдано 600 рублей [8]). Не щадили даже старинныхъ городскихъ валовъ, перегнившая земля которыхъ могла дать много селитры.

Въ 1641 г. Суздальскій воевода доносилъ, что А. Ступишинъ былъ „у селитреннаго дѣла 2 года и валъ испортилъ въ 4 мѣстехъ“. Ступишинъ, призванный къ отвѣту въ Пушкарскій приказъ, оправдывался тѣмъ, что „къ селитренному варенью тотъ валъ годится“ [9]).

---

[1]) Д. А. И. X, стр. 414.
[2]) Описаніе, стр. 547.
[3]) Опись, л. 6.
[4]) Приказныя дѣла ст. л. 1666 г. № 28.
[5]) Приказныя дѣла ст. л. 1670 г. № 225.
[6]) Чтенія 1882 г. I, стр. 279.
[7]) Ст. Приказнаго стола № 206, л. 13, 59.
[8]) Опись, л. 50.
[9]) А. И. III, стр. 383.

Воеводы стараются отличиться, отыскивая удобную для добыванія селитры землю. Шацкій воевода посылаетъ для этой цѣли мастера даже въ степь [1]). Е. Быковъ, желая получить воеводскую должность, такъ перечисляетъ свои заслуги: „Да я же былъ посланъ въ Карачевъ и въ Карачевскій уѣздъ и въ Кромы и въ Кромскій уѣздъ для сыску селитренной земли; и я, сыскавъ въ Кромахъ селитренную землю, опытъ учинилъ и прислалъ тотъ опытъ къ Москвѣ, и селитренному дѣлу всякій заводъ и амбары и печки и сарай и что надобно къ тому селитренному варенью, все сдѣлалъ". Быкову пудъ селитры обошелся въ 43 коп. [2]). Замѣтимъ, что Темниковскому воеводѣ пудъ селитры обошелся въ 92¾ коп. [3]). Въ 1621 г. варили селитру и въ Москвѣ, и этимъ дѣломъ занимались литвинъ А. Мануйловъ, жидовскіе земли новокрещенъ Ицка и черкашенинъ Пр. Ивановъ [4]).

Самый обширный по числу подъячихъ городовой столъ Пушкарскаго приказа занимался ремонтомъ городскихъ укрѣпленій. О состояніи городовъ приказъ получалъ свѣдѣнія изъ двухъ источниковъ: отъ воеводъ, которые ежегодно посылали свои донесенія, о чемъ упоминается въ нѣкоторыхъ наказахъ [5]), или отправляли особые отписки, а также отъ дворянъ, спеціально разсылаемыхъ Разрядомъ по городамъ „для дозору и городового береженья". Послѣдніе, однако, не всегда внимательно относились къ своей обязанности. Такъ, въ 1661 г. Пушкарскій приказъ доносилъ Разряду, что изъ 12 дворянъ семь „въ Пушкарскомъ приказѣ не являются и городовъ не дозираютъ и не оберегаютъ и порухъ не осматриваютъ и въ Пушкарскомъ приказѣ ни о чемъ о городовыхъ порухахъ не извѣщаютъ и на Москвѣ ихъ не сыскано" [6]). Повидимому, назначеніе такихъ дворянъ не было регулярнымъ. Получивъ свѣдѣнія о неисправностяхъ въ городскихъ укрѣпленіяхъ, Пушкарскій приказъ приступаетъ къ починкамъ или по собственному побужденію, или послѣ напоминаній изъ Разряда. Въ 1635 г. Разрядъ посылаетъ въ Пушкарскій приказъ такую память: „Писалъ в. г. изъ Болохова кн. Ю. Мещерскій, что

---

[1]) Опись, л. 123.

[2]) А. М. Г. II, стр. 246.

[3]) Сборникъ кн. Хилкова, стр. 203.

[4]) Чтенія 1882 г. I, стр. 276.

[5]) Русская Истор. Библіотека IX, стр. 528; X, стр. 127. А. А. Э. III, стр. 434. Неясно отношеніе Пушкарскаго приказа къ приказу Городового дѣла, который получалъ деньги „на городовое земляное дѣло"—Приказныя дѣла ст. л. 1641 г. № 37.

[6]) А. М. Г. III, стр. 289.

Болховской острогъ во многихъ мѣстехъ погнилъ... и о той острожной подѣлкѣ писалъ... въ Пушкарскій приказъ многажды, и изъ Пушкарскаго приказу... указа къ нему не присылали". Память заключается предложеніемъ сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія [1]). Прежде всего приказъ требуетъ отъ воеводы присылки чертежа и смѣты необходимыхъ исправленій или же для этой цѣли посылаетъ спеціалиста-мастера горододѣльца съ чертежникомъ. Полученная смѣта разсматривалась, утверждалась или подвергалась исправленію, и приказъ дѣлалъ распоряженіе о работахъ, указывая какими силами и на какія средства долженъ производиться ремонтъ. Обыкновенно къ работамъ привлекалось мѣстное населеніе, а руководство поручалось или воеводѣ, или посланному для этого дворянину [2]), или городовому мастеру. Если нельзя было ограничиться ремонтомъ и требовалось построить новый городъ, то иногда приготовлялись модели. Такъ въ 1631 г. голландецъ Янъ Корниловъ устроилъ „образецъ" земляного города, который предполагалось воздвигнуть въ Ростовѣ [3]).

Среди городовыхъ мастеровъ видную роль играли иностранцы, которымъ поручались болѣе сложныя работы. Упомянутый выше мастеръ Янъ Корниловъ фонъ-Роденбургъ служилъ въ Москвѣ болѣе 16 лѣтъ и получалъ съ помощниками очень большое жалованье въ 200 руб. въ мѣсяцъ [4]).

Одновременно съ нимъ работали иноземцы: Корнило Клаусъ, также голландецъ, принимавшій участіе въ постройкѣ и Ростовскаго кремля; Каширъ Батенъ, Абрамъ Фалентинъ, Иванъ Разумъ, Иванъ Томасовъ, Томасъ Фалесъ, Давидъ Николь [5]).

Важнѣйшіе помощники городовыхъ мастеровъ — чертежники были немногочислены и кромѣ городового дѣла, занимались засѣчнымъ, составляя планы въ случаѣ капитальныхъ передѣлокъ. Другіе приказы также вытребовали себѣ на временныя ра-

---

[1]) А. М. Г. II, стр. 32.

[2]) Въ 1660 г. Ржевичи просили починку городового рва не отдавать въ руки воеводы И. Г. Квашнина, потому что отъ него „чинятся многіе убытки и продажа, и въ прошломъ въ 167 г. дѣлалъ тотъ же И. Квашнинъ во Ржевѣ казенный погребъ и трубы и на тое подѣлку собралъ... рублевъ съ 700 денегъ, и тотъ погребъ и трубы въ отдѣлкѣ стали у того И. Квашнина меньше 80 рублевъ". Пушкарскій приказъ проситъ Разрядъ командировать во Ржевъ для городового дѣла дворянина мимо воеводы. А. М. Г. III, стр. 262.

[3]) А. И. IV, стр. 47.

[4]) Выѣзды 1631 г. № 1 и 4. А. И. IV, стр. 46.

[5]) Выѣзды 1647 г. № 17. Опись, л. 29, 30, 163, 167. Чтенія 1882 г. III, стр. 487, 537, 553, 617. А. С. Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія, стр. 382.

боты такихъ рѣдкихъ спеціалистовъ, какъ чертежники, изъ Пушкарскаго приказа [1]). Въ 1639 г. было только 3 чертежника, изъ которыхъ одинъ былъ посланъ на Лихвинскія засѣки, другой на Шацкія засѣки, а третій „взять въ Оружейный приказъ для травнаго дѣла, а иныхъ чертещиковъ въ Пушкарскомъ приказѣ нѣтъ“ [2]). За неимѣніемъ чертежниковъ планы составлялись воеводами или дворянами, посланными для осмотра города. Нашелся человѣкъ, способный чертить планы, даже въ управленіи Рязанскаго митрополита, который просилъ Пушкарскій приказъ о разрѣшеніи построить на мѣстѣ зелейной палаты новый соборъ и къ своему прошенію приложилъ чертежъ [3]).

Чтобы подготовить городъ къ длительной осадѣ, надо было обезпечить его водой, и потому при Пушкарскомъ приказѣ состоялъ штатъ колодезниковъ. Въ 1637 г. ихъ было 14 человѣкъ. Отъ своихъ прямыхъ обязанностей они также отвлекались удовлетвореніемъ казенныхъ и даже частныхъ потребностей [4]).

Артиллерійской обороной болѣе крупныхъ городовъ завѣдывали осадные головы, подчиненные Разряду и Пушкарскому приказу [5]). Положеніе осадныхъ головъ Пушкарскій приказъ опредѣляетъ въ такихъ выраженіяхъ: „Въ осадные головы къ пушкарямъ и пушкарскаго чину къ людямъ отпускается, гдѣ въ которомъ городѣ будетъ пушкарей и пушкарскаго чину людей человѣкъ 30 или больше, а меньше гдѣ въ которомъ городѣ пушкарей и пушкарскаго чину 30 человѣкъ, и въ тѣ городы въ осадные головы не отпускаютъ. А вѣдаютъ тѣ осадные головы въ городахъ, гдѣ кто будетъ отпущенъ, по городу нарядъ и в. г. въ казнѣ зелье и свинецъ и всякіе пушечные припасы и городовыхъ пушкарей и пушкарскаго чину людей и воротниковъ судомъ и расправою, а судити имъ межъ ими по 10 рублевъ, а больше 10 рублевъ не судить. И въ лѣтнее время съ Егорьева дни вешняго октября по 1 число вѣдаютъ огневую выемку, избы печатаютъ. Гдѣ въ которомъ городѣ отпущенъ будетъ осадный воевода стольникъ и знатной человѣкъ, въ тѣхъ городехъ свѣдомо его, а гдѣ будетъ отпущенъ осадной воевода не стольникъ и не знатной человѣкъ,

---

[1]) А. А. Э. IV, стр. 31 (Большой Дворецъ). Описаніе, стр. 532 (Большой Приходъ).

[2]) А. М. Г. II, стр. 116.

[3]) А. Пискаревъ. Древніе грамоты и акты Рязанскаго края, стр. 108.

[4]) Ст. Сѣвскаго стола № 108. Описаніе, стр. 520.

[5]) Русская Истор. Библіотека, IX, стр. 471; X, стр. 63 и 300. Акты писцоваго дѣла, I, стр. 347.

и въ тѣхъ городехъ осадные воеводы тѣхъ осадныхъ головъ ни въ чемъ не вѣдаютъ“ [1]).

Распредѣленіе земли въ острогахъ подъ осадные дворы также входило въ кругъ вѣдомства Пушкарскаго приказа, но въ это дѣло съ одной стороны постоянно вмѣшивались другіе приказы, которымъ были подвѣдомственны города въ судебно-административномъ отношеніи, а съ другой стороны самъ Пушкарскій приказъ вносилъ мало интереса, даже не имѣлъ комплекта писцовыхъ и переписныхъ книгъ, а въ случаѣ нужды запрашивалъ другіе приказы и требовалъ справки изъ писцовыхъ книгъ [2]).

Московское городовое дѣло было предметомъ, конечно, наибольшаго вниманія со стороны Пушкарскаго приказа. Городскія стѣны подвергались частымъ осмотрамъ, при чемъ тщательно отмѣчались всѣ „худыя мѣста“, и постоянно производился болѣе или менѣе сложный ремонтъ стѣнъ и башенъ, очистка и замощеніе бревнами проѣздовъ въ воротахъ. Ремонтомъ завѣдывалъ большею частью дворянинъ, присланный Разрядомъ; устраивалась даже особая канцелярія по этому дѣлу въ составѣ дьяка и подъячихъ [3]).

Особый столъ Пушкарскаго приказа завѣдывалъ засѣчнымъ дѣломъ. Засѣки требовали постояннаго ремонта и въ силу своего устройства, а также вслѣдствіе расхищенія засѣчнаго матеріала окрестными жителями. Особенно трудно было охранять заповѣдный лѣсъ, тянувшійся вдоль засѣчной линіи. Не помогало назначеніе строгихъ штрафовъ. За каждое срубленное дерево виновные или окрестное населеніе должны были платить пеню въ 10 рублей за дерево съ гранью, 5 рублей за дерево безъ грани, за каждую тропинку по 5 рублей. За 1663—1668 годы пенныхъ денегъ пришлось бы взять съ населенія 20.165 рублей, а позднѣе трудно было даже вычислить, такъ какъ лѣсу было срублено на версту и больше, и размѣръ пени за десятилѣтіе доходилъ до 37.355 рублей [4]). Очевидно, о взысканіи такихъ суммъ нечего было и думать.

Засѣки находились подъ наблюденіемъ особыхъ агентовъ — засѣчныхъ головъ и приказчиковъ, или воеводъ ближайшихъ городовъ, которые должны были періодически лично осматривать

---

[1]) Ст. Бѣлгородскаго стола № 1551, л. 173—174. Огневая выемка въ Ярославлѣ, см. А. М. Г. III, стр. 376. Списокъ городовъ, въ которыхъ въ 1672 г. были осадные головы, см. ст. Московскаго стола № 499, л. 16.

[2]) Приказныя дѣла ст. л. 1671 г. № 2; 1673 г. № 159. Акты писцоваго дѣла, I, стр. 343, 375.

[3]) Ст. Приказнаго стола № 206, л. 62.

[4]) Д. А. И. VIII, стр. 92—93.

приписанныя къ городу засѣки [1]). Охрана поручалась дворянамъ тѣхъ уѣздовъ, которые находились подъ защитой засѣки, а также окрестнымъ крестьянамъ, „подымовнымъ людямъ“, списки которыхъ хранились въ Пушкарскомъ приказѣ. Въ томъ случаѣ, если ожидалось нападеніе татаръ, на засѣки посылали Московскихъ пушкарей и свозили изъ городовъ тяжелый нарядъ [2]).

Для своихъ потребностей Пушкарскій приказъ имѣлъ запасы разнообразныхъ матеріаловъ, которые складывались на двухъ дворахъ: кн. Θед. Мстиславскаго и на Царевѣ Борисовѣ. Упоминается еще пушечный амбаръ между Неглинными воротами и Глухой башней. Можетъ быть, одинъ изъ дворовъ помѣщался именно въ этой мѣстности [3]). Въ 1664 г. матеріалы, необходимые для Пушечнаго двора, складывались на дворѣ боярина Н. И. Романова, находившемся въ вѣдѣніи Оружейной Палаты [4]).

У пушечныхъ запасовъ состояли въ головахъ два дворянина, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ Кононъ Владычкинъ и Василій Блудовъ, много лѣтъ занимали эту должность. Тутъ хранились старыя негодныя пушки, канаты, лопаты, заступы, лѣсной матеріалъ, мѣдь, желѣзо, свинецъ, ленъ и пр. Былъ даже янтарь, котораго 10 фунтовъ было послано въ 1631 г. патріарху Филарету на миро [5]). Изъ этихъ запасовъ часто брали для своихъ потребностей другіе приказы: Оружейный приказъ—ленъ, Аптекарскій дворъ—мѣдь для котловъ, Б. Дворецъ—свинецъ, а также нефть „дѣлать для государева объѣзда свѣчи большія“ [6]). Если помѣщеній на этихъ дворахъ не хватало, то склады устраивались въ другихъ мѣстахъ. „Въ прошлыхъ годѣхъ по указу великаго государя въ Китаѣ-городѣ въ палатехъ подъ церковью Покрова П. Богородицы, что на Рву, и подъ предѣлы положено было на фитильное и на канатное дѣло ленъ и пенька и къ пушечной стрѣльбѣ пеньковое и льняное отрепье и подъемные канаты. А въ прошлыхъ же въ 179 и въ 180 гг. въ тѣ-жъ палаты положено было на канатное и на фитильное дѣло пеньки 372 пуда, а тѣ палаты были замкнуты замкомъ и запечатаны великаго государя печатью пушечныхъ запасовъ“. Тутъ произошло крупное недоразумѣніе, потому что ду-

---

[1]) А. М. Г. II, стр. 160; III, стр. 136. А. А. Э. III, стр. 418 и др.

[2]) Описаніе, стр. 516, 519, 522, 537. А. М. Г. II, стр. 120, 141.

[3]) Описаніе, стр. 515, 518, 519, 531. А. И. III, стр. 282.

[4]) Старая Москва, вып. 2, стр. 7.

[5]) А. И. III, стр. 473.

[6]) Описаніе, стр. 514, 523, 533. Русская Истор. Библіотека XXI, стр. 794, 1666, 1687 и др.

ховенство сдало тѣ же палаты подъ склады одному иностранцу, который и не досчитался своихъ товаровъ [1]).

Работы Пушкарскаго приказа требовали значительныхъ затратъ, хотя городовое и засѣчное дѣло было натуральной повинностью мѣстныхъ жителей, которые доставляли и матеріалъ, и рабочія руки [2]). Иногда правительство на ремонтъ городскихъ укрѣпленій собирало согласно со смѣтой деньги, на которыя и производились работы. При такой комбинаціи казна могла остаться въ барышахъ. Такъ для Рязанскаго] городового дѣла въ 1650—1651 г.г. было собрано съ сошныхъ людей разныхъ становъ 9710 р. 55 к., а израсходовано только 8051 р. 55 к., „остаточныхъ денегъ прислано къ Москвѣ въ Пушкарскій приказъ 1659 руб. и тѣ деньги въ Пушкарскомъ приказѣ вышли въ расходъ на всякія дѣла“ [3]). Иногда правительство видѣло, что городовое дѣло не по силамъ населенію и брало на себя половину или даже всѣ расходы [4]). Починка Московскихъ стѣнъ всегда производилась на счетъ казны. По производству пушекъ и зелья Пушкарскій приказъ также пользовался нѣкоторыми матеріалами безплатно: Хлѣбный приказъ выдавалъ хлѣбъ на жалованье пушкарямъ, изъ Измайлова привозили на зелейныя мельницы солому, жители Солецкой, Шелонской пятины, волости готовили къ пушкамъ деревянныя части и еще приплачивали приказу ежегодно по 3 руб. на свѣчи и дрова, крестьяне крупныхъ монастырей поставляли оброчный уголь [5]). Все же расходы Пушкарскаго приказа были значительны и достигали по смѣтѣ 1680 г. 35070 р. 85 к. Сумма въ 35 тысячъ слагается изъ такихъ расходовъ:

Московскимъ пушкарямъ	2678	р.	90 к.
Городовымъ пушкарямъ	968	„	50 „
На городовое дѣло въ Москвѣ	25397	„	94½ „
На зелейныя мельницы, за желѣзо и селитру	6000	„	14½ „
Приказные расходы	25	„	36 „

[1]) Приказныя дѣла ст. л. 1674 г. № 382.

[2]) А. С. Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія, стр. 378, 379.

[3]) А. Пискаревъ. Древніе грамоты и акты Рязанскаго края, стр. 112.

[4]) Приказныя дѣла ст. л. 1670 г. № 443. А. А. Э. III, стр. 472.

[5]) Рус. Истор. Библіотека XXI, стр. 1507, 1730, 1741. Д. А. И. VII, стр. 199. Описаніе. Станки и колеса приготовлялись также въ Москвѣ, гдѣ были особые мастера по этому дѣлу; въ 1669—1673 г.г. упоминается о состоявшемъ при Пушкарскомъ приказѣ „подъемномъ, станошномъ и колесномъ мастерѣ“ Матасѣ Янцынѣ. Приказныя дѣла ст. л. 1673 г. № 71.

Тутъ надо отмѣтить, съ одной стороны, ассигнованіе очень большой суммы на Московское городовое дѣло, что могло быть лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, а съ другой стороны, преуменьшеніе расходовъ по другимъ статьямъ, по которымъ расходъ показанъ также въ смѣтѣ Рейтарскаго приказа, вобравшаго въ свой составъ Пушкарскій приказъ. Послѣдній на содержаніе пушкарей тратилъ во время своего самостоятельнаго существованія болѣе крупныя суммы. Въ 1638 г. Московскимъ и городовымъ пушкарямъ на жалованье требовалось выдать 9108 р. 46¼ к. [1]).

Правда, городовые пушкари по возможности устраивались землей, и содержаніе ихъ съ теченіемъ времени становилось дешевле, однако, какъ было показано выше, такая реформа осуществлялась медленно за недостаткомъ свободныхъ земель вблизи городовъ, и въ 1679 г. 20% городовыхъ пушкарей оставались безземельными. Великъ былъ также расходъ на „оброчниковъ“ Пушкарскаго приказа, т. е. на многочисленныхъ мастеровъ Пушечнаго двора и зелейныхъ мельницъ, кузнецовъ, плотниковъ, извозчиковъ и пр. (Къ нимъ причислялись также московскіе пушкари и воротники). Въ 1654 г. всѣмъ этимъ людямъ пушкарскаго чина выдавалось мѣсячнаго корма по 1700 р. въ мѣсяцъ, т. е. по 20400 р. въ годъ [2]). Дѣйствительно, одному только мастеру Фальку съ помощникомъ и переводчикомъ уплачивалось 660 руб. въ годъ. Расходы на пріобрѣтеніе матеріаловъ подвергались большимъ колебаніямъ и иногда выражались въ значительныхъ суммахъ: въ 1666 г. испрашивалось болѣе 11 тыс. рублей въ уплату за доставленный частнымъ предпринимателемъ порохъ, въ 1677 г. одной селитры куплено на 3000 р. [3]). Приказный расходъ показанъ въ смѣтѣ 1680 г. черезчуръ малымъ. Кромѣ Московскаго, не упоминается о городовомъ дѣлѣ, которое также сопровождалось расходами отъ казны.

Для покрытія столь значительныхъ расходовъ Пушкарскій приказъ долженъ былъ пользоваться рессурсами другихъ приказовъ. Котошихинъ утверждаетъ, что „городы въ томъ приказѣ вѣдомы небольшіе и собирается денегъ съ пол—3000 рублевъ; а берутъ деньги на строенія и заводы изъ приказу Большіе Казны“ [4]). Это показаніе не находитъ себѣ подтвержденія ни въ одномъ изъ просмотрѣнныхъ нами документовъ: съ одной стороны, мы не знаемъ ни одного города, вѣдомаго въ Пушкарскомъ приказѣ доходами [5]),

[1]) Приказныя дѣла ст. л. 1641 г. № 37.

[2]) Приказныя дѣла ст. л. 1654 г. № 40.

[3]) Приказныя дѣла ст. л. 1666 г. № 28. Новаго разбора № 64.

[4]) Котошихинъ, изд. 4. стр. 106.

[5]) Временныя порученія, какъ судныя дѣла по Тулѣ и Мценску, не могли дать большихъ доходовъ.

а съ другой стороны, деньги получались преимущественно не изъ Большой Казны, а изъ четвертныхъ приказовъ. Въ 1614 г. Нижегородская четверть выдала Пушкарскому приказу на расходы 3054 р. 27 к.; въ 1643 г. Устюжская и Костромская—7234 р. 66½ к.; въ 1645 г. Устюжская—9591 р. 72¼ к.; въ 1654 г. Устюжская—3400 р.; въ 1678 г. Новгородская—3000 р. и пр. [1]). За время своего непродолжительнаго существованія приказу Сбора ратныхъ людей также пришлось выдавать деньги Пушкарскому приказу за отсутствіемъ средствъ въ четвертныхъ приказахъ. Въ 1641 г. указано выдать изъ приказа Сбору ратныхъ людей 500 р. вмѣсто Костромской четверти, а въ 1642 г.—5525 р. 91¾ к. вмѣсто Устюжской четверти [2]).

Таковы были сложныя обязанности Пушкарскаго приказа. Для выполненія ихъ необходимы были значительныя спеціальныя познанія. Повидимому, въ Пушкарскомъ приказѣ была своя библіотека книгъ техническаго содержанія. Выше было уже упомянуто, что изъ приказа была выдана ученику Исачкѣ нѣмецкая печатная книга о гранатномъ дѣлѣ.

Въ 1637 г. изъ Пушкарскаго приказа въ царскія хоромы были взяты 29 иностранныхъ книгъ, принять ихъ велѣлъ бояринъ Борисъ Ив. Морозовъ, который уже три года, какъ принялся руководить образованіемъ царевича Алексѣя Михаиловича. Вотъ списокъ этихъ книгъ:

Книга, въ ней писаны образцы столбомъ въ церкви или въ палатѣ или у мостовъ каменныхъ и поясы около столбовъ и около церкви, гдѣ доведется дѣлать.

Книга, въ ней писаны образцы всякимъ нѣмецкимъ городомъ, земляным и каменнымъ и чертежикамъ, учатъ чертить.

Книга, въ ней писано, какъ учить солдатовъ на бои съ мушкеты и съ копьи, со всякимъ оружьемъ и какъ имъ ставиться въ таборахъ для крѣпости.

Книга, въ ней писаны геуметрія да астрономея и звѣздочетъ.

Книга, въ ней писано, какъ ѣхать на морѣ и узнавать, противъ котораго государства и земли.

Книга такова-жъ, какъ ѣхать на морѣ и узнавать, противъ котораго государства и земли.

Книга всякому землемѣрью.

Книга, въ ней писаны мудрости, какими обычаи узнать, до урочнаго мѣста сколько верстъ или саженъ.

---

[1]) Русская Истор. Библіотека, XXVIII, стр. 253—272. Приказныя дѣла ст. л. 1641 г. № 37: 1645 г. № 97; 1654 г. № 40. Новаго разбора № 64.

[2]) Приказныя дѣла ст. л. 1641 г. №№ 7 и 37.

Книга, въ ней писаны мудрости геуметрія да про городовыя дѣла.

Книга, въ ней писано про городовыя дѣла да про строенье въ таборехъ.

Книга звѣздочетная да землемѣрью.

Книга рознаго воинскаго дѣла.

Книга про строенье таборское.

Книга цифирная аритматика.

Книга цифирная-жъ.

Книга про городовыя дѣла.

Книга цифирная-жъ даритматика.

Книга цифирная-жъ даритматика.

Книга цифирная-жъ.

Книга, въ ней писано, какими обычаи узнать, до урочнаго мѣста сколько верстъ и саженъ.

Книга, въ ней писано начало всякіе мудрости—аритматика и геуметрія и философія.

Книга, въ ней писано геуметрицкая статья, которыя въ кружалахъ ведутся.

Книга, какъ ѣхать на морѣ и узнавать, противъ котораго государства и земли.

Книга, въ ней писаны всякія мудрости геуметрицкія и аритматика, которые мастеры учили галанскаго князя Мауриць.

Книга, въ ней писаны такія-жъ всякія мудрости учительныя, которые мастеры учили галанскаго-жъ князя Мауриць.

Книга, въ ней писаны образцы про городовыя дѣла.

Книга, въ ней писаны образцы водяного взводу да мудрости колесныя.

Книга, въ ней писаны образцы про всякія городовыя дѣла.

Книга, въ ней писаны, какъ учить дѣлать каменнаго дѣла церквей или палатъ [1]).

Такія книги были взяты изъ Пушкарскаго приказа. Въ вышеприведенномъ перечисленіи нѣтъ книгъ, относящихся до артилерійскаго дѣла: они должны были остаться въ библіотекѣ приказа [2]), начальники котораго и мастера различныхъ производствъ были, очевидно, достаточно образованны, чтобы воспріять и примѣнить къ дѣлу западно-европейскую науку.

---

[1]) Опись, л. 567—570.

[2]) Двѣ книги: „О Оружейномъ дому, въ чемъ быти устроеннымъ наряду и всякимъ ратнымъ припасомъ“ и „Книга о нарядѣ и о огнестрѣльной хитрости“ были посланы въ Пушкарскій приказъ изъ дѣлъ Тайнаго приказа. Рус. Истор. Библіотека XXI, отр. 681.

Влад. Мальмбергъ.

Къ вопросу о типахъ на чертомлыцкомъ налучѣ *).

Среди предметовъ греческаго и греко-варварскаго издѣлія изъ благородныхъ металловъ, найденныхъ покойнымъ Иваномъ Егоровичемъ Забѣлинымъ въ курганѣ Чертомлыкѣ близъ Никополя, Екатеринославской губ., въ 1862 и 1863 гг., важнѣйшими являются знаменитая серебряная ваза и золотыя обивки налуча и ноженъ. Серебряная ваза, и до сихъ поръ не имѣющая ничего равнаго въ своемъ родѣ по размѣрамъ и роскоши, до послѣдняго времени стояла одиноко. Лишь раскопки Н. И. Веселовскаго въ 1913 г. кургана Солохи въ Мелитопольскомъ уѣздѣ Таврической губ. [1])

*) Между сдачею рукописи и полученіемъ корректуры, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, прошло восемь мѣсяцевъ. За этотъ періодъ появилось нѣсколько работъ Б. В. Фармаковскаго и М. И. Ростовцева, имѣющихъ прямое отношеніе къ интересующему насъ вопросу. Высказанныя въ нихъ мнѣнія, насколько возможно, приняты во вниманіе въ дополнительныхъ ссылкахъ.

[1]) Кромѣ предварительныхъ газетныхъ сообщеній о новыхъ находкахъ (см. гр. А. А. Бобринской. Вновь открытая могила скиѳскаго царя, Новое Время отъ 19-го іюля 1913 г., № 13416; Н. И. Веселовскій, въ илл. прилож. къ Новому Времени отъ 19-го окт. 1913 г. № 13508 и отъ 30-го ноябр. 1913 г., № 13550; Illustrated London News, 1914 г., №№ 3898 и 3904) появился и рядъ статей: Н. Макаренка, въ Старыхъ Годахъ, 1914 г., февраль; Н. И. Веселовскаго, тамъ же, 1914 г., мартъ; М. И. Ростовцева, въ Ежемѣсячномъ Журналѣ, 1914, 4; С. А. Половцовой, въ Revue Archéologique, т. XXIII (съ введеніемъ гр. А. А. Бобринского) и въ Гермесѣ, 1914 г., №№ 6, 7 и 8; И. Н. Бороздина. Памятники античной культуры на югѣ Россіи, въ Экскурсіонномъ Вѣстникѣ, 1914 г., № 2, см. также Комиссія по устройству чтеній для учащихся выпускныхъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній Московскаго Учебнаго Округа: лекціи, читанныя въ 1193–1914 гг. Выпускъ I. Москва, 1915 г.; изъ нихъ болѣе подробны—статьи г-жи Половцовой (см. также статью Вл. К. Мальмберга въ Сборникѣ Харьковскаго Истор.-Фил. Фак. въ честь проф. В. П. Бузескула стр. 317).

дали сосудъ, правда, болѣе скромный по размѣрамъ и богатству орнамента, но весьма близкій по изображеннымъ на немъ такъ наз. скиѳамъ, охотящимся на львовъ [1]). Что касается налуча, то черезъ сорокъ лѣтъ въ 1901—1902 гг. Н. Е. Бранденбургомъ въ Ильинцахъ, Липовецкаго уѣзда Кіевской губерніи, найденъ былъ второй экземпляръ [2]).

Обивка чертомлыцкаго налуча,—своего рода футляра для небольшого лука и стрѣлъ, носимаго на лѣвомъ бедрѣ,—болѣе или менѣе подробно описывалась въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій. Сравненію и взаимному отношенію чертомлыцкаго налуча и ильинецкаго посвящена обстоятельная работа Б. В. Фармаковскаго, вошедшая въ „Сборникъ“, поднесенный графу А. А. Бобринскому по поводу 25-лѣтія его предсѣдательства въ Императорской Археологической Коммиссіи [3]). Оставляю въ сторонѣ вопросъ о взаимоотношеніи обѣихъ обивокъ и остановлюсь на разборѣ изображенныхъ на налучѣ фигуръ. Изображеніе налуча въ натуральную величину въ свое время было помѣщено въ изданіи „Древности Геродотовой Скиѳіи“, затѣмъ въ ту же величину повторено въ изданіи „Wiener Vorlegeblätter“, серія B, табл. 10 и въ нѣсколько уменьшенномъ въ перепечаткѣ всего изданія Вольтерсомъ; наконецъ, въ значительно уменьшенномъ размѣрѣ во многихъ

---

[1]) Лучшее изображеніе сосуда см. въ Старыхъ Годахъ, 1914 г. мартъ, четыре таблицы при стр. 28, и въ Revue Archéologique, т. XXIII, табл. III, IV, V и VI; ср. широкія шаровары и кафтаны характернаго покроя съ длинными передними концами у всадниковъ и повороты лошадиныхъ головъ передъ львомъ и рогатою львицею на сосудѣ изъ Солохи съ лошадью влѣво отъ центральной группы на чертомлыцкой вазѣ.

[2]) Появленіе черезъ сорокъ лѣтъ второго экземпляра снова подтвердило, и безъ того исключенную по обстоятельствамъ находки, мысль о поддѣлкѣ, высказанную Графомъ (Graef) въ Hermes, XXXVI, (1901 г.), стр. 94, (См. Г. Е. Кизерицкій, Archäolog. Anzeiger, XVIII (1903 г.), стр. 84 и Б. В. Фармаковскій, Золотыя обивки налучій изъ Ильинецкаго и Чертомлыцкаго кургановъ, Спб., 1911 г., прим. 3 на стр. 3). Въ курганѣ Карагодеуашхъ на Кавказѣ въ 1883 году былъ, какъ я показалъ (см. Матеріалы по археологіи Россіи, № 13. Древности южной Россіи. Курганъ Карагодеуашхъ. Изслѣдованіе А. Лаппо-Данилевскаго и В. Мальмберга.—II. Памятники греческаго и греко-варварскаго искусства, найденные въ курганѣ Карагодеуашхъ. Изслѣдованіе Вл. Мальмберга, стр. 122 см. рис. № 1 на стр. 123, внизу), найденъ налучъ такой же величины и такъ же разбитый на отдѣльныя поля, какъ налучи изъ Чертомлыка и Ильинецъ, но съ другими сценами. Недавно найденный въ курганѣ Солохѣ серебряный горитъ, въ общемъ похожій на только что названные, въ распредѣленіи орнамента отличается отъ нихъ.

[3]) Б. В. Фармаковскій. Золотыя обивки налучій изъ Ильинецкаго и Чертомлыцкаго кургановъ. СПБ., 1911 г.

трудахъ. Всѣ эти воспроизведенія, сводящіяся къ первоначальному рисунку, не вполнѣ точны. Достойнымъ образомъ чертомлыцкій налучъ изданъ Б. В. Фармаковскимъ въ прекрасной геліогравюрѣ, приложенной къ упомянутому изслѣдованію, но приблизительно лишь въ половину величины оригинала; налучъ изъ Ильинецъ воспроизведенъ въ такомъ же видѣ и притомъ вообще впервые. На прилагаемой таблицѣ въ бо̀льшемъ видѣ издаются два главныхъ фриза горита на основаніи фотографіи (см. рис. 1).

Что касается времени происхожденія налуча, то его раньше относили къ V или началу IV вв. до Р. Хр.; Б. В. Фармаковскій вслѣдъ за Грефомъ [1]), на основаніи орнамента, несомнѣнно доказалъ, что это опредѣленіе слишкомъ раннее, и датируетъ его II в. до Р. Хр., что, пожалуй, слишкомъ поздно [2]). Детальному разбору композиціи и отдѣльныхъ фигуръ считаю необходимымъ предпослать краткое описаніе двухъ главныхъ фризовъ. Таблица сдѣлана на основаніи фотографій художника В. Д. Сухова.

Первая группа слѣва въ верхней полосѣ состоитъ изъ сидящаго юноши, обучающаго стрѣльбѣ изъ лука мальчика, стоящаго на возвышеніи, нижняя часть котораго скрывается за лежащимъ щитомъ. Затѣмъ мы видимъ сидящую женщину, ласкающую мальчика, облокотившагося на ея колѣни; позади этой группы слѣва стоитъ другая женщина, нѣсколько повернувъ голову къ правому плечу и дотрогивающаяся правою рукою головнаго покрывала. Далѣе слѣдуютъ сидящій юноша, схватившій за правую руку другого, соскочившаго съ своего табурета, и женщина, которая удерживаетъ за одежду вырывающуюся дѣвушку съ распростертыми руками и

---

[1]) Graef, Hermes, XXXVI (1901 г.), стр. 91; собственно говоря, уже Райе, исходя изъ орнамента на чертомлыцкой вазѣ, стоитъ за болѣе позднюю датировку налуча (Rayet. Études d'archéologie et d'art. Paris, 1888 г., стр. 224 и 230).

[2]) См. Е. М. Придикъ. Два серебряныхъ ритона изъ коллекціи Императорскаго Эрмитажа (Зап. Имп. Одес. Общ. Ист. и Др., т. XXX, стр. 167 сл.); М. И. Ростовцевъ. Представленіе о монархической власти въ Скиѳіи и на Босфорѣ (Изв. Имп. Арх. Ком., № 49, стр. 2); М. И. Ростовцевъ. Античная декоративная живопись на югѣ Россіи. СПБ. 1914 г., стр. 42, 48 (прим.), 176 сл., 318 сл. (ср. возраженія Б. В. Фармаковскаго, Аканѳовая вѣтвь на серебряномъ сосудѣ съ Таманскаго полуострова въ Сборникѣ Харьковскаго Истор.-Филолог. Общ. въ честь проф. В. П. Бузескула, Харьковъ, 1914 г., отдѣльн. оттискъ, стр. 7); теперь подробнѣе объ отношеніи находокъ изъ Солохи къ предметамъ изъ кургановъ Куль-Обы, Чертомлыка и Карагодеуашха см. у М. И. Ростовцева, Воронежскій серебряный сосудъ (Матеріалы по археологіи Россіи, № 34, стр. 92 сл.).

распущенными волосами. Верхній выступъ обивки занятъ сидящимъ на складномъ стулѣ мужчиною и полулежащимъ передъ нимъ юношею; юноша опирается на лѣвый локоть и держитъ въ правой рукѣ мечъ. Наиболѣе узкая часть выступа заполнена щитомъ съ шлемомъ подъ нимъ.

Во второй полосѣ представлены три сидящія и одна стоящая женскія фигуры, всѣ обращены влѣво. Затѣмъ мужчина на роскошномъ креслѣ, обращенный въ противоположную сторону, далѣе сидитъ юноша между двумя мужчинами; юноша держитъ въ рукахъ какія-то вещи, о которыхъ рѣчь впереди. Эта полоса заканчивается удаляющеюся вправо женщиною съ какимъ-то закутаннымъ предметомъ въ рукахъ.

Чѣмъ пересказывать, приведу выдержки изъ того, что мною было напечатано болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, причемъ оговорки и поясненія, относящіяся къ настоящему времени, ставлю въ прямыя скобки [1]).

„Попытка разъясненія сюжета была дана акад. Стефани уже почти тридцать лѣтъ тому назадъ[2]). Онъ видитъ въ немъ изображеніе малоизвѣстнаго, чисто аттическаго мина объ Алопѣ. Его толкованію слѣдуютъ Швабе [3]) и авторы „Русскихъ Древностей“[4]), въ общемъ же надо сказать, что это объясненіе мало привилось среди археологовъ, хотя долго не высказывалось другого, которое могло бы замѣнить мало удачное первое. Изслѣдователи довольствуются лишь констатированіемъ неудовлетворительности толкованія... Недавно, по прошествіи двадцати пяти лѣтъ со времени перваго толкованія, предложено было новое профессоромъ К. Робертомъ въ засѣданіи Берлинскаго Археологическаго Общества, происходившемъ въ іюнѣ 1889 года. Такъ какъ подлиннаго изслѣдованія Роберта, обѣщаннаго имъ[5]), пока въ печати еще не появлялось, то я долженъ ограничиться передачею его объясненія со словъ реферата, помѣщеннаго въ „Arch. Anzeiger“[6]). Заявивъ, что толкованіе Стефани нынѣ врядъ ли кѣмъ принимается, такъ какъ оно прибѣгаетъ къ мину, предложенная версія котораго не засвидѣтель-

---

[1]) Вл. Мальмбергъ. Памятники греческаго и грекo-варварскаго искусства, найденные въ курганѣ Карагодеуашхъ, стр. 176.

[2]) Отчетъ Императорской Археол. Ком. за 1864 г. стр. 147 сл.

[3]) Die Griechen und die griech. Kunst am Nordgestade des schwarzen Meeres, стр. 20.

[4]) См. выпускъ II, стр. 145.

[5]) См. Die Nekyia des Polygnot (Sechszehntes hallisches Winckelmanns programm), Halle a/S. 1892.

[6]) Приложеніе къ Jahrbuch d. kais. deutsch. arch. Inst. за 1889 г., стр. 151.

ствована въ литературѣ и сама по себѣ не естественна, да еще и авторомъ недостаточно обоснована и не удовлетворяетъ изображеннымъ сценамъ; далѣе, что распредѣленіе въ два ряда временно слѣдующихъ другъ за другомъ событій, часто встрѣчающееся на памятникахъ эллинистическаго и римскаго искусства, совершенно не можетъ быть допущено для памятника конца V в., къ каковому времени Робертъ относитъ нашъ горитъ; онъ утверждаетъ, что каждая изъ двухъ полосъ не представляетъ собою отдѣльныхъ сценъ, а что, напротивъ, обѣ вмѣстѣ составляютъ одно неразрывно цѣлое. Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на нашъ горитъ, то, по мнѣнію Роберта, само собою напрашивается толкованіе: „Ахиллъ среди дочерей Ликомида“. [На эту мысль его, повидимому, навели саркофаги; см. его Die antiken Sarkophag-Reliefs, табл. VI—XII]. „Въ верхней полосѣ—продолжаетъ референтъ—представленъ Ахиллъ, только что вскочившій съ сидѣнія, которое онъ занималъ рядомъ съ Дидаміей. У него женская прическа, женскій хитонъ онъ срываетъ съ тѣла, а въ правой [1]) рукѣ держитъ мечъ въ ножнахъ. Сидящій съ нимъ рядомъ Діомидъ старается удержать его за руку. И Дидамія, испуганная тѣмъ, что тайна ея открыта, убѣгаетъ влѣво, но кормилица хватаетъ ее за платье; на полу замѣтны узелъ и большіе и маленькіе ящики [2]), содержащіе товары, принесенные Одиссемъ и Діомидомъ. Въ женской группѣ на лѣвомъ концѣ второй полосы надо признать мать и остальныхъ дочерей Ликомида. Далѣе направо сидитъ самъ Ликомидъ на роскошно украшенномъ креслѣ и разсматриваетъ товары, которые предлагаетъ Одиссей ему и нѣкоторымъ юношамъ молодой знати Скироса. Наконецъ, въ концѣ этой полосы нянька уноситъ маленькаго Неоптолема, тщательно закутаннаго въ платки“. Горитъ, какъ замѣчаетъ авторъ, во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ рельефы изъ Гёльбаши—распредѣленіе композиціи на двѣ полосы обще ему и нѣкоторымъ рельефамъ названнаго ликійскаго памятника. Разница, однако, замѣчается въ томъ, что размѣщеніе на послѣднемъ сдѣлано удачнѣе. „Какъ Бенндорфъ для ряда изображеній изъ Гёльбаши доказалъ зависимость отъ произведеній Полигнота и его школы, такъ и за оригиналъ сценъ на горитѣ не слѣдуетъ-ли признать упомянутую Павсаніемъ I, 22,6 картину Полигнота, представлявшую Ахилла

---

[1]) Референтъ по ошибкѣ пишетъ: „in der linken Hand“.

[2]) Здѣсь опять вкралась нѣкоторая неточность: узелъ лежитъ не на полу, а на абуретѣ, а ящиковъ, какъ мнѣ кажется, вообще въ верхней полосѣ не замѣчается.

на Скиросѣ". [1]) Робертъ затѣмъ, говоритъ референтъ, объяснилъ, какъ нужно представить себѣ размѣщенными фигуры на картинѣ, компанованной въ манерѣ Полигнота и въ особенности указалъ на то, что бросающіяся теперь въ глаза конечныя группы—кормилица съ маленькимъ Неоптолемомъ и какъ-бы эпизодическое обученіе стрѣльбы изъ лука—на такого рода картинѣ весьма удачно могли быть помѣщены въ верхнихъ углахъ картины и что введеніе такихъ побочныхъ фигуръ совершенно соотвѣтствуетъ манерѣ Полигнота [2]). Полагаю, что всякій, кто познакомится съ толкованіемъ Роберта, признаетъ его несомнѣнное преимущество передъ прежнимъ, хотя, можетъ быть, ему на первый взглядъ покажется, что и новое объясненіе встрѣчаетъ нѣкоторыя затрудненія. Чтобы разсѣять эти затрудненія, я долженъ на нѣкоторое время остановиться на провѣркѣ доводовъ автора, которые лишь намѣчены въ рефератѣ, переданномъ здѣсь почти дословно. Считаю это необходимымъ въ виду того, что я лично принимаю толкованіе Роберта; кромѣ того доказательство, что мы имѣемъ передъ собою дѣйствительно изображеніе названнаго сюжета, весьма важно для дальнѣйшаго хода настоящаго изслѣдованія. Не стану здѣсь предлагать опытъ размѣщенія фигуръ, каковой, по моему мнѣнію, слѣдовало бы ожидать въ картинѣ Полигнота, ибо самъ авторъ въ „Sechszehntes hallisches Winkelmannsprogramm" обѣщаетъ подобнаго рода реконструкцію [3]) избрать темою одной изъ слѣдующихъ программъ въ честь Винкельмана, а остановлюсь, какъ упомянуто, лишь на разборѣ уже сказаннаго. Во-первыхъ, вѣскимъ доказа-

---

[1]) Робертъ при этомъ, вопреки мнѣніямъ Фуртвэнглера и Овербека, поддерживаетъ уже раньше высказанный имъ взглядъ, что въ данномъ случаѣ картину Полигнота надо представлять себѣ стѣнною (Wandgemälde), а не писанною на доскѣ (Tafelbild), и что она не находилась въ такъ называемой Пинакотекѣ Пропилеевъ, къ чему и я склоняюсь.

[2]) См. опытъ реконструкціи Робертомъ картины Полигнота „Nekyia" (16-tes hall. Winckelmannsprogr.). Робертъ уже раньше, но, къ сожалѣнію, безъ приложенія таблицы, въ брошюрѣ (als Manuscript gedruckt) старался реконструировать другую знаменитую картину „Iliupersis". Только что вышелъ въ свѣтъ упомянутый уже выше сборникъ въ честь Овербека, въ которомъ, между прочимъ, помѣщается статья Шрейбера: Die Nekyia des Polygnotos in Delphi. Rekonstruktionsversuch (съ 2 табл.) стр. 184 и слѣд.

[3]) Ср. стр. 37: „Auf jenem Bilde (картина Полигнота) befand sich die sitzende Gruppe (женская группа налѣво во второй полосѣ) unzweifelhaft rechts von der Hauptgruppe. Hier zeigt uns also gerade die Ungeschicklichkeit des Künstlers, dass die Verteilung in zwei Reihen lediglich sein eigenes Werk ist, wie sich auch eben dieser Ungeschicklichkeit wegen das zu Grunde liegende Polygnotische Original mit leichter Mühe rekonstruiren lässt, ein Versuch, der einem späteren Programm vorbehalten bleiben muss".

тельствомъ въ пользу Роберта служитъ то, что переполохъ, произведенный юношею и дѣвушкой верхней полосы, происходитъ какъразъ во время разсматриванія предлагаемыхъ товаровъ, среди которыхъ находятся щитъ и шлемъ у ногъ сидящаго во второй полосѣ юноши, а присутствіе оружія среди вещей, назначенныхъ для женщинъ, какъ извѣстно, входило въ планъ остроумнаго Одиссея; что хитрость его вполнѣ удалась, видно изъ того, что Ахиллъ счелъ первымъ долгомъ наброситься на мечъ, которымъ и успѣлъ овладѣть. Что касается фигуры Ахилла, то нельзя не признать, что у него прическа дѣйствительно совершенно иная, нежели у остальныхъ мужчинъ: между тѣмъ какъ у всѣхъ прочихъ волосы коротко подстрижены, у такъ называемаго Ахилла—длинные, они пробраны въ серединѣ, зачесаны назадъ и собраны перевязкою [1]). Отчаяніе молодой дѣвушки, названной Робертомъ Дидаміей, тоже находитъ себѣ полное оправданіе въ миѳѣ; совершенно вѣрно и то, что въ женщинѣ, старающейся удержать ее, надо видѣть не равноправную, а служанку, все равно, назовемъ ли мы ее нянькою или кормилицей: это доказываютъ короткіе волосы ея. Въ стоящей во второмъ фризѣ дѣвушкѣ, на томъ-же основаніи, мы должны признать одну изъ женскихъ прислугъ. Далѣе, мужчина, сидящій на креслѣ, налокотники котораго украшены бараньей головою и подперты сфинксомъ—причемъ невольно вспоминается Зевсъ на восточномъ фризѣ Парѳенона — несомнѣнно самый знатный изъ всѣхъ; точно также и женщина, занимающая среднее мѣсто въ группѣ налѣво, благодаря матрональнымъ формамъ [2]) и какъ бы покровительствующей сосѣдкамъ осанкѣ, должна быть признана матерью этихъ дѣвушекъ, а не взволнованною невѣстою, напряженное ожиданіе которой доходитъ до „живого безпокойства“ (bis zur lebhaften Unruhe), какъ это нужно Стефани для его толкованія [3]). Однимъ словомъ, это царственная чета—Ликомидъ и жена его. Наконецъ, нѣтъ, по моему мнѣнію, основанія сомнѣваться въ томъ, что грустно понурившая голову и удаляющаяся вправо жен-

---

[1]) Ср. его прическу съ прическою женской фигуры, стоящей въ верхнемъ фризѣ.

[2]) Своей полнотой эта фигура напоминаетъ Иру во фризѣ Парѳенона, а по драпировкѣ, обильной складками, и положенію ногъ фигуру, лежащую въ правомъ углу восточнаго фронтона того-же храма (и Афродиту фриза).

[3]) Отчетъ Имп. Арх. Комм. за 1864 г., стр. 147 и слѣд. За мать Стефани принимаетъ фигуру въ вѣнкѣ, которая, ни по внѣшнему виду, ни по мѣсту, занимаемому ею, не можетъ считаться таковою. Вообще, объясненіе этихъ фигуръ поражаетъ своей странностью и полнымъ несоотвѣтствіемъ тому, что выражено на самомъ памятникѣ.

щина, дѣйствительно, уноситъ ребенка, тщательно завернутаго въ платки съ цѣлью скрыть его отъ глазъ. Скажемъ еще, что мужчины, названные Робертомъ Одиссеемъ и Діомидомъ, совершенно соотвѣтствуютъ типамъ, установившимся для этихъ героевъ [1]). Сравнительно съ этими доводами, оправдывающими объясненіе Роберта, возраженія, которыя могутъ быть приведены, весьма слабы. Нѣкоторое недоумѣніе внушаетъ то обстоятельство, почему Діомидъ сидитъ въ кругу семьи, а не предлагаетъ товары вмѣстѣ съ Одиссеемъ и зачѣмъ на голову его накинутъ плащъ. Затѣмъ можно еще указать на то, что въ миѳѣ говорится только о дочеряхъ Ликомида, здѣсь же мы видимъ еще юношу, разсматривающаго товары, но ничто, конечно, не обязывало Полигнота, или другого художника его времени, избѣгать мужскихъ фигуръ въ ихъ, навѣрное, болѣе обширной композиціи, да и миѳъ передаетъ лишь существенныя черты, заключающіяся въ данномъ случаѣ въ томъ, что Ахиллъ, одѣтый въ женское платье и находясь среди дочерей Ликомида, не могъ скрыть своего пола при видѣ оружія. Но подождемъ дальнѣйшихъ объясненій автора, съ своей же стороны приведемъ соображенія противъ возраженія, высказаннаго намъ въ устной бесѣдѣ однимъ молодымъ человѣкомъ, посвятившимъ себя также занятіямъ по классической археологіи. Послѣдній обратилъ мое вниманіе на то обстоятельство, что такъ называемый Одиссей опирается на двѣ палки, что, по мнѣнію моего собесѣдника, свидѣтельствуетъ о хромотѣ этой фигуры. Данный мотивъ, какъ казалось ему, весьма характеренъ, а потому при толкованіи всего сюжета эта фигура должна служить однимъ изъ исходныхъ пунктовъ, чего пока еще не сдѣлано Робертомъ. На это въ общемъ можно замѣтить, что отъ „хитроумнаго Одиссея“ можно ожидать всякихъ козней, чтобы замаскировать свою личность—вспомнимъ, напримѣръ, какъ онъ притворился сумасшедшимъ, желая уклониться отъ участія въ предпринимаемомъ зловѣщемъ походѣ противъ Трои [2]). Но такого рода оправданіе фигуры Одиссея, пожалуй, могло бы показаться мало убѣдительнымъ, еслибъ мы его не

[1]) Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то обстоятельство, что на Одиссеѣ еще нѣтъ той заостренной шапочки, въ которой мы видимъ его на всѣхъ позднѣйшихъ произведеніяхъ искусства. По свидѣтельству древнихъ источниковъ, изображеніе Одиссея съ такимъ головнымъ покровомъ приписывается то Аполлодору, то Никомаху (подробности см. въ „Geschichte der griech. Künstler“ Брунна, томъ II, стр. 75 и 168). Во всякомъ случаѣ дѣло приписывается художникамъ, жившимъ послѣ Полигнота.

[2]) На эту тему, какъ извѣстно, писали картины Паррасій и Евфраноръ; подробности см. у Брунна, Geschichte der griech. Künstler, II, стр. 112 и 184.

могли подтвердить удачной параллелью. Дѣло въ томъ, что на вазѣ изъ Chiusi [1]), относящейся къ серединѣ V в. и несомнѣнно находящейся подъ вліяніемъ монументальной живописи, этотъ герой, имя котораго засвидѣтельствовано надписью, опирается не только на палку, но даже на костыль, въ то время, какъ вѣрная его нянька, извѣстная намъ подъ именемъ Евриклеи [2]), собирается омыть ему ноги. Что же удивительнаго, что хитрый Одиссей, скрывая въ себѣ мощнаго воина и выдавая себя въ одномъ случаѣ за скитающагося нищаго, а въ другомъ—за странствующаго торговца, прикидывается хромымъ. Такого рода черта, какъ мнѣ кажется, не только не противорѣчитъ объясненію Роберта, но даже подтверждаетъ его. Можемъ привести, пожалуй, еще одно возраженіе: дѣло въ томъ, что при мысли объ Ахиллѣ среди дочерей Ликомида нашему воображенію обыкновенно рисуется пампеянская картина на ту же тему [3]), картина, которая вошла въ цѣлый рядъ изданій и потому извѣстна всѣмъ. На этой картинѣ представленъ Ахиллъ, схватившій мечъ и щитъ (на полу лежатъ еще коробка, шлемъ, зеркало и маленькій сосудикъ), Діомидъ удерживаетъ его сзади, а Одиссей хватаетъ за правую руку; позади виднѣются бородатый мужчина со скипетромъ въ лѣвой рукѣ, по всей вѣроятности Ликомидъ, и убѣгающая вправо почти обнаженная дѣвушка—Дидамія. Наконецъ, въ глубинѣ картины еще два воина и, кромѣ того, трубачъ [4]). Вотъ благодаря этой-то фигурѣ, нужно констатировать разницу между композиціей горита и стѣнной картиною. Фигура, дающая военный сигналъ трубою, которой нѣтъ на нашемъ горитѣ, можетъ показаться весьма важной, тѣмъ болѣе, что у Аполлодора [5]) прямо говорится, что трубный звукъ побудилъ Ахилла броситься къ оружію, но съ другой стороны мы имѣемъ подробный разсказъ объ этомъ эпизодѣ у Овидія, вложенный въ уста Одиссея, который перечисленіемъ своихъ заслугъ хочетъ убѣдить ахейскихъ предводителей присудить оружіе павшаго Ахилла именно ему (Metam. XIII, 165—169):

---

[1]) *Monumenti ined. dell' Inst.* IX, табл. XLII, рис. 3.

[2]) На вазовомъ рисункѣ она названа ΑΝΤΙΦΑΤΑ.

[3]) Всѣ картины перечислены у Гельбига, Wandgemälde der vom Vesuv verschütteten Städte Campaniens, №№ 1296—1303. Мы имѣемъ въ виду № 1297, въ краскахъ изданный у Рошетта, Choix de peintures de Pompée, табл. 21.

[4]) По свидѣтельству Гельбига (l. c., стр. 281), теперь сохранился лишь конецъ трубы, но Цанъ видѣлъ еще и голову трубача. У Баумейстера, Denkmäler des klass. Altertums, рис. 1528, картина представлена въ реставрированномъ видѣ, а въ настоящемъ, напр., у Рошера, Ausführliches Lexicon der griech. u. röm. Mythologie, стр. 27.

[5]) III, 13, 8.

arma ego femineis animum motura veri em
mercibus inseui, neque adhuc projecerat heros
virgineos habitus, cum parmam hastamque tenenti
„nate dea, dixi, tibi se peritura reservant
Pergama! quid dubitas ingentem evertere Trojam?“

Изъ приведеннаго мѣста Овидія ясно, что поэтъ слѣдуетъ другой традиціи, нежели та, которую мы находимъ у Аполлодора. Разумѣется, что изъ дошедшихъ до насъ традицій [1]) въ данномъ случаѣ первая древнѣе второй, такъ какъ она еще не знаетъ новаго мотива, т. е. трубнаго сигнала, прибавленнаго къ прежнему: соблазненіе Ахилла оружіемъ. Нагроможденіе мотивовъ, ведущихъ къ одной и той же цѣли, всегда свидѣтельствуетъ о болѣе позднемъ варіантѣ. Вотъ почему совершенно понятно, что въ нашей композиціи, отразившей въ себѣ картину V в., мы имѣемъ болѣе простой разсказъ, на помпеянской же картинѣ и саркофагахъ [2]), черпающихъ изъ позднѣйшихъ источниковъ, осложненный [3]). Промежуткомъ времени, при нѣкоторомъ сходствѣ разсмотрѣнныхъ композицій (ср. фигуры Ахилла и Дидаміи), объясняется и различный духъ, господствующій въ нихъ. Картина Полигнота, навѣрное, имѣла болѣе повѣствующій, эпическій характеръ [4]), между тѣмъ какъ на композиціи изъ Помпей лежитъ отпечатокъ драматизма. Желаніе комбинировать сказанія замѣтно въ помпеянской картинѣ еще потому, что на щитѣ, который схватилъ Ахиллъ, изображенъ онъ самъ-же, обучаемый Хирономъ игрѣ на лирѣ [5]). Итакъ, съ одной стороны нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, что на нашемъ горитѣ представленъ Ахиллъ среди дочерей Ликомида, а съ другой, весьма вѣроятно, что эта композиція сводится къ картинѣ Полигнота, слѣдовавшаго, по

---

[1]) О двухъ традиціяхъ говорится и въ новѣйшемъ изданіи энциклопедическаго словаря Паули, стр. 226 (изд. Wissowa, статья Escher'a).

[2]) Робертъ, Die röm. [antiken] Sarkophagreliefs, II, табл. VI, VIII XI, XVI (трубачъ перенесенъ на боковую стѣнку), XVIII, XX. [Болѣе точное обозначеніе см. стр. 390].

[3]) Объ источникахъ помпеянскихъ живописцевъ подробно говоритъ Гельбигъ въ изслѣдованіи: Untersuchungen über die campanische Wandmalerei, см. отдѣлъ „der Hellenismus und die campanischen Wandgemälde“.

[4]) Ср. подробное описаніе Павсаніемъ композиціи Полигнота въ Дельфахъ (X, 25—31) и опыты реконструкціи „Iliupersis“ Беннндорфомъ (Wiener Vorlegeblätter für arch. Uebungen 1888, табл. XII) и „Nekyia“ Робертомъ (16-tes Winkelmanns—programm). Реконструкція Роберта, какъ мнѣ кажется, имѣетъ за собой большія преимущества. Объ опытѣ Беннндорфа я писалъ въ Журнала Мин. Нар. Просв. въ майской книжкѣ 1889 года.

[5]) Эта группа дошла до насъ тоже въ нѣсколькихъ экземплярахъ.

свидѣтельству Павсанія, именно этой традиціи, а не той, по которой Ахиллъ взялъ Скиросъ силою оружія“ [1]).

Въ настоящее время отношусь къ толкованію Роберта, которое въ то время я поддерживалъ, гораздо болѣе скептически, но не могу признать и объясненіе сценъ, данное Б. В. Фармаковскимъ.

Признавая толкованіе средней части верхней полосы, данное Робертомъ, вѣрнымъ, Б. В. Фармаковскій въ дальнѣйшемъ становится какъ разъ на противоположную точку зрѣнія: Робертъ, относящій происхожденіе горита къ концу V в. до Р. Хр., считаетъ все изображеніе единовременнымъ, Б. В. Фармаковскій же, какъ сказано, приписываетъ горитъ II в. до Р. Хр. [2]) и усматриваетъ рядъ хронологически раздѣленныхъ между собою сценъ.

Объясненіе сценъ на горитахъ изъ Чертомлыка и Ильинецъ, проведенное Б. В. Фармаковскимъ съ присущею ему эрудиціею, легко можетъ показаться убѣдительнымъ, причемъ заключительная страница, написанная не безъ подъема, способна подкупить читателя. Однако, при внимательномъ сличеніи объясненій изображенныхъ сценъ, врядъ ли можно согласиться съ этимъ исправленіемъ толкованія Роберта.

Робертъ отмѣтилъ среднюю фигуру въ верхней полосѣ, какъ единственную мужскую, имѣющую женскую прическу; Б. В. Фармаковскій еще дважды усматриваетъ подобные волосы, а именно у угловой фигуры верхняго фриза и у обнаженнаго юноши нижняго фриза [3]).

Такимъ образомъ, для него Ахиллъ повторяется трижды.

Вотъ канва, по моему мнѣнію, непрочная, по которой Б. В. Фармаковскій расшиваетъ пеструю картину смѣняющихся событій. Изложимъ толкованіе Б. В. Фармаковскаго послѣдовательно.

Юношу, обучающаго мальчика стрѣльбѣ изъ лука, Б. В. Фармаковскій предпочитаетъ назвать Пелеемъ, упомянувъ, правда, и

---

[1]) См. I, 22, 6: „Ὁμήρῳ δὲ εὖ μὲν παρείθη τόδε ὠμὸν ὕυτως ἔργον, εὖ δέ μοι φαίνεται ποιῆσαι Σκῦρον ὑπὸ Ἀκιλλέως ἁλοῦσαν, οὐδὲν ὁμοίως καὶ ὅσα λέγουσιν ὁμοῦ ταῖς παρθένοις Ἀχιλλέα ἔχειν ἐν Σκύρῳ δίαιταν, ἃ δὴ καὶ Πολύγνωτος ἔγραφεν. Робертъ въ Bild und Lied, стр. 134, высказываетъ убѣжденіе, что той же традиціи слѣдовалъ Еврипидъ въ своей утраченной трагедіи Σκύριοι и что онъ слѣдовалъ именно живописцу, хотя въ большинствѣ случаевъ замѣчется обратное явленіе.

[2]) Эту дату онъ поддерживаетъ и въ новой своей статьѣ Аканѳовая вѣтвь на серебряномъ сосудѣ съ Таманскаго полуострова въ Сборникѣ Харьковскаго Ист.-Филол. Общ. въ честь проф. В. П. Бузескула. Харьковъ, 1914 г., отдѣл. оттискъ, стр. 14.

[3]) Б. В. Фармаковскій. Золотыя обивки налучій, стр. 46.

о Финикѣ [1]). „Потомъ представлены двѣ женщины, изъ которыхъ одна сидитъ, а другая стоитъ; первая, можетъ быть, сама царица, супруга Ликомеда, вторая—одна изъ его дочерей... Царица ласкаетъ приникшаго къ ея груди мальчика... Ничто, повидимому, не мѣшаетъ усматривать въ этомъ мальчикѣ сына Ахиллова Неоптолема, который постоянно изображается въ сценахъ обнаруженія Ахилла“ [2]).

Что касается слѣдующихъ четырехъ фигуръ, служащихъ исходнымъ пунктомъ какъ для толкованія Роберта, такъ и для Б. В. Фармаковскаго, то позволимъ себѣ привести слова послѣдняго цѣликомъ: „Версія мина, которую передаетъ Овидій (Превр., XIII, 162 и сл.), близка къ той, которую передаютъ рельефы нашихъ обивокъ.

Явившись къ Ликомеду подъ видомъ странника-торговца (оттого, можетъ быть, Одиссей изображенъ съ закинутымъ на голову гиматіемъ) и предложивъ для покупки женщинамъ разную женскую утварь, Одиссей примѣшалъ къ ней оружіе, „чтобы тронуть сердце мужчины“. Ахиллъ, одѣтый еще въ женское платье, беретъ оружіе [3]).

Тогда Одиссей произноситъ слова, обращаясь къ одѣто м по-женски Ахиллу: „О, рожденная богиней, Пергамъ ждетъ отъ тебя гибели!“; „что-жъ сокрушить великую медлишь ты Трою“?. Послѣ этого Ахиллъ сбрасываетъ дѣвическую одежду [4]) и показываетъ, что онъ мужчина, а Одиссей тогда налагаетъ на него руки, чтобы взять „храбраго на подвиги храбрыхъ“:

„Nata dea... quid dubitas ingentem evertere Trojam?
Injecique manum fortemque ad fortia misi“.

Главный моментъ у Овидія и на нашихъ обивкахъ вполнѣ совпадаетъ: при видѣ оружія и возбужденный словами Одиссея, Ахиллъ сбрасываетъ дѣвичьи одежды и обнаруживаетъ въ себѣ героя, готоваго на подвиги храбрыхъ. Мечъ представленъ на обивкахъ не лежащимъ на колѣняхъ Одиссея, а Ахиллъ не хватающимъ его, какъ объяснялось раньше. На обивкахъ представленъ моментъ, когда Одиссей схватываетъ обнаружившагося Ахилла за правую руку, въ которой тотъ держалъ уже мечъ.

---

[1]) Тамъ же, стр. 51—52.

[2]) Тамъ же, стр. 45.

[3]) У Овидія говорится о щитѣ и копьѣ, на нашихъ обивкахъ, вмѣсто того, видимъ короткій мечъ. [Прим. Б. В. Ф-го].

[4]) Ср. у Овидія (XIII, 166 и сл.): „projecerat heros virgineos habitus“. [Прим. Б. В. Фармаковскаго].

Никакихъ предметовъ женской утвари на обивкахъ не представлено [1]), какъ ихъ часто не бываетъ и на другихъ дошедшихъ до насъ изображеніяхъ мифа [2]). Если у Овидія Одиссей, обращаясь къ Ахиллу, называетъ его „nata dea", „рожденная богиней", то, очевидно, версія мифа Овидія предполагаетъ у Ахилла, кромѣ женскихъ одеждъ, и общій женскій обликъ, и прежде всего прическу. Уже Робертъ указалъ, что на чертомлыцкой обивкѣ Ахиллъ представленъ съ женскими длинными, расчесанными на двѣ стороны волосами. Такая же у Ахилла и на обивкѣ изъ Ильинецъ. Направо отъ Ахилла изображена женщина съ коротко остриженными волосами, что указываетъ, что эта женщина—низшаго ранга, служанка или кормилица. Она представлена сидящею на скамьѣ, на которой положенъ еще тюфякъ въ видѣ набитаго мягкимъ мѣшка. Женщина удерживаетъ убѣгающую дѣвушку, распростертыя руки которой указываютъ на величайшее волненіе. Робертъ и В. К. Мальмбергъ правильно видятъ въ этой дѣвушкѣ Деидамію, дочь Ликомеда, имѣвшую отъ Ахилла сына Неоптолема, а въ сидящей женщинѣ — ея служанку или кормилицу. Мы не можемъ согласиться только съ названными учеными въ томъ, что Деидамія стремится убѣжать потому, что „открылась ея тайна". Дѣвушка испугалась, конечно, воинскаго возбужденія Ахилла, объявшей его „маніи Ареса". Судьба должна ихъ теперь разлучить навѣки: Ахиллъ готовъ бросить все и идти на войну, гдѣ его ждетъ, какъ предсказано, смерть" [3]).

По Б. В. Фармаковскому далѣе слѣдуетъ другая сцена: на складномъ стулѣ сидитъ царь Ликомедъ, а передъ нимъ лежитъ, опираясь на лѣвый локоть, Ахиллъ. Эти двѣ фигуры Б. В. Фармаковскій связываетъ съ женщинами, помѣщенными въ началѣ второго фриза, причемъ высказываетъ мнѣніе, что Ахиллъ находится во дворѣ, а женщины въ женской половинѣ дворца, гинекеѣ, и видитъ здѣсь моментъ передъ оставленіемъ Ахилломъ Скироса [4]).

Потомъ идетъ, по Б. В. Фармаковскому, опирающемуся на Иліаду, сцена вооруженія сидящаго между Одиссеемъ и Діомедомъ Ахилла, послѣ примиренія его съ гамемноном (мужчина на роскошномъ креслѣ) [5]).

---

[1]) Ср. Мальмбергъ, Курганъ Карагодеушахъ, стр. 180 [Прим. Б. В. Фармаковскаго].

[2]) Ср. Löhr, Archäologisch-epigraphische Mittheilungen aus Oesterreich, XIII (1890), стр. 168 сл. [Прим. Б. В. Ф—го].

[3]) Б. В. Фармаковскій. Золотыя обивки малучій, стр. 43 сл.

[4]) Тамъ же, стр. 46 сл.

[5]) Тамъ же, стр. 49.

Послѣднюю фигуру фриза, — удаляющуюся вправо женщину, Б. В. Фармаковскій считаетъ за Θетиду, уносящую въ урнѣ пепелъ сожженнаго на кострѣ Ахиллова трупа [1]).

Было уже упомянуто, что мы считаемъ канву Б. В. Фармаковскаго непрочною. Какъ Робертъ, такъ и Б. В. Фармаковскій усматриваютъ уже у фигуры юноши, который служилъ краеугольнымъ камнемъ ихъ толкованія, женскую прическу. Дѣйствительно, у него волосы какъ будто подобраны и повязаны лентою. Что такая прическа повторяется еще два раза, какъ полагаетъ Б. В. Фармаковскій, мнѣ кажется болѣе чѣмъ сомнительнымъ; да она была бы и лишена основанія. Такого рода прическа оправдывалась бы для Ахилла среди дочерей Ликомеда, но была бы странна для Ахилла, отправляющагося въ Трою, а тѣмъ болѣе для Ахилла, собирающагося отмстить Гектору за смерть своего друга Патрокла.

Въ юношѣ и мальчикѣ, какъ мы видѣли, Б. В. Фармаковскій усматриваетъ Пелея и Ахилла, т. е. отца и сына. Почему же отецъ оказался безъ бороды?

Въ группѣ женщины съ мальчикомъ и стоящей позади женщины другой фигурѣ Б. В. Фармаковскій видитъ жену Ликомеда съ маленькимъ Неоптолемомъ и одной изъ ея дочерей. Мнимый Неоптолемъ, по толкованію Б. В. Фармаковскаго, будто испугался того, что происходитъ рядомъ съ нимъ [2]). Но таково ли впечатлѣніе, какое производитъ эта группа? По моему мнѣнію, тутъ нѣтъ никакого испуга и утѣшенія со стороны женщины, а на группѣ лежитъ отпечатокъ интимности и ласки. По какимъ даннымъ вмѣняется въ обязанность читателю признать въ мальчикѣ Неоптолема, а напр., не того же Ахилла съ матерью? Можно было бы предположить, что въ двухъ первыхъ группахъ изображено, какъ маленькій Ахиллъ подготовляется отцомъ къ охотѣ и войнѣ, и какъ мать, нѣжно обнявши его, внушаетъ ему нравственныя начала. Въ женской фигурѣ, позади сидящей, въ такомъ случаѣ можно было бы видѣть служанку. Я отнюдь не утверждаю, что такое толкованіе было бы лучше, но приведеніемъ его хочу только показать, что оно является не болѣе безосновательнымъ, нежели то, противъ котораго возражаю.

Сидящаго праваго юношу съ покрытою головою Робертъ назвалъ Діомедомъ. Уже въ своей прежней работѣ [3]) я указалъ на затрудненія, представляющіяся такому толкованію, но они еще бо-

---

[1]) Тамъ же, стр. 52.

[2]) Тамъ же, стр. 45.

[3]) Курганъ Карагодеуашъ, стр. 182. См. выше стр. 393.

лѣе усугубляются, если назвать его Одиссеемъ, какъ это дѣлаетъ Б. В. Фармаковскій; къ тому же Б. В. Фармаковскій въ нижнемъ фризѣ усматриваетъ Одиссея въ бородатой фигурѣ налѣво отъ сидящаго юноши. Оставалось бы предположить, что Одиссей въ первомъ случаѣ не только закрылся плащомъ, но и измѣнилъ свой обликъ для неузнаваемости!

Отчаяніе дѣвушки съ распростертыми руками и распущенными волосами Б. В. Фармаковскій мотивируетъ тѣмъ, что она испугалась тайно любимаго Ахилла, „объятаго маніей Ареса“. Мнѣ кажется, что мотивъ, которымъ Робертъ объясняетъ тревогу дѣвушки, серьезнѣе, и, при допущеніи того, что здѣсь дѣйствительно изображены Ахиллъ и Дидамія, рѣшительно становлюсь на точку зрѣнія Роберта.

Затѣмъ, по Б. В. Фармаковскому, слѣдуютъ шесть фигуръ, какъ мы видѣли,—Ликомедъ, Ахиллъ, супруга Ликомеда съ двумя дочерьми и служанка, причемъ собирающійся въ походъ Ахиллъ находится во дворѣ, а женщины внутри зданія. Но, во-первыхъ, трудно усмотрѣть здѣсь сборы Ахилла,—онъ такъ удобно расположился, что, повидимому, пока совершенно не думаетъ покинуть занятое имъ мѣсто; во-вторыхъ, трудно себѣ представить, какъ женщины смотрятъ на неблагодарно отвернувшагося отъ нихъ Ахилла, смотрятъ ли онѣ въ широкое окно или въ дверь? Я скорѣе предположилъ бы, что онѣ сидятъ въ открытой части дома, за колоннами что ли.

Въ мужчинѣ на складномъ стулѣ и лежащемъ передъ нимъ юношѣ я по-прежнему, если только считать сцены верхняго и нижняго ряда связанными между собою, вижу вставочныя фигуры. Лежащій юноша представляетъ лишь варіантъ сидящаго во второй полосѣ, съ измѣненіемъ предмета, который онъ держитъ въ правой рукѣ, опирая его о колѣно. Такой же щитъ со шлемомъ, какой мы видимъ передъ табуретомъ второго юноши, здѣсь отодвинутъ въ уголъ для заполненія свободнаго пространства. Б. В. Фармаковскій оправдываетъ, какъ упомянуто, двѣ эти фигуры, ставя ихъ влѣво отъ группы женщинъ въ началѣ второй полосы.

Переходимъ къ слѣдующей сценѣ, въ которой, по Б. В. Фармаковскому, участвуютъ: Агамемнонъ, Одиссей, Ахиллъ и Діомедъ. Надо думать, что они собрались въ палаткѣ Ахилла. Но откуда взялось роскошное кресло царя Агамемнона, и имѣетъ ли онъ видъ раненаго? Раненые Одиссей и Діомедъ тоже опираются не на копья, а мнимый Одиссей на посохъ, покрытый плащомъ, какъ мужскія фигуры въ восточномъ фризѣ Парѳенона, предполагаемый же Діомедъ—на двѣ палки (см. табл. рис. 8 и 10).

Б. В. Фармаковскій хочетъ убѣдить читателя, что юноша въ той и другой рукѣ держитъ по кнемидѣ. Въ виду важности этого толкованія привожу опять выдержку изъ его изслѣдованія: „Картина одной апулійской вазы, которую Винкельманъ [1]) изучалъ въ Ватиканской библіотекѣ и которая нынѣ находится въ Луврѣ, въ Парижѣ [2]), можетъ дать указанія насчетъ того, что держитъ въ рукахъ Ахиллъ. На вазѣ представлена сцена вооруженія Ахилла. Онъ изображенъ сидящимъ, какъ на нашихъ обивкахъ, на низкомъ табуретѣ и въ такомъ же одѣяніи. Поворотъ фигуры Ахилла на вазѣ тоже такой, какъ на нашихъ обивкахъ; только положеніе рукъ нѣсколько иное. Какъ вѣрно уже видѣлъ Винкельманъ, и какъ совершенно ясно видно на оригиналѣ теперь [3]), Ахиллъ держитъ въ правой рукѣ кнемиду (поножь). Другая кнемида изображена висящею на стѣнѣ, на правомъ краю композиціи. По сторонамъ Ахилла стоятъ три героя и одинъ сидитъ на правой сторонѣ. На нашихъ обивкахъ, по сторонамъ Ахилла, изображены также герои, два стоящихъ и одинъ сидящій на роскошномъ креслѣ, тронѣ. Поза героя, стоящаго налѣво отъ Ахилла и опирающагося на посохъ, чрезвычайно напоминаетъ позу Одиссея, стоящаго налѣво отъ Ахилла на вазѣ. Внизу вазовой картины видимъ Ѳемиду на гиппокампѣ въ сопровожденіи нереиды; она держитъ въ рукахъ панцырь, предназначенный для Ахилла. Близость общей композиціи и ряда мотивовъ на вазовой картинѣ къ композиціи и мотивамъ фигуръ на обивкахъ не случайна. Конечно, это были обычныя формы, установившіяся въ греческомъ искусствѣ для изображенія вооруженія Ахилла на славный бой его съ Гекторомъ [4]). Итакъ, вѣроятнѣе всего на обивкахъ сцена на правой сторонѣ нижняго фриза представляетъ то же вооруженіе Ахилла на бой съ Гекторомъ. Въ этой сценѣ Ахиллъ обыкновенно изображается сидящимъ [5]). Въ Иліадѣ Ахиллъ предъ вооруженіемъ на бой предается печали по погиб-

[1]) Winckelmann, Monumenti inediti, I, Roma, 1767, табл. 131; II, стр. 171 сл., capitolo XII; ср. Opere, tavole, CXXXV, 309 [Прим. Б. В. Фармаковскаго].

[2]) S. Reinach, Peintures de vases recueillies par Millin, I, табл. 14; стр. 12 сл. [Прим. Б. В. Фармаковскаго].

[3]) Ср. S. Reinach, ук. соч., стр. 13, гдѣ см. и литературу. [Примѣч. Б. В. Фармаковскаго].

[4]) Повидимому, композиція эта является варіаціей очень распространенной композиціи, изображающей посольство къ Ахиллу, напр., Wiener Vorlegeblätter, сер. C, табл. 6. Ср. Robert, Arch. Ztg., XXXIX (1881), стр. 137 сл.; Bild und Lied, стр. 95 сл., 112. [Прим. Б. В. Фармаковскаго].

[5]) Ср. Monum. dell' Inst., XI, табл. VIII; C. Smith, Catalogue of the vases in the British museum, III, 363; S. Reinach, Répert. d. vases, I, 220, 4—5. [Прим. Б. В. Фармаковскаго].

шемъ Патроклѣ. Въ рукахъ у Ахилла скорѣе всего надо усматривать кнемиды, которыя въ Иліадѣ герой надѣваетъ на ноги прежде всего. На вазѣ коллекціи Jatta въ Руво [1]) съ изображеніемъ нереидъ, несущихъ оружіе Ахиллу, одна изъ нихъ держитъ въ рукахъ пару кнемидъ. Рисунокъ кнемидъ аналогиченъ ихъ рисунку на обивкахъ. Манера, какъ Ахиллъ держитъ кнемиду въ лѣвой рукѣ, напоминаетъ манеру держанія кнемидъ тою же нереидой" [2]).

Воспроизведеніе этого поздне-италійскаго вазоваго рисунка, возбуждаетъ недовѣріе уже потому, что рисовальщикъ предметъ, который покоится на правомъ колѣнѣ и придерживается лѣвою рукою юноши, призналъ не за кнемиду, а за женскую статуэтку со щитомъ. Что на вазовомъ рисункѣ дѣйствительно имѣется въ виду приготовленіе къ вооруженію, — врядъ-ли подлежитъ сомнѣнію; далѣе, что живописецъ имѣлъ въ виду Ахилла, доказывается присутствіемъ нереиды, везущей панцырь, но для названія другихъ фигуръ мы, какъ уже замѣтилъ Рейнакъ [3]), не имѣемъ никакихъ данныхъ.

Въ концѣ приведенной выдержки авторъ утверждаетъ, что „манера, какъ Ахиллъ держитъ кнемиду въ лѣвой рукѣ, напоминаетъ манеру держанія кнемидъ тою же нереидою" [4]). Такъ ли? Нереида на вазѣ обѣими руками придерживаетъ кнемиды пониже мѣста, предназначеннаго для защиты колѣнъ, упирая ихъ нижніе концы о свои бедра, точно такъ же, какъ нереида на рельефѣ [5]), только нереида на вазѣ поставлена въ профиль, а на рельефѣ лицомъ къ зрителю, — юноша же на горитѣ положилъ правую руку на конецъ какого-то предмета, который тоже поставилъ на бедро, а на лѣвой рукѣ балансируетъ другой предметъ. И то, и другое имѣетъ видъ продолговатыхъ четыреугольниковъ, ничего не имѣющихъ общаго съ формою кнемидъ. Прибавлю еще, хотя на самомъ дѣлѣ считаю лишнимъ, что предметъ въ правой рукѣ, видимый не въ ракурсѣ, слишкомъ коротокъ для кнемиды. Неужели можно отрицать, что какъ на обивкѣ изъ Чертомлыка, такъ и на болѣе помятой изъ

[1]) Monum. dell' Inst., III, табл. XX; Heydemann, Nereiden mit den Waffen des Achill, Halle, 1879, табл. V, 1; S. Reinach, Répert. d. vases, I, 112, 1—3. [Прим. Б. В. Фармаковскаго].

[2]) Ср. также Heydemann, ук. соч., табл. II и III; Monum. dell' Inst., III, табл. XIX. [Прим. Б. В. Ф-го]. Приведенную выдержку см. у Б. В. Фармаковскаго, Золотыя обивки налучій, стр. 48 сл.

[3]) S. Reinach, Peintures de vases antiques recueillies par Millin, стр. 13, прим. 2: „On a voulu voir Ajax dans celui de droite, Phoenix dans celui de gauche, mais il n'y a rien de plus oiseux que de pareilles désignations".

[4]) Б. В. Фармаковскій. Золотыя обивки налучій, стр. 49.

[5]) Monum. dell' Inst., III, табл. XIX.

Ильинецъ, ясно видно въ нѣкоторомъ ракурсѣ какъ короткую, такъ и длинную стороны скажемъ бруска[1]). Но что можетъ представлять такой брусокъ, бережно балансируемый на рукѣ? Конечно, продолговатую коробку или ящичекъ[2]), притомъ не пустой, а наполненный, что видно изъ того, какъ юноша держитъ его, соблюдая равновѣсіе. Въ правой рукѣ у него, конечно, крышка отъ этого ящика. О вооруженіи тутъ не можетъ быть никакой рѣчи. Разсматриваютъ ли двое мужчинъ предметы въ ящикѣ вмѣстѣ съ юношею или принесли ящикъ съ тѣмъ, чтобы показать ему,—не берусь рѣшить, хотя второе предположеніе считаю болѣе вѣроятнымъ: правый мужчина какъ будто заинтересованъ тѣмъ, какое впечатлѣніе производитъ содержимое коробки на юношу[3]).

Остается послѣдняя фигура, по Б. В. Фармаковскому,—Ѳемида, несущая въ урнѣ прахъ сына. Въ той манерѣ, какъ женщина несетъ въ рукахъ загадочный предметъ, Б. В. Фармаковскій находитъ сходство съ держаніемъ ребенка: „Богиня[4]), нѣжно, какъ ребенка, держитъ въ рукахъ совершенно прикрытые останки героя-сына, можетъ быть заключенные въ урну, и уноситъ ихъ въ далекую страну блаженныхъ“[5]). Но тѣмъ не менѣе Б. В. Фармаковскій высказывается противъ такого толкованія, предложеннаго Стефани и Робертомъ: „Считать, что въ рукахъ у женщины ребенокъ, невозможно. Нельзя найти ни одного античнаго изображенія ребенка, гдѣ бы онъ былъ совершенно закрытъ, и гдѣ бы не была обозначена голова“[6]).

---

[1]) Старый рисунокъ въ этомъ отношеніи передаетъ форму предмета не точно.

[2]) Такое объясненіе было дано при первомъ описаніи (см. Матеріалы по археологіи Россіи, № 13, стр. 179); независимо отъ меня и Грефъ (Hermes XXXVI, стр. 90) усматриваетъ здѣсь продолговатый ящичекъ, напоминающій ему по формѣ ящикъ для перчатокъ.

[3]) См. коробку въ рукахъ на надгробныхъ рельефахъ, Conze, Die attischen Grabreliefs, табл. XXXIV; и CLXXI, или у Госпожи, таб. XXXV 3. въ послѣднемъ случаѣ женщина балансируетъ на лѣвой рукѣ шкатулку съ ножками, какъ юноша длинную коробку.

[4]) Фигура ея напоминаетъ фигуры печальныхъ женщинъ на извѣстномъ саркофагѣ изъ Сидона. Ср. Hamdy—bey et Th. Reinach, Une nécropole royale à Sidon, табл. VI—XI; Collignon, Histoire de la sculpture grecque, II, Paris, 1897, стр. 401 и сл. [Прим. Б. Б. Ф-го]. Но зачѣмъ искать аналогіи въ памятникахъ второй половины IV вѣка до Р. Хр., когда онѣ имѣются, какъ мы увидимъ далѣе, на надгробныхъ памятникахъ, носящихъ характеръ V вѣка. О сходствѣ нашихъ фигуръ на горитѣ съ надгробными памятниками упоминаетъ уже Фуртвенглеръ въ Der Goldfund von Vettersfelde, стр. 47, прим. 3.

[5]) Б. В. Фармаковскій. Золотыя обивки налучій, стр. 52.

[6]) Тамъ же, стр.

Итакъ, Б. В. Фармаковскій, признавая самъ, что женщина держитъ предметъ, какъ ребенка, по другимъ соображеніямъ этотъ предметъ склоненъ считать за урну.

Зачѣмъ, спрашивается, завертывать урну въ платки? И кто держитъ урну такъ, что ея содержимое могло бы высыпаться? Не трудно, конечно, замѣтить, что и для самого автора толкованіе его не убѣдительно. Противъ признанія въ завернутомъ предметѣ ребенка Б. В. Фармаковскимъ приводится то, что у ребенка въ пеленкахъ лицо оставляется открытымъ. Но Б. В. Фармаковскому, очевидно, рисуются такіе примѣры, какъ мы видимъ на надгробныхъ памятникахъ, гдѣ нянька или кормилица подноситъ ребенка матери; понятно, что при такихъ обстоятельствахъ нѣжное личико младенца всегда открыто. Но въ данномъ случаѣ, по мнѣнію прежнихъ толкованій, женщина хочетъ скрыть ребенка. Могу привести примѣръ, гдѣ женщина держитъ въ рукахъ предметъ, совершенно похожій на тотъ, который несетъ женщина на горитѣ,—это Рея, подающая, вмѣсто младенца Зевса, закутанный камень Хроносу[1]) (табл. рис. 11). Конечно, на это можно возразить, что въ платкахъ завернутъ не живой ребенокъ, а камень, но на такое возраженіе можно и отвѣтить, что если бы дѣти никогда не прикрывались съ головкою, то Реѣ врядъ-ли удалось бы обмануть своего божественнаго супруга. Я попрежнему убѣжденъ, что женщина на обивкѣ тайкомъ уноситъ младенца.

Глава VI изслѣдованія у Б. В. Фармаковскаго: „Стиль главныхъ фризовъ, украшающихъ обивки“ — посвящается доказательству ихъ эллинистическаго происхожденія. „Наиболѣе близкую аналогію, пишетъ авторъ, по манерѣ композиціи фризамъ на нашихъ обивкахъ или, быть можетъ, лучше сказать, фризу, послужившему имъ оригиналомъ, представляютъ, какъ мы уже нѣсколько разъ замѣтили, эллинистическіе фризы съ изображеніемъ послѣдовательныхъ сценъ одного разсказа и прежде всего пергамскій фризъ, иллюстрирующій эпизоды изъ жизни Телефа. Какъ на немъ, такъ и на нашихъ обивкахъ группы неодинаковы по величинѣ. Крайнія группы меньше среднихъ, которыя состоятъ изъ бо́льшаго числа фигуръ. Конечно, и при нашемъ объясненіи сценъ группу четырехъ женщинъ въ нижнемъ фризѣ нельзя назвать удачной, но все же она менѣе шокируетъ, чѣмъ при всякомъ иномъ, и не мѣшаетъ общему художественному впечатлѣнію. Эта группа безусловно указываетъ на несамостоятельность композиціи автора нашихъ обивокъ. Онъ заимствовалъ мотивы группъ и фигуръ, очевидно, съ какого-нибудь знаменитаго оригинала, на которомъ изо-

[1]) Overbeck. Kunstmythologie, табл. III, рис. 24.

браженъ былъ циклъ сценъ изъ жизни Ахилла. Композиція выдаетъ происхожденіе этого оригинала изъ эллинистической эпохи и изъ времени, близкаго къ тому, когда былъ исполненъ пергамскій фризъ, т. е. изъ времени Евмена II (197—159 годовъ до Р.)“ [1]).

Далѣе Б. В. Фармаковскій возражаетъ противъ моей прежней датировки, что происхожденіе налуча можно отнести ко времени до фриза галикарнасскаго и даже памятника съ нереидами, которой я теперь, впрочемъ, не держусь.

Послѣ этихъ соображеній общаго характера авторъ переходитъ къ деталямъ: „Мы уже указывали выше на разныя чисто живописныя детали въ нашихъ композиціяхъ, находящія аналогію на эллинистическихъ живописныхъ рельефахъ: пунктирныя украшенія на утвари, развѣшанныя занавѣси, подробности почвы. Рельефы трактованы такъ, что всюду получается въ композиціи по нѣсколько плановъ; рельефы даютъ понятіе о глубинѣ пространства. Въ лѣвой половинѣ верхняго фриза, напр., показаны четыре плана (фигура царицы, за ней дѣвушка, еще глубже—лежащій щитъ и за нимъ—холмъ, на которомъ стоитъ мальчикъ—Ахиллъ)... Нельзя не обратить вниманія, что авторъ оригинала обивки любитъ изображенія въ сокращеніяхъ (щиты, вся мебель) [2]). Особенно интересна чисто живописная трактовка стула Ликомеда [3])... Пропорціи фигуръ, короткія, грузныя, тяжеловатыя [4]), не могутъ указывать, какъ это думалъ В. К. Мальмбергъ [5]), что чертомлыцкая обивка происходитъ изъ времени до середины IV вѣка до Р. Х., потому что короткія пропорціи встрѣчаются постоянно въ искусствѣ и послѣ середины IV вѣка. Укажемъ на рельефы храма Артемиды Левкофрины въ Магнезіи на Меандрѣ [6]), на „мегарскія“ чашки [7]) и другія рельефныя вазы эллинистической эпохи [8]) и т. д. Если

[1]) Б. В. Фармаковскій. Золотыя обивки налучій, стр. 54.

[2]) Этихъ ракурсовъ нельзя было наблюдать по старой публикаціи Чертомлыцкой обивки, и оттого понятны ошибочныя замѣчанія у Gräf, Hermes, XXXVI (1901), стр. 90. [Прим. Б. В. Ф-го]. Нахожу, что ракурсы и на прежнихъ публикаціяхъ видны, но не совсѣмъ точно.

[3]) Авторъ имѣетъ, какъ полагаю, въ виду стулъ своего Агамемнона.

[4]) Ср. Rayet, Études d'archéologie et d'art, стр. 230. [Прим. Б. В. Ф-го].

[5]) Курганъ Карагодеуашхъ, стр. 173 слл. [Прим. Б. В. Ф-го].

[6]) Humann, Kohte, Watzinger, Magnesia am Maeander, табл. XII слл., S. Reinach, Répert. des reliefs, I, стр. 181. [Прим. Б. В. Ф-го).

[7]) Robert, Homerische Becher, стр. 8 слл.; Dumont et Chaplain, Les céramiques de la Grèce propre. I, табл. XXXI. [Прим. Б. В. Ф-го].

[8]) Древности Босфора Киммерійскаго, табл. 47, 1—8; ср. Furtwängler, Collection Sabouroff, прил. къ табл. LXXXIII, стр. 16; Watzinger, Athen. Mitt. XXVI (1901), стр. 95; Э. Р. фонъ-Штернъ, Изв. И. Арх. Комм., III, стр. 107, табл. XIV. [Прим. Б. В. Ф-го)

мотивы отдѣльныхъ группъ и фигуръ обивокъ можно указать на памятникахъ V и VI вѣковъ до Р. Хр. [1]), то это даетъ для обивокъ лишь terminus post quem. Кромѣ того, мотивами V и IV вѣковъ широко пользуется эллинистическое искусство II вѣка [2]). Особенно важно то, что общій характеръ формъ у фигуръ обивокъ больше всего подходитъ къ фигурамъ на эллинистическихъ рельефахъ [3]). Не можетъ не броситься въ глаза сходство въ рисункѣ и характерѣ складокъ одежды (особенно развѣвающейся) у фигуръ нашихъ обивокъ съ пергамскими скульптурами [*]). Далѣе формы оружія, мебели, ихъ украшенія на нашихъ обивкахъ указываютъ постоянно на связь съ памятниками III и II вѣковъ до Р. Хр.“ [4]).

Итакъ, Б. В. Фармаковскій находитъ большое сходство между фризами горита и малымъ фризомъ пергамскаго жертвенника съ изображеніемъ сценъ изъ жизни Телефа. Не могу повѣрить, чтобы кто-нибудь могъ согласиться въ этомъ отношеніи съ авторомъ. Дѣйствительно, число фигуръ отдѣльныхъ группъ на горитѣ не одинаково, но, конечно, совершенно не зачѣмъ искать параллелей во II вѣкѣ, такъ какъ мы можемъ ихъ найти какъ во фризѣ Парѳенона, такъ и во фризахъ такъ называемаго Ѳесіона, фигалійскомъ фризѣ и т. д... Къ тому же, даже становясь на точку зрѣнія Б. В. Фармаковскаго, нельзя поручиться за то, что въ оригиналѣ болѣе много-

---

[1]) Ср. В. К. Мальмбергъ, Кург. Караг., стр. 174 слл.; Н. П. Кондаковъ и гр. И. И. Толстой, Русскія Древности, II, стр. 143; Gräf, Hermes, XXXVI (1901), стр. 88 слл. [Прим. Б. В. Ф-го).

[2]) Ср. Altertümer v. Pergamon, III, 2; Winnefeld, Die Friese des grossen Altars, стр. 234 слл., 237 слл. (Прим. Б. В. Ф-го).

[3]) Ср. для Ахилла въ сценѣ обнаруженія Magnesia am Maeander, стр. 87, рис. 83—84, Altertümer v. Pergamon, III 2, табл. IV; для Ахилла и Деидаміи Pagenstecher, Die calenische Reliefkeramik, Brl., 1909, табл. 6, 8a; табл. 3, a. Ср. для стиля и Baumeister, Denkm., I, стр. 219, рис. 172 и т. д. [Прим. Б. В. Ф-го].

*) См. мою статью: „Воинъ, защищающій павшаго товарища, на чертомлыцкихъ ножнахъ и другихъ памятникахъ греческаго искусства“ въ „Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ честь проф. В. П. Бузескула“, отдѣльный оттискъ, стр. 5.

[4]) Ср. для шлемовъ Pagenstecher, Calen. Reliefker., табл. 6, 3 и 4; Alt. v. Pergamon, III, 2, табл. XXXIV, 1; Baumeister, Denkm., III, стр. 2032, рис. 2204; Wiegand, Milet, II, Berlin, 1908, табл. XI, XV; для мечей—Alt. v. Pergamon, III, 2, табл. XXXIII, 2 и 3; для формъ ручекъ у щитовъ—Alt. v. Pergamon, III, 2, табл. VIII, XVI и др.; для ракурсовъ щитовъ и ихъ орнаментовки внутри—Baumeister, Denkm., I, стр. 59, 63; Alt. v. Pergamon, III, 2, текстъ, стр. 181, рис. 79; для трона Агамемнона—Baumeister, Denkm., I, стр. 16, рис. 18; табл. VI; стр. 416, рис. 449; S. Reinach, Peint. de vases antiques recueillies par Millingen, Paris, 1891, табл. 41; Alt. v. Pergamon, III 2; табл. XXXI, 7 и т. д. [Прим. Б. В. Ф-го].

численныя группы уравновѣшивались такими же, а парныя или одиночныя фигуры такими же парными или отдѣльными фигурами: вѣдь онъ нѣсколько ниже пишетъ, что „съ оригинала нашъ художникъ, по всей вѣроятности, взялъ не все, а сдѣлалъ выборъ, остановившись на сценахъ, подходившихъ спеціально для его цѣли, т. е. для украшенія горита, и какъ мы видѣли, показалъ себя истиннымъ художникомъ“ [1]). Но какъ онъ въ то же время можетъ этого копіиста назвать истиннымъ художникомъ, для насъ загадочно.

Но разница заключается въ томъ, что на упомянутыхъ нами фризахъ, какъ и на нашемъ горитѣ, пространство, отведенное для фигуръ, заполнено приблизительно одинаково густо, чего уже нельзя сказать о фризахъ храма Артемиды Левкофрины въ Магнезіи на Меандрѣ. Что касается малаго пергамскаго фриза, то здѣсь мы имѣемъ совершенно иную картину: помимо введенія тамъ ландшафта, массы неодушевленныхъ предметовъ, фигуры распредѣлены то часто, то рѣдко, то онѣ расположены въ нѣсколько ярусовъ, то надъ ними остается много пустого пространства [2]).

Въ двухъ полосахъ золотой обшивки, кромѣ одинаковаго распредѣленія массъ, такъ наз. псокефалія соблюдена почти съ точностью парѳенонскаго фриза (только женщина, ласкающая ребенка, отступаетъ отъ этого принципа; ср. впрочемъ Афродиту и Эрота въ парѳенонскомъ фризѣ, у насъ табл. рис. 5). Всѣмъ прежнимъ изслѣдователямъ композиціи на горитѣ, въ особенности группа женщинъ во второй полосѣ, напоминали фризъ Парѳенона. Неужели всѣ они были слѣпы? Не буду говорить о Робертѣ, сила котораго заключается не въ чутьѣ стиля, а упомяну о такомъ, всѣми признанномъ, знатокѣ стиля, какъ Фуртвенгле[r]; назову еще Гаузера и Грефа. Я отнюдь не призываю къ поклоненію авторитетамъ, хочу только отмѣтить, что параллели автора не въ силахъ поколебать этого установившагося воззрѣнія. Недавно въ двухъ моихъ работахъ, касающихся ноженъ изъ того же кургана, я уже печатно заявилъ, какъ и въ началѣ данной статьи, что слѣдуетъ признать болѣе позднее происхожденіе этихъ золотыхъ обшивокъ на основаніи орнамента [3]).

[1]) Б. В. Фармаковскій. Золотыя обивки налучій, стр. 54 сл.

[2]) Не имѣя подъ руками полнаго офиціальнаго изданія сошлюсь на изображенія у Pontremolli—Collignon, Pergame, Paris, 1900, рис. на на стр. 91 – 97.

[3]) См. мои статьи: «Воинъ на золотой обшивкѣ ноженъ изъ чертомлыцкаго кургана и на вазѣ изъ Нолы» (въ Сборникѣ статей, посвященныхъ Д. А. Корсакову, отд. оттискъ, стр. 10) и „Воинъ, защищающій павшаго товарища, на чертомлыцкихъ ножнахъ и другихъ памятникахъ греческаго искусства“ въ „Сборникѣ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества въ честь проф. В. П. Бузескула“, отдѣльный оттискъ, стр. 5 сл.

Моя ошибка заключалась въ томъ, что я сблизилъ изображенные типы со временемъ изготовленія данныхъ предметовъ, т. е. впалъ въ ту ошибку, которой держались всѣ ученые на Западѣ и у насъ до послѣдняго времени.

Что касается пунктира на утвари,—авторъ, очевидно, разумѣетъ въ виду преимущественно щиты,—то на мраморныхъ рельефахъ и на вазовыхъ рисункахъ пунктира, конечно, нѣтъ, но какъ разъ на вазахъ конца V вѣка до Р. Хр. мы видимъ вдругъ особенно часто появляющееся украшеніе по внутреннему краю щита и даже роспись его фигурами внутри[1]). Весьма вѣроятно, что въ этомъ сказалось вліяніе знаменитаго щита Аѳины—Дѣвы. Я не могу привести сейчасъ же подлинное изображеніе занавѣса въ V вѣкѣ, но болѣе чѣмъ возможно предположеніе такихъ занавѣсей, показанныхъ краскою. Во всякомъ случаѣ всѣми признается, что надъ ложемъ Пенелопы во фризѣ изъ Гёльбаши[2]) было не пустое мѣсто, а что-то написанное краскою, - какъ думаютъ, ткацкій станокъ съ гробовымъ покровомъ Лаэрта, который вѣрная Одиссею Пенелопа днемъ ткала, а ночью уничтожала, оттягивая согласіе на предложенія ея неотвязчивыхъ жениховъ.

Если въ первыхъ двухъ группахъ усматривать четыре плана, то въ рядахъ скачущихъ всадниковъ во фризѣ Парѳенона нужно говорить о пяти и болѣе планахъ (близкую аналогію къ всадникамъ парѳенонскаго фриза представляютъ женщины въ нижней полосѣ горита, выдвигающіяся одна изъ-за другой, но на самомъ дѣлѣ лежащія въ одной плоскости). Что касается женщины, стоящей за стуломъ другой съ ребенкомъ, то она стоитъ позади стула, а вовсе не на второмъ планѣ. Щитъ у холмика положенъ такъ, что одинъ конецъ исчезаетъ за ногою стоящей женщины, а другой выдвинутъ впередъ, такъ что захватываетъ верхнюю горизонтальную полоску надъ овами, отдѣляющими верхій фризъ отъ нижняго (на старомъ рисункѣ это представлено не совсѣмъ точно, ср. нашу табл. рис. 1). Наконецъ, для перспективнаго изображенія стульевъ лучшія параллели — не на италійскихъ вазахъ IV вѣка до Р. Хр.,[3]) а на креслахъ аттическихъ вазъ V и IV вѣка.

Странно, что Б. В. Фармаковскій не вспомнилъ возсѣдающаго Зевса на знаменитыхъ вазахъ, изъ Керчи (табл., рис. 7а и 14), которыя онъ имѣетъ возможность видѣть ежедневно, и на надгробныхъ рельефахъ. Конечно, никто не станетъ отрицать, что сравнительно ко-

[1]) Напр., Overbeck. Kunstmythologie, атласъ, табл. V, рис. 4 и 8.

[2]) Renndorf und Niemann. Das Heroon von Gjölbaschi—Trysa, табл. VII. рис. A 1.

[3]) См. прим. 4 на стр. 406.

роткія фигуры, какъ въ фигалійскомъ фризѣ, встрѣчаются и позже, и я въ свое время хотѣлъ только сказать, что на нашемъ горитѣ не отразились удлиненныя пропорціи, какъ мы ихъ видимъ во фризѣ Мавсолея и большомъ фризѣ памятника съ нереидами.

Щиты въ ракурсѣ сколько угодно можно видѣть еще и въ черно-фигурной вазовой живописи.

Итакъ, по моему, о нѣсколькихъ планахъ говорить нельзя; можно говорить только о перспективномъ изображеніи, которое въ горитѣ, по пріемамъ передачи, ни въ одномъ случаѣ не выходитъ за предѣлы конца V вѣка до Р. Хр. Трактовка складокъ тоже находитъ ближайшую параллель во фризѣ Парѳенона и на надгробныхъ памятникахъ. Мотивъ развѣвающихся плащей странно подтверждать пергамскимъ фризомъ, такъ какъ эта черта, въ качествѣ новаго завоеванія, до навязчивости появляется въ особенности въ фигалійскомъ фризѣ. Стало быть, нѣтъ основанія видѣть здѣсь зависимость обивокъ отъ пергамскаго фриза и другихъ памятниковъ эллинистическаго искусства, а слѣдуетъ констатировать ихъ общій источникъ—памятники конца V вѣка до Р. Хр. [1]).

Попробуемъ привести параллели для фигуръ горита изъ общеизвѣстныхъ и всѣмъ доступныхъ памятниковъ древне-греческаго искусства. Прежде всего помѣщаю на приложенной таблицѣ (рис. 2) части рисунка, изображающаго эпизодъ изъ похода аргонавтовъ, а именно, когда приставшіе къ берегу Понта аргонавты, благодаря крылатымъ участникамъ похода Бореадамъ, прогоняютъ отвратительныхъ гарпій, осквернявшихъ яства слѣпого царя Финея [2]). Ваза, хотя и италійскаго происхожденія, но имѣетъ еще чисто-аттическій характеръ рисунковъ, отражающій полигнотовское вліяніе. На этихъ рисункахъ прежде всего бросается въ глаза сходство между двумя аргонавтами, съ одной стороны, и, съ другой стороны, крайнимъ правымъ юношею верхней полосы и юношею нижней полосы горита.

Для краткости будемъ называть фигуры налуча именами, данными имъ Б. В. Фармаковскимъ.

Интересно, что около юноши съ копьемъ (рис. 2), сидящаго, какъ и Ахиллъ во второй полосѣ горита, на плащѣ, стоитъ тщательно написанная шкатулка, хотя ей какъ бы не мѣсто здѣсь среди аргонавтовъ; позади него прислоненный къ скалѣ щитъ показанный въ ракурсѣ.

Другой юноша (рис. 3), держащій мечъ въ ножнахъ, какъ и

[1]) См. A. von Salis. Der Altar von Pergamon, стр. 102 сл.

[2]) Monumenti, t. III, табл. XLIX; у Furtwängler—Reichhold, Griechische Vasenmalerei, табл., 62, представлена только часть.

угловой Ахиллъ, перевернутъ лишь въ другую сторону (у насъ копированъ обратно); но какъ разъ это явленіе особенно часто встрѣчается на вазовыхъ рисункахъ даннаго періода.

Приведу здѣсь для примѣра Зевса (у насъ на табл. рис. 7а и 14) на упомянутыхъ раньше двухъ керченскихъ вазахъ: стоитъ представить одного изъ нихъ въ зеркальномъ изображеніи (см. рис. 7в), чтобы убѣдиться въ ихъ почти полной идентичности. Такія варіаціи извѣстнаго типа говорятъ хотя не въ пользу изобрѣтательности вазописцевъ, но свидѣтельствуютъ объ ихъ полномъ владѣніи рисункомъ, отзывающемся, правда, иногда рутиною.

Сидящій на плащѣ юноша со стригилемъ въ рукѣ (рис. 2) по всей посадкѣ и сильно согнутой спинѣ напоминаетъ Пелея, Аѳина же, стоящая передъ нимъ, въ своей свободной постановкѣ съ нѣсколько вялымъ движеніемъ ея лѣвой ноги похожа на Ѳетиду, въ обратномъ только положеніи.

Бореадъ въ нижней части рисунка похожъ на Ахилла въ серединѣ верхней полосы горита, хотя движеніе его и болѣе энергично. Если сравнить отрѣзокъ приведеннаго вазоваго рисунка со сценами на горитѣ, то помимо того, что въ первомъ мы имѣемъ живописное распредѣленіе фигуръ, во второмъ архитектурное, на фигурахъ перваго лежитъ отпечатокъ болѣе поздній, нежели на фигурахъ второго.

На надгробномъ рельефѣ [1]) начала IV вѣка до Р. Хр., имѣющемъ еще характеръ монументальной пластики V вѣка (извѣстно, что надгробные памятники, какъ произведенія второстепенныхъ мастеровъ, являются нѣсколько отсталыми сравнительно съ изваяніями крупныхъ художниковъ), мы видимъ мальчика, по росту сравнительно съ матерью лѣтъ восьми—десяти, съ пропорціями отрока, какъ и Ахиллъ на бугоркѣ, несмотря на его относительно меньшій ростъ (женская фигура надгробія также имѣетъ много общаго съ Ѳетидою). То же самое можно сказать и относительно пропорцій Эрота на восточномъ фризѣ Парѳенона (табл. рис. 5).

Въ качествѣ параллели для слѣдующей группы привожу опять надгробный памятникъ того же времени (рис. 12) и, кромѣ того, обращаю вниманіе на сходство въ трактовкѣ платья, а для Одиссея—обратное отраженіе Гермеса съ восточнаго фриза Парѳенона рис. 13)—обѣ фигуры сидятъ одинаково свободно, съ выдвинутою впередъ ногою перваго плана и подобранною второго; прикрытіе головы плащомъ—исключительное явленіе.

Что касается слѣдующаго затѣмъ Ахилла, то мы указали уже на сходство его съ однимъ изъ Бореадовъ, а его развѣвающійся

[1]) Conze. Die attischen Grabreliefs, табл. CLXXV.

вверхъ плащъ находить себѣ рядъ параллелей въ фигалійскомъ фризѣ [1]).

Для няньки сошлюсь на Афродиту ранней италійской вазы [2]); богиня на вазѣ, конечно, одѣта богаче, нежели служанка, но лѣвая нога точно также поставлена выше правой.

Для Дидаміи можно привести женскую фигуру около идола на фигалійскомъ фризѣ, какъ это уже сдѣлалъ Грефъ, [3]) только ея положеніе на носкахъ ногъ напоминаетъ не бѣгущую, а танцующую, какъ у цѣлаго ряда танцующихъ фигуръ на вазахъ конца V вѣка до Р. Хр. и на позднихъ рельефахъ, сводящихся къ болѣе раннимъ образцамъ [4]). Воспроизвожу здѣсь, по Archäologischer Anzeiger [5]), женскую фигуру на терракотовомъ рельефѣ (рис. 4), на которую обратилъ мое вниманіе Н. А. Щербаковъ, причемъ считаю не лишнимъ указать на кусокъ плаща, развѣвающагося позади нея, очень похожаго на плащъ юноши въ верхней полосѣ горита, и на дерево рядомъ съ нею, напоминающее древесные стволы на рельефахъ изъ Гельбаши.

Для Ликомеда привожу Зевса на одной изъ раньше уже упомянутыхъ керченскихъ вазъ (табл. рис. 14).

Группа женскихъ фигуръ въ началѣ второй полосы на нашей обивкѣ и прежнимъ изслѣдователямъ, какъ мною было упомянуто въ свое время, напоминала фигуры изъ восточнаго фриза Парѳенона.

Для параллели привожу группу Артемиды, Афродиты и Эрота въ обратномъ положеніи и каріатиду Эрехѳіона (рис. 5 и 6); Афродита во фризѣ положила руку на плечо Эрота приблизительно такъ, какъ на горитѣ. Не безынтересно то, что у Артемиды обнажена грудь,—правда, только часть, а не вся, какъ у соотвѣтствующей фигуры горита, названной Б. В. Фармаковскимъ Дидаміею [6]).

---

[1]) Б. В. Фармаковскій ссылается (Золотыя обивки налучій..., стр. 57, прим. 9) на Гефеста (или Прометея) мадридскаго путеала, въ которомъ признано отраженіе центральной группы восточнаго фронтона Парѳенона.

[2]) Furtwängler — Reichhold. Griechische Vasenmalerei, текстъ, т. I, стр. 301; для характеристики всей фигуры можно сослаться на сидящую парку мадридскаго путеала.

[3]) Graef, Hermes, XXXVI, стр. 83 сл. (Das nach recht eilende Mädchen im oberen Streifen, welches am Gewand gezerrt wird, ist aus zwei Figuren des Phigaliafrieses zusammengeflossen, der welche am Gewand gezerrt und der daneben).

[4]) Baumeister. Denkmaler d. klas. Alert., II, Band, табл. XVIII. рис. 929.

[5]) Ardhäologischer Anzeiger, 1892 г., рис. на стр. 160. Рисунокъ не совсѣмъ точенъ („Die Zeichnung giebt die Formen, namentlich der nackten Arme, etwas zu elegant wieder", тамъ же, стр. 160).

[6]) Стоящая фигура весьма похожа на дѣвушекъ во фризѣ Парѳенона.

Близкое сходство имѣется между Агамемноном и Зевсом на вазѣ конца V вѣка до Р. Хр., изображающей пріемъ Геракла на Олимпѣ [1]). Въ томъ и другомъ случаѣ мы видимъ и роскошное кресло, подлокотникъ котораго заканчивается бараньею головою, подпираемою сфинксомъ, какъ у Зевса во фризѣ Парѳенона, на мадридскомъ путеалѣ и цѣломъ рядѣ надгробныхъ памятниковъ. Этотъ вазовый рисунокъ, какъ я раньше показалъ [2]), несомнѣнно находится подъ вліяніемъ средней группы восточнаго фронтона Парѳенона. Главная разница въ возсѣдающей фигурѣ на обивкѣ отъ вазоваго рисунка заключается въ томъ, что лѣвая рука положена на голову, но и этотъ мотивъ хорошо извѣстенъ уже изъ памятниковъ V вѣка до Р. Хр.,—стоитъ привести Амазонку берлинскаго музея, въ которой всѣми признана копія съ произведенія Поликлета.

Мужскія фигуры по сторонамъ слѣдующаго затѣмъ Ахилла, для котораго мы уже привели одного изъ аргонавтовъ, находятъ очень близкую параллель въ двухъ аѳинскихъ гражданахъ въ восточномъ фризѣ Парѳенона (табл. рис. 8 и 10), а, кромѣ того, помѣщаю въ обратномъ положеніи такъ наз. Пиріѳоя (рис. 9) изъ извѣстнаго рельефа въ Museo Torlonio, на который указалъ уже Грефъ [3]).

Для Ѳетиды мы уже привели нѣсколько похожихъ фигуръ какъ среди вазовой живописи, такъ и скульптуры. Но наиболѣе убѣдительное сходство она имѣетъ съ женскою фигурою на надгробномъ рельефѣ начала IV вѣка до Р. Хр., представляющемъ служанку, принесшую шкатулку своей госпожѣ; на таблицѣ (рис. 11) помѣщаемъ упомянутую выше на стр. 404 Рею въ виду общаго сходства и близости мотива.

Итакъ, не оспаривая большой научной заслуги Б. В. Фармаковскаго, несомнѣнно доказавшаго, что наши обивки изготовлены были много позже, чѣмъ было принято думать, утверждаю, что рѣшительно для всѣхъ фигуръ лучшія параллели мы находимъ на памятникахъ V и IV вв. до Р. Хр., а не на привлекаемыхъ имъ болѣе позднихъ.

---

[1]) Furtwängler—Reichhold. Griechische—Vasenmalerei, табл. 20.

[2]) См. мои статьи въ Журналѣ Мин. Нар. Просв. 1903 г., февр., стр. 76 сл., и Древнегреческія фронтонныя композиціи, СПБ., 1904 г., стр. 247 сл.

[3]) Graef, Hermer, XXXVI (1901 г.) стр. 88; въ каталогѣ Friederichs—Wolters, Die Gipsabgusse antiker Rildwerke, № 1201 говорится: „... im Stil zeigt es [das Relief] eine so auffällige Verwandschaft mit dem Friese des Parthenon und ähnlichen Stücken, das Niemand zögern wird, das Original dieser Epoche zuzuschreiben".

Н. Кабаковъ.

Разинцы въ Нижегородскомъ краѣ (пріемы бунта и усмиренія).

Страшное соціальное движеніе конца 60-ыхъ годовъ XVII столѣтія, всколыхнувшее московскіе верхи и заинтересовавшее даже европейское общество, отголосками своими захватило и Нижегородскій край.

3-го октября 1670 г. звѣзда удачливаго атамана Степана Тимофеевича Разина закатилась.

Разбитый подъ стѣнами Симбирска княземъ Юріемъ Барятинскимъ, Разинъ бѣжалъ съ казаками внизъ по Волгѣ, оставляя всю поднятую имъ массу черни на произволъ судьбы, на расправу воеводъ.

А въ это время на сѣверѣ, между прочимъ и въ Нижегородскомъ краѣ, накоплялась гроза [1]).

Высланный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ главнокомандующій всѣхъ войскъ кн. Юрій Долгорукій сидѣлъ въ Арзамасѣ какъ бы въ осадѣ. Разинцы разсыпались по краю и тамъ, и здѣсь „копились“ силами.

Авангардъ Долгорукаго долженъ былъ отступить „за малолюдствомъ“ передъ наступающими шайками и г. Алатырь сталъ жертвою ярости нападающихъ [2]).

Въ то время, какъ эти шайки атамана Максима Осипова поднимались по Сурѣ къ сѣверу, а потомъ широкимъ потокомъ разлились по срединнымъ уѣздамъ теперешней Нижегородской губерніи, достигая на западѣ Окскихъ перевозовъ и образуя новый

---

[1]) Фактическое описаніе Разинскаго движенія въ Нижегородскомъ краѣ лучше всего представлена С. М. Соловьевымъ въ 3-ей книгѣ его „Исторіи Россіи“. Спб. изд. 2-ое стр. 313—322. Менѣе данныхъ у Костомарова: „Бунтъ Стеньки Разина“. Собраніе сочиненій кн. 1-ая, Спб. 1903 г. стр. 408—513.

[2]) А. Поповъ. „Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина“. М. 1857 г. № 14, стр. 93.

грозный очагъ возстанія, съ юга копились новыя ватаги и, подвигаясь съ разныхъ концовъ къ Арзамасу, кольцомъ окружали царскія войска. Кн. Долгорукій долженъ былъ думать о защитѣ, тѣмъ болѣе, что „воры“ задерживали прибытіе новыхъ отрядовъ; на югѣ подъ Шацкомъ стояли ратные люди, задержанные „воровскими“ засѣками, а сѣвернѣе на Окскихъ перевозахъ „воры“ держали постоянныхъ сторожей и не только не пустили подошедшихъ рейтаръ пройти въ Арзамасъ, но и разбили небольшой дворянскій отрядъ [1]).

Положеніе воеводы Долгорукаго въ Арзамасѣ было незавидное. Ему впору только защищаться.

Рядъ небольшихъ походовъ противъ отдѣльныхъ „воровскихъ“ шаекъ нѣсколько расчищаетъ ближайшіе пути.

А между тѣмъ къ началу октября, почти одновременно съ разгромомъ Разина, кн. Долгорукому пришлось пережить тяжелыя минуты: воры съ сѣвера изъ Мурашкина, Лыскова, изъ Терюшевской волости подходили къ Арзамасу, были въ четырехъ верстахъ отъ него, но раздумали („стали думать, что погода не по нихъ и дождь идетъ“) и повернули въ обходъ Арзамаса къ югу, здѣсь настигъ ихъ кн. Щербатый. Завязался бой, упорствомъ своимъ показавшій сколь опасенъ былъ для главной квартиры царскихъ войскъ этотъ моментъ. Щербатый требовалъ подкрѣпленія; бой тянулся цѣлыхъ два дня и кончился побѣдой царскихъ войскъ [2]), какъ разъ во время.

6-го числа побѣдитель возвращался со своими кровавыми трофеями въ Арзамасъ, а 8-го отсюда выходилъ уже на новую посылку его товарищъ Ѳеод. Леонтьевъ подъ село Кременки (на югѣ теперешняго Ардатовскаго уѣзда) [3]). Только-что справились съ этими шайками, а „воры“ перебѣжали на востокъ и „копятся“ въ предѣлахъ теперешняго Лукояновскаго уѣзда [4]).

Пока идутъ эти южные бои, сѣверное движеніе разростается.

Осиповъ, послѣ болѣе чѣмъ недѣльнаго штурма, взялъ Макарьевскій монастырь [5]). Подъ Мурашкинымъ „воровъ“ начина-

---

[1]) Арх. Мин. Юст. Разряд. Прик. Приказ. столъ, столбецъ № 423, л. л 29—30. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ для упрощенія будетъ указываться только столъ приказа, номеръ столбца и листовъ цитаты.

[2]) Ibid. л. л. 184—189.

[3]) Ibid. л. л. 23—25, 195—201.

[4]) А. Поповъ. op. cit стр. 100; Приказ. ст. столб. № 423. л. л. 91—92.

[5]) Этотъ эпизодъ разобранъ авторомъ статьи въ рефератѣ: „Двѣ версіи осады разинцами Макарьевскаго м-ря“, появившемся въ очередномъ Сборникѣ Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи.

ютъ считать десятками тысячъ [1]), у Павлова и на другихъ перевозахъ р. Оки все еще воры стерегутъ рейтаръ [2]).

Главная опасность очевидно надвигается съ сѣвера. II кн. Долгорукій отлично это понимаетъ; онъ посылаетъ туда обоихъ своихъ товарищей и кн. Щербатаго и Леонтьева [3]). Черезъ три, четыре дня они выдерживаютъ трудный бой подъ Мурашкинымъ [4]); бой 22-го октября богатъ результатомъ: 24-го очищено Лысково [5]), 28-го—Нижній-Новгородъ [6]).

Казалось бы весь край замиренъ, стоитъ лишь очистить переправу черезъ Оку. Послѣ возвращенія оттуда [7]), воеводы застаютъ опять весь край въ возстаніи, главные пункты его теперь спускаются южнѣе, захватывая, главнымъ образомъ, теперешній Княгининскій уѣздъ и перебрасываясь даже въ Сергачскій [8]).

Къ половинѣ ноября здѣсь опять мы видимъ внѣшнее успокоеніе [9]), но черезъ мѣсяцъ возстаніе охватываетъ южную часть теперешняго Сергачскаго уѣзда, правда уже съ меньшей силой [10]).

Какъ будто волны бунта отходятъ къ востоку и къ югу, самъ кн. Долгорукій находитъ для себя полезнѣе перевести свою квартиру южнѣе, уже внѣ предѣловъ Нижегородскаго края, въ Краснослободскъ [11]).

Но въ нашемъ краѣ, все еще отъ времени до времени вспыхиваютъ огоньки бунта, быстро утишаемые Леонтьевымъ и Данилою Барятинскимъ.

Вотъ чисто внѣшнее и притомъ очень бѣглое изложеніе Разинскаго бунта въ Нижегородскомъ краѣ, тянувшагося 3½ мѣсяца.

Но этотъ бунтъ очень интересенъ какъ учетъ опредѣленнаго момента, какъ показатель и государственныхъ силъ, и общественныхъ взаимоотношеній.

Въ этой статьѣ мы, на основаніи имѣющагося у насъ подъ

---

[1]) Приказ. ст. столб. № 423. л. л. 226—229.

[2]) А. Поповъ op. cit №№ 35, 36, стр. 120—122.

[3]) Приказ. ст. столб. № 423 л. л. 237—241.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid. л. л. 156—161.

[6]) Ibid л. л. 218—220.

[7]) Ibid. и А. Поповъ op. cit № 38 стр. 118.

[8]) Прик. ст. столб. № 423 л. л. 137—140.

[9]) Дворянинъ Левъ Ермоловъ приводитъ населеніе къ вѣрѣ и шерти. А. Поповъ op. cit № 27, стр. 109—110.

[10]) Ibid. № 45, стр. 138—139.

[11]) Ibid. № 25, стр. 104.

руками матеріала, какъ печатнаго, такъ и архивнаго [1]), постараемся освѣтить пріемы борьбы обѣихъ враждующихъ сторонъ, какъ разинцевъ, такъ и московскаго правительства.

Движеніе въ Нижегородскомъ краѣ было задумано самимъ Разинымъ подъ Симбирскомъ и создалось обычнымъ путемъ, какъ и всѣ подобныя движенія. Одинъ изъ участниковъ этого движенія, съ самаго его начала, крестьянинъ Васька Семеновъ, такъ разсказываетъ намъ объ этомъ: „...Стенька Разинъ послалъ отъ Симбирска казака Максимку Осипова и велѣлъ ему по городамъ съ воровскими прелестными письмами ѣздить и забирать въ казаки вольницу и итти съ ними воровать“ [2]).

Такъ создается ячейка соціальнаго движенія. Обычно этотъ казакъ, назначаемый атаманомъ, самъ и становится атаманомъ. Ту же картину мы видимъ далѣе: шайка Осипова, взявъ Алатырь, разбивается на отдѣльныя части — одна изъ нихъ идетъ подъ Арзамасъ, сборный пунктъ для нея село Путятино. Атаманомъ здѣсь Сенька Савельевъ. О его назначеніи говорится глухо—„велѣли ему атаману собраться въ селѣ Путятинѣ“ [3]). Мнѣ кажется мы не впадемъ въ ошибку, если это глухое „велѣли“ истолкуемъ такъ: Мак. Осиповъ назначилъ его, Савельева, атаманомъ и велѣлъ сбираться въ Путятинѣ. Вотъ параллельное мѣсто. Разинъ прислалъ подъ Саранскъ какого-то донского казака, тотъ взялъ Саранскъ и отсюда „отъ себя послалъ тюремнаго сидѣльца Ѳедьку Сидорова и велѣлъ ему быть атаманомъ“ [4]).

Эти примѣры показываютъ, что въ горячее время постоянныхъ стычекъ, кровавыхъ расправъ и не менѣе кровавыхъ усмиреній, способъ выбора атамана казацкимъ кругомъ казался громоздкимъ, его замѣняли простымъ назначеніемъ.

Эти начальные дѣятели Разинской смуты, прямые агенты его дѣла „пущіе заводчики въ воровствѣ“ прежде всего были озабочены сборомъ матеріала для бунта. Этого матеріала, озлобленнаго, недовольнаго, было всегда очень много, но онъ былъ въ скрытомъ видѣ, только въ потенціи; однако, одно появленіе этихъ

---

[1]) Статья эта основана, главнымъ образомъ, на матеріалѣ, собранномъ авторомъ въ Архивѣ Министерства Юстиціи и приготовленномъ имъ къ изданію. Кромѣ того, авторъ пользовался „Матеріалами для исторіи возмущенія Стеньки Разина“ А. Попова. М. 1857 г. и работою А. И. Соловьева: „Разинъ и его сообщники въ предѣлахъ Симбирской губерніи“. Симб. 1908.

[2]) Приказ. стол., столб. № 423 л. 162.

[3]) Ibid. л. 56.

[4]) Ibid. л. 195.

„воровскихъ казаковъ“ вызывало къ жизни это недовольство, придавало ему пока еще неопредѣленныя, но уже активныя, а значитъ, и наказуемыя въ глазахъ правительства формы—„учинилась многая шатость“, говорятъ акты.

Съ этой цѣлью опредѣлялся пунктъ будущаго сбора, къ этому пункту и собирались уже подбиваемые этими „заводчиками зла“ воровскіе люди. Частью охотно шли они сюда, частью шли поневолѣ. Вотъ яркій примѣръ того, какъ цѣлая деревня охвачена подобнымъ рвеніемъ къ воровскому дѣлу: „А хотѣли быть съ ними въ казаки изъ того села 200 человѣкъ, а тѣ же де крестьяне имъ говорили, будетъ де съ того ихъ села тѣхъ 200 человѣкъ мало, и они де всѣ пойдутъ по головамъ“ [1]). Акты то глухо, кратко указывали: „стоятъ собравшись“ или „въ сборѣ“, то распространяются и даютъ возможность почять самый процессъ этого сбиранія, агитацію со стороны главныхъ воровъ и отношеніе къ ней населенія—„и онъ де, ѣдучи исъ Сарайска, по дорогѣ собиралъ въ казаки“ [2]), „собиралъ ихъ атамановъ и есаула изъ разныхъ деревень“ [3]), „а съ тѣмъ де письмомъ онъ Андрюшка ѣздилъ по уѣзду, ималъ на воровство охочихъ людей, которые похотѣли и съ нимъ воровали“ [4]), „и въ Корсуни хотѣли ихъ казаки остановить и ставить съ собою на воровство, и они де на воровство съ ними не пошли и разошлись по домамъ“ [5]). Мы видимъ, что не малую роль играли своего рода прокламаціи „прелестныя письма“; не даромъ, при усмиреніи, правительство тщательно искало не только авторовъ, но и простыхъ копіистовъ этихъ писемъ [6]). Возбуждающе дѣйствовали и отдѣльные слухи, удачно пускаемые въ оборотъ: такъ „воры“ указывали, что самъ Разинъ, „прежде того писалъ, что ему зимовать въ Нижнемъ и тѣмъ многихъ людей на воровство прельщалъ“ [7]).

Собравшись обширными ватагами въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, разинцы тотчасъ же приступали къ дѣйствіямъ, которыя носили характеръ или прямо наступательный, или наступательно-оборонительный, или наблюдательный, или, наконецъ, путь соціальной революціи, разсѣянной по всѣмъ угламъ уѣзда, борьбы съ ненавистнымъ классомъ крѣпостниковъ.

[1]) Ibid. л. 194; имѣется ввиду село Кременки. Ардатовскаго уѣзда.

[2]) Ibid. л. 195.

[3]) Ibid. л. 200.

[4]) Ibid. л. 200.

[5]) Ibid. л. 52.

[6]) Приказ. ст., столб. № 423 л. 200—„а прелестное письмо далъ Ѳедька, а писалъ темниковскій подъячій, а какъ зовутъ, того не вѣдаетъ“.

[7]) Ibid. л. 163.

Видъ прямо наступательной борьбы со стороны бунтующихъ падаетъ на первые мѣсяцы возстанія, когда Долгорукій не въ силахъ еще двинуться на врага. Съ юга идутъ эти шайки, то становясь станами по деревнямъ, то беря приступами города, напр., въ бассейнѣ Суры: иногда сопротивленіе города очевидно совершенно фиктивное, какихъ нибудь 20 казаковъ берутъ Кочьмодемьянскъ [1]). Воеводы приходятъ, происходитъ бой, гдѣ зачастую у „воровъ“ налицо артиллерія съ пушками [2]), взятыми по городамъ, и наспѣхъ сколоченная ватага, такъ же быстро разсыпается по сторонамъ, то забиваясь въ глубь лѣсовъ, то принося по деревнямъ повинную въ своемъ воровствѣ.

Когда товарищи Долгорукова настолько расширили свою дѣятельность, что для „воровскихъ людей“ сталъ очевиднымъ перевѣсъ на сторонѣ ратныхъ людей, въ ихъ дѣйствіяхъ чувствуется больше планомѣрности, подготовленности: они прежде всего обезпечиваютъ тылъ, они образуютъ правильный станъ, окружаютъ себя рогатками. Даже въ упорномъ бою 4—5 октября, когда осмѣлѣвшіе разинцы подходили подъ самый Арзамасъ, они очевидно обезпечили себѣ тылъ засѣкой подъ селомъ Вадъ-Покровское [3]). Наученные въ рѣшительномъ Мурашкинскомъ бою, что ни одной отвагой, ни военной хитростью, ни численностью, наконецъ, ничего не возьмешь [4]), „воры“ начинаютъ устраивать цѣлый рядъ оборонительныхъ линій. Принимая бой въ Нижегородскомъ уѣздѣ у села Ключищъ, Леонтьевъ едва-ли предполагалъ, что бой будетъ столь упоренъ и столь хорошо подготовленъ со стороны бунтовщиковъ. Разбитые подъ Ключищами „воры“ бѣгутъ за первый рядъ своихъ укрѣпленій. „За селомъ, разсказываетъ самъ воевода, по большой дорогѣ сдѣлана по обѣ стороны засѣка крѣпка въ длину на версту, а поперекъ на обѣ стороны той дороги въ полуверстѣ, и въ той де засѣкѣ были воровскіе пѣшіе люди со всякимъ ружьемъ“. Засѣки разбиты пушками, „воры“ выбиты оттуда и бѣгутъ за вторую линію укрѣпленій. „Да воровскіе же казаки, описываетъ побѣдитель, большую Курмышскую дорогу всю перекопали и учинили великій ровъ и къ тому рву учинили осыпь земляную высокую и

---

[1]) Ibid. л. 68.

[2]) Въ Мурашкинскомъ бою взято у бунтовщиковъ 21 пушка (Прик. ст., столб. № 423 л. л. 239—240). Въ селѣ Чернавскомъ (теп. Сергачскаго уѣзда) у бунтовщиковъ было 4 пушки (Ibid. л. 213), и т. п.

[3]) Ibid. л. л. 184—189.

[4]) Ibid. л. л. 237—241. Отписка кн. Долгорукаго отъ 25 октября о Мурашкинскомъ боѣ.

по обѣ стороны того рва и осыпи подѣлали шанцы крѣпкія, укрѣпили большимъ колодемъ и частымъ лѣсомъ и сдѣлали дубовые большіе надолбы". Выбитые и отсюда воры бѣгутъ далѣе, къ себѣ въ главный станъ въ села Моклаково и Мигино, здѣсь они засѣли „во дворѣхъ и въ гумнѣхъ", пришлось поджечь деревни, „и воровъ многихъ въ томъ селѣ сожгли", добавляетъ воевода [1]). Позднѣе тому же Леонтьеву пришлось брать такую же засѣку подъ Селищами [2]).

Долгорукій долгое время чувствовалъ свое безсиліе и „за малолюдствомъ" не могъ посылать достаточное количество ратныхъ людей. Это прекрасно учли разинцы: они прежде всего не допускаютъ ратныхъ людей подойти на помощь къ Арзамасу, они стерегутъ Окскіе перевозы, здѣсь они разбиваютъ царскія войска, здѣсь они держатъ въ осадѣ многочисленный отрядъ рейтаръ до тѣхъ поръ, пока подходятъ къ нимъ воеводы [3]). На югѣ они задерживаютъ такимъ же образомъ ратныхъ людей изъ Шацка и Кадома [4]). Всевозможные бѣглецы и проѣзжіе доносятъ Долгорукову, что по дорогѣ, по рѣкамъ, на перевозахъ они повсюду встрѣчали заставы воровскихъ казаковъ, за ними гоняются, ихъ осматриваютъ, не гонцы ли, нѣтъ ли писемъ, и одного гонца князя Барятинскаго задерживаютъ въ Починкахъ и убиваютъ [5]). Этими мѣрами бунтовщикамъ довольно долго удавалось не пропускать въ Арзамасъ подкрѣпленій.

Но самой обычной формой борьбы было то, что мы склонны бы назвать распыленіемъ соціальной революціи — по пути шли грабежи, разоренія, помѣщичьи усадьбы уничтожались, сами помѣщики, если оказывались налицо, убивались, скотъ вырѣзался [6]), мирное, наиболѣе индифферентное населеніе убѣгало

---

[1]) Ibid. л. л. 137—140. Отчетъ Леонтьева въ отпискѣ кн. Долгорукаго отъ 16 ноября.

[2]) А. Поповъ, op. cit. № 45, стр. 138, 139.

[3]) Ibid. л. л. 29—30, л. л. 218—220; А. Поповъ, op. cit. № 38, стр. 118.

[4]) Приказ. ст., столб. № 417, л. 379. „Роспись стряпчимъ, дворяномъ и жильцомъ" полка Долгорукаго, к-ые остались въ Шацкѣ. См. также. Приказ. ст., столб. 423, л. 23.

[5]) Ibid. л. л. 209, 252.

[6]) „Забунтовали въ селахъ и деревняхъ крестьяне, помѣщиковъ и вотчинниковъ побиваютъ, а которые, государь, помѣстья и вотчины московскихъ людей, и ихъ въ тѣхъ помѣстьяхъ и вотчинахъ нѣтъ, и въ тѣхъ мѣстехъ побиваютъ прикащиковъ ихъ съ женами и съ дѣтьми, и помѣстья и вотчины ихъ разоряютъ". Ibid. л. 84. „А идучи... въ уѣздѣ... села и деревни разоряли по присылкѣ и по прелестнымъ письмамъ вора Стеньки Разина". Ibid. л. 56. „разоренья и грабежъ и убивства многіе чинилъ". Ibid. л. 212.

въ лѣса, жило въ землянкахъ [1]), болѣе активное примыкало къ „ворамъ“.

И наступательныя, и оборонительныя дѣйствія разинцевъ сопровождались актами кроваваго террора по мотивамъ и политическаго, и соціальнаго характера, чаще послѣдняго. Прежде всего уничтожали помѣщиковъ, какъ представителей враждебнаго класса крѣпостниковъ, и, если мы имѣемъ случаи избавленія отъ казни воеводъ, которыхъ населеніе „одобрило“ [2]), то подобной милости помѣщикамъ, соціальнымъ врагамъ, насколько можно видѣть изъ актовъ, не дѣлали. Администрація въ городѣ мѣнялась разинцами—царскіе воеводы и приказные люди сажались въ тюрьму [3]), казнились наконецъ (Племянниковъ въ Мурашкинѣ) [4]), а ихъ мѣста занимали другіе, напр., такъ было въ Козьмодемьянскѣ, гдѣ „казаки городъ приказали посадскому человѣку“ [5]). Накипѣвшая злоба, зачастую безвыходность положенія, дѣлали эти соціальныя движенія необыкновенно упорными, трудными, почти неуловимыми для усмиренія, и наоборотъ весьма легко возбуждаемыми вновь.

Пріемы „воровъ“ встрѣчали почти точное соотвѣтствіе и въ пріемахъ правительства—здѣсь также налицо и призывныя грамоты, гдѣ воры выставляются какъ враги общественнаго и государственнаго порядка, какъ враги религіи, наконецъ, далѣе слѣдуютъ дѣйствія, гдѣ террористическій элементъ занимаетъ видное мѣсто.

Но положеніе этихъ соціальныхъ враговъ глубоко различно, это различіе не можетъ не отразиться, конечно, на ихъ пріемахъ.

Крестьяне, бунтуя, видятъ въ своихъ помѣщикахъ своихъ враговъ и не нуждаются въ нихъ; служилые люди—помѣщики, усмиряя бунтъ, видятъ въ своихъ крестьянахъ не столько враговъ, какъ своихъ крѣпостныхъ, холоповъ и т. д., въ которыхъ они нуждаются... У первыхъ—на первомъ планѣ отрицательная дѣятельность, уничтоженіе существующаго порядка, и только въ будущемъ вырисовывается, что-то, правда положительное, но крайне туманное, скорѣе чувствуемое, чѣмъ понимаемое, то состояніе, которое они формулируютъ реченіемъ—„казацкая воля“; у вторыхъ—дѣятельность весьма положительная и очень опредѣленная—сохраненіе существующаго порядка, а значитъ сохраненіе той крѣ-

[1]) Ibid. л. 118.

[2]) Такъ одобрены были воеводы г. г. Курмыша и Ядрина. С. Соловьевъ Исторія Россіи, кн. 3-ья стр. 315. См. также Приказ. ст., столб. 423 л.л. 227, 229.

[3]) Приказ. ст., столб. № 423, л. 60.

[4]) Ibid.

[5]) Ibid. л. 68.

постной массы, которая ихъ и кормитъ и поитъ,—эти мотивы должны въ значительной степени компенсировать террористическіе пріемы правительства. Рядомъ съ угрозами и на бумагѣ, и на дѣлѣ идутъ увѣщанія, обѣщанія милости, льготы и проч.

Когда стало очевидно, что Разинское движеніе вышло изъ границъ простого казацкаго похода „за зипунами“ и выросло до размѣровъ грознаго крестьянскаго и инородческаго бунта, правительство озаботилось принятіемъ мѣръ къ болѣе энергичному противодѣйствію этому движенію.

Городовые гарнизоны были незначительны, ненадежны и дѣйствовали безъ достаточно обдуманнаго и согласованнаго плана. Только подымаясь къ Симбирску, Разинъ впервые встрѣтилъ серьезное сопротивленіе. Въ Симбирскѣ засѣлъ Милославскій, на помощь шелъ кн. Юрій Барятинскій. Это былъ товарищъ казанскаго воеводы Урусова, котораго первоначально и назначили главнокомандующимъ всѣхъ дѣйствовавшихъ въ Поволжскомъ краѣ отрядовъ, но Урусовъ велъ себя крайне вяло и позднѣе былъ замѣненъ кн. Юр. Долгорукимъ; его товарищами были кн. Щербатый, Леонтьевъ, Панинъ, кн. Данило и Юрій Барятинскіе.

Организація войскъ была обычная для того времени. Въ царской грамотѣ было указано [1]), что дворяне привлекаются на службу противъ государственнаго измѣнника („намъ вел. государю измѣнилъ“), богоотступника („отъ св. церкви отступилъ и про Спасителя... говоритъ всякія хульныя слова, церквей на Дону ставить и никакого пѣнія пѣть не велитъ и священниковъ съ Дону сбиваетъ, велитъ вѣнчаться около вербы“), соціальнаго врага („старыхъ донскихъ казаковъ, самыхъ добрыхъ людей переграбилъ и многихъ до смерти побилъ и въ воду посажалъ“). Собираемые въ Саранскѣ ратные люди разбирались здѣсь стольникомъ Алексѣемъ Еропкинымъ, но и то, и другое производилось далеко неудачно. Кн. Юрій Барятинскій, которому первому пришлось считаться съ этой медлительностью, переходящею въ преступную нерадивость, рѣзко осуждаетъ ее въ своихъ донесеніяхъ государю [2]). Въ войскѣ малолюдно: „твоихъ ратныхъ людей, конныхъ московскихъ стряпчихъ, и дворянъ, и жильцовъ, и городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, и мурзъ, и татаръ пришло немного“, „а по спискамъ у меня въ полку гораздо малолюдно;... а съ малолюдствомъ, съ та-

[1]) Примѣромъ можетъ быть грамота въ Нижній-Новгородъ. Приказ. ст., столб. № 419, л. л. 215—222.

[2]) А. И. Соловьевъ. Ст. Разинъ и его сообщники. Симб. 1908. № 3, стр. 31—32.

кимъ воромъ безъ пѣхоты въ дальныхъ мѣстѣхъ промыслу надъ нимъ учинить нельзя", „а нижегородцы, государь, многіе богатые люди въ полку не бывали"; начальныхъ людей почти нѣтъ: „а начальные люди въ полкъ ко мнѣ не бывали ни единъ человѣкъ, живутъ всѣ по деревнямъ своимъ"; разборъ Еропкина недоброкачественъ, „не противъ указу", „для своей бездѣльной корысти" онъ „великую мѣшкоту и поруху учинилъ", у себя оставилъ лучшихъ людей; списки написаны небрежно: „написаны многіе мертвые, а иные одно имя дважды и трижды написаны"; инородческія войска ненадежны: „а татарове, которые въ рейтарѣхъ и въ сотнѣхъ, служить худы, и служить съ ними не съ кѣмъ, и ненадежны, съ перваго бою изъ тѣхъ боевъ многіе утекли въ домы свои, и нельзя на нихъ на бою надѣетца, и денегъ не для чего терять, чтобъ имъ быть въ рейтарѣхъ".

Эти сѣтованія обычны и въ позднѣйшихъ донесеніяхъ Долгорукаго [1]). Онъ цѣлые мѣсяцы ждетъ подкрѣпленій: въ Переяславлѣ Залѣсскомъ и въ Переяславлѣ Рязанскомъ собираются рейтары, но въ Арзамасскій лагерь они подходятъ очень поздно.

Однако, этотъ печальный фактъ находитъ свое объясненіе и, пожалуй, оправданіе. Подчеркнемъ въ своемъ сознаніи слова Барятинскаго: „многіе утекли въ домы свои", и комментируемъ ихъ словами пензенскаго воеводы Лачинова: „мурзъ и татаръ, за которыми крестьяне есть, рубятъ и лошадей берутъ [2])". Въ такомъ положеніи были помѣщики - инородцы, не въ лучшемъ, конечно, были и русскіе помѣщики. Они и били челомъ о великой милости послать на югъ (это челобитье кадомцевъ и темниковцевъ) ратныхъ людей, такъ какъ тамъ, „въ Кадомскомъ уѣздѣ въ деревняхъ собрався, воровскіе люди женъ и дѣтей ихъ побиваютъ до смерти и домы ихъ разоряютъ [3])".

Вотъ причина, почему ратные люди, лучше приспособленные къ бою, не имѣютъ въ началѣ успѣха или успѣхъ только частичный,—ихъ было мало.

Въ началѣ Долгорукому даже приходилось принимать мѣры оборонительныя. Расположившись около Арзамаса, онъ заботится объ охраненіи города, передаетъ ему отобранныя у воровъ пушки [4]), приказываетъ содержать стражу [5]), однако, стража эта была настолько несовершенна, что допустила, какъ мы видѣли выше, во-

---

[1]) Приказ. ст., столб. № 423. л. 84.
[2]) А. И. Соловьевъ, op. cit. № 5, стр. 35.
[3]) Приказ. ст., столб. № 423, л. 257.
[4]) А. Поповъ, op. cit. стр. 101.
[5]) Приказ. ст., столб. № 423., л. 185

ровъ къ городу; случай открылъ ихъ присутствіе въ какихъ нибудь четырехъ верстахъ [1]).

Наступательныя движенія производятся, обычно, „по вѣстямъ“ самаго разнообразнаго характера: то это спеціально добытые „языки“ или схваченные на бою, подвергаемые разспросу и пыткѣ [2]), то не менѣе часто всевозможные сторонніе люди: тутъ и просто пріѣзжіе люди, и какой-то „утеклецъ изъ тюрьмы [3])“, и сбѣжавшіе со своихъ постовъ „приказные люди“, лысковскій воевода Симанскій, братъ мурашкинскаго воеводы Племянникова [4]), и тотъ, наконецъ, загадочный „человѣкъ“, который избавилъ Долгорукаго отъ внезапнаго нападенія воровъ на Арзамасъ.

Отъ обороны воеводы переходятъ къ наступленію. Наступленіе ведется и силой оружія, и силой увѣщательнаго слова, принимающаго самыя разнообразныя формы. Наоборотъ, формы военнаго наступленія очень однообразны. Отрядъ войска въ 1—5 тысячъ съ артиллеріей идетъ по вѣстямъ [5]). Подчиненному воеводѣ даются самыя общія указанія, какого нибудь опредѣленнаго плана дѣйствій ему не указывается („приказалъ ему промыслъ чинить, гдѣ возможно, надъ воровскими людьми промышлять и поиски чинить, сколько Богъ помощи подастъ [6])“.

Это тѣ же общія фразы, стереотипъ приказнаго вѣка, которыя мы встрѣтимъ и въ предписаніяхъ приказа главному воеводѣ: „надъ ворами велѣлъ промышлять и поискъ чинить, чтобъ тѣхъ воровъ искоренить и въ конецъ самихъ разорить, а чинить промыслъ, чтобъ одноконечно то учинить, чтобъ тѣхъ воровъ нигдѣ не было [7])“. Воевода встрѣчаетъ воровъ, завязывается бой, гдѣ наскоро сколоченные, сбитые прямо изъ-за сохи, ватаги лапотниковъ болѣе или менѣе скоро уступаютъ натиску московскихъ войскъ [8]). Однако, можно было бы указать рядъ боевъ, гдѣ побѣда не такъ то легко далась воеводамъ [9]).

[1]) Ibid. л. л. 185, 186.

[2]) Примѣровъ очень много, хотя бы ibid. л. л. 195—201.

[3]) Ibid. л. 85.

[4]) Въ одной отпискѣ начала октября кн. Юр. Долгорукій на запросъ изъ Москвы перечисляетъ рядъ вѣстовщиковъ, пересланныхъ имъ въ Москву. Ibid. л. 60.

[5]) Таково, напр., движеніе кн. Щербатаго къ селу Чернавскому (1200 чел. при 6 пушкахъ). Ibid. л. 213.

[6]) Ibid. л. л. 85, 213, 214.

[7]) Ibid. л. 214 об.

[8]) Хотя бы вышеприведенное наступленіе кн. Щербатаго на Чернавское. Ibid. л. 213.

[9]) Напр., бои Леонтьева, послѣ его похода къ окскимъ перецравамъ. Ibid. л. л. 137—140.

Иногда этому военному походу, карательной экспедиціи своего рода, предшествовалъ рядъ дѣйствій, носившихъ характеръ увѣщанія. Въ край ,охваченный волненіемъ, „замотавшійся“, посылалась небольшая депутація, въ составъ которой почти всегда входило духовное лицо [1]). Эта депутація шла не съ пустыми руками, ее снабжали „обнадеживальными“ грамотами. Эти грамоты шли отъ царя и патріарха; они увѣщевали крестьянъ отпасть отъ „прелести“ и воровскихъ присыльщиковъ не слушать. Въ этомъ и выражалось „милостивое обнадеживанье“; далѣе, уже на словахъ, эти посланцы должны были пригрозить отъ лица воеводы „а буде они милостивому указу учинятся непослушны, и пошлю я (воевода) на нихъ ратныхъ людей и велю ихъ во всякое разореніе предать безо всякія пощады“. Такъ соединялись и дружно уживались рядомъ сомнительная „милость“ съ несомнѣнною „осудою“ [2]). Но сверхъ этого у посланцевъ была особая миссія все разузнать, „довѣдатца подлинно, что у нихъ противъ тѣхъ грамотъ какихъ мыслей будетъ“.

Подобныя депутаціи весьма различно встрѣчались по деревнямъ, сообразно съ тѣмъ, на сколько дѣйствія воеводъ по сторонамъ расчистили имъ дорогу. Раннія депутаціи, вмѣсто мирной картины раскаявшихся поселянъ, натыкались на разбойничью засѣку, гдѣ ихъ постигли разныя непріятности: на ихъ глазахъ государевы грамоты разодрали, ихъ самихъ „били, хотѣли пытать, головы отсѣчь“ и до поры до времени посадили подъ караулъ, откуда имъ, правда, иногда удавалось бѣжать [3]).

Совсѣмъ другая картина получалась, если посылка была своевременна, если почва ей была подготовлена слухами о ратныхъ успѣхахъ воеводъ. Въ такомъ случаѣ посланцы спокойно „передъ всѣми людьми“ грамоту „чли“, и эти люди покорно, иной разъ даже „съ великою плачью“, били челомъ и давали свои челобитья за руками своихъ отцовъ духовныхъ [4]). Этотъ процессъ добиванія челомъ велъ за собою другую процедуру, которая въ глазахъ московскаго правительства довершала усмиреніе края, приведеніе къ присягѣ [5]). Къ этому клонились мѣры правительства и послѣ дѣйствительнаго усмиренія. Но имъ обычно въ этихъ случаяхъ предшествовали сцены тяжелыхъ репрессій, бѣлаго террора.

---

[1]) Ibid. л. л. 87—89.
[2]) Ibid. л. л. 87—89, 184—185.
[3]) Ibid. л. л. 184,—185.
[4]) Ibid. л. л. 87—89.
[5]) А. Поповъ, op. cit. № 27, стр. 109, 110.

Современникъ иностранецъ, симпатіи котораго замѣтно на сторонѣ правительства, даетъ яркую, пожалуй, мѣстами преувеличенную, картину этихъ репрессій. „На это мѣсто было страшно смотрѣть, пишетъ онъ, оно походило на преддверіе ада. Кругомъ стояли висѣлицы; на каждой изъ нихъ висѣло человѣкъ 40, 50. Въ другомъ мѣстѣ валялось множество обезглавленныхъ, плавающихъ въ крови. Въ разныхъ мѣстахъ находились посаженные на колъ, изъ коихъ немало оставалось живыми до трехъ сутокъ, и слышны были ихъ голоса. Въ три мѣсяца отъ рукъ палачей погибло, по судебному приговору, по выслушаніи свидѣтельскихъ показаній 11 тысячъ человѣкъ“ [1]).

Въ этихъ словахъ, въ этой оригинальной статистикѣ, если хотите и вѣрной, и невѣрной, въ этихъ представленіяхъ о судѣ— сразу чувствуется западно-европеецъ, можетъ быть англичанинъ, столь далекій отъ дѣйствительной русской жизни.

При свѣтѣ подлинныхъ актовъ, воеводскихъ отписокъ, распросныхъ рѣчей, эти свѣдѣнія иностранца получаютъ реальныя формы, чисто русскій колоритъ.

Приказное правительство само намѣчало пріемы репрессій, при которыхъ терроръ долженъ возымѣть желательные результаты: „а которые воровскіе казаки взяты будутъ въ языцѣхъ, и у самыхъ пущихъ воровъ и заводчиковъ руки и ноги сѣчь и вѣшать въ тѣхъ городѣхъ и уѣздѣхъ, гдѣ кто воровалъ, по примѣтнымъ мѣстамъ“ [2]). Въ этомъ выражался такъ сказать первый пунктъ программы усмиренія, но на дѣлѣ его примѣнять не удавалось. Развозить воровъ по селамъ, гдѣ ихъ хорошо знали, гдѣ они заводили воровство, и казнить ихъ тамъ въ назиданіе другимъ— порою было совсѣмъ невозможно, такъ какъ это было не безопасно, среди поголовно возставшаго населенія, да и время и люди были достаточно дороги, чтобы отвлекать ихъ на это. Такъ и отписывалъ царю Долгорукій, указывая, что проводить въ жизнь этотъ видъ репрессіи не удавалось, „а въ тѣ городы и въ уѣзды, гдѣ кто воровалъ послать намъ, холопемъ твоимъ, къ Симбирску и на Алаторь и въ иные городы и уѣзды опасно, потому что воровскіе люди въ тѣхъ мѣстахъ стоятъ въ сборахъ [3])“.

Послѣ боя, послѣ упорнаго сопротивленія важно было немедленно произвести впечатлѣніе на населеніе кровавой расправой,

---

[1]) „Извѣстіе, касающееся подробностей бунта, недавно поднятаго въ Московіи Стенькою Разинымъ 1672 г.“, пер. А. Станкевичемъ. М. 1895 г. стр. 12.

[2]) Приказ. ст., столб. № 423, л. 59.

[3]) Ibid. л. 61.

массовымъ избіеніемъ, это впечатлѣніе усиливалось еще индивидуализаціей казней: „тѣхъ воровъ за ихъ воровство велѣли казнить смертью, отсѣчь головы, а иныхъ повѣсить, а инымъ отсѣчь руки и ноги, а туловища повѣсить, а трехъ человѣкъ посадить на колъ, а 14 человѣкъ биты кнутомъ и отсѣчено имъ по пальцы“ [1]).

Но для того, чтобы произвести впечатлѣніе на толпу, для цѣлей чистаго террора, сходили и рядовые воры, „заводчиковъ пущаго зла“, атамановъ, есауловъ берегли для разспросныхъ рѣчей. Ихъ воеводы посылали въ Арзамасъ, гдѣ ихъ распрашивали „съ пристрастіемъ“, „пытали и огнемъ жгли“, и послѣ не безъ нѣкоторой торжественности казнили—ихъ съ позоромъ водили по городу, показывали всѣмъ арзамасцамъ, а потомъ казнили, чаще всего отсѣкали голову, насаживали ее на длинную спицу, а тѣло рубили на части и разбрасывали ихъ по кольямъ [2]).

Мнѣ и кажется, что иностранецъ далъ сгущенную суммированную картину этихъ репрессій, онъ всѣ казни, пытки, всѣ пріемы усмиренія, имѣвшіе мѣсто по уѣздамъ, свелъ въ своемъ изложеніи для усиленія эффекта въ Арзамасѣ, въ это „преддверіе ада“. по удачному выраженію его.

Но пріемы усмиренія варіировались, шли дальше, касались и тѣхъ, кто только косвенно, иной разъ только слегка были причастны бунту; не мало здѣсь страдало должно быть и совершенно невинныхъ. Терроризированное населеніе само хватало и выдавало ратнымъ людямъ тѣхъ, за кѣмъ еще такъ недавно шло, какъ послушное стадо; здѣсь, конечно, могли разыграться дурныя страсти, личная ненависть, могли пострадать люди безвинные [3]). Это „приводные“ люди: здѣсь и знаменитая „воръ еретикъ-старица“, слухи о которой дошли до иностранца, и какой-то попъ, „вѣ-

---

[1]) Ibid. л. 157.—158. Вотъ еще примѣры рѣзкихъ репрессій со стороны правительства. Полуголова московскихъ стрѣльцовъ Карандѣевъ усмирялъ бунтъ на Ветлугѣ; всего наказано имъ 82 человѣка: 9 повѣшано, 14 биты кнутомъ съ членовредительствомъ (рѣжутъ уши, руки, пальцы), 59 биты кнутомъ и въ проводку (Ibid. л. л. 106—116). Это такъ сказать сыскъ по свѣжему слѣду. Но сыскъ продолжался и позднѣе уже послѣ усмиренія. Такъ въ Нижегородскомъ уѣздѣ до января казнено 86 человѣкъ: 29 казнены смертью, 13—биты кнутомъ и изувѣчены, 44—просто биты кнутомъ (Прик. ст., столб. № 441, л. л. 277—278).

[2]) Прик. ст., столб. № 423, л. л. 56—213.

[3]) До насъ дошло нѣсколько извѣтовъ на бунтовщиковъ, воровъ и становщиковъ. Такъ, напр., въ извѣтѣ духовенства и крестьянъ троицкихъ селъ Варварскаго и Андрейкова указано 23 вора, 11 бунтовщиковъ и 2 становщика. Москов. ст., столб. № 441, л. л. 195, 196, 230.

домый воръ“ [1]), но здѣсь же рядомъ съ ними просто „люди“; вся вина ихъ только въ томъ, что „въ село пришелъ невѣдомо откуда“. Всѣхъ „приводныхъ“ людей ждала одна участь—пытка, огонь, а дальше казнь. Наказывались и тѣ, которые помогали ворамъ, „у которыхъ воровскимъ людѣмъ были станы, и хлѣбъ имъ давали, и къ воровству приставали [2]). Деревни, гдѣ скрывались бѣжавшіе съ боя воры, выжигали [3]).

Должно думать, наконецъ, что безчинство, постой ратныхъ людей въ конецъ разоряли населеніе; отъ нихъ оно бѣжало въ лѣса, пряталось въ землянки, обращалось къ воеводѣ дать оберегательныя письма. Съ этой просьбой обращаются къ Долгорукому и изъ Покровскаго Вадъ и изъ далекаго Лыскова, отовсюду слышится просьба-жалоба: „отъ ратныхъ людей избѣжали“, „домовъ своихъ не знаютъ“, „чтобы ихъ твоимъ ратнымъ людямъ сѣчь и разорять не велѣть“, „не велѣлъ мирскихъ людей побить и разорять“ [4]).

Эти оберегательныя письма—лучшее доказательство, что терроръ воеводъ и ратныхъ людей захватывалъ самые широкіе слои населенія, глубоко отражался на ихъ благополучіи и въ конечномъ счетѣ даже вредилъ самому дѣлу усмиренія.

Когда край казался успокоеннымъ, повсюду разсылались гонцы съ требованіемъ „добивать челомъ государю“, чтобы потомъ принесшіе повинную были приведены къ присягѣ—„православные къ вѣрѣ по чиновной книги“, а инородцы „по шерти“. Иногда, должно быть для особой торжественности, нѣсколько выборныхъ изъ села вызывались въ Арзамасъ присягать при бояринѣ [5]). Однако, подобная присяга на дѣлѣ еще не гарантировала спокойствія: Терюшевскій край весь присягнулъ послѣ побѣдоноснаго похода Щербатаго и Леонтьева подъ Мурашкино и Нижній, но столь же единодушно онъ возсталъ при возвращеніи Леонтьева изъ-подъ Павлова [6]), и правъ былъ кн. Данило Барятинскій говоря, „тѣмъ, государь, вѣрить еще не мочно“ [7]). Но

---

[1]) А. Поповъ, op. cit. № 26, стр. 107, 108.

[2]) Ibid. № 31, стр. 114.

[3]) Такъ были выжжены села Мигино и Моклаково (Васильскаго у.), гдѣ скрывались бѣжавшіе отъ Леонтьева бунтовщики. Прик. ст. столб. № 423, л. 139; смотри также А. Поповъ, op. cit. № 45 стр. 140.

[4]) Прик. ст., столб. № 423, л. л. 57, 238.

[5]) Ibid. л. 160.

[6]) Ibid. л. 218—220; см. подобный же случай у А. Попова, op. cit., стр. 79.

[7]) Ibid. № 7, стр. 77.

подъ конецъ наступило дѣйствительное успокоеніе; сбитые со всѣхъ позицій, остающіеся воровскіе казаки спускались „до дому“, къ югу, населеніе выходило изъ деревень съ крестными ходами [1]), вылавливало „заводчиковъ злу“ [2]), и, что въ глазахъ Долгорукаго являлось лучшей гарантіей успокоенія, „изъ тѣхъ мѣстъ и изъ помѣстій и вотчинъ начали возить къ нимъ хлѣбные и всякіе запасы“ [3]).

---

[1]) Приказ. ст., столб. № 423, л. 57.
[2]) Ibid. л. 160.
[3]) Ibid. л. 189.

А. Грушка.

Полстранички изъ исторіи культуры.

Sprachforschung, der ich anhänge und von der ich ausgehe, hat mich doch nie in der Weise befriedigen können, dass ich nicht immer gern von den Wörtern zu den Sachen gelangt wäre.

Jakob Grimm.

Crescit profecto apud me certe tractatu ipso admiratio antiquitatis.

Plin. h. n. XXVII 1.

Не такъ давно одинъ видный русскій натуралистъ, говоря о 250-й годовщинѣ основанія Лондонскаго Королевскаго Общества [1]), остановился, между прочимъ, на девизѣ этого Общества: Nullius in verba, назвалъ его „боевымъ кличемъ“ и перевелъ слѣдующимъ образомъ: „«ничего въ словахъ» или, вѣрнѣе, „«слова—ничто»“, разъясняя тутъ же, что этимъ девизомъ Общество „противъ слова выдвинуло свой лозунгъ—опытъ“.

Слова—ничто! Не только для лингвиста или филолога, но и вообще для представителя любой изъ тѣхъ наукъ, которыя принято называть гуманитарными, такой девизъ оказался бы равносильнымъ смертному приговору. Неужели, однако, Британцы, вообще не склонные къ фанатизму и умѣющіе, быть можетъ, болѣе, чѣмъ любой другой народъ, уважать чужія мнѣнія, дѣла и интересы [2]), могли вынести такой смертоносный приговоръ, да еще сдѣлать его девизомъ мирной ученой корпораціи? По счастью для нихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—для гуманизма, на этотъ вопросъ можно

---

[1]) См. „Русск. Вѣд.“, Обзоръ за 1912 г., 64 сл.

[2]) Впрочемъ, таковъ былъ завѣтъ и античнаго гуманизма: напомню хотя бы стихъ изъ Горація̈ва посланія (Epist. I 1, 81): Esto aliis alios rebus studiis que teneri, хотя и находящійся въ довольно несерьезной обстановкѣ, но выражающій несомнѣнно серьезную мысль.

дать безусловно отрицательный отвѣтъ. Любой филологъ безъ труда вспомнитъ, что девизъ *nullius in verba* извлеченъ Британцами (никогда, кстати сказать, не чуждавшимися классическаго міра) изъ извѣстнаго Гораціева стиха (Epist. I 1, 14): *Nullius* addictus iurare *in verba* magistri и имѣетъ совсѣмъ не то значеніе, какое ему придалъ русскій естествовѣдъ, а является предостереженіемъ, чтобы люди вообще, а ученые тѣмъ болѣе, не слѣдовали слѣпо за чужими словами (или мнѣніями), а провѣряли все сами—путемъ ли опыта или умозрѣнія—безразлично (или—лучше сказать—смотря по обстоятельствамъ). И такъ это—призывъ не къ опытному методу во что бы то ни стало, а къ самостоятельности мышленія [1]), призывъ, заключающій въ себѣ хотя и болѣе мирный, но зато гораздо болѣе широкій и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе глубокій смыслъ, чѣмъ тотъ, который предполагается „боевымъ кличемъ“: слова—ничто. Къ тому же несостоятельность этого послѣдняго, по злой иронiи судьбы, обличается какъ разъ тѣмъ прискорбнымъ недоразумѣніемъ, которое легло между Британскимъ Обществомъ и его русскимъ почитателемъ, благодаря неосторожному отношенію одной изъ этихъ двухъ сторонъ къ слову [2]).

[1]) Тотъ же призывъ, но въ болѣе пространной формѣ, мы находимъ, напр., и у другого знаменитаго римскаго гуманиста—Цицерона: см. de nat. deor. I, 10: Non... tam auctoritatis in disputando, quam rationis momenta quaerenda sunt. Quin etiam obest plerumque iis, qui discere volunt, auctoritas eorum, qui se docere profitentur: desinunt enim suum iudicium adhibere, id habent ratum, quod ab eo, quem probat, iudicatum vident. Nec vero probare soleo id, quod de Pythagoreis accepimus, quos ferunt, si quid affirmarent in disputando, quum ex eis quaereretur, quare ita esset, respondere solitos: ipse dixit: ipse autem est Pythagoras. Tantum opinio praeiudicata poterat, ut etiam sine ratione valeret auctoritas. Итакъ это—протестъ противъ auctoritas во имя ratio. Не это ли мѣсто носилось въ умѣ Горація, когда онъ писалъ свой извѣстный стихъ? Сопоставленіе *auctoritas* и *ratio*, пріуроченное здѣсь къ области идей, широко примѣнялось античными учеными и къ области языка: ср., напр., разсужденія Варрона въ одномъ изъ фрагментовъ Disciplinarum liber I (см. ed. Goetz fr. 109 p. 227 sq. и указанныя тамъ параллели).

[2]) Съ прискорбіемъ припоминаю другой случай—притомъ, также изъ юбилейной области—когда филологическая ученость или, скорѣе, образованность Англичанъ (или Ирландцевъ) привела къ недоразумѣніямъ на русской почвѣ. Дублинскій университетъ, привѣтствуя Общество Любителей Россійской Словесности по поводу столѣтія со дня рожденія Гоголя краснорѣчивымъ латинскимъ адресомъ (см. „Гоголевскіе дни въ Москвѣ“, 241), между прочимъ отмѣтилъ въ нашемъ великомъ писателѣ gravitas lepore levi condita, что значитъ „серьезность, приправленная мягкимъ юморомъ“, тогда какъ русскій переводчикъ этого адреса (увы! не естествовѣдъ, а филологъ),

Оскорбленное слово отомстило за себя въ данномъ случаѣ съ поистинѣ эпиграмматической жестокостью [1])...

Для представителя гуманитарныхъ наукъ тезисъ „слова—ничто“ является впрочемъ не столько смертнымъ приговоромъ, сколько просто глубоко-неправильной мыслью, которая объясняется какъ запоздалый плодъ борьбы противъ схоластики, не только пользовавшейся, но и злоупотреблявшей словомъ. Достаточно вспомнить злостные выпады на эту тему Гетевскаго Мефистофеля и между прочимъ его ироническое замѣчаніе:

Gewöhnlich glaubt der Mensch, wenn er nur Worte hört.
Es müsse sich dabei doch auch was denken lassen.

Въ дѣйствительности однако, здѣсь, какъ часто и въ другихъ случаяхъ, Durchschnittsmensch оказывается совершенно правымъ, такъ какъ за любымъ словомъ скрывается если не реальный фактъ или явленіе, то, въ худшемъ случаѣ, извѣстное представленіе человѣческаго ума, что для историка культуры всегда имѣетъ бо́льшую или меньшую цѣнность.

Уже античная наука ясно сознавала это [2]), и, напр., читая

выступавшій на этотъ разъ, по счастью, не въ стѣнахъ Московскаго университета (см. ibid. 86), передалъ эту характеристику словами „вѣскость (sic), скрытая (sic!) за мягкимъ и изящнымъ юморомъ“, не только не разобравшись въ синтактической конструкціи даннаго словосочетанія, но и—horribile dictu—смѣшавъ по созвучію два совершенно различныхъ глагола — condire и condere.... Спѣшу оговориться, что я одинаково далекъ отъ мысли обобщать этотъ курьезъ какъ въ цѣляхъ характеристики русской филологіи вообще, высокія заслуги которой все болѣе и болѣе становятся общепризнанными, такъ и того превосходнаго во всѣхъ отношеніяхъ изданія, изъ котораго заимствованъ этотъ „устрашающій примѣръ“ филологической безпомощности.

[1]) Совсѣмъ иное отношеніе къ „словамъ“ обнаружилъ высокоталантливый русскій натуралистъ С. А. Усовъ въ своей превосходной рѣчи, произнесенной 12 Января 1877 г. въ Московскомъ Университетѣ на тему о единорогахъ, гдѣ, между прочимъ, этотъ замѣчательный по широтѣ своихъ научныхъ интересовъ ученый справедливо говоритъ, что „безъ помощи филологовъ ....зоологу нѣтъ средства рѣшить и такую маленькую задачу“ и съ чувствомъ удовлетворенія отмѣчаетъ, что „въ Universitas litterarum сталкиваются филологъ съ зоологомъ“, причемъ изъ контекста ясно, что это столкновеніе отнюдь не представлялось ему „боевымъ“.

[2]) Съ другой стороны, культъ словесной формы, существовавшій въ классической древности, отнюдь не мѣшалъ античнымъ писателямъ признавать, что слова должны прикрывать нѣчто реальное: ср. Hor. Ars poet. 311: Verba.. provisam rem non invita sequentur, каковой стихъ является какъ извѣстно, реминисценціей знаменитаго изреченія Катона Старшаго: rem tene, verba sequentur.

монументальную „Естественную Исторію“ Плинія Старшаго, мы сталкиваемся съ многочисленными попытками извлечь изъ данныхъ языка выводы отчасти для естествознанія, а главнымъ образомъ для культурной исторіи. Особенно любопытна въ этомъ отношеніи 3-я глава XVIII книги, гдѣ приводится цѣлый рядъ интересныхъ комбинацій этого рода [1]). Желая доказать раннее развитіе на Италійскомъ полуостровѣ сельскохозяйственной культуры, Плиній апеллируетъ къ собственнымъ именамъ Pilumnus, Piso, Fabius, Lentulus, Cicero, Bubulcus (§ 10), обращаетъ вниманіе на термины confarreatio (ibid.), locuples, pascua (§ 11), ludi Bubetii (§ 12), adoria (§ 14) и въ концѣ концовъ высказываетъ слѣдующій знаменательный афоризмъ (ibid.): Equidem ipsa etiam verba priscae significationis admiror, причемъ весь контекстъ ясно показываетъ, что корень этого преклоненія Плинія передъ старыми латинскими словами лежитъ не въ тѣхъ или другихъ литературно-эстетическихъ эмоціяхъ писателя-архаиста [каковымъ, кстати сказать, Плиній никогда не былъ] [2]), а въ любознательности естествовѣда и культурнаго историка. Сопоставленіе этого „классическаго“ афоризма съ „боевымъ кличемъ“ современнаго натуралиста, по характерному недоразумѣнію отодвинувшаго его въ 17-й вѣкъ, представляется весьма любопытнымъ, и мнѣ думается, что въ этомъ разногласіи истина на сторонѣ античнаго естествовѣда [3]).

---

[1]) Ср. еще напр. VIII 304 (о галльскомъ происхожденіи матрацовъ), XVIII 72 (hordearii), 83 (puls: pulmentarium), XIX 50 (наблюденія надъ терминологіей въ законахъ XII таблицъ), XXI 48 (нѣкоторые факты изъ области ботаники), XXVIII 141 (axungia), XXXIII 133 (aes alienum и cognomen Dives; ср. также XXXIV 1). Любопытны также замѣчанія Плинія о подагрѣ въ связи съ терминологіей этой болѣзни (XXVI 100).

[2]) Правда, отъ нѣкоторыхъ эпизодовъ у Плинія вѣетъ стариннымъ стилемъ Катона Старшаго, но это объясняется какъ естественный результатъ усерднаго изученія Плиніемъ этого автора (ср. *Ed. Norden*, Antike Kunstprosa I, 314 сл.), который интересовалъ его содержаніемъ своихъ произведеній.

[3]) Нельзя, съ другой стороны, сказать, чтобы античное естествознаніе (въ широкомъ смыслѣ этого слова) принципіально отрицало значеніе опыта: напомню, напр., знаменательное свидѣтельство Петронія (с. 88), что Democritus aetatem inter experimenta consumpsit, или категорическое заявленіе Цельса въ предисловіи къ его извѣстному медицинскому труду: verum... est ad ipsam curandi rationem nihil plus conferre, quam experientiam. А вотъ что говоритъ римскій „риторъ“ Квинтиліанъ (De instit. orat. XII 2, 7): Ego illum quem instituo Romanum quendam velim esse sapientem, qui *non secretis disputationibus, sed rerum experimentis* atque operibus vere civilem virum

Еще раньше Плинія Старшаго другой знаменитый римскій энциклопедистъ, Варронъ, нерѣдко, и при томъ иногда съ большимъ успѣхомъ, пользовался тѣмъ же самымъ методомъ проникновенія при помощи анализа словъ въ область исторической и доисторической культуры.

Оба, лучше всего извѣстныя намъ, его сочиненія. De lingua latina и De re rustica, заключаютъ въ себѣ довольно длинный рядъ замѣчаній и разсужденій по этимъ вопросамъ. Такъ, напр., въ IX книгѣ перваго изъ этихъ двухъ трактатовъ, защищая аналогизмъ структуры языка отъ нападокъ аномалистовъ, Варронъ систематически апеллируетъ къ „природѣ вещей“ и—вслѣдъ за стопками—утверждаетъ, что всѣ указываемыя аномалистами отступленія отъ аналогистическаго принципа объясняются тѣмъ, что языкъ отражаетъ формально то, что реально существуетъ въ природѣ (см. §§ 38, 62, 66, 67, 68, 72, 74; ср. также VIII § 10), причемъ дѣлаетъ ряъ чрезвычайно тонкихъ и мѣткихъ замѣчаній по поводу того, что въ языкѣ находятъ отраженіе не только (или, пожалуй, не столько) реальные факты природы, какъ таковые, сколько субъективное къ нимъ отношеніе человѣка (ср. въ особенности его замѣчанія объ equos: equa, corvos и columba: columbus въ § 56 [1]) и о различіи въ собственныхъ именахъ свободныхъ гражданъ и рабовъ—въ § 59). Еще ближе къ вопросу

---

exhibeat, рекомендуя воздержаніе отъ отвлеченныхъ разсужденій и приглашая къ наблюденіямъ и опытамъ надъ реальными явленіями. Полагаю, что этотъ тезисъ могъ бы удовлетворить не только русскаго натуралиста, но и его анонимнаго англійскаго единомышленника изъ газеты Лондонскаго City, къ поддержкѣ котораго онъ прибѣгаетъ (ibid.) въ своей энергичной борьбѣ противъ классическаго міра и классической школы. Кстати: тотъ самый императоръ Вильгельмъ, который теперь наноситъ такіе жестокіе удары гуманитарной культурѣ, лѣтъ 15 тому назадъ выступилъ съ нашумѣвшимъ въ то время походомъ противъ главнаго разсадника этой культуры—классической школы. Одинъ мелкій эпизодъ въ этой борьбѣ, тогда, насколько я знаю, не обратившій на себя вниманія, заслуживаетъ быть отмѣченнымъ. А именно: въ той залѣ, гдѣ германскіе педагоги обсуждали поставленный императоромъ вопросъ о необходимости ввести классицизмъ въ скромныя рамки, былъ выставленъ его портретъ съ латинской надписью: hoc volo, sic iubeo. Эти на первый взглядъ гордыя и величавыя слова являются несомнѣнной (хотя, быть можетъ, и безсознательной) цитатой изъ Ювенала (VI 223), но дѣло въ томъ, что римскій сатирикъ вложилъ ихъ въ уста женщины-тиранки, издѣвающейся надъ беззащитными рабами. Вдобавокъ къ этому непосредственно послѣ данныхъ словъ слѣдуетъ уже прямо циничная сентенція: sit pro ratione voluntas. Затрудняюсь сказать, чего больше въ этомъ эпизодѣ,—трагической ироніи или пророческаго символизма...

[1]) Ср. по этому поводу сказанное мною въ „Этюдахъ по латинск. именному основообразованію“, 152 прим. 3.

о соотношеніи культурныхъ и языковыхъ явленій и фактовъ подходитъ Варронъ въ трактатѣ De re rustica. Такъ, напр., въ 1-й главѣ II книги (§ 10) изъ такихъ именъ, какъ Porcius, Ovinius, Caprilius, Equitius, Taurius и т. п., дѣлается выводъ о развитіи скотоводства въ древнѣйшемъ Лаціумѣ, а нѣсколько дальше (§ 11) утверждается (совершенно справедливо), что omnis pecuniae pecus fundamentum. Въ самомъ концѣ той же книги (гл. 11, § 9), говоря о словѣ vellus—„руно“, Варронъ замѣчаетъ: ex (quo) vocabulo animadverti licet prius lanae vulsuram, quam tonsuram inventam и дальше прибавляетъ слѣдующій любопытный, и притомъ уже вполнѣ „реальный“ аргументъ (§ 10): olim tonsores non fuisse adsignificant antiquorum statuae, quod pleraeque habent capillum et barbam magnam. Въ началѣ 3-й главы III книги (§ 2) Варронъ говоритъ: Leporaria te accipere volo non ea, quae tritavi nostri dicebant, ubi soli lepores sunt, sed omnia saepta, adficta villae, quae sunt et habent inclusa animalia, quae pascantur. Совершенно ясно, что реальное значеніе leporarium, возстановляемое Варрономъ для эпохи tritavi, является результатомъ теоретической реконструкціи на основаніи этимологическаго анализа даннаго термина. Въ концѣ той же главы, разсуждая о рыбоводствѣ, Варронъ спрашиваетъ (§ 10): Non propter has (sc. piscinas) appellati Sergius Orata et Licinius Murena? [1])

---

[1]) Замѣчу, что вообще древніе грамматики интересовались ономатологіей съ семасіологической стороны: ср. напр., Quint. Instit. I 5, 25 sq., а также любопытныя разсужденія Макробія Saturn. I, cap. 6. Что далеко не всѣ культурно-лингвистическія построенія античныхъ ученыхъ могутъ быть признаны объективно-правильными, едва-ли нужно подробно доказывать. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже принципіальная постановка вопроса о res и verba не выдерживаетъ критики. Укажу, напр., на слѣдующій курьезный (хотя и не лишенный своеобразнаго остроумія) эпизодъ изъ поэмы Лукреція (I, 891 сл.). Полемизируя противъ Анаксагоровой теоріи ὁμοιομέρεια, Римскій поэтъ-натурфилософъ указываетъ на то, что сходство вещей по составу элементовъ не исключаетъ существеннаго ихъ различія въ томъ случаѣ, если эти элементы находятся въ невполнѣ тожественномъ соединеніи и динамическомъ соотношеніи между собой; таковы, напр., дерево и огонь (lignum и ignis): хотя при треніи дерева о дерево и получается огонь, что̀ свидѣтельствуетъ о наличности въ деревѣ огненныхъ частицъ, тѣмъ не менѣе утвержденіе, что дерево состоитъ лишь изъ этихъ послѣднихъ, было бы нелѣпо. Quo pacto, продолжаетъ Лукрецій (ст. 906 сл.), verba quoque ipsa Inter se paulo mutatis sunt elementis, Cum *ligna* atque *ignes* distincta voce notamus. Впрочемъ, весьма возможно, что Лукрецій въ

Новѣйшая наука въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, возродила античные завѣты, и въ настоящее время можно говорить о цѣлой отрасли знанія, которая на основаніи лингвистическаго анализа словъ стремится возстановить культурно-историческіе факты. Работы *Гена* (Hehn), *Шрадера*, *Брадке*, *Мерингера* и др. ученыхъ дали въ этомъ направленіи рядъ существенныхъ результатовъ, а недавно (съ 1909 г.) возникшій спеціальный журналъ Wörter und Sachen [1]) привлекъ къ разработкѣ вопросовъ этой категоріи цѣлую плеяду научныхъ дѣятелей.

Въ началѣ перваго тома этого журнала помѣщена статья *Мерингера*, посвященная группѣ словъ, относящихся къ спеціальной области размельченія зернового хлѣба въ ступѣ [2]). Къ этой статьѣ я считаю необходимымъ сдѣлать рядъ дополненій, изъ коихъ нѣкоторыя введутъ насъ въ область культурно-историческихъ реконструкцій на почвѣ отчасти лингвистическаго, отчасти филологическаго анализа.

Основнымъ латинскимъ терминомъ, обозначающимъ указанное дѣйствіе размельченія, является гл. *pinsere*, отъ котораго образовано nomen agentis *pistor*, рядомъ съ каковымъ существовали также варіанты *pinsor* и *pinsitor*, изъ которыхъ первый засвидѣтельствованъ между прочимъ въ слѣдующей любопытной и для историка культуры замѣткѣ Сервія къ Verg. Aen. I 179: Quia apud maiores nostros molarum usus non erat, frumenta torrebant et ea in pilas missa pinsebant, et hoc erat genus molendi, unde et pinsores dicti sunt, qui nunc pistores vocantur,

---

данномъ случаѣ не шелъ дальше признанія лишь *общаго* параллелизма между сходствомъ звуковыхъ элементовъ въ словахъ и атомовъ въ тѣлахъ (или вещахъ), о которомъ онъ говоритъ и I, 817 сл. (ср. кромѣ того II, 687 сл., 1010 сл.), а примѣръ *lignum* и *ignis* является не болѣе, какъ нарочито подобранной *спеціальной* иллюстраціей, которая опредѣлила собой и реальное содержаніе эпизода I, 891 сл.—въ духѣ одного изъ характерныхъ пріемовъ Лукреціевой поэтики (кстати сказать, до сихъ поръ ждущей своего изслѣдователя).—Съ другой стороны, въ связи съ разсмотрѣнными выше (въ текстѣ) разсужденіями римскихъ ученыхъ интересно отмѣтить и тотъ фактъ, что эти же ученые уже вполнѣ ясно сознавали тѣсное соотношеніе между лингвистическими и культурными заимствованіями у чужихъ народовъ: напомню, напр., важное замѣчаніе Квинтиліана (I 5, 55): Verba aut latina aut peregrina sunt. Peregrina porro ex omnibus prope dixerim gentibus *ut instituta etiam multa venerunt.*

[1]) Изъ котораго мною заимствованъ первый эпиграфъ къ настоящей статьѣ.

[2]) *Rudolf Meringer*, Die Werkzeuge der pinsere-Reihe und ihre Namen (Keule, Stampfe, Hammer, Anke), 3 сл.

а второй — извѣстенъ изъ Gramm. lat. VI 18,5 (ed. Keil). Что касается морфологической стороны дѣла, то варіанты *pistor* и *pinsor* относятся между собой такъ же, какъ напр., осск. *censtur* и лат. *censor* [1]), а варіанты *pistor* и *pinsitor* могутъ быть сопоставлены съ такими дублетами, какъ напр., *plausor*: *plauditor* (CRL. II 579, 36), *cultor*, *colitor* (ср. CIL III 8147) и т. п. [2])

Pistor первоначально обозначало человѣка, измельчавшаго въ ступѣ зерновой хлѣбъ: ср. Non. p. 223, 1 sq. (ed. Lindsay): Pinsere, tundere vel molere. Varro Ταφῇ Μενίππου (527): „nec pistorem ullum nossent, nisi eum qui ruri far pinseret". Nominati ita eo quod pinsunt. Впослѣдствіи, однако, это слово пріобрѣло значеніе „пекаря", изготовляющаго хлѣбъ, какъ пищевой продуктъ: ср., напр., Varro ap. Gell. XV 19,2: ut tuus pistor bonum faceret panem [3]). Любопытны, какъ доказательство реальности обоихъ значеній для *pistor* заключительные два стиха эпиграммы Марціала (VIII 16):

A pistore, Cypere, non recedis:
Et panem facis et facis farinam.

Плиній Старшій (h. n. XVIII 107) даетъ по поводу этого слѣдующее интересное указаніе: pistores Romae non fuere ad Persicum usque bellum annis ab urbe condita super DLXXX. Ipsi panem faciebant Quirites... Artoptas Plautus appellat in fabula, quam Aululariam inscripsit, magna ob id concertatione eruditorum, an is versus poetae sit illius, certumque fit Atei Capitonis sententia cocos tum

[1]) Весьма возможно, что формы *pinsor* и *censor* должны быть поставлены въ связь съ той теоріей, которая развивается мной подробно въ „Этюдахъ по лат. именн. основообразов.", 109 сл.

[2]) Ср. Arch. f. lat. Lex. XI 352, гдѣ, однако, приведены и нѣкоторые сомнительные или вовсе сюда не относящіеся примѣры. Такъ, относительно неправильнаго привлеченія къ этой категоріи *vndemitor* ср. мои подробныя разъясненія въ „Спорныхъ вопросахъ изъ области латинскаго языкознанія", 95 сл. По поводу *promitor* слѣдовало указать, что это слово извѣстно лишь въ качествѣ собственнаго имени, обозначающаго божество (ср. Serv. ad. Verg. *Georg.* I, 21). Наконецъ, *tuitor*, повидимому, лишь теоретическая конструкція античныхъ грамматиковъ (ср. Paul. dig. 26, 1, 1 § 1 и Paul. ex Festo p. 12,8 Lindsay), и трудно ручаться за то, что это слово принадлежитъ живому говору.

[3]) Ср. кстати глоссу: *Pistor* ἀρτοκόπος неоднократно засвидѣтельствованную въ глоссаріяхъ (ср., напр., CGL. II 151, 19; 246, и т. д.). Что *pinsor* имѣло значеніе „пекарь", какъ это категорически утверждаетъ *Блюмнеръ*, Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern, I² 14, представляется мнѣ совершенно недоказаннымъ.

panem lautioribus coquere solitos, pistoreque tantum eos, qui far pisebant nominatos. Итакъ, по словамъ Плинія, терминъ *pistor* приблизительно вплоть до конца 70-хъ годовъ 2-го вѣка до Р. Х. сохранялъ свое первоначальное значеніе, связанное съ значеніемъ глагола *pinsere*, когда впервые появились *pistores* съ новымъ значеніемъ „пекарей“, причемъ Плиній (опираясь, конечно, на какого-нибудь предшественника) ссылается на то, что Плавтъ употребилъ греческій терминъ *artopta* (Aul. 400): Ego hinc *artoptam* ex proxumo utendam peto. Хотя, повидимому, и нѣтъ основанія заподозрѣть подлинность этого стиха, однако ссылка Плинія на него для хронологическаго подкрѣпленія своему указанію представляется странной, такъ какъ *artopta* (= греч. ἀρτόπτης), соотвѣтствуетъ не *pistor* въ значеніи „пекаря“, а обозначаетъ сковороду для приготовленія хлѣба [1]). Какъ бы то ни было, хронологическая дата появленія въ Римѣ пекарей или булочниковъ, хотя и принятая чуть-ли не всѣми учеными—въ томъ числѣ и *Моммзеномъ* [2]) — , можетъ быть, какъ мнѣ кажется, поколеблена при помощи ссылки какъ разъ на того же Плавта, у котораго слово *pistor* засвидѣтельствовано какъ въ первоначальномъ значеніи—ср. *Asin.* 708:

Postidea [3]) ad pistores dabo, ut ibi cruciere currens,

такъ и въ значеніи „пекаря“: ср. ibid. 200:

...A pistore panem petimus, vi num ex oenopolio.

Если справедливы остроумныя и—на мой взглядъ—убѣдительныя разсужденія Радермахера (Rhein. Mus. LVIII, 636 и сл.) о хронологіи Плавтовой комедіи *Asinaria*, которая пріурочивается имъ къ 212 г. до Р. Хр., то terminus ante quem для возникновенія значенія „пекаря“ въ словѣ *pistor*, а, слѣдовательно, и для возникновенія соотвѣтствующаго культурнаго явленія въ Римѣ долженъ быть отодвинутъ приблизительно на полвѣка раньше войны Римлянъ съ македонскимъ царемъ Персеемъ. Что касается любопытнаго, но до сихъ поръ удовлетворительно не разъясненнаго эпизода изъ Овидіевыхъ Фастовъ (VI, 350 сл.), гдѣ упоминается *Juppiter Pistor* въ связи съ нашествіемъ Галловъ на Римъ, причемъ изъ контекста ясно, что подъ *Pistor* Овидій разумѣлъ нѣчто соотвѣтствующее греческому ἀρτοποιός, то дѣлать отсюда вы-

---

[1]) Ср. впрочемъ *Blümner* op. c. I[1] 83, прим. 5.

[2]) Ср. Римская Исторія, I, 870: „Около 583 г. (= 171 г. до Р. Х.) въ Римѣ появились первые булочники“. Того-же мнѣнія придерживается и *Блюмнеръ*, op. c. I[2], 2.

[3]) Рукописи даютъ *postea*.

водъ, что данное значеніе развилось въ словѣ *pistor* еще въ началѣ IV вѣка до Р. Х., было бы совершенно недопустимо въ виду того, что весь этотъ миѳологическій эпизодъ является несомнѣнно продуктомъ этіологическаго творчества, пріуроченнаго къ позднѣйшему значенію *pistor*. Безусловно отвергая предположеніе Preller-Jordan'a (Röm. Mythol., II, 194), согласно которому *Pistor* въ данномъ сочетаніи значило „Zerschmetterer, Blitzschleuderer", такъ какъ всѣ латинскія слова, родственныя этимологически съ глаголомъ *pinsere*, имѣютъ отношеніе къ процессу размельченія зернового хлѣба, я скорѣе связалъ бы (или генетически, или на почвѣ параллелизма) *Juppiter Pistor* съ греческимъ Ζεὺς Μυλεύς (см. Lycophr. 435 и Tzetzes ad l.), и надо удивляться, что такое сопоставленіе никѣмъ, насколько я знаю, до сихъ поръ предложено не было.

Самое развитіе второго значенія въ *pistor* легко объясняется тѣмъ, что размельченіе хлѣбнаго зерна и приготовленіе изъ муки хлѣба суть двѣ смежныхъ процедуры, которыя, очевидно, въ извѣстную эпоху культуры совершались однимъ и тѣмъ же лицомъ. А мы видимъ, что термины, обозначающіе лицъ, занимающихся тѣмъ или другимъ техническимъ дѣломъ, нерѣдко формально запечатлѣваютъ собой или болѣе раннія, или болѣе поздніе фазы въ выполненіи этого дѣла, какъ сложной процедуры: ср., напр., съ одной стороны такіе термины, какъ нѣм. *Schneider* „портной", лат. *obstetrix* „повивальная бабка" (первоначально — „сидѣлка"), русск. *разносчикъ*, *знахарь* и т. п., а съ другой стороны, напр., русск. *повитуха*, *пекарь* и т. п. [1]).

Рядомъ съ формой мужескаго рода *pistor* существовала соотвѣтствующая форма женскаго рода *pistrix*, относительно которой Блюмнеръ (op. c. I², 38) замѣчаетъ: „*pistrix* bedeutet wohl nur eine Mahlende, nicht eine Bäckerin", ссылаясь при этомъ на Варрона (De lingua lat. V, 138). Нетрудно, однако, убѣдиться въ томъ, какъ мало доказательна эта ссылка. Текстъ Варрона гласитъ слѣдующее: *pilum, quod eo far pisunt, a quo... pistrina et pistrix.* Мнѣ уже приходилось однако указывать [2]), какъ осторожно надо относиться къ такого рода лексикографическимъ показаніямъ антич-

[1]) Замѣчу кстати, что возникновеніе новаго значенія въ *pistor*, быть можетъ, явилось причиной генезиса дублета *pinsitor*, о которомъ я говорилъ выше: эта послѣдняя форма могла быть результатомъ стремленія къ дифференціаціи. Съ другой стороны тутъ могло сыграть извѣстную роль аналогическое воздѣйствіе со стороны *molitor* при глаголѣ *molere*.

[2]) См. „Спорные вопросы изъ области латинскаго словообразованія", 11 сл.

ныхъ грамматиковъ, которыя связаны съ ихъ этимологическими спекуляціями. Мнѣніе Блюмнера опровергается не только псевдофилоксеновой глоссой (CGL. II 151, 21): *Pistrix* κῆτος καὶ ἀρτοποιός (которую онъ самъ приводитъ!), но и слѣдующимъ фрагментомъ изъ Луцилія (Marx fr. 1250):

Pistricem validam, si nummi suppeditabunt,
Addas, empleuron, mamphulas quae sciat omnis.

Изъ Феста (p. 126, 11 ed. Lindsay) мы узнаемъ, что подъ *mamphula* разумѣлся особый сортъ сирійскаго хлѣба. Отсюда ясно, что въ *pistrix* выработалось значеніе, соотвѣтствующее второму изъ двухъ отмѣченныхъ выше значеній *pistor*. Когда это произошло, мы не знаемъ, но во всякомъ случаѣ не только нѣтъ причины настаивать на томъ, что этотъ переходъ значенія совершился въ болѣе позднюю эпоху, чѣмъ въ *pistor*, но даже наоборотъ пріоритетъ такого семасіологическаго развитія для *pistrix* представляется мнѣ вполнѣ вѣроятнымъ.

Теперь перейдемъ къ глаголу *pistrire*, который (въ формѣ 3-го лица единств. числа *pistrit*) засвидѣтельствованъ въ Notae Tironianae (94, 87). Heraeus (Archiv f. lat. Lex. XII, 40) остроумно сопоставилъ его съ старофранцузскимъ *pestrir*, современн. *pétrir* „мѣсить тѣсто“. Какъ однако объяснить происхожденіе этого латинскаго глагола? Heraeus предложилъ разсматривать его, какъ результатъ обратнаго производства изъ существительнаго *pistrinum*, которое, замѣчу кстати,—въ соотвѣтствіи съ *pistor*—имѣло двоякое значеніе: [1]) „сооруженіе для размельченія зернового хлѣба“ (ср. Plin. h. n. XVIII, 10: Pilumni qui pilum pistrinis invenerat); 2) „пекарня, булочная“ (напр., Sen. epist. 90, 22: in pistrinum sapientem summittit [sc. Posidonius]. Narrat enim quem admodum rerum naturam imitatus panem coeperit facere) [1]). Но такое толкованіе сталкивается съ весьма существеннымъ морфологическимъ затрудненіемъ: дѣло въ томъ, что глаголы на *-îre* и существительныя на *-înum*, насколько мы знаемъ, совершенно не встрѣчаются рядомъ другъ съ другомъ, а, слѣдовательно, для возникновенія *pistrire* изъ *pistrinum* нѣтъ рѣшительно никакой почвы.

Гораздо естественнѣе морфологическое сопоставленіе *pistrire* съ *nutrire*. Этотъ послѣдній глаголъ, какъ это убѣдительно показалъ еще Корссенъ (Aussprache und Vokalismus, I², 525) возникъ изъ доисторической латинской (а, можетъ быть, и долатин-

[1]) Двойное значеніе *pistrinum* свидѣтельствуется также слѣдующей псевдофилоксеновой глоссой (CGL. II 151, 20): *Pistrinum* μυλών, ἀρτοκόπιον.

ской) основы nominis agentis женскаго рода **nutrî-*, соотвѣтствующей по своему образованію такимъ основамъ, какъ, напр., древнеиндійское *janitrî-* при лат. *genetrî-c-*. Отрицательная критика, которую выдвинулъ противъ этой морфологической комбинаціи Фрёде (Bezz. Beitr., XXI, 194), какъ я уже замѣтилъ въ своихъ „Изслѣдованіяхъ изъ области лат. словообразов.“, 14 сл., совершенно несостоятельна и грѣшитъ противъ исторической точки зрѣнія на условія возникновенія глагола *nutrire*.

Что касается *pistrire*, то для этого глагола можно было бы, конечно, исходить изъ доисторической основы **pistrî-*, соотвѣтствующей по своему морфологическому и семасіологическому типу только что упомянутой основѣ **nutrî-*. Такое предположеніе, однако, заставило бы насъ отнести самое возникновеніе глагола *pistrire* въ доисторическую эпоху, а вмѣстѣ съ тѣмъ потребовало бы признанія уже за тѣмъ именнымъ образованіемъ, которое имѣло основу **pistrî-*, значенія, соотвѣтствующаго второму изъ двухъ вышеупомянутыхъ значеній *pistor* (и *pistrix*). Хотя то и другое само по себѣ вполнѣ возможно [1]), однако, допустимо и иное толкованіе, значительно расширяющее хронологическія рамки для глагола *pistrire* въ сторону болѣе поздняго времени. А именно, весьма вѣроятно, что этотъ глаголъ возникъ по аналогіи съ *nutrire* въ силу слѣдующей четырехчленной пропорціи: *nutrix*: *nutrire* = *pistrix*: *pistrire* [2]).

Какимъ бы изъ этихъ двухъ способовъ мы ни объяснили глаголъ *pistrire* (во всякомъ случаѣ, говоря словами Лукреція [I, 968], alterutrum fatearis sumasque necessest), предлагаемая нами этимологія уполномочиваетъ насъ къ выводу, что приготовленіе хлѣба первоначально лежало въ Италіи на женщинахъ, причемъ термины *nutrire*, *nutrix*, *pistrire*, *pistrix* характеризуютъ древнюю Рим-

---

[1]) Слѣдуетъ имѣть въ виду, что переходъ отъ перваго значенія ко второму въ формахъ nominis agentis женскаго рода можно легко представить себѣ совершившимся даже *раньше* соотвѣтствующаго семасіологическаго преобразованія аналогичной формы мужескаго рода. Отсутствіе же глагола *pistrire* не только въ болѣе раннихъ, но и вообще въ какихъ бы то ни было связныхъ латинскихъ текстахъ, въ которыхъ понятіе „мѣсить тѣсто“, обыкновенно выражалось глаголами *subigere* или *depsere*, — само по себѣ, конечно, рѣшающаго значенія имѣть не можетъ.

[2]) Замѣчу кстати, что четырехчленная пропорція, какъ обычная схема для морфологическихъ образованій, построенныхъ по принципу аналогіи, очень отчетливо отмѣчена еще въ античномъ языкознаніи: см. Varro, De lingua lat. X, 37 sq. Что аналогическія новообразованія, однако, нерѣдко выходятъ за предѣлы этихъ тѣсныхъ рамокъ, я старался доказать въ „Спорныхъ вопросахъ“, 92.

лянку [1]), какъ самоотверженную кормилицу людей на всѣхъ стадіяхъ ихъ существованія, что вскрываетъ передъ нами хотя мелкую, но не безъинтересную подробность изъ исторіи женскаго труда.

Въ заключеніе замѣчу, что этотъ выводъ относительно глагола *pistrire*, добытый нами при помощи лингвистической комбинаціи, находитъ себѣ косвенное подтвержденіе въ слѣдующемъ свидѣтельствѣ Плинія Старшаго (h. n. XVIII, 107): ipsi panem faciebent Quirites, *mulierum*que id opus maxime erat, sicut etiam nunc in pluribus gentium [2]).

---

[1]) Весьма возможно, конечно, что древнѣйшая *pistrix* (а, можетъ быть, и **pistri-*) была рабыней. Во всякомъ случаѣ и второе толкованіе *pistrire* отнюдь не исключаетъ его древности, такъ какъ въ болѣе позднюю эпоху, когда появились профессіональные *pistores*, едва ли можно было бы ожидать появленія этого, если можно такъ выразиться, „женскаго“ глагола.

[2]) „Eine sprachliche Illustration, говоритъ Шрадеръ (Reallex. der indogerman. Altertumskunde, 292), bietet der angs. Ehrenname der Hausfrau *hlœfdige* (neben *hlaford* „Hausherr“ d. i. „Brot-wart“), welche wahrscheinlich (vgl. got. *deigen*, angs. *doege*) soviel wie „Teigmacherin, Brotbäckerin“ bedeutet“. Глаголъ *pistrire*, если правильны наши разсужденія, явился бы новой иллюстраціей для того же тезиса, въ свою очередь подтверждая правильность этого культурноисторическаго свидѣтельства. Справедливость, однако, требуетъ признать, что не всѣ античныя показанія этого рода пріемлемы. Чтобы остаться въ предѣлахъ исторіи женскаго труда, замѣчу, что, напр., Лукрецій, несомнѣнно неправъ, когда утверждаетъ (V, 1354 sq.):

...Facere ante viros lanam natura coegit,
Quam muliebre genus: nam longe praestat in arte
Et sollertius est multo genus omne virile.

Впрочемъ, Лукрецій не скрываетъ апріорнаго характера этого любопытнаго утвержденія, рисующаго, кстати сказать, его автора очень умѣреннымъ поклонникомъ женскаго генія.

В. Бочкаревъ.

Врачебное дѣло и народное призрѣніе въ Россіи XVIII вѣка.

По матеріаламъ Законодательной Комиссіи 1767 года.

I.

До конца XVII вѣка населеніе Россіи, лишено было малѣйшей, хотя бы самой примитивной, врачебной помощи. Правда, при дворѣ еще съ Ивана III появляются лѣкаря-иноземцы, но они выписывались исключительно для пользованія государя членовъ его семьи и лицъ наиболѣе близкихъ къ нему. Все же русское общество, не говоря уже о широкой народной массѣ, обходилось знахарями и знахарками при помощи заговоровъ и другихъ популярныхъ средствъ, являвшихся достояніемъ народной медицины. При царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ, когда въ русской жизни стало сильнѣе сказываться вліяніе европейской культуры, выписано было нѣсколько заграничныхъ докторовъ, которымъ разрѣшалось практиковать уже внѣ тѣсныхъ предѣловъ придворнаго круга. Въ Москвѣ открыты были аптеки и заведены аптекарскіе сады, какъ въ столицѣ, такъ и въ ея окрестностяхъ. Воеводамъ предписано было собирать повсемѣстно цѣлебныя травы и доставлять ихъ въ царскія аптеки. При ближайшемъ преемникѣ царя Алексѣя, его старшемъ сынѣ Феодорѣ Алексѣевичѣ, когда Россія уже стояла въ преддверіи реформаціонной эпохи Петра Великаго, устроено было нѣсколько больницъ и гошпиталей, а также домовъ призрѣнія для бѣдныхъ. Правительство стало обнаруживать стремленіе регулировать положеніе медицинскаго дѣла въ странѣ, запрещая продавать яды безъ рецепта врачей и требуя письменныхъ заявленій отъ домохозяевъ о болѣзни жильцовъ. Но все это были лишь слабыя попытки, и до народной массы врачебное искусство совсѣмъ не доходило.

Только со времени Петра Великаго начали приниматься болѣе

рѣшительныя мѣры по охраненію народнаго здравія. Подъ вліяніемъ всего видѣннаго за границей съ одной стороны, и чисто практическихъ потребностей съ другой—Петръ учредилъ гошпитали—одинъ въ Москвѣ, такъ называемый, военный, и два въ Петербургѣ—сухопутный и морской, хирургическія училища, анатомическій театръ и ботаническій садъ. Въ обѣихъ столицахъ открыты были казенныя аптеки по одной въ каждой, кромѣ того, 8 частныхъ аптекъ и одна „полевая“ для нуждъ арміи. Хирургическія училища для обученія желающихъ „врачевству“ учреждались, обычно, при наиболѣе значительныхъ по размѣрамъ гошпиталяхъ. Въ числѣ учениковъ этихъ училищъ значилось до 50 царскихъ стипендіатовъ. Обучать учениковъ врачебному дѣлу должны были находящіеся при гошпиталяхъ хирурги и подлѣкари. Имъ, по словамъ г. Рихтера, автора извѣстнаго изслѣдованія „Исторіи медицины въ Россіи“, „преподаваемы были латинскій языкъ, рисовальское искусство и другія медицинскія науки“. Какъ и въ остальныхъ отрасляхъ знанія, за учебными пособіями приходилось обращаться на западъ, и по личному распоряженію царя переведено было на русскій языкъ нѣсколько руководствъ по медицинѣ. И въ Москвѣ, и въ Петербургѣ заведены были школы для повивальныхъ бабокъ. На смѣну прежнему аптекарскому приказу, вѣдавшему въ Московской Руси, главнымъ образомъ, лѣкарственныя снадобья, шедшія на царскій обиходъ, въ Россіи эпохи преобразованій учреждена была особая Аптекарская Канцелярія для наблюденія за аптеками. Изъ нея ежегодно назначались ревизоры — „физики“ — для обозрѣнія аптекъ, чтобы жители столицы не могли жаловаться на неисправность и на дурной составъ лекарствъ. Въ 1725 году послѣдовалъ указъ объ учрежденіи для завѣдыванія всѣмъ вообще врачебнымъ дѣломъ въ странѣ Медицинской Канцеляріи съ особымъ архіатеромъ во главѣ, который являлся какъ бы главнымъ медицинскимъ инспекторомъ во всемъ государствѣ. Медицинская Канцелярія, строго наблюдая за надлежащей подготовкой будущихъ врачей, не разрѣшала практиковать ни одному лѣкарю безъ предварительнаго испытанія въ медицинскихъ наукахъ и безъ полученія соотвѣтствующаго аттестата. Не забыта была и матеріальная сторона вопроса: на содержаніе гошпиталей повелѣно было дѣлать опредѣленные вычеты изъ жалованья генераловъ и офицеровъ.

Въ 30-хъ г.г. XVIII вѣка при императрицѣ Аннѣ передъ нами развертывается новая страница изъ исторіи медицины въ Россіи. Число аптекъ, гошпиталей и убѣжищъ за это время значительно возросло. Но самой важной мѣрой этого царствованія по

интересующему насъ вопросу было изданіе указа 7-го мая 1737 года о городовыхъ врачахъ. Если до сего времени медицинская помощь населенію была сосредоточена исключительно въ столицахъ, то указомъ 1737 года она была распространена почти на всѣ мѣстности имперіи. Какъ мы увидимъ ниже, на содержаніе этихъ губернскихъ и провинціальныхъ врачей установленъ былъ особый сборъ съ купечества, который для него былъ весьма отяготителенъ. Одновременно въ Москвѣ и Петербургѣ учрежденъ былъ, такъ называемый, „физикатъ“. На него возложены были заботы по охранѣ здоровья всѣхъ жителей государства, провѣрка знаній начинающихъ врачей, контроль надъ аптеками, судъ надъ медиками, пріемъ и осмотръ инвалидовъ. Сверхъ того, онъ долженъ былъ доносить правительству обо всемъ, что связано было съ остановкой врачебнаго дѣла въ странѣ. Такимъ образомъ, „физикатъ“ являлся какъ бы особымъ органомъ Медицинской Полиціи.

Дальнѣйшій шагъ въ области здраво-охранительной политики сдѣланъ былъ въ царствованіе Елизаветы Петровны. При ней правительство сильно было озабочено борьбой со все возраставшей смертностью въ государствѣ. Въ Петербургѣ, напр., опредѣлены были докторъ и два лѣкаря, которымъ вмѣнено было въ обязанность „пещись о больныхъ оспою, корью и другими горячками съ сыпью“. Вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланы были первыя попытки по распространенію оспопрививанія среди населенія. Для причащенія больныхъ дѣтей назначены были по городамъ отдѣльныя церкви. Въ обѣихъ столицахъ устроены были училища для подготовки искусныхъ повивальныхъ бабокъ. Слѣдуя по стопамъ своего отца, Елизавета Петровна издала подтвердительный указъ о томъ, чтобы врачи, не проэкзаменованные въ Медицинской Канцеляріи, не имѣли права лѣчить больныхъ. Къ серединѣ XVIII вѣка населеніе начало уже мало-по-малу свыкаться и съ врачами, и съ больницами. Въ городахъ появились даже врачи, занимающіеся частной практикой. Идя навстрѣчу этимъ запросамъ самой жизни, правительство дозволило безпрепятственно пріобрѣтать въ аптекахъ безвредныя мази, строго преслѣдуя, однако, продажу всякаго рода ядовитыхъ веществъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ оффиціально разрѣшило назначеннымъ отъ Медицинской Канцеляріи лѣкарямъ заниматься частной практикой. Если при Петрѣ вычеты на госпитали производились только съ военно-служащихъ, то въ царствованіе Елизаветы повелѣно было на содержаніе госпиталей и больницъ удерживать по одной копейкѣ съ рубля изъ жалованья рѣшительно всѣхъ лицъ, находящихся на государственной службѣ. Но особенно много вниманія удѣлено было

;заботамъ о надлежащей подготовкѣ лицъ медицинскаго персонала ·Возникло нѣсколько новыхъ медико-хирургическихъ училищъ изданъ былъ указъ о томъ, чтобы тѣла умершихъ отсылались въ Анатомическій театръ, дабы ученики могли присутствовать при вскрытіи; предписано было воспитанниковъ Духовной Академіи отправлять въ хирургическія училища для пополненія ихъ знаній; и, наконецъ, по распоряженію Медицинской Канцеляріи, переведено было съ иностранныхъ языковъ немало учебныхъ книгъ и руководствъ по медицинскимъ наукамъ.

II.

Созывъ Законодательной Комиссіи 1767 года далъ возможность подвести итоги мѣропріятіямъ правительства въ области народнаго здравія за первую половину XVIII вѣка. Какъ это ни странно на первый взглядъ, но матеріалы, относящіеся къ этой Комиссіи, обнаруживаютъ, что, несмотря на цѣлый рядъ узаконеній, дѣло оказанія врачебной помощи населенію въ началѣ царствованія Екатерины II находилось въ самомъ плачевномъ состояніи. Населеніе было совершенно безпомощнымъ въ борьбѣ съ болѣзнями, особенно эпидемическаго характера. При этомъ не надо забывать, что врачами назначались лица, преимущественно иноземнаго происхожденія [1]), которыя и по языку, и по своему умственному развитію были вполнѣ чужды не только уѣздному, но и городскому населенію. Размѣщенные по губернскимъ и провинціальнымъ городамъ, они напоминали о себѣ жителямъ только тогда, когда надо было доставлять въ Магистратъ взимаемыя имъ на жалованье деньги. Все это должно было неизбѣжно приводить къ крушенію благія начинанія правительства первой половины XVIII вѣка, а въ сознаніи населенія отлагать горькій осадокъ недовольства и даже прямой вражды.

Городскіе избиратели 1767 года выражали самое искреннее желаніе освободить торгово-промышленное сословіе отъ уплаты жалованья лѣкарямъ. Можно сказать, что въ этомъ дружномъ хорѣ нѣтъ рѣшительно ни одного голоса, который вносилъ бы въ общій ансамбль сколько нибудь иную ноту. Главный Магистратъ, это центральное правительственное учрежденіе, вѣдавшее въ Россіи XVIII столѣтія все торговопромышленное сословіе, отмѣчаетъ прежде всего, что въ 1737 году пове-

[1]) Такъ въ Стародубѣ полковымъ лѣкаремъ былъ Петръ Адольфъ Келлеръ, а раньше эту должность занималъ полковой лѣкарь Иванъ Копсь и въ Иркутскѣ въ теченіе 25 лѣтъ врачемъ состоялъ Іоганъ Ваксманъ Сб. Р. И. О. т. 144, стр. 92; и ibid. т. 134, стр. 398.

лѣно было Медицинской Канцеляріи „опредѣлить по особливому лѣкарю въ городѣхъ, лежащихъ поблизости отъ Санктъ-Петербурга и Москвы, и жалованье имъ отъ городовъ производить отъ ратушъ до двѣнадцати рублевъ на мѣсяцъ съ свободною квартирою. Однако, какъ видно изъ наказа Главнаго Магистрата, жизнь значительно опередила нормы, установленныя при Аннѣ Ивановнѣ. „Но нынѣ оные лѣкари", читаемъ мы въ немъ—„не только въ вышеобъявленныхъ и другихъ знатныхъ, но почти во всѣхъ губернскихъ и провинціальныхъ городахъ находятся, и въ силу вышеобъявленнаго имяннаго 1737 года указа жалованье производится также и квартиры имъ даются отъ одного купечества какъ тѣхъ, въ которыхъ они находятся, такъ собирая съ приписныхъ къ нимъ городовъ, и отъ того купечеству есть весьма не безъ отягощенія" [1]). Въ этихъ словахъ какъ бы сконцентрировано все то, что мы находимъ въ наказахъ отъ городскихъ избирателей, такъ какъ почти всѣ они говорятъ какъ разъ о томъ же, но только съ нѣкоторыми варіаціями и незначительными, чисто словесными модификаціями.

Небольшіе, такъ называемые приписные, города начинаютъ обычно свои жалобы съ указанія на то, что по указу 1737 года содержать лѣкарей должны были только жители тѣхъ городовъ, которые находятся по близости отъ Москвы и Петербурга [2]). Однако, къ моменту созыва Комиссіи эта повинность была уже распространена буквально на всѣхъ городскихъ обывателей Россіи. „Отъ Главнаго Магистрата", говорятъ, напр., жители Касимова, небольшого приписного города Тамбовской провинціи—„наложенъ на купечество весьма тягостный поборъ въ платежѣ жалованья опредѣленному въ городѣ Шацкѣ лѣкарю и на содержаніе лѣкарской квартиры, которыя деньги взыскиваются съ касимовскаго купечества съ великою строгостію" [3]). А платить дѣйствительно приходилось немало. Хотя врачамъ опредѣлено было жалованье по окладу въ 144 рубля для назначенныхъ въ провинціальные города и въ 600 рублей для занимающихъ должность губернскаго лѣкаря, но вся эта сумма раскладывалась на городскихъ обывателей данной провинціи, при чемъ иногда она цѣликомъ падала на плечи одного какого-либо города. Такъ жители г. Павловска, Воронежской провинціи, должны были платить 22 рубля; два приписныхъ города Шацкой провинціи Кадомъ и Темниковъ—первый 30 рублей 9 коп., второй 32 руб. 28 коп.; купечество Бѣжецкаго

[1]) ibid. т. 43, стр. 243—244.

[2]) Ср. Наказъ отъ жителей г. Кунгура. Ibid. т. 107, ст. 529.

[3]) Ibid. т. 144, стр. 172—173.

Верха—35 руб.; Веневъ—36 руб. 37 коп.; Курскъ, приписанный къ Бѣлгороду, дѣлалъ взносъ въ 94 руб. 80 коп.; Стародубскій магистратъ полностью уплачивалъ 144 руб.; Инсарское купечество почему то обязано было платить опредѣленному въ Тамбовъ городовому лѣкарю „жалованныхъ и квартирныхъ денегъ 517 руб. 84 коп.“; а Астраханское купечество своему губернскому врачу одно платило по 600 рублей въ годъ [1]). Жители г. Иркутска даже приводятъ въ своемъ наказѣ любопытную цифровую справку. Оказывается, что опредѣленный къ нимъ въ 1741 году лѣкарь, находясь на купеческомъ трактаментѣ, получилъ съ купечества за 25 лѣтъ своего пребыванія въ Иркутскѣ 3,888 рублей. Но одной уплатой жалованья дѣло не ограничивалось. Надъ городскими обывателями тяготѣло еще предписаніе снабжать лѣкарей „свободными отъ купечества покупными квартирами“. Эта обязательная „дача фатеры“, какъ выражались ярославскіе городскіе обыватели, возбуждала сильное недовольство среди купечества и мѣщанства. Дома подъ эти квартиры, по словамъ наказа г. Зарайска, „коштуютъ покупкой до немалой суммы“ [2]). „А сверхъ того“, говорятъ жители Иркутска—„данъ ему—лѣкарю—отъ гражданства покупной домъ‘ и пристройка къ нему чинима была по его требованію за немалую сумму“. Однако, дома подъ лѣкарскія квартиры надо было не только строить и покупать, но и ремонтировать, что ложилось еще новымъ бременемъ на купеческій карманъ. „Сверхъ же того и починка онымъ ихъ квартирамъ черезъ немного прошедшіе годы имѣетца“, жалуются Зарайскіе обыватели—„отъ чего происходитъ на ту починку немалая сумма“ [3]).

Вполнѣ понятно, что городскіе наказы переполнены указаніями на чрезмѣрную отяготительность для купечества этой денежной и натуральной повинностей. „И толь паче къ содержанію того лѣкаря для излѣченія на коштѣ больныхъ и къ произвожденію ему на жалованье отъ купечества денегъ, здѣшнее гражданство особливо за бѣдностію приступить не въ состояніи“. (Наказъ г. Ядринска) [4]). „И отъ того купечество несетъ себѣ великую и несноc-

[1]) Ibid. т. 144, стр. 115; ibid стр. 283; ibid. стр. 262; ibid. т. 107, стр. 65; ibid. т. 93, стр. 243; ibid. т. 144, стр. 439; ibid. 108—111 стр.; ibid. т. 144, стр. 287; ibid. т. 134, стр. 152; ibid. стр. 398.

[2]) Ibid. т. 93, стр. 422; ibid. т. 134, стр. 398.

[3]) Ibid. т. 93, стр. 422.

[4]) Ibid. т. 134, стр. 56; ibid. т. 93, стр. 442; ibid. т. 107, стр. 85—86; ibid. т. 144, стр. 211. Объ излишнемъ купеческомъ отягощеніи вслѣдствіе уплаты жалованья лѣкарю говорятъ еще наказы городовъ: Кунгура, Углича, Кашина и Касимова. Ibid. т. 107, стр. 529; ibid. т. 93, стр. 555; ibid. стр. 446 ibid. т. 144, стр. 173.

ную тягость". (Наказъ г. Зарайска). „За убожествомъ купечество претерпѣваетъ въ платежѣ тѣхъ денегъ немалую нужду" (наказъ г. Ярославля) „Которые деньги хотя и платятъ, и то съ великою нуждою, а особливо отъ немощныхъ", (наказъ г. Тамбова). Иногда при этомъ приводились соображенія чисто податного характера: „дабы отъ того", спѣшатъ заявить чухломскіе обыватели—„купечество не пришло къ платежу положенныхъ государственныхъ податей не въ состояніе" „И въ платежѣ государственныхъ податей", вторитъ имъ пензенское купечество—„бываетъ прекрайняя остановка, такъ что едва съ немалою нуждою въ срокъ плачены бываютъ" [1]). Въ этихъ заявленіяхъ нельзя не видѣть прямого намѣренія повліять на правительственныя сферы такимъ серьезнымъ аргументомъ, какъ указаніе на грозящую податную неисправность. Просьбу объ освобожденіи купечества и мѣщанства отъ сборовъ въ пользу врачей мы встрѣчаемъ въ цѣломъ рядѣ городскихъ наказовъ [2]). „А жалованье лѣкарю производить откуда соизволено будетъ", говорятъ, напр., избиратели г. Чухлома. „И о невзысканіи онаго жалованья", формулируетъ свою просьбу темниковское купечество—„куда надлежитъ опредѣлить указомъ" [3]). Въ случаѣ оставленія этого ходатайства безъ послѣдствій нѣкоторые городскіе наказы настаивали даже на рѣшительномъ „отмѣненіи" лѣкарей по городамъ и „на неопредѣленіи ихъ впредь" [4]). Въ другихъ—это желаніе прикрывалось ссылкою на то, что на жалованье лѣкарю неоткуда достать денегъ. „Того для онаго лѣкаря Даева, такъ и другихъ лѣкарей по нашему изнеможенію нынѣ впредь содержать не желаемъ", говоритъ, напр., наказъ г. Козлова. Иногда же, выражая желаніе избавиться отъ уплаты жалованья врачу, находящемуся въ провинціальномъ или губернскомъ городѣ, купцы и мѣщане приписныхъ городовъ не прочь были имѣть своего особаго лѣкаря. Такъ, напр., жители г. Курска включали въ свой наказъ просьбу о томъ, чтобы высочайше повелѣно было „особливо въ здѣшній городъ и уѣздъ опредѣлить другого лѣкаря на жалованьѣ изъ кошту купеческаго и дворянскаго и прочихъ градскихъ и уѣздныхъ жителей" [5]).

Особенно большой интересъ представляютъ тѣ соображенія,

---

[1]) Ibid. т. 123, стр. 366; ibid. т. 107, стр. 469.

[2]) Объ этомъ говорятъ наказы городовъ: Бѣлгорода, Бѣженцкаго-Верха, Инсаръ, Кадома, Касимова, Мурома, Павловска, Стародуба, Старой Руссы, Темникова, Чухлома.

[3]) Ibid. т. 123, стр. 366; ibid. т. 144, стр. 262.

[4]) Ср., напр., наказъ г. Кунгура. Ibid. т. 107, стр. 529.

[5]) Ibid. т. 14, стр. 266; ibid. т. 144, стр. 439.

которыя приводятъ въ наказахъ городскіе избиратели для подкрѣпленія своей просьбы о коренномъ измѣненіи постановки матеріальной стороны врачебнаго дѣла въ государствѣ. Чаще всего они ссылаются на отдаленность своего мѣста жительства отъ тѣхъ провинціальныхъ и губернскихъ городовъ, куда они по закону должны были обращаться за врачебною помощью. „Старорусскому купечеству", читаемъ въ одномъ изъ наказовъ, „отъ онаго лѣкаря, за его обращательствомъ въ Новгородѣ и никогда не бытіемъ въ Старой Руссѣ, пользы и потребности не имѣлось и не имѣетца". „А пользуются онымъ лѣкаремъ", заявляютъ жители Бѣжецкаго Верха, „одни углицкое дворянство и гражданство". „Да онъ же, лѣкарь, никогда въ нашемъ городѣ не бывалъ" (г.г. Кадомъ, Кашинъ, Мценскъ), „и купечество не только никакой пользы отъ него не видитъ, но и совсѣмъ его не знаетъ" (г. Павловскъ). Вообще купечество приписныхъ городовъ полагало, что „оно нести платежомъ ни мало не повинно, ибо въ тѣхъ лѣкаряхъ никакой нужды не послѣдуетъ" (г. Темниковъ), „понеже черезъ ихъ искусство купечество никакой пользы себѣ не имѣетъ" (г.г. Кашинъ, Мценскъ) [1]).

Нерѣдко провинціальный лѣкарь „съ начала его опредѣленія", по словамъ жителей г. Козлова, „въ случившихся нѣкоторыхъ болѣзняхъ лѣкарствомъ никого не пользовалъ", или, какъ говорило инсарское купечество, „ни одинъ человѣкъ отъ него пользы не имѣлъ, и лѣкарствъ онъ, лѣкарь, во всю свою бытность ни одного золотника въ г. Инсарѣ не употреблялъ" [2]). На необходимости освободить городскихъ обывателей отъ уплаты жалованья лицамъ медицинскаго персонала купечество и мѣщанство настаивало еще и потому, что къ врачамъ обращались рѣшительно всѣ, а не одно только торгово-промышленное сословіе. „Понеже", указываютъ въ своемъ наказѣ избиратели г. Чухломы, „отъ онаго лѣкаря польза происходитъ какъ живущимъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ разнаго званія людямъ". Ярославцы говорятъ почти буквально то же самое, отмѣчая въ своемъ наказѣ, что „оный лѣкарь, какъ есть въ сей провинціи и можетъ пользовать не одно купечество, но той провинціи дворянство, крестьянъ и протчихъ тѣхъ городовъ разночинцевъ" [3]). На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и Главный Магистратъ, который, какъ бы подводя итогъ пожеланіямъ го-

[1]) Ibid., т. 107, стр. 269; ibid., стр. 65; ibid., т. 144, стр. 283—284; ibid. т. 93, стр. 466 и 439; ibid., т. 144, стр. 155; ibid., стр. 262; ibid., т. 93, стр. 266.

[2]) Ibid., т. 144, стр. 266; ibid., стр. 287.

[3]) Ibid., т. 123, стр. 366; ibid., т. 93, стр. 341—342.

родскихъ избирателей, высказывается за то, чтобы „къ производству лѣкарямъ жалованья и къ содержанію ихъ квартирою не одно купечество было подвержено, для того, что они, лѣкари, въ тѣхъ городахъ, какъ нынѣ находятся, такъ и впредь находиться будутъ не для одного купечества, но для всего общества“ [1]).

На ряду съ такими аргументами чисто сословнаго характера въ наказахъ встрѣчаются иногда указанія на общегосударственное значеніе провинціальнаго лѣкаря, какъ должностного лица. „А понеже вышеписанный лѣкарь“,—говорятъ жители г. Тамбова, настаивая на уплатѣ ему жалованья отъ казны,—„находится не для одного купечества, но всѣхъ жителей, а особливо для дворянства, и усмотрѣнія и пользы при наборахъ рекруть и ландмилиціи, въ чемъ зависитъ и для государственной пользы“. Вообще въ глазахъ провинціальнаго купечества и мѣщанства врачъ нуженъ былъ прежде всего для потребностей расквартированныхъ въ данной мѣстности войскъ, а тамъ, гдѣ воинскихъ частей не было, и врачамъ дѣлать было нечего. Такъ, по словамъ кунгурскихъ обывателей, „въ оныхъ лѣкаряхъ никакой надобности и нужды не состоитъ за неимѣніемъ въ Кунгурѣ воинскихъ командъ“ [2]). Жители же г. Мценска вполнѣ резонно указываютъ на то, что военно-административныя обязанности провинціальныхъ лѣкарей могутъ нести врачи изъ находящихся поблизости воинскихъ частей. „А повелѣно бы было“, просятъ они въ своемъ наказѣ, „лѣкаря въ случившійся рекрутскій наборъ на то время опредѣлять по близости изъ полковъ или гарнизоновъ“ [3]).

Если медики, какъ отмѣчали указы императрицы Анны, нужны были для того, чтобы снабжать больныхъ необходимыми лѣкарствами, то это соображеніе въ глазахъ городскихъ избирателей не имѣло рѣшительно никакого значенія. „Медикаменты же въ случаѣ надобности въ нихъ“, читаемъ въ наказѣ жителей г. Кунгура, „можно получать изъ Екатеринобурга, находящагося всего въ 250 верстахъ“. По словамъ же городскихъ обывателей Пензы и Зарайска, „кто изъ купцовъ по болѣзнямъ своимъ пожелаетъ пользоваться, то по способности можетъ покупать въ Москвѣ, въ аптекахъ“ [4]). Да, правду сказать, къ этимъ лѣкарствамъ купечеству и прибѣгать-то почти не приходилось. Оно имъ мало вѣрило такъ же, какъ и врачамъ. У него были свои, вѣками испытанныя средства, которыя оно охотно употребляло въ болѣзняхъ, чрезвы-

[1]) Ibid., т. 43, стр. 244.
[2]) Ibid., т. 144, стр. 216; ibid., т. 107, стр. 529.
[3]) Ibid., т. 144, стр. 331.
[4]) Ibid., т. 107, стр. 529; ibid., стр. 469; ibid., т. 93, стр. 422.

чайно высоко ставя ихъ цѣлебныя свойства. „А купечество принятіемъ лѣкарствъ и пользованіемъ лѣкарскимъ по непривычной своей натурѣ никакого способу имѣть не надежно, и нужды въ томъ никакой не имѣетъ“, категорически заявляли жители г. Углича. Очевидно, такъ думали очень многіе обыватели, потому что и Главный Магистратъ ссылался на то, что „купцы отъ оныхъ лѣкарей по непривычкѣ своей никакого въ болѣзняхъ своихъ пользованія не имѣютъ“. Если же кто изъ купечества, слѣдуя дворянскому обычаю, пожелалъ бы лѣчиться не у знахарей и знахарокъ, а у представителей заморской медицинской науки, то онъ могъ обратиться или въ губернскій городъ или въ расположенные поблизости полки. Такъ, купцы, по словамъ Арзамасскаго наказа, въ особомъ городовомъ врачѣ нужды „не предвидятъ, для того, если бы когда въ чемъ возымѣли и потребность, то по способности къ городу Нижнему довольствоваться могли бъ губернскимъ“ [1]). По мнѣнію же жителей г. Бѣлгорода, лѣкарскую должность слѣдуетъ у нихъ упразднить потому, что „у состоящихъ двухъ полковъ на непремѣнныхъ квартирахъ имѣются лѣкаря и подлѣкаря; если къ тому случится нужда пользоваться, оные имѣютъ просить и у тѣхъ полковыхъ лѣкарей на свой коштъ“ [2]).

Такъ горячо и единодушно городскіе избиратели 1767 года старались доказать и Законодательной Комиссіи и правительственнымъ сферамъ, что лѣкари, опредѣленные въ города указами Медицинской Канцеляріи, „находятся тамъ только для празднаго взятья отъ купечества платежомъ въ жалованье себѣ денегъ и къ чувствительной тягости, нежели въ пользу купечества“ [3]). Эти горькія жалобы городского купечества и мѣщанства, сливающіяся въ какой-то общій стонъ, лучше всего, по нашему мнѣнію, доказывали, что матеріальная сторона изучаемаго нами вопроса нуждалась въ самой коренной реформѣ.

III.

Однако депутатскіе наказы обнаруживаютъ намъ глубокіе дефекты и во всей вообще организаціи врачебной помощи населенію Россіи середины XVIII вѣка. Но дефекты эти должны были возникнуть вполнѣ неизбѣжно, такъ какъ вся эта организація носила чисто полицейскій характеръ. Изъ нея тщательно были вытравлены элементы живой общественной самодѣятельности, а

[1]) Ibid., т. 93, стр. 454; ibid., т. 43, стр. 214; ibid., т. 134, стр. 29.
[2]) Ibid., т. 144, стр. 413.
[3]) Ibid., т. 134, стр. 56.

вѣдь только при ихъ наличности между врачомъ и населеніемъ могла установиться прочная идейная связь.

Прежде всего мы получаемъ возможность составить себѣ довольно ясное представленіе о томъ, какой громадный недостатокъ во врачахъ испытывала Россія начала царствованія Екатерины II. „Страждутъ въ государствѣ многія провинціи и слободы по неимѣнію докторовъ и лѣкарей“, говоритъ въ своемъ наказѣ Сенатъ: „и часто случается, что въ такомъ случаѣ люди безъ помощи помираютъ, а особливо при какой-либо заразѣ“ [1]). Почти буквально въ тѣхъ же выраженіяхъ жалуются на отсутствіе врачей и больницъ городскіе избиратели обѣихъ столицъ. Такъ, москвичи пространно говорятъ объ „ежедневно бываемыхъ здѣсь примѣрахъ, какое великое множество людей обоего пола, а особливо въ подлости, восчувствовавъ въ себѣ прежде легкія болѣзни, но не имѣя ни малѣйшей къ излѣченію въ началѣ помощи, наконецъ доходятъ до того, что либо вовсе погибаютъ безвременно, или по малой мѣрѣ на всегда увѣчными остаются; а въ нѣкоторыхъ прилипчивыхъ болѣзняхъ, за неимѣніемъ особливо учрежденныхъ больницъ, и здоровые люди заражаются“. По словамъ же петербуржцевъ, „многіе обоего пола люди, особливо между подлостію, лишаются вовсе здоровья и гибнутъ безвременно отъ нѣкоторыхъ прилипчивыхъ болѣзней, потому что не только не могутъ имѣть нужныхъ ко врачеванію способовъ, но нѣтъ пристойныхъ къ тому мѣстъ“. При этомъ оказывается, что недостатокъ въ своевременной медицинской помощи испытывали рѣшительно всѣ жители столицъ, а не только демократическіе элементы ихъ населенія. „Въ случаѣ болѣзни, особливо припадковъ скоропостижныхъ и нечаянныхъ“, читаемъ въ Петербургскомъ наказѣ, „многіе претерпѣваютъ отъ недостатка способовъ къ скорой помощи, потому что весьма мало по пропорціи пространства города аптекъ, докторовъ и лѣкарей вольныхъ, такъ что въ иныхъ знатныхъ города частяхъ и головою оныхъ нѣтъ. Слѣдовательно, больные въ отдаленныя мѣста посылать и весьма долгое время ждать, а тѣмъ самымъ жизнь свою нерѣдко крайней опасности подвергать, принуждены, особливо въ вешнее и осеннее время, когда сообщеніе рѣкъ пресѣчено бываетъ“ [2]).

Если въ такомъ печальномъ положеніи находилось врачебное дѣло въ столицахъ, то мы можемъ представить себѣ, что должно было твориться въ провинціи. И дѣйствительно, во время выборовъ въ

---

[1]) Ibid., т. 43, стр. 7.

[2]) Ibid., т. 93, стр. 122; ibid., т. 107, стр. 214.

Законодательную Комиссію избиратели ни разу не констатировали факта хорошей постановки медицинской помощи населенію въ той или другой мѣстности. Всѣ они въ одинъ голосъ жаловались на вопіющій недостатокъ въ лѣкаряхъ и больницахъ, отмѣчая попутно, что они существуютъ лишь только на бумагѣ. „Къ призрѣнію больныхъ и увѣчныхъ, а иногда и поврежденныхъ въ умѣ, хотя суть больницы, однако жъ только въ названіи“, говорила въ своемъ наказѣ Малороссійская Коллегія: „ибо всѣ таковые, паче же заразительными болѣзнями одержимые, на публичныхъ площадяхъ и большихъ улицахъ въ доказательство крайняго о нихъ небреженія лежатъ“ [1]). И все это происходило не въ какомъ-либо захолустьѣ, а въ малороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ населеніе отличалось довольно значительной степенью интеллигентности.

Конечно, въ мѣстностяхъ болѣе отсталыхъ въ бытовомъ и культурномъ отношеніи дѣло должно было обстоять еще хуже. „Для здоровья человѣческаго мы, живущіе въ уѣздахъ, никакой предохранительности не имѣемъ“, говорили, напр., козельскіе дворяне; а мещовскіе столь же категорически заявляли: „мы, живущіе въ уѣздахъ, никакого сбереженія не имѣемъ для здоровья человѣческаго“. Иногда даже въ ближайшемъ городѣ не было врача и медикаментовъ, такъ что уѣзднымъ жителямъ въ случаѣ надобности некуда было обратиться за помощью. „Также и для пользованія страждущихъ въ разныхъ болѣзняхъ“, отмѣчали въ своемъ наказѣ ряжскіе дворяне, „аптеки и лѣкаря въ г. Ряжскѣ не имѣетца, въ чемъ по означенной же великой обширности Ряжскаго уѣзда для общей пользы состоитъ крайняя нужда“. Да при обширности и неравномѣрности тогдашнихъ административныхъ единицъ что̀ могъ фактически сдѣлать лѣкарь, живущій въ какомъ-нибудь уѣздномъ или провинціальномъ городѣ? Пусторжевскій уѣздъ, напр., находился отъ своего провинціальнаго города Пскова на разстояніи болѣе 100 верстъ, и мы поэтому можемъ вполнѣ повѣрить мѣстнымъ помѣщикамъ, которые писали въ своемъ наказѣ: „и по такой отдаленности не могутъ дворяне и прочіе люди въ болѣзняхъ своихъ городовымъ лѣкаремъ пользоваться, и отъ того тягчайшіе припадки умножаясь приводятъ до окончанія жизни“ [2]).

Въ такомъ же печальномъ положеніи находились такъ называемые приписные города, которые по закону должны были обращаться къ лѣкарю, находящемуся въ ихъ главномъ или провинціальномъ городѣ. Жители Старой Руссы обязаны были лѣчиться у врача.

---

[1]) Ibid, т. 43, стр. 230.

[2]) Ibid., т. 4, стр. 269; ibid., т. 8, стр. 521; ibid., т. 68, стр. 388; т. 14, стр. 305.

„находящагося въ Новгородѣ по опредѣленію Медицинской Коллегіи“. Однако—вполнѣ резонно замѣчали старорусскіе обыватели—„отъ того лѣкаря, за его обращательствомъ въ Новгородѣ и никогда не бытіемъ въ Старой Руссѣ, никакой пользы не имѣется“ [1]). Если мы возьмемъ въ руки наказы отъ поволжскихъ городовъ, то тамъ встрѣтимъ буквально то же самое. Такъ, жители г. Цивильска жаловались на то, что ихъ лѣкарь, живущій въ Свіяжскѣ, „никогда ни одного человѣка въ г. Цивильску не пользовалъ, потому что съ прибытія своего тамъ не бывалъ“. Особенно пространно говорили о недостаткахъ въ постановкѣ медицинскаго дѣла въ странѣ жители г. Ядринска, Алаторской провинціи. Какъ видно изъ ихъ наказа, они рѣшительно никакой пользы не получали отъ своего провинціальнаго врача „по причинѣ той, что онъ жительствуетъ въ г. Алаторѣ и въ здѣшній городъ пріѣзда никогда не имѣетъ, и потому случающимся больнымъ купецкимъ людямъ пользы не чинить, да и впредь чинить, уповательно, не будетъ, въ разсужденіи, что г. Алаторъ отъ здѣшняго города разстояніемъ имѣется далѣе 120 верстъ, и по такой дальности, чтобъ оному лѣкарю частый объѣздъ для излѣченія больныхъ въ города по провинціи на своемъ или бы на коштѣ больныхъ купцовъ имѣть, то по бѣдности здѣшняго гражданства пріемлется за невозможность“ [2]). Да при довольно скромномъ достаткѣ городскихъ обывателей они прямо не были въ состояніи выписывать за свой счетъ врача и пріобрѣтать необходимыя лѣкарства. „Къ тому же, хотя бы и подлинно больнымъ купцамъ для излѣченія себя требовать показаннаго лѣкаря на коштѣ своемъ надлежало, или бы оный лѣкарь гдѣ въ ближайшемъ мѣстѣ, а хотя бы и въ здѣшнемъ городѣ пребывалъ“, читаемъ въ томъ же ядринскомъ наказѣ, „но излѣчительные и къ докторскимъ наукамъ принадлежащіе медикаменты, безъ коихъ иному лѣкарю къ лѣченію больныхъ приступить есть необходимость, обыкновенно дешевою цѣною продаваемы не бываютъ“ [3]). Такимъ образомъ, гдѣ дальность разстоянія, а гдѣ бѣдность жителей лишали населеніе возможности своевременно обращаться къ врачу и тѣмъ самымъ получать себѣ необходимую помощь во время заболѣваній.

Однако города, по крайней мѣрѣ болѣе крупные, поставлены были въ значительно лучшее положеніе [4]) сравнительно съ уѣзд-

---

[1]) Ibid., т. 7, стр. 506.

[2]) Ibid., т. 107, стр. 506; ibid., т. 134, стр. 57.

[3]) Ibid., т. 134, стр. 57.

[4]) О незначительныхъ, такъ называемыхъ приписныхъ, городахъ этого сказать нельзя, такъ какъ они вполнѣ испытывали участь разбросанныхъ по

нымъ населеніемъ. Въ нихъ все же была возможность получить хоть кое-какую медицинскую помощь. Заболѣвшіе же уѣздные жители буквально были отданы на волю судьбы. Въ этомъ отношеніи очень характерны замѣчанія тульскихъ дворянъ, включенныя ими въ свой наказъ. „Всѣ провинціальные города, хотя и снабдѣны для мѣщанства лѣкарями, кои и пользуютъ живущихъ въ городахъ, но мы, въ уѣздѣ городовъ живущіе дворяне и наши люди, и крестьяне, отъ часто случающихся болѣзней непрестанно страждемъ, а особливо такими, коими весьма бы искусство хирургіи помочь могли; но за неимѣніемъ къ тому нарочно опредѣленныхъ, также и учрежденнаго на то провинціальнаго гошпиталя всякой помощи лишаемся“ [1]).

Отсутствіе врачей въ уѣздѣ приводило къ цѣлому ряду весьма тяжелыхъ послѣдствій. Вѣдь врачъ былъ необходимъ не только для лѣченія больныхъ: его присутствіе являлось обязательнымъ и при судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ. А въ XVIII вѣкѣ, при тревожныхъ условіяхъ тогдашней провинціальной жизни, довольно часто случались загадочныя преступленія, которыя для своего раскрытія необходимо требовали участія въ слѣдствіи представителя врачебной науки. „Къ тому же“, читаемъ въ наказѣ пусторжевскихъ дворянъ, „въ скоропостижныхъ смертяхъ разбирать причинъ, кромѣ лѣкаря, иному некому“. „Сверхъ того нерѣдко въ случающихся между крестьянами дракахъ бываютъ убійства и другія внѣзапныя къ смерти приключенія; тѣхъ также безъ лѣкаря разбирать по справедливости, а особливо безъ наружныхъ знаковъ, невозможно“. Еще труднѣе было обойтись безъ врачебной помощи во время эпидемическихъ заболѣваній: „и (отъ чего Боже сохрани)“, боязливо заявляли тѣ же дворяне, „въ моровой язвѣ предосторожности взять за незнаніемъ оной не можно“ [2]).

Всего печальнѣе и тяжелѣе была судьба крестьянской массы. Если дворянинъ-помѣщикъ и купецъ-промышленникъ могли еще какъ-нибудь раздобыть себѣ лѣкаря, то для крестьянина, какъ казеннаго, такъ и крѣпостного, абсолютно не было никакой возможности получить сколько-нибудь сносную медицинскую помощь. „Нерѣдко съ крайнею жалостію взиралъ я на русскій народъ низшей степени“, го-

уѣзду селъ и деревень. Такъ, напр., депутатъ г. Тихвина Самойло Солодовниковъ въ своемъ извѣстіи, поданномъ въ комиссію, указывалъ, между прочимъ, на то, что „аптеки, доктора и лѣкаря въ Тихвинѣ не имѣется“, но съ тихвинскаго купечества производится сборъ на жалованье лѣкарю, находящемуся въ Новгородѣ. Ibid., т. 107, стр. 319.

[1]) Ibid., т. 4, стр. 406.

[2]) Ibid., т. 14, стр. 305.

ворилъ въ 64 засѣданіи Большой Комиссіи депутатъ Нарышкинъ, „и чувствовалъ содроганіе сердца, видя его въ непрестанныхъ болѣзняхъ въ младенчествѣ, въ недугахъ въ совершенномъ возрастѣ, и въ престарѣлыхъ лѣтахъ оставленнаго безъ всякаго попеченія, какъ въ естественныхъ, такъ и въ прилипчивыхъ". Прекраснымъ дополненіемъ къ этимъ словамъ представителя лихвинскаго дворянства служитъ одно мѣсто изъ рѣчи депутата оренбургскихъ казаковъ Самсонова. „Хотя во многихъ городахъ и есть лѣкаря", говорилъ онъ въ томъ же засѣданіи, „но не было еще примѣра, чтобы одинъ изъ нихъ когда-нибудь зашелъ къ страждущему крестьянину и подалъ ему какую ни есть помощь" [1]).

Въ этихъ рѣчахъ превосходно отразилось то печальное положеніе вещей, которое отмѣчали и многіе дворянскіе наказы. Такъ, напр., острогожскіе дворяне рисуютъ самыми мрачными красками картину безпомощнаго положенія народной массы въ борьбѣ съ разнообразными болѣзнями. Указавъ на то, что „въ принадлежащихъ къ Слободско-Украинской губерніи пяти провинціяхъ народа состоитъ числомъ не менѣе полутораста тысячъ мужска полу", они говорятъ: „и хотя въ толикомъ множествѣ естественно невозможно быть всегда безъ больныхъ, но особливо въ разныя времена года въ здѣшнемъ краѣ весьма умножаются лихорадки, горячки и другія тяжкія болѣзни; напротивъ же того, къ пользованію сихъ болѣзней лѣкарей такъ мало, что, кромѣ въ пяти полкахъ гусарскихъ, уформированныхъ съ здѣшняго народа, въ городахъ ихъ не положено; и за таковымъ недостаткомъ лѣкарей многіе люди безвременно получаютъ смерть отъ таковыхъ болѣзней, которыя безъ сумнѣнія могли-бъ быть отвращены, если-бъ въ томъ не препятствовало крайнее неимѣніе знающихъ врачебную науку". Еще большимъ пессимизмомъ вѣетъ отъ заявленія орловскихъ дворянъ: „какъ по человѣколюбію, такъ и соболѣзнуя о жизни человѣческой, дворяне находятъ за нужное при сей знатной оказіи представить о многихъ умирающихъ дворовыхъ людей и крестьянъ отъ разныхъ болѣзней". Сами помѣщики при этомъ чувствовали себя вполнѣ безпомощными: „а мы не можемъ подать ниже малой помощи", сознаются дворяне Орловскаго уѣзда, „отъ недостатка лѣкарей, подлѣкарей, ниже тѣхъ, кои-бъ могли имъ въ случаяхъ необходимости кровь бросить" [2]). Быть можетъ, въ этихъ словахъ сказывался чисто рабовладѣльческій интересъ помѣщика, терявшаго вслѣдствіе отсутствія врачебной помощи свой живой рабочій инвентарь.

[1]) Ibid., т. 8, стр. 302; ibid., т. 8, стр. 380.

[2]) Ibid., т. 68, стр. 301; ibid., т. 68, стр. 525.

Но, какими бы мотивами ни руководились провинціальные дворяне XVIII вѣка, все же ихъ показанія намъ чрезвычайно важны, такъ какъ въ нихъ мы находимъ отраженіе существующей реальной дѣйствительности. Напр., заключительныя слова орловскаго наказа проникнуты такой неприкрашенной правдой, что просто жутко становится, когда представишь себѣ безпомощное состояніе тогдашняго крестьянина, брошеннаго во время болѣзни, въ буквальномъ смыслѣ слова, на произволъ судьбы: „и такъ взирая на сей бѣдный народъ, которые умираютъ, какъ скоты, безъ всякаго призрѣнія, если только можно войдти сихъ страждущихъ людей въ состояніе; а иногда та смерть имъ дѣлается отъ самой малой раны, кою бы пластыремъ можно было заживить; каково сіи люди воспитаны ни были“, справедливо замѣчаютъ при этомъ орловскіе помѣщики, „но не можно сказать, чтобы изъ нихъ черезъ лѣченіе и бросаніе крови не могли многіе излѣчиться и живыми остаться, какъ мы сами черезъ тѣхъ искусныхъ людей получаемъ себѣ иногда облегченіе нашей болѣзни. Слѣдовательно, и они могли бы свободу получать“ [1]).

На ряду съ отмѣченными выше недочетами въ постановкѣ врачебнаго дѣла, почти повсемѣстно ощущался громадный недостатокъ въ искусныхъ повивальныхъ бабкахъ, отъ чего, по словамъ Главной Полиціи, „родъ человѣческій терпитъ“ [2]).

Особенно горячо и убѣжденно объ отсутствіи акушерской помощи по деревнямъ говорилъ въ одномъ изъ комиссіонныхъ засѣданій депутатъ Нарышкинъ: „Какое жесткое сердце не тронется, какая не взволнуется кровь, видя женщинъ рождающихъ безъ всякой помощи и даже не имѣющихъ никого, кто бы этимъ коснѣющимъ въ невѣжествѣ людямъ захотѣлъ взять на себя трудъ объяснить всю ту опасность, какой они, часто безъ нужды и только отъ невоздержанія своего, подвергаютъ и себя и невинный свой плодъ“. Нарышкинъ предвидѣлъ обычно дѣлаемое возраженіе, что „наши земледѣльцы безъ вреда переносятъ то, что намъ кажется вреднымъ“, но онъ считалъ его вполнѣ неосновательнымъ и опровергалъ справедливымъ указаніемъ на то, что „правило это можетъ служить для тѣхъ, которые, достигши совершенныхъ лѣтъ, уже могли къ тому привыкнуть, и которыхъ члены отъ работы пріобрѣли нѣкоторую крѣпость“. Онъ задавался при этомъ вопросомъ, какъ бы обращаясь къ членамъ Большого Собранія: „но младенчески нѣжные члены могутъ ли то снести?“ И давалъ

[1]) Ibid., т. 68, стр. 525.
[2]) Ibid., т. 43, стр. 361.

такой отвѣтъ: „Правда, нѣкоторые спасаются и въ такомъ небреженіи, но только меньшая часть, а бо́льшая часть погибаетъ“ [1]).

Въ этомъ заявленіи Нарышкина нельзя не видѣть нѣкотораго вліянія Большого Наказа. Вѣдь этотъ депутатъ принадлежалъ къ той группѣ дворянской интеллигенціи, которая, несмотря на свою малочисленность, пользовалась среди членовъ Законодательной Комиссіи довольно большимъ вліяніемъ и часто выступала на ея засѣданіяхъ съ мнѣніями, инспирированными самой императрицей. Очевидно, и въ данномъ случаѣ Нарышкинъ, развивая свою точку зрѣнія, имѣлъ въ виду слова Екатерины изъ 266 ст. ея наказа: „Мужики большею частію имѣютъ по двѣнадцати, пятнадцати дѣтей изъ одного супружества, однако рѣдко и четвертая часть оныхъ приходитъ въ совершенный возрастъ. Чего для непремѣнно долженъ быть тутъ какой-нибудь порокъ или въ пищѣ, или въ образѣ ихъ жизни, или въ воспитаніи, который причиняетъ гибель сей надеждѣ государства“, и готовъ былъ вслѣдъ за императрицей повторять: „какое цвѣтущее состояніе было бы сея державы, если бы могли благоразумными учрежденіями отвратить или предупредить сію пагубу“ [2]).

IV.

Но однѣми жалобами и сѣтованіями дѣло, конечно, ограничиться не могло. На ряду съ ними былъ поднятъ вопросъ о болѣе правильной организаціи врачебной помощи населенію. Его касались и императрица Екатерина въ своемъ Большомъ Наказѣ, и правительственныя учрежденія, начиная съ Сената и кончая Медицинской Коллегіей, и избиратели въ тѣхъ наказахъ, которыми они снабжали своихъ депутатовъ, и наконецъ сами депутаты на засѣданіяхъ Большой Комиссіи.

Когда мы внимательно штудируемъ всѣ матеріалы, относящіеся къ Комиссіи 1767 года, то передъ нами встаетъ цѣлый планъ организаціи врачебнаго дѣла въ странѣ. Правда, этотъ планъ, подобно мозаической картинѣ, составляется въ буквальномъ смыслѣ слова по крупицамъ, но это обстоятельство все же не лишаетъ насъ возможности рѣшительно утверждать, что на порогѣ реформаціонной дѣятельности Екатерины II въ русскомъ обществѣ успѣли назрѣть запросы на правильную постановку медицинской помощи населенію.

Указавъ въ своемъ Большомъ Наказѣ на сильное распространеніе въ населеніи заразительныхъ, преимущественно венерическихъ болѣзней, императрица Екатерина обратилась къ Законодательной

[1]) Ibid., т. 8, стр. 303.

[2]) Наказъ императрицы Екатерины II, ст. 266, IV.

Комиссіи съ слѣдующимъ предложеніемъ: „надлежитъ попеченіе имѣть о здравіи гражданъ, чего ради разумно было бы пресѣчь сея болѣзни сообщеніе черезъ законы“. При этомъ, по мнѣнію автора Большого Наказа, всѣ заботы по охраненію народнаго здравія должны быть сосредоточены въ рукахъ государства. „Здоровье— третій предметъ полиціи“, читаемъ мы въ главѣ „О благочиніи“, и „обязуеть распространить свое тщаніе на безвредность воздуха, на чистоту улицъ, рѣкъ, колодязей и другихъ водяныхъ источниковъ, на качество съѣстныхъ и питейныхъ припасовъ, наконецъ на болѣзни, какъ въ народѣ размножающіяся, такъ и на прилипчивыя“ [1]). Екатерина II, слѣдовательно, являлась столь же убѣжденной сторонницей полицейскаго государства, какъ и Петръ Великій, въ глазахъ котораго полиція была „душой гражданства и фундаментальнымъ подпоромъ человѣческой безопасности и удобности“. Вполнѣ естественно, что, стремясь искоренять полицейскими мѣрами болѣзни, распространенныя въ народѣ, императрица на первый планъ выдвигала хорошія учрежденія и надлежащія узаконенія. Такимъ образомъ, весь вопросъ сводился къ цѣлесообразно организованной здравоохранительной политикѣ, въ результатѣ которой въ странѣ должно было наступить всеобщее благоденствіе. Декларативный характеръ Большого Наказа лишаетъ его значенія практическаго руководства, но все же для насъ въ высшей степени интересно, что императрица, не вдаваясь въ детали и подробности, останавливала свое вниманіе на надлежащей постановкѣ врачебнаго дѣла въ странѣ.

Вполнѣ понятно, что на данномъ вопросѣ должны были останавливаться въ своихъ наказахъ и правительственныя учрежденія, призванныя принять участіе въ законодательной работѣ Комиссіи 1767 г. Такъ, напр., Сенатъ вноситъ предложеніе объ учрежденіи повсемѣстно „докторовъ и лѣкарей съ аптеками и гошпиталями, опредѣляя онымъ содержаніе“ [2]). Малороссійская Коллегія, имѣя въ виду интересы управляемаго ею края, говоритъ объ учрежденіи въ г. Глуховѣ и другихъ провинціальныхъ городахъ гошпиталей „для неизлѣчимыхъ и пристанища и помощи не имущихъ“ [3]). Главная Полиція, какъ и слѣдовало ожидать, прилагаетъ довольно много стараній къ тому, чтобы обѣ столицы снабжены были достаточнымъ количествомъ врачей въ цѣляхъ оказанія медицинской помощи не только состоятельнымъ горожанамъ, но и неимущимъ элементамъ населенія. Какъ видно изъ ея наказа, въ

[1]) Наказъ императрицы Екатерины II, ст. 267; ibid., ст. 554.

[2]) Об. Р. И. О. т. 43, стр. 7.

[3]) Ibid., т. 43, стр. 230; ibid., стр. 360—361.

Петербургѣ слѣдуетъ имѣть не менѣе 3 докторовъ и 12 лѣкарей, а въ Москвѣ—6 докторовъ и 18 лѣкарей, „кои-бъ не обязаны были по званію своему особливою службою, а единственно для пользы городскихъ жителей опредѣлены были; и имъ отъ городской суммы положить не только довольное содержаніе, но и квартирныя деньги, чтобъ докторъ не меньше 1000, а лѣкарь пятисотъ рублевъ получить могъ; а за пріѣздъ къ больнымъ положить цѣны: доктору два рубли, лѣкарю по одному рублю за каждый разъ; и чтобъ оные медикусы расположены были въ городахъ по способности жителямъ, которые безотговорочно въ ассигнованныхъ имъ частяхъ города больныхъ надзирали. А какъ оные удовольствованы должны быть квартирными деньгами, и на содержаніе оныхъ на дрова и свѣчи отъ города, то и должны бѣдныхъ людей лѣчить безденежно, единственно покупая только лѣкарство на деньги больныхъ“ [1]). Въ остальныхъ же городахъ, по мнѣнію Главной Полиціи, должны быть опредѣлены лѣкаря на жалованьѣ нѣсколько меньшемъ сравнительно съ окладомъ столичныхъ врачей. Съ довольно подробнымъ предложеніемъ по вопросу о заведеніи повсемѣстно въ Имперіи врачей, больницъ и аптекъ выступаетъ Медицинская Коллегія. При составленіи Новаго Уложенія необходимо, по ея мнѣнію, „всемѣрно стараться объ опредѣленіи по губерніямъ докторовъ; по провинціальнымъ и прочимъ знатнымъ и многолюднымъ городамъ провинціальныхъ и городовыхъ лѣкарей съ принадлежащими къ нимъ цирюльниками и прочими помощниками; тако жъ по губернскимъ и провинціальнымъ городамъ о учрежденіи для бѣдныхъ и немощныхъ обоего пола людей лазаретовъ съ потребными къ нимъ достаточными аптеками, которыя сверхъ надобности пользующихся въ лазаретахъ больныхъ и для прочихъ тутошнихъ обывателей служить будутъ“ [1]).

Медицинской Коллегіи приходилось при этомъ считаться съ тѣмъ, что далеко не при всѣхъ казенныхъ гошпиталяхъ устроены аптеки. Поэтому она стояла за то, что въ тѣхъ городахъ, гдѣ ихъ нѣтъ, слѣдуетъ „вольнымъ аптекарямъ позволить аптеки заводить“. Довольно любопытными, по нашему мнѣнію, являются тѣ льготныя условія, на основаніи которыхъ всѣ желающіе могли заводить вольныя аптеки. „Такимъ аптекарямъ“, читаемъ мы въ наказѣ Медицинской Коллегіи, „позволить покупать людей до 15 человѣкъ, тако же земли до 100 саж. въ длину и столько же въ ширину для заведенія на оныхъ ботаническаго сада, безъ котораго аптекѣ обойтиться не можно. Позволить держать въ аптекахъ и продавать

[1]) Ibid., т. 43, стр. 360, 361, стр. 215.

всякія зелья и фрукты въ сахарѣ вареныя". Но, снабжая владѣльцевъ вольныхъ аптекъ значительными привилегіями, Медицинская Коллегія возлагала на нихъ и нѣкоторыя обязанности. Такъ, они должны были „суще бѣднымъ и неимущимъ людямъ по рецептамъ докторскимъ и лѣкарскимъ лѣкарства отпускать безденежно" [1]).

Особенно много стараній къ упорядоченію постановки аптекарскаго дѣла въ странѣ прилагала Главная Полиція. По ея мнѣнію, слѣдовало прежде всего „запретить подъ жестокимъ штрафомъ" не только продавать, но и держать въ лавкахъ какія бы то ни было ядовитыя вещества. Всѣ эти яды, особенно тѣ, которые „служатъ ко изверженію младенцевъ изъ утробы", разрѣшалось имѣть только въ аптекахъ, при чемъ аптекарей надо было „обязать въ полиціи никому безъ засвидѣтельствованія медикусовъ на употребленіе по ихъ искусству" этихъ ядовитыхъ веществъ не отпускать. „А кто безъ свидѣтельства требовать яду", тѣхъ Главная Полиція предлагала брать и отсылать въ ближайшія полицейскія учрежденія. Сами владѣльцы аптекъ, какъ видно изъ наказа Главной Полиціи, далеко не всегда отличались добросовѣстностью. Пользуясь тѣмъ, что въ обѣихъ столицахъ было весьма мало казенныхъ и вольныхъ аптекъ, они „по корыстолюбію своему ставили цѣны лѣкарствамъ чрезмѣрныя и продавали нерѣдко шпеціи повредившіяся". Бороться съ этими злоупотребленіями могли по закону только Медицинская Коллегія и ея контора. Главная же Полиція находила весьма своевременнымъ войти съ предложеніемъ о томъ, чтобы „Медицинская Коллегія не только въ резиденціяхъ, но и въ прочихъ городахъ всей имперіи сдѣлала росписаніе, колико гдѣ быть докторовъ, лѣкарей и аптекъ, дая на первый случай аптекарямъ вспоможеніе для заведенія аптекъ деньгами, или снабжая матеріалами за умѣренную или дешевую цѣну съ возвратомъ за оные черезъ нѣкоторое неотяготительное аптекарямъ время", а также „установила печатныя таксы всѣмъ изъ аптеки продающимся вещамъ". Эти таксы должны были быть обнародованы во всеобщее свѣдѣніе и разосланы „не токмо по городамъ полиціямъ и магистратамъ, но и лѣкарямъ" [2]). Врачи же, въ свою очередь, обязывались „по даннымъ имъ инструкціямъ всякое злоупотребленіе въ аптекахъ предостерегать и убытокъ по корыстолюбію аптекарей отъ гражданъ отвращать прилежнымъ смотрѣніемъ выписывающихся по рецептамъ лѣкарствъ, примѣ-

[1]) Ibid., т. 43, стр. 215.
[2]) Ibid., т. 43, стр. 361.

чая цѣны, подъ немалымъ штрафомъ за злоупотребленіе аптекарямъ". Такимъ образомъ, дѣятельность аптекъ и ихъ владѣльцевъ отдавалась подъ контроль рѣшительно всѣхъ: и Медицинской Коллегіи, и ея конторы, и Главной Полиціи, и ея мѣстныхъ органовъ, и городовыхъ магистратовъ, и врачей, и даже простыхъ обывателей.

На ряду съ царственнымъ авторомъ Большого Наказа и центральными правительственными учрежденіями по интересующему насъ вопросу высказались и избиратели, съѣхавшіеся на выборы весною 1767 года. Нѣкоторые изъ нихъ придавали дѣлу устройства врачебной помощи населенію довольно широкую постановку, другіе же при этомъ имѣли въ виду лишь потребности своей мѣстности или даже только своего сословія. Такъ, алексинскіе дворяне просили о томъ, чтобы „повелѣно было опредѣлить въ провинціяхъ по одному доктору, а въ приписныхъ городахъ по одному лѣкарю, съ принадлежащимъ имъ жалованьемъ и медикаментами". Козельскіе же дворяне возбуждали ходатайство объ учрежденіи „во всякомъ городѣ съ уѣздомъ одной довольной аптеки и одного лѣкаря" [1]). Интересъ къ медицинѣ проявляли и нѣкоторые изъ городскихъ обывателей. „Лѣкарямъ быть въ каждой провинціи, какъ въ большихъ, такъ и малыхъ, гдѣ котораго города купцы пожелаютъ", говорили избиратели г. Юрьева-Польскаго: „и пользовать имъ купечество безъ всякой платы, довольствуясь только однимъ жалованьемъ, развѣ кто добровольно изъ достаточныхъ дать пожелаетъ". Епифановское же купечество считало необходимо нужнымъ „во всѣхъ городахъ для пользы обществу опредѣлить по числу жителей лѣкаря или подлѣкаря", при чемъ для подкрѣпленія своего желанія оно ссылалось на то, что „во многихъ городѣхъ оныхъ нѣтъ, а за неимѣніемъ оныхъ принуждены иногда пользоваться отъ неученыхъ, а паче въ пусканіи крови великую имѣютъ нужду". Избиратели же г. Ряжска трактовали данный вопросъ въ такой плоскости: „во всѣхъ городахъ гошпиталямъ и сиропитательнымъ домамъ и въ нихъ докторамъ и лѣкарямъ съ медикаментами непремѣнно надобно быть во всемъ на основаніи предложеннаго отъ Медицинской Канцеляріи мнѣнія, коимъ представляли въ Правительствующій Сенатъ прошлаго 1763 года" [2]). И въ другихъ наказахъ, какъ дворянскихъ, такъ и городскихъ, встрѣчаются просьбы объ учрежденіи аптекъ и объ опредѣленіи врачей. Острогожскіе дворяне, напр., всеподданнѣйше просятъ го-

[1]) Ibid., т. VIII, стр. 542; ibid., т. IV, стр. 394.
[2]) Ibid., т. 93, стр. 394; ibid., т. 107, стр. 6; ibid., т. 144, стр. 250.

сударыню, чтобы она, „призирая на безвременную гибель Е. И. В. подданныхъ“, учинила всемилостивѣйшій указъ „объ учрежденіи во всѣхъ Слободской губерніи провинціяхъ докторовъ и аптекъ, а въ коммиссарствахъ лѣкарей“. Дворянскіе избиратели Пусторжевскаго уѣзда включаютъ въ свой наказъ просьбу, чтобы „съ Высочайшаго милосердія въ ихъ уѣздѣ для пользованія дворянъ и всякаго званія людей былъ опредѣленъ искусный лѣкарь съ достаточной аптекою, съ однимъ подлѣкаремъ и съ принадлежащими къ должности инструментами“. Купечество г. Венева, сѣтуя на отсутствіе врачебной помощи, выражаетъ желаніе, „чтобъ въ ихъ города быть нарочно опредѣленному для излѣченія болѣзней подлѣкарю“, при чемъ оно даже охотно соглашается уплачивать ему жалованье въ количествѣ 36 руб. 37 коп., т.-е. какъ разъ ту сумму, которую оно отсылало на содержаніе тульскаго провинціальнаго врача. Объ опредѣленіи въ свой городъ особаго лѣкаря на коштѣ всего городского и уѣзднаго населенія ходатайствуютъ также и курскіе городскіе избиратели [1]).

Желая во что бы то ни стало имѣть подъ рукою необходимое количество врачей, провинціальное дворянство спѣшило возложить на нихъ сверхъ чисто медицинскихъ еще полицейскія обязанности. Кашинскій наказъ, напр., отмѣчая, что „нѣкоторые нерадивые дворяне отговариваются отъ должностей и отъ пріѣзда въ собраніе разными отговорками, какъ-то болѣзнями“, предлагаетъ: „для освидѣтельствованія таковыхъ нерадивыхъ, а для пользованія дѣйствительно больныхъ опредѣлить одного лѣкаря на содержаніе дворянское, коему и состоять въ вѣдомствѣ предводителя“ [2]).

Если въ школьномъ дѣлѣ [3]) и избиратели и депутаты 1767 года стояли на строго сословномъ принципѣ, то въ вопросѣ объ оказаніи медицинской помощи населенію они обычно отстаивали общегосударственную точку зрѣнія. Только въ одномъ наказѣ—отъ жителей г. Соликамска—намъ пришлось встрѣтить ярко выраженное стремленіе придать вполнѣ сословную окраску проектируемымъ благотворительнымъ учрежденіямъ. Во владѣніи этого города находились большія соляныя варницы, на половину чистаго дохода съ которыхъ его жители предполагали содержать, между прочимъ, „сиропитательные дома и гошпитали для больныхъ

---

[1]) Ibid., т. 68, стр. 301; ibid., т. 14, стр. 305; ibid., т. 93, стр. 243; ibid., т. 144, стр. 439.

[2]) Ibid., т. 4, стр. 461.

[3]) См. нашу работу: „Культурные запросы русскаго общества начала царствованія Екатерины II“. Помѣщена въ ж. „Русск. Стар.“ 1915 г. №№ 1—5.

съ необходимымъ числомъ лѣкарей и необходимыми медикаментами". Но при этомъ они категорически заявляли: „а тѣмъ сиропитательнымъ домамъ и гошпиталямъ быть только для одного купечества, а не для какого другого званія людей, и состоять въ вѣдомствѣ магистрата" [1]).

Если недостатокъ во врачахъ и больницахъ такъ остро ощущался въ провинціи, то въ столицахъ, гдѣ, въ силу скученности населенія, болѣзни, особенно эпидемическія, проявлялись гораздо интенсивнѣе, избиратели вынуждены были обратить вниманіе Комиссіи на болѣе правильную постановку всей вообще врачебной организаціи. Въ этомъ отношеніи оба наказа, и отъ Петербурга и отъ Москвы, представляютъ значительный интересъ. Чиновные и сановные избиратели Петербурга настаиваютъ на необходимости разрѣшить въ первую очередь вопросъ общественной санитаріи въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. „Для соблюденія необходимо нужной къ здоровью человѣческому чистоты въ городѣ внутренней и наружной", читаемъ мы въ наказѣ сѣверной столицы, „чтобъ повелѣно было сдѣлать достаточныя полицейскія учрежденія на иждивеніи жителей, имъ неотяготительномъ"; при этомъ заботливость о чистотѣ воздуха доходила до того, что составители наказа выступаютъ съ предложеніемъ довольно категорическаго характера, чтобы „какъ бойницы изъ города выведены, такъ и для своду всякія нечистоты и сору особыя, внѣ города ужъ мѣста, отъ заразы воздуха неопасныя, назначены были" [2]). Но, конечно, больше всего и москвичи и петербуржцы говорятъ о постройкѣ больницъ, недостатокъ которыхъ такъ печально сказывался на городскомъ населеніи.

„Безпомощнымъ подать руку помощи есть не что иное, какъ долгъ человѣчества", заявляютъ въ началѣ своего наказа жители первопрестольной столицы. Свои же пожеланія они облекаютъ въ форму прошенія на Высочайшее имя, въ которомъ ходатайствуютъ о построеніи въ городѣ „по разсмотрѣнію вышняго правительства больницы, гдѣ бы за пристойную плату, въ разсужденіи подобнаго иждивенія на содержаніе такихъ больницъ, гдѣ обоего пола люди пользованы были, а бѣдные неимущіе на казенномъ содержаніи" [3]). Что касается петербургскихъ избирателей, то они центръ тяжести своего вниманія переносятъ на борьбу съ различнаго рода эпидемическими заболѣваніями, преимущественно венерическими болѣзнями, на широкое распространеніе которыхъ среди го-

[1]) Сб. Р. И. О. т. 107, стр. 537.
[2]) Ibid., т. 107, стр. 216, 214.
[3]) Ibid., т. 93, стр. 122.

родского населенія они указываютъ въ своемъ наказѣ. „Чтобы при здѣшнихъ двухъ гошпиталяхъ, или индѣ гдѣ въ городѣ“, говорятъ они, „устроена была одна или двѣ больницы, гдѣ бы зараженные сими болѣзнями за пристойную плату, по мѣрѣ пристойнаго на содержаніе оныхъ больницъ иждивенія, пользованы быть могли, какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ; неимущіе же на иждивеніи казенномъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ глазахъ жителей Петербурга весьма настоятельнымъ является планомѣрное устройство аптекъ и равномѣрное распредѣленіе по всей столицѣ вольнопрактикующихъ врачей. Указавъ на необходимость значительнаго увеличенія числа аптекъ, они включаютъ въ свой наказъ слѣдующую просьбу: „дабы въ каждую часть города по одному доктору и по два лѣкаря вольныхъ опредѣлено было, и имъ за каждое посѣщеніе больного извѣстная за трудъ ихъ плата узаконена была“ [1]).

V.

Вопросъ о поднятіи научнаго уровня лицъ врачебнаго сословія являлся также весьма важнымъ и серіознымъ въ глазахъ какъ правительства, такъ и общества. Вотъ, напр., съ какимъ предложеніемъ по этому поводу выступаютъ дворяне Орловскаго уѣзда: „Для сохраненія народа въ цѣломъ государствѣ, гдѣ великій упадокъ бываетъ, чему мы очевидцы, не соблаговолено ли будетъ умножить медицинскіе университеты, гдѣ опредѣлить повелѣть довольное число молодыхъ людей какъ своихъ природныхъ, такъ и малороссіанъ“. При чемъ изъ лицъ, окончившихъ полный курсъ медицинскихъ наукъ, слѣдуетъ, по ихъ мнѣнію, „опредѣлять помѣщикамъ на число крестьянскихъ душъ, на сколько заблагоразсужено будетъ, на помѣщиковомъ жалованьи и содержаніи“ [2]).

О студентахъ-медикахъ изъ малороссіянъ упоминаетъ не только этотъ наказъ, о нихъ много говоритъ въ своихъ пунктахъ и Кіевскій митрополитъ. Оказывается, что „въ 1754 году по письменнымъ приглашеніямъ Медицинской Коллегіи и по самопроизвольному желанію болѣе трехсотъ студентовъ Кіево-Могилянской Академіи отпущено было въ медико-хирургическую науку, съ коихъ нѣкоторые дѣйствительно служатъ въ докторской при арміи Е. И. В. и при Московскомъ и Санктъ-Петербургскомъ госпиталяхъ, а многіе при полкахъ въ лѣкарской и подлѣкарской долж-

[1]) Ibid., т. 107, стр. 214, 216.
[2]) Ibid., т. 68, стр. 525.

ностяхъ". По словамъ митрополита, стремленіе малороссійской учащейся молодежи къ поступленію на медицинскій факультетъ Московскаго Университета такъ велико, что „не проходитъ ни одного почти года, котораго бы здѣшней академіи студенты самопроизвольно не отпускаемы были въ медицинскую науку" [1]).

Однако, несмотря на большое число обучавшихся медицинѣ, все же въ странѣ ощущался громадный недостатокъ въ хорошо подготовленныхъ врачахъ. По вполнѣ компетентному признанію Медицинской Коллегіи, „всякіе незнающіе люди почти во всѣхъ городахъ и усадьбахъ къ крайней гибели здравія человѣческаго безъ всякаго наказанія дерзновенно лѣчатъ". Для огражденія населенія отъ подобнаго рода шарлатановъ правительственныя учрежденія высказывались за принятіе самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Такъ, Медицинская Коллегія настаивала на изданіи подтвердительнаго закона, въ силу котораго „никакой докторъ или лѣкарь не дерзаетъ нигдѣ практику имѣть и лѣчить прежде свидѣтельствованія его достоинства отъ Коллегіи Медицинской". Главная же Полиція являлась, какъ видно изъ ея наказа, сторонницей еще болѣе рѣшительнаго образа дѣйствій: „лѣкарей бродягъ, не имѣющихъ ни мѣста, ниже привилегіи отъ Медицинской Коллегіи, то-жъ и разношиковъ лѣкарства, полиція", по ея предложенію, „сыскивая отсылаетъ въ Медицинскую Коллегію для учиненія по законамъ" [2]).

Въ самой Комиссіи вопросъ о приближеніи къ населенію надлежащей врачебной помощи послужилъ темой довольно оживленной полемики между депутатами Нарышкинымъ и Самсоновымъ съ одной стороны и барономъ Ашемъ, представителемъ Медицинской Коллегіи, съ другой, при чемъ пренія касались преимущественно подготовки тѣхъ лицъ, которымъ будетъ поручено лѣченіе крестьянской массы. Ссылаясь на примѣръ запада, гдѣ деревенскіе священники пользуютъ своихъ заболѣвшихъ прихожанъ, и на русскихъ помѣщиковъ, которымъ часто случается простыми лѣкарствами избавлять почти отъ смерти своихъ людей, депутатъ отъ лихвинскаго дворянства Нарышкинъ въ 64 засѣданіи Большой Комиссіи внесъ предложеніе, чтобы „искусснымъ докторами составлены были краткія книги съ описаніемъ нѣкоторыхъ болѣзней и простѣйшихъ лѣкарствъ". Такія книги слѣдовало разослать священникамъ съ приложеніемъ самыхъ лѣкарствъ изъ корней и травъ, которыя должны быть раздѣлены на пріемы,

---

[1]) Ibid., т. 43, стр. 91.

[2]) Ibid., т. 43, стр. 216; ibid., стр. 361.

„дабы предупредить вредъ, могущій произойти отъ излишняго количества лѣкарства".

На ряду съ этими руководствами и аптечками Нарышкинъ стоялъ за оказаніе широкой медицинской помощи деревенскому населенію путемъ учрежденія должности уѣздныхъ лѣкарей, которымъ надо, по его словамъ, вмѣнить въ обязанность „дважды или трижды въ годъ объѣхать весь уѣздъ, возя съ собой нужную аптеку", и стараться находящимся въ тяжкихъ болѣзняхъ подавать помощь. „Гдѣ-жъ встрѣтятся заразительныя болѣзни, тамъ эти врачи должны пользовать больныхъ, оставаясь на мѣстѣ болѣе продолжительное время" [1]). Содержаніе какъ лѣкарей, такъ и аптекъ слѣдуетъ, по мнѣнію Нарышкина, принять на общественный счетъ; по крайней мѣрѣ, онъ высказывалъ увѣренность, что ни одинъ изъ уѣздныхъ жителей „не откажется сдѣлать нѣкоторое вспоможеніе для сохраненія жизни себѣ подобныхъ".

Но предложеніе Нарышкина встрѣтило себѣ горячаго принципіальнаго противника въ лицѣ депутата Медицинской Коллегіи барона Аша. Сельскіе священники, по мнѣнію этого ученаго медика, не въ силахъ оказать рѣшительно никакой пользы въ борьбѣ съ заболѣваніями въ крестьянской средѣ, „ибо люди, не знающіе медицинской науки, едва ли могутъ употреблять съ пользою даваемыя о лѣченіи наставленія". „Я трепещу", съ паѳосомъ восклицалъ въ 70 засѣданіи Большой Комиссіи баронъ Ашъ, „отъ одного только воображенія, какія отъ того могутъ произойти печальныя послѣдствія". Священники, по его глубокому убѣжденію, могутъ только тогда съ пользой облегчать страждущихъ, „когда они, подобно студентамъ-богословамъ въ Швеціи", еще въ Университетѣ, „по собственной своей склонности", будутъ обучаться „физикѣ, натуральной исторіи и разнымъ частямъ медицины". Болѣзни сравнительно легкія онъ предлагалъ лѣчить діэтой, „предоставивъ ихъ самой натурѣ, часто благотворно помогающей". При эпидемическихъ же заболѣваніяхъ слѣдовало обращаться въ губернскій городъ черезъ посредство мѣстныхъ административныхъ властей, какъ это повелѣваютъ законы, „дабы въ сихъ случаяхъ посланы были губернскіе лѣкари какъ для учиненія о тѣхъ болѣзняхъ надлежащаго изслѣдованія, такъ и для сдѣланія нужныхъ распоряженій къ пресѣченію оныхъ" [2]).

Указывая на натуральную оспу и на венерическія болѣзни, какъ на главные опасные недуги, баронъ Ашъ привѣтствовалъ оспопри-

[1]) Ibid., т. 8, стр. 302.
[2]) Ibid., т. 8, стр. 355—356.

вываніе, какъ радикальное средство противъ первой, и рекомендовалъ подвергать наказанію тѣхъ, кто немедленно по обнаруженіи венерической болѣзни не обратится въ госпиталь для излѣченія. Такъ врачъ-чиновникъ оказывался горячимъ сторонникомъ чисто полицейскихъ мѣръ въ дѣлѣ борьбы съ серіозными народными бѣдствіями. Единственно въ чемъ депутатъ Медицинской Коллегіи признавалъ еще общественную иниціативу, такъ это въ постройкѣ сельскихъ больницъ. „Дворяне одного уѣзда, имѣющіе небольшой достатокъ, могли бы, соединясь между собой, учредить гошпитали для лѣченія своихъ подданныхъ. Этимъ средствомъ укореняющіяся вредныя болѣзни наилучше могли бы быть предупреждены“ [1]).

На защиту мнѣнія Нарышкина выступилъ Самсоновъ, депутатъ отъ оренбургскихъ казаковъ. Возражая барону Ашу, онъ, ссылаясь на примѣръ Швеціи, между прочимъ, задавался вопросомъ: „для чего и нашимъ священникамъ, обучающимся въ семинаріяхъ, черезъ чтеніе и собственное упражненіе не быть въ состояніи того же дѣлать, что дѣлаютъ въ Швеціи?“ [2]). Такимъ образомъ, и Нарышкинъ и Самсоновъ, въ противовѣсъ чиновному представителю отъ Медицинской Коллегіи, хотѣли привлечь къ дѣлу оказанія врачебной помощи населенію мѣстныя общественныя силы, главнымъ образомъ представителей деревенской интеллигенціи. Очевидно, для депутатовъ, представлявшихъ интересы различныхъ слоевъ уѣзднаго населенія, было ясно, что въ борьбѣ съ широко распространенными въ народѣ болѣзнями нельзя ограничиться только тѣми патентованными докторами, которые числились на государственной службѣ и принадлежали къ составу мѣстной администраціи.

Въ связи съ дебатами по поводу рѣчи депутата Нарышкина затронуты были даже вопросы изъ области терапіи и фармакологіи. Такъ, 20 ноября 1767 года, въ 65 засѣданіи Большой Комиссіи, депутатъ отъ смоленскаго шляхетства Тихановскій выступилъ съ довольно оригинальнымъ сообщеніемъ о двухъ медицинскихъ средствахъ, которыя были извѣданы имъ самимъ съ желаннымъ успѣхомъ. „Особенно большого состраданія“, по его мнѣнію, „заслуживаютъ люди, подвергшіеся несносной болѣзни, которая происходитъ въ зимнія времена отъ сильныхъ морозовъ“. Вотъ противъ такихъ-то болѣзней, по словамъ Тихановскаго, наиболѣе дѣйствительными средствами и являются: „оржаной квашеный растворъ и ржаная мука, въ студеной водѣ размѣшанная“ [3]). Слѣдовательно,

[1]) Ibid., т. 8, стр. 356.
[2]) Ibid., т. 8, стр. 380.
[3]) Ibid., т. 8, стр. 321.

отсутствіе въ деревнѣ необходимыхъ медикаментовъ приводило къ необходимости обращаться къ своего рода „кустарнымъ" лѣкарствамъ, которыя, повидимому, иногда даже приносили желанное облегченіе.

Громадный недостатокъ хорошо подготовленныхъ повивальныхъ бабокъ давалъ себя чувствовать въ Россіи XVIII вѣка, пожалуй, еще сильнѣе сравнительно съ чрезвычайно малымъ числомъ врачей и аптекъ. Вѣдь въ акушерской помощи нуждались въ одинаковой степени и въ городѣ и въ деревнѣ, и правильная ея постановка должна была озабочивать рѣшительно всѣхъ. Поэтому вполнѣ понятно, что этому вопросу удѣлено было довольно много вниманія и въ наказахъ и въ преніяхъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, правительственныя учрежденія, вѣдавшія внутреннее благоустройство въ государствѣ, вынуждены были коснуться его въ своихъ наказахъ. „По городамъ должны быть повивальныя бабки съ удостовѣреніемъ отъ Медицинской Коллегіи и при нихъ по нѣскольку ученицъ", кратко, но рѣшительно заявляла Медицинская Коллегія. Главная же Полиція говорила по этому вопросу значительно болѣе пространно. По ея мнѣнію, слѣдовало приложить стараніе къ тому, чтобы повивальными бабками „снабжены были не только резиденціи, но и всѣ въ Имперіи города". Что касается столицъ, то въ нихъ необходимо имѣть знающихъ акушерокъ—въ Петербургѣ по крайней мѣрѣ 6, а въ Москвѣ не менѣе 12. Всѣ онѣ „должны быть обязаны содержать въ городѣ повивальныхъ бабокъ въ помочь себѣ для бѣдныхъ людей подъ наставленіемъ ихъ въ случаѣ нужномъ". Вообще Медицинская Коллегія, по мнѣнію Главной Полиціи, обязана приложить стараніе къ тому, чтобы такихъ знающихъ повивальныхъ бабокъ, „съ повышеннымъ передъ прочими содержаніемъ", было назначено по нѣскольку въ городѣ, „дабы всѣ упражняющіеся въ той человѣческой помощи, не токмо повивальныя бабки, но и призванные къ родительницамъ во время дѣторожденія доктора и лѣкаря, со оными объясняться, а по искусству бабокъ и совѣтовать въ операціяхъ могли" [1]).

Жители Петербурга также озабочены были увеличеніемъ въ столицѣ числа повивальныхъ бабокъ. „Дабы въ каждой части города", читаемъ мы въ ихъ наказѣ, „было ихъ по меньшей мѣрѣ по четыре, а въ тѣхъ частяхъ, которыя пространнѣе—по шести"; при чемъ все дѣло надо было организовать такъ, чтобы каждый обыватель могъ легко и быстро узнавать, гдѣ живутъ

[1]) Ibid., т. 43, стр. 216; ibid., стр. 362.

лица, занимающіяся акушерской практикой. Для этого петербуржцы, проектировали особыя вывѣски на домахъ, „въ коихъ повивальныя бабки жительство имѣютъ, чтобъ въ нуждѣ всякому найти ихъ способно было“ [1]).

Въ самой Комиссіи по вопросу о постановкѣ акушерскаго дѣла въ странѣ говорили три депутата: Нарышкинъ, баронъ Ашъ и Самсоновъ. Въ виду того, что „и въ городахъ нельзя найти достаточнаго числа искусныхъ повивальныхъ бабокъ“, слѣдуетъ, по мнѣнію Нарышкина, „оставить мысль объ оказаніи деревенскимъ женщинамъ необходимой акушерской помощи“. Однако надо приложить всѣ старанія къ тому, чтобы предупредить ихъ добрыми наставленіями, „дабы послѣ родовъ онѣ не подвергались отъ своей невоздержанности смертельнымъ припадкамъ“. Наставленія эти должны быть таковы, чтобы ихъ легко можно было выполнить, какъ то: „предохраненіе себя, хотя въ первые дни послѣ родовъ, отъ холодовъ, отъ тяжелыхъ работъ и тому подобнаго. И это уже“, какъ думаетъ Нарышкинъ, „можетъ многихъ спасти“. Краткія и ясныя правила, содержащія эти наставленія, должны быть составлены Медицинской Коллегіей и затѣмъ розданы священникамъ, „дабы они внушали ихъ поселянамъ“. Священники же „по тому довѣрію, которое они имѣютъ у поселянъ“, являются въ глазахъ Нарышкина наиболѣе способными къ тому, чтобы давать родильницамъ необходимые совѣты. На приходское духовенство Нарышкинъ возлагаетъ и другую обязанность, а именно: „увѣщавать матерей, дабы онѣ имѣли болѣе попеченія о своихъ младенцахъ, берегли бы ихъ отъ суровости времени, а всего болѣе въ болѣзняхъ, и черезъ неосторожные поступки не дѣлались убійцами своего потомства“ [2]).

И на этотъ разъ съ обширными возраженіями на слова Нарышкина выступилъ баронъ Ашъ. Въ качествѣ оффиціальнаго представителя медицинскаго вѣдомства онъ пытался опровергнуть утвержденіе Нарышкина, будто Медицинская Коллегія относится съ пренебреженіемъ къ доставленію искусныхъ повивальныхъ бабокъ по городамъ. По его словамъ, она, наоборотъ, приложила уже много стараній къ распространенію въ народѣ необходимой акушерской помощи. Такъ, напр., въ 1762 году въ Москвѣ была издана книга подъ заглавіемъ: „Наставленіе, какъ каждому человѣку вообще въ разсужденіи діеты и особливо женщинамъ въ беременности, въ ро-

---

[1]) Ibid., т. 107, стр. 214.
[2]) Ibid., т. 8, стр. 302—305.

дахъ и послѣ родовъ содержать себя надлежитъ". „Въ обѣихъ столицахъ каждый, кто только пожелаетъ, имѣетъ полную возможность", говорилъ онъ, „учиться повивальной наукѣ, потому что государственная Медицинская Коллегія нарочно для сей цѣли содержитъ на жалованьѣ искусныхъ врачей и акушеровъ. Такимъ образомъ, помѣщики, желающіе имѣть въ своихъ селеніяхъ искусныхъ повивальныхъ бабокъ, могутъ посылать способныхъ къ тому женщинъ въ одинъ изъ столичныхъ городовъ". Что касается предписанія о наилучшемъ уходѣ за больными крестьянскими дѣтьми, то ихъ можно найти въ уже изданной книгѣ „Домашній лѣчебникъ". „Остается только пожелать", по словамъ барона Аша, „чтобы данныя въ оном наставленія всегда надлежащимъ образомъ могли быть употребляемы".

Переходя къ затронутому депутатомъ Нарышкинымъ вопросу о положеніи новорожденныхъ и родильницъ въ первое время послѣ родовъ, баронъ Ашъ прежде всего сильно обрушивался на широко примѣняемый въ знатныхъ семьяхъ обычай брать къ новорожденнымъ кормилицъ, „отъ чего", по его словамъ, „какъ отъ главнѣйшей причины, обыкновенно происходятъ всякія болѣзни, которымъ дитя бываетъ подвержено во всю свою жизнь". Переносясь же мысленно въ крестьянскую среду, онъ, къ великому своему удовольствію, находилъ, что тамъ и грудныя дѣти и ихъ матери поставлены совсѣмъ въ иныя, значительно болѣе благопріятныя условія. „Истинное счастье", по его словамъ, „заключается въ томъ, что деревенскія женщины отъ безпрестанной работы и движенія по большей части рождаютъ младенцевъ безъ большихъ трудовъ, и рождаемыя ими дѣти, сравнительно съ дѣтьми знатнаго рода, бываютъ гораздо болѣе крѣпкаго сложенія; поэтому имъ почти никакого лѣкарства не надобно". Слѣдовательно, по глубокому убѣжденію этого ученаго депутата, въ деревнѣ все обстояло благополучно, и тревожиться за судьбу родильницъ и ихъ дѣтей совсѣмъ не приходилось.

Развивая далѣе свою аргументацію, баронъ Ашъ задавался вопросомъ: полезно ли было бы въ Россіи предпринимать какую-либо отмѣну въ воспитаніи крестьянскихъ дѣтей? И спѣшилъ отвѣтить самъ себѣ: „Далеко отъ того, ибо отъ такой отмѣны могли бы произойти сомнительныя послѣдствія для преславной сей имперіи". Въ самомъ дѣлѣ, благополучіе Русскаго государства, особенно его военная мощь, покоится исключительно на суровомъ воспитаніи. „Храбрые римляне", стремился блеснуть баронъ Ашъ своими историческими познаніями: „побѣждали всегда, пока они жили въ простотѣ, укрѣпляя тѣло свое работою и трудомъ". И тотчасъ

въ качествѣ самаго вѣскаго аргумента противъ Нарышкина приводилъ соображенія изъ сферы военной обороны государства. „Обратимъ взоры наши на войско сей имперіи, которое все состоитъ изъ крестьянъ", съ нѣсколько дѣланнымъ паѳосомъ заявлялъ баронъ Ашъ: „какое крѣпкое здоровье, какую твердость они имѣютъ! Во всѣхъ походахъ видно было, что они могли понести необыкновенно великіе труды и всѣ бѣдствія, сопряженныя съ войною, не получа отъ того ни малѣйшаго поврежденія своему здоровью" [1]). Итакъ, скромное и вполнѣ раціональное пожеланіе Нарышкина, чтобы крестьянскія женщины берегли себя въ первое время послѣ родовъ и окружали бо̀льшимъ уходомъ своихъ новорожденныхъ дѣтей, неизбѣжно приводило, по мнѣнію барона Аша, чуть ли не къ политической катастрофѣ, такъ какъ наносило непоправимый ударъ величію и мощи Россіи, какъ грозной военной державы.

Но доводы барона Аша нашли себѣ оппонента въ лицѣ оренбургскаго депутата Самсонова. Онъ старался напомнить членамъ Комиссіи, что Нарышкинъ ничего не говорилъ о воспитаніи крестьянскихъ дѣтей, а предлагалъ только предохранить ихъ отъ опасныхъ болѣзней въ самомъ юномъ возрастѣ. „Вѣдь болѣзни", наставительно замѣчалъ Самсоновъ, „существуютъ и въ самомъ низшемъ состояніи". Привѣтствуя мѣропріятія Медицинской Коллегіи по распространенію въ населеніи акушерской помощи, онъ вполнѣ резонно указывалъ, что „однѣми столицами дѣло ограничиться не должно, и что подготовлять искусныхъ повивальныхъ бабокъ слѣдуетъ и по нѣкоторымъ большимъ губернскимъ городамъ" [2]).

Въ наиболѣе примитивномъ положеніи находилось въ Россіи середины XVIII вѣка дѣло призрѣнія душевно-больныхъ. А вѣдь въ условіяхъ тогдашней русской жизни, особенно при нерѣдко проявлявшихся эксцессахъ барскаго и начальственнаго произвола, психическія заболѣванія должны были встрѣчаться довольно часто.

И государство и общество обращали мало вниманія на уходъ за такими больными. „Донынѣ", читаемъ въ наказѣ Правительствующаго Сената, „всѣ они здѣсь содержатся либо въ домахъ, ежели у кого есть родственники, или же въ монастыряхъ на особливомъ содержаніи; многіе жъ, не имѣя ни родственниковъ, ниже знакомцевъ, бродятъ часто по улицамъ и дѣлаютъ безчинія, иногда же вредъ другимъ". Главная Полиція, въ свою очередь, отмѣчая большое число ума-

[1]) Ibid., т. 8, стр. 353—355.
[2]) Ibid., т. 8, стр. 379; ibid., стр. 381.

лишенныхъ въ странѣ, говорила, что „они, потеряя разумъ, опасны жителямъ и живущимъ съ ними въ домахъ, а паче недостаточнымъ людямъ въ тягость“.

Въ виду этого и Сенатъ, и Медицинская Коллегія, и Главная Полиція согласны были въ томъ, что въ столицахъ и знатныхъ городахъ должны быть устроены особливые дома для неизлѣчимыхъ обоего пола, тако же для впадающихъ въ безуміе и бѣшенство“. Сенатъ же, сверхъ того, настаивалъ на изданіи точныхъ учрежденій „о содержаніи домовъ для поврежденныхъ въ умѣ“, говоря въ заключеніе: „сколь оные надобны въ государствѣ, доказывать было бы излишнее пространство“ [1]). Жители обѣихъ столицъ также возбуждали ходатайство объ устройствѣ особаго мѣста, въ которомъ бы сумасшедшіе обоего пола могли имѣть приличное содержаніе [2]).

Такимъ образомъ, можно сказать, не было ни одного вопроса, непосредственно относящагося къ постановкѣ медицинскаго дѣла въ странѣ, котораго не коснулись бы въ своихъ наказахъ и рѣчахъ избиратели и депутаты 1767 года. Если въ наказахъ эти вопросы трактовались довольно спокойно, то въ самой Комиссіи вокругъ нихъ нерѣдко, какъ мы видѣли, загоралась страстная полемика. Все это служитъ въ нашихъ глазахъ доказательствомъ того, что въ обществѣ хорошо сознавалась необходимость въ корнѣ реформировать всю организацію врачебной помощи населенію, при чемъ это дѣло, какъ можно заключать изъ нѣкоторыхъ наказовъ и рѣчей, слѣдовало не только расширить, но и углубить, путемъ привлеченія къ нему наиболѣе живыхъ общественныхъ силъ страны.

VI.

Въ Московской Руси XVI и XVII вв. заботы о народномъ призрѣніи находились всецѣло въ рукахъ общества. При церквахъ, подъ наблюденіемъ причта, какъ видно, напр., изъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ, жили нищіе, убогіе и странники, кормившіеся мірскимъ подаяніемъ. Подъ вліяніемъ западно-русскихъ братствъ и въ Московской Руси XVII вѣка стали появляться богадѣльни и дома призрѣнія. Только со времени Петра Великаго государственная власть начала постепенно проявлять себя въ дѣлѣ организаціи народнаго призрѣнія. Въ началѣ XVIII ст. въ Москвѣ былъ учрежденъ воспитательный домъ, а по городамъ открыты богадѣльни

[1]) Ibid., т. 43, стр. 7; ibid., стр. 305; ibid., стр. 216.
[2]) Ibid., т. 93, стр. 25; ibid., т. 107, стр. 21[illegible].

на казенный счетъ. Но всѣ эти учрежденія были лишь еле замѣтной каплей въ безбрежномъ морѣ народной нищеты и безпомощности и, безспорно, не могли удовлетворить все растущей потребности въ домахъ призрѣнія, въ богадѣльняхъ и другихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ.

Депутатскіе наказы, правда, хотя и вскользь, но все же касаются безотраднаго положенія безпріютныхъ и бездомныхъ общественныхъ элементовъ, выброшенныхъ, буквально, на улицу, благодаря тяжелымъ условіямъ борьбы за существованіе. Такъ, напр., крестьянскіе избиратели Сѣвернаго Поморья жаловались на то, что „больные, старые и малые отъ голодной смерти между дворовъ скитаются и нищенствомъ живутъ“, и указывали нерѣдко при этомъ, что „слѣпые и дряхлые, работать не могущіе, милостыней питаются“.

Такое массовое нищенство наблюдалось не только въ крестьянской средѣ: много бездомнаго люда встрѣчалось и въ городахъ. „Между муромскимъ купечествомъ“, читаемъ мы въ одномъ изъ городскихъ наказовъ, „находятся семейные купцы съ дѣтьми своими мужеска полу, а за убожествомъ платежа отъ нихъ, какъ подушныхъ, такъ и протчихъ по указамъ сборовъ, почти и вовсе не имѣется и питаются по міру“ [1]).

Если такой соціальный упадокъ замѣчался въ купеческихъ кругахъ, гдѣ все-таки было больше матеріальнаго достатка, то мы можемъ себѣ представить, что должны были испытывать другіе элементы городского населенія, особенно подъ старость, когда они окончательно теряли способность къ работѣ. Вотъ, напр., какъ жаловались на свою горькую участь приказные служители и разночинцы г. Углича: „оные же приказные чины, когда придутъ въ старость и дѣлъ управлять не могутъ, тогда оставляются на свое пропитаніе; изъ коихъ, у кого имѣютца въ настоящемъ возрастѣ и состояніи къ содержанію дѣти, тѣми оные, оставленные, пропитатца могутъ; а у которыхъ дѣтей не имѣетца, или и есть, да малолѣтни, тѣ несутъ крайнюю нужду и доходятъ по отставкѣ до того, что какъ самимъ имъ пропитаться, такъ и дѣтей малолѣтнихъ воспитать нечѣмъ“. Въ такомъ же или, пожалуй, еще болѣе тяжеломъ положеніи находились дѣти отставныхъ солдатъ. Заботы о нихъ правительства начинались только съ семилѣтняго возраста, когда ихъ можно было опредѣлить въ школу. „А до тѣхъ семи лѣтъ“, читаемъ мы въ томъ же углицкомъ наказѣ, „о воспитаніи съ начала ихъ младенчества

[1]) Ibid., т. 107, стр. 86.

особливаго и точнаго узаконенія не имѣетца". „И за тѣмъ тѣ солдатскія дѣти", по словамъ ихъ престарѣлыхъ отцовъ и родственниковъ, „не имѣютъ чѣмъ питаться и во время возрасту до семи лѣтъ терпятъ нужду и гладъ, и въ содержаніи одеждою холодъ, и безпокойство, потому что отцамъ ихъ и матерямъ принадлежащей къ воспитанію ихъ пищи взять негдѣ, другія же за смертію потомъ отцовъ и матерей остаются въ сиротствѣ, не имѣя потребнаго къ воспитанію призрѣнія и довольства" [1]).

Правда, какъ видно изъ наказовъ, ко времени созыва Законодательной Комиссіи кое-что уже было сдѣлано въ сферѣ общественнаго призрѣнія, но или эти мѣры носили преимущественно бумажный характеръ, или недостатокъ матеріальныхъ средствъ мѣшалъ придать болѣе широкіе размѣры дѣлу оказанія помощи нуждающимся и обездоленнымъ. Въ 1764 году, напр., Синодальнымъ указомъ повелѣно было „всякому архіерею въ своей епархіи хотя отъ подаянія христолюбцевъ устроить сиропитательницу". Но, очевидно, это предписаніе осталось только на бумагѣ и не успѣло облечься плотью и кровью. Только одни жители г. Тихвина упоминали о томъ, что въ ихъ городѣ „имѣются деревянныя богадѣльни на содержаніи доброхотныхъ дателей" [2]).

Довольно хорошо обставлены были благотворительныя учрежденія въ Кіевѣ. Съ момента основанія кіевскихъ школъ при Богоявленскомъ Братскомъ монастырѣ вкладчиками его изъ мѣстнаго шляхетства постановлено было „быть при ономъ же монастырѣ странноприимному дому на содержаніи доброхотныхъ дателей". Позднѣе, при митрополитѣ Петрѣ Могилѣ, взамѣнъ этого странноприимнаго дома устроили сиропитательный домъ, или „бурсу". Въ эту „бурсу" принимали не только природныхъ россійскихъ дѣтей и юношей, лишившихся отцовъ и матерей и, слѣдовательно, всякаго призрѣнія и снабдѣнія, но „и изъ иныхъ странъ приходящихъ православнаго греческаго исповѣданія". Воспользовавшись созывомъ Законодательной Комиссіи, кіевское епархіальное начальство ходатайствовало о выдачѣ этой „бурсѣ" Всемилостивѣйшей Высочайшей грамоты объ отдачѣ ея въ вѣдѣніе исключительно Кіевскаго митрополита и о предоставленіи ей цѣлаго ряда льготъ какъ финансоваго, такъ и судебнаго характера, при чемъ „всѣмъ вышнимъ и нижнимъ присутственнымъ мѣстамъ" должно было быть предписано „оному дому являть всякое защищеніе и вспомоществованіе" [3]).

[1]) Ibid., т. 93, стр. 576, 578.
[2]) Ibid., т. 43, стр. 93; ibid, т. 107, стр. 319.
[3]) Ibid., т. 43, стр. 93, 94.

На ряду съ характеристикой существующаго порядка вещей, депутатскіе наказы выявляютъ, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣ пожеланія, которыя, по мнѣнію ихъ составителей, должны были быть положены въ основу дальнѣйшихъ мѣропріятій въ дѣлѣ народнаго призрѣнія. Сама императрица Екатерина въ своемъ Большомъ Наказѣ удѣлила этому вопросу нѣкоторое вниманіе. Въ главѣ „О благочиніи“ она, перечисляя обязанности полиціи, говорила между прочимъ: „наконецъ нищіе, а наипаче нищіе больные, привлекаютъ попеченіе сего правленія къ себѣ, во-первыхъ, въ томъ, чтобъ заставить работать просящихъ милостыни, которые руками и ногами своими владѣютъ; а при томъ чтобы дать надежное пропитаніе и лѣченіе нищимъ немощнымъ“ [1]). Слѣдовательно, по мнѣнію Екатерины, государственная власть должна была приложить стараніе къ тому, чтобы дѣло народнаго призрѣнія получило въ своей организаціи больше планомѣрности.

Вполнѣ понятно, что высшее правительственное учрежденіе, вѣдавшее все относящееся къ благочинію въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, ставило въ число своихъ прямыхъ и непосредственныхъ обязанностей заботы о бѣдныхъ и нуждающихся въ призрѣніи. „Полиція предстательствуетъ о томъ“, читаемъ мы въ наказѣ Главной Полиціи, „чтобъ бѣдные призрѣны были“; при этомъ она довольно витіевато распространялась о присущей всѣмъ людямъ обязанности оказывать милосердіе себѣ подобнымъ. „Къ ближнему любовь есть превосходнѣйшая добродѣтель и первое мѣсто занимаетъ у честнаго человѣка“ [2]). Вѣдомство государственной полиціи должно было, какъ видно, слѣдовать этому естественному порядку вещей: „она да имѣетъ у полиціи всегдашнее сонмище, и полиція, какъ приличествуетъ отцу, другу, промыслителю и питателю вдовъ и сиротъ и болѣзньми одержимыхъ, должна и къ призрѣнію всѣмъ потребнымъ имѣть особливую сумму, или сбирая отъ доброхотнодателей, или откуда узаконено будетъ, чего прилежнѣйше оная испрашиваетъ“.

Настаивая на учрежденіи спеціальныхъ домовъ для призрѣнія бѣдныхъ, Главная Полиція доходила до требованія воспрещенія законодательнымъ путемъ подавать нищимъ милостыню. „Подаяніе бѣднымъ, бродящимъ по улицамъ и дорогамъ, милостыни есть дѣло похвальное въ томъ одномъ, что человѣкъ, видя ближняго въ скудости, дѣлаетъ имѣніемъ своимъ ему помощь“, заявляла она довольно рѣшительно; но тутъ же спѣшила въ своемъ наказѣ вскрыть вред-

---

[1]) Наказъ императрицы Екатерины II, ст. 560.

[2]) Сб. Р. И. О. т. 43, стр. 303.

ныя послѣдствія такого безразсуднаго милосердія: „однако въ лѣности погруженные подлые люди большею частію, таковымъ подаяніемъ питаясь, ведутъ распутную жизнь, не прилежа ни о домѣ, ни о работѣ, получая безденежное пропитаніе свое легчайшимъ способомъ, ибо хотя таковой бродяга, будучи въ состояніи работою питаться, но оною не станетъ, а причина подаянія его къ тому склоняетъ". И вотъ для пресѣченія подобнаго рода явленій, пагубныхъ съ общегосударственной точки зрѣнія, наказъ Главной Полиціи настаивалъ на законодательномъ урегулированіи вопроса о подачѣ нищимъ милостыни: „и для того полиція представить за нужное находитъ милостыню бродягамъ по подоконью чинить запретить подъ штрафомъ съ разсужденіемъ такимъ, что щедрые дателіи могутъ въ надлежащія мѣста, гдѣ призрѣваемы будутъ бѣдные, отсылать имъ на содержаніе, о чемъ и полицію обязать напоминаніемъ жителямъ" [1]).

Въ прежнее время, какъ извѣстно, заботы о нищихъ и убогихъ почти всецѣло лежали на плечахъ церкви, потому, можетъ быть, что они входили въ составъ, такъ называемыхъ, богоугодныхъ дѣлъ. Духовныя власти поэтому касались ихъ, хотя и не особенно подробно, въ своихъ наказахъ. Такъ, Синодъ выступилъ со слѣдующимъ предложеніемъ: „въ городахъ и знатныхъ селахъ при церквахъ, кромѣ государственныхъ богадѣленъ, построить для неимущихъ коштомъ всѣхъ прихожанъ богадѣльни, со вспоможеніемъ для содержанія и способнѣйшаго ихъ удовольствія отъ другихъ приходовъ, и сборы отъ доброхотныхъ дателей поручить подъ надзираніемъ священниковъ свѣтскимъ попечителямъ". Съ синодальнымъ присутствіемъ въ этомъ вопросѣ согласенъ былъ вполнѣ и петербургскій архіепископъ Гавріилъ. „При всякой же церкви", писалъ онъ въ своихъ пунктахъ, „учредить богадѣльни и на нихъ положить окладъ отъ приходскихъ дворовъ, чтобы нищіе по міру не скитались". Переяславскій же епископъ не вносилъ никакого новаго предложенія, а настаивалъ только на подтвержденіи узаконеній „о призираніи нищихъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ" [2]).

Среди избирателей 1767 года вопросъ объ общественной благотворительности, собственно говоря, не подымался. Дворяне его совсѣмъ не касались, а городскіе обыватели и крестьяне подходили къ нему преимущественно съ фискальной, податной стороны. Для нихъ было важно, чтобы нищенствующіе и бродячіе элементы населенія не являлись своего рода тяжкой обузой для жителей

---

[1]) Ibid. т. 43, стр. 303—304.

[2]) Ibid., т. 43, стр. 51; ibid., стр. 418; ibid., стр. 430.

той или иной мѣстности. Стариковъ и убогихъ слѣдовало, по ихъ мнѣнію, выключить изъ податного оклада и опредѣлить въ богоугодное заведеніе. Молодыхъ же и здоровыхъ изъ праздношатающихся и промышляющихъ нищенствомъ надо было взять въ работу и включить въ составъ городскихъ или сельскихъ тяглецовъ. „Не повелѣно ли будетъ", ходатайствовали обыватели г. Мурома, „дѣтей тѣхъ купцовъ, которые питаются по міру, первостатейнымъ и протчимъ купцамъ, кто ихъ пожелаетъ во услуженіе изъ вышеписаннаго платежа взять въ домы, или для обученія всякаго ремесла отдавать на фабрики съ платежомъ за нихъ подушныхъ и протчихъ указныхъ сборовъ. А престарѣлыхъ купцовъ, коимъ отъ роду свыше семьдесятъ лѣтъ, тако-жъ слѣпыхъ и дряхлыхъ повѣлено-бъ было изъ подушнаго оклада выключить и написать въ богадѣльню" [1]). Съ городскими избирателями вполнѣ солидарны и сельскіе. Такъ, жители одной изъ сѣверныхъ поморскихъ волостей просили разрѣшить имъ брать сиротъ и подкидышей на воспитаніе; и за это бы они служили до 20 лѣтъ своимъ благодѣтелямъ, а потомъ зачислялись въ кущцы, служилые или другіе классы.

Для приказныхъ элементовъ городского населенія податная сторона даннаго вопроса не имѣла никакого значенія. Они не хлопотали о возвращеніи въ податное состояніе нищихъ и бродягъ. Имъ не нужны были ни богадѣльни, ни сиропитательные дома; но для нихъ, какъ для лицъ, находящихся на государственной службѣ, важно было добиться обезпеченія себя на старость хотя бы небольшимъ вспоможеніемъ изъ казенныхъ суммъ. Такъ, углицкіе приказные служителя и разночинцы, упомянувъ о горькой долѣ приказныхъ чиновъ, за старостію вынужденныхъ выйти въ отставку, просили въ своемъ наказѣ: „не повѣлено ли будетъ онымъ дать пенсіонъ, или учинить узаконеніе, сходное съ ихъ пользою, дабы оные за тѣ свои службы безъ призрѣнія и безъ пропитанія не оставались, и дѣти ихъ малолѣтнія надлежащей науки не лишались и нужду и гладу не имѣли и оттого не впадали въ какіе худые поступки". Отставные же солдаты, живущіе въ Угличѣ, сверхъ того, ходатайствовали передъ Комиссіей за своихъ малолѣтнихъ дѣтей, не достигшихъ еще школьнаго возраста, чтобы „учинено было особое узаконеніе о довольствѣ ихъ кормовыми деньгами" [2]).

Въ самой Комиссіи вопросъ объ организаціи общественной

---

[1]) Ibid., т. 107, стр. 86—87.

[2]) Ibid., т. 93, стр. 576; ibid., стр. 578.

благотворительности и народнаго призрѣнія довольно рѣдко сосредоточивалъ на себѣ вниманіе депутатовъ. Они касались его лишь вскользь, при обсужденіи, напр., законовъ о купечествѣ и объ устройствѣ городского населенія. Такъ, 28 сентября 1767 г. депутатъ любимскаго дворянства Толмачевъ высказался въ томъ смыслѣ, что „для истребленія вкравшагося у лѣнивыхъ людей изъ простого народа обыкновенія ходить по міру слѣдуетъ въ каждомъ городѣ имѣть богадѣльни и принимать въ нихъ тѣхъ изъ горожанъ, которые по магистратскому свидѣтельству найдутся стары, дряхлы и не будутъ имѣть родственниковъ. Въ селахъ же слѣдуетъ устроить богадѣльни для призрѣнія тѣхъ крестьянъ, которые работать не могутъ“ [1]). 13 декабря того же года заслушано было въ Комиссіи представленіе Оренбургскаго губернатора, князя Путятина. Среди прочихъ вопросовъ онъ затрагивалъ въ немъ и проблему народнаго призрѣнія. Такъ, для искорененія нищенства среди отставныхъ престарѣлыхъ солдатъ и драгунъ Оренбургскій губернаторъ ходатайствовалъ: „не соблаговолено ли будетъ таковымъ престарѣлымъ и увѣчнымъ, работою своею кормиться не могущимъ отцамъ, дабы домы ихъ не рушились, и они не ѣли черезъ подаяніе чужого хлѣба, а питались бы своимъ и остатками помогали обществу, оставлять по одному сыну“ [2]).

VII.

Останавливаясь довольно подробно на организаціи врачебной и благотворительной помощи населенію, избиратели 1767 г. неизбѣжно должны были сталкиваться съ вопросомъ о матеріальной сторонѣ всего этого дѣла. Депутатскіе наказы, главнымъ образомъ отъ городовъ, много говорятъ о томъ, изъ какихъ источниковъ слѣдуетъ платить жалованье лѣкарямъ, опредѣленнымъ „для пользованія обывателей въ ихъ болѣзняхъ“. Вотъ, напр., съ какимъ проектомъ выступаютъ мещовскіе и козельскіе дворяне: „во всякомъ городѣ съ уѣздомъ учредить одну довольную аптеку и одного лѣкаря; а какъ въ такомъ уѣздѣ, за обширностію мѣста положенія и за множественнымъ числомъ живущихъ, одного опредѣлить лѣкаря и одного подлѣкаря; одному лѣкарю аптеку поручить и дать ему жалованье казенное, а подлѣкарь будетъ на жалованьѣ дворянскомъ, и могутъ практику отправлять; лѣкарь, у котораго аптека будетъ въ вѣдомствѣ, больныхъ посѣщать будетъ отъ города въ близости, въ отдаленныхъ мѣстахъ свободны; отъ

[1]) Ibid., т. 8, стр. 37.
[2]) Ibid., т. 8, стр. 430.

учрежденія-жъ лѣкарей и аптеки казеннаго ущерба не будетъ, ибо лѣкарство будетъ продаваться на деньги и съ интересомъ возвратится назадъ; и изъ того интереса получитъ жалованье тотъ лѣкарь, у котораго въ вѣдомствѣ аптека; а подлѣкарь жалованье будетъ получать отъ дворянъ, живущихъ въ томъ уѣздѣ“ [1]).

Что касается городскихъ избирателей, то они рѣшительно всѣ безъ исключенія стояли на той точкѣ зрѣнія, что платить жалованье лицамъ медицинскаго персонала одно купечество ни въ коемъ случаѣ не должно. Одни наказы при этомъ предлагали содержать губернскихъ и провинціальныхъ лѣкарей за счетъ казны [2]), другіе же настаивали на томъ, чтобы сборъ на жалованье лѣкарямъ производился не съ однихъ купцовъ, а со всѣхъ жителей провинціи [3]) или, по крайней мѣрѣ, со всѣхъ городскихъ обывателей [4]). Такъ, напр., городскіе избиратели г. Арзамаса стояли за уплату жалованья врачамъ изъ воеводской канцеляріи, такъ какъ „пребываніе лѣкарское не до одного принадлежитъ купечества, но и до дворянъ и прочихъ обывателей“. Иркутскіе же торговцы и промышленники рѣшительно высказывались за то, чтобы городовымъ врачамъ „быть на казенномъ, а не на гражданскомъ жалованьѣ и довольствоваться своимъ домомъ, а не квартирою“ [5]).

Изъ тѣхъ наказовъ, которые проектировали содержаніе лѣкарямъ производить не на казенный, а на общественный счетъ, одни предполагали привлечь къ этой повинности рѣшительно всѣхъ провинціальныхъ обывателей, „дабы отъ онаго одно купечество и цехи передъ прочими обывателями не имѣли тягости“ (наказъ г. Пензы) „да и всѣ оные городскіе и уѣздные обыватели по единственному на всѣхъ расположенію, яко самою малою долею отягощены быть не могутъ“ (наказъ г. Ельца) [6]); другіе же дѣлали исключеніе для нѣкоторыхъ разрядовъ мѣстнаго населенія; такъ, муромскій наказъ привлекалъ къ уплатѣ этого сбора только дворянство и купечество, а угличкій стоялъ за то, чтобы расположить его или на всѣхъ жителей провинціи, „кромѣ священно- и церковно-служителей, какъ оные тѣмъ не обязуютца, или же на однихъ положенныхъ въ сорокаалтынный и семигри-

---

[1]) Ibid., т. 107, стр. 469; ibid., т. 8, стр. 521; ibid., т. 4, стр. 269.

[2]) Наказы гг. Арзамаса, Кашина, Тамбова, Иркутска, Кунгура, Углича, Астрахани.

[3]) Наказы гг. Углича, Пензы, Мурома, Ярославля, Кашина, Ельца.

[4]) Наказъ г. Астрахани.

[5]) Сб. Р. И. О. т. 134, стр. 28—29; ibid., стр. 398.

[6]) Ibid., т. 107, стр. 469; ibid., т. 144, стр. 271.

венный окладъ". Купеческое сословіе такого разноплеменнаго городского центра, какъ Астрахань, настаивало на томъ, чтобы „въ раскладкѣ сбора на жалованье лѣкарю принимали участіе всѣ живущіе въ Астрахани мѣщане, армяне и татары казанскіе, бухарскаго, гилянскаго и агрыжанскаго дворовъ, ибо лѣкарь находится въ городѣ не для единаго такъ малаго числа купечества, но для пользы всего общества находящихся и живущихъ въ немъ"[1]).

Но вѣдь въ городахъ находились не одни только врачи. Въ нихъ было немало больницъ, гошпиталей, богадѣленъ и сиропитательныхъ домовъ. Тамъ же, гдѣ не было этихъ благотворительныхъ учрежденій, жители нерѣдко сами ходатайствовали объ ихъ открытіи. При этомъ нельзя было, конечно, игнорировать вопроса о томъ, на чьи средства они будутъ существовать. Какъ видно изъ наказовъ, къ серединѣ XVIII вѣка эти средства составлялись, съ одной стороны, изъ доброхотныхъ даяній, съ другой— изъ такъ называемыхъ выморочныхъ имѣній и спеціально установленныхъ сборовъ. Такъ, жители обѣихъ столицъ и цѣлаго ряда другихъ городовъ отмѣчали, что по закону выморочныя мѣщанскія имѣнія шли на содержаніе гошпиталей [2]). Кромѣ того, указами Святѣйшаго Синода 1723 и 1748 г.г. церковнослужителямъ и старостамъ вмѣнялось въ обязанность производить во время литургіи доброхотный сборъ „въ два кошелька: въ одинъ", по словамъ Синодальнаго наказа, „на покупку церковныхъ потребъ, а въ другой—на гошпиталь къ содержанію и довольству неимущихъ своего питомства, которые весьма здравія лишены и пропитанія ни откуда получать и сами себя промышлять не могутъ" [3]). Что касается этого сбора, то объ отмѣнѣ его никто не ходатайствовалъ, но зато о выморочныхъ имѣніяхъ довольно много было толковъ во время выборовъ. Такъ, москвичи вполнѣ опредѣленно просили, чтобы выморочныя по мѣщанству имѣнія „не отдавались въ конфискацію", а шли бы на удовлетвореніе культурныхъ нуждъ городского населенія. О томъ же говорили и жители Петербурга, предлагавшіе, чтобы „такія выморочныя послѣ мѣщанъ имѣнія всемилостивѣйше повелѣно было отдавать въ ратушу и употреблять оныя на содержаніе городскихъ училищъ, сиротъ и иныхъ общихъ потребностей городскихъ". Жители г. Шлиссельбурга также просили о содержаніи на доходы съ выморочныхъ имѣній школъ и богадѣленъ [4]).

---

[1]) Ibid., т. 107, стр. 86; ibid., т. 93, стр. 554; ibid., т. 134, стр. 153.
[2]) Ibid., т. 107, стр. 225; ibid., т. 93, стр. 133.
[3]) Ibid., т. 43, стр. 452.
[4]) Ibid., т. 93, стр. 74; ibid., т. 107, стр. 225; ibid., стр. 238.

Но составители депутатскихъ наказовъ не столько говорили объ отмѣнѣ старыхъ повинностей, сколько проектировали новые источники для сооруженія и содержанія тѣхъ заведеній, которыя относились къ области народнаго призрѣнія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Дворяне Бахмутскаго уѣзда, напр., выступили съ предложеніемъ отсылать въ Московскій Воспитательный домъ половину пожилыхъ денегъ, взимаемыхъ съ держателей бѣглыхъ крестьянъ. Купечество и мѣщанство трехъ городовъ: Костромы, Любима и Буя предлагали употреблять на содержаніе гошпиталя половину штрафныхъ денегъ, взимаемыхъ съ крестьянъ и разночинцевъ, занимающихся торговлей. А жители пригорода Нерехты выражали желаніе употреблять на тѣ же цѣли половину штрафныхъ денегъ, взимаемыхъ за безчестіе купцовъ, которыхъ, оказывается, не только оскорбляли словомъ и били рукой, но даже подвергали сѣченію и нерѣдко увѣчили [1]). Съ довольно своеобразнымъ ходатайствомъ выступили городскіе обыватели крѣпости Св. Димитрія: они просили такъ называемыя приборныя суммы, „оставшіяся по взносѣ въ казну положеннаго оклада, представлять здѣшнему купечеству на общую гражданскую пользу, какъ-то: на строеніе смирительныхъ и сиропитательныхъ домовъ, гошпиталей и на снабдѣніе пищею престарѣлыхъ, увѣчныхъ и не имущихъ пропитанія“ [2]). Серпуховское купечество для содержанія сиропитательныхъ домовъ предлагало ввести новый налогъ, а именно: взимать со всѣхъ лицъ, занимающихся извознымъ промысломъ, по двѣ копѣйки съ подводы, въ обезпеченіе правильной и своевременной доставки ими товаровъ. Соликамскъ же, который одинъ только изъ всѣхъ городовъ стремился придать своимъ благотворительнымъ учрежденіямъ строго сословный характеръ, расчитывалъ употреблять на нихъ часть доходовъ, получаемыхъ съ соляныхъ промысловъ [3]). Изъ правительственныхъ учрежденій вопроса о содержаніи гошпиталей и больницъ касался лишь одинъ Кригсъ-Комиссаріатъ. Онъ вмѣнялъ въ обязанность своему депутату настаивать въ Комиссіи на томъ, чтобы на это „употребляемъ былъ особый штрафъ, взимаемый съ областныхъ правительственныхъ учрежденій“. Этотъ штрафъ должны были уплачивать губернскія и уѣздныя канцеляріи за несвоевременную доставку въ назначенныя мѣста подушныхъ денегъ: по десяти рублей съ тысячи за каждую недѣлю промедленія и по пяти рублей въ день, если

---

[1]) Ibid., т. 93, стр. 74; ibid., стр. 529; ibid., стр. 522.
[2]) Ibid., т. 144, стр. 152.
[3]) Ibid., т. 93, стр. 193; ibid., т. 107, стр. 537.

не будетъ собрано по ихъ винѣ въ надлежащее время достаточнаго количества подводъ подъ ихъ перевозку [1]).

Итакъ, Законодательная Комиссія 1767 г. не только поставила передъ правительствомъ и обществомъ въ высшей степени важный вопросъ объ оказаніи надлежащей врачебной и благотворительной помощи населенію, но и намѣтила въ довольно широкомъ масштабѣ планъ постепеннаго осуществленія его въ жизни.

VIII.

Но тѣ основныя положенія, которыя установлены были и избирателями и депутатами въ сферѣ охраненія народнаго здравія и организаціи общественнаго призрѣнія, не отлились въ концѣ концовъ въ форму законодательныхъ предположеній. Малыя или частныя комиссіи совсѣмъ не удѣлили вниманія этимъ вопросамъ. Въ составленныхъ ими законопроектахъ мы не находимъ ни одной статьи, имѣющей хотя бы самое отдаленное отношеніе къ врачамъ, больницамъ, богадѣльнямъ и др. подобнымъ учрежденіямъ. Императрицѣ Екатеринѣ, такимъ образомъ, по ея собственному признанію, „отъ трудовъ Уложенной Комиссіи не удалось получить плодовъ, соотвѣтствующихъ Ея попеченію о благѣ общемъ и частномъ“. Однако дѣятельность Комиссіи не прошла безслѣдно: по крайней мѣрѣ, самой императрицѣ она помогла „спознать нужды и недостатки каждаго уѣзда“ [2]). Когда съ окончаніемъ Турецкой войны Екатерина получила возможность приступить къ широкимъ внутреннимъ преобразованіямъ, то въ дѣлопроизводствѣ Комиссіи 1767 г. она нашла обширный матеріалъ для своихъ законодательныхъ актовъ. Такъ, напр., на цѣломъ рядѣ статей „Учрежденія для управленія губерній 1775 года“, говорящихъ объ организаціи врачебной и благотворительной помощи населенію, нельзя не подмѣтить прямого вліянія всего того, что высказано было по этому поводу какъ въ періодъ избирательной кампаніи 1767 г., такъ и во время засѣданій самой Комиссіи.

Губернская реформа 1775 г. возложила всѣ заботы по охранѣ народнаго здравія и по устройству благотворительныхъ учрежденій на приказы общественнаго призрѣнія, на капитанъ-исправниковъ и городничихъ. Все это были мѣстные административные органы, изъ которыхъ одни, какъ приказы общественнаго призрѣ-

---

[1]) Ibid., т. 43, стр. 123.

[2]) Акты царствованія Екатерины II. Учрежденіе для управленія губерній 1775 г. М. 1907 г. Стр. 2.

нія, распространяли свою дѣятельность на всю губернію, другіе же, какъ исправники и городничіе, вѣдали или цѣлый уѣздъ или одинъ только уѣздный городъ. Однако не надо забывать, что почти всѣ эти учрежденія были тѣсно связаны съ мѣстнымъ обществомъ: вѣдь въ составъ приказа общественнаго призрѣнія, гдѣ предсѣдательствовалъ самъ губернаторъ, входили засѣдатели всѣхъ трехъ сословныхъ судовъ второй инстанціи, которые избирались уѣзднымъ дворянствомъ, городскимъ населеніемъ и свободными сельскими обывателями; капитанъ-исправникъ, какъ извѣстно, былъ всецѣло ставленникомъ мѣстнаго дворянства, и только одинъ городничій являлся чисто бюрократическимъ органомъ, такъ какъ вступалъ въ свою должность не по избранію, а по назначенію. Всѣ функціи чисто организаціоннаго характера возложены были на приказъ общественнаго призрѣнія, какъ учрежденіе, находящееся въ губернскомъ городѣ; уѣздныя же власти, въ лицѣ исправника и городничаго, были только его исполнительными органами. Приказъ общественнаго призрѣнія открывалъ больницы, сиротскіе дома, богадѣльни, особые дома для неизлѣчимыхъ больныхъ и для сумасшедшихъ, а также работные дома [1]), т.-е. какъ разъ тѣ учрежденія, о которыхъ ходатайствовали избиратели въ своихъ наказахъ 1767 г. Капитанъ же исправникъ и городничій обязаны были принимать самыя рѣшительныя мѣры въ случаѣ появленія въ той или другой мѣстности эпидемическихъ заболѣваній.

Что касается врачебной помощи населенію, то она была организована слѣдующимъ образомъ: „на каждый уѣздъ опредѣлено было по одному доктору или лѣкарю, по два подлѣкаря и по два лѣкарскихъ ученика“, при чемъ уѣздные доктора и лѣкаря принимались на службу „не иначе, какъ съ достаточнымъ свидѣтельствомъ, откуда надлежитъ, о ихъ искусствѣ, наукѣ и добромъ поведеніи“ [2]). Въ многолюдныхъ городахъ учреждались больницы, однако не въ самомъ городѣ, а поблизости отъ него, „въ низъ по рѣкѣ, а отнюдь не выше города, буде можно на высокомъ мѣстѣ и свободномъ воздухѣ“ [3]). Во всемъ этомъ нельзя не усмотрѣть сильнаго вліянія тѣхъ наказовъ, которые констатировали почти повсемѣстно громадный недостатокъ во врачахъ и больницахъ, отмѣчали низкій уровень научныхъ познаній лицъ врачебнаго сословія и настаивали на принятіи самыхъ рѣшительныхъ

[1]) Ibid., ст. 238.
[2]) Ibid., ст. 24; ibid., ст. 70.
[3]) Ibid., ст. 386.

мѣръ по наблюденію за чистотою воздуха и рѣчныхъ водъ, особенно въ наиболѣе многолюдныхъ, населенныхъ пунктахъ.

Пожеланія городскихъ избирателей обѣихъ столицъ приняты были во вниманіе императрицей Екатериной и тогда, когда она касалась въ своемъ Учрежденіи 1775 г. устройства по городамъ домовъ для хрониковъ и для душевно-больныхъ. Первые изъ нихъ открывались съ цѣлью „доставленія неизлѣчимымъ, неимущимъ покрова, прокормленія, услуженія и призрѣнія“, дабы они могли почувствовать „облегченіе въ своихъ недугахъ“; въ дома же для умалишенныхъ опредѣлялись „пристойные, добросердечные, твердые и исправные надзиратели съ нужнымъ числомъ людей для смотрѣнія, услуженія и прокормленія сумасшедшихъ“. Обходиться съ душевно-больными слѣдовало „человѣколюбиво, имѣя однако за ними крѣпкое и неослабное смотрѣніе, чтобъ сумасшедшій самъ себѣ и никому вреда не учинилъ“ [1]). Въ такія формы отливалась организація врачебной помощи населенію во вновь учреждаемыхъ губерніяхъ.

Но особенно тщательно и подробно императрица Екатерина II останавливается на мѣрахъ борьбы съ эпидемическими болѣзнями. Вѣдь онѣ являлись дѣйствительно громаднымъ несчастьемъ для страны, потому что при недостаткѣ надлежащей врачебной помощи въ провинціи и при низкомъ культурномъ уровнѣ населенія онѣ производили колоссальное опустошеніе, выкашивая иногда цѣлыя тысячи жителей. Объ этихъ повальныхъ болѣзняхъ много говорилось въ Комиссіи 1767 г., и благодаря имъ сама Екатерина должна была пережить немало тревожныхъ минутъ, напр., во время московскаго чумнаго бунта 1771 г. При томъ высокомъ авторитетѣ, какимъ въ глазахъ императрицы пользовалась полиція, вполнѣ понятно, что именно на полицейскія власти Учрежденіе 1775 г. возлагало цѣлый рядъ весьма сложныхъ обязанностей, какъ по борьбѣ съ эпидемическими заболѣваніями, такъ, главнымъ образомъ, по принятію самыхъ энергичныхъ мѣръ къ ихъ локализаціи. При появленіи въ уѣздѣ или городѣ „прилипчивыхъ болѣзней“ капитанъ-исправникъ или городничій должны были лично произвести разслѣдованіе вмѣстѣ съ представителями медицинскаго персонала, при приходскомъ священникѣ и двухъ свидѣтеляхъ. При этомъ больныхъ надо было немедленно „отлучить отъ здоровыхъ такъ, чтобы сообщенія одни съ другими не имѣли“, а высшее губернское начальство „не мѣшкавъ увѣдомить съ яснымъ докторскимъ или лѣкарскимъ описаніемъ какъ болѣзни, такъ и

[1]) Ibid., ст. 388; ibid., ст. 389.

гдѣ, кому и отъ чего она приключилась". Въ случаѣ надобности уѣздная или городская полиція обязана была оцѣпить карауломъ опасныя мѣста, проложить обводныя дороги, имѣть по дорогамъ предохранительные огни и вообще „приложить попеченіе и стараніе къ излѣченію и сохраненію человѣческаго рода" [1]). Такимъ образомъ, проводя въ жизнь свою областную реформу, императрица Екатерина довольно много мѣста въ ней удѣлила заботамъ о народномъ здравіи. Въ этомъ отношеніи она какъ бы стремилась удовлетворить съ одной стороны пожеланія, высказанныя уѣзднымъ дворянствомъ, съ другой—ходатайства, шедшія отъ различныхъ слоевъ городского торгово-промышленнаго населенія. Если мы припомнимъ, что новыхъ губерній открыто было 50, взамѣнъ прежнихъ 20, и что въ каждой губерніи было въ среднемъ отъ 10 до 12 уѣздовъ, то мы не можемъ не констатировать, что реформою 1775 г. сдѣланъ былъ большой шагъ впередъ во всей постановкѣ медицинскаго дѣла въ странѣ, и что сама врачебная помощь была значительно приближена къ населенію.

Но на ряду съ мѣропріятіями въ области здравоохранительной политики Учрежденіе 1775 г. довольно подробно касается явленій изъ сферы общественной благотворительности. Какъ бы припоминая то, что говорилось по этому поводу въ наказѣ Главной Полиціи, оно вмѣняетъ въ обязанность мѣстнымъ административнымъ и полицейскимъ властямъ „имѣть особливое попеченіе о прокормленіи нищихъ и убогихъ и стараться, чтобъ всякій приходъ, помѣщикъ или селеніе своихъ нищихъ, убогихъ и по тѣлеснымъ недугамъ работать не могущихъ прокормилъ и оныхъ отнюдь не допускалъ до такой крайности, чтобы отъ холода и голода принуждены были по міру шататься и стыднымъ и порочнымъ образомъ докучать людямъ подъ окошками или на улицахъ и дорогахъ прошеніемъ милостыни". „Бѣглыхъ, безпаспортныхъ и праздношатающихся слѣдовало при этомъ отсылать, куда надлежитъ, а пока не отошлются (буде работать могутъ), заставлять чинить дороги и мосты вмѣсто обывателей, кои имъ за то дадутъ дневную пищу" [2]). Въ этомъ пунктѣ, слѣдовательно, императрица шла рука объ руку съ городскими и сельскими обывателями, которые въ своихъ наказахъ 1767 г. рѣзко обрушивались на тѣхъ, кто шатался безъ работы по селамъ и городамъ, промышляя нищенствомъ и избывая государева тягла.

Однако Екатерина прекрасно понимала, что однѣми чисто по-

---

[1]) Ibid., ст. 238 и 260; ibid., ст. 239 и 261; ibid., ст. 240.

[2]) Ibid., ст. 252 и 275.

лицейскими мѣрами въ вопросѣ о народномъ призрѣніи ограничиться нельзя, и что въ этой области необходимы были планомѣрныя заботы чисто организаціоннаго характера. Эти заботы, такъ же, какъ и въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія, императрица возложила на приказъ общественнаго призрѣнія, который, по ея словамъ, „вездѣ оказывать долженствуетъ доброхотство къ роду человѣческому и споспѣшествовать повсюду дѣламъ, основаннымъ на человѣколюбіи". Приказъ общественнаго призрѣнія обязанъ былъ приложить стараніе къ устройству по городамъ „домовъ для призрѣнія и воспитанія сиротъ мужескаго и женскаго пола, оставшихся послѣ родителей безъ пропитанія". Тамъ же, гдѣ по недостатку средствъ такихъ домовъ завести было нельзя, онъ могъ отдавать „неимущихъ сиротъ на руки надежнымъ, добродѣтельнымъ и добронравнымъ людямъ за умѣренную плату для содержанія и воспитанія", съ тѣмъ, чтобы всѣ эти сироты были обучены „по ихъ полу, роду или состоянію: дѣти ремесленныхъ людей, напр., ремеслу, а торговыхъ—торгу". На ряду съ сиропитательными домами „въ удобныхъ къ тому мѣстахъ" заводились „богадѣльни для убогихъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ, кои пропитанія не имѣютъ", дабы всѣ они „получали покровъ, одежду и прокормленіе и къ общему стыду и соблазну не были принуждены испросить оныхъ внѣ установленныхъ для нихъ мѣстъ". Но эти богадѣльни являлись убѣжищемъ только для престарѣлыхъ и убогихъ, но отнюдь не для молодыхъ, способныхъ къ работѣ. Этихъ послѣднихъ слѣдовало или опредѣлять въ школы, или отдавать на услуженіе, или, наконецъ, помѣщать въ работные дома, чтобы „они", по словамъ императрицы, „съ молодости въ праздности не жили и къ праздности не привыкли" [1]). Наконецъ, для того, чтобы „работою доставить прокормленіе неимущимъ", приказъ общественнаго призрѣнія устраивалъ работные дома. Въ нихъ принимались, съ одной стороны, „бѣдные, совершенно убогіе люди, кои работать могутъ и сами добровольно туда приходятъ", съ другой—„пристанища не имѣющіе, кои присланы на время или навсегда" начальственными лицами данной мѣстности. Помѣщеннымъ въ работные дома давалась „работа, а по мѣрѣ работы пища, покровъ, одежда или деньги" [2]).

И весь этотъ отдѣлъ о благотворительныхъ учрежденіяхъ былъ также написанъ, по нашему мнѣнію, подъ сильнымъ вліяніемъ тѣхъ пожеланій, которыя были высказаны въ наказахъ отъ присутственныхъ мѣстъ и городскихъ избирателей 1767 г.

[1]) Ibid., ст. 392; ibid., ст. 385; ibid., ст. 387.

[2]) Ibid., ст. 390.

Подробно говоря объ организаціи врачебнаго и благотворительнаго дѣла въ губерніи, императрица Екатерина не могла, конечно, обойти молчаніемъ вопроса о тѣхъ средствахъ, которыя должны были быть на это употреблены. Вѣдь почти всѣ городскіе наказы въ одинъ голосъ требовали принятія за счетъ казны всѣхъ расходовъ по уплатѣ жалованья врачамъ и по содержанію богоугодныхъ заведеній. Идя навстрѣчу городскимъ избирателямъ, Учрежденіе 1775 г. предписывало „опредѣлить единовременно на нужды приказовъ общественнаго призрѣнія“ изъ губернскихъ доходовъ по 15,000 руб. для каждой губерніи. Эти средства должны были быть „дѣйствительно обращены въ пользу тѣхъ установленій“, кои находились въ непосредственномъ вѣдѣніи приказа, и „отнюдь не могли быть утрачены понапрасну или обращены на другія употребленія“. Умножать ихъ разрѣшалось путемъ отдачи „въ узаконенные проценты на вѣрные заклады“, или „принятіемъ отъ доброхотныхъ людей къ благимъ установленіямъ добровольнаго подаянія“, или, наконецъ, доходами съ аптекъ, спеціально съ этой цѣлью учреждаемыхъ [1]).

Однако, снабжая приказъ общественнаго призрѣнія необходимыми средствами для выполненія его непосредственныхъ обязанностей, императрица Екатерина далека была отъ мысли въ дѣлѣ устройства учрежденій, относящихся къ области охраненія народнаго здравія и организаціи народнаго призрѣнія, ставить какія бы то ни было преграды частной и общественной иниціативѣ. „Буде же случится“, читаемъ мы въ Учрежденіи 1775 г., „что частный человѣкъ, или какое общество, или городъ, или селеніе захотятъ установить которое-нибудь изъ вышеписанныхъ учрежденій, или къ установленнымъ прибавить пожелаютъ своимъ иждивеніемъ, то Приказъ общественнаго призрѣнія не чинитъ въ томъ никому препятствія, лишь бы установленіе сходствовало общимъ для установленій предписаннымъ правиламъ и оныхъ не повреждало“ [2]).

Сопоставляя все то, что было осуществлено въ жизни областной реформой Екатерины II, съ тѣми пожеланіями, которыя были высказаны населеніемъ въ моментъ созыва Законодательной Комиссіи 1767 г., мы не можемъ не притти къ заключенію, что все наиболѣе существенное изъ этихъ пожеланій было удовлетворено законодательнымъ актомъ 1775 г.: провинція получила теперь и врачей съ больницами и цѣлый рядъ благотворительныхъ учрежденій, которыя уже не ложились тяжкимъ бременемъ

---

[1]) Ibid., ст. 382.

[2]) Ibid., ст. 392.

на плечи мѣстныхъ жителей. Если прежде населеніе обязано было только доставлять средства на содержаніе лѣкарей и богоугодныхъ заведеній, не имѣя при этомъ возможности вліять на постановку врачебнаго и благотворительнаго дѣла въ губерніи, то теперь, наоборотъ, черезъ посредство своихъ выборныхъ, засѣдавшихъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія, оно направляло все это дѣло, денежныя же средства давала казна изъ общегосударственныхъ доходовъ. Слѣдовательно, въ области интересующихъ насъ явленій русская жизнь второй половины XVIII в. ушла далеко впередъ сравнительно съ временами Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны, и это поступательное движеніе, зафиксированное законодательными мѣропріятіями Екатерины II, мы не можемъ не поставить въ тѣсную связь съ тѣмъ общественнымъ пробужденіемъ, которое такъ ярко отразилось въ депутатскихъ наказахъ и дневныхъ запискахъ Законодательной Комиссіи 1767 г.

В. О. Эйхгорнъ.

Воспитательное заведеніе при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ (1786—1803).

При разработкѣ устава главныхъ и малыхъ народныхъ училищъ 1786 г. императрица Екатерина II признала уже несбыточной мечтою проектированную по ея же мысли въ началѣ ея царствованія систему образованія съ закрытыми учебными заведеніями, въ которыхъ дѣти людей всякаго званія, кромѣ крѣпостныхъ, не только обучались бы наукамъ, но также воспитывались бы съ шестилѣтняго возраста внѣ вліянія малокультурной своей семейной обстановки, чтобы такимъ способомъ воспитанія достигнуть утопической цѣли произвести новую породу людей [1]).

При составленіи устава 1786 года не былъ принятъ во вниманіе даже гораздо менѣе радикальный проектъ одного изъ членовъ частной комиссіи объ училищахъ, организованной при Большой Комиссіи для составленія новаго уложенія, хотя этотъ проектъ, повидимому, допускалъ въ гимназіи наравнѣ съ воспитанниками интерната и приходящихъ [2]).

Отказавшись отъ воплощенія въ дѣйствительности утопической идеи созданія новой породы людей путемъ удаленія дѣтей отъ родителей, императрица признала возможнымъ оставить учени-

[1]) Сравн. Учрежденія и Уставы, касающіеся до воспитанія и обученія въ Россіи юношества обоего пола. Т. II. Спб. 1774. Генеральное учрежденіе о воспитаніи, стр. 3; Журн. Мин. Нар. Просв. за 1872 г., августъ, стр. 280, статья Никольскаго: Школьная реформа имп. Екатерины II; самый проектъ повсемѣстнаго устройства въ Россіи воспитательныхъ учрежденій открытъ С. В. Рождественскимъ; Журн. Мин. Нар. Просв. за 1907 г., № 12, ст. С. В. Рождественскаго: Проекты реформъ, стр. 178; см. его же: Очерки по исторіи реформъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX в.в., т. I, стр. 259—261, 265, 329.

[2]) Рождественскій. Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX в.в., т. I, стр. 303.

ковъ малыхъ и главныхъ народныхъ училищъ, учрежденныхъ по уставу 1786 года, въ ихъ домашней обстановкѣ, возложивъ всю надежду на то, что нравственному вліянію новой, хотя и не дѣйствующей посредствомъ интернатовъ, школы удастся преодолѣть вредное вліяніе семьи. Въ Уставѣ 1786 года нѣтъ никакихъ упоминаній о воспитательныхъ учрежденіяхъ при народныхъ училищахъ, есть только указаніе на то, что учителямъ этихъ училищъ разрѣшается имѣть у себя пансіонеровъ изъ числа учениковъ; въ уставъ даже внесена подробная инструкція для лицъ, содержащихъ такія ученическія квартиры [1]). Но жизненная практика главныхъ народныхъ училищъ показала, что, при разбросанности населенія на огромныхъ разстояніяхъ и при весьма маломъ числѣ главныхъ народныхъ училищъ, при нихъ необходимо было устроить общежитія, правда, не съ тою цѣлью, которую имѣла въ виду императрица, высказывая въ началѣ своего царствованія Бецкому оказавшуюся утопическою мысль о повсемѣстномъ устройствѣ воспитательныхъ учрежденій для совершеннаго удаленія дѣтей отъ вліянія семьи и созданія такимъ путемъ новой породы людей.

Нѣтъ, жизненная практика требовала не изъятія дѣтей изъ вліянія семейной обстановки, а предоставленія пріюта осиротѣвшимъ ученикамъ главнаго народнаго училища, совсѣмъ лишившимся семьи, а также тѣмъ ученикамъ, родители которыхъ жили далеко отъ училища и были слишкомъ бѣдны, чтобы содержать своихъ дѣтей на ученической квартирѣ близъ училища. Насколько вліяло мѣстоположеніе училища на составъ учащихся, видно изъ того, что въ 1787 г., когда Московское главное народное училище было переведено изъ дома князя Волконскаго у Пречистенскихъ воротъ въ домъ генерала Левашева на Большой Дмитровкѣ, изъ 253 учениковъ „53 выбыли изъ училища за удаленіемъ его отъ домовъ ихъ“ [2]). Что же говорить о тѣхъ мальчикахъ, родители которыхъ жили гдѣ-нибудь въ Хамовникахъ, Лефортовѣ, Таганкѣ, на Зацѣпѣ? Для нихъ посѣщеніе единственнаго въ Москвѣ главнаго народнаго училища было настолько затруднительно, что только тѣ изъ нихъ, которыхъ пріютилъ открывшійся при главномъ народномъ училищѣ пансіонъ, могли получать въ немъ среднее образованіе. Само собой разумѣется, что рѣчь не идетъ здѣсь о людяхъ богатыхъ, которые вообще мало пользовались главнымъ народнымъ

---

[1]) Уставъ народн. уч. въ Росс. Имперіи. Санктпетербургъ, 1786 г., стр. 21—24, ст. 38.

[2]) Архивъ Моск. 1-й Мужск. Гимн., Записная Книга Моск. Главн. Нар. Училища, л. 7.

училищемъ, а въ случаѣ необходимости помѣщали дѣтей на сравнительно дорогихъ ученическихъ квартирахъ, содержавшихся учителями Московскаго главнаго народнаго училища [1]).

Согласно Уставу, лица, завѣдывавшія главнымъ народнымъ училищемъ, должны были имѣть подъ особеннымъ своимъ попеченіемъ учениковъ дѣтей недостаточныхъ родителей [2]), и свою заботу о бѣдныхъ ученикахъ Московскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія показалъ въ первый же годъ существованія училища, давая назначеніе капиталу въ 5000 рублей, пожертвованному въ пользу училища П. А. Демидовымъ. Черезъ три дня послѣ открытія училища, 25 сентября 1786 г., состоялось засѣданіе Приказа Общественнаго Призрѣнія, въ которомъ было опредѣлено обратить пожертвованныя деньги въ капиталъ и для того внести въ Императорскаго Московскаго Воспитательнаго Дома Опекунскій Совѣтъ часть получаемыхъ съ капитала процентовъ, а именно 105 рублей употреблять на содержаніе при училищѣ трехъ питомцевъ подъ названіемъ „питомцевъ благотворителя Прокофья Демидова“ [3]).

Такое постановленіе удобно было привести въ исполненіе, потому что, дѣлая приготовленія къ открытію училища, Приказъ Общественнаго Призрѣнія пріобрѣлъ самыя необходимыя вещи для устройства пансіона, правда, въ весьма скромныхъ размѣрахъ; это обзаведеніе было необходимо для содержанія тѣхъ 20 семинаристовъ, которые на основаніи Устава [4]) были вызваны для подготовки къ учительской должности и, согласно рѣшенію Приказа Общественнаго Призрѣнія, должны были во время „пріуготовленія“ жить при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ.

Демидовскія стипендіи недолго оставались незанятыми: 25 сентября состоялось постановленіе объ учрежденіи стипендій, а 15 ноября эти стипендіи уже были предоставлены двумъ сиротамъ-ученикамъ братьямъ Коровинымъ [5]); для этихъ пансіонеровъ, или, какъ ихъ тогда называли, питомцевъ, отведено было въ главномъ народномъ училищѣ помѣщеніе отдѣльно отъ помѣ-

---

[1]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 1280, дѣло № 38512.

[2]) Уставъ, ст. 28, 76, 103. Руководство учителямъ, стр. 82, 84, 88.

[3]) Арх. Мин. Нар. Пр., карт. № 308, дѣло № 37063.

[4]) Сравн. Уставъ, стр. 41, ст. 72; стр. 9, ст. 10.

[5]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 308, дѣло № 37063, вѣдомость о дѣлахъ за 1786 г.: „1786 г. 15 ноября доношеніе въ Приказъ вдовы порутчицы Аѳимьи Коровиной о опредѣленіи дѣтей ея для обученія въ главное народное училище на казенное содержаніе. Того же числа опредѣлено: „о принятіи оныхъ Директору предложить и на содержаніе ихъ опредѣлить изъ процентовъ благотворительной суммы Демидовской по 75 руб. въ годъ“.

щенія семинаристовъ; питомцы жили вмѣстѣ со смотрителемъ Соколовымъ, который, такимъ образомъ, кромѣ исполненія разныхъ порученій по хозяйственной части, долженъ былъ взять на себя и обязанности воспитателя [1]).

Такъ возникло при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ небольшое „воспитательное заведеніе", развившееся вскорѣ въ довольно большой пансіонъ. Руководитель Московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, губернаторъ П. В. Лопухинъ, хорошо зналъ о томъ, какое значеніе придавала государыня интернатамъ. Открытыя Бецкимъ въ началѣ царствованія Екатерины II, по ея указанію, закрытыя учебныя заведенія продолжали пользоваться милостивымъ вниманіемъ императрицы, и это не могло не повліять на рѣшеніе Московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, когда онъ обсуждалъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ воспользоваться капиталомъ, который пожертвованъ былъ П. А. Демидовымъ въ пользу Московскаго главнаго народнаго училища; капиталомъ этимъ воспользовались для того, чтобы положить начало учрежденію при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ интерната. Но Московскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія, какъ увидимъ, обладалъ слишкомъ недостаточными средствами, чтобы этотъ интернатъ пріобрѣлъ такую славу, какъ учрежденія, устроенныя Бецкимъ и имѣвшія цѣлью создать новую породу людей.

Когда состоялось постановленіе о замѣщеніи братьями Коровиными двухъ ученическихъ вакансій въ зарождавшемся при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ воспитательномъ заведеніи, Приказъ Общественнаго Призрѣнія распорядился отпустить деньги на покупку платья, бѣлья, обуви и постелей для питомцевъ, при чемъ куплены были, между прочимъ, шляпы, платки шелковые и бумажные, перчатки, чулки, сапоги, постели, цыновки; всего на обзаведеніе затрачено было около 25 рублей на человѣка; на столъ для питомцевъ выдавалось сначала только по 1 руб. въ мѣсяцъ на человѣка, хотя на столъ для семинаристовъ отпускалось по три рубля въ мѣсяцъ; помѣщены были питомцы вмѣстѣ съ смотрителемъ Соколовымъ въ томъ же второмъ этажѣ училищнаго зданія, гдѣ было и общежитіе семинаристовъ.

Надо полагать, что, при ассигнованіи на столъ для питомцевъ по 1 рублю въ мѣсяцъ, содержаніе ихъ было весьма скудное; однако это не помѣшало тому, чтобы, вскорѣ послѣ принятія

[1]) Что къ смотрителю перешли также обязанности воспитателя, видно изъ словъ доношенія, поданнаго Приказомъ Общественнаго Призрѣнія ревизору Козодавлеву 23 марта 1788 г.: „содержащіеся Приказомъ Общественнаго Призрѣнія дѣти со смотрителемъ". Ibid., карт. № 1278, дѣло № 38494.

братьевъ Коровиныхъ, въ Приказъ обратились съ новою просьбою о помѣщеніи въ главное народное училище на казенное содержаніе еще двухъ сиротъ, сыновей умершаго прапорщика Ильи Разсохина—Григорія и Матвѣя Разсохиныхъ; Приказъ Общественнаго Призрѣнія не призналъ возможнымъ отказать, и къ январю 1787 г. на его содержаніи было уже четыре ученика: двое Коровиныхъ—демидовскихъ и двое Разсохиныхъ—дворянскихъ [1]). Въ маѣ и сентябрѣ 1787 г. прибавилось еще по одному питомцу [2]), такъ что къ январю 1788 г. было уже 6 пансіонеровъ. Приказъ Общественнаго Призрѣнія потому, вѣроятно, не особенно противился увеличенію числа питомцевъ, что съ апрѣля 1787 г. число содержавшихся на казенный счетъ семинаристовъ стало уменьшаться: въ мартѣ 1787 г. въ главномъ народномъ училищѣ получали полное содержаніе 20 семинаристовъ, въ маѣ—17, въ іюлѣ—13.

При крайней недостаточности суммы, отпускавшейся Приказомъ на столъ для питомцевъ, не было возможности кормить ихъ мало-мальски сносно; на содержаніе питомцевъ смотрителемъ было передержано за время съ 26 ноября по 17 декабря 1787 г. 15 руб. 99 коп.; такія же передержки были раньше. 23 ноября 1787 г. смотритель Соколовъ подалъ въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія рапортъ, которымъ просилъ „о прибавкѣ на содержаніе питомцевъ къ прежде производимой на каждаго рублевой препорціи въ разсужденіи нынѣшней во всемъ дороговизны [3]) еще сколько заблагоразсуждено будетъ“. 26 ноября 1787 г. въ присутствіи Приказа Общественнаго Призрѣнія состоялось опредѣленіе: прибавить на содержаніе питомцевъ еще по рублю и производить по два рубля въ мѣсяцъ на каждаго [4]); такимъ образомъ Приказъ Общественнаго Призрѣнія не призналъ возможнымъ ассигновать на содержаніе учениковъ главнаго народнаго училища столько же, сколько отпускалось на содержаніе жившихъ при томъ же училищѣ семинаристовъ.

Новая „двухрублевая препорція“ была уже отпущена съ 1 де-

---

[1]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 308, дѣло № 37063.

[2]) „1787 г. 12 сентября доношеніе умершаго изъ дворянъ подпоручика Данилы Кишкина сына его Николая объ опредѣленіи для обученія въ главное народное училище по бѣдности на казенное содержаніе. Того же числа опредѣлено онаго просителя опредѣлить на казенное содержаніе“ (ibid.).

[3]) О ростѣ цѣнъ въ Москвѣ въ концѣ XVIII в. можно судить по тому, что въ 1790 г. пудъ ржаной муки стоилъ 39 коп., а въ 1802—83 к.; сажень дровъ въ 1788 г.—2 р. 50 к., а въ 1800—4 р.; ведро молока въ 1788 г.—37 к., а въ 1802—76 к. См. Моск. Губ. Арх. Стар. Дѣлъ. Дѣла Моск. Ген.-Губ. Опись № 3, дѣло № 181489.

[4]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. 308, д. № 37063.

кабря 1787 г.; но и при той прибавкѣ, которую признали возможнымъ сдѣлать Приказъ Общественнаго Призрѣнія, трудно было содержать питомцевъ. Насколько недостаточна была при столичной дороговизнѣ двухрублевая „препорція“, можно заключить хотя бы по тому, что даже въ провинціальной, можно сказать, захолустной Вологдѣ въ то же самое время (до 1803 г.) отпускалось на столъ для питомцевъ Приказа Общественнаго Призрѣнія по 3 рубля въ мѣсяцъ, но и эта сумма считалась весьма недостаточною [1]).

Съ начала 1788 года Приказъ Общественнаго Призрѣнія, чтобы хотя нѣсколько облегчить главному народному училищу содержаніе питомцевъ, сталъ выдавать смотрителю причитавшіяся на столъ для питомцевъ деньги не на одинъ мѣсяцъ впередъ, а на нѣсколько [2]), для того, чтобы можно было закупать припасы не по мелочамъ, а оптомъ; впрочемъ, это продолжалось недолго. Однако при дальнѣйшемъ увеличеніи числа питомцевъ пришлось отказаться отъ закупки нѣкоторыхъ изъ нужныхъ предметовъ хозяйственнымъ способомъ и перейти къ заготовленію при помощи подрядчиковъ.

Несмотря на то, что улучшеніе содержанія питомцевъ было незначительное, число ихъ довольно быстро увеличивалось, при чемъ въ первое время принимались преимущественно сироты мелкихъ чиновниковъ [3]). Вопросъ о принятіи дѣтей дворянъ и чиновниковъ на казенное содержаніе разрѣшался большею частью Приказомъ Общественнаго Призрѣнія, на имя котораго подавались прошенія объ опредѣленіи питомцевъ.

Не всегда, впрочемъ, вопросъ объ опредѣленіи питомцевъ въ пансіонъ рѣшался Приказомъ Общественнаго Призрѣнія: иногда случалось, что просители, хлопотавшіе о помѣщеніи на казенное

[1]) Н. Отто. Вологодская учебная дирекція училищъ, стр. 24.

[2]) Арх. Мин. Нар. Пр., карт. № 308, дѣло № 37063. Вѣдомость о казнѣ за 1788 г.

[3]) Приводимъ изложеніе нѣкоторыхъ изъ прошеній о пріемѣ на казенное содержаніе; по этимъ прошеніямъ можно судить о томъ, кто принимаемъ былъ въ число питомцевъ: „1788 г. 3 февраля доношеніе недоросля изъ дворянъ Ивана Москвитинова о пріемѣ на казенное содержаніе въ главное народное училище“. Резолюція—„принять“; „1788 г. 3 мая доношеніе отставного канцеляриста Конторы Святѣйшаго Правительствующаго Синода объ опредѣленіи на казенное содержаніе въ главное народное училище регистраторскаго сына Ивана Куликова“. Резолюція—„принять“; „1791 г. 14 мая поступило въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія прошеніе коллежскаго протоколиста вдовы Өеклы Ширяевой объ опредѣленіи на казенное содержаніе въ главное народное училище малолѣтняго сына ея Николая“. Резолюція—„опредѣлить“ (Ibid. Вѣдомость о дѣлахъ за 1788—1791 г.).

содержаніе сиротъ, бывшихъ на ихъ попеченіи, обращались съ прошеніями не въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, а къ самому главнокомандующему г. Москвы, или подавали даже просьбы на Высочайшее имя; при наличности Высочайшей резолюціи о принятіи упомянутыхъ во всеподданнѣйшемъ прошеніи сиротъ, Приказу Общественнаго Призрѣнія уже не приходилось входить въ разсмотрѣніе вопроса о принятіи, а только исполнять ордеръ главнокомандующаго, состоявшійся вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія объ опредѣленіи того или другого сироты въ Московское главное народное училище [1]).

Когда прошенія объ опредѣленіи сиротъ въ Московское главное народное училище подавались главнокомандующему г. Москвы, то онъ, большею частью, пересылалъ прошенія московскому губернатору—предсѣдателю Приказа Общественнаго Призрѣнія—съ предложеніемъ учинить надлежащее разсмотрѣніе [2]); иногда же главнокомандующій рѣшалъ вопросъ своею властью и прямо „рекомендовалъ“ губернатору помѣстить въ пансіонъ того ученика, объ опредѣленіи котораго на казенное содержаніе поступало прошеніе [3]).

О пріемѣ на казенное содержаніе сиротъ духовнаго званія Приказъ Общественнаго Призрѣнія получалъ предложенія отъ Губернскаго Правленія [4]). Такіе случаи были очень рѣдки, такъ какъ при принятіи пансіонера, происходящаго изъ духовнаго званія, нужно было заручиться разрѣшеніемъ Консисторіи на увольненіе желающаго поступить въ главное народное училище изъ духовнаго званія.

Пока въ главномъ народномъ училищѣ приходилось содержать семинаристовъ, приготовлявшихся къ учительской должности, Приказъ Общественнаго Призрѣнія не рѣшался очень увеличивать комплектъ питомцевъ, но вотъ въ началѣ 1791 г. рѣшено было больше не принимать семинаристовъ на казенное содержаніе въ главномъ народномъ училищѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличить число питомцевъ; въ началѣ 1791 г. питомцевъ было всего 11, а въ сентябрѣ слѣдующаго 1792 г., при новомъ директорѣ училища Курбатовѣ, было уже 25 пансіонеровъ.

---

[1]) Московскій Губернскій Арх. Стар. Дѣлъ по описи № 3, кн. № 333413, л. 246. Дѣла Моск. Ген.-Губ. 1790 г.

[2]) Ibid., вязка № 8435, дѣло № 333440, л. 698—предложеніе главнокомандующаго гр. Салтыкова отъ 5 іюня 1801 г. за № 1918 съ препровожденіемъ прошенія Авдотьи Поляковой объ опредѣленіи на казенное содержаніе внука ея Василія.

[3]) Ibid., лл. 111 об.—112.

[4]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 308, дѣло № 37063, вѣдомость о дѣлахъ за 1788 г. 12 іюля.

Прекративъ содержаніе семинаристовъ на казенный счетъ и обративъ расходовавшіяся на это деньги на содержаніе питомцевъ изъ числа учениковъ главнаго народнаго училища, Приказъ однако продолжалъ держать питомцевъ на „двухрублевой мѣсячной препорціи".

Въ этомъ отношеніи нѣкоторая перемѣна къ лучшему наступила только въ 1794 г., когда директоръ Курбатовъ сумѣлъ выхлопотать новую прибавку на содержаніе питомцевъ: съ октября 1794 г. изъ средствъ Приказа Общественнаго Призрѣнія стали отпускать на содержаніе пансіонеровъ Московскаго главнаго народнаго училища „порціонныхъ денегъ" по 2 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ. Эта перемѣна произошла одновременно съ новымъ увеличеніемъ комплекта пансіонеровъ; въ августѣ 1794 г. сдѣланъ былъ большой пріемъ въ пансіонъ—принято было сразу 25 учениковъ и число казенныхъ питомцевъ доведено до 50.

Увеличеніе числа пансіонеровъ до 50 было необходимо въ виду большого числа поступавшихъ въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія прошеній о принятіи необезпеченныхъ учениковъ въ пансіонъ главнаго народнаго училища, но расширенію пансіона препятствовалъ недостатокъ помѣщенія въ домѣ кн. Волконскаго, гдѣ, до перемѣщенія въ казенный домъ, училище находилось съ 1788 г.; къ концу 1794 г. отдѣлка сравнительно обширнаго зданія Юстицъ-коллегіи, пожалованнаго Государыней для главнаго народнаго училища, приходила уже къ концу, и Приказъ призналъ возможнымъ увеличить комплектъ пансіонеровъ уже съ начала ближайшаго учебнаго т е ч е н і я, съ 1 августа; для того же, чтобы размѣстить всѣхъ вновь принятыхъ питомцевъ на время до окончанія отдѣлки казеннаго зданія, нанятъ былъ недалеко отъ дома кн. Волконскаго небольшой домъ Бражникова, гдѣ и помѣщены были пансіонеры вмѣстѣ со смотрителемъ.

Съ переходомъ училища въ собственное помѣщеніе число пансіонеровъ еще болѣе увеличилось: въ 1796 г., кромѣ 50 „казенныхъ" питомцевъ, встрѣчаемъ двухъ питомцевъ „благороднаго" собранія и 7 „купеческихъ и мѣщанскихъ" [1]). Въ 1798 г. содержалось въ пансіонѣ главнаго народнаго училища 6 стипендіатовъ мѣщанскихъ и 6 купеческихъ. Содержались „благородные" питомцы на сумму, присылавшуюся въ Приказъ отъ Московскаго Благороднаго Собранія [2]); что же касается „купеческихъ и мѣщанскихъ

[1]) Ibid. Вѣдомость о казнѣ и дѣлахъ за 1791—1796 г.г.

[2]) Въ 1796 г. Прик. Общ. Призр. получилъ 120 р. „отъ Благороднаго Собранія на содержаніе двухъ питомцевъ подъ названіемъ онаго" (Моск. Губ. Арх. Стар. Дѣлъ, Дѣла Моск. Ген.-Губ. 1796 г., № 1279, по описи № 1).

питомцевъ", то это были тѣ ученики изъ сословій купцовъ и мѣщанъ, которыхъ купеческое общество и Московская городская Дума рѣшили содержать на свой счетъ въ главномъ народномъ училищѣ послѣ перемѣщенія училища въ собственное помѣщеніе.

Купеческіе и мѣщанскіе питомцы помѣщены были въ пансіонъ Московскаго главнаго народнаго училища „для обученія бухгалтеріи", преподаваніе которой было введено въ этомъ училищѣ по ходатайству Московской Думы на средства, предложенныя для этой цѣли Думою [1]). Приказъ Общественнаго Призрѣнія принялъ на себя содержаніе купеческихъ и мѣщанскихъ питомцевъ „пищею, одеждою и всѣмъ прочимъ" за плату по 60 руб. въ годъ за каждаго. Деньги эти вносимы были московскимъ купечествомъ и шестигласною Думою въ январѣ, за годъ впередъ, въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, который тогда же передавалъ деньги директору училища.

Воспитанники Благороднаго Собранія были въ пансіонѣ главнаго народнаго училища недолго; о нихъ встрѣчаются упоминанія только въ 1796 г. Плата же за содержаніе купеческихъ и мѣщанскихъ сиротъ присылалась Думой аккуратно въ 1796, 1797 и 1798 г.г. Съ 1799 г., когда московскому самоуправленію былъ нанесенъ рѣшительный ударъ Высочайшимъ указомъ 17 января 1799 г., началась задержка въ присылкѣ денегъ, которыя были доставлены въ этомъ году только къ 7 іюля, послѣ настойчивыхъ о томъ напоминаній, а въ 1800 г. 21 апрѣля Московская гильдія сообщила Камеральному Департаменту Московскаго Городского Правленія, что „московское купечество отказалось впредь присылать деньги на содержаніе своихъ питомцевъ въ главномъ народномъ училищѣ". Вслѣдствіе этого заявленія купеческіе питомцы изъ пансіона были исключены, и число пансіонеровъ, доходившее въ мартѣ 1800 г. до 71, упало въ апрѣлѣ того же года до 65 [2]).

Послѣ незначительнаго уменьшенія числа пансіонеровъ въ 1800 г. черезъ нѣсколько времени количество ихъ опять увеличилось такъ, что въ годъ преобразованія главнаго народнаго училища въ Московскую губернскую гимназію (1803 г.) казеннокоштныхъ питомцевъ состояло въ училищѣ „83 человѣка".

Такимъ образомъ въ 1803 г. число пансіонеровъ составляло почти $^1/_2$ (43%) общаго числа учениковъ (192), но въ это столь значительное число пансіонеровъ входили не всѣ ученики, нуждавшіеся въ общежитіи; къ числу такихъ принадлежали еще и

[1]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 1280, дѣло № 38512.

[2]) Ibid., карт. № 308, дѣло № 37063—вѣдомость о дѣлахъ и о казнѣ за 1796—1800 г.г.

тѣ, которые помѣщались на сравнительно дорогихъ ученическихъ квартирахъ, содержавшихся учителями Московскаго главнаго народнаго училища; въ 1801 г. у учителя Григорія Фролова было три нахлѣбника.

На содержаніе 83 пансіонеровъ „Московскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія употреблялъ до 5500 руб. ежегодно“ [1]), по 66 руб. въ годъ на одного питомца, т.-е. почти столько, сколько получалъ отъ Московской Думы за содержаніе ея стипендіатовъ.

Такимъ образомъ, Московскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія возлагалъ на подчиненное ему главное народное училище болѣе чѣмъ трудную задачу—тратить на полное содержаніе въ столицѣ пансіонера (включая и жалованье воспитателямъ) не болѣе 66 р. въ годъ, тогда какъ въ такомъ незначительномъ городѣ, какъ Новгородъ, въ то же самое время на одного пансіонера отпускалось 125 рублей въ годъ [2]). Бережливость Московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія по отношенію къ питомцамъ главнаго народнаго училища тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что въ другомъ подвѣдомственномъ этому Приказу учрежденіи, въ Инвалидномъ Домѣ, тратилось на каждаго изъ призрѣвавшихся тамъ офицеровъ по 133 р. [3]) въ годъ, т.-е. ровно вдвое больше, чѣмъ тратилось на питомца главнаго народнаго училища.

Несмотря на крайнюю скудость средствъ, отпускавшихся на содержаніе пансіонеровъ Московскаго главнаго народнаго училища, главнокомандующій г. Москвы иногда предписывалъ принять въ пансіонъ сверхкомплектнаго пансіонера безъ ассигнованія на то особой суммы, такъ какъ полагалъ, что „содержаніе одного между 65 воспитанниками не можетъ причинить большой издержки“ [4]).

Само собою разумѣется, что содержаніе такихъ сверхкомплектныхъ пансіонеровъ (въ пансіонахъ современныхъ гимназій они называются экономическими или хозяйственными) должно было еще болѣе ухудшать и безъ того плохое пансіонское хозяйство.

---

[1]) Арх. Мин. Нар. Просв., дѣло № 34670, карт. № 728, Отчетъ Попечителя Москов. Учебн. Округа Министру Народнаго Просвѣщенія; изъ этого отчета министръ заимствовалъ цифру 83 для всеподданнѣйшаго отчета, но почему-то пропустилъ цифру съ указаніемъ стоимости содержанія, замѣнивъ ее общимъ выраженіемъ: на иждивеніи Приказа Общ. Призр. Сравн. Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, т. IV, стр. 128.

[2]) Вороновъ. Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній Петербургскаго Учебнаго Округа, ч. I, стр. 57.

[3]) Моск. Губ. Арх. Стар. Дѣлъ. Дѣла Моск. Ген.-Губ. 1796 г. № 1279 (по описи № 1).

[4]) Ibid., дѣло № 333440, л.л. 111 об.—112.

Наглядное представленіе о постепенномъ ростѣ числа питомцевъ даетъ слѣдующая таблица.

Таблица I съ указаніемъ числа питомцевъ Московскаго главнаго народнаго училища по отдѣльнымъ мѣсяцамъ [1]).

ГОДЫ.	Число питомцевъ въ мѣсяцы:											
	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
1786	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	4
1787	4	4	4	4	5	5	5	5	5	6	6	6
1788	6	6	6	6	6	7	7	9	9	9	9	9
1789	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
1790	9	9	9	9	9	9	10	10	10	10	11	11
1791	11	11	11	11	11	11	9	12	13	13	14	16
1792	16	18	18	20	21	23	24	24	25	25	24	25
1793	25	25	25	25	25	25	25	25	25	25	25	25
1794	25	25	25	25	25	25	25	50	—	50	50	50
1795	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	—
1796	50	50	50	50	66	62	—	59	59	59	59	59
1797	58	58	58	58	58	58	58	58	60	60	65	65
1798	65	65	65	65	65	65	65	65	65	65	65	65
1799	65	65	65	65	65	65	65	71	71	71	71	71
1800	71	71	71	65	65	65	65	65	—	—	—	—
1801	65	66	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1802	65	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1803	83	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—

По вопросу о томъ, къ какому сословію принадлежали питомцы, воспитывавшіеся въ пансіонѣ Московскаго главнаго народнаго учи-

[1]) Цыфры для этой таблицы взяты для 1786—1795, 1797—1799 г.г. изъ приходо-расходныхъ вѣдомостей за соотвѣтствующіе годы; за 1796 и 1800 г.г., за которые не сохранилось приходо-расходныхъ вѣдомостей, изъ книгъ входящихъ бумагъ, между которыми оказались рапорты смотрителей объ отпускѣ денегъ на содержаніе питомцевъ. Всѣ эти документы см. въ Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 308, дѣло № 37063. Свѣдѣнія, относящіяся къ 1801 и 1802 г.г., см. въ Моск. Губ. Арх. Стар. Дѣлъ, дѣло № 333440, л.л. 111 об.—112 и вязку № 328, дѣло № 181432; цыфра, относящаяся къ 1803 г., въ Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 728, дѣло № 34670. Сравн. Сборн. матер. для исторіи просвѣщенія въ Россіи, т. IV, вып. I, стр. 123.

лища, встрѣчаемъ такое относящееся къ 1803 г. указаніе: „воспитывается различнаго вольнаго состоянія 83 человѣка“ [1]).

Это общее указаніе (вольнаго состоянія) подтверждается относящимся къ октябрю 1801 года именнымъ спискомъ пансіонеровъ съ точнымъ обозначеніемъ сословія, къ которому принадлежалъ тотъ или другой питомецъ [2]). Всего было въ октябрѣ 1801 г. на казенномъ содержаніи въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ 65 питомцевъ, изъ нихъ дѣтей дворянъ—1, войсковыхъ товарищей—1, генеральнаго писаря—1, полковника—1, штабъ-лѣкаря—1, оберъ-офицеровъ и чиновниковъ, имѣвшихъ чинъ ниже коллежскаго ассесора—16, дѣтей регистраторовъ, канцеляристовъ, копіистовъ, протоколистовъ—21, мѣщанъ—8, солдатъ—11, иностранца—1, господскихъ—1, однодворца—1, вольноотпущенныхъ—1. Приведя эти дробныя показанія къ болѣе общей группировкѣ, мы получимъ слѣдующія таблицы.

Таблица II съ указаніемъ распредѣленія пансіонеровъ 1801 г. по сословіямъ.

Общее.	Число питомцевъ.									
	Дворянск. и офицерск.	Подьячихъ	Купеческ.	Солдатскихъ.	Мѣщанъ.	Церковнослужит.	Однодворцевъ.	Вольноотпущенныхъ.	Дворовыхъ.	Иностранцевъ.
65	21	21	—	11	8	—	1	1	1	1

[1]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, т. IV, вып. I, стр. 123. Въ этомъ мѣстѣ отчета министра за 1803 г. упоминается пансіонъ при „Московской Губернской Гимназіи“; слѣдовало написать: „при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ, предназначенномъ къ преобразованію въ Московскую Губернскую Гимназію“, такъ какъ Московской Губернской Гимназіи въ 1803 году не было, она была открыта только 2 января 1804 года; такая же ошибка и на стр. 223—224: въ вѣдомость по Московскому Учебному Округу внесены предназначенныя къ открытію уѣздное училище и губернская гимназія, но число учениковъ взято то, которое было въ 1803 году въ главномъ народномъ училищѣ, какъ это видно изъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ составлена таблица. См. Арх. Мин. Нар. Просв., дѣло № 34670, карт. № 728; въ дѣлахъ же гимназіи за первый годъ ея существованія встрѣчаемъ слѣдующее указаніе, относящееся къ 25 янв. 1804 г.: „тѣ, которые были прежде записаны въ число питомцевъ главн. нар. учил., преобразованнаго нынѣ въ гимназію, и нынѣ находятся въ оной (отношеніе директора гимн. къ коменданту Гессе отъ 25 января 1804 г. № 8. Арх. Моск. I мужск. гимназіи, книга исходящихъ бумагъ на 1804 г.).

[2]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 1280, дѣло № 38512.

Таблица III съ указаніемъ процентнаго отношенія числа пансіонеровъ того или иного сословія.

Число питомцевъ.									
Дворянск. и офицерск.	Подьячихъ.	Купеческ.	Солдатскихъ.	Мѣщанъ.	Церковнослужит.	Однодворцевъ.	Вольноотпущен.	Дворовыхъ.	Иностранцевъ
32,3	32,3	—	16,92	12,3	—	1,53	1,53	1,53	1,53

Изъ этихъ таблицъ видно, что дѣти дворянъ, офицеровъ, чиновниковъ и подьячихъ, составлявшія въ 1801 г. $21,_{07}\%$ общаго числа учениковъ, занимали въ томъ же году въ пансіонѣ $64,_{6}\%$ общаго числа мѣстъ; наоборотъ, если изъ общаго числа учениковъ главнаго народнаго училища даже въ 1801 г. было 24% крѣпостныхъ крестьянъ, то изъ числа пансіонеровъ крѣпостныхъ было всего $1,_{5}\%$. Относительно же 1803 г., какъ выше упомянуто, извѣстно, что въ этомъ году были питомцы только „вольнаго состоянія“. Но даже тотъ единственный крѣпостной, который въ 1801 г. учился въ главномъ народномъ училищѣ на казенномъ содержаніи, попалъ въ „питомцы“ по какому-то недоразумѣнію.

Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что устроители воспитательнаго заведенія при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ не могли, конечно, отрѣшиться отъ господствовавшаго тогда даже у наиболѣе просвѣщенныхъ людей убѣжденія, что людямъ благороднаго званія слѣдуетъ совсѣмъ особое отъ простого званія людей воспитаніе, что ни въ какомъ случаѣ не должны допускаться крѣпостные туда, гдѣ воспитываются благородные [1]); далѣе, не слѣдуетъ забывать, что питомцы „по обученіи“ выпускались для опредѣленія, кто куда по состоянію своему слѣдуетъ [2]); такъ какъ громадное большинство питомцевъ (64%) составляли дѣти дворянъ и мелкихъ чиновниковъ, то, слѣдовательно, получившіе казенное содержаніе большею частью отплачивали государству за воспитаніе службою, да и не большею только частью, а всѣ, потому что и солдатскимъ дѣтямъ открытъ былъ доступъ въ „приказные“ (мелкіе чиновники), да и мѣщане, воспитывавшіеся въ пансіонѣ Московскаго главнаго народнаго училища на казенный счетъ, съ разрѣшенія Правительствующаго Сената увольнялись изъ мѣщан-

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. за 1907 г., № 12, стр. 185, 189, 190, ст. С. В. Рождественскаго.

[2]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. 1280, дѣло № 38512.

скаго общества и принимались на государственную службу [1]); совсѣмъ въ иномъ положеніи были крѣпостные, которые по окончаніи ученія не могли поступать на государственную службу, а поступали въ распоряженіе своихъ господъ.

Продолжительность времени, въ теченіе котораго питомецъ могъ оставаться на казенномъ содержаніи, не была точно опредѣлена, и въ этомъ отношеніи, повидимому, такъ же не было ограниченій, какъ и по вопросу о продолжительности пребыванія въ одномъ и томъ же классѣ. Между питомцами 1801 года было двое поступившихъ на казенное содержаніе въ 1794 г., слѣдовательно, пробывшихъ въ училищѣ 7 лѣтъ, при обязательномъ пятилѣтнемъ курсѣ.

Въ пансіонъ принимались дѣти разныхъ лѣтъ; изъ 25 учениковъ, зачисленныхъ въ питомцы въ 1800 г., одинъ былъ 7 лѣтъ, двое—8, трое—9 лѣтъ, десятилѣтнихъ—5, 11-тилѣтнихъ—1, 12-тилѣтнихъ—7, 13-тилѣтнихъ—2, 14-тилѣтнихъ—3, 15-тилѣтнихъ—1. О возрастѣ питомцевъ въ 1801 г. можно судить по прилагаемой таблицѣ.

Таблица IV съ указаніемъ распредѣленія пансіонеровъ Московскаго главнаго народнаго училища по возрастамъ въ 1801 г. [2]).

Общее.	Число питомцевъ.												
	6 лѣтъ.	7 лѣтъ.	8 лѣтъ.	9 лѣтъ.	10 лѣтъ.	11 лѣтъ.	12 лѣтъ.	13 лѣтъ.	14 лѣтъ.	15 лѣтъ.	16 лѣтъ.	17 лѣтъ.	18 лѣтъ.
65	1	2	2	5	10	9	12	10	7	5	1	—	1

Нѣтъ никакихъ свѣдѣній о томъ, раздѣлялись ли питомцы пансіона по возрастамъ. Принимая однако во вниманіе, что воспитателей на 65 и даже 83 пансіонера было всего двое, что на одномъ изъ нихъ лежало веденіе довольно сложнаго пансіонскаго и вообще училищнаго хозяйства, для чего онъ долженъ былъ часто отлучаться изъ пансіона, приходится признать, что раздѣленіе пансіонеровъ по возрастамъ было врядъ ли возможно и шестилѣтніе должны были проводить все время съ шестнадцатилѣтними и восемнадцатилѣтними; если же младшіе отдѣлялись отъ старшихъ, то эти послѣдніе оставались безъ всякаго надзора.

---

[1]) Ibidem, карт. № 5, дѣло № 36741. Постановленіе комиссіи объ учрежденіи училищъ о бывшемъ ученикѣ Моск. главн. нар. уч. изъ мѣщанъ Ильѣ Бѣляевѣ; сравн. С. В. Рождественскаго, Сословный вопросъ въ русскихъ университетахъ. СПБ. 1907 г., стр. 8—9.

[2]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 1280, дѣло № 38512.

Въ томъ и другомъ случаѣ самымъ грубымъ образомъ нарушались элементарныя правила педагогики, и это одно уже вынуждаетъ признать, что общежитіе при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ вовсе не по праву носило придуманный Бецкимъ титулъ „воспитательнаго“ заведенія.

Питомцы жили въ пансіонѣ круглый годъ [1]), и только изрѣдка нѣкоторые изъ нихъ отпускались къ роднымъ недѣли на двѣ [2]). Такимъ образомъ, замкнутая жизнь пансіонеровъ Московскаго главнаго народнаго училища вовсе не была средствомъ предохранить питомцевъ отъ вреднаго вліянія общества, какъ этого предполагалось достигнуть въ воспитательныхъ учрежденіяхъ, проектированныхъ императрицею Екатериною II и Бецкимъ [3]): питомцы Московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія только потому почти безвыходно пребывали въ пансіонѣ, что большая часть изъ нихъ были круглые сироты, которые не имѣли къ кому отправиться въ отпускъ.

Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ точныхъ свѣдѣній объ ежедневномъ распорядкѣ пансіонской жизни, но есть основаніе полагать, что въ этомъ отношеніи директоръ руководился тѣми правилами, которыя были составлены для учителей главнаго народнаго училища, „имѣвшихъ у себя“ пансіонеровъ. Согласно этимъ правиламъ пансіонеры должны были вставать въ шесть часовъ утра, а ложиться спать не раньше десяти часовъ. Пища должна была даваться простая, но здоровая; отъ всякой нѣги питомцы должны были воздерживаться и, наоборотъ, пріучаться къ бодрости, трезвости и крѣпости; за питомцами должно было быть „наблюденіе прилежное, дабы они ни подъ какимъ видомъ самовольно изъ дому не отлучались“; предписывалось содержать пансіонеровъ въ страхѣ Божіемъ, заставляя ихъ ходить по праздникамъ съ воспитателями въ ближайшую приходскую церковь, а также „молиться вставая и ложась спать, передъ кушаньемъ и послѣ онаго“ [4]).

Особой больницы при воспитательномъ заведеніи Московскаго главнаго народнаго училища, въ которомъ содержалось до 70 питомцевъ, не было; заболѣвшихъ питомцевъ отвозили въ на-

---

[1]) Изъ вѣдомостей о казнѣ и приходо-расходныхъ книгъ (Арх. Мин. Нар. Пр., карт. № 308, дѣло № 37063) видно, что и во время вакацій (въ іюлѣ) питомцы жили въ пансіонѣ.

[2]) Ibid., карт. № 308, дѣло 37063, вѣдомость о дѣлахъ 1789 г.—рапортъ отъ 12 февр. смотрителя Соколова объ отпускѣ на 15 дней питомцевъ Григорья и Матвѣя Разсохиныхъ, Ѳедора и Василія Коровиныхъ къ роднымъ.

[3]) Генер. учр. о воспитаніи, стр. 3.

[4]) Уставъ нар. уч., стр. 21—24, ст. 38.

ходившуюся въ вѣдѣніи Приказа Екатерининскую больницу [1]). Когда же съ 1789 г. эта больница была изъята изъ вѣдѣнія Приказа Общественнаго Призрѣнія [2]), то нерѣдко управленіе больницы, за неимѣніемъ мѣстъ, отказывало въ пріемѣ больныхъ изъ учрежденій, подвѣдомственныхъ Приказу Общественнаго Призрѣнія, который устроилъ поэтому при Домѣ умалишенныхъ новую больницу, чтобы въ нее направлять больныхъ изъ всѣхъ учрежденій, подвѣдомственныхъ Приказу Общественнаго Призрѣнія: состоявшій при этой больницѣ штабъ-лѣкарь Алексѣй Масленниковъ за жалованье въ 400 рублей въ годъ „имѣлъ смотрѣніе и пользовалъ по всѣмъ заведеніямъ Приказа“ [3]).

Приказъ Общественнаго Призрѣнія бралъ на себя заботу объ имуществѣ тѣхъ питомцевъ-сиротъ, у которыхъ было имѣніе [4]). Питомцамъ, оканчивавшимъ курсъ главнаго народнаго училища и вообще выбывавшимъ изъ пансіона, по „недостатку ихъ“ отдавалось „имѣвшее“ на нихъ казенное „платье и прочее“, кромѣ того давалось „награжденіе“ по 10 рублей на человѣка [5]). Особеннымъ вниманіемъ начальства главнаго народнаго училища пользовались тѣ изъ питомцевъ, которые участвовали въ пѣвческомъ хорѣ училища: для нихъ шили лучшую одежду; „обмундированіе“ питомцевъ вообще состояло изъ суконныхъ исподнихъ и сюртуковъ, но сюртуки для всѣхъ питомцевъ были сшиты въ послѣдній разъ въ 1791 г.; съ 1792 года, когда начались большія затраты Приказа Общественнаго Призрѣнія на отстройку дома для главнаго народнаго училища, вмѣсто сюртуковъ стали одѣвать питомцевъ въ „камзолы“ съ рукавами, пѣвчимъ же кромѣ того выдавали суконные сюртуки, подбитые „стамедомъ“ [6]); для зимы и лѣта давалась одна поярковая шляпа и одно „верхнее платье“.

Московскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія, „распространяя благотворенія свои по мѣрѣ доходовъ“, превратилъ маленькую ученическую квартиру смотрителя при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ, въ которой сначала было только два нахлѣб-

---

[1]) Арх. Мин. Нар. Пр., карт. № 308, дѣло № 37063—вѣдомость о дѣлахъ за 1788 г. 10 іюня.

[2]) Моск. Губ. Арх. Ст. Дѣлъ. Опись № 3, Дѣла Моск. Ген.-Губ. № 181489.

[3]) Моск. Губ. Арх. Стар. Дѣлъ, Дѣла Моск. Ген.-Губ. 1796 г., № 1279 по описи № 1.

[4]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 308, дѣло № 37063—вѣдомость о дѣлахъ 1791 г. 1 мая.

[5]) Ibid. 1794 г. 14 февраля.

[6]) Ibid. Вѣдомости о казнѣ и дѣлахъ 1790 г. 27 ноября, 1791 г. 23 іюля, 1792 г. 21 октября, 1797 г. 29 мая.

ника, въ довольно большое „воспитательное заведеніе“ [1]). Надо, впрочемъ, замѣтить, что воспитывавшихся въ этомъ заведеніи учениковъ вѣрнѣе называть „питомцами“, какъ ихъ и называли оффиціально, чѣмъ воспитанниками, потому что воспитательная часть въ этомъ довольно обширномъ пансіонѣ большую часть времени его существованія была поставлена не вполнѣ удовлетворительно.

Согласно Высочайше утвержденной для воспитателей инструкціи, воспитатель долженъ былъ „подавать воспитанникамъ наставленія во благонравіи и вѣжливости, показывая, какъ сидѣть благопристойно, ходить, кланяться, просить учтиво и говорить ласково даже со слугами и служанками“; въ воскресные и праздничные дни воспитатель долженъ былъ питомцамъ „истолковать изъясненіе Евангелія того дня и взять ихъ съ собою въ церковь, напоминая, дабы какъ вообще стояли тамъ благопристойно, такъ особливо внимали изъясненному Евангелію и проповѣди“. Во время прогулки воспитатель долженъ былъ „показывать питомцамъ примѣчанія достойное и встрѣчающіеся ко нравоученію случаи обращать въ ихъ пользу“. „Для сохраненія неповрежденнаго юнаго сердца“ питомцевъ воспитатель долженъ былъ „остерегать воспитанниковъ своихъ ото всѣхъ суевѣрныхъ и развратныхъ дѣлъ и разговоровъ, бесѣдовать же съ ними, а особливо при столѣ, о полезныхъ такихъ предметахъ, которые могутъ расположить сердце ихъ къ добродѣтели, а душу къ благомыслію, чему дѣти слѣдовать будутъ, если воспитатель станетъ поступать съ ними тщательно и наблюдать, дабы они ничего развратнаго даже отъ слугъ и служанокъ не видали и не слыхали“ [2]).

Какъ же все это выполнялось въ „воспитательномъ заведеніи“ при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ?

Надзоръ за питомцами Московскаго главнаго народнаго училища былъ порученъ въ первое время по учрежденіи пансіона смотрителю, отставному прапорщику Ѳедоту Соколову, который при открытіи училища назначенъ былъ „для наблюденія въ главномъ народномъ училищѣ чистоты и протчаго“ съ жалованьемъ по 100 руб. въ годъ. Этотъ смотритель былъ ближайшимъ помощникомъ директора и Приказа Общественнаго Призрѣнія, исполняя всякаго рода порученія по хозяйственной части; смотритель занималъ, слѣдовательно, должность эконома въ пансіонахъ нынѣшнихъ гимназій; само собою разумѣется, что заваленный порученіями по хозяйственной части Соколовъ врядъ ли имѣлъ время

[1]) Арх. Моск. Губ. Гимн., журн. исход. 1804 г. № 21, 20 февр. Сравн. Матеріалы для исторіи просвѣщ. въ Россіи, т. IV, вып. I, ст. 123.

[2]) Уставъ. ст. 38, стр. 21—24.

исполнять обязанности воспитателя, если бы даже его прежняя военная служба въ чинѣ прапорщика и полицейская въ Управѣ Благочинія [1]) и дала ему достаточный для воспитательской должности педагогическій опытъ.

Со времени учрежденія при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ пансіона, Соколовъ въ теченіе восьми лѣтъ, съ 1786 г. по 1794 г., соединялъ должность смотрителя за домомъ и исполнителя порученій по хозяйственной части съ должностью воспитателя. Въ первые четыре года существованія пансіона, когда число пансіонеровъ не превышало даже десяти, Соколовъ кое-какъ справлялся съ обязанностями воспитателя; когда же число питомцевъ стало увеличиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились хлопоты по хозяйственной части, смотритель, конечно, не могъ уже удѣлять на наблюденіе за питомцами и руководство ихъ воспитаніемъ даже и того незначительнаго количества времени, которое удѣлялъ на это раньше. Несмотря на то, что за время съ 1792 г. до конца 1794 г. въ пансіонѣ Московскаго главнаго народнаго училища комплектъ питомцевъ былъ постепенно доведенъ до 25, Соколовъ долженъ былъ все это время соединять должность эконома и воспитателя, и только въ концѣ 1794 года, когда комплектъ питомцевъ былъ сразу удвоенъ и доведенъ до 50, встрѣчаемъ первое упоминаніе о новой должности „смотрителя за питомцами при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ“.

Само собою разумѣется, что лица, служившія въ Управѣ Благочинія, по самому роду своихъ занятій мало пригодны были для роли воспитателей „въ благонравіи и вѣжливости“; тѣмъ менѣе отличались этою способностью воспитатели, вышедшіе изъ школы такого руководителя Управы Благочинія, какимъ былъ въ концѣ XVIII в. въ Москвѣ приснопамятный Архаровъ, и по всей справедливости называвшіеся „архаровцами“. Полагаемъ, что относительно чиновника Управы Благочинія Ѳедота Соколова, назначеннаго на должность воспитателя питомцевъ Московскаго главнаго народнаго училища, можно то же сказать, что сказано было объ одномъ изъ воспитателей сослуживцевъ прапорщика Соколова — Александрѣ Бирюлинѣ—членами Московскаго Приказа Общественнаго Призрѣнія, которые признали необходимымъ уволить Бирюлина отъ должности воспитателя „за неспособностью къ с е й д о л ж н о с т и“. Во всякомъ случаѣ порученіе обязанностей воспитателя Ѳедоту Соколову было прямымъ нарушеніемъ соотвѣтствую-

[1]) Арх. Мин. Нар. Пр., карт. № 308, дѣло 37063—вѣдомости о дѣлахъ за 1786 г. и вѣдомость о казнѣ за 1797—1798 г.г.

щихъ распоряженій императрицы Екатерины II [1]), и московская дѣйствительность вполнѣ оправдала опасенія Бецкаго, который сознавалъ, „что всѣ предписанія о произведеніи благонравія будутъ тщетны“ въ виду возможности не достать подходящихъ воспитателей [2]).

Но если Московскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія не могъ найти подходящихъ воспитателей, то еще хуже обставлено было дѣло снабженія воспитательнаго заведенія при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ прислугою. Еще въ 60-хъ годахъ XVIII в. проф. Дильтей утверждалъ, что „корень испорченнаго воспитанія благороднаго юношества въ худомъ примѣрѣ крѣпостныхъ дядекъ“ [3]); для устраненія этого вреднаго вліянія крѣпостной прислуги, Дильтей проектировалъ устройство „рабскихъ“ школъ, но этотъ проектъ остался неосуществленнымъ; хотя Бецкій заботливо напоминалъ о томъ, что слѣдуетъ удалять отъ слуха и зрѣнія все то, что хотя тѣнь порока имѣетъ, удалять отъ дѣтей всѣхъ жадныхъ, пьяницъ, лѣнивыхъ, дерзкихъ, жестокихъ и злыхъ людей и болѣе всего сластолюбцевъ, хотя въ инструкцію воспитателямъ главныхъ народныхъ училищъ было внесено особенное наставленіе оберегать питомцевъ [4]), „дабы они ничего развратнаго отъ слугъ и служанокъ не видали и не слыхали“, однако въ пансіонѣ Московскаго главнаго народнаго училища прислуга была настолько неподходящею, что ея вредное вліяніе превосходило самыя пессимистическія ожиданія насадителей благонравія.

Для того, чтобы найти воспитателей, Московскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія долженъ былъ направить свои поиски въ Управу Благочинія, а за прислугою пришлось обратиться въ подвѣдомственные Приказу... Рабочій и Смирительный Дома, куда забирали мужчинъ и женщинъ за пьянство и разные другіе проступки. Дѣло въ томъ, что при господствѣ крѣпостного права очень трудно было найти вольнонаемную прислугу для исполненія всѣхъ работъ въ подвѣдомственныхъ Приказу Общественнаго Призрѣнія учрежденіяхъ; служителей можно было нанимать изъ отставныхъ солдатъ, не отличавшихся большою трудоспособностью, и вотъ, хотя при главномъ народномъ училищѣ состояли швей-

---

[1]) Сравн., напр., Генер. Учрежд. о воспитаніи, стр. 5 (Учрежд. и Уст. т. II).

[2]) Ibid., т. II. Уставъ Имп. Шляхетн. Кад. Корпуса, стр. 119.

[3]) Журн. Мин. Нар. Просв. за 1908 г., № 5 (май), отд. 3, стр. 49, ст. С. В. Рождественскаго; сравн. его-же, Очерки по исторіи системъ нар. просв. т. I, стр. 279—280.

[4]) Уставъ, стр. 22, ст. 38.

царь, получавшій 5 руб. въ мѣсяцъ, сержантъ, имѣвшій смотрѣніе за чистотою, съ жалованіемъ по 4 руб. въ мѣсяцъ, и 6 сторожей (въ числѣ ихъ и поваръ), получавшіе по 20 руб. въ годъ, однако приходилось для доставленія рѣчной воды [1]), вывоза нечистоть, стирки бѣлья, топки печей брать людей изъ Рабочаго и Смирительнаго Домовъ [2]); трудно было вполнѣ изолировать питомцевъ отъ этихъ людей, присылавшихся въ училище на работу, тѣмъ болѣе, что даже прислугу у стола составляли присылаемыя изъ Рабочаго Дома женщины: „сіе уже противъ всякой благопристойности“, говоритъ одинъ очевидецъ и высказываетъ по этому поводу пожеланіе, чтобы „Московскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія удалилъ отъ питомцевъ непотребныхъ женщинъ“ [3]).

При такой обстановкѣ и идеальные воспитатели немного сдѣлали бы для укрѣпленія въ питомцахъ благонравія, а между тѣмъ назначавшіеся съ 1795 г. въ помощь Соколову „смотрители питомцевъ“ не только не превосходили педагогическими способностями этого бывшаго мелкаго чиновника Управы Благочинія, но даже и ему въ этомъ отношеніи очень уступали.

16 января 1795 года въ главное народное училище на „праздную смотрительскую ваканцію“ Приказомъ Общественнаго Призрѣнія опредѣленъ былъ, согласно его прошенію, отставной подпоручикъ Михаилъ Навроцкій [4]). Жалованья получалъ смотритель надъ питомцами 100 руб. въ годъ [5]); надо, конечно, полагать, что при такомъ жалованьѣ не только квартиру [6]), но и столъ смотритель получалъ вмѣстѣ съ питомцами. Когда Навроцкому поручено было смотрѣніе надъ питомцами, Соколовъ тоже не былъ устраненъ отъ этого дѣла, но, раздѣляя труды по „смотрѣнію“ за питомцами съ другимъ смотрителемъ, онъ продолжалъ свою службу по хозяйственной части. Не долго прослужилъ отставной подпоручикъ

---

[1]) Рѣчную воду привозили на себѣ колодники, присылавшіеся изъ Смирительнаго Дома, и такъ какъ они привозили на себѣ не всегда достаточное количество воды, то директоръ рѣшилъ ходатайствовать передъ Приказомъ Общ. Призр. о томъ, чтобы „положена была сумма на содержаніе лошади для доставленія воды“. Арх. Моск. Дирекціи училищъ въ Моск. I мужск. гимн. Книга исход. бумагъ за 1804 г., № 21, отъ 20 февр.

[2]) Моск. Губ. Арх. Стар. Дѣлъ, Дѣла Моск. Ген.-Губ., по описи № 1 дѣло № 1279.

[3]) Арх. Моск. Дир. Уч. въ Моск. I мужск. гимн. Книга исход. бумагъ за 1804 г., № 21, отъ 20 февр.

[4]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 308, дѣло № 37063 — вѣдомость о дѣлахъ за 1795 г.

[5]) Ibid., вѣдомость о казнѣ за 1795 г.

[6]) Ibid., вѣдомости о дѣлахъ за 1794 и 1795 гг.

Навроцкій смотрителемъ надъ питомцами; не прошло и года послѣ его назначенія, а онъ просилъ уже объ „увольненіи его отъ должности по удовольствованіи заслуженнымъ жалованьемъ“. 2 января 1796 г. Приказъ Общественнаго Призрѣнія постановилъ уволить отъ должности Навроцкаго и выдать ему 35 руб.

На мѣсто уволеннаго отъ службы Навроцкаго 10 января 1796 г. опредѣленъ былъ „смотрителемъ надъ казенными питомцами Московскаго главнаго народнаго училища“ отставной прапорщикъ Михаилъ Зубовъ, но этотъ прослужилъ еще менѣе своего предшественника: черезъ семь мѣсяцевъ послѣ своего назначенія, а именно 1 сентября 1796 г., Зубовъ былъ уволенъ отъ должности по прошенію. Еще меньше повезло преемнику Зубова подпоручику Александру Бирюлину: онъ назначенъ былъ „смотрителемъ“ надъ воспитанниками 1 сентября 1796 г., а 22 октября того же года „уволенъ за неспособностью къ сей должности“ [1]).

Менѣе чѣмъ въ два года смѣнилось два подпоручика и одинъ прапорщикъ; двое изъ нихъ сами признали возложенныя на нихъ по должности смотрителя обязанности для себя непосильными, третьяго уволило за неспособность къ этой должности училищное начальство.

Не трудно догадаться, почему Приказъ Общественнаго Призрѣнія испыталъ такую неудачу при назначеніи смотрителей надъ питомцами. Дѣло въ томъ, что педагогическіе пріемы, практически выработанные прапорщикомъ и подпоручиками въ кордегардіяхъ и казармахъ того времени, оказались совсѣмъ непригодными въ главномъ народномъ училищѣ, такъ какъ одинъ изъ главныхъ воспитательныхъ пріемовъ, употреблявшихся при обученіи рекрутъ—тѣлесныя наказанія—былъ исключенъ изъ педагогической практики учрежденныхъ императрицею Екатериною II народныхъ училищъ [2]).

Правда, на ряду съ извѣстіями о строжайшихъ взысканіяхъ, которымъ подвергались учителя за примѣненіе въ школахъ тѣлесныхъ наказаній [3]), встрѣчаются указанія на то, что въ нѣко-

---

[1]) Ibid., историческая записка за 1796 г.

[2]) Руководство учителямъ, стр. 106.

[3]) Учитель народнаго училища въ г. Слободскомъ Хрулевъ, на котораго поступила жалоба за примѣненіе имъ тѣлесныхъ наказаній, былъ отрѣшенъ отъ должности и отданъ въ солдаты „для того, чтобы другимъ учителямъ не повадно было“ (Столѣтіе Вятской губ., т. I, ст. Юрьева, „Народное образованіе въ Вятской губ.“, стр. 60—61). Учитель Вятскаго главнаго народнаго училища Непыловъ за дурное обращеніе съ учениками былъ лишенъ должности (ibid, стр. 118).

торыхъ захолустныхъ училищахъ учителя безнаказанно позволяли себѣ „запаливать ученикамъ нѣсколько ударовъ по рукѣ линейкою, бить мѣдною указкою по головѣ или же сѣчь виновнаго, на спину и на ноги котораго садились верхомъ его товарищи“ [1]), но это дѣлалось вопреки прямому запрещенію, помѣщенному въ „Руководствѣ Учителямъ“, и нѣтъ никакихъ указаній на то, что въ Московскомъ главномъ народномъ училищѣ случалось такое отступленіе отъ установленнаго порядка.

Испытавъ неудачу при назначеніи отставныхъ субалтернъ-офицеровъ смотрителями надъ питомцами [2]) и признавъ ихъ неспособными быть воспитателями въ главномъ народномъ училищѣ, Московскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія сталъ пріискивать кандидата въ смотрители между гражданскими чиновниками, и 28 октября 1796 года назначенъ былъ смотрителемъ надъ питомцами коллежскій ассесоръ Марко Жудовичъ.

Не знаемъ, гдѣ служилъ Жудовичъ до назначенія его смотрителемъ надъ питомцами; довольно высокій чинъ Жудовича показываетъ, что онъ занималъ въ государственной службѣ болѣе или менѣе отвѣтственное мѣсто, а судя по имени и фамиліи, не слѣдуетъ ли въ данномъ случаѣ предполагать рекомендаціи Янковича, члена комиссіи объ учрежденіи училищъ, о предшествовавшей педагогической дѣятельности? Дѣятельностью Жудовича какъ воспитателя начальство главнаго народнаго училища было вполнѣ довольно; несмотря на то, что новый смотритель энергично настаивалъ на улучшеніи пансіонскаго хозяйства и требовалъ аккуратной выдачи денегъ на содержаніе питомцевъ, что было очень затруднительно для всегда нуждавшагося въ деньгахъ Приказа Общественнаго Призрѣнія, однако ему удалось сохранить за собою должность смотрителя болѣе трехъ лѣтъ, и въ теченіе этого времени число питомцевъ возросло съ 50 до 71.

Жудовичъ былъ не только воспитателемъ, но также вѣдалъ

---

[1]) А. Вороновъ. Ѳ. И. Янковичъ де Мириево. СПБ. 1858 г., стр. 117. Пермск. Сборн., кн. II, стр. XXVI. Родители учениковъ Углицкаго училища брали своихъ дѣтей изъ училища изъ-за побоевъ учителя (Сухомлиновъ, Ж. Мин. Н. Пр. 1863, ч. I, стр. 126).

[2]) Въ глухой провинціи трудно было найти и отставного прапорщика для замѣщенія должности воспитателя. Въ 1799 г. въ Вяткѣ приглашенъ былъ смотрѣть за учениками главнаго народнаго училища до прихода учителя, справляться съ родителями о причинѣ нехожденія учениковъ, сообщать директору, всѣ ли учителя при должностяхъ, отставной капралъ съ жалованьемъ 20 р. въ годъ, но 2 апрѣля 1880 г. за пьянство и буйственные поступки этотъ смотритель былъ уволенъ (Столѣтіе Вятской губерніи, ст. Юрьева, стр. 78—79).

по хозяйственной части то, что непосредственно относилось къ питомцамъ, наблюдалъ за тѣмъ, чтобы своевременно покупалось все нужное для снабженія пансіонеровъ пищею и одеждою, тогда какъ Соколовъ, принимая участіе въ смотрѣніи за питомцами, по хозяйственной части былъ только смотрителемъ за домомъ. 10 іюня 1799 г. Жудовичъ заболѣлъ, и исправленіе его должности поручено было Соколову. Новые порядки или скорѣе небывалые безпорядки по управленію главнымъ народнымъ училищемъ, происшедшіе вслѣдствіе уничтоженія по указу императора Павла Петровича Приказа Общественнаго Призрѣнія, сдѣлали службу въ училищѣ очень трудною; вслѣдствіе этого вскорѣ по уничтоженіи Приказа Жудовичъ и Соколовъ въ одинъ день, 15 ноября 1799 г., подали прошеніе Московскаго Городского Правленія Департаменту Экономіи и Школъ объ увольненіи ихъ отъ службы. Жудовичъ, подавая прошеніе объ увольненіи его отъ должности смотрителя за питомцами, просилъ въ то же время объ опредѣленіи его въ число инвалидовъ; Соколовъ тоже просилъ увольненія по болѣзни и старости: онъ прослужилъ училищу тринадцать лѣтъ.

Прошенія Жудовича и Соколова объ увольненіи ихъ отъ должности смотрителя были удовлетворены, и на ихъ мѣсто назначены: вмѣсто Жудовича титулярный совѣтникъ Григоріусъ, занимавшій до того времени должность экзекутора Экспедиціи человѣколюбивыхъ заведеній (одно изъ эфемерныхъ учрежденій, смѣнившихъ Приказъ Общественнаго Призрѣнія) [1]; вмѣсто Соколова смотрителемъ Московской Главной Школы,—такъ повелѣлъ императоръ Павелъ Петровичъ именовать главныя народныя училища [2],—назначенъ былъ 27 февраля 1800 г. отставной капитанъ Сумбатовъ, но онъ прослужилъ въ этой должности всего пять мѣсяцевъ; 1 августа онъ былъ перемѣщенъ въ контору городскихъ строеній, а на его мѣсто былъ назначенъ титулярный совѣтникъ Казаковъ [3].

Казаковъ не долго былъ смотрителемъ главной школы; во второй половинѣ 1802 г. всѣ обязанности смотрителя по хозяйственной части были возложены на смотрителя за питомцами Григоріуса. Но такъ какъ Григоріусъ не имѣлъ возможности при многочисленности занятій по хозяйственной части удѣлять достаточно времени для надзора за питомцами, то директоръ училища Пельскій опредѣлилъ къ нимъ вольноотпущеннаго Захарія Полякова;

---

[1]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 308, дѣло № 37063. Историческія записки и вѣдомости о дѣлахъ и о казнѣ за 1796—1799 г.г.

[2]) Ibid., карт. № 3, дѣло № 6735.

[3]) Ibid., карт. № 308, дѣло № 37063. Вѣдомость о дѣлахъ и историческая записка за 1800 г.

этотъ послѣдній имѣлъ у питомцевъ такъ мало авторитета, что, по словамъ преемника Пельскаго, Дружинина, за дѣтьми не было ни малѣйшаго присмотра: Поляковъ не имѣлъ ни нужнаго для воспитателя „знанія, ни поведенія“ [1]). Такова была постановка воспитательной части въ пансіонѣ Московскаго главнаго народнаго училища [2]) въ началѣ 1803 г., когда уже начались приготовленія [3]) къ преобразованію училища въ губернскую гимназію.

Насколько неудовлетворительно было воспитаніе пансіонеровъ Московскаго главнаго народнаго училища, видно изъ слѣдующаго отзыва, принадлежащаго П. М. Дружинину, пробывшему 17 лѣтъ преподавателемъ въ училищѣ: „благотвореніе Приказа Общественнаго Призрѣнія, содержащаго на своемъ иждивеніи столько питомцевъ, врядъ ли могло принести пользу воспитывающемуся юношеству и государству, образуя людей для него нужныхъ, такъ какъ при воспитаніи питомцевъ не во всѣхъ отношеніяхъ соблюдаются правила нравственности и добраго порядка“ [4]).

Большіе недочеты были въ пансіонѣ Московскаго главнаго народнаго училища не только по воспитательной части; прежде всего самое помѣщеніе пансіона въ плохо отстроенномъ зданіи главнаго народнаго училища было очень неудовлетворительно; очевидецъ пишетъ объ этомъ помѣщеніи слѣдующее: „покои, въ коихъ помѣщаются дѣти, тѣсны, сыры и по причинѣ гнилого воздуха нездоровы“; далѣе, большіе непорядки были и въ „пищевомъ довольствіи“ пансіонеровъ: „положенная на столъ сумма“, пишетъ тотъ же очевидецъ, „никогда не отпускается въ свое время, а какъ она не такъ достаточна, сіе отнимаетъ и послѣднее средство довольствовать питомцевъ хотя простою, но здоровою пищею, а по причинѣ того, что рѣчная вода возится людьми, почасту терпятъ питомцы и въ ней большую нужду“ [5]).

Относительно снабженія пансіонеровъ пищею можно все-таки замѣтить, что дѣло это было организовано болѣе или менѣе правильно; на продовольствіе пансіонеровъ отпускалась, правда, не всегда своевременно, но все-таки точно опредѣленная, хотя и не вполнѣ достаточная сумма. Гораздо хуже обстояло дѣло по отно-

[1]) Арх. Моск. I мужск. гимн., Журн. исход. бум. за 1804 г., 18 февр.

[2]) Черезъ три мѣсяца послѣ кончины императора Павла I, его преемникъ повелѣлъ возвратить основаннымъ Екатериною Великою учебнымъ заведеніямъ отнятое у нихъ ея сыномъ наименованіе народныхъ училищъ (Полное Собр. Закон. т. XVI, № 19923).

[3]) Матеріалы для истор. просв. въ Россіи, т. IV, стр. 121, Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 100, д. № 1133.

[4]) Арх. Моск. I мужск. гимн. Журн. исход. бум. за 1804 г., № 21, 20 февр.

[5]) Ibid.

шенію къ одеждѣ. Вотъ что пишетъ по этому поводу одинъ изъ учителей Московскаго главнаго народнаго училища: „что до одежды, то на нее нѣтъ никакого штатнаго положенія, и всѣ вещи покупаются или по обстоятельствамъ или по необходимой нуждѣ; можетъ ли быть при таковомъ распоряженіи надлежащая чистота и порядокъ?“ За три года, съ 1800 по 1803 г., питомцы не получали ни бѣлья новаго, ни верхняго платья, такъ что совсѣмъ обносились: „это (вмѣстѣ съ дурнымъ помѣщеніемъ, недостаткомъ рѣчной воды и несвоевременнымъ отпускомъ денегъ на пищу) причиною, что дѣти постоянно жалуются разными припадками, кои могутъ имѣть большое вліяніе и на будущее время“ [1]).

Надо, впрочемъ, замѣтить, что этотъ крайне неблагопріятный отзывъ о пансіонѣ при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ относится главнымъ образомъ къ послѣднимъ годамъ существованія училища (1799—1803), когда неурядица въ управленіи училищемъ явилась слѣдствіемъ временнаго уничтоженія Приказа Общественнаго Призрѣнія; непорядки были, правда, временами въ пансіонѣ и раньше, особенно въ тѣ годы, когда Московскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія значительную часть получаемыхъ имъ доходовъ употреблялъ на отстройку дома для главнаго народнаго училища и, дѣлая большія чрезвычайныя затраты, урѣзывалъ ассигнованія на постоянныя пансіонскія нужды.

„Положенная на столъ для питомцевъ сумма никогда не отпускалась въ свое время“ [2]); даже въ первый годъ существованія училища, въ январѣ и февралѣ 1787 г. деньги на содержаніе питомцевъ взяты были заимообразно у учителя Дружинина и возвращены ему 26 февраля 1787 г. [3]); такое запаздываніе „порціонныхъ“ денегъ на цѣлыхъ два мѣсяца бывало сравнительно не часто, но также крайне рѣдки были случаи отпуска этихъ денегъ перваго числа или даже до начала мѣсяца, въ концѣ предыдущаго; обыкновенно „порціонныя“ деньги отпускались 5—7 числа каждаго мѣсяца.

Какъ уже было выше упомянуто, съ февраля 1788 г. Приказъ Общественнаго Призрѣнія сталъ отпускать деньги на столъ для питомцевъ впередъ на нѣсколько мѣсяцевъ, но такой отпускъ денегъ оказался для Приказа Общественнаго Призрѣнія затруднительнымъ и продолжался только до 1791 г., когда возобновился помѣсячный отпускъ денегъ, по-прежнему въ первыхъ числахъ

[1]) Ibid.

[2]) Ibid.

[3]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 308, дѣло № 37063, Вѣдомость о казнѣ за 1787 г.

мѣсяца, нерѣдко деньги отпускались и въ самомъ концѣ мѣсяца [1]); въ такихъ случаяхъ иногда смотритель заимствовалъ на содержаніе питомцевъ изъ тѣхъ денегъ, которыя выдавались ему время отъ времени на мелочные расходы [2]), иногда же расходовалъ свои собственныя деньги, которыя спустя нѣкоторое время получалъ обратно отъ Приказа Общественнаго Призрѣнія [3]).

Значительные непорядки въ хозяйствѣ пансіона возникли послѣ того, какъ въ концѣ 1795 г. закончилась отстройка дома для главнаго народнаго училища и Приказу Общественнаго Призрѣнія приходилось выплачивать сдѣланные по этому случаю долги.

Какъ значительны были эти долги, можно судить по тому, что, спустя уже почти полтора года послѣ перемѣщенія главнаго народнаго училища въ отстроенный для него домъ, Приказъ уплатилъ 31 марта 1797 г. за разныя произведенныя въ этомъ домѣ работы 8356 руб. [4]). До какой степени нуждался въ то время Приказъ въ деньгахъ, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго случая: 12 февраля 1796 г. поставщикъ сапогъ для питомцевъ, крестьянинъ Соболевъ, „явясь въ присутствіе Приказа, просилъ о выдачѣ денегъ за взятые для питомцевъ въ 1795 г. сапоги, всего 260 рублей“; по этой просьбѣ состоялась резолюція: „выдать по неимѣнію денегъ только 60 руб.“. 23 сентября того же года директоръ Курбатовъ сдѣлалъ Приказу представленіе объ уплатѣ Соболеву остальныхъ 200 р., но опять состоялась резолюція: „выдать только 100 рублей“.

Испытывая съ конца 1795 г. большую нужду въ деньгахъ, Приказъ Общественнаго Призрѣнія, конечно, съ еще меньшею, чѣмъ прежде, аккуратностью выдавалъ деньги на столъ питомцамъ; такъ, напримѣръ, 30 іюля 1796 г. смотритель Соколовъ подалъ рапортъ съ просьбой о томъ, чтобы ему возвращены были истраченные имъ на содержаніе питомцевъ въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ 375 р. его собственныхъ денегъ; на этотъ рапортъ состоялась такая резо-

---

[1]) Ibidem, Вѣдомости о казнѣ за 1791—1796 гг.

[2]) Въ 1791 г. Соколовъ въ разное время получилъ на мелочные расходы 300 руб., въ 1792 г.—150 руб., въ 1793 г.—200 руб. и т. д. (Ibid., Вѣдомости о казнѣ за соотвѣтствующіе годы).

[3]) Напримѣръ, 1 августа 1793 г. смотритель Соколовъ подалъ рапортъ объ уплатѣ ему 50 руб., издержанныхъ имъ въ іюнѣ того же года на содержаніе 25 питомцевъ, и 4 августа эти деньги были Соколову выданы; по справкѣ съ расходной вѣдомостью этого года, дѣйствительно, оказывается, что въ іюнѣ этого года не было отпуска денегъ на содержаніе питомцевъ. (Ibid., Вѣдомость о дѣлахъ и о казнѣ за 1793 г.).

[4]) Ibid., Вѣдомость о казнѣ за 1797 г.

люція: „выдать только 150 руб.“. Приказъ Общественнаго Призрѣнія окончательно возвратилъ Соколову затраченныя имъ лѣтомъ 1796 г. на содержаніе питомцевъ деньги только 23 августа 1798 г.; къ этому времени Приказъ успѣлъ уплатить Соколову только 258 руб. 52 коп. изъ числа 375 руб., имъ затраченныхъ [1]). Можно себѣ представить, какъ кормилъ питомцевъ Соколовъ, не получая въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ни копѣйки на ихъ содержаніе и зная, что, затративъ свои деньги, врядъ ли скоро получитъ обратно затраченное.

Вслѣдствіе необходимости тратить въ 1796 г. большія суммы на расплату за отстройку дома главнаго народнаго училища, Приказъ Общественнаго Призрѣнія сократилъ въ это время размѣръ порціонныхъ денегъ: урѣзана была и безъ того недостаточная „препорція“ въ 2 р. 50 коп. въ мѣсяцъ на каждаго пансіонера, и стали выдавать по 2 р. 40 к.; однако, не много удалось съэкономить на порціонныхъ деньгахъ: уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришлось возстановить отпускъ 2 р. 50 коп. [2]). Нѣкоторыя же сокращенія въ расходахъ на одежду сохранились и по минованіи тяжелыхъ годовъ [3]).

1796 годъ, когда нужно было изыскивать средства для уплаты долговъ по отстройкѣ дома для главнаго народнаго училища, былъ самымъ тяжелымъ для пансіона училища. Въ началѣ 1797 г. значительная часть долга по отстройкѣ дома для главнаго народнаго училища [4]) была уплачена, и директоръ училища Курбатовъ вмѣстѣ съ новымъ воспитателемъ Жудовичемъ сталъ энергично приводить пансіонъ въ порядокъ.

Прежде всего Жудовичъ настоялъ на томъ, чтобы деньги на столъ питомцамъ отпускались болѣе аккуратно; къ концу 1797 г. Жудовичу удалось даже получить 325 руб. впередъ на содержаніе питомцевъ. Затѣмъ новый смотритель сталъ принимать мѣры къ улучшенію обстановки пансіона и къ снабженію пи-

---

[1]) Ibid., Вѣдомости о дѣлахъ и казнѣ за 1796—1798 г.г.

[2]) Ibid., Вѣдомость о дѣлахъ за 1796 г.

[3]) Съ самаго начала существованія пансіона питомцамъ выдавались не только сапоги, но и туфли; послѣдній заказъ туфель относится къ 1792 г., когда начались крупные расходы на отстройку дома Московскаго главнаго народнаго училища (ibidem, Вѣдомость о казнѣ за 1796—1800 г.г.).

[4]) Къ 14 іюня 1796 г. было за Приказомъ вообще долговъ 38037 р. 2 к., къ 1 авг. 1796 г. оставалось 33473 р. 40 к., въ томъ числѣ за постройку дома для училища 9487 р. 21 к. (Моск. Губ. Арх. Стар. Дѣлъ, Дѣла Моск. Ген.-Губ. за 1796 г., № 1279).

томцевъ бѣльемъ [1]), заключенъ былъ новый контрактъ на поставку для питомцевъ сапогъ съ платою по 5 руб. въ годъ за обувь для каждаго; заключены контракты на поставку свѣчъ и дровъ для училища. Въ слѣдующемъ 1798 г. продолжали закупать бѣлье для питомцевъ; кромѣ того, директору Курбатову удалось исходатайствовать на обмундированіе 65 питомцевъ „камзолами и нижнимъ платьемъ" 356 руб. 25 коп. [2]).

Хотя въ пансіонѣ Московскаго главнаго народнаго училища не было опредѣленнаго „штатнаго положенія" о томъ, сколько слѣдуетъ ежегодно расходовать „на одежду" на каждаго пансіонера, однако на основаніи опыта нѣсколькихъ лѣтъ установлено было, что „на платье, бѣлье, обувь и прочее" слѣдуетъ расходовать ежегодно по 25 руб. на каждаго питомца [3]). Поступавшій въ пансіонъ снабжался слѣдующими вещами: кроватью (ц. 1 р. 45 к.) съ цыновкою, тюфякомъ и подушкою (ц. 1 р. 40 к.), одѣяломъ байковымъ (ц. 1 р. 39 к.), двумя простынями и наволочками (ц. 99 к.), двумя салфетками (ц. 68 к.), двумя рубахами (ц. 1 р. 43 к.), двумя парами чулокъ (ц. 66 к.), двумя платками холщевыми (ц. 20 к.), двумя галстуками бѣлыми (ц. 20 к.), одною парою перчатокъ, одною шляпою поярковою (ц. 90 к.), двумя парами сапогъ и парою туфель (ц. 5 р. 20 к.), однимъ суконнымъ камзоломъ съ рукавами и одною парою исподнихъ (ц. 5 р. 48 к.), верхнимъ платьемъ (ц. 5 руб.); нѣвчимъ кромѣ камзоловъ полагались сюртуки [4]).

Всѣ вещи, которыми снабжались питомцы, за исключеніемъ постели, возобновлялись ежегодно, конечно, если въ распоряженіи

---

[1]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 308, дѣло № 37063. Вѣдомость о казнѣ за 1797 г. 13 февр. 1797 г.: „за купленные для 58 питомцевъ тюфяки и подушки уплачено 81 руб. 20 коп.; 23 марта куплено: 2 оловянныхъ рукомойника и 2 таза бѣлыхъ, 150 аршинъ холста скатертнаго, по 2 галстука бѣлыхъ на каждаго питомца, по 2 платка холщевыхъ набойчатыхъ и по 2 пары нитяныхъ бѣлыхъ чулокъ, по 11 арш. холста на рубашки и 580 арш. холста на наволочки и простыни".

[2]) Ibidem, Вѣдомости о дѣлахъ и казнѣ за 1797—98 г.г.

[3]) Въ смѣтѣ расходовъ по Московск. главн. нар. учил. на 1802 г. (Моск. Губ. Арх. Стар. Дѣлъ, вязка № 328, дѣло № 181432) читаемъ: „питомцевъ 65; имъ потребно въ годъ на платье, бѣлье и обувь и прочее 1648 руб. 40 коп." т.-е. по 25 руб. 36 коп. въ годъ на каждаго пансіонера. Эта цифра близко подходитъ къ той суммѣ, которая, судя по расходнымъ книгамъ, дѣйствительно издерживалась на одежду пансіонерамъ. Такъ, въ расходной книгѣ 1790 г. (Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 308, дѣло № 37063) подъ 18 мая записано: „смотрителю Соколову на покупку питомцу А. Замыцкому платья, обуви и прочаго 22 руб. 60 коп.".

[4]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 308, дѣло № 37063, Вѣдомость о казнѣ и дѣлахъ за 1786—1800 г.г.

Приказа Общественнаго Призрѣнія были достаточныя для того средства, а это бывало далеко не всегда. Присоединяя къ суммѣ, расходовавшейся въ годъ на „одежду и прочее“ для одного питомца, т.-е. къ 25 рублямъ, годичный окладъ порціонныхъ денегъ, т.-е. 30 р. (по 2 р. 50 коп. въ мѣсяцъ), получимъ 55 руб.; а если къ этой суммѣ прибавить приходившійся на одного питомца расходъ на жалованье воспитателямъ, содержаніе прислуги, освѣщеніе, отопленіе, учебныя пособія и письменныя принадлежности [1]), то и получится сумма въ 60—66 руб.,—годичный расходъ Приказа Общественнаго Призрѣнія на каждаго пансіонера.

Въ то время, когда, благодаря представленіямъ Курбатова и Жудовича, Приказъ Общественнаго Призрѣнія, освободившійся отъ части экстраординарныхъ расходовъ, сталъ съ готовностью оказывать содѣйствіе приведенію въ порядокъ пансіона при главномъ народномъ училищѣ, изданъ былъ указъ 17 января 1799 г. объ уничтоженіи Приказа Общественнаго Призрѣнія и подчиненіи училища Камеральному Департаменту вновь учрежденнаго Московскаго Городского Правленія [2]), которое ничего почти не могло предпринять безъ разрѣшенія Департамента также вновь учрежденной „Комиссіи о снабженіи столичнаго города Москвы припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей до полиціи относящихся“ [3]).

Какъ велось хозяйство въ пансіонѣ Московской Главной Школы подъ общимъ руководствомъ вновь созданныхъ реформою императора Павла I бюрократическихъ присутственныхъ мѣстъ, замѣнившихъ муниципальныя и полубюрократическія учрежденія имп. Екатерины II, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. 2 сентября 1799 г. директоръ представилъ Камеральному Департаменту рапортъ смотрителя Соколова „о разбитыхъ погодою стеклахъ“; по поводу этого представленія директора въ Камеральномъ Департаментѣ состоялось такое постановленіе: „сообщить Конторѣ Городскихъ Строеній объ освидѣтельствованіи“. Но Контора Городскихъ Строеній, повидимому, не спѣшила со своимъ освидѣтельствованіемъ или, если и освидѣтельствовала, то отъ этого мало было толку: время шло, наступили холода, а стекла не были еще вставлены. 13 ноября Соколовъ вынужденъ былъ опять представить Камеральному Департаменту рапортъ о томъ, „что въ Главной

---

[1]) Напр., 1787 г. окт. 11 „выдано серпуховскому купцу Ѳедору Кирьякову за приторгованныя для казенныхъ учениковъ, обучающихся въ главномъ народномъ училищѣ, бумагу, перья, чернила 3 р. 75 к.“

[2]) Полн. Собр. Зак. т. XXV, № 18821, стр. 527; № 18822, стр. 531.

[3]) Арх. Мин. Нар. Просв., карт. № 308, дѣло № 37063—Вѣдомости о дѣлахъ за 1799 и 1800 г.г.

Школѣ выбито разными случаями и учениками 70 оконныхъ стеколъ".

На этотъ разъ состоялся болѣе рѣшительный приговоръ Камеральнаго Департамента: „вызвать черезъ ремесленнаго голову стекольщиковъ къ торгамъ". Итакъ, смотритель свое дѣло сдѣлалъ: своевременно, еще задолго до холодовъ, въ сентябрѣ доложилъ о необходимости вставить стекла, а Камеральный Департаментъ дотянулъ дѣло до ноября; но и въ ноябрьскіе морозы не рѣшился сдѣлать своею властью распоряженіе о приглашеніи стекольщика, а затѣялъ новую переписку съ ремесленнымъ головою о вызовѣ стекольщиковъ, составилъ цѣлый планъ торговъ на поставку 70 стеколъ. Наконецъ разыскали стекольщиковъ; крестьянинъ Анисимъ Никитинъ за вставленіе стеколъ „выпросилъ" 20 руб. 10 коп. Когда объ этомъ доложено было Камеральному Департаменту, онъ и тутъ не распорядился вставить немедленно стекла, а постановилъ: „доложить въ общемъ собраніи человѣколюбивыхъ заведеній". Конца этого дѣла, къ сожалѣнію, не сохранилось.

О такой же волокитѣ въ веденіи пансіонскаго хозяйства Камеральнымъ Департаментомъ свидѣтельствуетъ и слѣдующій случай: 13 сентября 1799 г. смотритель Соколовъ представилъ Камеральному Департаменту рапортъ о построеніи для 71 питомца рубахъ, простынь, наволокъ, одѣялъ, тюфяковъ, чулокъ и пр. По поводу этого рапорта состоялось такое опредѣленіе Департамента: „такъ какъ о заведеніи будетъ сужденіе въ общемъ собраніи, то, по учиненіи постановленія, доложить". Опредѣленіе довольно неясное, но во всякомъ случаѣ дѣлу „построенія рубахъ" оно ходу не дало, и спустя мѣсяцъ, 17 октября, тотъ же Соколовъ представилъ Камеральному Департаменту новый рапортъ; на этотъ разъ смотритель, умалчивая о „простыняхъ, наволочкахъ и прочемъ", жаловался только на то, что „у 71 питомца рубахи пришли въ ветхость".

Можно представить себѣ, какова была ветхость питомческихъ рубахъ, если принять во вниманіе, что послѣднее передъ тѣмъ „построеніе рубахъ" было 26 мая и 17 декабря 1798 г. и что тогда сшито было только по одной рубахѣ на пансіонера. Несмотря на упоминаніе во второмъ рапортѣ Соколова о „ветхости" рубахъ, Камеральный Департаментъ не рѣшился составить опредѣленіе о пріобрѣтеніи холста, а постановилъ: „доложить въ общемъ собраніи Городского Правленія" [1]).

Въ то время, когда главное народное училище было подчи-

[1]) Ibidem.

нено Приказу Общественнаго Призрѣнія, дѣла, подобныя только-что указаннымъ, вовсе не вызывали такихъ недоумѣній, какія изъ-за нихъ возникали въ Камеральномъ Департаментѣ, и рѣшались гораздо проще: получивъ отъ директора рапортъ смотрителя о необходимости купить что-нибудь для питомцевъ, Приказъ поручалъ приторговать и о цѣнѣ рапортовать; получивъ рапортъ о цѣнѣ приторгованныхъ вещей, Приказъ опредѣлялъ выдать за приторгованныя вещи деньги.

Гораздо чаще дѣло велось еще проще: смотритель приторговывалъ нужныя вещи, не спрашивая еще на то разрѣшенія, и, приторговавъ, рапортовалъ черезъ директора Приказу о необходимости купить приторгованныя вещи, Приказъ же дѣлалъ постановленіе выдать деньги. Такимъ образомъ присутственныя мѣста, учрежденныя при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, по медленности и сложности дѣлопроизводства далеко оставили за собой Приказъ Общественнаго Призрѣнія [1]); понятно поэтому, почему и Соколовъ, и Жудовичъ не могли прослужить при новыхъ порядкахъ и году, а подали оба въ одинъ и тотъ же день прошенія объ увольненіи ихъ отъ должности. Преемники Соколова, подъ руководствомъ назначенныхъ при участіи Камеральнаго Департамента и смѣнившихъ Курбатова директоровъ Баркова и Пельскаго, довели пансіонъ при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ до того печальнаго состоянія, въ которомъ, какъ выше было указано, онъ находился наканунѣ преобразованія училища въ Московскую губернскую гимназію.

Хотя уставъ 1786 г. призвалъ къ жизни главныя и малыя народныя училища, но нельзя не согласиться съ мнѣніемъ того изслѣдователя [2]), который полагаетъ, что названіе этихъ училищъ народными не вполнѣ соотвѣтствуетъ сущности проведенной императрицей Екатериной II учебной реформы, что созданныя этою реформою училища не были общенародными; значеніе ихъ было болѣе узко, такъ какъ они были въ сущности призваны обслуживать далеко не весь народъ, а весьма незначительную его часть— городское населеніе, столь малочисленное въ Россіи конца XVIII в. Первый историкъ учебной реформы императрицы Екатерины II лишаетъ созданныя этою реформою училища даже того имени, кото-

---

[1]) Противоположное мнѣніе А. Воронова (Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго Учебнаго Округа. СПБ. 1849 г., стр. 82) объясняется тѣмъ, что съ дѣлопроизводствомъ Камеральнаго Департамента Вороновъ не былъ знакомъ.

[2]) С. В. Рождественскій. Очерки по исторіи системъ нар. просв. въ Россіи, т. I, стр. 562.

рое имъ дано Августѣйшею Schulmeisterin, и называетъ ихъ не народными, а городскими [1]). Московское главное народное училище, повидимому, занимало въ этомъ отношеніи особое положеніе въ зависимости отъ особенности состава населенія дореформенной дворянской Москвы.

Московское дворянское собраніе именовало себя не безъ основанія „россійскимъ благороднымъ собраніемъ“: многіе дворяне разныхъ губерній имѣли подмосковныя имѣнія, еще больше дворянъ разныхъ губерній имѣло дворы въ Москвѣ. Дворовые, стоявшіе во главѣ дворни очень многихъ московскихъ барскихъ домовъ, были люди полуинтеллигентные, иногда и совсѣмъ интеллигентные; такими же были многіе помѣщичьи крестьяне, жившіе въ Москвѣ на оброкѣ; ихъ дѣти составили большую часть учениковъ Московскаго главнаго народнаго училища въ тѣ годы, когда училище имѣло наибольшее число учениковъ. Это крестьянское большинство учениковъ Московскаго главнаго народнаго училища не принадлежало, правда, къ числу сыновей крестьянъ-пахарей, а дворовыхъ, но они, конечно, не порывали связи съ деревней, и потому Московское главное народное училище можно поистинѣ назвать народнымъ.

Въ громадной Москвѣ было 17 малыхъ народныхъ училищъ во всѣхъ частяхъ города и только одно главное. Неудивительно, что, при разбросанности населенія и малосостоятельности большей части учениковъ, при училищѣ возникло общежитіе, въ которомъ нашло себѣ пріютъ болѣе $^1/_4$ учениковъ, а въ послѣдніе годы существованія училища около $^1/_2$. Очевидно, въ Москвѣ главное народное училище не могло существовать сколько-нибудь нормально и пустовало бы почти на половину безъ пансіона. Правда, въ средѣ пансіонеровъ было очень мало крѣпостныхъ крестьянъ; большинство пансіонеровъ (64,$_2$%) были сыновья однодворцевъ, вольноотпущенныхъ, солдатъ, мѣщанъ и подьячихъ, но эта группа только въ правовомъ отношеніи стояла выше дворовыхъ, въ экономическомъ же и культурномъ отношеніи дѣти крѣпостныхъ дворецкихъ, завѣдующихъ домовыми конторами и управляющихъ подмосковными экономіями, были гораздо выше копіистовъ, канцеляристовъ, мелочныхъ торговцевъ. Эта группа пансіонеровъ совершенно лишаетъ пансіонъ при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ того сословнаго, исключительно дворянскаго характера, которымъ отличались пансіоны при провинціальныхъ главныхъ народныхъ училищахъ.

[1]) Гр. Д. А. Толстой. Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II въ „Запискахъ Императорской Академіи Наукъ“, т. LIV.

Поэтому, какъ Московское главное народное училище вполнѣ оправдываетъ свое названіе народнаго, такъ вполнѣ заслуживаетъ названія народнаго и пансіонъ при немъ, обслуживавшій всѣ слои населенія и по преимуществу наименѣе экономически обезпеченную его часть.

Практика Московскаго главнаго народнаго училища показала, что, при весьма маломъ числѣ училищъ этого типа, разбросанности населенія на громадномъ разстояніи и его экономической необезпеченности, эта общеобразовательная средняя школа лишь благодаря возникшему при ней пансіону не пустовала и осуществила казавшуюся несбыточной мечтою доступность средняго образованія народной массѣ.

Этотъ историческій опытъ долженъ послужить ободреніемъ нѣкоторымъ современнымъ земствамъ, поставившимъ себѣ задачу поднять культурный уровень нашего крестьянства.

Нижегородское уѣздное земское собраніе, обсуждая въ 1911 г. вопросъ о томъ, какимъ дѣломъ лучше всего было бы ознаменовать пятидесятилѣтіе со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, постановило, что такимъ дѣломъ было бы предоставленіе рядовому сѣрому крестьянству возможности получить среднее образованіе. Дѣйствительно, одно начальное образованіе, предоставляемое земствомъ крестьянину, несмотря на всѣ старанія земства поставить дѣло начальнаго образованія наиболѣе раціонально, безсильно превратить „вчерашняго раба“ въ гражданина. Довольствуясь однимъ лишь начальнымъ образованіемъ, приходится нерѣдко мириться съ рецидивомъ безграмотности у прошедшихъ начальную школу. Обрывки знаній, даваемые начальной школой, полузнаніе по временамъ бываютъ не менѣе вредны, чѣмъ и круглое невѣжество.

Переходя къ вопросу о томъ, какой типъ средней школы могъ бы обслуживать крестьянство, разбросанное въ мелкихъ деревушкахъ на громадномъ пространствѣ, Нижегородское уѣздное земское собраніе пришло къ слѣдующимъ заключеніямъ: для того, чтобы средняя общеобразовательная школа могла обслуживать крестьянскую массу, чтобы расчитывающія на поступленіе крестьянскихъ дѣтей среднія учебныя заведенія не пустовали, необходимо, во-первыхъ, чтобы среднее образованіе было безплатнымъ для малосостоятельнаго большинства крестьянскихъ дѣтей и, во-вторыхъ, чтобы при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ обслуживать крестьянскую массу, были общежитія, куда принимались бы пансіонеры за невысокую плату при большомъ числѣ безплатныхъ пансіонеровъ, содержимыхъ на счетъ земства. Первымъ

опытомъ такой средней школы для крестьянъ Нижегородской губерніи будетъ проектированная Нижегородскимъ уѣзднымъ земствомъ прогимназія съ общежитіемъ на 100 учениковъ въ селѣ Дальнемъ Константиновѣ, Нижегородскаго уѣзда.

Пансіонъ при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ далъ возможность дѣтямъ бѣдныхъ родителей громаднаго московскаго района получать среднее общее образованіе въ единственномъ на всю Москву доступномъ для нихъ тогда общеобразовательномъ среднемъ учебномъ заведеніи. Мы были бы рады, если бы наша статья объ этомъ пансіонѣ убѣдила, между прочимъ, въ неосновательности опасеній тѣхъ лицъ, которыя полагаютъ, что мысль объ общеобразовательной средней школѣ для нашей деревни окажется утопіей.

А. М. Гневушевъ.

Къ исторіи помѣстнаго землевладѣнія въ Новгородской области.

(Изъ архива Помѣстнаго стола Новгородской съѣзжей избы).

Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи въ дѣлахъ Вотчинной Конторы сохранился цѣлый рядъ столбцовъ, содержащихъ дѣлопроизводство Помѣстнаго стола Новгородской съѣзжей избы съ 1594 по 1611 годъ [1]). Среди другихъ документовъ Новгородской воеводской избы по помѣстнымъ дѣламъ, т.-е. книгъ писцовыхъ, переписныхъ, даточныхъ, отдѣльныхъ, тоже дошедшихъ до насъ за указанное время [2]), документы нашихъ столбцовъ представляютъ исключительный интересъ и для характеристики московскихъ приказныхъ порядковъ (Новгородская область не была, конечно, въ этомъ отношеніи исключеніемъ) и для выясненія условій помѣстнаго быта въ Новгородской области въ послѣднее десятилѣтіе XVI-го и первое XVII вѣка. Во всѣхъ этихъ челобитныхъ служилыхъ людей, воеводскихъ грамотахъ, сыскахъ губныхъ старостъ и окольныхъ людей, личныхъ показаніяхъ заинтересованныхъ въ какомъ-нибудь участкѣ земли сторонъ, словомъ, во всѣхъ тѣхъ документахъ, которые и составляютъ содержаніе этихъ столбцовъ, мы встрѣчаемся съ той реальной, жизненной обстановкой, которая въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ бываетъ обыкновенно скрыта или въ значительной степени затушевана условной терминологіей писца, краткостью описи, а особенно фискальнымъ характеромъ этихъ документовъ.

Въ настоящей замѣткѣ мы не намѣрены касаться всѣхъ дѣлъ, встрѣчающихся въ нашихъ столбцахъ, а остановимся только на

---

[1]) Документы эти любезно указаны намъ С. Б. Веселовскимъ, которому и приносимъ здѣсь нашу глубокую благодарность. Въ настоящее время всѣ эти документы подготовляются нами къ печати.

[2]) Понятіе объ этихъ документахъ даютъ изданные покойнымъ Д. Я. Самоквасовымъ матерьялы: „Архивный матерьялъ“, т. I и II.

дѣлахъ обычныхъ, которыя приходилось вести каждому помѣщику, а именно — разсмотримъ весь процессъ полученія московскимъ служилымъ человѣкомъ помѣстья „въ свой окладъ“. Какъ извѣстно, московское правительство, поверставъ служилаго человѣка за его службу тѣмъ или инымъ окладомъ, предоставляло ему самому позаботиться о томъ, чтобы подыскать себѣ такое количество четей, какое ему слѣдовало по окладу. Земельнымъ фондомъ для помѣщика служили—„старое отца его помѣстье“, прожиточное помѣстье его матери или бабки, помѣстья „сдачныя“, т.-е. такія, владѣльцы которыхъ передавали ихъ на опредѣленныхъ условіяхъ другому лицу, помѣстья „выморочныя“, или покинутыя своими владѣльцами, и, наконецъ, „государевы пустыя порожжія земли“. Подыскать такое количество обежъ или четвертей, которое вполнѣ соотвѣтствовало бы окладу, для служилаго человѣка было очень нелегко. Дача, поэтому, всегда была ниже оклада, да и кромѣ того, за немногими встрѣтившимися намъ исключеніями, состояла обычно изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ участковъ земли, которые помѣщикъ въ теченіе долгаго времени подбиралъ въ свой окладъ.

Намѣтивъ изъ указанныхъ выше земель чье-либо пустое помѣстье, служилый человѣкъ подавалъ о немъ челобитную. Подавая свои челобитныя, новгородскіе помѣщики избирали два пути: въ однихъ случахъ они подавали челобитныя „на Москвѣ“, въ другихъ — новгородскому воеводѣ непосредственно. Въ своей челобитной служилый человѣкъ прежде всего указывалъ размѣръ своего оклада, затѣмъ—число четей, которое онъ уже получилъ въ свой окладъ, если у него уже была помѣстная дача, въ противномъ же случаѣ онъ указывалъ, что за нимъ нѣтъ помѣстья „ни единыя чети“ или, по выраженію нѣкоторыхъ челобитныхъ, „ни единаго загонцу“. Далѣе онъ указывалъ, какое именно помѣстье онъ хотѣлъ бы получить въ свой окладъ, обозначалъ, въ какомъ погостѣ оно находится, кому раньше принадлежало, сколько въ немъ обежъ или четей, добавляя, что данное помѣстье пусто или ему его сдаютъ, или, если помѣстье было отцовскимъ, что его отецъ „старъ и увѣченъ и государевой службы служить не можетъ“. Всѣ челобитныя оканчиваются мотивировкой, составленной, по обычаямъ того времени, въ сильныхъ выраженіяхъ: „чтобы я, холопъ твой, въ конецъ не погибъ и твоей государевой службы не отсталъ“. Любопытно отмѣтить, что иногда въ челобитныхъ встрѣчается указаніе не на одно, а на два помѣстья. Одинъ служилый человѣкъ, напримѣръ, указываетъ на два помѣстья, изъ которыхъ хочетъ получить въ свой окладъ 10 обежъ, а въ одномъ изъ нихъ

было $10^1/_2$, а въ другомъ $12^1/_2$ обежъ [1]). Онъ какъ бы предоставляетъ воеводѣ съ товарищами самимъ выбрать для него одно изъ двухъ помѣстій. Приказные люди давали просимое число четей въ такихъ случаяхъ изъ того помѣстья, число обежъ котораго ближе подходило къ тому числу, которое просилъ помѣщикъ.

Если челобитная была подана на Москвѣ, то новгородскому воеводѣ посылалась соотвѣтственная грамота, подъ которую подклеивалась подлинная челобитная. Получивъ челобитную, приказная администрація производила соотвѣтствующую справку,—дѣлалась такъ называемая „выпись“. Эта „выпись“ представляетъ собою канцелярскую справку по тѣмъ вопросамъ, которые были затронуты въ челобитной. Прежде всего, документально изслѣдовался вопросъ о правахъ челобитчика на указанный имъ окладъ и о количествѣ полученныхъ раньше въ его окладъ четей. Для подтвержденія перваго вопроса приводились выписи или изъ „дачныхъ книгъ“, или непосредственно изъ десятенъ, гдѣ окладъ служилаго человѣка былъ оффиціально указанъ. Для выясненія второго вопроса—„что́ за нимъ помѣстья“—дѣлались обычно выписи изъ писцовыхъ книгъ, но не въ полномъ объемѣ, а сокращенныя, т.-е. безъ перечисленія деревень, пустошей, починковъ, дворовъ и людей, а только указывался погостъ и число обежъ или четей, бывшее въ этомъ погостѣ за челобитчикомъ. Если послѣ составленія той писцовой книги, изъ которой дѣлалась выпись, служилый человѣкъ получалъ еще какія-либо дачи, то въ выпись вносились и эти свѣдѣнія, заимствованныя изъ даточныхъ или отдѣльныхъ книгъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда челобитчикъ былъ безпомѣстенъ, канцелярія отмѣчала: „а помѣстья за нимъ не сыскано“. Въ этихъ случаяхъ требовалось, повидимому, личное присутствіе челобитчика и его словесное подтвержденіе, потому что на ряду съ приведенной отмѣткой или взамѣнъ ея встрѣчаемъ и такую: „а у выписи помѣстья не сказалъ за собою ни единыя чети“. Послѣ выясненія этихъ двухъ вопросовъ, наводилась справка—„а о чемъ имя рекъ челомъ бьетъ“, т.-е. по оффиціальнымъ документамъ дѣлалась выписка о томъ помѣстьѣ, о которомъ просилъ челобитчикъ. Эта справка дѣлалась съ чрезвычайной осторожностью, главнымъ образомъ потому, что нужно было возможно точнѣе установить количество обежъ и четвертей въ каждой пустоши и деревнѣ даннаго помѣстья. Поэтому для такой справки брался возможно болѣе обширный матерьялъ; можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что въ этомъ случаѣ пускался въ ходъ весь матерьялъ, которымъ располагала воеводская канцелярія.

[1]) Дѣло пом. Трухина, 1594 г.

Основнымъ матерьяломъ служили писцовыя книги ближайшаго времени, т.-е. описаніе 7090—94 годовъ, но, стремясь къ возможной полнотѣ, приказные давали выписки, если это было возможно, изъ всѣхъ трехъ крупныхъ описаній Новгородской области XVI вѣка, т.-е. изъ книгъ 7004—7 годовъ, которыя называли „старымъ письмомъ“, 7047—54 годовъ и изъ вышеуказанныхъ книгъ 7090—94 годовъ. Не довольствуясь этимъ, они обращались и къ ближайшимъ по времени дозорамъ 101—103-го годовъ; а если въ ихъ распоряженіи находился и какой-либо другой матерьялъ, напр. отдѣльныя грамоты на это помѣстье бывшему владѣльцу, случайныя мѣстныя переписи отдѣльныхъ погостовъ и волостей, то въ своей выписи они приводили и эти документы.

Такая выпись давала точное представленіе о размѣрахъ помѣстья, но со времени послѣдняго описанія его въ составѣ даннаго помѣстья могли произойти перемѣны, и подьячіе тщательно разыскиваютъ по даточнымъ книгамъ, когда, кому и какая часть этого помѣстья была отдѣлена. Случалось, что приказная справка въ этомъ отношеніи не сходилась съ показаніями челобитчика: онъ, напримѣръ, указывалъ въ данномъ помѣстьѣ количество обежъ значительно меньшее того, какое значилось въ немъ по писцовымъ книгамъ, а подьячіе не могли по своимъ документамъ доискаться, когда и кому были розданы эти излишнія обжи. Тогда эту справку поручали произвести губному старостѣ одновременно съ сыскомъ, и онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ обыскными книгами представить и отдѣльныя грамоты тѣхъ лицъ, которымъ эти обжи были отдѣлены [1]). Послѣ выписи челобитчикъ лично давалъ свои объясненія, сводившіяся къ подтвержденію данныхъ его челобитья. Заканчивалась выпись расчетомъ приказныхъ людей: если удовлетворить ходатайство челобитчика, то у него окладъ „будетъ сполна“, или ему „не дойдетъ въ окладъ такого-то количества четей“, или, наконецъ, если ему отдать все помѣстье, о которомъ онъ бьетъ челомъ, цѣликомъ, то у него окажется столько-то лишнихъ четей. Выслушавъ челобитья и выписи, воевода съ дьякомъ приговаривали послать къ губному старостѣ той пятины, въ которой находилось данное помѣстье, грамоту объ обыскѣ и отдѣлѣ помѣстья, о которомъ просилъ челобитчикъ.

Грамота къ губному старостѣ возлагала на него двоякую обязанность: во-первыхъ, онъ долженъ былъ произвести сыскъ по данному челобитью и, во-вторыхъ, произвести отдѣлъ помѣстья челобитчику. Сыскъ велся въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны,

[1]) Дѣло Балгурина, 1597 г.

губной староста съ попами и волостными людьми даннаго и окольныхъ погостовъ долженъ былъ „сыскати всякими сыски накрѣпко“, пусто ли данное помѣстье, умеръ ли его владѣлецъ и не осталось ли послѣ него жены и дѣтей, „не отдано ли оно и не помѣчено ли кому отдати и къ ямскимъ слободамъ и къ дворцовымъ селамъ не приписано ли“. Этотъ сыскъ еще осложнялся въ тѣхъ случаяхъ, когда челобитчикъ указывалъ, что прежній владѣлецъ не умеръ, а съѣхалъ со своего помѣстья, забросивъ его. Обыскнымъ людямъ нужно было тогда давать довольно подробные отвѣты. Такъ, они должны были указать, когда съѣхалъ прежній владѣлецъ, въ какой городъ, продолжаетъ онъ служить съ Новгородомъ или нѣтъ, и, наконецъ, испомѣщенъ ли онъ въ томъ городѣ, куда съѣхалъ[1]). Въ томъ случаѣ, когда помѣстье было „сдачнымъ“, на обязанности губного старосты лежало разспросить сдающее помѣстье лицо, дѣйствительно ли оно хочетъ сдать свое помѣстье челобитчику, и принять отъ него „сдаточное челобитье“ за рукою его духовнаго отца. Разспросныя рѣчи сдающаго помѣстье лица должны были въ обычномъ порядкѣ быть представлены воеводѣ [2]).

Другую сторону сыска составлялъ дозоръ отдѣляемаго помѣстья, тѣсно связанный съ отдѣломъ его помѣщику. При дозорѣ и отдѣлѣ губной староста и волостные люди должны были дозирать „въ правду, по государеву крестному цѣлованію“, „пашенныхъ крестьянъ бобылями и крестьянскія пашни помѣщиковыми и наѣзжими не писать“. Впрочемъ, эти требованія точности и правдивости дозора тутъ же въ достаточной степени парализовались инымъ требованіемъ: „и изъ живущаго бъ у нихъ однолично въ пусто не убыло“ [3]).

Обыски окольными людьми были очень громоздкимъ способомъ выясненія обстоятельствъ дѣла. Кромѣ мѣстныхъ погостскихъ „волостныхъ людей“ въ нихъ принимали участіе и жители окольныхъ погостовъ, при чемъ терминъ „окольный“ надо понимать въ очень широкомъ смыслѣ слова. Такъ, напр., попъ и 12 волостныхъ людей Ручьевскаго погоста Деревской пятины, вызванные для сыска про пустошь Жужель Локотцкаго погоста, которая была въ помѣстьѣ за помѣщикомъ Клементьевымъ, дали слѣдующее характерное показаніе: „а пахана ли, кошена ли (*та пустошь*), того не вѣдаютъ, а того же деи помѣстья пустоши въ Коломенскомъ погостѣ стоятъ порозжи ли и не отданы ли и не помѣчены ли кому отдати и къ дворцовымъ селамъ и къ ямскимъ слободамъ приписаны ли

[1]) Дѣло Пусташкина 1595 г., Клементьева 1595 г. и-др.

[2]) Дѣло Авраамова, 1597 г.
Дѣло Мордвинова, 1599 г.

и кошены ли, про то все не вѣдаютъ, потому что отъ ихъ Ручьевскаго погоста до Коломенскаго удалѣло 130 верстъ“ [1]). Другимъ осложняющимъ обыски обстоятельствомъ было частое нежеланіе волостныхъ людей „давать обыски“, на что они имѣли, повидимому, нѣкоторыя своеобразныя причины. Одинъ челобитчикъ, жалуясь на отказъ волостныхъ людей дать обыски на отводимое ему помѣстье, говоритъ, что они не хотятъ дать обысковъ, такъ какъ они „въ тѣхъ пустошахъ межъ себя упрекалися, потому что тѣ пустоши паханы и кошены“ [2]). Если пустоши были паханы, то, конечно, въ интересахъ волостныхъ людей было оттянуть обыскъ до тѣхъ поръ, пока они свезутъ съ захваченныхъ пустошей хлѣбъ и сѣно, чтобы избѣжать ихъ конфискаціи и довольно высокой пени. Участіе въ обыскѣ для волостныхъ людей было дѣломъ не вполнѣ безопаснымъ, требовавшимъ отъ нихъ особой осмотрительности. Дѣло въ томъ, что всѣ обыскныя книги они скрѣпляли своими руками, и администрація была склонна взыскивать за ошибки не со своихъ агентовъ, а съ волостныхъ людей. Въ этомъ отношеніи характерно дѣло помѣщика Мордвинова. При производствѣ отдѣла и дозора его помѣстья, дозорщики, во главѣ съ губнымъ старостой, написали на его помѣстье лишнихъ $2^1/_2$ обжи. Хлопоты объ отмѣнѣ этого дозора и производствѣ новаго дозора въ виду того значенія, которое имѣли въ дѣлахъ объ утвержденіи въ правахъ владѣнія обыскныя и отдѣльныя выписи, были очень сложны и дороги. Поэтому помѣщикъ подалъ государю челобитную, въ которой писалъ, жалуясь на дозорщиковъ: „и въ той его приписи въ лишкѣ учинилося убытка въ волокитѣ и въ проѣздѣ, и твою государеву грамоту емля на Москвѣ, и въ Новѣгородѣ волочась, прежъ сего и нынѣ 6 рублевъ съ четвертью“. Мордвиновъ просилъ „государева указа“ о своихъ убыткахъ. По разслѣдованіи дѣла, его жалоба оказалась основательной, и воевода вынесъ рѣшеніе, по которому съ волостныхъ людей, показавшихъ дозорщику лишнее число обежъ, въ пользу помѣщика за его убытки надлежало взыскать 2 рубля, „чтобъ имъ впредь неповадно было лживыхъ обысковъ писати“. Денегъ этихъ, несмотря на государеву грамоту, попъ и волостные люди помѣщику не уплатили. Тогда было приказано взять ихъ на поруки въ этихъ двухъ рубляхъ, а если даже они съ челобитчикомъ „въ его убыткахъ и въ волокитѣ помирятся, и имъ въ Новгородъ ѣхать не велѣти, а велѣти за ослушаніе на нихъ на государя взяти пени по полуполтинѣ на

[1]) Дѣло Клементьева, 1595 г.
[2]) Дѣло Стогова, 1597 г.

человѣкѣ, для того, чтобы имъ и инымъ окольнымъ людямъ впередъ неповадно было въ государевыхъ дѣлахъ ослушатись". Попъ и волостные люди пеню внесли, но на производство новаго сыска и дозора все-таки не поѣхали, и ихъ пришлось замѣнить окольными людьми сосѣдняго погоста [1]).

Такая отвѣтственность за ложь въ сыскѣ заставляла волостныхъ людей быть очень осторожными и нерѣдко приносила пользу, препятствуя злоупотребленіямъ губныхъ старостъ. Въ этомъ отношеніи любопытно столкновеніе, возникшее между попомъ Ручьевскаго погоста Деревской пятины и губнымъ старостой Деревской же пятины Петромъ Есиповымъ. По словамъ попа, губной староста, отдѣляя помѣстье помѣщику Арцыбашеву въ разныхъ погостахъ, пріѣхалъ на отдѣлъ въ Ручьевскій погостъ уже съ готовыми отдѣльными книгами другихъ погостовъ. Здѣсь онъ, „норовя" Арцыбашеву, отдѣлилъ ему землю, находившуюся въ спорѣ, и предложилъ попу подписать отдѣльныя книги—„велѣлъ къ тѣмъ отдѣльнымъ книгамъ, къ спорному помѣстью руку прикладывать сильно и чужихъ погостовъ къ отдѣльнымъ книгамъ во всѣхъ поповъ мѣсто . . . . ., а тѣ отдѣльныя книги изъ тѣхъ погостовъ привезли они безъ поповскихъ рукъ. . . . . И я, государь", пишетъ далѣе попъ, „къ тѣмъ отдѣльнымъ книгамъ чужихъ погостовъ и своего для спорнаго помѣстья руки прикладывать не смѣлъ, потому что отдѣливалъ онъ неправдою, и, опасаяся ихъ наспльства надъ собой, я отъ нихъ въ тѣ поры притуливался. И губной староста, безъ меня пріѣхавъ на мой дворишко, попадью мою били и безвѣчили, руку переломили и, бивъ и безвѣчивъ, замертво покинули" [2]). Правда, изъ челобитья губного старосты видно, что попъ отказывался приложить руку къ обыскамъ безо всякихъ основаній, но въ такого рода столкновеніяхъ правда была, по всей вѣроятности, на сторонѣ волостныхъ людей, потому что за отказъ отъ обыска они штрафовались отъ полуполтины, какъ мы это видѣли выше, и до двухъ рублей. Слѣдовательно, для отказа подъ угрозой такого штрафа надо было имѣть серьезныя основанія.

Отдѣлъ помѣстья челобитчику производился тѣмъ же губнымъ старостой и тѣми же волостными людьми. Здѣсь могло быть два случая. Помѣстье могло отдѣляться изъ пустого стараго помѣстья, когда у получающаго помѣстье въ данное время совладѣльцевъ не было, и этотъ же отдѣлъ могъ быть произведенъ изъ пустой земли въ то время, когда часть помѣстья была уже за кѣмъ-ни-

[1]) Дѣло Мордвинова, 1599 г.

[2]) Дѣло Арцыбашева, 1594 г.

будь „справлена“. Разсмотримъ первый случай. Очень рѣдко бывало, чтобы количество обежъ въ отдаваемомъ челобитчику помѣстьѣ равнялось тому, какое онъ просилъ. Обычно оно его превышало на ту или другую цифру. Губному старостѣ въ такихъ случаяхъ предписывалось выдѣлить помѣщику нужное количество обежъ, а остальныя обжи, „досталь того помѣстья“, отписать на государя. При этомъ на государя нужно было отписывать „лучшее, а не худое“ [1]), „села, деревни, починки, пустоши, селища, займища, дворы и во дворахъ крестьянъ и бобылей“. Въ этихъ отписныхъ частяхъ помѣстья губной староста долженъ былъ приказать погостскому старостѣ „крестьянъ и бобылей вѣдати на государя“ [2]). Губной староста долженъ былъ отписывать не только землю съ крестьянскимъ и бобыльскимъ населеніемъ, но долженъ былъ произвести объ этой отписной землѣ особый сыскъ. Ему вмѣнялось въ обязанность, если онъ „наѣдетъ на той землѣ какого хлѣба стоячаго или сѣнъ кошеныхъ“ [3]), узнать, кто этотъ хлѣбъ сѣялъ и сѣно косилъ, и разузнать, пользуются ли эти люди государевой землей по оброчнымъ памятямъ или безоброчно. Въ послѣднемъ случаѣ нужно было найти виновниковъ захвата, узнать, сколько лѣтъ они пахали и косили данныя пустоши, для того, чтобы за этотъ промежутокъ времени взыскать съ нихъ оброчныя деньги. Затѣмъ губной староста долженъ былъ наблюдать, чтобы виновные въ самовольномъ захватѣ сами сжали „стоячій всякій хлѣбъ“, скосили покосы, а „пожавъ свезли къ живущимъ деревнямъ“ и тамъ сложили въ скирды или одонья, „огородили и укрыли гораздо, чтобы тому хлѣбу и сѣну потери никоторыя не было“. Беречь этотъ хлѣбъ должны были старосты и цѣловальники тѣхъ же деревень за крѣпкими поруками, до государева указа. Затѣмъ губной староста долженъ былъ сдѣлать пробный умолотъ и прислать книги умолота и ужина въ Новгородъ къ воеводѣ [4]). Наказы предвидѣли возможность такого случая, что, пока будутъ отыскивать виновныхъ, хлѣбъ осыплется, и въ крайнихъ случаяхъ предписывали хлѣбъ сжать и сѣно скосить при помощи вообще окольныхъ людей. Если же хлѣбъ и сѣно были уже сжаты и скошены, то дозорщикъ, „смѣтя по засѣву и по жнитвѣ, сколько хлѣба было сѣяно да сколько было по ужину копенъ сотныхъ“, долженъ былъ доправить это количество на тѣхъ, кто по сыску свезъ тотъ хлѣбъ къ себѣ.

---

[1]) Дѣло Тургенева, 1599 г.
[2]) Дѣло Огарева, 1597 г.
[3]) Дѣло Коробьина, 1599 г.
[4]) Дѣло Сукова, 1594 г.

Эти спеціальные наказы о дозорѣ самовольно захваченной земли, со свойственной московскимъ приказнымъ людямъ откровенной недовѣрчивостью къ своимъ собственнымъ подчиненнымъ, предусмотрительно предупреждаютъ возможность злоупотребленій. Обычнымъ способомъ пользованія государевыми пустыми землями въ Новгородской области была отдача ихъ на оброкъ, и губные старосты вели особыя оброчныя книги, куда заносились оброчныя памяти. И вотъ, наказъ дозорщику рекомендуетъ взять у губныхъ старостъ „оброчныя книги за ихъ, губныхъ старостъ, рукою напередъ дозору, чтобъ однолично послѣ дозору ихъ, губныхъ старостъ, воровствомъ на тѣ порозжія земли... оброчныя памяти не объявились“ [1]).

Полученный послѣ отписки на государя хлѣбъ, ухоботье и солому и вообще весь урожай старосты должны были продавать по тамошней по большой цѣнѣ. Если же хлѣбъ былъ свезенъ до прибытія дозорщиковъ на мѣсто или подвергся порчѣ, то на тѣхъ людяхъ, которые его свезли, или на тѣхъ, чьему надзору онъ былъ порученъ, и на ихъ поручителяхъ деньги за хлѣбъ слѣдовало доправить по новгородской цѣнѣ, по 9 алтынъ за четверть ржи [2]).

Отписанная на государя земля отдавалась, какъ мы указывали выше, на оброкъ на опредѣленный срокъ, но всегда только „до помѣстныя отдачи“, т. е. до тѣхъ поръ, пока какой-либо помѣщикъ будетъ объ этой землѣ бить челомъ въ свой помѣстный окладъ. Часто случалось, что еще до оброчной отдачи помѣщикъ билъ челомъ объ отписанной на государя землѣ,—какъ же тогда поступали съ отписаннымъ на государя хлѣбомъ, если землю отдавали помѣщику? Практика была, повидимому, такова. Если на этой землѣ былъ „хлѣбъ стоячей“, то погостскому старостѣ предписывалось „тотъ хлѣбъ пожати да изъ того хлѣба вымолотити помѣщику на сѣмена“ на четь его паханной земли по 2 чети ржи, „а яровой хлѣбъ скласти въ скирды до государева указу“ [3]).

Иногда достальная земля, если ея было немного, отдавалась тому же помѣщику, который взялъ землю въ свой помѣстный окладъ въ этомъ помѣстьѣ, на оброкъ, а не въ помѣстную дачу. Въ такомъ случаѣ онъ вносилъ губнымъ старостамъ въ пятинѣ оброкъ по 3 или по 4 деньги съ чети въ годъ; иногда оброкъ взимался не по четямъ, а по обжамъ, напр., 7 алтынъ съ обжи на годъ. Если помѣщикъ эту свою оброчную достальную

[1]) Дѣло Сукова, 1594 г.
[2]) Дѣло Пареньева, 1599 г.
[3]) Дѣло Пареньева, 1599 г.

землю хотѣлъ взять себѣ въ помѣстную дачу, то ему надо было ходатайствовать о ней такъ же, какъ если бы онъ получалъ землю изъ другого помѣстья.

Отдѣлъ земли безъ присутствія совладѣльца былъ сравнительно простъ для помѣщика и рѣдко велъ къ какимъ-либо осложненіямъ; совсѣмъ иначе обстояло дѣло, когда помѣщикъ вступалъ совладѣльцемъ въ помѣстьѣ, гдѣ уже до него часть земли была за кѣмъ-нибудь въ помѣстной дачѣ. Въ этомъ случаѣ дѣло рѣдко обходилось безъ споровъ. Вообще говоря, совладѣніе было больнымъ мѣстомъ новгородскихъ помѣщиковъ. Получивъ его въ наслѣдство еще отъ старыхъ новгородскихъ бояръ, они чрезвычайно тяготились совладѣніемъ, особенно тогда, когда земля помѣщиковъ не была точно размежевана. Въ писцовыхъ книгахъ нерѣдки указанія на то, что данное помѣстье находится за двумя или болѣе помѣщиками „повытно“, т.-е. каждый изъ нихъ имѣетъ право на опредѣленную долю дохода съ даннаго помѣстья. Въ одной изъ челобитныхъ мы встрѣчаемъ подробное описаніе такого совладѣнія: „Пожаловалъ ты, государь, меня, холопа своего, помѣстейцомъ вопче съ Микитою Третьяковымъ въ деревнѣ въ Тимахновѣ, и въ той у меня, государь, деревнѣ съ тѣмъ Микитою дворовые мѣста и огороды и пашни и всякое угодье и отхожія пашни съ нимъ не дѣлены“ [1]). Здѣсь мы имѣемъ случай „повытнаго владѣнія“, сравнительно рѣдкій въ концѣ XVI вѣка, но гораздо чаще писцы, раздѣляя помѣстья, отдѣляли совладѣльцамъ только дворы, а пашню оставляли неразмежеванной, что порождало безконечныя недоразумѣнія. Поэтому новгородскіе помѣщики всѣми силами стремились избѣгать совладѣнія [2]). Помѣщики постоянно просятъ, чтобъ имъ отдѣлили „опрочѣ, а не вопче, и чтобъ я отъ насильства въ конецъ не погибъ“ [3]); „вопче мнѣ съ ними владѣти не мочно“, говоритъ тотъ же челобитчикъ. Стремленіе не пустить къ себѣ „недруга“ было столь велико, что помѣщики прибѣгали къ самымъ крайнимъ и для себя убыточнымъ мѣрамъ. Помѣщикъ Алабердеевъ получилъ въ свой окладъ 18 четей пашни, фактически же владѣлъ двадцатью, потому что двухъ четей „писцы не сыскали“. На эти двѣ чети подалъ челобитье другой помѣщикъ; тогда Алабердеевъ подалъ челобитную, чтобы эти 2 чети справили за нимъ, чтобы у него въ помѣстьи не было „недруга“. Онъ же просилъ зачесть ему всѣ починки, которые сыщутся по писцовымъ книгамъ, заранѣе,

[1]) Дѣло Унковскаго, 1597 г.
[2]) Дѣло Унковскаго, 1597 г.
[3]) Дѣло Выповскаго, 1596 г.

опять-таки съ цѣлью не допустить совладѣльца [1]). Держать за собою часть помѣстья на оброкѣ, а не по дачѣ, было помѣщику выгоднѣе: онъ за оброчную землю не платилъ никакихъ государевыхъ податей. Но достаточно было кому-либо заявить желаніе взять эту оброчную землю въ помѣстье, и оброчникъ подавалъ встрѣчную челобитную, чтобы эту землю зачли ему въ окладъ, и не допускалъ такимъ путемъ къ себѣ совладѣльца [2]). Такъ какъ у помѣщиковъ дачи почти всегда были ниже окладовъ, то, во избѣжаніе такихъ встрѣчныхъ челобитій, челобитчики старались пріискивать пустыя земли въ такихъ помѣстьяхъ, будущіе сосѣди въ которыхъ получили уже свой окладъ сполна [3]). А иногда челобитчикъ отказывался послѣ многихъ хлопотъ отъ облюбованнаго участка земли и искалъ себѣ новый только потому, что ему отдѣляли помѣстье не „подѣльно, а вопче".

Дѣйствительно, изъ многочисленныхъ жалобъ на дѣятельность отдѣльщиковъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они раздѣляли помѣстье между совладѣльцами, видно, насколько широкое поле открывалось здѣсь для всякаго рода злоупотребленій. Правило отдѣла въ этомъ случаѣ заключалось въ томъ, что отдѣлять нужно было „живущее и пустое и крестьянъ повытно по пашнѣ, по четямъ, сряду, содного, не черезъ землю и не черезъ деревню и не выборомъ". Особенно заботило раздѣляемаго, чтобы изъ его владѣнія не ушла та земля, на которую онъ затратилъ трудъ и деньги. Особенно усиленно отстаивали помѣщики „полевую пашню и навозную землю" [4]). Иногда писцы отводили землю просто умышленно неправильно. Такъ, мы встрѣчаемся съ жалобой на то, что губной староста отдѣлилъ совладѣльцу изъ помѣстья часть усадища челобитчика, „гдѣ онъ жилъ и хоромишка ставилъ собою, и бобылишковъ призывалъ и изъ своего живота тѣмъ своимъ бобылкомъ подмогу давалъ лошади и коровы и хлѣбомъ и деньгами" [5]). Чаще всего такія неправильности происходили отъ того, что губной староста отдѣлялъ помѣстье „выборомъ за очи, не ѣздя въ тое помѣстье". Другая жалоба говоритъ, что, при раздѣлѣ помѣстья между двумя новокрещенами и вдовой Ульяной Небаровой, староста ей на 5 обежъ отдѣлилъ 16 человѣкъ крестьянъ „большими головами", а имъ на 30 обежъ „крестьяницъ и бобылей съ дѣтьми головами 21 человѣкъ, да ей же Ульянѣ отдѣлилъ лучшихъ лю-

[1]) Дѣло Немирова, 1597 г.
[2]) Дѣло Палицына, 1597 г.
[3]) Дѣло Селивачева, 1596 г.
[4]) Дѣло Третьякова, 1597 г.
[5]) Дѣло Топасова, 1596 г.

дей и съ усадищемъ, да ей же написаны два крестьянина лучшіе бобылями“ [1]).

Злоупотребленія при раздѣлѣ и составленіи отдѣльныхъ грамотъ осложнялись еще тѣмъ обстоятельствомъ, что пострадавшій долженъ былъ подать челобитную о передѣлѣ въ возможно короткій срокъ, пока его сосѣдъ не получилъ еще ввозной грамоты, иначе при наличности ввозной грамоты хлопотать о передѣлѣ было очень трудно и приходилось вести эти хлопоты на Москвѣ. Такъ, помѣщикъ Богданъ Михайловъ билъ челомъ на своего сосѣда Семена Кусакова, что тотъ подалъ челобитную о ввозной грамотѣ за 20 недѣль до его, Богданова, челобитья о передѣлѣ, а отдѣльщикъ отдѣлилъ Кусакову, „норовя ему по свойству, помѣстную пустошь“, а ему, Михайлову, отдѣлилъ пустошь, которая лѣсомъ поросла. А между тѣмъ, жалуется Михайловъ, „я тое пустошь разсѣкалъ и силу клалъ и перелогъ раздиралъ, и мнѣ сталося убытка, тѣ пустоши распахивая и лошади и дѣловцовъ наймуя, 5 рублевъ“ [2]).

Дѣла о передѣлахъ были очень сложны и сопровождались большой волокитой, поэтому передѣльщикамъ рекомендовалась въ наказахъ особая осторожность. Передѣльщики должны были производить передѣлъ „не за очи, всѣмъ, чтобъ всѣ были въ одномъ мѣстѣ передъ ними, чтобъ они впредь государю не били челомъ“ [3]). Съ этой же цѣлью практика выработала и другой способъ. Челобитчикъ ссылался обычно на то, что губной староста его противнику „другъ“, а поэтому и при передѣлѣ будетъ ему „норовить“, и просилъ вслѣдствіе этого дать ему въ товарищи неслужилаго сына боярскаго, лично челобитчику извѣстнаго, „чтобы у него въ томъ спору не было“. Воевода съ дьякомъ обычно соглашались съ доводами истца и назначали то именно лицо, о которомъ онъ просилъ [4]). Изъ-за сложности и волокиты по дѣламъ о передѣлахъ въ очень многихъ случаяхъ спорящія стороны, наскучивъ волокитой и связанными съ нею денежными тратами, заключали мировую сдѣлку. Послѣ этого они подавали „полюбовную раздѣльную челобитную“, въ которой просили пожаловать „ихъ тѣми пустошьми по ихъ излюбленной поверсткѣ“ [5]).

Полный раздѣлъ помѣстій состоялъ въ томъ, что за каждымъ владѣльцемъ порознь записывались пустоши и деревни, дворы,

[1]) Дѣло Обреимова, 1599 г.
[2]) Дѣло Михайлова, 1599 г.
[3]) Дѣло вдовы Небаровой, 1599 г.
[4]) Дѣло Топасова, 1597 г.
[5]) Дѣло Коробьина и Олальина, 1599 г.

а въ нихъ крестьяне и бобыли по именамъ, пашня же размежевывалась обычнымъ порядкомъ: на межахъ копали ямы, тесали грани и заносили въ расписныя и межевыя книги. Но въ очень сложныхъ и неясныхъ случаяхъ спора воеводской администраціи этихъ межевыхъ книгъ казалось недостаточно, и она требовала доставленія плановъ спорныхъ участковъ земли. Такъ, губному старостѣ Деревской пятины было поручено произвести дознаніе: деревни Обабково и Шутово одна деревня или двѣ различныя. Въ наказѣ старостѣ было приказано выяснить путемъ сыска, существуютъ ли двѣ такія деревни, на какомъ разстояніи онѣ находятся другъ отъ друга, переписать ихъ и ихъ межи и послѣ переписи „нанести на чертежъ“, который вмѣстѣ съ обысками и межевыми книгами, за руками окольныхъ людей, прислать въ Новгородъ [1]). Въ другомъ случаѣ отъ старосты воеводская изба требовала составленія чертежа только потому, что по этому дѣлу можно было ожидать сложнаго спора [2]).

Выполнивъ данное ему порученіе, губной староста посылалъ воеводѣ отписку о выполненіи возложеннаго порученія и при ней отдѣльныя и обыскныя книги. Получивъ таковыя, помѣщикъ получалъ возможность хлопотать о ввозной грамотѣ, актѣ, окончательно утверждавшемъ его въ правахъ владѣнія. При этомъ, однако, надо замѣтить, что о ввозной грамотѣ можно было бить челомъ только въ томъ случаѣ, когда раздѣлъ былъ произведенъ полный, т. е. помѣстье было раздѣлено и размежевано. Такъ, вдова Анисья Бовыкина получила на прожитокъ часть помѣстья своего мужа, а двѣ другія части этого помѣстья были отданы Никифору Бовыкину и Михаилу Клементьеву. Вся процедура отдачи помѣстья была закончена, но ввозныхъ грамотъ получить имъ было нельзя, потому что одинъ изъ совладѣльцевъ не былъ въ то время въ Новгородѣ, и существовало подозрѣніе, что, пріѣхавъ въ Новгородъ, онъ будетъ ходатайствовать о передѣлѣ [3]). Это было, несомнѣнно, общимъ правиломъ, потому что въ челобитьѣ другого помѣщика, Ивана Языкова, онъ проситъ о томъ, чтобы его совладѣльцу не выдавали ввозной грамоты, пока онъ пріѣдетъ изъ Ивангорода со своей службы, такъ какъ онъ намѣренъ ходатайствовать о передѣлѣ [4]). Языковъ, подавая свою челобитную, говоритъ о своемъ правѣ задержать выдачу ввозной, какъ о вполнѣ обычномъ дѣлѣ.

---

[1]) Дѣло Непейцына и Парѳеньева, 1599 г.

[2]) Дѣло Папоротцкаго монастыря, 1597 г.

[3]) Дѣло вдовы Бовыкиной, 1597 г.

[4]) Дѣло Языкова, 1599 г.

Ввозная грамота выдавалась помѣщику на основаніи выписей изъ обысковъ и отдѣльныхъ книгъ. Въ одномъ изъ встрѣтившихся намъ случаевъ помѣщикъ не могъ добиться, чтобы во ввозную грамоту были включены сѣнные покосы, обысковъ которыхъ губной староста не прислалъ въ Новгородъ. Помѣщику удалось достать подлинную отводную грамоту на эти сѣнные покосы, но этого оказалось недостаточно, и ему пришлось ходатайствовать предъ государемъ въ Москвѣ о побужденіи губного старосты къ присылкѣ сыска [1]). А безъ ввозной грамоты помѣщикъ не могъ фактически вступить во владѣніе своимъ помѣстьемъ, т.-е. не могъ получать съ него дохода. Помѣщикъ Арцыбашевъ, напримѣръ, служа въ Ивангородѣ, жалуется, что ему долго не выдаютъ ввозной грамоты, а тѣмъ временемъ его сосѣдъ, изъ помѣстья котораго ему выдѣлена часть, продолжаетъ владѣть „помѣстьемъ и съ крестьяны другой годъ дань емлетъ и на дѣло на свое ихъ емлетъ". Помѣщикъ просилъ, чтобы либо ему поскорѣе выдали ввозную грамоту, либо, если это сочтутъ сдѣлать неудобнымъ, воспретить государевымъ указомъ пользоваться его сосѣду этой частью помѣстья [2]).

Ввозныя грамоты писались на имя тѣхъ крестьянъ, которые жили въ помѣстьѣ даннаго лица и которые „впредь въ немъ учнутъ жить". Эта послѣдняя оговорка мало удовлетворяла помѣщиковъ, и они при всякомъ сколько-нибудь удобномъ случаѣ стремились ввести во ввозную грамоту всѣхъ крестьянъ и бобылей, которые въ данный моментъ жили въ ихъ помѣстьяхъ. Помѣщики Масленитцкіе, напримѣръ, ходатайствуя о замѣнѣ прежней ввозной, которая у нихъ сгорѣла, новой, добавляютъ: „да у насъ, государь, холопей твоихъ призвано бобылишковъ непашенныхъ въ усадище: Степанко Микулинъ, Иванко Дмитріевъ, Ѳедоско Голышъ, Мартышко Ивановъ, Поздячко Семеновъ, Иванко Бередникъ, а въ книгахъ ихъ за нами нѣтъ. Милостивый государь, пожалуй . . . . . свою государеву ввозную грамоту и тѣхъ бобылишковъ во ввозную за нами написати, которыхъ мы нынѣ призвали въ усадище" [3]).

Мы указали общій ходъ дѣла по полученію новгородскимъ помѣщикомъ помѣстья въ свой окладъ, со всѣми тѣми обстоятельствами, которыя неизбѣжно привходили въ непосредственный ходъ этого дѣла, но необходимо остановиться еще на одномъ привходящемъ условіи, которое, не вытекая непосредственно изъ хода дѣла, тѣмъ не менѣе при московскихъ приказныхъ порядкахъ отнюдь не было случайнымъ: имѣемъ въ виду неправильности оффиціаль-

[1]) Дѣло кн. Крапоткина, 1603 г.

[2]) Дѣло Арцыбашева, 1594 г.

[3]) Дѣло Масленитцкихъ, 1595 г.

ныхъ документовъ. Иногда оффиціальные документы противорѣчили другъ другу. Въ московскихъ документахъ, напримѣръ, не могли сыскать за помѣщикомъ обжи съ четвертью, а въ новгородской дачѣ она была за нимъ записана [1]). Иногда въ документахъ, въ данномъ случаѣ въ писцовыхъ книгахъ, были записаны, а потому зачислены помѣщику въ окладъ, такія пустоши, которыхъ онъ никакъ не могъ доискаться въ дѣйствительности. Помѣщикъ просилъ, чтобы ему эти двѣ пустоши (2 обжи) не писали, по крайней мѣрѣ, въ дачу; но приказные люди, твердо вѣруя въ непогрѣшимость своихъ документовъ, вынесли такое рѣшеніе: „а въ Еглинскомъ погостѣ пустошь Новину, обжу, да въ Короцкомъ погостѣ пустошь Онаньино, обжу, приговорили съ прежними съ обыскными людьми, которые на обыску были, и по отдѣльнымъ книгамъ 96-го году и стариками сыскавъ, отвести Ѳедору Клементьеву, чтобъ онъ тѣ пустоши зналъ и ими напередъ владѣлъ“ [2]). Иногда же происходило обратное: воеводскіе подьячіе не могли въ своихъ документахъ сыскать тѣ земли, о которыхъ билъ челомъ помѣщикъ. Изъ-за этого помѣщику приходилось подавать вторичное челобитье, и въ грамотѣ, данной губному старостѣ о сыскѣ этихъ деревень, встрѣчаемъ нѣкоторыя отличія: губному старостѣ предписывалось „сыскивати эти деревни и пустоши“ и, „будетъ есть, сыскать, чейскаго помѣстья иль деревни были и сколько въ нихъ по окладу обежъ“ [3]). Наибольшую волокиту вызывали нерѣдкія ошибки въ наименованіи пустошей. Имѣемъ въ виду уже указанный примѣръ съ деревнями Обабково и Шутово. Администрація сама ясно сознавала всю тяжесть этой волокиты. Достаточно указать, что помѣщикъ Парѳеньевъ съ 1593 по 1599 годъ не могъ добиться никакого толку и наконецъ попросилъ вмѣсто этой пустоши другую. Челобитье его о другой пустоши было удовлетворено и ввозная грамота была выдана ему безъ особаго съ его стороны челобитья, при чемъ воевода мотивировалъ свое рѣшеніе такъ: „А дати ему, Степану, въ пустоши въ Погорѣломъ полторы обжи для его бѣдности и волокиты, потому что онъ, Степанъ, въ прошломъ во 101-мъ и во 105-мъ, и во 106-мъ, и во 107-мъ году билъ челомъ государю о пустоши Обабковѣ, а крестьяне зовутъ Шутово“.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ сложный и хитрый путь полученія государева жалованья—помѣстья.

---

[1]) Дѣло Чеглокова, 1596 г.
[2]) Дѣло Клементьева, 1595 г.
[3]) Дѣло Огибалова, 1599 г.

Б. Тураевъ.

Божества моря у египтянъ.

На одной изъ многочисленныхъ каменныхъ плитъ (№ 4130) Голенищевскаго собранія, хранящагося въ Музеѣ Изящныхъ Искусствъ имени Александра III при И. Московскомъ Университетѣ [1]), имѣется небольшая іероглифическая надпись въ пять вертикальныхъ строкъ, сохранившаяся полностью и дающая въ переводѣ приблизительно слѣдующее:

„Возьми [2]) себѣ Око Гора, снабженное своимъ питаніемъ—(всю) землю въ началѣ времени (года) съ ея дарами. Возьми себѣ припасы нома Матену, обиліе отъ охоты (?) и рыбной ловли во всемъ окружіи его—для духа („ка") великаго князя Града Сіяющаго, начальника жрецовъ всѣхъ боговъ моря, Іупа".

Надпись имѣетъ подобіе ритуальнаго текста, произносимаго при погребальномъ обрядѣ жрецомъ, сопровождающимъ поднесенія умершему различныхъ благовоній и облаченій формулами, идущими еще отъ эпохи пирамидъ и начинающимися словами: „приносится тебѣ" или „возьми себѣ" [3]), при чемъ подносимое обозначается богословскимъ терминомъ „Око Гора", будучи отождествлено съ миѳическимъ Окомъ Гора, оживившимъ мертваго Осириса. Конечно, это подобіе ограничивается лишь подведеніемъ высказываемыхъ покойному пожеланій подъ ритуальную формулу. Но насъ въ данное время интересуетъ не внѣшняя литературная форма текста. Несмотря на свой краткій объемъ, онъ даетъ намъ нѣсколько важныхъ свѣдѣній и указаній. Имя покойнаго Yup; отсылаетъ насъ въ

---

[1]) Размѣры плиты 25×24 см.

[2]) Знакъ для „возьми" m-n имѣетъ рѣдкую курсивную (іератическую) форму.

[3]) Въ эпоху Новаго Царства, напр., въ гробницѣ Хаемхета 8 разъ; см. Loret въ Mission du Caire I (1889), 117—118. Röder, Aegyptische Inschriften zu Berlin, VI, 243—249.

эпоху Новаго Царства, точнѣе къ XIX династіи [1]). Что за „Градъ Сіяющій“ [2]), гдѣ онъ былъ „Великимъ Княземъ“ [3]), и были ли это Ѳивы, мы затрудняемся сказать опредѣленно. Зато весьма цѣнно указаніе на его связь съ номомъ Матену, или въ эллинистическую эпоху Афродитополемъ, XXII-мъ верхнеегипетскимъ номомъ, послѣднимъ къ сѣверу, на границѣ съ Нижнимъ Египтомъ. Еще въ позднихъ текстахъ храма въ Дендера указывается на связь этой области съ Краснымъ моремъ и съ Синаемъ—чрезъ него шла дорога къ морю и рудникамъ Синая. Это обстоятельство намъ объяснитъ и упоминанія надписи о дарахъ страны, о продуктахъ охоты, наконецъ, о „богахъ моря“.

Насколько мнѣ извѣстно, предъ нами единственное въ своемъ родѣ упоминаніе о „жрецѣ всѣхъ боговъ Моря“. Слово „море“ выражено здѣсь „W:d-wr“, „Великая Зелень“—терминомъ, употреблявшимся съ эпохи пирамидъ и обозначавшимъ Океанъ, Средиземное море по преимуществу, но также и Чермное море [4]). Въ извѣстномъ текстѣ изъ сборника Пирамидъ Осирисъ является богомъ всѣхъ извѣстныхъ египтянамъ морей, въ томъ числѣ и „Великой Зелени“ [5]), которая въ другомъ текстѣ [6]) представляется олицетворенной и склоняющей голову и руки предъ почившимъ царемъ.

Вельможа, имѣвшій отношеніе ко взморью, могъ быть и жрецомъ боговъ моря, тѣмъ болѣе, что въ Афродитополѣ почиталась та же богиня Хатхоръ, что и на Синаѣ и въ заморскомъ Библѣ, „Владычица“ котораго уже давно была отожествлена съ Хатхоръ „Малахитовой“, которая покровительствуетъ мореходамъ и „управляетъ рулемъ кораблей своихъ“ [7]). Да и самъ верховный Ра еще въ эпоху Средняго царства обходилъ Хауинебу—страны эгейской культуры [8]).

---

[1]) Намъ извѣстенъ одноименный „царскій писецъ, начальникъ казначейства“, на плечахъ статуи котораго картуши Рамсеса II (Lieblein, Diction. des noms, 2091), а также „великій домоправитель“ Рамессея (ibid., 2094); при Мернепта жилъ „опахальщикъ справа“ Юпа-о (Etud. Égypt. 9, 32), при чемъ имя его опредѣлено бумерангомъ, показателемъ иноземнаго происхожденія. Возможно, что носители этого имени были семиты (отъ корня j p h или j p'?), что въ эту эпоху вполнѣ допустимо.

[2]) Въ папирусѣ Лабиринта ih.t названо мѣсто культа Амона-Карнакскаго. Brugsch, Diction. géogr., 565.

[3]) Первый изъ упоминаемыхъ князей Ѳивъ въ эпоху Новаго Царства былъ Тати-ка. См. Carnarvon, Five years explorations at Thebes, 21.

[4]) См. Müller, Asien und Europa, 40.

[5]) По Sethe 366, 628 c.

[6]) По Sethe 519, 1213 b.

[7]) Одинъ изъ текстовъ саркофага № 28086 изъ изданныхъ Lacau Sarcophages Antérieurs au Nouvel Empire.

[8]) Ср. на ѳиванскомъ саркофагѣ 28029 по Lacau.

Въ эпоху Рамсеса II въ египетскій пантеонъ была принята Астарта, какъ богиня моря [1]), а еще позже, уже въ саисскую и персидскую эпоху, Нейтъ прямо называется „Владычицей Великой Зелени“ [2]). Возможно, что и другія изъ египетскихъ или заимствованныхъ божествъ также получали иногда отношеніе къ морю, особенно въ эпоху оживленныхъ морскихъ сношеній. Мы бы, напр., прежде всего предположили эту функцію у Беса, обошедшаго всѣ берега Средиземнаго и Чернаго морей и находимаго въ видѣ фигурокъ и въ Финикіи, и въ Италіи, и въ Карѳагенѣ, и въ южной Россіи [3]) и, можетъ быть, соотвѣтствовавшаго „Патэку“ на финикійскихъ корабляхъ. Амонъ „путевой“ извѣстенъ изъ отчета Унуамона, отправленнаго изъ Египта въ Финикію, отчета, хранящагося также въ Московскомъ музеѣ, и т. п. Слѣдуетъ ли включить въ этотъ перечень чудовище, изображенное на XIII листѣ неизданнаго магическаго Papyrus Salt? [4]) Здѣсь нарисовано нѣчто въ родѣ дельфина на бычачьихъ ногахъ, съ бородой и хвостомъ въ видѣ урея; при фигурѣ приписано: „Глина Великой Зелени“ (=моря). Въ сопровождающемъ это и слѣдующія изображенія текстѣ говорится объ этой морской глинѣ, какъ о матеріалѣ для магической статуэтки Осириса Хентіементіу. Можетъ быть, предъ нами чудовище морское, олицетворяющее эту глину, а, можетъ быть, и просто магическій рисунокъ, подобныхъ которому немало въ нашемъ папирусѣ. Первое болѣе вѣроятно, т. к. другіе элементы статуэтокъ также, повидимому, олицетворены; напр.: ладанъ—Шу-Тефнутъ, мирра—Горомъ, вино—Амономъ.

---

[1]) См. Spiegelberg, въ Procceed. Soc. Bibl. Archeology, и у меня, Отрывки Филона Библскаго. Сообщ. Палест. Общ. 1902, ч. II, 167. Море здѣсь названо общимъ именемъ семитическаго происхожденія P; j w m;.

[2]) На навкратійской стелѣ Нектанеба. Maspero, Comptes-rendus Acad. Inscrip. 1899, 794.

[3]) За построеніями Landau, Bes als Meergreis (Beiträge zur Altertumskunde des Orients, V) не нахожу возможнымъ слѣдовать.

[4]) Изображено у Lanzone, Dizionario di Mitologia Egizia, Tav. CCCXLV, fig. 2. Текста стр. 1003. Конечно, переводъ „il tuffatore del Mare“ основанъ на недоразумѣніи.

В. Пичета.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа и литовско-русская шляхта.

I. Протесты шляхты.

Аграрная реформа литовско-русскаго правительства во второй половинѣ XVI вѣка была встрѣчена крайне враждебно привилегированными слоями населенія. Впрочемъ, другого отношенія къ аграрнымъ мѣропріятіямъ правительства и не могло быть. Уставъ о волокахъ, преслѣдуя уравненіе „господарскихъ кгрунтовъ", требовалъ округленія имѣній въ цѣляхъ уничтоженія вредной въ хозяйственномъ отношеніи черезполосицы, и съ этой цѣлью шляхетскія земли приписывались къ господарскому двору. Правда, волочный уставъ предписывалъ господарскимъ агентамъ давать въ такихъ случаяхъ „отмѣну слушную": „ровнымъ якимъ кгрунтомъ возьмутъ, такимъ и такъ же много отдать" [1]). Но при требованіи отмѣны необходимо было представить соотвѣтствующіе документы, подтверждавшіе права того или другого шляхтича на землю. Въ противномъ случаѣ, если обнаруживалось, что имѣніе находилось во владѣніи безъ соотвѣтствующаго оправдательнаго документа, то таковое немедленно отбиралось, измѣривалось на волоки и раздавалось господарскимъ подданнымъ. Конечно, за держателями земли оставалось право вчинить искъ по поводу незаконнаго отобранія земли и доказывать всѣми имѣвшимися средствами свое право владѣнія. „Поравненіе кгрунтовъ" имѣло въ виду интересы господарскаго скарба. Поэтому къ господарскому двору приписывались тѣ земли, которыя „къ двору ближей и споручъ" [2]). Сплошь и рядомъ такое „прилученіе" земель существеннымъ образомъ задѣвало земельные интересы шляхетскаго сословія и вызывало въ немъ крайнее недовольство, хотя бы за

[1]) А. З. Р., III, № 19, арт. 36.
[2]) Ibid.

отнятыя земли и была дана соотвѣтствующая „ровная и слушная“ отмѣна.

Уставъ о волокахъ предусматривалъ возможность будирующихъ поступковъ со стороны шляхты въ видѣ отказа въ принятіи отмѣны, данной господарскими агентами. Въ такихъ случаяхъ отмѣна все равно давалась и записывалась въ урядовыя книги, а землевладѣльцу-шляхтичу предоставлялось право обжаловать постановленіе ревизора, сдѣланное совмѣстно съ мѣстнымъ державцемъ [1]).

Помимо этого, ревизоры должны были смотрѣть, „абы никто зъ шляхты въ пущахъ на властныхъ грунтахъ нашихъ пробковъ не имѣли и никакъ къ себѣ не привлащали“, и, конечно, это тоже задѣвало интересы шляхты [2]).

Но аграрная реформа Сигизмунда-Августа задѣла интересы шляхетскаго сословія не только съ одной матеріальной стороны. Съ провѣркой правъ на землевладѣніе соединялась и провѣрка правъ на шляхетство. Если послѣднія были подъ сомнѣніемъ и шляхтичъ не могъ представить соотвѣтствующихъ документовъ, категорическимъ образомъ подтверждавшихъ его шляхетство, то это грозило ему потерей шляхетства и превращеніемъ его въ господарскаго подданнаго, въ состояніи котораго онъ оставался до тѣхъ поръ, пока не представлялъ оправдательныхъ документовъ на шляхетство и не доказывалъ его соотвѣтствующимъ образомъ. По всей вѣроятности, эта сторона реформы для шляхты была гораздо больнѣе и существеннѣе, чѣмъ только одна провѣрка правъ на землю.

Аграрныя мѣропріятія правительства совпали съ весьма важнымъ моментомъ въ исторіи внутреннихъ отношеній въ литовско-русскомъ великомъ княжествѣ.

Государство переживало серьезный кризисъ. По всей линіи шла ожесточенная борьба за вліяніе и власть между „высшими и низшими станами“ шляхетскаго сословія. Затруднительныя внѣшнія отношенія, стремленіе правительства довести дѣло уніи до желательнаго конца заставили Сигизмунда-Августа собирать почти ежегодные „вальные сеймы“, ставшіе мѣстомъ борьбы шляхетской демократіи не только за усиленіе своего политическаго вѣса и вліянія, но также и съ аграрными мѣропріятіями правительства. Нельзя отказать литовско-русской шляхтѣ въ извѣстной настойчивости въ достиженіи своихъ цѣлей, прекрасно понявшей стѣс-

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.

ненное положеніе своего правительства, но, съ другой стороны, и правительство обнаруживало значительную стойкость и упорство и не соглашалось ни на какія существенныя уступки землевладѣльческому сословію, сознавая вполнѣ законность и цѣлесообразность своихъ аграрныхъ мѣропріятій.

Едва приступили къ аграрной реформѣ, еще даже не былъ составленъ волочный уставъ, какъ шляхта спѣшитъ съ выраженіемъ своего протеста и недовольства. На второмъ Виленскомъ сеймѣ, въ 1551 году, шляхта предъявила Сигизмунду-Августу требованіе, чтобы при производствѣ волочнаго измѣренія „шляхта листовъ на имѣнія и на земли передъ мѣрьчими не покладала", мотивируя свое требованіе тѣмъ, „ижъ для тѣхъ листовъ не мало земель шляхетскихъ у волоки господарскіе помѣрены, а отмѣны не дано" [1]). Не успѣли приступить къ волочному измѣренію въ жмудскомъ староствѣ, какъ жмудская шляхта, воспользовавшись третьимъ Виленскимъ сеймомъ, собравшимся въ ноябрѣ 1554 года спѣшитъ выразить свой протестъ, очевидно, съ намѣреніемъ затормозить осуществленіе задуманной реформы. Представители жмудской шляхты выступили передъ господаремъ съ требованіемъ сохраненія неприкосновенности земельной собственности, „яко въ привильи вашомъ описано". Одновременно ими было заявлено объ „утисненія черезъ помѣру волочную имѣній" и „допытыванье привильевъ на шляхетство и тежъ о побраніе земль и людей въ помѣру волочную, за што мѣните отмѣны не дано" [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ представители жмудской шляхты жаловались и на господарскихъ помѣрчихъ, отъ которыхъ шляхта испытываетъ только „одни кривды и шкоды великіе быти за неотданіемъ отмѣны за земли" [3]). Представители интересовъ шляхты, впрочемъ, не скрыли отъ правительства того факта, что нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ получили слѣдуемую имъ по праву отмѣну, но съ этой цѣлью приходилось мѣрчихъ задабривать и въ такомъ размѣрѣ, „якобы тежъ знову тые земли куповати мѣли" [4]). По мнѣнію тѣхъ же представителей, самые пріемы осуществленія правительственной аграрной политики являлись нарушеніемъ мѣстныхъ правъ и вольностей, такъ какъ „на помѣреніе волокъ и на ревизію" [5]) были отправлены не туземцы. Не довольствуясь всѣми этими жалобами, представители Жмуди попытались еще разъ бро-

[1]) А. З. Р., III, № 11, арт. 25.
[2]) А. З. Р., III, № 13, II, арт. 3.
[3]) А. З. Р., III, № 13, II, арт. 4.
[4]) А. З. Р., III, № 13, II, арт. 4.
[5]) А. З. Р., III, № 13, II, арт. 6.

сить тѣнь на господарскихъ агентовъ, заподозривъ ихъ добросовѣстность. Они указывали, что „помѣрчіе нѣкоторыя болота и лѣсы никчемные“ уволоки помѣрили для властныхъ доходовъ своихъ, (которые господарю его милости никоторого пожитку вчинити не могутъ). А между тѣмъ помѣрчіе требовали, „абы за то имъ платили отъ каждое волоки по десяти грошей“ [1]).

Впрочемъ, жалобы шляхетскихъ депутатовъ не измѣнили аграрной политики правительства и не остановили осуществленія задуманной аграрной реформы, вообще проводимой правительствомъ съ большой настойчивостью, столь непріятной для привилегированнаго сословія. Отказъ правительства депутатамъ въ ихъ требованіяхъ однако не успокоилъ шляхту. На Виленскомъ сеймѣ 1559 г. вся шляхта снова требовала, „чтобы имъ была дана отмѣна за отобранныя земли и чтобы эта отмѣна была подтверждена господарскими листами“ [2]). Конечно, такое требованіе являлось вполнѣ законнымъ и цѣлесообразнымъ, разъ правительственные агенты нарушали господарскія распоряженія. Но, требуя отмѣны вообще, шляхта, быть можетъ, надѣялась вырвать у господаря согласіе на это, а потомъ, опираясь на великокняжеское слово, потребовать отмѣны и за земли, на право владѣнія которыми у шляхты не было никакихъ документовъ. На этомъ же сеймѣ выступила снова со своими требованіями и жмудская шляхта. Ея положеніе было благопріятнѣе, чѣмъ собственно литовской шляхты. Уставная грамота охраняла права населенія, и благодаря ей, подъ видомъ отстаиванія мѣстныхъ правъ, на которыя никто не посягалъ, представители жмудской шляхты надѣялись достичь желаемыхъ результатовъ. Съ этой цѣлью они ходатайствовали передъ Сигизмундомъ-Августомъ о подтвержденіи ихъ правъ и вольностей [3]). Впрочемъ, сознавая недостаточность своего ходатайства въ цѣляхъ противодѣйствія аграрной политикѣ правительства, представители шляхты вторично предъявили правительству требованіе, „абы привильевъ, твердостей на отчизны свои, передъ ревизоромъ не покладали, а за кгрунты у волоки побраные, абы отмѣна дана, и съ тое отмѣны абы вже рушоны не были“ [4]).

Сознавая отчасти юридическую необоснованность своего требованія, защитники интересовъ шляхты сочли нужнымъ довести до свѣдѣнія господаря о неправильныхъ дѣйствіяхъ ревизоровъ, такъ какъ ими „имѣнія шляхетскія на волоки помѣрены“, а сама

[1]) А. З. Р., III, № 13, II, арт. 19.
[2]) А. З. Р., III, № 24, арт. 18.
[3]) А. З. Р., III, № 24, II, арт. 9.
[4]) А. З. Р., № 24, II, арт. 12.

шляхта посажена на землю „на платѣ“ [1]). Конечно, это требованіе являлось вполнѣ закономѣрнымъ, разъ господарскіе агенты дѣйствительно своими дѣйствіями наносили серьезный ущербъ шляхетскимъ интересамъ.

Протесты шляхты, несмотря на ея настойчивость, не остановили аграрной реформы и не измѣнили пріемовъ правительственной аграрной политики, несмотря даже на то, что внѣшнія отношенія литовско-русскаго государства были весьма серьезны и правительство нуждалось въ сотрудничествѣ и поддержкѣ широкихъ слоевъ шляхты. Конечно, послѣдняя учитывала свое политическое значеніе и затруднительное положеніе центральнаго правительства, но въ то же время она убѣдилась въ безполезности прежней агрессивной тактики по отношенію къ аграрной политикѣ правительства. Отказываясь отъ прежней тактики, шляхта хотѣла воспользоваться даннымъ политическимъ моментомъ только лишь для защиты своихъ интересовъ, существенно задѣтыхъ аграрной политикой правительства.

Выразителемъ будирующаго настроенія шляхты явилась жмудская шляхта, несомнѣнно самая оппозиціонная. На Виленскомъ сеймѣ 1563 года она выступила съ рядомъ реальныхъ заявленій, удовлетвореніе которыхъ должно было вознаградить шляхту за понесенный ущербъ. Такъ, жмудскіе депутаты потребовали отъ правительства, чтобы „убогая“ шляхта, земли которой однако были помѣрены на волоки, оставалась „при почтивостяхъ и кгрунтехъ водле стародавнего обычаю“ и „съ того службу земскую его королевской милости служили“ [2]). По существу это требованіе являлось незаконнымъ. Разъ шляхетскія мелкопомѣстныя имѣнія были измѣрены на волоки безъ дачи соотвѣтствующей отмѣны, а этотъ фактъ жмудская шляхта признавала вполнѣ законнымъ, то, очевидно, убогая шляхта не имѣла никакихъ документовъ на шляхетство, а потому несеніе военной службы едва ли являлось ея правомъ. Ссылка же на „стародавніе обычаи“ конечно, не могла имѣть никакого значенія тамъ, гдѣ требовалось документальное доказательство своего права. Въ другихъ требованіяхъ шляхты проглядываетъ полное примиреніе съ политикой правительства. Шляхта всего лишь скромно просила о разрѣшеніи ей „въ пущахъ, где здавна была вольность, брати дерево на будованіе и на иные потребы домовые“, такъ какъ, вопреки господарскимъ привилеямъ, ревизоры измѣрили пущи, „и теперь туда никого не

[1]) А. З. Р., № 24, II, арт. 13.
[2]) Д. А. М. Ю., т. I, стр. 153, арт. 5.

впускали и не позволяли брать" „дерева на потребы" [1]). Исходя изъ факта нарушенія господарскихъ привилеевъ шляхта ходатайствовала о возстановленіи нарушеннаго права и просила, „чтобы господарь его милость росказати рачилъ дати листы до лесничихъ жебы они з Жимойтъ выежджали—и тамъ за Неманомъ, где суть ловы господарскіе, пилновали" [2]). Помимо этого, та же шляхта жаловалась на медленность дѣйствій правительственныхъ агентовъ при даваніи отмѣны и просила, чтобы „кромѣ волокиты и накладу отмены отдавано" [3]). Если же при этомъ случилось бы, что мѣрчіе и ревизоры уѣдутъ, и „слушная отмѣна не будетъ дана", то таковая должна быть дана, по мнѣнію жмудской шляхты, старостой Жмуди. Наконецъ шляхта предусматривала возможность осуществленія аграрныхъ мѣропріятій правительства въ моментъ пребыванія ея на военной службѣ. Считая отсутствіе для себя невыгоднымъ и неудобнымъ, шляхта просила господаря отдать распоряженіе, „чтобы ревизорове и мерники помери перестерегали и кгрунтовъ не забирали и границъ новыхъ не чинили" [4]). Такимъ образомъ, шляхтой были высказаны всевозможныя требованія, которыя, казалось, исчерпывающимъ образомъ защитили сословные интересы шляхетства. Вполнѣ поэтому понятно, что на сеймахъ 1563—1567 гг. шляхта, занятая осуществленіемъ въ жизни своей политической программы, не поднимала вопроса объ аграрной политикѣ правительства. Исключеніемъ являлось ходатайство Упитской шляхты на Гродненскомъ сеймѣ 1568 г., „абы его королевская милость мерчимъ або ревизорамъ не рачилъ казати кгрунтовъ .... шляхетскихъ у волоки господарскія его милости забирати". Въ то же время шляхта настаивала, чтобы „первей отмѣна слушная дана была", и повторила еще при этомъ просьбу дать „отмѣну слушную" тому, кому она еще до сихъ поръ не дана была" [5]).

Наконецъ, на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года шляхта еще разъ заявила о необходимости дать отмѣну „за кгрунты шляхетскіе у волоки короли его милости забраные" [6]). Это были послѣдніе отголоски будирующаго настроенія шляхты, рѣшительно отказавшейся отъ своего первоначальнаго требованія—„не даванія листовъ" на земли и только скромно просившей объ отводѣ слѣдуемой землевладѣльцамъ отмѣны.

---

[1]) Д. А. М. Ю., I, стр. 153, арт. 6.
[2]) Д. А. М. Ю., I, стр. 153, арт. 6.
[3]) Д. А. М. Ю., I, стр. 152, арт. 4.
[4]) Д. А. М. Ю., I, стр. 152, арт. 4.
[5]) Д. А. М. Ю., I, стр. 491, арт. 5.
[6]) Д. А. М. Ю., I, стр. 499, арт. 7.

II. Отношеніе Сигизмунда-Августа къ просьбамъ шляхты.

Шляхетскія заявленія, повторявшіяся чуть ли не на каждомъ вальномъ сеймѣ съ момента первыхъ шаговъ къ осуществленію задуманной аграрной реформы, въ общемъ не оказали почти никакого вліянія на аграрную политику правительства, несмотря на то, что послѣднее чувствовало весьма сильно свою зависимость отъ широкихъ слоевъ шляхетства. Шляхта не успѣла или, вѣрнѣе, не смогла затормозить аграрныя мѣропріятія правительства. Волочное измѣреніе, хотя медленно, но все-таки постепенно производилось. Такая настойчивость правительства вполнѣ понятна, разъ сама реформа являлась слѣдствіемъ новыхъ экономическихъ отношеній въ странѣ и должна была удовлетворить настойчивой потребности государства въ увеличеніи господарскаго скарба металлической монетой. Помимо этого, всѣ требованія шляхты не имѣли подъ собою рѣшительно никакого юридическаго основанія. Господарь имѣлъ совершенно законное основаніе отвѣтить отрицательно на всю шляхетскую аргументацію и въ то же время ничѣмъ не нарушить дѣйствующаго права. Во-первыхъ, аграрная реформа касалась только однихъ господарскихъ имѣній. Какой бы хозяйственной политики ни держался господарь въ своихъ имѣніяхъ, до этого литовско-русской шляхтѣ не могло быть рѣшительно никакого дѣла. Конечно, шляхта понимала выгодную позицію правительства и прямо противъ аграрной политики не пыталась возражать. Требованіе господаремъ листовъ „на имѣнія и земли“ было по существу вполнѣ законнымъ и нисколько не посягало на полноту шляхетскихъ правъ, ибо теоретически собственникомъ всей земельной территоріи оставался господарь, лишь отдававшій въ частное пользованіе господарскія земли и, слѣдовательно, имѣвшій совершенно законное основаніе требовать представленія оправдательныхъ документовъ на право владѣнія землей. Сознаніе своей правоты, своихъ дѣйствій на законномъ основаніи и сказалось въ отвѣтахъ господаря оппозиціонному шляхетству. Въ отвѣтахъ господаря на сеймѣ 1551 г. литовско-русской шляхтѣ категорически было сказано, что не ея дѣло вмѣшиваться въ его хозяйственныя распоряженія, „ибо тую помѣру волочную на своихъ земляхъ постановити рачилъ, для размноженія пожитковъ своихъ господарскихъ, што есть вольно его милости учинити“ [1]), господарь указывалъ далѣе на то, что и шляхтичи были вольны предпринимать въ своихъ имѣніяхъ что угодно, и господарь не вмѣшивался въ ихъ

[1]) А. З. Р., III, № 11. арт. 25.

хозяйственныя распоряженія. Этоть категорическій отвѣтъ Сигизмунда-Августа, несомнѣнно, умѣрилъ аппетиты шляхетства, сдѣлавъ языкъ ея требованій болѣе умѣреннымъ, а поведеніе на сеймахъ болѣе корректнымъ. Заявивъ далѣе о своемъ господарскомъ нежеланіи причинять какую-нибудь „шкоду“ шляхтѣ и о данномъ имъ распоряженіи, чтобы мѣрчіе обязательно давали соотвѣтствующую отмѣну въ случаѣ отобранія къ господарскому двору шляхетскихъ земель, и что, пока это не сдѣлано, частно-владѣльческія земли не могутъ быть розданы господарскимъ подданнымъ, господарь однако настаивалъ на своемъ полномъ правѣ—размѣрить на волоки земли тѣхъ лицъ, которыя не представятъ документа-данины, или когда окажется „ижъ ему до воли господарское были даны, альбо естли бы у слугъ путныхъ, альбо у людей тяглыхъ, альбо у татаровъ безъ дозволенія господарскаго купилъ“ [1]). Несомнѣнно, и сама шляхта сознавала незаконность предъявленнаго господарю требованія. Не даромъ она просила „заховать“ по старому обычаю всѣ „пожитки“, которые шляхта имѣла „у волостяхъ вашей королевской милости отъ предковъ вашей милости наданныхъ“, имѣя по всей вѣроятности скрытое желаніе этой просьбой прикрыть незаконный захватъ земли и незаконное владѣніе сдѣлать законнымъ [2]). Господарь прекрасно понялъ уловку шляхты и не безъ остроумія отказалъ ей въ ея просьбѣ, сказавъ при этомъ, что нельзя давать какого бы то ни было отвѣта на это ходатайство, „бо той прозьбы, откуль ея починаетъ и къ которому ея коньцу стегаетъ, вырозумѣти не можетъ, яко тоѣ прозьбы, которая есть закрытыми словы описана“ [3]). Если же шляхта недовольна дѣйствіями мѣрчихъ, у нея остается право апелляціи къ самому господарю [4]).

Съ такимъ же сознаніемъ своего права были даны отвѣты жмудской шляхтѣ и на сеймѣ 1554 года. Господарскіе отвѣты были совершенно уничтожающаго характера. Можно сказать, что отъ „шляхетской аргументаціи“ не осталось камня на камнѣ. Такъ, на жалобы жмудской шляхты о нарушеніи „земской уставной грамоты“ господаремъ былъ данъ отвѣтъ, что онъ рѣшительно не видитъ въ дѣйствіяхъ правительства нарушенія жмудскихъ правъ, ибо посланные „ревизоры и помѣрчіе не суть врядники жадные“. Кромѣ того, господарскія распоряженія касаются не шляхты, но однихъ только тяглыхъ людей. Помимо этого, ихъ дѣйствія имѣютъ цѣлью увеличить наличность господарскаго скарба, „они справляютъ

[1]) Ibid.
[2]) A. З. Р., III, № 11, арт. 26.
[3]) Ibid., арт. 26.
[4]) Ibid., арт. 25.

пожитки скарбу его королевской милости“ [1]). Если же кто нибудь оставался недоволенъ какими бы то ни было дѣйствіями ревизоровъ и помѣрчихъ, то онъ имѣлъ право жаловаться центральному правительству. Въ жалобѣ необходимо было указать то лицо, коимъ жалобщику была нанесена какая-нибудь „кривда“ [2]). Этимъ господарь отвѣтилъ на обвиненіе правительственныхъ агентовъ въ подкупѣ. Въ отвѣтъ на заявленіе жмудской шляхты о злоупотребленіяхъ правительственныхъ агентовъ при проведеніи въ жизнь аграрной реформы, господарь рѣшительно заявилъ, что шляхтѣ до этого ровно нѣтъ никакого дѣла, „ижъ то есть рѣчь власная“ до скарбу королевской милости належачая“ чѣмъ и былъ положенъ предѣлъ всякаго рода заявленіямъ и ходатайствамъ въ этомъ направленіи [3]). Отвѣты Сигизмунда-Августа на сеймахъ 1551 и 1554 годовъ были настолько опредѣленны и такъ проникнуты сознаніемъ правоты своихъ дѣйствій, что литовско-русской шляхтѣ, и въ частности жмудской пришлось нѣсколько поумѣрить свое раздраженіе и заговорить уже языкомъ не властнаго сословія, выступившаго на защиту нарушеннаго права и попранной законности, а тономъ просителя о господарскихъ милостяхъ.

Съ перемѣной позиціи занятой шляхтой, мѣняется и тонъ отвѣтовъ господаря. Замѣтно стремленіе со стороны послѣдняго итти навстрѣчу желаніямъ шляхты, если только послѣднія дѣйствительно имѣли подъ собою вполнѣ законныя основанія. Такъ, господарь, не желая, чтобы „шляхтѣ черезъ мерчихъ утискъ былъ въ неотданіи отмѣны за земли ихъ“, распорядился дать отмѣну всѣмъ тѣмъ, кто ея до сихъ поръ не получилъ. Съ этой цѣлью господарскимъ агентамъ были посланы изъ господарской канцеляріи листы съ требованіемъ, „абы отмѣны не задерживали отдавати“ [4]). Когда же отмѣна будетъ дана, то таковая будетъ утверждена господарскими листами. То же было сказано въ отвѣтъ и жмудской шляхтѣ. Впрочемъ, по отношенію къ послѣдней были сдѣланы нѣкоторыя уступки: господарь разрѣшилъ ей предъявлять документы на право владѣнія землей не передъ ревизорами, а исключительно передъ жмудскимъ старостой, какъ представителемъ и защитникомъ интересовъ земли и населенія [5]).

Зато та же шляхта потерпѣла полное пораженіе по вопросу объ измѣреніи на волоки земель убогой шляхты и объ обложеніи ея

---

[1]) А. З. Р., III, № 13, арт. 6.
[2]) Ibid., арт. 4.
[3]) Ibid., арт. 19.
[4]) А. З. Р., III, № 24, арт. 13.
[5]) А. З. Р., III, № 24, арт. 12.

чинщами. Господарь предоставилъ право потерпѣвшимъ лицамъ подавать заявленія о неправильномъ обложеніи жмудскому старостѣ, который доведетъ обо всемъ до свѣдѣнія господаря. Господарь же, принявъ къ свѣдѣнію сообщенные старостой факты, „учинитъ съ тымъ, што ся слушного и справедливого его милости видѣти будутъ“ [1]).

Какъ извѣстно, жмудская шляхта выступила со своими требованіями и на сеймѣ 1563 г. Въ общемъ это выступленіе нельзя не признать чрезмѣрно скромнымъ. Шляхта только получила согласіе, чтобы староста жмудскій давалъ отмѣну въ томъ случаѣ, если таковая не будетъ дана мѣрчими и ревизорами. Впрочемъ, это согласіе не вносило ничего новаго, такъ какъ, по словамъ господаря, съ самаго начала реформы по всему государству было издано предписаніе наука, „жебы мерчіе кгрунтовъ вашихъ у помеpу волокъ нашихъ не забирали, алижъ выморговавши и отмену слушную за нихъ давши“ [2]). Что же касается просьбы шляхты о сохраненіи права входа въ королевскія пущи согласно господарскимъ привилеямъ, то, идя по стопамъ своихъ предшественниковъ, Сигизмундъ-Августъ разрѣшилъ въѣздъ въ пущи только „по дрова и по дерево на будованіе на власную потребу вашу вамъ самимъ и подданнымъ нашимъ“, однако съ строгимъ запрещеніемъ какой бы то ни было разработки господарскихъ пущъ [3]). Кромѣ того, за жмудской шляхтой по привилеямъ оставалось право ловли рыбы въ озерахъ и рѣкахъ.[4]) Точно такъ же шляхта получила утвердительный отвѣтъ отъ господаря на просьбу, чтобы во время выѣзда на службу не производилась волочная помѣра [5]). Наконецъ, на Гродненскомъ сеймѣ 1568 года господарь удовлетворилъ просьбу шляхты относительно предварительнаго указанія отмѣны, такъ какъ, по словамъ господаря, эта просьба нисколько не противорѣчитъ господарскимъ постановленіямъ относительно волочной помѣры [6]).

Такимъ образомъ ни литовская шляхта вообще, ни жмудская въ частности не добились самаго главнаго—отказа господаря отъ провѣрки правъ на землю. А вѣдь это было самымъ существеннымъ изъ всего того, чего она добивалась и къ чему она стремилась.

---

[1]) Ibid., арт. 18.
[2]) Д. А. М. Ю., т. I, стр. 152, арт. 4.
[3]) Ibid., стр. 153.
[4]) Ibid., стр. 154.
[5]) Ibid., стр. 152.
[6]) Ibid., стр 491.

Всѣ уступки, сдѣланныя господаремъ жмудской шляхтѣ, касались второстепенныхъ вопросовъ и по существу ничего не давали ей, только убаюкивали ее тѣмъ, будто она въ концѣ концовъ добилась своими энергическими дѣйствіями неприкосновенности и защиты своихъ имущественныхъ правъ.

III. Шляхта и провѣрка правъ на землю.

Общеземскіе привилеи оставляли за шляхетскимъ сословіемъ тѣ земельныя пожалованія, которыя оно получило отъ предшествовавшихъ государей, если только держатели земли могли представить соотвѣтствующіе документы. Такъ, привилей Казимира Ягеллончика укрѣплялъ за шляхтой „patrimonialia seu ipsis data siue donata per praeclarum principem dominum Alexandrum alias Vitoudum, diuae memoriae antecessorem et patrum nostrum carissimum ac donationes per illustrem dominum Sigismundum donatas et factas, quas tenentes, habentes et possidentes de eorum donationibus, priulegiis vel priuilegio legitimo et sufficienti ac congruo testimonio testium vel munimine litterarum poturint probare et docere pari jure obtineant sicut principes... cives regni Poloniae sua noscuntur obtinere [1]). Привилей великаго князя Александра, данный имъ при вступленіи на престолъ, подтверждалъ вышеприведенную статью привилея 1447 года, распространяя свое подтвержденіе и на пожалованіе своего отца, великаго князя Казимира [2]). Если же великій князь Казиміръ далъ кому-нибудь земельное пожалованіе „ad arbitrium et voluntatemsuam“, то такое остается у держателя въ пользованіи „до воли и ласки господарской“. При вступленіи на престолъ Сигизмунда I былъ имъ изданъ подтвердительный привилей. Онъ безусловно подтверждалъ всѣ предыдущія пожалованія, если только держатели могли представить соотвѣтствующіе документы [3]). Кромѣ того, привилей Сигизмунда вносилъ и нѣкоторыя новшества. Такъ онъ допускалъ возможность укрѣпленія имѣнія за лицомъ, если даже послѣднее не могло представить документальныхъ данныхъ на право владѣнія землей. Для этого привилей требовалъ доказательства своего права владѣнія посредствомъ „testimonio fide dignorum“. Если ими будетъ доказано, что этими землями мирно (pacifice) владѣли его отецъ или предокъ, то земельное пожалованіе укрѣпляется за держателемъ. Такія „безпривиль-

[1]) Любавскій: Очеркъ исторіи литовско - русскаго государства Стр. 305, арт. 6.

[2]) Opus. cit., стр. 311, арт. 22.

[3]) Opus cit., стр. 313, арт. 2.

ныя" пожалованія должны быть не старше времени Витовта и не моложе эпохи Казимира [1]). Литовскій статутъ 1529 года въ этомъ отношеніи не внесъ ничего новаго. Наконецъ, при вступленіи на престолъ Сигизмунда II былъ изданъ новый привилей, которымъ подтверждались статьи раньше опубликованныхъ привилеевъ. Кромѣ того, подтверждалась статья привилея Сигизмунда I—о способахъ укрѣпленія земли, на которую держатели не могли представить соотвѣтствующихъ документовъ [2]).

Такимъ образомъ, только то землевладѣніе было законно, относительно котораго имѣлись оправдательные документы, или держатели свидѣтельскими показаніями могли доказать свое родовое право на владѣніе той или другой земельной собственностью. Въ противномъ случаѣ, владѣніе оказывалось незаконнымъ. Трудно, конечно, выяснить, въ какомъ размѣрѣ господарскія земли безъ всякой данины были расхватаны шляхтой. Точно такъ же нельзя выяснить, какое количество земель перешло посредствомъ покупки къ шляхтѣ безъ соотвѣтствующаго господарскаго разрѣшенія. Можно только a priori говорить о большой распространенности такого захватнаго землевладѣнія, размѣры котораго должна была обнаружить аграрная реформа, предпринятая Сигизмундомъ-Августомъ. Это, конечно, заставило шляхту настаивать на непредъявленіи соотвѣтствующихъ документовъ на право владѣнія передъ господарскими мѣрчими и ревизорами, что, впрочемъ, она дѣлала и раньше. Когда молодой Сигизмундъ-Августъ по вступленіи на престолъ задумалъ принять рядъ мѣръ для приведенія обороны страны въ надлежащее состояніе, то было рѣшено приступить къ ревизіи пограничныхъ замковъ. Однако эта ревизія должна была имѣть несомнѣнное большее значеніе. Ея задачи и цѣли не могли ограничиться исключительно заботами правительства объ оборонѣ страны. Наоборотъ, эти заботы объ оборонѣ заставили правительство провѣрить права шляхты на землю, выяснить, какой процентъ земель захваченъ шляхтой, опредѣлить, насколько шляхетскія военныя повинности соотвѣтствуютъ дѣйствительному состоянію шляхетскаго землевладѣнія. Эти ревизіи, преслѣдуя исключительно военно-финансовыя цѣли, конечно, никакого отношенія не имѣли къ тѣмъ ревизіямъ господарскихъ имѣній, которыя были предприняты подъ вліяніемъ задуманной аграрной реформы [3]).

---

[1]) Opus. cit., стр. 313, арт. 5.

[2]) Opus cit., стр. 334, арт. 19.

[3]) М. В. Довнаръ-Запольскій держится противоположнаго мнѣнія въ своемъ трудѣ „Очерки по исторіи организаціи западно-русск. крест. въ XVI в.". Однако М. К. Любавскимъ были высказаны противъ этого взгляда

Тѣмъ не менѣе, онѣ довольно отчетливо выясняютъ дѣйствительное отношеніе шляхты къ такого рода мѣропріятіямъ правительства, гдѣ прямо или косвенно задѣты земельныя права шляхты. При болѣе же близкомъ знакомствѣ съ памятниками становится понятнымъ и самое настроеніе шляхетскаго сословія. Воспользуемся для нашей цѣли ревизіей замковъ на Волыни въ 1545 г. [1]). Внѣшняя исторія хода ревизіи уже была описана Яблоновскимъ и М. В. Довнаръ-Запольскимъ въ его „Очеркахъ по организаціи западнорусскаго крестьянства во второй половинѣ XVI в.“.

Отмѣтимъ, что волынская шляхта отнеслась крайне враждебно къ требованію правительства—къ предъявленію передъ правительственными агентами „твердостей яко на мѣста, такъ и на имѣнія“ [2]). Въ этомъ отношеніи волынская шляхта была удивительно солидарна и прибѣгала ко всевозможнымъ уловкамъ, чтобы какънибудь оттянуть представленіе требуемыхъ „твердостей на имѣнія и на мѣста“. Ревизорское описаніе даетъ немало данныхъ о причинахъ такой солидарности и о нежеланіи шляхты исполнить господарскую волю. Такъ, при производствѣ описей замковъ обнаружилось, что волынская шляхта самовольно устроила новыя мыта, чѣмъ и наносила существенный ущербъ господарскому скарбу и мѣстному населенію. Поэтому „войты, бурмистры, радцы и всѣ мѣщане мѣстъ его милости луцкіе и владимирскіе“ подали жалобы на князей и пановъ, что они во многихъ мѣстахъ, мѣстечкахъ и своихъ имѣніяхъ устроили безъ разрѣшенія торги и мыта и прямотаки грабятъ населеніе. А между тѣмъ раньше этихъ мытъ не было [3]). Указывали также и на другія дѣйствія шляхты, коими нарушалось дѣйствіе привилеевъ Александра и Сигизмунда. При этомъ былъ представленъ и списокъ лицъ, самовольно введшихъ новыя мыта [4]). Спрошенные ревизорами шляхтичи признали, что новыя мыта они ввели или на основаніи господарскихъ привилеевъ или таковыя уже существуютъ съ давняго времени. Однако, они отказались предъявить соотвѣтствующіе документы, намѣре-

основательныя возраженія въ его академической рецензіи на вышеназванный трудъ. Но, съ другой стороны, и взглядъ М. К. Любавскаго, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ вѣренъ. Конечно, ревизіи 1545 никакого отношенія не имѣютъ къ ревизіямъ въ связи съ волочной помѣрой. Преслѣдуя военно-финансовыя цѣли, однако онѣ могли выяснить наличность господарскаго землевладѣнія и косвенно дать кое-какой матеріалъ для подготовительныхъ работъ по проведенію въ жизнь реформы 1557—1558 г.г.

[1]) Źródła dsiejowe, т. VI.

[2]) Opus cit., стр. 4.

[3]) Opus cit., стр. 59.

[4]) Opus cit., стр. 61.

ваясь предъявить ихъ на какомъ-нибудь сеймѣ передъ лицомъ самого господаря [1]). Ревизоры признали, что такой образъ дѣйствій со стороны волынской шляхты приноситъ большой ущербъ господарскимъ подданнымъ и долѣе не можетъ быть терпимъ [2]). Вообще, между луцкою шляхтою и луцкими мѣщанами были сплошныя недоразумѣнія на почвѣ нарушенія шляхтой различныхъ правъ мѣщанъ, съ чѣмъ, конечно, не могли помириться ни само правительство, ни мѣщане [3]), у которыхъ шляхтичи отнимали землю, захватывали дома и пляцы въ городахъ, не обнаруживая при этомъ намѣренія принять участіе въ несеніи мѣщанскихъ повинностей. Недовольны были поступками шляхты и луцкіе евреи, какъ караимы, такъ и раввинисты. Князь Матвѣй Четвертинскій самовольно засыпалъ ставъ, благодаря чему еврейское кладбище оказалось разрытымъ [4]). Если этотъ поступокъ князя не приносилъ непосредственнаго ущерба господарскому скарбу, то укрывательство мѣщанъ и ремесленниковъ—со стороны князя, конечно, задѣвало непосредственно интересы городской общины и, слѣдовательно, интересы господарскаго скарба [5]). Злоупотребленія со стороны луцкой шляхты шли еще дальше. Захватывая мѣщанскія земли и пользуясь ими, она однако не всегда располагала соотвѣтствующими документами на право владѣнія. Правда, панна Дахновая, захватившая фольварокъ около города, представила ревизору соотвѣтствующіе документы, но послѣдній не рѣшился самостоятельно разрѣшить этотъ спорный вопросъ: очевидно, документы были не вполнѣ надежнаго характера. Ревизоръ отложилъ разрѣшеніе этого спорнаго дѣла и представилъ его на усмотрѣніе господаря, чтобы послѣдній такъ или иначе разрѣшилъ это дѣло. Любопытно, что ревизоръ счелъ возможнымъ перенести спорное дѣло на разрѣшеніе господаря только потому, что панна Дахновая „не смотречи на иншихъ недбалость и непослушенство, таковую повольность на листу и росказаніе вчинила и листы свои передъ нами вказала“ [6]). Изучая состояніе господарскихъ замковъ, ревизору пришлось познакомиться съ состояніемъ наличнаго господарскаго землевладѣнія, а также и съ повинностями сельскаго населенія. Это знакомство должно было установить наличность господарскаго землевладѣнія и выяснить степень расхватанности послѣдняго. Выяснить, конечно, это было трудно.

---

[1]) Opus cit., стр. 64.
[2]) Opus cit., стр. 65—66.
[3]) Opus cit., стр. 67—69.
[4]) Opus cit., стр. 71.
[5]) Opus cit., стр. 73.
[6]) Opus cit., стр. 74.

Шляхта отказывалась представлять „твердости“ на землю. Незначительное число оставшихся на Волыни господарскихъ селъ и упорное нежеланіе шляхты положить передъ ревизоромъ соотвѣтствующіе документы заставляютъ предполагать, что шляхта расхватала господарскія земли и поэтому, изъ боязни отобранія, обнаруживала удивительную стойкость въ своей оппозиціи мѣрамъ правительства. Въ противномъ случаѣ не имѣло смысла для шляхты держать себя такъ вызывающе по отношенію къ органамъ центральной власти. И только показанія господарскихъ крестьянъ на захватъ шляхтой отдѣльныхъ угодій ясно обнаружили почему шляхта такъ упорно отстаивала непредъявленіе листовъ на землю [1]). Правда, Луцкій староста представилъ реестръ земель, розданныхъ шляхтѣ предшественниками Сигизмунда I, но этотъ реестръ, не оправданный никакими документами, указывалъ на фактъ владѣнія, однако не выяснялъ источника происхожденія этого владѣнія. И, конечно, приходится сомнѣваться, насколько были дѣйствительно правильны свѣдѣнія, представленныя луцкимъ старостой [2]). И ревизоръ былъ безконечно правъ, когда, не довѣряя свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ старосты, сталъ самъ собирать соотвѣтствующія данныя о выслугахъ, попавшихъ въ держаніе шляхты. Правда, это былъ способъ весьма несовершенный. Больше приходилось судить по слухамъ, чѣмъ на основаніи конкретныхъ данныхъ. Но и тутъ ревизору удалось убѣдиться, что Хреницкій держитъ Хреницы и еще четыре села „неизвѣстно“ какимъ обычаемъ [3]). А сколько оказалось бы такихъ держателей, еслибы шляхта представила „твердости“ на земли! Господарскій ревизоръ Левъ Пацѣй былъ встрѣченъ весьма нелюбезно кременецкой шляхтой. Она не желала съѣхаться по требованію ревизора и вообще игнорировала его распоряженія, хотя они дѣлались отъ имени господаря [4]). Особенно упорной оказывалась знать.

Провѣрка господарскихъ селъ обнаружила, что часть ихъ попала въ руки титулованныхъ магнатовъ на правахъ „выслуги“, но всѣ эти княжата представить документы отказались [5]). Кромѣ того, они владѣли частью господарскихъ селъ и на правахъ „купли“, но насколько такая покупка была законна, установить это было невозможно безъ провѣрки правъ на землю [6]). Помимо этого,

---

[1]) Opus cit., стр. 77.
[2]) Opus cit., стр. 83.
[3]) Opus cit., стр. 86.
[4]) Opus cit., стр. 91—92.
[5]) Opus cit., стр. 100.
[6]) Opus cit., стр. 102—103.

выяснилось, что магнаты сильно притѣсняютъ мѣщанъ и устроили новыя мыта, не имѣя на это никакого основанія [1]). Словомъ, ревизору представилась картина, аналогичная положенію дѣла въ Луцкомъ повѣтѣ. Аналогично было положеніе дѣлъ и въ Винницкомъ повѣтѣ. Земли оказались въ рукахъ частныхъ владѣльцевъ, и происхожденіе этого владѣнія нельзя было установить. Зато держатели господарскихъ земель не допускали ревизора вмѣшиваться въ ихъ хозяйственныя дѣла. Когда послѣдній пожелалъ составить инвентарь господарскаго имѣнія Вонючинъ, бывшаго въ держаніи пана Семена Кепитича, то послѣдній не допустилъ до этого ревизора, заявивъ, что инвентарь уже составленъ имъ самимъ и отправленъ господарю [2]). И браславская шляхта, не предъявила листовъ на землю, да, кажется и ревизоръ ихъ не требовалъ. А между тѣмъ, земельныя отношенія такъ здѣсь перепутались, что трудно было узнать и различить, гдѣ господарское, гдѣ земянское владѣніе, гдѣ владѣютъ казаки и мѣщане, ибо и они не желали показывать „твердости“ на земло. Данныя, собранныя ревизорами на Волыни, конечно, давали очень мало въ смыслѣ поземельнаго кадастра. Опираясь на нихъ, нельзя было осуществлять никакой реформы. Но въ нѣкоторомъ отношеніи они оказались небезполезными для правительства и несомнѣнно оказали вліяніе на кое-какія распоряженія правительства. Сопротивленіе шляхты подчиниться требованіямъ правительства и предъявить документы на право владѣнія заставляло его быть очень настойчивымъ въ требованіи представленія оправдательныхъ документовъ при производствѣ аграрной реформы. Неудачная ревизія 1545 г., почти ничего не выяснившая, въ этомъ отношеніи оставалась примѣромъ повторенія котораго слѣдовало бы избѣжать. Шляхта оцѣнила по-своему настойчивость правительства и отвѣтила ему просьбами о непредъявленіи листовъ передъ мѣрчими и ревизорами, но, какъ мы видѣли, потерпѣла полную неудачу. Провѣрка правъ на землю производилась по мѣрѣ хода реформы, и для многихъ окончилась весьма печально. О степени распространенности захватнаго землевладѣнія и землепользованія можно судить также по „Ревизіи звѣриныхъ пущъ и переходовъ“, предпринятой параллельно производству аграрной реформы.

Въ 1559 году старостѣ Мстибоговскому пану Григорію Богдановичу Воловичу было поручено выѣхать „для вывѣданія и опи-

[1]) Opus cit., стр. 105.
[2]) Opus cit., стр. 114.
[3]) Opus cit., стр. 123.

санія всѣхъ пущъ у великомъ княжествѣ литовскомъ и переходовъ звѣриныхъ, которые идутъ изъ-за днѣпровскихъ поль до пущъ великаго княжества литовскаго, такъ тежъ для осаженья мѣстъ и селъ, гдѣ бы се садили на мѣстахъ погожихъ и для будованія дворовъ пріѣханья короля его милости въ ловы въ тыхъ пущахъ“ [1]). Такая провѣрка и описаніе пущъ и переходовъ вполнѣ соотвѣтствовала задачамъ и цѣлямъ, поставленнымъ мѣрникамъ и ревизорамъ [2]). Для облегченія дѣла и было задумано всеобщее описаніе пущъ и переходовъ. Воловичъ въ общемъ удачно выполнилъ возложенную на него задачу. Имъ были обмѣрены и объѣзжены пущи, провѣрены входы и выходы, опредѣлены границы пущъ. Такое описаніе, конечно, сопровождалось провѣркой правъ на землю и на воды въ лѣсахъ. При провѣркѣ обнаружилось, что далеко не всѣ владѣльцы могли сослаться на письменные документы и ими подтвердить свои претензіи [3]). Въ общемъ, ревизія обнаружила, что многіе изъ землевладѣльцевъ владѣютъ незаконно землей и пущами и не имѣютъ никакихъ документовъ, которыми могли бы оправдать свой захватъ земель, пущъ и переходовъ. Ревизія, произведенная Воловичемъ, къ сожалѣнію, цѣликомъ не сохранилась; но и сохранившаяся часть даетъ возможность составить отчетливое представленіе о томъ, что обнаружила провѣрка правъ на входы въ господарскія пущи. Представленные землевладѣльцами документы были довольно разнообразнаго характера. Тутъ были грамоты прежнихъ удѣльныхъ князей изъ рода Ярославичей и Олельковичей, тутъ и жалованныя грамоты королевы Боны, тутъ и подтвердительные привилеи самого Сигизмунда. Всѣ владѣнія на основаніи этихъ документовъ считались безспорными и не вызывали никакихъ недоразумѣній. Зато было немало и такихъ держателей, которые не могли представить какихъ бы то ни было документовъ и только ссылались на давность „держанія“. Конечно, такія захваченныя части земли пущъ и входовъ отбирались у шляхтичей и приписывались къ господарской пущѣ. Такія распоряженія Воловича, конечно, были вполнѣ правильны. Здѣсь не было никакого нарушенія шляхетскихъ праъ, тѣмъ не менѣе шляхта была сильно раздражена, и ея раздраженіе съ точки зрѣнія интересовъ землевладѣльческаго класса—вполнѣ понятно.

Ту же картину можно наблюдать и при изученіи нѣкоторыхъ изъ сохранившихся писцовыхъ книгъ. Многіе изъ землевладѣль-

[1]) Ревизія пущъ, стр. III—IV.

[2]) А. З. Р., т. III, № 19.

[3]) Рев. пущъ, стр. 111, 135, 136, 137 etc.

цевъ заявляли притязанія на землю, но оправдать ихъ ничѣмъ не могли [1]). Во всякомъ случаѣ, весь шумъ, поднятый шляхтой вокругъ провѣрки правъ на земли, показывалъ, что въ этомъ отношеніи далеко не все обстояло благополучно. Не даромъ правительство постоянно напоминало о необходимости предъявлять листы господарскимъ агентамъ. И другіе документы, довольно часто указываютъ на то, что тотъ или другой дворянинъ, „будучи на справе помѣри волочное", „за неоказаніемъ правъ" „привернулъ" имѣніе къ господарскому двору. [2]).

IV. Возстановленіе шляхетства.

Аграрная реформа Сигизмунда-Августа создавала немало дѣлъ о „выводѣ" шляхетства. Дѣло въ томъ, что ревизоры, производя волочное измѣреніе, обыкновенно облагали шляхетскія земли повинностями на-ряду съ тяглымъ населеніемъ, если владѣльцамъ ихъ не удавалось точно установить свое шляхетство. Конечно, потерявшій шляхетство боринъ никоимъ образомъ не могъ и не желалъ помириться съ потерей своего шляхетства и поэтому считалъ нужнымъ использовать всѣ средства, допущенныя закономъ, лишь бы только возстановить себя въ шляхетскихъ правахъ.

Ко времени введенія волочной помѣры выводъ шляхетства уже принялъ строго опредѣленныя формы. О немъ впервые опредѣленно говорится въ сеймовомъ постановленіи 1522 года. Согласно послѣднему, лицо, вчинившее искъ о возстановленіи своего шляхетства, должно было представить на судъ двухъ шляхтичей, которые должны были подъ присягой показать, что онъ отъ прадѣда и дѣда одного съ ними рода и братъ по крови. Уставъ допускалъ присутствіе на судѣ и одного свидѣтеля, но тогда самъ истецъ былъ обязанъ присягой подтвердить свое показаніе. Наконецъ, если шляхтичъ не могъ представить никакихъ свидѣтелей, то для доказательства своего шляхетства онъ могъ ограничиться представленіемъ старинныхъ листовъ великаго князя Витовта, Сигизмунда и Казимира или нѣкоторыхъ высокихъ пановъ-рады, въ которыхъ его предки или онъ самъ писаны боярами, независимо отъ ихъ собственнаго показанія [3]). Однако, въ практикѣ доказательства шляхетства можно было встрѣтить юридическіе случаи, сущность которыхъ разрѣшалась иначе, чѣмъ требовалъ уставъ 1522 года.

---

[1]) Писц. Кн. Пинск. Стар. ч. 11, стр. 573, 577, 579, 581, 585, 589, 593.

[2]) Кн. Зап. XLI, л. 215.

[3]) Любавскій. Лит.-Русск. Сеймъ, стр. 440.

Такъ, когда панъ воевода Троцкій князь К. И. Острожскій разбиралъ дѣло ейшишскаго хоружія Станка Радивиловича и его братьи съ ейшишскимъ бояриномъ Яномъ Юшковичемъ, доказывавшимъ, что они простые люди, а не шляхтичи, то князь воевода не удовольствовался представленіемъ листовъ королей Александра и Сигизмунда и листа ейшишскаго державцы, въ которыхъ было сказано „ижъ они зъ веку суть бояре шляхта“, какъ этого требовалъ уставъ 1522 года, а сдѣлалъ опросъ всѣхъ ейшишскихъ бояръ, шляхтичи они или нѣтъ. И только послѣ ихъ утвердительнаго показанія князь воевода вынесъ приговоръ въ желательномъ для ейшишскаго хоружаго духѣ [1]). При выводѣ пинскими боярами Протасовичами своего шляхетства, дѣло было рѣшено въ ихъ пользу на основаніи показаній двухъ простыхъ свидѣтелей, что тоже шло въ разрѣзъ съ уставомъ 1522 г. [2]).

Такъ практика жизни измѣняла и расширяла постановленіе Виленскаго вальнаго сейма 1522 года. Вопросъ о выводѣ шляхетства, конечно, для всего землевладѣльческаго класса былъ вопросомъ первостатейной важности, и статутовая комиссія, кодифицировавшая шляхетское право, должна была обратить на него свое исключительное вниманіе, отведя этому вопросу XI артикулъ въ третьемъ раздѣлѣ. Согласно послѣднему, для вывода шляхетства необходимо было представить свидѣтелей по дѣлу со стороны отца и со стороны матери истца. Дѣло рѣшалось присягой этихъ свидѣтелей. Въ случаѣ прекращенія рода можно было ссылаться на „бояръ шляхту околичныхъ, которые бы знали его, ижъ есть шляхтичъ“. Эти бояре съ своей стороны должны присягнуть „ижъ онъ есть з роду шляхты“. Что же касается способа доказательства своего шляхетства чужеземцами, то послѣдніе должны были доказывать свое шляхетство у себя на родинѣ и представить литовскому уряду листъ, въ которомъ подтверждалась правильность вывода шляхетства. Въ случаѣ невозможности, напр., изъ-за войны—истцу уѣхать домой и тамъ поднять дѣло о своемъ шляхетствѣ, то статутъ 1529 года разрѣшалъ въ такомъ случаѣ ограничиться представленіемъ двухъ соотечественниковъ своихъ, присяга которыхъ окончательно рѣшала дѣло. Нельзя не согласиться съ М. К. Любавскимъ, что редакція Статута мало удовлетворительна и нуждается въ дополненіи. Во-первыхъ, она ни слова не говоритъ о законности представленія листовъ в. к. и пановъ-рады, въ которыхъ истцы названы боярами и, слѣдовательно, шляхтичами. Во-вторыхъ,

---

[1]) Любавскій, Opus cit., стр. 441.

[2]) Ibidem.

она игнорируетъ прецедентъ, бывшій въ 1524 г., когда дѣло о выводѣ шляхетства рѣшалось на основаніи показаній посторонних свидѣтелей. Между тѣмъ письменными документами пользовались при выводѣ шляхетства и послѣ статута 1529 года, несмотря на его умолчаніе объ этомъ. Практика жизни даже расширила постановленіе уставы 1522 г. Представлялись листы не только великихъ князей или пановъ-радныхъ, но документы, выданные потомками удѣльныхъ князей, и это верховной властью считалось вполнѣ достаточнымъ [1]). Поэтому правъ М. К. Любавскій, говоря, что статутовое постановленіе „о згодѣ шляхетства" не уничтожило и не покрывало собой сеймового рѣшенія 1522 года. Во время производства аграрной реформы особенно участились судебные процессы о „выводѣ шляхетства". Практика жизни показала всю недостаточность способовъ доказательствъ, утвержденныхъ закономъ. Поэтому тѣмъ лицамъ, кто доказывалъ свое шляхетство, и тѣмъ, кто разбиралъ это дѣло, сплошь и рядомъ приходилось расширять рамки закона 1522 года и статута 1529 года и допускать и иные способы доказательства своего шляхетскаго происхожденія, выдвинутые самой жизнью.

Дѣло о выводѣ шляхетства начиналось подачей соотвѣтствующаго челобитья господарю. Такое челобитье подавалось или отъ имени одного лица: „жаловалъ намъ, говоритъ господарскій листъ, бояринъ повету Троцкаго волости Василишской Зенико Грыниковичъ" [2]) или отъ имени цѣлой группы лицъ, заинтересованной въ возстановленіи шляхетскихъ правъ. Въ такомъ случаѣ челобитчиками выступали или родственники: „пріездили до насъ бояре наши лепунскіе Стась и Мартинъ Озахаревичи", говорится въ господарскомъ выркѣ по дѣлу двухъ братьевъ [3]) или группа околичныхъ бояръ, подававшая челобитье отъ своего имени и „отъ братіи своей". Такъ слонимскіе бояре: Марко Дорофеевичъ, Тимофей Нестеровичъ" подали господарю челобитье отъ себя и своей братіи о признаніи за слонимскими боярами шляхетства [4]).

Встрѣчались въ практикѣ литовско-русскаго правительства, случаи, впрочемъ, кажется довольно рѣдко, когда дѣло о выводѣ шляхетства начиналось самой центральной властью.

Правительство не считало многихъ ейшишскихъ бояръ шляхтой. Послѣдніе держались обратнаго мнѣнія „и своевольне въ право шляхетское вдалися", при этомъ захвативъ въ свои руки несаконно,

[1]) Любавскій. Opus cit., стр. 442.
[2]) К. З., XXXVII, л. 214.
[3]) К. З., XXXVII, л. 376.
[4]) К. З., XXXVII, л. 352.

безъ всякой „данины“ немало господарскихъ грунтовъ и не желая „съ тыхъ земель своихъ службы путныя служити, дяколъ давати и на тяглую службу ходити“. Видя такое упорство и не желая допускать долѣе незаконное пользованіе присвоенными правами, что, конечно, задѣвало интересы господарскаго скарба, правительство рѣшило устроить „выводъ водле статуту“ [1]).

Конечно, уже подача челобитья формально была достаточна для возбужденія дѣла. На самомъ дѣлѣ не всегда такъ бывало. Правительство иногда игнорировало челобитья отдѣльныхъ лицъ и не создавало дѣла о выводѣ шляхетства, и только постоянныя „набѣганія“ челобитчиковъ и упорныя напоминанія „ижъ предкове ихъ и они сами до того службы путницкое не служивали и подачекъ не даивали але завжды службою шляхетскою служивали“ заставляли литовско-русское правительство разсмотрѣть поданное челобитье [2]). Конечно, отъ такого внимательнаго отношенія къ челобитіямъ лицъ, ищущихъ шляхетства, особенно страдали несостоятельные „бояре“. Нѣкоторые изъ нихъ вслѣдствіе своей бѣдности даже не могли поднять дѣло о шляхетствѣ, мирились на нѣкоторое время съ непривычнымъ для нихъ положеніемъ, въ надеждѣ въ будущемъ, когда матеріальныя обстоятельства измѣнятся, поднять дѣло о возстановленіи утеряннаго шляхетства. Слонимскіе бояре Лени Ивановичъ, Марко Кралевичъ, Василій Борисовичъ и Петръ Ходоровичъ цѣлыхъ три года платили чиншъ, не поднимая вопроса о своемъ шляхетствѣ, и въ реестровыхъ спискахъ считались приписанными къ тяглому состоянію. Конечно, такое промедленіе съ выводомъ шляхетства и молчаливое примиреніе съ своимъ тяглымъ состояніемъ, только и можно объяснить бѣдностью и отсутствіемъ средствъ у челобитчиковъ [3]).

Подавая челобитье господарю, просители обыкновенно указывали на причину своего недовольства и приводили доказательства, почему они считаютъ неправильнымъ какъ отнятіе у нихъ земли, такъ и принужденіе ихъ нести тяглую службу. Бояринъ Троцкаго повѣта Зенико-Грыниковичъ жаловался господарю, что дворянинъ Павелъ Котовичъ, „за росказаніемъ господарскимъ, помѣраючи земли подданныхъ“ въ волости Василишской, земли ихъ „властные на волоки померилъ и подданнымъ роздалъ“, а между тѣмъ его предки со временъ Витовта несли военную службу наравнѣ со шляхтой“ [4]). Слонимскіе бояре Гаврило Пацевичъ и др. жало-

[1]) К. З. XXXIX, л. 182.
[2]) К. З. XXXVII, л. 267—268.
[3]) К. З., XLIX, л. 89.
[4]) К. З. XXXVII, л. 214.

вались, что „дворянинъ Андрей Илькговскій, „приворачаючи ихъ ку службе путницкой, земли ихъ на волоки померити и подданнымъ нашимъ раздати хочетъ", а между тѣмъ: „они тые службы не служивали, а ставили одного коня", при этомъ представили документы-листы в. к. Александра и Сигизмунда, по которымъ они освобождались „отъ службы тяглыя и отъ хожения въ подводы и отъ даванія дяколъ" и по которымъ велено имъ служить такъ, какъ дѣды и отцы ихъ служили при Витовтѣ [1]). Поэтому они просятъ объ освобожденіи отъ службы путной. Лепунскіе бояре Стась и Мартинъ Озахоревичи считаютъ незаконнымъ намѣреніе ревизора Райскаго измѣрить ихъ земли на волоки и раздать подданнымъ, а равно и запрещеніе жать имъ ихъ хлѣба, такъ какъ они издавна бояре-шляхта. Въ доказательство чего представили листъ Сигизмунда [2]). Бояре Слонимскаго повѣту Лени Ивановичъ и Марко Климовичъ, Василій Борисовичъ и Петръ Ходоровичъ „жаловались, что они бояре-шляхта, а ихъ „примучаютъ" платить чиншъ. Поэтому они ходатайствуютъ о выводѣ шляхетства и объ освобожденіи ихъ отъ чинша [3]).

О томъ же говорили въ своемъ челобитіи и четверо бояръ Глѣбовичей, не представившихъ въ свое время никакихъ документовъ на землю о своемъ шляхетствѣ, и потому записанныхъ въ тяглые списки, и обложенныхъ чиншемъ [4]).

Если документы, представленные челобитчиками, не вызывали никакихъ сомнѣній и на основаніи ихъ можно было рѣшить, шляхтичи ли челобитчики или нѣтъ, то это дѣло рѣшалось господаремъ безъ всякихъ предварительныхъ справокъ и разслѣдованій. Такъ в. к. Сигизмундъ II счелъ возможнымъ признать шляхетство за Лепунскими боярами Стасемъ и Мартиномъ Мартиновичемъ Озахоревичами, представившими листъ короля Сигизмунда I и заявившими, что еще раньше до помѣры волочной тамошній державца хотѣлъ „привернуть ихъ къ службѣ тяглой", но, убѣдившись въ томъ, что они „тяглой службы никогда не носили", велѣлъ „имъ службу земскую посполъ съ боярами лепунскими служити" [5]). Если документы и доводы просителей были сами по себѣ недостаточны, и господарь не могъ вынести окончательной резолюціи, то производство слѣдствія, допросъ на мѣстѣ свидѣтелей, разсмотрѣніе документовъ и другихъ данныхъ осуществлялось пра-

[1]) К. З., XXXVII, л. 371.
[2]) К. З., XXXVII, л. 376.
[3]) К. З., XLIX, л. 39.
[4]) К. З. XLI, л. 250.
[5]) К. З. XXXVII, л. 376.

ительствомъ при помощи различныхъ административныхъ пріемовъ. Иногда это поручалось цѣлой спеціальной комиссіи, состоявшей изъ двухъ или нѣсколькихъ лицъ, смотря по сложности дѣла, въ зависимости отъ количества лицъ, добивавшихся вывода шляхетства. Для вывода шляхетства боярина Іоанна Болобка и его братьевъ была образована спеціальная комиссія въ составѣ Виленскаго бискупа Валеріана и намѣстника воеводы Виленскаго пана Яна Новицкаго [1]). Когда приходилось выводить шляхетство многочисленной группѣ Ейшишскихъ бояръ—то были посланы комиссарами маршалокъ и писарь господарскій, староста Тыкостинскій панъ Янъ Шимковичъ, староста Мстибоговскій, ейшишскій державца—панъ Григорій Воловичъ и дворянинъ Размыслъ Богдановичъ Довкгирда [2]).

Поручался выводъ шляхетства и отдѣльнымъ лицамъ, не занимавшимъ въ данное время никакого офиціальнаго положенія. Боярину Троцкаго повѣта Зенику Грыниковичу приходилось доказывать свое шляхетство передъ княземъ Янушемъ Скупалуцкимъ [3]). Приходилось выступать въ качествѣ судьи и воеводѣ Троцкому, когда дѣло касалось бояръ, жившихъ въ его воеводствѣ. Слонимскіе бояре Гаврило Пацевичъ съ братьею должны были представить доказательства своего шляхетства Троцкому воеводѣ [4]). Иногда, не поручая какому-либо лицу спеціальнаго разслѣдованія, господарь ограничивался наведеніемъ справки у скарбнаго писаря, записано ли то или другое лицо въ спискахъ бояръ шляхты. Когда бояринъ Стокилишскій Миколай Корвелло подалъ жалобу Сигизмунду на незаконныя дѣйствія ревизора Андрея Кунцевича, желавшаго его земли на волоки помѣрить, то справка въ скарбовыхъ реестрахъ дала возможность господарю рѣшить дѣло въ пользу Корвелло [5]). Поручался выводъ шляхетства и ревизору въ присутствіи мѣстнаго уряда. Такъ, ревизору Яну Стецковичу, бывшему на ревизіи Марковскаго двора, было поручено въ присутствіи марковскаго державцы провѣрить права на шляхетство нѣсколькихъ бояръ Ошменскаго хоружства [6]). Возможно было доказывать шляхетство и въ присутствіи одного ревизора. Ревизору дворовъ Троцкаго повѣта пану Станиславу Райскому пришлось провѣрять шляхетство жены войта Радуньскаго, владѣвшаго по женѣ шля-

---

[1]) К. З., XXXVII, л. 267—268.
[2]) К. З., XXXIX, л. 182.
[3]) К. З., XXXVII, л. 214.
[4]) К. З., XXXVII, л. 371.
[5]) К. З., XXXVII, л. 426.
[6]) К. З., XXXIX, л. 606.

хетской землей [1]). Ревизорамъ Адаму Пильховскому и Себестіану Дыбовскому пришлось выводить шляхетство бояръ Городенскихъ: Гаврилы, Степана, Матвѣя и Нестора Глѣбовичей, не представившихъ въ свое время „жадныхъ“ листовъ на свои земли и не вчинившихъ „выводу на шляхество“, а потому записанныхъ на тяглую службу наравнѣ съ другими господарскими подданными [2]). Конечно, выводъ о шляхетствѣ, произведенный по порученію господаря, имѣлъ тогда только силу, когда онъ скрѣплялся подписью монарха.

Иногда выводъ шляхетства поручался какому-нибудь видному должностному лицу, но послѣднее, занятое господарской службой, не могло выполнить возложеннаго на него порученія. Въ такомъ случаѣ, такое лицо, не отказываясь отъ порученія, отъ своего имени поручало другимъ лицамъ произвести выводъ шляхетства. Когда Виленскому канцлеру пану Миколаю Радивиллу было поручено произвести выводъ шляхетства Слонимскихъ бояръ Ходоровичей, онъ не могъ лично выполнить господарское повелѣніе, такъ какъ былъ назначенъ наивысшимъ гетманомъ и находился при войскѣ. Съ своей стороны онъ возложилъ исполненіе господарскаго порученія на хоружаго дворнаго пана Григорія Рагозу, хоружаго Новгородскаго пана Ивана Харитоновича и хоружаго Берестейскаго пана Кирдея Кричевскаго, передъ которыми бояре слонимскіе должны были доказывать свое шляхетство [3]). Наконецъ, выводъ шляхетства возлагался сплошь и рядомъ на мѣстнаго старосту державцу. огда Кейшишскіе бояре Балтромеевичи подняли дѣло о своемъ шляхетствѣ, то ейшишскому державцѣ пану Григорію Воловичу было поручено„ абы онъ певную и достаточную ведомость рземъши, з обу сторонъ выслуховши намъ господару—ознаймилъ“ [4]).

Когда приходилось истцамъ доказывать свое шляхетство, то челобитчики пользовались для этого разными способами доказательства, далеко выходившими, какъ за предѣлы устава 1522 года, такъ и статута 1529 года. Одни изъ челобитчиковъ пользовались указаніями статута и для доказательства чистоты своей крови пользовались услугами и показаніями родственниковъ. Бояринъ Иванъ Болобка—представилъ двухъ братьевъ рожоныхъ, а третьяго братанича, доказывавшихъ, что „они шляхетскаго роду, подляшскаго повѣту—Мельницкаго“ [5]). При выводѣ шляхетства слоним-

[1]) К. З., XLI, л. 23.
[2]) К. З., XLI, л. 250.
[3]) К. З., XLIX, л. 39.
[4]) К. З., L., л. 47.
[5]) К. З., XXXVII, л. 267—268.

скими боярами Лени Ивановичемъ, Марко Климовичемъ, Василіемъ и Петромъ Ходоровичемъ стороны представили въ качествѣ свидѣтелей мѣстныхъ бояръ-шляхту-Миколая Станикевича Проствиловича и Богуша Мискевича Проствиловича. Они показали, что „предкове ихъ Проствили,—а по рожденію братія—народу шляхетскаго". У Проствила было два сына: Станикъ и Миско. У Станика родился сынъ Николай, а у Миска – сынъ Богушъ. Что же касается вышеупомянутыхъ бояръ-истцовъ, то свидѣтели показали ихъ потомками родного брата Проствилла Паца. Съ своей стороны, и бояринъ Войтеровичъ Квинта далъ показаніе „ижъ тые бояре— отцу его—Войтеху Квинта сути кревная братія и одного съ ними гербу, и якъ ихъ зозналъ, тогды посполъ зъ ними службу земскую служивали". Для подкрѣпленія ихъ показаній комиссары обратились къ слонимскому хоружому пану Михаилу Соколовскому. Послѣдній также показалъ „ижъ тые бояре як за предковъ его хоружихъ слонимскихъ, такъ и за хоружество его поспол з иншими бояре повету слонимскаго шляхтою службу земскую служивали" [1]). Другіе челобитчики ссылались на письменные документы выданные, предками Сигизмунда-Августа. Такъ поступили бояре слонимскіе Марко Дорофеевичъ и Тимофей Нестеровичи, представившіе въ доказательство, что они бояре шляхта „листъ дяди нашего короля его милости Александра, „иж в. к. Витовтъ не велѣлъ имъ служить никакой службы" [2]). Такъ же поступили и бояре Лепунскіе Стась и Мартинъ Озахаревичи, „выложившіе" передъ господаремъ листъ короля его милости Жигимонта [3]).

Бояре слонимскіе, не желавшіе стать путными людьми, доказывали, по словамъ господарскаго листа, это листами „дяди нашого Александра и отъца нашого Жигмонта", согласно которымъ они освобождались отъ тяглой службы и прочихъ повинностей, соединенныхъ съ послѣдней [4]).

Третьи изъ челобитчиковъ выводили свое шляхетство, приводя въ качествѣ свидѣтелей околичную шляхту. Когда боярамъ Городенскаго повѣта Гавріилу, Степану, Матвѣю и Нестору Глѣбовичамъ пришлось доказывать свое шляхетство, такъ какъ господарскіе ревизоры, секретарь плебанъ городенскій кн. Адамъ Пильховскій и Себастіанъ Дыбовскій „для того иж листовъ жадныхъ на тые кгрунты за чимъ бы ихъ держали они не показали и ни котораго выводу подле обычаю право на шляхетство не вчинили,

[1]) К. З., XLIX, л. 39.
[2]) К. З., XXXVII, л. 352.
[3]) К. З., XXXVII, л. 376.
[4]) К. З., XXXVII, л. 371.

и съ тое причины на службе тяглой постановены", то теперь они представили свои документы и сослались на добрыхъ шляхтичей „суседей", дѣйствительно показавшихъ, „что они з отъцовъ и дѣдовъ и съ предковъ своихъ шляхтичи и службу военную восполокъ з иными бояри нашими шляхтичами служили" [1]). Иногда челобитчики недовольствовались ссылкой на околичную шляхту и опрашивали еще тамошнихъ подданныхъ. Бояре ошменскаго хоружства Якубъ и Павелъ Юревичи выводили свое шляхетство и ставили передъ судьей „певныхъ особъ бояръ шляхту хоружества ошменскаго и кревскаго". Они „поведили и сознали, иж тые бояре Павелъ и Якубъ Юревичи есть братья их бояре шляхта, и якъ запамятуютъ еще деда их Якуба Товтъка и отъца ихъ Юря тогды съ того именья отчизного... сполна съ ними службу земскую, яко иншая шляхта служивали". Затѣмъ „подданные наши, яко слуги путные, такъ и люди волостные двора марковскаго также сознавали, ижъ яко оный дедъ Якубъ Товтъко, а Юри отецъ, такъ же и Павелъ и Якубъ помененные с тое отчизны своея жадныхъ службъ не служивали и повинностей не полнивали, кромъ службы земъское военное сполна з боярами шляхтою хоругви Ошъменское" [2]). Кромѣ того, для доказательства шляхетства, прибѣгали къ справкамъ по реестровымъ войсковымъ спискамъ, хранившимся у скарбнаго писаря. Когда земяне Браславскіе Виленскаго повѣта Довборовичи „з братіей своей", доказывали свое шляхетство, что они „дей с продъковъ своихъ здавна есть шляхъта", то господарь, вынося окончательную резолюцію, не довольствовался показаніями „светъковъ шляхты", зъотца и матки менуючи ихъ кревною братею", а навелъ справки „в рейстрахъ скарбныхъ попису войскаго за гетъманства пана виленьскаго пана Юръя Радивилла, который попись [3]) былъ в року тридцать четвертомъ", дѣйствительно ли они „службу военную посполъ з бояры шляхтой служивали" [4]). Наконецъ, справлялись также у мѣстнаго хоружаго. Панъ воевода Троцкій, разбирая дѣло о выводѣ шляхетства слонимскими боярами Гаврилы Пацевича съ братьей его, долженъ былъ спросить мѣстнаго хоружаго, какъ разъ бывшаго на мѣстѣ разбора дѣла „дѣйствительно ли они бояре-шляхта и службу земскую носили" [5]).

Обыкновенно шляхетство того или другого боярина заподо-

---

[1]) К. З., XLI, л. 250.

[2]) К. З., XXXIX, л. 606.

[3]) Какое значеніе имѣли эти реестровые войсковые списки—вопросъ достаточно разъясненъ въ трудѣ М. К. Любавскаго. (Лит.-р. сеймъ стр. 443).

[4]) К. З., XLIV, л. 13.

[5]) К. З., XXXVII, л. 371.

зривалось въ моментъ производства волочнаго измѣренія или во время послѣдующихъ ревизій. Но на практикѣ были вполнѣ возможны и другіе моменты, когда шляхетство ставилось подъ подозрѣніе. Въ такомъ случаѣ, инициатива возбужденія вопроса о дѣйствительности шляхетства исходила отъ мѣстнаго старосты и державцы. Староста браславскій панъ Юрій Юрьевичъ Остикъ сталъ „приворачивать у службу тяглую або путную“ браславскихъ земянъ виленскаго повѣта—Довборовичей и, считая ихъ тяглыми людьми, сталъ звать ихъ къ себѣ на судъ безъ „всякихъ позвовъ“ вопреки требованію статутоваго права. Поступокъ старосты, конечно, удивилъ земянъ. Бывшіе раньше мѣрчіе и ревизоры признавали ихъ шляхтой и дали имъ отмѣну за ихъ земли. Бывшая въ его рукахъ „певная“ вѣдомость опредѣленно говорила объ ихъ шляхетствѣ. Понятно, что они, считая себя правыми, подняли дѣло „о выводѣ своего шляхетства“ [1]).

Не всегда бояре, добивавшіеся признанія своего шляхетства, выигрывали дѣло; такъ слонимскіе бояре Марко Дорофеевичъ и Тимофей Нестеровичъ не были признаны шляхтой, но въ то же время ихъ освободили отъ тяглой службы.

Мѣстный державца получилъ отъ господаря распоряженіе „не примучать ихъ и братью ихъ ку службѣ тяглой“, но „осадить ихъ и братью ихъ на плате яко путныхъ людей, заховываючи въ томъ водлугъ устава волочное и водле росказанію нашему“ [2]).

И ейшишскіе бояре, считавшіе себя шляхтичами, не могли его доказать передъ бискупомъ-Валеріаномъ, „Выводъ“ показалъ, что они не имѣютъ никакихъ правъ на шляхетство. Поэтому земли ихъ подлежатъ измѣренію на волоки [3]). Такая же участь постигла и другую часть ейшишскихъ бояръ послѣ офиціальнаго разслѣдованія спорнаго вопроса объ ихъ шляхетствѣ.

Когда господарскимъ рѣшеніемъ шляхетство признавалось за просителемъ или просителями, то челобитчики немедленно возстанавливались въ своихъ правахъ: признавалось шляхетство и возвращалась земля. Когда кгероинкскій бояринъ Гришка Комоевичъ доказалъ свое шляхетство, то онъ немедленно былъ освобожденъ отъ платежа чинша съ волокъ, на которыхъ онъ сидѣлъ, а мѣстному старостѣ было послано предписаніе, чтобы онъ „съ тыхъ волокъ примушати его не велѣлъ и въ реестрѣ своемъ за шляхту ту ихъ описалъ, не хай они съ того службу земскую служити“ [4]).

[1]) К. З., XLIV, л. 13.
[2]) К. З., XXXVII, л. 352.
[3]) К. З., XXXVII, л. 202.
[4]) К. З., XXXVII, л. 386.

Боярин Стоклишскій Миколай Корвелло получилъ обратно свои земли, которыя хотѣли „помѣрить у волоки“, лишь только наведенныя господаремъ справки у скарбнаго писаря дѣйствительно подтвердили правильность всѣхъ его доказательствъ [1]). Когда Гаврило Пацевичъ и „иншіе“ слонимскіе бояре доказали свое шляхетство, то имъ были возвращены ихъ земли въ размѣрѣ 42 в. „нехай они тую землю держатъ и вживаютъ и намъ ку службе военной служатъ“ [2]). Получили удовлетвореніе и лепунскіе бояре. Ревизору Станиславу Райскому было послано приказаніе не брать ихъ земли подъ волоки [3]). Бояре слонимскіе Ходоровичи были немедленно „з ласки господарской“, возстановлены въ своихъ шляхетскихъ правахъ, какъ только обнаружилась ихъ правота [4]).

Когда бояре хоружства ошменскаго—Павелъ и Якубъ Юревичи доказали свое шляхетство, они немедленно „были приворочены подъ судъ вольность и право шляхетское“ [5]). Когда правительство окончательно составляло свое рѣшеніе, то о состоявшемся постановленіи немедленно доводилось до свѣдѣнія мѣстной администраціи или ревизора. Первые должны были быть освѣдомленными для того, чтобы не позволили себѣ никакихъ безтактныхъ дѣйствій по отношенію къ лицамъ, возстановленнымъ въ своихъ правахъ. Вторые—должны были произвести соотвѣтствующія измѣненія въ своихъ реестрахъ въ зависимости отъ господарскаго листа. Это было необходимо, разъ прецедентъ установилъ, что справка съ „реестрами“ имѣетъ рѣшающее значеніе для вынесенія окончательнаго рѣшенія. Когда браславскіе земяне выиграли свое дѣло и вывели передъ господаремъ свое шляхетство, то староста Браславскій получилъ предписаніе „абы есте тыхъ Довбровичовъ черезъ то у службу тяглую не приворочали и безъ позвовъ у права передъ собою отказывати имъ не казали и зыменей ихъ не рушали, и пущъ ихъ властныхъ угорскихъ которыхъ они до сего часу были въ деръжаніи не отънимали и бортей тамъ уживати и дерево брати имъ не забороняли и грабежовъ имъ делать не велели, и никотораго вътисненія и трудности надъ право шляхетское имъ не чинили, але во всемъ ся не хай они справуютъ и службу земскую военъную служатъ потому, яко и иные бояре шляхта тамошняя браславская“ [6]).

---

[1]) К. З., XXXVII, л. 426.
[2]) К. З., XXXVII, л. 433.
[3]) К. З., XXXVII, л. 376.
[4]) К. З., XLIX, л. 39.
[5]) К. З., XXXIX, л. 606.
[6]) К. З., XLIV, л. 13.

V. Производство отмѣны.

Уставъ о волокахъ, опредѣляя довольно детально обязанности господарскихъ агентовъ, производившихъ волочное измѣреніе, требовалъ присоединенія къ господарскимъ дворамъ и замкамъ шляхетскихъ земель только лишь въ крайнихъ случаяхъ, когда округленіе господарскихъ имѣній, поравненіе „кгрунтовъ“, могло быть выполнено только при условіи отписки на господаря шляхетскихъ и боярскихъ имѣній, въ такихъ случаяхъ, гдѣ по выраженію уставы о волокахъ, „безъ земянскихъ кгрунтовъ не выпростуються“ [1]). Только въ послѣднемъ случаѣ необходимо было, измѣривъ на волоки земли частныхъ владѣльцевъ, присоединить ихъ къ господарскимъ землямъ. Конечно, при этомъ уставъ требовалъ соблюденія ряда условій, которыя гарантировали бы возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ землевладѣльцами отъ аграрныхъ мѣропріятій литовско - русскаго правительства. Согласно волочному уставу, землевладѣльцы, у которыхъ отобрали на господаря земли, получаютъ отмѣну. Послѣдняя должна быть совершенно равноцѣнной въ сравненіи съ отобранной землей, „ровной и слушной“ [2]): „якимъ кгрунтомъ возьмутъ, такимъ и также много отдати“ [3].) Въ интересахъ землевладѣльцевъ предположенная отмѣна должна только даваться тамъ, „гдѣ бы земянамъ споручъ ихъ имѣніямъ“ [4]), чтобы хозяйственная мѣна угодьями не наносила бы убытка собственникамъ.

На практикѣ, конечно, не всегда было возможно дать отмѣну совершенно равноцѣннымъ грунтомъ. Уставъ о волокахъ предусматриваетъ такія случайныя невозможности и, чтобы не были нарушены права и не задѣты интересы землевладѣльцевъ, уставъ о волокахъ требуетъ, чтобы должностныя лица въ послѣднемъ случаѣ отдавали бы въ видѣ отмѣны такое количество земли, которое бы въ общей сложности равнялось цѣнности отобраннаго участка. Конечно, полученіе участка земли, одинаковаго по цѣнности, но не по качеству, съ отобраннымъ на господаря, не было полнымъ возмѣщеніемъ убытковъ, полученныхъ при этомъ землевладѣльцами. Уставъ не учитывалъ ни того, что на новыхъ участкахъ приходилось все устраивать по другому, ни того, что хорошая земля никогда не сравняется съ плохой, хотя бы полученной и въ боль-

---

[1]) А. З. Р., т. III. № 19 стр. 83.
[2]) К. З., XXXVIII, л. 399.
[3]) А. З. Р. т. III. № 19 стр. 83.
[4]) Ibid.

шомъ размѣрѣ. Слѣдовательно, землевладѣльцы отъ „поравненія господарскихъ кгрунтовъ“ терпѣли убытки, о возмѣщеніи которыхъ уставъ о волокахъ и не думаетъ.

Раздѣляя по качеству почвы земли на три разряда, „предній, средній и подлый“, уставъ о волокахъ опредѣляетъ количественое отношеніе между ними [1]). Впрочемъ, дѣленіе земель по достоинству на три разряда не совсѣмъ точно. Въ памятникахъ встрѣчается и иная терминологія, и нѣсколько болѣе дробный качественный анализъ почвы. Писцовая книга Пинскаго староства знаетъ еще терминъ „посредственнаго“ кгрунта [2]). Въ писцовой книгѣ Кобринской экономіи терминологія довольно подробна. Здѣсь земли дѣлятся на среднія, подлыя, преподлыя, подлыя для низкости, никчемныя надеръ подлыя, песковатыя, болотистыя, багнистыя. [3]). Въ описаніи Берестейскаго староства встрѣчаются термины для опредѣленія качества почвы: добрый, средній, подлый, подлый на полъ съ преподлымъ, преподлый и наддеръ подлый [4]). Въ общемъ, терминологію уставы приходится признать нѣсколько краткой и слишкомъ теоретической. Дѣйствительность основательно разбила эти теоретическія предположенія.

Для того, чтобы установить извѣстную градацію между волоками разными по качеству почвы, уставъ о волокахъ требуетъ, чтобы „за волоку кгрунту преднего среднимъ кгрунтомъ полторы волоки дати, а за волоку среднего подлымъ двѣ дати, какъ ся то учинитъ, за волоку кгрунту преднего дати подлаго кгрунту три волоки“ [5]).

Отношеніе между волоками на Подляшьи было нѣсколько иное: здѣсь за одинъ моргъ передней земли давалось четыре подлыхъ морга, а за моргъ подлаго грунта два преподлыхъ или четыре лѣсныхъ и болотныхъ т. е. за моргъ преподлый два морга лѣсныхъ [6]).

Уставъ о волокахъ предусматриваетъ возможный вполнѣ случай, когда въ силу мѣстныхъ условій приходится давать „отмѣну“ подлымъ, песковатымъ, болотливымъ кгрунтомъ, когда приходится отступить отъ пропорціональнаго отношенія волокъ одного качества къ волокамъ другого качества. Прекрасно понимая полную невозможность какихъ-либо апріорныхъ теоретическихъ вычисленій, опредѣленіе размѣровъ наддатковъ уставъ всецѣло возлагаетъ „на

---

[1]) Ibid.
[2]) П. К. П. ст. II, стр. 567 и passim.
[3]) П. К. Кобр. экон. passim.
[4]) Д. А. М. Ю., т. I, стр. 205—448—passim.
[5]) А. З. Р., т. III, стр. 83.
[6]) К. З., L., л. 222.

пильное уваженіе уряду нашого и ревизора имѣрниковъ", лишь бы только господарю и тому, у кого берутъ, „шкода не была" [1]). По той же причинѣ, чтобы не было никакихъ злоупотребленій съ надѣленіемъ отмѣны, новый хозяйственный наказъ требовалъ, чтобы отмѣна не давалась ни въ коемъ случаѣ безъ мѣстнаго „уряда". Конечно, такое требованіе вполнѣ раціонально. Оно исключало въ большей степени возможность злоупотребленій со стороны господарскихъ агентовъ. Мѣстный урядъ такимъ образомъ является и блюстителемъ интересовъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и представителемъ государственныхъ интересовъ. Съ своей стороны, землевладѣльцы высылали своихъ приказчиковъ для защиты своихъ интересовъ при производствѣ отмѣны [2]). На самомъ дѣлѣ отмѣна давалась и другими пріемами, не предусмотрѣнными уставомъ. Такое отклоненіе пришлось сдѣлать подъ вліяніемъ разнаго рода практическихъ соображеній.

Такъ надѣленіе отмѣной уже послѣ поданнаго челобитья возлагается на мѣстнаго державцу. Когда просьба господарскаго маршалка Сопѣги о дарованіи отмѣны была удовлетворена, то державцѣ каменецкому пану Мартину Туру было поручено выѣхать и, осмотрѣвъ земли маршалка, дать ему соотвѣтствующую отмѣну [3]). Тѣ же обязанности въ Жмудскомъ староствѣ возлагались на мѣстныхъ тивуновъ. У земянина Щепана Тарновскаго былъ взятъ и привернень къ господарскому двору волкиницкому его дворецъ „з будованіемъ и со всими кгрунтами". Земли его были своевременно вымѣрены, а отмѣна не была дана. Земяниномъ было подано соотвѣтствующее челобитіе объ отмѣнѣ. Послѣднее было удовлетворено, и тогда Сигизмундъ II „писати велелъ до тивуна жмоитское волости Деръвянское, „абы онъ зъехавши вымѣрилъ 26 волокъ з людьми на нихъ оселыми и оть иншихъ кгрунтовъ ограничивши ему в моц и в держаніе подалъ" [4]). Въ той же Жмуди отмѣна обыкновенно давалась самимъ старостой, если правительственный агентъ уѣхалъ и не далъ землевладѣльцамъ соотвѣтствующей отмѣны. Иногда провинціальная администрація производила отмѣну на основаніи указаній, полученныхъ отъ центральнаго правительства. Такъ старостѣ Жмудскому пану Яну Яронимовичу Ходкевичу было поручено дать новую отмѣну земянину Щепану Тарновскому, такъ какъ земли, данныя послѣднему раньше въ видѣ отмѣны,

---

[1]) А. З. Р. III, стр. 83.
[2]) Писц. Кн. Грод. Стар. II стр. 506.
[3]) К. З., XXXVII, л. 39, 123.
[4]) К. З., XLI, л. 277.

оказались необходимыми для потребностей господарскаго хозяйства[1]). Случалось въ экстренныхъ случаяхъ высылать для производства отмѣны спеціальныхъ комиссаровъ. По просьбѣ Берестейскаго земянина пана Александра Кущи, у котораго не мало „земель его властныхъ и сеножатей“ было отобрано подъ господарскія волоки, а, между тѣмъ отмѣна не была дана, Сигизмундъ-Августъ „для успокоенія розни между подданными нашими и на отмену тыхъ помененыхъ кгрунтовъ въ помеpу волочную ку селамъ нашимъ забраннымъ“ рѣшилъ выслать особыхъ для этого комиссаровъ въ лицѣ старосты Берестейскаго и Кобринскаго пана Остафія Воловича, скарбнаго писаря пана Яронима Квелецкаго и каноника Виленскаго плебана князя Суходольскаго [2]). И въ отвѣтъ на челобитье Жмудскаго подкоморія пана Миколая Станкевича объ отмѣнѣ, по распоряженію Сигизмунда II, „абы онъ на властности своей не шкодовалъ“ были также высланы комиссары: чашникъ панъ Мартинъ Пекетвичъ и подкоморій Ковенскій панъ Войтехъ Девялтовскій [3]). Иногда вмѣсто посылки спеціальныхъ комиссаровъ отводъ отмѣны возлагался на мѣстнаго старосту-державцу совмѣстно съ новымъ ревизоромъ, посланнымъ для постановленія „платовъ и пожитковъ“. Такъ, при производствѣ аграрной реформы въ мстиборовскомъ старостве дворяниномъ паномъ Павломъ Котовичемъ не была дана соотвѣтствующая отмѣна земянину Ѳедору Степановичу Ремизовскому, владѣніе котораго находилось около господарскаго Зельвенскаго двора. Земянинъ обратился съ соотвѣтствующимъ челобитьемъ, и тогда производство отмѣны было возложено на старосту мстиборовскаго пана Григорія Воловича и дворянина Андрея Илькговскаго, посланнаго „для постановленія платовъ“ [4]) въ вышеназванномъ дворѣ. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно по жалобѣ потерпѣвшаго производилось повѣрочное измѣреніе отобранной земли, и только тогда давалась отмѣна. Точно такъ же, когда тивунъ ойракгольскій панъ Миколай Станкевичъ Белевичъ пожаловался на неполученіе отмѣны за земли, отобранныя „къ кгрунтамъ волостей ойракгольской и россейниской“, то Сигизмундъ II поручилъ дать необходимую отмѣну державцѣ россейнискому пану Матеѣ Петкевичу и подкоморію виленскому пану ревизору Войтеху Девялтовскому [5]).

Но высылка спеціальныхъ комиссаровъ для производства от-

---

[1]) К. З., XLI, л. 356; XLVII л. 268.
[2]) К. З., LXXVII, л. 18.
[3]) К. З., L., л. 242.
[4]) К. З., XLVIII, л. 90.
[5]) К. З. XLVIII, л. 229.

мѣны являлась безусловно обязательной, если лицу, производившему „поравненіе кгрунтовъ“ приходилось „припускать“ къ господарскимъ дворамъ собственныя земли. Такъ подкоморій Ковенскій, ревизоръ дворовъ завилейскихъ панъ Войтехъ Девялтовскій по словамъ господаря „будучи ревизоромъ и становечи померу волочную у волости двора нашего Росейнскаго не мало земель своихъ у волоки наши занялъ, также некоторымъ бояромъ у отмене земли свои подавалъ и не могучи самъ себе отмены вчинити“, обратился съ просьбой къ великому князю, „абыхмо кого тамъ выславши и кгрунты его поморговати казавши отмѣну ему дати“. По приказанію Сигизмунда II для производства отмѣны выѣхалъ жмудскій тивунъ панъ Янъ Градовскій [1]).

Частновладѣльческія земли отбирались на господаря и послѣ производства волочнаго измѣренія. Сигизмундъ Августъ очень зорко слѣдилъ за улучшеніемъ господарскаго хозяйства и очень заботился объ увеличеніи доходовъ съ господарскихъ доменовъ. Поэтому, господари неоднократно и послѣ волочнаго измѣренія отдавали распоряженіе „привернути“ села, „до двора потребныя“, конечно, съ порученіемъ дать отмѣну, если таковая слѣдовала по закону. Такіе хозяйственные эксперименты продѣлывалъ не только Сигизмундъ-Августъ, иниціаторъ аграрной реформы, но также и его преемники. Такъ, Стефанъ Баторій при производствѣ ревизіи счелъ цѣлесообразнымъ отобрать имѣніе, находившееся въ пользованіи пана Ивана Ольшевскаго и лежавшее въ городенскомъ повѣтѣ, и приписать его къ господарскому городенскому двору. Ольшевскій же получилъ въ старостве слонимскомъ соотвѣтствующую отмѣну, которую долженъ былъ отвести самъ слонимскій староста [2]).

Помимо этого, въ практикѣ хозяйственной дѣятельности литовско-русскаго правительства нерѣдко случалось, что уже данная отмѣна вдругъ неожиданно оказывалась нужной для господарскаго двора. Правительство и въ этомъ случаѣ не церемонилось. Данная отмѣна просто-на-просто отбиралась, и вмѣсто нея отводилась новая отмѣна, конечно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ правительство находило для себя наиболѣе удобнымъ и подходящимъ. Признавая, что такого рода хозяйственные эксперименты могутъ подорвать экономическое благосостояніе землевладѣльца, литовско-русское правительство считало цѣлесообразнымъ дать въ такомъ случаѣ нѣкоторое „нагороженіе“, чтобы большимъ количествомъ волокъ воз-

[1]) К. З., L. л. 244 и XLVIII, л. 293.
[2]) К. З., LXXIII, л. 64.

мѣстить „шкоды немалые“, полученныя землевладѣльцемъ [1]). Такого рода отобранія „отмѣнъ“ и приписка новыхъ земель къ господарскимъ дворамъ становились систематическими при ревизіи господарскихъ дворовъ и замковъ. Наказъ, составленный для ревизоровъ, требовалъ, чтобы послѣдніе, ревизуя господарское хозяйство, собирали необходимыя свѣдѣнія „о кгрунтехъ всякихъ зъ данинъ его королевское милости зъ одменъ ревизорскихъ и комиссарскихъ розданныхъ“. Если при этомъ они замѣтили бы какой-нибудь вредъ для интересовъ господарскаго хозяйства, то обо всемъ этомъ надо было написать въ реестръ, чтобы впослѣдствіи исправить ошибки первоначальнаго измѣренія на волоки [2]). Точно такъ же ревизоры совмѣстно съ державцами должны были произвести разграниченіе и шляхетскихъ земель, если послѣднія оказались бы „межи кгрунты королевской милости“ [3]). Такого рода мѣропріятія для „поравненія кгрунтовъ“, конечно, только усиливали недовольство землевладѣльцевъ, такъ какъ они не могли быть увѣрены въ томъ, что больше, послѣ реформы, не будетъ уже никакихъ добавочныхъ измѣреній. Господарская отмѣна давалась только въ томъ случаѣ, если права землевладѣльца на землю были совершенно безспорны. Если право владѣнія было спорнымъ, если у землевладѣльца не оказывалось никакихъ документовъ на право владѣнія, или на право владѣнія землей предъявляли притязанія и другія лица, то, конечно, отмѣна не давалась. Земянинъ Иванъ Русановичъ Пинскій владѣлъ подъ городомъ Пинскомъ землей. Мѣщане пинскіе доказывали принадлежность этой земли городу, у котораго она была „закуплена“. Поэтому Русановичъ не получилъ отмѣны [4]).

На землю при селѣ Кошевичахъ, собственникомъ которой считался Яковъ Грициновичъ, заявили притязаніе крестьяне села Полтароновичъ, доказывавшіе, что Грициновичъ расчистилъ ихъ собственныя дубравы [5]). Поэтому отмѣна Якову Грициновичу не была дана. Для полученія отмѣны было совершенно безразлично, кто владѣлъ шляхетскою землей. Во владѣніи ею могъ оказаться и не шляхтичъ, пріобрѣвшій шляхетскую властность или куплею, или черезъ наслѣдство, или владѣвшій ею благодаря браку со шляхтянкой. Если въ такомъ случаѣ право владѣнія не вызывало никакихъ сомнѣній, то ревизоры должны были убѣдиться въ томъ, что такая земля „встародавна шляхетскій кгрунтъ, а не

[1]) К. З., XLI, л. 356.
[2]) К. З., LII, л. 91.
[3]) Ibid.
[4]) П. К., II. ст. II, стр. 577.
[5]) Ib., стр. 579. См. ib. 581, 585, 589, 593, 597.

тяглый есть и не въ нашихъ слугъ путныхъ, альбо людей волостныхъ былъ купленъ". Самый же способъ доказательства, считать тотъ или другой грунтъ шляхетскимъ, производился посредствомъ опроса тяглаго населенія и околичныхъ бояръ. Ихъ показанія имѣли рѣшающее значеніе. Когда войту въ мѣстѣ Радуньскомъ Матысю Жидовичу, женатому на шляхтянкѣ, которая владѣла землей, полученной ею отъ ея матери, приходилось давать отмѣну, то ревизоръ опросилъ господарскихъ подданныхъ и бояръ-шляхту „по близу тыя земель мешкающихъ". Ихъ показанія рѣшили дѣло въ пользу войта, которому и была дана отмѣна „слушными и ровными землями" [1]).

Не давалась отмѣна и въ томъ случаѣ, если челобитчикъ, просившій господаря объ отмѣнѣ, не доставилъ опредѣленныхъ доказательствъ своего шляхетскаго происхожденія. Если же шляхетство какого-нибудь челобитчика доказывалось, то отмѣна давалась немедленно. Когда слонимскіе бояре доказали свое шляхетское происхожденіе, имъ были возвращены отобранныя у нихъ волоки [2]). Бояринъ Троцкаго повѣта василишской волости Зенико Греникович заявилъ велико-княжескому правительству, „что дворянинъ Павелъ Котовичъ, помераючи земли подданныхъ въ волости василишской, именьице его подъ рѣкою Невышею и дворецъ подъ рѣкою Жемятишой на волоки помѣрилъ и подданнымъ роздалъ". Между тѣмъ его предки со временъ Витовта, владѣли землею и отправляли военную службу. Сигизмундъ потребовалъ вывода шляхетства, послѣ чего земли будутъ ему возвращены, если выяснилось бы, что „безъ тыхъ земель его волоки наши выполнити могли", но если обнаружилось бы, что „безъ тыхъ земель волоки наши выполнитися не могли", то ему слѣдуетъ дать отмѣну „ровную и слушную", и притомъ немедленно „проволоки не чинячи" [3]). Благодаря же сложности вывода шляхетства, нѣкоторые изъ истцовъ получили отмѣну уже только при преемникахъ Сигизмунда II. Такъ отчичи группы земянъ „Жомоитское земли", у которыхъ ихъ властныя земли были забраны подъ волоки еще дворяниномъ Станиславомъ Райскимъ, однако, не давшимъ имъ отмѣны и вмѣсто отмѣны заставившимъ ихъ платить чиншъ, а часть же земель раздавшимъ подданнымъ, по бѣдности не могли своевременно сдѣлать необходимый выводъ шляхетства, „поневолѣ дей-тамъ на земляхъ своихъ платили чиншъ постановленный". Только при Стефанѣ Баторіи имъ удалось добиться по-

[1]) К. З., XLI, л. 23.
[2]) К. З., XXXVIII, л. 371.
[3]) К. З., XXXVII. л. 214.

сылки комиссіи для вывода ихъ шляхетства, которая признала ихъ шляхтичами. Стефанъ Баторій распорядился дать имъ отмѣну [1]).

Нѣсколько въ иномъ положеніи находились лица, владѣвшія землей „до воли и ласки господарской". Такого рода пожалованіе могло быть отобрано въ любой моментъ, и лицо, у котораго его отбирали, было лишено возможности выразить свой протестъ и недовольство. Поэтому при производствѣ аграрной реформы, земли, данныя „до воли и ласки господарской", приписывались въ случаѣ необходимости къ господарскимъ землямъ, и прежній держатель не могъ имѣть никакихъ претензій по отношенію къ господарю. Ему оставалось или примириться съ этимъ или просить господаря о новомъ пожалованіи „до воли и ласки господарской". Такъ земянинъ кремянецкій Василій Ивановичъ „за земли, взятыя на господаря" получаетъ въ державѣ кремянецкой три волоки земли „до воли и ласки господарской" [2]).

Назначенная ревизорами въ присутствіи уряда отмѣна или отведенная другими должностными лицами имѣла принудительный характеръ. Отъ нея нельзя было отказаться, даже если бы она совершенно не соотвѣтствовала хозяйственнымъ интересамъ землевладѣльца. Можно было только обратиться съ челобитіями къ великому князю и просить о добавочной или новой отмѣнѣ. Если землевладѣлецъ, вслѣдствіе ли упорства или по какимъ-либо другимъ личнымъ или хозяйственнымъ интересамъ, отказывался принять назначенную отмѣну, то, независимо отъ этого, она считалась отведенной, а потому записывалась въ реестровыя книги, и съ этого момента, правительство считало что такой землевладѣлецъ своевременно и правильно получилъ отмѣну [3]). Послѣ этого мѣстному уряду оставалось только напоминать, чтобы землевладѣлецъ взялъ ту отмѣну, которая ему отведена. Если же шляхтичъ, не воспользовавшись своимъ правомъ обжалованія, будетъ „портить границы волокъ и вступать въ землю" отобранную и размѣренную на волоки, то на мѣстный урядъ возлагается обязанность „моцно боронити" эти земли и, предъявивъ ему обвиненіе въ „кгвалтѣ", судомъ доискиваться вознагражденія за понесенные правительствомъ убытки [4]). Впослѣдствіи, подъ нѣкоторымъ вліяніемъ шляхетскихъ просьбъ, правительство отклонилось нѣсколько въ сторону отъ прямого смысла устава и разрѣшило ревизорамъ предварительно показывать землевладѣльцамъ тѣ участки земли, которые были

[1]) К. З., LXXVI, л. 217.
[2]) К. З., XXXVII, л. 217.
[3]) А. З. Р., т. III, № 19, стр. 84.
[4]) Ibid.

предназначены для отмѣны. Такое предварительное ознакомленіе допускало возможность обсужденія и соглашенія и должно было уменьшить всякаго рода споры изъ-за отмѣнъ [1]).

Когда отмѣна была записана въ реестровыя книги, то собственнику выдавался ревизорскій „квитъ", въ которомъ подробно перечислялись тѣ земельныя угодья, которыя передавались ему въ видѣ отмѣны. Если давались населенныя земли, то обыкновенно перечислялись и лица, сидѣвшія на этихъ земельныхъ участкахъ, а иногда перечислялся и тотъ рабочій инвентарь, которымъ располагало населеніе [2]). Въ этомъ случаѣ, для „ровности кгрунтовъ" требовалось не только тождество въ почвенномъ отношеніи отходившихъ къ пану или къ господарю земельныхъ участковъ, но и одинаковое имущественное положеніе того сельскаго населенія, которое сидѣло на земельныхъ участкахъ. Составленный ревизорскій квитъ землевладѣлецъ волей-неволей долженъ былъ взять, такъ какъ, не имѣя его, нельзя было поднимать передъ господаремъ никакого дѣла о дополнительномъ надѣленіи землей, а то и о совсѣмъ новой отмѣнѣ.

Предметомъ отмѣны были населенныя и ненаселенныя земли, пустоши, сѣножати, гаи, озера. Давалась она господарскими землями, на которыхъ сидѣли господарскіе подданные, или которыми владѣли господарскіе бояре [3]). Обыкновенно, населеніе господарскихъ земель съ отмѣной переходило подъ „присудъ и моцъ" частнаго владѣльца, какъ сельское населеніе послѣдняго становилось подъ присудъ господарскихъ урядниковъ. Впрочемъ, случалось иногда, что надѣленіе отмѣной сопровождалось разрѣшеніемъ подданнымъ, какъ наиболѣе заинтересованнымъ элементамъ, рѣшить, остаются ли они на господарской или частновладѣльческой землѣ съ перемѣной своего мѣста жительства или они желаютъ вмѣстѣ съ сохраненіемъ своихъ домовъ перемѣнить господина. Но во всякомъ случаѣ возвращеніе населенія къ старымъ владѣльцамъ было возможно только на основаніи особо выговореннаго условія.

Уставъ о волокахъ, опредѣляя, какъ давать отмѣну, рекомендуетъ давать участки въ видѣ отмѣны тамъ, гдѣ это будетъ наиболѣе выгодно для интересовъ самого землевладѣльца. На самомъ дѣлѣ это требованіе устава не выполнялось. Ревизоры давали участки земли „не споручъ прилеглые" — съ одной стороны, а съ

[1]) Д. А. М. Ю., I, стр. 491.
[2]) К. З., XLVIII, л. 92.
[3]) К. З., XLI, л. 317. П. К. П., ст. II, л. 272.

другой стороны, лежавшіе не въ одномъ мѣстѣ, а разбросанные по разнымъ мѣстамъ. Такое существенное противорѣчіе между теоретическими хозяйственными соображеніями правительства и его практическими мѣропріятіями вполнѣ понятны, разъ господарское правительство въ своихъ хозяйственныхъ экспериментахъ имѣло въ виду исключительно интересы только одного скарба. Защищая односторонніе интересы послѣдняго, правительство не всегда считалось съ интересами землевладѣльца. Вотъ почему, земли давались „не споручъ прилеглые“ и не въ одномъ мѣстѣ. Правда, такого рода хозяйственныя распоряженія являлись нарушеніемъ устава, но на это никто изъ правительственныхъ агентовъ не обращалъ никакого вниманія, такъ какъ это было бы не въ интересахъ господарскаго хозяйства.

Опредѣляя условія надѣленія отмѣной, уставъ о волокахъ проникнутъ безграничной вѣрой по отношенію къ господарскимъ агентамъ. По крайней мѣрѣ, въ великокняжескомъ уставѣ нѣтъ даже намековъ на возможность злоупотребленій со стороны господарскихъ агентовъ. Что такія злоупотребленія были, показателемъ этого могутъ служить не только просьбы шляхты на сеймахъ, къ которымъ Сигизмундъ-Августъ относился въ высшей степени равнодушно, но и тѣ безчисленныя „набѣганія“ къ господарю съ жалобой на господарскихъ агентовъ и просьбами о возстановленіи нарушеннаго права. Правда, уставъ о волокахъ требуетъ присутствія мѣстнаго державцы при надѣленіи отмѣной, но едва ли этотъ контроль со стороны мѣстнаго уряда могъ имѣть какое-либо значеніе и быть защитникомъ шляхетскихъ правъ. Какъ бы то ни было, но будетъ правильнымъ предположеніе, что при осуществленіи литовскимъ правительствомъ своихъ аграрныхъ мѣропріятій, литовско-русскіе землевладѣльцы и великокняжеское правительство находились далеко не въ одинаковыхъ условіяхъ. Невыгодное положеніе шляхты усиливалось еще отъ того, что предписанія правительства, опредѣлявшія, въ какихъ именно случаяхъ было необходимо „припускать“ частновладѣльческія земли къ господарскимъ, отличались довольно большой неопредѣленностью и вмѣстѣ съ тѣмъ растяжимостью. Волочный уставъ только лишь требовалъ, чтобы посланные господаремъ ревизоры и мѣрники имѣли „бачность“ „абы къ прилеглымъ дворомъ и замкомъ села и всякіе кгрунты наши прилучали“, лишь бы только они были „къ двору ближей и споручъ“ [1]). Такъ какъ правительство не имѣло никакихъ земельныхъ описаній и въ точности не знало, сколько земель

[1]) А. З. Р., т. III, № 19, стр. 84.

находится въ его непосредственномъ пользованіи, сколько въ рукахъ свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ, то одновременно съ производствомъ измѣренія на волоки и установленія платовъ и пожитковъ правительственнымъ агентамъ поручалось развѣдывать „отъ войтовъ и отъ лавниковъ и подданныхъ о земляхъ и о всякихъ кгрунтахъ нашихъ затаеныхъ, або отъ кого кольве забранныхъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось довести о полученныхъ результатахъ до свѣдѣнія господаря [1]). Само собой разумѣется, что такія сыскныя обязанности должны были вызвать не мало всякаго рода недоразумѣній со шляхетствомъ, выражавшихся въ приписке ихъ земель къ господарскимъ землямъ и въ неполученіи за это отмѣны. Возможны были, конечно, злоупотребленія со стороны агентовъ въ видѣ ненужныхъ отписокъ земель на господаря. Вообще неопредѣленность инструкціи открывала широкое поле дѣйствій въ смыслѣ нарушенія земельнаго права. Нѣсколько же неопредѣленное требованіе устава, чтобы при опредѣленіи отмѣны „можности и широкости тыхъ врядовъ таковымъ перемѣненьемъ въ подданныхъ и въ кгрунтѣхъ ее замѣшкивало“, слишкомъ опредѣленно выдвигало на первый планъ интересы скарба [2]). Вполнѣ понятно, почему происходило такое множество недоразумѣній съ господарской отмѣной.

Изученіе многочисленныхъ отвѣтовъ господаря на петиціи, подаваемыя господарю, даетъ возможность составить опредѣленное впечатлѣніе, что при осуществленіи аграрной реформы правительство или, вѣрнѣе, его агенты оказались слишкомъ пристрастными исключительно по отношенію къ господарскому хозяйству. Не даромъ господарь въ высшей степени внимательно относился къ докучливымъ и однообразнымъ шляхетскимъ просьбамъ.

Положеніе землевладѣльцевъ дѣйствительно было затруднительнымъ, когда господарскіе агенты оказывались чрезмѣрно ретивыми по отношенію къ господарскимъ имѣніямъ, и тѣмъ самымъ существенно затрагивали ихъ матеріальные интересы. Даже въ томъ случаѣ, если отмѣна была дана при соблюденіи всѣхъ правилъ, предписанныхъ великокняжескимъ уставомъ, сплошь и рядомъ частные землевладѣльцы только проигрывали. Въ самомъ дѣлѣ, если у землевладѣльца отбирали участки земли съ хорошими почвенными условіями, а въ видѣ отмѣны его надѣляли землей „подлого“ качества, хотя бы и въ удвоенномъ количествѣ, то, конечно, хозяйственнымъ интересамъ помѣщика наносился весьма суще-

---

[1]) Ibid.
[2]) Ibid.

ственный ударъ. Вѣдь двойное количество плохой земли только увеличивало расходы по веденію хозяйства и эксплуатаціи полученныхъ участковъ, и притомъ, конечно, послѣдняя не могла дать тѣхъ результатовъ, какіе бы дала эксплуатація земли съ хорошей по качеству почвой. Къ сожалѣнію, современный изслѣдователь аграрной политики при Сигизмундѣ-Августѣ располагаетъ не особенно большимъ количествомъ данныхъ, которыя могли бы широко и полно иллюстрировать односторонность дѣйствій великокняжескихъ ревизоровъ и мѣрчихъ.

Тѣмъ не менѣе такія данныя существуютъ, и ими, конечно, необходимо воспользоваться. Вотъ нѣсколько примѣровъ, могущихъ утомить читателя своимъ поразительнымъ однообразіемъ. У берестейскаго земянина три волоки земли было „припущено“ къ берестейскому замку, за что ему была дана отмѣна въ другомъ мѣстѣ въ размѣрѣ 5 волокъ, которыя оказались „кгрунту велики подлый болотливый и месцъцы никчемной“. Поэтому онъ получилъ еще добавочныхъ 25 морговъ [1]).

При производствѣ волочнаго измѣренія въ Городенскомъ повѣтѣ, дворянину Станиславу Девялтовскому земли были отданы „подлѣйшимъ“ кгрунтомъ, а взяты у него „лепшимъ“ [2]). Конюшему дворному пану Ярошу Корицкому, имѣвшему имѣніе въ Слонимской волости пришлось лишиться 16 волокъ 2 морговъ земли „со всими ихъ землями и деревами бортными“. Въ качествѣ отмѣны онъ получилъ 18 волокъ „кгрунту средняго“ и 2 морга „подлого“, такъ какъ „у пана можнѣйшіе люди и большіе службы лепшого кгрунту взято“ [3]). Это офиціальное откровенное признаніе очень характерно. Къ господарскому двору приписывались не только удобнѣйшія, но и лучшія земли и угодья. Это подтверждается дальнѣйшими наблюденіями. Сохранившаяся писцовая книга Пинскаго староства, составленная въ 1561—1566 году Кобринскимъ и Пинскимъ старостой паномъ Лавриномъ Войномъ, весьма дѣятельнымъ господарскимъ агентомъ, заставляетъ признать вышеприведенныя соображенія совершенно правильными. Вотъ нѣсколько данныхъ писцовой книги по Пинскому старостству: у пинскаго хоружаго Ѳеодора Ѳедюшковича было отобрано „въ разныхъ мѣстцахъ“, кромѣ сѣнокоса 3 в. 18 м. $2^1/_2$ пр., изъ числа конхъ земли посредственнаго качества было 2 в. 29 м. $12^1/_2$ пр. и негодной земли 4 м. 9 пр. Намѣченная ему отмѣна была настолько неудовлетворительна, что собственникъ отказывался ее брать и все свое недовольство выра-

[1]) К. З., XLI, л. 31.
[2]) К. З., XLI, л. 162.
[3]) К. З., XXXVIII, л. 219.

жалъ откровенной бранью землемѣровъ. Предлагаемая отмѣна частью соприкасалась съ землями его крестьянъ, частью только намѣчалась [1]). Говоря о качествѣ отмѣны, отведенной пинской старостинѣ, составитель писцовой книги откровенно говоритъ, что отведенная отмѣна въ общемъ недостаточна, такъ какъ отобранныя земли были лучшаго качества въ сравненіи съ землями, данными въ видѣ отмѣны. Вотъ еще данныя той же книги [2]). У земянина Михаила Борзобогатаго было отобрано на господаря 7 в. 16 м. $2^1/_2$ пр. земли посредственнаго качества и негоднаго 1 в. 9 м. $21^1/_2$ пр., т.-е. всего 8 в. 26 м. 13 пр. Отмѣна равнялась 10 в. 18 м. 24 пр. Впослѣдствіи была дана надбавка въ количествѣ 5 м. $21^1/_2$ пр., такъ какъ земля Борзобогатаго была лучшаго качества, а ему давались въ видѣ отмѣны негодныя земли [3]). Та же судьба постигла и Якова Гриціповича, у котораго отобрали подъ крестьянскія волоки 2 в. 20 м. $12^1/_2$ пр. земли посредственнаго качества и негодной земли 1 в. 10 м. $14^1/_2$ пр. Кромѣ того, въ другомъ селѣ у него было взято 9 волокъ посредственнаго качества. Отмѣну же упомянутый Гриціновичъ получилъ не за всѣ свои земли, а только за отошедшія подъ крестьянскіе волоки. Слѣдовательно, и въ данномъ случаѣ выигрывало только одно правительство [4]). Точно такъ же и Иванъ Курейша отдалъ лучшую землю въ сравненіи съ тѣмъ, какую онъ получилъ въ качествѣ отмѣны, хотя ему и былъ данъ небольшой наддатокъ [5]). По той же причинѣ получилъ надбавку и Иванъ Писаревичъ и владѣлецъ села Захаровичъ, у котораго было взято 4 в. 29 м. $16^1/_2$ пр. земли посредственнаго качества и 5 в. 9 м. 17 пр. негодной земли и вмѣсто всего этого было дано 4 в. посредственной земли, 7 в. 2 м. $2^1/_2$ прута негодной земли, да еще надбавка дубровами и лѣсами въ размѣрѣ 23 м. $1^1/_2$ пр. негодной земли [6]). Въ отмѣну Валента Черіковскаго исключительно вошли лишь земли плохого качества, тогда какъ у него было 7 в. 29 м. 20 пр. посредственной земли и 7 в. 20 м. $8^1/_2$ прутовъ плохой. Онъ же получилъ взамѣнъ 12 в. 24 м. негодной земли [7]). И у земянина Василія Пилецкаго отобранныя земли были значительно лучше полученныхъ въ отмѣну. Та же судьба постигла и Ѳедора Кривецкаго [8]).

[1]) П. К. П. ст., стр. 573.
[2]) Ibid., стр. 579.
[3]) Ibid., стр. 575.
[4]) Ibid., стр. 579.
[5]) Ibid., стр. 581.
[6]) Ibid., стр. 583.
[7]) Ibid., стр. 585.
[8]) Ibid., стр. 587, 589.

Иногда отмѣны давались по размѣрамъ значительно уступавшимъ качеству отобранной земли, и причины такого явленія не всегда объяснимы. Такъ, у земянина Войны Гриціновича отошла подъ крестьянскія волоки 1 в. 22 м. 19½ пр. земли посредственнаго качества, а взамѣнъ ему было дано только 20 м. 10½ пр., впрочемъ, тоже посредственнаго качества [1]). Рогачевская старостина въ отмѣну за отобранную землю въ количествѣ 1 в. 2 м. 27½ прутовъ земли, посредственнаго и негоднаго качества получила только 2 м. 27½ пр. [2]).

Такія же одностороннія дѣйствія и распоряженія правительственныхъ агентовъ можно отмѣтить и при производствѣ аграрной реформы въ Гродненской экономіи. Сохранившаяся писцовая книга, составленіе которой было начато много потрудившимся для реформы дворяниномъ Ст. Девялтовскимъ и окончено ревизоромъ Андреемъ Дыбовскимъ, также прекрасно иллюстрируетъ нѣкоторую односторонность дѣйствій господарскихъ агентовъ. Такъ, у Адама Горинки подъ крестьянскіе волоки было взято 12 м. 2½ пр. земли средняго качества, а въ отмѣну ему было дано 13 м. 10 прутовъ земли частью среднимъ грунтомъ, частью подлымъ. Такая надбавка была дана по извѣстной уже причинѣ: отобранная земля была лучшаго качества въ сравненіи съ полученной въ отмѣну [3]). Точно такъ же и подляшскій воевода, панъ Михаилъ Сапѣга получилъ отмѣну худшими по качеству землями [4]). Иногда же надбавка давалась только потому, что отведенная отмѣна находилась въ весьма далекомъ разстояніи отъ пашни владѣльца [5]). Едва ли, конечно, небольшой наддатокъ могъ вознаградить за убытки, полученные въ этомъ случаѣ землевладѣльцами.

Конечно, встрѣчались на практикѣ и такія отмѣны, которыя по своимъ качествамъ и по размѣрамъ вполнѣ соотвѣтствовали отобранной землѣ, приписанной къ господарскимъ землямъ. Случалось также въ практикѣ аграрной реформы давать отмѣны значительно лучшими по качеству землями или въ большемъ размѣрѣ въ сравненіи съ отобранными на господаря [6]). Но такая щедрость—слишкомъ исключительное явленіе для правительства, производившаго задуманную реформу. Такъ у жмудскаго дворянина Каспера Яновича Кградовскаго было отобрано подъ госпо-

---

[1]) Ibid., стр. 579.
[2]) Ibid., стр. 587.
[3]) П. К. Гродн. Эк., т. II, стр. 505.
[4]) Ibid., стр. 506.
[5]) Ibid., стр. 514.
[6]) Ibid., стр. 519, 514.

дарскія волоки 69 в. 13 м. земли подлого грунту. Отмѣна же вся состояла исключительно изъ земли „доброй“ по своимъ качествамъ [1]).

Приступивъ къ описанію волпеніской пущи, правительство принуждено было отобрать дворъ Шимона Грибовскаго съ землею и людьми, лежащій подъ самой пущею и необходимый для „лепшее“ сторожи. Приписанная земля вся была исключительно подлого качества, и правительству пришлось дать отмѣну „лепшимъ кгрунтомъ“ [2]). Но въ общей массѣ такія щедрыя отмѣны являются нечѣмъ инымъ, какъ только исключеніемъ.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ мы думаемъ, что хотя правительство разнаго рода надбавками и стремилось возстановить ущербъ, нанесенный отобраніемъ земель лучшаго качества, однако эти надбавки не возмѣщали хозяйственныхъ убытковъ, полученныхъ землевладѣльцами благодаря аграрной политикѣ Сигизмунда-Августа, и литовско-русская шляхта имѣла нѣкоторое законное основаніе быть недовольной аграрной политикой своего господаря. Систематическое же отбираніе на господаря земель лучшаго качества, конечно, только обнаруживало односторонность и нѣкоторую своекорыстность аграрной политики Сигизмунда-Августа и отчасти его ближайшихъ преемниковъ.

VI. Шляхетскія челобитья.

а) О надѣленіи отмѣной.

Уставъ о волокахъ категорически предписывалъ давать отмѣну въ тѣхъ случаяхъ, когда не было никакого сомнѣнія въ правѣ владѣнія землей того или иного шляхтича, да и господарскія резолюціи на просьбы „становъ“ сейма говорили о томъ же; тѣмъ не менѣе и эти требованія господарскаго устава и великокняжескія обѣщанія не всегда исполнялись господарскими агентами, и притомъ исключительно по небрежности, а, можетъ быть, и по какимъ-либо другимъ соображеніямъ. Они, отбирая на господаря частновладѣльческія земли, сплошь и рядомъ не давали никакой отмѣны. Вполнѣ понятно, что такой образъ дѣйствій великокняжеской администраціи, причинявшій шляхтѣ серьезныя матеріальныя затрудненія, заставлялъ её торопиться съ возстановленіемъ своихъ нарушенныхъ правъ. Средствомъ возстановленія нарушеннаго права могло быть только обращеніе къ великокняжеской власти съ просьбой о дарованіи соотвѣтствующей от-

[1]) К. З., XLVIII, л. 77.
[2]) К. З., XLVIII, л. 70.

мѣны. Такого рода упущенія со стороны господарскихъ агентовъ нельзя считать случайнымъ явленіемъ. Наоборотъ, обиліе господарскихъ отвѣтовъ на шляхетскія челобитья о неполученіи отмѣны вполнѣ опредѣленно показываетъ, что такія упущенія со стороны великокняжеской администраціи, создавшія такъ много шуму и раздраженія вокругъ аграрной реформы Сигизмунда II, носили систематическій характеръ.

Многочисленныя шляхетскія челобитья объ отводѣ отмѣны можно раздѣлить на три группы.

Къ первой слѣдуетъ отнести тѣ челобитья, владѣльцы которыхъ имѣли безспорное право на полученіе отмѣны. Права ихъ на владѣніе землей не вызывали никакихъ недоразумѣній съ правительственными агентами. А между тѣмъ, имъ все-таки отмѣна не была дана. Такъ одни жаловались, что „его ту властность забрана и мѣстечко де на его земли посажено и на иншихъ местцахъ съ померы волочное многое дей земли набрано, а между тѣмъ, до сихъ поръ имъ не была дана отмѣна“ [1]). Удивленіе челобитчика господарскаго маршалка Павла Сопѣги было вполнѣ законно, такъ какъ агентъ, производившій волочное измѣреніе не поднималъ вопроса о правѣ собственности Сопѣги на данную землю. Слѣдовательно, неполученіе Сопѣгой отмѣны можно разсматривать какъ нарушеніе законнаго права владѣльца, какъ злоупотребленіе со стороны великокняжеской администраціи. Удивляется также неполученію и „жадной отмѣны“ и дворянинъ Иванъ Контевичъ, который совмѣстно со своими родственниками, у которыхъ „земли ихъ самихъ и бояръ и людей на волоки помѣрили“, а между тѣмъ, до сихъ поръ никакой „жадной отмѣны“ не получили, хотя соотвѣтствующіе документы видимо не вызывали никакихъ сомнѣній [2]). Дворянинъ Иванъ Васильевичъ сначала молчалъ, когда не получилъ отмѣны, вѣроятно предполагая, что онъ получитъ ее въ весьма недалекомъ будущемъ. Долгое ожиданіе послѣдней заставило его поторопиться съ подачей челобитья объ отмѣнѣ [3]). Дворянинъ Андрей Жеховскій считаетъ, что у него земли отобраны на господаря незаконно, поэтому онъ проситъ или дать ему отмѣну за его шляхетскія земли или возвратить ему ихъ обратно, какъ незаконно отнятыя [4]).

Считали себя обиженными и земяне виленскаго повѣта Скиндери, у котораго „с померы волочное не мало кгрунту ихъ

[1]) К. З. XXXVII, л. 39.
[2]) К. З., XIII, л. 21.
[3]) К. Суд. Д., 44, л. 3.
[4]) К. З. XXXVII, л. 123.

взято у волоки", благодаря чему у нихъ осталась „вельми малая часть". Поэтому они ходатайствуютъ объ отмѣнѣ [1]). О томъ же проситъ и Остафій Воловичъ отъ своего имени и отъ имени другихъ околичныхъ земянъ, такъ какъ они за отобранныя земли до сихъ поръ не получили никакой отмѣны [2]). Такого же характера была жалоба и дворянина Мартина Пелецкаго, представившаго судовый листъ „судей дворныхъ короля его милости Жигимонта" [3]) для подтвержденія своихъ правъ на полученіе отмѣны.

Обиліе шляхетскихъ челобитій объ отмѣнѣ, когда у владѣльца были для этого всѣ права и всѣ данныя, показываетъ, что такую забывчивость господарскихъ агентовъ нельзя считать случайнымъ явленіемъ. Скорѣе это—цѣлая система.

Ко второй группѣ шляхетскихъ челобитій объ отмѣнѣ слѣдуетъ отнести тѣ, когда лица не получали отмѣны только потому, что право ихъ на отмѣну было не доказано. Это бывало обыкновенно тогда, когда у правительственнаго агента являлось сомнѣніе въ подлинности шляхетскаго происхожденія челобитчиковъ, которое имъ самимъ было совершенно ясно. Такъ, земяне слонимскіе „с села Радивиловичи" настаивали передъ господаремъ о возвращеніи имъ ихъ земель или объ отводѣ отмѣны, такъ какъ они „с предковъ своихъ шляхта" [4]).

Точно также Бѣльскіе земяне Курило Григорьевичъ и братья Кусевичи считали незаконнымъ отобраніе ихъ земель въ волочную помѣру и неполученіе соотвѣтствующей отмѣны, такъ какъ они „с предковъ своихъ земяне" [5]). Наконецъ къ третьей группѣ челобитій слѣдуетъ отнести тѣ, когда у челобитчиковъ не было никакихъ правъ на отмѣну, когда отбирались на господаря земли, данныя „до воли и ласки господарской". По существу, отобраніе такихъ земель на господаря было актомъ вполнѣ законнымъ. Поэтому, лишившіеся земель хлопотали не столько о получен мѣны, сколько о новомъ земельномъ пожалованіи, выставляя при этомъ тѣ или другія основанія. Когда у господарскаго кухаря Яна Остроуха была отобрана къ господарскимъ землямъ пустовщина, которой владѣлъ его отецъ на основаніи пожалованія Сигизмунда I, причемъ это пожалованіе давалось на неопредѣленное время „на ономъ листе вѣчности ему не писано". Поэтому онъ не получилъ никакой отмѣны. Считая для себя такую конфискацію убыточной,

[1]) К. З., XLI, л. 133.
[2]) К. З., XXXVIII, л. 218.
[3]) К. З. XLIX, л. 50.
[4]) К. З., XXLVII, л. 364.
[5]) К. З. XXXVIII, л. 134.

упомянутый кухарь просилъ объ отмѣнѣ, указывая при этомъ въ своемъ челобитьи и на тотъ участокъ, который является для него наиболѣе подходящимъ „три волоки земли, неоселыхъ, споручъ ему прилеглые [1]).

Шляхетскія челобитья объ отмѣнѣ не переставали подаваться великому князю и послѣ смерти Сигизмунда II. Въ однихъ изъ нихъ шляхтичи стремятся возстановить свои права, нарушенныя при Сигизмундѣ, и тогда же неизвѣстно почему не возстановленныя. Такъ, по словамъ господарскаго отвѣта на челобитье земянинъ воеводства Берестейскаго староства Кобринскаго Юрій Миколаевичъ жаловался Стефану Баторію, что ревизоръ Димитрій Сапѣга „помераючи кгрунты места подъданныхъ замку Кобринскаго волости двора добучинскаго и селъ нашихъ“ забралъ у него земли, а отмѣны не далъ [2]). Поэтому вышеназванный земянинъ и проситъ преемника Сигизмунда II объ отмѣнѣ. Та же судьба постигла и земянина воеводства Троцкаго Димитрія Андреевича Быховца и его братьевъ. Ихъ имѣнія забрали подъ господарскія волоки. Объ этомъ говорилъ соотвѣтствующій ревизорскій листъ, а отмѣна не была дана. Поэтому челобитчики обратились къ Стефану Баторію за возстановленіемъ своихъ законныхъ правъ на отмѣну [3]). Съ той же просьбой обратился къ Стефану Баторію „судья кгродскій“ Юрій Войнятъ, у котораго во время волочной помѣры „землй его властные вечные на разныхъ мѣтцахъ в помеpу забранные и ку некоторымъ селамъ привернутые“. Между тѣмъ онъ отмѣны тогда не получилъ [4]). Въ другихъ челобитныхъ истцами выступали дѣти, такъ какъ отцы успѣвали умереть, не получивъ отмѣны. Наслѣдниками послѣдней являлись его дѣти, которыя и начинали хлопотать объ отмѣнѣ. Такъ, стольникъ „повету пинскаго“ урожоный Ѳедоръ Ивановичъ Кгодебоскій хлопоталъ передъ Стефаномъ Баторіемъ объ отмѣнѣ за земли его покойнаго отца [5]). Среди поданныхъ Стефану Баторію челобитій объ отмѣнѣ встрѣчаются и такія, въ которыхъ подробно объясняются причины такого запозданія съ просьбой объ отмѣнѣ. Это отсутствіе средствъ, которое мѣшало своевременно выступить съ подачей челобитья объ отмѣнѣ [6]).

Разсмотрѣнныя выше челобитья очень характерны для аграр-

---

[1]) К. З., XLI, л. 319.
[2]) К. З., LXIX, л. 12.
[3]) К. З., LXIX л., 553.
[4]) К. З., LXXVI, л. 19.
[5]) К. З., LXXVI, л. 31.
[6]) К. З., LXXVI, л. 207.

ной политики Сигизмунда II. Приходится признать, что правительство Сигизмунда-Августа въ своей аграрной политикѣ иногда хватало черезъ край и нѣсколько утрированно понимало свои задачи и цѣли.

Несомнѣнно, такіе пріемы Сигизмунда-Августа разорили не мало мелкой шляхты, съ которой не приходилось считаться, и которая по своей бѣдности не могла тратиться на посылки челобитья объ отмѣнѣ. Можно предполагать, что неточное соблюденіе правилъ объ отмѣнѣ явилось одной изъ причинъ и образованія безземельнаго и малоземельнаго шляхетскаго пролетаріата.

в) Челобитья о дополнительной отмѣнѣ и новой отмѣнѣ.

Уставъ о волокахъ требовалъ, чтобы великокняжескіе агенты, производившіе „поравненіе кгрунтовъ“, давали отмѣну „ровную“ и притомъ „слушнымъ грунтомъ“. Это требованіе устава, какъ мы видѣли, сплошь и рядомъ не исполнялось. Не всегда оно выполнялось и въ томъ случаѣ, когда отмѣна давалась. Слѣдуетъ указать на многочисленные случаи, когда отмѣна, по мнѣнію заинтересованныхъ землевладѣльцевъ, была не „слушная“ и „не ровная“. Поэтому вполнѣ понятно отчасти то раздраженіе, которое охватило шляхту во время осуществленія аграрныхъ мѣропріятій правительства, раздраженіе, выразившееся въ тѣхъ просьбахъ, съ которыми, какъ намъ уже приходилось говорить выше, господствующее сословіе обращалось къ великому князю на многочисленныхъ великихъ вальныхъ сеймахъ. Помимо подачи „просьбы“ отъ имени всего шляхетскаго сословія, за каждымъ шляхтичемъ оставалось неотъемлемое право обратиться съ челобитьемъ къ самому господарю и тѣмъ самымъ попытаться возстановить нарушенное при производствѣ реформы право собственности. И эти отступленія отъ принциповъ устава о волокахъ никоимъ образомъ нельзя признать случайными.

Обиліе шляхетскихъ жалобъ, поскольку объ этомъ можно судить на основаніи господарскихъ отвѣтовъ на нихъ, съ полнымъ основаніемъ даетъ право думать, что такія нарушенія „устава“ со стороны великокняжескихъ агентовъ принимали систематическій характеръ. Это было тѣмъ болѣе возможно, что великокняжескіе агенты, нарушавшіе постоянно въ своемъ чиновничьемъ усердіи права частнаго земельнаго собственника, рѣшительно ничего отъ этого не теряли, такъ какъ правительство не знало никакихъ сдерживающихъ средствъ, которыя заставили бы агентовъ болѣе внимательно относиться къ выполненію требованій устава о воло-

кахъ. Когда знакомишься съ шляхетскими челобитьями, почти невозможно опредѣлить мотивовъ, почему въ данномъ случаѣ господарскій агентъ поступилъ именно такимъ образомъ, почему одинъ землевладѣлецъ получилъ „слушную“ и „ровную“ отмѣну, другой же этого не удостоился и въ отведенной отмѣнѣ увидѣлъ по отношенію къ себѣ только одну „кривду“.

Шляхетскія челобитья о дополнительной или новой отмѣнѣ можно также раздѣлить на нѣсколько категорій. Къ первой изъ нихъ можно отнести тѣ, когда землевладѣлецъ хлопочетъ о дополнительной отмѣнѣ, такъ какъ послѣдняя дана далеко не за все количество отобранной земли. Такъ, господарскій агентъ далъ дворянину Андрею Жеховскому отмѣну за „шляхетскія земли“, а за огороды, составляющіе также „властность“ вышеупомянутаго дворянина, „никакой отмѣны до сихъ поръ не давано“, какъ заявлено объ этомъ въ челобитьи Жеховскаго. Естественно, поэтому, что послѣдній и обратился къ господарю съ просьбой о дополнительной отмѣнѣ [1]).

Ко второй категоріи можно отнести тѣ шляхетскія ходатайства о новой отмѣнѣ, когда землевладѣлецъ считаетъ, что онъ получилъ отмѣну „не слушную“ и „не во всемъ ровную“. У дворянина Виленскаго повѣта Матѳея Филипповича при производствѣ волочнаго измѣренія въ Ошменахъ, отобрали и размѣрили на волоки господарскую данину. Послѣднее обстоятельство не вызываетъ въ немъ рѣшительно никакого протеста, никакой жалобы. Вѣдь отобрать данину—это право господаря. Но помимо данины у него отобрали подъ господарскія волоки его „властность“, за которую ему были даны земли „неровныя, неспоручныя ку его двору“ и притомъ разбросанныя по разнымъ мѣстамъ. Конечно, такая отмѣна была непріемлема для Филипповича и разорительна для него. Это обстоятельство и заставило виленскаго дворянина обратиться съ челобитьемъ объ отводѣ ему „слушной и ровной“ отмѣны [2]).

Къ третьей категоріи можно отнести челобитья о дополнительной отмѣнѣ съ сохраненіемъ отмѣны, ранѣе данной. Такъ, вдова бѣльскаго судьи Ганка Левицкая, находя, что ей дали „неполную отмѣну“ и притомъ находящуюся среди господарскихъ земель, ходатайствуетъ о полной отмѣнѣ. Помимо этого, отведенная ревизорами земля въ видѣ отмѣны была неправильно измѣрена на волоки [3]). О такой же дополнительной отмѣнѣ про-

[1]) К. З., XXXVII, л. 123.
[2]) К. З., XXXVII, л. 399. К. З., XXXVIII л. 482.
[3]) К. З., XXXVII, л. 401.

ситъ Сигизмунда II и сынъ дворянина Алексѣй Новицкій „съ братьей своей рожоной“, у которыхъ при измѣреніи на волоки Лидскаго замка „не мало земли, лѣсовъ, сѣножатей“, дарованныхъ ихъ отцу Сигизмундомъ I, было приписано къ замку. Отмѣну за отобранныя земли они получили „нижли не такъ много, яко въ него взято и за то не стоити“. Поэтому онъ проситъ дать отмѣну за то, что ему „недодано“ [1]). Къ четвертой категоріи можно причислить тѣ челобитья, когда владѣлецъ ходатайствуетъ о новой отмѣнѣ не потому, что данная ему отмѣна является для него кривдой, а исключительно только вслѣдствіе создавшихся на мѣстахъ невозможныхъ отношеній. Такъ, жмудскій тивунъ панъ Иванъ Андреевичъ Илькговскій проситъ господаря объ отобраніи у него отмѣны и объ отводѣ ему новой, „такъ какъ онъ терпитъ не мало кривды“ „отъ людей волостей“, жившихъ около отведенной ему отмѣны [2]). Наконецъ, къ послѣдней категоріи можно отнести челобитья, въ которыхъ просятъ о дополнительной отмѣнѣ, такъ какъ припусканіе земель къ господарскимъ дворамъ сопровождалось перенесеніемъ и самого двора въ другое мѣсто, что, конечно, не могло не сопровождаться существенными матеріальными убытками для частныхъ владѣльцевъ. Земянка Берестейскаго повѣта Ганна Костюшковна „поведила“ передъ господаремъ „што за переселенье дворца ее плотеньскаго подъ местомъ каменецкимъ, который къ тому месту привернень“, получила отмѣну съ добавленіемъ 20 морговъ за переселеніе. Но такъ какъ въ застѣнкахъ не оказалось достаточно свободной земли, то ревизоры отвели ей въ другомъ мѣстѣ и дали ей тѣ же 20 морговъ. Чтобы укрѣпить свое имущественное положеніе, земянка Ганна Костюшковна проситъ господаря разрѣшить ей „держати и вживати на вѣчныя времена“ отведенный ей застѣнокъ [3]). Разсматривая многочисленныя челобитья о новой или дополнительной отмѣнѣ, нельзя не признать, что они еще больше укрѣпляютъ мысль объ односторонности аграрной реформы Сигизмунда-Августа. Могла ли поэтому быть спокойной шляхта, когда у нея отобрали земли и не давали совсѣмъ отмѣны, или давали совсѣмъ непригодную или слишкомъ миніатюрную? Могла ли шляхта спокойно созерцать свое экономическое разореніе, когда аграрная реформа сопровождалась сплошь и рядомъ перенесеніемъ и самого дворца на другое мѣсто? Конечно, нѣтъ. Правда, шляхта волновалась и по другой причинѣ—боясь провѣрки правъ на землю. Это надо учитывать при анализѣ шля-

[1]) К. З., XXXVIII, л. 182.
[2]) К. З., XXXIX, л. 598.
[3]) К. З., XLIV, л. 98.

хетскаго настроенія. Но едва ли оно было доминирующимъ. Это шляхетское недовольство имѣло на нашъ взглядъ и серьезныя политическія послѣдствія.

Вѣдь какъ разъ въ разгаръ аграрной реформы Сигизмунда-Августа шляхта становится опредѣленно и рѣзко на сторону уніи. Ея настроеніе изучено съ достаточной полнотою изслѣдователями, и нѣтъ нужды опять возвращаться къ этому совершенно ясному вопросу. Но вотъ что упущено, забыто: это—аграрная реформа Сигизмунда II. Она также толкала на путь уніи съ Польшей. Только при условіи шляхетизаціи литовско-русскаго государственнаго строя шляхта могла быть спокойной за свои земельныя права и не опасаться несправедливыхъ дѣйствій и мѣропріятій самого центральнаго правительства и его агентовъ. Этимъ и объясняются рѣшительныя симпатіи шляхты въ сторону уніи съ Польшей.

VII. Просьбы о подтвержденіи отмѣны.

Когда, согласно уставу о волокахъ, давалась отмѣна за отнятыя и присоединенныя къ господарскимъ волокамъ земли, то лицо, производившее измѣреніе на волоки и давшее отмѣну, выдавало землевладѣльцамъ свой „ревизорскій листъ“, въ которомъ подробно описывалась отведенная отмѣна и весьма точно опредѣлялись ея границы по отношенію къ господарскимъ землямъ и волостному населенію. Такой ревизорскій листъ самъ по себѣ имѣлъ такую же силу и значеніе, какъ и земельныя пожалованія воеводъ или старостъ, и поэтому нуждался въ господарскомъ подтвержденіи. Только послѣднее дѣлало прочнымъ его права на владѣніе или пользованіе отмѣной. Только послѣ полученія господарскаго листа землевладѣлецъ могъ считать отмѣну своею „властностью“.

Поэтому землевладѣльцы-шляхтичи, получившіе „слушную отмѣну“ и принявшіе ее, спѣшатъ озаботиться полученіемъ подтвердительныхъ привилеевъ. Съ этой цѣлью землевладѣльцы подаютъ великому князю „челобитія“ о подтвержденіи отмѣны. Впрочемъ, иногда, отъ имени землевладѣльцевъ ходатайствовала и мѣстная высшая администрація, какъ представительница и охранительница интересовъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Такъ староста Жмудскій панъ Александръ Ходкевичъ довелъ до свѣдѣнія центральнаго правительства, что ревизоръ Дмитрій Федоровичъ Сапѣга „померая[illegible] на волоки кгрунты волости нашое виду иское отобралъ у многихъ земянъ и у пани Ганны Яновны Шеметовны ихъ собственныя земли, безъ которыхъ „помера кончити и выполнити быти не могла“. Отмѣна Сапѣгой не была дана. Поэтому Ходкевичъ

самъ ей далъ и просить господаря подтвердить „пашни и волоки лесные“, данныя ей въ видѣ отмѣны [1]).

Характеръ челобитій о подтвержденіи отмѣны много зависѣлъ отъ того, на какомъ правѣ тотъ или другой землевладѣлецъ владѣлъ своимъ земельнымъ участкомъ. Обыкновенно, первоначальное челобитье состояло въ просьбѣ о закрѣпленіи за землевладѣльцами отмѣны на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ они владѣли землей до производства волочной помѣры. Землевладѣльцы, державшіе въ своихъ рукахъ землю временно „до воли и ласки господарской“, конечно, могли хлопотать о подтвержденіи отмѣны совершенно на тѣхъ же правахъ. Такъ и поступилъ земянинъ Василій Ивановичъ, которому въ Кобринскомъ повѣтѣ дали участокъ земли „до воли и ласки господарской“ [2]). Впрочемъ, лицу, получившему условную отмѣну-данину, открывалась полная возможность ходатайствовать о расширеніи его права владѣнія и о закрѣпленіи за нимъ данины на вѣчность. Скарбный писарь Іеронимъ Квилецкій получилъ сначала данины 43 волоки и пустовскую землю „з людьми на оныхъ земляхъ оселыми и зо всими платы и пожитки и зо всякими кгрунты и застенки, къ тымъ селамъ и земли пустовской прислухаючими“. Однако, она впослѣдствіи была забрана подъ волоки, за что ему дана была отмѣна. Этой отмѣной упомянутый Квилецкій могъ владѣть пожизненно. Послѣ его смерти на правахъ заставнаго имѣнія за 1200 отъ грошей она переходитъ къ его женѣ и дѣтямъ „покуды тая сумма вышемененая зъ скарбу господарскаго жене и детямъ была отъдана и сполна заплачена“. Однако Квилецкій обратился съ ходатайствомъ о подтвержденіи полученной имъ отмѣны на вѣчность, какъ награду за его „службу господарскую“ [3]). Если шляхтичъ-землевладѣлецъ имѣлъ основаніе считать свои земли „своею власностью“, то обыкновенно его ходатайство о подтвержденіи отмѣны заключало въ себѣ просьбу о представленіи ему отведенной отмѣны „на-вѣчность“. Съ такимъ ходатайствомъ черезъ виленскаго воеводу обратилась земянка Зубкова, которая владѣла собственнымъ дворцомъ и купленными землями и сѣножатями. Слѣдовательно, ея ходатайство имѣло полное основаніе и было вполнѣ законно [4]). Впрочемъ, шляхта об-

---

[1]) К. З. XXXVIII, л. 321.

[2]) 71, XXXIII, 217.

[3]) К. З. XLVIII, л. 113.

[4]) К. З., XLI, л. 87. Точно такъ же поступилъ и панъ Станиславъ Андреевичъ Довойна, получившій въ отмѣну одну населенную волоку и пять волокъ пустыхъ. (К. З. LXI, л. 101). И маршалокъ дворный Остафій Воловичъ, у котораго „померли и заняли“ его собственныхъ земель 9 волокъ, разбро-

ращалась къ господарю съ просьбой о подтвержденіи отмѣны на вѣчность даже въ томъ случаѣ, когда она не имѣла права „вѣчно“ владѣть отобранной на господаря землей. Кухарь господарскій Янъ Остроухъ жаловался господарю, что Сигизмундъ I далъ кухарю своему Остроуху, отцу его, „ку именьечъку отчизному у волости белицъкой“ пустовщину, которую онъ „черезъ немалый часъ спокойно на себя ку отчизне своей держалъ“. Во время волочной помѣры пустовщину у него отобрали, „иж на томъ листе отъца нашого вечности ему не написано“, и потому не было дано отмѣны. Поэтому Янъ Остроухъ проситъ дать ему отмѣну „три волоки не оселыя споручъ ему прилеглыя“ и на вѣчность ему дать. [1]).

Для доказательства своего права на подтвержденіе отмѣны, челобитчикъ долженъ былъ представить „квитъ“ подъ печатью ревизора и съ подписью его руки и мѣстнаго державцы. Впрочемъ, представлялись квиты и безъ подписи мѣстнаго державцы, если послѣдній по тѣмъ или другимъ соображеніямъ отказывался его подписать. Такъ державца ляховецкій панъ Иванъ Александровичъ Солтанъ отказался подписать „квитъ“, выданный ревизоромъ дворяниномъ паномъ Илькговскимъ дворянину Станиславу Кгровскому на томъ основаніи, „чтобы замокъ ляховецкій держитъ въ пенезехъ“, благодаря чему даваніе отмѣны ляховецкими землями онъ считаетъ незаконными [2]). И тѣмъ не менѣе, „квитъ“ ревизора оказался дѣйствительнымъ. Кажется, вообще подпись мѣстнаго державцы была необязательна на ревизорскомъ листѣ. По крайней мѣрѣ, когда дворянинъ Шимонъ Грибовскій подалъ господарю челобитіе о подтвержденіи данной ему отмѣны на вѣчность. то листъ, представленный господарю, былъ подписанъ справцей пожитковъ въ замкахъ и дворахъ господарскихъ паномъ Петромъ Фальчевскимъ, секретаремъ княземъ-плебаномъ Адамомъ Пильховскимъ, справцей

санныхъ по разнымъ мѣстамъ и за что ему своевременно была дана отмѣна (К. З., XLI, л. 307). Дворянинъ Станиславъ Девятловскій проситъ о подтвержденіи на вѣчность отмѣны, такъ какъ великій князь Александръ далъ данину предку его Петру Кондѣ, которую Сигизмундъ I въ 1506 году подтвердилъ на вѣчность ему самому, женѣ и дѣтямъ ихъ „и на потомъ будущимъ ихъ падъкомъ“. „Маютъ они такую землю держати“ (К. З., XLI, л. 162). Староста Галицкій, подкоморій Каменецкій, панъ Ярошъ Синявскій съ своей женою проситъ о подтвержденіи волокъ ему данныхъ отмѣною вмѣсто ихъ собственныхъ озеръ, находившихся въ Ковенской пущѣ и отданныхъ господарю (К. З., XLI, л. 218). Земянинъ повѣта Кобринскаго Богданъ Валентиновичъ Хвойницкій проситъ о подтвержденіи отмѣны на вѣчность за приписанное къ господарскому замку „его властное отчизное имѣнье“ (К. З. XLI, л. 279).

[1]) К. З. XLI, л. 319.

[2]) К. З., XXXVIII, л. 312.

дворовъ городенскимъ паномъ Себастіаномъ Дыбовскимъ и намѣстникомъ Красницкихъ и Квасовскимъ паномъ Лавриномъ Войной, какъ лицами, бывшими „на справе помере волокъ“ [1]).

Съ просьбой о подтвержденіи отмѣнъ, данныхъ при Сигизмундѣ, шляхтичи обращались и къ его преемникамъ. Остается неизвѣстной причина запоздалой подачи таковой просьбы.

Земянинъ воеводства Берестейскаго староста Кобринскій проситъ Стефана Баторія о подтвержденіи отмѣны, данной ему Дмитріемъ Сапѣгой при измѣреніи „кгрунтовъ места и подъданныхъ“ приписанныхъ къ кобринскому замку [2]). Съ такой же просьбой въ 1583 г. обратился дворянинъ п. Семенъ Брынскій, представившій листъ ревизора „небожчика“ пана Сапѣги [3]). Урожоный Миколай Петровичъ Владычца просилъ въ 1586 году о подтвержденіи отмѣны, полученной еще въ 1574 г. отъ небожчика пана Яна Ходкевича, старосты Жмудскаго [4]). Жмудскій земянинъ Балтромей Миколаевичъ Кимбутъ просилъ въ 1586 году Сигизмунда III о подтвержденіи, отмѣны данной паномъ Яномъ Ходкевичемъ, бывшимъ Жмудскимъ старостой [5]). Не успѣли нѣкоторые изъ шляхтичей подтвердить свои отмѣны, полученныя при Стефанѣ Баторіи, когда были высланы комиссары на Жмудь „для дозренія пожитковъ скарбу нашего и для померенія кгрунтовъ нашихъ“. Поэтому просьбы о подтвержденіи отмѣнъ они подали Сигизмунду III [6]).

---

[1]) К. З., XXXIX, л. 408.
[2]) К. З., LXIX, л. 12 г.
[3]) К. З., LXIX, л. 214.
[4]) К. З., LXXIII, л. 159 г.
[5]) К. З., LXXIII, л. 379.
[6]) К. З., LLXIII. л. 555, LXXVI, л. 10, 34.

В. И. Покровскій

Трактирныя поздравительныя карточки съ масленицей.

Здравствуй милая родная
Наша масляница мать!
Всѣхъ къ веселью призывая
Ты явилась къ намъ опять.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія вошло въ обычай служителями трактирныхъ заведеній разнаго ранга, гостиницъ съ номерами, даже харчевенъ, подносить своимъ гостямъ, по окончаніи ихъ трапезы, вмѣстѣ со счетомъ и поздравительныя карточки съ масленицей.

Карточки были троякаго рода: однѣ исключительно со стихами, другія—съ присоединенными къ нимъ картинками, не имѣвшими, за рѣдкими исключеніями, никакого отношенія къ содержанію стиховъ, третьи состояли только изъ однѣхъ картинокъ самаго разнообразнаго содержанія. Въ данномъ случаѣ мы будемъ имѣть въ виду карточки перваго рода.

Доморощенные піиты невысокаго полета и низшаго разбора, по заказу содержателей трактирныхъ заведеній, очень рѣдко—половыхъ, изготовляли къ опредѣленному времени свои стихотворныя упражненія. Десятки лѣтъ шло своеобразное творчество и въ столицахъ и провинціальныхъ городахъ—творчество одностороннее. Но какъ ни узко было содержаніе поздравительныхъ карточекъ, и какъ ни плоха была облегавшая ихъ литературная форма, все-таки онѣ представляли нѣкоторое разнообразіе въ зависимости отъ дарованій, свойствъ и вкусовъ стихослагателей.

Такъ качественно мало и значительно количественно распространялись карточки вплоть до 80-хъ гг. прошлаго столѣтія, когда самобытному ихъ появленію пришелъ конецъ. Какъ на могильныхъ памятникахъ почти исчезли теперь полныя лирическихъ изліяній надписи—благородное выраженіе непосредственнаго и

глубокаго чувства къ ушедшимъ въ надзвѣздный міръ—и замѣнились, по заказу торговцевъ памятниками, трафаретными надписями соотвѣтственно возрасту—младенцу, отроку, взаимныхъ отношеній—женѣ, мужу, родителямъ и т. д., такъ и на трактирныхъ карточкахъ, по заказу оптовыхъ торговцевъ, въ видахъ дешевизны, стали печататься за границей стихи съ однимъ неизмѣннымъ, изъ года въ годъ повторяющимся содержаніемъ, съ присоединеніемъ или виньетокъ или картинокъ, совсѣмъ не относящихся къ русской жизни.

Трактирныя поздравительныя карточки съ масленицей разлетались по карманамъ посѣтителей, не оставляя по себѣ никакого слѣда; онѣ въ очень рѣдкихъ случаяхъ дѣлались достояніемъ общественныхъ библіотекъ [1]); онѣ теперь библіографическая рѣдкость.

Намъ удалось въ теченіе продолжительнаго времени собрать достаточную коллекцію трактирныхъ карточекъ, на которыя, въ видахъ сохраненія хотя и прозаическаго ихъ содержанія, облеченнаго въ стихотворную форму, бросимъ ретроспективный взглядъ. Это будетъ памятка по явленію исчезнувшему, поминки по стихокропательству погибшему.

Авторы трактирныхъ карточекъ не мнили о себѣ, сознавали слабость своихъ духовныхъ творческихъ силъ и низменнаго характера причину, возбуждавшую ихъ дѣятельность:

Много словъ, а дѣла мало,
Съ позволенія сказать
Написали, что силъ стало.
Намъ осталось указать
Въ чемъ вся суть,
Къ чему посланье:
Какъ бывало, такъ и будь
На насъ Ваше изліянье.
Посвятивъ наше созданье
Намъ достаточно сказать:
Все исчерпали мы знанье,
Чтобъ на масляницу взять.

Вотъ стихами указаннаго типа стихослагателей на случай мы и воспользуемся, чтобы и нарисовать картину масленичной трактирной жизни и познакомить съ заказнымъ версификаторствомъ.

Трактирные служители послѣ Рождества и Святокъ, когда у нихъ особенно много бываетъ посѣтителей, обычно не оставляю-

[1]) Въ Москвѣ только въ Историческомъ Музеѣ намъ пришлось видѣть небольшое число карточекъ, тщательно подобранныхъ.

щихъ своимъ вниманіемъ, особенно нетерпѣливо ожидаютъ масленицы, когда подгулявшая публика бываетъ особенно таровата. Желанія ихъ, наконецъ, исполнились: давно ожидаемая имп пора наступила:

Вереницей безпрерывной
Дней промчалась череда;
Снова масляницы жирной
Дождались мы, какъ всегда.

Вотъ масляница снова
Къ намъ на крыльяхъ принеслась.

Встрѣчаютъ ее половые нѣжно, любовно:

Вотъ настала золотая
Наша маслиница мать.

Нынѣ масляна родная
Какъ во время пришла къ намъ.

У нея съ ними свой языкъ:

Чередой своей настала
Намъ недѣля сырныхъ дней
Голубкомъ заворковала
Мы спѣшимъ поздравить съ ней.

Гостьей жданной прилетѣла
Къ намъ недѣля сырныхъ дней,
Соловьемъ вездѣ запѣла
Всѣ спѣшимъ поздравить съ ней.

Такъ радуются половые наступленію масленицы потому, что

Настала вновь пора веселій...

Дни веселья прилетѣли
Жизнью все теперь кипитъ;
Всѣ къ одной стремятся цѣли
Тянетъ всѣхъ одинъ магнитъ.

Вотъ и масляной недѣли
Мы дождались наконецъ.
Дни веселья прилетѣли
Для отрады и сердецъ.

Но это ликованье, вызванное наступленіемъ масленицы и охватившее всецѣло половыхъ—ликованье всеобщее:

Наступилъ веселый праздникъ
Каждый масляницѣ радъ,
И степенный и проказникъ
Въ клубъ идетъ иль маскарадъ.

Хотя масленица праздникъ всероссійскій:

Россія вся теперь справляетъ
Веселый масленицы пиръ,

праздничное веселье, однако, особенно брызжетъ въ Москвѣ:

Дни веселья прилетѣли
Пиръ въ Москвѣ горой идетъ.

Вотъ и сырная седмица
Загуляла мать Столица.

Точно красная дѣвица
И румяна и бѣла,
Наша древняя столица
Оживилась, расцвѣла.

Ликованье обнимаетъ всѣ классы московскаго населенія:

Снова праздникъ у столицы
И веселый всюду смѣхъ;
Всюду праздничные лицы
Много радостей у всѣхъ.

Естественно поэтому, что общее заразительное веселье отражается на приливѣ трактирныхъ посѣтителей:

Наступило время пира
Разгулялись Москвичи.
Понаполнились трактиры
Половой теперь не спи.

Пировать на масленицѣ въ Москвѣ обычай исконный:

Отчего это Столица
Задаетъ теперь пиры
Развеселыя всѣ лица
А трактиры такъ полны?
Потому что наши дѣды
По примѣру старины
Задавали всѣмъ обѣды
И пекли всегда блины.

Масленичное ликованье вытекало изъ свойствъ русскаго народа, любившаго пировать:

Русь родимая широкая
У тебя-ль веселья нѣтъ?
Нѣтъ разгулья молодецкаго
Съ давнихъ прадѣдовскихъ лѣтъ?
Ты ль не любишь такъ по праздникамъ
Богатырски пировать
Хлѣбомъ-солью чисто русскою
Насъ радушно принимать?

Вотъ въ это время всеобщаго пира и веселья и преподносятся трактирными служителями поздравительные стихи съ масленицей:

Мы для масляной недѣли
Каждый годъ беремъ стихи,
И безъ нихъ бы не посмѣли
Съ поздравленьемъ подойти.

Вотъ и новенькій стишокъ
Приготовили для Васъ.
Посидѣвши же часокъ
Вы прочтите его разъ.
А затѣмъ стишокъ прочтете
Не забудете о насъ,
Вы порядкомъ разберите
И наградите въ этотъ разъ.

Половые, не взирая на неравное полученіе чаевыхъ отъ посѣтителей, все-таки не дѣлаютъ исключеній никому и подносятъ карточки всѣмъ:

За попойкой за блинами
Развеселыхъ гостей
Угощаютъ всѣхъ стихами
Да услугою своей.

Такого рода подношенія, по воззрѣнію трактирныхъ служителей, существовали искони, завѣщаны и освящены сѣдой стариной:

И не нами тотъ обычай
По трактирамъ заведенъ,
Въ силу маслячныхъ отличій
Съ давнихъ поръ придуманъ онъ.
Исполняя всѣ уставы
И завѣты старины
Мы въ обрядахъ также правы
Какъ и самые блины.
Какъ блины, старо преданье,
И трактирные стихи.
Такъ позвольте въ оправданье
Васъ поздравить въ эти дни!

Какое же содержаніе поздравительныхъ карточекъ, подносимыхъ половыми своимъ гостямъ?

Трактирныя поздравительныя карточки съ масленицей всѣ рекламнаго характера. Въ нихъ восхваляется не только ассортиментъ кушаній и питій, предлагаемыхъ на масленицѣ въ трактирахъ, но и помѣщеніе и обстановка, не исключая даже характеристики половыхъ. Но эта реклама чужда специфическихъ свойствъ

современной, нерѣдко сулящей довѣрчивому потребителю фиктивныя блага, ставя его въ комическое положеніе при реализаціи рекламы. Въ трактирныхъ поздравительныхъ карточкахъ, за весьма рѣдкими исключеніями впадающихъ въ шаржъ и карикатуру, изображаются предметы и лица въ ихъ естественномъ видѣ, и масленичная трактирная жизнь протекаетъ въ реальной обстановкѣ.

Содержатели трактировъ, заинтересованные матеріально количествомъ посѣтителей, рекламируютъ свои заведенія присущими имъ достоинствами:

своимъ положеніемъ и безупречной чистотой отдѣлки:

Ужъ почти сто лѣтъ, все также
Наши окна въ бельэтажѣ,
Умѣстившись въ стройный рядъ
На Охотный Рядъ глядятъ.
Молвить кстати—мы счастливы.
Наши гости не спѣсивы
Входятъ прямо. Гдѣ буфетъ
Ожидаетъ ихъ привѣтъ;
Здѣсь почтенье получивши,
И поклономъ отдаривши,
Идутъ дальше—а вокругъ
Все готово для услугъ,
И почтительно равняясь
Будто честь отдать стараясь,
Чинно въ рядъ столы стоятъ
Блескомъ скатертей манятъ;

соотвѣтственно чистотѣ отсутствіемъ развлеченій низшаго порядка:

Все здѣсь чисто и прилично
Билліардныхъ нѣтъ затѣй;
Но за то всегда отлично
Угощаемъ здѣсь гостей;

посѣщеніемъ избранной публики:

Трактиръ Печкина Московской
Годъ отъ году все славнѣй
Лучшей публики московской
Съ каждымъ днемъ у насъ виднѣй;

доставленіемъ публики эстетическихъ удовольствій:

Чудной сладкою гармоніей
Нѣжитъ слухъ оркестріонъ;

Здѣсь машины выписныя
И артистки фалишонъ
Съ лиры сладко напѣваютъ.
Въ трепетъ насъ приводитъ онъ:

прелестными созданіями, восхищающими посѣтителей пѣніемъ:

У насъ барышни—пухлявочки
Такія-съ комъ-иль фосъ
Глазенки какъ булавочки
Шпигуютъ васъ наскрось;

разнообразіемъ блюдъ, приготовляемыхъ искуснымъ поваромъ:

Иль что скушать—прикажите
Мы со вкусомъ подадимъ,
Лучшій поваръ посудите
Здѣсь готовитъ нашъ одинъ.

Да въ здѣшнемъ-то трактирѣ
Не мѣшаетъ господа
Всего лучшаго что въ мірѣ
Подадимъ вамъ все сюда.

отмѣннымъ приготовленіемъ безъ искусственныхъ спецій:

Въ залахъ весело, удобно
Въ заведеніи у насъ;
Все готовятъ превосходно
Натюрель и безъ прикрасъ;

кормленіемъ до отвалу и во всякое время дня и ночи:

Давно трактиръ нашъ Замоскворѣцкій
Извѣстность громкую стяжалъ—
Слуги ухваткой молодецкой
Гостей накормятъ наповалъ.

Нашъ трактиръ на этотъ случай
День и ночь открытъ для Васъ;

традиціонными на славу пирами:

Господа, лишь пожелайте
Чтобъ задать на славу пиръ;
Такъ ужъ прямо пріѣзжайте
Въ Ново-троицкій трактиръ.

Слава Богу въ Бѣлокаменной
Нѣтъ ли мѣста для пировъ?

Нашъ „Большой Московскій“ съ радостью
Принять гостей готовъ.
Съ давнихъ лѣтъ любовь всеобщую
Онъ у публики имѣлъ
И на всю столицу древнюю
Славой громкою гремѣлъ.
Намъ не даромъ гости добрые
Справедливость воздаютъ
И обѣды знаменитые
Всѣ въ „Московскомъ“ задаютъ.
Заиграй скорѣе лира
Прогреми за насъ куплетъ
Что Московскаго трактира
Здѣсь въ столицѣ лучше нѣтъ;

радушіемъ и привѣтливостью трактирныхъ заведеній:

Россія вся теперь справляетъ
Веселый масленицы пиръ,
Широко двери отворяетъ
И нашъ привѣтливый трактиръ.

Обычай стариковскій
Сразу людъ весь встрепенулъ...
Дверь открылъ Большой Московскій
Всѣмъ радушно распахнулъ.

Иногда карточки суммируютъ всѣ благодати, въ трактирахъ обрѣтающіяся:

И въ ней (Москвѣ) радушьемъ и довольствомъ
Извѣстенъ Тѣстовскій трактиръ:
Гербами входъ его украшенъ:
Вкушали въ немъ московскихъ брашенъ
Не мало принцевъ и князей,
И всѣмъ на диво, въ годъ изъ года
Въ средѣ московскаго народа
Растетъ число его друзей!..
Пословица идетъ съ вѣками,—
Она правдива и ясна,—
Что не красна изба углами
А пирогами лишь красна...
Пусть строятъ пышныя палаты,
Онѣ лишь роскошью богаты,
А старый Тѣстовскій трактиръ
Не блещетъ роскошью безумной,
Но въ немъ всегда широкошумный
Горой развертывается пиръ!
Своимъ довольствомъ онъ извѣстенъ!
Въ Москвѣ нѣтъ мѣста веселѣй!

На ряду съ такими трактирами, бьющими на эффектъ, были и другіе, не гонявшіеся за новизной, но сохранившіе отпечатокъ старины. Вотъ въ какихъ словахъ описывается посѣтителемъ одинъ изъ таковыхъ:

„Снаружи этотъ трактиръ не отличался ничѣмъ изъ сотни другихъ, подобныхъ ему московскихъ трактировъ низшаго типа, но внутренняя его обстановка невольно внушала къ нему особенное уваженіе. Васъ прежде всего встрѣчала здѣсь извѣстная дисциплина и непреклонная воля лица, стоящаго на стражѣ: „Я, молъ, хозяинъ: нраву моему не препятствуй; что хочу, то и дѣлаю, а ты въ чужой монастырь со своими уставами не ходи“... Поэтому въ постные дни вы здѣсь не услышите и запаха ничего скоромнаго, какія бы деньги ни предлагали. Кромѣ того, вамъ отнюдь не позволятъ курить... За то въ отношеніи желудка абсолютный просторъ, по извѣстному изреченію: „Ѣшь, пей, веселись, душа моя“.

Какими всегда суровыми глядѣли на меня закоптѣлыя стѣны этого трактира. Въ немъ все до мелочей носило отпечатокъ сѣдой старины, предъ которой нельзя не преклониться: эти окрашенныя въ сѣрый фонъ стѣны; деревянные лавки и столы, потемнѣвшіе отъ времени; бросающіяся въ глаза пестрыя скатерти ярославскаго издѣлія; простота сервировки; деревянная расписная чашка съ мѣркою троицкаго образца, наполненная клюквеннымъ морсомъ, отпускаемымъ здѣсь безплатно; по угламъ тяжелые кіоты съ образами въ цѣнныхъ серебряныхъ ризахъ, съ неугасимыми лампадами, а вверху клѣтки съ разными птицами... Все это вмѣстѣ сообщало окружающей обстановкѣ что-то мрачное, таинственное, призводящее на свѣжаго человѣка гнетущее впечатлѣніе. Такое впечатлѣніе еще болѣе усиливалось при видѣ почтенныхъ старцевъ какого-либо толка, мирно возсѣдающихъ возлѣ столовъ за парочкой-другой чайку съ угрызеньицемъ или медкомъ, ведущихъ шопотомъ, боязливо, едва внятно душеспасительныя бесѣды съ воздыханіемъ на тему о суетѣ-суетъ и всяческой суетѣ. А надъ всей этой картиной царила глубокая тишина, изрѣдка прерываемая то хриплымъ боемъ часовъ, то отчаянною трелью птицъ, заключенныхъ въ неволю. Одно лишь присутствіе каріатидъ, образующихъ арку, отдѣляющую одну комнату отъ другой, какъ будто нѣсколько нарушало строгую гармонію этой обстановки, но на общій строй жизни не оказывало никакого вліянія. По части кухни вы здѣсь могли получать все, начиная отъ самаго дешеваго, въ видѣ жаренаго картофеля на постномъ маслѣ, и кончая изысканнѣйшею ухою изъ живсй стерляди и налима. До послѣдняго времени трактиръ этотъ съ внѣшней и внутренней стороны сохранялъ свой прежній неизмѣнный

видъ, тогда какъ все вокругъ его рушилось и измѣнялось, и въ этомъ была, по нашему, его прелесть. Однако, въ бытность нашу какъ-то въ Бѣлокаменной мы съ грустью замѣтили, что и возлѣ его начали воздвигаться лѣса, признакъ того, что все сокрушающая рука времени намѣрена коснуться этого заповѣднаго уголка“ [1]).

Здѣсь рѣчь идетъ о трактирѣ Воронина. Трактиръ Воронина находится въ Охотномъ ряду, который знаетъ всякъ живущій въ Москвѣ и о которомъ живутъ легендарныя преданія, перешедшія въ народную пѣсню:

Въ Москвѣ вездѣ найдешь забаву,
По вкусу Русской старины;
Тамъ калачи пекутъ на славу,
Ѣдятся лучшіе блины.

Будучи когда-то собственностью Воронина, трактиръ этотъ впослѣдствіи перешелъ къ извѣстному богачу старовѣру Егорову, бывшему крестьянину Рыбинскаго уѣзда [2]).

Затѣмъ карточки вводятъ насъ въ трактирную атмосферу, выставляя, главнымъ образомъ, на видъ объекты чувственныхъ вожделѣній, къ которымъ накреняются вкусы посѣтителей:

Эти радости земныя
Всѣмъ доступны хоть на часъ,
Съ ними гости дорогіе
Мы спѣшимъ поздравить васъ.

Въ общемъ половые указываютъ на то, чѣмъ они угостятъ своихъ посѣтителей:

Приготовлены по-русски
Яства разныя для Васъ:
Вотъ напитки и закуски
На здоровье, въ добрый часъ!

Въ частности посѣтителямъ обѣщаются слѣдующія блага: блины. Такъ какъ по пословицѣ: „безъ блина не масленица, безъ пирога не именинникъ“, то первымъ и основнымъ блюдомъ масленичнаго меню въ трактирѣ были искони и есть блины. Какъ только наступаетъ масленица,

Вся Москва опять ликуетъ
По примѣру старины.
Каждый весело пируетъ,
Всѣ пекутъ теперь блины.

---

[1]) Свиньинъ И. А. „Воспоминанія студента 60-хъ годовъ“.
[2]) Ibid.

Тѣсто для блиновъ приготовляется изъ лучшей муки:

И то сказать! Что за блины!
Изъ лучшей вѣдь муки испечены
Муки привозной—изъ волжскихъ все степей
Прямо съ барокъ и бѣлогрудыхъ кораблей.

Такъ какъ

Весь исправенъ обиходъ,

то

Заиграли сковородки
Зарумянились блины.

Приготовляютъ ихъ въ изобиліи:

Всѣхъ сортовъ блины готовы.

Самыхъ пылкихъ и раскошныхъ
Всѣхъ различнѣйшихъ сортовъ:
Красныхъ, гречневыхъ, молочныхъ
Подадимъ мы вамъ блиновъ.

Приготовляютъ вкусно:

Мы нынѣ крѣпко соблюдая
Обычай древней старины,
Къ себѣ давно Васъ поджидая
Готовимъ вкусные блины.

Въ предположеніи, что съ ѣдой приходитъ и аппетитъ—блиновъ ѣшь хоть до отвалу:

Мы завѣтъ обычьевъ добрыхъ
Получивши отъ отцовъ
Подадимъ Вамъ рыхлыхъ здобныхъ
Груду цѣлую блиновъ.

Во здравье кушайте Вы ихъ
А мы служить всегда готовы:
Обычай ѣсть хоть за троихъ
На сырной, право, вѣдь не новый.

Блины, во-первыхъ, подаются сами по себѣ, безъ всякихъ снадобій, обильно только уснащенные масломъ:

Господа мы всѣмъ вамъ рады
И спѣшимъ поздравить васъ
Что Москва теперь пируетъ
И блины опять печетъ.

Мы ихъ съ пылу подаемъ
Обильно масломъ поливаемъ
Вашимъ вкусамъ угождаемъ
И наградъ смиренно ждемъ.

Блины подаются и съ разными снадобіями:

Лукомъ:

Сейчасъ шипучіе со сковородки
Мы вамъ съ лучкомъ подадимъ,
Блины пухлы, какъ молодки
Изъ салфетки развернемъ.

Икрой:

Всѣхъ весельемъ восторгая
Этой шумною порой
Угощаетъ дорогая
И блинами и икрой.

Высшему качеству блиновъ соотвѣтствуетъ и икра:

И къ блинамъ отмѣнно рыхлымъ
Есть зернистая икра.

Блины пышныя надиво
Со зернистою икрой.

Съ яйцомъ:

У насъ блины съ яйцомъ пекутъ
Ну просто объяденье—
Сами въ ротъ такъ и плывутъ
Приводя всѣхъ въ восхищенье.

Съ бѣлозерскимъ сниткомъ:

Не ударю я лицомъ,
Подкачу къ вамъ молодцомъ
Съ бѣлозерскимъ поднесу
Въ саму душу угожу.

Со сметаной:

Честь и мѣсто господа!
Вотъ пожалуйте сюда
Въ уютный уголочекъ
Посидѣть еще часочикъ
А если можно, хоть два,
Мы вамъ рады завсегда.
Закажите, что хотите
Мы въ моментъ вамъ подадимъ.
И товаромъ распрекраснымъ
Мы навѣрно угодимъ.
Блинковъ поджаристыхъ,
Мы вамъ съ сметанкой подадимъ
Съ сметанкой свѣжей жирной и густой—
Особа благодать на желудокъ-то пустой.
Горячіе съ пылу вы сметанкой охладите
И въ удовольствіе вкусите

Между трактирами въ Москвѣ славился и славится приготовленіемъ блиновъ трактиръ Егорова въ Охотномъ ряду. Онъ своими, такъ называемыми Воронинными, блинами производилъ сенсацію у трактирныхъ посѣтителей:

И въ чемъ главная-то сила
По преданью старины
Подаются прямо съ пыла
Здѣсь Воронины блины.

Господствуя на масленицѣ надъ всѣми яствами, блинъ имѣетъ постоянныхъ спутниковъ:

Подружась съ икрой зернистой
Блинъ Воронинъ золотистый,
Древній видъ свой сохраня
Прибылъ прямо изъ огня,
Пригласивъ съ собой въ компанью
Ерофеичъ и ратафью,
Стерлядь, семгу, карася
(Въ сказкѣ, что съ ершомъ дрался).

Не обойденъ вниманіемъ трактирными карточками блинныхъ дѣлъ мастеръ, стоящій на высотѣ своего положенія и гордый этимъ сознаніемъ:

Позвольте-жъ, поздравленіе
Съ блинами Вамъ принесть.
Нашъ поваръ безъ сомнѣнья
Поддержитъ свою честь.

И важенъ, какъ въ совѣтѣ
Китайскій мандаринъ,
Нашъ поваръ на разсвѣтѣ
Готовитъ первый блинъ!
Потомъ махнувъ рукою
И какъ Наполеонъ
Готовившійся къ бою
И самъ вкушаетъ онъ.

Не одними только блинами уснащаютъ чревоугодниковъ въ трактирѣ: къ ихъ услугамъ большой выборъ кушаній, главнымъ образомъ, рыбный. Товаръ предлагается отмѣнный, выписываемый изъ лучшихъ промысловъ:

Для охотниковъ до рыбы
Мы обшарили давно
Волги, Камы всѣ изгибы,
Осмотрѣли даже дно.

Кушанья приготовляются артистически:

Удивимъ товаромъ рыбнымъ,
Лучше Яра повара.

Подаютъ рыбу разныхъ породъ и въ разномъ видѣ:

Угостимъ ботвиньей знатной
Заливнымъ изъ судака.

Самой лучшей осетрины
Заливной и какъ хотите.

Иль холодно заливное
Иль жаркое осетра.

Можно

Карася сфаршировать
Стерлядь въ разварѣ подать.

Въ карточкахъ, впрочемъ, очень рѣдко, вопреки законамъ вѣроятія и правдоподобія, рисуются такія картины рыбныхъ снѣдей, раззадоривающихъ аппетитъ:

Хвостъ поднявши, стерлядь хлещетъ
По ухѣ, сгоняетъ жиръ;
Заливной осетръ трепещетъ
Поднимая галантиръ.

А севрюга разварная
Соблазнительно глядитъ
И во рту мгновенно тая
Возбуждаетъ аппетитъ.

Вторую роль послѣ блиновъ въ масленичномъ меню играютъ разнаго рода напитки. Едва вы успѣли войти въ трактиръ, половые ужъ съ предложеніемъ услугъ:

Просимъ милости присѣсть—
Водка, чай, вино
Все къ услугамъ вашимъ здѣсь.

Есть шампанское, наливки,
Лиссабонское, портвейнъ
Чай, коньякъ, густыя сливки
Гоголь-моголь и рейнвейнъ.

Водки пиво и наливки,
Гоголь-моголь и лафитъ;
Чай, коньякъ, густыя сливки
На бульваръ отличный видъ.

Любезные половые подаютъ напитки, конечно, по требованію посѣтителей, но они не прочь порекомендовать то, чѣмъ могутъ угодить, зная иногда вкусы своихъ посѣтителей. Однимъ они подаютъ пиво:

А откушавъ блиновъ сладкихъ.
Къ намъ васъ просимъ приходить
И бутылочку, другую
Вамъ позвольте предложить.

У насъ пиво такъ прекрасно
Что глотокъ то просто сласть
И мы знаемъ, не напрасно
Что спасибо скажутъ намъ.

Другимъ предлагаютъ вино, ассортиментъ котораго весьма разнообразенъ—и русскаго и иностраннаго производства, при томъ же различныхъ марокъ:

И какихъ вы ни спросите
Винъ сортовъ у насъ,
Елисѣевскихъ хотите
Ихъ большой запасъ.

Что угодно, то спросите,
Чай единственный въ Москвѣ
Ромъ и водка, что хотите
Отъ Депре и отъ Леве.

Водки, вина заграничны
Минеральная вода.

О пріобрѣтеніи винъ иноземнаго происхожденія особенно заботились:

Лишь бы сокъ-то виноградный
Намъ въ Россію залучить.
Вкусомъ будетъ ароматный
И пріятно будетъ пить.

Инымъ подаютъ шампанское, и

Полилось клико какъ квасъ.

На порядкахъ, выпивъ уже
Всѣ потребовали тутъ же,
Чтобъ шипучій сокъ шампаньи
Замороженный заранѣ
Имъ бы поданъ былъ сейчасъ.

Само собсѣ понятно, что, по обычаю старины, не послѣднюю роль при блинахъ играла водочка:

Наши прадѣды и дѣды
Подносили ихъ гостямъ
Подавали имъ обѣды
Или водочку къ блинамъ.

Вино, по трактирнымъ карточкамъ, имѣетъ чудодѣйственное значенье:

Сокъ шипучій винограда
Намъ подноситъ пышный югъ.
Пусть веселье и отрада
Разливаются вокругъ.

Возвеселитъ и вмигъ согрѣетъ
Наше рьяное винцо
Запылаетъ цвѣтомъ алымъ
Хоть у стараго лицо.

Естественно поэтому, что у посѣтителей веселое настроеніе:

Убрался долой графинъ
И пошло на счетъ все винъ
Пили всѣ, кто сколько могъ
И пришли въ большой восторгъ.

Трактирное винопитіе на масленицѣ во всю ширину русской натуры рекомендуется трактирными карточками соблюдать какъ обычай, освященный сѣдой стариной:

Времена давно бывали
Чтобы масляну справлять.
Старики наши пивали
Такъ и намъ надо гулять.

Въ напиткахъ—источникъ радостей жизни и наслажденій:

Пировали предки наши
Въ эти радостные дни,
Пить блаженство полной чашей
Завѣщали намъ они.

Нѣтъ тебѣ въ гульбѣ соперниковъ:
„Руси есть веселье пить“
Такъ сказалъ Владиміръ Солнышко
„Безъ того не можемъ жить“.

Пресыщенная явствами и питьемъ публика испытываетъ иногда тяготу, обремененіе въ желудкѣ, иногда признаки тошноты;

нужна аттракція, освѣженіе, парализованіе этого тошнотнаго состоянія. И вотъ является сельтерская вода, чай съ лимономъ и т. п.

У насъ къ услугамъ, господа,
Всегда есть сельтерска вода.

Реклама чая вылилась въ такихъ строкахъ трактирныхъ карточекъ:

Чай крѣпкій и душистый
Весь цвѣткомъ набитъ одинъ
Затхлый, мягкій, розанистый
Соберемъ и отдадимъ.

Чай китайскій фирмы знатной
(Богдыхану только пить)
Вамъ въ посудѣ элегантной
Честь имѣемъ предложить.

Трактирные служители, провожая до экипажа порядкомъ подвыпившихъ и почистившихъ свои карманы гостей, иногда почтительно на всякій случай ихъ поддерживая, предлагаютъ имъ для вящшаго удовольствія прокатиться сначала по Москвѣ:

Отъ души мы Вамъ желаемъ
Веселиться и гулять,
По столицѣ прокатиться
И заѣхать къ намъ опять,

а потомъ по разнымъ весямъ и городамъ обширной родины:

Въ дни веселья прокатиться
Вдоль Россіюшки по всей.

Здѣсь „Россіюшку“ нужно понимать въ очень узкомъ смыслѣ—это загородныя гульбища, куда доставляютъ кутилъ ухарскія тройки, съ разукрашеными лентами конями, съ расписными санками, управляемыя кучерами, искусственно дородными, въ кафтанахъ съ позументами.

Подгулявшая въ столицѣ публика, выкатываясь изъ душныхъ помѣщеній, жаждетъ освѣженія и несется въ морозныя ночи по снѣжной дорогѣ, чтобы и углубить и расширить ранѣе полученныя удовольствія и воспріять неиспытанныя.

Лошади готовы и пріукрашены. Тройка поджидаетъ гулякъ:

Всѣ разряжены лошадки,
Алы ленты вплетены
Въ серебряной запряжкѣ
Этимъ вы удивлены.

Лошадямъ не стоится на мѣстѣ:

Пышитъ бѣшеная тройка
Снѣгъ топоча у крыльца.

И вотъ

Снова весело попойки
Межъ друзьями начались
Снова ухарскія тройки
Легче вѣтра понеслись.

Снова тройки понеслися
Колокольчикъ зазвучалъ,
Ѣздокъ свища напѣваетъ,
Сѣдоки ему вторятъ.

Впрочемъ, для иныхъ загородные рестораны представляли интересъ сами по себѣ, и туда ѣхали спеціально, безъ предварительнаго пресыщенія въ городѣ, а тамъ уже приготовлены были для нихъ блины и напитки:

Мчатся тройки отъ заставы, отъ Тверской
По широкой вдоль, по улицѣ Ямской,
За заставой рестораны навѣстить
Дорогихъ гостей блинками угостить.

Заѣзжайте дорогіе гости къ намъ
Рады будемъ мы стараться служить вамъ
Подадимъ блиновъ особенныхъ
Вкусно, сладко приготовленныхъ,

Разрумяненныхъ посмотришь такъ дивись,
Точно щечки у красавицъ у дѣвицъ!
Будемъ васъ просить покорно кушать пить,
Не оставить насъ за службу наградить.

Обращеніе къ тройкѣ приводитъ на память гулякамъ о широкомъ кругѣ удовольствій, тѣсно связанныхъ съ масленицей въ Москвѣ:

Мчись, лихая, здѣсь раздолье,
Здѣсь и матушка Москва,
Здѣсь все мило и привольно,
Здѣсь родная сторона.

Въ тебѣ, матушка,
Ужъ чего чего-то нѣтъ
И веселій всѣхъ собранье
Наслажденья хороводъ.

Трактирными карточками, по пресыщеніи посѣтителей животными благами, преподносятся и духовныя—рекомендуется забыть

разныя житейскія невзгоды, рушить минорныя настроенія и предаться полному безотчетному веселью:

Дни веселія настали:
Всѣмъ отрадны намъ они.
Прочь всѣ скуки, всѣ печали!
Веселиться будемъ мы.

Веселитесь гости наши
Въ эти радостные дни,
Отложите всѣ заботы
Надоѣли вамъ они.

Чтобы горе и печали
Прочь своею шли тропой
И на мигъ не нарушали
Вашъ семейственный покой.

Надо въ данномъ случаѣ пользоваться указаньемъ стариковъ, жизнерадостно проводившихъ масленицу:

Безъ веселья человѣку
Жить несносно, скученъ свѣтъ.
Веселиться въ пору эту
Стариками данъ завѣтъ.

Съ точки зрѣнія половыхъ трактиръ-то и есть самое лучшее мѣсто для развлеченій—онъ прогоняетъ всякаго рода скуку:

Для чего намъ живя въ мірѣ
Въ пору радости скучать,
Здѣся можно во трактирѣ
Вамъ съ друзьями пировать.

Бросьте вы мечту и грусти,
Вы стряхните это съ плечъ,
И отрадно будетъ сердцу
Здѣся времячко провесть.

У насъ можно здѣсь въ трактирѣ
Время весело провесть
Позабыть, что трудно въ мірѣ,
Сладко выпить и поѣсть.

И такъ,

Наслаждайтесь, веселитесь,
Надо временъ дорожить:
Приказать лишь потрудитесь
Мы готовы Вамъ служить.

Въ связи съ услугой и такого рода пожеланіями во всѣхъ трактирныхъ карточкахъ непрерывной нитью проходитъ мысль о

награжденіи половыхъ за ихъ труды: дни масленицы—дни завѣтныхъ вожделѣній половыхъ. Въ этихъ видахъ они особенно любезно приглашаютъ къ себѣ дорогихъ гостей, угожденіе которымъ ихъ долгъ и удовольствіе:

Въ часъ свободы, въ часъ веселья
Просимъ наше заведенье
Скуки ради посѣщать
Да служителей не забывать.

Цѣлый годъ служа какъ надо,
Мы осмѣлимся сказать:
Въ жизни намъ одна отрада
Вамъ служить, васъ поздравлять.

Благосклонность посѣтителей они ставятъ въ связь съ услугой:

Коль не любите гулянья
Просимъ здѣсь у насъ побыть,
И за службу на прощанье
Ярославцевъ наградить.

Такъ для масляной недѣли
За труды наградъ мы ждемъ
И для этой нашей цѣли
Нашу рѣчь вамъ подаемъ.

У насъ только и отрады
Въ этотъ праздникъ годовой,
Гости дѣлаютъ награды
Что заслужитъ половой.

Такого рода подачки служатъ подспорьемъ къ скромному ихъ вознагражденію:

Ради праздника такова
Увеличьте нашъ доходъ,
Мы же вамъ служить готовы
Ежедневно круглый годъ.

Не пышно будетъ поздравленье
Но важенъ масляны обрядъ,
Не важно Ваше одолженье
Но намъ годится на нарядъ.

Они будутъ долгое время признательны за вниманіе къ ихъ трудамъ:

Рады Вамъ служить—стараться
Ожидая на чаекъ
И на долго не забудемъ
Щедрый Вашъ могарычекъ.

Свои пожеланія половые выражаютъ робко:

Награды скромно ждемъ.

А теперь намъ остается
Не сказать, а намекнуть
Что-то сердце сильно бьется
Въ ожиданьи что-нибудь.

Они удовлетворяются незначительной лептой:

Мы жъ довольны будемъ малымъ,
И вполнѣ заслужимъ вамъ
Коль обычаемъ бывалымъ
Подарите кой-что намъ.

Въ нѣкоторыхъ карточкахъ округляется цифра желаемой подачки:

Тяжесть масленицы жирной
На себѣ мы всю несемъ,
Поощряя трудъ нашъ мирный
Подарите насъ рублемъ.

Мы стремимся съ угожденьемъ
Гостямъ, искренно служить
И, навѣрно, за услугу
Можемъ рубликъ получить.

Впрочемъ, они не брезгаютъ никакой подачкой, какъ бы она ни была незначительна:

Подарите, сколько можно
Для веселья въ этотъ часъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ, по отношенію только къ богатымъ посѣтителямъ, швыряющимъ деньги, они позволяютъ себѣ говорить:

Чтобы щедрою рукою
Вы дарили вашихъ слугъ.

Посѣтители трактировъ цѣнятъ услуги половыхъ и награждаютъ ихъ соотвѣтственно своимъ достаткамъ и тароватости. Половые, въ свою очередь, разсыпаются въ благопожеланіяхъ. Вообще, они желаютъ имъ счастья:

Поздравленіе вамъ приносимъ
И счастья желаемъ Вамъ
А Васъ покорнѣйше мы просимъ
Пожаловать и завтра къ намъ.

Въ этомъ праздникѣ участья
Ужъ и намъ позвольте взять:
Всѣмъ желаемъ во-первыхъ счастья
Во-вторыхъ стихи подать.

Пусть это счастье будетъ спутникомъ продолжительной жизни:

Съ чувствомъ полнаго почтенья
Поздравленье къ Вамъ несемъ.
Съ чистымъ искреннимъ желаньемъ
Счастья долгаго во всемъ.

Въ частности, они желаютъ здоровья:

И здоровья вамъ желаемъ
Каждый день и каждый часъ;

веселья:

Что теперь сказать? не знаемъ
Такъ листокъ мы подаемъ,
Веселиться Вамъ желаемъ
И награды скромно ждемъ.

Всѣ усердно поздравляемъ
Съ русской масленицей васъ
Вамъ веселія желаемъ
Въ эти дни на всякій часъ;

продолжительной жизни:

Вамъ желаемъ веселиться
И побольше жить,
А порою не скупиться
Съ чѣмъ легко служить.

Поднося сіи куплеты
Нашихъ искреннихъ сердецъ
Мы взываемъ: многи лѣта
Да хранитъ Васъ всѣхъ Творецъ.

Наконецъ, въ трактирныхъ карточкахъ обрисовываются и сами половые, какъ работники. Главный контингентъ трактирныхъ служителей, по крайней мѣрѣ, въ Москвѣ—ярославцы. Служба въ трактирахъ излюбленный ихъ промыселъ. Какъ люди, искусившіеся въ этомъ, они знаютъ себѣ цѣну:

Мы ухваткою красавцы
По природѣ по своей.
Наши слуги—ярославцы
Ждали долго этихъ дней.

Наши братья—половые
Молодцы всѣ къ молодцу,
Расторопные, живые,
Служатъ всякому лицу.

Ярославцамъ честь и слава
Удивительный народъ,
У нихъ только и забава
Угощать своихъ господъ.

Эта самохарактеристика относится не столько къ внѣшнему ихъ облику, сколько къ ремеслу, и они правы въ высокомъ о себѣ мнѣніи. И, въ самомъ дѣлѣ, работая, не покладывая рукъ, они не считаются со временемъ:

Мы тамъ и здѣсь вамъ служимъ,
Подаемъ и день и ночь.

Мы жъ всегда съ особымъ рвеньемъ
Будемъ живо вамъ служить
И съ усердьемъ и съ почтеньемъ
Всѣмъ стараться угодить.

Несмотря на безустанный трудъ, они встрѣчаютъ гостей радостно:

Будетъ здѣсь вамъ честь и мѣсто
Здѣсь услужливый народъ.

Какъ гостямъ всегда мы рады
Что пришли насъ посѣтить,
Мы же ловкіе ребята
Готовы бойко Вамъ служить;

служатъ съ охотою:

Мы не лѣнимся, не тужимъ...

съ необыкновенной быстротой:

Мы вѣдь живо и проворно
Что Вамъ нужно подадимъ,
Честно, ласково, проворно
Чести вашей угодимъ;

съ присущимъ имъ достоинствомъ:

Все что будетъ Вамъ угодно—
Вмигъ все это подадимъ
Все прекрасно; благородно
И во всемъ вамъ угодимъ;

съ предупрежденіемъ, предвосхищая желаніе гостей:

Работая не уставая
Гостямъ мы можемъ угодить,
Служить всюду успѣвая
Желанье ихъ предупредить.

Спѣшимъ исполнить ихъ желанья,
Замѣтить знакъ, понять намекъ,
И прилагаемъ всѣ старанья,
Чтобъ упрекнуть никто не могъ;

съ стремленіемъ дать и духовную пищу своимъ посѣтителямъ:

Словно птички здѣсь летаемъ.
Суетимся каждый часъ,
И валы переставляемъ
Усладить стараясь васъ.

Словомъ,

Провореиъ и учтивъ и честенъ
Кружокъ его (трактира) служителей.

Этимъ исчерпывается содержаніе трактирныхъ карточекъ.

Трактирныя поздравительныя карточки, смакуя, главнымъ образомъ, животныя потребности своихъ посѣтителей, ни словомъ не обмолвились объ образовательномъ значеніи трактировъ. Правда, это значеніе было временное—до 70-хъ г.г. и не широкое—касалось только избранныхъ кружковъ ученыхъ, писателей и артистовъ, тѣмъ не менѣе оно бытовало приблизительно цѣлое полустолѣтіе. Мемуары, записки, въ изображеніи указаннаго времени, воочію убѣждаютъ насъ, что трактирамъ, въ единичныхъ случаяхъ, былъ присущъ литературный духъ. Такъ, напримѣръ, кофейня Бажанова, помѣщавшаяся въ центрѣ города по сосѣдству съ театральной площадью и соединявшаяся особымъ проходомъ съ трактиромъ Печкина, служила клубомъ „Москвитянина“ и артистовъ; трактиръ Катышева, находившійся въ Каретномъ ряду, обслуживалъ литературные запросы нѣкоторыхъ изъ преподавателей семинаріи и учениковъ старшихъ классовъ этой послѣдней; трактиръ *Британія* рядомъ съ университетомъ—студенческій трактиръ, съ студенческими кружками, къ которымъ примыкали иногда люди науки и искусства и др.

Не только въ самомъ городѣ, но и на окраинахъ его также существовали съ цыганскими хорами трактиры и рестораны, куда, кромѣ гулякъ и кутилъ, попадали литературные цыгане—студенты 40-хъ годовъ. Здѣсь они въ обстановкѣ иногда деревенской жизни, вдали отъ шума, сутолоки и безпокойныхъ ежедневныхъ мелочныхъ заботъ, могли найти успокоеніе своей взволнованной и мятежной душѣ, всецѣло отдаваясь чарамъ пѣсенъ, лившихся изъ устъ Сашъ и Наташъ въ благозвучныхъ аккордахъ то бархатистаго контральто, то лирическаго сопрано. Содержатели упомянутыхъ трактировъ знали контингентъ своихъ посѣтителей и шли навстрѣчу удовлетворенію ихъ душевныхъ потребностей: они выписывали ходовые журналы и газеты: „Библіотеку для чтенія“, „Отечественныя Записки“, „Московскій Наблюдатель“, „Современникъ“, „Сѣверную Пчелу“ и другіе, и сами, кромѣ того, не были чужды литератур-

ныхъ интересовъ. Г. Стаховичъ въ своей книгѣ: „Клочки воспоминаній“ разсказываетъ, какъ содержатель кофейной вступаетъ въ споръ съ однимъ изъ посѣтителей о характерѣ отношеній Софьи къ Молчалину и, при различіи воззрѣній, проситъ только что вошедшаго А. Н. Островскаго рѣшить ихъ недоразумѣніе.

Подстать содержателямъ трактировъ были иногда и половые, и они, прислушиваясь къ отзывамъ своихъ образованныхъ посѣтителей, были своеобразными цѣнителями литературы: когда гость спрашивалъ журналъ, половой не просто подавалъ книгу, а указывалъ на извѣстную статью съ предувѣдомленіемъ о ея достоинствѣ: „Извольте прочитать статейку, Евгеній Николаевичъ одобряютъ“, говорилъ, по словамъ Барсукова, половой, подавая журналъ и повторяя сужденіе извѣстнаго въ то время критика Эдельсона.

Трактиръ иногда служилъ сборнымъ пунктомъ людей, причастныхъ наукѣ, литературѣ, искусству—профессоровъ, литераторовъ, артистовъ. Здѣсь, среди лицъ указанныхъ профессій, завязывались знакомства, которыя укрѣплялись и нерѣдко переходили въ тѣсную дружбу, неизмѣнную до конца дней. Такъ въ кофейнѣ Бажанова сблизились Галаховъ съ Садовскимъ; сюда иногда заходили Бѣлинскій, Катковъ, Герценъ, Бакунинъ, сюда ежедневно являлся Щепкинъ. Въ „Желѣзномъ“ трактирѣ Печкина, Т. И. Филипповъ сближается съ Островскимъ и, по прочтеніи этимъ послѣднимъ „Семейной картины“ прозрѣваетъ въ немъ огромнаго дарованія художника.

Въ нѣкоторыхъ трактирахъ—этихъ своего рода артистическихъ клубахъ, обсуждались и новости научной литературы, дебатировались статьи журнальныхъ ежемѣсячниковъ, велись живые и горячіе споры по поводу фельетоновъ и другихъ сообщеній періодической печати, оцѣнивались новинки драматической литературы въ связи съ постановкой ихъ на сценѣ и игрой артистовъ, да и самыя произведенія до постановки ихъ на сцену читались здѣсь. По воспоминаніямъ семинариста 60-хъ г.г. романъ Чернышевскаго „Что дѣлать“, читался группами въ трактирѣ Катышева по выходѣ отдѣльныхъ главъ, печатавшихся въ извѣстномъ ежемѣсячномъ журналѣ.

Теперь въ трактирахъ вмѣстѣ съ инструментальной музыкой существуютъ хоры пѣвцовъ и пѣвицъ съ разнообразнымъ репертуаромъ въ зависимости отъ характера трактирнаго заведенія; эти хоры выдѣляютъ иногда солистовъ пѣвцовъ, въ усладу публики распѣвающихъ то аріи, то куплеты на злободневныя темы, то романсы и фривольныя пѣсенки. Ничего подобнаго, за исключеніемъ цыганскихъ хоровъ въ загородныхъ ресторанахъ, прежде въ трак-

тирахъ и въ поминѣ не было, но въ рѣдкихъ случаяхъ раздавалось импровизованное пѣніе—пѣли сами гости, по внутренней своей потребности къ пѣнію. Г. Барсуковъ разсказываетъ, какъ въ студенческомъ трактирѣ „Британія“ любитель народной пѣсни и достойный ихъ собиратель Т. И. Филипповъ въ билліардной, опершись на кій, чистымъ нѣжнымъ теноромъ пѣлъ народныя пѣсни. Тогда „все смолкло. Посѣтители повертывали свои головы къ дверямъ, прислуга погружалась въ глубокую задумчивость“. Иногда аппартаменты трактира оглашались хоровымъ пѣніемъ.

Трактиры привлекали къ себѣ публику, иногда въ громадномъ количествѣ, предоставленіемъ ей и эстетическихъ удовольствій. Мы теперь привыкли въ трактирахъ слушать оркестріоны разныхъ системъ и достоинствъ, духовую музыку, солистовъ на какомъ-либо инструментѣ. Такого рода явленіе заурядное и обыкновенное: къ нему мы присмотрѣлись и его совершенно игнорируемъ. Совсѣмъ не то было въ 40—60-хъ г.г. Постановка оркестріона была крупнымъ событіемъ. Объ этомъ оповѣщалась публика, какъ о рѣдкомъ событіи, и Москва валомъ валила послушать новую машину. Въ запискахъ современниковъ помѣчено, напримѣръ, какъ въ Русскомъ трактирѣ, возникшемъ на мѣстѣ пресловутой „Британіи“, при ослѣпительномъ блескѣ огней, лились, услаждая публику, звуки какой-либо увертюры.

С. А. Бѣлокуровъ.

О мѣстѣ заключенія патріарха Гермогена въ 1611—1612 гг.

Избраніе въ 1610 г. на Московскій царскій престолъ королевича Владислава Сигизмундовича было обусловлено, какъ извѣстно, принятіемъ имъ православной вѣры. Отправленное по этому случаю изъ Москвы къ королю Сигизмунду и королевичу Владиславу посольство, во главѣ котораго стояли митр. Филаретъ и кн. В. В. Голицынъ, прибыло подъ Смоленскъ 7 октября 1610 г. и съ 15 октября начало переговоры съ панами-радами. Еще при „разговорѣ“ 23-го октября послы получили отказъ на просьбу о крещеніи королевича Владислава („въ крещеньѣ и въ женитьбѣ королевичевѣ воленъ Богъ да онъ королевичъ“, ... „королевичъ крещенъ, а другаго крещенія нигдѣ не написано“ и т. д.). Въ грамотѣ отъ 21-го ноября московскимъ боярамъ король прямо писалъ, что онъ не можетъ обѣщать, что королевичъ крестится въ православную вѣру, „такъ какъ къ вѣрѣ не только сына, но и наименьшаго подданнаго нашего мы принуждать не привыкли“. Когда окончательно выяснилось, что король Сигизмундъ не согласенъ исполнить Московскія просьбы, меньшая часть посольства, а въ томъ числѣ и знаменитый келарь Троице-Сергіева монастыря старецъ Авраамій Палицынъ, уѣхали въ Москву. Свѣдѣнія, доходившія до Москвы о пріемѣ посольства королемъ Сигизмундомъ и затѣмъ сообщенныя возвратившимися изъ посольства лицами, повліяли на то, что патріархъ Гермогенъ, ранѣе стоявшій за избраніе королевича Владислава на московскій царскій престолъ, именно теперь, послѣ возвращенія изъ-подъ Смоленска части посольства (возвратились около 23-го декабря), началъ свою дѣятельность противъ короля Сигизмунда [1]). Разсылку патр. Гермогеномъ по городамъ первыхъ грамотъ, въ которыхъ онъ говорилъ о планахъ ко-

[1]) Сборникъ Императ. Русскаго Историч. Общества, т. 142-й, М. 1913 г., стр. XI.

роля Сигизмунда, разрѣшалъ отъ присяги королевичу Владиславу и просилъ города подняться и идти противъ литовскихъ людей,— относятъ ко второй половинѣ декабря 1610 г. или къ январю 1611 г. [1]). Съ этого времени патр. Гермогену, по словамъ Ляпунова, было „гоненіе и тѣснота велія“ [2]); а когда была перехвачена одна изъ патріаршихъ грамотъ, его подвергли строгому аресту на патріаршемъ дворѣ. Этотъ домашній арестъ вскорѣ, послѣ возстанія 19—20 марта 1611 г., смѣнился еще болѣе строгимъ заключеніемъ.

Документы того времени не указываютъ опредѣленнаго мѣста, въ которое былъ заключенъ патр. Гермогенъ. Такъ, Прок. Ляпуновъ въ своей отпискѣ отъ 11 апрѣля 1611 г., увѣдомляя о событіи 19 марта, писалъ, что поляки патріарха Гермогена „съ престола сведчи и въ нужной смертной тѣснотѣ держатъ“. Подобное же читаемъ и въ Троицкихъ грамотахъ отъ іюля и 6 октября 1611 г. и отъ апрѣля 1612 г., именно, что поляки патр. Гермогена со престола „безчестно изринуша и въ изгнаніи нужно затвориша“ (въ грамотахъ 1611 г., а въ апрѣльской 1612 г.: „уморища“); и въ грамотѣ кн. Трубецкого, Заруцкаго и Ляпунова отъ 23 іюня 1611 г., что патріарха Гермогена поляки „посадили въ заточеніе“. Такими же неопредѣленными словами довольствуется Авраамій Палицынъ въ своемъ „Сказаніи“, при чемъ онъ прямо пользуется выраженіями Троицкихъ грамотъ: поляки „патріарха Ермогена, пишетъ Палицынъ, безчестнѣ съ престола изринуша и въ мѣстѣ нужнѣ затвориша, въ немъ же и преставися новый исповѣдникъ, скончавъ теченія своего подвигъ“. А такъ называемая рукопись Филарета говоритъ только о смерти патр. Гермогена и о погребеніи его въ Чудовомъ монастырѣ, совершенно обходя вопросъ о мѣстѣ его заключенія [3]).

Но существуютъ современныя свидѣтельства, прямо указывающія это мѣсто.

Такъ, „Новый лѣтописецъ“ говоритъ, что „по разореніи Московскомъ (19 марта 1611 г.) патріарха Гермогена съ патріаршества сведоша въ Чудовъ монастырь и приставиша къ нему крѣпкихъ

---

[1]) С. Ѳ. Платоновъ, Очерки по исторіи смуты. СПБ. 1910 г., стр. 459 и слѣд. Кедровъ С. И., Жизнеописаніе свят. Гермогена, патріарха Московскаго. М. 1912 г., стр. 84 и слѣд.

[2]) Акты Археографич. Экспедиціи, т. II, № 176, стр. 301.

[3]) Акты Археографич. Экспедиціи, т. II, № 185, стр. 315; № 190, стр. 328; № 202, стр. 251 (351). С. Г. Г. и Д., т. II, № 262, стр. 548; № 275, стр. 578. Русская Историч. Библіотека, т. XIII, СПБ. 1909 г., стр. 1196. Рукопись Филарета, М. 1837 г., стр. 57.

приставовъ, не повелѣша къ нему никово пропущати"... На Чудовъ монастырь, какъ на мѣсто заключенія патр. Гермогена, указываетъ и современникъ его, который „многаго ради любленія (къ нему патріарха) плакахся у гроба его зѣло",—князь И. А. Хворостининъ. Въ своихъ „Словесахъ дней и царей и святителей Московскихъ, еже есть въ Россіи" онъ пишетъ, что „святѣйшаго патріарха въ монастырѣ св. архистратига Михаила въ градѣ Москвѣ заточиша и опечалиша его кормлею и питіемъ" и что онъ отошелъ къ Богу „по многомъ страданіи и тѣснотѣ" [1]).

Но наряду съ этими двумя современными свидѣтельствами, говорящими, что патр. Гермогенъ былъ заключенъ въ Чудовомъ монастырѣ, мы имѣемъ другія свидѣтельства также современниковъ, указывающихъ иное мѣсто заключенія патр. Гермогена.

Такъ, Конрадъ Буссовъ, жившій въ Москвѣ въ 1611 г., въ своей „Лѣтописи Московской" пишетъ, что поляки „заперли патріарха Гермогена въ Кирилловскій монастырь [2]) и приставили къ нему стражу изъ 50 стрѣльцовъ; тамъ будетъ онъ содержаться до прибытія Владислава" [3]).

Эти противорѣчивыя свидѣтельства современниковъ, очевидно, ставили въ тупикъ нашихъ историковъ, которые различно рѣшали вопросъ о мѣстѣ заключенія патр. Гермогена. Большинство ихъ (Н. М. Карамзинъ, С. Ѳ. Платоновъ и Д. М. Глаголевъ) склонялось къ мнѣнію, что патр. Гермогенъ былъ заключенъ на Кирилловскомъ подворьѣ; меньшинство (Д. И. Иловайскій) указывало на Чудовъ монастырь. Наши церковные историки—Новоспасскій архимандритъ Аполлосъ, составитель жизнеописаній московскихъ патріарховъ, и Макарій, митрополитъ московскій, не давали преиму-

---

[1]) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. XIV, СПБ. 1910 г., стр. 109; о погребеніи въ Чудовомъ монастырѣ, стр. 117. Въ изданіи кн. Оболенскаго: . . . „въ Чудовъ монастырь и за крѣпкою стражею тамо блюдомъ" (стр. 133, о погребеніи—стр. 146). Русская Историч. Библіотека, т. XIII, СПБ. 1909 г., стр. 553—556.

[2]) Разумѣется подворье Кирилловскаго монастыря, находившееся въ Московскомъ кремлѣ, вблизи Спасскихъ воротъ, противъ Вознесенскаго монастыря. См. на планѣ Московск. кремля начала XVII в. изъ Географіи Блавіановой.

[3]) Н. Устряловъ, Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. СПБ. 1859 г., ч. I, стр. 140—141; ч. II, стр. 68—69. Маскѣвичъ, жившій также въ Москвѣ въ 1611 г., такими словами иллюстрируетъ характеръ стражи патріарха: „патріарха, какъ главнаго виновника мятежей московскихъ, отдали подъ стражу товарищу изъ роты Малынскаго—Малицкому и стерегли такъ исправно, что безъ вѣдома и позволенія Малицкаго никого къ нему не допускали, а самъ и за порогъ не могъ переступить; чрезъ полгода онъ умеръ въ семъ заключеніи".

щества ни тому, ни другому свидѣтельству и выражались такъ, что патр. Гермогенъ заключенъ былъ въ Чудовомъ монастырѣ или на Кирилловскомъ подворьѣ“ (архим. Аполлосъ); „патріарха заключили въ Чудовомъ монастырѣ, а по другимъ—на Кирилловскомъ подворьѣ“ (митр. Макарій). Голиковъ въ своихъ „Дополненіяхъ къ дѣяніямъ Петра Великаго“ (т. II, М. 1790 г., стр. 223) высказалъ взглядъ, никого не привлекшій на свою сторону: по его мнѣнію, патр. Гермогена „сперва заперли въ Чудовѣ монастырѣ, а потомъ отвезли на Кирилловское подворье, и тамъ его заключа, лишили всякаго сообщенія съ людьми“. С. М. Соловьевъ указалъ еще одно свидѣтельство современника о мѣстѣ заключенія патр. Гермогена, напечатанное Голиковымъ, но оставшееся въ тѣни, именно, что Левъ Сапѣга 8 апрѣля 1611 г. сообщалъ московскимъ посламъ митр. Филарету и кн. Голицыну, бывшимъ подъ Смоленскомъ, содержаніе полученной королемъ Сигизмундомъ отъ Московскихъ бояръ кн. Ѳ. И. Мстиславскаго съ товарищами грамоты, въ коей между прочимъ говорилось, что патр. „Гермогенъ взятъ подъ стражу и посаженъ на Кирилловскомъ подворьѣ“; но въ то же время С. М. Соловьевъ не счелъ нужнымъ положительно отвѣтить на нашъ вопросъ и, говоря о нахожденіи патр. Гермогена, совсѣмъ замалчиваетъ вопросъ о мѣстѣ заключенія, не указывая ни Чудова монастыря, ни Кирилловскаго подворья [1]).

Въ настоящее время кромѣ приведенныхъ выше свидѣтельствъ стали извѣстны еще новыя, при помощи которыхъ можно окончательно рѣшить этотъ вопросъ.

Одно новое свидѣтельство находимъ въ дипломатическихъ

---

[1]) Н. М. Карамзинъ, Исторія государства Россійскаго, т. XII, СПБ. 1892 г., стр. 184; С. Ѳ. Платоновъ, Очерки по исторіи смуты въ Московскомъ государствѣ, 3 изд., СПБ. 1910 г., стр. 497; Д. М. Глаголевъ, Патр. Ермогенъ, Русскій Архивъ 1902 г., октябрь, стр. 291; Д. И. Иловайскій, Смутное время Московскаго государства, М. 1894 г., стр. 200; Аполлосъ, архим. Всероссійскіе патріархи, Чтенія И. О. И. и Др. Р., годъ третій, книга 3-ья, стр. 28; митр. Макарій, Исторія Русской церкви, т. X, СПБ. 1881 г., стр. 155 и 157; Соловьевъ С. М., Исторія Россіи, т. VIII, М. 1858 г., стр. 405, 411, 429, 437; Голиковъ, „Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго“, т. II, М. 1790 г., стр. 229. Д. И. Успенскій въ своей работѣ „Страдальцы за землю русскую патр. Гермогенъ и Троицкій архим. Діонисій“ (М. 1911 г., стр. 40), сообщивъ разногласящія извѣстія о мѣстѣ заключенія патр. Гермогена, не пытается рѣшить этотъ вопросъ. Изложенныя въ настоящей замѣткѣ свѣдѣнія послужили содержаніемъ читаннаго мною осенью 1911 г. въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Москов. Университетѣ доклада, съ содержаніемъ коего ознакомленъ былъ мною впослѣдствіи С. И. Кедровъ, авторъ работы „Жизнеописаніе св. Гермогена патріарха Московскаго“, М. 1912 г. (см. стр. 96).

документахъ по сношеніямъ Московскаго государства съ Польско-Литовскимъ, именно въ наказѣ русскимъ посламъ, отправленнымъ въ 1615 г. на съѣздъ съ польскими послами (кн. Ив. Воротынскому, кн. А. Сицкому и др.), между прочимъ читаемъ статью о томъ, что отвѣчать, если при разговорѣ польскіе послы между прочимъ скажутъ, что „патріарха сами бояре съ его двора велѣли свести и посадить на Кирилловскомъ подворьѣ за приставы“ [1]).

Второе свидѣтельство находимъ въ Запискахъ Арсенія, архіеп. Елассонскаго, съ 1588 г. жившаго въ Москвѣ и въ 1610—1612 гг. находившагося въ Московскомъ Кремлѣ. Описывая событіе 19 марта 1611 г., архіеп. Арсеній говоритъ: „бояре Московскіе изгнали и свят. патріарха кирь Гермогена изъ патріархіи и заключили его въ подворьѣ св. Кирилла (Бѣлоозерскаго), снявши съ него архіерейскія одежды безъ архіерейскаго собора, одѣли его въ монашескія одежды“. То же читаемъ и въ другомъ мѣстѣ при разсказѣ о 10—15 сентября 1611 г.: „послѣ плѣненія великой Москвы заперлись въ ней, внутри двухъ крѣпостей, съ поляками многіе русскіе бояре и дворяне, два патріарха—бывшій патріархъ киръ Игнатій въ Чудовскомъ монастырѣ и патріархъ киръ Гермогенъ, заключенный въ метохѣ св. Кирилла“, и пр. [2]).

Итакъ, мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ первостепеннаго значенія, въ достовѣрности коихъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что патр. Гермогенъ былъ заключенъ подъ стражу на подворьѣ Кирилловскаго монастыря; это: 1) показаніе Московскихъ бояръ въ грамотѣ королю Сигизмунду и 2) свидѣтельства жившихъ въ 1611—1612 гг. въ Московскомъ Кремлѣ лицъ—архіеп. Арсенія и Буссова. Чѣмъ же объясняются указанія „Новаго Лѣтописца“ и кн. Хворостинина на Чудовъ монастырь, какъ на мѣсто заключенія патр. Гермогена?

Разгадку этого находимъ въ собранныхъ мною „Разрядныхъ записяхъ за Смутное время“ (М. 1907 г.), и именно въ той (№ 1), которая, по моему мнѣнію, заключаетъ оффиціальный текстъ разрядовъ за 7113—7121 гг. Въ ней читаемъ (стр. 22), что послѣ событія 19 марта 1611 г. „въ Кремлѣ городѣ захватили патріарха

---

[1]) Польскій статейный списокъ № 30, л. 199; что на эти именно слова послы должны были отвѣтить, въ наказѣ не сказано. Въ другомъ мѣстѣ наказа (л. 208 об.) между прочимъ читаемъ: „мы, бояре, сидѣли въ запертьѣ въ осадѣ, иные на патріарховѣ дворѣ, а иные въ Чудовѣ, а иные въ Вознесенскомъ монастырѣ, а иные на Кирилловскомъ подворьѣ за сторожи“.

[2]) А. Дмитріевскій. Архіепископъ Елассонскій Арсеній и мемуары его изъ Русской исторіи. Кіевъ, 1899 г., стр. 149, 154.

Ермогена да бояръ князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго съ товарыщи, а боярина князь Андрея Васильевича Голицына убили по наученью Михаила Глѣбова да Ѳедьки Ондронова... А какъ собрався Московскаго государства всякіе люди Москву осадили, и польскіе люди ото всего рыцерства послали къ патріарху Ермогену на Кирилловское подворье полковника Казановскаго съ товарыщи, да бояръ князь Б. М. Лыкова, да Михаила Глѣбова да дьяка Василья Янова, а велѣли патріарху говорить и бить челомъ, чтобъ онъ въ полки къ Московскимъ людемъ отписалъ и велѣлъ имъ съ полки отъ города отступить"... Патріархъ отказался это сдѣлать... „И Олександра Гасевской съ товарыщи свят. патріарха Ермогена велѣли свесть въ Чудовъ монастырь и уморить злою смертью; ... а къ королю послали въ послѣхъ полковника, да князь Юрья Трубецкаго, да Михаила Глѣбова да дьяка Василья Янова". Эта послѣдняя оговорка позволяетъ довольно точно опредѣлить время перевода патр. Гермогена съ Кирилловскаго подворья въ Чудовъ монастырь. О посольствѣ кн. Ю. Н. Трубецкаго, М. Г. Салтыкова-Морозова и дьяка В. О. Янова извѣстно, что они выѣхали изъ Москвы на сеймъ 11 сентября 1611 г., но гетманомъ Ходкѣвичемъ возвращены были въ Москву, изъ коей вторично отправились 5 октября [1]). На это время, слѣдовательно, и падаетъ заключеніе патр. Гермогена въ Чудовъ монастырь.

Такимъ образомъ патріархъ Гермогенъ, съ конца декабря 1610 г. или съ января 1611 г. находившійся на патріаршемъ дворѣ подъ домашнимъ арестомъ, послѣ событій 19—20 марта 1611 г. былъ заключенъ на Кирилловское подворье, гдѣ пробылъ до октября того же года (ок. $6^1/_2$ мѣсяцевъ), когда былъ переведенъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ и умеръ (пробылъ въ немъ около $4^1/_2$ мѣсяцевъ).

---

[1]) Сборникъ Императ. Русскаго Историческаго Общества, т. 142, М. 1913 г., стр. 266—267 и слѣд.

Д. И. Багалѣй.

Судьба магистратскаго самоуправленія въ малороссійскихъ городахъ XVII—XVIII вв. [1]).

Послѣ возсоединенія Руси въ 1654 г. по Переяславскому трактату въ лѣвобережной Малороссіи образовалось особое мѣстное самоуправленіе. Военно-казацкое управленіе здѣсь смѣшивалось по большей части съ гражданскимъ. Полковники пользовались широкой военной, административной и судебной властью; населеніе видѣло въ нихъ хозяевъ полкового города, который былъ ихъ резиденціей; сами они смотрѣли на себя такими же глазами; да таковыми хозяевами, въ сущности, они были и въ дѣйствительности въ большинствѣ полковыхъ городовъ. Только города, пользовавшіеся Магдебургскимъ правомъ—а таковыхъ было всего 8—выходили изъ сферы ихъ компетенціи, что, конечно, имъ было очень непріятно. Неудивительно, поэтому, что со стороны ихъ существовало постоянное стремленіе ко вмѣшательству въ это гражданское управленіе магистратовъ. Оно проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и находилось въ нѣкоторой связи съ характеромъ лицъ, стоявшихъ во главѣ власти: болѣе энергичные полковники производили большое давленіе, а иногда и насилія надъ магистратами, и наоборотъ; стойкіе и богатые войты, стоявшіе во главѣ магистратовъ (вродѣ Стародубскаго Ширая), отстаивали энергичнѣе свободу мѣстнаго самоуправленія, чѣмъ слабые и нерѣшительные гетманы, обязанные охранять права всѣхъ классовъ, оказывали поддержку и покровительство привилегированнымъ городамъ. Генеральная Войсковая Канцелярія, которой были подчинены магистраты, брала иногда въ спорахъ сторону сильнаго и такимъ образомъ расшатывала принципъ городского самоуправле-

[1]) Глава изъ изслѣдованія автора: „Магдебургское право въ лѣвобережной Малороссіи“, основана на документахъ Харьк. Историческаго Архива.

нія. А. М. Лазаревскій представилъ намъ въ своей исторіи Стародубскаго полка очень любопытную внутреннюю исторію Стародубскаго городского самоуправленія. Въ XVIII в. магистратъ этотъ служилъ поприщемъ разныхъ интригъ, и выборное начало въ немъ было сильно стѣснено. А. М. утверждаетъ даже, что Стародубскіе полковники съ самаго же начала присвоили себѣ такую власть, при которой „магистратское самоуправленіе было немыслимо“. Это сказано слишкомъ сильно. Едва ли возможно было основывать такой приговоръ для XVII вѣка на заявленіи одного мѣщанина, который крикнулъ: „пусть только здоровъ будетъ мнѣ панъ полковникъ, а я магистратскихъ пановъ не слушаю“. Этотъ мѣщанинъ могъ возлагать особенныя надежды на поддержку полковника; да притомъ еще неизвѣстно, не обманулся ли онъ въ своихъ ожиданіяхъ. Самъ А. М. Лазаревскій призналъ, что войтъ С. Ширай „безъ труда могъ отстаивать магистратъ отъ притязательности полковничьей власти“ — а онъ былъ войтомъ болѣе 30 лѣтъ! И въ XVIII в. магистратское самоуправленіе и тѣсно связанное съ нимъ выборное начало также не прекратили своего существованія, какъ это видно изъ фактовъ, представленныхъ самимъ А. М. Лазаревскимъ. Были только злоупотребленія имъ, были многочисленныя попытки нарушить права городовъ и, къ сожалѣнію, онѣ не остались безъ неблагопріятныхъ результатовъ. При выборахъ господствовало задабриваніе избирателей, искательство у высшихъ властей и т. п. Но какіе же выборы обходятся, къ сожалѣнію, безъ этого даже и теперь? Важнѣе было потворство такому искательству со стороны самихъ властей и учрежденій. Но все-таки нельзя сказать, чтобы въ Стародубѣ Магдебургское право было фактически упразднено въ XVIII в. А. М. Лазаревскій глухо говоритъ, что гетманъ Дан. Апостолъ разрѣшилъ произвести выборы войта въ Стародубѣ по давнему обыкновенію — и не указываетъ содержанія его универсала 1727 года, между тѣмъ какъ онъ представляетъ для рѣшенія этого вопроса большой интересъ. Узнавши изъ жалобы Вашей“, говорится тамъ, „что Я. Андреенко безъ Вашего вѣдома и согласія выправилъ себѣ изъ Генеральной Войсковой Канцеляріи указъ на войтовство, а у васъ есть издавна такой порядокъ, такое обыкновеніе, что войтъ избирается всегда по согласію всѣхъ урядниковъ и гражданъ, мы, гетманъ, не измѣняя этого давняго обычая, отправляемъ своего сотника, чтобы вы въ присутствіи его выбрали на войтовскій урядъ съ общаго всѣхъ согласія человѣка добраго, исправнаго и ни въ чемъ дурномъ не заподозрѣннаго, котораго мы и утвердимъ въ этомъ званіи своимъ универсаломъ; Андреенко же отъ войтовства отстра-

пяемъ". Впрочемъ, намъ извѣстенъ случай нарушенія права выборовъ и впослѣдствіи. Въ своемъ наказѣ въ Екатерининскую комиссію стародубскіе мѣщане заявляли, что у нихъ состоитъ войтомъ войсковой товарищъ не по выбору гражданъ. Магистратъ велъ постоянную борьбу съ Стародубской Полковой Канцеляріей. Поводомъ къ столкновеніямъ служилъ судъ; полковники, по словамъ А. М. Лазаревскаго, прежде всего наложили свою руку на магистратскій судъ. Но едва ли можно основывать такое мнѣніе только на присутствіи въ магистратскомъ судѣ представителей казацкаго уряда; это послѣднее обстоятельство, на нашъ взглядъ, объясняется тѣмъ, что передъ магистратскимъ судомъ нерѣдко фигурировали въ качествѣ истцовъ, а иногда и обвиняемыхъ, и казаки. Мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи болѣе опредѣленный фактъ, свидѣтельствующій съ полною очевидностью о желаніи казацковоеннаго уряда наложить свою руку на магистратскій судъ — это универсалъ гетмана Д. Апостола 1728 года. Въ немъ мы находимъ прямое требованіе обращаться съ апелляціями на приговоры магистратскаго суда или съ жалобами на магистратскихъ урядниковъ въ Полковыя Канцеляріи и давать отчетъ о городскихъ приходахъ и расходахъ полковому управленію. Этотъ универсалъ, конечно, ставилъ магистратъ въ сильную зависимость отъ полковника. Но онъ былъ въ силѣ, повидимому, не долго, такъ какъ нарушалъ тѣ самыя жалованныя грамоты, которыя раньше выданы были стародубскому мѣщанству. Основываясь, вѣроятно, на этомъ универсалѣ, стародубскій полковникъ Максимовичъ не хотѣлъ отказаться отъ сношеній съ магистратомъ при посредствѣ ордеровъ (приказовъ), несмотря на запрещеніе Генеральной Войсковой Канцеляріи. По этому поводу возникло любопытное дѣло, въ которомъ обѣ стороны высказали свои взгляды на этотъ вопросъ. Полковникъ Максимомичъ заявлялъ, что Стародубскій магистратъ долженъ быть по-прежнему въ зависимости отъ его Полковой Канцеляріи, и хотя гетманскими универсалами онъ и исключенъ изъ ея вѣдомства, но никакой обиды не будетъ ему теперь, если Полковая Канцелярія будетъ присылать туда ордера, такъ какъ она стоитъ въ гораздо болѣе высокомъ классѣ, чѣмъ магистратъ; а если Полковой Канцеляріи придется писать въ магистратъ, гдѣ засѣдаютъ посполитые люди, простыя отношенія, то это будетъ очень обидно и Канцеляріи, и особенно ему, полковнику, произведенному въ этотъ чинъ за 30-лѣтнюю службу въ гвардіи. Иначе ему придется обратиться съ жалобою въ Сенатъ. Генеральная Войсковая Канцелярія, однако, нашла, что хотя Стародубскій магистратъ и состоялъ въ вѣдомствѣ Стародубской Полковой Канцеляріи, но

только до тѣхъ поръ, пока не представилъ своихъ жалованныхъ грамотъ, а когда сдѣлалъ это, то былъ исключенъ отъ зависимости, что случилось еще при предшественникѣ его, Максимовича, полковникѣ Радищевѣ. Письменныя сношенія съ магистратомъ безъ ордеровъ для полковника нисколько не будутъ обидны, потому что хотя онъ и служилъ въ гвардіи, но такія сношенія происходятъ по Высочайшему повелѣнію и притомъ „по мѣсту, а не персонамъ". Бить же на себя челомъ въ Сенатъ Войсковая Канцелярія ему не разрѣшаетъ подъ страхомъ отвѣтственности. Послѣ столь авторитетнаго разъясненія полковникъ Максимовичъ отказался отъ своихъ притязаній, а Стародубскій магистратъ вернулъ свою независимость. Дѣло это происходило въ 1742 г., въ милостивое для малороссіянъ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны. Въ другихъ городахъ магистраты также должны были выдерживать упорную борьбу съ мѣстными полковниками. Въ Черниговѣ такая борьба началась уже при первомъ преемникѣ Богдана Хмельницкаго. Въ 1657 году черниговскіе мѣщане жаловались гетману Выговскому на казаковъ и полковника и просили о выдачѣ имъ защитительнаго универсала. Такой универсалъ они и получили, и тамъ отдавалось приказаніе, чтобы ни полковникъ, ни казаки не вмѣшивались ни въ какіе мѣщанскіе суды, ни въ какіе ихъ порядки, не трогали людей, находившихся подъ мѣщанскою юрисдикціе въ городѣ и на хуторахъ, не привлекали ихъ къ работамъ и податямъ, не касались городскихъ арендъ и имуществъ. Такимъ образомъ, черниговскіе полковники, какъ видимъ отсюда, вмѣшивались и въ городское самоуправленіе, и въ городское хозяйство; экономическія выгоды отъ такого вмѣшательства ихъ соблазняли болѣе всего. Вмѣшательство полковника въ магистратскій судъ продолжалось и позже. Въ жалованной грамотѣ царей Петра и Ивана Алексѣевичей (1690 г.) запрещается полковникамъ и казакамъ отвлекать мѣщанъ отъ ратушнаго суда привлекать къ своему, казацкому

Въ 1709 г. черниговскіе мѣщане снова жаловались Скоропадскому на привлеченіе ихъ къ полковому суду, и ихъ жалоба была уважена. Но и послѣ этого черниговскіе полковники не оставляли своихъ притязаній, какъ это видно изъ жалобы, поданной войтомъ І. Титовымъ и мѣщанами въ Генеральную Войсковую Канцелярію въ 1741 году. Полковникъ бралъ подъ свою протекцію знатныхъ мѣщанъ, освобождалъ ихъ такимъ образомъ отъ уплаты городскихъ повинностей, привлекалъ мѣщанъ въ казацкое званіе, требовалъ къ себѣ на судъ не только простыхъ мѣщанъ, но и войти, бурмистровъ и всѣхъ городскихъ магистратскихъ урядни-

ковъ, разрѣшалъ вопреки привилегій пріѣзжимъ купцамъ розничную торговлю, однимъ словомъ, не только нарушалъ городскія привилегіи, но наносилъ серьезный ущербъ финансовымъ интересамъ города. Особенный ущербъ причиняли такъ называемые „протекціонные листы“, соотвѣтствовавшіе „обѣльнымъ грамотамъ“ Московскаго государства. За помощь, оказанную деньгами и хлѣбомъ мѣщаниномъ черниговскимъ П. Клевцомъ московскимъ ратнымъ людямъ, гетманъ Брюховецкій освободилъ его отъ всякихъ податей, подводъ, постоевъ и мірской службы. Выдачею такихъ листовъ и злоупотребляли полковники—и результаты для массы городского населенія получались печальные: многіе городскіе обыватели занимались, подъ протекціей сильныхъ лицъ, торговлею, промыслами и ремеслами, не отбывая при этомъ никакихъ повинностей въ пользу города. Такой выходъ изъ мѣщанскаго тягла обывателей нарушалъ интересы оставшихся: на долю каждаго изъ нихъ приходилось теперь больше налоговъ. Неудивительно, поэтому, что въ наказѣ своему депутату въ Екатерининскую комиссію черниговскіе мѣщане настойчиво ходатайствовали о томъ, чтобы подъ вѣдомствомъ магистрата были всѣ тѣ, кто имѣлъ дома или промышленно-торговыя занятія въ Черниговѣ. Этотъ пунктъ составлялъ основу привилегій, пожалованныхъ малороссійскимъ городамъ еще польскими королями, но его именно труднѣе всего было сохранить послѣ возсоединенія, ибо причина посягательствъ лежала не въ одномъ злоупотребленіи властью полковниками, а еще болѣе въ разнообразіи состава городского населенія. Мѣщане ни въ количественномъ, ни тѣмъ болѣе въ качественномъ отношеніи не составляли основной, господствующей группы населенія даже привилегированныхъ малороссійскихъ городовъ. Кромѣ того, въ тогдашней жизни выше всего ставилось военное ремесло казака, а не мирныя занятія мѣщанства. Эти занятія играли служебную роль и должнаго почета мѣщанамъ не доставляли. Не даромъ мѣщане нѣкоторыхъ городовъ ходатайствовали о разрѣшеніи имъ носить сабли по примѣру казаковъ, о запрещеніи называть ихъ мужиками и объ уплатѣ имъ за обиды шляхетской (дворянской) навязки, т.-е. судебнаго вознагражденія за обиды. Мѣщанскій классъ въ Малороссіи находился подъ воздѣйствіемъ двухъ теченій — стараго польскаго и новаго великорусскаго. Польско-шляхетскія правовыя воззрѣнія не умерли окончательно въ Малороссіи, а съ присоединеніемъ ея къ Россіи они, съ одной стороны, удержались у такихъ, напримѣръ, руководителей мѣстнаго общества, какъ гетманы Выговскій и Мазепа, а съ другой—были закрѣплены и въ мѣстной юрисдикціи, державшейся

на Литовскомъ Статутѣ и Сборникахъ Магдебургскаго права. И тотъ и другой памятники были проникнуты сословнымъ духомъ, что объясняется, конечно, мѣстомъ и временемъ ихъ возникновенія. Съ другой стороны, Малороссія и послѣ перехода своего подъ власть Россіи не оставалась долго въ томъ относительномъ соціальномъ равенствѣ, какое создано было въ ней народомъ, сбросившимъ съ себя польское владычество и господство шляхты; зачатки сословій стали обозначаться въ ней очень рано, и руководящую роль въ политической, соціальной и экономической жизни края стала играть казацкая старшина, превратившаяся фактически въ южно-русское дворянство, которое въ XVIII в. стало стремиться получить такія же права, какими пользовалось русское великорусское дворянство. И если оно не церемонилось съ казачествомъ, подчасъ превращая его въ поспольство, то еще менѣе оно желало считаться съ мѣщанствомъ, которое представляло собою только привилегированную группу поспольства, большая часть котораго въ видѣ крестьянства была уже ими фактически закрѣпощена.

И Нѣжинскій магистратъ велъ борьбу съ Полковой Канцеляріей въ 40-хъ годахъ XVIII в., т.-е. тогда же, какъ Стародубскій. Нѣжинскіе мѣщане въ жалобѣ своей заявляли, что Полковая Канцелярія пишетъ въ магистратъ приказы, а не отношенія, требуетъ въ разсыльщики по сотнямъ бурмистровъ, райцевъ и мѣщанъ, отводитъ мѣщанскіе дома не только для проѣзжающихъ, но и подъ зимнія квартиры канцеляристовъ, требуетъ подводъ только отъ однихъ нѣжинскихъ мѣщанъ, минуя владѣльческія селенія, которыя также обязаны отбывать эту повинность, собираетъ доходы съ ратушныхъ селъ на чиновниковъ, однимъ словомъ, беретъ съ мѣщанъ такіе же поборы, какъ и съ посполитыхъ; вслѣдствіе этого многіе впали въ разореніе, а другіе разбрелись изъ Нѣжина по разнымъ мѣстамъ. Всѣ жалобы нѣжинскихъ мѣщанъ были уважены. Но притязанія Нѣжинской Полковой Канцеляріи не прекратились и послѣ этого, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ жалоба Нѣжинскаго магистрата, поданная въ 1765 г. тогдашнему правителю Малороссіи гр. П. А. Румянцеву-Задунайскому. Изъ нея оказывается, что Генеральная Войсковая Канцелярія поручила Нѣжинской Полковой раскладку на мѣщанъ консистентскихъ сборовъ, т.-е. продовольствіе армейскихъ полковъ; та же воспользовалась этимъ, чтобы поставить въ зависимость отъ себя магистратъ.

Если казацкій урядъ могъ злоупотреблять своею властью въ такихъ большихъ городахъ, какъ Черниговъ, Стародубъ, Нѣжинъ,

то естественно, что магистраты второстепенныхъ городовъ должны были страдать отъ него еще болѣе. И въ этомъ убѣждаетъ насъ судьба городского самоуправленія въ Погарѣ. Въ Погарѣ, гдѣ первоначально заведено было особое гражданское (магистратское) самоуправленіе на такихъ же основаніяхъ, какъ и въ Черниговѣ, Нѣжинѣ, Переяславѣ, оно мало-по-малу слилось съ военнымъ казацкимъ, и Погарская ратуша очутилась въ зависимости отъ мѣстнаго сотника; точнѣе говоря, оба управленія—военное и гражданское—слились вмѣстѣ, и дѣла мѣщанскія стали рѣшаться въ одной избѣ (ратушѣ) съ казацкими. Въ 1744 г. погарскій войтъ Песоцкій со всѣми мѣщанами подалъ на Высочайшее имя челобитную, въ которой ходатайствовалъ о возстановленіи магистрата. Просьба погарскихъ мѣщанъ была уважена: они получили отъ императрицы Елизаветы Петровны грамоту, въ которой указывалось, что апеллировать на рѣшеніе Погарскаго магистрата нужно или въ Генеральный Войсковой Судъ, или въ Генеральную Войсковую Канцелярію, въ вѣдомствѣ которой и должна состоять погарская ратуша.

Въ Новгородъ-Сѣверскѣ городское самоуправленіе также слилось-было съ сотеннымъ — засѣданія происходили въ одномъ общемъ домѣ, хатѣ мѣстнаго церковнаго братства. Въ другихъ небольшихъ городкахъ (Мглинѣ, Почепѣ) дѣло обстояло не лучше. То же самое было и въ Полтавѣ. Сохранилось большое дѣло о Полтавскомъ магистратѣ, и тамъ подробно изложена исторія столкновеній магистрата съ мѣстнымъ полковымъ урядомъ. Этому послѣднему было крайне непріятно, что всецѣло зависимая отъ него ратуша была обращена въ свободный самоуправляющійся магистратъ. И вотъ пререканія начинаются съ самыхъ первыхъ шаговъ дѣятельности новаго городского самоуправленія. По смерти полтавскаго войта Кириллова (въ 1752 г.) магистратъ избралъ его преемникомъ бурмистра Терентенка. По этому поводу полтавскій полковникъ А. Горленко написалъ въ Генеральной Войсковой Канцеляріи цѣлое доношеніе, которое свидѣтельствуетъ только о томъ, что онъ никакъ не могъ и не желалъ примириться съ потерею своей власти надъ магистратомъ. Здѣсь онъ написалъ, между прочимъ, будто бы магистратъ и не думалъ дѣлать представленія высшему начальству объ утвержденіи въ должности вновь избраннаго войта; между тѣмъ, такое представленіе въ дѣйствительности было сдѣлано, и текстъ его дошелъ до насъ. Такъ какъ сферы вѣдомства Полковой Канцеляріи и магистрата не были строго разграничены, то поводовъ къ столкновенію оказалось немало. Одинъ разъ споръ возникъ изъ-за того, кто долженъ провожать колодника; потребовались подводы для отправки дичи къ гетманскому дворцу—и со-

тенная канцелярія, по ордеру полкового, взяла ихъ насильно у полтавскихъ городскихъ урядниковъ и мѣщанъ (а нѣкоторыхъ и не возвратила), между тѣмъ какъ мѣщане обязаны были дать ихъ только въ предѣлахъ своей территоріи до Будисской сотни. Въ отвѣтъ на жалобы по этому поводу полковникъ А. Горленко представилъ обширный отвѣтъ, въ которомъ обзывалъ магистратское управленіе безначальнымъ, безчиновнымъ и сумасброднымъ. Гетманъ К. Г. Разумовскій подтвердилъ, что Полтавскій магистратъ не долженъ состоять въ командѣ Полковой Канцеляріи; общенародныя же повинности обязанъ отбывать по-прежнему. Вновь устроенный Полтавскій магистратъ не могъ не обратить вниманія на то, что многіе цеховые уклоняются отъ городскихъ повинностей, уходя подъ протекцію старшины и казаковъ. Всѣ полтавскіе цехмистры, т.-е. выборные начальники цеховъ—кравецкаго, шевскаго, ткацкаго, рѣзницкаго, ковальскаго, гончарнаго, бондарскаго, — со своими цеховыми подали заявленіе въ магистратъ, что многіе мастера живутъ въ городѣ въ качествѣ подсусѣдковъ за разными владѣльцами, свободно работаютъ на сторону всякіе заказы и тѣмъ причиняютъ убытки лицамъ, записаннымъ въ цехи; эти же послѣднія не знаютъ, съ чего добывать заработокъ для своихъ повинностей. Такіе мастера, не несущіе повинностей, и казаки, занимающіеся ремеслами, принимаютъ къ себѣ въ ученіе учениковъ и не даютъ въ цеховую складку „уступнаго и вызволеннаго“ (т.-е. при поступленіи въ ученичество и при выходѣ изъ него). Прежде съ разныхъ цеховыхъ сборовъ отбывались общенародныя повинности и снабжались всѣмъ необходимымъ Божіи церкви. Теперь же цехи пришли въ крайнее убожество, такъ что не только не имѣютъ никакихъ доходовъ, но и цеховыхъ дворовъ. Магистратъ со своей стороны подтверждалъ, что подобныя лица, въ случаѣ нанесенія обывателямъ ущерба въ ихъ ремеслѣ, не желаютъ, пользуясь защитою своихъ владѣльцевъ, давать отвѣта передъ цехмистрами. Въ Магдебургскомъ же правѣ, прибавляли они, а именно въ книгѣ „Порядокъ“ (часть I-я, листъ 24-й) напечатано, что всѣ цеховые мастера должны быть подсудны цехмистрамъ; кромѣ того, по справкѣ оказалось, что въ малороссійскихъ городахъ цеховые ремесленники, за кѣмъ бы они ни жили, подчиняются цехамъ. Однако изъ наказа полтавскому городскому депутату въ Екатерининскую Комиссію мы убѣждаемся, что полтавскіе полковники по-прежнему нарушали городское самоуправленіе, несмотря на то, что оно было подтверждаемо жалованными грамотами и полтавскіе жители ходатайствовали о возстановленіи въ полной силѣ своихъ привилегій и Магдебургскаго права, которое, слѣдовательно, они признавали

полезнымъ и необходимымъ въ общихъ городскихъ интересахъ—такъ привилось къ малороссійскимъ городамъ по существу чуждое имъ, иноземное право, конечно, только потому, что оно гарантировало имъ до нѣкоторой степени то внутреннее самоуправленіе, которое они цѣнили и отстаивали.

Въ Нѣжинѣ магистрату приходилось вести борьбу не только съ полковничьимъ урядомъ, но и съ греческимъ Нѣжинскимъ братствомъ. Это была чужеземная корпорація, пріобрѣвшая мало-по-малу чрезвычайно широкія права по части самоуправленія и суда, а главное—захватившая въ свои руки почти всю торговлю. Греческіе купцы рано появились въ Малороссіи и уже при Богданѣ Хмельницкомъ получили привилегіи, которыя потомъ были подтверждены какъ малороссійскими гетманами, такъ и духовными владыками. Греки, очевидно, поняли, что при тогдашнемъ соціальномъ строѣ имъ не нужно было смѣшиваться съ безправною массою населенія, а слѣдовало составить изъ себя особую корпорацію, которая надѣлена была бы особыми привилегіями. На первыхъ порахъ они наѣзжали въ Малороссію однако только временно; затѣмъ торговые интересы заставили ихъ оставаться подолгу въ Малороссіи; и вотъ тогда-то Нѣжинъ сдѣлался какъ бы ихъ резиденціей. Ихъ привлекало центральное положеніе этого города, его многолюдство и торговля — всѣ эти условія были налицо уже въ половинѣ XVII в. Въ 70-хъ годахъ этого столѣтія греки утвердились въ Нѣжинѣ, какъ это видно изъ универсаловъ Самойловича и Мазепы. Въ 80-хъ годахъ въ Нѣжинѣ уже основалось Нѣжинское Греческое Братство, обязанное своимъ возникновеніемъ, главнымъ образомъ, энергіи священника Христ. Дмитріева. На пожертвованныя деньги онъ построилъ храмъ и при немъ школу и шпиталь-богадѣльню, т.-е. такія просвѣтительно-благотворительныя учрежденія, которыми усѣяна была тогдашняя Малороссія. Братство подчинено было непосредственно Кіевскому митрополиту. Но оно преслѣдовало далеко не одни религіозные интересы. Оно было тѣмъ, чѣмъ являлся торговый нѣмецкій дворъ въ Великомъ Новгородѣ: торговыя цѣли тамъ, какъ и здѣсь, стояли на первомъ планѣ. Оно пользовалось правомъ собственнаго суда и не было подчинено ни полковничьему, ни магистратскому присуду. Мало того, и это, пожалуй, было даже важнѣе: оно сумѣло освободить себя отъ самыхъ тяжелыхъ повинностей—подводной и постойной—и вообще отъ всякихъ повинностей въ пользу города. Понятное дѣло, что эта послѣдняя льгота была въ высшей степени несправедлива по отношенію къ коренному малороссійскому населенію города; интересы нѣжинскихъ мѣщанъ и магистрата

его нарушались самымъ положительнымъ образомъ. По точному непререкаемому смыслу жалованныхъ нѣжинскому магистрату грамотъ, всѣ лица, желавшія заниматься въ городѣ торговлею, должны были участвовать въ общегородскихъ повинностяхъ и зависѣть въ этомъ отношеніи отъ магистрата. А теперь это право было нарушено иностранными пришельцами, которымъ гетманы даровали эти привилегіи, главнымъ образомъ, по ихъ мнѣнію, за то, что они обязались вносить въ пхъ пользу (и только въ ихъ пользу) особый налогъ.

С. В. Рождественскій.

Академія наукъ и Комиссія о сочиненіи проекта Новаго Уложенія.

Въ числѣ государственныхъ учрежденій, призванныхъ къ участію въ Комиссіи о сочиненіи проекта новаго Уложенія, была и Академія наукъ. Въ засѣданіи академической конференціи 19 февраля 1767 г., въ присутствіи „директора" Академіи графа В. Г. Орлова и 8 академиковъ, произведены были выборы депутата въ Комиссію. Голоса сильно разбились. Баллотировалось 19 лицъ, въ томъ числѣ бывшій президентъ графъ Разумовскій и 5 почетныхъ членовъ. Большинство голосовъ (7) получилъ историографъ Г. Ф. Миллеръ, который въ данное время находился въ Москвѣ, въ должности начальника архива иностранной коллегіи [1]).

Въ концѣ апрѣля академическая конференція приступила къ составленію наказа своему депутату. Проекты этого наказа были представлены самимъ директоромъ графомъ В. Г. Орловымъ и академиками Миллеромъ, Поповымъ, Котельниковымъ, Брауномъ, Гмелинымъ, Фишеромъ, Штелинымъ. Когда текстъ наказа былъ выработанъ, то при окончательномъ его разсмотрѣніи, въ засѣданіи 10 августа, выяснилось, что большая часть пунктовъ подходила скорѣе къ проекту новаго устава Академіи, чѣмъ къ депутатскому наказу. Проектъ послѣдняго былъ заново переработанъ, и въ окончательномъ видѣ полученный Миллеромъ наказъ выдвигалъ на первый планъ интересы несравненно болѣе широкіе, чѣмъ непосредственные интересы самой Академіи. [2])

За отсутствіемъ спеціальныхъ органовъ государственной власти, вѣдающихъ дѣло народнаго просвѣщенія, Академія была единственнымъ учрежденіемъ, отъ котораго, по его традиціи и компетенціи, могла исходить въ Законодательной Комиссіи инициатива

[1]) Протоколы засѣданій Конференціи Имп. Академіи Наукъ, т. II (СПБ. 1899), стр. 592—595.

[2]) Ibid., стр. 600—616. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. XLIII, стр. 371—374.

широкой постановки вопросовъ народнаго просвѣщенія. Данный Миллеру наказъ свидѣтельствуетъ, что сама Академія готова была такъ именно понять свою задачу. Своему депутату она вмѣняла въ первую обязанность „стараться вообще о пользѣ, отъ наукъ происходящей". Оставляя въ сторонѣ вопросъ о своихъ собственныхъ недостаткахъ и нуждахъ, Академія тѣмъ болѣе признавала себя обязанной говорить „о пользѣ, вообще проистекающей отъ наукъ", „что ни отъ одного ученаго мѣста", кромѣ нея, „депутатовъ не требовано".

Останавливаясь, прежде всего, на вопросѣ о заведеніи училищъ, „чтобы науки въ государствѣ процвѣтали", Академія въ своемъ наказѣ лишь вкратцѣ намѣтила схему двоякаго рода училищъ: нижнихъ, или гимназій, и верховныхъ, или университетовъ. Тѣ и другія училища должны учреждаться во взаимной связи, ибо послѣднія (т. е. университеты) безъ подкрѣпленія первыхъ никакъ устоять не могутъ, а первыя (т. е. гимназіи) безъ послѣднихъ ожидаемой отъ наукъ не произведутъ пользы". Краткость срока для составленія наказа не позволила Академіи „точныя свои мысли сказать о учрежденіи училищъ". Желая предать это дѣло „зрѣлому разсужденію, а не случаю", Академія обѣщала „всѣ свои труды и старанія употребить на скорѣйшее оныхъ сочиненіе, въ которомъ ясно будетъ показано, гдѣ и на какомъ основаніи надлежитъ завести училища".

Таковы были общія начала, на которыя должна была опираться дѣятельность депутата Миллера. Но въ ожиданіи обѣщаннаго Академіей новаго плана общей учебной реформы эта дѣятельность проявлялась, надо признаться, болѣе, чѣмъ слабо. Въ дневныхъ запискахъ большого собранія Комиссіи отмѣчено лишь одно выступленіе Миллера, притомъ довольно неудачное. Въ засѣданіи 20 августа 1767 г., во время разсужденій по поводу наказа черносошныхъ крестьянъ Каргопольскаго уѣзда, онъ перебилъ рѣчь депутата Меженинова, но былъ остановленъ напоминаніемъ маршала [1]).

Въ декабрѣ 1767 г. послѣдовало распоряженіе о перенесеніи работъ Законодательной Комиссіи изъ Москвы въ Петербургъ; Миллеръ же, вмѣстѣ съ другими 35 депутатами, остался въ Москвѣ и, повидимому, уже никакого участія въ дѣлахъ Комиссіи больше не принималъ [2]). Тѣмъ временемъ, въ маѣ 1768 г., изъ состава большого собранія Комиссіи выдѣлилась „частная комиссія объ училищахъ и призрѣнія требующихъ".

[1]) Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. II, стр. 75.

[2]) А. В. Фроловскій, Составъ Законод. Комиссіи 1767—1774 г.г. (Од. 1915) стр. 520.

Въ инструкціи, полученной этой послѣдней Комиссіей отъ комиссіи Дирекціонной, выдвигалась та же проблема созданія общей системы народнаго просвѣщенія, о которой говорилъ и наказъ Академіи наукъ депутату Миллеру [1]) Это и былъ настоящій моментъ, когда Академія должна была выступить съ обѣщаннымъ ею планомъ общей учебной реформы. Выполнила ли Академія это свое обѣщаніе?

Графъ Д. А. Толстой въ статьѣ „Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII в." сообщилъ, что Академіей наукъ была представлена въ большое собраніе Комиссіи особая записка подъ заглавіемъ: „Статьи, содержащія въ себѣ то, что сдѣлать надлежитъ прежде учрежденія училищъ." Въ этой запискѣ Академія предлагала учредить, для управленія учебнымъ дѣломъ въ государствѣ, особое „правительство", въ видѣ коллегіи изъ знатныхъ любителей наукъ и ученыхъ спеціалистовъ. На обязанности этого „правительства" должно было лежать составленіе общаго плана учрежденія училищъ и уставовъ для нихъ; на него же возлагалась обязанность завѣдыванія всѣми учебными заведеніями Имперіи: низшими, средними и высшими.

По ссылкѣ графа Толстого на дѣла Законодательной Комиссіи, хранящіяся въ архивѣ Государственнаго Совѣта, намъ долго не удавалось отыскать въ этихъ дѣлахъ изложенную записку. Лишь недавно архиваріусу помянутаго архива А. В Шебалову удалось найти представленныя Академіей въ Законодательную Комиссію „Статьи", притомъ въ сопровожденіи другой записки, остающейся доселѣ неизвѣстной и озаглавленной „Краткія размышленія касательно до учрежденія училищъ въ Россіи отъ Академіи наукъ въ Комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія. 2) Обѣ записки, печатаемыя цѣликомъ ниже, даютъ отвѣтъ на поставленный вопросъ, какъ выполнила Академія наукъ взятую на себя задачу по составленію проекта общей учебной реформы въ Имперіи.

Уже въ самомъ концѣ 1768 года, когда общія собранія Законодательной Комиссіи прекратились и вся ея работа разошлась по частнымъ комиссіямъ, графъ В. Г. Орловъ, въ засѣданіи академической конференціи 22 декабря, напомнилъ о взятомъ Академіей на себя обязательствѣ представить въ Комиссію планъ общей учебной реформы въ Имперіи. При этомъ графъ Орловъ самъ вы-

---

[1]) С. В. Рождественскій, „Очерки по исторіи системъ народн. просвѣщенія въ Россіи", т. I, стр. 297.

[2]) Архивъ Госуд. Совѣта, дѣла II Отд. Собств. Е. И. Вел. Канцеляріи, связка 1240.

ступилъ по этому предмету съ нѣкоторымъ предложеніемъ. Такъ какъ предложеніе Орлова встрѣтило по нѣкоторымъ пунктамъ возраженія, то рѣшено было раздать его академикамъ и, по выслушаніи отдѣльныхъ поправокъ и мнѣній, подвергнуть новому обсужденію. Академія вернулась къ нему въ засѣданіи конференціи 12 января слѣдующаго года, когда, между прочимъ, академикъ Эйлеръ прочиталъ записку своего отца и свою собственную объ учебномъ дѣлѣ. Затѣмъ окончательное обсужденіе проекта гр. Орлова состоялось въ засѣданіи 23 января; принятый конференціею проектъ поручено было внести въ Комиссію академику Румовскому [1]).

Изъ краткихъ протоколовъ Конференціи не видно, въ чемъ заключалось существо проекта графа Орлова. Лишь въ послѣднемъ протоколѣ 23 января разъяснено, что этотъ проектъ былъ принятъ конференціей послѣ того, какъ самъ Орловъ отказался отъ того его пункта, который вызвалъ главныя возраженія, а именно отъ намѣренія подчинить Академію наукъ новоучреждаемой „Коллегіи объ училищахъ“ (Schulcollegium). Такъ какъ поданныя въ Законодательную Комиссію „Статьи о томъ, что сдѣлать надлежитъ прежде учрежденія училищъ“ трактовали именно о такой высшей коллегіи или „правительствѣ“, то не подлежитъ сомнѣнію, что эти „Статьи“ являются тѣмъ проектомъ графа Орлова, о которомъ говорятъ протоколы академической конференціи 1768—1769 гг. Въ такомъ случаѣ другой вновь найденный документъ, „Краткія размышленія объ учрежденіи училищъ“, можно понимать, какъ объяснительную записку къ „Статьямъ“.

„Краткія размышленія“ имѣютъ цѣлью показать, что принятая на себя Академіей задача—начертать общій планъ учебной реформы въ Имперіи—въ данный моментъ невыполнима, такъ какъ „соединена со многими неудобствами и затрудненіями“. Академія не сомнѣвается, что хорошее воспитаніе гражданъ есть великій и важный предметъ для государства, какъ то показали Локкъ, Шалотэ и множество другихъ славныхъ писателей. Но при учрежденіи училищъ, по мнѣнію Академіи и всякаго разумнаго человѣка, „полезнѣе для государства хорошіе нравы съ малымъ знаніемъ, нежели сему противное, и лучше имѣть мало училищъ, достигающихъ перваго, нежели много, ведущихъ къ послѣднему“. Поэтому въ данномъ дѣлѣ надо дѣйствовать съ осторожностью. Примѣры ошибочнаго направленія учебной политики даютъ Германія и Франція. Несмотря на обиліе училищъ въ обѣихъ этихъ странахъ, „въ

[1]) Протоколы, стр. 661—664.

первой едва десять прямо хорошо учрежденныхъ училищъ найти можно, а въ послѣдней и того менѣе".

Такъ, въ настроеніи неожиданнаго и весьма слабо обоснованнаго скептицизма, Академія отказалась отъ своего обѣщанія представить въ Законодательную Комиссію планъ общей учебной системы. Этотъ отказъ имѣлъ принципіальное значеніе. Академія въ данный моментъ окончательно снимала съ себя роль, которую она принуждена была выполнять съ самаго своего основанія и которая ей никогда не давалась. Въ другомъ трудѣ мы имѣли случай подробно показать, какъ еще Петромъ Великимъ Академія была поставлена какъ бы въ фокусѣ всей политики народнаго просвѣщенія. Призванная „расплодить науки въ народѣ", она должна была совмѣстить въ своей компетенціи цѣлое вѣдомство народнаго просвѣщенія: и высшій разсадникъ науки и университетъ и среднюю и низшую школы. Со столь обширной задачей Академія не справилась и не успѣла даже поставить на ноги университета и гимназіи, учрежденій, практически необходимыхъ, прежде всего, для нея самой. Неудачной оказалась и попытка привлеченія Академіи къ рѣшенію общаго вопроса о новой учебной системѣ, имѣвшая мѣсто незадолго до созыва большой Законодательной Комиссіи. Въ 1760 году Академіи предложено было высказаться по поводу проекта И. И. Шувалова о повсемѣстномъ учрежденіи гимназій и школъ. Получился рядъ разрозненныхъ мнѣній отдѣльныхъ академиковъ и въ совокупности этихъ мнѣній еще проходили красною нитью традиціи стараго сословно-профессіональнаго образованія, уже отживавшаго свое время. Въ ясномъ пониманіи новыхъ задачъ общей учебной реформы петербургскихъ академиковъ опережали профессора юнаго Московскаго Университета, съ учрежденіемъ котораго переходила на новыя основанія вся помянутая реформа. Участіе въ большой Законодательной Комиссіи 1767—1768 гг. давало Академіи послѣдній случай взять въ свои руки иниціативу разрѣшенія главной проблемы политики народнаго просвѣщенія. Академія сначала, въ наказѣ своему депутату, взялась было за эту задачу, но затѣмъ очень скоро отъ нея отказалась. Въ „Краткихъ размышленіяхъ" Академія ссылалась на трудность задачи, на опасность ошибокъ въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ начертаніе плана народнаго просвѣщенія. Въ „Статьяхъ о томъ, что дѣлать надлежитъ прежде учрежденія училищъ" Академія уже прямо сознается, что взятая ею на себя задача выходитъ за предѣлы ея компетенціи: „упражненія ея съ предметомъ училищъ почти никакого сношенія не имѣютъ".

Но, отказываясь отъ трудной задачи составленія общаго

плана народнаго просвѣщенія, Академія вѣрно улавливала одинъ изъ главныхъ моментовъ въ осуществленіи этой проблемы. По мнѣнію Академіи, заведеніе училищъ и приведеніе ихъ въ цвѣтущее состояніе должно быть выдѣлено въ особую отрасль государственнаго управленія и поручено особому „Правительству". Предлагая организовать послѣднее въ видѣ спеціальной коллегіи, подчиненной непосредственно верховной власти, Академія не пожелала, однако, сама стать въ подчиненіе этой коллегіи, какъ то предположено было въ первоначальномъ проектѣ ея директора графа Орлова.

Если правильно наше предположеніе, что изложенныя выше „Статьи" есть тотъ самый проектъ, который былъ выработанъ конференціей Академіи наукъ, по предложенію графа Орлова, въ январѣ 1769 г., то надо думать, что эти „Статьи" были представлены уже не въ большое собраніе Законодательной Комиссіи, какъ разъ въ это время распущенное, а въ частную Комиссію объ училищахъ и призрѣнія требующихъ. Воспользовалась ли эта частная Комиссія академическими записками, въ точности неизвѣстно. Знаемъ только, что, открывая свою работу, Комиссія объ училищахъ въ числѣ матеріаловъ, затребованныхъ ею изъ Дирекціонной Комиссіи, упомянула и проектъ Академіи наукъ [1]).

Основная мысль послѣдняго академическаго проекта о созданіи особаго высшаго коллегіальнаго учрежденія для управленія учебнымъ дѣломъ въ Имперіи, несомнѣнно, шла навстрѣчу ясно назрѣвшему въ серединѣ XVIII вѣка вопросу. Во всѣхъ почти наиболѣе продуманныхъ и разработанныхъ проектахъ общей учебной реформы, въ изобиліи возникшихъ въ 1760—1770 г.г., этотъ вопросъ разрѣшался въ положительномъ смыслѣ. Тѣмъ болѣе неожиданнымъ представляется рѣшеніе частной Комиссіи объ училищахъ, состоявшееся 3-го августа 1770 г.: „особливому главному правленію надъ училищами не быть, а подчинить оныя Правительствующему Сенату" [2]).

---

[1]) Рождественскій, op. cit., стр. 299—300.

[2]) Ibid., стр. 524—528.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Краткія размышленія, касающіяся до учрежденія училищъ въ Россіи отъ Академіи Наукъ въ Комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія.

Академія въ наказѣ своемъ, поданномъ въ Комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенія, обѣщала сочинить начертаніе, гдѣ и на какомъ основаніи учредить училища въ Россіи: но, разсмотря сіе со вниманіемъ, нашла, что такое сочиненіе соединено со многими неудобствами и затрудненіями, о которыхъ она здѣсь умолчать намѣрена, дабы на чтеніе оныхъ напрасно времени не терять. А какъ сіи неудобства яснѣе и убѣдительнѣе изустно доказать можно, то Академія всегда къ тому готова, сколь скоро сіе Коммисіи угодно будетъ. Нижеслѣдующій же способъ, между всѣми ей извѣстными признавая за лучшій, предлагаетъ, показавъ напередъ важность училищъ въ государствѣ.

Сколь великъ и важенъ предметъ для государства хорошее воспитаніе гражданъ, и что дѣйствія воспитанія простираются до всѣхъ частей онаго и благополучія всѣхъ жителей его, не требуетъ сіе длинныхъ разысканій и доводовъ. Великій Локкъ, Шалотэ, въ начертаніи своемъ о народномъ воспитаніи, и множество другихъ славныхъ писателей довольно, кажется, сіе мнѣніе утвердили. Притомъ, когда неоспоримо, что отъ учрежденія хорошихъ или дурныхъ училищъ будутъ просвѣщенные и безпристрастные, или непросвѣщенные и пристрастные министры, справедливые и умомъ просвѣтившіеся или корыстолюбивые и несмысленные судьи, великодушные и искусные или малодушные и неискусные воины, хорошіе или дурные отцы, однимъ словомъ, добрые или худые граждане: то училища должны составлять великій и важный предметъ для государства. Изъ сего описанія легко видѣть можно, что въ помянутыхъ училищахъ на нравы смотрѣть надлежитъ, и, по мнѣнію Академіи и всякаго разумнаго человѣка, полезнѣе для государства хорошіе нравы съ малымъ знаніемъ, нежели сему противное, и лучше имѣть мало училищъ, достигающихъ перваго, нежели много, ведущихъ къ послѣднему. И такъ, видя важность сего предмета, всякъ почувствуетъ, сколь осторожно къ исполненію онаго приступить должно, а особливо для того, что не трудно въ семъ дѣлѣ ошибиться. Примѣромъ сему служатъ разныя госу-

дарства, какъ-то Нѣмецкая земля и Франція. Въ первой едва десять прямо хорошо учрежденныхъ училищъ найти можно, а въ послѣдней и того менѣе, хотя въ каждой изъ сихъ земель число оныхъ очень велико, а особенно въ первой.

Графъ Владиміръ Орловъ, Я. Штелинъ.

II.

Статьи, содержащія въ себѣ то, что сдѣлать надлежитъ прежде учрежденія училищъ.

1. Первое и главное дѣло учредить коллегію или правительство училищамъ.

Польза сего правительства, хотя и довольно ясна кажется, однако, объ оной здѣсь коротко упомянуть можно. Заведеніе училищъ, приведеніе ихъ въ цвѣтущее состояніе, и всегдашнее попеченіе сохранить ихъ въ ономъ, должно составлять упражненіе сего правительства. Сего кажется и довольно, чтобъ почувствовать надобность такого правительства. Можно бы подробнѣе гораздо объ ономъ написать, но то было бы излишне.

Нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся до учрежденія сего правительства, о которыхъ Академія за благо разсуждаетъ здѣсь упомянуть.

2. Правительству сему единственно быть въ покровительствѣ и вѣдѣніи Государя, и ни отъ кого другого болѣе никакъ не зависѣть, и никакому мѣсту ни въ чемъ отчета не давать.

3. Состоять сему правительству изъ особъ девяти; одной части изъ нихъ быть знатнымъ просвѣщеннымъ любителямъ наукъ, а другимъ двумъ быть изъ ученыхъ. Видно довольно изъ упражненія, сему правительству въ нижеслѣдующихъ статьяхъ предписаннаго, каковыхъ качествъ должны быть особы, составляющія оное.

4. Когда члены назначены будуть, а потомъ одинъ изъ нихъ или болѣе выбудутъ, то на каждое убылое мѣсто, оставшееся въ семъ правительствѣ, избравъ трехъ особъ, надлежитъ представлять Государю на утвержденіе одного изъ нихъ.

5. Какъ скоро сіе правительство учредится, то первые его труды состоять должны въ томъ, чтобъ предписать правила общія, какимъ образомъ и на какомъ основаніи училища въ Россіи заводить, такъ же изыскать и положить правила, на какомъ основаніи быть сему правительству.

6. Послѣ сихъ трудовъ слѣдуетъ сдѣлать особенныя, на осно-

ваніи общихъ правилъ твердость свою имѣть долженствующія, частнымъ училищамъ правила или уставы, которые или само правительство сіе сочиняетъ или сочиненные разсматриваетъ.

7. Всѣ училища, нижнія, среднія и верховныя, безъ исключенія, должны быть въ вѣдѣніи сего правительства.

8. Какъ скоро нѣкоторое число училищъ заведется, то нужно будетъ, чтобъ поперемѣнно всегда одинъ изъ членовъ ѣздилъ и смотрѣлъ, въ какомъ состояніи училища. Кажется, сей образъ одинъ изъ лучшихъ къ сохраненію оныхъ въ желаемомъ порядкѣ.

9. Потребно очень кажется, не теряя времени и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, учредить сіе правительство. Ибо могутъ въ установляемыхъ онымъ распоряженіяхъ встрѣтиться обстоятельства, которыхъ рѣшеніе до уложенной комиссіи коснется. Сверхъ же сего и самый недостатокъ училищъ того требуетъ.

Ежели сіи размышленія несовершенны и недостаточны, то сіе извинить надлежитъ. Ибо Академія за разными другими дѣлами многаго времени на оныя употребить не могла, да и сверхъ того, упражненія ея съ предметомъ училищъ почти никакого сношенія не имѣютъ.

Академія и тѣмъ довольна будетъ, ежели что-нибудь полезное въ сихъ размышленіяхъ найдется, или, по крайней мѣрѣ, подадуть оныя случай къ другимъ полезнымъ о семъ дѣлѣ разсужденіямъ.

Г. В. Орловъ, Я. Штелинъ, Леонгардъ Ейлеръ, Иванъ Фишеръ, Семенъ Котельниковъ, І. Альбрехтъ Ейлеръ, Степанъ Руливскій, C. F. Wolff, Georgius Mauritius Lowitz, Joseph Gärtner, Алексѣй Протасовъ, Петръ Иноходцевъ.

А. К. Филипповъ.

Тяга прибалтійскихъ крестьянъ въ Великороссію въ I-ой половинѣ XVIII вѣка.

Изучая вопросъ о нашемъ частно-владѣльческомъ крестьянствѣ въ I-ой половинѣ XVIII вѣка, нельзя не остановиться на одномъ интересномъ явленіи—о тягѣ въ его среду латышей и эстовъ нашей прибалтійской окраины. Явленіе это какъ-то мало изслѣдовалось. Говоря о нашихъ крѣпостныхъ въ указанную эпоху, ученые изслѣдователи больше останавливались на вопросѣ объ уходѣ, или отливѣ, изъ крѣпостного крестьянства его коренныхъ русскихъ элементовъ, чѣмъ о вливѣ въ него чужихъ. Это и понятно. Бѣгство нашихъ крѣпостныхъ отъ своихъ помѣщиковъ было явленіе изстаринное и весьма сложное, почему оно много разъ и по разнымъ основаніямъ приковывало къ себѣ вниманіе и общества и правительства, а равно и заставляло также, какъ историковъ нашихъ вообще, такъ и историковъ русскаго права въ частности, посвящать свои труды изслѣдованію этого явленія. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, наше крѣпостное крестьянство выдѣляло изъ себя множество бѣглецовъ какъ на всѣ наши украйны, такъ даже „за рубежъ", ища себѣ либо новой воли, либо возможности хотя нѣсколько пожить „во льготѣ". Знаменитый оберъ-прокуроръ Пр. Сената въ царствованіе Анны Іоанновны Аписимъ Масловъ,—подавшій въ Кабинетъ „проектъ" о худомъ состояніи крестьянъ Смоленской губерніи и прочихъ мѣстъ (т. е. проектъ о мѣрахъ къ улучшенію состоянія крестьянъ)—указываетъ, между прочимъ, на бѣгство крестьянъ въ Польшу и констатируетъ, что, крестьяне, несмотря на цѣлый рядъ указовъ, призывавшихъ ихъ обратно въ Россію, „изъ-за польскаго рубежа не токмо не возвращаются, но и сверхъ прежняго многіе бѣгутъ къ нимъ (т. е. къ прежнимъ бѣженцамъ) за рубежъ, ибо поляки, видя такую крестьянскую ску-

дость, публикуютъ и лестью своихъ вольностей къ себѣ жить подговариваютъ, обьявляя, что имъ даютъ дворы готовые и всякую ссуду и въ платежѣ податей льготы, лѣтъ по 10 и больше, и развозятъ ихъ внутрь своей земли въ дальнія мѣста, о чемъ и въ Кабинетѣ Ея И—го Величества извѣстно". Свѣтлый умъ Маслова не могъ ограничиться предложеніемъ чисто-полицейскихъ мѣръ по отысканію и возвращенію бѣглыхъ, почему онъ и представилъ Кабинету свой проектъ, въ которомъ, указавъ на „причину бѣдности и несостоянія" нашихъ крестьянъ, предлагалъ рядъ улучшеній ихъ положенія, „поправленія" крестьянъ, какъ онъ выражается [1]). Но, наши крестьяне бѣжали не только за „польскій рубежъ", а и на тѣ же берега Балтійскаго, когда-то Варяжскаго, моря и бѣжали задолго до присоединенія къ намъ Прибалтики. Такъ, напр., одинъ Елизаветинскій указъ отъ 6 октября 1753 г. прямо констатируетъ наличность „россійскихъ обывателей" въ Лифляндіи и Эстляндіи [2]), „которые и при прежнемъ свейскомъ правленіи безпрепятственно тамъ жили и при завоеваніи тѣхъ мѣстъ, яко тамошніе обыватели и старожилы, причтены и нынѣ причитаются, и въ тамошнихъ прежнихъ переписныхъ книгахъ положены, а не бѣглыми считаются". Указъ предписываетъ ихъ оставлять на прежнихъ мѣстахъ и не возвращать „въ Россію", но, однако, дѣлать это по подлинному свидѣтельству, что „они, конечно, старожилы, и изъ Россіи вышли и поселились и живутъ тамо съ прежнихъ шведскихъ временъ". Наоборотъ, возвращенію подлежатъ всѣ тѣ крестьяне, которые туда перешли въ нынѣшнее россійское владѣніе,—хотя (бы) и съ самаго завоеванія той земли,—безъ паспортовъ или съ неуказными паспортами". Приведенныя оффиціальныя данныя—одни изъ многихъ, свидѣтельствующихъ объ уходѣ нашихъ „крестьянъ „за рубежъ" какъ на западъ, такъ и на сѣверъ; затѣмъ можно-бы было привести разнородныя свидѣтельства о постоянномъ токѣ крѣпостного крестьянства на югъ и на востокъ не только въ XVIII вѣкѣ, но и позднѣе. Но, присоединеніе Прибалтики создало, между прочимъ, нѣчто новое. Если крѣпостное русское крестьянство продолжало уходить, изъ-подъ своей неволи, частію въ ту же Лифляндію и Эстляндію, послѣ ихъ присоединенія къ Россіи, какъ уходило и раньше, то, съ другой стороны, и балтійскіе крестьяне бросились на Русь, надѣясь найти здѣсь себѣ лучшее, сравни-

[1]) См. изданныя нами „Бумаги Кабинета министровъ" (Сборникъ Им. Русс. Истор. Общества, томъ CVIII, стр. 283 и сл.).

[2]) I Полное Собр. Зак., томъ XIII, № 10139. стр. 896 и сл.

тельно, положеніе, чѣмъ то, какое они имѣли на родинѣ. Интересно, что русскіе землевладѣльцы, будь то монастыри, или частныя лица, ухватились за нихъ не менѣе энергично, чѣмъ русскій дворъ въ I-ой половинѣ XVIII вѣка за прибалтійскихъ бароновъ и прочихъ шляхтичей „лифляндскаго и эстляндскаго рыцарства"; разница состояла лишь въ томъ, что „латышей и чухонъ"—говоря языкомъ актовъ того времени,—усиленно (хотя и не всегда успѣшно) вызволяли обратно изъ тѣхъ русскихъ мѣстъ, куда они пришли, думая пожить „во льготѣ", а бароновъ и шляхтичей не менѣе усиленно, (но уже вполнѣ успѣшно) задерживали и культивировали на ихъ новыхъ „кормленіяхъ", на Руси, хотя бы цѣною униженія и разоренія своей собственной русской знати....

Какъ уже указывалось, русскіе крестьяне и до присоединенія Прибалтики къ Россіи, и послѣ этого присоединенія, уходили въ этотъ край, при чемъ къ нимъ присоединялись и эсты изъ Ингерманландіи. Такъ сенатскій указъ отъ 1 сентября 1725 г. отмѣчаетъ, что „изъ Ингерманландіи, изъ С.-Петербургскаго, Ямбургскаго, Копорскаго и Шлиссельбургскаго уѣздовъ многіе русскіе люди и чухны бѣгутъ въ Рижскую и Ревельскую губерніи и въ Выборгскую провинцію" и требуетъ „отвоза ихъ на прежнія мѣста, откуда кто бѣжалъ" [1]). Однако, едва черезъ $9^1/_2$ лѣтъ, другой указъ отъ 27 февраля 1735 г. говоритъ уже объ обратномъ явленіи—о переходѣ эстонцевъ въ Псковскій уѣздъ, а именно, въ немъ отмѣчается, что „изъ Лифляндіи, особливо изъ Дерптскаго уѣзда, многія крестьянскія фамиліи, которыя при послѣдней ревизіи деревень въ гаки приписаны, сбѣжали въ Россію и еще чаще бѣгаютъ и отъ большой части во Псковскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ, принадлежащей Печерскому монастырю, называемой Островицы, жительство имѣютъ [2]). Такъ какъ упоминаемая въ указѣ ревизія тянулась нѣсколько лѣтъ, а указъ этотъ подтверждаетъ лишь прежнія указы, то можно утверждать, что бѣгство эстонцевъ, а затѣмъ и латышей, началось изъ Рижской губерніи въ Псковскую провинцію уже въ первые годы послѣ ея присоединенія къ Россіи, распространившись и на Ревельскую губернію (такъ именовались тогда нынѣшнія Лифляндская и Эстляндская губерніи). Бѣгство это все болѣе и болѣе усиливалось, мѣры, направленныя къ возвращенію бѣглыхъ, дѣлались все болѣе и болѣе строгими [3]), но

[1]) I. П. С. З., т. VII, № 4771.

[2]) Бумаги Кабинета министровъ (Сбор. И. Р. Ист. Общ.. т. CXI, стр. 60 и сл.

[3]) Уже въ только-что цитированномъ указѣ повелѣвается бѣглыхъ немедленно, за карауломъ, отослать въ Дерптъ и отдать

возвращаемые насильственно считались единицами, какъ это будетъ указано ниже, о добровольномъ возвращеніи въ покинутый край, хотя-бы немногихъ лицъ (какъ это надо сказать о бѣглыхъ русскихъ крестьянахъ въ Польшу) [1]), нѣтъ и рѣчи; наоборотъ, представители балтійскаго дворянства постоянно жалуются на всякія препятствія, которыя встрѣчаются на пути къ возврату ихъ крестьянъ. Препятствія эти, несомнѣнно, были, какъ это мы увидимъ изъ дальнѣйшаго, но они, во всякомъ случаѣ, не были большими, чѣмъ по отношенію къ русскимъ крестьянамъ, ушедшимъ въ Польшу, которыхъ „поляки, нерѣдко обманывая, разными способами удерживаютъ и, разлучая дѣтей ихъ, развозятъ въ разныя мѣста, внутрь своей земли, а иныхъ грабятъ и до смерти убиваютъ, дабы тѣмъ къ возвращенію въ отечество свое не допустить“ [2]). Затѣмъ, русское правительство не останавливалось ни передъ какими мѣрами, частію продиктованными самими балтійскими дворянами, чтобы бѣглецы-крестьяне возвратились въ ихъ „маетности“,—чего, конечно, нельзя сказать о польскихъ властяхъ—но, мѣры эти, какъ сказано, мало помогали дѣлу. Обратимся къ документальнымъ даннымъ, подтверждающимъ сказанное.

Въ началѣ августа 1739 г. рижскій губернаторъ Л. А. фонъ-Бисмаркъ препроводилъ въ Кабинетъ прошенія лифляндскихъ ландратовъ о принятіи мѣръ противъ бѣглыхъ крестьянъ изъ Дерптскаго уѣзда, снабдивъ эти прошенія собственнымъ „доношеніемъ“, въ которомъ указалъ, что „въ здѣшній (т. е. Рижскій) генералъ-губернаментъ отъ нѣсколько уже времени изъ Дерптскаго уѣзда частыя жалобы происходятъ, что изъ онаго уѣзда въ Псковскую провинцію сбѣгшіе мужики тамошними обы-

---

ихъ прежнимъ помѣщикамъ и подтвердить накрѣпко, ежели впредь бѣглые являться будутъ, тобы оныхъ не принимать, а брать подъ караулъ и отсылать, куда надлежитъ, на прежнія ихъ жилища, по прежнимъ Нашимъ указамъ, подъ опасеніемъ платежа“ (ibid.). сравн. также II. С. З., томъ XI, №№ 8438, 8411 и др.

[1]) Изъ именного указа гр. ф. Вейсбаху отъ 10 марта 1734 г. мы, напр., узнаемъ, что нѣкоторые бѣглые изъ Новгородскаго уѣзда старообрядцы, вернувшись изъ Польши, просятъ позволенія поселиться въ Малороссіи (I П. С. З., т. IX, № 6555); изъ всеподданнѣйшаго доклада Кабинета отъ 31 іюля того же года видно, что Кабинетъ не надѣялся, что бѣглые изъ Польши „всѣ возвратились“, но онъ же, однако, констатировалъ,—что „малое число такихъ явилось“ обратно (ibid., № 6609 и др.).

[2]) Ibidem, № 6612. Объ общемъ экономическомъ положеніи крестьянъ и ихъ побѣгахъ въ указанное время см. подробно въ изслѣдованіи В. Н. Бондаренко—„Очерки финансовой политики Кабинета министровъ Анны Іоанновны (М., 1913 г.), стр. 49 и сл.

вателями и монастырями пріемлются и укрываются и хотя отъ Дерптскаго штатгальтера неоднократныя требованія объ оныхъ отдачѣ чинены, однако-жъ, не отдаютъ, о чемъ въ Прав. Сенатъ отъ здѣшняго генералъ-губернамента надлежаще представлено и особливо доношеніемъ, февраля отъ 18 числа 1738 г., объ указѣ къ Псковскому воеводѣ и въ Печерскій монастырь прошено, только резолюціи никакой не послѣдовало". Фонъ-Бисмаркъ, повторяя почти буквально доношеніе Дерптскаго штатгальтера Ѳ. Р. Стакельберга, утверждаетъ, что невозвращеніе бѣглыхъ „толь злыя слѣдствы показало, что нетокмо помѣщики своихъ бѣглыхъ мужиковъ назадъ достать и къ должности ихъ принуждать не могутъ, ежели не хотятъ всѣ мызу пусту видѣть, но изъ нѣкоторыхъ мызъ 20 и больше цѣлыхъ семей въ Россію, и особливо въ Печерскаго монастыря вѣдомство, вышли, но и огурство мужиковъ отъ того такимъ образомъ возрастаетъ, что уже не сомнѣваются владѣльцамъ своимъ объявлять, что, зажегши дома помѣщиковъ надъ ихъ головами, въ Россію выйдутъ, къ чему имъ дерзновеніе придаетъ злой примѣръ, что, противно Ея И. Величества высокому указу, такихъ бѣглыхъ въ Россію принимаютъ, и хотя сколько труда о возвращеніи прилагается, не отдаютъ, но и нѣсколько лѣтъ уже отъ мужиковъ надъ владѣльцами и прикащиками много убійствъ и насильствъ учинено, какъ и минувшаго мая 19 дня Мойзекильскаго (Мойзекиль—мыза въ Дерптскомъ уѣздѣ) прикащика тамошніе мужики до смерти погубили и сами злочинители въ Россію бѣжали". Согласно доношенію, укрываніе бѣглыхъ „убійства и разбои причиняетъ и сіе затѣмъ, что надъ убійцы и злодѣи, за ихъ побѣги черезъ границы и тамо (т. е. въ Россіи—по терминологіи доношенія) имъ явленной защиты, никакого образца (?) чинено быть можетъ, изъ года въ годъ такимъ образомъ умножается-де, что едва кто въ мызахъ безъ опасенія жить можетъ и прикащики вездѣ въ такой страхъ приведены, что ослушныхъ мужиковъ къ должности ихъ принудить не смѣютъ-де". „Зло" побѣговъ ничѣмъ искоренить, по доношенію, невозможно, какъ только тѣмъ, „дабы повелѣно было сильную команду во Псковскій и Печерскій монастырскій уѣзды тихимъ образомъ (т. е. тайно) послать и тѣхъ бѣглыхъ изъ объявляемыхъ здѣшними обывателями деревень выбрать, а надъ укрывателями, по Ея И. Величества высокимъ указомъ, крѣпкимъ слѣдованіемъ поступить, чтобъ такимъ образомъ, какъ возвращеніемъ туда сбѣгшихъ убійцовъ и злодѣевъ и оныхъ надлежащимъ образцовымъ наказаніемъ впредь злодѣйства учреждены и безвинно пролитая кровь очищена, но и побѣгъ здѣшнихъ мужи-

ковъ впредь пресѣченъ быть могъ“ [1]). Надо еще замѣтить, что, повторяя за Стакельбергомъ обвиненіе бѣжавшихъ крестьянъ въ убійствахъ и грабежахъ (что, однако, стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что „сбѣгшіе мужики“, по словамъ донесенія, живутъ спокойно въ указанныхъ обывателями деревняхъ), фонъ Бисмаркъ не идетъ такъ далеко въ мѣрахъ къ пресѣченію побѣговъ крестьянъ „въ Россію“, какъ Стакельбергъ, который, кромѣ посылки „сильной команды“ за бѣглецами въ Печерскій монастырь и другія мѣста, рекомендуетъ „по заставамъ больше солдатъ поставить и оные чаще сдвигнуть, чтобъ такимъ образомъ крѣпче бѣглыхъ смотрѣть можно“ [2]). Оставляя въ сторонѣ удивительное, для современнаго читателя всѣхъ этихъ „доношеній“, постоянное противоположеніе Россіи, русской границы — Дерптскому уѣзду (какъ будто послѣдній не находился тогда уже въ Россіи), нельзя не остановиться еще на 3-мъ документѣ, одновременно представленномъ въ Кабинетъ, а именно на всеподданнѣйшемъ прошеніи, поданномъ императрицѣ 6-ю ландратами и шляхетскими депутатами. Характерно, что здѣсь уже бѣглые крестьяне не называются „убійцами и злодѣями“—чѣмъ они, въ цѣломъ своемъ составѣ, и не могли быть, конечно,—и изъ ихъ „противностей“ предъ помѣщиками указывается лишь одинъ случай, а именно говорится, что „въ недавнихъ временахъ, когда Портемонскій владѣтель ритмейстеръ Стакельбергъ въ Россію кошенное сѣно домой привезти хотѣлъ, тѣ бѣглые у него взяли лошадь подъ заклажъ“, но зато указываетъ, что срокъ, установленный для возвращенія бѣглыхъ (1 января 1739 г.) прошелъ, однако, „убѣгшіе наши дерптскіе мужики (которыхъ имена и пристани были помѣщиками объявлены въ прежнихъ, отъ 1737 и 1738 г.г., челобитныхъ) изъ бѣговъ не возвратились“. Интересно при этомъ признаніе нѣмецкихъ помѣщиковъ, отчего это произошло: „при послѣдней, учрежденной отъ сего правительства комиссіи пограничной, россійскіе обыватели о возвращеніи бѣглыхъ и слышать не хотѣли, а и бѣглые не являютъ никакой охоты къ возврату, но паче же, при случаѣ, своимъ притаманнымъ хозяевамъ новыя противности показывать не опасны“ (единственный случай такихъ „противностей“, указанный въ прошеніи, приведенъ нами выше). Что наши „россійскіе обыватели“ не хотѣли возврата въ Прибалтику „дерптскихъ мужиковъ“,—хотя бы и ква-

[1]) Бумаги Кабинета министровъ (Сборн. И. Рус. И. Общ., т. CXXXVIII, стр. 327 и сл.).

[2]) Ibid., стр. 329 и сл.

лифицированныхъ ихъ прежними господами, какъ „убійцъ и злодѣевъ“, но являвшихся, по всѣмъ даннымъ, хорошими работниками, къ которымъ, въ общемъ, указанная квалификація мало подходила—это естественно, при той нуждѣ въ рабочихъ рукахъ, которая тогда чувствовалась, и здѣсь нѣтъ ничего удивительнаго. Неожиданно, однако, признаніе самихъ прежнихъ господъ, что ихъ крестьяне, „не являютъ никакой охоты къ возврату“, находя, безъ сомнѣнія, что имъ лучше живется на новыхъ, чѣмъ на старыхъ мѣстахъ [1]). Конечно, при такихъ условіяхъ, возвратъ былъ возможенъ только путемъ самыхъ строгихъ мѣръ. Кабинетъ и принимаетъ ихъ въ той концепціи, на которую ему указали сами балтійскіе дворяне; онъ развиваетъ лишь при этомъ болѣе подробно ея основную мысль. А именно, два кабинетъ-министра гр. А. И. Остерманъ и кн. А. М. Черкасскій предписываютъ Пр. Сенату „велѣть Рижской губернской канцеляріи изъ тамошняго гарнизона послать въ Псковскую провинцію нарочнаго штабъ-или оберъ-офицера съ надлежащимъ числомъ солдатъ и вышеупомянутыхъ бѣглыхъ мужиковъ, тайнымъ образомъ переловя, обще съ Псковскимъ воеводою распрося, освидѣтельствовать, и которые, по подлинному свидѣтельству, явятся бѣглые нерусскіе, оныхъ отправить съ тѣмъ присланнымъ офицеромъ къ ген.-фельдмаршалу и Рижской губерніи ген.-губернатору ф. Лессію, который имѣетъ разослать ихъ на прежнія жилища, кто куда надлежитъ“. Такъ какъ бѣглые укрывались не только отдѣльными помѣщиками, но и монастырями, „того ради, чтобы тому посланному въ сыску оныхъ ни малѣйшаго препятствія и остановки быть не могло, сообщить Св. Пр. Синоду, дабы о томъ изъ онаго немедленно былъ отправленъ въ Рижскую губернскую канцелярію, для отдачи тому посланному офицеру,—отверстный указъ, не давая въ тамошніе монастыри знать, чтобы между тѣмъ бѣглые

[1]) Интересно также признаніе Стакельберга, что „хотя всѣ здѣшніе владѣльцы въ разныя времена и образы старались бѣглыхъ своихъ изъ Россіи достать, понеже они тѣ деревни, гдѣ они живутъ, точно объявить знаютъ, однакожъ, понынѣ никто такъ счастливъ, чтобъ хоть единаго бѣглаго достать, ибо оныхъ во время иска укрываютъ, а какъ скоро то минуется, явно ходятъ и живутъ“. (i.b., стр. 329). Послѣднія слова, mutatis mutandis, напоминаютъ челобитныя дворянъ и дѣтей боярскихъ 3 февраля 145“ г. (т. е. 1637 г.), указывавшихъ царю, что, когда „указные годы выйдутъ“, монастыри и сильные люди привозятъ ихъ людишекъ изъ дальнихъ вотчинъ, гдѣ они ихъ скрывали, въ ближнія и пр. Е. Сташевскій „Къ исторіи дворянскихъ челобитныхъ“.— Сборникъ статей, посвященныхъ Л. М. Савелову (М. 1915 г. стр. 119).

скрыты не были, а кто такихъ бѣглыхъ принималъ и укрывательство ихъ чинилъ, съ тѣми поступить по указамъ" (ib., стр. 330 и сл.). Въ слѣдующее царствованіе Іоанна Антоновича Пр. Сенатъ снова „разсматривалъ челобитные Лифляндскаго герцогства ландратовъ и общаго рыцарства, а именемъ того-же герцогства ландратовъ Г. В. фонъ-Берга и О. Ф. фонъ-Розена" которые просили во 1-хъ принять мѣры къ отысканію и къ возвращенію обратно въ Лифляндію крестьянъ, бѣжавшихъ въ Курляндію, а во 2-хъ объ учрежденіи „особой комиссіи изъ лифляндскаго шляхетства и обрѣтающихся въ россійской службѣ офицеровъ (балтовъ?), съ опредѣленіемъ къ оной „потребнаго числа солдатъ", въ цѣляхъ болѣе успѣшнаго „сысканія и возвращенія такихъ же бѣглыхъ въ россійскія провинціи. Затѣмъ ландраты просили послать въ Новгородскую губернію и въ Псковскую провинцію „наикрѣпчайшій указъ и публиковать, чтобы такихъ бѣглыхъ изъ Лифляндіи крестьянъ въ россійскихъ провинціяхъ отнюдь не принимать и не укрывать, подъ опасеніемъ двойного, противъ опубликованныхъ указовъ, штрафа и наказанія". Сенатъ, вспомнивъ объ указанной выше кабинетской резолюціи, а равно и то, что, во исполненіе оной, были уже посланы во Псковъ капитанъ Забѣлинъ, а въ Печерскій и другіе монастыри капитанъ Саблинъ, подтвердилъ свое прежнее распоряженіе о скорѣйшемъ сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ изъ Рижской губерніи, угрожая Псковской и Новгородской канцеляріямъ штрафами „за нескорое того (сыска) отправленіе" и требовалъ, чтобы не было чинено „никакого помѣшательства и препятствія" посланнымъ для сыска и поимки тѣхъ бѣглыхъ крестьянъ нѣмцамъ, „офицерамъ отъ земли кавалерамъ, а именно: крейсь-комиссару Тунцельману и прапорщику фонъ Глазенапу". Въ то же время, Сенатъ отказалъ во вводѣ постоянныхъ нѣмецкихъ комиссаровъ въ составъ комиссіи (чего требовалъ Дерптскій штатгальтеръ Стакельбергъ) и указалъ, что „все оное (т. е. сыскъ и возвращеніе бѣглыхъ), по вышепомянутой Кабинета резолюціи, положено, на Псковскую провинціальную канцелярію, обще съ присланнымъ изъ Рижской губернской канцеляріи офицеромъ, чего Пр. Сенату сверхъ оной резолюціи, и учинить невозможно". Затѣмъ Сенатъ о сыскѣ бѣглыхъ въ Курляндіи и о возвратѣ ихъ постановилъ войти въ Кабинетъ съ сообщеніемъ, съ такимъ представленіемъ, что „Сенату о томъ опредѣленія учинить не можно, ибо Курляндія не подъ россійскимъ владѣніемъ состоитъ, и требовать резолюціи" [1]). Изъ этихъ данныхъ видно, во 1-хъ, что бѣгство кре-

[1]) I П. С. Зак., т. XI, № 8438.

стьянъ изъ Лифляндіи распространялось не только на внутреннія русскія губерніи, но и на сосѣднюю Курляндію, что во 2-хъ, прибалтійское дворянство, недовольное медленностью сыска и возврата бѣглыхъ, требовало усиленія штрафовъ и, въ 3-хъ, наконецъ, желало взять операціи по сыску и возврату бѣглыхъ, хотя отчасти, въ свои руки, почему Стакельбергъ и хотѣлъ, чтобы вышеупомянутые нѣмецкіе „кавалеры“, также и тѣ, „которые отъ него кто другіе опредѣлены и присланы будутъ въ тое комиссію въ комиссары“, были-бы постоянными комиссарами во Псковской провинціальной канцеляріи. Нельзя не отмѣтить также, что Пр. Сенатъ, отвѣчая на челобитье лифляндскихъ ландратовъ о возвратѣ бѣглыхъ изъ внутреннихъ губерній Россіи, требовалъ „равномѣрнымъ же образомъ“ и отъ Рижской губерніи не удерживать „имѣющихся иногда во оной россійскихъ бѣглыхъ крестьянъ“, не прибѣгая, впрочемъ, для этого къ какимъ-бы чрезвычайнымъ мѣрамъ. Такое же требованіе было Пр. Сенатомъ предъявлено и къ эстляндскимъ помѣщикамъ, жаловавшимся „многократно“, что „ихъ крестьяне переходятъ немалымъ числомъ въ Русь, которыхъ де оттуда никакъ достать невозможно“ [1]).

Дальнѣйшая исторія вопроса о сыскѣ и возвратѣ бѣглыхъ изъ Прибалтики во внутреннія губерніи получаетъ такое развитіе. Хотя и не въ томъ составѣ, какъ желали балтійскіе помѣщики, но въ 1740 г. была учреждена Комиссія „о сыскѣ ушедшихъ въ Россію Дерптскихъ и Перновскихъ и прочихъ къ Лифляндской губерніи принадлежащихъ дистриктахъ крестьянъ“, для дѣйствія которой (неудовлетворявшей, какъ видно изъ жалобы, балтійскихъ помѣщиковъ) была утверждена 4 сентября 1744 г. особая инструкція. Комиссія эта,—собравъ всѣ дѣла и реестры о бѣглыхъ въ внутреннія губерніи Россіи, какъ и обратно рижскихъ крестьянъ въ Лифляндію,—должна была войти въ сношеніе съ канцеляріями Лифляндской, Смоленской и Новгородской губерній, а равно съ Псковской и Великолуцкой провинцій, также и съ властями г. Гдова (на всѣ эти мѣстности распространились побѣги изъ Лифляндіи) о сыскѣ бѣглыхъ. Бѣглые должны быть высланы въ Комиссію отовсюду, „гдѣ бы оные не обрѣтались“, а именно „изъ дворцовыхъ, архіерейскихъ, монастырскихъ, помѣщиковыхъ и прочихъ селъ и деревень“, изъ Лифляндскихъ „публичныхъ и частныхъ мызъ (русскіе)“ съ ихъ женами и дѣтьми и съ родственниками и со всѣмъ ихъ имѣніемъ“, сперва изъ дальнихъ, если возможно, а затѣмъ изъ ближнихъ мѣстъ „за конвоемъ, на коштѣ тѣхъ людей, у кого они жили“. Чтобъ Комиссія не была поставлена въ

[1]) Ibidem, т. XI, № 8441.

какое-либо затрудненіе одновременной массовой высылкою бѣглыхъ, бѣглые высылаются, для разбора ихъ, по принадлежности, въ комиссію „невдругъ“, „а въ назначенные ею термины“. Бѣглые не должны были брать съ собою ничего, „кромѣ нужныхъ и необходимыхъ своихъ имѣній, т. е. платья и лошадей“, хлѣбъ-же, скотъ, посуда и пр. должны были быть ими проданы на мѣстѣ. „Рѣченные бѣглые“ высылаются „въ ту комиссію, съ обѣихъ сторонъ, за карауломъ, дабы ни одинъ никуда сбѣжать не могъ“ [1]). Всѣ эти подробности наглядно показываютъ, что за дѣло возврата бѣглыхъ принялись весьма серьёзно и уже ожидали большого наплыва ихъ, почему, между прочимъ, инструкція говоритъ о первомъ, второмъ и третьемъ „терминахъ“, т. е. очередяхъ, въ разборѣ и разсылкѣ бѣглыхъ. Одну особенность инструкціи нельзя не отмѣтить, она характерна для новаго Елизаветинскаго царствованія: въ концѣ ея 2-го пункта, выше нами приведеннаго, мы читаемъ: „а которые изъ лифляндцевъ воспріяли въ Россіи вѣру греческаго исповѣданія, таковыхъ съ женами ихъ и съ дѣтьми изъ Россіи въ Лифляндію не возвращать и оставить ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они нынѣ въ Россіи жительство имѣютъ, а сколько такихъ, воспріявшихъ вѣру греческаго исповѣданія за кѣмъ явились, о тѣхъ въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ сочинить именныя, и за кѣмъ кто нынѣ живетъ, обстоятельныя и вѣрныя вѣдомости и сообщить изъ тѣхъ канцелярій въ помянутую Комиссію немедленно, а изъ оной комиссіи таковыя-же вѣдомости прислать въ Пр. Сенатъ“. Если мы сопоставимъ это требованіе о невозвращеніи бѣглыхъ, принявшихъ православіе, обратно въ Лифляндію, съ многократно упоминаемомъ—въ одновременно изданной (4 сент. того же 1744 г.) инструкціи о размежеваніи земель въ Ингерманландіи—требованіемъ, о неотдачѣ помѣщикамъ „чухонъ и латышей“, живущихъ на земляхъ, отписываемыхъ въ казну (какъ этого требовалъ еще Петръ В.) [2]), то мы должны сказать, что правительство начало тогда (увы! впрочемъ, ненадолго) нѣсколько разбираться въ сложныхъ вопросахъ о взаимныхъ національныхъ и вѣроисповѣдныхъ вопросахъ между

[1]) Ibidem, т. XII, № 9023, пункты 1 и 2.

[2]) „А чухонъ и латышей и прочихъ, которые достались отъ шведскаго владѣнія, кромѣ переведенцевъ, во всѣхъ дачахъ переписать всѣхъ и раздѣлить всѣхъ (земли), исчисляя каждому по пропорціи дачъ, дабы одному противъ другого обиды не было; а что на излишнія земли, которые надлежитъ отписать на ея императорское величество, тѣхъ чухонъ и латышей и прочихъ описать особо, а помѣщикамъ не давать“ (ibid. № 9024, п. 1 и 2; срав. также введеніе къ нимъ).

помѣщиками—нѣмцами и мѣстнымъ кореннымъ населеніемъ (латышами и эстами), а равно и не хотѣло ихъ обезземеленія тамъ, по крайней мѣрѣ, гдѣ могло (въ данномъ случаѣ—въ Ингерманландіи).

Указанная уже нами выше инструкція Комиссіи о бѣглыхъ, требуя оставленія православныхъ „лифлянцевъ“ тамъ, гдѣ они „въ Россіи жительство имѣютъ“, во всѣхъ другихъ случаяхъ выставляетъ принципъ полнаго равенства въ обмѣнѣ бѣглыми между „Лифляндіею“ и „Россіею“, объясняя и основанія для примѣненія этого принципа: такъ, въ пунктѣ девятомъ инструкціи, мы читаемъ, что „ежели россійскіе крестьяне изъ Лифляндіи возвращены будутъ, а, напротивъ того, на ихъ мѣста изъ Россіи лифляндцы не возвратятся (предвидѣніе закона оказалось, какъ мы увидимъ ниже, основательно), то отъ того въ положенныхъ на нихъ, по ревизіи, казенныхъ податяхъ, воспослѣдуетъ, все конечно, и весьма немалый ущербъ; и для того той Комиссіи производить то возвращеніе бѣглымъ съ обѣихъ сторонъ равнымъ образомъ, безъ обиды, не оставляя изъ оныхъ нигдѣ ни единаго человѣка, а особливо отъ тѣхъ, обрѣтающихся въ Россіи, лифляндцахъ стараться, дабы оные, по всякой возможности изъ Россіи въ Лифляндію, на мѣсто показанныхъ россійскихъ, бывшихъ въ Лифляндіи крестьянъ, всѣ возвращены были неотмѣнно, чтобъ дѣйствительнымъ тѣхъ лифляндцевъ изъ Россіи, на мѣсто помянутыхъ россійскихъ крестьянъ возвращеніемъ, объявленной въ податяхъ казенный ущербъ, какъ возможно, дополниться могъ“. „Казенный ущербъ“ требуетъ возврата бѣглыхъ съ обѣихъ сторонъ равнымъ образомъ, „безъ обиды“. Равенства, однако, повидимому, не достигалось и вотъ инструкція требуетъ особливо заботиться о возвратѣ въ Лифляндію латышей и эстовъ, что едва-ли указываетъ на возможность допущенія ихъ добровольнаго возврата, а скорѣе подтверждаетъ слова самихъ лифляндскихъ дворянъ, что ихъ „сбѣгшіе мужики“—„не являютъ никакой охоты къ возврату“, какъ это указывалось уже выше. Что слова эти не были какимъ-либо преувеличеніемъ, видно изъ оффиціальныхъ доношеній, что со времени учрежденія Комиссій о бѣглыхъ изъ внутреннихъ губерній, а туда—изъ Лифляндіи и Эстляндіи (т. е. съ 1743 и 1744 гг.) выслано по 1753 г. изъ Лифляндіи и Эстляндіи въ Россію 1125, а въ Лифляндію только—обоего пола 15, въ Эстляндію—104 души [1]). Этотъ неуспѣхъ высылки бѣглыхъ въ Прибалтику изъ внутреннихъ губерній вызвалъ такое послѣдствіе: съ одной стороны, Рижская и Эстляндская губерніи пріостановили вы-

[1]) Ibidem, т. XIII, № 10139, стр. 896.

сылку русскихъ бѣженцевъ, поселившихся въ указанныхъ губерніяхъ, ссылаясь на то, что „за неравнымъ возвращеніемъ бѣглыхъ тамошнимъ публичнымъ и приватнымъ мызамъ приносится великое разореніе“, а съ другой стороны, нѣмецкіе депутаты Комиссій, видя это, обнаружили своего рода обструкцію, а именно,— говоря словами сенатскаго указа—„потому“ (т. е. вслѣдствіе указаннаго неравнаго возвращенія бѣглыхъ) „и опредѣленные со стороны Лифляндіи и Эстляндіи по онымъ Комиссіямъ члены отъ тѣхъ Комиссій отлучились“, т. е., по просту, покинули ихъ, „а другихъ“ (несмотря на то, что „о томъ изъ Камеръ-коллегіи“, которой были подчинены указанныя комиссіи, „было многократно подтверждено“) „на мѣсто ихъ не опредѣлено“. Обративъ свое вниманіе на то, что „Комиссіи уже съ немалаго времени живутъ праздны и, чтобъ впредь съ пользою дѣйствовать могли, о томъ, за вышеобъявленными затрудненіями, надежды, нѣтъ“ а командированные въ Комиссію офицеры нужны въ ихъ командахъ, Камеръ-коллегія вошла въ Сенатъ съ представленіемъ объ уничтоженіи указанныхъ Комиссій и возложеніи отысканія бѣглыхъ и возвращенія ихъ на мѣста ихъ прежняго жительства на подлежащія губернскія, провинціальныя и воеводскія канцеляріи; это же мнѣніе раздѣлила и Военная коллегія, указывавшая, что при полкахъ „въ штабъ-и оберъ-офицерахъ самая крайняя надобность состоитъ“, а при Комиссіяхъ они и ихъ воинскія команды „находиться будутъ праздно“, съ чѣмъ Сенатъ и согласился, подтвердивъ указаннымъ канцеляріямъ прежніе указы объ отысканіи и и возвращеніи бѣглыхъ и признавъ тѣмъ самымъ, что „по такимъ обстоятельствамъ“ (какъ указанныя выше) „къ скорому сыску, какъ донынѣ происходило, и возвращенію съ обѣихъ сторонъ означенныхъ бѣглыхъ крестьянъ надежды быть неуповательно“ (ibid). Комиссіи, такимъ образомъ, оказались безполезными и прежде всего—для нѣмецкихъ помѣщиковъ [1]), крестьяне коихъ въ такомъ незначительномъ количествѣ возвращались обратно въ Прибалтику. Неудача, постигшая балтійское шляхетство въ возвратѣ своихъ бѣглыхъ, съ одной стороны, и нежеланіе ихъ отдавать русскихъ крестьянъ, въ невыгодной для нихъ пропорціи, съ другой, заставили его войти въ Сенатъ съ

[1]) Объ этомъ опять-таки засвидѣтельствовали сами эти помѣщики, какъ видно это изъ того же указа Сената: „и тако“, говоритъ указъ, противъ высланныхъ изъ Лифляндіи и Эстляндіи россійскихъ бѣглыхъ крестьянъ „возвращеніемъ туда изъ Россіи бѣглыхъ лифляндцевъ и эстляндцевъ пользы никакой не воспослѣдовало, что и поданными въ Пр. Сенатъ отъ лифляндскаго и эстляндскаго рыцарства прошеніями объявлено“ (ibid.).

новыми челобитьями, иначе трактующими указанный вопросъ. Такъ, „герцогства Эстляндскаго ландраты и шляхетство, и именемъ оныхъ два ландрата—І. Ф. Курсель и М. Г. Кнорингъ, такожъ риттершафтъ гауптманъ М. В. Ниротъ били въ Сенатѣ челомъ: 1) чтобы находящихся въ Эстляндіи, въ ревизіонныя книги записанныхъ и въ таковое число включенныхъ, россійскихъ бѣглыхъ оставить въ Эстляндіи на ихъ мѣстахъ, а тѣхъ, которые въ ревизіонныя книги хотя записаны, а въ таковое число еще не включены, безъ отлагательства, для умноженія высокаго интереса, въ таковое число включить, и эстляндскихъ, въ Россіи обрѣтающихся, бѣглецовъ, безъ всякаго изъятія и различенія, въ Россіи оставить; 2) впредьни въ Россіи ниже въ Эстляндіи, никакихъ бѣглыхъ не принимать, и въ тамошнія ревизіонныя книги не записывать, подъ опасеніемъ положеннаго или умножаемаго на то штрафа“ (ib., стр. 892 и сл.). Отчаявшись въ возвратѣ собственныхъ бѣглецовъ и видя отходъ русскихъ крестьянъ обратно, Эстляндское шляхетство готово примириться съ тѣмъ status quo, который создался съ половины XVIII вѣка. Указаніе на непріемъ обоюдно бѣженцевъ впредь едва-ли содержалъ въ себѣ что-либо заманчивое и новое для русскаго правительства, такъ какъ такой порядокъ и безъ того существовалъ de jure; фактически-же крестьяне бѣгали-бы внутрь Россіи съ балтійской окраины, а равно и уходили туда, также, какъ это было раньше. Сенатъ, естественно, не обратилъ вниманіе на эти предположенія, какъ и на предположенія „лифляндскихъ ландраговъ и общаго шляхетства“, отъ имени коихъ выступилъ ландратъ Б. Я. Бокъ, предлагавшій возвращать „изъ Лифляндіи въ Россію только такихъ, кои при переписяхъ и ревизіяхъ утаены, и послѣ Ништадтскаго мирнаго заключенія отъ настоящихъ законныхъ своихъ помѣщиковъ бѣжали“, умалчивая, однако, о крестьянахъ русскихъ, подлежавшихъ возврату поголовно.

Мы уже указывали выше, какъ незначительно было число возвращавшихся въ Прибалтику латышей и эстонцевъ, а равно и отмѣчали, что, по признанію самихъ балтійскихъ дворянъ, причина этого лежала частію въ нежеланіи бѣглецовъ уходить съ новыхъ мѣстъ. Говоримъ—частію потому, что прибалтійскіе дворяне готовы были слабую высылку ихъ крестьянъ предписать русскимъ землевладѣльцамъ и властямъ, говоря, что первые крестьянъ ихъ „во время иска укрываютъ, а какъ скоро то минуется“, ихъ бывшіе крестьяне „явно ходятъ и живутъ“; что же касается правительственныхъ властей, то „за слабыми поступками тѣхъ губерній

(гдѣ были бѣглые) и за ослушаніемъ помѣщиковъ, оные бѣглые не высланы, особливо изъ Россіи въ Лифляндію оныхъ высылкѣ весьма малое число“ [1]). Въ 13-мъ пунктѣ упомянутой выше „Инструкціи Комиссіи учрежденной въ 1744 г. для разбора и возвращенія бѣглыхъ въ Россію изъ Лифляндіи“ и обратно есть и болѣе опредѣленное указаніе на то, въ чемъ именно состояло покровительство бѣженцамъ изъ Лифляндіи. А именно, многіе „владѣтели Дерптскаго дистрикта“ приносили жалобы на управителя Печерскаго монастыря и на всѣхъ обрѣтающихся въ слободѣ при томъ монастырѣ россійскихъ обывателей и на пошлиннаго бурмистра Лѣшина“ въ томъ, что „оные лифляндскихъ бѣглецовъ непремѣнно къ себѣ принимаютъ и скрываютъ, а за учиненную въ томъ тѣмъ бѣглецамъ защиту съ каждаго по рублю и больше получаютъ“. Сенатъ не оставилъ этой жалобы безъ вниманія, и повелѣлъ произвести слѣдствіе, представить о немъ Сенату „со мнѣніемъ и ожидать указа, а управителя и бурмистра до полученія онаго содержать подъ арестомъ“ [2]). Но это единственный случай, гдѣ обвиненіе балтійскихъ помѣщиковъ, противъ русскихъ властей, было поставлено на реальную почву, почему и не осталось безъ послѣдствій. Можно думать, что и другія жалобы, буде онѣ не были бы голословны, не остались-бы безъ разсмотрѣнія, но онѣ въ балтійскихъ челобитныхъ опредѣленно не указывались. Во всякомъ случаѣ, со времени учрежденія Комиссій для Лифляндіи и Эстляндіи сыскъ бѣглыхъ сталъ вестись очень энергично, хотя опять-таки не приводилъ къ желательнымъ для балтійцевъ результатамъ, частію, во всякомъ случаѣ, потому, что ихъ крестьяне „не являютъ никакой охоты къ возврату“, а находятъ для себя возможнымъ, при всей своей бѣдности, платить „по рублю и больше“—за учиненную тѣмъ бѣглецомъ защиту“, какъ это указывалось выше. Что сыскъ бѣглыхъ изъ Лифляндіи велся иногда весьма, чтобы не сказать больше, энергично, показываетъ жалоба, принесенная въ Св. Пр. Синодъ Симономъ, архіепископомъ Псковскимъ и Нарвскимъ, въ 1750 г., а затѣмъ препровожденная въ Пр. Сенатъ. Архіепископъ требовалъ производства слѣдствія объ учиненныхъ штабъ-и оберъ-офицерами, присутствовавшими въ Лифляндской Комиссіи и ихъ солдатами „Псковопечерской обители и монашествующимъ братіямъ и монастырскимъ слободскимъ обывателямъ несносныхъ обидахъ и нападеніяхъ и продерзностныхъ поступкахъ и озлобленіяхъ, а равно и удаленія „означенной Ко-

[1]) Сборн. И. Р. И. Общ., т. CXXXVIII, стр. 329; I П. С. З., т. XIII, № 10139, стр. 894.

[2]) I П. С. З. 3, т. XII, № 9023.

миссіи со всею командою, для тѣхъ резоновъ, изъ-подъ монастырской онаго Печерскаго монастыря слободы, гдѣ оная къ великому отягощенію такъ уже немало времени имѣлась". Сенатъ и въ данномъ случаѣ приказалъ произвести „въ крайней скорости" слѣдствіе и „съ винными учинить по указамъ, безъ всякаго упущенія" [1]).

Что же было причиною, съ одной стороны, безрезультатныхъ старэній (несмотря на строгость временами самого сыска) балтійскихъ помѣщиковъ возвратить своихъ „сбѣгшихъ мужиковъ" и почему, наоборотъ, русскіе крестьяне охотнѣе, чѣмъ лифляндскіе, „возвращались обратно изъ Прибалтики? Едва-ли, конечно, возвратъ русскихъ крестьянъ обратно на родину былъ оставленъ въ „Лифляндскомъ и Эстляндскомъ герцогствахъ" болѣе благопріятно, чѣмъ возвратъ латышей и эстонцевъ „изъ Россіи". Мы видѣли выше, что эстляндское шляхетство готово было, напр., пожертвовать своими выходцами, чтобы удержать русскихъ крестьянъ; едва-ли затѣмъ „рыцарство" обоихъ герцогствъ, т. е. попросту двухъ русскихъ губерній, позволило-бы русскимъ властямъ такъ у себя хозяйничать, при возвратѣ бѣглыхъ, какъ хозяйничала Лифляндская комиссія подъ стѣнами Печерскаго монастыря, вызвавъ даже у самого Сената недоумѣнный вопросъ, „а по какому указу оная Комиссія при показанномъ монастырѣ, и съ котораго времени, учреждена?" (ibid). Намъ кажется, что слабый возвратъ „сбѣгшихъ мужиковъ" изъ Лифляндіи и Эстляндіи во внутреннія губерніи, какъ и сравнительно, успѣшный отходъ русскихъ крестьянъ на родину, стояли въ прямой связи, съ тѣмъ положеніемъ, какое имѣли крѣпостные тамъ и здѣсь. Нисколько, конечно, не идиллизируя русскихъ крѣпостныхъ порядковъ, надо сказать, что, при всей ихъ тяжести для крестьянъ, они всеже были менѣе обременительны для населенія, чѣмъ таковые въ Прибалтикѣ. Надо думать также, что монастырское хозяйство, какъ оно часто ни приближалось, въ томъ или иномъ отношеніи, къ обще-крѣпостному, тоже имѣло какія-то привлекательныя черты даже для иновѣрцевъ и инородцевъ. Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ балтійскихъ губерній давно и краснорѣчиво очерчено сильнымъ, благороднымъ перомъ Ю. Ѳ. Самарина. И та характеристика, которую онъ далъ для изображенія положенія крѣпостныхъ въ Прибалтикѣ,—между прочимъ, для того времени, котораго мы касались выше—дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ какъ бѣгство латышей и эстонцевъ во внутреннія наши провинціи, такъ и неохотное ихъ возвращеніе обратно, несмотря на всѣ принудительныя къ тому мѣры. На основаніи вполнѣ достовѣрныхъ данныхъ, Ю. Ѳ. Самаринъ говоритъ слѣдующее „о помѣщичьемъ

[1]) Ibidem, т. XIII, № 10139, стр. 893 и сл.

полновластіи“ въ Лифляндіи (вполнѣ разумѣется осуществлявшемся и въ Эстляндіи): „два раза въ 1739 и въ 1774 г.г., по случаю какихъ-то понадобившихся справокъ, Юстицъ-коллегія и Сенатъ обращались въ Лифляндію съ вопросомъ, какія тамъ установлены отношенія между помѣщиками и крѣпостными людьми? Имъ было отвѣчено, въ первый разъ, отъ имени дворянскаго представительства, а во второмъ—отъ имени гофгерихта, что эти отношенія основаны на правѣ завоеванія; что крестьяне, съ ихъ имуществомъ, какъ военная добыча, составляютъ полную собственность помѣщиковъ; что это право никогда не подвергалось никакимъ ограниченіямъ; что сами владѣльцы, нисколько, однако, отъ него не отрекаясь, по собственному своему произволенію, опредѣлили размѣръ крестьянской барщины и оброковъ и дозволили поселянамъ располагать своими заработками, единственно въ видахъ поощренія ихъ къ трудолюбію, но что упомянутый размѣръ отнюдь не имѣлъ въ себѣ ничего обязательнаго для владѣльцевъ и нимало не стѣснялъ ихъ въ правѣ возвышать повинности по ихъ усмотрѣнію; что бывшими шведскими ревизіями устанавливались только государственныя подати; правила же, опредѣлявшія размѣръ частныхъ крестьянскихъ повинностей, относились исключительно къ казеннымъ имѣніямъ; что дворянство, по собственному внушенію, пожертвовало своимъ историческимъ правомъ живота и смерти надъ крестьянами, но при этомъ сохранило право тѣлеснаго наказанія, которому не могло быть положено никакихъ границъ—внѣ личнаго благодушія помѣщиковъ; наконецъ, что мѣстное земское уложеніе положительно воспрещало крѣпостнымъ людямъ обращаться къ кому-либо съ жалобами на своихъ владѣльцевъ. Все это подкрѣплялось ссылками на привиллегію Сигизмунда-Августа, съ безусловнымъ умолчаніемъ о шведскихъ законахъ позднѣйшаго времени. Ихъ какъ-будто никогда и не бывало“.. [1]). Въ этой идеологіи крѣпостного права Балтійскаго дворянства можно найти, конечно, много сходствъ съ идеологіею того же института у насъ. Но была, однако, здѣсь и значительная разница, очевидно, учитывавшаяся, хотя-бы чисто-инстиктивно, бѣжавшими внутрь Россіи изъ прежнихъ герцогствъ мѣстными крестьянами. Наши помѣщики никогда не смотрѣли, да и не могли смотрѣть, на своихъ крестьянъ, какъ на военную добычу, со всѣми крайними послѣдствіями для крестьянъ этой страшно-суровой квалификаціи. Они

[1]) Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина, томъ X (Москва, 1896 г., изданіе Ѳ. Д. Самарина), стр. 56 и сл. Курсивъ въ вышеприведенной цитатѣ принадлежитъ вездѣ автору.

никогда не видѣли въ правѣ живота и смерти надъ крестьянами какого-то историческаго права, хотя нерѣдко и жестоко обращались съ крѣпостными. Они затѣмъ, какъ люди одного языка и вѣры, могли находить,—и бывало, что находили—общія точки соприкосновенія для установленія съ крѣпостными человѣческихъ отношеній. Они, наконецъ, не отрицали никогда,—какъ балтійское дворянство разсматриваемой, по крайней мѣрѣ, эпохи,—правъ государственнаго вмѣшательства въ устроеніи всего того, что касалось ихъ власти надъ крестьянами, да и сама государственная власть не останавливалась такъ робко предъ помѣщичьими притязаніями у насъ, какъ она останавливалась въ Прибалтійскомъ краѣ, частію по незнанію нуждъ его, а частію преклоняясь предъ правящимъ значеніемъ одного верхняго землевладѣльческаго класса, столь чуждаго, по происхожденію и культурѣ, коренным народнымъ массамъ края, чего у насъ, въ цѣломъ, какъ уже сказано, не было. Все это, какъ и многое другое въ бытовомъ укладѣ русской жизни, несмотря на всѣ ея внутренніе недостатки и противорѣчія, создавало извѣстное тяготѣніе балтійскаго коренного населенія къ Россіи, сказавшагося ярко уже непосредственно послѣ присоединенія къ Россіи бывшихъ двухъ герцогствъ—Лифляндскаго и Эстляндскаго, переименованныхъ первоначально въ Рижскую и Ревельскую губерніи. Но это тяготѣніе къ Россіи мало культивировалось, балтійская почва продолжала удобряться, за рѣдкими исключеніями, лишь нѣмецко-дворянскими привиллегіями безъ особаго вниманія къ положенію мѣстныхъ народностей, хотя русская публицистика уже давно стала работать въ интересахъ крестьянства Прибалтики... [1]).

Вышеприведенныя данныя указываютъ, что уже въ началѣ XVIII вѣка обозначалась тяга латышей и эстонцевъ во внутреннія губерніи, но эта тяга не была, однако, сознательно поддержана государствомъ: „высокій интересъ“ фиска,—какъ выражалась одна изъ дворянскихъ балтійскихъ челобитенъ,—въ связи съ политикою русскаго правительства въ пользу одного только класса, заслонилъ собою все остальное при разрѣшеніи этого вопроса, почему и не было удивительно что положеніе крѣпостныхъ въ балтійскомъ краѣ было, въ общемъ, тяжелѣе, чѣмъ внутри Россіи, куда они и устремлялись и откуда ихъ,—несмотря на всѣ старанія балтійскаго дворянства, — съ такимъ трудомъ, но далеко не съ успѣхомъ, пытались это дворянство вернуть обратно...

---

[1]) См., напр., „Крестьянскій вопросъ въ Лифляндіи“ въ сочиненіи В. В. Семевскаго. „Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“, т. I (С.-П., 1888 г.), стр. 287 сл.

Е. В. Барсовъ.

Четіи Минеи братьевъ Денисовыхъ.

Историко-литературный памятникъ, на который мы обращаемъ вниманіе, донынѣ не былъ извѣстенъ ни историкамъ русской литературы, ни историкамъ церкви, ни историкамъ русскаго старовѣрія, это именно Четіи Минеи братьевъ Денисовыхъ.

Эти Четіи Минеи были пріобрѣтены, какъ значится на самыхъ книгахъ, „христіаниномъ", т. е. послѣдователемъ Филипповскаго согласія, Андреемъ Михайловымъ, въ 1864 году, іюля въ 22 день въ городѣ Череповцѣ у христіанина, т. е. такого же Филипповца. Онъ заплатилъ 400 рублей за 11 мѣсяцевъ; значитъ, при самой покупкѣ уже не доставало одной книги, именно мѣсяца Марта. Михайловъ состоялъ въ Филипповскомъ братствѣ и жилъ въ его домѣ, въ Таганкѣ, въ Дурновскомъ переулкѣ. Но пока онъ сюда везъ купленныя Четіи Минеи, у него дорогой пропала еще одна книга—мѣсяцъ Май. Всѣ остальныя книги (въ числѣ 10) онъ пожертвовалъ въ Дурновское братство для чтенія во время моленій, особенно въ праздничные дни, а самъ перебрался въ Новую деревню и здѣсь основалъ особую филипповскую общину также съ Моленною. Къ сожалѣнію, изъ Дурновской часовни, куда имъ были пожертвованы Четіи Минеи, была украдена кѣмъ то еще одна книга—мѣсяцъ Генварь. Съ этого момента настоятельница Парасковія, въ мірѣ Пелагея Потаповна Бѣлянкина взяла книги изъ часовни и бережно хранила ихъ у себя въ келіи. Однако, несчастіе случилось и здѣсь: она дала одну книгу, именно мѣсяцъ Октябрь, для прочтенія одному близкому знакомому, на домъ; но едва успѣлъ онъ привезти книгу къ себѣ, какъ въ ту же ночь былъ произведенъ полицейскій обыскъ въ томъ домѣ, гдѣ онъ жилъ, по тому случаю, что здѣсь находилась тайная типографія, и книга—мѣсяцъ Октябрь—была арестована. Матушка Парасковія, какъ женщина энергичная, тотчасъ, какъ скоро о томъ узнала, поспѣшила въ Сыскное Отдѣленіе; тамъ ей сказали, что книга отправлена къ судебному слѣ-

дователю; она поспѣшила къ нему, но тотъ объявилъ, что книга пошла къ прокурору; прокуроръ на ея справку отвѣтилъ, что книга представлена въ Окружный судъ. Въ Судѣ редсѣдатель заявилъ, что книга отправлена въ Московскую Духовную Консисторію. Она—въ Консисторію; здѣсь ей объявили, что книга, согласно консисторскому опредѣленію, должна поступить въ Единовѣрческую Библіотеку и въ настоящее время находится у профессора Н. И. Субботина. Мать Параскева—къ Субботину; тотъ заявилъ, что книга имъ еще не сдана по назначенію и тамъ она еще не записана; „а что, вамъ жалко ея“, спросилъ онъ, замѣтивъ ея волненіе. Она не удержалась и заплакала. „Успокойтесь,—сказалъ ей Субботинъ,—Богъ поможетъ, и вы получите ее обратно“. Наступила Пасха; мать Параскева поѣхала поздравить Субботина съ праздникомъ и вмѣсто краснаго яйца поднесла ему внушительный подарокъ: „а я,—сказалъ тотъ,—для свѣтлаго праздника могу сообщить вамъ большую радость: Четь-Минейную книгу рѣшено возвратить вамъ и вы можете получить ее въ Консисторіи“. Къ первому же Консисторскому засѣданію, послѣ праздника, мать Параскева явилась сюда за полученіемъ книги, но здѣсь объявили, что книга отправлена въ участокъ для доставленія по принадлежности. Такъ мать Параскева отвоевала себѣ арестованный Октябрь мѣсяцъ. Такимъ образомъ до насъ дошло 9 томовъ мѣсячныхъ Миней, кои и хранятся нынѣ въ кельѣ настоятельницы Дурновской Филипповской общины—Парасковіи, и она рѣшила никому и никогда не выдавать книгъ на домъ для прочтенія: горькимъ опытомъ дознала она, какъ дѣлать то ненадежно и опасно. А потому, чтобы сдѣлать описаніе уцѣлѣвшихъ Четій Миней, я долженъ былъ ѣздить къ ней на домъ и заниматься въ ея кельѣ [1]).

Прежде чѣмъ излагать содержаніе этихъ Четій Миней, я считаю нужнымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ ихъ составителяхъ братьяхъ Денисовыхъ. Подробное изслѣдованіе о Семенѣ Денисовѣ мною напечатано въ Трудахъ Кіевской Академіи еще въ 1867 году. Тамъ же разсмотрѣнъ мною Андрей Денисовъ, какъ проповѣдникъ, но дѣятельность его такъ обширна, творенія его такъ многочисленны, значеніе его въ старообрядческой исторіи такъ глубоко, что требуется обширное о немъ изслѣдованіе, для чего и собираются мною всѣ нужные матеріалы. Изслѣдованіе Н. Барсова, напечатанное въ „Православномъ Обозрѣніи“, весьма

[1]) Года два тому назадъ мать Параскева была кѣмъ-то убита въ своей кельѣ, но полицейское дознаніе не обнаружило убійцы. Еще ранѣе было на нее покушеніе, но за случайнымъ выходомъ ея изъ кельи, вмѣсто нея была убита ея послушница; это убійство также не было раскрыто.

скудно фактами и не отвѣчаетъ достаточно историческому значенію этого старообрядческаго дѣятеля и даровитаго писателя. Здѣсь я сообщу лишь нѣкоторые факты, характерные для его личности.

Родоначальникомъ Денисовыхъ по „Родословному древу“, которое у меня есть, является новгородскій помѣщикъ князь Борисъ Александровичъ Мышецкій. Какъ извѣстно, движеніе латинства на Западную Русь, разрѣшившееся уніей, сопровождалось для православныхъ ужасными насиліями, гоненіями и притѣсненіями. Эта латинская унія, къ коей присоединилась православная іерархія, сильно напугала сѣверно-русское сознаніе. Стали опасаться, какъ бы латинство не двинулось и на сѣверную Русь православную. Когда въ смутное время Новгородъ присягнулъ шведскому королевичу, князь Борисъ Александровичъ Мышецкій увидѣлъ въ этомъ предательство и измѣну историческимъ завѣтамъ: отдавать себя подъ власть западнаго еретика значитъ подвергать большой опасности православную вѣру; легко можетъ случиться, что и здѣсь возникнетъ то же движеніе западнаго латинства и протестанства на православную церковь со всѣми ужасами, какіе пережила Западная Русь. Стоя въ оппозиціи къ такой политикѣ, князь Борисъ Александровичъ Мышецкій, не поддался чужестраннымъ и иновѣрнымъ королямъ и не захотѣлъ за нихъ креста цѣловать. Онъ оставилъ свою родину, свои помѣстья и вотчины и удалился въ Заонежскую пятину, поселился, какъ въ пустынѣ, въ лѣсистой „Пудожской горѣ“ и здѣсь, принявъ иночество съ именемъ Боголѣпа, мирно скончался. Два его сына, Иванъ и Іона, оба были священниками и также иноками. Дѣти Іоны—Порфирій, священникъ, и Евстафій, бѣлецъ съ Пудожской горы,—переселились въ Повѣнецъ, гдѣ всему свѣту конецъ; ничтожный и убогій Повѣнецъ, съ прибытіемъ этихъ присельниковъ, сталъ быстро развиваться и затѣмъ сталъ извѣстнымъ городомъ. Изъ дѣтей Евстафія особенно прославился въ гражданствѣ Іаковъ, ставшій на Повѣнцѣ, во время воеводства на Олонцѣ князя Терентія Васильевича Мышецкаго, начальникомъ таможни. Братъ Евстафія, Діонисій, и былъ отцомъ премудраго Андрея.

Весь родъ князя Бориса Мышецкаго былъ строго церковнаго направленія: всѣ были научены священному писанію, всѣ просвѣщены древними церковными уставами; всѣ были проникнуты преданіемъ своего прадѣда, чувствомъ опасенія за вѣру православную, за политику церковную и гражданскую.

По изображеніямъ старовѣрческихъ писателей, Андрей Денисовичъ былъ средняго роста, станомъ тонокъ; волоса на головѣ курчавые, какъ у Ѳедора Стратилата, бородка округ-

лая, сіяющая струями, какъ у Златоуста; очи свѣтлыя и проницательныя, брови высокія и густыя, носъ прямой, мало надгорбъ, персты на рукахъ длинноватые, „тонкостью цвѣтущіе“, мало наклоненъ. Лицо вообще выразительное и умное. Онъ обладалъ необыкновенною живостью памяти и воображенія, остротою ума, силою разсужденія. Онъ быстро могъ рѣшать самыя трудныя задачи, отвѣчать безъ затрудненія на всевозможные вопросы, подавать скоро свѣтлые и полезные совѣты. Онъ былъ очень разностороненъ; прекрасно зналъ не только иноческіе, но и приказные и торговые и даже воинскіе уставы; оттого при встрѣчѣ съ лицами разныхъ общественныхъ круговъ, онъ былъ пріятный собесѣдникъ и всѣхъ удивлялъ своими знаніями; при этомъ онъ отличался самообладаніемъ, спокойствіемъ и учтивостью въ словѣ. Вообще онъ производилъ впечатлѣніе человѣка благороднаго и образованнаго, а не жесткаго и грубоватаго мужика.

Онъ былъ воспитанъ въ преданіяхъ своего рода, по писанному: каковъ корень, таковы и вѣтви; на пятомъ году отъ рожденія онъ, благодаря своимъ дарованіямъ, научился хорошо читать и писать, а на 10 году двоюродный братъ его Іаковъ опредѣлилъ его на службу въ Повѣнецкой таможнѣ, гдѣ онъ, не измѣняя своимъ обязанностямъ, проявлялъ необыкновенную страсть къ ученію и и знанію и занимался постояннымъ чтеніемъ душеспасительныхъ книгъ. Онъ сталъ задумываться надъ подвигами святыхъ, надъ страданіями мучениковъ; сталъ мечтать объ идеальномъ подвигѣ и вѣнцѣ небесномъ. Пустыня звала его къ себѣ, и онъ рвался къ ней душою. А тутъ въ самые юные годы проникъ въ ихъ домъ „одинъ изъ остальцевъ древняго благочестія“, соловецкій старецъ Игнатій, и отъ имени Соловецкой киновіи возвѣстилъ, что древнее русское благовѣріе пало, что явился въ міръ антихристъ, что со времени Никона введена на Руси вѣра латинская, что настало послѣднее время и остальцы благочестія скитаются по суземку въ лѣсахъ и пустыняхъ, спасая свою душу отъ проклятаго антихриста и его гоненій и мученій. Можно себѣ представить, какъ сильно должна была воздѣйствовать эта крайняя, но горячая проповѣдь на пылкое воображеніе юнаго Андрея. Не мудрено, если Игнатій быстро перекрестилъ его въ старовѣріе.

Никто тогда, конечно, объяснить не могъ, какъ и почему въ Никоновыхъ новинахъ сказывалось латинство. Какъ эпическіе люди съ смутнымъ сознаніемъ, ревнители древняго правовѣрія лишь чутьемъ угадывали то, что въ настоящее время подтверждается наукой. Никоновское чтеніе символа вѣры: и въ Духа Святаго Господа Животворящаго, есть буквальный переводъ латин-

скаго чтенія Діонисія Малаго: in Spiritum Sanctum Dominum vivicantem. Въ греческомъ же читается: εἰς τὸ Πνεῦμα ἅγιον τὸ κύριον А. В. Горскій въ своихъ лекціяхъ замѣчаетъ, что членъ τὸ указываетъ, что здѣсь не существительное κύριος — господь: оно стояло бы тогда съ членомъ τὸν κύριον; здѣсь κυριος прилагательное, согласованное съ τὸ πνεῦμα. Оно дѣйствительно значитъ здѣсь истинный, въ какомъ значеніи и встрѣчается въ древнихъ переводахъ Святославова Изборника, Тактикова Никона Черныя горы и торжественныхъ словъ нѣкоторыхъ отцовъ Церкви. Въ Потребникѣ, направленномъ противъ латинства, патріархъ Гермогенъ, нынѣ причисленный къ лику святыхъ, слѣдуетъ также греческому чтенію: εἰς τὸ Πνεῦμα τὸ ἅγιον τὸ κύριον, а не латинскому: in Spiritum Sanctum Dominum.

Изстари на Руси смотрѣли на четвероконечный крестъ какъ на символъ латинства; лѣтописи говорятъ, что когда папскій посолъ, прибывшій съ царевной Софьей, хотѣлъ въѣхать въ Москву торжественно съ преднесеніемъ четвероконечнаго креста, православные люди потребовали, чтобы онь убралъ этоть крестъ, какъ символъ латинства, а Макарій, въ бытность митрополитомъ Новгородскимъ, приказалъ: „крыжи лядскіе стесать съ церквей и поставить на нихъ кресты осмиконечные—православные“. Можно себѣ представить, какой ужасъ объялъ духовенство, когда Никонъ не только на просфорахъ, но и на антиминсахъ повелѣлъ изображать этоть крыжъ лядскій—и на этомъ латинскомъ крестѣ приходилось совершать литургію православную.

До насъ дошло латинское свидѣтельство XI вѣка о томъ, что Graeci praecebantur duobus digitis, т. е., что греки молились двумя перстами. Въ XI и XII вѣкахъ епископами на Руси были греки и, конечно, они учили насъ молиться такъ, какъ сами молились. По памятникамъ XII до половины XVII вѣка можно прослѣдить, что двуперстіе на Руси было обычнымъ. Тотъ же святитель Гермогенъ и въ томъ же Потребникѣ, направленномъ противъ латинства, говоритъ: „аще кто не крестить двума перстома, да будетъ проклятъ“. Но вотъ новые греки, латинскіе уніаты, вдругъ объявили двуперстіе еретическимъ, арменскимъ и предали его проклятію.

То же должно сказать и о сугубой аллилуіи. Извѣстна харатейная псалтирь XIV в., въ коей на Славахъ уставомъ киноварью начертано: аллилоуїа соугоубаа. Въ моемъ Греческомъ крюковомъ сборникѣ не разъ читается: „ἀλληλούια, ἀλληλούια δόξα σοι κύριε. (Нынѣ принадлежитъ Императорскому Историческому Музею). Въ Латинской церкви „аллилуія“—простое славославіе и поется, глав-

нымъ образомъ на Пасхѣ, безчисленное число разъ; въ Грекорусской церкви это—пѣснь покаянная и всего чаще повторяется въ Великомъ посту, и такъ какъ она соединена съ вѣрованіемъ въ Святую Троицу, то и повтореніе ея связано опредѣленнымъ уставомъ; при чемъ недоумѣнія на Руси вызывались различнымъ пониманіемъ словъ: „Слава Тебѣ Боже, представляютъ ли эти слова буквальный переводъ „аллилуіа", или особое дополненіе аллилуйнаго пѣнія.

Настроенный соловецкимъ Игнатіемъ мыслями о паденіи православной церкви и о замѣнѣ древняго благовѣрія латинствомъ, перекрещенный въ старовѣріе, Андрей Денисовъ рѣшилъ раздѣлить участь прочихъ остальцевъ древняго благочестія. 18-ти лѣтъ онъ оставилъ домъ родительскій и ушелъ вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Іоанномъ Бѣлоутовымъ въ пустыню, имѣя лыжи вмѣсто коней. въ лѣто 7200 (1691 г.) въ послѣднихъ числахъ декабря. Всю зиму скитались они въ лѣсахъ, грѣлись у нудіи и скудно питались пищею, захваченною съ собою. Весною они устроили келейцу малу между двухъ озеръ—Таго и Бѣлымъ озеромъ; гора была имъ сожительницей и возводила очи ихъ горѣ и укрѣпляла ихъ надежду, какъ гора Сіонъ; а ручей былъ ихъ сосѣдомъ и утолялъ ихъ жажду, напоминая имъ духовную жажду и стремленіе ихъ къ Богу. Испытывая великія страды, они въ то же время познакомились съ Даніпломъ Викуловымъ и съ другими остальцами благочестія, укрывавшимися въ тѣхъ лѣсахъ. Когда же Даніилъ пригласилъ ихъ жить вмѣстѣ съ собою, они, послѣ того какъ сгорѣла келья Даніилова, всѣ перебрались на Выгъ и здѣсь приступили къ сооруженію Выгорѣцкаго общежительства. Я не буду распространяться объ устройствѣ какъ Выговской, такъ и женской Лексинской обителей, кои все больше и больше съ каждымъ годомъ наполнялись братьями и сестрами, не буду говорить, какъ боролся Андрей съ хлѣбными недородами, продолжавшимися около 10 лѣтъ, во время коихъ приходилось питаться соломеннымъ хлѣбомъ съ малой примѣсью ржаной муки; не буду касаться и того, какъ путемъ торговли онъ поднялъ экономическое благосостояніе Выговской пустыни и довелъ ее до безбѣднаго существованія. Въ настоящій моментъ наша задача—его дальнѣйшая образованность.

Онъ первый понялъ, что нельзя продолжать своего отношенія къ Никоніанству на основѣ только эпическаго сознанія и голословнаго вѣрованія, что старая вѣра замѣнена новою, и вмѣсто истиннаго православія водворилось латинство. Нужно доказать и доказать фактами, что старые церковные обряды суть чины и обряды изначальные, древне-русскіе, унаслѣдованные нами отъ

древней греческой Вселенской церкви. Для этого онъ, разъѣзжая по разнымъ городамъ для разныхъ общежительныхъ потребностей, въ то же время не опускалъ случая изучать русскія древности въ разныхъ монастыряхъ, въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Москвѣ, въ Твери, древніе иконы, кресты и старыя рукописи и книги. Для той же цѣли разсылалъ и другихъ своихъ учениковъ по разнымъ городамъ, чтобы, если нельзя купить, то дѣлать снимки съ древнихъ иконъ и крестовъ и дѣлать нужныя выписки изъ книгъ. Такъ съ этою цѣлью былъ посланъ братъ его Семенъ Денисовъ въ Великій Новгородъ, гдѣ попался въ руки митрополита Іова и сидѣлъ на цѣпи нѣсколько лѣтъ, пока не сбѣжалъ, подкупивъ сторожа.

Во время своихъ странствованій по городамъ, и болѣе всего, вѣроятно, въ Москвѣ, Андрей отъ нѣкіихъ ученыхъ людей получилъ кое-какъ свѣдѣнія и въ Грамматикіи и Риторикіи и собственными упражненіями преуспѣвалъ въ нихъ; но не былъ въ себѣ увѣренъ и не считалъ свои познанія достаточными; онъ ясно сознавалъ, что мало знать факты, мало знать внѣшнія свидѣтельства, необходимо еще владѣть инструментомъ мышленія, понимать существенные признаки предмета, умѣть располагать свои мысли, и приводить ихъ въ стройный риторическій и логическій порядокъ, а всего этого нельзя достигнуть въ совершенствѣ безъ руководительства ученаго и знатнаго учителя. Онъ услышалъ въ Москвѣ, что такой славный учитель есть въ Кіевскомъ Богословскомъ училищѣ, и рѣшилъ отправиться туда для полученія высшаго научнаго образованія, тѣмъ болѣе, что влекло его въ Кіевъ давнее желаніе „для самовидѣнія древнихъ святыхъ свидѣтельствъ и для пользы всѣхъ древнее благочестіе содержащихъ“.

Онъ отправился туда съ ученикомъ и келейникомъ своимъ Мануиломъ Петровымъ, въ компаніи московскихъ купцовъ. Прибывъ въ Кіевъ, Андрей прежде всего осмотрѣлъ святыя мощи въ Кіевскихъ пещерахъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, а также по всѣмъ монастырямъ и церквамъ чудотворныя иконы, собирая свидѣтельства, потребныя для древне-церковнаго содержанія, что, какъ мы сказали, дѣлалъ онъ и во всѣхъ другихъ городахъ, гдѣ только бывалъ. Затѣмъ онъ уже отправляется къ Ѳеофану Прокоповичу и, подъ видомъ любознательнаго купца, проситъ его руководства въ познаніи риторики, логики и философіи. Желая знать, насколько онъ подготовленъ, Ѳеофанъ далъ ему библію и велѣлъ написать слово на тему притчей: „Сотове медовни словеса добра, сладость же ихъ исцѣленіе души“, и представилъ его ректору академіи. Ѳеофанъ, прочитавъ его сочиненіе, взялъ его съ

собой въ классъ. Здѣсь онъ подалъ Слово одному изъ студентовъ и велѣлъ читать вслухъ. Когда тотъ кончилъ, Ѳеофанъ спросилъ, каково слово? Всѣ похвалили и сочли древнимъ твореніемъ; одни говорили, что это переводъ съ греческаго; другіе, что это переводъ съ латинскаго [1]). Когда же Ѳеофанъ указалъ на предстоящаго сочинителя, всѣ студенты единогласно воздали ему честь. Съ этого момента онъ сталъ слушателемъ уроковъ Ѳеофана по риторикѣ, философіи и ѳеологіи, и тотъ усердно съ нимъ занимался, къ чему располагала его отчасти нѣкая рекомендація изъ Москвы, а главное значительная плата за ученіе. Здѣсь же въ Кіевѣ Андрей обогатился собраніемъ разныхъ полемическихъ книгъ, направленныхъ противъ латинства и протестантства, а также пригодныхъ для защиты древняго благочестія.

Вернувшись въ Выгорѣцкое общежительство, онъ чувствовалъ себя во всеоружіи знанія и сталъ своего рода оградою древняго благочестія и благовѣрія. Братство пропѣло молебное пѣніе Богу, а ему принесло единодушное поздравленіе. Вся его ученость скоро ему пригодилась при написаніи Нижегородскихъ отвѣтовъ на вопросы Питирима, а затѣмъ особенно Поморскихъ отвѣтовъ на вопросы Неофита.

Въ 1718 году вышло въ свѣтъ „Соборное дѣяніе Кіевское на арменина еретика Мартина, въ царствующемъ Санктпетербурхѣ“, при чемъ отъ Синода было объявлено, что всякій раскольникъ можетъ видѣть самый подлинникъ этого изданія, хранящійся въ Типографской Синодальной библіотекѣ въ Москвѣ. Андрей Денисовъ немедленно отправилъ туда своего ученика Мануила Петрова съ инструкціей изученія вновь открытаго памятника. Тотъ пріѣзжаетъ, приходитъ на Печатной дворъ и видитъ: книга приклеена длинною цѣпью къ стѣнѣ; около стоитъ, въ видѣ сторожа, монахъ-бѣлорусецъ и смотритъ сурово и подозрительно на всякаго, кто приходитъ смотрѣть подлинную рукопись Дѣянія. Мануилъ садится и начинаетъ читать и занимается часовъ семь вподрядъ. Монахъ сидитъ тутъ же неотлучно, молчитъ и только съ досадою смотритъ; такъ прошло нѣсколько дней. Наконецъ, монаху надоѣло; онъ сталъ разговаривать, а затѣмъ и совсѣмъ довѣрился ему и сталъ уходить, сначала не надолго, а потомъ и на нѣсколько часовъ. Мануилъ, пользуясь его отсутствіемъ, обнаружилъ, что пергаментъ дѣйстви-

[1]) Ученые, спеціально знакомые съ сочиненіями Андрея Денисова, весьма характерными по своему стилю, конечно не сдѣлали бы такого отзыва, но студенты, впервые слышавшіе его произведеніе, естественно, признали его „Словомъ переводнымъ“. Другого впечатлѣнія на нихъ оно произвести не могло, по своему формальному строю и витіеватому стилю.

тельно старый, а чернила новыя—стираются; а подъ ними замѣтны черты древнихъ словъ; кромѣ того, онъ умѣлъ обнажить переплетъ, и кромѣ старыхъ нитей оказались нити свѣжія, коими сшиты листы; буквоначертаніе совсѣмъ не отвѣчаетъ памятнику 12-го вѣка; грамматическія формы въ склоненіяхъ именъ существительныхъ и прилагательныхъ и во временахъ глаголовъ также позднѣйшія—ни мало не отвѣчаютъ языку XII вѣка. Кромѣ того тексты въ спискахъ Питирима и въ печатномъ изданіи не согласны съ харатейнымъ подлинникомъ. Всѣми этими данными Андрей воспользовался и дополнилъ еще историческими данными: ни въ Лѣтописяхъ, ни въ книгѣ Степенной, ни во Временникахъ, ни въ Хронографахъ—рѣшительно не встрѣчается ни малѣйшаго упоминанія ни о Мартинѣ еретикѣ, ни о соборѣ на него, чего никакъ не могло бы случиться, если бы дѣйствительно въ XII вѣкѣ была такая еретическая смута и былъ дѣйствительно Кіевскій соборъ по этому случаю. Княжилъ въ Кіевѣ въ 1157 году не Ростиславъ, какъ гласитъ Дѣяніе, а Изяславъ, какъ говорятъ Лѣтописи. Да и ересей въ XII вѣкѣ не могло быть тѣхъ самыхъ, кои появились въ XVII вѣкѣ, о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, объ аллилуія, о печатаніи просфоръ и проч. Армянинъ Мартинъ по Дѣянію оказывается точь въ точь какъ нашъ олонецкій старовѣръ XVIII вѣка, протестующій противъ Никоніанства.

Въ Поморскихъ отвѣтахъ Андрей Денисовъ является первымъ въ Россіи палеографомъ, первымъ лингвистомъ и первымъ историкомъ-критикомъ. Особенно поразительна его критика „Соборнаго Дѣянія на еретика Мартина“. Когда Феофилакта Лопатинскаго, которому поручено было написать обличеніе на Поморскіе отвѣты, спросили въ Синодѣ, почему онъ не коснулся опороченія Соборнаго Дѣянія и Феогностова Потребника и не снялъ съ Синода нареканія въ подлогѣ, Феофилактъ будто бы съ яростію отвѣтилъ: „пусть пишутъ на сіе возраженія тѣ, кои въ томъ Питириму помогали, а я писать не буду“; и дѣйствительно, нѣтъ о томъ въ его Обличеніи ни единаго слова. Андрей не любилъ горячаго тона и ревности не по разуму. „Что бы мы ни писали, говорилъ онъ брату своему Симеону, мы русскихъ архіереевъ не убѣдимъ, но мы должны писать такъ, чтобы укрѣплять въ вѣрѣ самихъ себя и ограждать отъ нападеній наше древле-церковное содержаніе“. Этимъ его руководственнымъ началомъ объясняется тотъ спокойный и объективный тонъ, съ какимъ написаны его Нижегородскіе и Поморскіе отвѣты; при самой крайней притязательности, рѣшительно невозможно къ чему бы то ни было придраться и найти что бы то ни было не позволительнымъ.

Во время своихъ странствованій по городамъ, онъ развилъ широкій кругъ знакомства съ разными общественными слоями: съ приказными, съ купечествомъ, съ родовитою знатью и даже со Дворомъ. Этимъ объясняется то множество посланій, которое въ значительномъ количествѣ дошло даже до нашего времени. Въ одномъ только извѣстномъ намъ Сборникѣ находится до 140 посланій. Часто онъ долженъ былъ писать ландратамъ, подъ ближайшимъ вѣдѣніемъ коихъ находилась Выговская пустыня. Они очень жаловали Андрея Денисова и относились къ нему какъ къ выдающемуся человѣку своего времени. Одинъ изъ нихъ выражалъ сожалѣніе, что онъ „обладаемъ темною пустынею: если бы ты, Андрей Денисовичъ, могъ посвятить себя нашимъ дѣламъ, то, навѣрное, былъ бы высокимъ между нами господиномъ“; другой же, присутствовавшій при церковныхъ духовныхъ бесѣдахъ, говорилъ: „Если бы ты, Андрей Діонисьевичъ, былъ согласенъ съ Великороссійскою церковью, то бы надлежало тебѣ быть у насъ патріархомъ“. Много писалъ Андрей посланій и купечеству—Петербургскому, Московскому, Нижегородскому, Романовскому: въ нихъ онъ или благодарилъ за приношенія или ходатайствовалъ о милостынѣ. Не мало дошло до насъ посланій къ разнымъ благороднымъ господамъ—Демидову и другимъ. Въ нихъ онъ благодаритъ или за ходатайства или за другія благодѣянія и проситъ впредь не оставить безъ своей милости Выговскихъ сиротъ.

Но особенно любопытно отношеніе его къ Московскому Двору и Ѳеофану Прокоповичу.

Вотъ какъ разсказывается о томъ въ Житіи Андрея Денисова по редакціи Андрея Борисова.

Въ царствующемъ градѣ Москвѣ изволися великаго государя и царя Іоанна Алексіевича сожительницѣ государынѣ царицѣ Парасковіи Ѳеодоровнѣ вновь построити дворецъ; къ таковому дѣлу подряженъ бысть Олонецкаго уѣзда житель . . . . . [послѣдиже въ Выгорецкомъ общежительствѣ постриженъ онъ бысть во иноки отъ отца Пахомія, какъ намъ сіе изустно повѣствоваше]; егда же начася дѣло строенія происходити въ распространеніе по уложенному на то архитекторскому плану, тогда милостивая она Государыня часто осматриваше оное строеніе; и нѣкако предъявленнаго подрядчика остроумiемъ своимъ примѣтя, что онъ есть древняго благочестія имѣтель: можетъ, наипаче по крестному знаменію двумя персты, еже онъ при началѣ и окончаніи повседневнаго труда обычаи имяше! крестнымъ знаменіемъ ограждатися. Благоизволила царица нѣкогда спросить его, вѣдущь ли онъ есть священнаго писанія, онъ же правдою объяви, что невѣжа того есть,

ибо все время свое проводитъ в' плотническомъ рукодѣліи: а по писанію: держай въ руцѣ рало, или подобно же рещи и сѣкиру, како можетъ умудритися. Государыня вопросила, есть ли кто иной изъ древнихъ благочестія содержателей искусный въ писаніи во градѣ семъ; на что онъ отвѣща, яко можетъ найтись (ибо вѣдалъ онъ про отца Андрея Діонисьевича, что обрѣтается въ Москвѣ). Государыня изволила приказать, чтобъ онъ къ ней въ комнаты небоязненно онаго привелъ.

С потщаніемъ взыска и обрѣте отца Андрея Діонисьевича и вскорѣ привелъ его пред царицу. Она же сперва вопроси его о родѣ и сожительствѣ и о нуждахъ пребыванія в томъ градѣ, на что премудра она глава толь сладостно и толь благоучтиво и премудро отвѣща, яко учини себѣ вниманіе царской оной высокой особы и привелъ себя в' великую ея милость, подобно пророку Даніилу, еже мудростію своею блисталъ пред' всѣми вавилонскими царями; и по многомъ о многихъ матеріяхъ разглагольствіи, приказала Государыня принести старинныя древлепечатныя книги: Кормчую зовомую, Кирилла Іерусалимскаго, Ефрема Сиріанина и прочія, и повелѣ оныя ему по частямъ предъ собою читати на уготованномъ мѣстѣ, сама же и со дщерьми своими дѣвицами, Анною Ивановною, иже послѣжде бысть многолѣтно Всероссійскою Императрицею, и другою Екатериною весма прилежно послушаше на долгъ часъ чтомаго; недоумѣнное же что имъ разрѣшаше риторственно пространнѣйшимъ толкованіемъ благоразумнѣйшій отецъ и зѣло сладкорѣчіемъ своимъ внимательныхъ учиняше.

И тако блаженный отецъ Андрей часто во дворецъ хождаше и пред' царицею древнія книги чтяше и недоумѣнное словесы своими благоразумно толковаше, за что она зѣло возлюби его и нѣкогда возглагола ему о милости своей, и до всего братства: надобно ли вамъ, рече, хлѣба, у меня есть собственно в магазеинахъ моихъ здѣсь лежащаго, и аще потребно, то возми, колико хощеши; Андрей же (тогда в' скорѣ безъ испытанія тако учини, аще послѣжде и раскаяся о семъ) рече: далеко отселѣ, милостивая государыня, къ намъ доставляти хлѣбъ оный, и весма много надобно на провозъ денегъ; царица же прорече: а когда хлѣбомъ взять вамъ отъ мене подарокъ за дальность не удобно, то воспріими же сіими пенязями, и даде ему сто рублевъ, глаголя: не позазри за малость, истинно в' денгахъ великую въ настоящее время скудость имѣю, много бо ихъ въ строеніе и в' прочія наши потребности надлежитъ нынѣ выдать. Премудрый же нашъ учитель древности, взявъ за труды свои жаловальны пенязи, и по благодареніи приличномъ царскому лицу, изыде вонъ изъ комнатъ царевыхъ; егда же

пріиде на подворье свое и объяви все клевретамъ своимъ, тогда разсуждаху: взяти бы хлѣбомъ и оный промѣняти на прочія нужныя братскія потребности, а онаго весьма было довольно въ собственныхъ царицинихъ хранилищахъ, то бы зѣло подарокъ былъ усугубленъ противъ полученныхъ сребряныхъ талантовъ, но несребролюбивый онъ мужъ, аще мало и раскаявся за оную в' скорости тогда недоумѣнность, однако воспріемъ скоро свойственное имени его присно отъ него во всемъ не отлучаемое мужество, и паки размышленіе оно сѣтовное преложи на благодарное и радостное, глаголя: чимъ Богъ насъ наградилъ, братіе, чрезъ лице царское, тѣмъ нынѣ и да будемъ довольни и благодарни; аще же онъ восхощетъ Преблагій Дародатель и болѣе сиротство наше наградити, то не закоснитъ по величеству милости своея тое, ими же вѣсть, судьбами учинити: Благъ бо есть и милостивъ Господь; по потребности нищеты нашея никогда же презритъ наше убожество.

По прибытіи же во общежительство свое, в' знакъ благодаренія посла ея Величеству живыхъ еленей, за что получилъ въ награжденіе высочайшее ея царское сіе писаніе съ пятію десять рублями, а особливо неоцѣненное благодареніе отъ толико препрославленныя царскія персоны.

Царское посланіе ко отцу Андрею Діонисьевичю.

Андрей Денисовичъ!

Благодарна за вашю любовь, что прислали ко мнѣ отъ еленей. И паки благодарствую и впредь прошю о лебедяхъ и о жеравляхъ, буде мошно промыслить.

Да послала я к' вамъ деньгъ пять десять рублевъ в' милостыню.

При семъ: Царица Парасковія.

Оное просительное приказаніе о лебедяхъ и журавляхъ живыхъ с' веліимъ потщаніемъ Андрей в' скорѣ исполни, ибо онъ, благоразсудительный отецъ, зѣло бысть попечителенъ в' таковыхъ вещехъ, и наиболѣе тщашеся, по присномъ дненощномъ угожденіи Господу Богу, угождати и земнымъ властямъ, поставленнымъ отъ небеснаго судити подвластныхъ человѣковъ, и братство все поучаше таковымъ великимъ персонамъ всегда благоугождати, кромѣ точію единаго в' благовѣріи ущербу.

По времени же нѣкоемъ, случися государынѣ оной Парасковіи Ѳеодоровнѣ быти на Петровскихъ заводахъ, ибо врачевашеся у марціальныхъ водъ, которыя находятся вблизи оныхъ заводовъ, не малое время довольное пребываше он на заводахъ во уготовленныхъ покоехъ со своими дщерьми цесаревнами — Анною Ивановною, Екатериною Ивановной.

И, тамо бывши, повелѣ возвѣстити благоразумнѣйшему Андрею Діонисьевичу, дабы к' ней изъ пустыни пріѣхалъ, и онъ, нелѣностно прибывъ, учини поздравленіе весма достойное и приличное особѣ ея; потомъ Государыня изволила учинить с' нимъ предолжайшее разглагольствіе о многихъ вещахъ и, отпуская его вонъ изъ покоевъ своихъ, заповѣда, дабы с' заводовъ не отъѣзжалъ по ея отъѣздъ оттуль в' Санктъ-Петербурхъ. И тако разумнѣйшій онъ мужъ живяше все время на Петровскихъ заводахъ, донелѣже она изволила с'ѣхать въ Петербурхъ; во время же то повседневно к' ней хождаше и о всемъ разглагольствоваше, особливо же отъ священнаго писанія, чимъ и древнее благочестіе незыблемо быти утвержаше. И сіе не в' тунѣ бысть: ибо егда едина из' дщерей ея бысть Всероссійскою Императрицею, именно Анна Ивановна, тогда въ царствующій Санктъ-Петербурхъ пріѣхалъ на поклонъ отъ всея пустыни стряпчей Стахій Осиповичь, и егда допустиша до Ея Величества, то она, взглянувши, изволила спросить, не ты ли, старичекъ, часто прихаживалъ къ покойной матушкѣ моей Парасковіи Ѳеодоровнѣ и книги читывалъ; онъ же отвѣща, что не онъ, а ихъ настоятель Андрей Діонисьевичъ. Она изволила сказать: я помню его, ибо часто видывала еще в' дѣвицахъ у матушки; и сіе глаголала весма пріятнымъ видомъ и веселымъ гласомъ при многихъ господахъ; да тутъ же прилучися быти нѣкій россійскій архіерей. Той вопроси Стахія, почему вы расколъ съ нами учиняете; онъ же рече ему: мы не учиняемъ раскола никакого, но точію молимся Богу по древлепечатнымъ книгамъ. Архіерей на сіе нѣкако гордо проглагола: да какія старопечатныя у васъ книги, что врешь, книги всѣ есть одни. На сіе всемилостивая Государыня возглагола: никакъ ты, архіерей, и старинныхъ книгъ не знаешь, а въ споръ входишь; есть старопечатныя книги тіи, иже при первыхъ царяхъ печатаны; и сихъ у покойной матушки много было; азъ сама видала и читывала, из' конхъ одна псалтырь и теперь есть у меня в' кабинетѣ, в' ней же напечатано креститися двѣма персты, такъ, какъ они крестятся (указывая перстомъ на Стахія с' товарищемъ). Архіерей же, весма обробѣвъ и в' великомъ постыженіи, не зналъ, что болѣе выговорить, но нѣмы быша, по писанію, уста ево. Императрица изволила пустынножителей жаловать денгами и платьемъ и съ миромъ отпусти ихъ восвояси. Здѣ благоразумный читателю, внемли прилежно, едину Россійской Императрицы пріятную до премудраго нашего учителя рѣчь, что изволила рѣщи: знавала его, и коликое показала защищеніе древности противъ гордящагося архіерея, чего можетъ оное стоить; аще она и присно заступала о старо-

нѣрцѣхъ во время царствованія своего противъ всего синода, то справедливость древности была сказана ей отъ премудрой матери своей Парасковіи Ѳеодоровны, а она была утверждена отъ премудраго нашего отца Андрея Діонисьевича, въ чемъ не малое время труждался предъ ихъ высокоцарскими персонами [1]).

Колико же, бывшій в' тогдашнее время почти первымъ Россіи словесникомъ и великимъ ораторомъ, Новоградскій епископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ желаше видѣти Андрея, это видно изъ того, что онъ и с' нимъ бесѣдовати зѣло многихъ о семъ проиаше, дабы его представити къ себѣ, и часто к' нему своеручно кое о чемъ писаше, присно наричая „возлюбленнымъ во Христѣ братомъ“; на что не худо и отецъ Андрей отписоваше ему. Егда же воспріимаше епископъ писаніе отъ Андрея, тогда весма измѣняемъ являшеся и якобы за не простое весма дѣло принимашеся; читая же писмо часто на главѣ своей камилавку рукою кверху воздвизаше, являя симъ высокость писаннаго и острое свое того понятіе и разсужденіе, якоже многимъ есть великоученымъ сей обычай при важныхъ случаяхъ являти [2]).

А по вшествіи отвѣтовъ нашихъ въ синодъ, ничего онъ про нихъ не глаголаше и не писаше уничижиннаго, а напротивъ имъ произнесены были еще увеличительныя метафорическія нѣкія слова; такъ, улыбаясь, сіе проглагола своимъ товарищемъ: „вотъ Андрей Денисовъ изрядную намъ (указуя на отвѣтную книгу) балдахинъ здѣсь повѣсилъ“, и какъ о премудрости сочинителя, такъ и о нихъ во иностранныя государства къ славнымъ учителемъ писаше, ни сколько честности и славы не умаляя, что сущимъ

---

[1]) Отнюдь не должно казаться страннымъ, что Анна Іоанновна защищала Стахія въ происшедшей на ея глазахъ бесѣдѣ его съ архіереемъ. Конечно, эта защита могла быть и не въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, но самый фактъ, на нашъ взглядъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Она безцеремонно обращалась не съ одними отдѣльными архіереями; она защищала старовѣровъ даже отъ Синода и Сената. Когда по доносу Холтурина и Синодъ и Сенатъ опредѣлили: привезти въ кандалахъ Выговцевъ, въ количествѣ 60 человѣкъ, въ С.-Петербургъ для строгаго сыска по доносу, Государыня повелѣла Ушакову сказать Сенату и Синоду, чтобы они отмѣнили свое опредѣленіе, а вмѣсто того назначили Комиссію изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, которая бы отправилась на Выгъ и на мѣстѣ провѣрила доносъ Холтурина. Такъ это дѣйствительно и происходило, и доносъ признанъ ложнымъ. Здѣсь кстати замѣтимъ, что Анна Іоанновна, подобно своей матери, при жизни Андрея Денисова находилась съ нимъ въ перепискѣ. До нашего времени дошло 18 ея писемъ къ Андрею, кои составляютъ теперь собственность извѣстнаго писателя Евгенія Николаевича Опочинина.

[2]) Одно изъ такихъ посланій Андрея къ Ѳеофану есть въ моемъ рукописномъ собраніи.

нашимъ общежителемъ учинился извѣстно въ Датскомъ государствѣ; егда они тамо зимоваху, въ домѣ у ученаго пастора и по частомъ собесѣдованіи с' ними, дознался онъ о нашемъ мѣстѣ, о исповѣданіи вѣры, тогда громогласно воскликнулъ: о, знаю васъ изъ сего, писалъ о вашемъ учителѣ похвално из' Россіи Ѳеофанъ Прокопьевичъ к' нашему Бискупу, похваляя изрядно и писателя и его творенія; азъ же слышахъ о томъ отъ Бискупа своими ушесы.

Извѣстны обширныя ученыя посланія Андрея Денисова кн. ѳедосѣевцамъ—къ Ѳеодосію Васильеву и сыну его Евстрату Ѳедосѣеву, по вопросамъ разногласія и главнымъ образомъ по вопросу о Титлѣ Пилатовой.

Но больше всего посланій было писано имъ къ своему Выгорѣцкому общебратству. Онъ былъ въ частыхъ разъѣздахъ и отовсюду изъ разныхъ городовъ писалъ на Выгъ; то увѣдомлялъ о страданіяхъ своего брата Семена, томившагося въ заточеніи и кандалахъ у Новгородскаго митрополита Іова, то изъ Нижняго Новгорода, оправдываясь отъ упрековъ, зачѣмъ онъ писалъ Нижегородскіе отвѣты и поддерживалъ бѣглопоповщинское согласіе. Но главнымъ образомъ во всѣхъ посланіяхъ на Выгъ онъ старался укрѣпить въ старовѣріи свое общебратство, поддержать духъ его въ скорбной жизни и учить нелѣностному монастырскому трудодѣланію.

Теперь обратимся къ внутреннему составу самыхъ Четь-Миней, составленныхъ подъ его редакціей. Въ этихъ Минеяхъ нѣтъ ничего спеціально старообрядческаго. Въ составѣ ихъ входятъ страданія мучениковъ, взятыя изъ прологовъ и житейниковъ, равно какъ и житія великихъ греческихъ святыхъ и пустынниковъ; затѣмъ похвальныя слова разныхъ отцевъ церкви на великіе Господскіе и Богородичные праздники, взятыя изъ Торжественниковъ; далѣе житія русскихъ святыхъ, списанныя съ древнихъ рукописей, и наконецъ аскетическія творенія нѣкоторыхъ отцевъ Церкви.

Этотъ составъ указываетъ, что задача составленія этихъ Миней та же, что и его общебратскихъ посланій: поддерживать въ братствѣ религіозный энтузіазмъ и готовность пострадать за вѣру примѣромъ мучениковъ, въ торжественные дни—поддерживать свѣтлое настроеніе и радостное ликованіе торжественными словами древнихъ отцевъ, обучать монастырскому трудодѣланію примѣромъ русскихъ пустынниковъ, обучать внутреннему самонаблюденію и нравственному совершенствованію примѣромъ аскетовъ.

Составленіе этихъ Четій Миней, повидимому, вызвано появленіемъ Четій Миней Дмитрія Ростовскаго, руководившагося, какъ

извѣстно, критическимъ трудомъ Болландистовъ. Денисовы недовѣрчиво отнеслись къ этому труду яраго гонителя старовѣрія и потому сочли нужнымъ составить свои Четіи Минеи, ближе подходящія къ цѣлямъ ихъ Выговскаго общебратства.

Въ сентябрьской Минеѣ былъ выходной листъ, но онъ вырванъ какой-то варварской рукой: уцѣлѣлъ только выходъ, относящійся ко 2-й половинѣ Миней въ мѣсяцѣ февралѣ.

Здѣсь на послѣднемъ листѣ читаемъ:

Начася писати сія святая книга Минѣя Четья Февральская в лѣта отъ созданія свѣта осмыя тысяща двусотному и двадесять первому наставшу, совершижеся въ 7223 лѣто, во общежительствѣ пантократовѣ, въ полунощной странѣ, близъ окіянского понта, на выгу рѣцѣ, собрася отъ различныхъ книгъ добрыхъ преводовъ и простыхъ, елико возмогохомъ обрѣсти многимы времены, тщаніемъ и радѣніемъ Даніила и Андрея старѣйшинъ того общежительства, паче же Симеоновымъ и уставщика Петра многогрѣшнаго. Трудолюбствоваша же в писаніи сея немощнѣй руцѣ дѣвьственныхъ лицъ. Аще кто отъ боголюбныхъ и тщателныхъ прочитаяй или преписуя книгу сію узритъ какое погрѣшеніе въ житіяхъ кіихъ в реченіяхъ и просодіяхъ, с совѣтомъ разумныхъ и духовныхъ исправити да потщится, насъ же недостойныхъ прощенію да сподобитъ, и благословеніе даруетъ намъ, и да воспоминаетъ о насъ въ молитвахъ своихъ благопріятныхъ ко Господу, аще живыхъ, аще умершихъ насъ сущихъ видитъ и слышитъ. Ей, молимъ васъ, благочестивіи читателіе, понеже много потрудихомся з Божіею помощію в собираніи и писаніи книги сея, аще недостойни и грѣшны есмы, погрѣшеніе же кое обрящется, и сіе не отъ коварства, лукавства же и упрямства судите быти, но отъ простоты, грубости, невѣдѣнія и ненаученія, иное же отъ простыхъ писемъ и преводовъ, еже каково обрѣтохомъ, сице и списахомъ; а что и нашимъ небреженіемъ погрѣшися, за вся сія прощенія просимъ, о всѣхъ же сихъ слава пресвятѣй Троицѣ единому Богу нашему, давшему намъ силу и крѣпость и помощь начати и совершити, за молитвъ пресвятыя Богородицы и всѣхъ святыхъ. Аминь.

Мѣсяцъ сентябрь въ л. полууст. XVIII в. около 400 лл.

Въ началѣ оглавленіе; слѣдующій листъ представляетъ художественную заставку съ колонками, внутри коей начертано вязью: Соборникъ, еже наречется Сказаніе житія святыхъ пророкъ и апостолъ и мученикъ и всѣхъ преподобныхъ отецъ, Богу угодьшихъ, мужей и женъ, терпѣніе и страсти, отъ обою на десять мѣсяцу, яже съ Богомъ починаемъ.

На об. послѣдняго переплетнаго л.: „сія книга Минея мѣсяцъ Сентебрь“, куплена христіанином̀ъ Андреемъ Михайловымъ въ лѣто 7372 года іюля въ 22 день у христіанина града Череповца.

Въ 1 день мѣсяца Сентября. Слово Индикту Іоанна Златоустаго. Нач. Чудна православныхъ торжества.

Заглавная росписная.

Въ той же день житіе Симеона Столпника.

Въ той же день житіе Іисуса Навина.

Во 2-й день. Страданіе святаго мученика Маманта.

Въ 3 день. Страданіе священномученика Анфима, епископа Никомидійскаго.

Въ 4 день. Страданіе священномученика Вавилы, епископа Антіохійскаго.

Въ той же день житіе пророка Моисея.

Въ 6 день. Чудо Архангела Михаила, бывшее въ Хонѣхъ.

Въ той же день чудо, бывшее во святѣй горѣ отъ Архангела Михаила.

Въ той же день страданія Евдоксія и иже съ нимъ.

Въ 7 день. Страданіе святаго мученика Созонта.

Въ той же день житіе святаго Іоанна, архіепископа Новгородскаго.

Нач. Внимати же намъ подобаетъ, братіе, и учитися закону Господню и святымъ его заповѣдемъ и приклоните ушеса ваша во глаголаніе истины.

Въ 8 день. Слово Андрея Критскаго на Рождество Богородицы.

Нач. Аще мѣрима есть земля пядію.

На тотъ же праздникъ слова: Іоанна Дамаскина.

Нач. Пріидите вси языцы и всякъ родъ человѣчь и языкъ.

Андрея Критскаго: Начало убо намъ праздникомъ настоящій праздникъ.

Мѣсяца Сентября въ 9 день. Святую праведнику Іоакима и Анны.

Нач. Якоже пишетъ пророкъ Давидъ: благо мнѣ, яко смирилъ мя еси.

Въ той же день святаго Козмы.

Похвала святымъ праведникамъ Іоакиму и Аннѣ.

Нач. Вчера Богородичина рожденія соборъ мирскія радости намъ праздникъ.

Въ той же день. Житіе Іосифа, Волоколамскаго чудотворца.

Предисловіе: „Слава Богу о всемъ всяческихъ ради отъ нихъ выну прославляется“. Редакціи Саввы, ученика его, епископа Сарскаго и Подонскаго, глаголемаго Чернаго.

За тѣмъ: Слово похвальное преподобному Іосифу Волоцкому и обличительно на Новгородскіе еретики.

Нач. Се паки намъ, о возлюбленая братія, второе торжество наста.

Филогона инока объ о. Іосифѣ, иже состави общій монастырь близъ Волоколамскаго.

Нач. Различна тѣлесемъ растворенія суща, различны и недуги.

Мѣсяца Сентября въ 10 день.

Страданіе святыхъ мученицъ Минодоры, Митродоры и Нимфодоры.

Въ 11 день. Житіе Ѳеодоры Александрійскія.

Въ 13 день. Слово на обновленіе храма Воскресенія Господня.

Нач. Столпи церковніи божественніи отцы наши добрѣ смотряще, иже послѣдованіемъ чина и сій праздникъ обновленія церкви уставиша праздновати.

Мѣсяца Сентября въ 14 день. Слова на Воздвиженіе Честнаго Креста:

Іоанна Златоустаго: Нач. Что реку или что возглаголю?

Евсевія Селевкійскаго: Всяко убои же отъ горшаго на лучшее преложеніе велику радость и веселіе роду человѣческому содѣваетъ.

Пандоклѣя, пресвитера обители Византійскія: Паки воздвижется крестъ, паки тварь радуется.

Андрея Іерусалимлянина: Креста празднество творимъ, и нынѣ все исполненіе церковное озаряется.

Слово на Воздвиженіе животворящаго Креста. Нач. В лѣто седмое царствующу великому царю Константину.

Слово Григорія, архіепископа на тотъ же праздникъ: Возносится днесь крестъ и плѣняется адъ.

Слово неизвѣстнаго на тотъ же праздникъ: Днесь, братіе, веселуемся о воздвиженіи Христовѣ; днесь радуемся о воздвиженіи честнаго древа.

Хруса уединеннаго Слово историческо о обрѣтеніи пречестнаго креста и о воплощеніи Божьи, богословство и похвала Кресту.

Въ 15 день. Страданіе святаго великомученика Никиты.

Въ 16 день. Страданіе мученицы Евфиміи.

Въ 17 день. Страданіе мученицъ—Вѣры, Любви и Надежды и матери ихъ Софіи.

Въ 19 день. Житіе Ѳеодора, князя Ярославскаго и Смоленскаго, и обою сыну его Давида и Константина.

Нач. Сей убо бысть благовѣрный и христолюбивый великій

князь Ѳеодоръ Смоленскій, сынъ великаго князя Ростислава Смоленскаго.

Въ 20-й день. Житіе и мученіе Евстафія Плакиды и жены его и чадъ.

Въ той же день святыхъ новоявленныхъ мучениковъ и исповѣдниковъ князя Михаила Черниговскаго и болярина его Ѳеодора.

Нач. Богу сице попустившу, яко егда злочестивый царь Батый многи грады испрѣвратн.

Слово Филогона мниха о князѣ Михаилѣ Черниговскомъ и болярнѣ его Ѳеодорѣ.

Нач. Честное яко воистинну, добролѣпное ваше стеченіе вина добрѣйшихъ повѣстій.

Мѣсяца сентября въ 23 день. Слово похвально епископа Климента на зачатіе Іоанна Предтечи.

Второе слово похвально на то же зачатіе Предтечи: Любовницы, доброгоденъ день, строинъ праздникъ, соборная радость.

Сентября въ 24 день. Житіе и мученіе великомученицы Ѳеклы.

Нач. Входящу Павлу во Иконію.

Въ 25 день. Житіе преподобныя Евфросиніи, наречемыя Измарагдъ.

Въ той же день житіе преподобнаго Сергія Радонежскаго; списано отъ премудраго Епифанія.

Нач. Слава Богу о всемъ и всяческихъ ради о нихъ всегда прославляется великое и трисвятое имя.

Житіе Евфросиніи преподобныя, благовѣрной княжны Суздальской.

Нач. Благословень Богъ Отецъ и щедротамъ безначальный вседержитель.

Сентября въ 26 день. Слово похвальное Іоанна Златоустаго святому Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову: Иже подвигомъ внѣшнимъ зрителіе, егда нѣкоего доблествена страдалца и вѣнечника, отнѣкуду пришедши, увѣдятъ, стекаются вси.

Въ той же день житіе Іоанна Богослова; списано ученикомъ его Прохоромъ.

Въ 27 день. Житіе преподобнаго Савватія Соловецкаго. Нач. Преподобный отецъ нашъ Савватій, прежде пожпве въ Кириловѣ монастырѣ, на Бѣлѣ езерѣ. На полѣ замѣчено: Сіе чтется на всенощномъ на зазвонной статьи на праздникъ преподобнаго Саватія, Сентября въ 27 день. За тѣмъ слѣдуетъ житіе преподобнаго Савватія въ редакціи Спиридона митрополита.

Въ 28 день. Житіе Харитона.

Въ 29 день. Житіе Кирiака отшельника.

Въ 30 день. Житіе и страданіе священномученика Григорія, епископа Великой Арменіи, и съ нимъ Рипсиміи и Гаіаніи и прочихъ тридесяти шести дѣвъ пострадавшихъ.

Въ той же день житіе преподобнаго Григорія игумена въ Лопотовѣ, Пелшемскаго чудотворца.

Нач. Добро убо и полезно зѣло, иже божественнѣхъ мужій житія почитати.

Мѣсяцъ Октябрь въ л. Поморск. полууст. XVIII в. 533 л.л.

За оглавленіемъ превосходная заставка поморскаго художества.

На переплетномъ листѣ скорописная запись: Минея Четья, мѣсяцъ октябрь, куплена христіаниномъ Андреемъ Михайловымъ за четыреста рублей серебромъ у христіанина града Череповца іюля 22 дня.

Л. 1 об. Мѣсяца октября въ первый день: Слово похвально на Покровъ Пресвятыя Богородицы.

Нач. Сладчайши убо во временѣхъ весна и во звѣздахъ солнце.

Л. 10 об. Слово похвально честному Покрову Богородицы, твореніе іеромонаха Пахомія.

Нач. Понеже убо человѣческій родъ обыче праздники святыхъ с' похвалами праздновати.

Л. 14 об. Слово похвально на Покровъ Владычицы нашей Богородицы.

Нач. Свѣтлое и преславное настоящее торжество и любопразднественныхъ любовь къ пѣнію воздвиже. Пріидѣте вси языцы и всякъ родъ человѣчь.

Л. 19 об. Въ той же день. Мученіе святаго Апостола Ананіи, епископа Дамаскинскаго.

Л. 21. Житіе преподобнаго Саввы Вишерскаго.

Нач. Добро убо и зѣло полезно, иже божественныхъ мужей житіе повѣствовати.

Редакціи Пахоміевой.

Л. 32. Во 2-й день. Житіе многострадальнаго юродиваго Андрея Цареградскаго.

Л. 152. Въ той же день. Дѣяніе священномученика Кипріана и святыя дѣвы Устины.

Л. 179. Въ 3-й день. Мученіе священномученника Діонисія Ареопагита.

Л. 186 об. Мученіе святого Діонисія Ареопагита; списано Симеономъ Метафрастомъ; переведеся Максимомъ инокомъ.

Нач. Древле убо во образѣхъ бѣша и гаданіихъ вѣры таинства, истинный свѣтъ сѣни облакомъ сокрывашеся.

Въ 4 день. Житіе Гурія и Варсанофія, Казанскихъ чудотворцевъ. Списано Ермогеномъ, митрополитомъ Казанскимъ. Съ чудесами.

Нач. Повѣсть полезна, яко близъ очима зрится.

Л. 222. Въ 5 день. Страданіе мученицы Харитины. Въ той же день житіе преподобнаго Даміана презвитера.

Въ той же день преподобнаго Іереміи прозорливаго.

Въ той же день житіе преподобнаго Ѳомы.

Л. 326. Въ 6-й день. Дѣяніе святаго апостола Ѳомы.

Л. 331. Въ 7-й день. Мученіе святыхъ мученикъ Сергія и Вакха.

Л. 230. Въ 8-й день. Житіе преподобныя матери Пелагіи, блудницы.

Л. 235 об. Въ той же день. Житіе преподобнаго Трифона Вятскаго. Съ чудесами.

Нач. Слава Богу Вышнему, иже въ Троицѣ славимому, иже есть упованіе наше.

Въ той же день. Житіе преподобныя Таисіи.

Л. 301. Въ 9 день. Святаго Апостола Іакова Алфеова.

Въ той же день. Повѣсть отца Даніила о преподобномъ Андроницѣ и женѣ его Афанасіи.

Л. 306 об. Въ 10-й день. Мученіе святыхъ Евлампія и Евлампіи.

Л. 318. Въ 12-й день. Святыхъ мученикъ Прова, Тарха и Андроника.

Л. 345. Въ 14-й день. Святыхъ мученикъ Назарія, Гервасія.

Въ той же день преподобныя Парасковіи (л. 529).

Л. 354 об. Въ 16-й день. Мученіе святаго мученика Логина сотника.

Л. 360. Слова похвальныя святому Апостолу и евангелисту Лукѣ.

Нач. Пріидѣте, сынове освященніи, со всѣми православными вкупѣ, царіе и князи днесь.

Л. 363. Другое слово на тотъ же день, вкратцѣ, всехвальному Апостолу и евангелисту Лукѣ.

Нач. Всякое словесное естество человѣкъ вещественное плоти составленіе отъ четырихъ составъ имать: отъ воздуха, отъ огня, отъ земли и воды.

Л. 367 об. Въ 19-й день. Мученіе святаго Уара и иже съ нимъ.

Л. 376 об. Мученіе святаго мученика Садофа и иже съ нимъ.

Въ той же день. Житіе преподобнаго Іоанна, пустыножителя Рыльскаго.

Л. 391. Въ 20-й день. Мученіе святаго великомученика Артемія.

Л. 411. Въ 21-й день. Житіе преподобнаго Иларіона Великаго.

Л. 446. Въ 22-й день. Житіе преподобнаго Аверкія Іерапольскаго.

Въ той же день. Мученіе седми отрокъ, иже во Ефесѣ.

Л. 475. Въ 23-й день. Житіе Іакова, брата Господня по плоти, сына Іосифова.

Л. 477. Въ 24-й день. Мученіе святаго Арефы и дружины его.

Л. 484. Въ 26-й день. Память святаго великомученика Дмитрія Солунскаго.

Л. 490. Слово похвально святому великомученику Дмитрію Солунскому.

Нач. Прежде Христова плотьскаго смотренія человѣкомъ страшна бѣяше смерть.

Л. 495. Въ 28-й день. Мученіе святыя мученицы Параскевы, еже протолкуется Пятница.

Октября въ 29-й день.

Л. 502. Мученіе святыя мученицы Анастасіи.

Л. 506. Въ 29-й день. Повѣсть Ефрема Сирина о Аврааміи Затворницѣ.

Л. 521. Въ той же день. Мученіе святаго Зиновія, епископа Егіенска града, и Зиновіи, сестры его.

Л. 524. Въ той же день. Житіе Авраамія Богоявленскаго, Ростовскаго чудотворца.

Нач. Преподобный отецъ нашъ Авраамій сѣ родителю благочестиву сынъ.

Мѣсяца октября въ 14 день. Житіе преподобныя Парасковіи.

Нач. Въ земли Сербской, близъ града Каликратія, бѣ весь, нарицаемая Егиватъ.

На полѣ замѣтка: списано Евфиміемъ Терновскимъ.

Мѣсяцъ Ноябрь. Въ л. поморск. полууст. XVIII в. 707 л.л.

Л. 5. Оглавленіе настоящія книги сея, глаголемыя Минеи Четьи ноябрскія, колико имѣетъ въ себѣ святыхъ различныхъ житій и словъ похвальныхъ на праздники.

На обор. 9 л. Заставка на черномъ полѣ съ колоннами, внутри коихъ киноварью озаглавлено житіе и чудеса безсребренниковъ Космы и Даміана, въ первый день мѣсяца ноября. Заглавная буква большихъ размѣровъ въ стилѣ самой заставки.

Л. 22. Во 2-й день. Страданіе святыхъ мученикъ Акиндина, Пигасія, Елпидифора и прочихъ.

Л. 31. Въ 3-й день. Страданіе святыхъ мученикъ Акепсима епископа и иже съ нимъ Іоспфа и Анфала.

Л. 41. Въ 4-й день. Житіе преподобнаго Іоанникія Великаго.

Л. 67. Въ 5-й день. Житіе и страданіе святыхъ мученикъ Галактіона и Епистиміи.

Л. 72. Въ той же день. Житіе Іоны, архіепископа Новгородскаго.

Нач. Воспомянути и блаженнаго нашего пастыря Іону добро по немалымъ словомъ.

Л. 82. Слово о обрѣтеніи мощей его и о казнехъ, бывающихъ на ны отъ Бога.

Л. 86. Въ 6-й день. Житіе святаго Павла исповѣдника, патріарха Царяграда.

Л. 93. Въ той же день. Житіе и чудеса преподобнаго Варлаама Новгородскаго.

Нач. Понеже убо онѣмъ великимъ и божественнымъ мужемъ, иже в постѣ и подвигѣ просіявше.

Л. 134. Въ 7-й день. Страданіе святыхъ мученикъ 33, Іерона и иже съ нимъ въ Палестинѣ пострадавшихъ.

Л. 138. Въ той же день. Страданіе святаго мученика Ореста.

Л. 141. Въ 8-й день. Слово Пандолѣево на Соборъ Архангела Михаила.

Нач. Велія и многоразлична бесплотныя и велелѣпныя архангельскія твоея добродѣтели.

Л. 157 об. Въ той же день. Слово святаго Климента на Соборъ Бесплотныхъ.

Нач. Наста, празднолюбци, пресвѣтлое торжество бесплотныхъ силъ.

Л. 160. Въ 9-й день. Житіе преподобныя Матроны.

Л. 184. Въ 11-й день. Страданіе и чудеса великомученика Мины.

Л. 200. Въ той же день. Страданіе святого Виктора и Стефаниды.

Л. 203. Въ той же день. Житіе преподобнаго Ѳеодора Студита.

Л. 234. Въ той же день. Житіе святаго мученика Стефана, царя Сербскаго.

Л. 241. Въ 12-й день. Житіе святаго Іоанна Милостиваго, патріарха Александрійскаго.

Л. 277. Въ 13-й день. Житіе святаго Іоанна Златоустаго, патріарха Царяграда.

Л. 293. Мученіе святаго апостола Филиппа.

Л. 296. Слово похвальное св. апостолу Филиппу.

Нач. Яко же в' пролѣтіе сіяніе различно красныхъ цвѣтецъ весело творитъ зрѣніе.

Л. 300. Въ 14-й день. Слово Григорію, архіепископу Селунскому.

Нач. Иже божественнаго и невечерняго свѣта сынъ и свѣтлый проповѣдникъ Григорій.

Л. 303. Въ 15-й день. Страданіе святыхъ мученикъ и исповѣдникъ Гурія, Самона и Авива.

Л. 311. Чудо святыхъ мученикъ о отроковицѣ, во гробъ живѣ затвореной.

Л. 319. Въ 16-й день. Дѣяніе и страданіе святаго Апостола и Евангелиста Матѳея.

Л. 324. Слово похвальное Евангелисту Матѳею.

Нач. Отънелиже сниде отъ высоты превышнихъ небесъ к' земныхъ мертвенному существу сынъ и слово Божіе.

Л. 328. Въ 17-й день. Житіе Григорія, чудотворца Неокесарійскаго.

Л. 344. Въ той же день. Житіе Никона Радонежскаго.

Нач. Кто убо исповѣдати возможетъ многая и великая Божія дарованія.

Л. 354. Въ 18-й день. Страданіе святаго мученика Платона.

Л. 362. Въ той же день. Страданіе святаго мученика Романа.

Л. 364. Въ 19-й день. Страданіе святаго мученика Варлаама.

Л. 368. Въ той же день. Исторія о преподобною Варлаамѣ и Іосафѣ Индѣйскомъ.

Л. 457. Въ 21 день. Слова на Введеніе Богородицы.

Тарасія, патріарха Царяграда.

Нач. Свѣтлое и преславное настоящее торжество и любопраздньственыхъ любы к пѣнію воздвиже.

Л. 463. Въ той же день слово Георгія, екзарха.

Нач. Добро намъ винамъ начало показа пришедшее торжество; добры восхожденіе стези уготова.

Л. 470 об. Евфимія, инока.

Нач. Веселія убо и радости всякъ божественый Богоматере праздникъ присно почитаемъ.

Л. 477. Германа, патріарха Константинаграда.

Нач. Се паки ино торжество и свѣтло праздньство Божія Матере.

Л. 481. Въ 22 день. Житіе и страданіе въ ордѣ великаго князя Михаила Тверскаго.

Нач. Сей боголюбивый и приснопамятный, блаженный великій князь Михаилъ Ярославичъ, внукъ великаго князя Ярослава, правнукъ Всеволода Юрьевича Долгорукаго.

Л. 489. Въ 23 день. Житіе святаго Амфилохія, епископа Иконійскаго.

Л. 492. Въ той же день святаго Григорія, епископа Акраганскаго.

Л. 522. Въ той же день житіе и чудеса великаго князя Александра Невскаго.

Нач. Яко же в чювственыхъ видимое солнце, сице и житія святыхъ свѣтъ суть и просвѣщеніе.

Л. 558. Въ 24 день. Жигіе и страданіе великомученицы Екатерины, дѣвы премудрыя.

Л. 569. Въ той же день страданіе великомученика Меркурія.

Л. 573. Въ 25 день. Страданіе Петра, архіепископа Александрійскаго.

Л. 578. Въ той же день страданіе святаго Климента, папы Римскаго.

Л. 587. Въ той же день посланіе святаго Климента ко Іакову, брату Господню, въ немъ же извѣствуетъ о житіи своемъ и о родителю своею и обою брату свою.

Л. 626. Въ 26 день. Слово Аркадіево, архіепископа Кипрскаго, похвально великомученику Георгію. Въ заглавіи предъ текстомъ: Мѣсяца Ноября въ 3 день. На полѣ замѣтка. „Чтемъ же сіе слово и въ 26-е Ноября, аще хощетъ настоятель, на освященіе церкви святаго Великомученика Георгія, иже въ Кіевѣ".

Л. 628. Чюдо святаго Георгія о зміѣ и дѣвицы. Нач. Како изреку странную сію и преславную тайну..... бѣяше во она лѣта градъ, нарецаемый Агава. въ странѣ Палестинской, великъ зѣло и многочеловѣченъ.

Л. 629. Чудо его же о плѣненномъ отроцѣ.

Л. 636. Въ 27 день. Страданіе мученика Іакова Перскаго.

Въ той же день воспоминаніе о знаменіи отъ иконы Богородицы въ Великомъ Новѣградѣ.

Л. 645. Слово похвально о бывшемъ знаменіи отъ иконы Богородицы въ Новѣградѣ.

Нач. Слышите убо христолюбивое торжество и святолюбное собраніе (повидимому Поморское).

Л. 650. Въ той же день о явленіи святаго князя Всеволода Псковскаго и о принесеніи мощей его.

Нач. Господу нашему Ісусу Христу во благовѣстіи божественнаго своего ученія рекшу.

Л. 656. Въ 28 день. Житіе и страданіе преподобнаго Стефана, новаго исповѣдника.

Л. 686. Въ 29 день. Страданіе святаго мученика Иринарха и иже съ нимъ.

Л. 690. Въ 30 день. Житіе и дѣяніе святаго Апостола Андрея Первозваннаго.

Л. 706. Слово Прокла, патріарха Цареградскаго, Апостолу Андрею Первозванному.

Нач. Крѣпка апостольскаго ловленія сѣть, дивная Андреевы памяти мрежа.

Мѣсяцъ Декабрь. Въ л. Поморск. полууст. 596 лл.

Въ началѣ оглавленіе житій святыхъ отецъ, въ мѣсяцѣ Декабрѣ обрѣтающихся.

Л. 1. Во 2-й день. Житіе святаго Филарета Милостиваго.

Л. 21. Въ 3 день. Житіе и чудеса преподобнаго Саввы Сторожевскаго.

Нач. Якоже убо царскія утвари златомъ украшени со многоцѣннымъ каменіемъ.

Л. 33. Въ 4 день. Житіе и страданіе великомученицы Варвары.

Л. 45. Въ той же день житіе преподобнаго Іоанна Дамаскина.

Л. 62. Слово похвально Іоанну Дамаскину.

Л. 77. Въ 5 день. Житіе Саввы Освященнаго.

Л. 83. Въ 7 день житіе Амвросія, епископа Медіоланскаго.

Л. 89. Въ той же день житіе и подвиги Антонія Сійскаго.

Предъ текстомъ стихъ.

Нач. Понеже великихъ святыхъ мужъ добродѣтели писати преподобно есть и благо.

Твореніе Іоны, постриженика Сійскаго.

Л. 166 об. Въ 9 день. Слово похвально Іоанна Дамаскина на зачатіе святыя Анны, егда зачатъ святую Богородицу.

Нач. Великій апостолъ, иже божественныхъ тайнъ сказатель, яже спасенія нашего искупуя научаетъ.

Л. 176. Въ 11 день. Житіе преподобнаго Даніила Столпника.

Л. 223. Въ 12 день. Слово св. Спиридона чудотворца.

Л. 230. Въ 15 день. Житіе св. Стефана, Сурожскаго чудотворца.

Л. 243. Въ 16 день. Память блаженныя Феофаніи царицы.

Л. 248. Въ 17 день. Слово святымъ тремъ отрокомъ и Даніилу пророку.

Л. 522. Слово похвально отрокомъ и Даніилу пророку.

Нач. Отъ пророкъ овіи убо проповѣдаша вочеловѣченіе Слова, овіи же и образы назнаменаша.

Л. 265. Въ 19 день. Житіе святаго Григорія епископа, Омиритскаго чудотворца и прѣніе его съ Ерваномъ іудіяниномъ.

Л. 420. Въ 21 день. Житіе святаго Петра митрополита всея Россіи.

Нач. Праведници вовѣки живутъ, и отъ Господа мзда ихъ.

Л. 434. Въ той же день. Страданіе святыя мученицы Іуліаніи, иже въ Никомидіи.

Л. 442 об. Въ 22 день. Страданіе мученицы Анастасіи, Узорѣшительницы, и иже съ нею Хрисогона и Ѳеодотіи и прочихъ.

Л. 456 об. Въ 23 день. Житіе святаго Филиппа, митрополита Московскаго.

Нач. Елици убо духомъ Божіимъ водими суть, сіи сынове Божіи нарекутся.

Л. 498. Въ 24 день. Житіе и страданіе святыя мученицы Евгеніи дѣвицы.

Л. 520. Слово Іоанна Златоустаго на предпразднество Рождества Христова.

Нач. Обыкоша, иже к' земному царю грядущіи, егда близъ будутъ яже входа царскаго двора.

Л. 528. Слово Кирилла Іерусалимскаго въ навечеріе Рождества Христова.

Нач. Якоже убо во Ісуса Христа надѣемся, довольно противу силѣ нами речено бысть вчера.

Л. 537 об. Въ 25 день. Бесѣда Василія Великаго на Рождество Христово.

Нач. Христово Рождество еже убо свое и первое и особное того божества молчаніемъ да почитается.

Л. 545 об. Слово Іоанна Златоустаго на Рождество Христово.

Нач. Что сіе днесь знаменіе прорицанія вижду.

Л. 548. Слово его же на тотъ же праздникъ.

Нач. Нынѣ моего естества обѣтшанію обновленіе приходитъ.

Л. 557 об. Слово на Рождество Христово о пришествіи волхвовъ.

Нач. Господу нашему Ісусу Христу рождьшемуся в Вифлеомѣ Іудейстѣмъ отъ пречистыя Дѣвы Маріи.

Л. 565 об. Слово Іоанна Златоустаго на Рождество Христово.

Нач. Начало радости и веселія духовнаго, трапезу хощу представить полну сущу радости.

Л. 569 об. Въ 26 день. Слово на соборъ пресвятыя Богоро-

дицы Епифанія, архіепископа Кипрскаго, и похвала пресвятѣй Богородицѣ и о воплощеніи Господни.

Нач. Сіяющу свѣтлыя Богородица заря велія и непостигнемы силы.

Л. 578. Въ 30 день. Страданіе святыя мученицы Анисіи.

Л. 584 об. Въ 31 день. Житіе преподобныя Меланіи Римлянины.

Мѣсяцъ Февраль. Въ листъ Поморск. полууст. ок. 300 лл.

Въ началѣ оглавленіе февраля мѣсяца, колико имѣетъ въ себѣ святыхъ различныхъ житій и словъ похвалныхъ на праздники.

На 3-мъ л. Поморская узорчатая заставка во весь листъ, на черномъ полѣ. Внутри заставки—киноварью: Мѣсяца Февруалія въ 1 день. Житіе и мученіе святого мученика Трифона, отъ двою лѣтъ ему в Никеи сотворися, начало страсти его в' садстастіи веси бысть, идѣже вѣнецъ ему соблюдеся.

Заглавная буква самаго начала житія киноварная узорчатая, во всю длину листа.

Нач. Сей святый учимъ и грѣемъ отъ матере своея; учимъ же отъ ангелъ.... единаче дѣтищь сый отъ двою лѣту исполнися святаго духа и знаменія велика творяще.

Во 2 день. Слово Аѳанасія Александрійскаго на Стрѣтеніе Господне.

Нач. Яже настоящая священная торжества евангельская труба да оглашаетъ.

Въ той же день слово Исихія, пресвитера Іерусалимскаго.

Нач. Да или не вѣсте, яко духъ пророка Симеона сотвори и бѣ ему реченно не видѣти смерти.

Въ той же день слово Авраамія, архіепископа Ефесскаго, на Срѣтеніе Господа нашего Іисуса Христа.

Нач. Ельма словеса на концы третіяго псалма глаголюща. Господне спасеніе и на людѣх твоихъ благословеніе твое.

Въ той же день и на тотъ праздникъ слово Кирилла, архіепископа Іерусалимскаго.

Нач. Радуйся зѣло тщи Сіонова.

Въ той же день Слово Тимофея, пресвитера Іерусалимскаго, о пророцѣ Симеонѣ.

Нач. Се возлюбленіи нынѣ намъ пречестнаго в Луцинѣ благовѣствованіи видимъ правдиваго, Симеона реку.

Канонъ толковый Срѣтенію Господню.

Троп. Сущу глубородителену.

Толкъ. Яко красна облаци во время ведра,

Мѣсяца Февраля въ 3 день. Святаго Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы.

Твореніе Тимоѳея, пресвитера Іерусалимскаго.

Нач. Се возлюбленніи, нынѣ вамъ почтеннаго в Луцинѣ евангеліи праведнаго Симеона. Сій бо послѣдній закону, а первый благодати, жидовинъ родомъ, а христіянинъ благодареніемъ.

Въ 3 день. Мученіе святыя Ѳеодуліи, мучимѣй бывши во градѣ Аназавронѣ.

Нач. Въ царство Діоклитіяна царя двою лѣту и Максиміяна честнаго первіе старѣйнствующу Пелагія Аназавроксумъ градъ.

Въ 4 день. Преподобнаго отца нашего Николы, игумена Студійскаго.

Нач. Сей преподобный отецъ нашь Никола бяше отъ Критскія земля.

Въ той же день Житіе и страданіе святаго и великаго князя Георгія Всеволодовича Владимьрскаго и всея Россіи.

Нач. По великомъ князѣ Константинѣ сыне Всеволожи Георьевичи Долгорукого, паки Владимирскую державу пріимъ братъ его сій великій князь Георгій.

Въ той же день житіе преподобнаго Кирилла, Новоезерскаго чудотворца.

Нач. Единородный сынъ слово Божіе, собезначалный, соприсно сущій Отцу.

Мѣсяца Февраля въ 5 день. Мученіе святыя мученицы Агафіи.

Нач. Царствующу Декію, воеводствующу Кинтіану Сикилійскому острову Италійстѣй области, изыде заповѣдь.

Въ той же день мученіе Авраамія, епископа Арвильскаго.

Нач. В пятое лѣто гоненія нашего пресвятый епископъ Авраамій града Аравійска.

Мѣсяца Февраля въ 7 день. Житіе и жизнь преподобнаго отца нашего Парфенія епископа, бывшаго града Лампсаческа.

Нач. Жаждею и любовію подвизаемь азъ, грѣшный скорпинъ, потщахся писати чюдную и славную жизнь издѣтска житія преподобнаго отца нашего Парфенія.

Мѣсяца Февраля въ 8 день. Мученіе святаго великомученика Ѳедора Стратилата.

Нач. Якоже сіяетъ солнце видящимъ, такожде и о мученицѣх слышащимъ словеса, и якоже небо украшено звѣздами, такожди и церкви святыя Божія мученики имуща.

Мѣсяца Февраля въ 9 день. Мученіе святаго Никифора, мученика въ Антіохіи.

Нач. Бѣяше нѣкто презвитеръ именемъ Саприкіи, тако нарицаемъ, и бѣяше другій Никифоръ, нарицаемый чиномъ препростъ.

Мученіе святаго Харлампія.

Нач. Царствующу Господу нашему Ісусу Христу, и вся служба бѣсовская упразднися.

Мѣсяца Февраля въ 10 день. Мученіе святыхъ мученикъ тысящи и осминадесять, мученымъ бывшимъ въ Никомидіи.

Нач. Бысть во времена царства Діоклитіяна, нечестиваго и безмилостиваго пакостника, гоненію велику бывшу на святыя церкви Христовы.

Мѣсяца Февраля въ 11 день. Мученіе священномученика Власія, епископа, мученаго въ Севастіи градѣ.

Нач. Во время оно идолстѣй службѣ одержащи и мнози человѣци созданію твари поклоняхуся.

Въ той же день. Житіе и подвизи и отъ чудесъ похваленіе преподобнаго Дмитрія, Прилуцкаго Вологодскаго чудотворца.

Нач. Иже святое житіе пожившихъ и вѣру Божественную сохранившихъ святыхъ преподобныхъ отецъ великихъ и в постныхъ подвизѣхъ просіявшихъ.

Въ концѣ похвальное слово:

Нач. Пріидѣте, святое и честное постникъ сословіе. Днесь снидѣтеся отцы и братіе.

Въ той же день. Житіе святаго благовѣрнаго великаго князя Всеволода Мстиславича, нареченнаго во святомъ крещеніи Гавріила, Псковскаго чудотворца, бывшаго на великомъ княженіи въ великомъ Новѣградѣ.

Нач. Богоотецъ и царь Израелю пѣснопѣвецъ Давидъ, яко отъ лица Господня пророчески вѣщаетъ: радуйтеся праведніи о Господѣ.

Мѣсяца Февраля въ 12 день.

Слово Григорія Богослова, епископа Назіанзьскаго, о Мелетіѣ епископѣ, надгробное.

Нач. Возрасти намъ число апостольское новый апостолъ, нареченный со апостолы, привлекоша бо стіи къ себѣ: каждо равнаго страстотерпца страстотерпцы, чистаго душею чистіе сердцемъ.

Мѣсяца Февраля въ 12 день. Житіе Святителя Алексія, митрополита Кіевскаго и всея Россіи новаго чудотворца.

Нач. Елма убо иже о божественныхъ мужехъ повѣсть хотяще писати и симъ похвалныя вѣнцы плести полезно есть.

Мѣсяца Февраля въ 13 день. Житіе преподобнаго Мартиніана, Черноризца.

Нач. Близь града Кесарія Палестинскія гора есть, нарицаемая

мѣсто ковчежно; той горѣ пустыня есть прилежащи, идѣже живутъ мужіе мнози житіемъ черноризьческимъ.

Мѣсьца Февраля въ 14 день. Житіе и дѣянія и труды преподобнаго Авксентія.

Нач. Первыхъ отецъ дѣлы и словесы просвѣтившихся и различными счиненіи в разумнѣмъ винограде купно заутро и въ третій часъ и в шестый, такожде и в девятый трудившихся святыхъ.

Въ той же день февраля (въ 14). Житіе учителя Словеньску языку Кирила Философа.

Нач. Богъ милостивый и щедрый жадая покаянія человѣчя да быша спасени вси были и в разумъ истинный пришли. По полямъ поправки текста, свѣреннаго съ какимъ то другимъ спискомъ.

Въ той же день память—похвала святому Кирилу, учителю Словенску языку. Сотворено Климентомъ, епископомъ.

Нач. Се повѣдаша намъ Христолюбци свѣтозарная память блаженнаго отца нашего Кирила, новаго апостола и учителя всѣмъ странамъ, иже благовѣріемъ и красотою восія намъ яко солнце.

Мѣсяца Февраля въ 15 день. Мученіе святаго Апостола Онисима, ученика святаго Апостола Павла.

Нач. Радуется родъ работныхъ, благовѣрніи познаваемъ.

Мѣсяца Февраля въ 16 день. Мученіе святыхъ Памфила, Аулента, Павла, Селевкія, Порфирія, Ѳеодула, Уліана, иже во Египтѣ мучени быша.

Нач. Время убо зовет о всемъ великое и словущее повѣдати исповѣданіе святаго мученика Памфила и дружины его.

Мѣсяца Февраля въ 17 день. Мученіе святаго великомученика Ѳедора Тирона.

Нач. Максиміанъ и Діоклитіанъ беззаконная царя посласта по всему своему царству, да вся языки, держащыя вѣру христіанскую, вкусятъ скверныхъ брашенъ жертвеныхъ.

Мѣсяца Февраля въ той же день. Житіе святаго и славнаго отца нашего архіепископа Авксевія.

Нач. Хощу убо вамъ сказати чюдную и нетлѣемую жизнь чюдотворца и преподобнаго отца, архіепископа Олійскаго града бывша, Авксивій первый сый, яко солнце свѣтло восія во градѣ семъ.

Мѣсяца Февраля въ 19 день. Житіе и хожденіе преподобнаго отца нашего Александра.

Нач. Святый блаженый Александръ отъ Асійскія страны, отъ нарочиту родителю, научижеся въ Константинѣ градѣ всей книжнѣй хитрости.

На полѣ: А въ пролозѣ сей Александръ писанъ февраля въ 23 день.

Въ той же день преподобнаго отца нашего Власія.

Нач. Иже внѣшняя доблести на доскахъ написати хотящеи и на тыя многимъ взирати веляще.

Мѣсяца Февраля въ 21 день. Житіе преподобнаго отца нашего Помплія.

Нач. Бысть нѣкто во время оно Помплій и видомъ достозрачень и душею.

Мѣсяца Февраля въ 22 день. Житіе преподобнаго отца нашего Петра.

Нач. Галаты слышимъ, иже во Европіи въ заходныхъ странахъ, вѣмъ тѣхъ иже во Асіи, иже тѣхъ внуци, иже при Еуксинстѣмъ морѣ сѣдятъ, и отъ тѣхъ блаженный Петръ прозябну.

Мѣсяца Февраля въ 23 день. Житіе и мученіе преподобнаго Поликарпа, епископа Смирнскаго.

Нач. Церкви Божіи, яже есть въ Смирнѣ, церкви Божіи в Филадельфіи.

Мѣсяца Февраля въ 24 день. Повѣсть о обрѣтеніи первомъ честныя главы Предтечи и Крестителя Господня Іоанна.

Нач. Инока два отъ востока устремишеся честнаго креста мѣсту и ради иже отъ насъ за милосердіе вочеловѣчшагося.

Въ той же день повѣсть о второмъ обрѣтеніи тоя же главы Іоанна Предтечи.

Нач. Явися пребогатый и вселенскій апостоль и пречестный другъ Христовъ.

Мѣсяца Февраля въ 25 день. Житіе преподобнаго отца нашего Пафнутія.

Нач. Блаженный и преподобный отецъ нашъ, рекомый Кеваласъ, имѣ благодать разуму божественныхъ писаній ветхаго и новаго завѣта.

Мѣсяца Февраля 26 день. Житіе преподобнаго епископа Порфирія Гасійскаго.

Нач. Святыхъ мужь страсть и Божіе подражаніе и любы.

Мѣсяца Февраля въ 27 день. Мученіе съ похвалою святаго исповѣдника Ѳаддѣя.

Нач. Звѣзды убо небесныя, колико числомъ суть.

Мѣсяца того же въ 28 день. Преподобнаго отца нашего Макидонія.

Нач. Преподобный отецъ нашъ Макидоній, рекомый ячноядецъ.

Мѣсяца Февраля въ 29 день. Преподобнаго отца нашего Касіяна Римлянина о осми помыслѣхъ.

Нач. Понеже в долготу толико слово распростре вашу любовь.

Бесѣда 1-я о чревообъѣденіи, 2-я о блудѣ, 3-я о сребролюбіи, 4-я о гнѣвѣ, 5-я о скорби, 6-я о унынiи, 7-я о тщеславіи, 8-я о гордыни.

Прибавлено о воспоминанiи смерти и ненавидѣти мира, и яже въ мирѣ.

Мѣсяцъ апрѣль. Въ л. помор. полууст. 515 л.л.

На верхнемъ переплетномъ листѣ запись: Сія книга Минея Четья, мѣсяцъ апрѣль, куплена христіаниномъ Андреемъ Михайловымъ цѣною за четыреста тридцать рублей серебромъ у христіанина града Череповца мѣсяца іюля 22 дня.

Въ началѣ „Оглавленіе настоящія книги сея, глаголемыя Минеи Четіи Апрѣльскія, колико имѣетъ въ себѣ житей святыхъ и словъ на праздники".

На 1-мъ нумерованномъ листѣ художественная узорчатая заставка съ колонками; внутри ихъ киноварное заглавіе: Жизнь преподобныя Маріи Египетскія. Заглавная буква самаго текста также расписная, почти во всю длину листа.

Л. 12. Въ 1-й день. Житіе преподобнаго Евфимія Суздальскаго.

Нач. Созываетъ насъ днесь преподобнаго всемирное торжество.

Въ 3-й день. Слово о преподобнѣмъ Никитѣ Мидійскомъ.

Л. 53. Въ 4-й день. Мученіе святыя Февруеы, дѣвицы, и иже съ нею.

Въ 5-й день. Мученіе святыхъ Ѳеодула и Агафопуда.

Въ той же день. Ѳеодоры и Дидима.

Въ 6-й день. Житіе святаго Евтихія, патріарха Царяграда.

Л. 91. Въ той же день. Житіе святаго Меѳодія, архіепископа Моравскаго, и слово похвально блаженныма Меѳодію и Кириллу, учителема Словенскима.

Нач. Житія: Богъ благій и всемогій, иже сотворилъ отъ небытія в бытіе всяческая.

Нач. Похвалы: Богу и Спасу нашему Іисусу Христу многимъ неизреченнымъ человѣколюбіемъ помиловавшу родъ человѣческій.

Въ 7-й день. Страданіе святаго мученика Каліопія.

Въ 8-й день. Мученіе святаго Вадима, архимандрита.

Въ 10-й день. Страданіе святыхъ мученикъ Терентія и Африкіана и прочихъ.

Въ 11-й день. Страданіе священномученика Антипы, епископа Пергамаасійскаго.

Въ той же день. Мученіе святаго Зосимы и мученіе святаго Саввы Готфина.

Въ 12-й день. Житіе преподобныя Аѳанасіи.

Въ 13-й день. Страданіе священномученика Артемона.

Въ 14-й день. Страданіе святыхъ новыхъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія, въ Вилнѣ пострадавшихъ.

Въ той же день святаго Агапія.

Въ 16-й день. Страданіе святыхъ мученицъ Ирины, Агапіи и Хіоніи.

Въ 17-й день. Слово похвальное Акакію, епископу Мелетійскому.

Нач. Егда матери на тыя народныя исходы, отъ всеприносящаго бо вводятъ естества.

Л. 147. Въ той же день. Житіе преподобнаго Зосимы, Соловецкаго чудотворца.

Нач. Сей преподобный отецъ нашъ Зосима влечетъ родъ свой ото области Великаго Новограда, великаго озера Онега, отъ села именуема Толвуя.

Л. 160. Похвальное слово Филогонова преподобному Зосимѣ.

Нач. Подадите и намъ, о мужіе, мало слуха, аще что достойно слуха провѣщаемъ.

Л. 178. Въ 20-й день. Житіе преподобнаго Александра Ошевенскаго.

Нач. Иже Господь рече, азъ есмь свѣтъ міру.

Списано Ѳеодосіемъ, іеромонахомъ тоя же обители.

Л. 204. Въ 22-й день. Житіе преподобнаго Ѳеодора Сикеота.

Л. 276. Апрѣля въ 23-й день. Мученіе святаго великомученика Георгія.

Л. 294. Мѣсяца Апрѣля въ 25-й день. Похвала и мученіе святаго Апостола и Евангелиста Марка.

Л. 299. Въ 26-й день. Мученіе святаго Василья, епископа Амасійскаго.

Л. 306. Въ той же день. Житіе святаго Стефана, епископа Пермскаго.

Нач. Иже преподобныхъ мужей житіе добро есть слышати и преписати памяти ради.

Редакціи Епифаніевской.

Л. 357. Въ 28-день. Мученіе святыхъ мучениковъ Максима, Дады и Квинтиліана.

Л. 360. Въ 30-й день. Слово похвально апостолу Іакову Зеведѣову, брату святаго Іоанна Богослова.

Нач. Изначала убо учинися во естествѣ человѣкъ, начинѣхъ желателнѣйше сродства любовь.

Л. 364. Слово о Никитѣ, епископѣ Новгородскомъ, и обрѣтеніи мощей его и о положеніи его во гробъ, и о чудеси отъ иконъ чудотворныхъ въ Ругодивѣ.

На полѣ замѣтка: Сіе слово читается по поліелеосѣ.

Да назади сей книги слова сіи на праздники.

Л. 398. Слово Григорія пресвитера о усопшихъ и о антихристѣ и милостыни.

Л. 413. Слово въ недѣлю сыропустную Ѳеодора Студита о постѣ и о послушаніи.

Л. 415. Слово въ недѣлю 3-ю поста Ѳеодора Студита о избіенныхъ въ Болгарѣхъ христіанъ во святые посты, за мясъ неяденіе.

Л. 417. Слово въ среду средопостныя недѣли Ѳеодора Студита.

Л. 418. Слово похвальное въ субботу 6-й недѣли поста Климента епископа о Лазарѣ: Се предтечетъ свѣтозарное торжество, Христова Воскресенія образъ показуя.

Л. 420. Слово въ недѣлю цвѣтную Феогнія Іерусалимскаго. Пріидѣте возрадуемся Господови.

Л. 422. Слово Іоанна Дамаскина въ Великій понедѣльникъ страстныя недѣли о иссохшей смоковницѣ.

Л. 426. Слово Іоанна Златоустова въ Великую среду о блудницѣ.

Л. 432 об. Въ ту же среду Аѳанасія Александрійскаго о преданіи Іюдинѣ.

Л. 436. Слово Григорія пресвитера въ Великій четвертокъ о преданіи Господа.

Л. 441. Слово Григорія Антіохійскаго въ Великую субботу на погребеніе Христово и Воскресеніе.

Л. 446. Слово Іоанна Златоустаго во Святую и Великую недѣлю Пасхи.

Радуйтеся о Господѣ всегда, возлюбленная братіе.

Л. 448 об. Второе слово его же на свѣтлое Воскресеніе Христово: Воста въ 3-й день нашъ Іисусъ Христосъ, жизнь мірови дая.

Л. 452. Третье слово на Воскресенье Христово: Благословенъ Богъ, похвалимъ днесь единороднаго Сына Божія.

Л. 452 об. Четвертое слово на Воскресеніе Христово: Благо время и все доброгласно.

Л. 454. Пятое слово на тридневное Воскресеніе Господне: Добро есть время днесь всѣмъ намъ воспѣти.

Л. 460. Шестое слово Іоанна Златоустаго на святую Пасху: Послушайте, да скажу вамъ силу и власть и честь дне сего.

Л. 461. Канонъ толковый на Святую Пасху.

Л. 466. Канонъ толковый на преполовеніе праздника.

Л. 473. Слово Григорія Россійскаго на Вознесеніе Господне: Настоящій праздникъ исполненіе есть смотренія.

Л. 477. Діодоха, епископа Ѳотикійскаго, на Вознесеніе Господне: Веселитеся небеса и радуйся земля.

Л. 480. Слово Златоустово на сшествіе Св. Духа: Присно жадая Богъ спасенія нашего, восхотѣ своимъ милосердіемъ обновити естество наше.

Л. 481. Второе слово его же на тотъ же праздникъ: Духовней благодати съ небесе днесь намъ просвѣтившися.

Л. 484. Третье слово Златоустово на святую пятидесятницу: Днесь намъ земля небомъ бысть.

Л. 488. Четвертое слово его же на сшествіе Св. Духа на апостолы: Паки намъ, друзи, радость; паки праздникъ свѣтелъ.

Л. 491. Ѳеодора Студита поученіе на пришествіе Св. Духа на Апостолы.

Это то же слово, которое читается выше на л. 480, но тамъ оно надписано именемъ Златоуста.

Л. 496. Слово Леонтія пресвитера на святую 50-ницу: Елико же васъ на праздничную приснокипящую благодать грядѣте.

Л. 501. Слово Епифанія Кипрскаго на сшествіе Святаго Духа: Достойно убо, братіе, евангельскаго ученія словеса и вмалѣ сказася.

Л. 507. Канонъ толковый на сшествіе Святаго Духа.

При толкованіи 9-й пѣсни: радуйся Царице, матеремъ и дѣвамъ слава—между прочимъ говорится, что никакія богоглаголивыя уста не могутъ изрещи „образъ рожденія Пренепорочныя Дѣвы; и тамо сама нѣкогда понуждена отъ апостолъ мало что исповѣдати тайныхъ, слышанъ бысть гласъ: Марія, не глаголи тайны сея; аще ли объявится, то огнь поястъ вы вся“ (л. 510).

Мѣсяцъ Іюнь. Въ л. поморс. полууст. 575 л.л.

На верхнемъ переплетномъ листѣ: мѣсяцъ іюнь Минея Четія, куплена христіаниномъ Андреемъ Михайловымъ въ лѣто 7372 года у христіанина города Череповца цѣною за четыреста рублей серебромъ мѣсяца іюля 22 дня.

Въ началѣ на двухъ ненумерованныхъ листахъ оглавленіе Минеи іюньскія, колико имѣетъ житей святыхъ и словъ на праздники.

Л. 1. Въ 1 день. Житіе преподобнаго Діонисія Глушицкаго.

Внутри поморской заставки съ колоннами подробное киноварное заглавіе Житія. Заглавная расписная буква передъ текстомъ во всю страницу.

Нач. Се нынѣ о семъ блаженнемъ свѣтлы учитель славный Павелъ вопіетъ.

Списано бысть во обители святаго учениками и самовидцами

святаго, Амфилохіемъ, Макаріемъ и Михаиломъ. Съ двумя похвальными словами преподобному Діонисію (л. 22—24).

Л. 28. Въ той же день мученіе святаго Іустина Философа.

Л. 36. Во 2 день. Житіе святаго Никиты Исповѣдника.

Л. 49. Въ той же день. Страданіе святаго мученика Іоанна Бѣлградскаго.

Л. 55. Въ той же день святаго Фотія, митрополита Кіевскаго.

Нач. Во дни державства благочестиваго и христолюбиваго великаго князя Василія Васильевича, внука Дмитрія Донского, в лѣто 6939 мѣсяца іюняв 2 день преставися преосвященный Фотій, митрополитъ.

Л. 66. Въ той же день сказаніе о иконѣ пресвятыя Богородицы, иже въ Двинскомъ уѣздѣ на черной горѣ.

Л. 79. Въ 8 день. Мученіе святаго мученика Ѳедора Стратилата.

Л. 83. Въ той же день. Слово о убіеніи благовѣрныхъ князей Ярославскихъ Василія и Константина.

Нач. Сія бо божественнымъ мужемъ, хотящимъ повѣсти святымъ отцемъ написати и вѣнца отъ нихъ похвальная исплести, полезно есть зѣло. Здѣсь же объ обрѣтеніи мощей ихъ (л. 85) и о проявленіи чудесъ ихъ.

Л. 96. Житіе святаго Кирилла Александрійскаго.

Л. 103. Въ той же день житіе преподобнаго Кирилла Бѣлозерскаго.

Нач. Понеже убо онѣмъ великимъ божественнымъ мужем, иже в постѣ просіявшихъ.

Л. 138. Въ 11 день. Слово похвально апостоломъ Варфоломею и Варнавѣ.

Нач. Наста убо днесь, о празднолюбци, священная память божественныхъ апостолъ.

Л. 142. Въ 12 день. Житіе преподобнаго Ануфрія Великаго.

Л. 151. Слово похвально преподобному Ануфрію.

Л. 158. Въ той же день. Житіе преподобнаго Петра Афонскаго.

Л. 170. Въ той же день. Житіе преподобнаго Арсенія Коневскаго.

Нач. Пріидѣте, отци и братіе, пріидѣте, стадо христоименитое.

Л. 189. Въ той же день. Житіе Марка Фряческаго.

Л. 193. Въ 17 день. Страданіе святыхъ мученикъ Мануила, Савелія и Исмаила.

Л. 199. Въ 19 день. Слово похвално апостолу Іудѣ, брату Господню по плоти.

Нач. Якоже состроеніе различныхъ брашенъ тѣло питаетъ.

Л. 203. Въ 24 день. Слово Аѳанасія Александрійскаго на Рождество Іоанна Предтечи.

Нач. Ниву убо иссохшую и звѣремъ в попраніе быти оставленую.

Л. 205 об. Слово Іоанна Златоустаго на тотъ же день.

Нач. Солнцю сему хотящу видимо изыти ис предѣла земнаго.

Л. 209. Слово Ѳеодора Студійскаго на тотъ же день.

Нач. Славію нѣкоему велѣгласну подобися наше слово, благогласнѣ поющему.

Л. 213. Слово похвально Іоанну Предтечѣ.

Нач. Начало мирскія радости, яже к Захаріи Архангела Гавріила благовѣстія.

Л. 217 об. Слово на Рождество Іоанна Предтечи.

Нач. Присно текій источникъ божества.

Л. 219. Слово Григорія мниха и пресвитера на Рождество Предтечи.

Нач. Креститель днесь намъ рождается.

Л. 219. Іоанна Златоустаго Бесѣда о Рождествѣ Предтечи.

Нач. Въ рожденныхъ женами никому же большу быти.

Л. 230 об. Слово Іоанна Златоустаго на Рождество Іоанна Предтечи.

Нач. Благовременъ день праздника и всенародная радость.

Л. 236 об. Бесѣда Астія, пресвитера Константинограда, на Рождество Предтечи.

Нач. Мнози убо множицею, возлюблени, различна учительства намъ протягше.

Л. 239. Въ 25 день. Мученіе святыя мученицы Февроніи.

Л. 249. Повѣсть о Петрѣ и Февроніи, муромскихъ чудотворцахъ.

Нач. Богу Отцу и сприсносущему Слову Божію Сыну и пречистому животворящему Духу.

Л. 257. Въ 26 день. Повѣсть объ иконѣ Тихвинской Божіей матери.

Л. 273. Въ 29 день. Дѣяніе святую верховную Апостолу Петра и Павла, и како въ Римѣ мученіе пріяста при Неронѣ царѣ.

Л. 282. Слово Исихія пресвитера похвальное Апостоламъ Петру и Павлу.

Нач. Добро убо цвѣтовъ пролѣтныхъ человѣкомъ къ себѣ приносящимъ обюховати.

Л. 282. Слово Максима Грека похвальное Апостоламъ Петру и Павлу.

Нач. Воспой, душе, божественныхъ Апостолъ Петра и Павла.

Л. 285. Похвала Іоанна Златоустаго Апостолу Павлу.

Нач. Не убо кто согрѣшитъ рай добродѣтелный и породу духовную нарекъ Павлову душу.

Л. 288. Похвала Іоанна Златоустаго Апостоламъ Петру и Павлу.

Нач. Небесе и земли реть вижю настоящаго ради торжества памятію Апостолъ.

Л. 292. Слово Григорія мниха и пресвитера.

Слово похвально верховнымъ Апостоломъ Петру и Павлу.

Нач. Восіяша намъ днесь свѣтила великая и незаходимая.

Л. 304. Слово Іоанна Златоустаго о рыбахъ и езерѣ Генисаретскомъ и о лотвѣ рыбной, и о Петрѣ Апостолѣ.

Л. 309. Слово его же о словеси, реченнѣмъ: сила бо моя въ немощи совершается.

Л. 318. Мученіе святыхъ верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла.

Л. 328 об. Іоанна Златоустаго Слово похвальное Петру, Іоанну и Іакову.

Л. 330 об. Слово Іоанна Златоуста похвальное святымъ 12-ти Апостоломъ.

Л. 333. Житіе Петра, царевича Ростовскаго.

Нач. Святому епископу Кирилу, ходящу в татары съ честік.

Л. 339. Въ 30 день. Сказаніе Епифанія Кипрскаго о 12 Апостолѣхъ.

Л. 341. Слово похвально на соборъ 12 Апостолъ.

Нач. Многа упражненія требуетъ начинаяй повѣсти писати.

Л. 346. Соборъ святыхъ славныхъ верховныхъ Апостолъ.

Нач. Блаженный Давидъ Святымъ Духомъ учимъ, ясно Святую Троицу воедино царствующу исповѣда.

Л. 427. Житіе святаго Августина, епископа Иппонійскаго.

Л. 447. Преподобнаго Ѳаласія сотницы о любви и воздержаніи и о вѣрѣ къ Павлу пресвитеру.

Л. 458. Никиты Стифата сотницы.

Л. 489. Преподобнаго Нила Синайскаго о притчѣ ко инокомъ и о осьми помыслѣхъ.

Л. 495. Исихія пресвитера къ Ѳеодулу о трезвѣніи умнѣмъ.

Л. 516. Филофея инока Синаита главизны трезвительны о храненіи сердечномъ.

Л. 523. Преподобнаго Марка о гордящихся отъ дѣлъ правды.

Л. 528. Слово Иларіона Отходника о терпѣніи житія.

Л. 534. Посланіе святаго Василія Амасійскаго къ нѣкоему иноку.

Мѣсяцъ Іюль. Въ полууст. 426 лл.

На нижнемъ переплетномъ листѣ запись: Сія книга Минея Четія, мѣсяцъ іюль, куплена христіаниномъ Андреемъ Махайловымъ цѣною за четыреста рублей серебромъ за одинадцать Миней, у христіанина города Череповца, 7372 года мѣсяца іюля 22 дня.

Л. 1. Оглавленіе настоящія книги сея, глаголемыя Минеи Четьи іюльскія, колико имѣетъ въ себѣ житей святыхъ и словъ на праздники.

Л. 4. Заставка, съ колоннами, во весь листъ. Внутри ея киноварное заглавіе 1-го дня. Житіе святыхъ безсребренниковъ Космы и Даміана.

Л. 8. Во 2-й день. Слово о ризѣ Пресвятыя Богородицы, яже лежитъ во честнѣмъ ковчезѣ, ей же во Влахернѣ кланяются.

Нач. Божія нѣкія тайны великія.

Въ той же день страданіе святаго мученика Коинта.

Въ 3 день. Страданіе святаго мученика Іакинфа.

Л. 18. Въ той же день. Повѣсть о святою праведною Іоаннѣ и Логинѣ, Яренскую чудотворцу. Твореніе іермонаха Сергія.

Нач. Еже убо тѣсное разума и недоумѣтельное языка моего вѣдыи, едва яхся о, блаженный.

Л. 29. Въ 4 день. Житіе святаго Андрея Іерусалимлянина, архіепископа Критскаго.

Л. 33. Въ 5 день. Житіе преподобнаго Афанасія Афонскаго.

Л. 70. Въ 8 день. Страданіе святаго великомученика Прокопія.

Л. 80. Въ той же день. Повѣсть о явленіи чудотворной иконы Казанской Божіей матеря, митрополита Гермогена.

Л. 88. Въ той же день Житіе Христа ради юродиваго Прокопія Устюжскаго.

Нач. Сей убо блаженный и приснопоминаемый Прокопій (якоже о немъ исперва повѣдаютъ нѣціи отъ человѣкъ, жителіе Великаго Новаграда) бысть отъ сѣверныхъ странъ отъ латинска языка, отъ нѣмецкія земли.

Л. 105. Мученіе святаго мученика Ореста.

Л. 106 об. Мѣсяца іюля въ 9 день. Житіе и мученія святыхъ Патермуфія, Копрія и Александра.

Л. 111. Повѣсть о явленіи иконы пресвятѣй Богородицы, иже на Колочѣ.

Л. 113. Въ той же день. Житіе Ѳеодора, епископа Едесскаго.

Л. 160. Стоглавъ. Поученіе о добродѣтелѣхъ преподобнаго Ѳеодора Едесскаго.

Л. 173. Страданіе святыхъ мученикъ четыредесяти, иже въ Никополи Арменьстѣй.

Л. 179. Въ той же день. Слово о принесеніи ризы Христовы отъ Персиды къ Москвѣ.

Л. 185. Въ 11 день. Слово о обрѣтеніи мощей святыя мученицы Евфиміи Прехвальныя.

Л. 188. Въ той же день. Житіе святыя и благовѣрныя княгини Олги Русскія.

Л. 220. Въ 12 день. Страданіе святою мученику Прокла, Иларія.

Л. 223. Въ той же день. Житіе преподобнаго Михаила Малеина.

Л. 232. Въ той же день. Страданіе святыя мученицы Маріи Голендухи.

Въ 13 день. На Соборъ Архангела Гавріила. Чти слово Златоустово, писанное Марта въ 26 день въ Минеи Мартовской.

Л. 238. Въ 14 день. Житіе преподобнаго Стефана Махрицскаго.

Нач. Понеже убо преблагій нашь владыка и Господь Ісусъ Христосъ, всегда намъ устрояя благая и полезная.

Л. 249. Въ 15 день. Мученіе святаго мученика Кирика и матери его Улиты.

Л. 350 об. Въ той же день. Успеніе равноапостольнаго князя Владиміра.

Слово о немъ.

Нач. Сей бысть сынъ Святославль отъ племени варяжскаго.

Л. 252. Житіе и жизнь святаго равноапостольнаго князя Владиміра.

Нач. Всякъ дѣло благо начинается и совершается.

Л. 309. Въ 16-й день. Страданіе священномученика Анфиногена епископа и десяти ученикъ его.

Л. 311. Въ той же день. Страданіе священномученика Антіоха.

Л. 314. Въ 17-й день. Святыя великомученицы Марины.

Л. 322. Въ 18-й день. Страданіе святаго мученика Емельяна.

Л. 324. Въ той же день. Страданіе мученика Акинфа.

Л. 326. Въ 19-й день. Житіе преподобныя Макрины.

Л. 333. Житіе съ похвалою преподобнаго Дія.

Л. 344. Въ 20-й день. Слово Григорія пресвитера похвальное святому пророку Ильѣ.

Нач. Пророцѣ убо вси воплощеніе единороднаго Сына Божія послани быша жестокосердечному проповѣдати Израилю.

Л. 351. Слово похвальное о пророцѣ Ильѣ.

Нач. Нынѣ свѣтозарное солнце небеснаго круга вшествіемъ огнѣныхъ конь.

Л. 354. Чудо святаго пророка Ильи въ лѣто 6926, во дни великаго князя Василья Дмитріевича при митрополитѣ Фотіи.

Л. 357. Въ 21-й день. Житіе преподобнаго Симеона Христа ради уродиваго, и Іоанна спостника его.

Л. 374. Въ той же день. Страданіе мученика Іуліана и иже съ нимъ.

На полѣ замѣтка: Сего святаго Іуліана въ Пролозѣ писано страданіе и сущихъ съ нимъ Іюля въ 22 день. Сего же Іуліана писано въ Пролозѣ Генваря въ 8 день и съ нимъ братіи двѣнадцаты тысещь сожженыхъ, и Василисы, супружницы его, въ друзѣмъ монастырѣ съ сестрами бывшихъ.

Л. 385. Въ 22-й день. Мученіе священномученика Ѳоки.

Л. 389. Въ 23-й день. Житіе праведнаго и богомудраго отрока Артемія Веркольскаго.

Нач. Иже прежде всѣхъ сый и всякая за всѣхъ подобаетъ истинному челсвѣку вѣдати.

Л. 403. Въ 24-й день. Страданіе мученицы Христины.

Л. 409. Въ той же день. Убіеніе святую страстотерпицу Бориса и Глѣба.

Нач. Родъ праведныхъ благословится.

Л. 420. Въ 25-й день. Житіе преподобныя Евпраксіи.

Въ той же день. Житіе и чудеса преподобнаго Макарія Желтоводскаго чудотворца.

Нач. Что убо похвала благовѣрію.

Л. 473. Въ 27-й день. Страданіе великомученика Пантелеймона.

Л. 480. Слово о Николѣ, Христа ради уродивомъ Новгородскомъ.

Нач. Хощу же вамъ повѣдати отци и братія и чада, Христово избранное стадо.

Л. 485. О явленіи чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы Смоленскіе.

Л. 489. Въ 29-й день. Страданіе святаго мученика Калинника.

Въ той же день святыя Ѳеодотіи и чадъ ея.

Л. 492. Въ 30-й день. Страданіе святыхъ мученицъ Софіи и трехъ тщерей ея.

Л. 497. Въ той же день. Житіе преподобнаго Германа Соловецкаго.

Нач. Сей блаженый старецъ Германъ житіе иноческо проходя отъ юна возраста.

Л. 502. Въ 31-й день. Житіе святаго праведнаго Евдокима.

Л. 507. Въ той же день. Мученіе святаго мученика Евстафія.

384. Мѣсяца іюлія въ 3 день. Житіе преподобнаго Никодима, Кожеезерскаго чудотворца.

Нач. Якоже убо царскія утвари украшены со многоцѣннымъ каменіемъ. Съ чудесами.

Л. 404. Мѣсяца іюля въ 8 день. Житіе и подвизи и отчасти чудесъ исповѣданіе Христа ради уродиваго Прокопія. Устюжскаго чудотворца.

Нач. Слава показавшему намъ Господу преславная чудеса мужа свята Прокопія.

Съ похвальнымъ словомъ.

Л. 417. Мѣсяца іюля въ 12-й день. Житіе преподобнаго Арсенія, Новгородскаго чудотворца.

Нач. Придѣте. христоименитіи собори, божественное стадо вселенскія церкве.

Л. 423. О явленіи мощей братьевъ Алфановыхъ, Новгородскихъ чудотворцевъ.

Нач. В лѣто 6670-е мѣсяца мая 24 день, владѣющимъ новгородцемъ по своей волѣ и по своему хотѣнію и князя держаху, его же имъ Богъ поручилъ.

Мѣсяцъ Августъ. Въ л. поморс. полууст. около 300 л.л. Съ заставкою на черномъ полѣ.

На переплетномъ л. запись скорописью: Куплена Минея Августъ христіаниномъ Андреемъ Михаиловымъ въ лѣто 7372 года у христіанина города Череповца мѣсяца Іюля 22-го дня.

На первомъ листѣ: Оглавленіе книги сея глаголемыя Минѣи Августовскія, колико имѣетъ въ себѣ житей святыхъ и словъ на праздники.

Въ 1 день. Память святыхъ мученикъ седьми братій по плоти Макковей и матери ихъ Соломоніи и учителя ихъ Еліазара.

Въ той же день. Слово Іоанна Златоустаго похвально о святыхъ мученикохъ Макковеохъ и матери ихъ Соломоніи.

Въ 2 день. Слово святаго Лукіана о принесеніи мощей святаго первомученика архидіакона Стефана изъ Іерусалима въ Царьградъ.

Въ той же день. Слово Іоанна Златоустаго, похвала первомученику архидіакону Стефану.

Въ той же день. Житіе вкратцѣ святаго праведнаго Василія Московскаго.

Нач. Богомъ приведшимъ отъ небытія въ бытіе всяческая. Со сказаніемъ о чудесахъ. Всѣхъ 21 чюдо.

Въ 3 день. Житіе преподобнаго Антонія Римлянина, Новгородскаго.

Нач. Понеже всякъ, безъ мысли начиная вещь, якоже во тмѣ шествуетъ, ибо безъ мысли трудяйся соборнѣ по всему обнищаетъ.

Мѣсяца Августа въ 4 день. Житіе святыхъ седьми отрокъ во Ефесѣ при Декіѣ царѣ.

Въ 5 день. Мученіе святаго мученика Евстигнія.

Въ 6 день. Слово Златоустово на Преображеніе.

Нач. Пріидѣте, други, и днесь во евангельское нетлѣнное призримъ сокровище.

На тотъ же праздникъ слово Григорія, архіепископа Россійскаго.

Нач. Небеси подобна днесь Фаворская устроися гора.

На тотъ же праздникъ слово Ефрема Сирина.

Нач. Отъ нивы жатва и радованіе, отъ винограда плоди снѣдніи.

Анастасія Синайскаго слово на Преображеніе, реченное на той же святѣй горѣ Ѳаворстѣй.

Нач. Яко страшно мѣсто се, удивляемъ и азъ съ патріархомъ Іаковомъ.

Слово пресвитера Іоанна на Преображеніе.

Нач. Богъ человѣка перваго сотвори и в рай введе и.

Слово Кирилла Александрійскаго на тотъ же праздникъ.

Нач. Иже умѣютъ добрѣ братися, то видимыми сраженіи наслаждаются.

Въ 7 день Августа. Мученіе преподобномученика Доментіана и двою ученикъ его.

Въ той же день. Житіе святаго Стефана, патріарха Римскаго, и дружины его.

Въ 8-й день. Житіе преподобнаго Григорія Синаита.

Въ 9 день. Похвала святому Апостолу Матѳею.

Нач. Многа Апостольскія благодати чюдеса, велика тѣхъ дарованія, пучина неизреченна, премудрости глубина непостижима. Повидимому, сочиненіе Денисовыхъ.

Въ 10 день. Житіе Паисія Великаго. Списано преподобнымъ отцемъ Іоанномъ Коловымъ. На полѣ киноварью замѣчено, что „сіе житіе чтется послѣ Преображеньева дня до Успенія за трапезою“.

Въ 13 день. Преподобнаго Максима 4 сотницы о любви.

Въ 15 день. Слово на Успеніе Богородицы Андрея, архіепископа Іерусалимскаго.

Нач. Созываетъ паки насъ обычное слово къ торжеству Іоанна Дамаскина.

Нач. Память праведныхъ съ похвалами бываетъ.

Григорія, архіепископа Селунскаго.

Нач. Мою бесѣду днесь къ вашей любви, и любовь творитъ и долгъ.

Андрея Іерусалимскаго.

Нач. Таиньство настоящее убо торжество, имуще вещь Богородичнаго успенія.

Похвала на преставленіе Богородицы, сотворена Климентомъ, епископомъ.

Нач. Се нынѣ свѣтло празднество ликовьствующе.

Григорія, архіепископа Россійскаго.

Нач. Гавріила зрю чиноначальника, на земли небесныя силы созывающа.

Епифанія Кипрскаго. О житіи, о воспитаніи и объ успеніи пресвятыя Богородицы.

Нач. О извѣстнѣй и истиннѣй Богородицѣ и приснодѣвѣ Маріи мнози провозвѣстиша древніи учители. На полѣ поправки по переводу болѣе древнему.

Въ 16 день. Слово Константина Порфирогенита, царя Греческаго, о нерукотвореннѣмъ образѣ Христовѣ и о принесеніи его въ Константинъ градъ.

Въ тоя же день сказаніе о нерукотворенномъ образѣ Христовѣ.

Нач. Прежде убо превѣчное и пресущное божественное слово пресущнаго отца. Повидимому, Поморское слово.

Ино сказаніе о томъ же образѣ. Нач. Рече нѣкто отъ первыхъ церковникъ живописецъ сый о владычнѣмъ нерукотвореннѣмъ образѣ.

Повѣсть Григорія Нисскаго объ обрѣтеніи нерукотвореннаго образа Господа нашего Іисуса Христа, иже въ Камуліанѣхъ.

Нач. Господь нашъ Іисусъ Христосъ праведный и истинный Богъ нашъ.

О пречистомъ и нерукотворенномъ образѣ и о принесеніи онаго.

Нач. Понеже убо преже мала сего бесѣдовахомъ вашему благочестію.

Мѣсяца Августа въ 18 день. Житіе и страданіе святыхъ мученикъ Флора и Лавра.

Въ 19 день. Страданіе святаго мученика Андрея Стратилата.

Въ 21 день. Слово похвальное святому Апостолу Ѳаддею.

Нач. Отнелѣже убо падеше естество рода человѣча.

Въ той же день Житіе преподобнаго Авраамія Смоленскаго.

Нач. О, пречистый царю, Отче и Сыне и святый Душе.

Въ той же день. Похвала христолюбному архіерею Принею.

Нач. Се настоитъ, христолюбци, свѣтозарная память Христова воина и страстотерпца Великаго Принѣя. Повидимому, слово поморское.

Въ 24 день. Слово на перенесеніе мощей великаго во іерарсхахъ Петра, митрополита всея Руси.

Нач. Коль блазъ Богъ израилевъ, правымъ сердцемъ, рече божественный пророкъ.

На нижнемъ полѣ замѣтка. Въ той же 24 день Августа чтемъ слово похвальное святителю Петру, ему же нач.: Праведныхъ душа въ рукѣ Божіи, и второе слово, похвальное, ему же нач.: Се настоитъ, братіе, свѣтоносное торжество. Писаны оба Декабря въ 21 день на преставленіе въ Минеѣ Декабрской.

Мѣсяца Августа въ 26 день. Мученіе святаго Андреана и дружины его, мученыхъ во градѣ Никомидіистѣмъ.

Въ той же день Повѣсть на Срѣтеніе чудотворныя иконы Богородицы Владимірскія.

Въ 28 день. Житіе преподобнаго Саввы Крипецкаго, Псковскаго чудотворца.

Нач. По страсти Господа и Спаса нашего Іисуса Христа и по еже изъ мертвыхъ воскресеніи его и по сшествіи Святаго Духа. Съ двумя чудесами.

Мѣсяца Августа въ 29 день. Григорія, архіепископа Россійскаго на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи.

Нач. Паки Іюдея ядяшеть пророческія крови.

Въ той же день Слово Іоанна Златоустаго на усѣкновѣніе Іоанна Предтечи и о Продѣ и о добрыхъ женахъ и о злыхъ.

Нач. Паки Продія бѣсится, паки мятется, паки пляшетъ.

Въ той же день. Житіе и усѣкновеніе пророка и Крестителя Іоанна. Списано отъ ученика его Іоанна спрѣчь Марка.

Въ 30 день. Житіе преподобнаго Александра Свирскаго.

Нач. Молю же убо преподобьство ваше о, отцы блаженніи, воистину и треблаженніи.

Похвальное слово преподобному.

Нач. Память праведнику съ похвалами бываетъ.

Августа въ 31 день. Положеніе честнаго пояса пресвятыя Богородицы.

Нач. Обычай убо человѣческому естеству, не простымъ точію, но и свѣтлостію рода почтенымъ.

С. В. Бахрушинъ.

Московскій мятежъ 1648 года.

I.

Статья г. Смирнова, появившаяся въ 1913 году въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія подъ заглавіемъ: „О началѣ Уложенія и Земскаго собора 1648—1649 г." [1]), выяснила въ достаточной степени убѣдительно непосредственное вліяніе московскихъ безпорядковъ 156 г. на созывъ земскаго собора 157 г., вліяніе, которое до сихъ поръ только подозрѣвалось и которому отнюдь не придавалось первенствующаго значенія. Это обстоятельство вызываетъ особенный интересъ къ мятежу 1648 г. и заставляетъ внимательно остановиться на вопросѣ о томъ, насколько можно опредѣлить характеръ и смыслъ этого народнаго движенія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ іюньскомъ бунтѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ гораздо болѣе сложнымъ, чѣмъ простой уличный безпорядокъ, вызванный грубой попыткой нагайками заставить замолчать челобитчиковъ во время крестнаго хода 2 іюня. Причина безпорядковъ, очевидно, лежала глубже, и въ іюньскихъ событіяхъ нашли выраженіе очень запутанныя соціальныя и политическія отношенія, которыя намъ часто приходится только угадывать. Поэтому представляется не лишеннымъ значенья собрать весь случайный и отрывочный матеріалъ, который дошелъ до насъ по этому событію. Настоящій очеркъ и имѣетъ въ виду не столько ввести въ научный обиходъ новые факты, сколько попытаться освѣтить и отчасти объяснить имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя о 1648 г. въ ихъ цѣломъ.

Бунтъ 1648 года отнюдь не былъ „площадной случайностью". Такому представленію противорѣчила бы громадность результатовъ, вызванныхъ имъ,—созывъ собора и цѣлый рядъ реформъ, проведенныхъ „боязни ради и междуусобія отъ всѣхъ черныхъ людей". Мы имѣемъ дѣло съ революціей, которая назрѣвала постепенно.

[1]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1913 г. № 9.

Уже въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича чувствуется, что надвигается кризисъ. Объ этомъ пишетъ шведскій резидентъ [1]), объ этомъ говорятъ въ Москвѣ и въ городахъ. Народные толки, „многая непрестанная въ народехъ молва“ [2]), особенно ярко отражаютъ страхъ передъ осложненьями, назрѣвающими на почвѣ политическихъ и соціальныхъ противорѣчій XVII в., и чутко улавливаютъ „раздѣленіе и зависть и обиду“, господствующія въ обществѣ. „Во всемъ скорбь великая и вражда несказанная, всей земли связь“, восклицаетъ псковскій лѣтописецъ по поводу одного случая въ 144 году [3]). Нервно ждали момента, когда другъ противъ друга станутъ различные классы общества съ ихъ разнородными и взаимно противорѣчащими интересами. Въ 138 г. пріѣхалъ изъ Москвы въ Сибирь служилый сургутскій человѣкъ Алешка Левонтьевъ и сталъ распространять „смутныя рѣчи“: „былъ онъ на Москвѣ и съ Москвы пріѣхалъ вскорѣ, и дѣлается де на Москвѣ нестройно, и раздѣлилась де Москва натрое, бояре де себѣ, а дворяне себѣ, а мірскіе и всякихъ чиновъ люди себѣ-жъ, а Государь де для того въ кручинѣ“. Въ Сибири ужъ къ этому прибавили: „невѣдомо де, кто будетъ Государь“ [4]). Совершенно опредѣленно звучитъ это настроенье грознаго ожиданья въ извѣстной „грамоткѣ“ нижегородскаго сына боярскаго Прохорка Колбецкаго, которую онъ писалъ отцу въ 149 году; онъ сообщалъ, что на Москвѣ „смятенье стало великое“, „земля де стала“, и будто боярамъ быть „побитымъ отъ земли“, на бояръ имѣется въ виду бить челомъ Государю. На допросѣ Колбецкій далъ многозначительное показанье, что „боярамъ отъ земли быть побитымъ“, онъ написалъ „спроста мірскою молвою“ [5]). Эта мірская молва на нѣсколько только лѣтъ предвосхитила дѣйствительность. Такъ постепенно чувство „нестроенья“ охватывало широкіе круги московскаго общества и принимало конкретныя формы. Это чувство недобраго, въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, начинало уже проявляться въ отдѣльныхъ вспышкахъ и особенно въ той волнѣ челобитчиковъ, въ томъ стремленіи жаловаться, требовать, которое отмѣчается въ это время, и особенно въ коллек-

---

[1]) Ферстенъ, Сношенія Швеціи съ Россіей въ царствованіе Христины. Журн. Мин. Нар. Пр. 1891 г. (іюнь).

[2]) Сташевскій, Очерки изъ истор. царствованія Михаила Ѳеодоровича (Приложеніе XIII).

[3]) II. Собр. Рус. лѣт., IV, 335.

[4]) Арх. Мин. Ин Д. Прик. д. ст. л. 1630—1634 г.г. № 79.

[5]) Чтенія Общ. Ист. и Др. Рос. 1894, II.

тивныхъ выступленіяхъ служилыхъ и посадскихъ міровъ, подкрѣпленныхъ общимъ уговоромъ, „одиначными записями“ [1]).

Тому, что „общее возстаніе“, неизбѣжность котораго предвидѣлъ Крузебьернъ еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, вспыхнуло именно въ первые годы царствованія царя Алексѣя Михайловича, способствовали отчасти случайныя обстоятельства. Общій кризисъ, переживавшійся государствомъ въ теченіе первой половины XVII в., обострился, повидимому, нѣкоторыми временными физическими явленіями. Страна переживала „хлѣбный недородъ и скотинный падежъ“, о чемъ писалъ патріархъ въ своей грамотѣ отъ 8 августа [2]). Въ іюнѣ правительство оффиціально заявляло, что „уѣздные и сошные люди отъ... хлѣбной скудости стали бѣдны и промысловъ отбыли“ [3]).

Этотъ моментъ экономическаго напряженья почти совпалъ со смѣной лицъ, происшедшей на Московскомъ престолѣ, и въ такомъ еще очень примитивномъ государственномъ организмѣ, каковымъ было Московское государство, гдѣ власть носила въ значительной степени личный характеръ, подобная смѣна не могла не имѣть большого значенія. Смерть царя Михаила уносила въ могилу лицо, съ властью и авторитетомъ котораго свыклось общество, и съ именемъ котораго связывались представленія о возстановленіи порядка въ государствѣ послѣ смуты. Безцвѣтный, тихій, котораго „и не слышать“ [4]), о которомъ въ народѣ говорили, что „далъ де Богъ (царя) смирна“ [5]), легко поддававшійся семейнымъ и родственнымъ вліяніямъ, онъ мало проявлялъ иниціативы и его не лишенная дарованій личность нерѣдко пропадала за властной фигурой его отца, котораго онъ боялся, или матери, недалекой и недоброй женщины, и заслонялась окружавшими его сильными людьми, вродѣ кн. Д. М. Пожарскаго, кн. И. Б. Черкасскаго, Ф. И. Шереметева или Салтыковыхъ. При всемъ томъ, онъ обла-

[1]) Такова одиначная запись, составленная въ Соли Вычегодцкой въ 144 г. (Соловьевъ, Ист. Рос. т. IX, гл. 4), въ Мангазеѣ въ 139 г. (Арх. М-ва Ин. Д. Пр. дѣла ст. л. 1630 г. № 79, 1—6), въ Ельцѣ въ 154 г. (Акты относ. къ ист. Зем. Соб., изд. Ключкова, XV).

[2]) А. А. Э. IV § 30.

[3]) Смирновъ, Нѣсколько документовъ къ исторіи Соб. Уложенья и Земскаго Собора 1648—1649 г. стр. 18. Въ разсказѣ, помѣщенномъ въ Толстовскомъ сборникѣ, тоже упоминается, что „въ міру сталъ всякій хлѣбъ дорогъ“, хотя это явленье и ставится въ связь исключительно съ іюньскими пожарами уничтожившими Житный рядъ. Разсказъ о событіяхъ 156 г., вошедшій въ Толстовскій сборникъ, изданъ проф. Платоновымъ подъ заглавіемъ: „Московскія волненія 1648 г.“ (Платоновъ, Статьи, изд. 1903 г., 77—93).

[4]) Новомбергскій, „Слово и Дѣло Государевы“, 71.

[5]) Ibid., 43.

далъ, повидимому, тактомъ, не былъ склоненъ къ жестокимъ и крутымъ мѣрамъ, былъ въ достаточной степени дѣловитъ и, благодаря отчасти пассивнымъ качествамъ, справился съ тяжелыми задачами, выпавшими на его долю послѣ великой разрухи. Выросши на переживаніяхъ смутнаго времени, онъ вынесъ изъ нихъ умѣніе быть терпѣливымъ въ дѣлахъ и терпимымъ къ людямъ, а для общества явился воплощеніемъ идеи идеальной верховной власти, потребность въ которой такъ глубоко была прочувствована людьми Московскаго государства среди анархіи, предшествовавшей его избранію. Появленіе, вмѣсто него, на престолѣ новаго, еще очень молодого и неопытнаго царя, почти мальчика, болѣе склоннаго къ развлеченіямъ, чѣмъ къ дѣламъ, и наряду съ этимъ смѣна знакомыхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія новыми правителями и „временными людьми", все это нарушало установившійся ходъ жизни, и общество, въ которомъ уже давно ощущались признаки внутренняго разлада, должно было реагировать такъ или иначе на ломку въ установившихся отношеніяхъ.

Главныя заботы новаго правительства, начинавшаго свою дѣятельность при условіяхъ, въ сущности, довольно благопріятныхъ по сравненію съ предшествующимъ царствованіемъ, были обращены на финансовое положеніе государства.

Первые годы царствованія Алексѣя Михайловича ознаменованы послѣдовательнымъ стремленіемъ установить равновѣсіе въ государственномъ бюджетѣ и выработать прочную финансовую систему. Эта работа шла въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, есть опредѣленныя указанія на тенденцію къ экономіи. Изъ дѣлъ Новгородской чети можно видѣть, какъ проводилась эта экономія въ жизнь путемъ сокращенія окладовъ жалованья служилыхъ людей, какъ денежнаго, такъ и хлѣбнаго, даже полной отмѣны нѣкоторыхъ должностей и замѣны по мѣрѣ возможности денежнаго жалованья земельною дачею. Въ общемъ итогѣ экономія получалась ничтожная, но вызывала раздраженіе, и эта политика сокращеній расходовъ, несомнѣнно, была одной изъ причинъ возмущенія, а, такъ какъ она исходила въ концѣ концовъ изъ Большой Казны, то взрывъ и былъ направленъ противъ лица, стоявшаго во главѣ этого приказа [1]).

Съ другой стороны, приказные финансисты, вродѣ думнаго дьяка Назарья Чистаго, вышедшаго изъ ярославскихъ торговыхъ людей и вносившаго въ дѣло всю свою купеческую сметку, были дѣятельно озабочены созданіемъ единой уравнительной системы

[1]) Доп. къ А. И. III, § 36.

обложенія. Самой смѣлой попыткой урегулировать финансы была мысль о замѣнѣ прямого обложенія косвеннымъ. Такія задачи преслѣдовала, какъ извѣстно, введенная въ 1646 году соляная пошлина, которая и по своимъ размѣрамъ и по порядку взиманія посредствомъ специально назначенныхъ гостей оказалась невыносимо тяжелой для населенія. Правительство не учло ни естественнаго сокращенія спроса на обложенный акцизомъ товаръ, ни, тѣмъ болѣе, пагубнаго вліянія, которое имѣло повышеніе цѣны на соль на нѣкоторые виды промысловъ. Соляная пошлина была отмѣнена уже въ февралѣ 1648 г., незадолго до бунта, но раздраженье, вызванное ею, улеглось не сразу. Соляная пошлина не была единственнымъ экспериментомъ съ косвенными налогами: казенный клейменый аршинъ до извѣстной степени предвосхищалъ мысль о гербовой бумагѣ. Всѣ эти реформы имѣли въ концѣ концовъ одну цѣль—произвести нажимъ на платежныя силы тяглаго населенія, и приводили не столько къ упроченію государственнаго кредита, сколько къ разоренію податныхъ массъ.

Неудачная финансовая политика правительства въ значительной степени усилила общественное броженіе, наличность котораго мы отмѣтили въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича: „за соль“ былъ убитъ Назарій Чистый, за убавку и неплатежъ жалованья низшимъ служилымъ людямъ, если вѣрить Олеарію, пострадалъ Петръ Тих. Траханіотовъ и едва не поплатился жизнью самъ Б. И. Морозовъ [1]).

Въ Москвѣ, какъ средоточіи всей жизни Московскаго государства, общее возбужденное настроеніе переживалось особенно глубоко и вылилось въ 156 г. въ открытомъ мятежѣ. Послѣ статьи С. Ф. Платонова хронологія безпорядковъ можетъ считаться вполнѣ установленной: открытое возмущеніе вспыхнуло 2-го іюня; но начало безпорядковъ надо отнести уже къ 1-му іюня. Наиболѣе опредѣленно говорится объ этомъ въ шведскомъ донесеніи, изданномъ С. Ф. Платоновымъ [2]). Авторъ донесенія заслуживаетъ полнаго довѣрія, такъ какъ всѣ сообщаемыя имъ свѣдѣнія въ общемъ точны и часто подтверждаются изъ другихъ источниковъ. Онъ сообщаетъ, что царь ушелъ изъ Москвы къ Троицѣ 17 мая (эта

---

[1]) Олеарій, въ переводѣ Барсова, 268.

[2]) „Новый источникъ для исторіи московскихъ волненій 1648 г.“, въ Чтеніяхъ О-ва Ист. и Др. Рос. 1893 г. и отд.

дата стоитъ также въ Разрядахъ) [1]) и что оттуда онъ возвратился 1-го іюня (эту дату даетъ и Толстовскій сборникъ [2]). При этомъ, по его словамъ, „простой народъ по мѣстному обычаю вышелъ навстрѣчу изъ города на нѣкоторое разстояніе съ хлѣбомъ и солью, съ пожеланіемъ всякаго благополучія, просилъ принять это и билъ челомъ о Плещеевѣ; стрѣльцы разогнали народъ плетьми, и были произведены аресты; тогда народъ обратился съ подобнымъ же челобитьемъ къ царицѣ, слѣдовавшей за царемъ, „приблизительно черезъ полчаса“; между народомъ и царициной стражей произошло столкновеніе, во время котораго пострадали даже „лица, сопровождавшія царицу“.

Донесенія Поммеринга всецѣло подтверждаютъ правильность сдѣланнаго описанія [3]). Безпорядки, начавшіеся въ четвергъ 1 іюня, на слѣдующій день приняли угрожающіе размѣры: толпа ходила ко дворцу требовать выдачи Плещеева, завѣдывавшаго Земскимъ Дворомъ, разгромила дворы неугодныхъ бояръ и убила думнаго дьяка Назарья Чистаго. Въ пятницу, 3 іюня, безпорядки возобновились съ новой силой и сопровождались пожарами, распространившимися по обширному району города; подъ вліяніемъ паники, охватившей дворецъ, голпѣ былъ выданъ, въ полномъ смыслѣ слова, на растерзанье Плещеевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ночью былъ тайно сосланъ изъ Москвы воеводою на „Устюгъ Желѣзной“ П. Т. Траханіотовъ и, повидимому, была сдѣлана попытка спасти Б. И. Морозова изъ Москвы.

На слѣдующій день, въ виду непрекращавшагося мятежа, царь былъ принужденъ вернуть Траханіотова, который и былъ казненъ 5 іюня. Тогда же было дано обѣщаніе сослать Морозова въ Кириловъ монастырь. Послѣ 5 числа наступило затишье; обѣщаніе сослать Морозова исполнено, однако, не было. Тогда, по словамъ Лейденской брошюры, подтверждаемой шведскимъ донесеніемъ, опубликованнымъ С. Ф Платоновымъ, мятежъ вспыхнулъ вновь. По-

---

[1]) Разр. III, стр. 92. „Того же мѣсяца мая въ 17 день ходилъ Государь къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь“.

[2]) „А отъ Троицы Государь пришелъ іюня въ 1 день“.

[3]) Изданы Якубовымъ въ Чт. Общ. Ист. и Др. Р. 1898 г., I и отд. („Россія и Швеція въ половинѣ XVII в.“). Связь между донесеніями Поммеринга и изданнымъ С. Ф. Платоновымъ шведскимъ донесеніемъ не вполнѣ выяснена С. Ф. Платоновъ отмѣтилъ большую близость между ооими источниками и общее сходство между ними. Въ деталяхъ, какъ будетъ видно, они разнятся довольно значительно (напримѣръ, въ описаніи сцены на Лобномъ мѣстѣ). Поэтому приходится ограничиться осторожной догадкой С. Ф. Платонова, что въ изданномъ имъ донесеніи мы имѣемъ дѣло съ документомъ, вышедшимъ изъ-подъ пера человѣка, близкаго къ шведскому резиденту, но не его самого.

видимому, послѣ 5 іюня въ Москву понаѣхало много служилыхъ людей, готовыхъ принять участіе въ новомъ бунтѣ. 10 іюня дворяне и торговые люди били челомъ о созывѣ Земскаго Собора и, очевидно, въ тотъ же день повторили съ угрозами требованіе о высылкѣ Б. И. Морозова [1]).

Въ ночь съ 11 на 12 число („іюня въ 12 день за часъ до дня"), согласно „черныхъ людей челобитью", Морозовъ былъ сосланъ на Бѣлоозеро. Такимъ образомъ, горячіе моменты Московскаго смятенья продолжались дней десять, вспыхнувъ 1 іюня въ день прихода Государя въ Москву изъ Троицкаго монастыря и завершившись поданнымъ 10 іюня челобитьемъ о Земскомъ Соборѣ и о ссылкѣ Морозова.

Московскій бунтъ явился лишь выраженіемъ общаго настроенія, господствовавшаго въ государствѣ. Глубина и сложность причинъ, обусловившихъ „смуту", проявились въ той быстротѣ, съ которой она распространилась по всему пространству Московскаго государства. Всюду вѣсть о московскихъ событіяхъ падала на подготовленную почву и вызывала мѣстный взрывъ на почвѣ мѣстныхъ нуждъ и отношеній. Въ Козловѣ безпорядки вспыхнули уже 11 іюня, затѣмъ распространились и въ Козловскомъ уѣздѣ, въ Челнавскомъ острогѣ и въ селѣ Дубовомъ [2]). 22 іюня имѣлъ мѣсто бунтъ у Соли Вычегодской, направленный противъ сборщика податей Фед. Приклонскаго [3]); 26 іюня былъ вынужденъ бѣжать изъ Воронежа воевода Вас. Грязной [4]); въ іюнѣ же имѣли мѣсто безпорядки въ Талицкомъ [5]). 5 іюля былъ бунтъ въ Курскѣ [6]), а 9 іюля на Устюгѣ Великомъ (здѣсь хотѣли убить воеводу, съ обруба кинуть, и убили до смерти одного изъ подъячихъ). Въ началѣ августа изъ Чугуева князь Яковъ Волконскій писалъ о „всякихъ заводахъ", затѣваемыхъ чугуевскими служилыми людьми [7]). 14 сентября въ Рузѣ, по наученію губного старосты, посадскіе люди хотѣли убить Игн. Корсакова, присланнаго для сыска порожжей земли [8]). Повидимому, въ концѣ 156 г. или въ самомъ началѣ 157 г., „слыша про московскую смуту, въ Чердыни и у Соли (Камской) завели воры заводъ, хотѣли лучшихъ посадскихъ людей

---

[1]) Шведское донесеніе говоритъ, что царь послѣ вторичнаго челобитья поклялся сослать Морозова на слѣдующій день, что и было исполнено.

[2]) Зерцаловъ, Къ исторіи мятежа 1648 г., 1—32.

[3]) Арх. М-ва Ин. Д. Прик. д. ст. лѣтъ 1649 г. № 41.

[4]) Арх. М-ва Ю. Бѣлгор. ст. ст-цъ № 167, лл. 40—42, 55—59.

[5]) Латкинъ, Земскіе Соборы, 414.

[6]) Опис. документовъ и бумагъ, хран. въ Моск. Архивѣ М-ва Юстиціи, XII, 331—332, 328—329.

[7]) Арх. М-ва Ю. Бѣлг. ст. ст-цъ № 259, лл. 294—295.

[8]) Арх. М-ва Ю. Бѣлгор. стола ст-цъ № 283, л. 266 sqq.

разграбить и побить“ [1]). Въ Сибири, въ Нарымѣ, мятежное настроеніе служилаго люда проявилось въ ноябрѣ, но въ Томскомъ „большая“ смута началась еще раньше, чѣмъ въ Москвѣ, въ концѣ мая, вызванная мѣстными условіями, и московскія извѣстія только усилили ее [2]). Отголоски смуты продолжали звучать и позднѣе. Еще въ апрѣлѣ въ Кромахъ были безпорядки: пробовали убить воеводу и подьячаго [3]). Отголоскомъ явилось, несомнѣнно, и возстаніе Новгорода и Пскова въ 158 году, хотя уже въ 156 г. Новгородъ, повидимому, пережилъ „смутное время“ [4]).

Такимъ образомъ, волна мятежей охватила все московское государство:—и посадскіе центры торговаго сѣверо-востока, и старинные вѣчевые города, и недавно заселенныя военныя окраины „поля“ и Сибири.

Въ самой Москвѣ безпорядки грозили принять затяжной характеръ. 8 августа патріархъ пишетъ, что „и донынѣ мятежъ“, и только 29 августа можно было сказать, что „государьскимъ счастьемъ смута утихаетъ“ [5]). Тѣмъ не менѣе, Поммерингъ сообщаетъ въ октябрѣ о паникѣ, господствующей въ Москвѣ, и ежеминутномъ ожиданіи безпорядковъ: народъ бѣжитъ изъ Москвы (сообщеніе отъ 4 октября); знатные люди свозятъ свое имущество въ домъ шведскаго посла (отъ 18 окт.). По этому случаю онъ пишетъ, что правительствомъ приняты мѣры предосторожности: „Его Царское Величество роздало мушкеты по боярскимъ дворамъ“ [6]). Дѣйствительно, въ началѣ октября по Москвѣ ходятъ подозрительные слухи, къ которымъ прислушивались особенно усиленно, „потому что нынѣ бунташное время“, какъ говорили въ Котельномъ ряду 4 октября 157 г. [7]).

Въ январѣ Поммерингъ снова пишетъ о „смятеньѣ въ Москвѣ“, о слухахъ, что будутъ попытки убить Морозова на Крещенье, и дѣйствительно среди стрѣльцовъ говорили незадолго до 6 января: „быть въ Крещенье смятенью такому-жъ, что было“, „будетъ грѣхъ на Крещенье“ [8]). То-же самое говорилъ въ январѣ Савинка Корѣпинъ, закладчикъ боярина Н. И. Романова: „міръ весь качается“, „еще

[1]) Объ этомъ событіи говорится post factum въ отпискѣ П. Елизарова, доложенной Государю 24 окт. 157 г. (Акты Моск. Госуд. II § 367).

[2]) Сибирск. Приказа ст. № 370. Н. Н. Оглоблинъ (въ Чт. О-ва Ист. и Др. Рос. 1903 г.) Къ Исторіи Томскаго бунта 1648 г.

[3]) Арх. М-ва Ю. Бѣлгор. ст-цъ № 270.

[4]) Смирновъ, О начал. Уложенія и т. д. (Журн. Мин-ва Нар. Просв. 1913 г. № 9, стр. 53. Примѣчанія).

[5]) А. Арх. Э. IV § 30. Доп. къ А. Ист. III § 45.

[6]) Якубовъ Op. cit. 427—428.

[7]) Зерцаловъ, О мятежахъ, 196.

[8]) Дѣло о стрѣльцахъ, говорившихъ про возможность „смятенье“ см. ниже.

де у насъ замятнѣ быть и кровопролитью великому", „учнутъ грабить и побивать бояръ Б. И. Морозова да Илью Даниловича и иныхъ", „ходить намъ по колѣни въ крови, а боярамъ де Б. И. Морозову да И. Д. Милославскому и друзьямъ ихъ быть побитымъ каменьемъ" [1]). Эти слухи доходили, очевидно, и до Поммеринга, который писалъ 21 февраля: „Богъ вѣдаетъ, что я живу въ это опасное время ежедневно съ опасностью для жизни". Въ мартѣ онъ снова сообщаетъ объ угрозахъ по адресу Морозова; 3 марта подверглись, по его словамъ, торговой казни 35 человѣкъ за разговоры о мятежѣ. Отъ 18 апрѣля новое извѣстіе, что „народъ ропщетъ", и несмотря на мѣры, принимаемыя Морозовымъ, „волненіе не утихаетъ, и многіе убѣгаютъ изъ Москвы изъ страха" [2]). Въ маѣ Василій Нестеровъ въ ссорѣ съ человѣкомъ кн. А. Н. Трубецкого грозится во Владимірскомъ приказѣ: „нынѣ де съ ними судитца нельзя, смотри де что покажетъ зима . . . . сдѣлаютъ еще лучше лѣтошняго; тогда де съ ними судитца пора будетъ" [3]).

Даже еще въ 158 году, очевидно, подъ вліяніемъ событій въ Псковѣ и въ Новгородѣ, въ ихнѣ по Москвѣ носится „площадная рѣчь, будто будетъ на Москвѣ грабежъ" [4]).

Общая картина безпорядковъ 156 г. и послѣдующихъ годовъ, такимъ образомъ, получается очень яркая. Это большое народное движеніе, а не единичныя волненія, и при томъ движеніе длительное. Это не простые бунты, это революція, которая по географическимъ условіямъ нашей страны разбивается на рядъ отдѣльныхъ безпорядочныхъ проявленій недовольства.

II.

Въ высшей степени любопытнымъ моментомъ въ исторіи іюньскаго мятежа являются переговоры и соглашеніе правительства съ бунтовщиками и личное участіе царя въ этихъ переговорахъ. Есть основанія полагать, что царь принялъ на себя извѣстныя обязательства и скрѣпилъ ихъ присягой. Впервые на непосредственное выступленіе самого царя въ событіяхъ 1648 г. обратилъ вниманіе проф. Платоновъ. Съ большой осторожностью, путемъ сопоставленія нѣкоторыхъ русскихъ и иностранныхъ извѣстій, онъ пришелъ къ мысли, „что царь Алексѣй принималъ очень близкое участіе въ переговорахъ съ толпою" [5]). О томъ, что царь выходилъ лично къ

[1]) О дѣлѣ Савинки Корѣпина (Арх. М-ва Ин. Д. Прик. д. ст. л. 1649 г. № 19) см. ниже.

[2]) Якубовъ, Op. cit., 445, 447.

[3]) Арх. М-ва Ин. Д. Прик. д. ст. л. 1649 № 53.

[4]) Арх. М-ва Ю. Приказнаго ст. столб. № 272 г. (207).

[5]) С. Ф. Платоновъ, Статьи по русской исторіи (изд. 1903), стр. 89.

народу, далъ ему извѣстныя обѣщанія и скрѣпилъ эти обѣщанія клятвой, мы читаемъ въ такъ называемой Лейденской брошюрѣ [1]) и въ изданномъ проф. Платоновымъ шведскомъ донесеніи объ іюньскихъ событіяхъ [2]); у Олеарія помѣщенъ разсказъ объ обращеніи царя къ народу во время крестнаго хода, но оно отнесено ко времени послѣ бунта [3]). Русскіе источники умалчиваютъ объ этомъ фактѣ, но нѣкоторые документы показываютъ, что въ обществѣ ходили подобные слухи. Такова, во-первыхъ, сказка томскаго казака Ивашки Лаврентьева, разсказывавшаго про выходъ царя къ народу на Лобное мѣсто [4]). Гораздо больше интереса представляетъ другой документъ, новгородское сыскное дѣло 1649 г. о злоупотребленіяхъ новгородскихъ гостей Стояновыхъ, хранящееся въ Архивѣ М-ва Иностр. Дѣлъ, отрывокъ котораго изданъ въ Дополненіяхъ къ Актамъ Историческимъ, и на которое, мнѣ кажется, недостаточно обращено было вниманіе изслѣдователей [5]). До Новгорода слухи о мятежѣ дошли очень скоро и вызвали много толковъ. Центромъ этихъ пересудовъ былъ домъ вліятельныхъ новгородскихъ гостей Василія и Ивана Стояновыхъ. Въ Новгородѣ они занимали офиціальное положеніе; одинъ изъ нихъ былъ одновременно „соляного збору“ цѣловальникомъ и кабацкимъ откупщикомъ; на нихъ правительство возлагало рядъ финансовыхъ порученій; въ частности, они организовали продажу казенной мягкой рухляди за-границу, въ Швецію. Въ Москвѣ они пользовались большимъ вліяніемъ: „промысломъ“ Ивана Стоянова вершились дѣла въ Новгородской чети; жертва іюньскаго бунта дьякъ Наз. Чистый, самъ вышедшій изъ торговой среды, былъ съ ними очень близокъ: „Назарей де былъ намъ батько“, говорили Стояновы [6]). Естественно, что при такихъ условіяхъ Стояновы одни изъ первыхъ узнали о бунтѣ въ Москвѣ и объ убійствѣ Назарья. Въ это время бывшій новгородскій воевода кн. Семенъ Андреевичъ Урусовъ сидѣлъ по государеву указу въ тюрьмѣ; на него былъ поданъ доносъ въ государевомъ дѣлѣ, и какъ разъ въ первыхъ числахъ іюня въ Новгородъ пришелъ указъ на имя воеводы кн. Ѳ. А. Хилкова—велѣно было посадить его въ тюрьму на

---

[1]) Издана Бестужевымъ въ Истор. Вѣстн. 1880 № 1.

[2]) Въ Чт. Общ. Ист. и Др. Р. 1893 г.

[3]) Олеарій, въ переводѣ Барсова, 278.

[4]) Зерцаловъ, Къ исторіи мятежа 1848 г., 33. Въ Чт. О-ва Ист. и Др. Рос. 1896 г. и отд.

[5]) Доп. къ Акт. Ист. т. III, § 66. Арх. М-ва Ин. Д. Прик. д. ст. л. 1648 г. № 60, № 67, 1649 г. № 22. Въ тѣсной связи находится съ дѣломъ Стояновыхъ и дѣло Ив. Бестужева. Тамъ же, 1647 г. № 81.

[6]) Арх. М-ва Ин. Д. Прик. д. ст. л. 1647 г. № 81 и 1648 г. № 67.

недѣлю [1]). Въ тюрьмѣ его посѣтилъ Иванъ Стояновъ, и они разговорились о Московскихъ событіяхъ. Тотчасъ послѣ того, какъ его освободили изъ тюрьмы, кн. Урусовъ поѣхалъ къ митрополиту и послалъ по дьяка Савина Завѣсина, по головъ стрѣлецкихъ, по земскихъ старостъ и посадскихъ лучшихъ людей и извѣщалъ въ ихъ присутствіи передъ митрополитомъ дьяку про слова Стоянова, „что на Москвѣ учинилась смута“. Въ концѣ того же года было наряжено слѣдствіе по поводу цѣлаго ряда жалобъ на Стояновыхъ и въ томъ числѣ по поводу извѣта, заявленнаго кн. Урусовымъ. Обвиненіе сводилось къ распространенію слуховъ, опасныхъ для общественнаго спокойствія. Слѣдователи должны были выяснять: „какъ по государеву указу сидѣль въ тюрьмѣ князь Семенъ Урусовъ, и онъ Иванъ (Стояновъ) къ нему въ тюрьму приходилъ ли... и князю Семену такія рѣчи, что будто въ прошломъ 156-мъ году іюня въ 12 день былъ на Москвѣ пожаръ отъ Тресвяцкихъ воротъ до Неглинные и учинилось отъ всякихъ чиновъ съ боярскими людьми драка, и съ тѣхъ дракъ невѣжливымъ обычаемъ пришли и ко государеву двору и на дворцѣ шумѣли, и Государь будто изволилъ вытти на крыльцо съ образомъ, а за Государемъ бояре, и всякихъ чиновъ людей уговаривалъ, чтобъ имъ отъ шуму перестать, и они передъ Государемъ убили думного дьяка Назарья Чистого и били челомъ Государю и просили будто убить боярина Б. И. Морозова, и Государь на милость положилъ, боярина Бориса Ивановича убить не далъ, а изволилъ ево постричь и сослать въ монастырь, и бояре будто приговорили—земскимъ и всякихъ чиновъ людемъ отдали убить окольничево Петра Траханіотова да Левонтья Плещеева“? Иванъ Стояновъ не отрицалъ, факта разговора, но утверждалъ, что говорилъ объ этихъ событіяхъ не онъ, а самъ кн. Урусовъ: „и Иванъ Стояновъ противъ того стоялъ, слышалъ де онъ такія рѣчи отъ князь Семена Урусова: пріѣхалъ человѣкъ ево съ Москвы, а сказывалъ, что на Москвѣ учинилось смятенье, былъ пожаръ великой, у всякихъ чиновъ людей учинились драки и приходили къ государеву двору съ невѣжливымъ челобитьемъ, и Государь выходилъ на крыльцо и съ бояры, и отъ шуму и отъ челобитья унимали; и Назарья Чистого на дворѣ убили до смерти и живогы ево разграбили; и боярина Б. И. Морозова просили, и Государь де указалъ боярина Бориса Ивановича сослать въ Кирилловъ монастырь, а не постричь ево, а бояре де приговорили окольн. Траханіотова да Леонтья Плещеева казнить (по другой версіи: „приговорили—земскимъ и всякихъ чиновъ людемъ отдали убить“). И я де къ тѣмъ князь Семеновымъ словамъ

[1]) Арх. М-ва Ин. Д. Прик. д. ст. л. 1648 г. № 67.

говорилъ: и я де въ мірѣ такіе слова слышалъ, что такъ учинилось на Москвѣ; а послѣ де тому дѣлу и вѣдомость учинилась". Послѣдняя фраза показываетъ, что то, о чемъ говорилъ Стояновъ, было хорошо всѣмъ извѣстно въ то время, когда онъ давалъ свои показанія, т. е. въ февралѣ 1649 г.; это были извѣстія, не вызывавшія сомнѣній. Мнѣ кажется поэтому, что слова Стоянова разрѣшаютъ окончательно вопросъ и устанавливаютъ фактъ непосредственныхъ сношеній царской власти съ „земскими и всякихъ чиновъ людьми" [1]).

Но, если самый фактъ устанавливается точно показаніями новгородскаго гостя, сыскное дѣло дастъ очень мало данныхъ, чтобы судить о томъ, въ какой моментъ смуты это произошло. Стояновъ путаетъ хронологію событій: все то, что произошло въ теченіе трехъ-четырехъ дней онъ относитъ къ одной, и притомъ совершенно невѣрной датѣ (12 іюня). Для разъясненія вопроса приходится обратиться къ иностраннымъ источникамъ. Въ шведскомъ донесеніи описанъ, повидимому, именно этотъ эпизодъ. Здѣсь говорится, что 2 іюня толпа просителей вслѣдъ за царемъ прошла въ Кремль: „нѣсколько тысячъ человѣкъ проникли въ Кремлевскую капеллу и неотступно и съ громкими криками требовали окончательнаго рѣшенія ихъ желаній и высказанныхъ жалобъ. Такъ какъ Его Царское Величество только что сѣлъ за столъ, то онъ выслалъ къ нимъ одного изъ бояръ, по имени Темкина, потомъ вышелъ еще одинъ; они сорвали съ него платье и надавали ему такихъ пинковъ и толчковъ, что онъ послѣ этого лежалъ нѣсколько дней въ постели; наконецъ Его Царское Величество вышелъ самъ, успокаивалъ ихъ и спросилъ, что значитъ такое неотступное ихъ домогательство". По требованію толпы тогда были освобождены нѣсколько челобитчиковъ, арестованныхъ наканунѣ. Затѣмъ стали требовать выдачи Плещеева. Царь отвѣчалъ, „что ему нужно дать время, такъ какъ онъ хочетъ разслѣдовать дѣло". Но такъ какъ волненіе не утихало, то царь „вышелъ еще разъ самъ" и сталъ просить толпу „не проливать крови въ этотъ день, именно въ пятницу, что у русскихъ считалось ужаснымъ грѣхомъ: завтра онъ выдастъ имъ Плещеева". Это извѣстіе подтверждается въ общихъ чертахъ Поммерингомъ. Очевидно, на это намекаетъ и Лейденская брошюра, относя появленіе толпы у дворца, какъ будто, къ 3-му іюня, что очевидно невѣрно, такъ какъ къ 3 іюня были приняты уже мѣры предосторожности, Кремль запертъ, выставлены караулы, и, по словамъ Олеарія, для защиты дворца

[1]) Арх. М-ва Ин. Д. Прик. д. ст. л. 1648 г. № 60.

были стянуты нѣмецкіе полки [1]). Русскія извѣстія подтверждаютъ одну часть извѣстія шведскаго донесенія, гдѣ говорится о приходѣ всякихъ черныхъ людей на дворецъ съ великимъ невѣжествомъ и „съ жестокимъ челобитіемъ на Левонтья Плещеева“, котораго они просили „убить до смерти“ [2]). Совершенно почти совпадаетъ съ Шведскимъ извѣстіемъ продолженіе Псковской лѣтописи, даже въ деталяхъ: „какъ Государь пошелъ отъ праздника, и за нимъ Государемъ пришли посадскіе всякихъ чиновъ люди всею Москвою, и къ нимъ Государь высылалъ боярина М. М. Темкина (Ростовскаго) до окольничего Б. И. Пушкина; а боярина и окольничего посадскіе люди обезчестили и платье на нихъ ободрали, едва одни на Верхъ ушли, и пошли всякіе люди отъ крыльца“ [3]). Собирая воедино всѣ эти показанія, мы получаемъ картину, повидимому, не подлежащую сомнѣнію. 2 іюня толпа вслѣдъ за царемъ ворвалась въ Кремль; бунтовщики приходили къ государеву двору „невѣжливымъ обычаемъ, и на дворцѣ шумѣли“, требуя убить ненавистнаго Плещеева. Высланные къ нимъ для переговоровъ кн. М. М. Темкинъ-Ростовскій и Б. И. Пушкинъ были принуждены спасаться бѣгствомъ, и тогда, очевидно, произошелъ эпизодъ описанный Стояновымъ,—царь вышелъ на крыльцо съ образомъ, и за Государемъ бояре, и уговаривалъ толпу, „чтобы имъ отъ шуму перестать“.

Этимъ эпизодомъ не ограничились сношенія царя съ народомъ. На слѣдующій день царь, „видя такое въ міру великое смятенье“, выдалъ Плещеева на смерть; Плещеевъ былъ убитъ, но безпорядки не прекращались, „и учали міромъ просити и заступниковъ ево, единомысленниковъ Бориса Морозова и Петра Траханіотова“. Тогда Государь „выслалъ на Лобное мѣсто съ образомъ чудотворныя иконы Владимирскія“ патріарха, митрополита Сарскаго и Подонскаго Сераѳіона, архіепископа Суздальскаго Сераѳіона, архимандритовъ, игумновъ и весь освященный чинъ. Вмѣстѣ съ ними были посланы уговаривать міръ, „чтобы міромъ утолились“, популярные среди москвичей бояре Н. И. Романовъ и кн. Д. М. Черкасскій, оба принадлежавшіе къ семьямъ, родственнымъ царю и враждовавшимъ съ царскимъ дядькой, кн. М. П. Пронскій и съ ними много дворянъ. Они обѣщали отъ имени царя:

---

[1]) Олеарій, въ переводѣ Барсова, 273—274.

[2]) См. Новый лѣтописецъ въ изд. кн. Оболенскаго. Здѣсь этотъ эпизодъ отнесенъ къ 3 іюня, но хронологія въ Новомъ лѣтописцѣ вообще спутана; такъ, разграбленіе боярскихъ дворовъ и убійство Чистаго отнесены къ 1 іюня, „въ пятокъ“.

[3]) П. Собр. Рус. Л. IV, 339.

„а заступниковъ Левонтьевыхъ Бориса Морозова и Петра Траханіотова указалъ де Государь съ Москвы сослать, гдѣ де вамъ, міряномъ, годно, и впредь де имъ, Б. Морозову и П. Траханіотову, до смерти на Москвѣ не бывать и не владѣть и на городѣхъ у государевыхъ дѣлъ ни въ какихъ приказѣхъ не бывать". Объ этомъ посольствѣ къ народу въ такихъ выраженіяхъ говорится въ хронографѣ, вошедшемъ въ Толстовскій сборникъ [1]); говорятъ о немъ и иностранцы. Наиболѣе освѣдомленный изъ нихъ Поммерингъ пишетъ, что „наконецъ вышли патріархъ, Н. И. Романовъ... и кн. Дмитрій Мамстрюковичъ изъ воротъ Кремля на одно круглое возвышеніе, откуда дѣлаются разныя объявленія отъ Его Царскаго Величества; тогда народъ согласился на то, что Морозовъ можетъ сохранить жизнь, если Его Царскому Величеству угодно будетъ, согласно своему обѣщанію, отослать его такъ далеко, чтобъ онъ никогда не возвращался, и не допускалъ ни къ какимъ правительственнымъ дѣламъ" [2]). Олеарій упоминаетъ объ одномъ только Н. И. Романовѣ [3]), шведское донесеніе—о патріархѣ и о царскомъ духовникѣ. Фактъ посольства и даже составъ его, въ общемъ, не подлежитъ сомнѣнію.

Невыясненнымъ является однако одинъ вопросъ: выходилъ ли самъ царь къ народу на Лобное мѣсто. Объ этомъ опредѣленно говоритъ одно лишь шведское донесеніе. Здѣсь мы находимъ утвержденіе, что „посредники три раза ходили взадъ и впередъ отъ царя къ толпѣ, но ничего отъ нея не добились; тогда, наконецъ, Его Царское Величество самъ вышелъ къ народу съ непокрытой, обнаженной головой и со слезами на глазахъ умолялъ и ради Бога просилъ ихъ успокоиться и пощадить Морозова за то, что онъ оказалъ большія услуги его отцу и былъ его воспитателемъ и домоправителемъ; но они не хотѣли на все это сдаться, и, наконецъ, ихъ настойчивыя требованія довели Его Царское Величество до того, что онъ сталъ ходатайствовать, чтобъ Морозова удалить изъ Москвы въ ссылку". Олеарій тоже разсказываетъ, какъ царь на Лобномъ мѣстѣ со слезами умолялъ народъ не требовать выдачи Морозова и обѣщалъ: „если народъ желаетъ, чтобъ Морозовъ не занималъ болѣе мѣсто государственнаго совѣтника, то онъ, царь, отставитъ его отъ этой должности, но только чтобы онъ, царь, не выдавалъ народу его, своего второго отца, воспитавшаго и возрастившаго его" [4]). Но Олеарій относитъ это собы-

[1]) С. Ѳ. Платоновъ, Статьи по рус. исторіи, стр. 87—88.
[2]) Якубовъ, Op. cit., 419.
[3]) Переводъ Барсова, 274.
[4]) Олеарій, въ переводѣ Барсова, стр. 278.

тіе ко времени послѣ бунта и, повидимому, мѣшаетъ про
такъ какъ послѣдствіемъ царскаго челобитья у него является немедленное возвращеніе Морозова. Что касается прочихъ иностранцевъ, то они лишь намекаютъ на это личное выступленіе царя 3-го іюня [1]). Поммерингъ, свѣдѣнія котораго наиболѣе точны, выражается очень осторожно: „Его Царское Величество, говорятъ, просилъ ихъ лучше убить его, чѣмъ Морозова, который столь долгое время былъ наставникомъ Его Царскаго Величества, и теперь притомъ шуринъ его“ [2]). Эта сдержанность Поммеринга даетъ поводъ думать, что онъ не имѣлъ опредѣленныхъ свѣдѣній о появленіи царя передъ народомъ.

Изъ русскихъ источниковъ объ этомъ фактѣ говорится только въ упомянутой выше сказкѣ томскаго казака. Онъ разсказывалъ, что „на Москвѣ де Государь самъ выходилъ на Лобно е мѣсто, упрашивалъ де его у черни, Бориса Морозова, чтобъ де его не убили и для того его, Бориса Морозова, велѣлъ сослать на Бѣлоозеро“ [3]). Впрочемъ цѣнность этой „сказки“ значительно ослабляется тѣмъ, что казакъ говорилъ съ чужихъ словъ—онъ слышалъ въ Нарымѣ отъ сургутскихъ казаковъ, а тѣ, съ своей стороны, передавали, повидимому, слова „проѣзжихъ людей“ [4]). Такимъ образомъ, подводя итоги, можно сказать, что несмотря на категоричность нѣкоторыхъ источниковъ, нельзя съ увѣренностью говорить о выходѣ царя на Лобное мѣсто, такъ какъ наиболѣе заслуживающій довѣрія изъ иностранцевъ Поммерингъ не знаетъ объ этомъ навѣрное, а въ показаніяхъ Ивашки Лаврентьева мы имѣемъ дѣло съ слухами, прошедшими черезъ очень много рукъ и значительно преувеличивавшими дѣйствительные факты. Возможно, что появленіе царя 2 іюня на крыльцѣ съ образами и обращеніе его къ толпѣ и послѣдовавшее 3 іюня посольство патріарха и бояръ смѣшались въ одну картину. Во всякомъ случаѣ, какъ мы видимъ, представленіе о рѣчи царя къ народу съ Лобнаго мѣста было очень живо въ умахъ современниковъ и, мнѣ кажется, отразилось на описаніи рѣчи царя Ивана Грознаго въ Хрущовской Степенной книгѣ. Независимо отъ того, выступалъ ли или нѣтъ

[1]) Въ Лейденской брошюрѣ говорится, что царь усердно просилъ бунтовщиковъ пощадить жизнь Морозова, „потому что отецъ его на смертномъ одрѣ съ великой похвалой говорилъ ему объ немъ, а частью и потому, что Морозовъ съ дѣтства воспиталъ его и училъ“; впрочемъ, здѣсь говорится, что народъ самъ пришелъ къ царю, т. е. очевидно имѣетъ мѣсто смѣшеніе съ приходомъ толпы скопомъ къ дворцовому крыльцу наканунѣ, 2 іюня.

[2]) Якубовъ, Op. cit., 419.

[3]) Зерцаловъ, Къ исторіи мятежа 1648 г., стр. 33.

[4]) А. М. Ю.. Сиб. Прик. ст. № 365.

царь лично на Лобномъ мѣстѣ, но была заключена сдѣлка между правительствомъ и народомъ, и сдѣлка эта была закрѣплена присягой со стороны царя: „и на томъ Государь царь къ Спасову образу прикладывался, и міромъ и всею землею положили на его Государеву волю", сказано въ Толстовскомъ сборникѣ. Это извѣстіе совпадаетъ съ показаніями иностранцевъ. Въ Лейденской брошюрѣ сказано опредѣленно, что „царь далъ народу обѣщаніе, при чемъ, по обычаю русскихъ при произнесеніи какой либо клятвы, цѣловалъ золотой крестъ, который держалъ въ рукѣ патріархъ, и призвалъ въ поручительницы Матерь Божію удалить Морозова". Нѣсколько иначе представлено дѣло въ Шведскомъ донесеніи. Здѣсь говорится, что „для большаго удостовѣренія царь призвалъ въ поручители (zu Geissel gesetzt) [1]) патріарха, а патріархъ держалъ передъ собою икону или изображеніе Богоматери, которое по преданію было написано св. Лукой и пользовалось большимъ почитаніемъ", т. е. Владимірской Богородицы, о которой говорится въ Толстовскомъ сборникѣ. Что касается Поммеринга, то онъ упоминаетъ, что обѣщанія царскія были скрѣплены крестнымъ цѣлованіемъ [2]). Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что 3 іюня были даны клятвенныя обѣщанія и скрѣплены присягою самого царя. Несмотря на состоявшееся соглашеніе, начавшіеся въ тотъ же день пожары снова вызвали взрывъ озлобленія со стороны народа, и царю пришлось для успокоенія черни выдать на казнь Петра Траханіотова. Что касается Б. И. Морозова, то 5 іюня было возстановлено нарушенное было соглашеніе: „А тово Бориса Морозова Государь царь у міра упросилъ, что его сослать съ Москвы въ Кириловъ монастырь на Бѣлоозеро, а за то ево не казнить, что онъ Государя царя дятка, вскормилъ ево, Государя; а впредь ему, Борису, на Москвѣ не бывать и всему роду ево Морозовымъ нигдѣ въ приказѣхъ у государевыхъ дѣлъ, ни на воеводствахъ не бывать и владѣть ничѣмъ не велѣлъ. На томъ міромъ и всею землею Государю царю челомъ ударили и въ томъ во всемъ договорилися [3]).

Мы не знаемъ условій, при которыхъ заключенъ былъ этотъ окончательный договоръ между верховною властью и подданными. Договоръ этотъ, повидимому, не ограничился вопросомъ о Морозовѣ и о его роднѣ. Есть всѣ поводы думать, что была обѣщана амнистія мятежникамъ. По крайней мѣрѣ, Поммерингъ пишетъ

[1]) Врядъ ли возможно перевести дословно „посадилъ заложникомъ" С. Ѳ. Платоновъ, Новый источникъ для исторіи моск. волненій 1648 г., 16.

[2]) Якубовъ, Op. cit., 428.

[3]) С. Ѳ. Платоновъ, Статьи по рус. исторіи, 90—91.

19 сентября, что простой народъ и дворяне недовольны тѣмъ, „что вопреки обѣщанію Его Царскаго Величества (многіе изъ ихъ собратій) сосланы за то, что участвовали въ бывшемъ мятежѣ, хотя въ видѣ предлога для ссылки выставляется продажа табаку, водки и проч.“. 4 октября онъ снова повторяетъ, что стрѣльцы жалуются, „что Его Царское Величество вопреки обѣщанію и крестному цѣлованію сослалъ ихъ выдающихся людей“. Можетъ быть, тогда же были даны еще какія-нибудь обязательства; такъ, Поммерингъ намекаетъ, что царь обѣщалъ дѣтямъ боярскимъ выдать жалованье [1]). Олеарій влагаетъ въ уста царю рядъ обѣщаній, но все его описаніе царской рѣчи не заслуживаетъ довѣрія: въ число такихъ обѣщаній онъ вводитъ, напримѣръ, отмѣну соляной пошлины, которая была уже отмѣнена въ апрѣлѣ 1648 г. Повидимому, болѣе серьезныя обязательства (какъ то о созывѣ земскаго собора) были даны только 10 іюня, когда съѣхавшіеся въ Москву дворяне присоединили свой голосъ къ голосу Московскаго міра, и даны они были внѣ связи съ царской присягой 3 іюня.

Былъ еще одинъ моментъ, когда царь обратился непосредственно къ міру, и міръ выступилъ дѣйствующимъ лицомъ, на этотъ разъ по желанію и вызову самого царя, а именно въ октябрѣ 1648 года, когда надо было устроить возвращеніе Морозова въ Москву. Въ этомъ вопросѣ царь былъ связанъ клятвой, данной имъ міру, и одинъ только міръ могъ освободить его отъ этой клятвы. Поэтому возвращенію Морозова предшествовалъ рядъ мѣръ, которыя должны были создать почву для примиренія съ нимъ Москвы. Первые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы уже въ іюнѣ, тотчасъ послѣ бунта, при чемъ въ нихъ принимала личное участіе, если вѣрить Поммерингу, сама царица; пробовали воспользоваться авторитетомъ патріарха, но эти первыя попытки не увѣнчались успѣхомъ [2]). Что не удалось въ іюнѣ, удалось въ октябрѣ. Коллинсъ пишетъ, что „Борисъ приказалъ секретно подготовить народъ и дѣлалъ это съ такой ловкостью и такъ при случаѣ умѣлъ льстить ему, что тѣ, которые наиболѣе противъ него возставали, первые стали просить царя объ его возвращеніи; они легко достигли желаемаго“. Депеши Поммеринга поясняютъ смыслъ этихъ словъ. Въ донесеніи отъ 18 октября, онъ сообщаетъ, что „патріархъ обѣщалъ 4 рубля каждому стрѣльцу, который подпишетъ (челобитную) о томъ, чтобъ Морозовъ пріѣхалъ въ Москву“. Въ слѣдующемъ донесеніи уже сообщается, что

[1]) Якубовъ, Op. cit., 426, 428, 419.

[2]) Якубовъ, Op. cit. 419; Олеарій въ перев. Барсова, 277; Шведское донесеніе, 18.

Морозовъ возвратился 26 октября, при чемъ Поммерингъ совершенно вѣрно ставитъ это событіе въ связь съ семейной радостью царя, съ рожденіемъ сына Дмитрія Алексѣевича, но прибавляетъ: „стремянные и нѣкоторые другіе стрѣльцы и лишь нѣкоторые изъ народа согласились на то, чтобъ Морозовъ вернулся опять ко двору; великій князь обѣщалъ каждому стрѣльцу 10 рублей а патріархъ каждому по 4 рубля [1]). Фактъ этой челобитной и раскола, вызваннаго ею въ средѣ стрѣльцовъ, подтверждается, между прочимъ, однимъ сыскнымъ дѣломъ начала 1649 г., къ которому мы вернемся ниже. Закладчикъ боярина Н. И. Романова—Савинка Корѣпинъ въ январѣ 1649 г., грозился по адресу Б. И. Морозова и И. Д. Милославскаго, „да и тѣмъ у насъ достанеца“, говорилъ онъ: „которые и руки прикладывали... а въ томъ де заводѣ“, да и стрѣльцы де, которые рукъ не прикладывали съ нами-жъ [2]). Это темное мѣсто дѣлается совершенно яснымъ изъ сличенія со словами Поммеринга [3]).

Такъ закончился короткій и необычайный періодъ въ жизни Московскаго Государства, когда верховная власть въ немъ находилась подъ клятвой, была ограничена нѣкоторыми обязательствами, подтвержденными присягой. При государственныхъ условіяхъ, чуждыхъ всякихъ конституціонныхъ юридическихъ формъ, создалось ни съ чѣмъ несравнимое взаимоотношеніе верховной власти и народа, при которомъ возможенъ былъ формальный и скрѣпленный клятвой договоръ между Государемъ и его подданными. Такъ своеобразно складывалась политическая жизнь Москвы. Для прекращенія этого положенія потребовалось новое проявленіе народной воли, или вѣрнѣе, фикція такого проявленія. По мірскому челобитью былъ сосланъ Морозовъ, по мірскому-же челобитью, хотя и фиктивному, былъ онъ возвращенъ въ Москву. Фикція народной воли, какъ нерѣдко и въ послѣдующія времена, въ гораздо болѣе серьезные въ политическомъ отношеніи моменты, должна была освятить нарушеніе данныхъ верховной властью обязательствъ.

III.

Смута, разразившаяся въ Москвѣ въ 1648 году, осложнилась неожиданно участіемъ въ ней высшаго сословія Московскаго государства—боярства. Въ ней нашли себѣ выраженіе и тѣмъ са-

[1]) Якубовъ, Op. cit. 429, 430. Коллинсъ изданъ въ рус. переводѣ въ рус. Вѣстн. 1841, №№ 8 и 9.

[2]) Арх. М-ва Ин. Д. Прик. л. ст. л. 1649 № 19.

[3]) Соловьевъ угадалъ вѣрно смыслъ словъ Корѣпина (Ист. Россіи, изд. „Общ. Польза“, кн. II, 1524).

мымъ обострили вызванный ею кризисъ—дворцовыя отношенія, борьба лицъ, окружавшихъ престолъ, и несогласія внутри правительственнаго класса.

При молодомъ и неопытномъ царѣ Алексѣѣ стоялъ его воспитатель, „боляринъ честенъ и смотритель крайній и Царскаго Величества отъ его младенческа возраста хранитель"—Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Царя связывала съ этимъ неглупымъ, но неразборчивымъ на средства человѣкомъ, глубокая и искренняя привязанность, воспитанная въ немъ съ дѣтскихъ лѣтъ заботами объ немъ Морозова и привычкой видѣть его близь себя и пользоваться его совѣтами и руководствомъ. „Онъ, бояринъ нашъ", писалъ про него Государь въ 158 году: „будучи у насъ, великаго Государя, въ дядькахъ, отставя домъ свой и пріятелей, былъ у насъ безотступно и намъ служилъ и нашего Государьскаго здоровья оберегалъ" [1]). Есть смутныя указанія, что Борисъ Ивановичъ сыгралъ нѣкоторую роль при возведеніи на престолъ своего воспитанника [2]). Какъ-бы то ни было, но съ этого момента, онъ пріобрѣлъ громадное значеніе, становился ближнимъ руководителемъ царя во всѣхъ Государственныхъ дѣлахъ, „держалъ", по красивому выраженію Мейерберга, „по произволу скипетръ, слишкомъ тяжелый для руки юноши" [3]). Въ 1648 году онъ укрѣпилъ свое положеніе, породнившись съ царемъ посредствомъ брака съ сестрой царицы, и, такимъ образомъ, царская свадьба, обыкновенно ломавшая всѣ придворныя отношенія и вводившая въ нихъ новый элементъ въ лицѣ царицыной родни, не только не поколебала положенія временщика, но еще болѣе упрочила его. Вокругъ вельможи, „благоволеніемъ царскимъ сильнаго въ словѣ и въ дѣлѣ", разумѣется, группировалась партія, на которую онъ и опирался: „ради-же времени своего имѣ той себѣ други, совѣтники и послушники" [4]). Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, къ нему примыкали разнообразные элементы. Поммерингъ называетъ въ числѣ наиболѣе вліятельныхъ его сторонниковъ (anhangh) кн. А. М. Львова, кн. А. Н. Трубецкого, Гр. Г. Пушкина [5]), и, повидимому, не безъ основанія: во время мятежа народъ, грабя и сжигая дома „едино-

---

[1]) Якубовъ, Op. cit., стр. 374.

[2]) Олеарій (въ перев. Барсова), 257. Слухъ, отмѣченный Олеаріемъ, дѣйствительно циркулировалъ въ московскомъ обществѣ. (П. Смирновъ Челоб. дворян. и дѣтей боярскихъ, 67—70).

[3]) Мейербергъ, в. рус. перев. (изд. О-ва Ист. и Др. Р. 1874 г.), 112.

[4]) Житіе Ѳ. М. Ртищева въ III т. Библіоѳики Новикова.

[5]) Якубовъ, Op. cit., 427.

мысленниковъ“ [1]) Морозова, разграбилъ въ томъ числѣ дворы А. М. Львова и Г. Г. Пушкина; на кн. А. Н. Трубецкого, какъ на главнаго сотрудника Морозова указываетъ шведъ, авторъ письма отъ 1 марта 1647 года [2]). Къ этимъ лицамъ, принадлежавшимъ къ высшему кругу придворной знати, слѣдуетъ можетъ быть, хотя и съ оговорками, присоединить князей Н. И. Одоевскаго и М. М. Темкина-Ростовскаго и М. М. Салтыкова, дворы которыхъ были тоже разграблены во время іюньской смуты. Изъ нихъ Н. И. Одоевскій, впрочемъ, потерялъ отъ торжества Морозова и его друзей, былъ даже устраненъ отъ завѣдыванія Сибирскимъ приказомъ, и неизвѣстно, почему онъ въ народѣ всетаки считался его единомысленникомъ. Вокругъ этихъ родовитыхъ людей, группировались прихлебатели, родственники, друзья и кліенты, Вас. Андр. Горчаковъ и Іовъ Демид. Голохвастовъ, и болѣе мелкіе люди, вродѣ Племянниковыхъ и Макс. Ив. Телѣгина, жившіе такъ или иначе милостью бояръ и отчасти пострадавшіе вмѣстѣ съ ними [3]). Наряду съ представителями титулованной и дворцовой знати, Морозовъ послѣ своего брака выдвинулъ впередъ родню своей жены, людей очень мелкихъ, Милославскихъ со всѣми ихъ близкими, Плещеевыми, Ржевскими и другими. Родственникомъ И. Д. Милославскому рымъ съ своей стороны былъ въ свойствѣ женатый на его сестрѣ приходился, по словамъ Олеарія, и Леонтій Степ. Плещеевъ, съ которокольничій П. Т. Траханіотовъ. За собою они влекли массу „своихъ“: Нарбековыхъ, Демскихъ и другихъ [4]). Изъ людей тоже незнатныхъ къ Морозову примыкали еще Ртищевы и ихъ племянникъ Б. М. Хитрово съ роднею. Объ близости Ртищевыхъ къ Морозову есть совершенно опредѣленныя указанія въ житіи Ѳ. М. Ртищева; что касается Богдана

[1]) Выраженіе это употреблено въ Сборникѣ Толстого; ср. у Поммеринга (Якубовъ, Op. cit., стр. 424): „разграбили... также дома большихъ бояръ изъ этой (Морозовской) партіи“. Лица, потерпѣвшія во время смуты, названы въ Лѣт. о многихъ мятежахъ (стр. 358) и въ П. Собр. Р. Лѣт. IV, 340.

[2]) Сѣв. Ар. 1822 г № 2. Авторъ называетъ его „кн. Романомъ Никитичемъ Трубецкимъ“, но ясно, что рѣчь идетъ именно о князѣ Алексѣѣ Никитичѣ, т. к. говорится, про него, что онъ управлялъ Сибирскими заводами и приказами.

[3]) Іовъ Голохвастовъ справлялъ свою свадьбу въ концѣ 1647 г. на дворѣ у кн. А. Н. Трубецкого (Зерцаловъ, О мятежахъ въ Москвѣ, стр. 5). О Горчаковѣ см. Арх. М-ва Ю. Сиб. Прик. ст. № 318, 356 — 357, о Телѣгинѣ, о Племянниковыхъ—у Латкина (Земскіе Соборы, 210).

[4]) Плещеевъ былъ „свой“ А. Нарбекову, Нарымскому воеводѣ въ 156 году. Сургутскій воевода Смирной-Демской тоже говорилъ, что „Левонтей де былъ ему другъ и жилъ съ нимъ въ сосѣдѣхъ въ одинъ дворъ, а жена де Левонтьева крестила у него дѣтей, а Петръ де Траханіотовъ ему и свой былъ“ (Сиб. Пр. ст. № 365).

Хитрово, то о немъ говорили, что онъ черезъ Б. М. Морозова „свѣтъ видѣлъ". Мейербергъ слышалъ, что онъ изъ „простыхъ дворянъ" вышелъ въ люди благодаря службѣ у кн. А. Н. Трубецкого. Наконецъ надо, кажется, назвать Ѳ. Б. Далматова-Карпова который дѣлилъ съ Морозовымъ заботы по обереганію царевича Алексѣя Михайловича, будучи назначенъ въ 145 г. „въ товарищи" къ дядькѣ царевича; позднѣе онъ вмѣстѣ съ Глѣб. Ив. Морозовымъ былъ дядькой царевича Ивана Михайловича. Все это указываетъ на давнишнія и тѣсныя связи съ нимъ Морозовыхъ; въ 156 году дворъ его былъ тоже разграбленъ толпою. Такимъ образомъ мы видимъ, что кругъ „единомысленниковъ" Морозова былъ очень пестрый. Тутъ было нѣсколько лицъ, уже при царѣ Михаилѣ занимавшихъ прочное мѣсто въ сферѣ дворцового и государственнаго управленія—заслуженный дворецкій царя Михаила кн. Львовъ, родственникъ покойнаго Государя, управлявшій при немъ Разбойнымъ приказомъ М. М. Салтыковъ, Г. Г. Пушкинъ. Но въ общемъ это не былъ кругъ тѣхъ лицъ, которые правили при Михаилѣ. Родовитые князья Трубецкой и Темкинъ-Ростовскій при Михаилѣ были какъ-будто сознательно устраняемы; ихъ держали на дальнихъ воеводствахъ, князя Алексѣя Никитича въ Тобольскѣ, князя Михаила Михайловича тоже въ Тобольскѣ (1635—1639 г.г.), затѣмъ въ Казани (1641—1643 г.г.); послѣдній фактически отсутствовалъ изъ Москвы въ теченіе почти 10 лѣтъ сряду; будучи въ Тобольскѣ онъ жаловался, что его задерживаютъ дольше обычнаго срока. О прочихъ названныхъ выше лицахъ не приходится говорить, при Михаилѣ они не имѣли значенія. Со вступленіемъ на престолъ Алексѣя Михайловича, всѣ они быстро выдвинулись [1]). Уже въ 1647 году всѣ эти „господа" прочно захватили въ свои руки управленіе государствомъ. Самъ Морозовъ, человѣкъ не лишенный способности администратора, „мужъ крѣпкодушенъ и строитель дѣлъ царскихъ прилежный", сосредоточилъ подъ своимъ завѣдываніемъ Большую Казну, Стрѣлецкій и Иноземскій приказы и Новую четь; надо замѣтить, что такое объединеніе въ однихъ рукахъ названныхъ приказовъ установилось въ царствованіе царя Михаила, и лицо, стоявшее во главѣ ихъ, выступаетъ съ чертами современнаго премьеръ-министра; при немъ эту должность непрерывно занимали вліятельные родственники царя—кн. И. Б. Черкасскій и, послѣ его смерти, Ѳ. И. Шереме-

[1]) Кн. А. Трубецкой до тѣхъ поръ простой дворянинъ, былъ пожалованъ тотчасъ по вступленіи на престолъ новаго Царя, въ бояре (въ сент. 1645 г.), тогда-же пожалованы въ бояре кн. Темкинъ-Ростовскій и Далматовъ-Карповъ. О другихъ пожалованныхъ см. Разряды, т. II и Р. Ист. Б. т. X.

тевъ, который и сохранилъ ее до самой смерти царя Михаила и первые мѣсяцы царствованія его сына [1]). Ѳ. И. Шереметевъ подалъ въ отставку въ январѣ 1646 г. [2]). Вмѣстѣ съ нимъ сходилъ окончательно со сцены правительственный кругъ покойнаго царя, кругъ его ближайшихъ родственниковъ, пользовавшихся при немъ неограниченнымъ довѣріемъ. Появленіе Морозова въ качествѣ завѣдующаго этими приказами показывало, что онъ дѣлался фактически премьеромъ. „Возможно ожидать", пишетъ по этому поводу Крузебьернъ, крупныхъ перемѣнъ въ управленіи" [3]). Должности были распредѣлены между друзьями Морозова: въ Сибирскомъ приказѣ сидѣлъ кн. А. Н. Трубецкой, смѣнившій кн. Н. И. Одоевскаго, зятя Ѳ. И. Шереметева; въ Московскомъ судномъ—М. М. Салтыковъ; въ Володимірскомъ И. В. Морозовъ, занявшій мѣсто И. П. Шереметева; въ Большомъ дворцѣ кн. А. М. Львовъ; въ Пушкарскомъ приказѣ—П. Т. Траханіотовъ; въ Разбойномъ—Б. И. Пушкинъ; на Земскомъ дворѣ съ 156 г.—Л. С. Плещеевъ; Ору-

---

[1]) Изъ такъ называемыхъ „записныхъ" книгъ Московскаго стола 145 и 149 г., видно, что кн. И. Б. Черкасскій вѣдалъ Б. Казною, Стрѣлецкими и Иноземскими приказами одновременно. (Рус. Ист. Библ. X, 1,201). Изъ Разрядовъ извѣстно, что онъ сидѣлъ „на казенномъ дворѣ, у большой казны" послѣдовательно съ 137—145 гг. и съ 147—149 г. включительно (Разр. II, 15, 163, 237, 289, 394, 518, 550, 596, 641 и 665). Въ эти же годы онъ управлялъ также непрерывно Стрѣлецкимъ и Иноземскимъ приказами (Разр. II, 13, 288, 571, 571, 596. Др. Рос. Вивл. XX, 314—315, Р. И. Б. X, 154). Въ 146 г. кн. Иванъ Борисовичъ былъ посланъ въ Тулу „для приходу крымскаго царя" (Разр. II, 567), и въ его отсутствіе Б. Казна, Стрѣлецкій и Иноземскій приказы были поручены Ѳ. И. Шереметеву (Разр. II, 571, Др. Рос. В. XX, 315) до его возвращенія зимою 147 г. Послѣ смерти И. Б. Черкасскаго, послѣдовавшей 4 апр. 150 г. (Н. Лѣт., 191) Ѳедоръ Ивановичъ получилъ въ свое вѣдѣніе всѣ его три приказа которыми управлялъ въ 150, 151, 152 и 153 г.г. (Разр. II, 689, 708, 740, III, 12. Др. Рос. Вивл. XX, 281, 315). Кромѣ того, за нимъ сохранено управленіе Новой четью. Изъ приведенныхъ данныхъ можно, кажется, съ увѣренностью сказать, что объединеніе въ рукахъ одного боярина Б. Казны, Иноземскаго и Стрѣлецкаго приказовъ, отмѣченное Котошихинымъ („О Россіи" изд. Арх. Ком., 97, 107) установилось уже при царѣ Михаилѣ.

[2]) Крузебьернъ пишетъ 1 февраля, что „за нѣсколько дней передъ тѣмъ добровольно сложилъ съ себя свою высокую должность Ф. И. Шереметевъ, который при покойномъ отцѣ государя былъ почти единственнымъ лицомъ, совѣтами коего управлялась Россія во всѣхъ дѣлахъ (Ферстемъ, Сношенія Швеціи съ Россіей въ царств. Христины въ Журн. М-ва Нар. Просв. 1891 № 9). Въ Др. Рос. Вивл. XX, 282, 315) днемъ смѣны завѣдующихъ Б. Казною и военными приказами названо 18-е января.

[3]) См. статью Ферстема въ Журн. М-ва Нар. Пр. (1891 г. № 9).

жейной палатой вѣдалъ—Г. Г. Пушкинъ [1]); дипломатическія сношенія велъ вмѣстѣ съ М. Салтыковымъ и Гр. Пушкинымъ кн. А. Н. Трубецкой [2]); ему же вмѣстѣ съ Пушкинымъ былъ порученъ приказъ сыскныхъ дѣлъ и производство сысковъ по самымъ серьезнымъ съ тогдашней точки зрѣнія политическимъ дѣламъ. Шведскіе послы отмѣтили эту смѣну правительственныхъ лицъ, когда писали въ 1647 году, что „въ Царскомъ совѣтѣ засѣдаютъ молодые и неопытные люди".

Такимъ образомъ сложилась пестрая кучка людей, пестрая и по происхожденію, и по талантамъ, которая крѣпко держалась вокругъ дядьки и свояка царя, все больше люди, тѣсно связанные между собою отношеніями родства, кумовства и сосѣдства, выдвинувшіеся случайно, именно благодаря родственнымъ связямъ и дружескимъ привычкамъ. Роль, которую среди нихъ играла совсѣмъ неродовитая родня царицы, участіе нетитулованныхъ, но талантливыхъ дѣльцовъ вродѣ Хитрово или Ртищевыхъ, самый характеръ вліянія Морозова, основаннаго на личныхъ чувствахъ къ нему царя, все это придавало политикѣ Морозова окраску демократичности и направленіе, враждебное родовитой знати. „Онъ возбудилъ къ себѣ", пишетъ о немъ Коллинсъ: „зависть стараго дворянства, которое онъ постоянно унижалъ, чтобы выдвинуть своихъ креатуръ; онъ разослалъ князей старыхъ родовъ на отдаленныя воеводства: Репнина въ Бѣлгородъ, Куракина въ Казань". Говоря о его смерти, онъ прибавляетъ, что его всѣ жалѣли „за исключеніемъ стараго дворянства, которому онъ мѣшалъ во всѣхъ

---

[1]) Рус. Ист. Библ. X, 301—302 (списокъ бояръ и дьяковъ, стоявшихъ во главѣ приказовъ въ 155 м. году). И. П. Шереметевъ сидѣлъ въ Владимірскомъ Судномъ приказѣ еще въ 153 м. году (Разр. III, 12), И. В. Морозовъ былъ назначенъ на его мѣсто 11 окт. 154 г. (Разр. III, 20). Г. Г. Пушкинъ пожалованъ въ оружейничіе съ путемъ 30 янв. 155 г. (Разр. III, 56), тогда-же государь указалъ ему „вѣдати Оружейную Палату" (Рус. Ист. Библ. X. 353; здѣсь назначеніе Пушкина помѣчено 31 января). М. М. Салтыковъ сидѣлъ въ Московскомъ судномъ приказѣ еще при царѣ Михаилѣ въ 152 г. (Разр. II, 740), и въ 151 г. (ib. III, 12). Точно также Б. И. Пушкинъ былъ въ Разбойномъ приказѣ еще въ 151 г. (Разр. II, 709) и въ 152 (ib. 740), но только въ качествѣ товарища при кн. Ю. А. Сицкомъ; въ 155 м. году онъ занимаетъ самостоятельное положеніе въ Разбойномъ приказѣ (Рус. Ист. Библ. X, 302).

[2]) А. Н. Трубецкой и Г. Г. Пушкинъ въ отвѣтѣ у иностранныхъ пословъ 17 августа 155 г. (Разр. III, 64) и 7 окт. 156 г. (Ib. 74), они-же и М. М. Салтыковъ 3 сент. 156 г. (ib. 72) Эти-же лица участвуютъ въ обѣдѣ, данномъ литовскимъ посламъ 30 ноября 156 г. (ib. 76). При царѣ Михаилѣ эти лица въ отвѣтѣ не участвовали. Такъ, 19 мая 152 г. въ отвѣтѣ у датскихъ пословъ кн. Н. И. Одоевскій и кн. Ю. А. Сицкій (Ib. II, 735), 21 февр. 153 г. въ отвѣтѣ у литовскихъ пословъ кн. Н. И. Одоевскій и М. П. Шереметевъ (Ib. 751).

начинаніяхъ". На то-же намекаетъ Олеарій, говоря, что онъ принималъ мѣры къ тому, чтобы „царь оставался въ родствѣ съ среднимъ дворянствомъ, къ которому принадлежалъ онъ самъ (Морозовъ)" [1]). Нѣкоторыя данныя подтверждаютъ какъ-будто правильность показаній Коллинса. Кн. Ѳед. Сем. Куракинъ дѣйствительно первые годы царствованія былъ на воеводствѣ въ отдаленной Астрахани, куда былъ посланъ уже въ маѣ 154 г. [2]). Что касается кн. Б. А. Репнина, то и онъ одно время былъ воеводою въ Бѣлгородѣ (1650—1651 г.г.) [3]). Тѣмъ не менѣе, этихъ данныхъ недостаточно, чтобы дѣлать какіе либо опредѣленные выводы, тѣмъ болѣе, что удаляя Куракиныхъ и Репниныхъ изъ Москвы, Морозовъ только продолжалъ политику покойнаго царя. При послѣднемъ кн. И. С. Куракинъ былъ очень долгое время въ почетной ссылкѣ воеводою въ Тобольскъ, точно также и кн. Григорій Семеновичъ былъ отправленъ въ 1643 г. Тобольскъ, гдѣ и умеръ въ 1646 г. Кн. Репнинъ, съ своей стороны, былъ въ 1643—1646 г.г. воеводою въ Астрахани [4]). Взаимныя отношенія между Морозовымъ и названными княжескими семьями не представляются все-таки вполнѣ ясными. Зато очень опредѣленно вырисовывается то положеніе, въ какое онъ сталъ по отношенію къ царской роднѣ. Дядька царя, временщикъ и представитель новой родни царя со стороны царицы, онъ становился по пути, мѣшалъ старой царской роднѣ. Это были, во-первыхъ, родственники царя со стороны его матери—Стрешневы, среди которыхъ первое мѣсто занималъ дядя царя Семенъ Лукьяновичъ. Олеарій пишетъ, что Морозовъ, „родственникъ Его Царскаго Величества и въ особенности родственниковъ матери его... удалилъ на воеводства и другія видныя должности" [5]). Это справедливо по отношенію къ крайчему Семену Лукьяновичу [6]). Въ 1646 г. онъ былъ назначенъ въ Мценскъ по вѣстямъ о нашествіи татаръ, а въ слѣдующемъ году его гостила опала и онъ былъ сосланъ въ Вологду по обвиненію въ обращеніи къ знахарямъ. При дворѣ говорили, что противъ него былъ подстроенъ „составной и наученый извѣтъ", что дѣло было затѣяно,

---

[1]) Перев. Барсова, 268.

[2]) Рус. Ист. Библ. X, 331.

[3]) Барсуковъ. Списки город. воеводъ, 27.

[4]) Барсуковъ. Op. cit. 236, 238, 9. О Г. С. Куракинѣ см. въ VI ч. Вивліоѳики Новикова (Зап. къ исторіи Сибири служ.).

[5]) Переводъ Барсова, 266.

[6]) Забѣлинъ, Дом. бытъ рус. царицъ, 248—249. Его же, Исторія г. Москвы, 387 и слѣд.. Отрывки дѣла Стрешнева сохранились (Арх. М-ва Ин. Д. Прик. к. ст. л. 1647 № 66 и Арх. М-ва Юст. Бѣл., ст. столб. № 291, 465—467).

„завистью и ненавистью на отлученіе его отъ Государя". За нимъ слѣдили и въ ссылкѣ, наблюдали за его перепиской и сношеньями съ московскими знакомыми.

Если съ Стрешневской родней, людьми незнатными и всплывшими на поверхность случайно, благодаря родству съ одной изъ царицъ [1]), нетрудно было справиться, то другое дѣло было съ родней царя со стороны его отца, со стороны Романовыхъ. При покойномъ царѣ ей принадлежало верховное управленіе, и теперь она чувствовала себя устраненной и не могла примириться съ захватомъ власти Морозовымъ и его друзьями. Такое положеніе было невыносимо и для дяди царя Н. И. Романова, и для князей Черкасскихъ. Никита Ивановичъ Романовъ, не занимая никакого оффиціальнаго положенія при дворѣ, пользовался въ народѣ громадной популярностью; прочно держалось о немъ представленіе, что онъ, одинъ изъ бояръ, Государю „о всемъ радѣетъ и о землѣ болитъ". О любви къ нему народа пишутъ и Олеарій и Поммерингъ. Такое отношеніе къ Романову подтверждается косвенно тѣмъ, что въ 158 г. взбунтовавшіеся псковичи требовали отъ царя присылки въ Псковъ „своего великаго боярина Н. И. Романова", и даже пробовали войти съ нимъ въ непосредственныя сношенія „тайнымъ образомъ". Эта популярность Никиты Ивановича зиждилась несомнѣнно на его богатствѣ, на его обширныхъ владѣніяхъ, на его экономической мощи и на томъ благосостояніи, которымъ пользовались жившіе за нимъ „въ льготѣ" люди, послуживцы и закладчики, селившіеся подъ крыломъ всемогущаго боярина „для своего промысла и легкости" [2]). Не меньше было владѣтельное значеніе князей Черкасскихъ, хозяевъ „Марьиной Княжьей" слободы подъ Москвою. Общіе интересы объединяли этихъ крупныхъ и богатыхъ сановниковъ съ самыми мелкими людьми Московскаго Государства. Это характерно выразилось въ словахъ одного изъ романов-

---

[1]) Царица Евдокія Лукьяновна умерла вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича 18 августа 153 г. (Нов. Лѣт., изд. Оболенскаго 192), и съ ея смертью утрачивалась единственная опора Стрешневыхъ.

[2]) Олеарій, стр. 274, Якубовъ, Op. cit., 365, 419. Чт. О-ва Ист. и Др. Росс. 1887, III. (Роспись всякимъ вещамъ и запасамъ, что остались по смерти боярина Н. И. Романова, стр. 30, 39).

Представленіе о льготности жизни подъ крыломъ всемогущаго боярина, о безнаказанности его подчиненныхъ, повидимому отразилось въ пѣснѣ, сложившейся въ XVII в., о „тарханной грамотѣ", дарованной одному изъ Романовыхъ Иваномъ Грознымъ: „кто церкву покрадетъ, мужика-ли убьетъ, а кто у жива мужа жену уведетъ и уйдетъ въ село во боярское къ старому Никитѣ Романову, и тамъ быть ему не въ выдачѣ".

скихъ закладчиковъ Савинка Корѣпина, вызванныхъ сыскомъ закладчиковъ въ концѣ 1648 г.: „когда я былъ за бояриномъ за Микитою Ивановичемъ и мнѣ де было добро, а нынѣ де меня взяли за Государя и мнѣ не добро, а здѣлали то бояре Борисъ Ивановичъ да Илья Даниловичъ, а отъ того де промыслу ходить намъ по колѣни въ крови“ [1]). Властные и могущественные родственники царя, устраненные теперь отъ управленія, конечно, не могли, молча, уступать новой царской роднѣ и удовольствоваться второстепеннымъ положеніемъ возлѣ своего вѣнценоснаго родственника; и это отразилось на той, по меньшей мѣрѣ, двусмысленной позиціи которую они заняли во время іюньской смуты. Невольно возникаетъ мысль, что они думали использовать моментъ въ личныхъ цѣляхъ. Не случайно вели переговоры съ толпою именно Н. И. Романовъ и кн. Дм. М. Черкасскій; переговоры, которые приняли столь опасный характеръ для царскаго воспитателя. Намъ ясно, подъ вліяніемъ чьихъ совѣтовъ запуганный молодой царь согласился на выдачу Плещеева и Траханіотова и на ссылку Морозова. Знаменательно, что одновременно съ этимъ управленіе Большой Казной, Стрѣлецкимъ и Иноземскимъ приказами и Новой четью было передано кн. Я. К. Черкасскому, „а у дѣлъ сидѣль (въ это время) въ палатѣ съ боярами Н. И. Романовъ“ [2]). Когда-же несмотря на обѣщаніе, данное царемъ, Морозовъ съ недѣлю еще продолжалъ оставаться въ Москвѣ, то заинтересованныя лица стали проявлять нѣкоторую нервность: кн. Яковъ Куденетовичъ, по словамъ Поммеринга, отказался принимать челобитныя и направлялъ ихъ къ Морозову; Романовъ захворалъ и пересталъ ходить въ дворецъ [3]) Послѣ 12 іюня торжество враговъ Романовыхъ, казалось, было обезпечено. „Новые господа“, какъ ихъ называетъ Поммерингъ взяли въ свои руки управленіе государствомъ. Князь Як. Черкасскій стоялъ во главѣ приказовъ, раньше подчиненныхъ Морозову, иначе говоря былъ премьеромъ въ новомъ правительствѣ; Романовъ руководилъ занятіями въ Думѣ. Въ Пушкарскій приказъ на мѣсто Траханіотова былъ посаженъ 14 Іюня кн. М. П. Пронскій, тотъ самый, который вмѣстѣ съ Романовымъ и Черкасскимъ выѣзжалъ на Лобное мѣсто; въ Володимірскій при-

---

[1]) Арх. М-ва Ин. Д. прик. д. ст. л. 1649 № 19.

[2]) П. Собр. Рус. Лѣт. IV, 340. О назначеніи Черкасскаго см. также въ Новомъ Лѣтописцѣ (стр. 194) и въ X т. Рус. Истор. Библ. (401) гдѣ приведенъ правящій составъ приказовъ на 1 сент. 157 г. См. также у Поммеринга (Якубовъ Op. cit., 419).

[3]) Якубовъ, Op. cit., 419.

казъ 4 августа былъ назначенъ на мѣсто И. В. Морозова—Б. П. Шереметевъ, братъ котораго замѣщалъ эту должность при царѣ Михаилѣ, въ тотъ-же день въ Московскомъ судномъ приказѣ М. Салтыкова замѣнилъ кн. И. А. Хилковъ, отецъ котораго завѣдывалъ этимъ приказомъ въ 1643 году. Пострадали Пушкины: 14 іюня Борисъ Ивановичъ долженъ былъ уступить свое мѣсто въ Разбойномъ приказѣ болѣе угодному, очевидно, побѣдившей группѣ лицъ кн. М. М. Темкину-Ростовскому. Стали поговаривать о ссылкѣ Г. Г. Пушкина. Переворотъ не отразился, впрочемъ на лицахъ, связанныхъ тѣсными отношеніями съ старымъ правительственнымъ кругомъ покойнаго царя, напримѣръ, на кн. Львовѣ и другихъ. Этимъ отношеніемъ обязанъ, можетъ быть, и Гр. Пушкинъ тѣмъ, что удержался у власти; остались на мѣстѣ и тѣ личности, которыя, вродѣ И. П. Матюшкина, умѣли уживаться при всякихъ соотношеніяхъ силъ и, несмотря ни на какія бури, оставались всегда на поверхности государственной пучины[1]).

Ссылка Морозова не прекратила однако интригъ. Уже 19 сент. Поммерингъ пишетъ, что „Морозовъ и его сторонники, какъ и ихъ противники, хлопочутъ и вооружаются другъ противъ друга всевозможными средствами[2]). По мѣрѣ того, какъ выясняется возможность появленія Морозова опять при дворѣ, партія Романовыхъ принимаетъ энергичныя мѣры, чтобы этому воспрепятствовать. Князь Яковъ ведетъ дѣятельную интригу, то притворяется больнымъ, то черезъ подставныхъ лицъ требуетъ удаленья Милославскихъ и другихъ сторонниковъ Морозова. Онъ заводитъ опасную игру съ стрѣльцами: 24 сент. у Троицы онъ у себя на дому угощалъ стрѣлецкіе приказы водкой[3]).

Возвращеніе Морозова было сильнымъ ударомъ для этой партіи: „Романовъ боленъ, князь Яковъ опять угощаетъ стрѣльцовъ“, коротко доноситъ Поммерингъ въ депешѣ отъ 31 октября. Но и Морозовъ, возвратившись 22 октября въ Москву, спѣшилъ устранить своихъ враговъ. 31 октября по словамъ Поммеринга произошла рѣзкая ссора между нимъ и его преемникомъ кн. Черкасскимъ, въ результатѣ которой послѣдній былъ отданъ подъ стражу[4]). Дѣйствительно, изъ Новаго Лѣтописца мы знаемъ, что 31 октября князю Я. К. Черкасскому „по Государеву указу... стрѣлецкаго приказу вѣдать не велѣно и съ двора въ городъ съѣзжать невелѣно-же“. И арестъ, и устраненіе отъ завѣдыванія приказами,

[1]) О назначеніяхъ см. Вивл. Новикова XX, 293, 339, 381, 386, а также Рус. Ист. Библ. X, 401—402. О Гр. Пушкинѣ у Поммеринга (Якубовъ, 120, 127).

[2]) Якубовъ, Op. cit., 426, 427.

[3]) Якубовъ, Op. cit. 430.

[4]) Якубовъ, Op. cit. 432.

повидимому, произошли внезапно: „пріѣзжалъ къ нему съ сказкою на дворъ, въ 4 часу ночи думный дьякъ Иванъ Гавреневъ“ [1]). Это извѣстіе очень любопытно, такъ какъ подтверждаетъ точность свѣдѣній Поммеринга и тѣмъ самымъ позволяетъ съ довѣріемъ относиться ко всѣмъ его сообщеніямъ о роли кн. Черкасскаго въ дворцовой борьбѣ. 1 ноября на мѣсто кн. Черкасскаго былъ назначенъ И. Д. Милославскій [2]), такъ какъ самому Борису Ивановичу было уже небезопасно занимать видную должность; отъ этого впрочемъ дѣло не мѣнялось; всѣмъ было ясно, что „бояринъ-де Б. И. Морозовъ дѣлаетъ умысломъ, бутто онъ нынѣ ничѣмъ не владѣетъ, и далъ де владѣть во всемъ боярину И. Д. Милославскому“ [3]). Этимъ дѣло не ограничилось: 2 декабря внезапно отправлены на воеводство въ Тобольскъ Б. П. Шереметевъ и Лодыгинъ, завѣдывавшіе Володимірскимъ приказомъ, и одновременно въ Томскъ—М. П. Волынскій, занявшій было мѣсто несчастнаго Плещеева на земскомъ дворѣ [4]). Если вѣрить Поммерингу, самому кн. Якову было предложено ѣхать въ Астрахань, онъ отказался, но пересталъ ѣздить во дворецъ и ходить наверхъ къ Государю. Эти свѣдѣнія сообщаетъ Поммерингъ 4 ноября, а въ депешѣ отъ 30 дек. онъ повторяетъ, что Черкасскій все еще „не ходитъ въ Думу“ [5]). Безъ борьбы примириться съ тѣмъ, что совершалось, конечно, партія Романовыхъ не могла. 7 декабря Поммерингъ пишетъ, что „Романовъ со своими очень недоволенъ“ [5]). Повидимому они продолжали интриговать. Въ январѣ 1649 г. Поммерингъ сообщаетъ о броженіи въ Москвѣ, и о сыскѣ, сопровождавшемся жестокими пытками обвиняемыхъ; изъ его словъ ясно, что все время носятся въ воздухѣ имена Романова и князя Я. К. Черкасскаго, но что вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ объ нихъ старались оставить въ тѣни. „Когда 6 января“, пишетъ онъ, между прочимъ „Морозовъ велъ великаго князя на Московскую Іордань, то всѣ стрѣльцы, какъ слышно говорили, что они тогда хотѣли убить Морозова, поэтому онъ очень разстроенъ, однако-же не хотѣлъ возводить никакихъ обвиненій на князя Якова. Въ эти дни много народу подверглось жестокимъ пыткамъ, умирали у Моро-

[1]) Новый Лѣтописецъ (изд. Оболенскаго), стр. 195.

[2]) Эту дату даетъ Поммерингъ. Она совершенно правдоподобна, принимая во вниманіе, что устраненіе отъ должности кн. Я. К. Черкасскаго имѣло мѣсто ночью, 31 октября, а отъ первыхъ чиселъ ноября уже имѣются указанія на присутствіе И. Д. Милославскаго въ Стрѣлецкомъ приказѣ, напримѣръ, отъ 7 ноября (Арх. М-ва Ю. Бѣлгор. ст. ст. № 283, стр. 291—293).

[3]) Слова Сав. Корѣпина.

[4]) Рус. Ист. Библ. X, 424.

[5]) Якубовъ, Op. cit., 430, 432, 431.

зова, Илья Даниловича, Пушкина; кромѣ нихъ присутствовали только до 14 и 17 большихъ бояръ; они желали разслѣдовать, какая была причина смятенія, но на Романова и кн. Якова не хотѣли возводить обвиненій" [1]). Отрывки январскихъ сысковъ сохранились до насъ и даютъ намъ возможность провѣрить правдивость сообщеній Поммеринга. Въ одномъ случаѣ дѣло идетъ о разговорахъ, шедшихъ между стрѣльцами, и вызвано было доносомъ нѣсколькихъ стрѣльцовъ на своего товарища Андрюшку Ларіонова. 4 января 1649 г., разсказывалъ Андрюшка Ларіоновъ: „былъ-де онъ, Андрюшка, у боярина у князя Якова Куденетовича Черкасскаго на дворѣ и слышалъ отъ кн. Якова Куденетовича и отъ племянника ево, отъ князь Петра, какъ къ нему приходили четыре человѣка стрѣльцовъ, а сказывали ему кн. Якову Куденетовичу тѣ стрѣльцы: быть-де замятнѣ въ Крещеніе, какъ Государь царь пойдетъ на воду, такоже мужиковъ побивать, а кому мужиковъ побивать, и онъ, Андрюшка, именно не сказалъ". „А присылалъ-де кн. Яковъ Куденетовичъ по него, Андрюшку, и велѣлъ къ себѣ быть на дворъ и ево-де Андрюшку допрашивалъ: что де, Андрюшка, у васъ думаютъ". Государь указалъ тѣхъ стрѣльцовъ распрашивать „накрѣпко всѣмъ бояромъ". Человѣкъ князя Черкасскаго, Матюшка Новокрещенъ, сперва отпирался, но при вторичномъ допросѣ сознался, что онъ дѣйствительно вызывалъ Андр. Ларіонова на дворъ къ Черкасскимъ „для письма, и Андрюшка у кн. Петра былъ, только де онъ, Матюшка, того не вѣдаетъ, для чего онъ, Андрюшка, у кн. Петра былъ". Съ пытки обвиняемый повинился, что онъ „такія рѣчи говорилъ, затѣевъ собою въ пьянствѣ, а отъ боярина отъ кн. Якова Куденетовича ничево не слыхалъ". Его пытали вторично, но и при второй пыткѣ говорилъ то-же. Бояре приговорили его „казнить, языкъ вырѣзать и сослать" [2]). Почти одновременно возникло другое дѣло, въ которомъ опять повторялись имена Черкасскаго и Романова. Закладчикъ боярина Никиты Ивановича Савинка Корѣпинъ, разсказывалъ: „слышалъ де я отъ людей боярина М. И. Романова и самъ про то подлинно вѣдаю, говорилъ де бояринъ М. И. Романовъ, что хотятъ сослать боярина кн. Якова Куденетовича Черкасскаго, и онъ-де къ нему приказывалъ: подай-де мнѣ вѣсть, и я де выду на Лобное мѣсто, и за насъ міромъ станутъ"... „А боярина де кн. Я. К. Черкасскаго хотѣли сослать, и подводы подъ него были готовы, а не сослали де его, боясь насъ, для того что міръ весь качаетца, а когда его станутъ посылать, и бояринъ де М. И. Романовъ хочетъ

[1]) Якубовъ, Op. cit., 439.

[2]) Арх. М-ва Ин. Д. Прик. д. ст. л. 1649 г. № 20.

выѣхать на Лобное мѣсто и учнетъ міру говорить, и мы де за него всѣмъ міромъ станемъ, а бояръ де Б. И. Морозова да И. Д. Милославскаго побьемъ до смерти". По другой версіи онъ говорилъ: „выѣдутъ-де на Лобное мѣсто бояре М. И. Романовъ да кн. Я. К. Черкасской и къ нимъ-де припадетъ весь міръ и свиснутъ-де и велятъ грабить и побивать (бояръ Б. И. Морозова и И. Д. Милославскаго)". По одному показанію, онъ назвалъ вмѣстѣ съ Романовымъ и кн. Яковомъ еще князей Ив. Андр. Голицына и Д. М. Черкасскаго, и тотъ и другой были въ свойствѣ съ Романовымъ, и въ этомъ отношеніи очень любопытно упоминаніе ихъ именъ. Предварительное слѣдствіе вели, по порученію царя, кн. А. Н. Трубецкой да Г. Г. Пушкинъ, да думный дьякъ Мих. Волошенинъ. Къ пыткѣ Государь указалъ ѣхать всѣмъ боярамъ; Савинка былъ казненъ 29 января [1]). Такимъ образомъ, сообщеніе Поммеринга встрѣчаетъ полное документальное подтвержденіе, даже въ деталяхъ (напримучастіе Пушкина въ сыскѣ), и это даетъ намъ полное основаніе относиться съ довѣріемъ къ его извѣстіямъ о дѣйствіяхъ во дворцѣ партіи, враждебной Морозову. По его словамъ, только на Пасхѣ послѣдовало нѣкоторое подобіе примиренія, хотя неполное. Кн. Яковъ былъ у Государя, но не хотѣлъ письменно просить прощенія [2]). Борьба, такимъ образомъ, закончилась торжествомъ Морозова. Его „единомышленники" и „совѣтники" снова стояли у власти. Самъ Борисъ Ивановичъ продолжалъ быть духовнымъ руководителемъ правительства, „сохраняя силу болѣе изъ дружеской пріязни къ нему Государя", какъ говоритъ о немъ Мейербергъ, „нежели по наружному виду". И это положеніе интимнаго совѣтника царя, „всегда вліятельнаго въ его душѣ", онъ сохранилъ до смерти [3]). Справедливость требуетъ, однако отмѣтить, что не одинъ фаворъ и не однѣ интриги разрѣшили борьбу въ пользу Морозова и его пріятелей. Еще раньше, чѣмъ возвращенъ былъ Морозовъ,—и Романовъ и Черкасскій упустили изъ своихъ рукъ руководство дѣлами. Въ ихъ роли въ событіяхъ 1648 г. былъ моментъ своего рода трагизма. Они воспользовались толпою для низверженія своихъ политическихъ противниковъ, но вовсе не были призваны быть выразителями чаяній этой толпы, союзниками которой они оказались. По своимъ сословнымъ интересамъ, по экономическимъ и соціальнымъ своимъ влеченіямъ, они тѣсно были связаны съ правящимъ кругомъ, кто бы въ данную минуту въ него ни входилъ,

[1]) Арх. М-ва Ин. Д. Прик. д. ст. л. 1649 г. № 19.
[2]) Якубовъ, Op. cit., 447.
[3]) Мейербергъ, 167.

но изъ личныхъ расчетовъ они должны были опираться на „черное“ населеніе Москвы, всѣ требованія и интересы котораго были діаметрально противоположны и враждебны интересамъ правящаго класса, слѣдовательно и ихъ самихъ. Земскій Соборъ, созванный тотчасъ послѣ бунта, и явился выразителемъ интересовъ массъ, совершившихъ іюньскій переворотъ, и установилъ рядъ положеній, которыя не могли не затрагивать имущественныхъ интересовъ тѣхъ же Романова и Черкасскихъ, въ политическихъ интересахъ которыхъ совершенъ былъ переворотъ. Создалось, такимъ образомъ, непримиримое противорѣчіе между политическими и соціальными выгодами той группы лицъ, которая столкнула Морозова. Они теряли очень много отъ тѣхъ реформъ, которыхъ требовали „всякихъ чиновъ люди“, и вмѣстѣ съ тѣмъ они не умѣли или не хотѣли примириться съ необходимостью итти на уступки. Общее руководство работой Земскаго Собора, поэтому, взялъ на себя не Романовъ и не Черкасскій, а кн. Н. И. Одоевскій, дворъ котораго подвергался разграбленію во время смуты, человѣкъ очень ограниченныхъ талантовъ [1]). Романовъ не участвовалъ въ засѣданіяхъ Собора и отказался подписать Уложеніе, какъ утверждаетъ Поммерингъ [2]). Дѣйствительно, подписи его нѣтъ на подлинномъ Уложеніи, хотя повидимому, онъ былъ въ Москвѣ въ январѣ 1649 г., когда закончилась кодификаціонная работа. Нѣтъ также подписи кн. Якова. За то есть подписи Морозовыхъ, Милославскихъ, князей Трубецкого и Львова, Хитрово и всѣхъ другихъ друзей Морозова [3]). Они, очевидно, угадали настроеніе момента, пошли по теченію, и среди событій бурнаго 1648 года упрочилъ за собою Морозовъ славу защитника интересовъ среднихъ классовъ противъ крупной землевладѣльческой знати. Эта чуткость, не меньше чѣмъ близость къ царю, помогла кружку Морозова удержаться у власти, и, присматриваясь къ лицамъ, которыя въ дальнѣйшемъ пользовались вліяніемъ при дворѣ царя Алексѣя, мы встрѣчаемъ почти все тѣхъ же лицъ, которыхъ видѣли вокругъ Морозова,—это И. Д. Милославскій, дворецкій Б. М. Хитрово, кн. А. Н. Трубецкой, Ѳед. Мих. Ртищевъ.

IV.

Мятежъ 1648 г. не былъ дѣломъ подонковъ общества, „черни“, въ нашемъ смыслѣ слова. Конечно, какъ всегда во время смутъ, таковые участвовали въ грабежѣ и въ насильяхъ. Савинка Корѣ-

[1]) См. мнѣніе о немъ царя Алексѣя Михайловича. (Арсеньевъ, кн. Н. И. Одоевской, стр. 14).

[2]) Якубовъ, Op. cit. 442.

[3]) Латкинъ, Матеріалы.

пинъ говорилъ въ январѣ 1649 г., предсказывая новые безпорядки: „а побивать-де мы станемъ не все сами, есть-де у насъ много ярыжекъ, которые у насъ живутъ, отъ тѣхъ-де починъ будетъ“. Участвовала въ смутѣ и случайная и пестрая толпа челобитчиковъ, которыхъ всегда бывало много на Москвѣ, которые отовсюду собирались со своими мелкими ходатайствами, проживая здѣсь подолгу, за „московскою волокитою“, расходуясь на жизнь въ столицѣ и на посулы дьякамъ, толпа буйная и нестройная, раздраженная ожиданьемъ и вымогательствами. Они и приняли дѣятельное участіе и въ смутѣ, и въ грабежѣ: „почалъ быть отъ челобитчиковъ шумъ“ [1]), такъ описываетъ начало бунта одинъ очевидецъ. Они и разнесли потомъ по всему пространству московскаго государства вмѣстѣ съ обрывками награбленной парчи извѣстіе о томъ, „что на Москвѣ шатость великая“. Но не эти случайные элементы сыграли рѣшающую роль въ іюньскихъ событіяхъ.

Г. Смирновъ, повидимому, такое рѣшающее значеніе придаетъ наличности въ Москвѣ „дворянъ и дѣтей боярскихъ замосковныхъ городовъ первыхъ половинъ“. Это былъ „вооруженный лагерь“, который „нелегко было обуздывать средствами тогдашней московской полиціи“. „Вооруженной арміи гораздо труднѣе отказывать“, царь находился „одинъ между... любимцемъ и голоднымъ войскомъ“ и долженъ былъ уступить. Такова общая картина мятежа, какъ она представляется г. Смирнову, хотя онъ и дѣлаетъ необходимыя оговорки [2]). Проф. Платоновъ, наоборотъ, отмѣчаетъ роль посадскихъ людей: „замѣчательно“, пишетъ онъ: „что во всѣхъ волненіяхъ начала царствованія Алексѣя Михайловича преимущественно участвовали промышленные слои населенія, посадскіе люди“ [3]). Послѣдняя точка зрѣнія болѣе вѣрная.

Бунтъ 1648 года былъ главнымъ образомъ бунтомъ тяглаго населенія, „черныхъ людей“; это было, по выраженію современниковъ, „смутное время черныхъ людей“, возстаніе „черни“ т. е. тяглецовъ черныхъ московскихъ слободъ и сотенъ. Бунтовали „посадскіе всякихъ чиновъ люди всею Москвою“, „посадскіе и всякіе черные люди“, „земскіе люди“, какъ ихъ называютъ иначе, „черные люди“ у Озарьина, „die Gemeine“, „der Gemeine Man“, „Meningheten“, какъ выражаются шведы. Этимъ объясняется, что раздраженіе направилось именно противъ Плещеева, завѣдывав-

[1]) А. М-ва Ин. Д. Прик. д. ст. л. 1649 г. № 1 (стр. 42).

[2]) Смирновъ въ цитиров. статьѣ. (Журн. М-ва Нар. Просв. 1913-го № 9, стр 43, 45).

[3]) Платоновъ, Курсъ рус. исторіи (изд. 1904 г.), стр. 295.

шаго Земскимъ дворомъ, которому были подвѣдомственны судомъ и расправою московскія черныя сотни и слободы, и что оно распространялось также на лицъ, стоявшихъ во главѣ Большой Казны, которой подчинены были „гости и гостиная сотня и многихъ городовъ торговые люди“; понятно наконецъ, что пострадали начальные люди Сибирскаго Приказа, кн. А. Н. Трубецкой и его предшественникъ кн. Н. И. Одоевскій, если вспомнить, что торговые люди Москвы всѣ были въ долгу у Сибирскаго Приказа, и что Приказъ эти долги взыскивалъ крайне сурово, разоряя должниковъ, описывая безпощадно ихъ лавки и дворы. При такихъ условіяхъ пріобрѣтаетъ правдоподобіе извѣстіе Олеарія, что Милославскій послѣ бунта „началъ дружески обращаться съ важнѣйшими изъ гражданъ, ежедневно приглашалъ нѣсколько человѣкъ изъ цеховъ (сотенъ) по очереди къ своему двору“ [1]). Есть одинъ документъ, который позволяетъ точнѣе опредѣлить составъ той „черни“, которая дѣйствовала во время бунта. Это челобитная московскихъ гостей, поданная 4 января 1649 г. Изъ нея видно, что „въ 156 году въ самое смутное время“ добились ряда льготъ „московскихъ черныхъ сотенъ сотскіе и изъ слободъ изъ Кадашева и изъ иныхъ слободъ старосты“, въ ущербъ интересамъ привиллегированнаго слоя гостей [2]). Слѣдовательно, мы мы имѣемъ дѣло съ средними и низшими слоями посадскаго населенія Москвы. Чтобъ понять выступленіе въ 1648 г. московскихъ черныхъ людей, надо помнить, что торговый классъ въ XVII вѣкѣ переживалъ тяжелую эволюцію. На немъ особенно тяжело отражались результаты фискальной дѣятельности правительства. Между тѣмъ, условія разрастающагося рынка выдвигали впередъ эту соціальную группу и открывали ей новые пути. Мы въ сущности присутствуемъ въ серединѣ XVII в. при зарожденіи торговаго класса въ московскомъ государствѣ, своеобразно предпріимчиваго, экономически пестраго въ своемъ составѣ, лишеннаго знаній, капиталовъ и кредита. Само правительство не скрывало, что видитъ въ немъ главный источникъ государственныхъ доходовъ. Постепенно внутри его слагаются извѣстныя представленія и о своихъ профессіональныхъ интересахъ, и о томъ мѣстѣ, которое онъ занимаетъ въ государствѣ. Въ его средѣ устанавливается совершенно опредѣленный взглядъ на условія, необходимыя для процвѣтанія русской торговли. Это, во-первыхъ, освобожденіе торговыхъ людей изъ подъ гнета администраціи, а во-вторыхъ, монополизація въ ихъ рукахъ

[1]) Перев. Барсова, 277.
[2]) Доп. къ А. И. III § 47.

всей торговли. Въ сороковыхъ годахъ XVII ст. это настроеніе выливается въ рядѣ очень послѣдовательныхъ требованій.

Главнымъ домогательствомъ торговыхъ людей было изъятіе ихъ изъ вѣдѣнія воеводъ и приказныхъ людей. На Соборѣ 1642 г. гости и торговые люди гостиной и суконной сотни прямо заявили: „а въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудѣли отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а въ городѣхъ всякіе людишки, которые ѣздятъ по городамъ для своего торговаго промыслишка, отъ ихъ-же воеводскаго задержанія и насильства въ проѣздехъ торговъ отбыли; а при прежнихъ государехъ въ городѣхъ вѣдали губные старосты, а посадскіе люди судились промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было“ [1]). Въ 1646 г. рядъ крупныхъ торговыхъ и промышленныхъ людей, ѣздившихъ для промысловъ въ Сибирь, во главѣ съ Исакомъ Ревякинымъ, Кирилломъ Босымъ и Василіемъ Ѳедотовымъ били челомъ Государю, чтобъ „велѣть ихъ, торговыхъ и промышленныхъ людей, и ихъ приказчиковъ мимо Енисѣйскаго острога къ Руси отпускать таможеннымъ и заставочнымъ головамъ, чтобъ имъ отъ воеводскаго задержанья и грабежу и насильства въ конецъ не погибнуть“. Подъ вліяніемъ этихъ челобитій правительство было вынуждено въ 154 г. установить изъятіе торговыхъ людей изъ подъ юрисдикціи воеводъ въ вопросахъ, касающихся проѣзда, и подчиненіе ихъ вѣдѣнію таможенныхъ и заставочныхъ головъ съ выборными цѣловальниками [2]). Мѣра эта повидимому была распространена не на одну Сибирь; въ томъ-же 154 году на Двинѣ воеводѣ и дьяку было велѣно „ямскихъ и всякихъ отпусковъ не вѣдати и ни во что не вступатися“ [3]), и дѣло было поручено таможеннымъ и кабацкимъ головамъ. Такимъ образомъ, въ 154 г. торговые люди добились до нѣкоторой степени сословнаго самоуправленія въ смыслѣ исключительнаго подчиненія въ торговыхъ дѣлахъ суду лицъ изъ ихъ собственнаго чина, и при томъ выборныхъ. Одновременно съ этимъ мы замѣчаемъ въ торговомъ классѣ стремленіе добиться исключительнаго права торговли. Именно въ такомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать поданную въ 154 году челобитную съ ходатайствомъ о запрещеніи иностранцамъ вести торговлю внутри государства, ходатайствомъ, которое было повторено въ 157 году при болѣе благопріятныхъ условіяхъ [4]). Уже къ концу царствованія Михаила Ѳеодоровича это стремленіе вполнѣ

[1]) Собр. Гос. Гр. и Дог. II § 113.

[2]) Доп. къ А. И. III § 9. Порядокъ этотъ былъ отмѣненъ въ 160-мъ году (Смб. Прик. ст. № 408).

[3]) Доп. къ А. И. III § 55.

[4]) А. А. Э. IV § 13. Сборникъ кн. Хилкова § 82.

опредѣлилось въ крупныхъ торговыхъ центрахъ. Торговые люди требуютъ привлеченія въ посадское тягло всѣхъ бѣлыхъ людей, которые „прежъ сего въ тяглѣ не бывали, а промышляютъ ихъ черныхъ людей лавочными и проѣзжими товары торгуютъ". Это требованіе распространяется на всѣхъ торговыхъ и ремесленныхъ людей, не входящихъ въ посадъ, и въ немъ нашло себѣ выраженіе, по мѣткому опредѣленію г-жи Шаховской [1]), „желаніе сословной монополіи". Борьба съ торговой конкурренціей лицъ, не входящихъ въ посадскую общину и нашла себѣ выраженіе въ событіяхъ 1648 г. Бунтъ былъ въ значительной степени однимъ изъ моментовъ борьбы посада съ засильемъ частновладѣльческихъ слободъ, не раздѣлявшихъ съ нимъ его тягла и разорявшихъ черную общину привиллегированнымъ положеніемъ своихъ торговъ и промысловъ. По увѣренію самихъ торговыхъ и посадскихъ людей, въ этомъ заключается главная причина бунта: „и на Москвѣ-де и въ городѣхъ отъ нихъ, заступныхъ людей, въ торгѣхъ и промыслѣхъ и въ ихъ многихъ обидахъ чинится смятеніе, межеусобіе и ссоры большія". Пока не нарушались монопольныя права посадскаго населенія, „и мятежу такова и межеусобія не бывало-жъ". Только приписной этихъ „избылыхъ" людей въ посадъ и прекращеніемъ торговъ внѣ посада будетъ достигнуто, „чтобы во всемъ народѣ мятежъ и ссоры и межеусобія отъ тое розни ни въ чемъ не было". Это была двойная борьба за лицъ, ускользавшихъ отъ тягла, и за монополію, и она выразилась въ требованіи, удовлетворенномъ осенью 1648 года, о томъ, чтобы торговыя слободы были отписаны на Государя „безъ лѣтъ и безъ сыску", чтобъ всѣмъ „быть его Государевымъ, а ничьимъ инымъ, кромѣ его Государевыхъ людей не быть, чтобъ отъ той розни въ его Государствѣ никакой ссоры и розни между людьми не было" [2]).

На ряду со стремленіемъ убить привиллегированную торговлю и сосредоточить торги въ тяглой посадской общинѣ, мы наблюдаемъ внутри самаго посада дѣятельную работу по распредѣленію повинностей и тягла, и въ связи съ этимъ усиленную дифференціацію отдѣльныхъ группъ, входившихъ въ сословіе, а стремленіе къ дифференціаціи съ своей стороны вызывало борьбу между этими группами изъ-за податныхъ единицъ, изъ-за людей. Въ 150-хъ годахъ можно наблюдать усиленную дѣятельность въ этомъ направленіи высшихъ слоевъ московскаго купечества—гостей и

[1]) Шаховская, Сыскъ посадскихъ тяглецовъ и закладчиковъ. Журн. М-ва Нар. Просв. 1914 г.

[2]) А. А. Э. IV § 32.

торговыхъ людей гостиной и суконной сотенъ. Въ 151 и 152 гг. они били челомъ о прибавочныхъ людяхъ въ гостиную сотню и добились того, что велѣно было „дать изъ Кадашева лучшихъ людей и изъ иныхъ слободъ"; въ 155 году они возобновили ходатайство, и Государь снова ихъ пожаловалъ „велѣлъ дать въ гостиную сотню изъ московскихъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ и изъ городовъ лучшихъ людей". Это перебираніе людей изъ черныхъ общинъ въ привиллегированныя очень сильно отражалось на платежеспособности первыхъ; достаточно сказать, что въ теченіе какихъ-нибудь трехъ лѣтъ, предшествовавшихъ мятежному 156 году, было переписано изъ разныхъ черныхъ слободъ и сотенъ въ гостиную и суконную сотни 245 наиболѣе зажиточныхъ семей. Это не могло не вызвать протестовъ, которые нашли себѣ выраженіе во время смуты, когда старосты черныхъ слободъ и сотенъ били Государю челомъ о возвращеніи отписанныхъ отъ нихъ тяглецовъ, и началось повальное бѣгство изъ гостиной и суконной сотни. „А въ Кадашевѣ, Государь", жаловались гости, „многіе полные люди и промыслы промышляютъ большими и твои Государевы службы таможенные и кабацкіе имъ за обычай... и, тебѣ, праведному Государю, не хотя служить, отъ гостиные сотни въ смутное время отбились", и многіе, которые уже „живали" у гостей, „отошли изъ гостиной сотни" въ смутное время [1]).

Такая-же борьба шла между Москвой и городами, откуда брались „для московскихъ и отъѣзжихъ службъ въ гостинную и суконную сотню торговые посадскіе люди". Отвлекались лучшія силы изъ городовъ, и въ финансовомъ отношеніи совершенно обезсиливались мѣстные торговые центры. Поэтому уже въ іюлѣ 1648 г. разныхъ городовъ посадскіе люди били челомъ, тѣхъ людей изъ городовъ въ гостиную сотню имать не велѣть и „быти имъ службами и тягломъ въ городѣхъ въ посадѣхъ... а... таможенныя и кабацкія всякія службы служить, гдѣ кто въ которомъ городѣ живетъ" [2]).

Такимъ образомъ посадское населеніе, особенно города Москвы, переживало на переломѣ XVII в. очень большую внутреннюю работу; посадское сословіе конструировалось. Какъ всякая организаціонная работа, это явленіе вызывало извѣстныя болѣзненныя ощущенія, и созиданіе сословнаго цѣлаго проходило не безъ внутренняго броженія. Внутренніе недуги посадской общины, вы-

[1]) Д. къ А. И. III § 47.
[2]) А. А. Э. IV § 28.

званные процессомъ роста, и были, повидимому, одной изъ коренныхъ причинъ московскихъ безпорядковъ.

„Черные люди“ не одни дѣйствовали въ іюнѣ 1648 г. Лѣтопись о мятежахъ совершенно точно говоритъ, что когда „восташа чернь на бояръ“, то „къ нимъ же приставша и служилые люди“ [1]).

Среди служилыхъ людей былъ одинъ разрядъ, который по всѣмъ условіямъ быта и своимъ семейнымъ и дѣловымъ связямъ былъ особенно близокъ посадскому міру, это были стрѣльцы. Они вербовались изъ тѣхъ-же посадскихъ тяглыхъ людей и, подобно имъ, жили мелкой торговлей и промыслами, — „они всякими торговыми промыслы промышляютъ и въ лавкахъ сидятъ“; часто въ стрѣльцѣ можно узнать обнищавшаго посадскаго человѣка, который „отъ бѣдности сталъ въ стрѣльцы“ [2]).

Стрѣльцы, такимъ образомъ, по всему складу экономической жизни, а главное по семейнымъ и сословнымъ отношеніямъ тѣсно примыкали къ посадскому населенію [3]).

Стрѣльцы и приняли большое участіе въ бунтѣ, поднятомъ чернымъ людомъ и въ первый моментъ смуты сыграли очень видную роль. На эту роль указываетъ шведскій резидентъ. Въ рѣшительную минуту они, по его словамъ, заявили, что „сражаться за бояръ противъ простого народа не хотятъ, но готовы вмѣстѣ съ нимъ избавить себя отъ насилій и неправды боярскихъ“ [4]). Они, по его словамъ, участвовали въ разгромѣ дома Морозова и убійствѣ Назарія Чистаго. То-же самое пишетъ неизвѣстный авторъ шведскаго донесенія; и у него 2 іюня дѣйствуетъ „толпа вмѣстѣ съ стрѣльцами“, и когда Морозовъ созвалъ стрѣльцовъ, чтобъ выгнать народъ изъ Кремля, то они заявили царю, что изъ-за Плещеева „не хотятъ стать во враждебное отношеніе къ простому народу и обѣщали толпѣ свою поддержку“. Начало погрома авторъ приписываетъ столкновенію, происшедшему между слугами Морозова и стрѣльцами стоявшими на караулѣ [5]). Онъ тоже говоритъ, что они участвовали въ разгромѣ дома Морозова. Наконецъ, въ Лейденской брошюрѣ повторяется, что „стрѣльцы . . . приняли сторону народа, и затѣмъ . . . народъ и стрѣльцы ворвались въ домъ Бориса Морозова“.

---

[1]) Лѣт. о мят., 357.

[2]) Акты Павлова-Сильванскаго, 23, 24 и рас. А. А. Э. IV, § 36.

[3]) Вопросъ о переходѣ посадскихъ людей на стрѣлецкую службу подвергался законодательной нормировкѣ. (См. объ этомъ ст. г-жи Шаховской „Сыскъ посадскихъ тяглецовъ и закладчиковъ“ въ журн. М—ва Нар. Пр. 1914 г.).

[4]) Якубовъ, Op. cit., 418.

[5]) То-же говоритъ Поммерингъ (Якубовъ, Op. cit. 419).

Нѣкоторыя русскія извѣстія вполнѣ подтверждаютъ большое участіе въ смутѣ стрѣльцовъ. Въ Нарымъ проѣзжіе торговые люди и сургутскіе служилые люди привезли въ ноябрѣ 157 г. вѣсть, „что-де на Москвѣ . . . стрѣльцы и черные люди многихъ бояръ и окольничихъ и думного дьяка и дворянъ и гостей побили и домы ихъ разграбили". Слухи эти шли, повидимому, изъ Сургута, гдѣ тоже въ Съѣзжей избѣ былъ разговоръ „про воровство московскихъ черныхъ людей и стрѣльцовъ" [1]). Изъ Нарыма принесены были вѣсти въ Томскъ, гдѣ стали разсказывать „московскія вѣсти, что на Москвѣ учинили чернь и стрѣльцы надъ бояры и надъ многими людьми и какъ домы ихъ грабили и побивали" [2]). Послѣ того, какъ первая вспышка мятежа улеглась, на стрѣльцовъ продолжаютъ смотрѣть подозрительно. 4 октября Поммерингъ сообщаетъ, что царь „обѣщалъ стрѣльцамъ улучшенія, но чью сторону они будутъ держать, еще неизвѣстно, въ виду того, что они осмѣливаются такъ дерзко выступать противъ Его Царскаго Величества". 30 декабря онъ снова передаетъ тревожные слухи: „много дурного слышно отъ стрѣльцовъ" [3]). Въ январѣ, какъ мы видѣли, идутъ толки, что стрѣльцы замышляютъ убить Морозова во время шествія на Іордань. Недаромъ Савинка Корѣпинъ утверждалъ въ январѣ, что „стрѣльцы-де съ нами-жъ". Когда, по его словамъ, бояре М. И. Романовъ, кн. Я. К. Черкасскій и другіе выѣдутъ на Лобное мѣсто, то „пристанутъ къ нимъ стрѣльцы и всякіе люди".

Ролью, которую сыграло стрѣлецкое войско въ іюньскомъ мятежѣ, объясняется отношеніе къ нему правительства и другихъ заинтересованныхъ лицъ. За стрѣльцами ухаживаютъ. Царь, по словамъ Олеарія, черезъ нѣсколько дней послѣ бунта угощаетъ ихъ виномъ и медомъ [4]); Поммерингъ пишетъ, что имъ обѣщаны улучшенія; въ декабрѣ онъ сообщаетъ, что имъ увеличено вознагражденіе будто-бы въ пять разъ [5]). Объ этомъ же мы читаемъ въ Толстовскомъ сборникѣ: „А стрѣльцовъ и всякихъ служивыхъ людей царь пожаловалъ, велѣлъ имъ свое Государево жалованье давать вдвое" [6]). Среди нихъ ведется агитація въ пользу возвращенія Морозова, и имъ раздаетъ царь и патріархъ

---

[1]) Сиб. Прик. ст. № 365.
[2]) Зерцаловъ. Къ исторіи мятежа 1648 г., стр. 33.
[3]) Якубовъ, Op. cit., 427—428, 433.
[4]) Перев. Барсова, 277.
[5]) Якубовъ, Op. cit., 433.
[6]) Платоновъ. Статьи, стр. 91.

съ этой цѣлью подарки [1]). Съ ними, какъ мы видѣли, заигрываетъ и кн. Яковъ Куденетовичъ, угощаетъ ихъ въ тяжелыя минуты, зазываетъ къ себѣ на дворъ отдѣльныхъ стрѣльцовъ, спрашиваетъ: „что де у васъ думаютъ?“ Среди нихъ распространяетъ онъ слухи о возможной „замятнѣ на Крещенье“. Съ другой стороны, правительство торопится обезопасить себя отъ стрѣлецкой опасности и совершенно иными мѣрами. Уже отъ 19 сентября и отъ 4 октября Поммерингъ сообщаетъ о ссылкѣ стрѣльцовъ за участіе въ мятежѣ; позднѣе, 18 апрѣля, онъ сообщаетъ, что нѣсколько сотъ стрѣльцовъ сосланы въ Сибирь „по незначительнымъ причинамъ или безъ всякихъ причинъ“ [2]). Повидимому, на это намекаютъ псковскіе челобитчики изъ стрѣльцовъ и другихъ служилыхъ людей въ февралѣ 158 г., утверждавшіе, что воеводы ихъ застращиваютъ: „будетъ де начнете о томъ о недостаточномъ жалованьѣ на Москвѣ тебѣ, Государю, бить челомъ, и вамъ де есть на Москвѣ образецъ: Сибирь, такъ-же какъ ваша братья служилые люди съ Москвы посланы въ Сибирскіе города и межъ горъ въ пропастѣхъ поустроены“. „И о томъ, Государь“, писали псковскіе служилые люди, „мы, холопы твои, не смѣли бити челомъ, бояся, Государь, такихъ же ссылокъ, какъ, Государь, природные твои государевы люди москвичи и служилые разныхъ чиновъ люди съ Москвы въ ссылки поразосланы, и многіе христіанскіе души помучены и палицами побиты, а иные въ воду потоплены“ [2]). Самую причину бунта иностранцы видятъ въ значительной мѣрѣ въ неудовольствіи стрѣльцовъ сокращеніемъ жалованья, которое было, по словамъ Лейденской брошюры, „убавлено въ такой степени, что они не имѣли возможности содержать себя этимъ“. Повидимому, это справедливо. Въ связи съ указанной выше политикой экономіи въ 155 г. былъ произведенъ полный пересмотръ окладовъ денежнаго и хлѣбнаго жалованія низшихъ служилыхъ людей, въ томъ числѣ стрѣльцовъ, въ смыслѣ уравненія ихъ и сокращенія. Такъ, въ Новгородѣ и Псковѣ, начиная съ 156 г., „головамъ и сотникамъ стрѣлецкимъ... жалованья давать не велѣно, велѣно у дѣла быть безъ жалованья... да у пятидесятниковъ и десятниковъ изъ жалованья убавлено и учинены оклады, какъ и въ иныхъ городѣхъ“.

Въ чемъ выразилось это сокращеніе, видно изъ примѣра псковскихъ стрѣльцовъ: было „убавлено жалованья“ у пятидесятниковъ, получавшихъ 4 рубля, по полтинѣ, а у десятниковъ, получавшихъ 3 р. 50 к.—по полу-полтинѣ у человѣка, „невѣдомо за что, и они-де отъ того въ конецъ погибли, а жены ихъ и дѣти

[1]) Якубовъ, Op. cit., 429, 430.

[2]) Якубовъ, Op. cit., 426, 427, 358, 359, 360.

скитаютца межъ дворъ, помираютъ съ голоду, а въ пятидесятники выбираютъ ихъ неволею, а не своею охотою они ставятца“ [1]). Столь значительное сокращеніе жалованія не могло не быть ощущительно, тѣмъ болѣе, что содержаніе вообще было скудное. Въ 158 г. псковскіе служилые люди, и на первомъ мѣстѣ стрѣльцы, сравнивая свое положеніе съ положеніемъ наемныхъ нѣмцевъ на русской службѣ, влагали своему начальству слѣдующія выраженія въ отвѣтъ на ихъ челобитья: „идетъ-де твое Государево большое жалованье на Москвѣ нѣмцамъ, а вы-де, природные, служите Государю съ травы и съ воды и съ кнута“ [2]). Недовольство среди стрѣльцовъ недостаточностью жалованія и было одной изъ причинъ бунта, по правдоподобному мнѣнію одного изъ иностранныхъ наблюдателей [3]). Въ заключеніе слѣдуетъ вспомнить, что бунтъ былъ направленъ противъ Б. И. Морозова, который вѣдалъ Стрѣлецкій приказъ, и противъ П. Т. Траханіотова, вѣдавшаго приказъ Пушкарскій, иначе говоря противъ лицъ, являвшихся непосредственными начальниками надъ всею массой стрѣльцовъ и примыкавшаго къ нимъ низшаго служилаго люда.

Такимъ образомъ, бунтъ 1648 г. принимаетъ специфическія черты стрѣлецкаго бунта и является предвозвѣстникомъ бунтовъ конца XVII вѣка. Любопытно отмѣтить, что въ городахъ, по крайней мѣрѣ на Украйнѣ и въ Сибири, безпорядки получили характеръ тоже солдатскихъ бунтовъ съ участіемъ, главнымъ образомъ, казаковъ, стрѣльцовъ и другихъ низшихъ служилыхъ людей.

Мы видѣли выше, что одинъ изъ изслѣдователей интересующаго насъ момента придаетъ большое значеніе участію въ немъ служилаго дворянства Роли дѣтей боярскихъ и городовыхъ дворянъ въ смутѣ не приходится отрицать. У насъ есть опредѣленныя указанія даже на отдѣльныхъ лицъ: впослѣдствіи утверждали, что на боярина Б. И. Морозова „заводъ заводили и про смертное убойство говорили“ арзамасцы Дм. Нетесевъ, да Иванъ Исуповъ, да Панкратъ Нечаевъ [4]). Одно изъ этихъ именъ для насъ любопытно; это имя Исупова. Исуповы, повидимому, принадлежали къ вліятельной дворянской фамиліи въ Арзамасѣ: одинъ изъ Исуповыхъ былъ представителемъ арзамасскаго дворянства на Соборѣ 1642 года, что опредѣляетъ ихъ соціальное положеніе. Въ ихъ лицѣ мы имѣемъ крупныхъ провинціальныхъ дворянъ, являвшихся въ столицу съ извѣстными привычками къ первенству въ своемъ

[1]) Доп. къ А. И. III § 37.
[2]) Якубовъ, Op. cit., 360.
[3]) Олеарій (перев. Барсова), стр. 268—269.
[4]) Забѣлинъ, Дом. быт. рус. царей, 362.

мѣстномъ кругу, съ неумѣніемъ сдерживать влеченія и страсти и съ чувствомъ раздраженія къ своей столичной братьѣ, не достаточно считавшейся съ ихъ положеніемъ въ городовомъ обществѣ. Психологію этой провинціальной знати хорошо характеризуютъ слова арзамасца Бахметева, сказанныя имъ Ивану и Данилѣ Хитрово, родственникамъ вліятельнаго при дворѣ Богдана Матвѣевича: „знаютъ-де меня въ Арзамасѣ съ вами, какъ-де я приду въ Съѣзжую избу, и васъ-де тутъ и не пустятъ, а въ иное-де время и вонъ изъ избы вышлютъ“ [1]). Блестящими представителями такихъ вліятельныхъ городовыхъ дворянъ въ началѣ столѣтія были рязанцы Кикины, Ляпуновы, Сумбуловы, руководители всѣхъ мятежей и народныхъ движеній въ Москвѣ. Впрочемъ, повидимому, въ данномъ случаѣ не дѣти боярскія начали мятежъ, а скорѣе они примкнули къ начавшемуся помимо ихъ движенію.

Выступленіе недовольныхъ дворянъ замѣчается лишь въ послѣдующіе дни бунта, когда на мѣстахъ „вѣсть учинилась, что на Москвѣ смятенье“, и оттуда потянулись вереницы челобитчиковъ бить челомъ на обидчиковъ по личнымъ своимъ дѣламъ или „всѣмъ городомъ“. Какъ происходило дѣло, мы узнаемъ изъ примѣра арзамасцевъ: только 30 іюня били челомъ арзамасцы дворяне и дѣти боярскія всего города о разрѣшеніи отпустить къ Государю „со службы съ Синбирскаго о ихъ городскихъ дѣлехъ челобитчиковъ“, слѣдовательно въ Москвѣ они были только въ первыхъ числахъ іюля [2]) Въ другихъ случаяхъ, челобитчики являлись еще позднѣе. Такъ, въ Ельцѣ только 16 августа составлена была „заводная запись“ и рѣшено было бить челомъ „всѣмъ городомъ“ на воеводу и на стрѣлецкаго голову во всякихъ ихъ неправдахъ. Слѣдовательно, жалобщики не сразу съѣхались въ Москву [3]).

Это общее наблюденіе подтверждается подсчетомъ дворянскихъ челобитныхъ, произведеннымъ г. Смирновымъ. Изъ этого подсчета видно, что въ первые дни бунта служилыми людьми была подана только одна челобитная, направленная противъ Морозова (5 іюня), и только съ 7 числа начинаютъ поступать ходатайства, все еще въ ограниченномъ числѣ; главная же масса дворянскихъ челобитныхъ была подана во второй половинѣ іюня (начиная съ 20 числа) и въ іюлѣ [4]). Изъ всего этого можно сдѣлать заключеніе, что

[1]) Ibid. 360.

[2]) А. М—ва Ю. Приказн. стол. ст. № 177 (85—86).

[3]) А. М—ва Ю., Бѣлгор. стол. ст. № 275 (стр. 13, 156).

[4]) 5-го іюня . . . . . 1 челобитная
Съ 7 до 15 іюня . . 10 „
„ 16 „ 19 „ . . ни одной.
Съ 20 до 30 іюня . . 18 челобитн.
Въ іюнѣ . . . . . 42 „
Въ августѣ . . . . 16 „

Всего съ начала бунта до 19 іюня (включительно) 11 челоб.

Всего съ 20 іюня по конецъ іюня 60 челоб.

главный натискъ на правительство со стороны дворянъ имѣлъ мѣсто не въ первые дни мятежа. Это подтверждается косвенно словами Поммеринга, который, описавъ событія 6 іюня, сообщаетъ далѣе объ отказѣ Морозова выдать жалованье „дѣтямъ боярскимъ, которые въ большомъ количествѣ прибыли изъ деревень требовать своего жалованья“ [1]), послѣ чего онъ говоритъ о мѣрахъ предосторожности, принятыхъ правительствомъ 11 іюня. Такимъ образомъ, онъ какъ будто указываетъ, что пріѣздъ дворянъ „изъ деревень“ имѣлъ мѣсто между 6 и 11 іюня. Въ промежутокъ этого времени онъ впервые отмѣчаетъ активное выступленіе дворянской массы: царю сдѣлалось извѣстно, пишетъ онъ, „что боярскія дѣти совѣщаются съ мірянами“. Дѣйствительно, 10 іюня было подано челобитье отъ имени дворянъ московскихъ, жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ, иноземцевъ и московскихъ торговыхъ людей о созывѣ Земскаго Собора [2]). Въ этотъ же промежутокъ времени съ 7 по 11 число дворяне успѣли подать 9 челобитныхъ съ частными ходатайствами, послѣ чего наступилъ перерывъ въ челобитныхъ до 20 числа. Изъ сопоставленія всѣхъ приведенныхъ данныхъ можно, кажется, установить моментъ выступленія провинціальнаго дворянства. Только послѣ 6-го по слухамъ о мятежѣ съѣхались въ Москву изъ окрестностей служилые люди, и ихъ появленіе здѣсь имѣло значеніе рѣшающее—имъ обусловливаются обѣщаніе созвать Земскій Соборъ, ссылка Морозова 12 іюня и окончательное торжество партіи Романовыхъ. Затѣмъ въ 20-хъ числахъ іюня начался наплывъ служилыхъ людей изъ болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Начиная съ 10-го іюня, служилое дворянство идетъ рука объ руку съ посадскимъ населеніемъ Москвы и присоединяетъ свой голосъ ко всѣмъ его ходатайствамъ, имѣвшимъ чисто сословный интересъ дли торговаго класса (напримѣръ, объ отпискѣ пригородныхъ слободъ, о запрещеніи торговать иноземцамъ). Всюду можно видѣть на первомъ планѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ „разныхъ городовъ“. Правительство боялось ихъ и считалось съ ними. Поммерингъ пишетъ, что послѣ ссылки Морозова произведена была среди нихъ раздача земель изъ вотчинъ „казненныхъ и другихъ большихъ господъ“. Кромѣ того, имъ было выдано денежное жалованіе въ размѣрѣ 14 и 20 р. [3]). То и другое извѣстія совершенно вѣрны. Какъ видно изъ помѣтъ на нѣкоторыхъ челобитныхъ, сохранившихся въ архивѣ М-ва Юстиціи, въ іюлѣ розданъ былъ въ раздачу безпомѣстнымъ жильцамъ рядъ

[1]) Смирновъ, въ цитир. статьѣ. Якубовъ, Op. cit., 419.
[2]) См. статью Смирнова. Якубовъ, Op. cit., 420.
[3]) Якубовъ, Op. cit., 420.

помѣстій изъ вотчинъ казеннаго П. Траханіотова; нѣтъ, конечно, никакихъ основаній полагать, что раздача эта ограничилась только тѣми лицами, челобитныя которыхъ сохранились [1]). Что касается до жалованія, то въ январѣ 157 года Государь указалъ, согласно ходатайству дворянъ, поданному въ декабрѣ, разобрать дворянъ и дѣтей боярскихъ и жалованіе имъ дать по городамъ, при чемъ окладъ былъ намѣченъ въ 14 рублей для тѣхъ, которые „служатъ старо“ и въ 10 рублей для новиковъ; повидимому, это было дополнительная раздача жалованія тѣмъ, которые не получили его въ 156 году. По крайней мѣрѣ изъ 995 человѣкъ дворянъ и дѣтей боярскихъ володимирцевъ, суздальцевъ, муромцевъ, юрьевцевъ, лушанъ и гороховцевъ—376 человѣкъ получили жалованіе на Москвѣ въ 156 году; очевидно, служилые люди, съѣхавшіеся въ Москву лѣтомъ, уже получили свое жалованіе, какъ и пишетъ Поммерингъ, тотчасъ послѣ бунта [2]).

Итакъ пріѣзжіе дворяне присоединили свой голосъ къ взбунтовавшемуся населенію Москвы. Ихъ вмѣшательство усилило и придало общеземское значеніе московскимъ безпорядкамъ, и съ нимъ особенно пришлось считаться правительству, какъ съ голосомъ „всей земли“.

Мы не видимъ зато участія въ безпорядкахъ тѣхъ элементовъ, которые, казалось бы, должны были примкнуть къ анархіи, не видимъ въ нихъ участія несвободныхъ холоповъ, и въ этомъ выразилась характерная черта названной соціальной группы московскаго общества. Боярскіе холопы, боярская дворня, тѣсно связанная своими интересами съ боярскимъ дворомъ, встала въ защиту своихъ господъ и кормильцевъ, а не противъ ихъ. Иностранцы говорятъ, что безпорядки начались съ того, что „холопы или рабы бояръ“ жестоко избили челобитчиковъ, собравшихся къ Государю во время Крестнаго хода [3]). Какъ было сказано выше, возмущеніе стрѣльцовъ было вызвано столкновеніемъ съ слугами Морозова [4]). Стояновъ, желая охарактеризовать безпорядки, прямо будто-бы говорилъ: „Учинилась у всякихъ черныхъ людей съ боярскими людьми драка“ [5]). На боярскихъ холоповъ была направлена ненависть толпы. При разгромѣ дома Морозова, по словамъ иностранцевъ, были убиты трое изъ его слугъ, въ томъ числѣ его

---

[1]) Арх. М—ва Юст. Приказн. ст., ст. № 261, 342—350.

[2]) Рус. Историч. Библ. X, 428 и слѣд.

[3]) Лейденская брошюра въ „Ист. Вѣст.“, 1880, № 1.

[4]) См. Шведское донесеніе въ Чт. Общ. Ист. и Др. Рус., 1893 г., Поммерингъ, (у Якубова, 419).

[5]) Доп. къ А. И. III § 36.

„стряпчій“ [1]). Холоповъ обвиняли въ поджогахъ: „Борисъ Морозовъ и Петръ Траханіотовъ“, говорится въ Толстовскомъ сборникѣ, „наученіемъ діавольскимъ разослали людей своихъ по всей Москвѣ, велѣли всю Москву жечь“ [2]). Этотъ слухъ извѣстенъ и Поммерингу и автору Лейденской брошюры. Многихъ такихъ зажигальщиковъ толпа убила передъ дворцомъ.

Поммерингъ отмѣчаетъ, однако, что революціонное настроеніе охватило постепенно и холоповъ. Онъ пишетъ, что боярскіе холопы 27 іюня просили о своемъ освобожденіи, и 3 іюля очень рано шесть изъ нихъ были обезглавлены. Позднѣе, 4-го октября онъ сообщаетъ, что въ виду слуховъ о возможности новыхъ волненій царь вооружилъ мушкетами боярскіе дворы, „но холопы не хотятъ сражаться за бояръ, а противъ нихъ, вслѣдствіе того, что ихъ собратья 3 іюля казнены [3]). Любопытно указать, что извѣстіе о перемѣнѣ въ настроеніи холоповъ подтверждается словами Савинки Корѣпина: „мы-де васъ всѣхъ изъ избъ побьемъ изъ пищалей, а холопы-де ваши всѣ съ нами-жъ будутъ“. Эти намеки на броженіе среди холоповъ, отмѣчавшееся въ болѣе поздніе моменты смуты, не измѣняютъ самаго факта, что въ іюньскіе безпорядки холопская масса выступаетъ не противъ бояръ, а за бояръ.

Бунтъ былъ, такимъ образомъ, отнюдь не выраженіемъ чувствъ низшихъ соціальныхъ слоевъ населенія, а группъ сравнительно обезпеченныхъ; это былъ бунтъ среднихъ классовъ городского населенія, возстаніе тяглыхъ посадскихъ людей, къ которому примкнули стрѣлецкое войско и городовое дворянство.

V.

Возникаетъ вопросъ, противъ кого былъ направленъ мятежъ 1648 г. и какими идейными и соціальными предпосылками безсознательно руководствовались тѣ, кто громилъ дворы кн. Львова и Одоевскаго, убивалъ Назарья Чистаго и требовалъ ссылки Морозова.

У участниковъ мятежа была своеобразная политическая идеологія, которая во многомъ расходилась съ офиціальными политическими воззрѣніями. Эта идеологія для насъ тѣмъ любопытнѣе, что это идеологія не книжная, а чисто народная, и что лишь случайность, а именно возбужденное состояніе умовъ, вызванное смутой, позволяетъ намъ слегка заглянуть въ темныя психологическія переживанія массъ. Въ глазахъ среднихъ московскихъ обывателей

[1]) Лейденская брошюра (Ист. Вѣстн. 1881, I).
[2]) Изъ Толст. Сборн., изд. Платоновымъ въ Статьяхъ, стр. 89.
[3]) Якубовъ, Op. cit., 424, 427.

XVII в. выступленіе „чернаго народа“ отнюдь не представлялось актомъ политически беззаконнымъ; они видѣли въ немъ проявленье воли того общественнаго коллектива который они называли „міромъ“, а иногда „всей землей“. По выраженію хронографа, вошедшаго въ Толстовскій сборникъ, въ іюнѣ въ Москвѣ мятежники дѣйствуютъ „міромъ и всей землей“; „всей землѣ“, „міру“ (такъ выражается и продолженіе Псковской лѣтописи) ныдѣ нъ былъ Плещеевъ, „міромъ“ убили его; чтобъ „міръ утолился“ идетъ правительство на дальнѣйшія уступки, и наконецъ, „міромъ и всею землею положища... на Государьскую волю“. Бояре, противъ которыхъ направленъ бунтъ,—„измѣнники“; тотъ же авторъ говоритъ про „ихъ измѣнничью въ міръ великую досаду“; „за ту ихъ измѣну“ и казненъ П. Траханіотовъ [1]). Даже Азарьинъ видитъ въ его гибели справедливое возмездіе за то, что „весь міръ стоняше ко Господу Богу отъ обидъ его, и уже злобѣ его исполнися время, и мнози слезы ото всего міра изліяшася ко всевидящему оку“. Онъ передаетъ разсказъ о томъ, какъ Траханіотову незадолго до смерти, во время извѣстнаго похода царя Алексѣя къ Троицѣ, предшествовавшаго бунту, не удалось поставить свѣчку у раки преп. Сергія: „и свѣщи, глаголаша, яко не изволилъ чудотворецъ Сергій отъ него пріяти“ [2]). Слѣдовательно, это грѣшникъ и злодѣй, недостойный поставить свѣчу у раки преподобнаго. Эту точку зрѣнія на жертвъ мятежа, какъ на преступниковъ, восприняла даже приказная мысль, и казненнаго Траханіотова стали было писать не окольничимъ, безъ „вича“, хотя онъ и былъ „убитъ безъ вины и государевы кручины и опалы (на него) не было“ [3]). Самый бунтъ изображается въ формѣ челобитья. „Всенародное множество людей били челомъ Государю, будто на вѣдомаго вора на Л. Плещеева“, говорится въ хронографѣ Ундольскаго [4]); такъ-же изложено это событіе въ Толстовскомъ Сборникѣ: „били челомъ всею землею Государю на земскова судью на Левонтья Степанова сына Плещеева“; „били челомъ жестокимъ челобитьемъ на Левонтья Плещеева“, сказано въ продолженіи Новаго лѣтописца [5]). Самая расправа съ неугодными чиновниками облекалась въ фикцію казни измѣнниковъ, произведенной на законномъ основаніи. Любопытны въ этомъ отношеніи слова Стоянова,

[1]) Проф. Платоновъ, издавшій названный хронографъ, обратилъ вниманіе на своеобразное отношеніе автора къ описываемымъ событіямъ. (Статьи, стр. 92—93).

[2]) Памятн. др. рус. письм. LXX, 128.

[3]) Акты Моск. Госуд. т. II, § 398.

[4]) Изборникъ Попова, 247.

[5]) Нов. Лѣтописецъ (Изд. Оболенскаго), 193.

какъ онъ ихъ повторялъ слѣдователю: „бояре приговорили, земскимъ и всякихъ чиновъ людемъ отдали убить П. Траханіотова да Л. Плещеева“ [5]). Для современниковъ требованіе мятежниковъ представлялось законнымъ хотя и „жестокимъ“ челобитьемъ; незаконна была только форма. это было „невѣжливое челобитье“, „невѣжливымъ обычаемъ пришли ко Государеву двору“.

Любопытный разговоръ былъ подслушанъ на лѣстницѣ Юрьевскаго Собора въ Новгородѣ въ іюлѣ 1648 г., который помогаетъ намъ разобраться въ смутной психологіи широкихъ массъ населенія. Отъ обѣдни выходили стрѣлецкій голова Иванъ Бестужевъ, подъячій Ив. Ормячниковъ и довольно извѣстный въ Новгородѣ посадскій человѣкъ Мипнеоръ Микляевъ. Сходя съ лѣстницы, Бестужевъ спросилъ подъячаго, „нѣтъ-ли де съ Москвы ѣздоковъ“? На что Ив. Ормячниковъ сказалъ: „есть де съ Москвы ѣздоки, я де вѣдаю вѣсти—Назарья де Чистаго убили, а печать де Государеву, которая пропала (по другой версіи, изъ Посольскаго приказа—по смыслу задолго до бунта) нашли въ подголовьѣ у него“. Иванъ Бестужевъ противъ того сказалъ съ бранью: „измѣнникъ... Назарій, воръ! Печать де Государеву укралъ, да у нево де и сыскали достоенъ онъ былъ и не такой казни“. Къ этому онъ прибавилъ еще одно предположенье, за которое позднѣе ему едва не пришлось поплатиться: „видишь-де у нихъ дурная въ умѣ, хотятъ де царя известь“, „большое де надъ Государемъ подыскивано“. Смыслъ этой фразы поясняется изъ другихъ показаній: Бестужевъ хотѣлъ сказать „что по дѣлу его Назарья Чистаго убили, и то дѣло знатно, что подъ Государемъ подыскивано“. Такимъ образомъ, мысль его совершенно опредѣленная: убитый Назарій—измѣнникъ, у него найдена „въ подголовьѣ въ ящикѣ“ печать, „что згибла въ Посольскомъ приказѣ“ и которую онъ, очевидно, укралъ; онъ и другіе его сообщники замышляли на жизнь Государя: „ушто де у нихъ недоброе смыщлено было надъ Государемъ“. Убійство народомъ Чистаго—есть, поэтому, достойная казнь вора и измѣнника [1]).

Во всей этой народной формулировкѣ и попыткѣ осмыслить событія есть много психологически любопытнаго. Всякія коллективныя дѣйствія „міромъ“ представляются какъ-бы а ргіогі законными, но въ этомъ стремленіи закрывать глаза на внѣшнюю форму, оскорбительную для Государя былъ, можетъ быть, еще одинъ моментъ—уваженіе къ Государю. Въ движеніи не было ничего антидинастическаго. Всѣ непопулярныя мѣры по представленію „міра“

[1]) А. М-ва Ин. Д. Прик. д. ст. 1647 № 81.

исходятъ отъ бояръ и ближнихъ людей. Вина Государя заключается лишь въ отсутствіи силы характера. „Государь-де молодой", говорили въ народѣ: „глупъ, а глядитъ де все изо рта у бояръ у Б. И. Морозова, да у И. Д. Милославскаго, они де всѣмъ владѣютъ, и самъ-де онъ, Государь, это видитъ, да молчитъ, чортъ де у него умъ отнялъ" [1]). Любопытно сопоставить съ этимъ рѣчь вложенную интерполяторомъ въ уста царя Ивана Грознаго въ извѣстной Хрущевской степенной книгѣ, рѣчь едва-ли не составленную подъ вліяніемъ событій 1648 г. и отражающую настроеніе въ классахъ болѣе интеллигентныхъ: царь жалуется, что „бояре самовластни быша и сами себѣ саны похитиша моимъ имянемъ... и во многіе корысти и въ хищенія и въ обиды упражняхуся, азъ-же яко глухъ и не слышахъ и не имый въ устахъ своихъ обличенія, юности ради моея и пустоты (глупости), они-же властвоваху", и онъ обращается къ боярамъ со словами: „о неправедніи лихоимцы и хищницы и неправедный судъ творящіи! что нынѣ намъ отвѣтъ дасте, иже многія слезы на ся воздвигосте, азъ-же чисть отъ крове сея; ожидайте воздаянія своего" [2]). Такъ создавалось представленіе о

---

[1]) Слова Савинки Корѣпина.

[2]) Собр. Гос. Гр. и Д. II № 37.

Примѣчаніе. Рѣчь царя Ивана Грознаго является несомнѣнно вставкой, внесенной въ книгу Степенную не ранѣе царствованія Алексѣя Михайловича; это доказано вполнѣ короткимъ, но въ сущности разрѣшающимъ окончательно вопросъ изслѣдованіемъ проф. Платонова („Рѣчи Грознаго на Земскомъ Соборѣ 1550 г.", въ его „Статьяхъ"). Что касается болѣе точнаго опредѣленія времени внесенья указанныхъ вставокъ въ текстъ Степенной книги, то г. Васенко (Журналъ М-ва Нар. Просв. 1903 г. № 4) относитъ интерполяцію къ концу XVII в., а именно къ первымъ годамъ царствованія Петра Великаго; впрочемъ, это мнѣнье не обставлено достаточно убѣдительными доказательствами. Съ своей стороны, не беря на себя разрѣшенія вопроса, я хотѣлъ-бы указать, что на разсказъ о выступленіи Ивана IV на Лобномъ мѣстѣ, повидимому, не остались безъ вліянія впечатлѣнія 1648 года, что было совершенно естественно, принимая во вниманье сходство всѣхъ обстоятельствъ. Въ частности вопросъ о томъ, кто будетъ послѣ удаленія Морозова принимать челобитныя, если вѣрить Коммерингу, вызывалъ много толковъ (Якубовъ, Op. cit 419, 427); вопросъ о порядкѣ подачи челобитій на злоупотребленія дьяковъ послужилъ поводомъ для особаго хлопотайства служилыхъ людей въ ноябрѣ 1648 г. (Акты Моск. Гос. II, № 37). Все это нельзя не сопоставить съ обращеньемъ Ивана Грознаго къ Адашеву. Косвенно предположеніе, что интерполяторъ писалъ подъ впечатлѣніемъ событій 40-хъ годовъ, подтверждается тѣмъ, что вторая вставка въ Хрущевскую Степенную книгу трактуетъ о печальной судьбѣ дочери Ивана III, выданной замужъ за иновѣрнаго Государя. Весь этотъ отрывокъ, особенно скорбная рѣчь великаго князя, сознавшаго свою ошибку, могъ возникнуть подъ непосредственнымъ впечатлѣньемъ тѣхъ разговоровъ, которые были вызваны сватовствомъ Вольдемара Датскаго. Цѣлый рядъ Государевыхъ дѣлъ отражаетъ тотъ

средостѣніи между царемъ и народомъ въ лицѣ „бояръ“ и главнымъ образомъ Б. И. Морозова, этого злого генія „молодого“ и „глупаго“ царя. Морозовъ и бояре дѣйствуютъ безъ вѣдома Государева. Въ Псковѣ во время возстанья гилевщики утверждали, что Ѳ. Ѳ. Волконскій присланъ „безъ Государева вѣдома, а прислалъ де его боярин Б. И. Морозовъ“. Стольника Мик. Нащокина допрашивали въ Псковѣ: „отъ Государя ли онъ посланъ или отъ бояръ“. Держалось твердое убѣжденіе, будто шведскимъ посламъ дали „Государеву денежную казну боярин Б. И. Морозовъ безъ . . . . Государева вѣдома и съ Москвы де ево отпустилъ съ тою казною въ шестомъ часу ночи“ [1]). Слухъ этотъ былъ извѣстенъ и Поммерингу. Всѣ непопулярныя мѣры приписывались исключительно Морозову и боярамъ: „по промыслу“ Б. И. Морозова произошла, по мнѣнью закладчиковъ, отписка ихъ на Государя [2]). Подати „збираютца“, по представленію солевычегодцевъ, „на измѣнника“ (т. е. Морозова) „воровски“ [3]). Сосланный въ дальнюю Мангазѣю, Ѳома Пашковъ приписывалъ Б. И. Морозову да кн. А. М. Львову и „умышленію всѣхъ бояръ“ свои несчастья, утверждая, что грамота объ его ссылкѣ „прислана воровски, а не по Государеву указу, приказали де бояре такъ написать“ [4]). Морозова, по словамъ Поммеринга, обвиняли въ стремленіи вовлечь Москву въ войну со Швеціей, „для того чтобы быть въ безопасности и можно было-бы мучить народъ [5]). Позднѣе его обвиняли въ намѣреніи сдать Псковъ Шведамъ безъ бою, и даже хуже этого, соединиться съ нѣмцами и, взявъ Псковъ, „съ нѣмецкими людьми изо Пскова

интересъ и тѣ сомнѣнья, которыя породила необычайная для москвичей мысль породниться царскому дому съ иностраннымъ государемъ. Самая возможность брака съ лютераниномъ обсуждалась въ просвѣщенныхъ кругахъ общества. Такъ, князь Семенъ Шаховской, извѣстный писатель и богословъ того времени, высказывалъ открыто мнѣнье, что можно „королевича ввести въ церковь некрещена“, и даже написалъ о томъ докладную записку („письмо“), которая вызвала интересъ въ дворцовыхъ сферахъ и обратила на себя вниманіе самого царя Михаила (Арх. М-ва Ин. Д.—Дѣла Истор. № 3). То обстоятельство, что оба отрывка, внесенные въ Хрущевскую Степенную книгу, находятъ себѣ объясненіе въ событьяхъ 40-хъ годовъ, даетъ поводъ думать, что самый фактъ интерполяціи не слѣдуетъ относить слишкомъ далеко къ концу XVII вѣка.

[1]) Якубовъ, Op. cit. 281, 358, 37с. Ср. у Поммеринга въ донесеніи отъ 7 апр. 1650 г.: „обвиняютъ Морозова, какъ причину того, что Ваше Королевское Величество получаете отъ вел. князя такую большую сумму денегъ и много хлѣба“ (тамъ же, 470).

[2]) А. М. И. Д. Прик. д. ст. 1649 № 19.

[3]) А. М-ва И. Д. Прик. д. ст. л. 1649 № 41.

[4]) Арх. М. Ю. Снб. Прик. ст. № 364.

[5]) Якубовъ, Op. cit. 448.

идти подъ Новгородъ, а изъ подъ Новгорода подъ Москву" [1]. Дѣйствуя именемъ Государя, но противъ Государя, Морозовъ не допускаетъ общенія царя съ народомъ: про новгородскихъ челобитчиковъ въ 158 году говорили—„Борисъ де Морозовъ самъ выѣзжалъ (къ нимъ навстрѣчу) да и невѣдомо гдѣ дѣлъ". Такъ создавалась легенда о безотвѣтственности Государя и о средостѣніи, которое воздвигалось боярами между нимъ и „землею". Поэтому движеніе 156 г. не носило ни одной минуты чертъ враждебныхъ династіи, оно было направлено не противъ Государя лично, а противъ правительства или, вѣрнѣе, противъ правящаго класса. Таковой его характеръ не подлежитъ сомнѣнью. Бунтовали противъ „бояръ", даже не противъ отдѣльныхъ лицъ, а противъ всего класса, стоявшаго во главѣ управленія, и наиболѣе яркимъ представителемъ котораго былъ Б. И. Морозовъ. Современникамъ іюньскіе дни представлялись днями расчета съ боярствомъ и всѣмъ приказнымъ людомъ „стало де на Москвѣ убійство бояромъ и думнымъ людемъ" [2]. „Нынѣ Государь милостивъ, сильныхъ изъ государства выводитъ, сильныхъ побиваютъ ослопьемъ и каменьемъ", пишетъ Сем. Колбецкій своему дядѣ подъ впечатлѣніемъ погрома бояръ. Въ Осколѣ, подъ вліяніемъ извѣстій объ этомъ погромѣ, пьяный ямщикъ говоритъ: „указалъ де Государь по городамъ приказныхъ людей побивать каменьемъ". Въ Нарымѣ служилые люди говорили воеводѣ Ав. Нарбекову: „не стара де пора вамъ воровать и надъ нами ругатца, и на Москвѣ де, которые надъ ихъ братьею ругались, и они сами и жены ихъ и дѣти отъ ихъ братьи побиты до смерти и домы ихъ пограблены, и всѣмъ людемъ тако будетъ". „Нынеча величество ваше вершилось", заявляетъ ливенскому воеводѣ сынъ боярскій Прокопій Рудневъ [3]. Такое настроеніе міра выражается и въ подробностяхъ бунта: громили первымъ дѣломъ „боярскіе и окольничьи и ближнихъ и дьячьи... дворы". Разгоряченное воображеніе рисовало яркую картину этой расправы міра съ боярствомъ: „многихъ бояръ и окольничьихъ и думнаго дьяка и дворянъ и гостей побили (такіе слухи дошли до Сибири), а иныхъ на площади лошадьми раздергивали и домы ихъ разграбили... и женъ ихъ побили, а младенцевъ на копья втыкали, а, чаять, впредь на Москвѣ и по инымъ городамъ и больши того дурно будетъ" [4]. Тутъ было много раздраженья противъ административ-

[1] А. М-ва Ин. Д. Прик. д. ст. л. 1650 № 34.

[2] Зерцаловъ, О мятежахъ, 28.

[3] Зерцаловъ, О мятежахъ, 21. Арх. М-ва Ю. Сиб. Прик. ст. № 371. Вѣдом. ст. ст. № 275 (35).

[4] Сиб. Прик. ст. № 365.

ныхъ пріемовъ и злоупотребленія правительственныхъ органовъ Москвы, и этимъ объясняется, конечно, то обстоятельство, что ожесточеніе проявилось не только въ отношеніи лицъ, стоявшихъ во главѣ крупныхъ приказовъ, не только противъ вліятельныхъ дьяковъ какимъ былъ убитый Назарій Чистый или служившій въ Разрядѣ Григорій Ларіоновъ, домъ котораго разграбили въ мятежное время воры мятежники, но и противъ болѣе мелкихъ приказныхъ дѣльцовъ, подьячихъ, „писарей", какъ выражаются иностранцы, вродѣ подьячаго Алексѣя Маркова, который былъ „разграбленъ весь до нага и погорѣлъ безъ остатку" [1]). Въ этомъ погромѣ дьяковъ и подьячихъ, въ этой яростной попыткѣ расправиться съ „начальными людьми" крупнѣйшихъ приказовъ выразилось все негодованіе земскихъ людей на внутреннюю жизнь правительственнаго организма, на тѣ внутренные порядки государственныхъ учрежденій, которые, незамѣтные для сторонняго наблюдателя, составляютъ сущность всего теченія дѣлъ: на „московскую" волокиту, отъ которой люди „разорены пуще турскихъ и крымскихъ бусурмановъ", на недоступность лицъ, состоящихъ во главѣ приказовъ, на господство взяточничества, на продажность суда.

И тутъ тоже, можетъ быть, съ извѣстнымъ основаніемъ, виновниками всѣхъ золъ являлись въ глазахъ общества представители правящаго класса—бояре, непосредственно заинтересованные въ сохраненіи существующаго порядка. Въ приказномъ мірѣ все приспособлялось къ охраненію интересовъ этого правящаго круга лицъ, „сильныхъ людей" даннаго момента; „для времени боярина И. Д. и окольничаго И. А. Милославскаго, дружа имъ и утайкою", перерѣшались вершеныя дѣла [2]); челобитныя пропадали изъ Государевы комнаты, когда заинтересованною стороной были Пушкины [3]).

Всюду дѣйствовали невидимыя пружины: взятка или слово сильнаго человѣка. Начиная съ самыхъ высокихъ лицъ приказной іерархіи—титулованныхъ начальниковъ и судей приказовъ, кончая послѣднимъ подьячимъ, всѣ эти приказные дѣльцы сливались въ одну касту, тѣсно переплетенную между собою родственными и иными связями, могущественную солидарностью общихъ выгодъ и фактически недосягаемую для правосудія. „Отъ тѣхъ дьяковъ и подьячихъ", жаловались служилые люди въ ноябрѣ

[1]) Зерцаловъ, О мятежахъ, 22, 220—222, Олеарій перев. Барсова, 272, Латкинъ, Земскіе Соборы 417, Рус. Ист. Библ. X, 454.

[2]) Зерцаловъ, Къ исторіи Земск. Собора 1648 г. (Чт. О-ва Ист. и Др. Росс. 1887, III).

[3]) Забѣлинъ, Домъ бывш. царей, 323.

157 года, „чинятца налоги многія и убытки большіе, а праваго суда въ тѣхъ приказѣхъ (гдѣ они служатъ) они на тѣхъ дьяковъ и на подьячихъ добиться не могутъ, потому что у нихъ въ тѣхъ приказѣхъ сидятъ съ ними братья и племянники и ихъ дѣти“ [1]).

Съ приказными дѣльцами и расправились въ іюнѣ 156 г. „Кому вы посулъ давали, совсѣмъ они пропали, и лебеди твои остались у Бориса Морозова, а Назарій Чистой и съ деньгами пропалъ“, писалъ злорадно въ концѣ іюня безшабашный Сенька Колтовскій своему дядѣ, съ которымъ онъ судился [2]). Лѣтнія настроенія 156 г. нашли выраженіе въ челобитной, поданной служилыми людьми 13 ноября 157 г., вскорѣ послѣ мятежа, въ которой они просили создать особую подсудность по жалобамъ на дьяковъ и подьячихъ, сосредоточивъ всѣ такіе иски въ одномъ приказѣ. Ходатайство было удовлетворено, и дѣла такого рода переданы въ Челобитный приказъ [3]).

Подобное же раздраженіе мы замѣчаемъ по отношенію къ московской полиціи, къ ея дѣйствіямъ и пріемамъ, которые такъ ярко вскрываются въ челобитныхъ средины XVII в. Этимъ объясняется разгромъ двора объѣзжаго головы кн. Ѳедора Македонскаго [4]).

Но не однѣ мелкія обиды и насилія со стороны бояръ и прочихъ приказныхъ людей раздражали и оскорбляли обывателя, задѣтаго въ его частныхъ выгодахъ и интересахъ. Политическая мысль московскаго человѣка XVII в. шла нѣсколько дальше, пробовала углубить и обобщить свое чувство негодованья противъ порядковъ, господствующихъ въ управленіи. Мы слышимъ жалобы на безпорядочность управленія, первыя попытки критики всей системы его. Незадолго до мятежа ходятъ въ народѣ разговоры: „бояре де Государевымъ дѣломъ и службою не радѣютъ“... „Государева де казна напрасно гинетъ“ [5]). На Соборѣ 1642 г. раздаются поэтому требованія о необходимости контроля надъ дѣятельностью правительственныхъ агентовъ, о необходимости приказныхъ людей и дьяковъ и подьячихъ и таможенныхъ головъ „по приходнымъ книгамъ въ Москвѣ и въ городахъ счесть, чтобъ твоя Государева

---

[1]) Акты Моск. Гос. II № 371.

[2]) Зерцаловъ, О мятежахъ, 21.

[3]) Акты Москов. Гос. II № 371. Ср. также челобитную, поданную служилыми людьми, о выдачѣ имъ жалованья „безъ московскіе волокиты“ (Рус. Ист. Библ. X, 428).

[4]) Зерцаловъ. О мятежахъ, стр. 23, 225.

[5]) Новомберскій, Госуд. Слово и Дѣло, 195.

казна безъ вѣдома у тебя, Государя, не терялась". Такъ на почвѣ недовѣрія къ правящему классу зарождались первые признаки политической мысли.

„Бояре" вызывали противъ себя ненависть не только какъ правительственный классъ, но и какъ классъ соціальный. Ихъ ненавидѣли не только, какъ агентовъ правительства, но и какъ представителей крупнаго землевладѣнія. Это все были привилегированныя лица, „пожалованные люди, за которыми помѣстій да вотчинъ много, да они-же ѣздятъ по воеводствамъ, и бѣднымъ съ такими пожалованными людьми не стянуть". Это одинаково касается и Государевыхъ дьяковъ и подьячихъ, которые пожалованы Государевымъ денежнымъ жалованіемъ и вотчинами, а кромѣ того „покупили многія вотчины и домы свои строили многіе". Это возбуждало зависть, тѣмъ болѣе, что въ сословномъ отношеніи между пожалованными и рядовыми служилыми людьми рѣзкой грани не существовало. Это была ихъ „братья", но болѣе счастливая, которая, „отбываючи Государевы службы, писались по московскому списку и въ иные Государевы чины и, будучи въ городахъ у Государевыхъ дѣлъ, отяжелѣли и обогатѣли большимъ богатствомъ, а иные . . . на то богатство покупили многія вотчины". Такимъ образомъ, создавалась соціальная пропасть между московскими столичными служилыми людьми и массой „бѣдныхъ . . . и разоренныхъ и безпомощныхъ и безпомѣстныхъ и пустомѣстныхъ и малопомѣстныхъ" служилыхъ людей разныхъ городовъ. Въ принципѣ они являются равноправными членами одного и того же служилаго класса, но тѣ пользуются всѣми благами, сидятъ „у корыстныхъ дѣлъ по воеводствамъ и по приказамъ" и „полковые службы не служатъ . . . и тѣхъ своихъ пожитковъ нигдѣ не проживаютъ", а эти принуждены „работать головами своими и всею душею" за царя и вѣру, „отъ службъ обѣднѣли и одолжали великими долгами и конными опали, и помѣстья опустѣли, и домы ихъ оскудѣли". Отсюда „во всѣхъ одна безпрестанно многая молва, что все бутто не пожалованы". Отсюда глухое соціальное недовольство [1]).

Взаимныя отношенія между верхами и рядовой массой служилаго люда осложнялись конкурренціей ихъ, какъ землевладѣльцевъ. Въ лицѣ „сильныхъ людей" рядовые дворяне видѣли опасныхъ враговъ, съ которыми они вели упорную войну за землю и, особенно, за рабочія руки, и въ этой неравной борьбѣ „всякимъ разореніемъ" разорялись ихъ маленькія хозяйства. За „сильныхъ

[1]) С. Г. Гр. III № 113. А. А. Э. IV, № 14. Сташевскій, Op. cit., Прил. XIII.

людей"—бояръ, околничихъ и ближнихъ, безпрепятственно уходили ихъ люди и крестьяне. „Мимо государева указа", заводили тѣ же сильные люди „на мостахъ и на перевозахъ перевозы и мостовщину". Пограничные споры рѣшались силой, „насильствомъ", захватывались спорныя земли, расчищались и распахивались. Отъ „сильныхъ людей" ихъ бѣднымъ сосѣдямъ во всемъ „обида-жь и насильства, и налоги, и продажа, и у кого помѣстною землею, и угодьи, и людьми, и крестьяны завладѣли насильствомъ". У посадскихъ людей были свои причины жаловаться на крупныхъ землевладѣльцевъ. Ихъ слободы и загородные дворы тѣснымъ кольцомъ охватили посадъ, конкурируя съ ними въ торговлѣ, создавая для закладчиковъ льготныя условія на рынкѣ, на каждомъ шагу нарушая права посада. Около Москвы и въ городахъ около посадовъ „животинныхъ выпусковъ не стало, потому ихъ заняли бояре и ближніе люди и московские дворяне и дьяки подъ загородные дворы и огороды". Такъ на почвѣ привилегированнаго землевладѣнія создались разбойничьи гнѣзда, сосѣдство съ которыми бывало невыносимо для окружающихъ, бывало пуще „крымской и ногайской войны". „Намъ съ такимъ великимъ боярином въ сосѣдствѣ жить невозможно", жаловались при царѣ Михаилѣ сосѣди могущественнаго царскаго дяди И. Н. Романова: „мочи нашей отъ насильства людей и крестьянъ его не стало" [1]. На этихъ основахъ выросгала ожесточенная классовая ненависть бѣдныхъ слоевъ служилаго чина къ богатымъ членамъ сословія. „Кто изъ за насъ крестьянъ выводитъ", грозился еще въ 132 г. ливенскій казакъ Яковъ Авдѣевъ, „у тѣхъ мы вотчины выжлемъ и пойдемъ до иного Государя" [2]. Дѣятельность бояръ, какъ землевладѣльцевъ, и невозможность найти на нихъ управу вслѣдствіе ихъ связей и положенія въ правительственныхъ органахъ именно и вызывали особенное раздраженіе противъ лицъ, пострадавшихъ во время смуты 156 г. Съ своей обывательской точки зрѣнія Азарьинъ въ ней видитъ главную причину гибели Траханіотова: „присно ему его простиралися идѣ же бы откуду корысть пріобрѣсти и отчины за себя присягнути и крестьянъ чужихъ за себе посадити, то бяше исправленіе живота его". Переходя къ своему монастырю, онъ жалуется на обиды, причиненныя въ этомъ отношеніи Траханіотовымъ: „къ монастырскимъ слугамъ во многѣхъ искѣхъ приставливая, напрасно во многія неискупимыя бѣды

---

[1] А. И. III № 92, А. А. Э. III. № 32, Соловьевъ, Ист. Россіи т. IX, гл. 5. См. также у Забѣлина, Бытъ русскихъ царей, 336. Яркія картины взаимныхъ отношеній даетъ Азарьинъ (Памятн. др. рус. письм. LXX, 94—95).

вверже, яко на глумъ себѣ таковое богатство пріобрѣтая и крестіянъ изъ вотчинъ Сергіевыхъ за себя сажая и во грѣхъ себѣ тово не вмѣняя, властемъ же не могуще противу сего сотворити, понеже мочь его велика бѣяше“ [1]). Что эта сторона имѣла большое значеніе въ развитіи смуты, показываетъ участіе, которое приняли въ ней арзамасцы дѣти боярскія, по крайней мѣрѣ въ послѣдующіе моменты, когда они на боярина Бориса Ивановича заводъ заводили и про смертное убійство говорили. Это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что у Морозовыхъ на Арзамасѣ и на Алатырѣ были большія вотчины, и мѣстные землевладѣльцы испытывали всю тяжесть сосѣдства съ могущественнымъ воспитателемъ Государя. Во время смуты на Морозова били челомъ въ большомъ числѣ арзамасскія дѣти боярскія (по подсчету г. Смирнова 31 чел. арзамасцевъ и 8 алатырцевъ). Челобитчики жаловались на укрывательство ихъ крестьянъ въ вотчинахъ всесильнаго боярина и на невозможность добиться на него суда, съ другой стороны тяготились нѣкоторыми вотчинными налогами, напримѣръ, пошлиной, взимаемой имъ за рубку деревьевъ въ его лѣсахъ (явка по алтыну за дерево). Раздраженіе арзамасцевъ сдѣлается еще болѣе понятнымъ, если вспомнить, что и у Траханіотова имѣлись большія земельныя владѣнія на Алатырѣ [2]). Сосѣдствомъ владѣній Троицкаго монастыря къ алатырскимъ владѣніямъ Траханіотова надо объяснить и негодующій тонъ Азарьина тамъ, гдѣ онъ пишетъ о дѣятельности временщика. Но Морозовъ и Траханіотовъ являлись лишь наиболѣе яркими представителями цѣлаго класса, которымъ положеніе и фаворъ позволяли проявлять съ большей откровенностью и безнаказанностью ихъ соціальныя вожделѣнія, то, что „бяше исправленіе житія“ ихъ. При царѣ Михаилѣ такъ же дѣйствовала его ближняя родня, бывшіе при немъ въ силѣ И. Н. Романовъ, князья Черкасскіе, Шереметевы, спѣшившіе использовать свое „время“ въ личныхъ цѣляхъ [3]). Теперь въ такомъ же положеніи были „друзья“ Морозова и Траханіотова, вліятельныя въ данную минуту при дворѣ лица. Еще въ 153 г. изъ среды

[1]) Памятн. др рус. письм. LXX, 123.

[2]) О владѣніяхъ Морозова см. у Зерцалова, О мятежахъ, 231—236. Алатырскія владѣнія Траханіотова были пущены въ раздачу жильцамъ послѣ его казни, о чемъ см. выше. Свѣдѣнія о челобитныхъ съ жалобами на Морозова, какъ землевладѣльца, у Смирнова въ его статьѣ, а также въ изданныхъ имъ матеріалахъ. (Нѣск. документ. къ ист. Соб. Уложенія и т. д. Чт. О-ва Ист. и Д. Р. 1913).

[3]) Соловьевъ. Ист. Рос. IX, гл. 5.

дѣтей боярскихъ раздаются голоса, что казначей Б. Дубровскій „нашихъ старинныхъ людей освобождаетъ безъ суда и безъ очной ставки и безъ распросныхъ рѣчей“ и дѣлаетъ это „для окольничева Гр. Г. Пушкина“, „а за тѣхъ нашихъ людей ему, казначею, бьютъ челомъ и ходятъ окольничей Гр. Г. Пушкинъ да братъ его Степанъ и тѣхъ нашихъ старинныхъ холопей хотятъ взять къ себѣ во дворъ, а живутъ тѣ наши люди у нихъ во дворѣ“ [1]). Въ маѣ 157 г. служилый человѣкъ Вас. Нестеровъ, ведшій повинному тяжбу изъ за крестьянъ съ кн. А. Н. Трубецкимъ, высказалъ въ ссорѣ съ человѣкомъ послѣдняго, такія горькія мысли: „за такую де вашу неправду будутъ многіе челобитчики зимою, потому что они крестьянъ ихъ научаютъ отцовъ отпиратца, а въ чужихъ отцовъ влыгатца, и о томъ де учнутъ у Государя милости просити“, при чемъ прибавилъ угрозы повторенія „лѣтошняго“ [2]). Другой служилый человѣкъ Неустройко Ошихлинъ жаловался на Милославскихъ: „мы, холопы твои, отъ такихъ временщиковъ и сильныхъ людей и безъ того разорены и домишекъ своихъ и службы отбыли, а прежнее, Государь, челобитье мое, холопа твоего, на боярина на И. Д. Милославскаго, какъ онъ былъ въ дворянѣхъ, отцу твоему Государеву было въ крестьянствѣ и въ разоренье было-же“. Сенька Колтовскій 26 іюня писалъ своему дядѣ, пользовавшемуся покровительствомъ Назарія Чистаго и самого Б. И. Морозова, съ угрозой: „да слышалъ я, Государь дядюшка, что ты велишь крестьянамъ моимъ пахать пашню на Подасинской землѣ, а хочешь ихъ за себя вывесть, и нынѣча Государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ, сильныхъ побиваютъ ослопьемъ да каменьемъ, и ты, Государь, насильства не заводи, чтобы міръ не провѣдалъ“ [3]). Такимъ образомъ движеніе направлено противъ „сильныхъ“, т. е. общественныхъ слоевъ экономически и политически могущественныхъ, и главное основаніе жалобъ—это соціальныя несправедливости, обиды со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ мелкимъ, сопряженныя съ трудностью бороться съ ними судебнымъ порядкомъ въ виду близости ихъ къ правящимъ сферамъ. „Сильныхъ“ ненавидятъ одновременно, какъ богатыхъ землевладѣльцевъ и какъ представителей правительства, которые свои владѣльческія притязанія подкрѣпляли своимъ правительственнымъ положеніемъ. Къ числу этихъ „сильныхъ“ людей принадлежали не одни только „ближніе люди“: къ правящему кругу примыкалъ обширный кругъ мелкой столичной знати, противъ которой по тѣмъ же причинамъ было

[1]) Забѣлинъ, Дом. быт. рус царей 326, 327.

[2]) Арх. М-ва Ин. Д. Прик. д. ст. л. 1649, № 53.

[3]) Зерцаловъ, О мятежахъ, 21. Его-же, Къ исторіи Земскаго Собора 1648 г.

направлено народное движеніе: „всякихъ дворянъ грабили съ 40 и больше“, въ частности пострадали дворяне Баимъ Болтинъ да Вас. Толстой [1]); пострадали и многіе изъ жильцовъ [2]).

Говоря о тѣхъ соціальныхъ группахъ, которыя навлекли на себя раздраженіе „земскихъ“ людей, приходится отмѣтить, что движеніе было совершенно опредѣленно направлено также противъ гостей. Авторъ Лейденской брошюры пишетъ, что бунтовщики разграбили „дома многихъ сановниковъ, а также и дома русскихъ купцовъ, имѣвшихъ какія-либо сношенія съ боярами, числомъ около 36“. Въ шведскомъ донесеніи тоже говорится, что „не были-бы пощажены дома купцовъ, если бы богатые купцы не призвали нѣсколько тысячъ стрѣльцовъ и не дали отпоръ толпѣ“. Съ своей стороны русскіе источники почти единогласно утверждаютъ, что разграбленію подверглись и дворы гостей [3]). Въ Сургутѣ воевода Смирной Демскій, разсказывая о имѣвшихъ мѣсто въ Москвѣ безпорядкахъ, говоритъ, что въ числѣ прочихъ и „гостей побили до смерти“. Въ частности въ Сибири распространился слухъ, что на Москвѣ убили гостя Василія Шорина, Василія Запись и еще какого-то „коломлетина“ [4]). Дѣйствительно, въ продолженіи Псковской лѣтописи есть извѣстіе, что „гостя Василія Шорина грабили, и самъ Василій едва ушелъ“. Въ Новгородѣ въ іюлѣ шли разговоры „о чеканахъ, что выняли на Москвѣ у Василія Шорина“, по смыслу во время бунта. Эта неясная фраза дѣлается понятной, если сопоставить извѣстіе въ шведскомъ донесеніи, будто у Траханіотова были найдены „два монетныхъ штемпеля, съ помощью которыхъ онъ устраивалъ много обмана и плутовства“ [5]).

Василій Шоринъ слишкомъ извѣстенъ, чтобъ останавливаться на его личности и на той крупной роли, которую онъ игралъ въ правительственныхъ сферахъ Москвы. Что касается Василія Запись, то это устюжанинъ Вас. Ѳедотовъ Гусельниковъ Скорая Запись, который въ царствованіе Михаила Ѳедоровича былъ съ Устюга переведенъ въ гостинную сотню, а въ 158 г. уже имѣлъ званіе гостя. Онъ вмѣстѣ съ братьями Гурьемъ и Афанасьемъ велъ крупную торговлю въ Сибири, лично и черезъ посредство своихъ приказчиковъ и посылалъ на соболиные промыслы на великую

---

[1]) П. Собр. Рус. Лѣт. IV, 340.

[2]) Объ этомъ см. у Лашкина, Земскіе Соборы, 418—419 и у Зерцалова, О мятежахъ, 24—25.

[3]) Поповъ, Изб. 247, Разряды III, 94.

[4]) Сиб. Прик. Ст. № 365.

[5]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. IV, 340. Арх. М-ва Ю. Д. Прик. д. ст. л. 1647, № 91.

рѣку Лену своихъ „промышленныхъ покрученниковъ и наемныхъ людей“. О размѣрѣ его операцій можно судить изъ того, что въ 142 г. Васильевъ Записинъ братъ Гурій привезъ въ Мангазѣю различныхъ русскихъ товаровъ и хлѣбныхъ запасовъ на сумму 184 р. 32 алт. [1]).

Нельзя, впрочемъ, предполагать, что бунтъ былъ направленъ только противъ единичныхъ представителей крупнаго купечества; повидимому, въ немъ выразилось движенье противъ гостей и гостиной сотни, какъ класса. Въ январѣ 157 г. гости и торговые люди гостиной и суконной сотенъ, протестуя противъ нѣкоторыхъ льготъ, которыя были пріобрѣтены съ явнымъ ущербомъ для нихъ черными людьми въ смутное время, писали: „и мы, холопи твои, тебѣ, Государю, бить челомъ противъ ихъ челобитья въ то смутное время за боязнью не смѣли“ [2]) Такой характеръ движеніе носило не въ одной Москвѣ; во всѣхъ городахъ, гдѣ происходили безпорядки, они были отчасти направлены противъ „лучшихъ посадскихъ людей“; въ Псковѣ въ 158 г. объектомъ народной ярости былъ псковскій гость Федоръ Емельяновъ, котораго едва не убили.

Въ лицѣ гостей и примыкавшихъ къ нимъ членовъ гостиной сотни рядовое посадское населеніе видѣло тѣхъ-же „сильныхъ людей“, одну изъ правящихъ общественныхъ группъ, объединявшихъ въ своихъ рукахъ и матеріальное благосостояніе, „богатество“, и крупную роль въ правительствѣ, и они навлекали на себя ненависть своей меньшей братьи и какъ представители капитала, и какъ представители администраціи. Съ правительствомъ и у нихъ существовала тѣсная связь. Во-первыхъ, это была связь личная. Цѣлый рядъ вліятельныхъ дьяковъ вышелъ изъ рядовъ гостей. Жертва мятежа, Назарій Чистый, былъ ярославскимъ торговымъ человѣкомъ, въ 129 г. пожалованнымъ въ гости; его брата Аникея, пользовавшагося наряду съ нимъ очень большимъ вліяніемъ въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича и раздѣлявшаго съ нимъ благорасположеніе всесильнаго Морозова, еще въ 154 году мы встрѣчаемъ въ качествѣ гостя; въ 156 г. онъ сидитъ уже въ приказѣ Большой Казны вмѣстѣ съ Морозовымъ; онъ пережилъ брата и остался на своемъ мѣстѣ даже при кн. Чер-

---

[1]) Свѣдѣнія о семьѣ Гусельниковыхъ см. у Шляпкина: Житіе прав. Прокопія. Въ дѣлахъ Сибирскаго приказа очень часто упоминаются, какъ самъ Василій Седотовъ, такъ и его братья. Напр. Сиб. прик. ст. № 88 (396—399) № 259 (562—564), книга № 26 и др.

[2]) Доп. къ А. И. III № 47.

касскомъ [1]). Тѣсныя связи Назарья Чистаго съ Стояновыми отмѣчены выше: онъ былъ для нихъ „батько". „Ихъ промысломъ" дѣлалось поэтому многое въ Новгородской чети, какъ впрочемъ и „челобитьемъ" другого вліятельнаго гостя Красильникова [2]). Близость Шорина къ кругу сторонниковъ Морозова устанавливается той ролью, которую онъ игралъ впослѣдствіи въ денежной реформѣ совмѣстно съ Ѳ. М. Ртищевымъ. О дружескихъ отношеніяхъ псковскаго гостя Емельянова съ мѣстной администраціей псковичи говорили въ челобитной къ Государю, что онъ злоупотребляетъ своимъ вліяніемъ: „будучи въ Псковѣ, безпрестанно на окольничьихъ и на воеводскихъ и на дьячьихъ дворѣхъ пируетъ и на насъ, богомольцевъ и холопей и сиротъ твоихъ, наноситъ, и по тѣмъ, Государь, ево Ѳедоровымъ начоснымъ статьямъ отъ тѣхъ твоихъ Государевыхъ окольничьихъ и воеводъ многіе изъ насъ попроданы" [3]).

Помимо личныхъ дружескихъ связей въ правительственныхъ учрежденій гости сами являлись правительственными агентами, членами того же правящаго класса, будучи исполнителями цѣлаго ряда фискальныхъ порученій, возлагаемыхъ на нихъ правительствомъ. Достаточно напомнить, что на гостяхъ и гостиной сотнѣ лежали таможенныя и кабацкія службы въ крупныхъ центрахъ, напримѣръ у Архангельскаго города. Какъ разъ въ 156 г. таможеннымъ головой въ Архангельскѣ былъ одинъ изъ героевъ бунта Вас. Шоринъ, а въ 158 г.—Василій Федотовъ; немного ранѣе въ 154 г. эту должность исполнялъ Аникей Чистой [4]). На гостей былъ возложенъ сборъ непопулярной соляной пошлины. Съ этимъ сборомъ связывалось много горькихъ и раздражающихъ воспоминаній: „какъ они, гости, сбирали Государеву соляную казну, и многою казною корыстовались и всякимъ людемъ продажу чинили, на правежѣ и кнутомъ били и пытали и всякое насильство чинили всякихъ чиновъ людемъ". Въ Псковѣ Ѳедоръ Емельяновъ именно въ качествѣ сборщика этой пошлины вызвалъ противъ себя ненависть населенья, потому что Государевы соляныя пошлины „сбиралъ вдвое и втрое и вчетверо съ пуда, и съ полпуда, и съ

[1]) Объ Аникеѣ Чистомъ см. А. А. Э. IV № 38, Рус. Ист. Библ. X, 402. Свѣ. Арх. 1822. № 2, также у Смирнова, О началѣ Земскаго Собора 1648—1649, стр. 46. Въ качествѣ гостя въ 154-мъ году упоминается въ Прик. д. ст. лѣтъ (Арх. М-ва Ин. Д.) 1668, № 289.

[2]) Арх. М-ва Ин. Д. 1648, № 67, (л. 114).

[3]) Якубовъ, Op. cit., 348.

[4]) Арх. М. Ин. Д. Прик. дѣла ст. л. 1668, № 289 (любезно сообщено С. Б. Веселовскимъ).

четвертиною, не противъ Государева указу, и пенные деньги на Государя правилъ на всякихъ чиновъ людехъ большіе... да онъ же для своей бездѣльной корысти и своего соляного торгу Государевъ гонтарь сдѣлалъ скупо, не противъ таможенныхъ гирь, въ 10 пудовъ московскихъ 20 гривенъ нѣтъ, а въ 15 пудахъ то же". Этимъ „своимъ затѣйнымъ воровствомъ" онъ испродалъ весь міръ [1]). Такимъ образомъ правительственные агенты, призванные блюсти интересы казны, гости оказывались врагами своей же братіи, посадскихъ людей.

При исполненіи служебныхъ казенныхъ обязанностей, они пользовались исключительнымъ покровительствомъ властей, и это позволяло имъ дѣйствовать беззастѣнчиво. Живую картину отношеній, которыя создавались на этой почвѣ, рисуетъ доносъ, поданный на соляного сбора цѣловальниковъ и кабацкихъ откупщиковъ въ Новгородѣ—гостей Стояновыхъ. Будучи въ ссорѣ съ однимъ изъ новгородскихъ дѣтей боярскихъ, они грозили ему: „дай де намъ срокъ, и впредь де ты насъ берегись, будемъ де мы у Государева дѣла въ таможнѣ, и мы де тебѣ въ тѣ поры ноги выломаемъ и (въ тѣ поры) будемъ укацики и набьемъ бокъ, не боясь". И, намекая на свою безнаказанность, они говорили, имѣя въ виду пріѣздъ въ Новгородъ сыщиковъ для разслѣдованія ихъ дѣятельности: „поди де ты на Съѣзжій дворъ, тамъ де ваша оборона пріѣхала, да и оборона де ваша ничего не сдѣлаетъ" [2]). И про Федора Емельянова говорили, что онъ хвастался передъ нѣмцами: „меня де, Федора, самово всѣмъ городомъ боятца, и не здѣлаютъ де всѣмъ городомъ безъ меня ничево" [3]).

Являясь въ чужіе города представителями исключительно интересовъ казны, безъ связей на мѣстахъ, безъ желанія считаться съ мѣстными нуждами и невзгодами, гости не могли не вызывать противъ себя много раздраженія, и уже въ іюлѣ 156 г. городовые посадскіе люди били челомъ Государю, чтобы тѣ службы, которыя до тѣхъ поръ въ городахъ несли гости и гостиной и суконной сотенъ торговые люди, разрѣшено было служить „имъ же городовымъ людемъ, вмѣсто московскихъ гостиныя сотни таможенныхъ и кабацкихъ головъ" [4]).

Вліятельное положеніе гостей въ административныхъ кру-

---

[1]) Якубовъ, Op. cit., 348.
[2]) Арх. М-ва Ин. Д., 1648, № 60.
[3]) Якубовъ, Op. cit., 349.
[4]) А. А. Э. IV, № 28.

тахъ давало имъ возможность въ своихъ личныхъ дѣлахъ пользоваться рядомъ изъятій и льготъ. Жалованная грамота, данная имъ Государями, ставила ихъ торги въ привилегированное положеніе. Путемъ частныхъ ходатайствъ они расширяли свои торговыя льготы, и казна слишкомъ цѣнила ихъ и какъ плательщиковъ, и какъ сборщиковъ налоговъ, чтобы отказывать имъ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти ходатайства подкрѣплялись ссылкой на тѣ многія тысячи рублей, которыя проситель платитъ въ казну съ своихъ торговъ и промысловъ. Такъ, наиболѣе богатые элементы торговаго чина вмѣстѣ съ тѣмъ пользовались и наибольшимъ покровительствомъ со стороны казны, нерѣдко въ ущербъ болѣе маломощной посадской черни, а личныя связи въ приказахъ позволяли имъ еще болѣе расширять свою иммунитетность. Благодаря своимъ большимъ торгамъ и богатству они дѣлались необходимыми для казны, а благодаря полу-оффиціальному своему положенію они въ отношеніи торговъ и промысловъ оказывались въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ прочая ихъ братія. Но, будучи, такимъ образомъ наиболѣе обезпеченнымъ слоемъ торговыхъ людей, они пользовались своимъ привилегированнымъ положеніемъ, чтобы облегчить тягость тѣхъ службъ и повинностей, которыя лежали на нихъ, и переложить ее на менѣе обезпеченные слои посадскаго населенія; казна была заинтересована въ томъ, чтобъ въ собственныхъ финансовыхъ цѣляхъ итти въ этомъ отношеніи на встрѣчу ихъ желаніямъ. Въ цѣляхъ усиленія этой необходимой для правительства группы тяглецовъ—въ нее насильственно отписывались наиболѣе состоятельные элементы купечества, и тѣмъ самымъ они выходили изъ посада, гдѣ оставались одни „бѣдные людишки“, и это способствовало разоренію посада отъ „Государевыхъ великихъ податей и отъ многихъ цѣловальничьихъ службъ“.

Все это въ достаточной мѣрѣ объясняетъ причины движенія противъ гостей и зажиточнаго купечества и характеръ, который оно приняло. Пользуясь смутою, посадскіе люди изъ городовъ били челомъ Государю „о тѣхъ людехъ, которые даны были въ гостинную сотню для службъ, чтобъ имъ въ той гостиной сотнѣ не быть и съ гостинною сотнею твоихъ Государевыхъ службъ не служити, а служить-бы по городамъ, гдѣ кто въ которомъ городѣ живетъ, себѣ головствомъ“. Точно такое-же ходатайство возбудили въ разгаръ смутнаго времени сотскіе Московскихъ черныхъ сотенъ и старосты подмосковныхъ слободъ, чтобъ людямъ, отписаннымъ въ гостиную сотню съ нею „Государевыхъ службъ не служить, а служить-бы тѣмъ людямъ изъ черныхъ сотенъ на Москвѣ“.

Одновременно многіе тяглецы самовольно „отошли“ изъ гостиной сотни [1]).

Подобно тому, какъ высшіе слои служилаго класса, пользуясь своими преимуществами и выгодами, сопряженными съ положеніемъ правительственныхъ агентовъ, становились въ отношеніи службы въ привиллегированное положеніе къ своей братьѣ рядовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, такъ и гости не раздѣляли съ черными людьми несеніе общаго тягла. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ полную аналогію. Высшіе слои купечества сливались съ высшими слоями служилыхъ людей въ одну группу „сильныхъ людей“, сильныхъ своимъ сравнительно большимъ „богатествомъ“ и своими связями въ приказныхъ кругахъ. И тѣ, и другіе пользовались своимъ могуществомъ, чтобы переложить часть тягла и службы на болѣе слабыя плечи.

Итакъ, московскія волненія опредѣляются какъ движеніе, направленное не столько противъ отдѣльныхъ агентовъ правительства, сколько противъ всего правящаго класса; они являются выраженіемъ соціальныхъ недовольствъ и нуждъ и принимаютъ характеръ политическаго протеста лишь, поскольку соціальныя неравенства въ Московскомъ государствѣ усиливались, благодаря сосредоточенію въ рукахъ однѣхъ и тѣхъ-же общественныхъ группъ наряду съ экономическимъ также и политическаго преобладанья.

Конечно, въ каждомъ отдѣльномъ городѣ были свои мѣстныя причины неудовольствій, свои мѣстныя отношенія, которыя возбуждали страсти, мѣстные „сильные люди“, вродѣ того Тимошки Чубулова въ Челнавскомъ острогѣ, котораго убили „всѣмъ міромъ, за то, что онъ весь міръ выѣлъ“ [2]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣзче выступаетъ чисто соціальный моментъ: въ Талицкѣ бунтуютъ „которые плутишки небольшіе“, т. е. общественные низы [3]); въ цѣломъ рядѣ случаевъ движеніе направлено противъ состоятельныхъ классовъ, какъ таковыхъ, противъ „лучшихъ посадскихъ людей“. Есть области, гдѣ особенности бытовыхъ и историческихъ условій придаютъ движенію совершенно индивидуальныя черты. Мѣстный характеръ требованій особенно ярко выраженъ, напримѣръ, въ сибирскихъ городахъ. Здѣсь у служилыхъ людей свои наболѣвшіе вопросы: они хотятъ получить право держать брагу, торговать съ иноземцами и скупать у нихъ мягкую рухлядь, держать въ рабствѣ иноземцевъ. Словомъ, сибирскій служилый людъ тяготится тѣми мѣрами, которыя правительство принимаетъ

[1]) А. А. Э. IV § 28, Д. къ А. И. III § 47.
[2]) Зерцаловъ, Къ ист. мятежа 1648 г., 3.
[3]) Латкинъ, Земскіе Соборы, 414.

въ собственныхъ интересахъ къ охранѣ ясачныхъ инородцевъ отъ эксплоатаціи своихъ военныхъ слугъ [1]). Въ пашенныхъ сибирскихъ городахъ—новый, своеобразный предметъ жалобъ, вызванный отсутствіемъ женщинъ въ Сибири: воевода запрещаетъ крестьянамъ выдавать ихъ дочерей и родственницъ за казаковъ и другихъ служилыхъ людей, чтобы „холостыхъ крестьянъ жеребей не запустѣлъ". Наконецъ, здѣсь выступаетъ особая группа недовольныхъ: вліятельные „ссыльные люди"; въ Томскѣ у нихъ произошло столкновеніе съ воеводою, потому что онъ хотѣлъ было перевести ихъ, согласно первоначальнаго указа, изъ службы въ пашню [2]).

Въ Псковѣ и въ Новгородѣ въ событіяхъ 158 г. громко звучатъ историческія переживанія давняго прошлаго. Отсюда—требованія самоуправленія, чтобы впредь „воеводамъ и діакамъ въ Псковѣ во всемъ насъ судити и во всякихъ дѣлехъ расправу чинить съ земскими старосты и выборными людьми". Снова повторяются старыя требованія о невызовѣ псковичей на судъ въ Москву, объ освобожденіи ихъ отъ суда „на Низу", „а что до ково дойдетъ твое Государево какое дѣло и вина, и тѣмъ, Государь, людемъ... Государевъ указъ чинить во Псковѣ, а не на Москвѣ" [3]). Эти чисто политическія притязанія, пережившія полтора вѣка господства „московскаго обычая", осложнялись движеніемъ соціальнаго характера, выражавшимся въ избіеніи дворянъ и разгромѣ ихъ помѣстій въ Псковскомъ уѣздѣ [4]).

Эти мѣстныя обостренія тѣхъ или иныхъ сторонъ мятежа не измѣняютъ однако общаго характера волненій, охватившихъ Московское государство.

Бунтъ 1648 г. не стоитъ особнякомъ въ Московской жизни XVI и XVII вѣковъ. Его можно и, мнѣ кажется, слѣдуетъ поставить въ связь съ аналогичными явленьями, имѣвшими мѣсто и при царяхъ прежней династіи, и въ послѣдующее время.

---

[1]) Тоже требованіе въ Томскѣ. Сиб. Прик., ст. № 370. Оглоблинъ, Къ исторіи Томскаго бунта 1648 г.

[2]) Оглоблинъ, Къ исторіи Томскаго бунта 1648 (въ 3 т. О-ва Ист. и Др. Рос. 1903).

[3]) Якубовъ, Op. cit., 361, 364.

[4]) Соловьевъ, т. X, гл. 2. Псковичи, „выходя изъ города, разоряютъ домы дворянъ и дѣтей боярскихъ, женъ и дѣтей ихъ побиваютъ и надъ дворянами ругаются" и т. д., говорится отъ имени Государя Собору 26 іюля 158 г. О томъ же пишетъ и Никонъ: „дворяне и дѣти боярскія, ихъ жены и дѣти осмѣяны и животы ихъ пограблены, села и деревни пожжены". Староста Гавр. Демидовъ „шишей въ уѣздѣ разсылалъ дворянъ побивать". Во главѣ шишей разорялъ уѣздъ Егорьевскій попъ Фирсъ. Этихъ данныхъ достаточно, чтобы подтвердить нашу мысль. Въ возстаніи принимали участіе крестьяне пригородныхъ деревень (Якубовъ, Op. cit., 387, 379).

Знаменитый бунтъ 1548 г. съ поразительной точностью предупреждаетъ то, что происходило въ 1648 г., настолько, что интерполяторъ Хрущевской Степенной книги, при описаніи заключительнаго его момента, какъ было отмѣчено выше, поддался впечатлѣніямъ навѣянныхъ событіями временъ царя Алексѣя.

На лицо былъ молодой царь, безхарактерный, несамостоятельный, „по грѣхамъ своимъ, сиротству и молодости“ возраставшій, по его собственному признанію, „въ небреженіи безъ наставленія“; отъ его имени правили его родственники и лица, бывшіе у него „въ приближеніи и жалованіи“, „отъ людей ихъ чернымъ людемъ (чинились) насильства и грабежъ“, которые переносились съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ, что исходили не отъ законнаго государя, а отъ его „вельможъ“ и ихъ дворни. И точно также, какъ и въ 1648 г. даютъ себя угадать за кулисами трагедіи, разыгравшейся на площади передъ соборной церковью Пречистой, дворцовыя интриги и борьба придворныхъ партій. И Царственная Книга, и самъ Иванъ въ письмахъ къ Курбскому говорятъ объ этомъ совершенно опредѣленно: „бояре по своей къ Глинскимъ недружбѣ наустиша черни“, ихъ, бояръ, „наущеніемъ множество народа неистовыхъ“ расправилось съ Юріемъ Глинскимъ; словомъ, бояре использовали броженіе въ народѣ, чтобы свести личные счеты, „аки благополучно время измѣнничьей своей злобѣ улучиша“. Если принимать дословно разсказъ Царственной Книги, то выходъ бояръ къ народу на площадь къ Пречистой сыгралъ ту рѣшающую роль, какъ и позднѣе выѣздъ Ник. Ив. Романова на Лобное мѣсто. Любопытнѣе всего, что въ числѣ бывшихъ „въ совѣтѣ семъ“ бояръ лѣтопись называетъ дядю царицы Григорія Юрьевича Захарьина, и, если вспомнить, что бракъ царя имѣлъ мѣсто 3 февраля, а бунтъ разыгрался 21 апрѣля, что онъ былъ направленъ противъ дядьевъ царя по матери, то выводъ совершенно ясенъ. Среди родственниковъ царя разгорѣлась борьба за вліяніе на молодого и неуравновѣшеннаго государя. Новая царская родня со стороны царицы торопилась удалить съ своего пути родню царя со стороны его матери и воспользовалась для этого народными волненіями.

Вступленіе на престолъ царя Ѳеодора тоже ознаменовалось безпорядками. Въ его лицѣ Москва видѣла государя, по природнымъ свойствамъ неспособнаго къ управленію, почти идіота, кругомъ котораго съ первыхъ же дней загорѣлась борьба его ближнихъ, его родни изъ-за власти. Говоря тяжелымъ, но по своему выразительнымъ, языкомъ Ивана Тимоѳеева, едва умеръ царь Иванъ, едва вельможи пришли въ себя, „яко отъ сна возбудившемся“—

„но малѣ многи нѣкіе отъ синклита, благородныя въ первыхъ... за гордостью въ лѣпоту ся облекошася и еже младоюнныя, и волю свою творити почаша, обновляху свою обновленіемъ и премѣненіемъ, яко орлы, юность, о оставшемъ же сынѣ царевѣ Ѳеодорѣ небрегше, мнѣвше его, яко не суща". При такихъ обстоятельствахъ имѣлъ мѣсто рядъ безпорядковъ, начавшихся тотчасъ же по смерти царя Ивана, но повторявшихся и въ 1585 и въ 1587 гг. Эти безпорядки захватили широкіе слои населенья: какъ и въ 1648 г., въ нихъ участвовали и тяглые, и служилые элементы — „the nobility and commonalty", какъ пишетъ Горсей. „И возмути вся чернь ратныхъ московскихъ людей", говорится въ Лѣтописи о многихъ мятежахъ, „пріидоша съ великою силой и со оружіемъ ко городу, и едва успѣша отъ нихъ затворити Кремль, пріидоша-же и приступаху къ Кремлю, и приставша къ черни рязанцы Ляпуновы и Кикины, иные городовые дѣти боярскіе". Приходится отмѣтить, что движеніе, какъ и въ 1648 г., вышло изъ среды черныхъ „мужиковъ", но что къ нему примкнули, какъ и тогда, городовые дворяне, очевидно „выборъ", присутствовавшій по условіямъ службы въ Москвѣ. Еще любопытнѣе показаніе очевидца, бывшаго въ то время въ Москвѣ, Сапѣги, объ участіи въ безпорядкахъ стрѣльцовъ. Въ 1585 г. опять упоминаются „служилые люди и чернь"; волненія 1587 г. захватили, повидимому, исключительно московскихъ „торговыхъ черныхъ людей".

Причины, вызывавшія эти безпорядки, вѣроятно довольно вѣрно опредѣлены Горсеемъ, который объясняетъ ихъ „тяжелыми податями, налогами и пошлинами", а также „взятками и вымогательствами чиновниковъ при прежнемъ царѣ". Но на фонѣ народнаго недовольства опять съ полной отчетливостью выступаютъ тѣ тренія, которыя имѣли мѣсто во дворцѣ на почвѣ соперничества изъ-за власти. За вліяніе на государя боролись „о немъ сильныя его, иже близе сущая", его „ближники"—родня его матери Романовы съ роднею его жены Годуновыми, и это отразилось на событіяхъ, происходившихъ на улицахъ Москвы. Въ 1584 г. толпа требовала выдачи Богдана Бѣльскаго, за спиной котораго стоялъ братъ царицы Борисъ Годуновъ, и привѣтствовала царскаго дядю Никиту Романова, который, какъ говоритъ Масса, „по мнѣнію народа имѣлъ много враговъ при дворѣ". Лѣтухинская Степенная книга, наоборотъ, утверждаетъ, что толпа поднялась въ защиту Годунова, и это совпадаетъ отчасти съ указаніемъ того же Массы, что Романовъ „опасался нападеній на свой домъ и не считалъ себя въ безопасности". Во всякомъ случаѣ, толпа имѣла свои симпатіи и антипатіи

во дворцѣ. Всѣ источники одинаково рисуютъ взаимныя отношенія царскихъ „ближниковъ".

Къ Годунову примыкалъ бывшій съ нимъ въ свойствѣ Бѣльскій, „весьма и супружнымъ усвоеніемъ со племенемъ бяше ему великій". Изъ-за него, по словамъ одного Временника, и произошло столкновеніе у Бориса съ прочими боярами, въ томъ числѣ съ Романовымъ, Шереметевымъ, Мстиславскимъ, Шуйскимъ; кромѣ послѣднихъ это все были родственники царя со стороны матери. Сапѣга пишетъ отъ 16 апрѣля, что Бѣльскій поднялъ стрѣльцовъ и хотѣлъ „побить" князей Мстиславскаго и Шуйскаго и Н. Р. Юрьева, и тогда Мстиславскій и Юрьевъ подняли противъ Бѣльскаго толпу. Когда вспыхнулъ бунтъ, то къ народу были посланы, если вѣрить Лѣтописи о многихъ мятежахъ, именно кн. И. Ф. Мстиславскій и Н. Р. Юрьевъ, которымъ было поручено „о томъ ихъ распрашивать, что ихъ приходъ въ городъ и на кого"? Они то и „возвѣстиша" царю, что народъ требуетъ выдачи Бѣльскаго, вслѣдствіе чего было рѣшено сослать его въ Н. Новгородъ. И такъ, на лицо дворцовая борьба среди царской родни, обычно возникавшій при новомъ государѣ вопросъ о томъ, кто будетъ руководить царемъ, „въ самодержательствѣ его умудряти и во всякомъ благопріятельствѣ снабдѣвати". Еще опредѣленнѣе этотъ вопросъ ставился въ 1587 г., когда московскіе безпорядки, захватившіе широкіе круги „торговыхъ мужиковъ", явились лишь отраженіемъ той сложной интриги во дворцѣ, посредствомъ которой хотѣли разорвать семейныя узы царя и устранить родню царицы отъ власти.

Если, такимъ образомъ, событія 1648 г. повторяютъ условія, которыя переживала Москва безпрестанно въ XVI вѣкѣ, то съ другой стороны они сплетаются съ событіями конца XVII столѣтія.

Въ стрѣлецкихъ бунтахъ, ознаменовавшихъ годъ смерти царя Ѳеодора Алексѣевича, мы въ сущности имѣемъ развитіе тѣхъ же условій. Глубокія соціальныя причины создали почву для выступленія стрѣлецкаго войска, и разгромъ Холопья приказа, сопровождавшійся уничтоженіемъ кабальныхъ документовъ, является наиболѣе яркимъ доказательствомъ тому. Поэтому естественно, что наряду со стрѣльцами, какъ и въ 1648 г., дѣйствующимъ элементомъ явилось и тяглое населеніе Москвы: въ челобитной, поданной стрѣльцами правительству тотчасъ послѣ бунта, названы „гости и разныхъ сотенъ торговые люди, всѣхъ слободъ посадскіе люди и ямщики". Рѣшающее значеніе именно стрѣльцовъ въ дворцовомъ переворотѣ, какъ мы видѣли, не было новостью; и при царѣ Федорѣ Ивановичѣ, и при царѣ Алексѣѣ безпорядки на

московскихъ улицахъ принимали легко характеръ стрѣлецкихъ бунтовъ. Но особенно ярко, безъ всякихъ недомолвокъ, выясняется въ событіяхъ 1682 года вліяніе семейныхъ распрей во дворцѣ на уличную революцію. Бунтъ разыгрался на почвѣ нездоровыхъ отношеній, создавшихся въ семьѣ покойнаго царя Алексѣя, на почвѣ стремленія Милославскихъ „прогнать“ изъ дворца царицу Нарышкину и всю Нарышкинскую родню.

Можно, такимъ образомъ, отмѣтить характерные моменты всѣхъ этихъ, раздѣленныхъ между собою десятками лѣтъ народныхъ волненій. Выражая собою глубокіе соціальные недуги, эти движенія нерѣдко охватываютъ широкіе слои населенія, но остаются преимущественно дѣломъ коренного столичнаго населенья— московской торговой черни и стрѣлецкаго войска, къ которымъ иногда примыкаетъ городовое дворянство; благопріятную почву создастъ для такихъ выступленій „всей земли“ моментъ смѣны государя на престолѣ и связавной съ ней борьбы царской родни за право управлять именемъ новаго „державца“.

Во всемъ этомъ есть много чуждаго нашимъ современнымъ представленьямъ, есть много поводовъ говорить о случайности отмѣченныхъ явленій, и попытка установить внутреннюю связь и закономѣрность этихъ выступленій московскаго люда можетъ вызвать извѣстную долю сомнѣній. Повидимому, однако, такую связь и закономѣрность приходится констатировать.

Условія политическаго и соціальнаго быта Московскаго государства создавали почву для постояннаго неудовольствія, для хроническаго броженія среди массъ, но въ странѣ съ немногими крупными центрами, притомъ разобщенными обширными пространствами, это глухое недовольство могло проявляться лишь въ отдѣльныхъ вспышкахъ, лишь въ случайныхъ погромахъ въ моменты временнаго ослабленья власти. Политическая революція въ Россіи и въ позднѣйшія, гораздо болѣе близкія къ намъ времена сохраняла въ сущности тѣ же черты случайности и разобщенности. Тѣ же условія объясняютъ рѣшающую роль, которую во всѣхъ этихъ отдѣльныхъ мятежахъ играли гарнизонъ большихъ городовъ и наличность дворянскаго „воинства“. Что касается попытокъ дворцовыхъ партій вовлечь въ разрѣшеніе своихъ споровъ за власть столичный „міръ“, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ своеобразной и очень примитивной формой организаціи правительства, формой тоже не случайной, характерной для извѣстной стадіи политическаго развитія, когда болѣе откровенно, чѣмъ теперь, всякое правительство строилось на чисто личныхъ отношеніяхъ отдѣльныхъ лицъ къ носителю верховной власти, а выраженья общественнаго мнѣнья мыслились лишь въ видѣ уличныхъ погромовъ.

А. Яковлевъ.

Засѣчная черта Московскаго государства [1]).

Устройство лѣсныхъ заваловъ или засѣкъ всегда было употребительнымъ средствомъ самозащиты въ мѣстностяхъ богатыхъ лѣсомъ. Московское государство прибѣгаетъ къ устройству засѣкъ на всѣхъ фронтахъ своей обороны, но особенно въ ходу этотъ способъ защиты былъ на южныхъ границахъ государства. Мы встрѣчаемъ здѣсь не только отдѣльныя засѣки (напр. Алатырскую, Арзамасскую, Атемарскую, Бѣлгородскую, Донецкую, Мценскую, Орловскую, Хотьмыжскую и др.), но и цѣлую систему засѣкъ, преграждавшую доступъ къ центру государства на ломанной линіи Шацкъ-Ряжскъ-Рязань-Тула-Одоевъ-Бѣлевъ-Козельскъ. Засѣчные лѣса, изъ которыхъ эта система была составлена, тщательно оберегались въ теченіе столѣтій штатомъ спеціальныхъ должностныхъ лицъ (засѣчныхъ воеводъ, головъ, приказчиковъ и сторожей) и силами всего окрестнаго крестьянскаго населенія. Прогалы между лѣсами восполнялись искусственными сооруженіями — валами, рвами, частоколами, фортами съ артиллеріей и т. д.

Въ составъ этой системы засѣкъ или „черты“, какъ ее называли въ XVI—XVII вѣкахъ, входили слѣдующія отдѣльныя засѣки и группы засѣкъ: 1) Шацкая, 2) Ряжскія, 3) Рязанскія, 4) Каширскія, 5) Веневская, 6) Тульскія, 7) Крапивенскія, 8) Одоевскія, 9) Лихвинскія, 10) Перемышльская, 11) Козельскія, 12) Бѣлевскія.

Ближайшимъ образомъ направленіе черты опредѣлялось такъ: Шацкая засѣка начиналась отъ р. Шачи и проходила мимо селеній Конобѣева, Петковой, Пролома, Карнауховой, Нагишевой, Подъисакова, Гавриловой, Карауловой, Тимошкина. Шацкая засѣка кончалась около впаденія р. Пары въ Оку. Ряжскія засѣки (Липская,

---

[1]) Подробности въ моей работѣ „Засѣчная черта Московскаго государства въ XVII в.“ Москва. 1916 г.

Пустотинская, Рановская) начинались у рѣки Пары и шли мимо селеній Ворги, Булатовой, Константиновскаго, Засыпкина, Демьянова, Ключа, Пустотина, Лучинскаго, Ухорской, Чигасова, Жаркой, Петровской слободы, Дмитровскаго монастыря, Вослебы, Вердерева, Чулкова, Бостыни, Городенской слободы. Рязанскія засѣки (Вожская и Красносельская) начинались около устья р. Вожи и простирались до рѣки Осетра. Онѣ шли мимо селеній Валищевой, Ногина, Истопниковъ, Бойчицъ, Аблова, Митинскаго. Каширскія засѣки (Почесская и Оленковская) начинались у замка Рязанскихъ засѣкъ и шли мимо селеній Аринкина, Жимолостева, Беззубова, Селиной, Долженкова, Малыни, Аряхиной, Клементьевой, Мягкаго, Узунова, Глубокаго, Оленкова, Воскресенскаго. Веневская Веркушинская Княжая засѣка упиралась въ Каширскую Оленковскую засѣку и шла до г. Венева мимо селеній Миршина, Клина, Карповой, Гурьевой, Пилюгиной, Алитовки. Тульскія засѣки (Кортосеневская и Щегловская) начинались отъ замка Оленковской засѣки и шли мимо селеній Великополья, Сончиной, Боярской, Студенца, Глѣбкова, Потетина, Роговой, Грецовой, Филатовой, Митюшина, Медвенокъ, Гнѣздиной, упираясь въ Тулу.

Завитай (система искусственныхъ сооруженій) продолжалъ эти двѣ засѣки на югъ отъ Тулы. Тульская Корницкая засѣка находилась на отлетѣ, какъ бы служа продолженіемъ Веневской Княжой засѣки. Начинаясь около села Хавки, Корницкая засѣка сходилась подъ Тулой со Щегловской засѣкой. Крапивенскія засѣки (Малиновая и Заупская) примыкали на востокѣ къ Завитаю и шли мимо селеній Ясной Поляны, Мининской, Супрута, Веригина, Ланской, Никольскаго, Малаховой, Труфановой, Воздрима, Орловой. Одоевскія засѣки (Снецкая и Полошевская) служили продолженіемъ Крапивенскихъ и шли мимо селеній Слободки, Кузменокъ, Денисовой, Батковой, Фетисовой, Козюлькиной, Павловскаго, Мишенской. Лихвинскія засѣки были расположены по обѣимъ сторонамъ Оки: Уляжская-Семеновская, Боровенская, Толкижская на правомъ, а Слободецкая на лѣвомъ ея берегу. Уляжская и Боровенская засѣки шли мимо селеній Батковой, Васильевскаго, Кулешова, Кипети, Фролова, Воробьевой. Толкижская засѣка шла мимо селеній Мощены, Полянъ, Русановой, Мишневой. Слободецкая засѣка шла мимо селеній Мышбора, Переславичей, Кипети, Кулешовой, Косыни, Истока. Перемышльская засѣка шла отъ устья Жиздры и упиралась въ замокъ Слободецкой засѣки. Около Перемышльской засѣки были расположены селенія Букрѣева, Шаровскій монастырь, Рыченки, Алопова, Прыски.

Козельскія засѣки (Столпицкая, Дубенская, Кцынская и Се-

нецкая) шли отъ замка Слободецкой засѣки до р. Сенеди мимо селеній Дешевки, Березичей, Озерна, Грыни, Вейна, Кирѣевской, Стаговищей, Плохина, Весниня, Афонасовой, Нагой, Сагалаевой, Ракзиной, Ясени, Столбчаго, Улановой, Кыыни, Сусѣя, Вязовки, Хвостовичей, Боровой, Долецъ, Устовъ, Дубровки, Полюдов й. Бѣлевскія засѣки (Бобриковская и Бедяшевская) начинались между Столпицкой и Дубенской засѣками около рѣки Бобрика и шли на востокъ за Оку мимо селеній Гринина, Сухачева, Познякової, Слободки, Савенковой, Бѣляевой, Желѣзной, Фурсовой, Вязовны, Засадовой, Есенокъ, Рахлѣевой, Манаенокъ, Лелюхиной, Сорокалѣтовой, Халезовой.

Общее протяженіе черты превосходило 1000 верстъ.

Р. Брандтъ.

Воскресающій Наполеонъ

у Лермонтова и въ его нѣмецкомъ образцѣ.

Давно извѣстно и отмѣчается въ изданіяхъ Лермонтова, что „Воздушный корабль“ невполнѣ оригинальное произведеніе, а примыкаетъ къ стихотворенью одного нѣмецкаго поэта.

Этотъ образецъ мнѣ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ хотѣлось, но все не удавалось, отыскать — нѣмецкое стихотвореніе не пользуется извѣстностью. Къ тому же я сначала искалъ его по искаженной фамиліи автора—Зейдлицъ (въ искаженіи повиненъ, кажется, самъ Лермонтовъ), и лишь впослѣдствіи сообразилъ, что „З“ можетъ быть ошибочнымъ чтеніемъ, на французскій ладъ, вмѣсто нѣмецкаго „Z“, и что настоящее имя звучитъ „Цедлицъ“.

Но и подъ вѣрной фамиліей автора я въ московскихъ библіотекахъ, а лѣтомъ 1914-го года въ лейпцигской университетской, напрасно искалъ заинтересовавшее меня произведеніе, которое, наконецъ, нашлось въ лейпцигской городской, гдѣ мнѣ удалось прочесть его въ книжкѣ, въ 16-ю долю, Стихотворенія барона Іосифа Христіана Цедлица: Gedichte von J. Ch. Freiherrn von Zedlitz. Stuttgart J[ohann] G[eorg] Cotta'scher Verlag. 1859. Тамъ, на страницахъ 109—112, читается баллада „Корабль-привидѣніе (Das Geisterschiff)“.

Правда, задавшись, по возвращеніи въ Москву, вопросомъ о существованіи въ текстѣ „Воздушнаго корабля“ разночтеній и просмотрѣвъ его во всѣхъ мнѣ доступныхъ изданіяхъ Лермонтова, я убѣдился, что мое „открытіе“ предвосхищено другимъ, и фамилія нѣмецкаго автора уже нѣсколько разъ печаталась правильно. (Иные издатели, впрочемъ, повторяли старую ошибку) [1].

---

[1]) Разночтеній, кажется, нѣтъ; попалось въ одномъ изданіи „подъ снѣгомъ холоднымъ Россіи“ вм. „холодной“, а въ другомъ — „любимаго сына“ вм. „любезнаго“; но это, видно, лишь недосмотры.

А именно, разыскалъ „Geisterschiff“ и сличилъ съ лермонтовской передѣлкой уже Иннокентій Михайловичъ Болдаковъ, сообщающій о своихъ наблюденіяхъ въ примѣчаніи къ соотвѣтственному мѣсту проредактованнаго имъ изданія нашего поэта [1]. Болдаковъ пользовался стихотвореніемъ Цедлица, жившаго съ 1790 года до 1862, т. е. бывшаго Лермонтову старшимъ, но пережившимъ его современникомъ, въ болѣе раннемъ изданіи — 1832 года. Тамъ, по указанію Болдакова, „Корабль-привидѣніе“ читается на страницахъ 81—83. (А на 15—18 напечатано другое, донынѣ весьма извѣстное у нѣмцевъ, наполеоновское стихотвореніе: „Ночной смотръ“ — „Die nächtliche Heerschau“, распространенное и у насъ въ переводѣ Жуковскаго).

Въ виду того, что Болдаковъ (какъ и естественно, говоря о дѣлѣ въ примѣчаніи, а не въ особой статьѣ) лишь довольно общо указываетъ отношеніе Лермонтова къ Цедлицу, считаю нелишнимъ напечатать свое болѣе подробное сопоставленіе „Воздушнаго корабля“ съ „Кораблемъ-привидѣніемъ“, равно какъ сдѣлать рѣдкое нѣмецкое стихотвореніе легко доступнымъ русскимъ читателямъ, перепечатавъ его здѣсь параллельно съ русскимъ и снабдивъ буквальнымъ переводомъ [2]).

Воздушный корабль.	Корабль-привидѣніе.	Das Geisterschiff [3]).
1. По синимъ волнамъ океана, Лишь звѣзды блещутъ въ небесахъ. Корабль одинокій несется, Несется на всѣхъ парусахъ.	1. Бушуютъ вѣтры, туманы плывутъ, Небо пусто отъ звѣздъ; Высоко по-надъ пѣнящимися валами паритъ парусъ по морю.	1. Es rauschen die Winde, die Nebel ziehn, Der Himmel ist sternenleer; Hoch über den schäumenden Wogen hin Durchschwebt ein Segel das Meer.

[1]) „Сочиненія М. Ю. Лермонтова. Повѣренное по рукописямъ изданіе съ портретомъ автора, подъ редакціей и съ примѣчаніями И. М. Болдакова, библіотекаря ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной библіотеки. Изданіе Елизаветы Гербекъ“. Москва, 1891. Томъ II. Стран. 371—378. Указанія Болдакова повторяются вкратцѣ въ Академическомъ изданіи: „Академическая Библіотека Русскихъ Писателей. Выпускъ 3-й. Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томъ второй. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Проф. Д(имитрія) И(вановича) Абрамовича. Изданіе Разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ“. С.-Петербургъ 1910, гдѣ „Воздушный корабль“ напечатанъ подъ № 85.—Срв. также ниже, прим. 3.

[2]) Къ такому переводу я уже прибѣгалъ въ статьяхъ „Ленора, Людмила и Нерина“ (Русскій Филологическій Вѣстникъ, XXXV) и „Объ Ивиковыхъ журавляхъ въ переводѣ Жуковскаго“ (Филологическія Записки, 1905). Срв. въ послѣдней статьѣ примѣчаніе 8.

[3]) Уже по написаніи этой статьи я узналъ, что нѣмецкій текстъ до меня былъ перепечатанъ однимъ издателемъ Лермонтова, Бархинымъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько подробнѣе Болдакова говоритъ объ отноше-

2. Не гнутся высокія мачты, На нихъ флюгера не шумятъ, И молча въ открытые люки Чугунныя пушки глядятъ.

2. Корабль, управляемый рукою духа, Въ неудержимомъ бѣгѣ; Ему не вредитъ никакая буря, никакой утесистый берегъ, Ни одного живого не пребываетъ на немъ.

2. Das Schiff ist, gesteuert von Geisterhand, In unaufhaltsamem Lauf; Ihm schadet kein Sturm, kein Klippenstrand, Kein Lebender weilet darauf.

3. Не слышно на немъ капитана, не видно матросовъ на немъ; Но скалы и тайныя мели, И бури ему ни по чемъ.

3. Далеко за моремъ, гдѣ волна молчитъ, Островъ скрыто лежитъ: Одинокая скала къ небу возносится, Облако главу ея облетаетъ.

3. Weit über der See, wo die Welle schweigt, Ein Eiland verborgen liegt: Ein einsamer Fels zum Himmel steigt, Die Wolke sein Haupt umfliegt.

4. Есть островъ на томъ океанѣ, Пустынный и мрачный гранитъ; На островѣ томъ есть могила, А въ ней императоръ зарытъ.

4. Тамъ не цвѣтетъ стебля, тамъ не зеленѣетъ дерева, Ни одна птица своего гнѣзда тамъ не вьетъ; Только орелъ одинъ изъ воздушнаго пространства Застывшую пустынность озираетъ.

4. Dort blühet kein Halm, dort grünet kein Baum, Kein Vogel sein Nest dort baut; Nur der Adler allein aus der Lüfte Raum Die starrende Oede beschaut.

5. Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ Врагами въ сыпучій песокъ; Лежитъ на немъ камень тяжелый, Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

5. Тамъ находится королёва одинокая могила, Въ пустынѣ, неогорожена; Только его шпага, его шляпа, его золотой жезлъ Положены поперекъ гроба.

5. Dort ist des Königs einsames Grab, In der Wüste, uneingehegt; Nur sein Degen, sein Hut, sein goldener Stab Sind über den Sarg gelegt.

6. И въ часъ его грустной кончины, Въ полночь, какъ свершается годъ, Къ высокому берегу тихо Воздушный корабль пристаетъ.

6. Ни одного существа не живетъ кругомъ, и міровая волна Не ударяетъ въ его усталое ухо, Ни одного взора не падаетъ На печальное оно-чивалище. А все-таки онъ былъ королемъ передъ тѣмъ.

6. Kein Wesen lebt rings, und die Woge der Welt schlägt nicht an sein müdes Ohr, Kein Blick auf die traurige Ruhstatt fällt, Und doch war er König zuvor!

7. Изъ гроба тогда императоръ, Очнувшись, является вдругъ, — На немъ треугольная шляпа И сѣрый походный сюртукъ.

7. И мѣняется луна, и годъ истекаетъ, А покойникъ лежитъ неподвижно; Когда пятая ночь мая начинается, Только тогда трупъ шевелится.

7. Und es wechselt der Mond, und das Jahr verrinnt, Und der Todte liegt unbewegt; Wenn die fünfte Nacht des Maien beginnt, Nur dann sich der Leichnam regt.

ми русской баллады къ ея образцу, при чемъ приводитъ сужденія нѣмецкаго переводчика Лермонтова, Фридриха Фидлера, и французскаго изслѣдователя его—Дюшена (E. Duchesne). „Школьная библіотека великихъ писателей съ подробными историко-литературными комментаріями“. Сочиненія М. Ю. Лермонтова съ объяснительною статьею Константина Архина, преподавателя Одесской гимназіи М. Иглицкаго, Торговой Школы и Курсовъ сценическаго искусства О. Рахмановой. Часть I. Лирическія стихотворенія. Изданіе Книгоиздательства „Порядокъ“ С. К. Цессарскаго въ Одессѣ. 1912. Стран. 192—194 и 120. Однако и послѣ Архина моя статья не является безполезнымъ повтореніемъ.

8. Скрестивши могучія руки. Главу опустивши на грудь, Идетъ и къ рулю онъ садится И быстро пускается въ путь.

9. Несется онъ къ Франціи милой, Гдѣ славу оставивъ и тронъ, Оставилъ наслѣдника-сына И старую гвардію онъ.

10. И только что землю родную Завидитъ во мракѣ ночномъ, Опять его сердце трепещетъ, И очи пылаютъ огнемъ.

11 На берегъ большими шагами Онъ смѣло и прямо идетъ,—Соратниковъ громко онъ кличетъ И маршаловъ грозно зоветъ.

12. Но спятъ усачи-гренадеры Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ, Подъ снѣгомъ холодной Россіи, Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

13. И маршалы зова не слышатъ: Иные погибли въ бою, Другіе ему измѣнили И продали шпагу свою.

14. И, топнувъ о землю ногою, Сердито онъ взадъ и впередъ По тихому берегу ходитъ, И снова онъ громко зоветъ.

8. То—ночь, когда отъ свѣта вспарилъ его нуждавшійся въ покоѣ духъ, То—ночь когда трупъ, оживленнымъ, Встаетъ и по землѣ бродитъ

9. Тогда ждетъ корабль у одинокаго берега, Съ парусами, вздутыми вѣтромъ; Высоко вѣетъ съ мачты лента флага—Золотыя пчелы въ бѣломъ полѣ.

10. И король садится на него, — тотъ несется впередъ, Какъ птица въ бурной поспѣшности; Ни одного весла не движется, ни одного корабельщика нѣтъ внутри, который, управляя, руль схватилъ.

11. Королёво привидѣніе одно только стоитъ И присматривается вдаль въ ночь, И его грудь вздымается, и его дыханіе вѣетъ, И огонь взоръ проснулся

12 Корабль пристаетъ у знакомаго берега, И онъ протягиваетъ свои руки восторженно. Ликуетъ его душа: это его страна, Его страна это, которую онъ „увидываетъ“ [2]).

13. И онъ выдѣзаетъ изъ корабля, на землѣ онъ стоитъ, Которая нѣкогда топотъ его ноги знала. И трепещетъ ея лоно, гдѣ онъ ходитъ отправляется, Звѣзда, которая теперь отгорѣла.

14. Онъ ищетъ своихъ городовъ, и ихъ не находитъ; Онъ ищетъ народовъ кругомъ, Которые, когда онъ ходилъ въ солнечномъ свѣтѣ, Его „обволновывали“, какъ вздувающееся море.

8. Dies ist die Nacht, wo der Welt entschwebt Sein ruhebedürftiger Geist, Dies ist die Nacht wo die Leiche, belebt, Ersteht und auf Erden kreist.

9. Dann harret ein Schiff [1]) am einsamen Strand, Vom Winde die Segel geschwellt; Hoch wehet vom Mast der Flagge Band—Goldne Bienen im weissen Feld.

10. Und der König besteigt's, es flieget dahin, Wie ein Vogel in stürmischer Hast; Kein Ruder bewegt sich, kein Schiffer ist drin, Der lenkend das Steuer gefasst.

11. Des Königs Schemen allein nur steht Und spähet hinaus in die Nacht, Und sein Busen fliegt, nnd sein Athem weht, Und das Feuer des Blicks ist erwacht.

12. Das Schiff legt an am bekannten Strand. Und er streckt seine Arme entzückt, Es jauchzt seine Seele: es ist sein Land, Sein Land ist's, das er erblickt.

13. Und er steigt aus dem Schiff, auf der Erd' er steht, Die einst seinen Fusstritt gekannt; Und es bebt ihr Schooss, wo er wandeln geht, Der Stern, der nun ausgebrannt.

14. Er sucht seine Städte, und findet sie nicht; Er suchet die Völker umher, Die, als er gewandelt im Sonnenlicht, Ihn umwogt, wie ein fluthendes Meer.

---

[1]) „Ein“, вмѣсто ожидаемаго „das“.—Рѣчь, конечно, идетъ о выше упомянутомъ кораблѣ, — читается у Цедлица, по крайней мѣрѣ въ бывшемъ у меня изданіи, а также въ перепечаткѣ Бархина.

[2]) Употребивъ здѣсь глаголъ „увидывать“, а ниже „обволновывать“ и „раздребезжить“, я долженъ оговорить, что переводимыя ими нѣмецкія слова—обычныя, а не созданныя по случаю.

15. Зоветъ онъ любезнаго сына, Опору въ превратной судьбѣ, Ему обѣщаетъ полміра, А Францію только себѣ.

16. Но въ цвѣтѣ надежды и силы Угасъ его царственный сынъ, И долго, его поджидая, Стоитъ императоръ одинъ.

17. Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ, Пока озаритъ ея востокъ, И капаютъ горькія слезы Изъ глазъ на холодный песокъ.

18. Потомъ на корабль свой волшебный, Главу опустивши на грудь, Идетъ и махнувши рукою, Въ обратный пускается путь.

15. И онъ ищетъ свѣ- его престола, и онъ „раздребезжёнъ“, Который онъ высоко въ облака построилъ, Съ котораго онъ у ногъ своихъ на міръ, На служебную глыбу, смотрѣлъ.

16. Онъ ищетъ дитя, его сердцу столь милое, Которому государство онъ въ наслѣдье сулилъ. Наслѣдье исчезло, дитяти не сохранилось Даже имени, которое онъ ему оставилъ!

17. „Гдѣ ты“—такъ зоветъ онъ—„о дитя, которое уже Въ колыбели коронами играло? Дни счастія, они убѣжали, Когда въ отцовскихъ объятіяхъ я тебя держалъ!

18 Моей любви супруга! моего сердца сынъ!— Пропалъ весь мой родъ! Кто слугой былъ, сидитъ на королёвомъ престолѣ, А король опять (сталъ) слугою!“

15. Und er sucht seinen Thron, und er ist zerschellt, Den er hoch in die Wolken gebaut, Von dem er zu seinen Füssen die Welt, Eine dienstbare Scholle, geschaut [1]).

16. Er sucht das Kind, seinem Herzen so lieb, Dem das Reich er zum Erbe verhiess,—Das Erb' ist verschwunden, dem Kinde blieb Selbst der Name nicht, den er ihm liess.

17. „Wo bist du?“—so ruft er—„o Kind, das schon in der Wiege mit Kronen gespielt? Die Tage des Glücks, sie sind entflohn, Als im Vaterarm ich dich hielt!

18. Meiner Liebe Weib meines Herzens Sohn! — Dahin mein ganzes Geschlecht! Der Knecht war, sitzt auf des Königs Thron, Und der König ist wieder Knecht!“

Изъ представленныхъ текстовъ ясно, что сходство лермонтовскаго стихотворенія съ цедлицевскимъ довольно отдаленное, и въ сущности ограничивается тѣмъ, что и здѣсь и тамъ Наполеонъ встаетъ изъ могилы, ночью, въ годовщину своей смерти, и на волшебномъ, безэкипажномъ кораблѣ ѣздитъ во Францію, гдѣ тщетно призываетъ своихъ сподвижниковъ и наслѣдника.

Сходство же выраженій можно усмотрѣть лишь въ немногихъ случаяхъ. Такова безвредность для корабля бурь и утесовъ (3-я строфа у Лермонтова, 2-ая у Цедлица); „пустынный гранитъ“ и пустынность „одинокой скалы“ (Лерм., стрф. 4, Цедл., 3 и 4); „несется на всѣхъ парусахъ“ и „паруса, вздутыя вѣтромъ“ (Лерм., стрф. 1, Цедл. 9); „очи пылаютъ огнемъ“ и „огонь взора проснулся“ (Л., 10, Ц. 11), и только.

Можно, впрочемъ, указать еще нѣсколько выраженій, идущихъ изъ Цедлица, но не изъ „Корабля-привидѣнія“, а изъ „Ночного смотра“, что уже и сдѣлалъ Болдаковъ. А именно, чудные стихи „Но спятъ усачи-гренадеры Въ равнинѣ гдѣ Эльба шумитъ, Подъ снѣгомъ холодной Россіи, Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ“

[1]) У Бархина, вм. Eine dienstbare Scholle, напечатано „Seine“ (его, свою): но это скорѣе, думается мнѣ, недосмотръ, чѣмъ разночтеніе.

явно примыкаютъ къ слѣдующимъ (менѣе удачнымъ) стихамъ: „И которые въ глубокомъ (на дальнемъ) сѣверѣ Окоченѣли въ снѣгу и во льду, И которые въ Италіи лежатъ, гдѣ имъ земля слишкомъ горяча, И которыхъ нильскій илъ покрываетъ и аравійскій песокъ (Und die im tiefen Norden Erstarrt in Schnee und Eis, Und die in Welschland liegen, Wo ihnen die Erde zu heiss, Und die der Nilschlamm decket Und der arabische Sand" —строфы 4 и 5); также извѣстное „На немъ треугольная шляпа И сѣрый походный сюртукъ" видимо основано на цедлицевскихъ стихахъ: „На немъ маленькая шляпка, На немъ простое платье—Er trägt ein kleines Hütchen, Er trägt ein einfach Kleid",—строфа 10, причемъ опять лучше своего образца. Еще должно оговорить, что Лермонтовъ (хотя несомнѣнно знать „Ночной смотръ" по-нѣмецки, разъ онъ зналъ даже менѣе извѣстный „Корабль-привидѣніе") явно заимствовался не изъ подлинника, а изъ перевода Жуковскаго [1]), т. к. тамъ сходство гораздо значительнѣе: „встаютъ старики-гренадеры, Встаютъ изъ-подъ русскихъ снѣговъ, Съ роскошныхъ полей италійскихъ, Встаютъ съ африканскихъ степей, Съ горячихъ песковъ Палестины.... Сѣдые гусары встаютъ, Встаютъ усачи-кирасиры"; второму же мѣсту соотвѣтствуютъ слова: „На немъ сверхъ мундира сюртукъ, Онъ съ маленькой шляпой и шпагой" [2]).

Что касается внѣшней стороны „Воздушнаго корабля" и „Корабля-привидѣнія", то нѣмецкій образецъ превосходитъ передѣлку тѣмъ, что прориемованъ, тогда какъ по-русски риемовка половинная, такъ что женскія окончанія не риемуются. Послѣдній пріемъ мы у Цедлица видимъ въ „Ночномъ смотрѣ", и онъ м. б. оттуда перешелъ къ Лермонтову, когда тотъ, надо полагать на память, пересказывалъ „Корабль-привидѣніе", подъ нѣкоторымъ вліяніемъ „Ночного смотра" [3]).

Съ другой стороны преимуществомъ, по крайней мѣрѣ для

---

[1]) Онъ это могъ: его «Воздушный корабль» относится къ 1840 году, а переводъ „Ночного смотра" —къ 1836.

[2]) Отзвукомъ образца въ „Воздушномъ кораблѣ" является, пожалуй, еще упоминаніе о звѣздахъ и о рулѣ. Но Цедлицъ выводитъ передъ нами свой корабль въ беззвѣздную ночь, а Лермонтовъ появленіемъ звѣздъ указываетъ на наступленіе ночи (строфы 1-ыя); Цедлицъ говоритъ разъ о правящемъ духѣ, разъ—объ отсутствіи кормчаго (строфы 2-ая и 10-ая), а у Лермонтова самъ Наполеонъ направляетъ корабль ко Франціи (строфы 8-ая и 9-ая). Изъ Цедлица можно выводить еще, опять-таки примѣненный иначе и удачнѣе, „топотъ" Наполеона (Цедл., стрф. 13-ая, Лерм. 14-ая).

[3]) Для помнящихъ 1-ую строфу цедлицевскаго „Смотра" не мѣшаетъ оговорить, что имѣющаяся въ ней женская риома „Stunde-Runde"—случайная.

русскаго уха, оказывается у Лермонтова правильный размѣръ: трехстопный амфибрахій, то полный, то усѣченный (значитъ, въ нечетныхъ стихахъ—девятисложный, въ четныхъ—восьмисложный); при цедлицевскомъ колебаніи нечетныхъ стиховъ между 9-ю, 10-ю и 11-ю слогами, а четныхъ—между 9-ю, 8-ю и 7-ю, съ постоянными сбоями на ямбы и анапесты, хотя дѣло и не доходитъ до настоящей „дубинности“ (Knüttelverse), каковая попадается напр. у великаго Гёте. Выровнявши стихи „Корабля-привидѣнія,“ мы получили бы одинадцати-восьмисложные (неполные четырехстопные и трехстопные) амфибрахіи, по схемѣ:

⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑ | ⏑ —
⏑ — ⏑ | ⏑ — ⏑ | ⏑ —.

„Смотръ“ же представляетъ, какъ основной размѣръ, вполнѣ выдержанный въ приведенномъ выше двустишіи изъ 10-ой строфы ямбъ—(четырехстопный-неполный, и трехстопный).

⏑ — | ⏑ — | ⏑ — | ⏑
⏑ — | ⏑ — | ⏑ — ,

правда, съ примѣсью амфибрахіевъ и анапестовъ, а въ начальной стопѣ также хореевъ. Болдаковъ, такимъ образомъ, ошибается, говоря, что Лермонтовъ „по размѣру“ воспроизвелъ въ „Воздушномъ кораблѣ“ цедлицевскій „Ночной смотръ“ [1]): онъ хотя и выровнялъ размѣръ и укоротилъ на 2 слога нечетные, стихи, все-таки держался „Корабля-привидѣнія“.

Что̀ касается изложенья, то „Корабль-привидѣніе“ отличается отъ своей передѣлки большею риторичностью и меньшею точностью образовъ и выраженій.

Можетъ развѣ при бушующемъ вѣтрѣ разстилаться туманъ? (стрф. 1). Удачно ли утвержденіе, что около скалистаго острова „волна молчитъ“ (стр. 3)? Не является ли неумѣстнымъ преувеличеньемъ вздыманіе скалы до облаковъ? (Тмж). Развѣ островъ въ открытомъ морѣ можно назвать „скрытымъ“? Онъ только далекъ (Тмж.). Не прозаично ли выраженіе „когда начинается ночь пятаго мая“? (стрф. 7). Къ чему на нашемъ кораблѣ „весла“ (стрф. 10)?—это же нетріира и не галера! Совсѣмъ некстати Наполеонъ (д. б., для болѣе удобнаго сопоставленія съ Людовикомъ XVIII) названъ „королемъ“

---

[1]) Неправильно также мнѣніе Бархина (соч. „М. Ю. Лерм., 1, стр. 123), будто стихи „Воздушнаго корабля“ легко превратить въ безусловно риѳмованные, слившіе ихъ попарно: получаемые при этомъ 17-тисложные стихи при чтеніи неминуемо опять распадутся.

строф. 5, 10, 11 и 18 [1]). И можно ли говорить (строф. 18), что Людовикъ XVIII и Наполеонъ, на дѣлѣ бывшіе изгнанникомъ и плѣнникомъ, были „слугами“ или „рабами“? Не согласна съ исторіей также жалоба, что „погибъ весь родъ“ Наполеоновъ, тогда какъ родъ продолжается донынѣ, а въ лицѣ племянника Наполеона Великаго, Наполеона III-го, даже возвращался на престолъ. Утраченная супруга (Марія Луиза) для Наполеона, конечно, была не любимою женою, какъ у Цедлица (18-ая строфа), а цесаревною, союзъ съ которою льстилъ его самолюбію. Странно, высадясь на пустынномъ побережьѣ (оно, очевидно, таково, хотя прямо этого не говорится), тутъ-же „искать“ (строфы 14—16) „городовъ, народовъ, престола и наслѣдника“!

Правда, при нѣкоторой придирчивости, нашлось бы, въ чемъ упрекнуть и Лермонтова. Неудачнымъ считаю, хотя и привычное намъ, заглавіе: вѣдь воскресающему во плоти Наполеону, „топающему о землю ногою“ (строф. 14), корабль „воздушный“ (эѳирный, призрачный) не годится, да на лермонтовскомъ кораблѣ вѣдь и находятся пушки (строф. 2). Догадываюсь, что заглавіе возникло до написанья самаго стихотворенія, подъ вліяніемъ большей туманности образовъ у Цедлица, а въ частности—выраженія „На легкихъ воздушныхъ коняхъ (auf luftigen Pferden)“—стихъ 23-й, строфа 7-ая, въ „Ночномъ смотрѣ“ [2]). Сомнительнымъ мнѣ кажется, чтобы мачты гнулись (строф. 2)—иначе, какъ въ бурю [3]), и чтобы легкій порохъ узкихъ кусковъ матеріи на мачтахъ, „флюгеровъ“ (тамъ-же), былъ бы слышенъ наблюдателю и заслуживалъ названіе „шума“. Слова: „Лежитъ на немъ камень тяжелый, Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ“ (строф. 5), сами по себѣ красивыя, кажется некстати предвосхищаютъ дальнѣйшее повѣствованіе. Въ слѣдующей строфѣ начальный союзъ „И“ заучитъ по-нѣмецки или по-французски, гдѣ единительное „und“ „et“, отвѣчаетъ и за наше слегка противоставное „а“. (Здѣсь я бы даже употребилъ сильно противительное „но“, что и дѣлалъ невольно, читая „Воздушный корабль“ на память). Излишне, и прибавлено только для риѳмы, мѣстоименіе въ выраженьи „Несется онъ къ Франціи милой, Гдѣ славу оставилъ и тронъ, Оставилъ наслѣдника-сына И старую

[1]) Эта неловкость, впрочемъ, увеличилась въ моемъ переводѣ: пожалуй, слѣдовало бы вспомнить объ употребленьи слова König про древнихъ государей греческихъ и римскихъ, а также про сказочныхъ, и перевести его „царь“.

[2]) Эпитетъ „воздушный“ повторяется въ 6-ой строфѣ нашего стихотворенія, а въ заключительной—корабль названъ вѣрнѣе: „волшебнымъ“.

[3]) Хотя у Лермонтова и въ другомъ превосходномъ стихотвореніи, въ „Парусѣ“, мачта въ тихую погоду „гнется“.

гвардію онъ" (стрф. 9). Наконецъ, въ строфѣ 11, слово „соратники" стоитъ вмѣсто безпредложнаго „ратники".

Зато, въ общемъ, какъ лермонтовскія выраженія мѣтки и картинны! Отмѣчу хоть слѣдующія: капитана, когда онъ распоряжается на суднѣ, громко командующаго, на волшебномъ кораблѣ „не слышно", матросовъ, безпрекословно ему повинующихся „не видно" (стрф. 3); корабль пристаетъ „къ высокому берегу", откуда пловецъ прямо можетъ ступить на палубу (стрф. 6); солдатъ своихъ императоръ „громко кличетъ", надѣясь на ихъ отзывчивость, а маршаловъ, на коихъ не такъ разсчитываетъ, онъ „грозно зоветъ" (стрф. 11).

Нельзя, положимъ, сказать, чтобы цедлицевскій „Корабль-привидѣніе" вовсе былъ лишенъ красотъ [1]), и за его авторомъ во всякомъ случаѣ остается заслуга, что онъ подсказалъ Лермонтову прекрасный сюжетъ [2]), но рѣшительно слѣдуетъ повторить сужденіе, высказанное уже Болдаковымъ, и ранѣе княземъ Вл. Өед. Одоевскимъ [3]), что лермонтовское стихотвореніе, въ условныхъ предѣлахъ фантастичности, гораздо естественнѣе, и притомъ проще, а вмѣстѣ съ тѣмъ красивѣе.

---

[1]) Не отношу однако къ нимъ, какъ видно изъ предыдущаго, заключительной строфы, хотя ее похвалилъ Дюпенъ, и Бархинъ (ср. стран. II. прим. 2), видно, съ нимъ соглашается.

[2]) Спрашивается, впрочемъ, изобрѣлъ ли Цедлицъ самъ свое фантастичное плаванье, или нашелъ гдѣ-нибудь уже готовую легенду.

[3]) Одоевскій отмѣтилъ, что постановка у Лермонтова шире, призраки живѣе и чувство глубже. См. выше цитованное Болдаковское изданіе Лермонтова, томъ II. стран. 373.

Д. Кончаловскій.

Къ вопросу объ упадкѣ хлѣбопашества въ Италіи въ концѣ римской республики.

(Критическая замѣтка).

Въ началѣ своего сочиненія о земледѣліи Катонъ [1]), сравнивая доходность различныхъ видовъ земледѣлія, говоритъ слѣдующее: praedium quod primum sit, si me rogabis, sic dicam: de omnibus agris optimoque loco jugera agri centum: vinea est prima, si vino bono vel si vino multo est, secundo loco hortus inriguus, tertio salictum, quarto oletum, quinto pratum, sexto campus frumentarius, septimo silva caedua, octavo arbustum, nono glandaria silva.

Въ этихъ словахъ Катона новая историческая литература видитъ классическое свидѣтельство упадка доходности воздѣлыванія хлѣбныхъ злаковъ и упадка хлѣбопашества въ Италіи вообще, ярко обнаружившагося уже въ эту эпоху, т. е. въ началѣ II-го в. до Р. Х. Въ тѣсную связь съ упадкомъ хлѣбопашества новые историки приводятъ также упадокъ независимаго крестьянскаго сословія, для котораго былъ не подъ силу переходъ къ новымъ видамъ культуры оливки и винограда, требующимъ болѣе интенсивной обработки и большей затраты капитала [2]).

---

[1]) Cato, de agricultura, I, 6 (Ed. Keil).

[2]) Mommsen. Röm. Gesch. (6 изд.) p. 826 ss. ставитъ упадокъ крестьянскаго хозяйства въ связь съ привозомъ въ Римъ сицилійскаго хлѣба

Правда, объ обезземеленіи крестьянства въ эту эпоху говорятъ намъ какъ другіе источники [3]) такъ и событія, аграрная революція, начатая Гракхами; но самый фактъ этого упадка крестьянскаго сословія и поглощенія мелкой собственности крупнымъ землевладѣніемъ новые историки приписываютъ паденію доходности хлѣбопашества, которое явствуетъ изъ вышеприведеннаго сравненія Катона.

Намъ кажется, что въ истолкованіи этого сравненія изслѣдователи дѣлаютъ одно весьма важное упущеніе, и только благодаря этому упущенію оно пріобрѣтаетъ такое широкое и общее значеніе; понятое правильно это сравненіе никакъ не допускаетъ вывода относительно доходности земледѣльческихъ культуръ, о которыхъ идетъ рѣчь, въ общемъ оборотѣ италійскаго хозяйства. Такой выводъ былъ бы возможенъ, если бы Катонъ сравнивалъ общую доходность винодѣлія, оливководства, садоводства, хлѣбопашества и проч. въ Италіи. Однако, его сравненіе относится лишь къ одному конкретному случаю, къ одной опредѣленной единицѣ. Эта единица—jugera agri centum, участокъ въ 100 югеровъ, т. е. 25 нашихъ десятинъ. Такая ограниченность величины участковъ лишаетъ сравненіе общаго значенія. Не только невозможно судить о доходности хлѣбопашества сравнительно, напр., съ винодѣліемъ въ Италіи, вообще, но и нельзя сказать, въ ка-

---

и низкими цѣнами на него благодаря ошибочной политикѣ сената, а также съ тѣмъ, что крестьянинъ не могъ обратиться къ новымъ, болѣе прибыльнымъ видамъ культуры и къ новой системѣ хозяйства съ помощью рабовъ, ибо необходимыя для этого затраты были доступны только крупнымъ землевладѣльцамъ (см. особенно p. 838). Свое заключеніе объ упадкѣ доходности хлѣбопашества онъ выводитъ изъ свидѣтельства Катона (p. 839, прим.). См. также Duruy. Hist. des Romains, II (1891), p. 40, прим. 5.— Ничъ. Исторія римск. респ. (русск. пер.), p. 247.— C. Neumann. Gesch. Roms während des Verfal. der Repub. I, p. 86. (Превращеніе крестьянства въ пролетаріатъ Нейманнъ выводитъ изъ упадка хлѣбопашества вслѣдствіе его низкой доходности). — G. Bloch. La république romaine (1913), p. 151. Nissen. Italische Landeskunde II, p.p. 91, 92.—Weber Röm. Agrargesch. pp. 226, 227 и прим. 22. — Salvioli. Le capitalisme dans le monde antique. p. 190. —Sorlin-Dorigny, статья Rustica res (y Daremberg et Saglio IV, p. 919). —К. Седергольмъ. О жизни и сочиненіяхъ Катона Старшаго (М 1857). p. 78. — Gummerus. Der röm. Gutsetrieb nach Cato, Varro und Columella, p. 19, s. (о немъ см. ниже прим. 4).—bBlümner, Röm Privatalterl. p. 576 и прим. 7 (придаетъ сравненію Катона общее значеніе, однако упадокъ хлѣбопашества и крестьянства выводитъ изъ другихъ явленій. См. p. 539, s.).

[3]) Ср. классическое мѣсто Аппіана, b. c. I, 7.

кое отношеніе стали бы сравниваемые виды культуры при иной величинѣ сопзмѣряемыхъ участковъ. Вѣдь ясно, что при такомъ сравненіи учитывается отношеніе затраты къ выручкѣ, а послѣдняя зависитъ отъ размѣровъ возможнаго сбыта, который будетъ различенъ въ зависимости отъ большаго или меньшаго количества предлагаемаго продукта; а такъ какъ спросъ на вино, садовые фрукты и оливку болѣе ограниченъ нежели спросъ на хлѣбъ, то и понятно, что слишкомъ большое количество этихъ продуктовъ, сравнительно дорогихъ и трудно сохраняемыхъ и перевозимыхъ, рискуетъ не найти сбыта, тогда какъ меньшее количество ихъ не останется безъ покупателя, а вслѣдствіе хорошей цѣны даетъ большій доходъ. Къ этому присоединяется еще и техническая трудность, если не прямо невозможность, садоводства и винодѣлія въ болѣе крупныхъ размѣрахъ. Для хлѣбнаго же поля вопросъ о розмѣрѣ производства не играетъ такой роли, ибо хлѣбъ есть предметъ первой необходимости; и хотя избытокъ дохода надъ расходомъ не столь высокъ, какъ при другихъ культурахъ, однако возможность сбыта вѣрнѣе, независимо отъ величины участка. Вотъ почему Катонъ ограничиваетъ свое сравненіе опредѣленной и притомъ небольшой мѣрой поля. Поэтому намъ и кажется неоспоримымъ, что для иныхъ единицъ сравненія, напр., для участковъ въ 500 или 1000 юг. соотношеніе величинъ должно выйти иное, и что, слѣдовательно, изъ разбираемаго нами мѣста Катона невозможно сдѣлать никакихъ далеко идущихъ заключеній [4]).

Узкое значеніе сравненія Катона усиливается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что каждый сравниваемый участокъ Катонъ

[4]) Изъ изслѣдователей, трактовавшихъ наше мѣсто Катона, сколько мы знаемъ, одинъ лишь Gummerus обратилъ вниманіе на то, что сравненіе прилагается только къ участкамъ въ 100 юг. Авторъ не дѣлаетъ однако правильнаго вывода и, основываясь также на томъ, что Катонъ свое сочиненіе посвящаетъ почти исключительно оливкѣ и винограду, заключаетъ на стр. 19: „Wir sehen also, dass Cato den Wein- und Oelbau als den Schwerpunkt der italischen Landwirtschaft betrachtet". Отсюда болѣе общій выводъ на стр. 20: „Dieser Umstand, dass der Wein- und Oelbau die Grundlage des Gutsbetriebes ist, wie er in Catos Buche hervortritt, entspricht den allgemeinen wirtschaftlichen Verhältnissen des damaligen Italien. Wie die geschichtliche Entwickelung seit der Mitte des dritten Jahrhunderts v. Chr. und besonders nach dem hannibalischen Kriege einen allgemeinen Rückgang des Getreidebaues in Italien und damit den Ruin der kleinen Grundbesitzer verursachte, ist bekannt". А между тѣмъ авторъ самъ указываетъ, что сравненіе Катона не противорѣчитъ его же признанію боль-

представляетъ себѣ въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ сбыта. Такъ по нашему мнѣнію надо понимать слова optimo loco. Гдѣ либо подъ городомъ 100 юг. сада или виноградника должны были давать болѣе высокій доходъ нежели такой же участокъ хлѣбнаго поля, ибо хлѣбъ продуктъ болѣе дешевый и распространенный. Что Катонъ имѣетъ въ виду именно такіе спеціальные случаи, это явствуетъ изъ комментарія Плинія къ этому мѣсту [5]), который ставитъ доходность сада въ связь съ близостью города, а доходность виноградника съ крупной затратой на его обработку.

Итакъ, сравненіе Катона беретъ лишь одинъ случай частнаго хозяйства, а потому и имѣетъ только частное значеніе и дѣлать изъ него выводъ, характеризующій положеніе народнаго хозяйства въ области земледѣлія мы считаемъ ошибкой.

Намъ однако могутъ возразить, что къ такому заключенію можно притти и другимъ путемъ, опять-таки исходя изъ сравненія Катона. Пусть мы имѣемъ въ немъ не общій выводъ изъ статистическихъ данныхъ народнаго хозяйства, пусть нашъ авторъ высказываетъ лишь свои частныя наблюденія въ предѣлахъ небольшого хозяйства. Если его взглядъ раздѣлялся современниками и ближайшими поколѣніями сельскихъ хозяевъ, то убѣжденіе это, ставъ общимъ, должно было по крайней мѣрѣ въ сферѣ средняго землевладѣнія вызвать переходъ къ видамъ культуры, признаннымъ болѣе выгодными. Однако очевидно, что такому переходу была положена граница пониженіемъ цѣнъ на продуктъ, производство котораго увеличилось бы именно благодаря указанной тенденціи. Не даромъ поэтому сравненіе Катона оспаривалось уже въ слѣдующемъ поколѣніи. У Варрона одинъ изъ собесѣдниковъ говоритъ по поводу мнѣнія Катона: contra vineam sunt qui putant fructum sumptu devorare [6]), и въ свою очередь приводитъ взглядъ, по которому наиболѣе дохода приноситъ лугъ. Но и здѣсь имѣется въ виду спеціальный случай, какъ это

шей доходности скотоводства, ибо маленькая единица сравненія къ послѣднему неприложима. Отсюда по нашему мнѣнію слѣдуетъ, что бо́льшая единица сравненія должна дать и иное соотношеніе доходностей. Фельсбергъ, Братья Гракхи, p. 52, тоже обратившій вниманіе на ограниченность сравненія Катона, не дѣлаетъ отсюда правильнаго вывода.

[5]) Plinius, h. n. XVIII, 29.

[6]) Varro, r. rust. I, 8, 1.

явствуетъ изъ примѣра, приводимаго тутъ же: говорящій имѣетъ въ виду campi Roseae [7]). Исключительность этого примѣра подтверждаетъ предположеніе, что наши авторы берутъ спеціальные, выдающіеся случаи, „optimo loco", какъ выражается Катонъ. Мы думаемъ, что наблюденія того времени отражали лишь преходящій моментъ хозяйства и не давали прочныхъ убѣжденій въ преимуществахъ какой-либо культуры; поэтому взгляды отдѣльныхъ хозяевъ не могли быть сильнымъ побудителемъ къ исключительному предпочтенію какой-либо отрасли земледѣлія. А если такой переходъ и имѣлъ мѣсто временами, то паденіе цѣнъ на соотвѣтствующій продуктъ вслѣдствіе перепроизводства должно было останавливать его, и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ стремительнѣе совершался переходъ. Къ тому же наши авторы даютъ указанія на условія, которыя опредѣляли выборъ тѣхъ или другихъ отраслей культуры, и вообще содержатъ непререкаемыя данныя, свидѣтельствующія, что хлѣбопашество въ концѣ республики было далеко не въ такомъ упадкѣ, въ какомъ его обыкновенно изображаютъ.

Изъ этихъ указаній можно видѣть, что распространеніе винограда и оливки насчетъ хлѣбныхъ злаковъ былъ положенъ предѣлъ географическими условіями и качествомъ почвы различныхъ областей Италіи. Оба различаютъ почву въ зависимости отъ ея мѣстоположенія и качества, какъ годную для оливки, винограда или хлѣбнаго поля [8]). И ни однимъ словомъ наши авторы не упоминаютъ о возможности приспособлять искусственными мѣрами почву для той именно культуры, которая считалась наиболѣе прибыльной. Въ ихъ описаніяхъ не видно даже попытокъ такого приспособленія. А это, намъ кажется, должно было бы имѣть мѣсто, если бы виноградъ и оливка стремились во что бы то ни стало поглотить хлѣбъ.

Самыя сочиненія обоихъ авторовъ даютъ вполнѣ опредѣленное впечатлѣніе, что хлѣбопашество далеко не подавлено своими конкуррентами. Если Катонъ мало говоритъ о немъ, то причина заключается въ томъ, что это не входитъ въ спеціальную задачу

---

[7]) О campi Roseae см. Nissen, Italische Landeskunde, II, p. 473 и пр. 3 и 4.

[8]) Cato, 6, 1, 2; Varro, I, 6, 5; idem I, 7, 5: refert enim quae res in eo (scil. agro) seri nasciue et ejusmodi possint: non enim eadem omnia in eodem agro recte possunt. nam ut alius est ad vitem adpositus, alius ad frumentum, sic de ceteris alius ad aliam rem. См. также I, 23, 1.

его книги, посвященной только винограднику и оливковой плантаціи. И если въ описанномъ имъ хозяйствѣ оливка воздѣлывается на сбытъ, а хлѣбъ производится преимущественно для собственнаго потребленія и продается лишь въ случаѣ избытка [9]), изъ этого нельзя дѣлать выводъ, будто бы вообще хлѣбъ на продажу не воздѣлывался [10]). Отсюда можно заключить только, что имѣнія часто спеціализировались на одномъ видѣ культуры, и такое заключеніе подтверждаетъ Варронъ [11]). Но въ хозяйствѣ Катона неоднократно упоминается хлѣбопашество [12]). Гораздо больше мѣста удѣляетъ ему Варронъ, сочиненіе котораго посвящено равномѣрно всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства. Наряду съ обсужденіемъ способовъ воздѣлыванія винограда и оливки много вниманія посвящено воздѣлыванію хлѣба. Варронъ занятъ вопросами о наилучшихъ способахъ его сѣянія, жатвы и уборки [13]). При наличности всѣхъ этихъ данныхъ утверждать, что хлѣбопашество находилось въ забросѣ, значитъ не видѣть дѣйствительности или умышленно подгонять факты подъ теорію. Ясно, что интересъ къ нему былъ не меньше, нежели къ винограднику и оливкѣ. И потому нѣтъ ничего удивительнаго, если мы узнаемъ, что и теперь еще хлѣбные злаки составляютъ славу различныхъ областей и даютъ прекрасные урожаи. Этрурія родитъ самъ 15, область Сибариса даже самъ 100 [14]). „Какую полбу сравню съ кампанской, какую пшеницу съ апулійской?“ восклицаетъ Варронъ [15]), и говоря, что Италія похожа на воздѣланный садъ, онъ сравниваетъ ее съ областью Аргоса, который еще поэтомъ былъ прославленъ, какъ *πολύπυρον* [16]). Если эти сравненія и содержатъ

---

[9]) Cato, 2, 7.

[10]) Такое заключеніе дѣлаетъ Blümner, Röm. Privatalterth. p. 546. Также Weber, Röm. Agrargesch. p. 223 не принимаетъ во вниманіе, что Катонъ говоритъ о спеціальномъ случаѣ хозяйства.

[11]) Varro, I, 11, 2: Dubium enim non est quin cella vinari major sit facienda in eo agro, ubi vineta sint, ampliora ut horrea, si frumentarius ager est.—Idem I, 16, 2: multi enim habent in praediis, quibus frumentum aut vinum aliudve quid desit importandum; contra non pauci, quibus aliquid sit exportandum.

[12]) Cato, 2, 1, 3, 4, 5, 7; 28; 34, 2; 35, 1, 2; 61, 1; 92; 137.

[13]) Varro, I, 23, 42 — о сѣяніи; 29, 1, 2 — о запашкѣ; 44—объ урожайности; 50 — о жатвѣ; 51, 1 — объ устройствѣ гумна; ср. также I, 31; 31; 32; III, 16, 33.

[14]) Varro, I, 44, 1, 2.

[15]) idem, I, 2, 6.

[16]) idem, I, 2, 7.

извѣстную долю преувеличенія, то все же изъ описанія Варрона никакъ нельзя заключить объ упадкѣ хлѣбопашества [17]).

Тацитъ говоритъ [18]), что въ его время хлѣбъ изъ Италіи болѣе не вывозили. Если это прекращеніе вывоза представляетъ уже явленіе нашей эпохи, то все же позволительно сомнѣваться, что оно нанесло тяжелый ударъ хлѣбопашеству Италіи. Вѣдь для этого надо быть увѣреннымъ, что именно вывозъ за границу, а не мѣстное потребленіе было основой его процвѣтанія въ доброе старое время, о которомъ вспоминаетъ Тацитъ. Области внутреннія и даже близкія къ морю, но лишенныя удобныхъ портовъ, во всякомъ случаѣ не могли посылать свой хлѣбъ за границу. Обмѣнъ даже въ самой Италіи очень большихъ районовъ не захватывалъ за немногими исключеніями. Разумѣется, самодовлѣніе и замкнутость вовсе не были цѣлью хозяйства въ италійскомъ помѣстьѣ. Но данныя нашихъ авторовъ свидѣтельствуютъ, что хотя преимущества обмѣна и были признаны, особенная интенсивность его не считалась conditio sine qua non даже раціональнаго хозяйства. Замѣчательно, что Варронъ, писавшій болѣе ста лѣтъ спустя послѣ Катона, только повторяетъ соображенія своего предшественника на этотъ счетъ [19]). Нечего и говорить о томъ, какъ должно было затруднять обмѣнъ во II в. до Р. Х. отсутствіе commercium'a союзниковъ между собою. Вслѣдствіе этой слабости обмѣна на далекія разстоянія привозъ хлѣба въ Римъ

---

[17]) Въ кн. II, 6, 5, Варронъ говоритъ о вывозѣ хлѣба изъ Апуліи къ морю: greges fiunt fere mercatorum, ut eorum qui e Brindisino aut Apulia asellis dossuariis conportant ad mare oleum aut vinum itemque frumentum aut quid aliud.

[18]) Tacitus. Ann. XII. 43.

[19]) Cato, 1, 3:. . . oppidum validum prope siet aut mare aut amnis, qua naves ambulant, aut via bona celebrisque. Изъ того, что говоритъ объ обмѣнѣ Варронъ по нашему мнѣнію явствуетъ, что для имѣнія всего болѣе значенія имѣетъ именно близкое сосѣдство, а возможность обмѣна на очень далекое разстояніе, какъ нормальное явленіе, даже не предполагается. Varro I, 16, 2: quae vicinitatis invectas habent idoneas, quae ibi nascuntur ubi vendant, et illinc invectas opportunas quae in fundo opus sunt, propter ea fructuosa. § 6: eundem fundum fructuosiorem faciunt vecturae, si viae sunt, qua plaustra agi facile possint, aut flumina propinqua, qua navigari possit. Для средняго помѣстья Варронъ считаетъ нормальнымъ имѣть все поблизости, ибо обзавестись всѣмъ необходимымъ у себя разорительно, а доставать издалека дорого и связано съ большой потерей времени.

Объ ограниченности обмѣна правильно говоритъ Weber, Röm. Agrargesch. p. 224.

изъ провинцій тоже не могъ подорвать италійскаго хлѣбопашества [20]). Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы этотъ хлѣбъ ввозился также и во многіе города Италіи, римскій же рынокъ не могъ имѣть значенія для отдаленныхъ мѣстностей [21]).

Указанное нами узкое и относительное значеніе сравненія Катона лишаетъ взглядъ на упадокъ италійскаго хлѣбопашества, господствующій въ наукѣ, одной изъ главныхъ его опоръ. Объ упадкѣ хлѣбопашества и вообще земледѣлія въ Италіи въ концѣ республики говорить преждевременно.

Полная жизни картина, нарисованная Варрономъ, интересъ къ вопросамъ техники земледѣлія, проявляемый его собесѣдниками, разнообразіе мнѣній въ средѣ его современниковъ, сельскихъ хозяевъ, одушевленіе, съ какимъ воспѣваютъ земледѣліе Георгики Виргилія, все это говоритъ намъ, что оно занимаетъ еще огромное мѣсто въ народномъ хозяйствѣ Италіи. Эти реальныя и живыя описанія, по нашему мнѣнію, говорятъ ярче и убѣдительнѣе, нежели тѣ отрывочныя или патетическія сентенціи, на которыя ссылаются обычно [22]), когда говорятъ о вытѣсненіи

---

[20]) Мы присоединяемся къ мнѣнію Weber'a op. cit. p. 224. и Salvioli, Le capitalisme etc. p. 173.

[21]) Издержки на провозъ заграничнаго хлѣба изъ портовъ въ глубь страны повысили бы его цѣну сравнительно съ римской, а это лишало смысла самый его ввозъ извнѣ. Провозъ по сухому пути очевидно стоилъ дорого. Потому то дешевизна хлѣба въ Цизальпинской Галліи не представляла опасности для италійскаго хлѣбопашества, такъ какъ Полибій ни слова не говоритъ о ввозѣ его въ Италію (Polyb. II, 15). Наоборотъ, и въ самомъ концѣ республики бывали случаи, когда Римъ нуждался въ италійскомъ хлѣбѣ. Объ этомъ см. ниже прим. 24.

[22]) Cicero, de off. II, 25, 89: ex quo genere comparationis illud est Catonis senis: a quo cum quaereretur, quid maxime in re familiari expediret? respondit: „bene pascere“; quid secundum? „satis bene pascere“. quid tertium? „male pascere“. quid quartum? „arare“. Это заявленіе Катона по самой своей обостренной формѣ слишкомъ похоже на парадоксъ; оно представляетъ лишь отрывочное и голое утвержденіе, и мы думаемъ, что невозможно безусловно довѣриться ему и видѣть въ немъ отраженіе неоспоримаго и общераспространеннаго явленія. Къ тому же мы не знаемъ, какіе факты и въ какихъ условіяхъ беретъ Катонъ, высказывая свой афоризмъ. Относительность его сравненія въ de agricultura рекомендуетъ особенную осторожность въ выводахъ.

Патетическое восклицаніе Варрона о вытѣсненіи пашни лугами (Varro, II, 1, 3, 4) не мирится съ его общей картиной земледѣлія, и въ концѣ концовъ ему можетъ быть противупоставлено другое краснорѣчивое восклицаніе насчетъ Италіи: ego vero, Agrius, nullam arbitror esse

земледѣлія скотоводствомъ, наступавшемъ уже теперь почти повсемѣстно въ Италіи. Довѣряясь безъ оглядки такимъ сентенціямъ, не рискуемъ ли мы субъективныя мнѣнія или единичные факты возвести на степень общихъ явленій? Событія, современникомъ которыхъ былъ Варронъ и которыя описаны Аппіаномъ, подтверждаютъ наши выводы относительно важности земледѣлія въ экономической жизни Италіи этой эпохи. Голодъ, наступившій въ Римѣ во время борьбы тріумвировъ съ Брутомъ и Кассіемъ, былъ вызванъ не только тѣмъ, что Секстъ Помпей отрѣзалъ морскіе пути, но и тѣмъ, что вслѣдствіе войны италійское земледѣліе находилось въ застоѣ. Италійскаго хлѣба хватало только на продовольствіе войскъ [23]). Несмотря на войну, хлѣбъ все же удалось собрать въ Римѣ и притомъ, повидимому, изъ Италіи, ибо подвозъ извнѣ все еще не возобновлялся [24]). Во время войны населеніе Рима и Италіи наряду съ такими бѣдствіями, какъ частые наборы рекрутъ и притѣсненія солдатчины, страдало отъ застоя земледѣлія и отъ голода [25]). Значеніе земледѣлія, обнаруживающееся въ этомъ разсказѣ, вполнѣ гармонируетъ съ его картиной у Варрона.

Мы думаемъ, что отрицательный взглядъ современной науки имѣетъ основаніе не столько въ источникахъ, сколько въ общей схемѣ, по которой строится развитіе Рима этой эпохи. Упадокъ хлѣбопашества вызвалъ исчезновеніе класса среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, а на этой почвѣ и погибли республиканскія учрежденія, безсильныя помочь ему, и на ихъ развалинахъ выросла новая монархія, призваніемъ и задачей которой было спасти крестьянство, такъ же, какъ въ IV в. до Р. Х. оно было спасено отъ упадка распространеніемъ господства Рима на всю Италію [26]). Въ угоду такой схемѣ факты, ставшіе общимъ явленіемъ и обна-

---

quae tam tota sit culta, и далѣе: non arboribus consita Italia, ut tota pomarium videatur? (I, 2, 3).

23) b. c. V, 18:... *τὴν δὲ Ῥώμην λιμὸς ἐπίεζεν, οὔτε τῆς θαλάσσης τι αὐτοῖς φερούσης διὰ Πομπήιον, οὔτε τῆς Ἰταλίας διὰ τοὺς πολέμους γεωργουμένης. Ὁ δὲ καὶ γένοιτο, ἐς τοὺς στρατοὺς ἐδαπανᾶτο.*

24) App. b. c. V, 34 и 67.

25) App. b. c. V, 74: (узнавъ о мирѣ между тріумвирами и Секстомъ Помпеемъ) *ἥ τε πόλις καὶ ἡ Ἰταλία ἐπαιώνιζον αὐτίκα ἅπαντες ὡς ἐπὶ εἰρήνῃ, πολέμου τε ἀπαλλαγέντες ἐπιχωρίου καὶ ζεναγήσεως πίων καὶ φρουρῶν ὑβρεως καὶ γεωργίας ἀργίας, ὑπὲρ ἅπαντα δὲ τοῦ λιμοῦ...*

26) Весь взглядъ Маммзена на развитіе Рима построенъ на признаніи, что устарѣлыя учрежденія не могли выполнить новыхъ задачъ: провинціальнаго управленія, равноправія союзниковъ и особенно возрожденія

ружившіеся во всей силѣ лишь въ эпоху имперіи, переносятся назадъ, въ предшествующій періодъ и возводятся даже на степень важной причины политической эволюціи Рима.

Однако цѣлый рядъ фактовъ свидѣтельствуетъ, что еще рано говорить объ исчезновеніи средняго и мелкаго землевладѣнія въ концѣ республики. По нашему мнѣнію, Катонъ и Варронъ нормальнымъ и наиболѣе распространеннымъ типомъ землевладѣнія считаютъ имѣніе средней величины. Образцовое хозяйство Катона ведется на участкахъ въ 100 и 240 югеровъ. Варронъ свои техническіе совѣты примѣняетъ къ участкамъ разнообразной величины. Но говоря о значеніи сосѣдней области для имѣнія, онъ выдѣляетъ крупныя помѣстья въ особую, исключительную категорію наряду съ городскими центрами и противупоставляетъ ихъ имѣніямъ средняго размѣра, какъ нормальному, наиболѣе распространенному типу [27]). Далѣе изъ обоихъ авторовъ явствуетъ, какъ тѣсно связано это хозяйство съ обиліемъ рабочихъ рукъ свободныхъ крестьянъ, которыхъ только частью надо представлять себѣ въ качествѣ безземельныхъ батраковъ, ибо тотъ же Варронъ говоритъ о plerique pauperculi, воздѣлывавшихъ свой участокъ съ помощью семьи [28]). Что положеніе

крестьянства. Необходимость разрѣшить эти задачи вызвала стремленіе къ монархіи, которому народъ слѣдовалъ часто безсознательно, по инстинкту (напр. выбирая себѣ вождемъ неспособнаго Марія); эта же необходимость оправдываетъ узурпацію Цезаря и созданіе имперіи.

[27]) Varro. I, 16, 3: item si ea oppida aut viciniae aut etiam divitum copiosi agri ac villae, unde non care emere possis quae opus sunt in fundum, quibus quae supersint venire possint... и далѣе § 4: itaque in hoc genus coloni potius anniversarios habent vicinos, quibus imperent, medicos, fullones, fabros, quam in villa suos habeant: quorum non numquam unius artificis mors tollit fundi fructum quam partem lati fundi divites domesticae copiae mandare solent. Соображенія, которыми Gummerus, p. 57, старается ослабить значеніе этой главы, совершенно неубѣдительны. Тутъ же Варронъ высказываетъ о сосѣдствѣ такія соображенія, которыя были важны лишь для мелкихъ собственниковъ, использовавшихъ каждый клочекъ, каждую полосу своего участка (§ 6): refert etiam ad fundi fructus, quem ad modum vicinus in confinio consitum agrum habeat si enim ad limitem querquetum habet, non possis recte secundum eam silvam serere oleam, quod usque eo est contrarium natura, ut arbores non solum minus ferant, sed etiam fugiant, ut introrsum in fundum se reclinent, ut vitis adsita ad holus facere solet. ut quercus, sic jugulandes magnae et crebrae finitimae fundi oram faciunt sterilem. Кстати еще замѣтимъ, что Варронъ говоритъ о существованіи среднихъ имѣній въ Апуліи, этой классической области латифундій. См. I, 29, 2.

[28]) Varro, I, 17, 2.

этихъ бѣдняковъ было не всегда безысходно, мы видимъ изъ примѣра двухъ братьевъ солдатъ, служившихъ въ испанской арміи подъ командой Варрона, которые разбогатѣли, разведя пчелъ на своемъ наслѣдственномъ югерѣ земли [29]).

Правда, описаніе Аппіана [30]) и аграрные законы Гракховъ свидѣтельствуютъ о бѣдствіяхъ римскаго крестьянства къ серединѣ II в. до Р. Х. Но описаніе Аппіана нельзя распространять на всю Италію [31]), а уравненіе правъ союзниковъ съ римлянами должно было измѣнить отношенія въ массѣ обновленнаго гражданства, охватившаго теперь все населеніе Италіи. Рисуя мрачными красками положеніе крестьянства въ слѣдующія десятилѣтія, новые историки преувеличиваютъ значеніе такихъ свидѣтельствъ, какъ ламентаціи Саллюстія [32]) или отрывочное заявленіе трибуна Филиппа [33]).

Весь смыслъ событій послѣднихъ дѣсятилѣтій республики краснорѣчиво говоритъ о многочисленности средняго класса и его важномъ значеніи въ политической борьбѣ. Откуда взялись бы эти сотни когортъ союзнической войны и сулланскихъ междоусобій, эти десятки легіоновъ, которые шли за тріумвирами, если бы крестьянство Италіи было такъ ничтожно, какъ его изображали? Предполагать, что эти арміи набирались исключительно или даже преимущественно среди пролетаріата, ошибочно. Помпей вербовалъ солдатъ для Суллы среди крестьянъ Пиценума, наборъ солдатъ противъ Цезаря производился въ средѣ собственниковъ и приводилъ ихъ въ немалое раздраженіе противъ партіи сената [34]). Цицеронъ, который съ трепетомъ прислушивался къ настроенію всѣхъ круговъ общества во время борьбы Цезаря съ Помпеемъ, не мало говоритъ о сельскихъ жителяхъ. Ихъ симпатіямъ онъ также придаетъ значеніе, какъ и настроенію выс-

---

[29]) Varro, III, 16, 10, 11.

[30]) App. b. c. I, 7.

[31]) Такъ дѣлаетъ напр. E. Meyer, Untersuchungen zur Geschichte der Gracchen, p. 13. Описаніе Аппіана страдаетъ анахронизмами и противорѣчитъ его собственному изображенію роли союзниковъ въ дальнѣйшихъ событіяхъ. Ср. мѣткое замѣчаніе Wilamowitz-Möllendorf. Griech. Lesebuch. Erläuterungen, I Halbb. p. 73. (Не имѣя книги подъ рукой, дѣлаю ссылку по Фельсбергу).

[32]) Sallust. b. jug. 41.

[33]) У Цицерона de off. II, 21, 73. Оба свидѣтельства говорятъ къ тому же о римскихъ, а не общеиталійскихъ отношеніяхъ.

[34]) Cicero, ad Att. VIII, 12, B, 2; 12, D, 1; IX, 19, 1; VII, 14.

шихъ круговъ, сенаторовъ и всадниковъ, этихъ ordines bonorum Въ его письмахъ неоднократно идетъ рѣчь объ agricolae, rustici Romani и municipales homines [35]). Такое вниманіе было бы непонятно, если бы средній классъ не представлялъ значительную общественную силу. Къ такой характеристикѣ его много прибавляетъ зрѣлище событій, разыгравшихся въ Италіи послѣ смерти Цезаря. Если кризисъ 40-хъ годовъ до Р. Х. былъ столь продолжителенъ и ужасенъ, если онъ до основанія потрясъ всю страну, то именно потому, что онъ поразилъ не небольшую сравнительно группу землевладѣльцевъ-капиталистовъ, какъ революція Гракховъ, а массы среднихъ и мелкихъ собственниковъ, весь средній классъ Италіи, на который обрушилась сила солдатскаго произвола. Историкъ гражданскихъ войнъ живо рисуетъ намъ, какъ цвѣтущія общины, славныя плодородіемъ своихъ полей, были отданы въ добычу солдатамъ [36]), какъ толпы земледѣльцевъ, охваченные отчаяніемъ, со всѣхъ концовъ Италіи потянулись въ Римъ, старики и молодые, съ женами и дѣтьми [37]), чтобы слезами вымолить у знатныхъ покровителей защиту отъ грозящаго разоренія [38]). Когда просьбы оказались безуспѣшны, они горячо откликнулись на призывъ младшаго Антонія, объявившаго себя защитникомъ гонимыхъ [39]), и, если бы не ошибки вождя, война, прозванная Перузинской, превратилась бы въ возстаніе всей Италіи противъ тріумвировъ [40]). Свидѣтельство этихъ событій въ высшей степени краснорѣчиво. Жадность солдатъ направлена не противъ богачей, которые уже принесли свою жертву въ про-

[35]) Cicero, ad Att. VII, 7, 5; VIII, 11, B, 3; 13, 2: multum mecum municipales homines loquuntur, multum rusticani; nihil prorsus aliud curant nisi agros, nisi villulas, nisi nummulos suos (отсюда видно, что это мелкіе хозяева).

Idem. IX, 15, 3; 19, 1.

[36]) App. b. c. IV, 3.

[37]) idem, V, 12:... *καὶ αἱ πόλεις ἠξίουν τὴν Ἰταλίαν ἅπασαν ἐπινείμασθαι τὸ ἔργον, ἢ ἐν ἄλλαις διαλαχεῖν, τῆς τε γῆς τιμὴν τοὺς δωρουμένους ᾔτουν, καὶ ἀργύριον οὐκ ἦν, ἀλλὰ συνιόντες ἀνὰ μέρος ἐς τὴν Ῥώμην οἵ τε νέοι καὶ γέροντες, ἢ αἱ γυναῖκες ἅμα τοῖς παιδίοις, ἐς τὴν ἀγορὰν ἢ τὰ ἱερά, ἐθρήνουν, οὐδὲν μὲν ἀδικῆσαι λέγοντες, Ἰταλιῶται δὲ ὄντες ἀνίστασθαι γῆς τε καὶ ἑστίας οἷα δορίληπτοι.*

[38]) idem. V, 19: *τούς τε γεωργούς, ὅσοι τῆς γῆς ἀφῃροῦντο, ἱκέτας γιγνομένους τῶν δυνατῶν ἑκάστου μόνος ὑπεδέχετο καὶ βοηθήσειν ὑπισχνεῖτο* (Л. Антоній).

[39]) idem V, 27.

[40]) Часть согнанныхъ съ своихъ владѣній земледѣльцевъ примкнула къ Сексту Помпею и возвратилась въ Италію послѣ Мизенскаго мира. См. App., V, 53 и 74.

скрипціяхъ тріумвировъ, но противъ огромной части средняго класса Италіи, противъ ихъ виллъ, виноградниковъ и хлѣбныхъ полей, на которыхъ спѣшатъ водвориться ветераны, личные сподвижники претендентовъ, замѣнивъ собою старыхъ хозяевъ, ихъ противниковъ или нейтральныхъ зрителей борьбы.

Latifundia perdidere Italiam, скажетъ Плиній на исходѣ перваго вѣка нашей эры. Этотъ печальный результатъ экономическаго развитія Италіи подготовлялся издалека. Для современнаго изслѣдователя, который мгновенно охватываетъ явленія, раздѣленныя огромнымъ пространствомъ времени, очень легко произвести мысленное сближеніе между тѣми моментами, когда они представляютъ лишь отдѣльныя, рѣдкія черты быта, и той эпохой, когда они безъ остатка наполняютъ собой его содержаніе. Но такъ же легко, заимствуя у этой эпохи яркость и выразительность, преувеличить значеніе раннихъ явленій, разсматриваемыхъ нами какъ предвѣстники будущаго. Разстояніе, отдѣляющее насъ отъ событій, столько же затрудняетъ нашу задачу, сколько и облегчаетъ ее. Стремленіе къ обобщенію слишкомъ сильно, возможность найти его слишкомъ соблазнительна, особенно тогда, когда въ этомъ обобщеніи мы надѣемся открыть причину, движущую событіями. Намъ кажется, что такой именно случай представляетъ вопросъ о сельскомъ хозяйствѣ въ Италіи въ концѣ республики. Въ хозяйственной эволюціи римской республики думаютъ найти объясненіе ея эволюціи общественной и политической. Но устанавливая непрерывную преемственность развитія между состояніемъ Италіи послѣ Ганнибаловой войны и ея бытомъ въ эпоху имперіи, упускаютъ изъ вида цѣлый рядъ промежуточныхъ фактовъ, не поддающихся установленной схемѣ и противорѣчащихъ общей характеристикѣ [41]). Въ нашей замѣткѣ мы поставили себѣ задачей обратить внима-

---

[41]) Эта непрерывность развитія представляетъ общее мѣсто въ современныхъ изображеніяхъ исторіи Рима. Характерно напр., какъ Weber, Röm. Agrargesch. p. 230 s, говоря объ уменьшеніи числа мелкихъ собственниковъ послѣ II-й пунич. войны, сразу перескакиваетъ на отношенія эпохи имперіи. Конечно, исходя изъ результата, въ изображеніи аграрной эволюціи, отвлеченной отъ массы явленій, изъ которыхъ слагается вся исторія народа, можно опускать промежуточныя стадіи и разсматривать группы, въ концѣ концовъ исчезнувшія, какъ „не жизнеспособный элементъ“, но изъ общей исторіи событій, пока этотъ элементъ существуетъ и дѣйствуетъ, вычеркивать его, какъ факторъ, значитъ—терять связь между реальными явленіями.

ніе на эти факты, хотя бы и далеко не исчерпывающимъ образомъ, и указать на то, что, только имѣя ихъ въ виду, мы поймемъ значеніе того глубокаго общественнаго кризиса, которымъ сопровождался въ Италіи переходъ отъ республики къ имперіи [12]).

---

[12]) Противорѣчіе двухъ наиболѣе замѣчательныхъ и наиболѣе противуположныхъ взглядовъ на значеніе этого кризиса ,высказанныхъ Моммзеномъ и Ничемъ, какъ намъ кажется можетъ быть сведено къ различію въ пониманіи хозяйственнаго и общественнаго быта Италіи въ эту эпоху. Въ самомъ дѣлѣ, по взгляду Моммзена имперія есть замѣна устарѣлыхъ и негодныхъ учрежденій новыми, которые признаются способными разрѣшить очередную задачу быта Италіи и возродить когда то значительный классъ среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ. Съ этой точки зрѣнія имперія необходима, и самые ужасы, которыми сопровождалось ея торжество надъ республикой, должны быть оправданы. По взгляду Нича имперія въ томъ видѣ, въ какомъ она представлялась умамъ современниковъ Помпея и Цезаря, была направлена какъ разъ противъ интересовъ имущихъ круговъ Италіи, т. е. противъ этого самаго класса среднихъ землевладѣльцевъ, во имя благополучія и успѣха одной лишь группы аристократіи, стремившейся къ перевороту со времени Суллы. Въ этомъ ея ужасъ, и въ этомъ осужденіе даже Цезаря, несмотря на то, что онъ въ отличіе отъ своихъ сподвижниковъ сумѣлъ возвыситься до общеполезныхъ и грандіозныхъ задачъ. Правильность взгляда Нича для насъ представляется несомнѣнной, ибо онъ принимаетъ во вниманіе наличность въ Италіи средняго класса и оцѣниваетъ событія не съ точки зрѣнія отвлеченной схемы, а съ точки зрѣнія значенія ихъ для своего времени, тогда какъ взглядъ Моммзена, не согласуясь съ фактами, заключаетъ рѣзкое противорѣчіе въ себѣ самомъ. Дѣйствительно, указанная задача имперіи—возрожденіе крестьянства — предполагаетъ его исчезновеніе въ эту эпоху. Въ изображеніи исторіи Рима послѣ Гракховъ мы не видимъ у Моммзена крестьянства, какъ самостоятельной величины, какъ фактора событій. Реформы Друза были послѣдней попыткой возродить его, чтобы на немъ укрѣпить господство сената и олигархіи. Далѣе изображеніе Моммзена слѣдить лишь за политической и притомъ „призрачной“ борьбой олигархіи и демократіи или демогогіи. Но когда событія доходятъ до борьбы конституціонныхъ республиканцевъ и претендентовъ, въ изображеніи вдругъ воскресаетъ средній классъ Италіи, о которомъ давно уже не было рѣчи, и не только воскресаетъ, но и является главнымъ носителемъ республиканской традиціи и главнымъ противникомъ претендентовъ.

Оглавленіе.

	Стр.
Предисловіе	I.
П. П. Бороздинъ. Списокъ трудовъ М. К. Любавскаго	III
М. В. Клочковъ. Наказъ Императрицы Екатерины II въ судебной практикѣ	1
Ю. В. Готье. Отзывы губернаторовъ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка объ областномъ управленіи	19
Н. Д. Чечулинъ. Нѣсколько словъ о «старыхъ службъ служилыхъ людяхъ» въ XVIII в.	32
С. А. Котляревскій. Историзмъ и юридическое образованіе . . .	40
К. А. Стратонитскій. «Избныя» пошлины царскаго судебника .	50
В. И. Савва. Замѣтки о боярской думѣ въ XVI в.	55
А. С. Орловъ. Повѣсть кн. Катырева Ростовскаго и Троянская исторія Гвидо де Колумна	73
С. И. Соболевскій. Русскій въ Голландіи въ 1605 году	99
В. С. Протопоповъ*). Къ вопросу о времени происхожденія Большихъ Лоршскихъ анналовъ	101
Н. А. Щербаковъ. Къ вопросу объ одинаковыхъ рисункахъ на древнегреческихъ расписныхъ сосудахъ	105
И. И. Лаппо. Къ вопросу объ утвержденіи Литовскаго статута 1588 г.	130
Проф. С. Ѳ. Платоновъ. Старыя сомнѣнія	172
С. Б. Веселовскій. Замѣтка по исторіи бюджета Московскаго государства XVII вѣка	181
К. И. Успенскій. Наброски о Magna Charta 1215 года	190
А. И. Соболевскій. Русское извѣстіе о послѣднихъ галицкихъ Рюриковичахъ	214
М. М. Богословскій. Петръ Великій по его письмамъ	216
А. Н. Савинъ. Исторія одного восточнаго манора	251
И. С. Рябининъ. Къ вопросу объ отношеніи Станислава Августа Понятовскаго къ революціоннымъ властямъ 1794 г.	280
Л. М. Савеловъ. Князья Ковровы	286
Д. Н. Егоровъ. «Крестовое воззваніе» противъ славянъ 1108 г. .	297
Л. М. Сухотинъ. Къ вопросу о причастности патріарха Гермогена и князя Пожарскаго къ дѣлу перваго ополченія	318
С. К. Шамбинаго. Застава богатырская	347

*) В. С. Протопоповъ погибъ смертью храбрыхъ въ бою подъ Сокалемъ 3 іюля 1915 года.

Стр.

С. К. Богоявленскій. О Пушкарскомъ приказѣ 361
Влад. Мальмбергъ. Къ вопросу о типахъ на чертомлыцкомъ налучѣ. 386
А. К. Кабановъ. Разницы въ Нижегородск. краѣ (пріемы бунта и усмиренія) 413
А. А. Грушка. Полстранички изъ исторіи культуры 429
В. И. Бочкаревъ. Врачебное дѣло и народное призрѣніе въ Россіи XVIII в. 442
В. О. Эйнгорнъ. Воспитательное заведеніе при московскомъ главномъ народномъ училищѣ (1786—1803) 490
А. М. Гнѣвушевъ. Къ исторіи помѣстнаго землевладѣнія въ Новгородской области 524
Б. А. Тураевъ. Божества моря у египтянъ 539
В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа и литовско-русская шляхта 542
В. И. Покровскій. Трактирныя поздравительныя карточки съ масленицей 595
С. А. Бѣлокуровъ. О мѣстѣ заключенія патріарха Гермогена въ 1611—1612 гг. 621
Д. И. Багалѣй. Судьба магистратскаго самоуправленія въ малороссійскихъ городахъ XVII—XVIII вв. 627
С. В. Рождественскій. Академія наукъ и комиссія о сочиненіи проекта Новаго Уложенія 637
А. И. Филиппова. Тяга прибалтійскихъ крестьянъ въ Великороссію въ 1-ой половинѣ XVIII вѣка 646
Е. В. Барсовъ. Четіи Минеи братьевъ Денисовыхъ 663
С. В. Бахрушинъ. Московскій мятежъ 1648 года 709
А. И. Яковлевъ. Засѣчная черта Московскаго государства 775
Р. Ю. Брандтъ. Воскресающій Наполеонъ 778
Д. И. Кончаловскій. Къ вопросу объ упадкѣ хлѣбопашества въ Италіи въ концѣ римской республики 787

Замѣченныя опечатки.

Страница:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
13	6 св.	Сойме-	Сойме
—	12 сн.	примножати	примножати,
36	19 св.	rozumieią c	rozumieiąc
38	7 св.	,удовлетворилъ бы	удовлетворилъ бы,
39	8 сн.	ex	et
42	15 сн.	меи	мети